

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ЕНИСЕЙСКИЕ ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

ВЫПУСК III

Сборник научных статей по материалам
XIII Международной научно-практической конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых (25-27 апреля 2019 г.)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет
Юридический институт

ЕНИСЕЙСКИЕ ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

сборник научных статей по материалам
XIII Международной научно-практической конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых (25–27 апреля 2019 г.)

Электронное научное издание

Красноярск
СФУ
2019

УДК 34
ББК 67.3
Е63

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, профессор И.В. Шишко;
канд. юрид. наук Е.А. Акунченко;
канд. юрид. наук Р.Н. Гордеев;
канд. юрид. наук Г.Л. Москалев

Е63 Енисейские правовые чтения : сборник научных статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (25–27 апреля 2019 г.) [Электронный ресурс] / отв. ред. Е.А. Акунченко, Г.Л. Москалев. – Электрон. дан. – Красноярск: Общественный комитет по защите прав человека, 2019. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I; 128 Mb RAM; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-9500618-4-4

Представлены статьи участников XIII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Енисейские правовые чтения», которая состоялась в Юридическом институте Сибирского федерального университета 25–27 апреля 2019 г.

Предназначено для преподавателей и обучающихся юридических вузов и всех, кто интересуется современными проблемами права.

ISBN 978-5-9500618-4-4

УДК 34
ББК 67.3

© Сибирский федеральный университет, 2019
© Оформление Акунченко Е.А., 2019

Электронное научное издание

Подписано в свет 31.05.2019. Заказ № 5
Тиражируется на машиночитаемых носителях

Красноярская региональная общественная организация
«Общественный комитет по защите прав человека»
660075, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

**COPYRIGHT PROTECTION
IN THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS CASE-LAW**

© S.V. Nikitenko
Scientific adviser: V.V. Tereshkova
PhD in Law
Siberian Federal University

Nowadays, following the prominent advances in technologies, the growth of data transfer speed and improvement of recording and copying facilities, the intellectual property and copyright in particular has become of greater importance.

Though the European Convention on Human Rights does not contain articles relating to author's rights directly, analysis of the European Court of Human Rights legal practice finds out cohesive legal regime of the exclusive right. In this paper, the author is going to compile the ECHR case-law to define the scope of copyright protection under the European Convention on Human Rights and highlight the issues of such regulation. Relevance of the paper stems from enforceable character of the Court's ratio decidendi laid down in its judgements (Art. 1 of the Federal Law № 54 dated 30.03.1998, para. 2 of Resolution of the Plenum of the Supreme Court № 21 dated 27.06.2013).

The European Court of Human Rights regulates the exclusive author's rights in the light of the human rights enlisted in the European Convention on Human Rights rather than copyright law itself. Consequently, concerned ECHR case-law could be subdivided into the following groups depending on the challenged right: Article 8 (the right to respect for private and family life), Article 10 (freedom of expression) of the Convention and Article 1 (protection of property) of the Protocol № 1 to the Convention. It's worth noting that only Art. 1 to the Protocol refers to the copyright protection explicitly while Arts. 8 and 10 of the Convention is applied implicitly: "positively" – expanding the scope of copyright protection, or "negatively" – specifying additional conditions for exclusive right restriction.

To begin with, ECHR practice on Article 8 of the Convention sets forth the following. This right covers personal information which individuals can legitimately expect should not be published without their consent [14, § 61]. Another aspect protected within the scope of the right to private life concerns the right to protection of reputation [5, § 83] unless this reputational harm results from the individual's own acts (including those of offending nature) [15, § 49].

Protection of a person's image is of particular importance as it constitutes one of the chief attributes of personality. Consequently, the recording of the visual data

and the systematic or permanent nature of the record (e.g. photo or video) may give rise to an interference with the individual's private life¹¹, § 59]. As one of the remedies, the Article mainly presupposes the individual's right to control the use of that image, including the right to refuse publication thereof¹³, § 40]. Assessing the grounds for intervention with Art. 8, broad range of circumstances should be considered: character of the publication (academic work, mass media, etc.), qualification of the authors, the method of research used, whether potential victim has possibility to protect his rights in adequate and effective manner, the scope of the work's dissemination and so on [2, § 69-73]. Furthermore, the aim of publication has to be taken into account: it was stated that the reader's interest in being entertained generally carried less weight than the interest in protecting the private sphere while public interest has prevailing nature [18, § 109, 114].

The settled case-law of European Court outlines the following elements of the copyright regulation under the Article 10. First of all, the Court emphasised true pluralism in the audio-visual sector in a democratic society, diversity of overall content [7, § 130]. Article 10 comprises not only "information" or "ideas" that are favourably received or regarded as inoffensive or as a matter of indifference, but also to those that offend, shock or disturb⁸, § 49]. Nowadays, in the light of its accessibility and its capacity to store and communicate vast amounts of information, the Internet plays an important role in enhancing the public's access to news and facilitating the sharing and dissemination of information generally [16, § 27]. The State has positive obligation to maintain effective media pluralism [7, § 154, 156]. ECHR has observed that Article 10 applies not only to the content of information but also to the means of dissemination and reception, since any restriction imposed on such means necessarily interferes with the right to receive and impart information [10, § 49]. Consequently, Art. 10 covers search and classification services which do not involve direct use of works. On this ground, a torrent tracker's operators and owners could be held liable notwithstanding that they collect and organize only torrent-files but not works itself (case of *Neij and Sunde Kolmisoppi v. Sweden*).

Moreover, the right to receive and impart information encompasses the procedure of blocking sites, platforms and services such as YouTube. In particular, any restrictive measure aiming to remove "unlawful" work form public access must be: lawful; less intrusive than other restrictive means [1, § 64]; effective means to compel the authorities to abide by the law as well as sufficient guarantees against arbitrariness must be enshrined [7, § 155]; any consequences and collateral effect should be considered [6, § 63-64]. Thus, the wholesale blocking of service reasoned by illicit nature of only several materials constitutes the violation of freedom of expression (case of *Cengiz and Others v. Turkey*).

Finally, Article 1 of Protocol № 1 deals with possession which has autonomous meaning. The settled case-law unambiguously states that the Article covers protection of intellectual property rights, including copyright [3, § 72]. Additionally, “possession” within the meaning of the Convention is not limited to the ownership of material goods as in certain circumstances a “legitimate expectation” of obtaining an asset may also enjoy the protection of Article 1 of Protocol № 1 [7, § 173]. Therefore, withdrawal of a licence from a television and radio broadcasting organization amounts to the interference with the possession (case of *Centro Europa 7 S.r.l. and Di Stefano v. Italy*) and consequently must be assessed on the restriction conditions: lawfulness, accordance with the general interest and a reasonable relationship of proportionality between the means employed and the aim sought to be realized [17, § 106, 108].

It should be noted that in some situations freedom of expression and copyright are in conflict. Unfortunately, the Court hasn't elaborated any consistent approach to strike the fair balance between copyright and freedom of expression [9, p. 185] similar to the six-part test concerning Article 8 and Article 10 conflict stated in *Von Hannover v. Germany* and *Axel Springer AG v. Germany* cases. However, ECHR takes into account the following factors: the purpose of the speech (whether it is of commercial nature), and noted that commercial one does not raise a debate of general interest which is one of the core values protected by freedom of expression [4, § 39]. The Court has acknowledged that the balancing of conflicting rights is a difficult task, so Contracting States should have wide margin of appreciation and that the comparative and international perspective of intellectual property law should be considered [4, § 113].

Summarizing the aforesaid, undeveloped character of copyright regulation in the ECHR case-law should be emphasized. This relates equally either to the lack of copyright rules formalisation or to ambiguity of the IP legal principles. Nevertheless, the European Court of Human Rights seems to be an effective institution as far as it conducts an indepth scrutiny of the Convention, relevant international acts and national legislations, and sets forth the universal well-balanced rules for copyright regulation which are binding not only for EU participants, e.g. for Russia.

References:

1. Ahmet Yildirim v. Turkey, App no 3111/10, (ECtHR, 18 December 2012) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>
2. Aksu v. Turkey, App nos 4149/04 and 41029/04, (ECtHR, 15 March 2012) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>

3. Anheuser-Busch Inc. v. Portugal, App no 73049/01, (ECtHR, 11 January 2007) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>
4. Ashby Donald and Others v. France, App no 36769/08, (ECtHR, 10 January 2013) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>
5. Axel Springer AG v. Germany, App no 39954/08 (ECtHR, 7 February 2012) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>
6. Cengiz and Others v. Turkey, App nos 48226/10 and 14027/11, (ECtHR, 1 December 2015) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>
7. Centro Europa 7 S.r.l. and Di Stefano v. Italy, App no 38433/09, (ECtHR, 7 June 2014) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>
8. Handyside v. The United Kingdom, App no 5493/72, (ECtHR, 7 December 1976) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>
9. Krisjanis, B. Copyright and free speech: the human rights perspective / B. Krisjanis // *Baltic Journal of Law & Politics*. – 2015. – V. 8, № 2. – P. 182-202.
10. Öztürk v. Turkey, App no 22479/93, (ECtHR, 28 September 1999) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>
11. Peck v. The United Kingdom, App no 44647/98 (ECtHR, 28 January 2003) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>
12. Piersack v. Belgium, App no 8692/79 (ECtHR, 1 October 1982) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>
13. Reklos and Davourlis v. Greece, App no 1234/05 (ECtHR, 15 January 2009) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>
14. Saaristo and Others v. Finland, App no 184/06 (ECtHR, 12 October 2010) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>
15. Sidabras and Džiautas v. Lithuania, App nos 55480/00 and 59330/00 (ECtHR, 27 July 2004) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>
16. Times Newspapers Ltd v. the United Kingdom (№ 1 and 2), App nos 3002/03 and 23676/03, (ECtHR, 10 March 2009) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>
17. Vistiņš and Perepjolkins v. Latvia, App no 71243/01, (ECtHR, 25 October 2012) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>
18. Von Hannover v. Germany (№ 2), App nos 40660/08 and 60641/08, (ECtHR, 7 February 2012) // «HUDOC» database. – Access mode: <https://hudoc.echr.coe.int>

**THE INFLUENCE OF MULTINATIONAL COMPANIES ON THE STATE:
LEGAL ASPECTS**

© B.A. Ramírez

Scientific adviser: T.Yu. Sidorova

PhD in Law

Siberian Federal University

Since the multinationals were created or also transnational calls, their influence on the different countries in which they develop their activities is undeniable, sometimes the influence of these companies on the states is so strong that it can be said that they have total control of a country.

By means of a research and analysis of this phenomenon, the aim of this document arises, where it is sought to expose the influence of the multinationals on the state, this research and analysis is carried out on the basis of the legal aspects, therefore the analysis will be done taking into account a concrete country and concrete company, for prove the veracity of the problem, to conclude with a possible solution or prevention of this situation.

It is not possible to separate the fact that the multinational corporations have influence of a direct and indirect way on the public politics of the different countries where its activities take place, however some companies want to move away from the public sector its influence is undeniable and its necessary participation, since the public sector must be an ally of the corporations for the development of its activities, the problem arises when the relation between the companies and the state is uneven, there are states with a low level of development, governments with little experience, deficiencies in the control of budgets or with lack of infrastructure, which generates that transnational corporations who arrive in their territory are in a more favorable situation compared to these states, which means that in some cases the transnational companies have power over states and can request that the laws of this country be accommodated at their convenience.

And it is precisely this case which aims to analyze.

The possibility that a company goes so far as to control the juridical system of a country, the parliament and even be able to commit crimes inside the territory without having legal problems, it is the problem that this document considers to treat from a critical way, because of this its necessary to speak of a particular case , which even though it happened in a Latin American country, this situation is repeated in different parts of the world, Central America, Africa and any country that are at a disadvantage compared to a multinational.

What is the context of the case? Coca Cola Company arrived in Colombia around the years 1930 and 1940, when opened its own processing and bottling plant in the country.

Why Colombia? Was a country in full industrialization at the time the company arrived, it is also a country with cheap labor and multiple benefits from the government to the private sector, briefly it is possible to create a big business without having many problems and in a certain way laws are flexible.

Opposite to the concrete case, Coca Cola operates through subsidiaries, one of its bottling plants is called PANAMCO or FEMSA Colombia, This bottling plant operates in the regions of Nariño, Cauca and Putumayo. As is clear is a company with great power in the economic sector with a big number of personnel to its services, but with a well-known antitrade union tendency, then arise the facts and background of the case, which are mentioned in a general and fast way:

On June 1, 1996 Coca-Cola cancelled the extra- time contract to the Bottling plant Nariñense S.A., that was attending to the market of a wide region of the south of Colombia (Nariño, Cauca and Putumayo). The cancellation of the contract was realized after 25 years of existence and caused the dismissal of its 170 workers, the annihilation of the trade union and the disappearance of the conventional agreements. One week had not happened when Coca Cola bought this bottler, hired new workers and directly assumed the control of the bottling, as a result their union leaders begin to feel discontent, but the whole problem is generated when in 1997 is fired from the company the union leader Adolfo De Jesus Munera Lopez after he was persecuted, accused and threatened by employees of the company, the union leader interposes an action of Guardianship for his human rights, the action was so controversial that it reaches the constitutional Court, and at that time he was assassinated.

With him, initiate the disappearances, kidnappings, threats and torture of the different union leaders of the company around the country, at the hands of paramilitary groups of ultra-right, groups that during this period of time (1990 to 2004) operated with total support from the national government and were considered the personal army of the big companies.

Because of that in July 2001, The United Steelworkers Union and the International Labor Rights Fund decided to sue The Coca Cola Company and two of its Colombian Bottlers (Bebidas y alimentos and Panamerican beverages, Inc or Panamco) in a United States federal court. But The Court dismissed, the claims that the company's parent resides in the United States so it is physically impossible for the company to commit these crimes. The court also sentenced that the claims are not configured as part of crimes committed by companies but that the crimes were

committed in the context of the internal armed conflict. (Lawsuit-Sinaltrainal v. The Coca-Cola Company, 20 Jul 2001 (complaint in US District Court, Southern District of Florida) [1].

For the mentioned the labor union goes to ILO (International Labor Organization) and UN (The United Nations), (case 2595 Colombia, complain present September 18/ 2007) [2]. And they after analyzing the case, order the government of Colombia to investigate the case, realize the different processes and check the judgments against the trade union leaders, even the UN ordered accountability for all the crimes, to the Colombian government. And today after twenty years, all the cases still open, the Colombian government has not done anything, just wait for the prescription of the cases.

Then the doubts arise: How is it possible that all these crimes have been done and so far there is no one responsible?, and why did Colombian justice not help the members of the Union?, Well first of all it is worth mentioning that some of the judges of the Courts are legal advisers of the company in Colombia, as is Mr. Juan Carlos Guerra exminister of Justice and defense.

But this situation not only happens in Colombia, Mr. Ed Potter Responsible for the international relations of Coca Cola acted as delegate of the United State in ILO. Of course, any neutrality of the organs that are supposed to protect the rights is devastated if their employees work for the company that they investigate.

Here is a clear example of how an international company can influence a state, assassinate, torture and kidnap the trade union employees to seek its benefits, while the government ignores, and benefiting the company.

Then, how is it possible to prevent situations like this? It is clear that this is a legal mission, the only way to protect a country from the abuses or the direct influence of a multinational, influence in the bad sense, is generating laws that feel basis on the work of these companies in the states, but not only create laws , have a jurisdictional system so strong that enforce those laws, in this way every action made by the multinationals will be controlled and if in case of assaulting the human rights of the citizens of these states the company shall be punished.

Finally its possible to conclude that the influence of the multinationals is undeniable but its overstatement in the States and transgressions, already proven, in the States can and should be controlled, and that kind of control is responsibility of the jurists, those who have the duty to create laws and protect the society, and in addition strengthening the legal system of their states and thus protect the human rights.

References:

1. ILO: Case No 2595 (Colombia) – Complaint date: 18-SEP-07 apart 589 June 2009 Geneva, Switzerland.
2. Sinaltrainal v. The Coca-Cola Company, 20 Jul 2001 [complaint in US District Court, Southern District of Florida) 578 F.3d 1252, 1260 (11th Cir.2009) USA 2009 case.
3. UN case COL 11/2014A/HRC/29/37/Add.5 03 Jun 2015 New York USA, add 5, year 2015.

**КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА
ПРИ ВОЗДУШНОЙ ЧАРТЕРНОЙ ПЕРЕВОЗКЕ**

© Л.И. Адиятулина

Научный руководитель: З.А. Ахметьянова

канд. юрид. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Воздушные чартерные перевозки широко распространены среди туристов, в связи с чем вопросы ответственности, включая компенсацию морального вреда, при осуществлении таких перевозок весьма актуальны.

Вред в доктрине традиционно понимается как умаление, уничтожение субъективного гражданского права или блага [7, с. 8-9] и подразделяется на имущественный и неимущественный. Как отмечает К.М. Арсланов, неимущественный вред представляет собой негативное последствие посягательства на право или благо, не имеющее стоимостной оценки, для характеристики которого используется понятие морального вреда, при этом под моральным вредом, по его мнению, российский законодатель понимает «физические или нравственные страдания», возникающие в результате посягательства на принадлежащие лицу нематериальные блага и имущественные права [2, с. 51, 35-36].

Определение морального вреда дано также Пленумом Верховного Суда РФ в п. 2 Постановления № 10 от 20 декабря 1994 г. [9], где под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные

неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина. Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.

Вопросы возмещения причиненного вреда при выполнении воздушных чартерных перевозок в настоящее время регулируются Варшавской конвенцией для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок 1929 г. [5] (далее – Варшавская конвенция), международными договорами, изменившими и дополнившими ее, которые в совокупности именуются «Варшавской системой», а также Монреальской конвенцией об унификации некоторых правил по международным перевозкам 1999 г. [6] (далее – Монреальская конвенция).

Несмотря на то, что ни Монреальская, ни Варшавская конвенция непосредственно не регулируют вопросы компенсации морального вреда, принято полагать, что такой вред подлежит компенсации в рамках указанных конвенций. Как верно замечено Т.С. Козловой, компенсация морального вреда по международным воздушным перевозкам, подпадающим под действие Варшавской и Монреальской конвенций, осуществляется только при наличии факта смерти или телесного повреждения пассажира, несохранности багажа и задержки при перевозке, и с учетом правил и ограничений, установленных указанными конвенциями [3, с. 18].

Российское законодательство также предполагает компенсацию морального вреда, причиненного при осуществлении воздушной перевозки, не ограничивая, при этом, объем и размер такой компенсации. Это касается как случаев причинения вреда жизни или здоровью пассажира, так и задержек при перевозке. По мнению Т.Е. Абовой, задержка отправления транспортного средства или опоздание его прибытия в пункт назначения дает основание для предъявления к перевозчику требования о компенсации пассажиру морального вреда, вызванного задержкой отправления транспортного средства или опозданием его прибытия в пункт назначения [4]. Аналогичный вывод

содержится также в письме Роспотребнадзора: факт задержки рейса по вине перевозчика может в случае виновного перерыва в перевозке являться основанием для предъявления пассажирами перевозчику требования о компенсации морального вреда ввиду причинения им соответствующих физических и нравственных страданий [8].

Представляется, что в случае чартерных воздушных перевозок моральный вред также должен подлежать компенсации. Данный подход находит свое отражение и в судебной практике. Так, Решением Ново-Савиновского районного суда г. Казани от 17 марта 2015 г. по делу № 33-7573/2015, оставленному без изменения в части компенсации морального вреда апелляционным определением Верховного Суда Республики Татарстан от 25 мая 2015 г., с туроператора в пользу четырех пассажиров взыскана компенсация морального вреда в связи с задержкой чартерного рейса на 13 часов и непредоставлением авиаперевозчиком комплекса услуг, предусмотренных при задержке рейса. Также имеется случай компенсации морального вреда, причиненного задержкой багажа, в размере 5000 рублей с туроператора [1]. Следует отметить, что размер компенсации, составивший соответственно 2500 и 5000 рублей на человека, едва ли можно назвать достаточным.

Подытоживая изложенное, представляется, что при осуществлении чартерных воздушных перевозок моральный вред должен подлежать компенсации, несмотря на отсутствие прямого указания на это в нормах международных соглашений и российского законодательства, при наличии факта смерти или телесного повреждения пассажира, несохранности багажа и задержки при перевозке, поскольку понятие вреда, используемое в указанных нормах, предполагает как имущественный, так и неимущественный (моральный) вред.

Список использованных источников:

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 22 марта 2018 г. по делу № 33-12340/2018 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Арсланов, К.М. Функции правового института возмещения морального вреда при посягательстве на честь, достоинство, деловую репутацию и сферу частной жизни гражданина по законодательству России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1999. – 211 с.

3. Козлова, Т.С. Возмещение морального вреда при международной воздушной перевозке пассажиров: проблемы теории и судебной практики // Российский судья. – 2010. – № 2. – С. 15-18.

4. Комментарий к ГК РФ. Часть вторая (постатейный) [Электронный ресурс] / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (Варшава, от 12 октября 1929 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. VIII. – Москва, 1935. – С. 326-339.

6. Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (Монреаль, 28 мая 1999 г.) // Московский журнал международного права. – 2001. – № 1. – С. 62-71.

7. Малеин, Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малеин // Москва: Юридическая литература, 1985. – 192 с.

8. Письмо Роспотребнадзора от 26 августа 2008 г. № 01/9311-8-32 «О принятии мер по защите прав авиапассажиров, пострадавших в результате задержек авиарейсов» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. – 1995. – № 29.

ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМ ДОМОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© И.М. Анисимов

Научный руководитель: Н.А. Назарова

канд. юрид. наук

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского

Собственники помещений в многоквартирном доме, согласно ч.2 ст. 161 Жилищного кодекса (далее – ЖК РФ) на своём общем собрании, организованном с соблюдением требований законодательства, вправе выбрать один из трех возможных способов управления.

Одним из данных способов выступает непосредственное управление – классический способ управления имуществом. Суть его состоит в том, что

собственники помещений в таком доме лично решают все общие вопросы управления многоквартирным домом без создания и привлечения специализированных субъектов управления (ТСЖ и управляющая организация).

Жилищный кодекс предусматривает единственный случай, при котором возможность реализовать данное право исключается. Согласно ч.2 ст. 163 ЖК РФ управление многоквартирным домом, все помещения в котором находятся в собственности Российской Федерации, субъекта федерации или муниципального образования, осуществляется путем заключения договора управления данным домом с управляющей организацией. Следовательно, непосредственное управление возможно лишь в многоквартирном доме, где среди собственников жилых помещений имеется хоть один гражданин или юридическое лицо.

В свою очередь Жилищный кодекс РФ устанавливает, дополнительные ограничения, касающиеся размера многоквартирного дома, и говорит, что собственниками помещений могут выбрать данный способ управления, если количество квартир в многоквартирном доме не превышает тридцати [2].

Правовое регулирование данного способа в первую очередь осуществляется, нормами ст. 164 ЖК РФ, согласно которой собственники помещений, осуществляющие непосредственное управление, заключают две группы договоров.

Первую группу составляют «договоры на оказания услуг по содержанию и (или) выполнению работ по ремонту общего имущества» в многоквартирном доме, которые заключаются с лицами «осуществляющими соответствующие виды деятельности». Данный вид договора заключается на основании решений общего собрания собственников.

По своей характеристике данные договоры являются разновидностями гражданско-правового договора – подряда и возмездного оказания услуг, регулирование которых соответственно осуществляется гражданским законодательства, за исключением нескольких конкретных норм жилищного законодательства.

Заключение данных договоров осуществляется в установленном законом порядке. Согласно ст. 164 ЖК РФ домовладельцы на общем собрании определяют организации, с которыми будут заключаться договоры, а также утверждают размеры платежей этим организациям. Представляется, что на общем собрании должны быть утверждены также и существенные условия будущих договоров, после чего собственниками подписываются договоры о содержании и ремонте.

У каждой из организаций, выполняющих работы и услуги по содержанию и ремонту общего имущества, возникает единое договорное правоотношение со всеми или большинством собственников помещений, которые выступают одной стороной заключаемых договоров.

В том случае, если стороной договора являются большинство собственников, заключивших его, те домовладельцы, которые не подписали договор, не являются стороной договора и, следовательно, не приобретают прав и обязанностей, предусмотренных им. Естественно, что они продолжают нести все права и обязанности, установленные законом, в том числе, обязанность вносить плату за жилое помещение в размере, установленном общим собранием собственников помещений.

Практика управления многоквартирными домами показывает, что в случаях, когда число жилых помещений в многоквартирном доме невелико, (например, две, три, четыре квартиры), собственники не нуждаются в специализированных организациях, осуществляющих ремонт и обслуживание общего имущества, либо нуждаются лишь время от времени, например для производства какого-либо сложного ремонта. В этих случаях собственники осуществляют самостоятельное обслуживание многоквартирного дома. В тоже время ст. 164 ЖК РФ не дает четкого ответа на вопрос, обязательно ли для собственников выбирать организации для обслуживания и ремонта общего имущества в многоквартирном доме и заключать с ними договоры или это их право.

Более детально ответ на этот вопрос мы можем обнаружить в Правилах содержания общего имущества [4], где сказано, что собственниками помещений вправе самостоятельно совершать действия по содержанию и ремонту общего имущества.

Жилищное законодательство не определяет существенных условий договоров о содержании и ремонте жилых помещений при непосредственном управлении многоквартирным домом. Поскольку данные договоры относятся к гражданско-правовым договорам подряда и возмездного оказания услуг, такими существенными условиями являются предмет договора, который включает в себя перечень работ и услуг, которые обязан выполнять подрядчик, и встречное обязательство заказчика оплачивать работы и услуги; а также сроки выполнения работ.

Цена работ и услуг, а также сроки выполнения услуг не являются существенными условиями договоров подряда и возмездного оказания услуг. В свою очередь, для бытового подряда существенным условием является также цена договора, а для строительного подряда – цена и условие о технической

документации (ее состав, содержание, а также сторона договора, обязанная ее представить) [1, с. 50]. Правила о бытовом подряде применяются к договору на выполнение работ, заключенному с собственниками помещений – гражданами, использующих помещений для личных нужд. Правила о строительном подряде применяются к капитальному ремонту многоквартирного дома, если иное не установлено договором.

Договоры по содержанию и ремонту общего имущества заключается в письменной форме, поскольку, по меньшей мере, одной их стороной является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель.

Важно заметить, что организации жилищно-коммунальной сферы при заключении договоров с собственниками должны удостовериться в принятии домовладельцами решения о непосредственном управлении многоквартирным домом и утверждении размера платы за жилое помещение. В противном случае, они несут риск признания договоров недействительными как заключенных в противоречие с нормами закона об управлении многоквартирными домами (в частности, требование о заключении собственниками соответствующих договоров в рамках непосредственного управления).

Вторая группа договоров, действующих при непосредственном управлении многоквартирными домами – договоры об оказании коммунальных услуг, заключающиеся самостоятельно каждым собственником помещения с организациями, оказывающими коммунальными услугами. Таким образом, при непосредственном управлении многоквартирным домом существует одновременно ряд отдельных договорных обязательств, соответствующих числу домовладельцев и видов коммунальных услуг.

Согласно Правилам предоставления коммунальных услуг в многоквартирные дома, при непосредственном управлении домом исполнителем коммунальных услуг выступает организация, производящая или приобретающая коммунальные ресурсы [5].

Данный вид договора заключается с каждым собственником помещения, осуществляющим непосредственное управление многоквартирным домом от своего имени.

Заключение договоров, предусмотренных ст. 164 ЖК РФ позволяет реализовать лишь часть целей управления многоквартирным домом. Другие цели достигаются собственниками самостоятельно. Основным способом решения вопросов при непосредственном управлении многоквартирным домом является проведения общего собрания собственников [3, с. 314]. Именно поэтому непосредственное управление на практике осуществимо при небольшом количестве домовладельцев. На общем собрании, помимо выбора

организаций, осуществляющих обслуживание и ремонт общего имущества, должны решаться вопросы, связанные с использованием общего имущества, обеспечением благоприятных и безопасных условий проживания граждан в доме, а также другие вопросы направленных на обеспечение функционирования механизма многоквартирного дома.

По итогам проведенного анализа непосредственного управления как одного из способов управления многоквартирным домом, хотелось бы отдельно отметить положительные и отрицательные стороны данного способа управления. Так, в качестве преимуществ непосредственного управления можно отметить: возможность самостоятельного решения всех вопросов, экономия средств на оплату деятельности управления, наличия у собственников права самостоятельно осуществлять отдельные виды деятельности (к примеру, уборка и санитарно-гигиеническая очистка помещений общего пользования в доме и придомового земельного участка).

Однако, мы вынуждены отметить, среди недостатков данного способа управления, то что в данных отношениях отсутствует единый субъект, полноценный участник гражданского оборота, в связи с чем, отсутствует возможность открывать общие расчетные счета и накапливать денежные средства на содержание и ремонт жилого помещения, помимо прочего отсутствует возможность производить наем сотрудников – отдельных и необходимых специалистов.

Список использованных источников:

1. Брагинский, М.И., Витрянский, В.В. Договорное право. Книга третья: договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2011. – 1055 с.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 22.01.2019) // Российская газета. – 2005. – № 1.
3. Корнеева, И. Л. Жилищное право Российской Федерации : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2019. – 393 с.
4. Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 №491 (ред. от 15.12.2018) «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность» // Российская газета – 2006. – № 184.

5. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 №354 (ред. от 23.02.2019) «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов») // Российская газета. – 2011. – № 116.

СУДЬБА ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК ПО ЗАВЕРШЕНИИ СТРОИТЕЛЬСТВА «НЕЖИЛОГО» ЗДАНИЯ

© Е.А. Ануфриева

Научный руководитель: М.А. Кривошапкина

Сибирский федеральный университет

В настоящее время, для строительства «нежилого» здания на публичном земельном участке застройщику необходимо оформить арендные отношения с собственником земельного участка. Статьей 39.8 Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ) предусмотрено право долгосрочной аренды публичных земельных участков для целей строительства. Однако, несмотря на принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, закрепленный в статье 1 ЗК РФ, сохраняется раздельный правовой режим земельного участка и расположенного на нем объекта недвижимого имущества. Существование двух независимых горизонтальных прав порождает проблемы в правовом регулировании, например неопределенным остается право собственника «нежилого» здания на земельный участок под ним по достижении цели договора аренды – постройки этого здания.

Указанная проблема вызывает немало споров на практике. Предлагаем остановиться более подробно на одном из дел, рассмотренных Верховным судом РФ.

В споре между Комитетом по управлению имуществом администрации Пушкинского муниципального района Московской области и ЗАО «ЮИТ Московия» о взыскании задолженности по арендной плате и пеней за нарушение сроков внесения арендной платы, мнения судов разных инстанций разделились [4].

Суды трёх инстанций, определяя правовой режим земельного участка под построенным «нежилым» зданием, использовали аналогию закона. Ими были применены нормы, регулирующие правовой режим земельного участка под многоквартирным домом, который по ч.1 ст. 36 Жилищного кодекса РФ

переходит в общую долевую собственность собственников многоквартирного дома автоматически после регистрации права на первое помещение в доме. Таким образом, по мнению судов, право публичной собственности на арендованный земельный участок прекратилось и возникло право общей собственности собственников помещений в «нежилом» здании. Исходя из этой позиции, задолженности у застройщика по арендной плате и пеней быть не может, поскольку договор аренды после регистрации права на здание (сооружение, или помещения в них) утратил силу.

В свою очередь, Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) не нашел законодательного пробела в части регулирования спорных правоотношений и посчитал, что нижестоящие суды необоснованно применили аналогию закона. ВС РФ аргументировал свою позицию следующим образом. Согласно абз.2 п.3 ст. 552 Гражданского кодекса РФ при приобретении недвижимости, находящейся на земельном участке, не принадлежащем отчуждателю, покупатель приобретает право пользования соответствующим участком на тех же условиях, что и отчуждатель. По завершении строительства «нежилого» здания происходит перемена лиц в обязательстве и, не исключена множественность лиц на стороне арендатора в арендных правоотношениях, существующих между застройщиком и собственником земельного участка. Далее, по мнению ВС РФ, у нового арендатора (арендаторов) есть право требовать расторжения действующего договора аренды (для целей строительства), и заключения нового договора аренды (для целей эксплуатации построенного объекта). При этом подлежит определению площадь земельного участка. Таким образом, поскольку ни закон, ни договор аренды не содержал такого основания, как автоматическое прекращение договора аренды земельного участка, находящегося в публичной собственности, после завершения строительства, то и после наступления этого обстоятельства указанный договор аренды продолжает действовать и соответственно арендные платежи и пени за просрочку должны быть уплачены.

Вполне вероятно, данный подход обусловлен тем, что земля является государственной или муниципальной, а арендные платежи составляют доход соответствующего бюджета. При бесплатном же переходе права собственности право на такие платежи прекращается, что в свою очередь не выгодно публично-правовым образованиям.

Данная проблема вызвала оживленную дискуссию и в научных кругах, в рамках которой были предложены и иные варианты её решения. Так, по мнению, Бевзенко Р.С. возможен и такой подход, что строительная аренда прекратилась с момента достижения цели договора, а, следовательно,

земельные правоотношения между застройщиком и собственником земли также прекращаются. Новый договор не заключается, в связи с этим собственники помещений в здании не приобретают от застройщика никаких земельных прав. Они будут пользоваться участком, на котором расположено их здание, бесосновательно и с них можно взыскивать неосновательное обогащение за это (в размере арендной платы за соответствующий участок). В дальнейшем собственники помещений в здании должны оформить свои земельные отношения либо выкупив участок под зданием в собственность, либо взяв его в аренду с множественностью лиц на стороне арендатора [1].

Представляется, что на практике все предложенные варианты решения данной проблемы могут породить ещё большую неопределенность в отношениях по поводу строительства «нежилых» зданий на чужом земельном участке. Например, если признать верной позицию нижестоящих судов, то возникает вопрос об основании прекращения договора аренды. Если же отдать предпочтение мнению Верховного суда РФ, то открытыми остаются множество вопросов о продлении договора аренды, о его трансформации из договора строительной аренды в другой вид, о последствиях прекращения данного договора и многие другие. Бесосновательное же пользование земельным участком приведет к полной правовой неопределенности.

Кроме того, сохраняется проблема того, что право собственности на земельный участок и на здание на нем возникают как на два самостоятельных объекта. В связи с чем, усложняется процесс оформления прав на землю и здание на ней.

Полагаем, что для целей решения описанной выше проблемы наиболее правильным стало бы установление, так называемого, права застройки, которое в действующем законодательстве не предусмотрено, однако его нормативное закрепление было предложено в Концепции развития гражданского законодательства [3] и подготовленном в соответствии с ней Законопроекте о внесении изменений в ГК РФ [2]. Данная конструкция предполагает установление один раз и на длительное время (по Концепции 50-199 лет, по Законопроекту 30-100 лет) права на чужой участок, которое позволяет застроить его и иметь в собственности построенное здание (сооружение).

Появление в гражданско-правовом обороте подобного ограниченного вещного права позволит преодолеть многие из существующих ныне проблем застройки чужих земельных участков. Так, например:

- здание будет являться составной частью, элементом, права застройки, а не самостоятельной вещью. При отчуждении здания или сооружения, возведенного на чужом земельном участке, на основании права застройки, его

приобретатель будет становиться не только субъектом права собственности на здание, но и автоматически (в силу закона) будет приобретать право застройки на земельный участок. По сути, в гражданском обороте будет находиться именно право застройки, а не два самостоятельных объекта, что позволит обеспечить их упрощенный оборот;

- до окончания права застройки у застройщика будут более широкие возможности по распоряжению земельным участком, например, возможность снести построенное здание и построить иное. Безусловно, требование о соблюдении градостроительных, санитарных и иных норм сохранится, но не будет необходимости, как на данный момент, расторгать договор аренды и проводить аукцион для заключения нового;

- после прекращения права застройки (истечение срока, неуплата платежей, иные основания для досрочного прекращения) право собственности на здание будет переходить к собственнику земельного участка;

- устанавливаются более длительные сроки права застройки по сравнению с действующими в ЗК РФ, это также позволит говорить об устойчивости подобного правоотношения;

- установление подобного права поможет избежать двойной регистрации обременения земельного участка: сначала на основании договора строительной аренды, а после на ином основании.

Таким образом, существующие арендные отношения по поводу земельных участков для целей строительства не в полной мере отвечают современным реалиям. Долгосрочная аренда публичных земельных участков для строительства затрудняет гражданский оборот и вызывает на практике немало споров. Введение права застройки позволит избежать правовой неопределенности с арендными платежами, объемом правомочий, основаниями расторжения договора и пр.

Список использованных источников:

1. Бевзенко, Р.С. Судьба строительной аренды после завершения строительства нежилого здания [Электронный ресурс] // ООО «Издательская группа «Закон»» [сайт]. – Режим доступа: <https://zakon.ru>.

2. Законопроект № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СОЗД ГАС «Законотворчество» [сайт]. – 2019. – Режим доступа: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/47538-6>.

3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 11. – С. 6-99.

4. Определение Верховного суда РФ от 29 марта 2016 г. по делу №305-ЭС15-16772 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

РАЗУМНОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РФ: СОДЕРЖАНИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

© А.В. Бабкова

Научный руководитель: С.Я. Сорокина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Разумность представляет собой оценочную категорию, допускающую в известной мере свободу своей интерпретации правоприменителем с учетом обстоятельств каждого конкретного разрешаемого дела. В связи с отсутствием законодательной дефиниции рассматриваемого понятия, содержание категории разумности и определение конкретных ее критериев на данный момент вызывает множество споров как в научной литературе, так и в судебной практике.

При изучении Гражданского Кодекса РФ на предмет содержания оценочных понятий, можно заметить, что такие категории как «добросовестность» и «разумность» достаточно часто упоминаются в нормах совместно. Соответственно, среди ученых-исследователей оценочных понятий отсутствует единство взглядов как относительно трактовки самих категорий, так и относительно их соотношения между собой.

Проведенное исследование позволило выявить следующие основные точки зрения по данному вопросу:

1. Разумность выступает одним из критериев добросовестности [1];
2. Разумность и объективная добросовестность считаются синонимичными понятиями [5];
3. Разумность и добросовестность различаются по критерию определения качества стороны поведения субъекта [7];

Следует отметить, что внутри указанной точки зрения авторы придерживаются диаметрально противоположных суждений. Например, Е.В. Богданов

полагает, что добросовестность в большей степени характеризует субъективную сторону поведения субъекта, а разумность – объективную. И, наоборот, О.А. Потапова указывает на то, что разумность применима для оценки субъективной стороны осуществления прав, а добросовестность характеризует объективную сторону.

4. Разумность и добросовестность не имеют самостоятельного значения и представляют собой составляющие принципа справедливости [4];

5. Разумность и добросовестность рассматриваются в качестве самостоятельных принципов гражданского права, каждый из которых, являясь критерием оценки поведения участников оборота, имеет собственную сферу действия [3].

На наш взгляд, последнюю позицию следует поддержать не столько в отношении разграничения сферы действия рассматриваемых принципов, сколько в отношении признания их самостоятельности.

Представляется, что категориям разумности и добросовестности в гражданском праве присущи, с одной стороны, черты сходства, а с другой – самостоятельное значение в процессе их реализации. По нашему мнению, применение одного из указанных принципов не должно исключать применение другого, а также умалять его значение.

Основными чертами сходства категорий разумности и справедливости являются, во-первых, их неоднозначное закрепление в праве и в качестве принципов, и в качестве презумпций, и в качестве пределов осуществления и защиты гражданских прав, исполнения гражданских обязанностей, во-вторых, их нравственно-этический характер, берущий свое начало скорее в нормах морали, чем права.

Несмотря на отмеченные выше сходные признаки рассматриваемых категорий, им присущи и некоторые отличительные черты, которые носят как субъективный, так и объективный характер, и позволяют окончательно признать разумность и добросовестность отдельными принципами гражданского права.

Так, в качестве аргумента в пользу самостоятельности принципов разумности и добросовестности можно указать то, что определенные действия участников гражданского оборота в конкретных случаях могут быть добросовестными, но неразумными, и наоборот. Еще в 2006 г. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в Постановлении № 8259/06 при рассмотрении дела, где установленная сторонами договора годовая стоимость охранных услуг в несколько раз превышала стоимость активов общества, сделал вывод о том, что «названное обстоятельство подразумевает необходимость оценки

со стороны суда действий сторон по согласованию столь высокой цены на охранные услуги с точки зрения добросовестности охранного предприятия по установлению такой цены за свои услуги и разумности акционерного общества по ее принятию» [6]. Следовательно, на практике категория разумности сопоставляется с собственными интересами субъекта и действиями, направленными на их удовлетворение, в то время как категория добросовестности связана с учетом интересов контрагента.

Более того, детальный анализ положений ст. ст. 314, 397, 520, 530, 738 ГК РФ и др. позволил сделать вывод о том, что принцип разумности подлежит применению не только для оценки поведения участников гражданских правоотношений, но также и для иных явлений правовой действительности (сроков, цены, принимаемых мер и др.).

Следовательно, принцип разумности отличается от принципа добросовестности еще и тем, что последний используется при анализе лишь субъектов и их действий, в силу чего некорректно будет говорить о добросовестности, например, сроков, цены и т.п.

В научной литературе также ведется полемика на тему того, существует ли различие в последствиях, которые влекут за собой недобросовестное и неразумное поведение.

Как следует из положений ст. 10 ГК РФ, однозначно отказ в защите права будет являться последствием лишь недобросовестного поведения. При отсутствии в действиях лица разумности единства мнений относительно последствий не сложилось.

Богданова Е.Е. придерживается позиции, согласно которой неразумность субъекта гражданского права может повлечь за собой отказ в защите его права только тогда, когда он, за неимением надлежащей опытности, демонстрирует очевидную неспособность к разумному ведению дел, чем ставит под удар реализацию не только собственного интереса, но и интереса контрагента [2]. Иными словами, по мнению автора, неразумность поведения лица будет основанием для отказа в защите права только тогда, когда ей сопутствует недобросовестность. Однако приведенная точка зрения противоречит сложившейся судебной практике.

Становление рассматриваемой тенденции начиналось с отдельных судебных решений по конкретным делам. Например, Президиум ВАС РФ в Постановлении от 14.11.2006 № 8259/06 пришел к выводу о том, что судебная защита права осуществляется исходя из принципов разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений. В случае несоблюдения этих принципов суд может отказать лицу в защите права (ст. 10 ГК РФ). Далее

аналогичная позиция была закреплена в п.3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13 сентября 2011 г. № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре».

Детализация приведенного подхода нашла свое отражение в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», в соответствии с которым при осуществлении стороной права на одностороннее изменение условий обязательства или односторонний отказ от его исполнения она должна действовать разумно и добросовестно, учитывая права и законные интересы другой стороны (пункт 3 статьи 307, пункт 4 статьи 450¹ ГК РФ). Нарушение этой обязанности может повлечь отказ в судебной защите названного права полностью или частично, в том числе признание ничтожным одностороннего изменения условий обязательства или одностороннего отказа от его исполнения (пункт 2 статьи 10, пункт 2 статьи 168 ГК РФ).

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что несоблюдение требования разумности будет влечь за собой такое же последствие, как и отступление от добросовестного поведения – отказ в защите принадлежащего лицу права. Рассматриваемые категории имеют самостоятельное содержание и значение, но являются абсолютно равноценными регуляторами гражданско-правовых отношений.

В итоге на основании проведенного исследования можно предложить следующее определение категории разумности в гражданском праве – это основополагающее гражданско-правовое явление, проявляющееся в качестве принципа и требования в нормах Гражданского кодекса РФ и означающее достаточную степень осведомленности лица о порядке осуществления гражданских прав и исполнения гражданских обязанностей таким образом, чтобы его собственные действия способствовали, а не препятствовали реализации его интереса.

Список использованных источников:

1. Белов, В.А. Добросовестность, разумность и справедливость как принципы гражданского права / В.А. Белов // Законодательство. – 1998. – № 8. – С. 49-52.
2. Богданова, Е.Е. Принцип разумности в гражданском праве Российской Федерации / Е.Е. Богданова // Адвокат. – 2013. – №1. – С. 5-12.

3. Виниченко, Ю.В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота / Ю.В. Виниченко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 3. – С. 98-115.

4. Клочков, А.А. Стандартные (общие) условия договоров в коммерческом обороте: правовое регулирование в России и зарубежных странах: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., – 2000. – 210 с.

5. Мазур, О.В. Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., – 2012. – 23 с.

6. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление от 14.11.2006 по делу № 8259/06 // Банк судебных актов и документов Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: <http://pda.arbitr.ru>.

7. Татарников, А.В. Соотношение принципов разумности и добросовестности в гражданском праве / А.В. Татарников, В.Г. Голышев // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – №6. – С. 110-114.

CULPA IN CONTRAHENDO

(ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ ВЕДЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ)

© К.В. Баландина

Научный руководитель: Т.В. Шепель

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Преддоговорная ответственность и преддоговорные отношения недостаточно исследованы в науке гражданского права. Это связано с тем, что российскому законодательству не были известны правила о преддоговорной ответственности за срыв переговоров о заключении договора, culpa in contrahendo не применялась на судебной практике. В настоящее время такие правила закреплены в статье 434.1 ГК РФ. Согласно п. 1 названной статьи юридические лица и граждане свободны в проведении переговоров о заключении договора и самостоятельно несут расходы, к тому же они не отвечают за то, что соглашение не достигнуто. Пункт 2 ст. 434.1 ГК РФ закрепляет обязанность сторон действовать добросовестно в ходе проведения переговоров. Пункт 3 ст. 434.1 ГК РФ обязывает сторону, которая ведет или прерывает переговоры недобросовестно возместить другой стороне причиненные убытки. На сегодняшний

день нельзя сказать, что данная норма активно применяется на практике. По моему мнению, это связано с тем, что применение данной нормы вызывает такие вопросы как: 1. Что считать добросовестным поведением? 2. Какова правовая природа преддоговорных отношений?

Рассмотрим вопрос об оценке добросовестности поведения. Согласно ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Исходя из текста Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25, можно сделать вывод, что добросовестное поведение – это поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, которое учитывает права и законные интересы другой стороны и содействует ей, в том числе в получении необходимой информации.

Принцип добросовестности действует не только в рамках исполнения уже возникшего правоотношения, но и до возникновения прав и обязанностей, так же и после прекращения обязательства. Рассматриваемый принцип действует на всех стадиях хозяйственной деятельности, в том числе и на стадии ведения переговоров. Действие принципа добросовестности и на преддоговорном этапе позволяет суду квалифицировать необоснованный выход из переговоров и ведение переговоров с целью отвлечения потенциального контрагента от заключения сделки с конкретным субъектом и другие действия как злоупотребление правом. В соответствии с п. 4 ст. 10 ГК РФ, если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, такое лицо вправе требовать возмещение причинённых убытков. Согласно п. 5 ст. 10 ГК РФ разумность и добросовестность предполагаются, а это значит, что пострадавшая от недобросовестного ведения переговоров сторона должна нести бремя доказывания.

Пункт 2 ст. 434.1 ГК РФ гласит, что при вступлении в переговоры стороны обязаны действовать не только добросовестно, но и не допускать вступление в переговоры о заключении договора или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной. В момент, когда нарушается баланс между принципами свободы договора и добросовестности возможно наступление преддоговорной ответственности. Принцип свободы договора предусматривает, что участники гражданских правоотношений могут вести переговоры с неограниченным кругом лиц. Но если лицо не собирается заключить договор, а совершает действия для того чтобы отвлечь от заключения договора своего конкурента, или лицо без каких-либо оснований прекращает ведение переговоров, тогда возможно говорить о причинении

убытков лицу, с которым велись переговоры. Отсутствие общих правил о преддоговорной ответственности могло привести к незащищённости добросовестных участников преддоговорных отношений. Переговоры по заключению договоров, могут повлечь временные и довольно большие финансовые затраты для юридических лиц.

Чтобы разобраться в правовой природе преддоговорных отношений, нужно проанализировать данные отношения. Право закрепляет обязанности уже на стадии ведения переговоров. Если договор заключается на торгах, то отношения участников торгов регулируются законодательством достаточно детально. Но и здесь существует вопрос о том, можно ли говорить, что и до заключения договора существует правоотношение? Основные элементы любого правоотношения это субъект, объект, правомочие и обязанность. Помимо этого при характеристике правоотношения О. С. Иоффе выделял волю и интерес [4, с.549].

Нужно разобраться, что является обязательством. В статье 307 ГК РФ дается определение обязательства: в силу обязательства должник обязан совершить в пользу кредитора определенное действие: передать имущество, выполнить работу и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности. Из легального определения обязательства следует, что содержанием обязательства может быть как совершение активных действий, так и воздержание от определенных действий.

Существуют также доктринальные определения. Так, Г. Ф. Шершеневич понимал под обязательством «такое юридическое отношение, из которого обнаруживается право одного лица на известное действие другого определенного лица» [2, с. 89].

В юридической литературе выделяют следующие признаки обязательств:

1) обязательство – это относительное правоотношение (Г.Ф. Шершеневич) и может быть выведено из легального определения понятия обязательства [2, с. 146];

2) кредитору принадлежит право требовать от должника совершения определенных действий, т.е. на участниках обязательств лежит определенная обязанность. Невыполнение этой обязанности может повлечь негативные последствия;

3) имущественный характер действий должника (Гавзе Ф. И. считает, что действия должника должны носить исключительно товарно-денежный характер [1, с. 97]; Лавров Д.Г. утверждает, что обязательство это имущественное правоотношение [6, с. 53]; другие авторы считают, что существуют

обязательства с сугубо неимущественным содержанием [5, с. 77]). Нужно сказать, что к предмету гражданского права относятся и организационные отношения, например, отношения, возникающие из предварительного договора, а так же, отношения по организации торгов. Ф.И. Гавзе говорит, что на практике не встречается таких обязательств, которые так или иначе не были бы связаны с имущественными отношениями. Возмездные обязательства, какова бы ни была их цель, всегда являются имущественными. Но и безвозмездное обязательство, как утверждает автор, относится к имущественным, если его содержанием является передача вещи в собственность. Исходя из изложенного, можно говорить об имущественном характере обязательств.

Проанализируем преддоговорные контакты сторон с точки зрения указанных характеристик. Закон устанавливает определенные требования к оферте и акцепту, оферта должна содержать существенные условия договора, а акцепт – полное согласие с такими условиями. Но преддоговорные контакты сторон часто состоят из обмена предложениями, которые не содержат существенных условий договора, тем более предметом переговоров может быть и сам вид договора, подлежащий заключению. Таким образом, контакты сторон могут быть связаны только с предложением вести переговоры в определенном направлении.

Для того чтобы преддоговорные контакты стали правоотношением, необходимо установить стороны. Если заключение договора обязательно для одной из сторон, права и обязанности возникнут, если будет направлена оферта. Если стороны свободны в заключении договора, то отношения по ведению переговоров возникнут при направлении акцепта на иных условиях или будет иметь место иное вступление обеими сторонами в ведение переговоров. При этом лицо, получившее оферту, в любом случае должно вести себя добросовестно и не отвечать на нее, если не имеет желания заключить договор. Обязанность вести себя добросовестно возникает и при контактах сторон, даже если еще не сформулированы предложения по всем существенным условиям будущего договора, для закона важно наличие намерения заключить договор.

Например, А. Тон высказывал мнение, что предпосылкой ответственности за преддоговорную вину выступает наличие между сторонами правоотношения, а не только требование разумности и добросовестности. Отношения сторон после направления оферты, но до принятия акцепта подпадают под понятие действия в чужом интересе [3, с.38-39].

По мнению А. Кеппена, если заключение сделки не приводит к заключению договора, порождающему обязанности по его исполнению, стороны

остаются связанными договором как правоотношением и обязательством, которое возникает в момент акцептации оферты и в рамках которого может быть реализована ответственность за culpa in contrahendo [2, с. 269].

Из этих совершенно разных точек зрения можно сделать вывод, что без правоотношения не может существовать обязанности, в том числе обязанности вести себя добросовестно при ведении переговоров, за нарушение которой возможно привлечение к ответственности в виде возмещения причиненных недобросовестным поведением убытков.

Из приведенного обзора позиций о сущности преддоговорных контактов сторон можно сделать вывод, что между участниками переговоров возникает особое обязательство. Наше законодательство также регламентирует преддоговорный этап отношений сторон, закрепляет определенные последствия совершения действий или бездействия на преддоговорном этапе. Исходя из новых правил ГК РФ, можно говорить о регулировании отечественным законодателем преддоговорного отношения как обязательства. Обязательство по ведению переговоров возникает, когда становятся известны его участники.

Список использованных источников:

1. Гавзе, Ф.И. Обязательственное право (общие положения) / Ф. И. Гавзе. – Минск: БГУ им. В.И. Ленина, 1968. – 126 с.
2. Глинцевич, К. В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве / К. В. Кузьмин // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 3. – С. 13-15.
3. Суханов, Е. А. Гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 2. Полумтом 1 / Е.А. Суханов. – Москва: Волтерс Клувер, 2004. – 368 с.
4. Иоффе, О. С. Избранные труды по гражданскому праву. Гражданское правоотношение / О. С. Иоффе. – Москва: Академия, 2000. – 800 с.
5. Кучер, А. Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект / А. Н. Кучер. – Москва: Статут, 2005. – 363 с.
6. Лавров, Д.Г. Денежные обязательства в российском гражданском праве / Д. Г. Лавров. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 248 с.

**ПРОБЛЕМА КОМПЕНСАЦИИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО (РЕПУТАЦИОННОГО)
ВРЕДА КАК СПОСОБА ЗАЩИТЫ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ СУБЪЕКТОВ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

© К.А. Бедарева

Научный руководитель: И.Д. Кузьмина

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Механизм защиты деловой репутации на сегодняшний день вызывает особый интерес среди юристов, поскольку самые большие практические проблемы возникают при защите именно этого блага.

Действующее законодательство не содержит конкретного определения понятия «деловая репутация субъекта предпринимательской деятельности». В юридической литературе предлагаются различные варианты определения данного понятия. Ю.З. Сахапов предложил следующее: «деловая репутация субъекта предпринимательской деятельности – публичная оценка потенциальной способности субъекта к осуществлению предпринимательской деятельности, т.е. как он получает прибыль, не нарушая закон» [11]. При этом стоит учитывать, что к субъектам предпринимательской деятельности относятся как индивидуальные предприниматели, так и юридические лица, которые по своей природе имеют существенные различия.

О.А. Ульянова выделила следующие отличительные черты деловой репутации юридического лица: динамизм (т.е. деловая репутация юридического лица возникает и формируется в процессе его деятельности, а не с момента учреждения), отчуждаемость (деловая репутация может быть передана по договору купли-продажи в составе предприятия), оцениваемость (имеет денежную оценку с различной степенью точности, в зависимости от ситуации), ограниченный срок существования (деловая репутация как благо существует только в период активной деятельности лица, т.е. когда такое благо может служить полезным средством для осуществления предпринимательской деятельности), и, наконец, неразрывная связь с предпринимательской деятельностью, вследствие чего обладать деловой репутацией может только субъект предпринимательства [12]. Существуют и отличные точки зрения относительно сущности и правовой природы данного понятия. Например, М.А. Исакова рассматривает деловую репутацию юридического лица как неотчуждаемое благо, также как и деловую репутацию физического лица, которое не может быть объектом сделки, поскольку не является собственностью.

Следовательно, другому лицу может быть передано лишь право на использование деловой репутации [5].

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что деловая репутация субъекта предпринимательской деятельности представляет собой неимущественное благо, но любое посягательство на него может повлечь имущественные потери для субъекта.

Рассматривая способы защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности, перечисленные в статье 152 ГК РФ, особое внимание стоит обратить на такую меру как компенсация морального вреда. Из анализа статьи 151 ГК РФ под моральным вредом понимается причинение физических или нравственных страданий [1].

До 1 октября 2013 года часть 7 статьи 152 ГК РФ гласила: «правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица» [2]. Таким образом, из буквального толкования данной нормы следовало, что и юридические, и физические лица могли прибегнуть к такой мере как компенсация морального вреда. Относительно требований о компенсации морального вреда, выдвигаемых индивидуальными предпринимателями, суды во мнении едины, утверждая, что они вправе обратиться с таким иском, защищая свою деловую репутацию, поскольку гражданин, осуществляя предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, не утрачивает способность испытывать нравственные и физические страдания, в том числе, если моральный вред причиняется ему в связи с этой деятельностью [4].

Между тем вопрос возможности компенсации морального вреда юридическому лицу на протяжении долгого времени вызывал громкие споры. Противники возможности такой компенсации обосновывали свою позицию тем, что юридическое лицо не может испытывать физические и нравственные страдания, соответственно, ему не может быть причинен моральный вред. Более того, последствия причиненного вреда носят сугубо имущественный характер, поэтому для восстановления нарушенного права достаточно возмещения понесенных убытков [3]. Сторонники противоположной позиции придерживались мнения, что вред, наносимый деловой репутации, влечет умаление престижа и имиджа организации и не может быть оценен лишь в пределах суммы понесенных убытков [6].

Конституционный Суд РФ в определении от 04.12.2003 № 508-О установил, что «...отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением

деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину)» [8]. Верховный суд РФ в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» также поддержал возможность компенсации морального вреда юридическими лицами [7]. Таким образом, были созданы предпосылки для создания единообразной судебной практики, в соответствии с которой юридическое лицо вправе обратиться с иском о компенсации нематериального вреда, или, так называемого репутационного вреда.

Однако с принятием Федерального закона от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» право юридических лиц на компенсацию морального вреда было законодательно исключено. Статья 152 ГК РФ изложена в новой редакции, в соответствии с которой пункт 11 гласит: «правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица» [13]. Как мы видим, законодателем не была учтена вышеизложенная позиция судов, как результат – существенный правовой пробел.

После указанных нововведений изменилась и судебная практика. Так, в определении судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17 августа 2015 г. № 309-ЭС15-8331 суд признал не подлежащими удовлетворению требования юридического лица о компенсации морального вреда, обосновывая это тем, что такая компенсация может иметь место только при наличии прямого указания в законе, однако действующее законодательство таких положений не содержит [10].

Прямо противоположная позиция изложена в определении Верховного Суда РФ от 18 ноября 2016 № 307-ЭС16-8923, согласно которой суд, ссылаясь на определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 508-О, признает обоснованными требования юридического лица о компенсации морального вреда [9].

Помимо отсутствия законодательно закрепленного права юридического лица на компенсацию нематериального (репутационного) вреда, а также разрозненной по этому поводу позиции судов, ситуация усугубляется тем, что критерии и способы расчета размера причиненного репутационного вреда также не разработаны. Если до внесения изменений в статью 152 ГК РФ при расчете размера причиненного вреда суды руководствовались положениями

статьи 1101 ГК РФ, то в настоящее время норма, на которую могли бы ссылаться суды при расчете репутационного вреда, попросту отсутствует.

Изложенное позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день юридические лица фактически лишены возможности реализовать свое право на защиту деловой репутации посредством компенсации нематериального (репутационного) вреда, которое им предоставлено в соответствии с позицией Конституционного Суда РФ.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51 – ФЗ : (ред. от 28 марта 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51 – ФЗ : (ред. от 23 июля 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – ст. 3301.
3. Гусалова, А. Р. Гражданско–правовая защита деловой репутации: дис. канд. юрид. наук / А. Р. Гусалова. – Владикавказ, 2012.
4. Защита деловой репутации [Электронный ресурс] // Арбитражный суд Свердловской области [сайт]. – 2019. – Режим доступа: <http://ekaterinburg.arbitr.ru/node/14364>.
5. Исакова, М. А. Гудвилл – деловая репутация предприятия / М.А. Исакова // Новая наука: проблемы и перспективы. – 2016. – № 4.
6. Мехтиханова, Л. В. Проблемы компенсации репутационного вреда / Л.В. Мехтиханова // Юрист. – 2012. – № 17. – С. 44–45.
7. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24 февр. 2005 г. № 3 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации 82 от 04 дек. 2003 г. № 508–О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [сайт]. – Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-04122003-n-508-o-ob/>.

9. Определение Верховного Суда РФ от 18 ноября 2016 № 307-ЭС16-8923 // Портал Гарант.ру [сайт]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71442850/>.

10. Определении Верховного Суда РФ от 17 августа 2015 г. № 309-ЭС15-8331 // Портал Гарант.ру [сайт]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71067964/>.

11. Сахапов, Ю. З., Понятие деловой репутации субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности / Ю.З. Сахапов // Вестник СамГУ. – 2006. – №10-3.

12. Ульянова, О. А. Деловая репутация юридического лица в российском гражданском праве: понятие и отличительные черты [Электронный ресурс] // Молодой ученый. — 2015. — №9. — С. 891-896. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/89/17830>.

13. Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2013. – № 27. – ст. 3434.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНАХ И ТКАНЯХ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТАХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

© А.В. Бурнакина

Научный руководитель: Н.В. Шапран
Сибирский федеральный университет

Изучение тела человека и его отдельных биологических объектов, в частности, органов и тканей имеет, с медицинской точки зрения, длинную историю. Тем не менее, вопрос о правовом режиме органов и тканей человека лишь в последние годы стал привлекать внимание исследователей, а развитие современной медицины, и возникающий в связи с этим ряд моральных и этических вопросов, привели к необходимости их рассмотрения не только в качестве биологической категории, которой они, безусловно, остаются, но и в юридическом аспекте.

На данный момент существует проблема в признании биологических объектов человека в числе объектов гражданских прав, поскольку в ст. 128 ГК РФ они в качестве таковых не названы. Кроме того, учитывая такую специфику биообъектов, как появление и развитие в результате естественного, биологического процесса и тесную физическую связь с личностью носителя, некоторые авторы говорят о невозможности их регулирования при помощи

гражданского права, поскольку данные объекты не имеют рыночного эквивалента [4]. Тем не менее, для того чтобы разрешить данный вопрос, необходимо проанализировать признаки, присущие объектам гражданских прав и их применимость в отношении органов и тканей человека.

Так, одним из наиболее важных признаков объектов гражданских прав выступает их дискретность, то есть их качественная, а также физическая и/или учетная определенность и обособленность от всех других объектов [5]. Биологическим объектам присущ данный признак в силу их принадлежности к определенному живому организму и индивидуализированному характеру, при этом для их обособления нет необходимости прибегать к специальным юридическим процедурам.

Еще одним признаком объектов гражданских прав является их способность к удовлетворению потребностей субъектов гражданских правоотношений или иначе их полезность для участников гражданского оборота. В данном случае необходимо отметить, что данный признак также характерен для биообъектов человека, однако для определенных их видов и в разной степени [1]. Очевидно, что органы и ткани, используемые при трансплантации, способны удовлетворить потребность путем спасения жизни лица – реципиента [8].

Следующий рассматриваемый признак – юридически гарантированная возможность правового закрепления объектов за субъектами гражданского права, или, как его назвал профессор В.А. Лапач, «юридическая привязка» [5]. Особенностью этого признака по отношению к биологическим объектам человека является то, что он применим к ним только после отделения того или иного объекта от организма лица. Как подчеркивает сам исследователь, «юридическая привязка» позволяет отграничить природные объекты в их естественном состоянии от объектов в правовом смысле и обеспечивает регламентацию процесса перехода из натурального состояния предметов в правовое состояние объектов субъективных прав.

Такой вывод представляется логичным и более того, в отношении относимости иных признаков также целесообразно говорить о тех биологических объектах, которые существуют вне организма их носителя. Можно сказать, что органы и ткани рассматриваются как объект права, лишь пока они существуют вне субъекта гражданского права, и, с другой стороны, вновь становясь частью живого организма (например, кровь в результате переливания или трансплантат), они выводятся из сферы правового регулирования. К сожалению, практика, подтверждающий этот тезис, на данный момент отсутствует.

Таким образом, несмотря на различие в позициях по данному вопросу, органы и ткани человека все же могут считаться объектом гражданских прав,

а соответственно, различных гражданско-правовых сделок, при условии, однако, что существуют автономно от субъекта права.

Признавая органы и ткани человека в качестве объектов гражданских прав, необходимо также определить гражданско-правовой статус, которым они обладают. Поскольку в российском законодательстве существует лишь фрагментарное правовое регулирование данных объектов, в юридической литературе существуют различные, зачастую противоположные друг другу точки зрения. В целом, их все можно разделить на три группы: в соответствии с первой органы и ткани – это нематериальные блага; согласно второй они относятся к вещам; и наконец, представители третьей позиции говорят о том, что их необходимо выделять в отдельную группу гражданских прав, не включенную в ст. 128 ГК РФ. Для того чтобы сформулировать собственный вывод по данной проблеме, необходимо более детально рассмотреть каждую из позиций.

Так, Л.О. Красавчикова предложила рассматривать органы и ткани человека в качестве нематериальных благ. В своей работе она говорит о том, что, несмотря на их воплощение в качестве материальных предметов, ценность органов и тканей определяется не весом или количеством. Это в первую очередь сугубо личные блага, принадлежащие человеку с момента рождения и лишь после отделения от тела теряющие свою индивидуальную определенность [3]. С данной позицией сложно согласиться; с одной стороны, органы и ткани, действительно, обладают наряду с другими нематериальными благами, личным характером, то есть существование данных благ невозможно вне связи с определенным конкретным физическим лицом. Однако, как уже было установлено, биологические объекты, в том числе органы и ткани, становятся объектами гражданских правоотношений лишь после их отделения от тела, например, путем хирургического вмешательства, что не отвечает ключевому признаку всех нематериальных благ – неотделимость от личности. К тому же, все органы и ткани обладают телесностью, они существуют в виде объектов материального мира, что не характерно ни для одного из названных в ст. 150 ГК РФ нематериальных благ; из чего следует, что органы и ткани таковыми не являются.

Что касается второй позиции, рассматривающей органы и ткани как разновидность вещей, аргументами в ее пользу является то, что данные биообъекты соответствуют основным признакам вещей в гражданском праве, а именно таким, как материальность, способность находиться в обладании человека и направленность на удовлетворение его потребностей [7]. Эта позиция видится наиболее соответствующей действительности, поскольку, как уже не раз было отмечено, органы и ткани имеют овеществленное внешнее

выражение, лица могут обладать ими (например, медицинские учреждения после проведения операции по извлечению органа), а также данные объекты удовлетворяют потребности физических лиц в сфере здравоохранения. Также биологические объекты обладают и экономической стоимостью (если это не запрещено законом), что также позволяет говорить об их вещно-правовой природе.

Более того, как верно отмечено М.Н. Малеиной, после отделения органа или ткани от организма человека, у него возникает право собственности на объекты, ранее являющихся частью его самого [6]. Этот тезис подтверждается на практике: на законодательном уровне существуют возможности распоряжения органами и тканями: донорства крови, трансплантации.

Сторонники последней точки зрения утверждают, что органы и ткани нельзя отнести ни к вещам, ни к нематериальным благам. Исследователи говорят о том, что данные биообъекты сочетают в себе черты обоих из названных объектов вещных прав, а также, что материальность не обязательно говорит именно о принадлежности к вещам [1]. Такая позиция имеет место быть, однако говорить о том, что органам и тканям все же присущи черты нематериальных благ сомнительно; сравнивая их с иными нематериальными благами, такими, как жизнь, здоровье, достоинство личности, становится очевидно, что они находятся в разных плоскостях правового регулирования.

На основании вышесказанного, можно сделать вывод, что, органы и ткани человека необходимо признавать в гражданском обороте как объект гражданских прав, а именно в качестве разновидности вещей. В связи с этим встает необходимость дополнить ст. 128 Гражданского кодекса путем включения в перечень вещей, помимо наличных денег и документарных ценных бумаг, органов и тканей человека.

Список использованных источников:

1. Аполинская, Н.В. Биологические объекты человека в гражданском праве Российской Федерации: диссертация [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека [сайт]. – Режим доступа: <https://www.rsl.ru>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – ст. 3301.
3. Красавчикова, Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации / Л.О. Красавчикова. – Екатеринбург, 1994.

4. Красновский, Г.Н. Биоэтические и уголовно-правовые проблемы в законе Российской Федерации о трансплантации органов и (или) тканей человека. / Г.Н. Красновский // Государство и право. – 1993. – № 12. – С. 69–75.

5. Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. [Электронный ресурс] // «Все о праве»: информационно-образовательный юридический портал [сайт]. – 2019. – Режим доступа: <http://www.allpravo.ru>.

6. Малеина, М.Н. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Мызров, С.Н., Нагорный В.А. К вопросу о вещно-правовом статусе органов и тканей человека: дифференцированный подход к разрешению проблемы. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Постановление ЕСПЧ «Элберте (Elberte) против Латвийской Республики» от 13.01.2015 по жалобе № 61243/08 [Электронный ресурс] // European court of human rights [сайт] – Режим доступа: <https://www.echr.coe.int>.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕДДоговорной ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТ. 434.1 ГК РФ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕДОСТОВЕРНЫЕ ЗАВЕРЕНИЯ ПО СТ. 431.2 ГК РФ

© К.С. Бушмина

Научный руководитель: Н.Ф. Качур

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В результате реформы гражданского законодательства в 2015 года были существенно модернизированы нормы обязательственного, в том числе договорного, права. Одними из самых обсуждаемых новелл гражданского законодательства стали новые нормы о преддоговорной ответственности и ответственности за недостоверные заверения. [1]

Преддоговорная ответственность и ответственность за недостоверные заверения выступают по отношению друг к другу альтернативными мерами правового воздействия, являющимися неотъемлемой частью концепции добросовестности сторон. Новые санкции и порядок их применения побуждают к постановке вопроса об их соотношении.

Прежде всего, следует обратить внимание на широту действия указанных норм в рамках договорных отношений. Ст. 434.1 ГК РФ предусматривает ответственность за недобросовестные переговоры на протяжении всего преддоговорного этапа, т.е. от вступления в переговоры до их завершения. Вместе с тем, ответственность за предоставление недостоверных заверений об обстоятельствах урегулирована на всех стадиях обязательственных правоотношений, начиная от переговоров и до прекращения обязательств. [2]

В отличие от заверений об обстоятельствах, ст. 434.1 ГК РФ подлежит применению только в том случае, если недобросовестная сторона осуществляла свои действия умышленно. Так, в рассматриваемом случае для привлечения к ответственности необходимо, как минимум, бездействие недобросовестной стороны. В свою очередь, положения ст. 431.2 ГК РФ могут быть использованы и в тех случаях, когда сторона предприниматель добросовестно заблуждалась в отношении полученной информации, т.е. независимо от вины.

Отличает рассматриваемые институты также существо возмещения убытков в рамках ответственности. Сущность преддоговорной ответственности сводится к возмещению убытков, понесенных добросовестной стороной в связи с ведением переговоров, потерей возможности заключить договор с третьим лицом, а также убытков, которые были причинены в результате раскрытия или использования конфиденциальной информации. В рамках преддоговорной ответственности имеет место возмещение так называемого негативного интереса. [3]

Институт заверений об обстоятельствах устанавливает полное возмещение позитивного договорного интереса, и позволяет контрагенту право выбора наиболее удобного способа возмещения, в частности, требовать уплаты убытков, которые были причинены недостоверностью заверений, либо взыскания договорной неустойки. Кроме того, ГК РФ дает возможность потерпевшей стороне требовать признания договора недействительным или незаключенным, в том числе, если заверения имели существенное значение или если договор был заключен под влиянием обмана или существенного заблуждения, отказаться от договора. [4]

Обращает на себя внимание п.7 ст. 431.1 ГК РФ, который применяется независимо от того, был ли заключен сторонами договор по итогам переговоров. Следует согласиться с тем, что данное положение свидетельствует о том, что законодатель пошел по пути ассимиляции ответственности за недостоверные заверения об обстоятельствах с преддоговорной ответственностью. [5]

При всех выше названных отличиях исследуемых норм, следует отметить сходство выполняемых ими функций – регулируют одни и те же

правоотношения в случае, если ложная информация поступила на преддоговорном этапе, и впоследствии договор был заключен.

Так, в доктрине преддоговорной ответственности Р. Иеринга говорилось, что в случае обнаружившейся впоследствии незаключенности или ничтожности по видимости заключенного или действительного договора выступившая инициатором вступления в договорные отношения сторона всегда несет перед контрагентом за это ответственность, поскольку от нее зависело, вступать в договор или нет. Данным положением преддоговорная ответственность фактически отождествляется с ответственностью, основанной на риске. [6]

Таким образом, можно заключить, что ответственность за недостоверные заверения представляет собой частный случай преддоговорной ответственности, охватывающей не только ответственность за недостоверные заверения, но и ответственность за умолчание об обстоятельствах, о которых сторона переговоров должна была проинформировать контрагента исходя из принципа добросовестности.

Список использованных источников

1. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ: Ф3 РФ от 08.03.2015 №42-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>;
2. Концепция развития гражданского законодательства РФ (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10.2009) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Демкина, А.В. О преддоговорной ответственности в гражданском праве / А.В. Демкина // Гражданское право. 2016. № 1.
4. Филиппова, Т.А., Коваленко, Е.Ю. осуществление гражданских прав в контексте новелл гражданского законодательства / Т.А. Филиппова, Е.Ю. Коваленко // Известия АлтГУ. 2017. №3.
5. Рудоквас, А.Д. Некоторые проблемы применения ст. 431.2 ГК РФ в связи с принципом добросовестности/ А.Д. Рудоквас // Вестник гражданского права. 2017. № 2.
6. Иеринг Р. *Culpa in contrahendo*, или возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров / Р. Иеринг // Вестник гражданского права. 2013. № 3.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СОГЛАШЕНИЯ О РАЗДЕЛЕ ПРОДУКЦИИ

© Д.И. Головин

Научный руководитель: Е.Н. Петрова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Соглашение о разделе продукции (СРП) как институт правового регулирования отношений между государством и частным инвестором существует в России почти четверть века. Однако до сих пор среди ученых нет единого мнения о том, к какой отрасли права следует отнести соглашение, поскольку в нем, предположительно, присутствуют элементы нескольких отраслей, среди которых более явно выделяют административное и гражданское право.

Соглашение о разделе продукции устанавливает юридические рамки, содержит условия (разработанные достаточно конкретно и подробно), определяющие права и обязанности инвестора — отечественного или иностранного, а также права и обязанности государства. В Федеральном законе о СРП указывается, что данный закон регулирует отношения, возникающие в процессе заключения, исполнения и прекращения соглашений о разделе продукции, а также отношения, возникающие в процессе поиска, разведки и добычи минерального сырья, его транспортировки, обработки, хранения, переработки, использования, реализации или распоряжения иным образом, то есть весь комплекс проблем, связанных с поиском, производством и реализацией минерального сырья.

Институт соглашения о разделе продукции явился в свое время нововведением в российское законодательство. Такие виды договоров не содержатся в гражданском либо ином российском законодательстве. Они необычны как по своему содержанию, так и по субъектному составу, как отмечает В. Н. Лисица [1].

Номинально можно предположить, что соглашение о разделе продукции является своеобразным ответвлением договора коммерческой концессии. Так, в соответствии со статьей 1027 Гражданского кодекса РФ, договор коммерческой концессии представляет собой передачу права пользования исключительными правами, принадлежащими правообладателю, на определенный срок [2]. В соответствии со статьей 2 Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции», СРП предусматривает передачу инвестору исключительных прав на осуществление деятельности на участке недр [3]. То есть, предмет договора аналогичен с той поправкой, что ФЗ «О соглашениях...»

рассматривает этот вопрос в сфере недропользования, которая не является объектом гражданских правоотношений, т.к. недра, в соответствии с Федеральным законом «О недрах» являются собственностью Российской Федерации.

Однако сходство между этими видами договоров на этом заканчиваются. Во-первых, в СРП одной из сторон договора является государство, чего нет в договоре концессии. Во-вторых, существует весомое различие между платежами за использование исключительных прав – по договору концессии четко определено вознаграждение за пользование исключительными правами (фиксированные платежи, процент от выручки и т.д.). Соглашение о разделе продукции предусматривает более сложную систему платежей за право пользоваться исключительными правами в области недропользования. Российская Федерация при заключении соглашений о разделе продукции ориентирована на индонезийскую форму раздела продукции. Данная модель предполагает деление платежей на три ступени:

- из полученной инвестором продукции первоначально выделяется часть, которая отчисляется государству в виде платежей за пользование недрами (ренталс, роялти);
- затем из продукции выделяется часть, которая переходит государству в качестве компенсации за понесенные затраты на поиски и разведку полезных ископаемых;
- оставшаяся часть подлежит разделу между государством и инвестором в соответствии с условиями соглашения, из своей доли инвестор также уплачивает налог на прибыль [4].

По мнению Н. П. Зарубиной, соглашение о разделе продукции косвенно включает в себя договор о совместной деятельности (договор простого товарищества) [5], поскольку в соглашении о разделе продукции в качестве инвестора могут выступать как отечественные, так и зарубежные компании, в том числе созданные на условиях договора о совместной деятельности товарищества без образования юридического лица (статья 3 Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции»). То есть, СРП содержит в себе элементы еще одного вида договора гражданско-правового характера, пусть это и не является обязательным условием, т.к. случаи инвестирования единственной организацией по соглашению о разделе продукции также имеют место быть.

Так, в соглашении о разделе продукции «Сахалин-1», заключенном в 1995 году, в качестве инвестора выступал Консорциум компаний «Эксон Нефтегаз Лимитед», Сахалин Ойл Девелопмент Корпорейшн Компани

Лимитед» и российских ЗАО «Сахалинморнефтегаз-Шельф» и ЗАО «Роснефть-Сахалин».

И. Ю. Юшкарев и С. Б. Немченко считают, что в соглашении о разделе продукции присутствуют элементы договора подряда [6]. В частности, они сравнивают СРП с выполнением работ по заданию заказчика, т.к. работы по СРП выполняются в соответствии с программами, планами и сметами.

Важным фактом, опровергающим сходство соглашения о разделе продукции и договора подряда является то, что результат работы по договору подряда в полном объеме подлежит передаче заказчику. Более того, соглашение о разделе продукции помимо непосредственного деления «результата работы» (произведенной продукции) также допускает возможность вывоза инвестором его доли в неограниченном объеме, что невозможно по договору подряда. Единственным исключением является возможность подрядчика претендовать на часть результата работ вместо платы за выполненную работу. Но в этом случае весь объем добытой продукции будет находиться в общей долевой собственности участников договора, что также проводит грань между договором подряда и соглашением о разделе продукции.

Также существует ряд мнений касательно вопроса принадлежности соглашения о разделе продукции к договорам административно-правового характера.

Так, Е.В. Васильев считает, что соглашение о разделе продукции является договором публично-правового характера. В связи с отсутствием законодательного определения административного договора, такой договор большинством ученых определяется как «основанный на административно-правовых нормах и выработанный в публичных интересах в результате добровольного соглашения субъектов административного права, одним из которых всегда выступает субъект административной власти...» [7] – то есть, соглашение о разделе продукции можно считать таковым, поскольку одной из сторон соглашения является государство в лице Правительства Российской Федерации и субъекта РФ, на территории которого находится участок недр, передаваемый инвестору. Также некоторые исследователи предполагают, что СРП является исключительно административно-правовым договором, так как, заключив соглашение, государство обязуется совершать административные действия. Также, в соответствии со статьей 23 Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции», Российская Федерация может ограничить свой судебный иммунитет, что может осуществляться только в административном порядке [3].

Вместе с этим, существует и противоположное мнение. Л. М. Буслаева считает, что несмотря на тот факт, что недропользование отнесено к административно-правовым отношениям, это не является основанием для отнесения соглашения о разделе продукции к административно-правовым договорам [8].

В пользу того, что соглашение о разделе продукции относится к административно-правовым договорам говорит и факт наличия процедуры лицензирования, что является публично-правовым институтом. То есть, государство передает права на пользование участками недр инвестору, а вместе с этим, согласно статье 4 ФЗ «О соглашениях о разделе продукции», выдает инвестору лицензию на право осуществления такой деятельности [3].

Стоит рассмотреть и позицию о том, является ли СРП смешанным договором. На основании статьи 421 Гражданского кодекса РФ, смешанный договор содержит в себе элементы различных договоров [2]. Соглашение о разделе продукции содержит схожие с оными в других видах договоров элементы (например, предмет договора – договор коммерческой концессии). Но вместе с этим данные элементы не соответствуют им полностью, как было рассмотрено ранее в ситуации с договором коммерческой концессии, что позволяет сделать вывод о том, что СРП содержит скорее некоторые признаки различных договоров. То есть, не является смешанным.

В пользу факта о самостоятельности соглашения о разделе продукции Л. М. Буслаева указывает на тот факт, что «...система выдачи лицензий или осуществление контроля и надзора за недропользованием, не представляют сами по себе вид договора в соответствии с пунктом 3 статьи 421 Гражданского кодекса РФ, но являются частью договора» [8].

Исходя из этого, можно предположить, что соглашение о разделе продукции является самостоятельным видом договора, преимущественно гражданско-правовой направленности. Единственной оговоркой в пользу административно-правового характера соглашения является специфика регулируемых правоотношений, поскольку недропользование в соответствии с Конституцией РФ и Федеральным законом «О недрах» не является одним из предметов гражданско-правового регулирования.

Список использованных источников:

1. Лисица В.Н. Применение норм инвестиционного права в регулировании инвестиционных отношений / В.Н. Лисица // Законодательство. – 2011. – № 10.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации в 4 ч. Ч. 2 [Электронный ресурс]: федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. О соглашениях о разделе продукции [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Кириллов К.М. Соглашение о разделе продукции – история и современное состояние проблемы / К.М. Кириллов // Проблемы экономики. – 2001. – № 4.

5. Зарубина Н.П. О правовой природе соглашений о разделе продукции / Н.П. Зарубина // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2015. – № 27.

6. Юшкарев И.Ю. Правовая природа соглашения о разделе продукции (СРП) / И.Ю. Юшкарев, С.Б. Немченко // Нефть, газ и право. – 2005. – № 5.

7. Васильев Е.В. Административно-правовая природа соглашений о разделе продукции в нефтегазовом комплексе России / Е.В. Васильев // *Matters of Russian and International Law*. – 2016. – № 6.

8. Буслаева Л.М. Правовая природа соглашения о разделе продукции как инвестиционного договора / Л.М. Буслаева // Публичное и частное право. – 2014. – № 21.

ПЕРЕПИСКА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

© К.А. Горобец

Научный руководитель: Е.Н. Тогузаева

канд. юрид. наук

Саратовский государственный университет

Все мы знаем, что наши переписки в социальных сетях защищаются правом на тайну переписки. В современном мире это неотъемлемая часть комплекса прав человека, ведь без этого права большая часть людей будет чувствовать себя некомфортно. В нашей стране это положение закреплено в Конституции РФ в ст. 23: «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения».

После смерти человека это положение продолжает действовать, многие родственники не могут получить доступ к аккаунтам в социальных сетях, так

как в законе не прописана передача подобных сведений. Во многом судьба аккаунта умершего человека определяется политикой конфиденциальности компании, где был зарегистрирован аккаунт этого человека. В ряде случаев можно создать так называемый «цифровой мемориал» из страницы. При жизни человек может назначить хранителя, который должен будет известить на странице о месте и времени проведения похорон, а также написать прощальный пост, но при этом ему не предоставляется возможность читать переписки и просматривать другие личные данные. В большинстве случаев компании предлагают законсервировать страницу, либо просто удалить без возможности дальнейшего восстановления.

Но на практике бывают случаи, когда родственникам необходимо получить доступ к перепискам в социальных сетях умершего человека. Можно привести пример из мировой практики, случай произошел в Германии в 2012 году. 15-летняя девочка погибла под колесами поезда, однако обстоятельства дела в полной мере не позволяли установить, являлось ли случившееся несчастным случаем или самоубийством. Родители хотели выяснить, не было ли травли со стороны сверстников, проблем с учениками, которые могли заставить ее шагнуть под поезд. Родители обратились в суд первой инстанции с заявлением о предоставлении доступа к перепискам дочери в надежде, что полученные данные смогут прояснить обстоятельства произошедшего. Суд первой инстанции встал на сторону родителей девочки, обязав компанию Facebook предоставить доступ к личной информации пользователя. Однако в дальнейшем это решение было обжаловано в вышестоящий суд, который отказал в удовлетворении данного требования, так как социальная сеть указывала на конфиденциальность этих данных. И только лишь в июле 2018 года Верховный суд Германии установил, что данные аккаунтов социальных сетей, в том числе фото, переписка, личные сообщения приравниваются к дневникам и письмам, которые, согласно немецкому законодательству, передаются по наследству.

Нужна ли подобная практика в Российской Федерации? Представляется верным, что подобная практика возможна на территории нашей страны, так как подобные ситуации иногда возникают.

Следует обратить внимание на то, что у близких людей умершего человека должна быть юридически закрепленная возможность получить доступ к личным данным человека в социальных сетях. В данной ситуации возможно применение права по аналогии, то есть наследник может получить дневники, письма, ежедневники наследодателя. Но должно ли это распространяться и на цифровые материалы? Согласно сложившейся практике на сегодняшний

день доступ к перепискам умершего человека не предоставляется. Это положение вызывает критику со стороны ряда ученых, которые считают, что непризнание наследственным имуществом части содержимого баз данных неправильно, так как во многих данных, которые относятся к личности пользователя, содержатся признаки авторского права.

Зачастую в сферу интересов семьи умершего человека попадает доступ к информации в виде семейных переписок, фото и видеофайлов с семейных торжеств и т.п. Так как многие люди на сегодняшний день пользуются социальными сетями как своеобразным «цифровым хранилищем информации». Подобные нематериальные объекты отражают семейные ценности, являются частью духовного единства семьи наследодателя. Запрет на доступ к информации такого рода нарушает права наследников в части сохранения этой информации об умершем человеке.

Как же можно решить подобную ситуацию? Например, человек заранее может указать в своем завещании желает ли он, чтобы его наследники после его смерти получили доступ к информации из аккаунтов в социальных сетях. Если же наследование происходит по закону, то в общем порядке доступ к подобной информации должен охраняться тайной переписки. Но наследники могли бы получить доступ к ней на определенный срок по решению суда без возможности изменения этой информации, а только с возможностью ее копирования в течение определенного срока, установленного решением суда. То есть наследники получают возможность сохранить для себя необходимую информацию, но не смогут писать сообщения и осуществлять иные действия от имени умершего человека. После истечения этого срока наследникам должен быть предоставлен выбор: удалить страницу умершего человека в социальной сети, либо сделать ее «цифровым мемориалом».

Предполагается целесообразным, что подобная возможность может существовать в виде приказного производства, так как оно наиболее быстро позволит решить вопрос о допустимости получения подобных сведений родственниками умершего. Судебный приказ может быть вынесен, если указанные в заявлении доводы являются достаточными для вынесения подобного решения. Но доступ к этой информации будет закрыт, если это лицо было убито, пропало без вести, чтобы не дать наследникам изменить данные из социальных сетей, которые могут служить в дальнейшем доказательствами для таких дел.

В заключении хотелось бы привести историю московского музыканта, который после смерти своей матери, решил составить архив ее выступлений на концертах, который содержался в ее переписке по электронной почте, но в

доступе ему было отказано. В текущем случае мы не можем предоставить ему возможность доступа к этой информации, как было бы правильным с моральной точки зрения, в данной ситуации мы должны придерживаться буквы закона, которая запрещает передавать охраняемую законом информацию. Такая ситуация сохранится до тех пор, пока не будет разработан действенный механизм правового регулирования данного вопроса. Предоставление доступа к информации такого рода во многом будет зависеть от политики компаний, которая может различаться, в то время как представляется правильным единообразное правовое регулирование этой проблемы.

Список использованных источников:

1. Гонгало, В.М. Гражданское право. Том 1 / В.М. Гонгало. – Москва: Изд-во СТАТУТ, 2017 – 503 с.
2. Желонкин, С.С. Наследственное право / С.С. Желонкин, Д.И. Ивашин – Москва: Изд-во ЮСТИЦИНФОРМ, 2014 – 54 с.
3. Кириллова, Е.А. Наследственное право России / Е.А. Кириллова – Москва: Изд-во РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017 – 157 с.
4. Новоселова, Л.А. Право интеллектуальной собственности. Том 1. Общие положения / Л.А. Новоселова – Москва: Изд-во СТАТУТ, 2017. – 512 с.

ДОБРОСОВЕЩНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

© Д.А. Емельяненко

Научный руководитель: Ю.Ц. Машарова

Сибирский федеральный университет

Понятие «добросовестности» часто использовалось для оценки поведения участников гражданского оборота, однако свое закрепление в качестве основополагающего начало гражданского права получило при проведении реформы гражданского законодательства в 2012 году.

В настоящее время в Российской Федерации принцип добросовестности законодательно закреплен в ст. 1 ГК РФ как один из основополагающих принципов гражданского права. Согласно положению, закрепленного в п.п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения» [2].

Также добросовестность закреплена и в других статьях гражданского кодекса. Так, например, в п. 3 ст. 602 ГК РФ сказано, что при разрешении спора между сторонами об объеме содержания, которое предоставляется или должно предоставляться гражданину, суд должен руководствоваться принципами добросовестности и разумности [3].

Следует отметить, что в российском гражданском праве добросовестность рассматривается в нескольких смыслах:

- как оценочное понятие для определения поведения субъектов гражданского правоотношения – п. 2 ст. 6 ГК РФ устанавливает, что при невозможности использования аналогии закона, права и обязанности сторон определяются, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства и требований добросовестности, разумности и справедливости;

- как правило, поведения субъектов правоотношения при осуществлении ими гражданских прав и исполнении обязанностей – п. 5 ст. 10 ГК РФ гласит, что добросовестность участников гражданского правоотношения предполагается, то есть действует презумпция добросовестности;

- как самостоятельный термин, характеризующий добросовестного приобретателя – п. 1 ст. 302 ГК РФ называет таковым приобретателя имущества, который, приобретая вещь, не знал и не мог знать о том, что продавец не имел права ее отчуждать [6].

На сегодняшний день законодательное определение добросовестности отсутствует, что порождает дискуссии между юристами как практиками, так и теоретиками, в связи с наличием разных подходов к ее пониманию.

Однако, по мнению автора, добросовестность следует рассматривать с субъективной и объективной стороны. В первом случае она определяется через осознание лицом определенного обстоятельства, а во втором случае как установленное правило поведения, которому должно следовать лицо с целью предотвращения негативных последствий.

Для рассмотрения добросовестности с субъективной стороны необходимо обратиться к ст. 302 ГК РФ, в которой сказано, что добросовестным приобретателем является лицо, которое не знало и не могло знать, что приобретает имущество у неуправомоченного отчуждателя. В соответствии со ст. 220 ГК РФ добросовестным переработчиком вещи является лицо, которое не знало и не могло знать о том, что материалы принадлежат другому лицу [2]. Именно на этом и основано толкование, которое дано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», где

сказано, что «при разрешении споров, связанных с возникновением права собственности в силу приобретательской давности, судам необходимо учитывать, что давностное владение является добросовестным, если лицо, получая во владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него у него права собственности» [7].

Следует отметить, что С.А. Краснова считает, что добросовестность следует определять с субъективной стороны, поскольку добросовестное поведение участников гражданских правоотношений дает возможность субъекту беспрепятственно осуществлять права и требовать исполнения обязанностей, а ее отсутствие влечет для субъекта гражданских правоотношений неблагоприятные последствия [5].

Кроме того, в нормах, закрепленных в гражданском кодексе можно обнаружить термин «недобросовестность», который встречается в ряде статей. Так, например, в ст. 303 ГК РФ недобросовестным владельцем является тот, кто знал или должен был знать, что его владение является незаконным. Следовательно, наличие у лица осознания определенного обстоятельства является ключевым критерием в определении добросовестности лица. Также следует обратить внимание на п. 3 ст. 157 ГК РФ, в котором сказано, что если наступлению условия недобросовестно препятствовала сторона, которой наступление данного условия невыгодно, то условие признается наступившим. Из этого положения видно, что для оценки поведения лица, с точки зрения добросовестности необходимо учитывать не только осознание лицом определённых обстоятельств, но и наличие умышленного содействия, направленного на установление определенных последствий.

Таким образом, добросовестность с субъективной стороны определяется через психическое отношение лица к своим деяниям, характеризующимся наличием как интеллектуального критерия (осознанное совершение определённых деяний и предвидение возможных последствий), так и волевого критерия (желание или нежелание наступления определённых последствий). Из анализа норм гражданского кодекса можно сделать вывод о том, что законодатель не дает определения добросовестности, но при этом он определяет ее через формулу «не знал и не должен был знать» в частности это подтверждает п. 2 ст. 355 ГК РФ, которая устанавливает, что добросовестным залогодержателем является тот, кто не знал и не должен был знать, что залогодателем является неуправомоченное лицо. И поскольку недобросовестность обладает полностью противоположным значением, то она определяется через формулу «знал и должен был знать».

Что касается добросовестности с объективной стороны, то А.В. Коновалов считает, что это абстрактная и многоплановая модель поведения, вырабатываемая судебной практикой в качестве общего ориентира и стандарта, применяемого всякий раз с учетом конкретных обстоятельств дела [4]. Также Судьи Конституционного суда РФ и Арбитражного суда РФ Г.А. Гаджиев [9] и О.М. Свириденко [1] считают, что добросовестность следует рассматривать с объективной стороны, так как, по их мнению, добросовестность представляет собой осуществление субъективных прав лицом, при котором не должен причиняться вред и не должна создаваться угроза причинения вреда иным лицам. Из этого следует, что под добросовестностью с объективной стороны понимается положительное поведение субъектов, направленное на реализацию собственных прав и выполнение обязанностей без нарушения прав иных лиц.

Для вынесения справедливого решения суд должен обращаться к принципу добросовестности. И для этого законодатель закрепляет определенные критерии в нормах ГК РФ. Так, в п. 3. ст. 307 ГК РФ закрепляется, что «При установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию» [2]. Также подобные критерии устанавливаются в иных положениях ГК РФ, например, в ст. 662 ГК РФ сказано, что арендодатель может быть освобожден судом от обязанности возмещения улучшений, если докажет, что улучшения повышают стоимость арендованного имущества несоразмерно улучшению его качества и при осуществлении улучшений были нарушены принципы добросовестности и разумности [2]. Необходимо обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором сказано, что «Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации» [8]. Следует отметить, что суд по своей инициативе может признать поведение стороны недобросовестным для вынесения законного решения.

На основании вышесказанного, можно сделать вывод о том, что добросовестность с объективной стороны является стандартным поведением субъектов гражданских правоотношений при определенных обстоятельствах, которое ожидается от любого участника гражданского оборота, критерии,

которого закреплены в нормах гражданского права и необходимы для вынесения справедливого решения судом.

Таким образом, несмотря на то, что добросовестность в гражданском праве рассматривается в нескольких аспектах, законодатель с проведением реформы норм гражданского законодательства в 2012 г. положил конец дискуссии об отнесении добросовестности к принципам права, закрепив ее в статье 1 ГК РФ, посвященной основным началам гражданского законодательства. К сожалению, несмотря на это, споры о понятии добросовестности не утихают. И в связи с этим для справедливой оценки обстоятельств, необходимо рассматривать добросовестность с субъективной стороны и объективной. Однако наиболее важной проблемой является отсутствие единообразного применения судами принципа добросовестности. И для разрешения данной проблемы законодателю следует установить более четкие критерии определения добросовестного поведения и свести к минимуму его субъективную оценку.

Список использованных источников:

1. Арбитражный суд г. Москвы. 70 лет. Проблемы и перспективы [Электронный ресурс]: Интернет-интервью с О.М. Свириденко, Председателем Арбитражного суда г. Москвы // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 1 ч. [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.11.1994 №51-ФЗ в ред. от 03.08.2018. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 2 ч. [Электронный ресурс]: федер. закон от 26.01.1996 №14-ФЗ в ред. от 29.07.2018. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Коновалов, А. В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике / А. В. Коновалов // Право. Журнал высшей школы экономики. – 2016. – № 4.
5. Краснова, С. А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве / С. А. Краснова // Журнал российского права. – 2003. – № 3.
6. Новиков, М. В. Понятие добросовестности в гражданском праве: теоретический анализ [Электронный ресурс] / М. В. Новиков // Молодой ученый. – 2012. – №1. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/36/4097/>

7. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав [Электронный ресурс]: Пост. ПВС и ПАС РФ от 29.04.2010 № 10/22. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Пост. ПАС РФ от 23.06.2015 № 25 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Самойленко, О. Б. Интервью с Г.А. Гаджиевым, заслуженным юристом России, доктором юридических наук, судьей Конституционного Суда РФ / О.Б. Самойленко // Юридический справочник руководителя. – 2004. – № 11.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ НАСЛЕДСТВЕННОГО ФОНДА В СЛУЧАЕ СУЩЕСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПОСЛЕ ОТКРЫТИЯ НАСЛЕДСТВА

© М.А. Зайцев

Научный руководитель: В.П. Богданов

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Вступивший в силу 01.09.2018 года Федеральный закон от 29.07.2017 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» [10] (далее – Закон) позволил бизнесменам создавать новое некоммерческое унитарное юридическое лицо, для защиты своих активов, после своей смерти – наследственный фонд.

Наследственным фондом признается создаваемый в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом РФ, во исполнение завещания гражданина и на основе его имущества фонд, который осуществляет деятельность по управлению имуществом этого гражданина, полученным в порядке наследования бессрочно или в течение определенного срока в соответствии с условиями управления наследственным фондом (ст. 123.20-1) [1].

Ранее в Российской Федерации данный институт отсутствовал. Однако, примеры подобных юридических конструкций были издавна известны в правовых системах Великобритании, Германии, США, Австрии и других [3]. Мы считаем, что автор законопроекта, счел необходимым внедрение, на примере успешного зарубежного опыта, в российскую правовую систему, такой

правовой конструкции как наследственный фонд. Причинами, повлиявшими на данное решение, могут являться: повышение уровня правовой грамотности населения; готовность общества к модернизации; увеличение количества лиц, заинтересованных в сохранении своего бизнеса, после соеих смерти.

Российский вариант наследственного фонда, на наш взгляд, имеет некоторую особенность, связанную с проблемой его будущей реализации. Так, законодатель не предусмотрел разрешение ситуации, при которой, гражданин, выполняя требования закона к порядку создания наследственного фонда, которые являются необходимыми на момент составления завещания, окажется не защищенным при дальнейшем изменении законодательства в этой сфере. То есть, наследодатель пожелал после соеих смерти учредить наследственный фонд, руководствуясь нормами законодательства действовавшего на момент составления завещания, которое к моменту смерти наследодателя может измениться в части создания, действия и ликвидации фонда. Например, необходимо будет ввести новый учредительный документ, получить нотариально удостоверенное согласие лиц, назначаемых в органы управления фондом, и иные, без которых фонд не будет создан. Пункт 5 статьи 123.20-1 защищает учредительные документы наследственного фонда от изменений лишь после его создания [1]. Ведь не исключена ситуация, при которой после смерти наследодателя, но еще до момента создания наследственного фонда вступили в силу изменения, изменяющие порядок его создания, или же в целом воздействующие на некоммерческих юридических лиц, делающие невозможным создание и работу фонда.

По общему правилу, закрепленному в ст. 4 Гражданского кодекса РФ акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие [1]. Данного принципа придерживается Конституционный суд РФ, который в своем постановлении [9] указал, что принцип действия актов гражданского законодательства закреплен в целях обеспечения правовой определенности и стабильности законодательного регулирования в России как правовом государстве. Поэтому, вопрос придания обратной силы закону, изменяющему обязательства юридически равных участников гражданского правоотношения, требует дифференцированного подхода, обеспечивающего сбалансированность и справедливость соответствующего правового регулирования, не допускающего ущемления уже гарантированных прав и законных интересов одной стороны и умаления возможностей их защиты в пользу другой [9]. Следовательно, такой подход, требует детальной проработки со стороны законодателя. Уже вступивший в силу Закон, не содержит разъяснений по данному вопросу, и вероятно

придерживается принципа отсутствия обратной силы гражданского законодательства в Российской Федерации.

В доктрине уже было обращено внимание на возникшую неопределенность по рассматриваемому вопросу и высказаны различные мнения. Так, А. Игнатенко полагает, что «с момента утверждения завещателем решения о создании наследственного фонда, может измениться законодательство, регулирующее деятельность некоммерческих организаций». Подобные изменения могут повлечь отказ регистрирующих органов зарегистрировать такое некоммерческое юридическое лицо. Причиной отказа может послужить, например, отсутствие в заявлении адреса наследственного фонда, который нотариус, объективно не мог знать, поскольку оно не было указано наследодателем в завещании. Следовательно, наследственный фонд не будет создан, последняя воля завещателя останется неисполненной, а его капитал незащищенным. А. Игнатенко считает, что поскольку законодатель не дал нам ответ, на этот вопрос в своем Законе, необходимо исходить из буквального толкования и придерживаться гражданских принципов, без прямого указания на это в Законе. Следовательно, действовать будет законодательство на момент создания наследственного фонда, а не законодательство, которое действовало в момент указания о фонде в завещании наследодателем. И мы не можем быть уверены, что будущие изменения гражданского законодательства, не повлекут за собой препятствия в создании наследственного фонда. Возможно, таких препятствий не появится и вовсе, либо они будут незначительны, но урегулировать нововведенные правоотношения законодателю необходимо [6].

В свою очередь, Н. Козлова обращает внимание на то, что непонятно «как быть, если с момента составления гражданином завещания и утверждения устава фонда до момента смерти завещателя законодательство изменится настолько, что это потребует внесения существенных изменений в условия учреждения фонда и его устав?». Поскольку, Законом не были предусмотрены субъекты, обладающие правом на внесение изменений в устав еще не созданного фонда, автор считает, что подобное право должно быть предоставлено судебным органам, которые, при необходимости, смогут назначить лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа. Но данная возможность должна носить ограничивающий характер, а именно, суду не дозволено изменять цели использования имущества фонда, круг выгодоприобретателей, указанные наследодателем в своем распоряжении, поскольку это может повлечь последствия куда более критичные, даже по сравнению с тем, если бы завещатель и вовсе, не решил создать наследственный фонд. Так же Н.В. Козлова предлагает наделить правом на обращение с таким заявлением в

судебные органы нотариуса, душеприказчика, выгодоприобретателя фонда, уполномоченный орган государственной власти [6].

Мы считаем, что решением данной проблемы, может послужить, внесение поправок в действующую редакцию Закона, которые утвердят необходимость применения к требованиям создания, функционирования и ликвидации наследственного фонда норм, действующих на момент составления гражданином-наследодателем завещания, содержащего положения о деятельности некоммерческих организаций, и в частности, о создании фонда. Поскольку, действующая редакция Закона допускает возможность появления проблем создания наследственного фонда или затруднения при его создании, связанного с изменением законодательства, необходимо внести в действующую редакцию Закона изменения, касательно данной проблемы, которые зафиксируют распространение на наследственный фонд гражданского законодательства на момент решения наследодателя о создании фонда, и указании об этом в завещании.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о наличии в нововведенном Законе проблемы, связанной с существенным изменением гражданского законодательства после открытия наследства. Законодатель не указал нам механизм разрешения данной проблемы, указывая руководствоваться общими принципами гражданского права. Разрешение такой ситуации требует дифференцированного подхода со стороны законодателя, а именно внесения соответствующих изменений в действующую редакцию закона. Или же, с другой стороны стоит предусмотреть возможность внесения судебными органами соответствующих изменений и правок для реализации последней воли наследодателя.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017). [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Карташов, М.А. Наследственный фонд: новое российское законодательство и иностранный опыт / М.А. Карташов // Современное право. – 2017. – № 10.

4. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. Минюстом России 19.01.2016) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Крашенинников, П.В. Наследственное право / П.В. Крашенинников. – Москва: Статут. – 2018. – 69 с.

6. Крашенинников, П.В. Наследственный фонд: альтернатива трастам в российском праве? // Закон. – 2018. – № 9.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2015 № 1539-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности части 7 статьи 7 Федерального закона от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 31.12.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2018) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.02.2016 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е.В. Потоцкого [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. Федеральный закон от 29.07.2017 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

О ЗАРАНЕЕ ОЦЕНЕННЫХ УБЫТКАХ

© Б.О. Иргит

Научный руководитель: С.Я. Сорокина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Российскому гражданскому праву известны следующие виды убытков: реальный ущерб и упущенная выгода, абстрактные и конкретные убытки, преддоговорные убытки (ст. 434.1 ГК). Выделение этих видов убытков является традиционным, так как они отчетливо названы в соответствующих нормах действующего гражданского законодательства. Но существуют и иные убытки, отнесение которых к числу самостоятельных видов убытков, представляется неоднозначным.

В данном случае, речь идет, в частности, о заранее исчисленных (оцененных) убытках. Указанные убытки хорошо известны зарубежному праву. Так, в английском праве заранее оцененными убытками (*liquidated damages*) являются убытки, подлежащие возмещению при нарушении договора, если в договоре указаны подлежащая уплате при нарушении договора сумма или способ ее исчисления. Институт заранее исчисленных убытков известен также французскому гражданскому праву. В статье 1152 Гражданского кодекса Франции говорится, что «если соглашение гласит, что не выполнившее его лицо должно уплатить определенную сумму в качестве убытков, то назначаемая другой стороне сумма не может быть не больше, ни меньше суммы (понесенных убытков)» [4].

Таким образом, заранее исчисленными убытками рассматривают убытки, устанавливаемые сторонами в соглашении для возмещения в будущем возможных потерь при исполнении обязательств.

Данный вид убытков прямо не предусмотрен отечественным законодательством. Несмотря на то, что введение таких убытков в законодательство поддерживается некоторыми отечественными авторами [5], на мой взгляд, заранее исчисленные убытки противоречат ГК. Так, в силу п. 5 ст. 393 ГК размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности, следовательно, требование о возмещении убытков в размере, определенном сторонами заранее, еще до возникновения убытков, не может быть удовлетворено судом.

Данный вывод подтверждается примером из судебной практики, в котором суд указал, что «убытки не могут быть запланированы и определены

заранее, в том числе их размер, сторонами экономических правоотношений; наличие убытков, ... размер убытков подлежат доказыванию в каждом случае» [8].

В этой связи хотелось бы отметить замечания В.В. Васькина, который писал, что такие убытки противоречат сущности возмещения убытков, объяснял он это тем, что в результате нормирования убытков в договоре возникает несоответствие размера взыскиваемых убытков и размера фактических убытков [3]. И тогда не будет работать принцип полного возмещения убытков. Е.Е. Богданова правильно замечает, что такие убытки будут не чем иным, как неустойкой [2].

Вывод о том, что заранее оцененные убытки, применительно к нашему правопорядку, представляют собой неустойку, также подтверждается примером из судебной практики. Так, по одному из дел арбитражный суд признал обоснованным удержание исполнителем суммы неустойки с заказчика по договору возмездного оказания услуг, когда заказчик отказался от исполнения договора с нарушением предусмотренного договором срока, указав, что неустойка в данном случае носит характер заранее согласованных убытков [9].

Таким образом, заранее оцененные убытки не могут считаться самостоятельным видом убытков.

Следует также отметить, что отсутствие в отечественном законодательстве института заранее оцененных убытков, противоречие таких убытков нормам ГК не говорит о том, что практика взыскания указанных убытков также должна отсутствовать. Речь идет о приведении в исполнение иностранного судебного или арбитражного решения. Так, иностранная коммерческая организация компания обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, в соответствии с которым с российского общества взыскана сумма заранее оцененных убытков в связи с нарушением им обязательств по договору. Российское общество возражала против удовлетворения заявления, аргументирую тем, что исполнение иностранного арбитражного решения противоречит публичному порядку Российской Федерации, так как вынесено с применением норм иностранного права, противоречащих положениям ГК. Арбитражный суд указало, что «факт отсутствия полного аналога данного института в законодательстве Российской Федерации при общем его соответствии основам правопорядка Российской Федерации не может являться основанием для применения оговорки о публичном порядке и отказа на этом основании от принудительного исполнения иностранного арбитражного решения» [7].

Анализируя заранее исчисленные убытки, следует также разобраться с правовой природой платы за односторонний отказ от договора или за одностороннее изменение условий договора, которая предусмотрена п. 3 ст. 310 ГК, и представляет собой институт, отличный от отступного, неустойки и убытков. Указанная плата – это плата за реализацию секундарного права, призванная компенсировать имущественные потери стороны, вызванные досрочным прекращением обязательства (вследствие любых обстоятельств, но не связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства).

Обращает на себя внимание также статья 406.1 ГК, в которой говорится про возмещение потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств. Указанной статьей в российское законодательство введен ранее не известный отечественному праву институт индемнити (*indemnity*). Данный институт известен некоторым зарубежным правовым порядкам, в частности странам англо-американской правовой системы. Анализ норм английского права и отечественной литературы, посвященной возмещению потерь, показывает, что по английскому праву институт *indemnity*, охватывает более широкий круг отношений, поскольку *indemnity* представляет собой метод, посредством которого право осуществляет распределение различных потерь [1].

Статья 406.1 ГК содержит положение о том, что соглашением сторон должен быть определен размер возмещения таких потерь или порядок его определения, что очень похоже на заранее оцененные убытки. Но согласно ГК имущественные потери возмещаются, если они наступили в случае наступления определенных в соглашении обстоятельств, не связанных с нарушением обязательства его стороной.

Карапетов А.Г. вполне обоснованно указывает на возможную опечатку в формулировке статьи – за фразой о том, что возмещаются «потери, возникшие у другой стороны» следует: «Соглашением сторон должен быть определен размер возмещения таких потерь или порядок его определения». Он пишет о том, что это превращает институт *indemnity*, предполагающий возмещение реальных потерь, в уплату какой-то заранее определенной абстрактной суммы, что приводит к противоречию, так как статья говорит о возмещении «потерь, возникших», и тут же обязывает стороны заранее фиксировать размер возмещения. Получается, что действующая редакция статьи, будет работать как институт *indemnity*, только в том случае, если возмещаются реальные потери или, когда в соглашении о возмещении потерь как порядок определения размера потерь стороны укажут, что покрываются реально возникшие потери [6].

Список использованных источников:

1. Богданов, Д.Е. Возмещение потерь в российском и зарубежном праве [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Богданова, Е.Е. Актуальные проблемы возмещения убытков в договорных обязательствах [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Васькин, В.В. Возмещение убытков в гражданско-правовых обязательствах / В.В. Васькин. – Саратов, 1971.

4. Гражданский кодекс Франции [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Евтеев, В.С. Возмещение убытков как вид ответственности в коммерческой деятельности / В.С. Евтеев. – Москва, 2005.

6. Карапетов, Г.А. Реформа ГК РФ в части норм договорного права (вступ. в силу с 01.06.2015): комментарий к основным положениям / Г.А. Карапетов. – Москва, 2015.

7. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 26.02.2013 № 156. [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 января 2015 года № Ф05-14196/2014. [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 мая 2017 г. по делу № А56-62915/2015. [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

К ВОПРОСУ ОБ ЭМБРИОНЕ IN VITRO КАК ОБЪЕКТЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

© Е.С. Калинина

Научный руководитель: Н.В. Шапран
Сибирский федеральный университет

Одной из вспомогательных репродуктивных технологий является криоконсервирование эмбрионов («замораживание»), которая позволяет более эффективно преодолевать бесплодие. Зарубежная практика показывает, что складывающиеся при использовании данной вспомогательной репродуктивной технологии отношения, нуждаются в изучении. Важно отметить, что российские суды уже сталкивались со спорами о судьбе репродуктивного материала [2; 8; 9].

Например, при рассмотрении дела Акбаевых суд пытался разрешить, кому из супругов принадлежит право распоряжаться замороженными для процедуры ЭКО эмбрионами. Супруг обратился в клинику с заявлением, в котором требовал прекратить хранение эмбрионов, супруга была не согласна с решением клиники и требовала продлить хранение эмбрионов. Важно отметить, что в возражении ответчик ссылался на решение Европейского суда по правам человека по делу «Эванс против Соединенного королевства», где в схожей ситуации суд постановил, что в случае уничтожения эмбрионов права женщины не будут нарушены.

В российском законодательстве существуют пробелы в части норм, которые регламентируют отношения, складывавшиеся в процессе применения вспомогательных репродуктивных технологий, в частности, при криоконсервировании эмбрионов. Кроме того, вопрос о правовом статусе эмбриона in vitro дискуссионный, и поэтому требует особого исследования.

В литературе сложилось несколько подходов при рассмотрении эмбриона как вещи, по поводу которой могут возникнуть имущественные правоотношения.

Ряд авторов считают, что эмбрион является оборотоспособной, индивидуальной определенной вещью, что дает ему возможность стать объектом наследственного и договорного права [5]. А.М. Авакян считает, что эмбрион – особый объект гражданских прав, правовой режим которого должен быть детально урегулирован на законодательном уровне. Эмбрион может быть объектом нескольких договоров и доступ к нему должны иметь специальные субъекты (биологические родители и субъекты договоров, объектом которых является эмбрион) [1].

Другие авторы считают, что применять конструкции вещного права в отношении эмбрионов противостоит природе. В случае признания эмбрионов вещами, по их мнению, можно будет вполне легально заниматься куплей-продажей, дарением, поскольку, будучи вещами, они становятся особого рода объектами права собственности человека [7].

При ответе на вопрос может ли эмбрион быть объектом вещных прав необходимо определить возможности, которыми обладают потенциальные родители по отношению к эмбриону.

В физическом смысле *владеть* эмбрионом достаточно затруднительно, поскольку необходимы специальные условия для хранения, создание которых возможно только в специализированных медицинских организациях, которые оснащены специальными криохранилищами. Однако в соответствии с пунктом 52 Приказа Минздрава России «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» эмбрионы выдаются на руки пациенту по письменному заявлению [11].

Единственная возможная цель создания эмбриона – лечение бесплодия, в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» законодатель отдельно оговаривает запрет на использование эмбриона для промышленных целей и в целях клонирования человека [10]. Поэтому право *использовать* эмбрион принадлежит только лицам, которые обратились в специализированную медицинскую организацию и для которых он создан.

Дискуссионным является вопрос о *распоряжении* эмбрионами. А.В. Майфат отмечает, что одной из проблем, которую законодатель оставил без внимания – право распоряжение эмбрионами. Он отмечает, что важно понимать, кто именно вправе распоряжаться эмбрионами: только один из родителей или они оба. Однако, по его мнению, эмбрион не может считаться имуществом и соответственно предметом общего имущества супругов, предметом наследования и т. д. Также он предлагает установить запрет медицинским учреждениям по распоряжению эмбрионами [6]. Здесь следует с ним согласиться, что единственным вариантом распоряжения будет либо использование для себя, либо отказ от прав (передача прав третьим лицам, либо уничтожение).

Таким образом, проанализировав имеющиеся правомочия у родителей, можно криоконсервированных эмбрионов характеризовать как объект права собственности.

По своей правовой природе создание эмбрионов является спецификацией, то есть созданием новой вещи из материалов заказчиков. В данном случае медицинская организация, используя гаметы обоих родителей, при помощи вспомогательных репродуктивных технологий создает новую индивидуально-определенную вещь – эмбрион. Поскольку лица, которым оказывается медицинская помощь, оплачивают все процедуры, то вопрос о том, у кого возникло право собственности, не возникает. Собственниками данного эмбриона будет мужчина и женщина, обратившиеся за помощью.

Прекращение права собственности происходит в любых случаях, предусмотренных законом. Важно отметить, что цель созданного эмбриона – лечение бесплодия, поэтому именно при достижении этой цели прекращается право собственности. При удачной попытке имплантации эмбриона объект погибает в юридическом смысле, поскольку становится частью организма матери, при неудачной попытке – прекращается в физическом смысле.

Дискуссионным вопросом является, о каком виде общей собственности следует говорить. Ю.Ф. Дружинина полагает, что эмбрион принадлежит лицам, которые обратились в медицинскую организацию за помощью, в равных долях [4]. Эмбрион является неделимой вещью, поэтому не подлежит разделу в натуре в соответствии со статьей 252 ГК РФ [3]. Также невозможно и получение компенсации, поскольку одному из потенциальных родителей пришлось бы определять стоимость эмбриона, что в соответствии с целью его создания это было бы неприемлемо. Целесообразно закрепить в законодательстве данную ситуацию, как одно из оснований возникновения общей совместной собственности.

Проанализировав российское законодательство, а также ряд научных мнений, необходимо согласиться с тем, что отсутствует единое понимание правового статуса эмбриона. Законодателю целесообразно более детально урегулировать правовое положение человеческого эмбриона. Учитывая особенности эмбриона *in vitro*, его следует признать специфическим объектом, индивидуальной определенной вещью, неделимой вещью, которая может принадлежать лишь определенным участникам оборота.

Эмбрион *in vitro* соответствует всем признакам вещей в гражданском праве, а именно является предметом материального мира (эмбрион имеет овеществленное внешнее выражение), находится в обладании человека (медицинское учреждение может выдать эмбрион пациенту на руки) и служит удовлетворению его потребностей (удовлетворяет потребности физических лиц в сфере здравоохранения). Таким образом, статью 128 ГК РФ необходимо

дополнить путем включения эмбриона in vitro в перечень вещей, наряду с наличными деньгами и документарными ценными бумагами.

Список использованных источников:

1. Авакян, А.М., Морозова, А.А. Эмбрион: субъект или объект гражданских правоотношений / А.М. Авакян, А.А. Морозова // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 5.

2. Апелляционное определение Московского городского суда от 24 марта 2015 года по делу № 33-9401 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru/>.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – ст. 3301.

4. Дружинина, Ю.Ф. Правовой режим эмбриона in vitro / Ю.Ф. Дружинина // Журнал российского права. – 2017. – № 12.

5. Еремеева, О.И., Сайфуллина, Н.А. К вопросу о понятии и правовом положении эмбриона человека / О. И. Еремеева, Н.А. Сайфуллина // Инновационная наука. – 2016. – №3-2 (15).

6. Майфат, А. В. О необходимости принятия Федерального закона о репродуктивных правах граждан в Российской Федерации / А. В. Майфат // Российский юридический журнал. – 2009. – № 3.

7. Митрякова Е.С. Эмбрион как субъект правоотношений / Е.С. Митрякова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 6.

8. Решение Волоколамского городского суда от 27 апреля 2017 г. по делу № 2-514/2017 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/>.

9. Родионова А. Суд Черкесска создаст прецедент в практике [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://vademec.ru/>.

10. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 07.03.2018) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

11. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению : приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н (ред. от 01.02.2018) (Зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2013 № 27010) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

**ИЗМЕНЕНИЕ И РАСТОРЖЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ДОГОВОРА
В СВЯЗИ С СУЩЕСТВЕННЫМ ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ:
КРИТЕРИИ ОТНЕСЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ К СУЩЕСТВЕННЫМ**

© В.В. Каралюс

Научный руководитель: Л.Ю. Егорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Существование устойчивых предпринимательских связей является одним из оснований успешного и стабильного развития гражданского оборота. Тем не менее, осуществление договорных обязательств может быть «заблокировано» возникновением обстоятельств, препятствующих сторонам реализовать все предусмотренные договоренности. К числу оснований изменения или расторжения гражданско-правового договора ГК РФ относит существенное изменение обстоятельств [1]. В данной статье речь пойдет об изменении и расторжении предпринимательских договоров, являющихся разновидностью гражданско-правовых договоров, субъектным элементом которых являются юридические лица. Рисковый характер предпринимательских отношений усложняет применение ст. 451 ГК РФ, поскольку само осуществление предпринимательской деятельности подразумевает, что сторона действует на свой риск, тем самым сужается круг обстоятельств, которые возможно отнести к существенным и положить в основу изменения или расторжения договора. На практике участники хозяйственных отношений должны доказать наличие существенно изменившихся обстоятельств. Отнесение того или иного обстоятельства к категории «существенного» определяется исходя из судебной практики.

В п. 2 ст. 451 ГК РФ содержатся условия, при одновременном наличии которых суд может изменить или расторгнуть предпринимательский договор, по требованию одной из не договорившихся сторон. При этом названные в статье условия носят весьма абстрактный, неопределенный характер.

Внести коррективы в толкование указанной нормы попытался ВС РФ в своем Определении от 30.07.2013 № 18-КГ13-70. Так, судебная коллегия по гражданским делам назвала в качестве юридически значимых обстоятельств, необходимых для определения по делам рассматриваемой категории, следующие: факт наличия существенного изменения обстоятельств, время его наступления, возможность сторон разумно предвидеть эти обстоятельства при заключении договора [8]. Однако, как отмечают некоторые

исследователи, «последнее обстоятельство является крайне неопределенным» [2]. Думается, суд подразумевал то, обстоятельство, что сторонам при заключении договора надлежит действовать с должной степенью заботливости и осмотрительности, дабы исключить саму возможность изменения или расторжения предпринимательского договора в будущем. Очевидно, что мнение суда будет определяющим при разрешении споров по ст. 451 ГК РФ.

Исходя из анализа материалов судебной практики, целесообразно выделить те ситуации, в которых сторона могла предвидеть наступление изменения обстоятельств.

Так, существенным изменением обстоятельств не является резкое ухудшение финансового положения субъекта предпринимательской деятельности. Данный вывод нашел свое отражение в Постановлении Президиума ВАС РФ от 30.11.2010 № 9600/10. Суд в рассматриваемом деле исходил из того, что «вступая в договорные отношения, стороны могли и должны были учесть экономическую ситуацию, спрогнозировать ухудшение своего финансового положения» [7]. В противном случае, установленный нормами ГК РФ баланс между сторонами предпринимательского договора будет претерпевать негативные изменения. Создание условий, порождающих несоразмерность имущественного положения сторон, действующим гражданским законодательством не допускается.

Еще одним обстоятельством, которое стороны могли предвидеть, суды называют введение экономических санкций. Начиная с 2014 г., в связи с ситуацией, произошедшей в Украине, в отношении России странами Евросоюза и США были неоднократно введены международные санкции. Сложившаяся судебная практика не относит данное обстоятельство к существенному. Например, ВС РФ в Определении от 23.05.2017 № 301-ЭС16-18586 указал, что включение банка в санкционные списки не выходит за пределы обычных коммерческих рисков [9].

К числу прочих обстоятельств, возможность изменения которых стороны предпринимательского договора могли предвидеть при его заключении, суды относят изменение уровня инфляция, а также экономический кризис в стране [3]. Более того, «стороны, вступая в договорные отношения, должны были прогнозировать экономическую ситуацию, в связи с чем не могли исключать вероятность роста цен в период исполнения сделки» [6]. Безусловно, данные процессы существенным образом затрудняют исполнение договорных обязательств, тем не менее, исторический опыт разных стран показывает, что эти факторы носят циклический характер, предвидеть их появление (при должном анализе) возможно с высокой долей вероятности.

Возникает вопрос, изменение каких обстоятельств можно квалифицировать в качестве существенных, подразумеваемых законодателем в ст. 451 ГК РФ?

Предлагаем рассмотреть конкретные примеры из судебной практики, в которых суды приходят к выводу о наличии категории «существенности» в условиях изменяющихся обстоятельств.

Так, например, в Постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 17.04.2018 указано, что распоряжение и.о. Губернатора Севастополя № 46 от 17.07.2014 г. «О запрете осуществления капитального строительства на территории города Севастополя» фактически лишило предпринимателя возможности надлежащим образом исполнить обязательства, вытекающие из договора аренды земельного участка, в установленные сроки [5]. В указанном Постановлении суд обоснованно приходит к выводу о необходимости внесения изменений, в части сроков, в договор аренды земельного участка, заключенного между Департаментом по имущественным и земельным отношениям города Севастополя и ООО «Ажур». Поскольку издание акта должностным лицом города существенным образом повлияло на исполнение договорных обязательств сторонами, необходимость применения ст. 451 ГК РФ очевидна.

Аналогичным образом утрата интереса к исполнению договора является существенным изменением обстоятельств. Проанализировав Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.04.2018 [4], можно сделать вывод о том, что необходимость в ранее достигнутых сторонами договоренностях относительно исполнения предпринимательского договора, особенно учитывая долгосрочный характер отношений, может быть утрачена. Такое положение дел может быть вызвано отсутствием перспектив сохранения договорных отношений и намерений стороны настаивать на исполнении условий договора в будущем. В указанном деле заключенный между сторонами договор на поставку щебня в отсутствие технической возможности у покупателя осуществить выборку и вывезти товар с территории поставщика заранее определяет договорные отношения как не востребуемые. Экономический смысл договорных отношений утрачен.

Следует отметить, что благодаря решению Арбитражного суда Красноярского края от 28.12.2015 г., оставленному без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, перечень существенно изменившихся обстоятельств пополнился следующим – исполнение обязательств по государственному контракту может стать невозможным в связи с уменьшением объемов финансирования из местного бюджета [10]. Очевидно, что предвидеть указанное обстоятельство не представлялось возможным.

Таким образом, предлагаем выделить следующие критерии отнесения того или иного обстоятельства к существенным, которыми руководствуются суды при применении ст. 451 ГК РФ (помимо условий, прямо названных в норме):

- наличие обстоятельств, выходящих за пределы обычных рисков коммерческой деятельности;
- нецелесообразность сохранения договорных отношений ввиду их убыточности;
- вмешательство третьей стороны;
- возникновение факторов, не зависящих от воли сторон.

Несомненно, иные обстоятельства могут быть положены в основы квалификации в качестве существенных. Однако, их «существенное» изменение должно коррелироваться с условиями, названными в ст. 451 ГК РФ.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: в 4 ч.: по состоянию на 20 февр. 2018 г. – Москва: Проспект, 2018. – 704 с.
2. Набережный, А. Существенное изменение обстоятельств: меняем или расторгаем договор / А. Набережный // Налоговый учет для бухгалтера. – 2017. – № 9. – С. 50-59.
3. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23 декабря 2016 № Ф06-15857/2016 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.04.2018 г. по делу № А47-4165/2017 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.04.2018 г. по делу № А84-1077/2016 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 13 апреля 2010 № 1074/10 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 30 ноября 2010 № 9600/10 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Определение Верховного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 18-КГ13-70 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Определение Верховного Суда РФ от 23 мая 2017 № 301-ЭС16-18586 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 28 декабря 2015 по делу № А33-16800/2015 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ СВЯЗИ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА И НЕЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

© В.И. Квиткевич

Научный руководитель: Н.Ф. Качур

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

На сегодняшний день в судебной практике встречается большое количество споров, связанных с определением судьбы земельного участка в связи с отчуждением расположенного на нем объекта недвижимости, наиболее часто таким объектом выступает нежилое помещение. Прежде чем перейти к рассмотрению правовой связи нежилого помещения и земельного участка, нам представляется необходимым определить понятия исследуемых в данной работе объектов.

Определение понятия земельного участка содержится в пункте 3 статьи 6 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ), согласно которому земельный участок как «объект права собственности и иных предусмотренных указанным Кодексом прав на землю является *недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи*».

Относительно нежилого помещения следует заметить, что не все авторы поддерживают законодательное выделение нежилого помещения в качестве самостоятельного объекта недвижимости. Суханов Е.А. утверждает, что нежилые помещения не могут признаваться самостоятельными объектами недвижимости, поскольку в действительности представляют собой составные части зданий [8, с. 6-7]. В результате признания жилых или нежилых помещений

самостоятельными объектами прав сам дом (строение) как единый объект гражданских прав юридически прекращает существовать, становясь простой совокупностью названных «вещей», что, по мнению автора, говорит о явной неудачности такого законодательного решения [7, с. 83].

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) отсутствует легальное определение нежилого помещения, и указано лишь на то, что помещения могут быть отнесены к недвижимым вещам, при соблюдении условия об обязательном описании их границ в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке. Согласно пункту 14 статьи 2 Федерального закона от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» под помещением следует понимать часть объема здания или сооружения, имеющую определенное назначение и ограниченную строительными конструкциями. Пункт 34 части 1 статьи 26 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» содержит упоминание о таких признаках помещения как обособленность и изолированность. Таким образом, под нежилым помещением в целях данной работы мы понимаем *имеющую определенное назначение, обособленную и изолированную часть объема здания или сооружения, границы которой описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке.*

На практике возникают проблемы не столько с квалификацией какой-либо вещи в качестве нежилого помещения, сколько с определением последствий его отчуждения, в том числе, принадлежности земельного участка, на котором здание с соответствующим помещением расположено. В качестве примера можно привести Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10 сентября 2018 г. № 305-ЭС18-5945 [5]. При рассмотрении спора Верховный суд в качестве обоснования перехода права собственности на земельный участок (не являющийся предметом договора купли-продажи) к покупателю нежилого помещения сослался на подпункт 5 пункта 1 статьи 1 ЗК РФ (принцип единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов), положения статьи 273 ГК РФ, пункт 1 статьи 552 ГК РФ. В мотивировочной части решения дана также ссылка на разъяснения Верховного суда, согласно которым к отношениям собственников помещений, расположенных в нежилом здании, возникающим по поводу общего имущества в таком здании, подлежат применению нормы законодательства, регулирующие сходные отношения, в частности статьи 249, 289 и 290 ГК РФ и статьи 44 – 48 ЖК РФ. Однако в упомянутых нормативных положениях речь идет лишь об общем имуществе собственников помещений

в самом здании, отсутствуют какие-либо упоминания о правах собственников помещений на земельный участок. Кроме того, в приведенных разъяснениях содержится перечень объектов, которые судам при рассмотрении дел следует относить к общему имуществу здания, земельные участки среди таких объектов не упомянуты. В соответствии со статьей 16 Федерального закона от 29.12.2004 № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» и статьей 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит также земельный участок, на котором дом расположен. Однако Верховный суд в мотивировочной части не упоминает данные положения. Таким образом, в качестве нормативного основания, исходя из анализа судебного решения, выступают, в первую очередь, положения статьи 273 ГК РФ и пункт 1 статьи 552 ГК РФ. Фактическим основанием перехода доли в праве собственности на земельный участок можно назвать договор купли-продажи, заключенный между обществами по поводу нежилого помещения.

Таким образом, мы склонны утверждать, что определение нормативного и фактического оснований перехода права собственности на земельный участок при отчуждении нежилого помещения вызывает определенные трудности. В целях поиска возможного решения мы обратились к правовому регулированию сходных правоотношений в Германии. По законодательству Германии единственным объектом недвижимости выступает земельный участок. Параграфом 94 Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) закреплено, что к существенным составным частям земельного участка относятся прочно связанные с землей вещи, в том числе здания и продукция земельного участка [1]. Земельный участок и его существенные составные части выступают в гражданском обороте в качестве единой вещи [3, с. 1088], существенная составная часть не может быть самостоятельным объектом вещных прав. Для нежилых помещений немецкий законодатель предусматривает исключения из правового режима существенной составной части, а именно, возможность установления в отношении таких объектов права собственности. Так, в соответствии с положениями параграфа 1 Закона о праве собственности на жилые помещения (*Gesetz über das Wohnungseigentum und das Dauerwohnrecht* (далее – WEG) на помещения, не предназначенные для целей проживания, может устанавливаться «право частичной собственности» («собственность на часть вещи» – *Teileigentum*). «Собственность на часть вещи» по смыслу упомянутого закона представляет собой отдельное право собственности на помещение в здании, а также долю в праве общей долевой собственности на соответствующее общее имущество. Важно особо отметить, что общим имуществом признается, в первую очередь, земельный участок, а также части, иные

конструктивные элементы здания [2]. Установление отдельного права собственности на помещение возможно, во-первых, путем заключения договора между сособственниками земельного участка на основании параграфа 3 WEG, во-вторых, путем раздела здания по правилам параграфа 8 WEG. В соответствии с параграфом 3 упомянутого нормативного акта общая собственность на земельный участок может быть ограничена, путем заключения сособственниками договора, на основании которого каждый из сособственников наделяется отдельным правом собственности на квартиру или на не предназначенное для целей проживания помещение в возведенном или подлежащем возведению здании. Второй способ установления права собственности на отдельные части здания (помещение, квартиру) заключается в том, что собственник земельного участка подает заявление в ведомство, осуществляющее ведение Поземельной книги, о разделе земельного участка на доли таким образом, что с каждой долей в праве на земельный участок связано право собственности на отдельную квартиру или нежилое помещение в уже возведенном на этом земельном участке или подлежащем возведению здании. Соответственно, в рассматриваемой немецкой концепции право на помещение производно от права на земельный участок, поскольку собственником помещения может стать лишь лицо, которое имеет право собственности (или долю в праве собственности) на земельный участок. На наш взгляд, такой подход можно назвать более удачным, так как земельный участок является первоначальным объектом, все остальные вещи, расположенные на нем, обладают лишь производным характером.

В современной России из-за особенностей исторического развития правового регулирования рассматриваемых общественных отношений некоторые здания/сооружения оказались в собственности иных лиц, не обладающих на праве собственности земельными участками под ними. Данное обстоятельство затрудняет воплощение описанной немецкой концепции «единой вещи» в российском праве недвижимости, однако отечественными исследователями активно ведутся разработки и вносятся предложения по совершенствованию законодательства в области вещного права, в том числе направленные на переход к модели «единого объекта». Такой вывод можно сделать в результате анализа положений Концепции развития гражданского законодательства [4], а также проекта Федерального закона № 47538-6 [6].

Список использованных источников:

1. Bürgerliches Gesetzbuch [Электронный ресурс]: Bundesgesetz vom 18. August 1896 // Gesetze im Internet [сайт]. – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de>.
2. Gesetz über das Wohnungseigentum und das Dauerwohnrecht [Электронный ресурс]: Bundesgesetz vom 15. März 1951 // Gesetze im Internet . – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de>.
3. Palandt, O. Bürgerliches Gesetzbuch: Kommentar / Auflage. – München: Verlag C.H. Beck, 2000. – 2715 с.
4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 11.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10 сентября 2018 г. № 305-ЭС18-5945. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: проект федерального закона № 47538-6 ред. от 31.01.2012 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. Суханов, Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк / Е.А. Суханов. – Москва: Статут, 2017. – 560 с.
8. Суханов, Е.А. О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. – 2008. – № 4. – С. 6-16.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ

© А.А. Клепиковская

Научный руководитель: Е.Н. Петрова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В настоящее время прослеживается тенденция законодателя и правоприменителя к расширению круга лиц, подлежащих привлечению к ответственности за совершение действий (бездействий), повлекших возникновение убытков для юридического лица. Сразу определим, что в настоящей статье будут рассмотрены только коммерческие корпорации, имеющие организационно-правовую форму: общество с ограниченной ответственностью и акционерное общество.

Законодатель постепенно вводит фигуру лица, оказывающего влияние на принятие и совершения юридическим лицом тех или иных действий.

Так, с сентября 2014 года в гражданском законодательстве действуют положения об ответственности лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица, а также лиц, фактически определяющих действия юридического лица, закрепленные в ст. 53.1. Гражданского кодекса Российской Федерации.

Кроме того, еще в 2001 году законодатель предусмотрел такой термин как «контролирующее лицо», нашедшее свое отражение в ст. 81 Федерального закона «Об акционерных обществах», а позже и в ст. 44 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». В данных случаях речь идет о привлечении к ответственности лица перед обществом, на которое было оказано фактическое влияние.

В сфере банкротства юридических лиц применяется термин «контролирующее должника лицо», под которым понимается юридическое или физическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий [1].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц

к ответственности при банкротстве» предусматривается, что ответственность несут также лица, фактически осуществлявшие контроль должника.

Таким образом, и общие положения корпоративного права, и специальные предусматривают возможность привлечения к ответственности лиц, не только юридически формально являющихся контролирующими, но и фактически оказывающих влияние на совершение должником действий, приведших к убыткам. Такая возможность представляется справедливой и обоснованной, носящей цель привлечения к ответственности лица, на самом деле ответственного за причинение убытков корпорации.

Однако расширение круга контролирующих лиц не разрешает проблему, возникающую на практике: посредством какой доказательственной базы возможно определить, являлось ли лицо фактически контролирующим, так как наличия одних только родственных связей или отношения свойства с лицом (сожительство, дружеские отношения), юридически обладающим полномочиями для дачи обязательных указаний юридическому лицу недостаточно, что, безусловно, является правомерным.

Механизм определения лиц, фактически оказавших влияние на корпорацию, в следствие чего общество понесло убытки, не урегулирован. Предполагается, что предусмотреть какой-либо универсальный способ определения фактически контролирующего лица невозможно, и каждый случай должен рассматриваться судами индивидуально с учетом имеющихся в материалах дела доказательств.

Однако в настоящее время единообразная практика, позволяющая на основании нее сделать выводы, еще не сложилась. И такая неразрешенность приводит к сложности определения истцами, заявляющими требования о привлечении к ответственности контролирующих должника лиц, относимой и допустимой доказательственной базы, достаточной для обоснования своей позиции.

Так, например, суды первой и апелляционной инстанции посчитали недостаточными для признания лица в качестве фактически контролирующего совокупности таких сведений как: показания свидетеля; наличие факта совершения ответчика и единственного учредителя должника в супружеских отношениях; совпадение юридических адресов ответчика и юридического лица, отношения с которым оспаривались и единственным учредителем которого являлся ответчик; а также осуществление управления денежными средствами на расчетных счетах указанных организаций с одного IP-адреса. Постановлением Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.02.2018 по делу № Ф03-193/2018 судебные акты были оставлены без изменения.

Помимо этого, хотелось бы отметить иную проблему, связанную с привлечением к ответственности лица, номинально имеющего право давать обязательные указания для юридического лица.

По общему правилу руководитель, формально входящий в состав органов юридического лица, но не осуществлявший фактическое управление, не утрачивает статус контролирующего лица [2]. Но в противовес этому имеется специальное положение, применяемое в делах о банкротстве, в соответствии с которым арбитражным судом размер субсидиарной ответственности «номинального» руководителя может быть уменьшен или же такое лицо может быть полностью освобождено от ответственности при условии, что такое лицо докажет, что не имело возможности оказывать своими действиями, распоряжениями влияния на осуществление деятельности юридическим лицом, а также поможет установить лицо, фактически осуществлявшее контроль в этом обществе и (или) обнаружить имущество, скрытое последним.

Так, например, имеется судебная практика, в соответствии с которой Арбитражный суд Калининградской области, рассмотрев обособленное требование в деле о банкротстве, отказал в привлечении к субсидиарной ответственности лица в качестве контролирующего должника, которое согласно протоколу общего собрания участников общества было назначено на должность генерального директора, а также включено в состав участников должника посредством внесения доли в уставный капитал. В ходе разбирательства ответчик заявил, что в общество не вступал, до возбуждения производства не знал о том, что, якобы, является его участником и исполнительным органом, сам проживает и работает в другом городе, нежели находится должник. В производстве почерковедческой экспертизы было установлено, что подпись в протоколе общего собрания выполнена иным лицом, а не ответчиком, доказательств внесения изменений в ЕГРЮЛ в отношении ответчика не представлено. На основании этих сведений суд пришел к выводу, что ответчик не является контролирующим должника лицом и отказал в привлечении лица к субсидиарной ответственности.

Однако судом не был установлен факт оказания ответчиком содействия ни в обнаружении фактического контролирующего лица, ни имущества. Суд основал отказ в удовлетворении требований только на основании факта «номинальности» ответчика. При этом судом даже не исследовались иные документы на вопрос наличия/отсутствия подписей ответчика, в то время как наличие в Протоколе общего собрания участников подписи вступающего в общество лица необязательно, так как решение принимается действующими участниками (учредителями). Представляется, что суд в настоящем случае

опротечиво сделал вывод, не исследовав фактические обстоятельства дела должным образом.

Иначе, в случае формирования судебной практики такого рода будет остро вставать проблема оформления недобросовестными контролирующими лицами документации с фиктивными подписями. И неужели такие лица на основании выполнения подписи иным лицом подлежат освобождению от субсидиарной ответственности?

Таким образом, сложность выявления лица, фактически оказывавшего влияние на действия (бездействия) подконтрольного лица, повлекших убытки для последнего, связана с намеренным сокрытием реальных правоотношений и выражается в отсутствии установленного механизма определения такого лица.

К настоящему времени ни законодатель, ни правоприменитель не установил критериев и порядка определения лица в качестве оказывающего влияние на действия (бездействия) должника, существует только множество оценочных понятий, не вносящих ясности в определение контролирующего должника лица.

Список использованных источников:

1. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.02.2018 по делу № Ф03-193/2018 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ras.arbitr.ru>
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.11.2018 по делу № А21-11232/2014 [Электронный ресурс] // Режим

доступа: <http://ras.arbitr.ru>

6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.05.2018 по делу № А60-43691/2013 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ras.arbitr.ru>

7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.09.2018 по делу № А40-161647/2015 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ras.arbitr.ru>

8. Шиткина, И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве / И.С. Шиткина // Закон. – 2018. – № 7. – С. 114-133.

9. Щербатова, С. Взыскание ущерба с топ-менеджеров за ошибки в управлении или хищения / С. Щербатова // Административное право. – 2018. – № 4. – С. 57-66.

РАЗУМНЫЙ И НЕРАЗУМНЫЙ РИСК В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

© Н.В. Кокухин

Научный руководитель: Н.Ю. Рычкова
Сибирский федеральный университет

Ключевой фигурой в деятельности хозяйственного общества является директор, поскольку именно он наделен правом представлять его интересы и совершать сделки от имени хозяйственного общества. Реализуя свои управленческие функции, директор должен действовать добросовестно и разумно в интересах представляемого им юридического лица – иначе говоря, соблюдать “принцип лояльности” по отношению к той организации, которую он представляет. В случаях, когда своими действиями директор нарушает взятые на себя обязательства перед организацией и наносит ей ущерб, гражданское законодательство предусматривает возможность применения к нему мер ответственности в виде возмещения убытков [1]. Наиболее важным документом, который осветил вопрос ответственности руководителя юридического лица, стало Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [2].

В п. 2 Постановления Пленума определяются критерии, когда недобросовестность действий директора является доказанной. В частности, к ним относятся ситуации, когда директор действовал при наличии конфликта интересов; скрывал информацию о совершенной им сделке от других участников

организации; совершил сделку без одобрения внутренних органов юридического лица; удерживал и уклонялся от передачи документов (касающихся допущенных им нарушений) новому руководству после прекращения своих полномочий, а также, когда его действия (бездействия) не отвечали интересам юридического лица. Основопологающим среди этих критериев следует считать тот, который указывает на деятельность руководителя при наличии конфликта интересов, поскольку, остальные критерии определяют его действия, направленные на воспрепятствование получению информации, которая могла бы помочь заинтересованным лицам и суду установить факт нарушения.

В Постановлении Пленума ВАС РФ № 62 также перечисляются критерии неразумности его поведения. Среди них Высший арбитражный суд выделяет принятие решений без учета известной директору информации; отсутствие действий, направленных на выяснение такой информации (например, проверки контрагента перед заключением контракта), а также совершение сделки без соблюдения внутренних процедур, предусмотренных законом или уставом организации.

К сожалению, на практике суды не всегда проводят четкую грань между критериями недобросовестности и неразумности в оценке убыточных действий директора. Как правило, в судебных решениях достаточно часто встречается констатация того, что руководитель организации нарушил одновременно и ту, и другую обязанности [5]. Представляется, что оба критерия имеют свое самостоятельное содержание, которое необходимо выявить для каждого из них отдельно с целью более детального разграничения данных правовых категорий между собой. В связи с этим, в настоящей работе в качестве основной задачи ставится анализ одного из критериев оценки действий руководителя организации – критерия неразумности.

Для того чтобы определить степень разумности действий руководителя хозяйственного общества необходимо сопоставить его действия с реальными обстоятельствами дела, а именно с характером лежащих на нем обязанностей, условиями экономического оборота и с вытекающими из них требованиями заботливости и осмотрительности, которые должен проявлять любой разумный участник хозяйственных отношений. В решении Федерального арбитражного суда Уральского округа от 20 мая 2014 г. такое поведение директора организации было названо деятельностью «заботливого хозяина» [3].

Основной проблемой применения Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 на практике является соотнесение разумного и неразумного предпринимательского риска – иными словами, проблема определения, в

какой момент действия директора перестают быть целесообразными и начинают выходить за рамки стандартов обычного делового оборота. В соответствии с п. 1 статьи 2 ГК РФ предпринимательская деятельность осуществляется предпринимателями самостоятельно и на свой риск, а следовательно, можно сделать вывод о том, что извлечение прибыли не является гарантированным результатом, а убытки могут наступать независимо от недобросовестности или неразумности действий главного органа управления юридического лица. На успех деятельности руководителя коммерческой организации может влиять огромное количество объективных и субъективных факторов: от нестабильности рыночной конъюнктуры до непредсказуемости действий отдельно взятого контрагента в договоре. Кроме того проблема, также заключается в том, что сама сделка могла быть совершена ранее в одной организационно-хозяйственной обстановке, но впоследствии проверяется судом в иной экономической ситуации.

В то же время, стоит иметь в виду, что в отдельных сферах предпринимательской деятельности к директору может быть предъявлен более высокий стандарт осмотрительности (разумности), а рамки предпринимательского риска значительно сужены. Так, например, если директор туристической фирмы привлекает иные организации как субисполнителей услуг, то от него как от профессионала в туристическом бизнесе ожидается разумный уровень понимания, могут ли реально такие субисполнители оказывать надежные услуги [4].

Так или иначе, ключевым элементом при оценке решений, принимаемых руководителем организации, следует считать не прибыльность или убыточность деятельности хозяйственного общества, а именно характер и направленность такой деятельности на получение прибыли.

Интересно отметить, что зарубежные юристы, которые также столкнулись с проблемой оценивания разумности риска в действиях директора, подошли к ее решению более категорично. Для этого ими была разработана концепция Правила делового решения (Business judgement rule), суть которой заключается в том, что руководитель освобождается от ответственности, если будет доказано, что он действовал добросовестно, на основании надлежащей информации и с уверенностью, что его действия принесут благо организации. В этом случае суд не будет оценивать принятое им решение по существу, поскольку именно директор, как компетентный участник экономических и предпринимательских отношений, а не суд должен управлять делами компании, и для этого директору предоставлена определенная доля усмотрения в решении коммерческих вопросов. Говоря другими словами, в качестве решения

проблемы зарубежные правоведы предлагают и вовсе оградить суд от оценивания разумного риска, что по-своему тоже является дискуссионной позицией [6].

Таким образом, подробный анализ Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 показывает, что критерии недобросовестности и неразумности действий руководителя организации были проработаны судом достаточно подробно и разделены на конкретные случаи. В то же время целый ряд вопросов, связанных, в том числе, с определением разумного и неразумного риска остается мало разработанным. В законодательство необходимо внести положения, которые могли бы выступать базисом для оценки разумного предпринимательского риска в каждой конкретной ситуации. В качестве такой основы автором предлагается взять характер и направленность деятельности директора на получение прибыли и достижение блага для собственной организации. Также, руководствуясь зарубежным опытом, представляется целесообразным снизить количество оцениваемых судом на предмет неразумного предпринимательского риска ситуаций и оставить в качестве таковых только те, в которых к директору должен быть предъявлен более высокий стандарт осмотрительности в связи с профессиональным характером деятельности субъекта.

Список использованных источников:

1. Об обществах с ограниченной ответственностью [Электронный ресурс]: федер. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (в посл. ред.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 20.05.2014 № Ф09-2073/2014 года по делу № А50-12101/2013 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru>.
4. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 03.02.2015 № Ф05-16762/2014 года по делу № А40-18623/2014 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru>.

5. Степанов, Д.И., Михальчук, Ю.С. Ответственность коллегиальных и единоличных органов управления юридическими лицами (на примере коммерческих структур) / Д.И. Степанов, Ю.С. Михальчук. – Москва: Статут, 2018.

6. Ключарева, Е. М., Правило защиты делового решения в делах о привлечении к ответственности директоров: законодательство и практика штата Делавэр (США), Германии и России / Е.М. Ключарева // Закон. – 2015. – № 11.

СДЕЛКИ С ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬЮ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

© Е.А. Колпакова

Научный руководитель: Н.Ф. Качур

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В Российской Федерации сделки с заинтересованностью регулируются федеральными законами «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (далее — закон об АО) и «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (далее — закон об ООО). В соответствии с положениями этих законов, «сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, признается сделка, в совершении которой имеется заинтересованность члена совета директоров (наблюдательного совета) общества, единоличного исполнительного органа, члена коллегиального исполнительного органа общества или лица, являющегося контролирующим лицом общества, либо лица, имеющего право давать обществу обязательные для него указания». Тем самым законодатель определяет, кто относится к заинтересованным лицам.

Схожим понятием является «аффилированность». Согласно Закону РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» от 22 марта 1991 г. № 948-1 под аффилированными лицами понимаются «физические и юридические лица, способные оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность». Сегодня в большей своей части данный закон не действует, тем не менее, статья, разъясняющая основные понятия антимонопольного законодательства, не утратила силу. В статье 53.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) делается ссылка именно на данный закон. Налоговый кодекс Российской Федерации использует понятие «взаимозависимые лица». В соответствии со ст. 20 ими

признаются «физические лица и/или организации, отношения между которыми могут оказывать влияние на условия или экономические результаты их деятельности или деятельности представляемых ими лиц».

Следует отметить, что с 1 января 2017 г. непосредственно аффилированность исключена из перечня критериев квалификации сделки как сделки с заинтересованностью. Согласно интерпретации ст. 81 закона об АО и ст. 45 закона об ООО заинтересованным в совершении сделки лицом является «контролирующее лицо». Подобная трактовка значительно сужает перечень лиц, признаваемых заинтересованными, поскольку аффилированность имеет более широкое значение, чем контроль. Если понятие «аффилированность» означает «влияние», то контроль — это «способность одного лица определять решения другого». Последнее, скорее, относится к недостаткам подобного нововведения, ведь известно, что сделка с заинтересованностью часто служит способом совершения действий, направленных на сокрытие реального дохода, получения выгод при уплате налогов, особенно если в ней участвует оффшорная компания или холдинг, куда такие организации входят. Можно сделать вывод, что понятие аффилированности шире, чем понятие заинтересованности, а значит, законодатель сужает поле для классификации сделки, как сделки, в совершении которой имеется заинтересованность. В связи с тем, что с 1 января 2017 года законодатель отменяет обязательное предварительное одобрение такой сделки, напрашивается вывод, не появляется ли поле для злоупотребления.

Но у выделения понятия заинтересованности есть и относительные плюсы. В отдельных случаях доказанный статус контролирующего лица может позволить привлечь его к субсидиарной ответственности, что произошло при привлечении к субсидиарной ответственности топ-менеджеров и бенефициара ликвидированного «Межпромбанка». Суд признал экс-сенатора Совета Федерации Сергея Пугачева контролирующим лицом, чьи действия причинили банку ущерб. Судья пришел к выводу, что возможность С.В. Пугачева давать обязательные для Банка указания и иным образом определять его действия следует из структуры управления Банком, связанной, во-первых, с правом контроля С.В. Пугачевым за принятием решений, и, во-вторых, фактической системой личного согласования с С.В. Пугачевым основных решений Банка со стороны руководителей и органов управления Банка.

Следующим условием, на которое следует обратить внимание при изучении сделок с заинтересованностью, является ее субъект — заинтересованное лицо. Для того чтобы признать сделку сделкой с заинтересованностью, необходимо определить наличие или отсутствие у заключившего ее лица

заинтересованности в ее совершении. Законодатель устанавливает критерии определения и перечень заинтересованных лиц, используя такие дефиниции, как «выгодоприобретатель», «контролирующее лицо», «посредник» и др. Содержание некоторых из приведенных понятий раскрыто в иных нормах права, дефиниции других вовсе отсутствуют, по этой причине возникает проблема их толкования применительно к сделкам с заинтересованностью.

Предлагается выделить следующие категории заинтересованных лиц, которые не названы прямо в законе об АО и законе об ООО. К ним следует отнести лиц, не только принимающих управленческие решения в обществе, но и способных оказывать на их принятие существенное влияние. Этот вывод основан на судебной практике, в частности по смыслу вышеуказанных законов, заинтересованными в совершении сделок признаются лица, которые сами принимают управленческие решения в обществе либо способны оказывать на их принятие существенное влияние. Их заинтересованность находит выражение в том, что они либо их близкие родственники или зависимые от них лица, которые состоят в корпоративных отношениях с организациями, являющимися стороной, выгодоприобретателем, посредником или представителем в сделке, одним из участников которой выступает данное общество.

Кроме того, нужно отметить, что суды выделяют и такое основание для признания оспариваемой сделки в качестве сделки с заинтересованностью, как осуществление функции единоличного исполнительного органа сторон по сделке одним и тем же лицом. Казалось бы, эти признаки лежат на поверхности, однако до недавнего времени в законодательстве Российской Федерации не было механизма по выявлению и пресечению действий лиц, желающих приобрести личную выгоду в ущерб закону.

Любое хозяйственное общество в своей деятельности сталкивается с ситуациями, когда необходимо заключить сделку, которую можно квалифицировать как сделку, совершаемую с заинтересованностью. Необходимо обратить внимание на определение момента возникновения заинтересованности лица в сделке общества. Нормы закона об АО и закона об ООО, касающиеся сделок с заинтересованностью, непосредственно не указывают на юридический факт, который можно было бы признать моментом установления наличия или отсутствия заинтересованности лица в совершении сделки. В то же время его определение необходимо для квалификации сделки как совершенной с заинтересованностью. Отсутствие законодательной регламентации такого важного вопроса потребовало разъяснений Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ), которые и определили дальнейшее развитие судебной практики по данной проблеме. Такие разъяснения были

даны в постановлении Пленума ВАС РФ О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Согласно п. 9 названного судебного акта для признания сделки, подпадающей под признаки сделок с заинтересованностью, необходимо чтобы заинтересованность соответствующего лица имела место на момент совершения сделки.

Однако что же такое момент совершения сделки? Тождественен ли он моменту заключения договора? На эти вопросы, к сожалению, также нет единого ответа. Процесс переговоров в сделке хозяйственного общества может затянуться на годы. Согласно действующей редакции ст. 433 ГК РФ договор считается заключенным в тот момент, когда лицо, направившее оферту, получает акцепт — ответ на полученное предложение. Совершение же может восприниматься не как формальное достижение согласия сторон по существенным условиям договора, а достижение желаемого результата сделки, т. е. ответ, данный судом, не прояснил, а запутал участников гражданского оборота. Мы же предлагаем считать моментом совершения сделки тот момент, когда стороны достигли согласия по существенным условиям сделки (подписали договор).

В завершение следует указать на наличие отдельных нерешенных вопросов в регулировании правоотношений в сфере заключения сделок с заинтересованностью. Отметим актуальность ужесточения требований к их учету и согласованию. При наличии таких критериев, как участие одного лица в управлении несколькими юридическими лицами, являющимися сторонами одной сделки, необходим учет таких сделок, возможно составление их паспортов. Законодатель сделал первые шаги к необходимому уточнению, отменив аффилированность, как критерий определения сделки с заинтересованностью, заменив его понятием «контролирующее лицо», но остались другие вопросы, требующие уточнения, в том числе определение момента совершения сделки, определение дефиниций, относящихся к субъекту сделки с заинтересованностью и т.д.

Список использованных источников:

1. Об акционерных обществах: федер. закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 1. — ст. 1.
2. Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. — 1998. — № 7. — ст. 785.

3. О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках: закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 16. – ст. 499.

4. Шиткина, И. С. Сделки с заинтересованностью / И.С. Шиткина // ЭЖ-Юрист. – 2017. – № 9.

5. Определение ВС РФ от 29 января 2016 г. № 305-ЭС14-3834 по делу № А40-119763/2010 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Михальчук, Ю. М. Топ-10 корпоративных споров 2016 г. / Ю.М. Михальчук // ЭЖ-Юрист. – 2017. – № 11.

7. О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью: постановление Пленума ВАС РФ от 16 мая 2014 г. № 28 // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 6.

8. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 28 июля 2008 г. по делу № А13-4577/2007 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Постановление Президиума ВАС РФ от 22 марта 2012 г. № 14613/11 по делу № А60-41550/2010-С4 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 7.

10. Определение ВАС РФ от 21 апреля 2009 г. № ВАС-4312/09 по делу № А62-521/2008 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

11. Определение ВАС РФ от 23 октября 2009 г. № ВАС-11005/09 по делу № А58-470/08 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

12. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 24 сентября 2009 г. по делу № А43-31889/2008-17-715 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

13. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 25 декабря 2006 г. № Ф03-А51/06-1/5003 по делу № А51-4635/06-32-86 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

14. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 29 июня 2011 г. по делу № А66-9047/2010 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

15. О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»: постановление Пленума ВС РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 9 сентября 1999 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 3.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ МИНОРИТАРНОГО АКЦИОНЕРА

© А.Е. Крейндель

Научный руководитель: Т.В. Мельникова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Акционер является ключевой фигурой при создании акционерного общества, но в настоящий момент российское законодательство не содержит определение понятия акционера, российская доктрина также не вносит определенности в этот вопрос. Определение данного понятия можно вывести лишь косвенным путем, используя сформулированные права и обязанности акционеров, «разбросанные» в тексте закона. В целях повышения эффективности правового регулирования в этой связи представляется разумным включить в Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ (далее по тексту – Федеральный закон «Об акционерных обществах») [7] специальную главу об акционерах и их правах, разработав на законодательном уровне соответствующее определение.

Что касается определения миноритарного акционера, то данное понятие, в отличие от родового, в принципе не упоминается в законодательстве. Иногда оно встречается в судебных решениях. Вместе с тем на практике данный термин активно используется, имеет вполне конкретизированное значение. Данный вопрос является предметом исследования многих современных авторов, например, Бойко Т.С. [4], Ланской И.А., Соломонова Е.В. и др.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2003 г. № 5-П упоминается, что миноритарные (мелкие) акционеры являются слабой стороной в системе корпоративных отношений [9]. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П содержит указание на то, что «в процессе предпринимательской деятельности акционерного общества могут сталкиваться интересы владельцев крупных пакетов акций и миноритарных акционеров, поэтому одной из основных задач законодательства об акционерных обществах является обеспечение баланса их законных интересов...» [10]. О необходимости защиты прав миноритариев также упоминается в Определении Конституционного Суда РФ от 17 марта 2005 г. № 61-О [8]. Таким образом, российские суды исходят из того, что миноритарии представляют собой слабую сторону в системе корпоративных отношений и нуждаются в особой защите.

Сам термин «миноритарный акционер» происходит от английского слова «minor», что означает «второстепенный», «незначительный». Обращаясь к зарубежным источникам, можно выявить схожесть в определениях миноритарных акционеров. Так, британский ученый Пол Дэвис рассматривает миноритарных акционеров, как акционеров, неспособных к принятию самостоятельных решений из-за отсутствия у них достаточного количества акций [2]. В американских источниках миноритарный акционер понимается как владелец такого незначительного количества акций общества, что он лишен возможности контролировать управление обществом или избирать директоров [1].

В корпоративной практике для определения миноритария зачастую используется указание на максимальный процент участия в капитале общества, причем данный процент участия является неодинаковым в различных странах. Так, например, в 2007 году в Республике Казахстан акционеры были законодательно разделены на крупных и миноритарных (которым принадлежат менее 10% голосующих акций общества).

Анализ отечественной судебной практики позволяет сделать вывод о том, что миноритарии рассматриваются в качестве «некрупных акционеров» либо «владельцев неконтрольных пакетов акций». При этом стоит отдельно отметить, что «некрупный пакет акций» не обязательно является «неконтрольным», на что обращают внимание далеко не все российские цивилисты. Вместе с тем это имеет ключевое значение при исследовании понятия миноритария. В целом можно выделить следующие особенности, которые необходимо учитывать при определении статуса миноритарного акционера:

1. Понятие миноритария тесно связано с понятием «миноритарный пакет акций», причем последнее противопоставляется понятию «контрольный пакет акций», что не вполне обоснованно, так как дефиниция контрольного пакета акций отсутствует в официальных источниках.

2. Статус миноритария ставится в зависимость от конкретного типа принадлежащих ему акций, так как по общему правилу привилегированная акция не является голосующей, однако закон предусматривает исключения из этого правила.

3. Имеет существенное значение наличие в составе участников акционерного общества государства в лице Российской Федерации, субъекта Российской Федерации либо муниципального образования, в особенности обладающего специальным правом – «золотой акцией», в результате чего исполнение государством контрольно-надзорной функции оказывает влияние на реальный статус акционеров.

4. Необходимо учитывать количество «спящих акционеров», то есть не проявляющих по каким-либо причинам активного интереса к деятельности высшего органа управления и поэтому систематически не присутствующих на общих собраниях акционеров, обладателей акций на счетах неустановленных лиц, а также акции умерших людей, по которым наследники еще не предъявили соответствующих требований. Проведенный отечественными авторами анализ показывает, что в акционерных обществах эта цифра колеблется от 1 до 17% эмитированных акций. Отсюда следует, что контролирующим пакетом акций можно считать тот, который содержит в себе 50% акций общества и более, в реальности может не являться таковым.

5. Фактическая аффилированность совладельцев акционерного общества также имеет значение при определении статуса миноритарного акционера, так как несколько небольших пакетов обыкновенных акций могут находиться во владении различных субъектов, которые формально не входят в одну группу лиц, однако в реальности контролируются одной структурой, что влечет негативные последствия для миноритариев.

6. Реальную ситуацию кардинально может изменить наличие объединения формальных миноритариев, сумма долей участия которых гарантирует при прочих равных обстоятельствах мажоритарное управление юридическим лицом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что характеристика акционера как миноритарного является ситуативной. Она зависит не от абсолютной величины пакета его акций и формального положения дел, а от реального распределения сил в акционерном обществе. Достаточность голосов для принятия решений на общем собрании акционеров может зависеть, в том числе, от реального состава акционеров, участия в акционерном обществе государства и муниципальных образований, наличия между участниками и сторонними лицами фактических отношений аффилированности, акционерных соглашений и пр. [6] Многие авторы склоняются к тому мнению, что именно по этой причине данное понятие не может быть точно сформулировано и, как следствие, введено в действующее законодательство.

Вместе с тем, ориентируясь на положения ст. 6 Федерального закона «Об акционерных обществах», в котором законодатель также использовал достаточно «расплывчатое» определение, можно вывести понятие миноритарного акционера в широком смысле, определив его как акционера, владеющего меньшей долей, чем контрольный пакет акций, и не имеющего реальной возможности определять решения по управлению акционерным обществом.

Список использованных источников:

1. Black's Law Dictionary. 6th ed. / St. Paul, Minn. West Publishing Co, 1990. – 997 p.
2. Paul Davies. Introduction to Company Law / Oxford, 2010. – P. 216.
3. Бабаев А.Б. Корпоративные и обязательственные правоотношения с участием акционера / А.Б. Бабаев // Товарно-денежные отношения, собственность, право собственности. Сборник докладов и тезисов выступлений на научно-практической конференции, 23 – 24 марта 2006 г. – Ростов-на-Дону: СКАГС, 2006. – Ч. 2. – С. 42-52.
4. Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. юрид. наук: 12.00.03 / Бойко Татьяна Станиславовна. – М., 2017. – 34 с.
5. Будылин, С.Л. Права миноритарных акционеров в корпоративном праве США на примере штата Делавэр / С.Л. Будылин // Журнал российского права. – 2008. – С. 114-122.
6. Долинская В.В., Фалеев В.В. Миноритарные акционеры: статус, права и их осуществление / отв. ред. В.В. Долинская. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 141 с.
7. Об акционерных обществах: федер. закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 1. – 1996. – 1 января. – ст. 1.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 17 марта 2005 г. по делу № 61-О [Электронный ресурс] // Режим доступа: // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53404/
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2003 г. по делу № 5-П [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. по делу № 3-П [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СПОСОБА ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО АБЗ. 8 П. 2 СТ. 235 ГК РФ**

© А.К. Лапыцкая

Научный руководитель: И.С. Богданова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

С 2012 года в абз.8 п.2 ст. 235 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] появился новый способ прекращения права собственности, именуемый как «обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы». До настоящего времени вопрос о его понятии и условиях осуществления остается дискуссионным и недостаточно исследованным, что требует более детального изучения.

В отличие от иных способов прекращения права собственности, обращение в доход РФ имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы, характеризуется рядом отличительных признаков.

Во-первых, для его применения необходимо и достаточно факта отсутствия доказательств приобретения имущества, подлежащего изъятию, на законные доходы в соответствии с законодательством РФ о противодействии коррупции. Как отмечается в Постановлении КС РФ №26-П [6] основанием применения данной меры является предполагаемое и не опровергнутое совершение неправомерного деяния коррупционной направленности.

Бланкетный характер абз.8 п.2 ст. 235 ГК РФ предполагает оценку антикоррупционного законодательства, среди которого основным источником является ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», предусматривающий основание применения исследуемого способа, круг субъектов, в отношении которых осуществляется контроль за расходами, а также порядок и механизм его реализации. Данная особенность была отражена в Постановлении КС РФ №26-П [6], в соответствии с которым «применение данного способа прекращения права собственности возможно только в соответствии с условиями, содержащимся в антикоррупционном законодательстве, предусматривающем «правовые и организационные основы осуществления контроля за соответствием расходов лица, замещающего государственную должность (иного лица),

расходов его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей доходу данного лица и его супруги (супруга)».

Во-вторых, законодателем предусмотрена возможность применения аб.8 п.2 ст. 235 ГК РФ впервые поставлена в зависимость от источника приобретения (поступления) в собственность лица соответствующего имущества, что предполагает детальное исследование судом вопроса о характере такого источника, в качестве которого выступают «законные доходы». Категория законных доходов ни в ГК РФ, ни в специальном законодательстве не раскрыта. Однако Закон [5] в ч.1 ст. 4 и ст. 17 предусматривает, что законность доходов подтверждается путем представления сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лицом, замещающим должность государственной (муниципальной) службы, его супруги (супруга), несовершеннолетних детей. В судебной практике преобладает позиция, в силу которой «законность доходов может быть подтверждена путем предоставления соответствующих доказательств при отсутствии требуемых сведений, в противном случае имущество подлежит изъятию» (Решение Снежинского городского суда Челябинской области № 2-492/2018 от 18.09.2018 г. [7]).

В-третьих, Законом [5] предусмотрен особый круг субъектов, попадающих под действие рассматриваемого способа. Так, в соответствии со ст. 17 осуществляется контроль не только за расходами государственного (муниципального) служащего, но и за расходами членов его семьи – супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. При этом учитывается соответствие их общего дохода произведенным расходам за три года, предшествующих отчетному периоду. Соответственно, неблагоприятные последствия презюмируемого нарушения распространяются не только на непосредственного субъекта данного деяния – государственного (муниципального служащего), но и на членов его семьи – супруга (супругу) и несовершеннолетних детей. Данная особенность также выделяет описываемый способ прекращения права собственности, так как достаточно узко конкретизирует субъекта, в отношении которого может быть применен механизм изъятия имущества и налагает идентичные последствия на всех, перечисленных в Законе лиц.

В-четвертых, рассматриваемый способ принудительного прекращения права собственности является безвозмездным, то есть не предусматривает выплаты компенсации лицу в связи с изъятием имущества в доход государства. В Постановлении КС РФ №26-П [6] акцентировано внимание на том, что рассматриваемый способ изъятия имущества является новым ограничением права собственности, и позволяет безвозмездно изымать имущество, приобретенное на неподтвержденные доходы.

В-пятых, возможно обращение в доход государства не только имущества, которое приобретено на неподтвержденные доходы, но и денежных средств, полученных от реализации данного имущества. Данный вывод был сделан в анализируемом Постановлении КС РФ, что свидетельствует о расширении сферы применения рассматриваемого способа прекращения права собственности по сравнению с положениями ГК РФ.

Таким образом, исследуемый способ прекращения права собственности является особой мерой государственного принуждения, применяемой в соответствии с положениями антикоррупционного законодательства, в случае совершения лицами, выполняющими публичные функции, неправомерного деяния коррупционной направленности, которая влечет за собой безвозмездное изъятие имущества лиц, указанных в Законе [5], в соответствии с аб.8 п.2 ст. 235 ГК РФ, в связи с отсутствием сведений (доказательств) приобретения имущества на законные доходы.

Вопрос об отраслевой принадлежности предусмотренного аб.8 п.2 ст. 235 ГК РФ способа прекращения права собственности носит дискуссионный характер, в доктрине сформировалось два основных подхода к его решению.

Так, в работе Д.В. Лобача и Е.А. Смирновой [3] отмечается, что способ, закрепленный в аб.8 п.2 ст. 235 ГК РФ, представляет собой «административно-правовой механизм обращения в государственную собственность неподтвержденных активов должностных лиц».

В свою очередь, в работах Е.А. Суханова [8] и В.А. Белова [1] сделан акцент на особом характере рассматриваемой категории, поскольку ее нельзя однозначно отнести ни к одной из классических классификаций способов прекращения права собственности, что свидетельствует о специфической правовой природе.

Однако, такой способ, как «обращение в доход РФ имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы» закреплен в гражданском законодательстве и предусматривает ограничение права собственности, содержание которое также устанавливается в ГК РФ. В свою очередь регламентация данного способа прекращения права собственности в антикоррупционном законодательстве также обусловлена наличием бланкетной нормы (ст.235 ГК РФ). Соответственно, несмотря на выделяемые характерные признаки указанного способа, нельзя утверждать, что он в чистом виде относится к институтам административного права, и представляет собой административно-правовой механизм изъятия имущества частного субъекта.

Таким образом, учитывая отличительные признаки способа прекращения права собственности, предусмотренного аб.8 п.2 ст. 235 ГК РФ, особенностями его закрепления в антикоррупционном законодательстве, особое основание применения, специфический круг субъектов, а также механизм реализации, следует прийти к выводу о его смешанной правовой природе. Для решения вопросов, возникающих в связи с применением аб.8 п.2 ст. 235 ГК РФ, требуется его дальнейшее осмысление и более тщательная проработка.

Список использованных источников:

1. Белов В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части. / В.А. Белов. – Москва: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – 528 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №32. – ст. 3301.

3. Любач Д.В. Смирнова Е.А. Проблемы имплементации международно-правовой нормы о незаконном обогащении в российское законодательство / Д.В. Любач, Е.А. Смирнова // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – №4. – С. 801-811.

4. Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2017) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»: Федеральный закон от 03.12.2012 №230-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – №50 (часть 4). – ст. 6953.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Решение Снежинского городского суда Челябинской области № 2-492/2018~М-522/2018 от 18 сентября 2018 г. по делу № 2-492/2018 [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)». – Режим доступа: <http://www.sudact.ru>.

8. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник / Е.А. Суханов. – Москва: Волтерс Клувер, 2008. – 957 с.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ МНИМЫХ И ПРИТВОРНЫХ СДЕЛОК

© Я.Е. Логинова

Научный руководитель: С.Я. Сорокина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Гражданское законодательство относит мнимые и притворные сделки к категории ничтожных. В статье 170 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) даны определения этих видов недействительных сделок. Под первым видом ничтожных сделок понимается сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия. По мнению Е. А. Суханова, мнимая или фиктивная сделка не направлена на действительное создание, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [7, с. 370]. Как отмечает Н. В. Кагальнищикова, «стороны осознают фиктивность своих намерений и желают, чтобы последствия, свойственные данным видам сделки, не наступили» [3, с. 96]. Примером мнимой (фиктивной) сделки служит заключение договора дарения между потенциальным должником, на имущество которого будет обращено взыскание, и третьим лицом, фактически не получающим имущество. В действительности в данной ситуации должник не намерен подарить свое имущество, а другая сторона не сможет его получить [6, с. 31].

Под притворной сделкой понимают сделку, совершенную с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях. При этом к сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа и содержания сделки применяются относящиеся к ней правила. Стоит отметить интересный факт, что притворная сделка – это разновидность мнимой сделки, которая содержит в себе еще одну – прикрываемую. Большинство исследователей приводят классическую притворную сделку в виде примера. Ею является передача собственником доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью по договору дарения своей долей с целью скрыть сделку купли – продажи [7, с. 313]. При этом участники (учредители) или другие заинтересованные лица этого общества могут подать иск о признании сделки недействительной на том основании, что договор дарения заключался для прикрытия договора купли – продажи, что является нарушением прав остальных участников общества с ограниченной ответственностью [6, с. 32].

Из приведенных тезисов следует вопрос, какое условие действительно сделки нарушается при совершении мнимых и притворных сделок?

Большинство исследователей относят их к сделкам с пороками воли и волеизъявления. Порочность воли и волеизъявления мнимых и притворных сделок заключается в том, что эти сделки не направлены на создание правовых результатов. Между тем Н. В. Кагальницова утверждает, что мнимые сделки относятся к сделкам с пороками содержания. Как правильно указывает И. В. Матвеев, «именно отсутствие намерений приобрести соответствующие права и обязанности и инсценировка их приобретения сторонами, осуществленная для третьих лиц, позволяет говорить в данном случае о пороке содержания данных гражданско-правовых действий, поскольку они не соответствуют природе и юридическому смыслу сделки» [3, с. 96]. Весьма интересной позиции придерживается В. А. Белов. Говоря о мнимой сделке, он утверждает, что данный вид сделок внешне безупречен: здесь отсутствуют пороки субъектного состава, формы, содержания. На первый взгляд, кажется, что и порока воли и волеизъявления здесь нет [1, с. 302].

Н. В. Кагальницова утверждает, что мнимая сделка не порождает правовых результатов. Между тем притворная сделка несет в себе правовые последствия. Именно прикрываемая сделка порождает гражданские права и обязанности. Прикрывающая сделка является мнимой, так как стороны не собираются либо вообще исполнять совершенную сделку, либо фактически исполняют ее на иных условиях [3, с. 98].

Признание мнимой сделки недействительной влечет основное правовое последствие в виде двусторонней реституции (статья 176 ГК РФ). В случае признания притворной сделки недействительной последствия, в отличие от мнимой, будут иными. Как говорилось выше, притворная сделка состоит из двух видов сделок: собственно притворной, целью которой является сокрытие реальных намерений сторон, и прикрываемой сделки, которую стороны хотят скрыть. В судебной практике прикрывающая (притворная) сделка всегда признается недействительной. При этом Пленум Верховного суда Российской Федерации дает пояснения, что при совершении ряда собственно притворных сделок каждая из них будет являться недействительной. Прикрываемая же сделка может быть признана как действительной, так и может быть не признана таковой по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации или специальными законами [5].

Исходя из вышеизложенного, стоит сказать, что понятие мнимой и притворной сделок не нашло понимания ни в науке, ни в судебной практике. При этом в Гражданском кодексе Российской Федерации даны легальные определения этих сделок, которыми пользуются судебные органы при принятии своего решения. Все равно существуют споры о том, какой же порок содержится

в этих видах ничтожных сделок, и какие же сделки все-таки на практике являются мнимыми и притворными. Представляется более обоснованной позиция авторов, относящим мнимые и притворные сделки к ничтожным в силу пороков воли и волеизъявления. Говорить о таких сделках необходимо, поскольку в судебной практике возрастает количество дел о признании мнимых и притворных сделок недействительными. Ярким примером этого является признание недействительными сделок должника в делах о банкротстве [4].

Список использованных источников:

1. Белов, В. А. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики: учебник / В. А. Белов. – Москва : Юрайт, 2015. – 1009 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 ч. Ч. 1 [Электронный ресурс] : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ ред. от 03.08.2018. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Кагальницкова, Н. В. Мнимые и притворные сделки в реформированном ГК РФ / Н. В. Кагальницкова // Legal concept. – 2015. – №2. – С. 96-100.
4. О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс]: федер. закон от 26.10.2002 года № 127 – ФЗ ред. от 27.12.2018. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23.06.2015 года №25 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Рябцев, М. Ю. Юридические последствия заключения мнимых и притворных сделок по ГК РФ / М. Ю. Рябцев // Отечественная юриспруденция. – 2018. – №1. – С. 31-33.
7. Суханов, Е. А. Российское гражданское право / Е. А. Суханов // Основания возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений. В 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник / Е. А. Суханов. – Москва, 2014. – С. 333-390.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

© Р.Р. Мамедзаде

Научный руководитель: Т.В. Шепель

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) добавлена статья 53.1. о гражданско-правовой ответственности органов юридического лица. Несмотря на позитивную оценку данной новеллы, вопрос об эффективности правового регулирования ответственности органов юридического лица остается актуальным в настоящее время.

Автор настоящей статьи под органами юридического лица понимает тех лиц, которые осуществляют функции управления юридическим лицом. В научной доктрине неоднократно высказывалось мнение о том, что в случае “определения круга лиц, несущих ответственность за надлежащее управление юридическим лицом перед его бенефициарами или самим юридическим лицом, нужно говорить не об ответственности органов юридического лица, а об ответственности лиц, входящих в органы юридического лица” [4]. Следует согласиться с данным высказыванием. Орган юридического лица – это некое ядро, которое имеет набор полномочий, и на которое возложена функция управления юридическим лицом. Но эти функции выполняет конкретное физическое лицо или несколько лиц. Следовательно, на них возлагаются полномочия, осуществление которых приводит к реализации воли юридического лица.

В научной доктрине преобладает мнение о том, что основанием гражданско-правовой ответственности, в том числе органов юридического лица, является правонарушение, которое должно соответствовать следующим условиям: поведение правонарушителя должно быть противоправным, должен иметь место вред (убытки), причинная связь между противоправным поведением и вредом, вина. Но гражданское законодательство имеет особые отличительные условия для привлечения органов юридического лица к ответственности. В пункте 1 ст. 53.1 ГК РФ указано следующее: “Лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, обязано возместить по требованию юридического лица, его учредителей, выступающих в интересах юридического лица, убытки, причиненные по его вине юридическому лицу. Лицо,

которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, несет ответственность, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно, в том числе, если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску” [1]. При толковании вышеуказанной нормы возникает вопрос, какие неправомерные действия влекут возникновение гражданско-правовой ответственности?

Ст. 53.1. ГК РФ дает частично ответ на данный вопрос, выделяя 3 условия для привлечения органа юридического лица к ответственности:

- наличие недобросовестного или неразумного поведения органа юридического лица, в том числе, если его действия не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску;

- наличие его вины;
- наличие убытков.

Согласно п. 3 ст. 53 ГК РФ “лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно”. Следовательно, на органы юридического лица возложена обязанность действовать добросовестно и разумно. Значит ли это, что орган юридического лица может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности в случае, если его действия были законными, но не соответствовали критериям добросовестности и разумности.

Анализируя положения статей 53 и 53.1. ГК РФ, приходим к выводу, что одним из условий возникновения гражданско-правовой ответственности является нарушение органом управления юридического лица обязанности действовать добросовестно и разумно. Критерии добросовестности не отражены в гражданском законодательстве. Высший Арбитражный суд РФ в своем Постановлении Пленума от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица», выделил пять критериев недобросовестного поведения органа юридического лица и три критерия неразумности. Несмотря на наличие таких критериев, в правоприменительной практике возникают проблемы. В частности, в п.п. 3 п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 указано, что недобросовестность имеет место в случае, если “директор совершил сделку без требующегося в силу законодательства или устава одобрения соответствующих органов юридического лица”.

В правоприменительной практике возникает также вопрос – по отношению к кому действия органа юридического лица должны быть добросовестными и разумными: по отношению к кредиторам юридического лица или по отношению к возглавляемому юридическому лицу? Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016) дает ответ на данный вопрос. Верховный суд РФ указывает, что “исходя из положений ст. 10 ГК РФ руководитель хозяйственного общества обязан действовать добросовестно не только по отношению к возглавляемому им юридическому лицу, но и по отношению к такой группе лиц, как кредиторы. Это означает, что он должен учитывать права и законные интересы последних, содействовать им, в том числе в получении необходимой информации”.

В правоприменительной практике возникают трудности при соотношении понятий “вины” (п. 1 ст. 401 ГК РФ) и “добросовестности” и “разумности” (ст. 53.1 ГК РФ). А именно, п. 1 ст. 401 ГК РФ указывает, что “лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства”. Такая формулировка была введена и в Кодекс корпоративного поведения, где в п. 3.1.1 указано, что “законодательство требует, чтобы генеральный директор и члены правления при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей действовали в интересах общества добросовестно и разумно. Обязанность указанных лиц действовать добросовестно и разумно в интересах общества означает, что они должны проявлять при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей, определенных в уставе, заботливость и осмотрительность, которых следует ожидать от хорошего руководителя в аналогичной ситуации при аналогичных обстоятельствах” [2].

Ряд авторов полагают, что вина – это субъективная категория, в отличие от добросовестности и разумности. “Если недобросовестность и неразумность являются объективными обстоятельствами, образующими сам факт правонарушения, то вина является субъективным основанием ответственности. Это важно понимать применительно к случаям, когда в действиях директора, например, была неразумность, – он поступил недальновидно или не получил все необходимые для принятия решения документы, однако, если в его действиях не было вины, такой директор не может быть привлечен к ответственности” [7]. Вопрос о наличии вины органа юридического лица решается судом по своему внутреннему убеждению. Факт наличия вины может быть выражен в форме умысла, а также в форме неосторожности.

Таким образом, несмотря на появление специальной нормы об ответственности органов юридических лиц, правоприменительная практика пока испытывает затруднения при определении условий привлечения органа юридического лица к гражданско-правовой ответственности.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): офиц. текст // Российская газета. – 1994. – № 238-239. – 42 с.
2. О рекомендации к применению Кодекса корпоративного поведения: распоряжение ФКЦБ РФ от 04.04.2002 № 421/р // Вестник ФКЦБ России. – 2002. – № 4. – 240 с.
3. Габов, А.В. Об ответственности членов органов управления юридических лиц / А.В. Габов // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 7. – С. 36-79.
4. Гутников, О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России / О.В. Гутников // Журнал российского права. – 2018. – № 3. – С. 39-52.
5. Гутников, О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях / О.В. Гутников // Вестник гражданского права. – 2014. – № 6. – С. 51-117.
6. Казакова, Н.А. Гражданско-правовая ответственность членов органов хозяйственных обществ: проблемы теории и практики / Н.А. Казакова // Юрист. – 2015. – № 7. – С. 28-32.
7. Шиткина, И.С. Имущественная ответственность государства в корпоративных правоотношениях / И.С. Шиткина // Закон. – 2017. – № 5. – С. 171-182.

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ
КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ**

© Д.В. Михалев

Научный руководитель: И.Д. Кузьмина

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Участники хозяйственных обществ наряду с иными участниками гражданского оборота нуждаются в эффективных способах защиты своих корпоративных прав в случае их нарушения. Использование таких способов должно приводить в первую очередь к восстановлению нарушенных прав. Однако

представляется, что общие способы защиты гражданских прав, перечисленные в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, не способны в полной мере учитывать особенности объекта защиты – прав участников обществ, а значит, не в состоянии в полной мере обеспечить их защиту.

Общепризнанным является утверждение о том, что корпоративные права имеют особую правовую природу, отличающуюся от природы вещных или обязательственных прав [1], существуют в рамках специфических отношений – отношений участия (членства) в общей деятельности [2]. Из этого следует, что для обеспечения надлежащей и эффективной защиты корпоративных прав должны присутствовать специальные способы.

Следует отметить, что на законодательном уровне корпоративные отношения были признаны лишь в 2012 году, когда были внесены соответствующие изменения в пункт 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»). Позднее законодательно были оформлены некоторые сложившиеся в правоприменительной практике специальные способы защиты указанных прав, важнейшим из которых является способ защиты, получивший название «восстановление корпоративного контроля». Указанный способ защиты закреплен в пункте 3 статьи 65.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (положение введено с принятием Федерального закона от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»).

В соответствии с пунктом 3 статьи 65.2 Гражданского кодекса Российской Федерации, если иное не установлено настоящим Кодексом, участник коммерческой корпорации, утративший помимо своей воли в результате неправомерных действий других участников или третьих лиц права участия в ней, вправе требовать возвращения ему доли участия, перешедшей к иным лицам, с выплатой им справедливой компенсации, определяемой судом, а также возмещения убытков за счет лиц, виновных в утрате доли. Суд может отказать в возвращении доли участия, если это приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативные социальные и другие публично значимые последствия. В этом случае лицу, утратившему помимо своей воли права участия в корпорации, лицами, виновными в утрате доли участия, выплачивается справедливая компенсация, определяемая судом.

Из данного законодательного положения можно вывести признаки рассматриваемого нами способа защиты. Во-первых, изложенные правила имеют отношение только к коммерческим корпорациям (в первую очередь хозяйственным обществам). Во-вторых, их применение возможно в случае, если нормами Гражданского кодекса Российской Федерации не предусмотрен иной порядок защиты корпоративных прав. В-третьих, существенное значение имеет вопрос о добросовестности действующих владельцев доли участия в корпорации, от которых требуется ее возвращение. Добросовестные владельцы в случае возврата доли участия первоначальному их владельцу имеют право на справедливую компенсацию, определяемую судом, либо в предусмотренных случаях могут сохранить за собой право участия в корпорации.

Анализ судебной практики показывает, что признание корпоративных отношений и, соответственно, наличие характерных способов защиты участников таких отношений поддерживается правоприменителем уже достаточно продолжительное время. Наиболее ярким примером, подтверждающим изложенный тезис, является практика Высшего арбитражного суда Российской Федерации, сформировавшего начиная с 2008 года такой способ защиты корпоративных прав, как восстановление корпоративного контроля (см., напр., постановления Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 03.06.2008 г. № 1176/08, от 10.06.2008 г. № 5539/08).

В юридической доктрине корпоративный контроль рассматривается как «контроль акционеров (участников), проявляющийся в возможности навязывать свою волю корпоративному образованию, другим его участникам, в извлечении дополнительных имущественных благ из подобного положения внутри корпоративного образования, а также в возможности отчуждения контрольной премии при передаче корпоративного контроля третьим лицам» [3]; «возможность предопределять практически все управленческие решения, извлекая из этого соответствующие выгоды» [4].

Существует точка зрения, согласно которой «восстановление корпоративного контроля подразумевает возврат утраченных акций или долей в натуре независимо от изменения размера уставного капитала хозяйственного общества. Это лишь правовой результат, обусловленный применением иных мер гражданско-правовой защиты регулятивного характера, а не самостоятельный способ защиты корпоративных прав» [4].

Представляется, что подобная позиция не соответствует сложившейся судебной практике. Так, например, как следует из постановления Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 03.06.2008 г. № 1176/08, истцом в качестве способа защиты нарушенного права был избран

иск о применении последствий недействительности ничтожной сделки. Однако при рассмотрении дела судом было установлено, что после совершения оспариваемой сделки уставный капитал общества увеличился за счет дополнительных вкладов и в дальнейшем был перераспределен между участниками. В результате ни у одного из участников общества не было доли того размера, который был предметом незаконной сделки. Следовательно, применение реституции в данном случае не представлялось возможным. Президиум Высшего арбитражного суда Российской Федерации, рассматривая данный спор, пришел к выводу, что предъявление иска о применении последствий недействительности ничтожной сделки фактически содержит просьбу о восстановлении права истца на корпоративный контроль над обществом посредством присуждения истцу соответствующей доли участия в уставном капитале общества. В связи с тем, что на момент рассмотрения указанного дела восстановление корпоративного контроля как самостоятельный способ защиты не был предусмотрен законом, суд отметил, что такой способ является частным проявлением общего способа защиты, предусмотренного статей 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, – восстановления положения, существовавшего до нарушения права.

В данном деле единственным вариантом защиты истца стало применение самостоятельного способа защиты – восстановления корпоративного контроля, а не иного (реституции), поскольку использование последнего вообще не представлялось возможным. С учетом второго изложенного нами признака исследуемого способа защиты можно сказать, что предъявление требования о восстановлении корпоративного контроля является необходимым только при отсутствии возможности использовать иные предусмотренные законом способы защиты корпоративных прав. В приведенном деле применение восстановления корпоративного контроля было обусловлено именно такими причинами.

Таким образом, необходимо различать восстановление корпоративного контроля как самостоятельный способ защиты нарушенных прав (пункт 3 статьи 65.2 Гражданского кодекса Российской Федерации) и восстановление корпоративного контроля как результат удовлетворения иных исков (например, реституция, виндикация, признание права).

В этом смысле наиболее примечательной представляется позиция С.В. Сарбаша, полагающего, что для эффективной защиты нарушенного корпоративного права следует «применять не общие способы защиты нарушенных прав, а специальный – восстановление корпоративного контроля. Этот способ защиты корпоративных прав как бы вбирает в себя все другие способы

защиты, широко применяемые на практике: виндикация и признание права собственности, признание сделки недействительной и реституция»; «применение такого способа, как восстановление корпоративного контроля, стремится к достижению цели наиболее прямым, коротким путем, в обход многоэтапного, последовательного применения совокупности других способов защиты» [4].

Список использованных источников:

1. Ломакин, Д. В. Акционерное правоотношение: монография / Д. В. Ломакин. – Москва: Спарк, 1997. – 156 с.
2. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник / под общ. ред. В.А. Белова. – Москва: Юрайт, 2014. – 678 с.
3. Степанов, Д. И. Феномен корпоративного контроля [Электронный ресурс] / Д. И. Степанов // Вестник гражданского права. – 2009. – № 3 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Сарбаш, С. В. Восстановление корпоративного контроля [Электронный ресурс] / С. В. Сарбаш // Вестник гражданского права. – 2008. – № 4 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Русанова, В.А. Корпоративные способы защиты прав участников хозяйственных обществ: дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.03 / Русанова Вероника Александровна. – Москва, 2012. – 222 с.

КОРПОРАТИВНЫЙ КОНФЛИКТ КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

© А.Р. Михалева

Научный руководитель: Г.Г. Казьмина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Многие ли из нас задумываются над тем, что такое корпоративный конфликт? Многие ли размышляют о происхождении данного термина, откуда вообще взялось такое сочетание слов? Людям с юридическим образованием для практической работы свойственно не углубляться в философию, этимологию и другие различные науки, т.к. для профессии важно следовать «букве закона», внимательно читать положения законодательства и верно его

интерпретировать. Конечно в особых случаях не обойтись и без второго элемента закона «духа», а именно, не обойтись без понимания самой сути изложенного в законодательных актах, цели создания норм, направленности действия, принципов того или иного права. Всем этим перечисленным в идеале должны обладать все юристы, получающие достойное образование, но как это часто бывает, не у всех это получается.

Поэтому, даже при такой, казалось бы, не особо важной постановке вопроса, каждому из нас необходимо понимать смысл данного термина, понимать причины возникновения конфликтных ситуаций в корпорациях, степени развития и последствия.

Анализ происходящего юристам необходим, так как конфликтных ситуаций не избежать [3], об этом в своих работах упоминали и немецкий философ Георг Зиммель и Карл Маркс. Ведь конфликт это есть естественное состояние человека, на что в свое время указывал Т. Гоббс, первоначальное состояние человеческого общества он расценивал как *Bellum omnium contra omnis* (лат.), то есть «войну всех против всех» [2].

Для начала нужно обратиться к законодательству РФ и убедиться, что легальное определение «корпоративного конфликта» отсутствует. Понятие корпоративных споров нашло отражение лишь в 2009 г., когда в АПК РФ появилась новая глава гл. 28.1., посвященная данному вопросу. В соответствии со ст. 225.1 АПК РФ [1] под корпоративными спорами понимаются споры, связанные с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице. Понятие же корпоративного конфликта законодательно не определено, поэтому существует множество вариантов толкования данного термина, который разные авторы рассматривают с различных точек зрения.

Основные подходы к определению понятия «корпоративный конфликт», представленные в современной литературе. Например, Шиткина И. С. в своей работе писала: «Корпоративные конфликты – нарушение прав и (или) законных интересов участников и (или) общества в результате совершения правонарушений со стороны других участников или менеджмента общества» [9].

Американский социолог Л. Козер дает следующее определение конфликта: «Конфликт — это борьба за ценности и притязания из-за дефицита статуса, власти и средств, в которой цели противников нейтрализуются, ущемляются или элиминируются их соперниками» [4].

Термин «корпоративный конфликт» не имеет однозначного определения и толкования. Одно из определений корпоративного конфликта было представлено в Кодексе корпоративного поведения: «Любое разногласие или

спор между органом общества и его акционером, которые возникли в связи с участием акционера в обществе, либо разногласие или спор между акционерами, если это затрагивает интересы общества, по своей сути представляет собой корпоративный конфликт, так как затрагивает или может затронуть отношения внутри общества». В связи с изданием письма Банка России от 10 апреля 2014 года №06-52/2463 на сегодняшний день рекомендован Кодекс корпоративного управления, который не содержит подобного положения.

В исследовании, проведенном Центром экономических и финансовых исследований и разработок в Российской экономической школе (ЦЭФИР РЭШ) по заказу Национального совета по корпоративному управлению, корпоративный конфликт определяется как «открытое противостояние, в которое вовлечены две или более сторон из числа акционеров, менеджеров, членов совета директоров и, в случае поглощения, потенциальный поглотитель» [5].

Малкин В. И. в своей научной статье предлагает внести в главу 4 ГК РФ собственное определение корпоративного конфликта, которое является достаточно логичным и полным: «Корпоративный конфликт — это такое разногласие (противоречие, столкновение, противоборство), возникающее между участниками корпорации или между корпорацией и ее участниками, посягающее на корпоративные и иные отношения в деятельности корпорации, а также разногласия, возникающие между корпорацией или ее участниками с иными лицами (лицами, входящими в состав органов управления корпорации, держателем реестра акционеров, внешним инвестором, депозитарием и пр.), направленные на правоотношения внутри корпорации, характеризующиеся противоположными, взаимоисключающими целями и интересами сторон такого разногласия, направленные на осуществление контроля за поведением другой стороны либо изменение своего статуса или юридического состояния» [6].

Проанализировав судебную практику, можно увидеть, что большое количество вопросов отнесено к определению обсуждаемого понятия. Я считаю, что введение легального определения поможет не допускать на законодательном уровне смешения гражданских норм, например с трудовыми, что в свою очередь неприемлемо. На сегодняшний день, по данной проблеме нет единого мнения, было разработано даже Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июня 2015 г. № 21 г. Москва «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации», в котором ВС постарался очертить круг проблем, возникающие в данной области, поэтому мне кажется, что данное

определение не внесет конкретики, а наоборот расширит сферу толкования. Или, например, установление наличия факта корпоративного конфликта может быть рассмотрено судом, как смягчающее обстоятельство при разрешении дел, связанных с взысканием задолженности по несвоевременно уплаченным налогам и сборам [7, 8].

Поэтому нужно формально закрепить данное понятие, передав его точный смысл, и обеспечить тем самым возможность судам наконец-то обращаться к конкретной норме закона без законодательных пробелов, которых в наше время и так достаточно. Ведь интерпретации порой создают в определениях судов путаницу, в которую вовлекаются и стороны судебного производства, ждущие защиту своего нарушенного права. Разработка одного понятия поможет избавиться от всего этого, без составления множества судебных обзоров по аналогичным делам, без Постановлений Пленумов и т.п. Это будет фундаментальным началом для продолжения работы по внесению изменений в законодательство и созданию, может быть новых законов, касающихся защиты прав акционеров, дополнительных статей в уже существующее законодательство.

Думается, что затрагивающая столь важные элементы общества проблема заинтересует читателей, даст возможность задуматься, и в последствии все таки произойдет качественное улучшение нормативно-правовых актов, касающихся корпоративных вопросов, что в свою очередь может повлиять и на отношения в этих коллективных образованиях.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ [Электронный ресурс]: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ ред. от 28.12.2017 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://consultant.ru>.
2. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf>
3. Гришина, Н. В. Психология конфликта: хрестоматия, 2-е изд., доп. / под. ред. Гришиной Н. В. – СПб.: Питер, 2016.
4. Козер, Л. Функции социального конфликта: пер с англ. / Л. Козер. – Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 205 с.
5. Корпоративные конфликты в современной России и за рубежом: разработано Национальным советом по корпоративному управлению. / под ред. Степанова С., Габдрахманова С. – Москва, 2011. – 140 с.

6. Корпоративный конфликт в современной России: понятие и актуальные вопросы правового регулирования / Малкин В. И. // Актуальные проблемы российского права. – 2016 г. – № 4.

7. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 августа 2014г. по делу № А65-7945/2014 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru>.

8. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14 ноября 2014г. № Ф06-17097/2013 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru>.

9. Шиткина, И. С. Корпоративное право: учебник / И.С. Шиткина. – Москва: Волтерс Клувер, 2008. – 648 с.

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ ИСЧИСЛЕНИЯ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПРИ КОНКУРСНОМ ОСПАРИВАНИИ СДЕЛОК АРБИТРАЖНЫМ УПРАВЛЯЮЩИМ

© О.О. Петроченко

Научный руководитель: И.С. Богданова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В процедурах несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации ведущую роль занимает арбитражный управляющий. Будучи обязанным принимать меры по защите имущества должника в деле о банкротстве, он наделен правом на подачу заявления о признании недействительной сделки, совершенной должником или иными лицами за его счет, в деле о банкротстве (гл. III.1 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [5] (далее – Закон о банкротстве)).

Закон о банкротстве предусматривает, что внешний или конкурсный управляющий вправе оспаривать сделки должника с момента, когда он узнал или должен был узнать о наличии оснований для оспаривания, предусмотренных Законом о банкротстве (п. 1 ст. 61.9 Закона о банкротстве). Буквальное толкование данной нормы, подтвержденное Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ [4, пункт 32], приводит к тому, что правило п. 1 ст. 61.9 Закона о банкротстве об определении момента, с которого исчисляется исковая давность для арбитражного управляющего, применяется только при оспаривании сделок по ст. 61.2 или ст. 61.3 Закона о банкротстве.

В связи с этим представляется необходимым определить, каким образом исчисляется исковая давность в случае оспаривания внешним или конкурсным управляющим сделок по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации [1] (далее – Гражданский кодекс РФ), т.е. по общегражданским (общим) основаниям. Особо стоит отметить возможные противоречия при оспаривании ничтожных сделок, поскольку начало исчисления исковой давности по таким требованиям (момент начала исполнения сделки) отличается от установленного Законом о банкротстве для подозрительных сделок и сделок с предпочтением, поскольку последние являются оспоримыми [4, пункт 4].

До внесения изменений в п. 1 ст. 181 Гражданского кодекса РФ федеральным законом от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ [3] в нем отсутствовало правило об исчислении исковой давности по ничтожной сделке для лица, не являющегося ее стороной (им в том числе можно признать и арбитражного управляющего). В связи с этим Высшим Арбитражным Судом РФ была сформирована позиция о невозможности применения правил об исковой давности, установленных Законом о банкротстве, к требованиям о признании недействительными сделок по общегражданским основаниям [9], вследствие чего для арбитражного управляющего исковая давность также исчислялась с начала исполнения ничтожной сделки.

Тем не менее, с даты внесения изменений в п. 1 ст. 181 Гражданского кодекса РФ в части, определяющей, что для лица, не являющегося стороной сделки, исковая давность исчисляется с момента, когда оно узнало или должно было узнать о начале исполнения по такой сделке, в судебной практике сохраняется прежний подход к решению данного вопроса. В частности, в качестве аргумента суды ссылаются на то, что конкурсный управляющий осуществляет полномочия органов управления должника, поэтому его назначение не влияет на течение исковой давности [7].

Что касается рассмотрения конкретных дел Верховным Судом РФ, он по существу воспроизводит позицию, предложенную Высшим Арбитражным Судом РФ, прямо дублируя его положения либо отмечая, что, по сути, конкурсный управляющий оспаривает сделку по специальным основаниям Закона о банкротстве [6]. Последнее происходит тогда, когда арбитражный управляющий наряду с общими нормами Гражданского кодекса РФ (например, ст. 10 и ст. 168) указывает в качестве оснований для оспаривания ст. 61.2 или ст. 61.3 Закона о банкротстве.

По нашему мнению, нельзя согласиться со складывающейся практикой Верховного Суда РФ по рассматриваемому вопросу. Арбитражный

управляющий не является ни органом управления должника – юридического лица, ни тем более стороной оспариваемой сделки. Закон о банкротстве прямо не называет управляющего органом юридического лица: речь идет об осуществлении полномочий руководителя должника, что не совсем одно и то же. При рассмотрении арбитражного управляющего как субъекта, имеющего «особый публично-правовой статус» [2, с. 339], что составляет основу теории делегированного публичного управления, отметим, что такое правовое положение наилучшим образом способствует осуществлению им разнообразных полномочий, предоставленных Законом о банкротстве, в том числе полномочий органов управления юридического лица – должника.

Кроме того, суды не принимают во внимание цели процедур внешнего управления и конкурсного производства, а также тот факт, что арбитражный управляющий не является представителем должника, действуя в интересах широкого круга субъектов: не только должника, но и кредиторов и всего общества (п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве). Поскольку указанные интересы часто не совпадают и могут противоречить друг другу, осуществление управляющим деятельности в качестве органа юридического лица приведет к нарушению обязанности действовать именно в его интересах, которая предусмотрена п. 3 ст. 53 Гражданского кодекса РФ.

В доктрине отмечается, что законодатель установил момент начала исчисления исковой давности по ничтожной сделке с начала ее исполнения, поскольку «права сторон нарушаются именно в этот момент» [11, с. 861]. Следовательно, с данного момента сторона обладает материально-правовой и процессуальной заинтересованностью, т.е. заинтересована как в «объекте защиты – получении материально-правового блага» [10, с. 224], так и в самой судебной защите процессуально.

Применяя данный тезис к статусу арбитражного управляющего, оспаривающего сделку должника, мы отметим, что во внешнем управлении он защищает интересы должника напрямую, поскольку в результате оспаривания сделки конкурсная масса может быть пополнена, а платежеспособность должника восстановлена (что и является целью данной процедуры). В ходе же конкурсного производства в первую очередь управляющий действует в интересах кредиторов, так как чем больше имущества попадет в конкурсную массу, тем больше будет степень погашения требований кредиторов, что приведет к достижению цели конкурсного производства – соразмерного удовлетворения их требований.

Таким образом, арбитражный управляющий в обеих процедурах имеет свою собственную материально-правовую и процессуальную

заинтересованность при оспаривании сделок должника, которая заключается в пополнении конкурсной массы, в получении судебной защиты прав должника и кредиторов. А поскольку он, имея особый публично-правовой статус, обладает собственным интересом в восстановлении платежеспособности должника либо в удовлетворении требований его кредиторов, исковая давность по ничтожной сделке должна исчисляться с момента, когда именно управляющий узнал или должен был узнать о начале ее исполнения, т.е. когда нарушаются его законные интересы в эффективном использовании предоставленного ему Законом о банкротстве иска об оспаривании сделок несостоятельного должника как особого правового средства.

Несмотря на практику кассационных инстанций и Верховного Суда РФ, арбитражные суды нередко принимают акты, направленные на изменение сложившейся правовой позиции по исследуемому вопросу. Например, в одном из дел суд указал, что «к спорным правоотношениям подлежали применению правила исчисления сроков исковой давности с учетом новой редакции пункта 1 статьи 181 ГК РФ» [8].

Для однозначной корректировки судебной практики по пути предоставления внешнему или конкурсному управляющему права оспаривать сделки должника по общим основаниям мы предлагаем внести изменения в п. 1 ст. 61.9 Закона о банкротстве, указав началом исчисления исковой давности при оспаривании сделок по общегражданским основаниям момент, когда арбитражный управляющий узнал или должен был узнать о начале исполнения ничтожной сделки либо об основаниях для признания недействительной оспоримой сделки.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 ч. Ч. 1: федер. закон Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – ст. 3301.
2. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / под. ред. С.А. Карелиной. Т. 1. – Москва: Статут, 2019. – 925 с.
3. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 07.05.2013 № 100-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 19. – ст. 2327.
4. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление

Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 3.

5. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон Российской Федерации от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – ст. 4190.

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2018 № 305-ЭС15-12239 (5) [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

7. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.06.2016 по делу № А55-7714/2015 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

8. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.02.2019 по делу № А55-5303/2017 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru>.

9. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.03.2012 № 15051/11 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 7.

10. Сахнова, Т. В. Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 784 с.

11. Сделки, представительство, исковая давность: Постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2018. – 1264 с.

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ДЕТЕЙ НА КВАРТИРУ, ПРИБРЕТЕННУЮ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА, В СЛУЧАЕ НАЛОЖЕНИЯ НА НЕЕ АРЕСТА

© А.Н. Поготовко

Научный руководитель: И.С. Богданова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ (далее – ФЗ № 256-ФЗ) установлены дополнительные меры государственной поддержки семей, имеющих детей, в целях создания условий, обеспечивающих этим семьям достойную жизнь.

Согласно ст. 2 ФЗ № 256-ФЗ средства федерального бюджета, за счет которых осуществляется реализация дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей, именуются материнским (семейным) капиталом [2]. Лица, получившие сертификат, подтверждающий их право на материнский капитал, вправе им распорядиться, в частности, на улучшение жилищных условий, при этом жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского капитала, оформляется *в общую собственность* родителей, детей с определением размера долей по соглашению [2]. При приобретении жилого помещения с использованием ипотечного кредита, возможна ситуация, когда имущество изначально оформляется в собственность только родителей, а затем при рождении детей возникает право на дополнительные меры государственной поддержки семей, имеющих детей. В соответствии с пп. «ж» п. 13 Постановления Правительства РФ «О Правилах направления средств материнского капитала на улучшение жилищных условий» (далее – Правила № 862) при погашении родителями основного долга либо процентов по ипотечному кредиту сертификатом, подтверждающим право на материнский капитал, им будет необходимо предоставить обязательства по оформлению жилого помещения в собственность детей с определением размера долей по соглашению в течение 6 месяцев после снятия обременения с жилого помещения [3].

В связи с тем, что ФЗ № 256-ФЗ и Правилами № 862 не урегулирован порядок исполнения этой обязанности, кроме как указания на срок его исполнения, в практике может возникнуть ситуация, когда исполнение обязанности по оформлению доли детям в 6 месячный срок невозможно, а именно, в случае наложения ареста на имущество должника (единственно пригодное жилье), срок которого совпадает со сроком исполнения обязательства по Правилам № 862.

На единственно пригодное жилье не может быть обращено взыскание, но может быть наложен арест, который включает в себя запрет на распоряжение имуществом, в том числе осуществление регистрационных действий в отношении имущества должника [4].

Должник оказывается в тупиковой ситуации: с одной стороны, на его имущество наложен арест с целью воспрепятствования возможности по распоряжению имуществом в ущерб интересам кредитора, а с другой стороны – у должника есть обязанность, вытекающая из закона, по оформлению жилого помещения в собственность детей. В случае неисполнения данной обязанности в установленный срок, в суд вправе обратиться прокурор с исковым

заявлением о понуждении к совершению действий по оформлению жилого помещения.

Для того чтобы решить данную проблему и понять, что делать должнику в такой ситуации, необходимо выяснить два вопроса:

1) С какого момента ребенок становится собственником жилого помещения, на которое были потрачены средства материнского капитала?

2) Какова природа обязательства по оформлению долей детям?

Согласно п. 2 ст. 223 ГК РФ по общему правилу право собственности у приобретателя возникает с момента государственной регистрации, но возможны и иные моменты возникновения права собственности, которые предусмотрены законом.

Проанализировав ФЗ № 256-ФЗ можно прийти к выводу о том, что ребенок становится собственником жилого помещения в момент, когда бюджетные средства из Пенсионного фонда *направлены на улучшение жилищных условий, в том числе на погашение основного долга либо процентов по кредиту*. Это подтверждается следующим:

1. Как было выше отмечено, жилое помещение, в которое вложены средства материнского капитала, должно находиться в общей долевой собственности родителей и детей. Это связано с тем, что средства федерального бюджета направлены именно на улучшение жилищных условий *семьи*.

2. В случае невозможности оформления жилого помещения при направлении средств материнского капитала в общую долевую собственность родителей и детей, собственники имущества должны предоставить письменное обязательство *об оформлении долей* детям в качестве документа, необходимого для удовлетворения их заявления о распоряжении средствами материнского капитала. Такая ситуация может возникнуть при ипотечном кредите, поскольку в соответствии с п. 2 ст. 346 ГК РФ о залоге, ст. 37 ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102-ФЗ стороны не могут распоряжаться принадлежащим им имуществом без согласия банка до погашения кредита.

Из формулировки обязательства *«оформить»* доли детям следует, что право собственности у ребенка уже появилось, но в связи с тем, что изначально оформить право собственности на ребенка представляется сложным, его необходимо оформить родителями позже – в течение 6 месяцев после снятия соответствующего обременения.

3. Верховный суд РФ высказал свою позицию по делам, связанным с реализацией прав на материнский капитал, в схожей ситуации, когда есть спор о жилом помещении, в которое вложен материнский капитал. В п. 10 Обзора

судебной практики от 22.06.2016 ВС РФ указал, что независимо от того произведена государственная регистрация прав детей на жилое помещение или нет, раздел жилого помещения, приобретенного с использованием средств материнского (семейного) капитала, без учета интересов детей, имеющих наряду с родителями право на такое жилое помещение, невозможен [1].

Таким образом, можно сказать, что факт государственной регистрации прав на имущество не имеет решающего значения по подобным категориям споров, так как ФЗ № 256-ФЗ предусмотрен иной момент возникновения права собственности, дети имеют права собственности на жилые помещения с момента направления бюджетных средств Пенсионного фонда на улучшение жилищных условий. Обязанность родителей оформить доли ребенка является формальностью и ее природа связана с тем, что изначально оформить права собственности ребенка представляется затруднительным.

В таком случае, если на долю должника в праве собственности на жилое помещение наложен арест, и при этом необходимо оформить долю ребенку, по моему мнению, необходимо подать законным представителем от имени ребенка исковое заявление об освобождении имущества от ареста.

Данный способ защиты предусмотрен ст. 119 ФЗ «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ, в случае возникновения спора, связанного с принадлежностью имущества, на которое обращается взыскание, заинтересованные лица вправе обратиться в суд с иском об освобождении имущества от ареста или исключении его из описи.

Заинтересованным лицом является ребенок, так как он является собственником данного имущества, имеет имущественные права на данное жилое помещение. В п.3 ст. 60 СК РФ предусмотрено, что ребенок имеет право собственности на имущество, приобретенное на средства ребенка. В нашем случае средства материнского капитала являются средствами ребенка, которые даны ему государством для улучшения жилищных условий. В п. 4 этой же статьи СК РФ говорится также о том, что родители не имеют прав собственности на имущество ребенка. В ч. 1 ст. 80 ФЗ «Об исполнительном производстве» предусматривается право судебного пристава-исполнителя *наложить арест на имущество должника*.

Следовательно, можно сказать, что арест может быть наложен только на имущество должника. В ситуации, когда родители не успели оформить долю детей в праве собственности на квартиру, и пристав наложил арест на долю должника (одного из родителя), получается, что арест наложен не только на имущество родителя, но и имущество ребенка, так как в его доле осталась не до конца оформленное право собственности ребенка.

Таким образом, право собственности ребенка на жилое помещение возникает с момента направления бюджетных средств из Пенсионного фонда на улучшение жилищных условий, в том числе на погашение основного долга либо процентов по кредиту. При наложении ареста на долю должника, у которого имеется обязанность по оформлению жилого помещения в собственность детей, необходимо также учитывать права ребенка на это жилое помещение. В случае, если арест на жилое помещение наложен, необходимо обратиться в суд в защиту прав ребенка с исковым заявлением об освобождении имущества от ареста.

Список использованных источников:

1. Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал: утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 22.06.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 12.
2. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федер. закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. – 01.01.2007. – №1. – ст. 19.
3. О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий: утв. постанов. Правительства РФ от 12.12.2007 № 862 (ред. от 31.05.2018) // Собрание законодательства РФ. – 17.12.2007. – № 51. – ст. 6374.
4. О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства: пост. Пленума ВС РФ от 17.11.2015 № 50 // Российская газета. – № 270. – 30.11.2015.

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ
И ИСПОЛНЕНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА
(НА ПРИМЕРЕ ДОГОВОРА ТРАНСПОРТНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ)**

© И.А. Попкова

Научный руководитель: Г.Г. Казьмина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Основным методом регулирования гражданско-правовых отношений является диспозитивный метод, который предполагает свободу выражения воли субъектов, а принципом гражданского права – свобода договора. Однако

законом предусмотрены случаи императивного регулирования поведения субъектов гражданских правоотношений. Как императивные нормы влияют на развитие отношений в сфере предпринимательской деятельности? Нужно ли императивное регулирование в товарно-денежных отношениях и насколько оно обеспечивает интересы их участников?

Возможны ситуации, когда нормативный правовой акт, которым руководствуются стороны при формировании условий договора, в последующем признается недействующим с момента вступления решения суда в законную силу. В результате с момента принятия нормативного правового акта, признанного недействующим, до принятия нового акта возникает ситуация правовой неопределенности в отношении ранее установленного на основании императивной нормы условия договора. Судебная практика разрешения данной ситуации неоднозначна.

Приказом министерства транспорта Красноярского края от 25.11.2014 № 5/184 (далее – приказ от 25.11.2014 № 5/184) [3] установлены предельные максимальные тарифы на транспортные услуги, применение которых в силу пункта 1 статьи 424 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] и постановления Правительства Российской Федерации от 07.03.1995 №239 [2] обязательно при заключении и исполнении договора транспортного обслуживания между акционерным обществом «Восточно-Сибирский промышленный железнодорожный транспорт» (далее – АО «ВСТК») и акционерным обществом «Назаровская ГРЭС» (далее – АО «Назаровская ГРЭС»).

Решением Красноярского краевого суда от 04.04.2017 [5] приказ от 25.11.2014 №5/184 признан недействующим и не подлежащим применению с момента вступления решения суда в законную силу в части установления для АО «Назаровская ГРЭС» тарифа на услуги по перевозке грузов на подъездных железнодорожных путях АО «ВСТК». Решение вступило в законную силу 14.09.2017.

В 2017 году в Арбитражный суд Красноярского края АО «ВСТК» подан иск к АО «Назаровская ГРЭС» о взыскании задолженности и процентов по договору транспортного обслуживания за период с 06.04.2017 по 13.09.2017.

Арбитражный суд Красноярского края 25.11.2017 (дело № А33-17257/2017) принял решение [6], согласно которому с ответчика взысканы проценты за пользование чужими денежными средствами; относительно задолженности суд пришел к выводу, что в связи с тем, что на момент рассмотрения дела сумма по договору ответчиком была уплачена, а последующий платеж засчитывается в отношении ранее возникшей обязанности по оплате, задолженность не подлежит взысканию с ответчика. При этом судом

отмечено, что в рассматриваемый период договорных отношений подлежит применению приказ от 25.11.2014 № 5/184, так как он утратил силу с момента вступления решения Красноярского краевого суда в законную силу.

В другом деле, в котором участвовали те же юридические лица (со стороны истца – АО «Назаровская ГРЭС», со стороны ответчика – АО «ВСТК») и предметом которого было требование истца о взыскании с ответчика неосновательного обогащения, по вопросу тарифа, который должен применяться к отношениям сторон в связи с признанием приказа от 25.11.2014 №5/184 недействующим, Арбитражный суд Красноярского края пришел к другому выводу [7]. По мнению суда, при разрешении спора подлежит применению приказ министерства транспорта Красноярского края от 12.09.2013 № 5/128 (далее – приказ от 12.09.2013 № 5/128), который действовал до принятия приказа от 25.11.2014 № 5/184.

В результате в судебной практике сложилось два разных подхода к вопросу о тарифе, который должен применяться к договорным отношениям сторон. Арбитражный суд Красноярского края в деле 2017 года пришел к выводу, что в спорном правоотношении подлежит применению тариф, установленный приказом от 25.11.2014 № 5/184, так как он утратил юридическую силу с момента вступления законную силу решения Красноярского краевого суда, признавшего приказ недействующим. В 2018 году Арбитражный суд Красноярского края пришел к иному выводу: при разрешении спора подлежит применению тариф, установленный приказом от 12.09.2013 № 5/128. При этом арбитражный суд не принял во внимание то, что приказ от 12.09.2013 № 5/128 утратил силу согласно пункту 2 приказа от 25.11.2014 №5/184, который в этой части не признан Красноярским краевым судом недействующим.

Анализ сложившейся ситуации поставил ряд вопросов. Какой нормативный правовой акт должен регулировать договорные отношения сторон в спорный период? Как сторона, исполнившая свое обязательство перед другой стороной на основании действующего, но незаконного акта, может защитить свои права?

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27.12.2016 № 63 (далее – ППВС от 27.12.2016 № 63) [4] отмечает, что признание нормативного акта недействующим с момента вступления в силу решения суда не должно препятствовать лицу, которое по незаконному нормативному акту обязано осуществлять платежи, полностью восстановить нарушенное этим актом субъективное право, а также не должно предоставлять возможность лицу, являющемуся получателем платежей на основании данного

нормативного акта, получать их за период до момента вступления в силу решения о признании нормативного акта недействующим.

Возможный вариант ответа на первый вопрос – применить действующий, но незаконный правовой акт. Другой вариант – применить акт, действовавший до издания акта, признанного недействующим, но утративший силу. В последнем варианте возникает еще одна проблема – стороны гражданско-правового отношения, заключая договор, не предполагали применение к их договорным отношениям данного правового акта, и возможна ситуация, если бы они это предположили, то вообще не заключили бы договор.

Ответ на второй вопрос о том, как сторона может защитить свои права, дает ППВС от 27.12.2016 № 63, согласно которому если нормативный правовой акт признан судом недействующим в связи с завышенным размером цены ресурса, потребитель, добросовестно оплативший его стоимость поставщику, вправе взыскать с последнего переплату, в том числе за период до признания судом нормативного правового акта недействующим (пункт 1 статьи 424, подпункт 3 статьи 1103 ГК РФ), или зачесть это требование в отношении своих обязательств перед поставщиком (статья 410 ГК РФ). Статья 1103 ГК РФ посвящена неосновательному обогащению. Однако в рассматриваемом случае также возникает проблема. В соответствии со статьей 1102 ГК РФ лицо обязано возвратить все, что оно приобрело или сберегло в отсутствие установленных законом или иным правовым актом оснований. В период исполнения договора между АО «ВСТК» и АО «Назаровская ГРЭС» существовали законные основания – действующий до 14.09.2017 приказ от 25.11.2014 № 5/184 и договор транспортного обслуживания.

Оптимальным вариантом решения проблемы, на наш взгляд, могло стать правило о признании нормативного правового акта недействующим исключительно

с момента его принятия и возложении на уполномоченный орган обязанности принять новый нормативный правовой акт. Это обеспечит регулирование договорных отношений действующим и законным нормативным актом и исключит правовую неопределенность в отношениях сторон.

Исходя из вышесказанного, следует, что в настоящее время остается неразрешенным вопрос относительно условия гражданско-правового договора, установленного на основании императивной нормы нормативного правового акта, признанного в последующем судом недействующим. Это требует теоретического анализа предложенных судебной практикой неоднозначных решений.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 ч. Ч. 1 [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов) [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 07.03.1995 № 239. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Об установлении предельных максимальных тарифов на транспортные услуги, оказываемые на подъездных железнодорожных путях открытым акционерным обществом «Восточно-Сибирского промышленного железнодорожного транспорта» (Назаровский филиал) [Электронный ресурс]: приказ министерства транспорта Красноярского края от 25.11.2014 № 5/184. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. О рассмотрении судами споров об оплате энергии в случае признания недействующим нормативного правового акта, которым установлена регулируемая цена [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2016 № 63. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Решение Красноярского краевого суда от 04.04.2017 по делу № ЗА-13/2017 [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система «Правосудие». – Режим доступа: www.kraevoy.krk.sudrf.ru.
6. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 25.10.2017 по делу № А33-17257/2017 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: kad.arbitr.ru.
7. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 18.09.2018 по делу № А33-7825/2018 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: kad.arbitr.ru.

ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ ОБЫЧНОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПРИЗНАК КРУПНОЙ СДЕЛКИ

© Т.А. Савченко

Научный руководитель: Н.Ф. Качур

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Изменения, вступившие в силу с 01.01.2017 года в части регулирования крупных сделок серьезным образом отразились на порядке совершения и оспаривания крупных сделок.

Одним из таких серьезных изменений стало введение ключевого признака крупной сделки – выход за пределы обычной хозяйственной деятельности, позволяющий рассматривать, в первую очередь, саму суть сделки, а не ее размер. В ранее действующем законодательстве о крупных сделках данный признак не был даже критерием квалификации сделки как крупной.

Определение понятия «сделки, выходящей за пределы обычной хозяйственной деятельности» в действующем законодательстве отсутствует, а само понятие, в свою очередь, является оценочным. В каждом конкретном случае судья должен в совокупности оценивать сделку исходя из вида сделки, ее масштаба, возможности прекращения деятельности.

Особое место при квалификации в данном случае отводится понятию «сделок, не выходящих за пределы обычной хозяйственной деятельности», которое содержится в пункте 8 статьи 46 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ и в пункте 4 статьи 78 Федерального закона «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ.

Стоит отметить, что до изменений, вступивших в силу с 01.01.2017 года, понятие «обычная хозяйственная деятельность» уже содержалось в Постановлении Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» и находило свое отражение в решениях судов.

Решение Лахденпохского районного суда Республики Карелия по делу № 2-13/2018 от «15» января 2018 года свидетельствует о том, что суды по сей день применяют вышеуказанное постановление по делам об оспаривании крупных сделок, заключенных до 01.01.2017 года.

Особый интерес вызывает тот момент, что понятие «обычная хозяйственная деятельность» в Постановлении Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О

некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» трактуется гораздо шире, позволяя оспаривать по правилам о крупных сделках любые операции, а не только сделки.

Под сделками, не выходящими за пределы обычной хозяйственной деятельности, согласно действующему законодательству о крупных сделках, понимаются любые сделки, заключаемые при осуществлении деятельности соответствующим обществом либо иными организациями, осуществляющими аналогичные виды деятельности, независимо от того, совершались ли такие сделки данным обществом ранее, если такие сделки не приводят к прекращению деятельности общества или изменению ее вида либо существенному изменению ее масштабов [1;2].

Вышеуказанное определение на практике вызывает немало вопросов.

Во-первых, обычность хозяйственной деятельности применительно к конкретному хозяйственному обществу оценивается путем ее сопоставления с предыдущей деятельностью этого общества [4].

Но, как быть суду, если хозяйственное общество совершало в последний раз сделки аналогичные оспариваемой сделке более 10 лет тому назад? Будет ли такая сделка совершена в пределах обычной хозяйственной деятельности? Действующее законодательство о крупных сделках не дает ответа на этот вопрос. Но экономическое положение хозяйственного общества может измениться спустя 10 лет, чтобы избежать неопределенности – законодателю нужно закрепить срок, в рамках которого будет сравниваться хозяйственная деятельность общества.

Во-вторых, законодателем не определено, чем судам в ходе судебного разбирательства следует руководствоваться при оценке конкретной сделки через сопоставление ее со сделками, заключаемыми иными хозяйственными обществами, осуществляющими аналогичные виды деятельности, если такие общества непосредственно не будут участвовать в судебном разбирательстве.

Но значимость такого сопоставления имеет как позитивные, так и негативные стороны.

С одной стороны, это помогает суду в процессе квалификации сделки как крупной в случаях, когда хозяйственное общество было только создано и не представляется возможным сравнить данную сделку со сделками, заключаемыми ранее этим обществом.

С другой стороны, такая возможность допускает злоупотребление со стороны других хозяйственных обществ. Например, в случаях, если суд будет запрашивать информацию по сделкам, совершаемым в другом хозяйственном

обществе, то такое общество может предоставить ложные сведения для того, чтобы навредить своему конкуренту.

Таким образом, доказать факт совершения сделки в рамках обычной хозяйственной деятельности легче будет тем хозяйственным обществам, которые существуют долгое время и неоднократно совершают сделки аналогичные оспариваемой сделке, чем тем обществам, которые ранее аналогичных сделок не совершали.

В-третьих, немало вопросов вызывают такое оценочное понятие, как «существенное изменение масштабов».

Что касается существенного изменения масштабов деятельности общества, то законодатель не конкретизирует, о каких масштабах идет речь (например, масштаб как экономическая величина или как пространственная), какие изменения считаются существенными и каким образом хозяйственные общества смогут их самостоятельно определить. Д. Сидоров для решения данной проблемы предложил применение существующей системы оценки совершаемых сделок в процентном соотношении с активами общества, такой подход, с практической точки зрения, будет являться целесообразным [3].

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что с одной стороны, законодатель, внося изменения в законодательство о крупных сделках, сделал шаг вперед, но с другой стороны, вызвал ряд вопросов, ответы на некоторые из них в настоящее время не даны ни судебной практикой, ни научной доктриной, ни самим законодателем.

Список использованных источников:

1. Об акционерных обществах: федер. закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – №1. – ст. 1.
2. Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 8 февраля 1998 №14-ФЗ // СЗ РФ. – 1998.
3. Сидоров, Д. Новое на старый лад / Д. Сидоров // ЭЖ-Юрист. – 2017. – № 9.
4. Шиткина, И.С. Новый режим совершения крупных сделок / И.С. Шиткина // ЭЖ-Юрист. – 2017. – №9.
6. Решение Лахденпохского районного суда Республики Карелия по делу № 2-13/2018 от «15» января 2018 года [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Росправосудие». – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

**К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ**

© С.Е. Селезнева

Научный руководитель: С.Я. Сорокина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В юридической литературе господствующим является мнение о том, что обязательства носят исключительно имущественный характер. Обратимся, например, к понятию обязательства, которое приводится Г.Д. Лихачёвым: «Обязательство — это относительное правоотношение, опосредующее товарное перемещение материальных благ, в котором одно лицо (должник) по требованию другого лица (кредитора) обязано совершить действия по предоставлению ему определенных материальных благ» [3, с. 241]. Из этой дефиниции видно, что авторы делают акцент на обязательстве как отношении экономического оборота, связанного с передачей материальных благ как товаров, в рамках которой активные действия должника направлены на удовлетворение имущественного интереса кредитора. Обязательства рассматриваются как сфера отношений, опосредующих товарообмен.

Е.А. Суханов также указывает, что в содержание обязательства включаются действия в рамках имущественного оборота, направленные на достижение имущественных целей и преследующие какой-либо имущественный интерес [7, с. 22]. Обязательство рассматривается в качестве акта товарообмена. Но вряд ли с таким взглядом учёных-цивилистов можно согласиться.

В соответствии со статьёй 307 Гражданского кодекса Российской Федерации в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности [2, с.157]. Эта норма позволяет сделать вывод о том, что обязательства, во-первых, могут быть имущественными, так как перечень действий, включающихся в их содержание, составляют акты имущественного характера, а, во-вторых, как представляется, могут иметь место и неимущественные обязательства, так как указанный перечень является открытым. Опираясь на данное обстоятельство можно рассмотреть возможность существования неимущественных обязательств.

Как рассмотрено выше, сторонники исключительно имущественных обязательств сделали акцент на том, что обязательства всегда направлены на удовлетворение имущественного интереса, путём передачи материальных благ. Следовательно, если говорить о неимущественных обязательствах, то в них действия лиц должны быть направлены на удовлетворение интереса нематериального, то есть неимущественные обязательства иначе можно назвать обязательствами с нематериальным интересом или с неимущественным содержанием.

Таким образом, в основе любого обязательства лежит благо (обусловленное соответствующим интересом), и в зависимости от того, какое это благо можно судить о характере обязательства. По мнению Н.Ю. Рычковой благо – это материальное или духовное явление реальной действительности, которое объективно способно принести человеку некоторую пользу, и в силу этого, являясь средством удовлетворения его интересов, оно представляет для лица определённую ценность [6, с.34].

Ф.О. Богатырёв в своей диссертации провёл некоторую классификацию благ. Так, он пишет, что в отношении благ, рассматриваемых в качестве товара (вещи, услуги, результаты работ и т.д.) складываются имущественные отношения, по поводу благ, не рассматриваемых в качестве товара (т.е. нематериальных) возникают соответственно неимущественные отношения. Эти нематериальные блага автор так же дифференцирует на блага, изначально принадлежащие лицу (жизнь, здоровье, честь и т.д.) и блага, приобретаемые с помощью поведения других лиц [1, с. 45]. Если первые существуют в рамках личных неимущественных отношений и являются неотчуждаемыми, то вторые, передаваемые, и есть то, по поводу чего возникают обязательства с нематериальным интересом.

Полагаем, что неимущественным обязательством можно считать складывающееся по поводу нематериальных благ относительное правоотношение, в силу которого одна сторона обязана совершать в пользу другой стороны действия или воздержаться от совершения действий в целях удовлетворения неимущественного интереса контрагента.

В литературе приводятся примеры таких обязательств. С.Ю. Филиппова в качестве неимущественного обязательства рассматривает договор, по которому одна сторона обязуется оказать услуги по обучению, а другая взамен обязуется осуществить тренировки. Данный договор является возмездным, однако встречное представление сторон не носит имущественного характера и не преследует имущественный цели [8, с. 29]. С данной точкой зрения можно согласиться. Данное обязательство явно выходит за рамки

товарообмена и направлено на удовлетворение неимущественных интересов сторон. При этом возмездность договора не порочит его неимущественный характер, и он может считаться обязательством с нематериальным интересом.

Судебной практике известны споры по поводу неимущественных обязательств. В основном это обязательства, возникающие на основе предварительного договора. Так в решении Первомайского районного суда г. Мурманска от 15 сентября 2014 г. суд прямо указал: «... между сторонами имело место неимущественное обязательство, а именно обязанность сторон заключить договор в будущем». Также было отмечено, что такой договор является договором организационного характера и не может содержать каких-либо денежных обязательств сторон друг перед другом [5].

Отношение, возникающее на основе предварительного договора, является неимущественным, организационным, не имеющим денежного содержания правоотношением. Его содержание составляют право одной стороны требовать от другой стороны заключения в будущем договора и соответствующая этому праву обязанность [4, с. 34]. Значит, стороны преследуют нематериальный интерес, выраженный в стремлении заключить будущий договор. Следовательно, обязательство носит неимущественный характер, хотя и направлено на создание в будущем обязательства с имущественным содержанием.

Таким образом, сфера обязательственных отношений шире отношений опосредующих товарообмен. Обязательства, возникающие по поводу нематериальных благ, могут рассматриваться как неимущественные обязательства, область действия которых определяется целью сторон удовлетворить неимущественный интерес. Для её достижения, как указывает Н.Ю. Рычкова, может быть заключён любой договор, хотя и не предусмотренный нормами гражданского права, но не противоречащий ему [6, с. 39]. Значит, существование обязательств с нематериальным интересом возможно, признаётся судебной практикой, некоторыми цивилистами и не противоречит действующими законодательству. Но при этом существует необходимость чёткого определения способов защиты прав содержащихся в неимущественных обязательствах.

Список использованных источников:

1. Богатырев, Ф.О. Обязательство с нематериальным интересом: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Богатырев Федор Олегович. – Москва, 2003. – 137 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 ч. Ч. 1 [Электронный ресурс]: федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ ред. от 03.08.2018. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Лихачёв, Г.Д. Гражданское право: общая часть: курс лекций / Г.Д. Лихачёв. – Москва: Юстицинформ, 2005. – 432 с.

4. Меньшенин, П.А. Понятие и предмет предварительного договора: основные подходы теории и практики / П.А. Меньшенин // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. – 2011. – № 1. – С. 30-48.

5. Решение по гражданскому делу № 2-4227/14 2-4227/2014 2-4227/2014~М-3748/2014 М-3748/2014 от 15.09.2014 г. Первомайского районного суда г. Мурманска – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 13.04.2019).

6. Рычкова, Н.Ю. Понятие неимущественного обязательства / Н.Ю. Рычкова // Реформирование гражданского законодательства: монография / В.В. Долинская. – Москва: Проспект, 2018. – С.28-40.

7. Суханов, Е.А. Российское гражданское право: учебник: в 2-х томах. Том II. Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. — Москва: Статут, 2014. – 377 с.

8. Филиппова, С. Ю. Неимущественные обязательства: к дискуссии о существовании и содержании / С.Ю. Филиппова // Российский судья. — 2007. — № 11. — С. 27–31.

К ВОПРОСУ О ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ДЕЙСТВИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

© Ю.А. Соловьева

Научный руководитель: С.Я. Сорокина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одной из последних актуальных правовых тенденций России является развитие норм и институтов, направленных на защиту от действий недобросовестных участников рынка, в том числе, путем снятия «корпоративной вуали». Так, постоянной модификации подвержены положения о гражданско-правовой ответственности «субъектов, стоящих за юридическим лицом». Наиболее яркими проявлениями данной тенденции стали изменения в законодательстве о банкротстве, о гражданско-правовой ответственности членов органов управления хозяйственных обществ, а также принятие резонансного

Постановления Конституционного суда РФ от 8 декабря 2017 года [1], которое вскрыло ряд «болезненных» вопросов теории и практики гражданского права.

Во-первых, в рамках проверки конституционности привлечения к гражданско-правовой деликтной ответственности физических лиц для взыскания с них недоимок юридического лица-налогоплательщика, Конституционному суду РФ предстояло решить вопрос о правомерности взыскания налогов юридического лица с директора и бухгалтера, которые были осуждены за совершение налоговых преступлений или в отношении которых уголовное дело было прекращено по нереабилитирующим основаниям. Правовая позиция Суда: по общему правилу, выступая налогоплательщиком и соответственно субъектом налоговых правоотношений, юридическое лицо является субъектом налоговой ответственности, т.к. именно юридическое лицо признается совершившим правонарушение. Учредители, руководители, члены органов управления юридического лица в таком случае не являются налогоплательщиками, поэтому не могут быть привлечены к ответственности за неуплату юридическим лицом налогов и сборов. Однако возможность предъявления гражданского иска к физическому лицу в соответствии с нормами о деликтной ответственности ГК не исключается полностью. Суд лишь ограничил такую возможность государства путем установления обязательного условия – исчерпание всех возможных способов взыскания недоимки с юридического лица, включая такие механизмы, как привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих лиц, вплоть до инициирования процедуры банкротства. При этом пределы такой ответственности физических лиц ограничены недоимкой и пеней, которые подлежат снижению с учетом обстоятельств дела – степени вины, личности, материального положения ответчика и др.

Таким образом, Конституционный суд легитимировал конструкцию деликтной ответственности, в которой потерпевший – публично-правовое образование, которому причинен ущерб в виде непоступления налогов в бюджет, и причинители вреда – физические лица, у которых в результате совершения противоправных действий возникает обязанность возместить причиненный ущерб. Необходимо оценить ее влияние не только на правовую теорию и практику, но и на гражданский оборот в целом.

В рамках обозначенной позиции юридическое лицо рассматривается в качестве инструмента опосредованного участия в гражданском обороте физических лиц – его конечных бенефициаров. Это свидетельствует и о более глубоких изменениях: меняет свой вектор подход к определению сущности юридического лица, что, в свою очередь, является индикатором социально-экономических трансформаций в обществе. Очевидно, что «разработанные

цивилистами концепции о правовой природе юридического лица отвечают нуждам и определенным условиям социально-экономического развития» [2]. Современный подход тяготеет к теориям, определяющим юридическое лицо как искусственно созданную правовую конструкцию, применяемую в определенных целях, которые разнятся в зависимости от конкретной теории. В то же время реалистические теории юридического лица, рассматривающие юридическое лицо как «реально существующий, а не мнимый субъект права <...> особый социальный организм со своей собственной волей» [2; 3], отходят на второй план. Однако, вопрос о значении таких изменений лежит не только в плоскости теоретических изысканий, он имеет также и практическое значение, т.к. изменения, тенденции в теории повлекут за собой изменения на практике, и, более того, могут повлечь коренные сдвиги в экономике страны.

Так, изначально позитивно оцениваемое веяние, свидетельствовавшее о стремлении защитить интересы добросовестных участников гражданского оборота, в частности, кредиторов недобросовестного должника, в последнее время все чаще приобретает негативный оттенок, т.к. государство, выступая кредитором, например, в налоговых правоотношениях, преследует приоритетную цель пополнения бюджета и поэтому не всегда умело орудует данной конструкцией, впадая в крайности. «Поиски реального субъекта» за кровом юридического лица стали настолько «тщательными», что ответственность по обязательствам юридического лица отпугивает не только его возможных руководителей, но и работников – бухгалтеров, юристов. Законодательство перестраивается на такую модель ответственности юридических лиц, при которой критически минимизируется защита лиц, определяющих его действия. В итоге уменьшается значение конструкции юридического лица, «обнаженного» настолько, что целесообразность его создания для потенциального предпринимателя утрачивается. Действительно, введение положений об ответственности лиц, стоящих за юридическим лицом (руководителей, контролирующих лиц и др.), может привести к «размыванию» правосубъектности юридического лица: значительно урезается самостоятельная имущественная ответственность юридического лица как один из базовых признаков, способствующий реализации его правосубъектности.

В заключение можно отметить, что развитие гражданского оборота должно строиться с учетом положений теорий юридического лица, обеспечивая, с одной стороны, целесообразность конструкции юридического лица, а, с другой – защищая экономику от недобросовестных участников оборота путем привлечения их к ответственности. Иначе прогрессивный характер курса законодателя на обеспечение прав кредиторов парализуется проблемами,

связанными с «излишней защищенностью» их интересов. Одновременно уменьшаются правовые гарантии для лиц, определяющих действия юридического лица, что приведет к отрицательным последствиям для всего института юридического лица.

Список использованных источников:

1. По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 ГК РФ, пп. 14 п. 1 ст. 31 НК РФ, статьи 199.2 УК РФ и ч. 1 ст. 54 УПК РФ в связи жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А.Н. Сергеева: Пост. КС РФ от 08 декабря 2017 года № 39-П // СЗ РФ. – 2017. – № 51. – ст. 7914.
2. Курова, Н.Н.. Анализ теории о природе юридического лица в контексте реформирования гражданского законодательства / Н.Н. Курова, Е.В. Юдин // Юрист. – 2015. – № 5. – С. 4-8.
3. Синайский, В.И. Русское гражданское право / В.И. Синайский. – Москва: Статут, 2002. – 638 с.

**ОБЫЧАЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПОНЯТИЕ И СООТНОШЕНИЕ
СО СМЕЖНЫМИ ЮРИДИЧЕСКИМИ КОНСТРУКЦИЯМИ**

© Т.В. Солонкина

Научный руководитель: Е.Н. Петрова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Обычаи широко применяются во всех сферах человеческой деятельности, включая и те, что охватываются правом. Являясь древнейшим его источником, обычай продолжает играть не последнюю роль в регулировании общественных отношений, сохраняет свои позиции наряду с другими источниками и развивается с учетом требований современного законодательства.

Вместе с тем, в зарубежной и отечественной цивилистике уже долгое время не угасают споры о соотношении понятия «обычай» со сходными юридическими конструкциями, такими как «обыкновение», «заведенный порядок», «обычно предъявляемые требования» и др. Задача настоящей статьи – рассмотреть вопрос об определении обычая как источника современного гражданского права с точки зрения его соотношения с другими понятиями, которые не относятся современным законодательством к источникам права,

однако, существуют на практике и выступают вспомогательными инструментами в регулировании общественных отношений.

Актуальность вопроса определена той ролью, которую имеют производные от обычая юридические конструкции для толкования договора. Статья 8 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров и статья 431 ГК РФ, предписывают, что при определении действительной воли сторон, необходимо учитывать все соответствующие обстоятельства [3], включая переговоры, любую практику, которую стороны установили в своих взаимных отношениях, обычаи и любое последующее поведение сторон [4].

В дополнение к этому, статья 9 данной Конвенции так же указывает, что стороны связаны любым обычаем, относительно которого они договорились, практикой, которую они установили в своих взаимных отношениях [4].

Под «обычаем» в указанных выше статьях понимается «обыкновение», которое традиционно принято отличать от обычая, определяемого статьей 5 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Исходя из содержания данной нормы, обычай – это сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе [3].

Под обыкновением же понимают сложившееся правило, которым прямо согласились руководствоваться стороны договора, и только потому оно приобрело юридическое значение [2, с. 34]. Профессор И.Б. Новицкий в своих работах отмечал, что «деловое обыкновение представляет собой не норму права, а особое средство восполнить содержание воли сторон в конкретном правоотношении, если в какой-либо части эта воля не выражена прямо» [5, с. 67].

Основное отличие обычая от обыкновения в этой части заключается в том, что обычай, как предусмотренный гражданским кодексом источник права, применяется независимо от указания на него в договоре. Суд, в случае отсутствия альтернативной нормы договора, вынужден будет применить другую норму, в качестве которой может выступить обычай.

Еще одной отличительной чертой обычая является его диспозитивный характер, позволяющий сторонам в любом момент от него отступить. Обыкновение же рассматривается как норма обязательная к применению сторонами, в случае если в договоре имеется ссылка на использование данного обыкновения. Таким образом, обычай применяется независимо от воли сторон в конкретных отношениях, обыкновение же имеет силу, только если совпадает с их прямо выраженной волей.

К деловым обыкновениям относят международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс», действующие в редакции 2010 года, собранные Международной Торговой Палатой и имеющие рекомендательный характер. Данные условия так же применяются только в случае, если стороны изъявили желание руководствоваться данными правилами и выразили эту волю в тексте договора.

Помимо упомянутых выше юридических конструкций, в литературе и практике существует такое понятие как «заповедный порядок». Под ним понимается практика взаимоотношений сторон конкретного договора, сложившаяся между ними в предшествующих взаимосвязях, которая совсем не обязательно представляет собой какой-либо обычай или обыкновение имущественного оборота. Специфика этой практики заключается в том, что она, хотя прямо и не закреплена, но подразумевается в силу отсутствия каких-либо возражений по этому поводу [7, с. 94].

Заведенный порядок может учитываться судом при разрешении споров, однако в данном случае на стороны ложится обязательство доказать, что такая практика действительно имела место в их отношениях.

Еще одна правовая категория – обычно предъявляемые требования – складывается исходя из критериев, которые формируются применительно к качеству товаров, работ и услуг, непосредственно в процессе взаимодействия сторон, связанных обязательствами, которые возникают как в предпринимательской деятельности, так за её пределами. Отчасти они находят своё отражение в нормах Гражданского кодекса РФ, но сущность данных требований в законе не раскрывается.

Обычно предъявляемые требования являются как бы своеобразным мерилом, посредством которого можно оценивать «качество» исполнения обязательства и делать выводы о том, является ли это исполнение надлежащим или нет. При этом не следует забывать, что обычно предъявляемые требования могут быть использованы как критерии оценки исполнения обязательства только в случае, если сторонами не согласованы соответствующие условия и отсутствуют нормы закона или иного акта, а также нет обычая делового оборота, который бы регулировал исполнение данного обязательства.

В судебной практике, даже на высшем уровне, можно встретиться с некоторой неоднозначностью толкования обычая как правовой категории, в связи с чем, на практике и в теории возникает достаточно много вопросов. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что обычай это широко применяемое

правило поведения не только в предпринимательской, но и иной деятельности [6]. В качестве примера такой деятельности суд приводит процесс определения гражданами порядка пользования общим имуществом. Ссылки на такой «обычай» нередко можно встретить в практике разрешения споров между жильцами. Так, например, в Невский районный суд в 2015 году истец обратился с требованием об определении порядка пользования жилым помещением, исходя из сложившегося обычая, с учетом графика уборки мест общего пользования [1].

Возникает вопрос – что в данном примере понимается под «обычаем»? Порядок пользования имуществом, сложившийся в конкретном доме, конкретной семье? В таком случае это с трудом можно назвать «широко применяемым правилом поведения», следуя формальному определению обычая из Гражданского кодекса.

Указанное явление так же нельзя отнести ни к одной из ранее рассмотренных в данной статье юридических конструкций. Здесь не идет речь о том, что сложились какие-то определенные правила на уровне обычая в сфере определения порядка пользования общим имуществом. Суд в этой части под обычаем, скорее всего, понимает фактически сложившейся порядок пользования имуществом жилого помещения в общей долевой собственности между конкретными лицами, проживающими совместно.

Еще одним дискуссионным вопросом является вопрос об определении природы чаевых, которые нередко относят к обычаям. По своей сути чаевые выходят за рамки гражданско-правовых отношений, передача которых не является дарением или платой за услугу. В то же время их регулирование не охватываются и трудовым законодательством, в силу того, что данные денежные выплаты не упоминаются в ст. 191 ТК РФ в качестве вознаграждения за труд и производятся лицом, не участвующим в трудовых отношениях.

Все эти факты указывают на необходимость детального и всестороннего изучения природы обычая. Ведь как ни странно, по поводу такого, уже казалось бы древнего и на первый взгляд понятного и простого явления, в науке до сих пор возникает немало серьезных вопросов. Но решать их приходится, так как обычай был и продолжает оставаться мощным регулятивным средством во всех сферах нашей деятельности.

Список использованных источников:

1. Апелляционное определение Невского районного суда г. Санкт-Петербурга от 02.02.2015 по делу № 11-356/15 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «СудАкт». – Режим доступа <http://sudact.ru>.
2. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий. – Москва: Юрид. лит., 1994. – 320 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 ч. ч. 1 [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.11.1991 № 51-ФЗ ред. от 03.08.2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров [Электронный ресурс]: заключена в Вене 11.04.1980 по сост. на 20.04.2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Новицкий, И.Б. Источники советского гражданского права / И.Б. Новицкий. – Москва: Юр. лит., 1959. – 157 с.
6. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа <http://www.consultant.ru>.
7. Гражданское право: учебник в 4 ч. / В.С. Ем [и др.]; отв. ред. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Волтерс Клувер, 2008. – Т. 1. – 736 с.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРА АРЕНДЫ

© А.А. Сорокин

Научный руководитель: В.П. Богданов

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Договор аренды привлекает к себе внимание тем, что он вызывает большое количество споров по поводу своей принадлежности к обязательственным или вещным правам. Данная дискуссия в нашем правовом порядке развернулась относительно недавно, а именно после перехода от социалистической экономики к рыночной. В последнее время интерес к данной теме подогревает Концепция развития вещного права [2], которая предполагает серьезное

реформирование, в том числе и договора аренды, в частности его «вещных» элементов.

Чтобы определить правовую природу аренды, необходимо дать общую характеристику вещных и обязательственных правоотношений. Вещные правоотношения – правоотношения, фиксирующие статику имущественного положения субъектов гражданских правоотношений. В них управомоченный субъект гражданских правоотношений имеет возможность непосредственно воздействовать на конкретную вещь и право отражения любых посягательств на нее со стороны третьих лиц. В свою очередь, обязательственные правоотношения фиксируют динамику имущественных отношений. Здесь управомоченное лицо имеет лишь право требования, то есть возможность воздействовать на поведение другого лица [4, с. 124].

Рассмотрим также признаки вещных прав. Во-первых, вещные права носят абсолютный характер, то есть в них конкретному управомоченному лицу противостоит неопределенный круг обязанных лиц [1, с. 30]. Во-вторых, они устанавливают господство лица над вещью. В-третьих, вещные права подлежат защите с помощью вещно-правовых исков, так как вещное право носит абсолютный характер, то вещные иски могут применяться против любых лиц, ведь любое лицо может нарушить вещное право. В-четвертых, объектом вещного права может быть только индивидуально-определенная вещь. В-пятых, содержание и перечень вещных прав определяется законом, то есть реализуется принцип *numerus clausus*. В-шестых, вещные права, как правило, подлежат государственной регистрации [4, с. 494-496].

Исходя из признаков вещного и обязательственного права, ученые пытаются определить правовую природу договора аренды. Например, профессор Е. А. Суханов считает, что договор аренды – это обязательственное право. В защиту своего тезиса он приводит следующие аргументы: 1. Объем правомочий конкретного арендатора зависит от содержания договора аренды, то есть определяется соглашением сторон, а не законом, как вещное право [3, с. 26]. 2. Возможность аренды части вещи и даже будущей вещи (в вещном праве же предметом является индивидуально-определенная вещь) [3, с. 33]. 3. Если договор аренды не прошел государственную регистрацию, то для сторон возникают обязательственные отношения, однако они лишаются вещного элемента, такого, как противопоставление третьим лицам, то есть права следования и преимущественное право на заключение арендного договора на новый срок. 4. Отсутствие непосредственного господства над вещью [3, с. 31]. Однако при этом профессор Суханов признает некоторые вещные элементы в

договоре аренды, а именно: возможность защиты через вещно-правовые иски [3, с. 28] и право следования [3, с. 30].

Иной взгляд на правовую природу договора аренды имеет В. А. Белов. Во-первых, профессор считает, что в договоре как пользовательской, так и владельческой аренды содержанием права арендатора являются юридически защищенные возможности (правомочия) непосредственного воздействия на арендованную вещь, заключающиеся во владении и (или) пользовании ею. Такое право возникает и может быть реализовано не ранее исполнения арендодателем своего обязательства по предоставлению вещи арендатору, но это говорит лишь об особом основании возникновения такого права (договор и исполнение обязательства). Во-вторых, арендатор в договоре владельческой аренды наделен абсолютной защитой своего права, а значит, арендное право носит абсолютный характер [1, с. 138]. В-третьих, аренда предполагает сохранение права собственности арендодателя на передаваемую вещь арендатору, а также возврат последним арендованного имущества. Такая ситуация возможна лишь при индивидуализации вещи, что подтверждается п. 3. ст. 607 ГК РФ. В-четвертых, право аренды возникает не только из договоров, но и из других юридических фактов, таких как найма-продажи вещей, поднайма, перенайма и др. Так же возникновение права аренды из договора само по себе не свидетельствует о его обязательственной природе [1, с. 144].

Таким образом, профессор В. А. Белов делает вывод, что право аренды – это абсолютное субъективное гражданское право непосредственного фактического господства над чужой вещью, содержательно ограниченное в сравнении с правом собственности [1, с. 151].

Мы же в свою очередь исходим из того, что аренда носит обязательственный характер, так как возникает между определенными субъектами, но в результате противопоставления третьим лицам у аренды возникают и вещные признаки. В соответствии с этим, точка зрения профессора Е.А. Суханова выглядит более убедительной. Ведь если договор аренды не прошел государственную регистрацию, то договор аренды теряет свои вещные признаки, а именно право следования (ч.1 ст. 617 ГК) и право преимущественного заключения договора на новый срок (п.1 ст. 621 ГК РФ). В связи с этим вещные признаки аренды необходимы только для третьих лиц и на участников обязательства, в сущности, не влияют. Такая конструкция воспринята многими европейскими правовыми порядками. В современном гражданском обороте просто вредно отказываться от различных вещных признаков договора аренды, например, такого как право следования. Это поставит арендаторов, планирующих вести бизнес, в незащищенное и нестабильное положение. Следовательно, для

гражданского оборота просто необходима некая двойственность правовой природы договора аренды.

Список использованных источников:

1. Белов, В. А. Очерки вещного права. Научно-полемические заметки: учебное пособие / В. А. Белов. – Москва: Юрайт, 2015. – 332 с.
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации : одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.
3. Суханов, Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк / Е. А. Суханов. – Москва: Статут, 2017. – 560 с.
4. Суханов, Е. А. Российское гражданское право: в 2 т. / Е. А. Суханов. – Москва: Статут, 2011. – Т.1. – 958 с.

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОРПОРАЦИЯ В СРАВНЕНИИ
С ИНЫМИ СХОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫМИ ФОРМАМИ
ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА**

© А.Д. Сошникова
Научный руководитель: Н.Ф. Качур
канд. юрид. наук
Сибирский федеральный университет

В последнее десятилетие ведутся активные дискуссии по поводу такой спорной организационно-правовой формы, как государственная корпорация. Существование этой сравнительно новой некоммерческой организации обусловлено закрепленными в ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее по тексту – ГК РФ) положениями о коммерческих и некоммерческих организациях, а также статьями специального Федерального закона «О некоммерческих организациях» (далее по тексту – ФЗ «О некоммерческих организациях») [4], где дано определение данного понятия. Это – *«не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций»*.

Несмотря на то, что законами регулируется деятельность государственных корпораций, их правовая природа до конца неясна. Кроме того,

некоторые юридические лица, например, такие как государственные компании, имеют ряд схожих признаков и черт, в результате чего возникает недопонимание в части определения назначения и статуса каждой из этих разновидностей. Исходя из вышеизложенного, необходимо различать государственные корпорации и другие сходные организационно-правовые формы юридического лица.

В соответствии со ст. ст. 7.1, 7.2 ФЗ «О некоммерческих организациях» можно выделить некоторые общие признаки государственной компании и государственной корпорации: это некоммерческие организации; их образование иницируется Российской Федерацией; по факту образования данных юридических лиц издается специальный федеральный закон, а имущественную основу составляют взносы со стороны государства.

Однако одно из самых главных отличий между этими похожими на первый взгляд юридическими лицами состоит в целях создания организаций, в частности, для государственных корпораций свойственно *«осуществление социальных, управленческих или иных общественно полезных функций»* (п. 1 ст. 7.1 ФЗ «О некоммерческих организациях»), а государственные компании могут лишь *«оказывать государственные услуги и выполнять функции по использованию государственного имущества на основе доверительного управления»* (п. 1 ст. 7.2 ФЗ «О некоммерческих организациях»).

Несмотря на то, что данное отличие закреплено в нормативном правовом акте, однако, оно не имеет принципиального значения для разграничения целей деятельности указанных юридических лиц, так как если проанализировать текст федерального закона, например, регулирующего деятельность государственной корпорации «Росатом», то можно заметить, что целью ее учреждения также выступает *«оказание государственных услуг и управление государственным имуществом»* только в более узкой области – *«в использовании атомной энергии, развитии и безопасном функционировании организаций атомного энергопромышленного и ядерного оружейного комплексов Российской Федерации»* [3] и т.д.

Еще одной разновидностью юридического лица выступает публично-правовая компания. Это организационно-правовая форма, которая получила официальное закрепление в нормативных правовых актах после реформы гражданского законодательства в 2014 году, а в дальнейшем и в специальном Федеральном законе «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту – ФЗ «О публично-правовых компаниях»).

Согласно ст. 2 указанного выше федерального закона, публично-правовая компания – это унитарная некоммерческая организация, создаваемая Российской Федерацией, в полномочия которой входит осуществление деятельности в интересах общества и государства, предоставление определенных государственных услуг, управление государственной собственностью и иные функции, в том числе по обеспечению контроля и развитию экономики [6].

Обращая внимание на достаточно размытый в формулировках понятийный аппарат, невозможно четко выделить отличительные особенности между рассматриваемыми юридическими лицами, разграничение необходимо проводить по более специфичным чертам данных образований.

Кроме того, тесно связывает данный вид юридического лица с государственной компанией и государственной корпорацией возможность реорганизации данных организаций в публично-правовую компанию за исключением ограничений, установленных гражданским законодательством.

Однако, существование публично-правовых компаний обусловлено усилением контроля над деятельностью подобных компаний со стороны государства, а также более эффективным использованием государственного имущества [2]. Также публично-правовые компании обладают более широкими возможностями и полномочиями, чем государственные корпорации. Например, в 2017 году учреждена публично-правовая компания «Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства», целью создания которой является обеспечение реализации государственной жилищной политики, в соответствии с которой за счет фонда осуществляется охрана прав участников долевого строительства при условии прекращения застройщиком строительства жилых помещений, приобретенных гражданами [5].

Вместе с тем, возникает вопрос о разграничении унитарных некоммерческих организаций (публично-правовых компаний) и унитарных предприятий, являющихся коммерческими образованиями.

Согласно ст. 113 ГК РФ, унитарными предприятиями выступают государственные и муниципальные унитарные предприятия, *«не наделенные правом собственности на закрепленное за ними имущество»*. В данном случае имущество принадлежит государству, либо субъекту Российской Федерации, либо муниципальному образованию, что разительно отличается от вышеупомянутых организационно-правовых форм, где имущество компаний хоть и формируется государством, но принадлежит на праве собственности самим юридическим лицам. Таким образом, можно провести сравнение унитарных предприятий и государственных корпораций по следующим критериям:

1. Каждое из юридических лиц создается в соответствии со специальным законодательством;

2. Собственником имущества государственной корпорации выступает сама корпорация, в случае с унитарным предприятием – публично-правовое образование;

3. Разный объем прав по распоряжению имуществом (унитарным предприятиям необходимо заручиться согласием соответствующих государственных органов либо распоряжение имуществом находится под запретом; на государственные корпорации не распространяется данное правило, существует обязанность по предоставлению ежегодных отчетов государству);

4. К руководителю унитарного предприятия предусмотрены более строгие требования (например, запрет занимать должности в государственных органах).

В рамках рассматриваемого вопроса также необходимо обратить внимание на такую разновидность юридического лица, как акционерное общество, осуществляющее деятельность с участием государства.

Данное правовое явление не является новеллой для российского законодательства. ГК РФ предусмотрена возможность участия государства в управлении акционерным обществом.

Здесь необходимо руководствоваться, в первую очередь, нормами гражданского законодательства о хозяйственных обществах, а также специальным Федеральным законом «Об акционерных обществах» [9]. Основное отличие данной организационно-правовой формы юридического лица от государственной корпорации заключается непосредственно в получении экономической выгоды, извлечении прибыли, так как в одном случае это коммерческая, а в другом некоммерческая организация. И исходя из этого, ранее государственная, а ныне находящаяся в собственности этих юридических лиц собственность в отношении развития экономических процессов используется более эффективно в акционерных обществах, где происходит активное накопление капитала согласно целям и основным направлениям деятельности. Хотя в государственных корпорациях предусмотрена возможность извлечения прибыли, но она ограничена целями создания корпорации.

Стоит также обратить внимание и на то, что государственные корпорации имеют некоторые общие черты с некоммерческими партнерствами и федеральными агентствами. Применительно к некоммерческим партнерствам, данные организации создаются физическими или юридическими лицами, но никак не государством (согласно ст. 7.3 ФЗ «О некоммерческих организациях»), а федеральное агентство – это один из органов исполнительной

власти, который похож на государственные компании лишь функцией по оказанию соответствующих услуг со стороны государства без образования юридического лица и функцией по управлению имуществом Российской Федерации [7] (например, федеральное агентство лесного хозяйства (Рослесхоз) входит в систему органов исполнительной власти Российской Федерации и обеспечивает работу по регулированию правоотношений в области лесов) [8].

Таким образом, для более четкого и эффективного урегулирования деятельности этих организаций и определения правового статуса каждой из них, необходимо подробнее разобраться с их сущностью и правовой природой, а также внести изменения в законодательную базу, так как нормативные правовые акты не содержат положений, позволяющих разграничить их между собой (в большей мере это касается государственных корпораций, государственных компаний и публично-правовых компаний).

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 ч. Ч. 1 [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ ред. от 29.12.2017 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://consultant.ru>.

2. Милов К. Публично-правовая компания — реинкарнация государственных корпораций на благо общества [Электронный ресурс] / К. Милов / Экономика и жизнь. – 2013. – № 5. – Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/202514/>

3. О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: федер. закон Российской Федерации от 01 декабр. 2007 г. № 317-ФЗ // СЗ РФ. – 2007. – № 49. – ст. 6078.

4. О некоммерческих организациях: федер. закон Российской Федерации от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – ст. 145.

5. О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ // СЗ РФ. – 2017. – № 31. – ст. 4767.

6. О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 03 июля 2016 г. № 236-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 27. – ст. 4169.

7. О структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 21 мая 2012 № 636 // СЗ РФ. – 2012. – № 22. – ст. 2754.

8. О Федеральном агентстве лесного хозяйства: Пост. Правительства РФ от 23 сент. 2010 № 736 // СЗ РФ. – 2010. – № 40. – ст. 5068.

9. Об акционерных обществах: федер. закон Российской Федерации от 26 декабр. 1995 г. № 208-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – ст. 1.

МЕХАНИЗМ ИСКЛЮЧЕНИЯ УЧАСТНИКА ИЗ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

© К.А. Староватова

Научный руководитель: Т.В. Мельникова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Юридическое лицо – организация, зачастую контролируемая группой участников – учредителей, в которой, в силу различных обстоятельств могут возникать конфликты в части руководства деятельностью корпорации. Следствием таких разногласий может стать парализация деятельности юридического лица. Во избежание препятствования деятельности организации её участником, законодателем был введен механизм исключения участника из корпорации, предусмотренный абз. 4 п.1 ст. 67 ГК РФ.

Исключение участника проходит в обязательном судебном порядке, с выплатой ему действительной стоимости его доли. Основаниями исключения при это являются:

- причинение участником существенного вреда обществу;
- затруднение деятельности общества и достижения целей, ради которых организация создавалась.

Формой такого поведения, могут выступать как действия, так и бездействие участника. Несмотря на то, что законодателем установлен закрытый перечень оснований, на практике толковать их можно достаточно широко.

Пункт 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 указывает лишь на некоторые возможные варианты таких нарушений. Например, систематическое уклонение от участия в общем собрании, препятствующее принятию значимых решений, если это причиняет существенный вред обществу или затрудняет его деятельность. Тем не менее, в этих и других примерах конечным результатом и последствием действий участника являются указанные в законе основания исключения.

Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» так же содержит положение об исключении участника из общества. Основаниями к исключению выступают грубое нарушение участником своих обязанностей или препятствование своими действиями (бездействием) деятельности общества.

De jure, специальным законом основания для исключения сужены с причинения вреда обществу до нарушения обязанностей, но de facto, в большинстве случаев, нарушение обязанностей и ведет к причинению вреда тем или иным образом.

Не стоит забывать о том, что указанная норма Гражданского кодекса РФ об исключении участника распространяется не только на общества с ограниченной ответственностью, но и на товарищества, тем самым регулируя более широкий круг отношений и является общей по отношению к федеральному закону №14-ФЗ.

Конкуренция общей и специальной нормы влияет и на круг лиц, имеющих право подавать иск с требованием об исключении участника. Согласно указанному закону, таким правом обладают участники, доли которых в совокупности составляют не менее десяти процентов уставного капитала.

Рассматривая корпоративные споры данной категории, судом должна учитываться степень его вмешательства в корпоративные отношения, поскольку последствием такого вмешательства будет изменение состава общества. В таких случаях суд должен дать правовую оценку сложившимся обстоятельствам с точки зрения норм права и вынести решение [1].

Оценивая обстоятельства дела, суд обращает внимание на наличие/отсутствие причинно-следственной связи между поведением участника и наступившими последствиями, причины его поведения, оценивает сами последствия, степень вины участников и их доводы [2].

К такому выводу пришел Верховный суд, вынося решения по делу «Фалкон». Примечательно это дело следующим. М. и К. (генеральный директор) в равных долях являлись участниками ООО «ПФК «Фалкон». М. обратился в суд с требованием об исключении К. из состава участников, ссылаясь на то, что К. ни разу не провел очередное собрание общества, действовал в ущерб интересам общества. К., в свою очередь предъявил встречный иск с аналогичным требованием к М., указывая на то, что последний не принимал участия в общем собрании общества, затруднял деятельность общества. Суд первой инстанции удовлетворил исковые требования М., отказав К. в удовлетворении встречного иска. Судом апелляционной инстанции решение было отменено, в

кассации решение апелляционное определение также было отменено, в силе оставили решение первой инстанции.

Вся неопределенность в принятии решений нижестоящими судами сводилась к оценке достаточности оснований для исключения К. из состава участников. В своем определении Верховный суд РФ указывает, что суд, принимая решение об исключении участника из общества должен дать оценку степени нарушения участником своих обязанностей, степень его вины, а также установить факт нарушения обязанностей и факт наступления негативных последствий такого нарушения. При этом критерии оценки указанных обстоятельств в каждом случае индивидуальны и их установление является исключительным правом и обязанностью суда.

В сложившейся ситуации дедлока, учитывая, что участники имеют равную степень участия и равные доли, механизм исключения участника применяется в исключительных случаях. Рассматривая дело, Верховный суд РФ указал, что действительной причиной нарушения деятельности ООО «ПФК «Фалкон» является внутренний конфликт участников, а не их действия, в связи с чем, наиболее удачным разрешением сложившейся ситуации будет ликвидация общества или самостоятельное принятие одним из участников решения о выходе из общества. Тем не менее, оценив все доводы, Верховный суд РФ не усмотрел в действиях К. грубого нарушения своих обязанностей, в результате чего определил отменить постановление кассационной инстанции, оставить в силе постановление апелляционной инстанции [3].

Таким образом, механизм исключения участника из общества с ограниченной ответственностью на сегодняшний день не является универсальным способом разрешения конфликтных ситуаций между участниками, однако в случаях действительных грубых нарушений участником своих обязанностей или воспрепятствования им деятельности общества данный механизм предусматривает возможность исключения участника, что позволяет разрешить сложившуюся ситуацию.

Список использованных источников:

1. Андреев, В.К. Корпоративное право современной России: монография / В.К. Андреев, В.А. Лаптев. – Москва: Проспект, 2017. – 352 с.
2. Божко, М.П. Семь уроков корпоративных конфликтов / М.П. Божко, Д.А. Галанцев. – Москва: Проспект, 2018. – 96 с.

3. Определение Верховного Суда РФ от 08.10.2014 № 306-ЭС14-14, А06-2044/2013 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРА АРЕНДЫ

© Ю.С. Суrowова

Научный руководитель: В.Н. Козлова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Согласно закону, существенными условиями договора являются: условие о его предмете, условия, существенные для договоров данного вида в силу закона или иных правовых актов, в также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

По общему правилу в договоре аренды единственным существенным условием является условие о предмете (объекте) аренды (найма). Арендная плата и срок не отнесены законом к числу существенных, даже несмотря на то, что ст. 606 ГК РФ предусматривает передачу имущества арендатору за плату и на время – как на определенный, так и неопределенный срок, – но по воле сторон эти условия могут стать существенными. В соответствии с п. 1 ст. 432 ГК РФ, «договор может считаться заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора» [1].

Исходя из анализа гражданского законодательства, предметом данного договора может выступать вещь, определенная индивидуальными признаками. Обязательным признаком содержания договора, который вытекает из существа арендного правоотношения, является срочное владение и пользование (либо только пользование) предметом и возврат его арендодателю по истечении срока договора. Исходя из вышесказанного, именно по этому основанию п. 3 ст. 607 ГК РФ обязывает сторон четко указывать информацию, позволяющую определенно установить имущество, подлежащее передаче арендатору в качестве объекта аренды.

Так, предметом договора аренды выступают земельные участки и другие обособленные природные объекты, предприятия и другие имущественные комплексы, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства и другие вещи, которые не теряют своих натуральных свойств в процессе их использования (непотребляемые вещи).

В целом можно говорить о том, что, исходя из особенностей договора аренды, к числу его существенных условий также следовало бы отнести срок, на который имущество передаётся во владение и пользование арендатору, и размер арендной платы – возмездность договора.

В настоящее время судебная практика поддерживает данную позицию, но она не основана на законе.

Существенные условия договора определяются в законе императивными нормами, отсутствие хотя бы одного из них в договоре влечет признание его незаключенным. Между тем п. 2 ст. 610 ГК РФ допускает признание договора аренды заключенным при отсутствии в нем условия о сроке аренды, а по п. 1 ст. 614 ГК РФ – о размере платы за нее.

Тем не менее, в силу прямого указания закона – ст. 606, 654 ГК РФ арендная плата должна являться существенным условием договора аренды. Это можно объяснить тем, что основной обязанностью арендатора является внесение арендной платы (п. 1 ст. 614 ГК РФ). В случае неисполнения такой обязанности более двух раз подряд по истечении установленного договором срока платежа арендодатель имеет право требовать расторжения договора (ст. 619 ГК РФ) [2]. В связи с этим п. 10 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» прямо указывает на то, что «обязанность по уплате арендных платежей возникает после передачи имущества арендатору» [3].

Что касается срока, договор аренды заключается на срок, определенный самим договором. Если договор заключен без указания срока, то в таком случае по общему правилу договор аренды считается заключенным на неопределенный срок. В таком случае каждая из сторон договора вправе отказаться от него в любое время в одностороннем порядке при условии предупреждения об этом другой стороны за один месяц, а при аренде недвижимости – за три месяца (п. 1, 2 ст. 610 ГК РФ). Законодатель предусмотрел и предельные сроки договора в отношении отдельных видов аренды или аренды отдельных видов имущества, при этом независимо от того, указан ли сторонами какой-либо срок аренды в договоре, договор прекращается по истечении установленного законом предельного срока (п. 3 ст. 610 ГК РФ). Тем не менее, такой подход законодателя представляется неудобным для правоприменения и порождающим разночтения.

В связи с вышесказанным представляется необходимым дополнить статьи 610 и 614 ГК РФ. В частности, предлагаем внести изменения в п. 2 ст. 610 ГК РФ, изложив его в следующей редакции: «Если срок аренды в договоре не определен, договор считается незаключенным». Также дополнить и изложить

в следующей редакции п. 1 ст. 614 ГК РФ: «Арендатор обязан своевременно вносить плату за пользование имуществом (арендную плату) в размере, установленном договором. При отсутствии соглашения сторон о размере арендной платы договор будет считаться незаключенным».

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноя. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 окт. 1994 г.; введ. Федер. законом Рос. Федерации от 30 ноя. 1994 г. № 52-ФЗ; в ред. Федер. закона от 03 авг. 2018 г. № 366-ФЗ // Рос. газ. – 1994. – № 238-239; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 14. – ст. 1998.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 дек. 1995 г.; одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 29 декабря 1995 г.; введ. Федер. законом Рос. Федерации от 26 янв. 1996 г. № 15-ФЗ; в ред. Федер. закона от 29 июля 2018 г. № 225-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 5. – ст. 410; 2018. – № 31. – ст. 4814.

3. Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 г. № 66 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ИСКА О ПРИЗНАНИИ ПРАВА ИЛИ ОБРЕМЕНЕНИЯ ОТСУТСТВУЮЩИМ

© С.Е. Фомина

Научный руководитель: Н.В. Шапран
Сибирский федеральный университет

В ст. 12 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) определен перечень способов защиты гражданских прав. Лицо, считающее свои права нарушенными, может избрать любой из способов, который обеспечит восстановление его прав. Хотя ГК РФ не предусматривает возможность применения иска о признании права или обременения отсутствующим, тем не менее, такой иск прямо предусмотрен в п. 52 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в

судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее – постановление Пленума 10/22).

Пункт 52 постановления Пленума 10/22 устанавливает, что лицо, чье вещное право нарушено записью в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН), может обратиться в суд с иском о признании права или обременения отсутствующими. Судами отмечено, что предъявление такого иска возможно только в том случае, когда защита нарушенных прав не представляется возможной ни путем предъявления иска о признании права, ни путем предъявления иска об истребовании имущества из чужого незаконного владения. Рассматриваемый способ защиты стал применяться повсеместно и прочно вошел в судебную практику, образовав достаточно обособленную категорию споров [2]. Однако возникает ряд вопросов как относительно условий предъявления иска о признании права отсутствующим, так и относительно разграничений исков, указанных в рассматриваемом постановлении.

Определяющим является то обстоятельство, что иск о признании права отсутствующим имеет узкую сферу применения. Он не может заменять виндикационный, негаторный или иные иски, поскольку допустим только при невозможности защитить нарушенное право иными средствами [6].

На сегодняшний день судебными инстанциями уже выработаны условия, при наличии которых иск о признании права отсутствующим может быть удовлетворен. Одним из ключевых условий является факт владения лицом спорным недвижимым имуществом, право которого зарегистрировано в ЕГРН. Иск должен быть предъявлен владеющим собственником в отношении не владеющего имуществом лица, право которого на это имущество было зарегистрировано незаконно, и данная регистрация нарушает право собственника [8]. Отметим, что выбор способа защиты вещного права, квалификация спорного отношения судом и разрешение вещно-правового конфликта зависит от того, в чьем фактическом владении находится спорное имущество. Суд, рассматривая дело, должен установить факт нахождения спорного недвижимого имущества во владении истца. Таким образом, требования собственника направлены на устранение нарушений его права и не соединены с лишением владения. В случае если спорное имущество находится во владении ответчика, следует предъявлять виндикационный иск, а не иск о признании права отсутствующим.

В постановлении Пленума № 10/22 приведены примеры, при наличии которых иск о признании права отсутствующим может быть удовлетворен, – это регистрация права на один и тот же объект недвижимости за разными

лицами, государственная регистрация права на движимое имущество как на объект недвижимости, прекращение обременения. Между тем анализ практики применения рассматриваемых положений показывает, что как участники спорных правоотношений, так и суды не воспринимают перечень как окончательный и не подлежащий расширительному толкованию. Так, в постановлении ФАС Поволжского округа от 24 сентября 2013 г. по делу № А55-3570/2011 суд пришел к выводу, что приведенный перечень ситуаций, когда истец может защитить свои права посредством иска о признании права отсутствующим, не является исчерпывающим. Верховный суд РФ в определении от 27.06.2017 по делу № 310-КГ17-2466, А08-7941/2015 установил, что если за одним из собственников недвижимости, расположенной на участке, зарегистрировано право собственности на него без совершения сделки по приватизации, другой собственник вправе подать иск о признании отсутствующим права собственности на участок. Очевидно, что рассматриваемая ситуация не может быть отнесена к тем примерам, которые перечислены в постановлении Пленума № 10/22.

Исключительность иска о признании права отсутствующим означает возможность его применения в весьма ограниченных случаях. Данный иск допустим только при невозможности защиты нарушенного права иными средствами. Думается, что конкретные случаи должны быть четко определены, что позволило бы как участникам спорных правоотношений, так и судам не допускать расширительного толкования.

Практической проблемой использования иска о признании права отсутствующим является выбор надлежащего средства защиты т.к. достаточно часто субъекты спорных правоотношений не проводят различий между иском о признании права и о признании его отсутствующим.

В постановлении ФАС Западно-Сибирского округа от 14.05.2013 по делу № А70-7081/2012 суд пришел к выводу, что поскольку право собственности на спорный участок зарегистрировано за ответчиком, а истец считает себя обладателем права собственности на этот участок, но запись о его праве в ЕГРН не внесена, оспаривание зарегистрированного за ответчиком права не может быть осуществлено посредством иска о признании права отсутствующим. В этом случае нужно применять другой способ защиты — иск о признании за истцом права собственности на спорный объект.

В контексте анализа правоприменительной практики видится целесообразным провести различия между рассматриваемыми исками. Иск о признании права собственности представляет собой требование лица, считающего себя собственником находящегося в его владении недвижимого имущества,

признать за ним право собственности [3]. При этом право собственности должно быть зарегистрировано за другим субъектом, который будет являться ответчиком по иску о признании права. Иск о признании права подлежит удовлетворению только в случае установления правовых оснований для обладания истцом спорной вещью на заявленном им праве.

Предъявление же иска о признании права отсутствующим является исключением. В таком иске нет необходимости признавать право на недвижимое имущество, потому что оно уже зарегистрировано за лицом, заявляющим соответствующие требования. В этом случае истец не может требовать признания права за ним, поскольку он уже имеет это право в отношении объекта имущественных прав. Кроме того, иск подлежит удовлетворению только в случае невозможности защиты нарушенных прав ни путем предъявления иска о признании права, ни путем предъявления иска об истребовании имущества из чужого незаконного владения.

Выбор способа защиты нарушенного права должен соответствовать характеру нарушенного права, а способ защиты права, избранный истцом, должен в результате применения восстанавливать это нарушенное право [9]. Иск о признании права отсутствующим способствует разрешению коллизии между зарегистрированными вещными правами и устранению неопределенности в свойствах объекта имущественных прав. Кроме того, такой иск направлен не только на защиту нарушенных прав лица, но и на обеспечение достоверности, непротиворечивости публичных сведений, содержащихся в ЕГРН. Постановление Пленума № 10/22 было направлено на введение иска о признании права отсутствующим с целью повысить степень предсказуемости судебных решений, что весьма важно для нашей правоприменительной практики. Однако на данный момент можно констатировать, что практика по рассмотрению судами исков по данному основанию складывается в некоторых аспектах не единообразно, что, в свою очередь, обуславливает необходимость надлежащего правового регулирования рассматриваемого способа защиты права собственности.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – ст. 3301.
2. Кадулин, А.В. Споры о признании права отсутствующим / В. А. Кадулин // Арбитражные споры. — 2017. — № 4. — С. 23-42.

3. Осипова, Л.В. Иск о признании права отсутствующим в арбитражной практике / Л.В. Осипова // Вестник арбитражной практики. — 2018. — № 6. — С. 3-9.

4. Файзрахманов, К.Р. Правовые цели иска о признании права или обременения отсутствующим: опыт инструментального подхода / К.Р. Файзрахманов // Вестник Пермского университета. — 2014. — № 4. — С. 159-164.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Определение Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 5-КГ18-262 (Судебная коллегия по гражданским делам) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 5-КГ18-262ю [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Определение Верховного суда Российской Федерации от 27.06.2017 по делу № 310-КГ17-2466, А08-7941/2015 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. Постановление ФАС Поволжского округа от 24 сентября 2013 г. по делу № А55-3570/2011 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

11. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 14.05.2013 по делу № А70-7081/2012 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНСТИТУТА L'ASTREINTE

© И.А. Фунтусова

Научный руководитель: С.Я. Сорокина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Под словом «l'astreinte» (фр. l'astreinte; от лат. adstringere — принуждение) во французском праве понимается «денежное взыскание, налагаемое на должника в определенной сумме за каждый просроченный день (другую единицу времени), с целью понуждения его исполнить обязательство что-либо сделать угрозой значительного штрафа, способного увеличиваться» [5]. Изначально институт возник во Франции в начале XIX века благодаря практике французских судов как инструмент непрямого принуждения должника к исполнению имущественного обязательства что-либо дать или сделать [1, с. 240]. Сущность данного инструмента заключается в следующем: суд обязывает должника выплатить определенную денежную сумму в пользу кредитора за неисполнение обязательства. В свою очередь название института «l'astreinte» выражает идею давления на волю должника. На данном этапе развития астрент имел «неоднозначную» природу – при установлении это была мера принуждения к исполнению, а при вынесении решения по делу астрент трансформировался в компенсацию убытков истца за неисполнение ответчиком обязательства.

Во второй половине XX века во Франции были приняты законы, которые устанавливали два типа астрента: предварительный и окончательный. Если говорить о их сущности, то эти два типа астрента имеют характер этапов, этот вывод сделан исходя из определения их понятий. Предварительный означает следующее: при вынесении решения судья указывает, что в случае неисполнения решения в разумный срок ответчик будет обязан уплатить в пользу истца некоторую денежную сумму за каждый день этого срока. В случае, если ответчик исполнил в названный срок обязательство, то астрент не взыскивается. В другом случае, если предписание не исполняется, то начинается отдельный процесс, в котором нет срока для «добровольного» исполнения, а именно – суд назначает окончательный астрент.

На данный момент во Франции эта классификация утратила силу, и астрент существует как частноправовой штраф, размер которого не связан с убытками истца от неисполнения, также он носит акцессорный характер, т.е. если основной судебный акт по делу будет отменен – астрент взыскиваться не

будет. Цель данного частноправового штрафа – сделать исполнение обязательства выгоднее его неисполнения для обязанного лица. Во Франции данный институт имеет большую область применения, т.е. не только в неденежных обязательствах, но и в денежных, трудовых и семейных правоотношениях [2, с. 360].

В 2009 году данный институт появился и в Италии по случаю проведения реформы итальянского гражданского судопроизводства. Нормы об астренте были включены в итальянское право с принятием Закона №69 от 18 июня 2009 года, который вводил некоторые положения об астренте в Гражданский процессуальный кодекс Италии.

Говоря об определении понятия астрента в Италии, следует сказать, что оно не отличается от французского. Однако в итальянском праве астрент выглядит немного иначе, хоть и перенял многие черты французского астрента. Во-первых, астрент согласно итальянскому законодательству является обязательной и окончательной санкцией, что нельзя сказать о французской модели. Во-вторых, судья в Италии не имеет полномочий накладывать или применять санкцию. Суд определяет, когда применяется астрент, размер и сроки указанной санкции, и в случае неисполнения своей обязанности должником, кредитор может инициировать исполнительное производство для принудительного взыскания с него денежных сумм в соответствии с условиями, установленными судом [9, с. 20, 21].

В Португалии астрент появился гораздо раньше, чем в Италии. В Гражданский кодекс Португалии он был введен в 1983 году. Ключевыми отличиями от французской модели являются необходимость волеизъявления истца для вынесения решения суда о присуждении астрента, деление суммы астрента в равных долях между государством и взыскателем. Таким образом, астрент выступает «мерой устрашения», имеющей цель побудить должника исполнить свои обязательства в добровольном порядке [4, с. 5].

В современном российском праве институт астрента был впервые сформулирован Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации в Постановлении Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 года №22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта», наделившее арбитражные суды правом присуждения денежных средств при неисполнении судебного акта. Но в законодательстве данное право не было закреплено [6].

Вскоре в результате реформы гражданского законодательства, была введена норма ст. 308.3, которая позволяла присудить денежные средства на случай неисполнения судебного акта в размере, определяемом судом на основе

принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (п.1 ст. 308.3 Гражданского Кодекса РФ) [3].

Применение судебной неустойки (астрента) допускается только в случаях неисполнения обязательства в натуре, неисполнение обязательства о воздержании должника от совершения определенных действий и неисполнение судебного акта, который предусматривает устранение права собственности, не связанного с лишением владения, т.е. в случаях неисполнения неденежных требований. Следует упомянуть об отличии российской модели от французской, которое заключается в следующем: астрент не устанавливается по спорам административного характера, пенсионных, трудовых и семейных неимущественных споров.

Следовательно, кредитор вправе обратиться в суд с требованием о взыскании судебной неустойки на любой стадии процесса: одновременно с вынесением решения о понуждении к исполнению обязательства в натуре; при исполнении решения в рамках исполнительного производства.

На основании вышеизложенных тезисов следует сделать вывод о том, что астрент является одной из мер гражданско-правовой ответственности, которая стимулирует должника исполнить решение суда по неденежному требованию в срок под угрозой существенных имущественных издержек [7, 8]. Судебная неустойка устанавливается только судом на основе принципов соразмерности и справедливости, обеспечивая тем самым необходимый баланс прав и законных интересов кредитора и должника.

Список использованных источников:

1. Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву / Избранные труды по гражданскому праву. – Москва. – 2002. – С. 241-243.
2. Годэмэ, Е. Общая теория обязательств. / Перевод с французского И. Б. Новицкого. – Москва. – 1948. – С. 360.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Иванова, Т.Н. Французский астрент на российский манер: применение и правовое регулирование судебной неустойки в свете нового Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 7 от 24.03.2016 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации».

Федерации об ответственности за нарушение обязательств» / Т.Н. Иванова, О.В. Монченко // Вестник арбитражной практики. – 2016. – № 2. – С. 4-13.

5. Пляниоль, М. Курс французского гражданского права: Ч. 1: Теория об обязательствах; Ч. 2: Договоры. Перевод с французского. Ч. 1-2: Вып. 1-6 / Пляниоль М.; Пер. и предисл.: Гартман В.Ю. Петроков: Изд. тип. С. Панского. – 1911. – С. 21-22.

6. Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Луценко, Е.С. Судебная неустойка (астрент): вопросы теории и юридическая практика / Е.С. Луценко // Юридический мир. – 2016. – № 7. – С. 57–60.

8. Синцов, Г.В. Возмещение убытков как один из основных способов защиты гражданских прав / Г.В. Синцов // Гражданское право. – 2015. – № 6. – С. 31–32.

9. Ferrari, F., Bocharova, N. The astreinte in the Italian and Russian Administrative (Judicial) and Civil Proceedings. Russian Law Journal. – 2015. – № 3. – С. 8–45.

К ВОПРОСУ О НОВОМ СПОСОБЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА САМОВОЛЬНУЮ ПОСТРОЙКУ

© В.Н. Хачбулагян

Научный руководитель: Р.В. Файзуллин

Сибирский федеральный университет

В течение последнего десятилетия законодатель неоднократно вносил изменения в текст ст. 222 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1], что говорит об актуальности рассматриваемого вопроса.

Поправки были внесены федеральными законами от 2006 [2], 2015 [3], 2018 [4] года. Особое внимание обратим на 339-ФЗ от 03.08.2018. Ещё не прекратились дискуссии о сущности, правовой природе и конституционности внесудебного порядка сноса, закреплённого в п.4 ст. 222, как законодатель вновь подверг редакцию статьи серьёзному изменению. Так, 339-ФЗ помимо приобретения права собственности и сноса было введено новое правовое последствие самовольного строительства – приведение объекта в соответствие с установленными требованиями. Если самовольный застройщик выполнит

указанные в законе требования, то согласно п.3.2 ст. 222 ГК РФ он приобретает право собственности на эту постройку.

Помимо этого внесены и иные поправки. Обзорно рассмотрим их и попробуем дать им оценку.

Обязательным условием для квалификации постройки в качестве самовольной в новой редакции является действие требований, указанных в абз. 1 п. 1 ст. 222 ГК РФ, как на момент строительства, так и на момент выявления самовольной постройки. Данная новелла, полагаем, призвана обеспечить юридическую стабильность и правовую определенность в рамках отношений по строительству.

Также согласно новой редакции правомерной признаётся постройка, возведённая лицом, которое не знало и не могло знать об ограничениях, действующих в отношении земельного участка, на котором она возведена. Здесь законодатель преследовал цель защиты «добросовестного застройщика», так как не всегда земельно-правовые акты проходят официальное опубликование и попросту недоступны для граждан.

Кроме того, в п. 2 ст. 222 ГК РФ был внесён запрет на использование самовольной постройки. С одной стороны, это сделано для устранения пробела в тексте закона, так как в прежней редакции речь шла лишь о запрете распоряжения. С другой, в этом же пункте статьи содержится правило о том, что на самовольную постройку право собственности не возникает, а использование является одним из правомочий собственника.

Что касается введения в текст закона процедуры приведения объекта в соответствие с установленными в правовых актах требованиями, цель данных предписаний видится в сохранении объектов, представляющих собой в силу своей природы экономическую ценность.

Законодатель использует термин «требование о приведении в соответствие с параметрами» в связке с требованием о сносе самовольной постройки, что позволяет рассуждать о публично-правовой природе этой процедуры. Но при этом ее конечным результатом является приобретение права собственности на самовольно возведённый объект.

Чтобы сформировать представление о процедуре приведения в соответствие, рассмотрим ее ключевые моменты.

Нормы, регулирующие эту процедуру, содержатся, прежде всего, в ст. 222 ГК РФ и статья 55.32 Градостроительного кодекса РФ (далее – ГрК РФ) [5]. Основанием для ее осуществления является решение суда или органа местного самоуправления.

В п. 3.2 ст. 222 ГК РФ обращает на себя внимание решение законодателя разграничить самовольных застройщиков в зависимости от природы права, на котором им принадлежит земельный участок с расположенной на нем самовольной постройкой. При этом без однозначного законодательного решения остался вопрос о соотношении указанных предписаний с общими правилами п. 3 этой же статьи в части определения перечня субъективных прав на земельный участок, выступающих одной из предпосылок для приобретения права собственности на самовольно возведенный объект. Так, общее правило, установленное в п. 3, гласит: чтобы приобрести право собственности на самовольную постройку, требуется обладание земельным участком на одном из трех «традиционных» вещных прав на землю (праве собственности, праве пожизненного наследуемого владения или праве постоянного (бессрочного) пользования).

Положения абз. 1 п. 3.2 ст. 222 ГК РФ в целом согласуются с приведенными правилами. Речь в них также идет о лицах, которым земельный участок принадлежит на праве собственности, пожизненного наследуемого владения или постоянного (бессрочного) пользования. Они приобретают право собственности на самовольную постройку в случае выполнения требований о приведении ее в соответствие.

Напротив, специальные законоположения, касающиеся субъекта, уполномоченного на приобретение права собственности на объект самовольного строительства посредством приведение его в соответствие с установленными требованиями, содержатся в абз. 2 п. 3.2 указанной статьи. Так, в нем говорится о лицах, во временное владение и пользование которым в целях строительства был предоставлен земельный участок, находящийся в государственной и муниципальной собственности. Такое лицо приобретает право собственности на самовольную постройку в случае выполнения требований о приведении в соответствие, но при условии, *что это не противоречит закону или договору*.

Отсюда возникает закономерный вопрос о том, как соотносятся между собой, с одной стороны, абз. 2 п. 3.2 ст. 222 ГК РФ, а с другой – п. 3 ст. 222 ГК РФ и его толкование, предложенное Верховным Судом РФ в Обзоре практики по делам о самовольном строительстве от 19.03.2014 [6]. Ведь под предоставлением во временное владение и пользование в целях строительства имеется в виду не что иное, как строительная аренда, предусмотренная Земельным кодексом РФ [7].

Возможно, законодатель воспринял позицию Верховного Суда РФ, который в данном им толковании решил отойти от вещно-правовых рамок,

установленных в законе для круга управомоченных на приобретение права собственности субъектов. С другой стороны, можно предположить, что цель законодателя заключалась в стимулировании граждан и юридических лиц на заключение договоров аренды публичных земель и приобретение прав на объекты недвижимости, на них возведенные.

Что касается нормативного регулирования самой процедуры приведения построенного объекта в соответствие с установленными требованиями, она производится по правилам главы 6 ГрК РФ, регуливающей реконструкцию капитальных объектов.

В целом, в конечном итоге застройщику для приобретения права собственности придётся совершить все те же действия, которые он совершил бы в общем порядке. Но при этом процедура приведения в соответствие может стать для него единственной возможностью приобретения прав на самовольно возведённый объект, например, если лицо возвело его без попытки получения соответствующих разрешений. На сегодняшний день в данном случае суды зачастую отказывают в удовлетворении иска о признании права, несмотря на позицию ВС РФ, отрицающую формальный подход к решению вопроса о влиянии отсутствия разрешения на строительство на статус постройки, в связи с чем объект остаётся не введённым в оборот. Поэтому новый порядок возможно признать своеобразным «запасным выходом» из описанной ситуации.

Список используемых источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья, четвертая): По состоянию на 3 августа 2018г. – Новосибирск: Норматика, 2016. – 576 с.

2. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.06.2006 № 93 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. О внесении изменений в статью 222 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.07.2015 № 258-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 22 Федерального закона «О введении в действие

части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] : федер. закон от 03.08.2018 № 339-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Градостроительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ ред. от 25.12.2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.03.2014) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Земельный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ ред. от 25.12.2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

ОБЩАЯ СОВМЕСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

© О.В. Чайка

Научный руководитель: В.П. Богданов

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Сохраняется ли у бывших супругов режим общей совместной собственности на имущество, нажитое во время брака? Данный вопрос, не нашедший разрешения в нормах российского частного права и порождающий противоречия в правоприменительной практике и в научной литературе, является актуальным и на сегодняшний день.

По мнению Е. А. Суханова, «отношения общей совместной собственности супругов прекращаются с расторжением брака» [7, с. 584].

Поскольку общая совместная собственность возникает только в случаях, предусмотренных законом, одним из которых является наличие брачных отношений, при утрате правообладателями статуса супругов режим совместной собственности на их общее имущество не может сохраняться, пишет К. А. Иванов. Общая собственность продолжает существовать, однако приобретает статус долевой в соответствии с п. 3 ст. 244 ГК. Учитывая данное обстоятельство, размер долей в праве на имущество, находящееся в собственности бывших супругов, по мнению Иванова, определяется согласно п. 1 ст. 245 ГК, то есть

доли признаются равными, если они не могут быть определены на основании закона и не установлены соглашением собственников имущества [3, с. 63].

Большинство ученых в своих работах придерживаются противоположной точки зрения.

А. О. Заботкин [2, с. 13] утверждает, что режим общей совместной собственности супругов сохраняется при отсутствии раздела совместно нажитого имущества и после утраты супругами соответствующего семейно-правового статуса при расторжении их брака. По мнению автора, такой вывод следует из системного толкования положений СК РФ. Ф. И. Хамидуллина пишет, что сам по себе факт прекращения брака не прекращает режим совместной собственности на нажитое в браке имущество [4, с. 104]. Такого же рода мнение высказал в своей статье А. В. Бакушкин [1, с. 69].

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации при рассмотрении одного из дел пришла к выводу о том, что «расторжение брака между супругами не изменяет режима общей совместной собственности супругов на имущество, приобретенное в браке» [5].

На наш взгляд, режим совместной собственности у бывших супругов сохраняется в отношении совместно нажитого имущества, которое не подвергалось разделу, что следует из положений Семейного кодекса Российской Федерации. П. 1 ст. 33 СК РФ закрепляет законный режим имущества супругов – режим их совместной собственности. Согласно п. 1 ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. Следовательно, если общее имущество не было разделено, то режим совместной собственности не исчезнет, даже если брак расторгнут.

Режим совместной собственности не может прекратиться также потому, что супругам неизвестно, какая доля принадлежит каждому из них в совместно нажитом имуществе, поскольку право общей собственности носит бездолевой характер, а раздела, в момент которого прекращается право общей собственности и определяются доли в имуществе, не было. Без достигнутого соглашения или без решения суда, то есть без осуществленного раздела совместно нажитого имущества, бессмысленно говорить о возникновении раздельной собственности после расторжения брака.

К решению данного вопроса можно подойти и с другой точки зрения. Если рассматривать историю возникновения совместной собственности супругов и цели, которые преследовал отечественный законодатель, вводя данный правовой институт, то можно прийти к выводу, что режим общей совместной собственности на нажитое во время брака имущество не утрачивает своего значения и после расторжения брака.

В средние века в Германии возник прототип общей совместной собственности – бездолевое право «общей руки», основой которого стали домашние хозяйства, совместно ведущиеся членами одной семьи. В ту эпоху целью права общей совместной собственности было объединение имущества членов одной семьи, доверяющих друг другу и проживающих вместе. Субъектами такого права могли быть только физические лица, связанные родственными или иными близкими отношениями [6, с. 103-104].

На протяжении столетий в России целью гражданско-правового института совместной собственности супругов являлась защита интересов замужней женщины в случае прекращения брака. Поскольку обычно женщины занимались домашним хозяйством, а мужчины работали на стороне, в 1922 г. Высший судебный контроль Народного комиссариата юстиции РСФСР вынес определение, в котором закрепил, что совместная продолжительная супружеская жизнь неизбежно создает такое положение, что целый ряд предметов домашнего обихода приобретает в результате совместного труда, и этот труд должен считаться трудом, создающим право на участие в общем домашнем благосостоянии.

На наш взгляд, после прекращения брака цели, достижению которых следует институт общей совместной собственности, продолжают существовать даже несмотря на то, что бывшие супруги уже не связаны личными связями, характеризующимися взаимным доверием. При отсутствии раздела нажитого в браке имущества, и, как следствие, при отсутствии определенной доли в указанном имуществе, наличие режима совместной собственности обеспечит бывших супругов уверенностью в том, что каждый из них в равной степени обладает правом собственности на данное имущество.

Список использованных источников:

1. Бакушкин, А. В. Некоторые проблемы практики применения положений законодательства об общей совместной собственности супругов / А. В. Бакушкин // Нотариальный вестник. – 2009. – № 6. – С. 56-62.
2. Заботкин, А. О. Проблемы применения статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации / А. О. Заботкин // Государственный советник. – 2014. – №2. – С. 11-15.
3. Иванов, К. А. Правовой режим совместной собственности супругов. Проблемы распоряжения, возникающие после расторжения брака / К. А. Иванов // Советник юриста. – 2013. – №6. – С. 59-64.

4. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (Постатейный) / З. А. Ахметьянова [и др.] ; отв. ред. О. Н. Низамиева. – Москва: Проспект, 2011. – 560 с.

5. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]: от 02.06.2015 № 5-КГ15-47 // Правовая навигационная система «Кодексы и законы». – Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/>

6. Суханов, Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк / Е. А. Суханов. – Москва: Статут, 2017. – 560 с.

7. Суханов, Е. А. Российское гражданское право: в 2 т. / Е. А. Суханов. – Москва: Статут, 2011. – Т.1. – 958 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ BLOKCSHAIN В СФЕРЕ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ ПРАВ

© А.В. Шевцова

Научный руководитель: Н.Ю. Рычкова
Сибирский федеральный университет

Стремительное развитие информационных технологий и многочисленные достижения человечества в этой области неизбежно повлияли на развитие права интеллектуальной собственности в целом и авторского права в особенности. Очевидно, что распространение новых технологий и внедрение их во многие сферы жизнедеятельности привело к доступности большого массива информации, включая результаты интеллектуальной деятельности. Однако развитие так называемой «цифровой среды» неизбежно повлекло и появление новых проблем в сфере оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности. Так, в условиях интеграции информационных технологий активно обсуждается вопрос об эффективной защите авторских прав. И наибольший интерес как к средству разрешения этой уже давно известной проблемы вызывают технические меры защиты, а именно – создание единого реестра результатов интеллектуальной деятельности на основе технологии Blockchain.

Идея о создании единого реестра находится в центре внимания, поскольку Blockchain технологии предоставляют огромные возможности для регистрации, хранения и защиты объектов интеллектуальной собственности. Однако, несмотря на всё возрастающую популярность и многие достоинства Blockchain, в настоящее время эффективность применения этой технологии в

сфере охраны авторских прав стоит поставить под знак вопроса, поскольку на практике возникают существенные проблемы.

Однако прежде обратимся непосредственно к тому, что вызывает такие бурные обсуждения. Технологию Blockchain (от англ. – «цепочка блоков») в общем виде можно представить как некую строго последовательную, построенную на основе хронологического принципа цепочку «блоков» или, иными словами, распределенную базу данных, в основе функционирования которой лежат криптографические алгоритмы. Каждый созданный «блок» имеет свой «хэш» – уникальный как папиллярный узор код, который идентифицирует «блок» и все его содержимое. В «блоке» содержатся записи о совершаемых транзакциях.

Особенностью и бесспорным преимуществом технологии Blockchain является тот факт, что в каждом «блоке» содержится информация о «хэше» предыдущего «блока», что практически сводит на нет возможность внести какие-либо изменения в цепочку, поскольку при изменении даже одного «блока» вся дальнейшая цепочка будет отвержена системой. Кроме того, особенностью технологии Blockchain является децентрализованность, т.е. здесь отсутствует какой-либо единый сервер или центр, а любой человек может присоединиться к сети, получив при этом полную копию Blockchain. Иными словами, в случае выхода из строя какой-то отдельной системы риск отказа работы всей базы сводится к минимуму [4].

Обратимся непосредственно к некоторым проблемам, которые возникают при применении Blockchain технологии в сфере охраны авторских прав. Как уже было сказано выше, эффективным средством охраны авторских прав видят создание единого реестра результатов интеллектуальной деятельности, построенного на основе технологии Blockchain. В случае идеального развития событий записи в реестре использовались бы для разрешения споров об авторстве, поскольку по данным, занесенным в реестр, можно было бы определить не только правообладателя, но и название самого объекта, его краткую характеристику [5].

Однако многими отмечается существенные недостатки такого реестра. Во-первых, исходя из отечественного законодательства следует, что регистрация носит факультативный (необязательный) характер, поскольку в соответствии с п.3 и п. 4 ст. 1259 Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ) «для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных формальностей» и авторское право сохраняется независимо от того, было ли обнародовано автором произведение или нет. Таким образом, несмотря на то, какие бы записи об

авторе и времени создания произведения ни вносились, реестр правоустанавливающего значения иметь не будет. Интересно, что данный факт был отмечен и председателем правления Фонда «Сколково» И.А. Дроздовым, который рассматривал Blockchain в аспекте электронных доказательств [1].

Таким образом, поскольку правоустанавливающий характер реестр иметь не будет, далее вполне логично возникает следующий вопрос: насколько можно доверять таким записям? В литературе приводится следующий пример, когда автор на протяжении длительного времени создает произведение, а злоумышленник, выкрыв его или иным способом получив доступ к этому произведению, первым вносит информацию в распределенный реестр, указывая себя в качестве автора [2]. По большому счету, реестром не будет достигнута та основная цель, ради которой он создается, а именно – предотвращение нарушений авторского права.

Внесенные посредством Blockchain технологии данные признаются по общему правилу достоверными, а удалить или изменить информацию не представляется возможным в силу того, что именно на этом принципе построена данная технология. Соответственно, велика вероятность, что добросовестное лицо не сможет доказать свои права. Автору придется подтверждать авторство, прибегая к классическим и используемым способам, хотя при помощи Blockchain технологии как раз и планировалось постепенно от них отойти.

За последние годы было создано достаточно большое количество распределенных реестров в сфере авторских прав на основе Blockchain. Эта технология активно внедряется в музыкальную индустрию: за рубежом на Blockchain основаны многие музыкальные платформы (Bittunes, Blokug и другие). В России первым глобальным проектом в виде сети транзакций прав и объектов интеллектуальной собственностью выступает IPChain. Однако такое распространение реестров в сфере авторских прав порождает следующую проблему. Во-первых, возрастающее количество данных платформ свидетельствует о возможности практически любого лица создать свой собственный реестр. Во-вторых, все существующие системы (платформы или реестры), как правило, не связаны друг с другом. Это означает, что один и тот же объект интеллектуальных прав может содержаться в нескольких реестрах, причем не вызывает сомнений, что в качестве автора или правообладателя могут быть указаны совершенно разные лица. В итоге не исключена ситуация, когда по лицензионному договору одновременно приобретаются права использования различными лицами [3].

Подводя итог, стоит заметить, что на сегодняшнем этапе развития общества вопрос об эффективной защите авторских прав и балансе интересов между пользователями и авторами, которые хотят чувствовать себя более защищенными, стоит как нельзя остро. Предлагаемая в качестве современного решения технология Blockchain предоставляет большие возможности, однако представляется, что активное стремление внедрить Blockchain технологию в сферу охраны авторских прав обусловлено «модными тенденциями». Уже действующие на основе технологии Blockchain, такие как IPChain в России, а также многие другие за рубежом, по факту больше направлены на заключение смарт-контрактов и выплату роялти, нежели чем на решении первостепенных задач. Тем не менее, несмотря на указанные выше проблемы, потенциал технологии Blockchain высок и в недалеком будущем, возможно, она позволит по-новому взглянуть на сферу охраны авторского права.

Список использованных источников:

1. Дроздов, И.А. Стоит задуматься, что можно упростить в существующем законодательстве, если люди решают свои экономические задачи альтернативными способами / И.А. Дроздов // Закон. – 2018. – № 2. – С. 6-17.
2. Инюшкин, А.А. Правовой режим баз данных для использования блокчейн-технологий (blockchain) в гражданском обороте/ А.А. Инюшкин // Информационное право. – 2018. – № 1. – С. 45-48.
3. Новоселова, Л.А. Об активных системах учета интеллектуальных прав / Л.А. Новоселова // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2018. – № 1. – С. 268-277.
4. Савельев, А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву / А.И. Савельев // Закон. – 2017. – № 5. – С. 94-117.
5. Усольцева, С.В. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в условиях цифровой экономики (обзор законопроектной работы) / С.В. Усольцева // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет: Ежегодник. – 2018. – Вып. 1. – С. 19-25.

ПОНЯТИЕ НЕДВИЖИМОЙ ВЕЩИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

© А.В. Шевцова

Научный руководитель: Н.Ю. Рычкова

Сибирский федеральный университет

Недвижимость, составляя основу функционирования любой экономической системы, является одним из наиболее важных объектов гражданских прав. В силу этого общественные отношения, возникающие по поводу недвижимости, подверглись подробной правовой регламентации и послужили предметом нормативного закрепления. Тем не менее, многие исследователи отмечают наличие существенных недостатков в правовом регулировании данных отношений. Одним из них до сих пор остается вопрос о критериях недвижимости, руководствуясь которыми можно было бы однозначно определить, какой именно является вещь.

Определение недвижимой вещи содержится в статье 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Российский законодатель использует классический, известный еще с древних времен признак, являющийся существенным для любой недвижимой вещи (соответственно, критерий отнесения объекта к такому виду): прочная связь соответствующего объекта с землей и невозможность его перемещения без несоразмерного ущерба его назначению. При этом, ГК РФ также предусматривает возможность отнесения законом к недвижимым и иные вещи.

Относительно признаков недвижимой вещи велось немало научных дискуссий. Учеными – цивилистами предлагались новые «ориентиры», например, факт государственной регистрации или факт постановки объекта на кадастровый учет.

Стоит отметить, что и судебной практикой были выработаны новые критерии, поскольку зачастую в качестве предмета спора выступали покрытия из асфальта, бетона и иные замощения. Отнесение указанных объектов недвижимым вещам вызывало трудности не только потому, что ГК РФ прямо не отнес их к недвижимости и иными законами в качестве недвижимых такие объекты не упомянуты, но и силу их физико-технических особенностей.

С формальной точки зрения асфальтовые, бетонные покрытия (площадки, стоянки и др.) отвечают двум критериям и обладают необходимыми признаками. Казалось бы, очевидно, что такие объекты однозначно должны признаваться недвижимостью, и, как следствие, права на них должны быть государственно зарегистрированы. Однако арбитражная практика

показывает, что до недавнего времени определение правовой природы указанных выше объектов различалось, поэтому можно выделить два основных подхода.

В соответствии с первым подходом асфальтовые и бетонные покрытия являлись недвижимыми вещами. Указанная позиция была выражена в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) № 9626/08 от 16.12.2008, согласно которому бетонированная площадка признавалась объектом недвижимости [15]. Учеными такая позиция подвергалась критике, в частности, Б. Н. Гонгало и Е. Ю. Петров отмечали, что только естественные различия земельного участка и расположенного на нем искусственного покрытия не являются достаточными основаниями для разграничения указанных объектов [1].

Согласно второй позиции замощение не является недвижимой вещью. В рамках этого подхода судебная практика складывалась таким образом, что суды отказывали в признании права собственности или регистрации прав на такие вещи, хотя они и отвечали необходимым признакам недвижимости. Во многих решениях суды исследовали также самостоятельное и функциональное значение. Отмечалось, что такие объекты, как асфальтовые, бетонные покрытия (площадки и замощения), автомобильные стоянки и др., нельзя рассматривать в качестве самостоятельных вещей, а, следовательно, – объектов недвижимости, – поскольку они являются составными частями земельного участка и несут вспомогательную функцию.

В решениях судов, придерживающихся второго подхода, подчеркивается смысл норм гражданского права: объекты, тесно связанные с землей, должны обладать полезными свойствами, которые могут быть использованы независимо от земельного участка, на котором он находится. Применительно к асфальтовым и бетонным покрытиям, отмечается, что укладка на части земельного участка определенного покрытия или его благоустройство представляют собой улучшения полезных свойств этого земельного участка. В результате данных работ не создается новый объект недвижимости, и по сути покрытия имеют вспомогательное по отношению к недвижимой вещи значение. Как следствие, оно не должно препятствовать использованию такого земельного участка для иных целей [17].

Ключевую роль в решении проблемы сыграл Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ; Верховный Суд) Постановлением Пленума от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление) [2]. ВС РФ не согласился с позицией Президиума ВАС РФ, тем самым

разделив противоположную точку зрения. Так, согласно абз. 5 п. 38 Постановления замощение земельного участка, не отвечающее признакам сооружения, является его частью и не может быть признано самостоятельной недвижимой вещью (пункт 1 статьи 133 ГК РФ). Иными словами, в п. 38 Постановления нашел выражение второй подход.

Последствием разъяснений ВС РФ стало единообразие судебной практики относительно замощений (асфальтовых и бетонных покрытий). Не признаются в качестве объектов недвижимости асфальтобетонные площадки [18], асфальтовые стоянки для транспорта [12; 4], обустроенные тротуарным покрытием из бетонной брусчатки площадки [13], полигоны [5], спортивные площадки [8], а также иные различные асфальтовые покрытия [11; 6; 7].

Верховный Суд также разъяснил, с какого момента вещь, а именно – строящийся объект, – является недвижимой. Так, все в том же Постановлении содержится положение, устанавливающее, что при разрешении вопроса о признании правомерно строящегося объекта недвижимой вещью (объектом незавершенного строительства) необходимо установить, что на нем, по крайней мере, полностью завершены работы по сооружению фундамента или аналогичные им работы (пункт 1 статьи 130 ГК РФ). Стоит заметить, что наличие фундамента (полностью завершенных фундаментных работ) как критерий отнесения объекта к недвижимой вещи отмечался еще ВАС РФ п.24 в Постановлении Пленума от 17.11.2011 г. №73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» [20].

Так, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации признала отсутствующим право собственности на объект незавершенного строительства (благоустроенную площадку), степень готовности которого составляла 1,18% [9]. Арбитражный суд Волго-Вятского округа отказал в признании права собственности на объект незавершенного строительства (многоквартирного жилого здания со встроенными помещениями), с 5-ти процентной степенью готовности, поскольку спорный объект состоит из бетонных блоков, не имеющих жесткой связи с землей и между собой, в связи с чем не обладает признаками недвижимого имущества [10]. В п.3 Обзора судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета, утвержденном Президиумом ВС РФ 30 ноября 2016 г. (далее – Обзор) приведен пример, когда суды отказали предпринимателю в удовлетворении заявления об оспаривании отказа в кадастровом учете объекта незавершенного строительства. При этом, последний представлял собой три железобетонные сваи, вбитые в землю. В качестве обоснования

указывалось, что спорный объект не являлся созданным объектом незавершенного строительства в смысле ст. 130 ГК РФ, поскольку выполненные работы не свидетельствовали о сооружении фундамента строящегося объекта недвижимости. Таким образом, в п. 3 Обзора устанавливается, что на кадастровый учет объект незавершенного строительства может быть поставлен лишь тогда, когда степень выполненных работ по созданию этого объекта позволяет его идентифицировать в качестве самостоятельного объекта недвижимой вещи [3]. В другом деле Арбитражный суд Центрального округа признал не завершенное строительством нежилое здание недвижимой вещью, поскольку на земельном участке расположен фундамент здания, представляющий собой подземную часть сооружения, состоящую из несущих монолитных железобетонных конструкций [14].

Тем не менее, поскольку разъяснение ВС РФ носит общий характер, при рассмотрении споров суды выносят решения исходя из каждого конкретного случая, оценив при этом все фактические обстоятельства дела. Так, арбитражные суды, рассматривая аналогичные друг другу дела, не признали временные сооружения (павильоны), установленные на ленточном фундаменте, недвижимостью. Третий арбитражный апелляционный суд отметил, что наличие мелкозаглубленного фундамента не является достаточным основанием для отнесения сооружения к объектам недвижимости, так как неразборное основание объекта (фундамент) не всегда определяет физические свойства установленного на нем объекта [16]. Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд подчеркнул, что вопрос том, является ли конкретное имущество недвижимым, должен разрешаться с учетом назначения этого имущества и обстоятельств, связанных с его созданием. Суд отметил как отсутствие иных, помимо ленточного фундамента, элементов объектов недвижимости (в т.ч. несущих стен); так и отсутствие связи конструкции объекта с фундаментом и с земельным участком [19].

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что Верховный Суд РФ положил конец дискуссии относительно замощений, разъяснив, что асфальтовые, бетонные и иные покрытия в их возможных формах (стоянки, площадки и т.п.) не являются недвижимыми вещами и, соответственно, не выступают в качестве самостоятельных объектов гражданских прав. Что касается признания правомерно строящегося объекта недвижимой вещью, то для этого необходимо установление полностью завершенных фундаментных работ. При этом, исходя из самого Постановления, так и рассмотренной арбитражной практики, данное положение не распространяется на те объекты, которые вводятся как временные сооружения (в частности, павильоны). Тем не менее,

несмотря на разъяснения Верховного Суда, общего положения, определяющего момент завершения работ по сооружению фундамента, не установлено. Следовательно, определять степень его «готовности» придется в каждом конкретном случае отдельно.

Список использованных источников:

1. Гонгало, Б.Н., Петров, Е.Ю. Бетонированные площадки, асфальтовые замощения и иные подобные «объекты недвижимости». Комментарий к Постановлению Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.12.2008 № 9626/08 // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 6. – С. 77.

2. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Обзор судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.11.2016 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Определение Верховного Суда РФ от 28.09.2015 № 309-ЭС15-11370 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

5. Определение Верховного Суда РФ от 12.01.2016 № 18-КГ15-222 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

6. Определение Верховного Суда РФ от 19.12.2016 № 306-ЭС15-16793 по делу № А55-24317/2014 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

7. Определение Верховного Суда РФ от 29.12.2016 № 306-ЭС16-541 по делу № А57-13750/2015 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 7.04.2016 г. № 310-ЭС15-16638 по делу № А35-8277/2014 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.09.2015 № 303-ЭС15-5520 по делу № А51-12453/2014

[Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

10. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12.09.2016 по делу № А28-11538/2015 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

11. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского Округа от 23.09.2016 № Ф01-3733/2016 по делу № А79-11041/2015 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.12.2017 № Ф05-17638/2017 по делу № А41-74717/2016 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.11.2017 № Ф05-16522/2017 по делу № А41-6133/2017 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

14. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 19.07.2016 № Ф10-2556/2016 по делу № А35-8621/2014 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

15. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.12.2008 № 9626/08 от 16.12.2008 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

16. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 14.09.2017 по делу № А33-3822/2016 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

17. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22.06.2012 № Ф08-2485/2012 года по делу № А53-19718/2011 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

18. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 11.08.2017 № 04АП-4014/17 по делу № А10-1742/2017 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

19. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.11.2017 № 16АП-4241/2017 по делу № А63-9586/2016 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

20. Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды : Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.01.2013 № 13

[Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

К ВОПРОСУ О ДОКТРИНАЛЬНОМ И ЛЕГАЛЬНОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ КАТЕГОРИИ «ИНВАЛИДНОСТЬ»

© И.А. Шучева

Научный руководитель: Н.Р. Борисова

Нижекамский филиал

Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова

В Стандартных правилах обеспечения равных возможностей для инвалидов, которые были приняты Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных наций в 1993 году отмечалось, что «...во всех странах мира и в любой группе общества имеются инвалиды. Их число в мире значительно, и оно продолжает расти» [5]. При этом причины и следствия инвалидности могут быть различны, неизменным остается одно: государства должны принимать меры по обеспечению благосостояния своих граждан, в том числе и такой категории как инвалиды, обеспечивая им достойную жизнь и гарантируя необходимую социальную поддержку. Данное положение обуславливает необходимость определения правового статуса инвалидов как особой категории лиц. При этом начать следует с доктринального и легального определения самой категории «инвалидность».

Доктринальное определение инвалидности ранее пытались сформулировать представители различных научных направлений. Однако все они сталкивались с проблемой того, что исследуемая категория «...неоднозначна в своей трактовке и исторически ее содержание неоднократно менялось» [1].

Первыми попытку ввести доктринальную дефиницию категории «инвалидность» предприняли ученые-медики. При этом они делали в научном дискуссе акцент на известные ранее категории «здоровье», «нарушение здоровья» и т.п., что неминуемо влекло за собой медикализацию исследуемой дефиниции [6]. Например, в XVI веке к категории «инвалид» было принято относить людей с анатомическими дефектами, спустя некоторое время этот признак был дополнен нарушением психики.

Специалисты в социальной сфере, определяя категорию «инвалидность», делали акцент на стойкой потере трудоспособности. Так, в Соединенных Штатах Америки в 1976 году, организация «Союз людей с физическими дефектами против изоляции» предложила следующую дефиницию:

«Инвалидность – это препятствие или ограничение активности, вызванное современным социальным устройством» [4].

Обращали внимание на доктринальное определение исследуемой категории и представители других научных направлений. Так, П.В. Романов и Е.Р. Ярская-Смирнова утверждали, что «инвалидность» – это философская категория. Они считают, что «...смыслы болезни как инвалидности, формируются в сознании людей доступными им культурными способами определения инаковости» [6].

Таким образом, на сегодняшний день ни отечественная, ни зарубежная наука не выработали единой доктринальной дефиниции категории «инвалидность». Однако данная категория активно представлена в различных международных нормативных актах.

Так, во Всемирной программе действий в отношении инвалидов принятой в 1982 году, под инвалидностью понимается «...любое ограничение или отсутствие способности осуществлять ту или иную деятельность, таким образом, или в таких рамках, которые считаются нормальными для человека» [2]. Позднее в Конвенции о правах инвалидов 2006 года инвалидность рассматривалась как взаимодействие, «...которое происходит между людьми, имеющими нарушение здоровья, и средовыми барьерами. Она мешает полному и эффективному участию человека в жизни общества наравне с другими» [3].

В Стандартных правилах обеспечения равных возможностей для инвалидов 1993 года содержатся легальные дефиниции категорий «инвалидность» и «нетрудоспособность», которые наглядно демонстрируют изменения, наметившиеся в обществе по отношению к инвалидам. При этом дефиниция «нетрудоспособность» трактуется как утрата или ограничение возможностей участия человека в общественной жизни наравне с другими, тем самым подчеркиваются недостатки окружения и многих аспектов деятельности общества, в частности, например, в области информации, связи и образования, которые ограничивают возможности инвалидов участвовать в жизни общества наравне с другими.

В тоже время категорию «инвалидность» можно рассматривать, по сути, как различные функциональные ограничения, которые возникли вследствие физических, умственных или сенсорных дефектов, состояния здоровья или разного рода психических заболеваний. При том, такие дефекты, состояния или заболевания по своему характеру могут быть постоянными или временными.

Таким образом, закрепленная в международных нормативных правовых актах легальная дефиниция категории «инвалидность» позволяет нам судить

о том, что осуществлен переход к новому пониманию содержания исследуемой категории на международном уровне. Терминология, используемая в настоящее время, признает необходимость рассмотрения как индивидуальных потребностей (реабилитация, предоставление технических средств и т.д.), так и недостатков, характерных для общества (различные препятствия для участия в жизни общества). Инвалидность не должна являться девиацией, а инвалиды должны быть равноправными членами общества.

Современное отечественное законодательство не содержит легальную дефиницию категории «инвалидность». Исходя из того, что в России ратифицирована Конвенция о правах инвалидов и ряд других международных актов, в которых содержится данная дефиниция, считаем целесообразным дополнить ст. 1 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (74 далее – ФЗ № 181) [7] исследуемой категории.

Предлагаем в ст. 1 ФЗ № 181 включить легальное дефиницию категории «инвалидность», изложив ее следующим образом: «Инвалидность – любое ограничение или отсутствие способности осуществлять ту или иную деятельность, таким образом или в таких рамках, которые считаются нормальными для человека с нарушениями здоровья, со стойкими расстройствами функций организма, обусловленными заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящие к ограничению жизнедеятельности и вызывающие необходимость его социальной защиты».

Список использованных источников:

1. Бабенко, Е.Ю. Научные подходы к изучению социальных аспектов инвалидности / Е.Ю. Бабенко // Известия высших учебных заведений. – 2013. – № 3.
2. Всемирная программа действий в отношении инвалидов (принята Резолюцией 37/52 Генеральной Ассамблеи ООН 03.12.1982 г.) // Всемирная программа действий в отношении инвалидов. – Нью-Йорк: ООН, 1983. – С. 1-61.
3. Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13.12.2006 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml.
4. Коростелева, Н.А. Социальная модель инвалидности как основа формирования толерантного отношения к инвалидам / Н.А. Коростелева // Вестник ЧГПУ. – 2012. – № 8. – С. 87.
5. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов (приняты Генеральной Ассамблеей ООН 20.12.1993 г.) [Электронный

ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Торполова, Л.А. Генеалогия понятия инвалидности / Л.А. Торполова // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 3. – С. 94-95.

7. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (с изм. от 29.07.2018 г.) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – ст. 4563; 2018. – № 31. – ст. 4861.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

ПРИНЦИП ДИСПОЗИТИВНОСТИ И ТЕОРИЯ ИСКА

© В.О. Асеева

Научный руководитель: Т.В. Сахнова

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Диспозитивность в праве, как представляется, находит реальное проявление не только в методах правового регулирования, но и в соответствующих нормах права; указанное свойство права объективно предполагает относительную самостоятельность субъектов правореализации. Не всякая процессуальная норма диспозитивна, а закон предусматривает случаи, когда органы государственной власти, местного самоуправления, организации или граждане вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. При этом заявление в защиту законных интересов недееспособного или несовершеннолетнего гражданина подается независимо от просьбы заинтересованного лица или его законного представителя (ст. 46 ГПК РФ).

Если для некоторых принципов гражданского процесса Устав гражданского судопроизводства 1864 г. стал революционным актом, то относительно принципа диспозитивности, все не так однозначно – базис, устанавливающий содержание принципа диспозитивности, сформировался задолго до его принятия. Например, в Древней Руси, руководствуясь нормами «Русской Правды», судебное производство называлось «тяжебным» и, если не было «поличного», начиналось с «поклепа», т.е. с жалобы, иска со стороны истца, на котором лежало и бремя доказывания своего иска [9, с. 43].

Судебник 1497 г. определяет два вида процесса: состязательный или обвинительный («суд») и розыскной или инквизиционный («розыск»). По состязательному процессу дело назначалось к слушанию по челобитной истца, а «розыск» мог начаться по инициативе судебного органа или по доносу (ответственность за его дальнейшее проведение целиком ложилась на государственный орган) [8, с. 46]. Эти виды процесса сохранились и в Соборном Уложении 1649 г. Значительные концептуальные изменения принес Указ Петра I от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску».

Опираясь на буквальную трактовку норм, гражданские дела (в современном понимании) должны были рассматриваться аналогично уголовным –

«Вместо судов и очных ставок по челобитью любого человека в обидах организовывать розыск в брани и в бесчестье или в бою и в увече и во всяких обидах» [2, с. 150]. Позиция Петра I в Указе препятствует возможности давать сторонам ложные показания и руководствоваться собственной мотивацией, по вразумлению императора зачастую недостоверной: «прекратить потому, что от истцов и ответчиков бывает много неправды и клеветы, многие истцы пишут иски напрасно, также и ответчики в прямых исках отвечают неправдиво и вымыслами, забыв страх Божий» [2, с. 153]. Гражданские дела могли начинаться с инициативы государственных органов, суд занимал активную процессуальную позицию, в том числе и при определении предмета и основания требования и т.д. В последующих нормативных правовых актах времен Петра I – «Кратких изображениях процессов или судебных тяжб» (1715 г.), Указе «О форме суда» (1723 г.) – предпринимаются попытки совместить усилившуюся процессуальную активность суда с традиционным состязательным процессом по гражданским делам. В частности, предусматривался частный способ возбуждения дела – по челобитной, требования формулировались челобитчиком, на которые другая сторона давала ответ, сохранилось состязание между челобитчиком и ответчиком и т.п. [2, с. 155]. Однако основополагающие тенденции уже изменили парадигму диспозитивности в гражданском процессе. Изменением этого порядка стали реформы Александра II. Устав гражданского судопроизводства помог вернуть русский гражданский процесс в парадигму *action-ius*, тем самым доказав невозможность кардинально изменить сложившееся поколениями социальное явление с благоприятным исходом.

Но есть в указанной Петром мотивации реальный дуализм идеи диспозитивности – нельзя полагать наверняка, насколько сторона в процессе была честной и боролась за установление справедливости.

Злоупотребление диспозитивными началами было знакомо еще римскому процессу, однако препятствием этому являлся сам порядок цивилистического процесса, где все возражения составляют в опровержение утверждения истца. Ответчику и суду для установления справедливости в вопросах гражданского права не требовались инквизиционные нормы и дополнительные ограничители диспозитивности истца. Если ответчик укажет, что истец делает что-либо со злым умыслом, требуя, например, денег, которых не давал, то возражение формулируется по схеме: «если же в этом деле ничего не сделано со злым умыслом со стороны АвлаАгерия и не делается» [6, с. 140]. Аналогично, если утверждается, что деньги требуются вопреки соглашению, эксцепция формулируется: «Если между АвломАгерием и НумериемНегидием не состоялось частного соглашения, не требовать возврата этих денег» [6, с.

140]. То есть, во всех прочих исках возражение составляется, в основном, подобным образом, поскольку любая эксцепция – это ссылка на фактические обстоятельства или правовую норму, исключающую возможность удовлетворения иска. Г.Дернбург в своем исследовании Пандектов выделил три способа защиты своего права для ответчика: ответчик отрицает факты, изложенные истцом; приводит иные факты, на основании которых право, заявленное истцом, не могло возникнуть или должно прекратиться; ответчик противопоставляет заявленному праву истца, не отрицая таковое, основания, парализующие осуществление прав истца навсегда, либо на время заявления иска [3, с. 316]. Таким образом, стороны без вмешательства суда формируют «сценарий» грядущего и начатого процесса – иском и возражением, либо опровержением (встречным иском), еще до стадии доказывания. Это представляется нам конкуренцией диспозитивности в процессе, развитием частноправовых начал (аналогичную идею в своих трудах О.А. Красавчиков назвал «диспозитивное ограничение диспозитивности» [6, с. 69], когда осуществление диспозитивности одним участником процесса ставится в зависимость от усмотрения другого, равного ему в своем правовом положении).

Само положение сторон относительно друг друга в процессе объясняют диспозитивностью и свободой взаимного положения субъектов спорного гражданского правоотношения, ставшего предметом гражданского процесса. «Это традиционный постулат, сложившийся под влиянием немецкой материально-правовой теории иска второй половины XIX в., объяснявшей природу процесса через осуществление материального права» [8, с. 170] – комментирует Т.В. Сахнова. С точки зрения ряда ученых-процессуалистов (А. Х. Гольмстен, В. М. Семенов, Н. И. Авдеенко, Н. Б. Зейдер, М. А. Викут), для понимания сущности иска в гражданском процессе следует отойти от понимания иска в материально-правовом смысле. Требование истца к суду ведет к возбуждению судебной деятельности независимо от обоснованности требований истца к ответчику, и, если последние окажутся необоснованными – процесс все равно состоится на основе законного и реального иска (например, п.2 ст. 41 ГПК РФ, когда известно о *ненадлежащем* ответчике). Даже при отказе истца от иска согласно ст. 39 ГПК РФ, процессуальная исковая форма выполняет свое назначение, хотя истец фактически не имеет правовых притязаний к ответчику.

По оценке В.В. Яркова, новая философия частноправового регулирования определяет необходимость построения системы судебного процесса на началах диспозитивности и состязательности, отказа от активного участия суда в процессе доказывания, трансформации принципа процессуальной активности

суда в принцип судейского руководства [7, с. 10-11]. Однако расширение диспозитивного начала в гражданском судопроизводстве не может быть абсолютным, тем самым уничтожая публично-правовые начала в процессе. М.А. Вилкут настаивает, что расширение диспозитивного начала в гражданском судопроизводстве может привести к осложнению, когда судебная власть окажется декларацией, утратив реальную власть [3, с. 35]. Таким образом, одна из актуальных задач цивилистов – поиск оптимального соотношения частных и публичных начал в гражданском процессе. Диспозитивные нормы в методах достижения справедливости выступают для сторон стимулом максимально полно изложить иски, обосновать свою позицию и свое право суду, не ответчику. Вероятно, для стороны при определенном положении дела станет привлекательнее безвозвратно отказаться от исковых требований (ст. 39 ГПК РФ); нередки случаи, когда ответчик сразу признает иски, либо относится к данному делу крайне незаинтересованно – о какой конкуренции диспозитивностей и интересов тогда может быть речь?

На наш взгляд, хоть материально-правовая теория понятия иска и импонирует общему пониманию «справедливости», с точки зрения процессуальной справедливости более объективной является процессуально-правовая теория. Она охватывает любое обращение в суд за защитой своих прав, свобод и законных интересов.

Список использованных источников:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. №138-ФЗ // СЗ РФ. -2002. – №46. (с послед. изм).
2. Великая реформа. К 150-летию судебных уставов / под ред. Е.А. Борисовой, – М.: Юстицинформ – 2014.
3. Вилкут М.А. Взаимодействие публичного и частного права в гражданских процессуальных правоотношениях // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В.В. Яркова, Г.А. Жилина, И.М. Зайцева. Екатеринбург, 1998.
4. Дертбург Г. Пандекты. Общая часть // М.: Унив. тип., 1906.
5. Красавчиков О.А. Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании // Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. М., 2005.
6. Памятники римского права. Законы XII таблиц, Институции Гая, Digestы Юстиниана. – М.: Зерцало, 1997.

7. Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и процесс в современной России. – М., 1999.
8. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса – 2-е изд. – М.: Статут, 2014.
9. Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. – Юрьев, 1912.

ОТКАЗ ОТ НАСЛЕДСТВА В НОТАРИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

© П.В. Васильева

Научный руководитель: Е.Б. Тарбагаева

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

По своей правовой природе отказ от наследства представляет собой одностороннюю сделку, которая характеризуется признаками окончательности, безусловности и универсальности (п. 3 ст. 1157, п. 2 ст. 1158, п. 3 ст. 1158 Гражданского Кодекса Российской Федерации) [1].

В соответствии с п. 1 ст. 1159 ГК РФ отказ от наследства совершается подачей по месту открытия наследства нотариусу заявления наследника об отказе от наследства.

В нотариальном производстве по наследственным делам различается порядок принятия заявления об отказе от наследства и его квалификации при выдаче свидетельства о праве на наследство.

Принимая заявление об отказе от наследства, нотариус устанавливает личность обратившегося лица. При подаче заявления через представителя нотариусом проверяются соответствующие полномочия данного лица. В случае направления заявления по почте или через третье лицо, подлинность подписи лица должна быть нотариально засвидетельствована.

Определенную сложность в нотариальной практике имеет проверка дееспособности лица, т.к. нотариус ограничен в своих возможностях. Неспособность лица осознавать значение своих действий и руководить ими является распространенным основанием признания отказа от наследства недействительным [13].

Согласно ст. 54 Основ законодательства РФ о нотариате, нотариус обязан разъяснить сторонам смысл и значение представленного ими проекта сделки и проверить соответствует ли его содержание действительным намерениям сторон и не противоречит ли требованиям закона [2]. В частности, разъяснить

наследнику, желающему отказаться от наследства, требование об универсальности, необратимости и безусловности отказа.

Заявленный отказ от наследства, каким бы ни было его содержание, не может быть впоследствии ни изменен, ни отозван обратно. При этом, как односторонняя сделка отказ от наследства может быть признан недействительным в судебном порядке, по специальным, а также по общим основаниям, влекущим недействительность сделок [8].

В большинстве случаев, предъявляя иски о признании отказа от наследства недействительными, истцы ссылаются на то, что они совершили данный отказ под влиянием заблуждения. К примеру, истец просил признать отказ от наследства недействительным как совершенный под влиянием заблуждения относительно природы сделки. При этом нотариус указал, что при совершении сделки были разъяснены ее природа, характер и правовые последствия. Смысл и значение отказа от наследства истцу были понятны, в подтверждении чего им было подписано заявление об отказе от наследства. Суд отказал в удовлетворении иска [10].

В другом судебном решении не было установлено заблуждения относительно природы отказа от наследства, т.к. истцу нотариусом были разъяснены условия и правовые последствия совершаемой сделки [12].

В другом определении суда указано, что доводы истицы о том, что она страдает хроническими заболеваниями, плохо видит, слышит, на момент отказа плохо себя чувствовала и, находясь в подавленном моральном состоянии, по мнению суда, не могут быть расценены как заблуждения, дававшие основание признать ее отказ от наследства недействительным [6]. Существуют и положительные решения суда. К примеру, суд признал отказа от наследства недействительным как совершенный под влиянием заблуждения, поскольку в преклонном возрасте истец лишилась жилья, отказавшись от наследства [5].

Не является существенным заблуждение наследника в пользу кого он отказывается, когда совершает ненаправленный отказ от наследства [9].

Распространены иски о признании отказа недействительным как совершенного под влиянием обмана. Например, истец ссылался на то, что написал отказ под влиянием обмана со стороны ответчика, пообещавшего впоследствии разделить наследство поровну. Отказывая в удовлетворении заявленного требования, суд исходил из того, что заявление истца об отказе от наследства было удостоверено нотариусом и отказ не противоречил закону [3]. В другом деле истец обратился в суд с аналогичным иском. Ответчица пообещала истцу выплатить компенсацию стоимости части, принадлежащей истцу в порядке наследования. Данная договоренность состоялась между сторонами до

подписания истцом заявления об отказе от наследства. Позднее, ответчик отказался от данных обещаний. Решение суда, как и в предыдущей ситуации, было не в пользу истца [11]. Также встречаются требования о признании отказа от наследства недействительными по специальным основаниям, в частности, как совершенного под условием. К примеру, истец отказался от наследства в пользу ответчика, который в этот же день оформил нотариально заверенное обязательство о выплате истцу стоимости доли в наследстве. Суд первой инстанции отказал в иске, т.к. не усмотрел в отказе от наследства каких-либо условий; обязательства перед истцом были оформлены после совершения отказа, поэтому не являются взаимообусловленными. Суд апелляционной инстанции удовлетворил требование, т.к. совместные последовательные действия, совершенные в один день у одного нотариуса, свидетельствуют о наличии между сторонами предварительной договоренности. Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ поддержала решение суда апелляционной инстанции [7].

В другом судебном решении было отказано в удовлетворении требования, т.к. суд установил, что нотариус разъяснил истцу недопустимость совершения отказа от наследства под условием. Однако в исковом заявлении истец просил признать отказ от наследства недействительным как совершенный под условием впоследствии получить обговоренное имущество от ответчика [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что отказ от наследства носит бесповоротный и необратимый характер, после регистрации нотариусом заявления об отказе, лицо утрачивает наследственные права. Однако часто в российской судебной практике, граждане обращаются в суд с требованием признать отказ от наследства недействительным как по общим, так и специальным основаниям недействительности. При этом совершаемый в нотариальном порядке отказ сложно оспорить, если со стороны нотариуса были выполнены требуемые законом действия; соблюдены требования к форме и содержанию заявления.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : ФЗ от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – ст. 4552 (с послед. изм.).
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Российская газета. – 1993. – № 49 (с послед. изм.).
3. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 16 октября 2013 г. по делу № 33-8356/2013.

4. Апелляционное определение Вологодского областного суда от 20 апреля 2012 г. № 33-1469/2012.
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 30 октября 2015 г. по делу № 33-40609/2015.
6. Определение Верховного суда Республики Карелия от 25 мая 2012 г. по делу № 33-1466/2012.
7. Определение Верховного Суда РФ от 31 января 2017 г. № 41-КГ16-42.
8. О судебной практике по делам о наследовании: Пост. Пленума ВС РФ от 29 мая 2012 г. № 9 // Российская газета. – 1993. – № 127.
9. Решение Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 16 сентября 2015 г. по делу № 2-№/2015.
10. Решении Зюзинского районного суда г. Москвы от 7 декабря 2016 г.
11. Решение Измайловского районного суда г. Москвы от 07 июня 2011 г.
12. Решение Приволжского районного суда от 2 февраля 2017 г. № 2-63/2017
13. Решение Центрального районного суда г. Тулы от 12 апреля 2012 г.

ДОСУДЕБНЫЙ ПОРЯДОК ОСПАРИВАНИЯ КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ НЕДВИЖИМОСТИ

© К.А. Гарголь

Научный руководитель: В.Н. Козлова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Существующие результаты кадастровой оценки позволяют выявить факты завышения или занижения стоимости некоторых видов объектов недвижимости, что свидетельствует о несовершенстве методик определения кадастровой стоимости, на основании чего появился новый вид административных дел – оспаривание результатов кадастровой оценки. Кадастровая стоимость по сути своей не тождественна рыночной стоимости объектов недвижимости. По мнению В.В. Григорьева и А. Пенчука, кадастровая стоимость должна быть ниже рыночной стоимости, поскольку при ее определении, в отличие от рыночной, не применяется принцип наилучшего и наиболее эффективного использования объекта недвижимости [1].

Оспариванию кадастровой стоимости объектов недвижимости часто сопутствуют определенные трудности, которые связаны, в частности, с порядком такого оспаривания.

Как отмечает Е.Н. Кадырова, законодательство устанавливает всего два основания для оспаривания кадастровой стоимости: во-первых, это недостоверность сведений об объекте недвижимости, которые были использованы при определении его кадастровой стоимости, а, во-вторых, установление в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости на дату, по состоянию на которую была установлена его кадастровая стоимость [3].

Действующее законодательство предусматривает два порядка оспаривания кадастровой стоимости объектов недвижимости: судебный и административный (досудебный). Досудебное оспаривание кадастровой стоимости недвижимости осуществляется в комиссии, специально созданной для рассмотрения таких споров при управлении Росреестра по каждому субъекту Российской Федерации [5]. В случае, когда заявителем выступает юридическое лицо или органы государственной власти или местного самоуправления, досудебный порядок является обязательным, а судебный порядок оспаривания результатов определения кадастровой стоимости возможен только в случае отклонения комиссией заявления о пересмотре данной кадастровой стоимости или в случае, когда такое заявление не было рассмотрено комиссией в течение месяца с даты его регистрации; физические лица могут миновать досудебный порядок и обратиться сразу в суд.

Обратившееся в комиссию лицо должно составить заявление, содержащее в себе информацию о заявителе и кадастровую стоимость, которую, сравнивая со средней кадастровой стоимостью по муниципальному району, заявитель считает завышенной.

Федеральный закон от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» определяет перечень документов, которые должны быть приложены к заявлению (ч. 16 ст. 24.18) [7]. К ним относится кадастровая справка о кадастровой стоимости земельного участка [6]. Также к заявлению необходимо приложить копию правоустанавливающего или же правоудостоверяющего документа на объект недвижимого имущества. Она должна быть нотариально заверенной. Указанные документы подтверждают право заявителя на владение земельным участком.

Приложенные к заявлению документы, которые подтверждают недостоверность сведений об участке земли и которые были использованы при определении его кадастровой стоимости [8], лицо может получить у заказчика работ по расчету данной кадастровой стоимости. Таким заказчиком может выступать Министерство имущественных отношений, Управление государственного имущества в субъекте Российской Федерации, иной орган власти субъекта Российской Федерации, а также, в некоторых случаях, орган местного

самоуправления. Завершает список приложенных к запросу документов отчет об оценке рыночной стоимости земельного участка, который заявитель получает, обратившись к независимому оценщику. В отчете представлено мнение специалиста-оценщика о стоимости объекта недвижимого имущества, принадлежащего заказчику. Существует требование, что рыночная стоимость участка должна быть установлена на дату, по состоянию на которую установлена его кадастровая стоимость.

В случае если кадастровая справка и иные документы, перечисленные в Федеральном законе от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», не предоставлены, заявление не рассматривается. Написанное заявление поступает в комиссию. Срок рассмотрения заявления о пересмотре кадастровой стоимости составляет месяц с момента его поступления. Заявитель по собственному желанию имеет возможность присутствовать на заседании комиссии. На данном заседании комиссия принимает решение либо о пересмотре кадастровой стоимости, либо об отказе в таком пересмотре. При этом необходимо уведомить заявителя, а также орган местного самоуправления. Если комиссия приняла решение о пересмотре кадастровой стоимости, то она также должна уведомить территориальное управление Росрестра.

Как справедливо указывает И.И. Черканов, установление в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости на дату, по состоянию на которую была установлена его кадастровая стоимость, является более перспективным способом снижения кадастровой стоимости на недвижимость [9]. Если комиссия отклонила заявление о пересмотре кадастровой стоимости, то следующим этапом должно стать обращение в суд.

Несмотря на то, что рассмотрение в комиссии имеет ряд преимуществ перед судебным, в том числе быстрое рассмотрение спора (в течение месяца), отсутствие судебных расходов (необходимости уплачивать госпошлину), а также возможность оспорить решение комиссии, если оно не устроит заявителя, в судебном порядке, существует проблема частных необоснованных отказов комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости. Как отмечает О.В. Иванникова, эти отказы составляют преобладающую долю в общем количестве жалоб [2].

Как отмечают Т.В. Коновалова, Б.А. Хахук, А.А. Кушу и М.А. Ахметов, комиссия по рассмотрению споров не наделена такими полномочиями, чтобы рассматривать по существу предоставленные ей отчеты о рыночной стоимости на предмет их соответствия и несоответствия оценочному законодательству и федеральным стандартам оценки [4].

Преобладающее большинство членов комиссий – это люди, представляющие органы власти, но не обладающие специальными знаниями и навыками, которые необходимы для проверки отчетов об оценке. Данное обстоятельство не позволяет реализовать принцип состязательности в связи с тем, что члены комиссий не могут качественно проводить проверку отчетов об оценке, а решения принимаются, как нам представляется, в том числе исходя из необходимости наполнения бюджета.

Федеральный закон от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» и принятые на её основе регламентирующие деятельность комиссии документы исходят из принципа добросовестности и профессионализма работы оценщиков, экспертных советов их саморегулируемых организаций и членов Комиссии по рассмотрению споров. Однако члены комиссии все чаще выходят за пределы предоставленных им прав.

Таким образом, досудебный порядок урегулирования споров, связанный с оспариванием кадастровой стоимости недвижимости, требует подробной регламентации, а также изменения состава членов комиссии в сторону привлечения лиц, независимых от органов власти. Как нам представляется, имеет смысл отмены обязательности досудебного порядка, поскольку во многих случаях он не отвечает своим целям скорейшего разрешения споров и должен представлять собой добровольную альтернативу обращению в суд.

Список использованных источников:

1. Григорьев, В.В., Пенчук, А. Определение и оспаривание кадастровой стоимости недвижимости [Текст] // Журнал СЛИЯНИЯ & ПОГЛОЩЕНИЯ. – 2014. – № 6. – С. 101-106.
2. Иванникова, О.В. Актуальные проблемы и механизм оспаривания кадастровой стоимости объектов недвижимости [Текст] // Сборник студенческих работ кафедры «Финансы и банковское дело». 2019. С. 176-185.
3. Кадырова, Е.Н. Административный порядок оспаривания результатов кадастровой стоимости [Текст] // Экономика и экология территориальных образований. – 2015. – № 3. – С. 29-35.
4. Коновалова, Т.В., Хяхук, Б.А., Кушу, А.А., Ахметов, М.А. Система оспаривания результатов кадастровой стоимости объектов недвижимости в Краснодарском крае [Текст] // Экономика строительства и городского хозяйства. – 2018. – Т. 14. № 1. – С. 29-38.
5. Косов, М.Е., Ахмадеев, Р.Г. Налогообложение доходов и имущества физических лиц [Текст]: учебник. – М.: Юнити-Дана, 2014. – 359 с.

6. Малицкая, В.Б., Чиркова, М.Б., Волкова, Н.Н., Наследникова, М.А. Методические аспекты бухгалтерского учета расходов на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы (НИОКТР) по Российским и международным стандартам [Текст] // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2017. – № 1. – С. 243-252.

7. Об оценочной деятельности в Российской Федерации [Текст] : федер. закон от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ : принят Гос. Думой 16.07.1998 г. : одобрен Сов. Федерации 17.07.1998 г. : в ред. федер. закона от 03.08.2018 г. № 312-ФЗ // Рос. газ. – 1998. 6 авг. – № 148-149; 2018. 7 авг. – № 171.

8. Региональные и местные налоги [Текст]: учебное пособие для студентов вузов / В.Ф. Шаров, Р.Г. Ахмадеев, М.Е. Косов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юнити-Дана, 2015. – 227 с.

9. Черканов И.И. Сущность и пути снижения кадастровой стоимости земли [Текст] // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2017. – С. 517-520.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СРОКА ОБРАЩЕНИЯ РАБОТНИКА В СУД ЗА ЗАЩИТОЙ НАРУШЕННОГО ПРАВА

© С.А. Гришина, Т.А. Васильева
Сибирский федеральный университет

В соответствии с ч. 1 ст. 392 Трудового кодекса Российской Федерации работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а по спорам об увольнении – в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки. Однако существует некоторые проблемы с определением правовой природы данного срока. На сегодняшний день по данному вопросу не сложилось однозначной позиции.

Существует мнение, что данные сроки относятся к процессуальным срокам [6]. Е. В. Грин отмечает, что законодатель намеренно разделяет понятия «срок исковой давности» и «срок обращения в суд». Автор полагает, что срок обращения в суд имеет процессуальную природу и применяется независимо от волеизъявления ответчика. Кроме того, само по себе обращение в суд сводится к действиям по подаче заявления, то есть по своей сущности является процессуальным действием. Следовательно, и срок, установленный законом для совершения такого действия, является процессуальным. Относя срок

обращения в суд, предусмотренный трудовым законодательством, к процессуальным срокам, необходимо учитывать, что процессуальным срокам присущи некоторые особенности. В частности, критерием отнесения того или иного срока к числу процессуальных сроков является совершения определенных процессуальных действий в течение установленного срока [4]. Таким образом, ключевым в этой характеристике является то, что не допускается совершение процессуальных действий за рамками процессуального срока.

Критикуя отнесения срока обращения в суд к числу процессуальных сроков, отмечается, что если бы такой срок был процессуальным, то по истечении указанного срока лицо утрачивало бы право на иск в процессуальном смысле [10]. Такой подход представляется недопустимым, поскольку в данном случае нарушается право лица на судебную защиту. Право на судебную защиту не сводится к праву на обращение в суд. Само по себе право на судебную защиту включает в себя не только обращение в суд, но и получение защиты. Причем даже в случае отказа в удовлетворении исковых требований, судебная защита в любом случае состоялась. В свою очередь, право на обращение в суд включает в себя действия по предъявлению иска, являющиеся процессуальными действиями. Таким образом, если сводить право на обращение в суд, установленное трудовым законодательством, к действиям по подаче искового заявления в суд, то при истечении данного срока, лицо фактически лишается права на судебную защиту нарушенного права.

При этом не все сроки обращения в суд исключаются из числа процессуальных сроков. С точки зрения деления сроков обращения в суд на процессуальные и непроцессуальные, срок обращения в суд, установленный трудовым законодательством, относится к непроцессуальным срокам [8]. Согласно данной классификации к процессуальным срокам обращения в суд относят сроки для обжалования решений органа государственной власти, сроки для обжалования решения суда, срок для обращения в суд с заявлением о признании ненормативного правового акта недействительным. Важным является то, что эти сроки устанавливаются процессуальным законодательством. Такой подход представляется неверным, поскольку невозможно отнести срок для обжалования решений органа государственной власти к числу процессуальных сроков, ввиду иной правовой природы данного срока. Классифицируя сроки, необходимо учитывать правовые последствия, наступающие в случае истечения сроков. В частности, пропуск установленного срока обращения в суд не является основанием для отказа в принятии административного искового заявления к производству суда (ч.5 ст. 219 КАС РФ). В случае истечения установленного законом срока обращения в суд заявителю будет отказано в

удовлетворении заявленных требований. Таким образом, суд выносит решение по существу, даже если срок обращения в суд истек, в связи с чем невозможно говорить о процессуальной природе такого срока.

Некоторые материалисты относят сроки обращения в суд к материально-правовым, полагая, что данные сроки являются по своей сущности юридическими фактами в материальном праве [7]. Следуя данной позиции, представляется невозможным отказывать в принятии иска, руководствуясь нормами процессуального законодательства. Кроме того, законодатель неслучайно устанавливает данный срок в нормах материального права, тем самым, подчеркивая его материально-правовую природу.

В настоящее время все больше ученых склоняется к мнению, что срок обращения работника в суд является сроком исковой давности [5]. Сторонники данной позиции определяют срок обращения в суд как срок, в течение которого лицо может обратиться в суд за защитой нарушенного права [9]. Исходя из данного определения, действительно, можно проследить сходство со сроком исковой давности. Срок исковой давности предлагается понимать не только как срок, в течение которого лицо, право которого нарушено, может обратиться в суд за защитой, но и как срок, в течение которого суд обязан предоставить лицу защиту [8]. По истечении срока исковой давности, лицо не утрачивает право обращения в суд за защитой. Как отмечает Верховный Суд РФ, суд не вправе отказать лицу в принятии искового заявления по причине истечения срока обращения в суд [1]. Данное положение подтверждает сходство срока обращения в суд со сроком исковой давности.

Поскольку вопрос о правовой природе срока обращения в суд на сегодняшний день остается дискуссионным, на практике возникает множество споров, связанных с применением данного срока. Согласно ч. 3 ст. 392 ТК РФ в случае пропуска срока обращения в суд по уважительной причине, срок может быть восстановлен судом. Признано, что к уважительным причинам относятся болезнь работника, действие непреодолимой силы, уход за тяжелобольным членом семьи и другие обстоятельства. Но поскольку перечень остается открытым, нередко возникают споры. В частности, Верховный Суд РФ пришел к выводу, что ошибка истца в определении подсудности не может служить уважительным основанием для пропуска срока обращения в суд [2]. Необходимо понимать, что срок обращения в суд предназначен для реализации права на судебную защиту (в материально-правовом смысле) лица в установленный законом срок.

Существование такого института как восстановление пропущенного срока свидетельствует о сходстве срока обращения в суд и срока исковой

давности, поскольку в случае наличия уважительных причин, срок может быть восстановлен.

Необходимо учитывать, что последствия пропуска срока исковой давности не могут быть применены к лицу по инициативе суда. Несмотря на то, что законодатель прямо не запрещает судам применять последствия пропуска срока обращения в суд по своей инициативе, судебная практика на сегодняшний день складывается иначе. В частности, суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых требований по причине пропуска срока обращения в суд, несмотря на то, что ответчик не заявлял о пропуске указанного срока. Апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции и направил дело на новое рассмотрение, мотивируя это тем, что если ответчик не сделал заявление о пропуске срока обращения в суд, то у суда первой инстанции не имелось оснований для отказа в удовлетворении иска по причине пропуска срока без рассмотрения дела по существу [3]. Следовательно, в случае пропуска данного срока суд не отказывает в принятии искового заявления, а рассматривает дело по существу. В ходе рассмотрения дела по существу ответчик может заявить о пропуске установленного законом срока, в таком случае ответчик использует такой способ защиты от иска, как возражение по материально-правовому основанию. Данная позиция позволяет лицу, право которого нарушено, обратиться в суд за защитой даже в случае пропуска установленного законом срока. Можно сделать вывод о том, что в случае истечения срока обращения в суд субъективное право лица не перестает существовать. Установленный законом срок обращения в суд не является сроком существования права лица, а также сроком для обращения за его защитой, то есть сроком по реализации соответствующего процессуального действия.

Учитывая сложившиеся подходы к определению правовой природы срока обращения за защитой, можно отметить, что на сегодняшний день законодатель не предлагает однозначного понимания природы данного срока. В целом, преобладает позиция, согласно которой срок обращения в суд не может быть процессуальным сроком. Данный срок установлен материальным законом, его пропуск не влечет за собой невозможность обращения в суд, в связи с чем законодатель подчеркивает материально-правовую природу данного срока. Исходя из назначения срока обращения в суд, можно сделать вывод о том, что он обладает определенными особенностями, в частности, при обращении в суд с соответствующим иском лицо реализует свое право на судебную защиту. Таким образом, название данного срока не в полной мере отражает его сущность: данный срок не является сроком реализации соответствующего процессуального действия в виде предъявления иска.

Список использованных источников:

1. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 4.

2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.07.2016 № 19-КГ16-14 [Электронный ресурс] // СПС «Судакт». – Режим доступа: <http://sudact.ru/>

3. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.04.2016 № 33-12833/2016 [Электронный ресурс] // СПС «Судакт». – Режим доступа: <http://sudact.ru/>

4. Алешкин, А. А. Применение исковой давности как способ сокращения рассмотрения дела / А. А. Алешкин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 35. – С. 30 (28-33).

5. Буянова, М. О. Трудовые споры : учебно-практическое пособие / М. О. Буянова. – Москва : Проспект, 2010. – 293 с.

6. Грин, Е.В. К вопросу о различии понятий «сроки обращения в суд» по трудовым делам и «сроки исковой давности» / Е. В. Кузьмин // Российская юстиция. – 2009. – № 3. – С. 23-25.

7. Гресь, Л. А. К вопросу о сроках в материальном и процессуальном праве / Л. А. Гресь // Юрист. – 2005. – №10. – С. 35-38.

8. Ильичев, П. А. О соотношении сроков исковой давности и сроков обращения в суд / П. А. Ильичев // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – № 4. – С. 141-148.

9. Князева, Н. А. Сроки обращения за защитой трудовых прав работников: юридическая природа, продолжительность и порядок применения / Н. А. Князева // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 4. – С. 451-457.

10. Мотина, Е. В. Некоторые проблемы применения сроков обращения за разрешением трудовых споров на стадии предварительного судебного заседания / Е. В. Мотина // Современное состояние законодательства и науки трудового права и права социального обеспечения: материалы 6-й Международной научно-практической конференции / под ред. К.Н. Гусова. – Москва: Проспект, 2010.

ДЕЙСТВИЕ ДОКТРИНЫ ЭСТОППЕЛЬ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

© А.И. Евстафьев

Научный руководитель: М.Я. Любченко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Доктрина эстоппель является спорным и неоднозначным вопросом в гражданском процессуальном праве. Это объясняется тем, что она все чаще и чаще используется в судебных актах, в том числе высших судов, в условиях отсутствия легального закрепления в источниках российского процессуального права.

Впервые данная доктрина была обоснована в 1833 г. лордом Денхамом в деле «Pickard v. Seals»: «Когда из-за умышленных действий одного лица у другого лица сложилось впечатление об определенном положении дел и оно, действуя на основе этого впечатления, изменило свою предыдущую позицию, то, первое лицо лишается права доказывать, что на тот момент существовало другое положение дел» [3]. Такой подход, в целом, не утратил своего значения и разделяется в современной доктрине процессуального права [2].

Полагаем, что первостепенным является выявление правового основания для его применения судами РФ, а для этого, прежде всего, необходимо разграничить такие категории как злоупотребление процессуальным правом и недобросовестное поведение лиц, участвующих в деле.

Взаимосвязанное толкование абз. 1 и 2 в ч. 2 статьи 41 АПК РФ приводит к выводу, что любое недобросовестное поведение есть злоупотребление правом, т.е. указанные категории тождественны [4].

На наш взгляд, имеются основания оспорить такой подход.

Злоупотреблением процессуальными правами является получение лицом, участвующим в деле, процессуальных выгод, а его последствием – причинение процессуального вреда лицам, участвующим в деле, и/или воспрепятствование деятельности суда по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению судебного дела [1]. Последствия злоупотребления раскрываются в ст. 111 АПК и выражаются в возложении судебных расходов на злоупотребляющую сторону [4].

В отличие от этого при оценке действий сторон как добросовестных или недобросовестных, по нашему мнению, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в

получении необходимой информации. Таким образом, полагаем, что ключевым критерием для квалификации судом поведения стороны как недобросовестного является не причинение вреда, а неожиданное поведение стороны.

С учетом этого, применение последствий, поименованных в ст. 111 АПК РФ, к такому поведению не допустимо [4]. Соответственно, инструментом процессуального права, предназначенным для стимулирования именно добросовестного процессуального поведения сторон, может выступать доктрина эстоппель.

Судебная практика демонстрирует применение данной доктрины в следующих ситуациях.

Применение доктрины эстоппель при оспаривании решений третейского суда.

В судебной практике сформировался подход, согласно которому лицо лишается права ссылаться на отсутствие компетенции третейского суда, в т.ч. в силу аффилированности, при оспаривании его решения в государственной процедуре [7].

На наш взгляд, применение доктрины эстоппель в данной ситуации соответствует балансу частного и публичного в методах процесса. Так, в соответствии со ст. 4 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», если сторона, которая знает о том, что какое-либо диспозитивное положение настоящего ФЗ или какое-либо требование, предусмотренное арбитражным соглашением, не было соблюдено, и тем не менее продолжает участвовать в арбитраже, не заявив возражений против такого несоблюдения без неоправданной задержки, а если для этой цели предусмотрен какой-либо срок, в течение такого срока, она считается отказавшейся от своего права на возражение [8].

Применение доктрины эстоппель при оспаривании решений ввиду нарушения подведомственности.

ВС РФ применение доктрины эстоппель распространено и в отношении института подведомственности. Так, при рассмотрении дела № № 306-ЭС15-14024 Судебная коллегия ВС РФ отменила определение арбитражного суда округа о прекращении производства по делу в связи с неподведомственностью, указав, что поскольку истец предъявил требование к ответчику-физическому лицу, не возражал против рассмотрения дела в арбитражном суде, хотя ответчик ссылался на неэкономический характер спора, то он утратил право ссылаться на это обстоятельство при обжаловании судебного акта, а суд округа, в свою очередь, продемонстрировал «правовой пуризм», отменив судебный акт лишь по данному основанию [6].

Данная правовая позиция представляется небезупречной. Дело в том, что нарушение подведомственности (в отличие от подсудности) влечет отмену судебного акта по п. 1 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, т.е. является безусловным основанием к отмене, влекущим переход к рассмотрению дела по правилам суда первой инстанции [5]. На наш взгляд, это означает то, что эти нормы процессуального права, регулирующие подведомственность, самим законодателем квалифицированы как особо важные, соблюдение которых есть непременное условие именно правосудной деятельности. Верно и обратное – действия вопреки этим правилам сущностно порочит правосудие как особую форму судебной защиты.

Подытоживая вышесказанное, можно убедиться, что концепция эстоппель носит двойственный характер. С одной стороны, данное правило имеет важное значение, поскольку современному процессуальному праву необходима выработка действенных мер и способов, которые бы стимулировали последовательное и добросовестное поведения участников процесса. Однако в то же время его применение не может быть безусловным и не освобождает суд от необходимости выполнения полномочий *ex officio*.

Список использованных источников:

1. Зайков Д.Е. Понятие и содержание злоупотребления процессуальными правами в арбитражном и гражданском процессах // Арбитражный и гражданский процесс. – Москва, 2014. – № 9. – С. 48-53.
2. Шайхутдинов Е.М. Эстоппель. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – 2019. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Leigh Anenson T. The Triumph of Equity: Equitable Estoppel in Modern Litigation // The Review of Litigation. – С. 386-388.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. От 25.12.2018) // СЗ РФ. – 2002, № 30, ст. 3012.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. – 2002, № 46, ст. 4532.
6. Определение ВС РФ от 13.04.2016 по делу № 306-ЭС15-14024. // Текст официально опубликован не был.
7. Постановление АС Поволжского округа от 31.01.2017 № Ф06-17801/2017 по делу № А65-23189/2016. // Текст официально опубликован не был.

8. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. От 27.12.2018) // СЗ РФ. – 2016, № 1, ст. 2.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СОУЧАСТИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

© С.А. Егорова

Научный руководитель: Т.В. Сахнова

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Классификация процессуального соучастия в цивилистическом процессе важный аспект для понимания сущности данной категории процесса.

Первым основанием классификации соучастия в науке выделяется деление соучастия в зависимости от стороны, на которой участвовало несколько лиц. Так, соучастие может быть активным (при участии нескольких лиц на стороне истца), пассивным (при участии нескольких лиц на стороне ответчика) [1], и смешанное (при одновременном участии нескольких лиц как на стороне истца, так и на стороне ответчика) [5].

В современной науке также приводится эта классическая классификация, однако многие ученые говорят о неинформативности данной классификации [7]. Она не имеет прикладной ценности для практической деятельности суда, носит лишь теоретический характер.

Однако деление процессуального соучастия на активное, пассивное и смешанное систематизирует знания о том, в составе какой стороны процесса может возникнуть множественность лиц, отвечающая признакам соучастия. Здесь можно отметить неточную формулировку законодателя. Так, в статьях ГПК и АПК о соучастии, в основу которых положена рассматриваемая классификация, содержится положение: «иск может быть предъявлен в суд совместно несколькими истцами или к нескольким ответчикам». Применяя грамматический способ толкования права можно сделать вывод, что разделительный союз или, которой использован в данном случае, говорит о невозможности процессуального соучастия одновременно на стороне истца и ответчика. Но смешанное соучастие возможно, оно не противоречит сущности категории соучастия. Поэтому, видится целесообразным дополнить данные статьи соединительным союзом и для устранения выявленной неточности.

Значимость вышеуказанной классификации отмечала Т.Е. Абова. По ее мнению, активное соучастие означает, что истцы предъявляют иски, возбуждают тот или иной процесс. То есть участие в процессе истцов зависит от их воли. Пассивное соучастие означает, что ответчики участвуют в процессе не по собственной инициативе, а по инициативе истцов или суда [3]. Это в том числе важно, когда встает вопрос о привлечении судом соответчиков в процесс при обязательном соучастии.

Следующая классификация предполагала классическое деление соучастия на обязательное и факультативное. Данная классификация имеет большее теоретическое и практическое значение, так как связана с пределами допустимости соучастия.

Обязательным является процессуальное соучастие в случаях, когда в процессе без участия кого-либо из соучастников невозможно разрешить спор по существу, так как, делая вывод о материальных правах и обязанностях одних, суд неизбежно затронет права и обязанности других.

Соучастие является факультативным, в случае если требования одного или нескольких истцов к одному или нескольким ответчикам могут быть рассмотрены и осуществлены независимо друг от друга. В законе перечня случаев, при которых процессуальное соучастие обязательно, а при каких факультативно, не содержится. В ч. 2 ст. 40 ГПК и ч. 2 ст. 46 АПК установлены три основания процессуального соучастия, первые два: общий характер прав или обязанностей соучастников, являющихся предметом спора и единое основание возникновения прав и обязанностей соучастников – традиционно относят к обязательному соучастию, третье – однородный характер прав или обязанностей соучастников – к факультативному [8]

В своей работе А.Б. Монахов, предложил новую классификацию, объединив две признанные классификации процессуального соучастия. В зависимости от оснований его возникновения и от степени обязательности участия субъектов спорного правоотношения в деле он предлагает соучастие разделить на «необходимое», «факультативное» и «смешанное». Последнее возникает в случае одновременного соучастия как на истцовой, так и на ответной стороне [4]. Следует отметить, что применение различных по природе и существу критерия: материально-правового и процессуального является недопустимым и нарушает основные правила проведения классификации.

Следует отметить, позиция о возможности активного обязательного соучастия оспаривается в юридической науке. Так, Т.Е. Абова отмечает, что активное соучастие при наличии общих прав нескольких лиц не может быть обязательно, поскольку в соответствии с принципом диспозитивности лицо,

которому принадлежит право требования, распоряжается своими правами по своему усмотрению. Вместе с тем активное соучастие при наличии общих прав нескольких субъектов не имеет факультативного характера, поскольку спор со множественным составом управомоченных лиц не может быть рассмотрен в отсутствие всех лиц. В случае отказа указанных лиц от участия в деле в качестве соистцов суд должен привлекать их в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора [3].

Из выше указанных положений следует вывод: наличие одного общего права у нескольких субъектов не влечет возникновения ни обязательного соучастия, ни факультативного, то есть вообще не приводит к появлению в деле процессуальных соучастников. Причиной такого противоречия является нечеткое определение критерия деления процессуального соучастия на обязательное и факультативное. В первом из приведенных выше утверждений Т.Е. Абовой для деления соучастия на обязательное и факультативное используется признак возможности или невозможности суда по своей инициативе привлечь в дело соистца, во втором – признак возможности или невозможности рассмотрения дела в отсутствие всех соистцов, в то время как критерии той или иной классификации должны быть едины. Т.Е. Абова считает, что если не исключают друг друга требования заявлены в одном процессе несколькими управомоченными субъектами единого материального правоотношения, то соучастие в деле обладает как признаком активности, так и признаком обязательности (закрывающимся в необходимом участии этих лиц в рассмотрении спора в суде) [3]. То есть активное обязательное соучастие все-таки возможно, и зависит от чисто субъективного фактора – наличия или отсутствия волеизъявления соистца на вступление в дело. Если такого волеизъявления нет, то и соучастия нет, а присутствует институт третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора. В результате процессуальное соучастие теряет свою объективную природу.

В науке также обоснована позиция о необходимости упразднения института обязательного процессуального соучастия и исключения из процессуального законодательства указания на право лица требовать привлечения его к участию в деле в качестве соответчика, а также на право суда по своей инициативе привлекать в дело необходимых соответчиков. Так, по мнению И.А. Приходько дело всегда может быть рассмотрено без привлечения соучастников. Однако в определенных случаях это может привести к отказу в удовлетворении иска, если избранный истцом способ защиты права, который истец испрашивает у суда, не может быть реализован в силу характера спорного правоотношения, в котором участвуют несколько лиц. Привлекая соответчика в дело

вопреки воле истца, суд нарушает принцип диспозитивности и увеличивает размер судебных издержек. И вообще, обязательное соучастие создает серьезную проблему в плане доступности правосудия. Реализация истцом своего права на получение судебной защиты увязывается с множественностью лиц на стороне ответчика при том, что истец ничего не требует от соответчиков, но они, тем не менее, привлекаются к участию в деле. [6]

Такая позиция представляется неверной, так как истец зачастую не обладает достаточными юридическими знаниями и познаниями особенностей конкретных категорий дел и может заблуждаться в правильном определении сторон по делу. Суд, как профессиональный субъект процесса, должен принять меры к полному и справедливому рассмотрению спора, при этом не допустив нарушения права на судебную защиту ни истца, ни ответчика.

При обязательном соучастии решение вопроса о праве (обязанности) одного лица без установления прав (обязанностей) другого лица невозможно. Вынося решение о правах или обязанностях одного лица, суд неизбежно разрешит вопрос о правах или обязанностях другого, не привлеченного в процесс, а это – основание для безусловной отмены судебного решения. Если говорить о возможности нарушения прав несостоявшегося факультативного соучастника решением суда, то такая возможность исключается. Факультативное соучастие обусловлено самостоятельными материальными правоотношениями нескольких лиц с другой стороной. В случае если факультативного соучастия не произошло, права несостоявшегося факультативного соучастника не ущемляются [2]

Классификация процессуального соучастия имеет важное теоретическое и практическое значение, особенно деление на обязательное и факультативное, от которого зависит правильность и законность вынесенного судебного решения.

Список использованных источников:

1. Васьковский, Е.В. Учебник гражданского процесса. Москва. МГУ им. Ломоносова. 2003.
2. Иванова О.В. Лица, не привлеченные к участию в деле, права которых нарушены решением суда, в российском гражданском и арбитражном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
3. Курс советского гражданского процессуального права: В 2 т. / Отв. ред. А.А. Мельников. – М.: Наука, 1981. Т. 1.

4. Монахов А. Б. Актуальные вопросы соучастия в советском гражданском процессе: Дис. ... канд. юр. наук. М., 1986.
5. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Гражданский процесс. Хрестоматия. – Москва. – 2005.
6. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб., 2005.
7. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014.,
8. Шакарян М.С. Гражданское процессуальное право. М.: Проспект, 2004.

К ВОПРОСУ О ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУРАХ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

© Д.Д. Кириллова

Научный руководитель: О.М. Решетникова

Сибирский федеральный университет

Примирительные процедуры, а именно их осуществление возможно как до возбуждения дела, так и после возбуждения дела в суде. Этот институт урегулирован нормами права, но ни в литературе и в судебной практике единого мнения по данному вопросу не сложилось. Примирительные процедуры являются эффективным инструментом при разрешении правовых споров, при этом они остаются малоприменимыми на практике.

Следует отметить, что в ГПК РФ отсутствует отдельная глава, посвященная примирительным процедурам, но они упоминаются в отдельных нормах. Так, согласно ч.1 п.5 ст. 150 ГПК РФ при подготовке дела к судебному разбирательству судья принимает меры по заключению сторонами мирового соглашения, в том числе, по результатам проведения в порядке, установленном федеральным законом, процедуры медиации, которую стороны вправе проводить на любой стадии судебного разбирательства. Исходя из смысла ГПК РФ, обращение к данным процедурам зависит от воли сторон. Законодатель подтверждает значение примирительных процедур, закрепляя примирение сторон в качестве задачи подготовки дела к судебному разбирательству согласно ст. 148 ГПК РФ. В литературе также высказываются мнения о том, что основной задачей судопроизводства должно являться мирное урегулирование споров. Так, по утверждению Сахновой Т.В. суд «должен быть заинтересован в поиске «мирного» разрешения спора, в стимулировании сторон к такому поиску» [7].

По этому поводу существуют несколько радикальное мнение С.В. Потапенко, который говорит о необходимости включения примирения сторон в задачи как гражданского судопроизводства в ст. 2 ГПК РФ, так и в задачи судопроизводства в арбитражных судах, а именно в ст. 2 АПК РФ [4]. Примирение сторон в значительной степени облегчает судопроизводство и снижает нагрузку с суда, а также позволяет сохранить между сторонами партнерские отношения, согласно Концепции единого ГПК РФ. Так же в Концепции говорится о необходимости введения претензионного порядка разрешения споров по отдельным категориям дел. Здесь стоит отметить, что был принят ФЗ № 451, который предусматривает внесение в ГПК РФ изменений, направленных на закрепление в отдельной главе примирительных процедур и на их применение, а именно: примирения, заключение мирового соглашения [9].

Примирение сторон возможно и в ходе административного судопроизводства, где также конкретные процедуры не урегулированы, то есть можно сделать вывод о возможности применения любой из процедур. Как отмечает В.В. Ярков, для урегулирования спора путем примирения сторонам необходимо заключить соглашение согласно ст. 137 КАС РФ. Оно должно быть утверждено судом, при соблюдении соответствия условий данного соглашения закону.

В АПК РФ законодатель включил главу, посвященную примирительным процедурам, где говорится о возможности применения любой из процедур, однако детально урегулировано кодексом только заключение мирового соглашения.

Стоит отметить, что судебная практика во многом не стоит на месте при решении данного вопроса. Так, на базе Уральского федерального округа была разработана концепция правового эксперимента по внедрению примирительных процедур, главной задачей которой являлось уменьшение нагрузки на судей и увеличение количества судебных решений, исполненных в добровольном порядке [1].

Само по себе применение примирительных процедур связано с наличием определенных предпосылок и условий их реализации. Так, для их применения необходимо наличие между сторонами конфликта, который не разрешен судом. Т.В. Чернышева также говорит о необходимости разграничения объективной и субъективной сторон примирения [11]. Объективная сторона говорит о наличии необходимых предпосылок, при наличии которых возможно примирение сторон. Сюда автор относит дееспособность сторон, соблюдение процедуры примирения, урегулированной законом. Под субъективной стороной понимается воля и стремление сторон к урегулированию

возникшего спора, а именно приход сторон к единому мнению по поводу разрешения спора, достижение взаимовыгодного соглашения.

Законодателем не представлен единый перечень видов примирительных процедур, но анализ законодательства и практики позволяет выделить следующие виды процедур: переговоры, медиация, заключение мирового соглашения.

В настоящее время суды перегружены гражданскими делами, и судебные заседания могут затягиваться на долгие сроки. В связи с этим примирительные процедуры являются своеобразным выходом из решения данной проблемы. Они сами по себе носят положительный характер для сторон, поскольку основаны на воле сторон, оперативности разрешения спора, а также на сохранении между сторонами партнерских отношений. Стороны могут прибегать к примирительным процедурам при разрешении любых категорий гражданских дел из различных отраслей права, однако на сегодняшний день стороны склонны больше доверять суду при разрешении правовых споров.

Так, наиболее эффективным способом разрешения споров, вытекающих из семейных правоотношений, будет являться именно примирительная процедура. Семейные правоотношения являются многогранными, поскольку построены на личных доверительных отношениях между членами семьи. Так, при разрешении таких споров возможно применение процедуры медиации [10]. При этом Трофимец И.А. говорит об особой роли медиатора, который прежде всего оказывает семье психологическую поддержку в период преодоления возникших проблем и для сохранения нормальных отношений между супругами, которые находятся в стадии развода, между родителями и детьми [8]. Данное положение выходит за рамки установленной законом функции медиатора. Итогом процедуры медиации может стать мировое соглашение, которое утверждается судом как мировое, при соблюдении установленных процессуальным законодательством условий.

При этом такие авторы, как Костина О.В., Овсяникова Е.А., Долженко Н.И., Савельева И.В. напротив отмечают, что поскольку «медиация наряду с предметной имеет и эмоциональную составляющую, родители, как стороны медиативного соглашения, могут максимально сфокусироваться на индивидуальных потребностях и чувствах своих детей и выстроить приемлемую схему дальнейших взаимоотношений», а медиативное соглашение может в максимальной степени удовлетворить и обеспечить защиту прав и интересов детей [3].

Если обратиться к практике разрешения споров, вытекающих из семейных правоотношений, то можно отметить, что стороны часто идут на

заключение мировых соглашений, однако нередко в дальнейшем одна из сторон может уклоняться от его исполнения, или же другая сторона будет требовать других условий. Рассмотрим дело по иску Белоусовой А.Л о взыскании с Салостия А.А. дополнительных расходов на содержание ребенка в размере 10 000 рублей ежемесячно [6]. Между сторонами было заключено мировое соглашение, в соответствии с которым мать и отец ребенка приняли взаимные права и обязанности в отношении определения места жительства ребенка, в том числе и расходы по его содержанию. Мировое соглашение исполнялось сторонами добросовестно, однако одну из сторон при его исполнении не устроила фиксированная сумма алиментов, которые выплачивал отец на содержание ребенка. Стоит отметить, что заключенное мировое соглашение отвечало на момент заключения интересам сторон, их материальному положению, а главное интересам ребенка. Оно позволило решить несколько вопросов, а само исполнение данного соглашения обеспечивается государством в лице суда.

Другой не менее важной примирительной процедурой являются переговоры. Они возможны на любой стадии развития конфликта без привлечения третьих лиц. Стороны самостоятельно определяют порядок проведения переговоров, идут на взаимные уступки, что в конечном счете приводит к исполнению сторонами достигнутых в ходе переговоров договоренностей и к разрешению спора. Данная процедура распространена при разрешении споров в сфере предпринимательства [2].

Можно отметить, что на практике примирительные процедуры не находят широкого применения. Если обратиться к статистике Верховного суда РФ, то можно увидеть что за период с 2011 по 2017 гг. медиация использовалась при рассмотрении всего лишь около 0,008% дел судами общей юрисдикции и при рассмотрении около 0,002% дел арбитражными судами [12]. А если говорить о мировых соглашениях, то за 2017 год путем утверждения мировых соглашений были урегулированы лишь 8% арбитражных споров [5]. Таким образом, развитие и применение данных процедур должно стать приоритетным направлением законодателя в развитии процедур, направленных на урегулирование споров.

Список использованных источников:

1. Арбитражный суд Уральского округа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / <http://fasuo.arbitr.ru/process/primiritelnye>

2. Дальцова Н.В. Переговоры как способ урегулирования правовых конфликтов в сфере предпринимательства //Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – № 1 – 2017.
3. Костина О.В., Овсяникова Е.А., Долженко Н.И., Савельева И.В. Семейная медиация как одно из ведущих направлений государственной семейной политики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2014. – № 10 (53). – С. 42-46.
4. Потапенко С.В. Примирительные процедуры в гражданском процессе и роль суда в их реализации / Материалы Всероссийской научно-практической конференции 17 декабря 2014 года. – 2015. – С. 108-116.
5. Право.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/story/202148/>
6. Решение Железнодорожного районного суда г. Новосибирска № 2-4773/2017 2-655/2018 2-655/2018(2-4773/2017);~М-4059/2017 М-4059/2017 от 3 июля 2018 г. по делу № 2-4773/2017 // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/fgC9ki4APBwX/>
7. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. – М. :ВолтерсКлувер. – 2013.
8. Трофимец И.А. Медиация и расторжение брака // Российский судья. –2014. – № 10. – С. 17-19.
9. Федеральный закон Российской Федерации от 28.11.2018 № 451-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Российская газета. – № 272. – 04.12.2018
10. Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2010 № 193 "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" // Российская газета. – № 168. – 30.07.2010.
11. Чернышева Т.В. Понятие и виды примирения в российском праве // Журнал российского права. – 2012. – № 12. – С. 116-123.
12. Экономика и жизнь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/365791/>

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ АУДИО- И ВИДЕОЗАПИСЕЙ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

© А.А. Комбу

Научный руководитель: Т.В. Сахнова

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Проводимая в настоящее время реформа гражданского судопроизводства актуализировала научные исследования в области гражданского процессуального права, привлекая внимание ко всем процессуально-правовым институтам. Институт судебного доказывания, носящий комплексный характер, занимающий центральное место при рассмотрении и разрешении гражданско-правовых споров по существу, вызывающий большой интерес ученых и правоприменителей, также стал предметом концептуального научного анализа.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [2] определяет доказательства как полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела (п. 1 ст. 55 ГПК РФ). Конструкция п. 1 ст. 55 ГПК РФ закрепляет концептуальное положение, отражающее сущность судебного доказательства, которое предстает как неразрывное единство фактических данных (информации) и процессуальных средств доказывания (материальных носителей информации) [10, с. 79-80; 8, с. 657].

Практически все указанные в ГПК РФ средства доказывания были отражены в ранее действовавшем ГПК РСФСР [1]. Исключение составили аудио- и видеозаписи, которые введены в систему средств доказывания с принятием ГПК РФ в 2002 году. Введение нового средства доказывания обусловлено объективными причинами: развитием научно-технического прогресса, широким распространением аудио- и видеозаписывающих устройств. Доказательственное значение аудио- и видеозаписей трудно переоценить: они позволяют суду и участникам процесса непосредственно воспринять зафиксированную информацию, самостоятельно оценить не только содержательную, но и эмоциональную сторону представленных на них диалогов и событий, уделить внимание деталям и особенностям, которые могли быть утрачены при фиксации посредством протокола осмотра, забыты лицом, дающим показания или пояснения относительно данных обстоятельств. Вместе с тем, применение

аудио- и видеозаписей в гражданском процессе оставляет значительное проблемное поле как научного, так и практического характера.

В ГПК РФ и других законодательных актах нет определения понятий аудио- и видеозаписи. В науке процессуального права также отсутствуют понятия аудио- и видеозаписи. В.В. Молчанов определяет аудиозапись как материальный носитель, содержащий звуковую информацию, зафиксированную любым способом звукозаписи. А видеозаписью он называет материальный носитель, имеющий изобразительную и звуковую информацию, зафиксированную любым способом видеозаписи. У видеозаписи может быть одновременно изобразительная и звуковая информация [5, с. 176].

С.А. Короткий определяет аудиозапись (звукозапись) как зафиксированную на материально-техническом носителе информацию в виде непрерывного во времени сочетания звуков (динамической звуковой информации) отражающие имеющие значение для дела обстоятельства, и полученную в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством. Под видеозаписью, по его мнению, следует понимать зафиксированную на материально-техническом носителе непрерывную во времени наглядно-образную (визуальную) и, как правило, звуковую информацию, отражающую имеющие значение для дела обстоятельства и полученную в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством [7, с. 130].

В научной литературе нет единого мнения о месте аудио- и видеозаписей в системе судебных доказательств. Позиции современных ученых-процессуалистов сводятся к следующим: 1. аудио- и видеозаписи являются вещественными доказательствами, нет необходимости выделять особый вид средств доказывания; 2. они относятся к письменным доказательствам, выделение самостоятельного средства доказывания также нецелесообразно; 3. аудио- и видеозаписи – самостоятельное средство доказывания в гражданском процессе.

Так, по мнению А.Т. Боннера, аудиозаписи, видеозаписи, фотографии, и т.п., обладают существенной спецификой, которая должна быть отражена как в материальном, так и в процессуальном законодательстве. Он относит современные средства фиксации информации к вещественным доказательствам, подчеркивая материально-вещественную природу их носителя и уделяя внимание вопросам приобщения к делу и хранения в деле последнего. Е.И. Галяшина и В.Н. Галяшин, поддерживая позицию А.Т.Боннера, также относят аудио- и видеозаписи к вещественным доказательствам [4, с. 46].

Указанная позиция представляется небесспорной. Аудио- и видеозаписи, на самом деле, можно признавать в качестве вещественного доказательства только в том случае, когда сами материальные носители, на которых они

зафиксированы, обладают признаками вещественного доказательства, т.е. когда доказательственное значение имеет либо материал, из которого изготовлен компакт-диск или флеш-карта и т.п., либо внешний вид такого носителя информации, либо место его нахождения. Возможно также исследование носителя информации на предмет наличия либо отсутствия внешних или внутренних повреждений, иных следов носящих механический характер, не затрагивающий содержание записанных на него сведений. К примеру, поврежденный жесткий диск может стать вещественным доказательством по делу о защите прав потребителей, по спору о взыскании причиненного имущественного ущерба. Вместе с тем, признание аудио- и видеозаписей исключительно вещественным доказательством существенно ограничивает их доказательственное значение: в подавляющем большинстве случаев главенствующее место занимает не само устройство, а информация, записанная на нем. Кроме того, информация может быть скопирована либо размножена посредством использования дополнительных технических средств или самого устройства, на которое она записана, что не лишает аудио- и видеозапись их доказательственного значения для суда.

П. Зайцев предлагает относить аудио- и видеозаписи к письменным доказательствам [6, с. 42]. Действительно, аудио- и видеозаписи подтверждают определенные обстоятельства по делу с помощью той информации, которая записана на них, например, запись того, как одна сторона обещает вовремя вернуть долг, или же запись высказываний, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина.

Н.А. Чечина и Д.М. Чечот также относят аудио- и видеозаписи к письменным доказательствам и аргументируют свою позицию тем, что аудио- и видеозаписи служат для передачи информации, и в случае использования её в суде в качестве доказательства, информация получается участниками процесса из содержания документа, а не из его внешнего вида, внутренних свойств [11, с. 156].

М.К. Треушников предложил рассматривать аудио- и видеозаписи в качестве самостоятельного средства доказывания [9, с. 11]. Данная точка зрения нашла своё закрепление в действующем ГПК РФ и является главенствующей в современной литературе.

По нашему мнению, позицию М.К.Треушникова следует признать справедливой, руководствуясь следующими доводами в ее обоснование. Во-первых, аудио- и видеозаписи могут быть переведены для восприятия человеком только с помощью технических средств воспроизведения, во-вторых, они хранятся на специальных носителях звуковой и видеоинформации. В третьих,

аудио- и видеозаписи требуют дополнительного регулирования их хранения: содержащаяся на них информация может быть утрачена в результате воздействия на сам носитель, например, магнитных полей, прямых солнечных лучей, повышенной влажности и т.п. В-четвертых, исследование, анализ и оценка их в процессе возможны только при отсутствии у суда сомнений в подлинности и достоверности содержащейся на них информации.

Таким образом, аудио- и видеозаписи по характеру источника информации, способу ее закрепления, сохранения, воспроизведения и исследования отличаются и от письменных и вещественных доказательств.

Из приведенного обзора следует вывод о том, что в юридической науке вопрос начал исследоваться в XXI веке, это связано с началом развития соответствующих технических средств. Так, в ГПК РСФСР 1964 года аудио- и видеозаписи недостаточно либо вообще не были регламентированы, но фактически применялись на практике как новые источники информации об обстоятельствах гражданских дел.

Таким образом, настоящее рождение и развитие аудио- и видеозаписей как судебных доказательств произошло с их законодательным закреплением в ГПК РФ в 2002 года, где в статье 55 аудио- и видеозаписи называются законными средствами доказывания по гражданским делам. Однако в судебных инстанциях до 2011 года относительно редко применялся данный вид доказательства в гражданском процессе: суды и стороны относились к нему достаточно настороженно, несмотря на то, что развитие информационно-технических и законодательных возможностей (в частности, экспертизы электронной техники) уже способствовало их широкому применению.

Список использованных источников:

1. "Гражданский процессуальный кодекс РСФСР" (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // "Ведомости ВС РСФСР", 1964, № 24.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. №138-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.10.2017) // Собрание законодательства РФ. – 18.11.2002. – № 46.
3. Боннер А.Т. Аудио- и видеозаписи как доказательство в гражданском и арбитражном процессе // Законодательство. – 2008. – № 3.
4. Галяшина Е.И., Галяшин В.Н. Фонограммы как доказательства по гражданским делам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. №1.
5. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. М.: «Статут», 2014.

6. Зайцев П. Электронный документ как источник доказательств // Законность. 2002. №4.

7. Короткий С.А. Аудио- и видеозаписи как средства доказывания в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

8. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса /– 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014.

9. Треушников М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. М., 1982.

10. Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 1999.

11. Чечот Д.М. Советский гражданский процесс / под ред. Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. Л., 1984.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

© Ю.С. Лановенко

Научный руководитель: О.В. Буткевич

канд. юрид. наук

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Основная задача судопроизводства в арбитражных судах – обеспечение конституционного права лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, на судебную защиту их прав и интересов. Это субъективное право должно быть реализовано на основе равноправия, состязательного и диспозитивного процесса, что предопределяет свободу и инициативу сторон по осуществлению своих процессуальных прав.

Возбуждение арбитражного процесса всегда связано с обращением в суд заинтересованного лица, сторона дела свободна в определении предмета спора. К сожалению, в практической деятельности, участники правовых отношений нередко сталкиваются с многочисленными злоупотреблениями процессуальными правами со стороны их контрагентов. Это означает, что субъекты права используют принадлежащие им права не для тех целей, которые закреплены в законодательстве, а для приобретения недобросовестной выгоды [3, с. 1].

Злоупотребления процессуальными правами является негативным воздействием, которым наносится ущерб интересам правосудия. Недобросовестное лицо внешне остается в рамках правового поля, его действия маскируются под юридическую форму, что потенциально делает их более опасными, чем

явное нарушение правовых норм. Злоупотребление процессуальными правами не всегда очевидно и характеризуется сложностью в доказывании.

Наиболее часто ситуации злоупотребления правом связаны с затягиванием судебного процесса. Недобросовестное поведение стороны может выражаться неявкой в судебное заседание без уважительных причин, подачей необоснованных ходатайств и заявлений, непредставлением документов в судебное заседание, предъявлением встречного иска с заведомо известными нарушениями, неоднократное, необоснованное и бездоказательное заявление отвода судье и т.д.

Так, по одному из дел был подан иск о взыскании задолженности по договору поставки, судом было вынесено определение о принятии искового заявления в порядке упрощенного производства [3; 5]. Согласно ст. 226 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (далее – АПК РФ) решение по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, выносится судом в течение срока, не превышающего двух месяцев с момента подачи иска в суд. Решение арбитражного суда подлежит немедленному исполнению [1]. Сроки от подачи искового заявления до исполнения решения минимальны по сравнению с рассмотрением дела по общим правилам искового производства. По указанному делу ответчик намеренно подал в арбитражный суд ходатайство о фальсификации доказательств, представленных истцом. Все доказательства истца были законны и обоснованы. Однако подача ходатайства о фальсификации обязывает суд перевести рассмотрение дела из упрощенного производства в обычное. В связи с этим назначается судебное заседание. Здесь у ответчика появляется еще одна возможность для злоупотребления своими правами, а именно не явиться в суд в назначенную дату, подав в канцелярию суда ходатайство о не рассмотрении дела по существу в его отсутствие по надуманному предлогу. Как правило, судьи перестраховываются и переносят заседание. После проведения судом основного заседания выносится решение, которое вступит в законную силу лишь по истечении месяца. Это означает, что исполнительный лист на исполнение решения суда будет вынесен как минимум через несколько месяцев после момента, когда решение суда по упрощенному производству было бы исполнено в случае добросовестного поведения ответчика.

Более того, ответчик и после вынесения решения имеет обширное поле для злоупотребления своими процессуальными правами. Так, подождав, пока срок на обжалование решения суда подойдет к концу, ответчик в последний день обжалования направит в суд формальную апелляционную жалобу. Снова процесс затягивается, назначается судебное заседание. Лишь после

вынесения определения судом апелляционной инстанции истец имеет возможность получить исполнительный лист по делу. По факту дело простое, все требования подтверждены соответствующими документами, а исполнение затягивается на месяцы [4, с.36-37].

Аналогично в целях затягивания процесса сторона может подать необоснованное заявление об отводе судьи, а иногда и несколько раз. Так, в Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А72-1160/2017 указано следующее: "Суд квалифицирует поведение представитель заявителя как нарушающее порядок судебного заседания и свидетельствующее о проявленном неуважении к суду, поскольку оскорбительные и беспочвенные суждения в адрес суда и недобросовестное пользование представителями сторон процессуальными правами в нарушение требований статей 24, 41 АПК РФ (поведение, нарушающее порядок в судебном заседании и затягивающее процесс, – неоднократные заявления об отводе судей, тождество оснований, по которым заявлены отводы, непредставление доказательств, их обоснованности) умаляют судебную власть". Стороны наделяются правом подать отвод не только судье, но и секретарю судебного заседания. Неоднократные и необоснованные заявления об отводах фактически свидетельствуют о злоупотреблении участником дела процессуальными правами, направленности его действий на затягивание судебного процесса [2].

Арбитражным процессуальным законодательством установлен запрет на злоупотребление процессуальными правами, а судебная практика может дать ориентиры в вопросе о том, какие конкретно действия участников процесса следует оценивать, как недобросовестные. Часть 2 ст. 41 АПК РФ предусматривает, что «злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц предусмотренные настоящим Кодексом неблагоприятные последствия» [1]. Неблагоприятные последствия, можно сказать, являются санкциями за неисполнение процессуальной обязанности лица добросовестно пользоваться своими процессуальными правами. Среди этих последствий:

- отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами (ст. 111 АПК РФ);
- отказ в удовлетворении заявления или ходатайства злоупотребляющего правами лица (ч. 5 ст. 159 АПК РФ);
- наложение судебного штрафа на лицо, обратившееся в защиту прав и законных интересов группы лиц, в случае злоупотребления им своими процессуальными правами (ч. 3 ст. 225.12 АПК РФ).

С сожалением приходится признать, что не в каждом случае злоупотребления процессуальными правами недобросовестные участники дела претерпевают те негативные последствия, о которых речь шла выше. С одной стороны, такая ситуация может быть связана с отмечавшимися выше сложностями в установлении и доказывании фактов злоупотребления правом. С другой стороны, причиной тому может быть, как пробел в законодательном регулировании рассматриваемой проблемы, так и недостаточная вовлеченность суда в противодействие недобросовестному поведению.

Что касается действующих санкций за злоупотребление процессуальными правами, о которых мы говорили выше, то можно сделать вывод об их недостаточности для эффективного противодействия недобросовестным участникам дела.

Решение этой проблемы, как представляется, может складываться из двух основных элементов:

- 1.наполнение механизма противодействия злоупотреблению процессуальными правами более подробным содержанием;
- 2.создание системы превентивных мер, которые бы сделали недобросовестное поведение затруднительным в принципе.

При этом необходимо дополнить закон определением понятия "злоупотребление процессуальным правом", сформулировать основные признаки недобросовестного поведения и указать на отдельные виды злоупотребления правом на различных стадиях процесса. Кроме того, следует предусмотреть ответственность в виде заранее определенного судебного штрафа за частные случаи злоупотребления процессуальными правами.

Что касается превентивных мер, то речь может идти о более детальном регулировании процедуры обмена процессуальными документами между сторонами с установлением предельных сроков их представления. Должны быть дополнены правила о заблаговременном раскрытии и истребовании доказательств, своевременном привлечении к делу третьих лиц, вызове свидетелей и привлечении экспертов.

Очевидно, что подобные изменения усложнят процедуру рассмотрения споров и потребуют процессуальной дисциплины представителей сторон. Однако они будут неоценимым вкладом в дело становления цивилизованного состязательного арбитражного процесса.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (АПК РФ) (с изм. и доп. от 28 июля, 2 ноября 2004 г., 31 марта, 27 декабря 2005 г.) // Российская газета от 27 июля 2002 г.

2. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.06.2017 № 11АП-2851/2017 по делу № А72-1160/2017// СПС "Консультант Плюс".

3. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами при рассмотрении дел в арбитражных судах: проблемы теории и практики // СПС "Гарант".

4. Приходько А.И. Воспрепятствование разрешению дел в арбитражных судах: актуальные вопросы судебного правоприменения. М.: ВолтерсКлувер, 2008.

5. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 18 апреля 2016 г. по делу № А60-3818/2016

К ВОПРОСУ О ПРЕЮДИЦИАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

© А.С. Лещинский

Научный руководитель: Т.В. Сахнова

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Термин «преюдиция» имеет латинское происхождение (от лат. *praecedens*) и означает «относящийся к предыдущему судебному решению».

Исходя из вышеуказанного определения преюдициальными называются обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда.

Понятие преюдициальных обстоятельств законодательно не закреплено, однако значение этого термина отражается в процессуальных кодексах:

- ч. 2 ст. 61 ГПК РФ «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда. Указанные обстоятельства не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица»;

- ч. 2 ст. 69 АПК РФ «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица»;

- ч. 2 ст. 64 КАС РФ «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному им гражданскому или административному делу либо по делу, рассмотренному ранее арбитражным судом, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении судом другого административного дела, в котором участвуют лица, в отношении которых установлены эти обстоятельства, или лица, относящиеся к категории лиц, в отношении которой установлены эти обстоятельства».

Как видно из приведенного текста, в нормах процессуальных кодексов речь идет об обстоятельствах, установленных, вступившим в законную силу, судебным постановлением.

На сегодняшний день позиции высших судов сходятся во мнении, что преюдициальными обстоятельствами, указанными в ч. 2 ст. 61 ГПК, ч. 2 ст. 69 АПК, ч. 2 ст. 64 КАС РФ являются только факты, установленные судом по ранее рассмотренному делу, при этом указывая что признание преюдициального значения судебного решения, будучи направленным на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела [1].

Несомненно, преюдициальные обстоятельства (факты) обусловлены преюдициальностью как свойством законной силы судебного решения, однако не являются тождественными.

Таким образом, преюдициальные обстоятельства – факты установленные вступившем в законную силу судебным постановлением.

В научной литературе взгляды на то, юридические факты какого характера являются преюдициальными разделились.

Так, К.И. Комиссаров считает, что преюдициальными являются факты как материально-правового характера, так и процессуального [2].

Н.И. Масленникова высказывает противоположное мнение, указывая, что преюдициальными являются только факты материально-правового характера, а установленные вступившим в законную силу судебным постановлением процессуальные факты, преюдициального значения не имеют [3].

Необходимо подчеркнуть, что преюдициальными могут быть только факты, которые входили в предмет доказывания по ранее рассмотренному делу. Такой подход в доктрине представляется единообразным.

Так, И.Н. Тарасов отмечает, что если факты в предмет доказывания не входили, то они не могут иметь преюдициальное значение [4].

Данной позиция подтверждается в судебной практике, в частности Конституционный Суд РФ в Определении указывает, что освобождаются от доказывания только те обстоятельства, которые входят в предмет доказывания по делу [5].

Вопрос о составе предмета доказывания среди ученых является дискуссионным. Одни считают, что предмет доказывания формируется из фактов, на которые указывает норма материального права [6]. Другие ученые предлагают включать в предмет доказывания также факты процессуального содержания, и факты, лежащие в основании вынесения частных определений, доказательственные факты [7].

Исходя из различного понимания предмета доказывания, некоторые авторы делают вывод о том, что вопрос о составе предмета доказывания по гражданскому делу носит не сущностный, а скорее терминологический характер, поэтому не является определяющим для решения вопроса об обстоятельствах, имеющих преюдициальное значение [8].

Однако несмотря на различные взгляды относительно предмета доказывания, судебная практика по вопросу фактов, которые могут иметь преюдициальное значение является единообразной.

Так, Суд по интеллектуальным правам указал, что по смыслу ч. 2 ст. 69 АПК РФ преюдициальное значение имеют только юридические факты материально-правового содержания, но не те факты, установление которых имеет процессуальное значение [9].

Таким образом, исходя из положений судебной практики, можно сделать вывод что преюдициальными являются только факты материально-правовой природы.

Список использованных источников:

1. Безруков А.М. Преюдициальная связь судебных актов / А.М. Безруков – М.: ВолтерсКлувер, 2007.
2. Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др.; под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014.
3. Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства / К.И. Комиссаров. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1971.
4. Масленникова, Н. И. Акты применения норм гражданского процессуального права // Краткая антология уральской процессуальной мысли. 55

лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии. Екатеринбург, 2004.

5. Решетникова И.В. Доказательственное право в российском гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1997.

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Сергея Андреевича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 64 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 2532-О.

7. Постановление Президиума ВАС РФ от 20.11.2012 № 2013/12 по делу № А41-11344/1 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 01.04.2019 № С01-271/2019 по делу № А40-118579/2018.

9. По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко: Пост. КС РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Вестник Конституционного суда РФ. -2012. – № 1.

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРОПУЩЕННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СРОКА НА ПОДАЧУ КАССАЦИОННЫХ ЖАЛОБ В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© М.Г. Манукян

Научный руководитель: Т.В. Сахнова

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В статье будут рассмотрены изменения, внесенные в институт восстановления процессуального срока Федеральным законом № 260-ФЗ от 29 июля 2017 г. В частности, изменился порядок подачи заявлений о восстановлении пропущенного процессуального срока, подачи кассационных жалоб, представлений, рассмотрение которых отнесено к подсудности Верховного Суда Российской Федерации (далее ВС РФ).

В Постановлении Пленума ВС РФ «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации», указано что, новый порядок рассмотрения заявления о восстановлении процессуального срока «направлен на реализацию принципа

процессуальной экономии в гражданском процессе и нацелен на повышение эффективности правосудия, поскольку решение вопроса о восстановлении пропущенного процессуального срока судом, вынесшим решение по первой инстанции, зачастую влечет за собой длительную и многоступенчатую процедуру обжалования вынесенного этим судом определения, в том числе не исключается и пересмотр этого определения впоследствии самим ВС РФ» [1].

Что же изменилось? Вопросы восстановления пропущенного процессуального срока на обжалование решений и определений судов в апелляционном порядке и в президиум суда субъекта РФ решаются как и прежде, в судебном заседании судом первой инстанции, изменения коснулись только разрешения вопроса о восстановлении процессуального срока подачи кассационных жалоб в Судебную коллегию ВС РФ. Так, ч. 2.2 ст. 376 и ч. 3 ст. 391.2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее ГПК РФ) указывают на то, что заявления о восстановлении срока на подачу кассационных жалоб, рассматриваемых ВС РФ, разрешаются без извещения лиц, единолично судьей ВС РФ, по правилам ст. 112 ГПК РФ.

Стоит отметить положительные черты указанного порядка рассмотрения заявлений о восстановлении процессуального срока. Данный порядок призван создать условия, упрощающие и ускоряющие рассмотрение судом вопроса о восстановлении процессуального срока, который по своему характеру и степени сложности не требует участия сторон и их представителей в судебном заседании. Здесь следует обратить внимание, на то, что в ГПК РФ не установлен срок рассмотрения заявления о восстановлении процессуального срока, что, безусловно, можно назвать недочетом. Если обратиться к институту восстановления процессуального срока в арбитражном процессе, то в ст. 117 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации содержится норма о том, что заявление о восстановлении процессуального срока рассматривается в пятидневный срок с момента его поступления в суд. В связи с чем, для исключения возможности злоупотребления со стороны суда, следует обратить внимание и установить срок рассмотрения указанного заявления.

Следует отметить, что вопрос о возможности восстановления пропущенного процессуального срока лицам, участвующим в деле, решается судьей в каждом конкретном случае на основании изложенных в заявлении о восстановлении процессуального срока обстоятельств. В частности, процессуальный срок может быть восстановлен только в исключительных случаях, когда суд признает уважительными причины его пропуска по обстоятельствам, объективно исключающим возможность подачи кассационной жалобы в установленный срок. При этом дополнительной гарантией соблюдения прав

заинтересованных лиц, является возможность обжалования вынесенного определения.

Поскольку изменился порядок подачи заявлений о восстановлении процессуального срока, то потребовались изменения и в порядке обжалования вынесенного определения суда. До изменения законодательства в этой части, при вынесении определения суда о восстановлении процессуального срока или об отказе в его восстановлении судом первой инстанции ч. 5 ст. 112 ГПК РФ предусматривала возможность его обжалования путем подачи частной жалобы, которая рассматривалась в суде апелляционной инстанции. В связи с внесенными изменениями в части восстановления процессуального срока на подачу кассационных жалоб новая редакция ч. 5 ст. 112 ГПК РФ содержит лишь указания на возможность обжаловать упомянутое определение. При этом не указана процедура обжалования. Следует отметить, что в отсутствие процедуры обжалования ст. ст. 376, 391.2 ГПК РФ устанавливают полномочие председателя Верховного Суда Российской Федерации и его заместителя не согласиться с определением судьи Верховного Суда Российской Федерации о восстановлении процессуального срока или об отказе в его восстановлении, и отменить его. Данные полномочия председателя ВС РФ и его заместителя, согласно Определению Конституционного суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Скворцова О.В. на нарушение его конституционных прав п. 4 ст. 1 ФЗ от 29.07.2017 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» являются «дополнительной гарантией реализации права на обжалование указанного определения» [2].

Помимо изложенного, стоит также обратить внимание, что в связи с созданием самостоятельных кассационных судов общей юрисдикции, не связанных рамками административно-территориального деления субъектов РФ, Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вносятся поправки в ГПК РФ. В частности, вопрос о восстановлении процессуального срока подачи кассационных жалоб в кассационный суд общей юрисдикции будет разрешаться судьей соответствующего суда кассационной инстанции по аналогии с действующей редакцией ГПК РФ о разрешением вопроса о восстановлении процессуального срока при подаче кассационной жалобы в Судебную коллегию ВС РФ. Можно сделать вывод, что рассмотренные изменения, внесенные Федеральным законом № 260-ФЗ от 29 июля 2017 г. носили пробный характер, с целью оценки их эффективности, для разрешения в дальнейшем вопроса о возможности их применении кассационными судами общей юрисдикции.

Список использованных источников:

1. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.07.2016 № 34

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Скворцова О.В. на нарушение его конституционных прав п. 4 ст. 1 ФЗ от 29.07.2017 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2447-О

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ// «Российская газета», № 272, 04.12.2018.

**ОСОБЕННОСТИ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА
В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ**

© А.М. Медведева

Научный руководитель: О.В. Буткевич

канд. юрид. наук

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Федеральным Законом № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 02.03.2016 года введена новая глава – 29.1 «Приказное производство» [1]. Это новая форма судопроизводства в арбитражном процессе, ранее известная только гражданскому процессуальному законодательству. В условиях, когда законодательство постоянно меняется, введение приказного производства способствует дальнейшему снижению процессуальной нагрузки на судей, а также реализации основных задач арбитражного судопроизводства, повышению оперативности при рассмотрении дел и повышению исполнимости судебных актов.

Правовая природа приказного производства предопределяется особенностями тех материально-правовых отношений, которые передаются на рассмотрение суда. На сегодняшний момент законодатель устанавливает исчерпывающий перечень требований возникающих из этих правоотношений. Общее, что характерно для этих требований, состоит в том, что они носят бесспорный характер; направлены на взыскание только денежных сумм; должны

быть подтверждены документами, не вызывающими сомнений в своей подлинности и достоверности.

Применение приказного производства не является новшеством для судебной системы Российской Федерации, оно уже доказало свою эффективность в гражданском процессе. Его появление было проявлением тенденции унификации гражданского и арбитражного процесса, гражданский процесс был дополнен упрощенным производством, а арбитражный – приказным. Нет сомнений в том, что внедрение института приказного производства положительно повлияло на сроки рассмотрения дел в арбитражном суде.

Кроме того, по мнению Верховного Суда РФ, введение приказного производства в арбитражном процессе Российской Федерации будет способствовать сближению систем судов общей юрисдикции и арбитражных судов. В условиях проводимой судебной реформы необходима унификация процедур правосудия.

Так, на сегодняшний момент Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 закрепляет в ст. 229.2, какие споры рассматриваются в порядке приказного производства.

Согласно данной статье в порядке приказного производства рассматриваются:

1) требования, которые вытекают из неисполнения или ненадлежащего исполнения договора и основаны на представленных взыскателем документах, устанавливающих денежные обязательства, которые должником признаются, но не исполняются, если цена заявленных требований не превышает 400 тыс. руб;

2) требования, которые основаны на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте и недатировании акцепта, если цена заявленного требования не превышает 400 тыс. руб.;

3) требования о взыскании обязательных платежей и санкций, если указанный в заявлении общий размер подлежащей взысканию денежной суммы не превышает 100 тыс. руб [2].

Это наиболее простые требования, включённые в перечень, которые не вызывают споров. Другой вопрос, когда с заявлением о выдаче приказа обращается взыскатель по неисполненным или ненадлежащим исполненным договорам (п. 1 ст. 229.2 АПК РФ). Эти требования основаны на представленных взыскателем документах, устанавливающих денежные обязательства, которые должником признаются, но не исполняются. Исходя из содержания закона, заявление взыскателя на выдачу приказа в этом случае имеет приоритет

презумпции вины должника, не исполнившего свои обязательства. Это делает бесспорным право требования [3, с. 91-95].

Например, судья Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга возвратил заявление о выдаче судебного приказа Федеральному государственному бюджетному учреждению "Автотранспортный комбинат управления делами Президента РФ" о взыскании с должника ООО «Балтижсервис» денежных средств по договору от 23 октября 2015 года в сумме 51 тысяча рублей. Суд указал, что взыскателем не представлены письменные документы, подтверждающие признание должником долга. Судом не принят во внимание акт сверки расчётов, подписанный сторонами, а также гарантийное письмо, содержащее обещание должника погасить долг, поскольку ответ должника на претензию не представлен [4].

Закон (ст. 229.6 Арбитражный процессуальный Кодекс РФ) не требует оценки доказательств, подтверждающих признание должником денежных обязательств. Исходя из содержания ст. 229.3 АПК РФ, оценка документов, подтверждающих обоснованность требований взыскателя, производится судьёй при принятии заявления о выдаче судебного приказа. На наш взгляд, при оценке документов, представленных взыскателем, подтверждающих денежные обязательства, которые не оспариваются должником, необходимо использовать основы приказного производства, в гражданском процессе. Например: это могут быть договоры, акты сверки расчетов, письма должника, из содержания которых усматривается признание им долга; акты, подтверждающие передачу товара или оказание услуг. Представляется, что примерный перечень документов необходимо внести в Арбитражный процессуальный кодекс РФ с соответствующими разъяснениями.

Также на практике возникают вопросы относительно возможности взыскания расходов на оплату юридических услуг, понесенных доверителями при подготовке заявления о вынесении судебного приказа. Как известно, заявление по вопросу о судебных издержках может быть подано и после принятия итогового судебного акта. Об этом, в частности, говорится в п.28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела». Так согласно Пленуму «После принятия итогового судебного акта по делу лицо, участвующее в деле, вправе обратиться в суд с заявлением по вопросу о судебных издержках, понесенных в связи с рассмотрением дела, о возмещении которых не было заявлено при его рассмотрении». Такой вопрос разрешается судом по правилам, предусмотренным ст. 159 АПК РФ. По результатам его разрешения выносится определение» [5].

Судебная практика содержит примеры, когда суды удовлетворяли требования сторон о взыскании судебных издержек на оплату услуг представителя. Так, Общество с ограниченной ответственностью «ТоргПромСнаб» обратилось в Арбитражный суд Республики Хакасия с заявлением о взыскании с публичного акционерного общества «Межрегиональная распределительная сетевая компания Сибири» 7 000 руб. судебных расходов. В обоснование требования о взыскании судебных расходов заявителем представлены соответствующие документы: договоры об оказании юридических услуг от 17.03.2017 и от 15.05.2017, заключенные между обществом с ограниченной ответственностью «ТоргПромСнаб» (заказчик) и обществом с ограниченной ответственностью «МагисЛекс». Суд удовлетворил заявление общества с ограниченной ответственностью «ТоргПромСнаб» о взыскании судебных расходов на оплату услуг представителя [6].

Подводя итог вышеуказанному, можно констатировать, что в настоящее время имеется пробел правового регулирования вопроса о возмещении расходов на оплату юридических услуг, понесенных при составлении заявления о выдаче судебного приказа. Однако все же стоит включать соответствующее требование в заявление о выдаче судебного приказа, и, в случае отказа, обращаться в суд с отдельным заявлением о взыскании судебных расходов.

Таким образом, в заключении можно сделать вывод, что приказное производство в арбитражном процессе основывается на многолетнем опыте применения такого производства в гражданском процессе. Несмотря на недостатки, процедура приказного производства будет совершенствоваться, не только путем внесения изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, но и с помощью формирования судебной практики, разъяснений по её применению высшей судебной инстанцией, это будет способствовать более полному всестороннему и объективному рассмотрению дел в арбитражном процессе.

Список использованных источников:

1. Федеральный Закон № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 02.03.2016.
2. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (АПК РФ) (с изм. и доп. от 28 июля, 2 ноября 2004 г., 31 марта, 27 декабря 2005 г.) // "Российская газета" от 27 июля 2002 г.

3. Кайль, Я. Я. Упрощение и ускорение рассмотрения дела в условиях реформирования гражданского процессуального законодательства 2016. – С. 153-158.

4. Судебная практика Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области. [Электронный ресурс] <http://www.spb.arbitr.ru>

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 "О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела"

6. Определение Арбитражного суда Республики Хакасия [Электронный ресурс] А74-3380/2017.

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

© Д.В. Мельников

Научный руководитель: О.В. Буткевич

канд. юрид. наук

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Полномасштабная череда политических и социально-экономических изменений объясняет кардинальное изменение сущности всех сфер деятельности государства, касаясь, в свою очередь, и правоприменительной деятельности. Именно в связи с этими обстоятельствами видоизменяется спектр целей и задач участия уполномоченных государственных органов в современном судопроизводстве. При этом вопросы затрагивающие аспекты законодательного регулирования участия и совокупности полномочий прокурора в арбитражном процессе привлекают внимание огромного числа правоведов и практикующих процессуалистов, в связи с их противоречивостью и явному несоответствию нынешним реалиям.

По своей правовой природе участие прокурора в арбитражном процессе имеет ярко выраженный публичный характер и его участие в процессе ограничено определенной категорией споров: признание недействительными сделок, истребование государственного и муниципального имущества из незаконного владения, и оспаривание правовых актов. В первом случае участие прокурора всецело зависит от субъектного состава участников сделки, одним из которых должно быть юридическое лицо, имеющее муниципальную или государственную долю участия, а также органы государственной и муниципальной власти. Очень неоднозначно в связи с этим видится положение ч. 2 ст. 53 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации" № 95-

ФЗ от 24.07.2002 (далее – АПК РФ) [1], которая наделяет правом обращения в арбитражный суд в защиту публичных интересов органы государственной власти, а также органы местного самоуправления и иные органы. В свою очередь ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации" № 138-ФЗ от 14.11.2002 (далее – ГПК РФ) наделяет прокурора более обширным количеством правомочий, среди которых и неограниченное право предъявления любого иска в интересах России, ее субъектов и муниципальных образований [2]. Хотя очевидно, что вред, причиненный юридическими лицами в налоговой, бюджетной и природоохранной сфере, т.е. в сферах, обеспечивающих жизнедеятельность всего государства, явно несопоставим с последствиями правонарушений, совершенных гражданами по своему объему и фактически понесенными потерями. Федеральный закон «О прокуратуре», в ст. 26, 35, а также ст. 52 АПК РФ не содержит полномочий для понуждения хозяйствующих субъектов к заключению публичных договоров на условиях, предусмотренных действующим законодательством, однако именно ненадлежащее исполнение или неисполнение гражданско-правовых обязательств и отказ от их заключения в экономической сфере может нарушать интересы как отдельного лица, так и всего общества, государства [3]. Публичный интерес нарушается и в процессе совершения не соответствующих законодательству сделок предпринятиями, которые не имеют доли участия РФ и ее субъектов. Несмотря на то, что подобные сделки ничтожны в силу прямого указания закона, прокурор в арбитражном процессе не имеет возможности предъявить требования о применении последствий недействительности ничтожной сделки. В данном случае представляется целесообразным унифицировать положения ГПК РФ и АПК РФ, касающиеся вопросов процессуального положения прокурора и предоставить право последнему предъявлять любого рода иски в интересах РФ и его субъектов. В данном случае существенную роль будет играть не субъектный состав, а непосредственный объект противоправного посягательства.

Главной целью вступления прокурора в арбитражный процесс является соблюдение законности, которая не присуща ни одной из сторон арбитражного процесса, однако суды зачастую определяют положение прокурора, который вступил в процесс, как третьего лица на стороне истца или ответчика без самостоятельных требований, тем самым происходит неправомерное уравнивание прокурора с положением стороны в процессе. Прокурор, как представитель интересов государства в арбитражном процессе, руководствуется в своей деятельности нормами АПК РФ, являясь при этом особой процессуальной фигурой и в связи с этим сравнение его с другими участниками процесса необоснованно. Он имеет особый интерес к возбуждению дела,

который определяется его должностным положением и необходимостью защиты публичных интересов в арбитражном процессе. Правовое положение прокурора характеризуется полным отсутствием материального интереса, а сам прокурор выступает процессуальным истцом. В связи с чем наиболее целесообразным видится закрепление в законодательстве понятия публичного интереса, для защиты которого прокурор имеет возможность обратиться с иском в арбитражный суд. Под законностью же понимается соблюдение всеми судьями арбитражных судов правил, установленных законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах, а также правильность применения законов и иных нормативных актов при рассмотрении дел арбитражным судом. Не менее важная цель прокурора, вступившего в процесс, представляется в надзоре за правильным применением арбитражным судом норм материального права, и соблюдения участниками процесса норм процессуального права, для вынесения обоснованного и законного решения.

ГПК РФ также предусматривает возможность предъявления отвода прокурору, в случае, если в предыдущем рассмотрении дела он принимал участие в качестве представителя, свидетеля, АПК же не содержит аналогичной нормы. В ныне действующем АПК недостаточно четко и полно регламентирован процессуальный статус и роль прокурора, а его модификация, по мнению многочисленных правоведов, должна способствовать единообразному пониманию субъектами правовой природы участия прокурора в арбитражном процессе и окончательно определить совокупность его полномочий, характер его взаимоотношений с иными участниками процесса.

Законодатель с момента принятия в РФ АПК в 2002 году и по сегодняшний день продолжает политику по ограничению функциональной составляющей представителей прокуратуры в области экономической деятельности, в первую очередь в рамках защиты публичных интересов. С целью урегулирования ряда вопросов было принято Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 15 "О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе" от 23.04.2012 г. [4], которое было призвано решить проблематику участия прокурора в арбитражном процессе и урегулировать противоречия между функциями по осуществлению общего надзора за исполнением нормативно-правовых актов в экономической сфере и защиту публичных интересов. Однако данное постановление не решило насущных вопросов и после его опубликования появились новые дискуссии между практиками и учеными относительно вопросов касающихся форм, оснований, и пределов участия прокурора в арбитражном процессе.

Много вопросов вызывает противоречие положений, зафиксированных в ст. 52 АПК РФ нормам Конституции РФ в части равенства всех форм собственности. Данная норма АПК предоставляет прокурору право на обращение в суд с иском о защите интересов государства, хотя государство в процессе проведения экономической деятельности выступает в гражданском обороте на равных началах с иными субъектами. К данной категории относятся также оспаривание прокурором сделок с участием юридических лиц, долю в уставном капитале которых имеют публично-правовые образования.

Несмотря на исчерпывающий перечень дел по которым прокурор имеет право обратиться в арбитражный суд, анализ судебной практики в арбитражном процессе показывает, что очень часто арбитражные суды применяют в отношении данной статьи расширительное толкование, следствием которого является принятие ими к производству исков и вынесением по ним решений, не указанных в диспозиции рассматриваемой статьи.

Прокурор также имеет право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании нормативно-правового акта недействующим, в случае, если полагает, что данный акт или его отдельные положения противоречат акту, имеющему большую юридическую силу, и нарушают законные интересы, и права субъектов в сфере предпринимательской деятельности. В случае обращения, он обязан отразить в заявлении основания обращения, а также указать, в чем непосредственно заключается нарушение оспариваемым актом законных прав субъектов предпринимательской деятельности и публичных интересов. Наряду с этим, прокурор имеет право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и деяний органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц, если полагает, что оспариваемый ненормативный правовой акт, решение и деяние не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают права и законные интересы граждан, организаций, иных лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, незаконно возлагают на них какие-либо обязанности, создают иные препятствия для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности. Постановление Пленума № 15 в п. 3 устанавливает ряд ограничений возможности обращения прокурора в суд с данным требованием, указывая на тот факт, что обращение прокурора с заявлением в суд о признании недействительным ненормативного правового акта является законным, если оспариваемый акт нарушает публичные интересы в сфере экономической деятельности [4].

Деятельность прокурора подчинена обеспечению законности, что вызывает явную необходимость внесения в ст. 52 АПК РФ изменений, касающихся расширения полномочий прокурора в арбитражном процессе, которые будут отражать нынешние реалии, что в конечном итоге будет являться положительным моментом для формирования единообразия судебной практики в сфере защиты граждан и охраняемых законом интересов общества или государства.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" № 95-ФЗ от 24.07.2002 [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (02.04.2019);

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" № 138-ФЗ от 14.11.2002 [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (02.04.2019);

3. Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации" № 2202-1 от 17.01.1992 [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (04.04.2019)

4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 15 "О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе" от 23.04.2012 г. [Электронный ресурс] <http://www.garant.ru/> (06.04.2019).

К ВОПРОСУ О НОТАРИАТЕ КАК ПРЕДМЕТЕ СОВМЕСТНОГО ВЕДЕНИЯ

© А.Е. Мухлынин

Научный руководитель: Е.Б. Тарбагаева

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Как известно, в формально-организационном плане федерализм представляет собой систему политико-территориального устройства, в которой существуют две подсистемы государственной власти: федеральная и региональная. При этом региональная (федеративная) система является базовой, т.е. нижестоящей, а федеральная надстраивается над нею. Региональная, или федеративная, подсистема публичной власти стремится к дивергенции, когда каждый субъект федерации старается сохранить свою социокультурную самобытность или даже уникальность. Напротив, федеральная, или центральная,

подсистема публичной власти стремится к конвергенции и призвана обеспечить единство так называемых федеральных стандартов.

С одной стороны Россия – Федеративное государство, и соответствующим образом должно развиваться её законодательство. С другой стороны такая автономия порождает бы ряд трудностей, а в некоторой степени ограничивала бы права граждан. Например, ст. 48 Конституции РФ (право на квалифицированную юридическую помощь) подразумевает единый базовый стандарт её оказания на всей территории РФ, что не исключает возможность самостоятельного регулирования на уровне субъекта. Здесь можно говорить о том, что федеральное законодательство было бы правовым стандартом и на него должны ориентироваться регионы. Например, Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи» (ст.20), определены категории граждан, имеющих на неё право. Но субъекты РФ могут расширить перечень категорий граждан обладающих правом, на бесплатную юридическую помощь. [3]

Поскольку в соответствии со ст. 72 Конституции РФ нотариат отнесен к сфере совместного ведения, то по вопросам нотариата может осуществляться правовое регулирование субъектами РФ, что в свою очередь накладывает отпечаток на построение нотариального законодательства как двухуровневого, сочетающего в себе законоположения федерального уровня и уровня субъектов РФ. Закономерно следует вопрос о границах дозволенного регулирования на нижнем уровне.

Основы законодательства о нотариате (далее – Основы) определяют пределы компетенции субъектов РФ. В Основых содержатся около десятка статей, которые предоставляют возможность для нормотворчества субъектов Российской Федерации в сфере нотариата и нотариальной деятельности, что допускает детальное правовое регулирование указанной сферы деятельности. [2]

В распоряжении субъектов РФ для нормотворчества имеются 11 статей. Так, например субъекты РФ наделены правом устанавливать: 1) Сроки повторной сдачи квалификационного экзамена (Ст. 4). Например, в Санкт-Петербурге и Еврейском Автономном округе, срок сокращен до 6 месяцев; 2) Нотариус, занимающийся частной практикой, вправе «совершать другие действия» в соответствии с законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (Ст. 8). В Москве нотариусы могут использовать жилое помещение под нотариальную контору; 3) Нотариальное делопроизводство ведется на языке, предусмотренном законодательством Российской Федерации, республик в составе Российской Федерации, автономной области и автономных округов (Ст. 10). Ранее в законе Республики Башкортостан содержалось положение о национальном языке, но в новом законе субъект установил

русский язык в качестве основного; 4) Субъекты РФ могут установить иной текст присяги нотариуса, нежели содержащийся в Основах (Ст. 14). Как правило, субъекты РФ воспроизводят текст присяги, содержащийся в Основах, но в законе Санкт-Петербурга о нотариате, используется свой текст; 5) Нотариусу могут быть предоставлены и иные права, наряду с установленным перечнем прав (Ст. 15). Например, закон г. Москвы, дополняет нормы о правах организационными полномочиями; 6) Нотариус выполняет свои обязанности в соответствии с настоящими Основами, законодательством субъектов Российской Федерации и присягой (Ст. 16); 7) Деятельность нотариальной палаты осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и своим уставом (Ст. 24). Также субъекты могут установить дополнительные полномочия для нотариальной палаты. (Ст. 25) Закон Воронежской области, предоставляет такое полномочие, как «проведение внеочередных и повторных проверок организации работы нотариусов по решению Правления нотариальной палаты»; 8) Законодательством субъектов Российской Федерации могут быть предусмотрены иные сроки проведения проверок организации работы нотариуса (Ст. 34). По общему правилу срок составляет 1 год после наделения полномочиями и в последующем каждые 4 года, в законе Карачаево-Черкесии, отсутствует требование о проведении первой после одного года проверки, а в Башкортостане срок составляет 3 года; 9) Необходимо обратить внимание на то, что согласно ст. 39 Порядок совершения нотариальных действий помимо Основ и Регламента совершения нотариальных действий, могут определяться «другими законодательными актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации», но на практике субъекты не принимают подобного рода нормы в настоящее время. Субъекты РФ в рамках действующего концепта законодательства и не должны этого делать; 10) Место совершения нотариального действия определяется законодательством субъекта (Ст. 40). Например, нотариус обязан принимать к производству все дела связанные с оформлением наследства в так называемой наследственной зоне – на территории нотариального округа, закрепленной за конкретным нотариусом для ведения наследственных дел. [5,6,7,8,9,10]

Вопрос о двухуровневом характере связан и с характером самого акта «Основ». Задачами Основ законодательства являлось осуществление первичного регулирования общественных отношений, установление норм, являющихся исходными для их развития, вслед за принятием Основ законодательства в СССР принимались кодексы и законы, более детально регулирующие соответствующие общественные отношения с учетом положений,

зафиксированных в Основах. Нельзя утверждать, что Основы выполняют подобную функцию для законов субъектов РФ.

По предмету совместного ведения, закон субъекта не должен противоречить федеральному закону (ч.5.ст.76), но может устранить пробел или существенным образом мог бы дополнить законодательство о нотариате и сделав качественный шаг к совершенству, путем более детальной регламентации. Либо апробировав опыт на региональном уровне, законодатель внедряет его на федеральном уровне.

Возвращаясь к проблеме разграничения предметов ведения и полномочий в сфере нотариата, следует отметить, что согласно пункту 28 части 2 статьи 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета), сейчас относится решение еще трех вопросов, непосредственно не указанных в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате. Во-первых это материально-техническое и финансовое обеспечение государственных нотариальных контор, во-вторых определение количества должностей нотариусов в округе и в-третьих определение пределов нотариальных округов в границах территории субъекта Российской Федерации. [4]

Двухуровневое регулирование необходимо с соблюдением принципа федерализма. Дальнейшее развитие нотариата как предмета совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации требует принятия нового федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации», либо внесения в Основы изменений в котором будут более четко и детально перечислены полномочия субъектов Российской Федерации в области нотариата, расширена их компетенция в указанной сфере деятельности, а также предоставлена большая свобода в регламентации организации нотариата на своей территории, что в дальнейшем обязательно потребует от них принятия законов субъектов Российской Федерации «О нотариате» [11].

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с послед. изм.) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – ст. 4398 (с послед. изм.).
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 // Российская газета. – 1993. – № 49 F
3. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ // Российская газета. – 2011. – № 262 (с послед. изм.)
4. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ // Российская газета. – 1999. – № 206. (с послед. изм.)
5. Об организации и деятельности нотариата в городе Москве: Закон г. Москвы от 19.04.2006 № 15 / Ведомости Московской городской Думы. – 2006. – № 5. – ст. 107. (в послед. ред.)
6. Об организации и деятельности нотариата в Санкт-Петербурге: Закон Санкт-Петербурга от 16.01.2009 № 803-З / Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. – № 1. – 2009. (в послед. ред.)
7. Об организации нотариальной деятельности в Еврейской автономной области: Закон Еврейской автономной области от 19 июля 2000 года № 204-ОЗ / Биробиджанерштерн. – 2000. (в послед. ред.)
8. О нотариальной деятельности в Карачаево-Черкесской Республике: Закон Карачаево-Черкесской Республики от 2 декабря 2005 года № 89-РЗ / День Республики. – 2005. – № 215– 216(16830). (в послед ред.)
9. О нотариате: Закон Воронежской области от 12 июня 1997 года № 6-II-ОЗ / Коммуна. – 1997. – № 116. (в послед. ред.)
10. О нотариате: Закон Республики Башкортостан от 13 июля 1993 года № ВС-18/11 / Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. – 1993. – № 11. – ст. 308. (утратил силу)
11. Олейник В.С. Нотариат как предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации // Нотариальный вестник 2014. – №1. – С.10-16.

**ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО НЕСЧАСТНЫМ СЛУЧАЕМ НА ПРОИЗВОДСТВЕ**

© Д.А. Никифорова

Научный руководитель: Т.А. Васильева

Сибирский федеральный университет

Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Это право является неотъемлемым и закреплено в статье 37 Конституции РФ. [1] На практике работник может столкнуться с трудностями относительно доказывания, что может повлечь оставление его нарушенного права без защиты. На основании этого представляется интересным изучить, какие факты составляют предмет доказывания истца по делу о возмещении вреда, причиненного несчастным случаем на производстве, а также определить особенности доказывания данных фактов.

Из всех обстоятельств, которые необходимо выяснить по делу, в предмет доказывания следует включать факты материально-правового характера. На основании этого в предмет доказывания истца по делам о возмещении вреда, причиненным несчастным случаем на производстве входят следующие факты: факт наличия трудовых отношений, факт несчастного случая на производстве и факт причинения вреда здоровью.

К доказательствам, представляемым сторонами суду, законодательство предъявляет определенные требования, некоторые из которых получили отражение в правилах доказывания по делу как к определенному поведению обязанного субъекта. Одним из таких правил является правило допустимости доказательств, предусмотренное ст. 60 ГПК РФ. [2] Согласно данному правилу, по каждому конкретному делу, рассматриваемому судом, допустимы будут те доказательства, которые получены с соблюдением требований к порядку получения и источнику доказательств.

И.В. Решетникова придерживается позиции, что «допустимость доказательств может носить общий и специальный характер». Общий характер правила допустимости означает распространение требования о получении информации из определенных законом средств доказывания с соблюдением порядка получения на все доказательства, привлекаемые в процесс. Специальное правило допустимости предусматривает использование определенных доказательств либо запрещает использовать определенные доказательства. В первом случае речь идет о позитивной допустимости, во втором – негативной. [11]

Позитивная допустимость означает необходимость использования в процессе доказывания определенных законодательством средств доказывания. По мнению М.К. Треушникова, допустимость доказательств в позитивном смысле определяется как истребование при рассмотрении дела судом доказательства, установленного законом; при этом для подтверждения или опровержения факта суд не ограничивается в возможности использования и других средств доказывания [12].

Позиция о существовании позитивной и негативной допустимости доказательств подверглась критике со стороны А.С. Козлова. Он указывал, что специфика конкретных фактов, например, факт причинения вреда здоровью, «обуславливает появление или реальную возможность формирования в последующем определенного вида информации» [10], которая попадает в судебное дело только посредством определенного доказательства. Такие доказательства являются необходимыми для рассмотрения дела. О.В. Баулин определял необходимые доказательства как доказательства, без которых дело не может быть разрешенным в силу природы и характера спорного материального правоотношения, требования законодательства. [9]

В.В. Молчанов исследовал различие между категориями допустимых и необходимых доказательств. Он указывает, что и необходимые, и допустимые доказательства требуются для правильного разрешения дела судом, однако их различие состоит в том, что допустимость доказательств определяется требованиями закона, когда категория необходимых доказательств может быть выработана судебной практикой или определяться нормативно-правовыми актами. [10]

Первый факт, который входит в предмет доказывания по делам о возмещении вреда, причиненным несчастным случаем на производстве, – факт наличия трудовых отношений. Работник, обладающий правом на возмещение вреда, должен представить суду копию трудового договора, подтверждающего наличие трудовых правоотношений с работодателем, на производстве которого произошел несчастный случай. Однако, п. 14 Постановления Пленума Верховного суда от 10 марта 2011 г. № 2 "О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний" предусмотрена возможность возмещения вреда и при отсутствии оформленного трудового договора. [6] Поэтому в подтверждение факта наличия трудовых отношений, истец может не только представить письменное доказательство в виде копии трудового договора, но и использовать другие средства доказывания,

установленные ГПК РФ. Таким образом, в отношении установления данного факта суд руководствуется общим правилом допустимости.

Следующий факт, входящий в предмет доказывания истца, – это факт несчастного случая на производстве. Данный факт подтверждается актом о несчастном случае на производстве по форме N-1, что установлено ст. 230 Трудового кодекса РФ. [3] Исходя из ранее изложенного, установление факта несчастного случая на производстве только с помощью составления акта о несчастном случае на производстве по определенной форме попадает под категорию позитивной допустимости. При отсутствии составленного акта о несчастном случае на производстве суд отказывает в удовлетворении иска о возмещении вреда ввиду недоказанности факта, входящего в предмет доказывания по делу.

Следующий факт, в отношении которого также действует правило позитивной допустимости и который входит в предмет доказывания истца, – факт причинения вреда здоровью. В соответствии с п. 1 ст. 10 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125 "Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний", он подтверждается заключением медико-социальной экспертизы. [4]

Пункт 7 Постановления Правительства РФ от 16.10.2000 № 789 "Об утверждении Правил установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний" предусматривает возможность освидетельствования пострадавшего в учреждении медико-социальной экспертизы по обращению Фонда социального страхования РФ, работодателя или пострадавшего при наличии документа, подтверждающего факт несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, либо по определению суда. [7] Отметим, что заключение медико-социальной экспертизы, в зависимости от обстоятельств дела может быть квалифицировано либо в качестве письменного доказательства (указанное заключение получено до возбуждения дела, проведено при отсутствии определения суда, вынесенного в установленном законом порядке, о назначении экспертизы) либо в качестве судебной экспертизы (медико-социальная экспертиза, проводимая во исполнение определения суда о назначении экспертизы). Таким образом, название указанной экспертизы не предопределяет судебную квалификацию средства доказывания, однако это не влияет на существование позитивного правила допустимости в отношении доказывания факта причинения вреда.

Относительно последних двух фактов, входящих в предмет доказывания истца, судебная практика сложилась таким образом, что их наличие

необходимо в процессе доказывания, так как при отсутствии наступают негативные последствия в виде отказа в удовлетворении исковых требований. [8] Требования относительно использования акта о несчастном случае на производстве и заключении медико-социальной экспертизы для доказывания определенных фактов устанавливаются в нормах материального права, что в совокупности подтверждает их отнесение к допустимым доказательствам.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2014. № 31. ст. 4598.

2. Гражданский процессуальный кодекс: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 27.12.2018) [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2002. № 46. ст. 4532.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от от 30.12.2001г. № 197-ФЗ (в ред. от 01.04.2019) [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – ст. 3.

4. Федеральный закон "Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний" от 24.07.1998 г. № 125 [Текст] // Собрание законодательства РФ – 1998. – № 31. – ст. 3808.

5. Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011г. № 323 [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – ст. 6724.

6. О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 2 от 10.03.2011г. [Текст] // Российская газета <https://rg.ru> [Электронный ресурс].

7. Об утверждении Правил установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : Постановление Правительства Российской Федерации № 789 от 16.10.2000 [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 43. – ст. 4247.

8. Обзор судебной практики рассмотрения судами Кемеровской области дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение от 27 августа 2004 года № 01-19/386 [Текст] // <http://docs.pravo.ru> [Электронный ресурс].

9. Баулин О.В. Доказательства и доказывание в гражданском судопроизводстве: учеб. пособ./ О.В. Баулин, Д.Г. Фильченко; под общ. Ред. О.В. Баулина – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2006.

10. Молчанов В.В. Допустимость доказательств в гражданском судопроизводстве // Законодательство. 2006. № 1.

11. Решетникова, И. В. Доказывание в гражданском процессе : учеб.-практ. пособие для бакалавриата и магистратуры / И. В. Решетникова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2018. – С. 78.– ISBN 978-5-534-02775-4.

12. Треушников М.К. Судебные доказательства. / 3-е изд. – Монография. – М.: Городец, 2004.

ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

© Н.Д. Петряков

Научный руководитель: Т.В. Сахнова

д-р. юрид наук

Сибирский федеральный университет

Принцип гласности имеет глубокие исторические корни. Публичное разбирательство и отстаивание своего права являлись неотъемлемыми чертами правосудия древнейших государств. В России появление принципа гласности связано с проведением судебной реформы 1864 года, в результате которой в стране был принят новый свод законов Российского государства – «Судебные Уставы 20 ноября 1864 года», состоящий из четырех кодексов и одного дополнения: Устав Гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства, Учреждение судебных установлений, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями и «Мнения Государственного Совета». Их принятию предшествовала колоссальная работа российских реформаторов и юристов, начавшаяся в 40-х годах XIX века.

В 1832 году граф М.М. Сперанский систематизировал все действующие на территории Российской империи законы, в последствие изданные в Полном Собрании Законов и Своде Законов. Созданная графом М.М. Сперанским кодификация позволила последовательно и планомерно подойти к процессу реформирования существующего российского права.

Первые зачатки реформирования относятся к началу 40-х годов XIX века, когда заведующим II отделения Его Императорского Величества канцелярии графом Д.Н. Блудовым в 1843 году у членов судебного ведомства были запрошены замечания «о доказанных практикою недостатках судебного законодательства», и на основании полученных сведений составлено «предположение» о некоторых необходимых его улучшениях [1, с. 67]. Однако данный документ носил исключительно формальный характер, указанные замечания и последующие изменения не могли привести к решительным преобразованиям существующей судебной системы и касались исключительно «внешних» изменений, тогда как сам граф Д.Н. Блудов осознавал необходимость коренных перемен, но по свидетельству современников, не решался их осуществить. Тем не менее, в 1855 – 1860 гг. им были составлены подготовительные проекты будущих уставов, в которых предлагалось введение главных начал судопроизводства: принципа отделения административной власти от судебной, введение гласности и устности судопроизводства взамен принципа канцелярской тайны, принцип состязательности сторон, введение суда присяжных и другие. В «Объяснительной записке к проекту Устава гражданского судопроизводства» граф Д.Н. Блудов отмечал, что усовершенствование текущего законодательства требует принятия совершенно противоположных действующей правовой системе основных начал (стр. 8 «Объяснительной записки») [1, с. 67]. При этом, принцип гласности графом Д.Н. Блудовым отмечался, как необходимое условие достижения истины в правосудии: «При гласности силою самой торжественности подсудимые и свидетели побуждаются к открытию правды... кроме того, ввиду такой гласности и возбуждаемого ею общественного мнения, судьи чувствуют всю важность и, так сказать, всю святость своего призвания» (стр. 147 «Объяснительной записки») [1, с. 68].

Период 1861 – 1862 гг. коренным образом повлиял на развитие будущей судебной реформы и установление основных начал судопроизводства. Отмена крепостного права 19 февраля 1861 года положила начало процессу введения общих для всех гражданских прав, а, следовательно, и одинаковой для всех судебной системы: равной и справедливой. Вследствие всеобщего просвещения и нравственного подъема, принципы гласности и публичности воспринимались всеми слоями общества как проводники истины, как гаранты нравственных начал в судебном процессе [3, с. 416]. Соединенные департаменты законов и гражданских дел Государственного Совета при рассмотрении общих замечаний на проект гражданского судопроизводства отмечали коренные недостатки действующего судопроизводства, к которым относятся сложность принятых форм судебного разбирательства и канцелярская тайна [2, с.

2]. Государственным Советом единогласно признавалась необходимость введения гласности в судебном процессе: «Неоспоримые преимущества гласного суда, перед закрытым в настоящее время признаны всеми» [4, с. 59].

На основе разработанных графом Д.Н. Блудовым подготовительных проектов уставов, служащими II отделения Его Императорского Величества канцелярии и назначенными к ней юристами разрабатывались главные начала гражданского судопроизводства и остальных уставов. После предварительного рассмотрения подготовительных проектов в Государственном совете было решено получить заключение практиков. Выработанные Государственной канцелярией «Главные начала» в апреле – июле 1862 года были рассмотрены соединенными департаментами Государственного совета. Затем, в августе и сентябре 1862 года, они снова трижды были рассмотрены Общим собранием Государственного совета при участии ученых-юристов и практиков. В дальнейшем основная работа по преобразованию уставов была передана государственному секретарю В.П. Буткову и стас-секретарю департамента законов государственного совета С.И. Зарудному, которые, проанализировав подготовительные проекты графа Д.Н. Блудова, 23 октября 1861 года издали более полный доклад о порядке рассмотрения в государственном совете проектов судебного преобразования. Наступил ключевой этап реформирования действующего российского судопроизводства. По инициативе В.П. Буткова и С.И. Зарудного было принято решение о разработке, основных начал судопроизводства, на основе подготовленных графом Д.Н. Блудовым проектов уставов совместно с назначенными государственной канцелярией юристами, данное событие стало беспрецедентным случаем законотворчества в духе тех правовых начал, которые предполагалось разработать.

В 1862 году руководство по дальнейшему проведению судебной реформы было возложено на князя Гагарина, который предоставил назначенным к разработке основных непреложных начал судопроизводства юристам полную свободу деятельности по разработке вышеуказанных принципов. Так, ходатайством от января 1862 года князь Гагарин постановил: «изложить в общих чертах соображения государственной канцелярии и прикомандированных к ней юристов о тех главных началах, несомненное достоинство которых признано в настоящее время наукой и опытом европейских государств и по которым должны быть преобразованы судебные части в России» [1, с. 70]. Несмотря на всю скудность России периода XIX века юридическими силами, на разосланный проект предстоящей реформы поступило 446 разных замечаний со всех концов России, в том числе и из удаленных частей Российской империи: Сибири и Закавказья [1, с. 69].

К осени 1863 года были составлены окончательные проекты Уставов, сопровождавшиеся многочисленными объяснительными записками и замечаниями виднейших представителей не только отечественного, но и зарубежного права.

Данный документ ознаменовал заключительный этап разработки и реализации основных принципов новой судебной системы. По мнению Н.А. Буцковского важнейшее место в которой занимает гласность, являющаяся самым надежным контролирующим фактором любой общественной и управленческой деятельности— «единственной уздой, удерживающей общественных деятелей в пределах законности» [3, с. 416].

Высшим проявлением принципа гласности явилось опубликование основных непреложных начал в «Собрании узаконений и распоряжений правительства», что стало первым подобным актом обнародования грядущей судебной реформы. Таким образом, содержание будущих судебных преобразований стало доступно для широких общественных масс, в чем проявилась просветительская функция гласности не только среди представителей юридической науки, но и среди подавляющего числа населения Российской империи. По мнению большинства отечественных исследователей в области гражданского процесса XIX века принцип гласности стал важным шагом по улучшению существующей в XIX веке системы судопроизводства в России. Гласность воспринималась как основополагающее начало процесса, необходимое условие правильного отправления правосудия, достижения истины, а также важный нравственный инструмент, влияющий на каждого участника процесса.

Подготовительная работа по реформированию судопроизводства в России стала необходимой основой совершенствования судебной системы в России, результатом которой явилось создание Судебных уставов, в том числе Устава Гражданского судопроизводства, сформированных под влиянием основных непреложных начал.

Список использованных источников:

1. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы: Сборник статей / Г.А. Джаншиев. – М., 1914.
2. Устав гражданского судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. – Ч 1. – СПб.: Тип. II, отд. 1867;
3. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса / Е.В. Васьковский. – М., 2016.

4. Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. – СПб., 2019, № 65.

**ОБ ИСПОЛНИМОСТИ МИРОВЫХ СДЕЛОК
ПО УСТАВУ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА**

© А.Д. Пузырева

Научный руководитель: Т.В. Сахнова

д-р. юрид наук

Сибирский федеральный университет

Последние законодательные проекты в области гражданского процесса свидетельствуют о тенденции в понимании современного мирового соглашения как мировой сделки, то есть гражданско-правового договора. Такой подход является не новым для отечественного законодательства, и способ разрешения спора между сторонами посредством мировой сделки был известен еще Уставу гражданского судопроизводства 1864 года (далее – УГС). Один из наиболее дискуссионных вопросов института мировых сделок связан с порядком их исполнения, так как он не был регламентирован законодателем и вызвал споры в науке гражданского процесса. В связи с чем представляется актуальным рассмотреть вопрос о свойстве исполнимости мировых сделок как имеющих важное гносеологическое значение.

В соответствии со ст. 1364 УГС судебный протокол, которым было оформлено примирение сторон, признавался равным судебному решению, вступившему в законную силу, и не подлежащему обжалованию [8, с. 633]. На основе указанной нормы в науке гражданского процесса сложились две противоположные точки зрения относительно порядка исполнения мировых сделок. Среди процессуалистов, убежденных, что утвержденная судом мировая сделка приобретала свойство исполнимости, как и судебное решение, можно отметить И. Е. Энгельмана, который отождествлял действие судебной мировой сделки и судебного решения [9, с. 448].

Иной подход рассматриваемой дискуссии был основан на признании материально-правовой природы мировой сделки. Поскольку предполагалось, что мировая сделка – это гражданско-правовой договор, то исполняться она должна добровольно, как и любой договор, а в случае неисполнения – путем подачи искового заявления о понуждении стороны к исполнению. В частности, Т.М. Яблочков полагал, что мировая сделка, даже облеченная в форму мирового протокола, исполнительной силы не имеет [10, с. 162].

Указанный подход был воспринят Правительствующим Сенатом, который в одном из решений указал, что мировые сделки о прекращении гражданских споров, устанавливающие между тяжущимися какие-либо правовые отношения, создающие для них права и обязанности, принадлежат к числу договоров, и в случае неисполнения стороной указанных обязательств, необходимо подавать иск о понуждении к исполнению [6, с. 1353].

В науке также можно встретить мнение, что исполнимость мировой сделки зависела от ее вида. По мнению В. П. Семенова-Тян-Шанского, мировые сделки, заключенные посредством записи, засвидетельствованной у нотариуса или у мирового судьи, должны принудительно исполняться путем подачи искового заявления о понуждении ответчика к исполнению, в то время как в случае добровольного неисполнения обязательств по мировому прошению или мировому протоколу необходимо выдавать исполнительный лист. [7, с. 129].

Однако изложенная точка зрения была опровергнута А.Н. Бутовским, который полагал, что последствие для всех трех видов мировых сделок одно, а именно дело, прекращенное миром, считается навсегда оконченным и возобновлению не подлежит [1, с. 129]. С указанной точкой зрения следует согласиться и по другим причинам. Во-первых, дифференциация порядка исполнения не имела законодательной основы, так как УГС не указывал на различие между тремя видами мировых сделок, кроме как процедуры их совершения. Во-вторых, существование различных порядков примирения могло быть обусловлено стремлением законодателя обеспечить больше возможностей для сторон в реализации их права на окончание процесса миром. Поэтому, точка зрения, что свойство исполнимости мировой сделки зависело от ее вида, является некорректной, так как порядок исполнения по мировым сделкам не зависел от вида и был един – подача нового искового заявления о понуждении стороны к исполнению неисполненного добровольно обязательства.

Предложенное Сенатом толкование норм УГС негативно сказалось на применении мировых сделок как способа окончания процесса. Согласно статистическим данным, в 1866 году, спустя два года после принятия УГС, из 34 752 дел, рассмотренных мировыми судьями Санкт-Петербурга, миром было окончено 14 017. Согласно данным за 1888 год заключением мировой сделки закончилось разбирательство 3 297 дел из 33 647 [5, с. 133].

Указанные данные свидетельствуют о том, что возникла потребность для разрешения проблемы на законодательном уровне. Первые шаги в этом направлении были сделаны в конце XIX века. 29 декабря 1889 года были приняты Правила о производстве судебных дел у земских начальников и

городских судей. Согласно ст. 140 указанных Правил вводилось принудительное исполнение по актам о платеже денег или возврате вещей или иного движимого имущества [2, с. 164].

В 1912 году в УГС был внесен ряд изменений, касавшихся принудительного исполнения по актам. В Книгу первую, регулировавшую производство в мировых судебных учреждениях, была введена глава X «Понудительное исполнение по актам». Согласно ст. 161.24 УГС правила данной главы применялись и к мировым сделкам, по которым ответчик принимал на себя одностороннее обязательство денежного платежа, либо возврата вещей или иного движимого имущества, или же освобождения либо сдачи состоявшего в найме имущества вследствие истечения срока найма. Аналогичная глава была введена в Книгу вторую, регулировавшую производство в общих судебных местах [4, с. 230]. Введение указанных норм было необходимо для усовершенствования порядка взыскания по бесспорным актам, к которым, в частности, относилась и мировая сделка, так как между сторонами отсутствует спор и дело ведется исключительно для получения приказа о понудительном исполнении.

Таким образом, утвержденная судом мировая сделка приобрела свойство обязательности для сторон, что обеспечило возможность принудительного исполнения. Однако принудительное исполнение вводилось не по всем заключенным мировым сделкам, а только по тем, в которых предметом уступок являлось движимое имущество, для принудительного исполнения остальных мировых сделок, требовалось подавать новое исковое заявление [3, с. 1008]. С таким законодательным подходом нельзя согласиться, так как предмет совершенных уступок являлся спорным критерием для дифференциации порядка исполнения по мировым сделкам.

Список использованных источников:

1. Бутовский, А. Н. Переход недвижимой собственности по мировым сделкам / А.Н. Бутовский // Журнал Министерства Юстиции. – СПб., 1907. – № 8. – С. 127 – 140.
2. Вербловский, Г. Л. Судопроизводство гражданское и уголовное в судебно-административных учреждениях / Г. Л. Вербловский. – СПб., Издательство: Н.К. Мартынов, 1898. – 256 с.
3. Гордон, В. М. Устав гражданского судопроизводства (по официальному изданию 1892 г., сводному продолжению 1912 г.) с систематизированным собранием законодательных мотивов ко всем узаконениям и разъяснений Правительствующего Сената и Министерства юстиции с приложением

узаконений, цитированных в Уставе или касающихся применения его, законов 12 марта 1914 г. и алфавитного предметного указателя / В. М. Гордон. – 6-е изд., значительно дополненное. – СПб.: Издание юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1914. – 1236 с.

4. Нолькен, А. М. Устав гражданского судопроизводства (Св. Зак., т. XVI, ч. 1, изд. 1914 г.) со включением изменений по продолжениям и законоположений, изданных в порядке ст. 87 осн. зак.): Практическое Руководство. [Т. 1]. Выпуск I: (Ст. 1 – 258.1) / А.М. Нолькен. – Петроград: Издание Юридического книжного склада «Право», 1916. – XXXII, 304 с.

5. Парамонов, А. С. Мировая сделка (Замечания на главу XXV проекта Гражданского Уложения об обязательствах) / А.С. Парамонов // Вестник Права. – СПб., 1900. – № 3. – С. 129 – 140.

6. Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената. [Том 04]: за первое полугодие 1869 года. – СПб.,: Типография Правительствующего Сената, 1870. – 1392 с.

7. Семенов-Тян-Шанский, В. П. О порядке исполнения мировых сделок / В. П. Семенов-Тян-Шанский // Журнал Министерства Юстиции. – СПб., 1913. – № 7. – С. 217 – 221.

8. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Издание Государственной канцелярии. Часть первая. – СПб., 1866. – 690 с.

9. Энгельман, И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства / И. Е. Энгельман. – 3-е изд., испр. и доп. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912. – 646 с.

10. Яблочков, Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства / Т.М. Яблочков. – Ярославль: А.Г. Фальк и К°, 1910. – VIII, 260 с.

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ОСПАРИВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, УСТАНОВЛЕННЫХ НОТАРИУСОМ ПРИ СОВЕРШЕНИИ НОТАРИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

© И.А. Реут

Научный руководитель: Е.Б. Тарбагаева

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Конституционный Суд Российской Федерации в своём постановлении от «19» мая 1998г. № 15-П в п. 2 отметил, что нотариат в России служит целям

защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, обеспечивая совершение нотариусами, работающими в государственных конторах или занимающимися частной практикой, предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации (ст. 1 Основ), что гарантирует доказательственную силу и публичное признание нотариально оформленных документов [1].

Данное утверждение, констатируя очевидную уникальность российского нотариата, вобравшего в себя дуалистичную природу сочетания публичного (от имени государства) и частного (прежде всего удостоверение воли физических лиц) интересов, можно, без сомнений, считать выдающимся примером позитивного нормоконтроля со стороны Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку именно данным выводом во многом детерминированы изменения процессуального законодательства, необходимость в дальнейшем совершенствовании которого является бесспорной [2].

Доказательственная сила, признаваемая Конституционным судом за нотариальными актами находит своё выражение в законодательно установленных процессуальных преимуществах одних средств доказывания перед другими.

В ряде работ, таких авторов как В.В. Аргунов, А.В. Грядов, М.З. Шварц и В.В. Ярков, раскрываются основания квалифицированной доказательственной силы нотариального акта. К примеру, А.В. Грядов, выявляет следующий аспект доказательственной силы нотариального акта как то, что нотариальный акт является достоверным и полностью доказывает содержащиеся в нем положения в силу закона, то есть вне зависимости от внутреннего убеждения судьи относительно достоверности его положений и достаточности нотариального акта для доказывания приведенных в нем юридических актов и фактов [3].

Тем не менее, поправки, внесенные ст. 61 ГПК РФ, ст. 69 АПК РФ, касающиеся того, что обстоятельства, установленные нотариусом не требуют доказывания не дают оснований полагать что нотариальным актам придается особая доказательственная сила в гражданском и арбитражном процессе.

Так, на основании ст. 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы. Суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности. Согласно ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации каждое доказательство подлежит оценке арбитражным судом наряду с другими доказательствами, и никакие

доказательства не имеют для арбитражного суда заранее установленной силы.

Это свидетельствует о том, что российский суд исходит из совокупности всех представленных доказательств и их внутренней логической взаимосвязи, позволяющей суду сделать выводы в мотивировочной части судебного решения.

Эти формулировки не дают оснований для утверждения о том, что нотариальным актом придается доказательственная сила. Если у суда возникают сомнения, он может не принимать во внимание положения нотариального акта. Здесь можно говорить лишь о доказательственном значении нотариального акта.

Доказательственное значение нотариального акта заключается в первую очередь в порядке и основаниях оспаривания. Обстоятельства, подтвержденные нотариальным актом, не требуют подтверждения другими средствами доказывания, до тех пор, пока нотариальный акт не оспорен по предусмотренным законом основаниям.

Доказательственное значение, которое мы используем применимо к нотариальному акту, это понятие оценочное и необходимое правоприменителю при анализе предлагаемого субъектом его вниманию материала.

В апелляционном определении Верховного суда Республики Саха (Якутия) [4] суд указал на следующее значение нотариального акта, представленного в качестве доказательства:

«По настоящему делу со стороны истца не предоставлено доказательств подложности оспариваемой ею доверенности, удостоверенной нотариусом. Данное обстоятельство в силу вышеуказанной нормы права исключает требование иных доказательств подтверждения обстоятельств проведения нотариальных действий».

Использование доказательственного значения нотариально удостоверенного обстоятельства представлено в деле № А56-62226/2014, где Верховный Суд Российской Федерации, отменяя все акты, принятые по делу, указал в Определении от 27 июня 2016 г. № 307-ЭС16-881, что согласно приведенной норме обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в порядке, установленном ст. 161 АПК РФ, или если нотариальный акт не был отменен в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством для рассмотрения заявлений о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении.

В Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.07.2016 № 13АП-11084/2016 [5] также можно увидеть пример того, как нотариальный акт суд принимает на том основании, что он не был оспорен в установленном порядке:

«Суд кассационной инстанции также отметил, что судом апелляционной инстанции не дана оценка доводам Инспекции и нотариусов о личной явке Петренко И.В. в регистрирующий орган и нотариальные конторы...

Кроме того, кассационный суд указал на отсутствие в материалах дела сведений об обжаловании Петренко И.А. действий нотариусов в установленном порядке».

Необходимо отметить, что не все обстоятельства, отраженные в нотариальном акте, имеют доказательственное значение.

Доказательственное значение признается за той частью нотариального акта, которая является публичным актом, при условии, что нотариус засвидетельствовал факт при осуществлении своих полномочий и это относится к фактам, не требующим для их констатации специальных познаний, отсутствующих у публичного должностного лица (так, например, для оспаривания психического состояния завещателя стороны прибегнут к обыкновенной процедуре доказывания).

Это так же относится ко времени и месту совершения нотариального действия; к присутствию при его совершении участников и их персональным данным, необходимым для совершения действия; составлению нотариального документа и проставлению подписей на нем; отметкам о совершении конкретных действий нотариусом (например, о разъяснении нотариусом последствий совершения того или иного действия, о прочтении документа вслух), участниками нотариального производства (например, о передаче денежных средств в присутствии нотариуса); отметкам о заявлениях участников нотариального действия. Остальные обстоятельства, даже будучи зафиксированными в нотариальном документе на основе иных данных (представленных заинтересованными лицами документов, их волеизъявлений, информации из государственных и нотариальных реестров, а также документов, полученных по запросам от иных органов), не имеют доказательственного значения для суда.

Гарантия законности и достоверности документов прежде всего проявляется в том, что нотариус обязан совершить ряд юридических действий, направленных на обеспечение законности скрепляемых действий и установление достоверности представленных данных. Доказательственное значение обеспечивается особой процедурой нотариального производства, включающей в

себя так называемую стадию нотариального расследования. В рамках данной стадии выявляется существо юридического отношения между сторонами, а также их истинное волеизъявление, оглашается проект нотариального документа, непосредственное восприятие которого обратившимися подтверждает их действительную волю.

Установление нотариусом фактов прошлого базируется на использовании письменных доказательств, причем не всех, а в большинстве своем официальных документов, обладающих самой высокой степенью гарантий достоверности содержащейся в них информации среди всех письменных доказательств [6], к тому же являющихся для нотариуса необходимыми и предпринятыми. Судя по новому Регламенту, устанавливающему объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способы ее фиксирования, главным источником информации для нотариуса остается документ (в бумажной или электронной форме). В то же время различного рода информационные ресурсы (государственные реестры, регистры, ЕИС нотариата), находящиеся в открытом и ограниченном доступе, также стали сегодня полноценными источниками сведений, необходимых нотариусу в нотариальном производстве. Сегодня он может (во многих случаях и должен) самостоятельно получить эти сведения независимо от заявителя. Но все это доказательства, основанные на письменной форме. Меньшее доказательственное (но огромное познавательное!) значение для нотариуса имеют устные заявления лиц, обратившихся за совершением нотариального действия, иных лиц, участвующих в его совершении [7].

В исключительных случаях при возникновении сомнений в содержании представленных документов либо в поведении заинтересованных лиц нотариус может направить запросы в компетентные государственные органы и организации для того, чтобы убедиться в законности и обоснованности совершаемого нотариального действия. При возникновении у нотариуса сомнений в подлинности представленного письменного документа он вправе направить документ на экспертизу, а совершение нотариального действия отложить.

Список использованных источников:

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 1998 г. № 15-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате" // СЗ РФ. 1998. № 22. 1 июня. ст. 2491.

2. Черемных И.Г. Теоретические основы независимого нотариата России. М., 2006. С. 31; Цит. по: Филиппова О.В. Нотариат России в механизме защиты прав граждан // Административное и муниципальное право. 2010. № 10. С. 2 – 31.

3. Грядов А.В. Доказательственная сила нотариального акта в праве России и Франции (сравнительно-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011.

4. Определение Верховного Суда РФ от 27.06.2016 № 307-ЭС16-881 по делу № А56-62226/2014.

5. Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.07.2016 № 13АП-11084/2016

6. Регламент совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования, утв. Приказом Минюста России от 30 августа 2017 г. № 156 // СПС "КонсультантПлюс".

7. Аргунов В.В. Нотариальный акт в судебном доказывании по гражданским делам: историко-теоретический очерк // Вестник гражданского процесса. 2017. № 6. С. 130 – 148

ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

© В.А. Романская

Научный руководитель: О.В. Буткевич

канд. юрид. наук

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Состязательность процесса – является одним из основополагающих принципов арбитражнопроцессуального права. Именно поэтому, в силу данного принципа такие обязанности как собирание и представление доказательств, а также доказывание возложены на спорящие стороны процесса, у которых противоположны интересы, и каждая заинтересована в соответствующем исходе дела. Стоит отметить, что главной обязанностью суда является выяснение того, какие обстоятельства будут иметь значение для дела, а также какой стороне надлежит их доказать, правильное определение предмета доказывания, и распределение обязанностей. Нарушение всех этих правил впоследствии может привести к отмене судебного решения.

Следует отметить, что Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года №95-ФЗ(далее – АПК РФ) содержит в себе определенную норму, которая существенно изменила построение обязанности доказывания в арбитражном процессе. В данном случае речь идет о статье 65 АПК РФ, а именно ч. 3, которая гласит: «каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания или в пределах срока, установленного судом, если иное не установлено настоящим Кодексом», а в свою очередь ч. 4 говорит нам: «лица, участвующие в деле, вправе ссылаться только на те доказательства, с которыми другие лица, участвующие в деле, были ознакомлены заблаговременно». Указанные нормы вызвали активную дискуссию среди ученых-юристов, и на сегодняшний день, данный вопрос не теряет своей актуальности. [1, с. 18]

Анализируя положения АПК РФ, можно сделать вывод, что часть 3 и 4 статьи 65 АПК РФ являются логическим продолжением статьи 9 АПК РФ, которая гласит нам о том, что лица, которые участвуют в деле, имеют право знать об аргументах друг друга до того, как начнется судебное разбирательство. В свою очередь ч. 3 ст. 65 требует от лиц, которые участвуют в деле, раскрыть доказательства, на которые они ссылаются в обоснование своих требований и возражений. [2, с. 43] И в данном случае может возникнуть вопрос о соотношении понятий «аргументы» и «доказательства», то есть, если у одной из спорящих сторон существует обязанность раскрыть доказательства, то другой стороне процесса представляется право до начала судебного заседания ознакомиться с этими доказательствами. Возникает вопрос, что в таком случае понимается под термином «аргументы»? Возможно, это синоним термина «доказательства», который означает сведения, на которые ссылается сторона, возражения или все-таки иное понятие? [3, с. 56] Необходимо отметить, что рассматриваемые нормы очень сходны с нормами английского процесса. В нем *discovery* (раскрытие доказательств) означает, что лица, участвующие в деле обязаны заранее изложить факты, которые касаются предмета спора, а касаясь доказательств, то закон не обязывает, чтобы стороны раскрывали доказательства до судебного процесса, но в случае, если одна из сторон потребует, чтобы другая сторона раскрыла все имеющиеся доказательства, находящиеся в ее распоряжении, последняя не может отказать, а при отказе наступают определенные негативные последствия. [4, с. 140]

Полагаем, что законодателю следовало бы закрепить определение, что является аргументами, для того чтобы предупредить сокрытие относимых доказательств и введение стороны в заблуждение.

Следующей проблемой является вопрос тех негативных последствий, которые могут наступить при неисполнении лицом обязанности по раскрытию доказательств. Как отмечает М.К. Треушников: «бремя доказывания подразделяется на «тяжесть предоставления доказательств» и «бремя утверждения» – то есть обязанность стороны ссылаться на юридически значимые факты, установление которых необходимо, прежде всего, для защиты интересов данной стороны. [5, с. 47] Что касается предоставления доказательств, то это определенное процессуальное действие, которое направлено на передачу, имеющихся доказательств в непосредственное распоряжение арбитражного суда. Данная обязанность нашла свое отражение в части 1 статьи 66 АПК РФ. Однако, выполняя данное требование по доказыванию и раскрытию не стоит забывать о том, что данные доказательства должны быть предоставлены, согласно закону, до начала судебного заседания. Таким образом, анализируя законодательную терминологию, отмеченную обязанность можно назвать «бременем раскрытия доказательств». Раскрытие доказательств – это определенное указание на те доказательства, которые обосновывают требования, либо возражения стороны, а также предоставление возможности ознакомления с данными доказательствами других участников процесса. [6, с. 78]

Здесь стоит привести пример из судебной практики, которая не связывает терминологию «раскрытия доказательств» и «предоставление доказательств». Данная позиция отражена в Постановлении ФАС Западно-Сибирского округа от 17 декабря 2003 г. по делу № Ф04/6394-189/А02-2003. Истец не явился в судебное заседание, но ходатайствовал о рассмотрении дела в его отсутствие, поскольку полагал, что суд первой инстанции утвердит мировое соглашение, которое было заключено между ним и ответчиком. Суд не утвердил мировое соглашение и рассмотрел дело по существу, обосновав свое решение тем, что ответчиком были представлены доказательства. Суд кассационной инстанции, направил дело на новое рассмотрение, аргументировав это тем, что арбитражный суд первой инстанции не был вправе принять в качестве доказательств документы ответчика, представленные в судебном заседании, поскольку последний не направлял их истцу, что является нарушением ч. 3 ст. 65 АПК РФ, а также ч. 2 ст. 9 данного Кодекса. Суд кассационной инстанции сослался также на ч. 1 ст. 66 АПК РФ в которой говорится, что «копии документов, представленных в суд лицом, участвующим в деле, направляются им другим лицам, участвующим в деле, если у них эти документы отсутствуют» [7]

Много вопросов вызывает положение о необходимости заблаговременного раскрытия доказательств. Когда же все-таки лицо должно раскрыть доказательства: в момент подачи иска, либо не задолго до судебного разбирательства, либо же в судебном заседании? Неопределенность данного положения может ввести одну из сторон, либо сразу две спорящих стороны, в заблуждение.

Полагаем, в арбитражном процессуальном законодательстве необходимо закрепить, что «сторона, участвующая в деле, обязана раскрыть доказательства: при подаче искового заявления; при направлении отзыва на исковое заявление; на предварительном судебном заседании».

Список использованных источников:

1. Баулин О.В. Время доказывания при разбирательстве гражданских дел. М., 2004 – 272 с.
2. "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018). (СПС «КонсультантПлюс»).
3. Фильченко Д.Г. Раскрытие доказательств в арбитражном процессе // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития. Воронеж, 2004.- 300 с.
4. Решетникова И. В. Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург, 1997. – 240 с.
5. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2005. – 288 с.
6. Кудрявцева Е.В. Институт раскрытия доказательств в России и Англии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1; СПС "КонсультантПлюс"
7. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 17 декабря 2003 г. по делу № Ф04/6394-189/А02-2003. (СПС «КонсультантПлюс»).

**ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ,
ВЫНЕСЕННЫХ В ПОРЯДКЕ УПРОЩЕННЫХ ПРОЦЕДУР**

© И.Е. Рыкованова

Научный руководитель: Т.В. Сахнова

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В соответствии с ч. 1 ст. 232.4 ГПК РФ, ч. 1 ст. 229 АПК РФ решение по делу, рассмотренному в упрощенном производстве, принимается путём подписания резолютивной части. Мотивировочная часть по общему правилу в решении отсутствует.

Таким образом, императивная по своему характеру норма ч. 1 ст. 198 ГПК РФ, ч. 1 ст. 170 АПК РФ, предусматривающая обязательное наличие в судебном решении мотивировочной части, в упрощенной процедуре действует иначе и ставится в зависимость от наличия у лица, участвующего в деле, или его представителя интереса в получении мотивированного решения.

Вместе с тем, в литературе неоднократно отмечалось значение мотивировочной части решения суда. Так, М.А. Гурвич указывал, что основание решения служит необходимым условием осуществления права сторон и других лиц, на обжалование решения, осуществление проверки и пересмотра решений вышестоящими судами [8, С.43]. Д.И. Крымский не соглашаясь с подходом законодателя к мотивировочной части решения указывает, что упрощенная форма не должна вести к немотивированности судебных актов, снижению их качества, законности и обоснованности [3, С. 39].

Е.А. Борисова предлагает использовать иной подход к вопросу о составлении мотивировочной части решения суда [1, С.81]. В качестве правила предлагается сохранить общий подход к составлению решения, а в качестве исключения – допустить возможность составления немотивированного решения с согласия сторон.

Полагаем, что изложенная позиция в большей мере согласуется с правом сторон на справедливое судебное разбирательство. Именно мотивированность решения выступает гарантией его законности и обоснованности. "Мотивированным может считаться такое решение, в котором с объективной необходимостью следует вывод, изложенный в резолютивной части решения" [6, С. 5].

Отсутствие мотивированного решения влечет возникновение ряда проблем в процессе правоприменения.

Во-первых, проблема преюдициальности решений, вынесенных в упрощенной процедуре. Преюдициальность судебного решения – это невозможность оспаривания фактов, установленных вступившим в законную силу судебным решением, в новом процессе при наличии тех же лиц, участвующих в деле [2, С. 254]. Очевидно, что в отсутствие мотивировочной части судебного решения невозможно определить какие именно факты были установлены судом по конкретному делу.

Выявление таких проблем наталкивает на мысль о том, что решение, вынесенное в порядке упрощенной процедуры путём подписания лишь его резолютивной части, не может вступать в законную силу в полном объёме, ввиду отсутствия такого свойства законной силы как преюдициальность.

Основная проблема, возникающая при вынесении немотивированного решения по делам упрощенного производства, связана с последующим обжалованием судебного решения в апелляционном порядке.

В соответствии с ч. 2 ст. 229 АПК РФ мотивированное решение составляется судом лишь по заявлению лиц, участвующих в деле, их представителей. В свою очередь, Гражданский процессуальный кодекс РФ предусматривает в качестве основания для составления мотивированного решения случай подачи апелляционной жалобы (ч. 2 ст. 232.4 ГПК РФ), представления по делу. КАС РФ специальных правил в этом отношении не устанавливает. Такое на первый взгляд незначительное различие в подходах законодателя на практике породило множество дискуссий и сложностей правового регулирования.

Как видно, АПК РФ ничего не говорит о тех ситуациях, когда лицо, участвующее в деле, не обратилось с заявлением о составлении мотивированного решения, но пожелало его обжаловать.

В отсутствие полного решения суда с указанием обстоятельств, установленных судом, выводов суда, а также норм материального и процессуального права, на основании которых суд приходит к данным выводам, апелляционное обжалование решения, за исключением наличия безусловных оснований к отмене, не представляется возможным.

Вместе с тем, действующее законодательство не содержит ограничений по основаниям для апелляционного обжалования решений, вынесенных в порядке упрощенного производства. Тогда как, для пересмотра судебных актов в кассационном порядке положения кодекса прямо предусматривают такое ограничение. Так, в силу абзаца 2 части 4 статьи 229 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации решение по результатам рассмотрения дела в порядке упрощенного производства, если оно было предметом рассмотрения в арбитражном суде апелляционной инстанции и

постановление арбитражного суда апелляционной инстанции, принятое по данному делу, могут быть обжалованы в арбитражный суд кассационной инстанции только по основаниям, предусмотренным частью 4 статьи 288 данного Кодекса.

Практика арбитражных судов по вопросу апелляционного обжалования существенно расходится. В одном случае арбитражные суды указывают на то, что ввиду отсутствия мотивированного решения суда первой инстанции сторонам не могут быть известны мотивы и выводы суда, а, следовательно, в частности ссылка на неполное выяснение судом обстоятельств, имеющих значение для дела необоснованна, в связи с чем, решение апелляционным судом оставляется без изменения [9].

В другом случае, проблема разрешается путем направления в апелляционную инстанцию судами первой инстанции судебного решения, дополненного мотивировочной частью.

Стоит отметить, что позиции Верховного суда РФ по данному вопросу едины. Суд рассматривает первый подход к данному вопросу как нарушение процессуального права и отправляют решения на новое рассмотрение с указанием на необходимость повторного рассмотрения дела по имеющимся в деле и дополнительно представленным доказательствам [5].

Подобная позиция нашла свое отражение в Обзоре судебной практики №3, где суд отмечает, что процессуальный закон обязывает суд апелляционной инстанции оценить представленные доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, и отразить в судебном акте мотивы, по которым он пришел к своим выводам, принял или отклонил доводы лиц, участвующих в деле, со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты, исходя из принципов равноправия сторон и состязательности процесса [4].

Отсутствие мотивировки создает проблемы и при реализации процедуры пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам: как справедливо отмечает И.Г. Фильченко, "лица, участвующие в деле, первоначально не видя необходимости в составлении мотивированного решения, в последующем при появлении вновь открывшихся обстоятельств не смогут сослаться на соответствующие факты, установленные судом" [9, С. 136].

Разрешение проблемы апелляционного обжалования решения, вынесенного в порядке упрощенного производства нашло свое место в ходе проведенной реформы процессуального законодательства, окончившейся принятием Федерального закона "О внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации" от 28.11.2018г. №451-ФЗ. Данным законом в статью 229 АПК РФ внесены изменения в части закрепления такого основания для составления мотивированного решения как подача апелляционной жалобы на решение.

Таким образом, мы приходим к выводу, что проблемы, связанные с судебным решением, вынесенным в порядке упрощенной процедуры, прежде всего возникают из-за отсутствия мотивировочной части решения. Преследуя цель максимального упрощения обязанностей судов, позволяя им в случае обжалования не выносить мотивированные решения, зачастую не уделяется должного внимания тому, что неблагоприятные последствия в первую очередь наступают для сторон. Однако достижение поставленной цели не должно, с одной стороны, идти вразрез с постулатами процессуальной формы, призванной гарантировать права и интересы участников процесса.

Список использованных источников:

1. Борисова Е.А. Упрощенное производство в гражданском судопроизводстве: международно-правовые стандарты, зарубежный и российский опыт // Закон. 2017. № 7.
2. Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, В.П. Воложанин и др.; отв. ред. В.В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017.
3. Крымский Д.И. Год действия обновленного упрощенного производства в арбитражном процессе: некоторые итоги // Московский юрист. 2013. № 3.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018): утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 14 ноября 2018 // СПС КонсультантПлюс.
5. Определение Верховного Суда РФ от 02.04.2018 № 305-ЭС17-22838 по делу № А41-884/2017 // СПС КонсультантПлюс.
6. Петров А.В. Мотивированность как гарантия законности и обоснованности // Законность. 2014. № 2.
7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.12.2017 по делу № А40-111945/2017 // СПС Консультант Плюс.
8. Судебное решение. Теоретические проблемы / Гурвич М.А. – М.: Юрид. лит., 1976.
9. Фильченко И.Г. Немотивированное правосудие // Вестник Воронежского государственного университета. 2016. № 3.

**КОНЦЕПЦИЯ ЕДИНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА:
РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

© Ю.Н. Сильванович

Научный руководитель: О.В. Буткевич

канд. юрид. наук

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,

На сегодняшний день в Российской Федерации наблюдается нормотворческое движение законодателя в сторону создания единого Гражданского процессуального кодекса РФ, который, в свою очередь, должен объединить в себе ныне существующие два важных процессуальных документа: Гражданский процессуальный кодекс РФ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ. Данное правотворческое предложение в настоящее время реализовано на уровне Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – Концепция), одобренной решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 08.12.2014 № 124.

Началом осуществления данной реформы можно отметить проведенную в 2014 году ликвидацию Высшего Арбитражного суда РФ и объединение функций последнего с функциями Верховного суда РФ, который на сегодняшний день выступает высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным делам и по экономическим спорам. По мнению главы Верховного Суда РФ Вячеслава Михайловича Лебедева: «Очень большое положительное решение, то, что сегодня Верховный Суд стал единым. У нас сейчас нет никаких разногласий между судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Мы ближе узнали друг друга» [6].

Стоит отметить, что истории России царского периода уже был известен опыт функционирования органов правосудия в рамках унификации судебной системы. В частности, отдельного внимания заслуживает судебная реформа 1864 года.

Уже к тому времени судебная система характеризовалась значительной волокитой и бюрократизмом, которая приобретала все более ужасающий характер. «По свидетельству В.О. Ключевского, в 1842 г. министр юстиции представил императору отчет, в котором значилось, что в судебном производстве насчитывалось 33 млн. незаконченных дел» [4, с. 271]. Новая судебная система, созданная под руководством Александра II, ввела два вида судов – общие и мировые. Особый интерес представляет состав общего суда, куда

входили судебные палаты, окружные суды и Сенат. Сенат мог быть судом первой инстанции по делам особой важности (например, по должностным преступлениям, совершенным высокопоставленными сановниками), но при этом он являлся верховным кассационным судом для всех судебных органов государства [3, с. 205]. Таким образом, уже в 19 веке был создан и успешно функционировал единый судебный орган по различным категориям дел. Благодаря проведенной реформе судебная система России стала характеризоваться, как централизованная.

Возвращаясь к современному периоду, следует проанализировать содержание Концепции. Главной целью последней, как закреплено в самом документе, является обеспечение доступного и справедливого правосудия, осуществляемого в разумные сроки с соблюдением процессуальных норм компетентными и независимыми судьями, гарантированное исполнение судебных актов, что является безусловным условием демократического развития правового государства, основанного на приоритете прав и свобод человека.

Унификация процессуального законодательства в новом Кодексе призвана:

- 1) устранить противоречия между существующими двумя отраслями процессуального права;
- 2) установить новые правила разрешения спорных правовых вопросов;
- 3) сохранить наиболее удачные наработки существующих как АПК и ГПК, распространив их на весь гражданский процесс. К примеру, возможность подачи исковых заявлений (заявлений) в электронном виде (арбитражный процесс) и судебный приказ (гражданский процесс); и т.д. [5].

Сам проект кодекса состоит из 7 разделов и 59 глав. Проанализировав их содержание, мы пришли к выводу, что процессуальное законодательство РФ после вступления данного нормативно-правового акта в силу не претерпит кардинальных изменений, а, скорее, отразит его структурные преобразования. Однако, все же есть некоторые моменты, на которые следует обратить внимание.

Первое, что можно отметить, это пункт 7.4.3 Концепции, касающийся судебных расходов на оплату услуг представителя. Как известно, ныне действующие АПК РФ (ч. 2 ст. 110) и ГПК РФ закрепляют разумность пределов оплаты. Понятие «разумность» является оценочным и вызывает затруднения при определении конкретных сумм. Новый ГПК РФ предполагает закрепление формулировки: «фактически понесенные расходы, включая расходы на оплату услуг представителя (при доказанности размера расходов), подлежат возмещению в полном объеме».

Следующее – это довольно интересное предложение по созданию такой процедуры, как судебное примирение (п. 15.3.4). Как отмечает законодатель, судебного примирителя не следует представлять в роли непрофессионального медиатора, который работает в суде, поскольку судебное примирение не должно подменять собой процедуру медиации. Судебное примирение может рассматриваться как взгляд на рассматриваемое судом дело «со стороны» с указанием сторонам спора на возможные пути разрешения конфликта миром в целях скорейшего урегулирования спора и сохранения между сторонами деловых отношений.

Также предполагается существование нормативно зафиксированного перечня лиц, которые могут выступать в роли судебных примирителей, а именно: судья в отставке, помощник судьи, не принимающего участие в рассмотрении дела, работник аппарата суда, имеющий высшее юридическое образование.

И третье – это представление дополнительных доказательств сторонами. Если сейчас кодексы закрепляют право суда предложить сторонам представить дополнительные доказательства, то новый ГПК предусматривает, что тот суд, который является ответственным за определение предмета доказывания по делу, должен предложить сторонам представить дополнительные доказательства.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что некоторые предложения из нового ГПК РФ представляют практический интерес для всего процессуального законодательства РФ. Однако, возникает вопрос, действительно ли есть смысл в создании одного общего кодекса или же достаточной мерой усовершенствования будет внедрение соответствующих изменений в каждый из ныне действующих кодексов.

Для ответа на данный вопрос, на наш взгляд, следует обратиться к зарубежному опыту. Современные государства в своем законодательстве по-разному регламентируют вопрос о принадлежности экономических споров различным звеньям своей судебной системы. После проведенного анализа нам удалось выявить два основных пути решения данного вопроса: либо на территории государства создаются суды специальной юрисдикции, которые уполномочены на рассмотрение экономических споров, либо такие дела подведомственны судам общей юрисдикции. Россия, как известно, придерживается первого варианта. Наиболее яркими представителями второго варианта являются США и Великобритания. Одной из причин выбора судов общей юрисдикции для рассмотрения экономических споров в США и Великобритании, как можно предположить, явилась принадлежность этих стран к состязательному

типу правосудия. В США Федеральный арбитражный акт 1925 года и Нью-Йоркская конвенция 1958 года создали основу для современного объективного широкого применения федерального общего права, касающегося арбитража. Закон распространяет свое действие на такие объекты, как «толкование арбитражных соглашений и наличие предварительных обеспечительных мер, связанных с арбитражем» [2, с. 79]. Т.о., как можно заметить, Соединенные Штаты Америки используют отдельные нормативно-правовые акты в данной области.

Во Франции действует один кодекс – Гражданский процессуальный кодекс Франции, в составе которого, а именно в Книге IV, закреплены отдельные положения по Арбитражу и рассмотрению дел Арбитражем. Таким образом, Франция является ныне действующим примером государства, объединившего в одном Кодексе Арбитражный и Гражданский процесс, при том, осуществляя последние на достаточно высоком уровне.

Подводя итоги, стоит отметить, что зарубежный опыт функционирования процессуальных отраслей права в виде единого нормативно-правового документа подтверждает не только реальную возможность существования такого подхода, но и достаточно высокий уровень его результативности. Помимо этого, большое количество государств, в том числе современная Россия, в сфере процессуальных отраслей права являются приверженцами отдельных нормативно-правовых актов по гражданскому и арбитражному процессу. Таким образом, оба способа реализации имеют право на существование, однако, на наш взгляд, в рамках Российской правовой системы следует остановиться на раздельном существовании АПК и ГПК, усовершенствовав последние путем вышеуказанных предложений.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процесс: Практикум: Учебное пособие / Под ред. проф. В.В. Яркова, проф. С.Л. Дегтярева; Урал. гос. юрид. ун-т. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017.
2. Аркин Х., Франк Д. Проблемы с исполнением арбитражных решений в рамках Нью-Йоркской конвенции в США // Международный коммерческий арбитраж. 2006. № 1.
3. История государства и права России: Учебник / под редакцией Ю.П. Титова– М., 2000. – 544 с.
4. Ключевский В.О. Соч. Т. V "Курс русской истории". М.: изд. Соц. экон. литературы, 1958.

5. «Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)).

6. Публицистические данные: «Лебедев: объединение ВС и ВАС – положительное решение» // Электронный ресурс: <https://pravo.ru/> (дата обращения 23.03.2019).

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ,
ВСТУПИВШЕГО В ЗАКОННУЮ СИЛУ**

© Л.А. Терских

Научный руководитель: Т.А. Васильева
Сибирский федеральный университет

Пересмотр судебных постановлений, вступивших в силу, может быть произведен на основании вновь возникшего обстоятельства или нового обстоятельства. В качестве одного из оснований для пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, по новым обстоятельствам п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ [1] предусматривает установление Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека. На наш взгляд, нет необходимости заострять внимание на различии вновь открывшихся обстоятельств и новых как оснований для пересмотра судебного постановления, вступившего в силу, поскольку это различие явствует из самих терминов: вновь открывшееся обстоятельство существовало на момент судебного разбирательства, а новое обстоятельство – нет.

Наиболее интересным аспектом, связанным с правовым институтом пересмотра судебных постановлений по новым обстоятельствам, является вопрос о том, имеет ли место быть в данном случае судебная ошибка. Многие авторы отмечают, что пересмотр судебных постановлений по новым обстоятельствам не связан с судебной ошибкой [4; 9]. Новые обстоятельства, перечисленные в п., п. с 1 по 6 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, не являются однопорядковыми, и поэтому, по нашему мнению, делать вывод о наличии или отсутствии судебной ошибки в пересмотре судебных постановлений по новым

обстоятельствам неверно, для того, чтобы ответить на поставленный выше вопрос, необходимо рассматривать пересмотр судебного постановления, вступившего в силу, на основании каждого нового обстоятельства в отдельности. В данной работе рассмотрена связь судебной ошибки с пересмотром судебных постановлений, вступивших в законную силу, на основании постановления ЕСПЧ.

Судебной ошибкой можно назвать допущение судом каких-либо нарушений материального или процессуального права, выразившееся в принятии незаконного решения. Полагаем, что в случае с установлением ЕСПЧ нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в ЕСПЧ, мы имеем дело ни с чем иным, как с судебной ошибкой, поскольку при рассмотрении дела по существу суд обязан руководствоваться, в том числе, и постановлениями, вынесенными ЕСПЧ, в которых дано толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих применению в данном деле [3].

В судебной практике возникает множество проблем с постановлениями Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации, в основном, связанные с противоречием правовых позиций ЕСПЧ и конституционных суд стран-участниц ЕКПЧ. В своем Постановлении от 14.07.2015 № 21-П [2] Конституционный Суд РФ констатировал право России не исполнять те решения ЕСПЧ, которые противоречат Конституции РФ, в этой связи в юридической науке ведется множество споров. Так, Л.А. Терехова пишет, что в России поставлен вопрос о возможности отказа в пересмотре судебного постановления на основании постановления ЕСПЧ, и что данный вопрос имеет политическую подоплеку [8], по нашему мнению, подобные утверждения неверны и ненаучны. Находим более обоснованную точку зрения, которая учитывает факт того, что конституционные суды и других государств признают верховенство конституции над толкованием ЕКПЧ, которое дается Европейским Судом по правам человека, и признает, что коллизии между ЕСПЧ и конституционными судами государств-участников ЕКПЧ носят ценностный характер [6].

Также в юридической литературе предлагается изменить формулировку п. 4 ч. 4 ГПК РФ, которая бы позволяла обращаться в суд с заявлением о пересмотре судебного постановления, вступившего в силу, по новому обстоятельству в связи вынесением постановления ЕСПЧ не только лицам, в отношении которых было вынесено постановление ЕСПЧ, но и иным лицам, в делах,

которых имеются такие же нарушения норм Конвенции, выявленные по жалобам в ЕСПЧ [5; 7].

Список использованных источников:

1. Гражданский процессуальный кодекс: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 27.12.2018) [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2002. № 46. ст. 4532.

2. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пункта 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», части 1 и 4 статьи 11, пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, части 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, части 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 250 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 21-П [Текст] // Рос. газ. – 2015. – 27 июля.

3. О судебном решении : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 23 от 19.12.2003 [Текст] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 12.

4. Алиев, Т. Т. Правовая природа нового обстоятельства как основание для пересмотра судебных актов в порядке глав 42 ГПК РФ, 37 АПК РФ и 37 КАС РФ в контексте судебной ошибки [Текст] / Т. Т. Алиев, С. Ф. Афанасьев // Современное право. – 2016. – № 2.

5. Забрамная, Н. Ю. Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском процессе : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Наталья Юрьевна Забрамная. – М., 2016.

6. Надточей, Ю. О. Конфликт позиций ЕСПЧ и органов конституционного правосудия [Текст] // Ю. О. Надточей // Журнал «Правоприменение». – 2017. – Т. 1, № 4.

7. Рехтина, И. В. Постановление Европейского Суда по правам человека – новое обстоятельство для пересмотра судебных актов в гражданском и арбитражном процессах [Текст] / И. В. Рехтина // Современное право. – 2012. – № 8.

8. Терехова, Л. А. Постановление Европейского Суда по правам человека как основание для пересмотра решения национального суда [Текст] / Л. А. Терехова // Журнал «Правоприменение». – 2016. – Т. 1, № 1.

9. Терехова, Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты [Текст] / Л. А. Терехова. – М.: Волтерс-Клувер, 2007. С. 267. – (Серия: «Гражданский и арбитражный процесс: современный взгляд»). – ISBN 5-466-00238-0 (в пер.).

К ВОПРОСУ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С САМОВОЛЬНЫМ СТРОИТЕЛЬСТВОМ

© В.С. Устюгова

Научный руководитель: Н.А. Васильчикова

д-р. юрид. наук

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

Ст. 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), ст. 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) содержат общее правило распределения судебных расходов между лицами, участвовавшими в деле: судебные расходы взыскиваются судом стороне, в пользу которой состоялось решение суда с «проигравшей» стороны. При этом процессуальное законодательство не содержит каких-либо исключений применительно к отдельным категориям дел, в том числе, и к делам, связанным с самовольным строительством.

Необходимо отметить, что достаточно большое количество дел исследуемой категории рассматривается судами либо по искам государственных органов и органов местного самоуправления, либо они выступают ответчиками, иными лицами, участвующими в деле (ст. 34 ГПК РФ, ст. 40 АПК РФ). И на практике нередко возникают вопросы о распределении судебных расходов в тех случаях, когда судами выносятся решения не в пользу публичных органов, особенно когда речь идет о достаточно больших суммах.

Первая категория дел – снос самовольных построек, инициируемых на основании исковых заявлений государственных органов и органов местного самоуправления. Позиция судов в данных ситуациях заключается в следующем: во всех случаях вынесения решений не в пользу истцов на них возлагаются обязанности возмещения соответствующих денежных средств на основании того, что Налоговый кодекс Российской Федерации не освобождает

государственные органы и органы местного самоуправления от возмещения понесенных другой стороной по делу судебных расходов. Например, определением Арбитражного суда Иркутской области с ответчика – Службы государственного строительного надзора Иркутской области в пользу индивидуального предпринимателя были взысканы расходы в сумме 74 607 рубля. В дальнейшем государственным органом была подана кассационная жалоба, в которой ставился вопрос об отмене определения о взыскании судебных расходов. Однако Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа согласился с позицией нижестоящих судов и отметил, что законодательством не предусмотрено освобождение государственных органов, органов местного самоуправления от процессуальной обязанности по возмещению судебных расходов. Требуя снести постройку, Служба обладала противоположным с индивидуальным предпринимателем юридическим интересом и занимала активную процессуальную позицию в материально-правовом споре. Поскольку итоговый судебный акт был принят в пользу предпринимателя, судебные издержки подлежат возложению на Службу, как инициатора заявления о сносе самовольной постройки, подателя апелляционной и кассационных жалоб, настаивающего на удовлетворении заявления о сносе самовольной постройки [1].

Определенные вопросы возникают также относительно того, из какого бюджета должны взыскиваться расходы. Например, Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа было отказано в удовлетворении исковых требований прокурора о сносе самовольной постройки, судебные расходы были взысканы с прокуратуры Российской Федерации. Далее, в кассационном представлении, поданном в Верховный Суд Российской Федерации, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил отменить постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в части взыскания соответствующих расходов. Позиция Генеральной прокуратуры заключалась в том, что в соответствии с Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» судебные расходы при отказе в иске прокурора подлежали взысканию с казны Российской Федерации, а не с Генеральной прокуратуры. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление нижестоящего суда и направила дело на новое рассмотрение [2].

Вместе с тем, несколько по-иному складывается ситуация при рассмотрении дел о признании права собственности на самовольные постройки, когда органы, осуществляющие публичные полномочия выступают в качестве ответчиков (или иных лиц, участвующих в деле). Результаты анализа практики

свидетельствуют о том, что можно выделить различные подходы к решению исследуемого вопроса:

1. Суды взыскивают судебные расходы с государственных органов, органов местного самоуправления на тех же основаниях, что и по делам о сносе самовольных построек. Например, по одному из дел суд кассационной инстанции указал, что Управление имущества Администрации города Норильска возражало против удовлетворения требований индивидуального предпринимателя, основанных на приобретательной давности, активно занимало позицию как спорящая сторона по делу, в связи с чем полагает, что судом апелляционной инстанции расходы по государственной пошлине в размере 9000 рублей правомерно отнесены на истца [3].

2. Суды применяют дифференцированный подход к распределению судебных издержек, учитывая, в том числе, правомерность досудебного поведения публичных органов. Например, Администрация Ленинского муниципального района Московской области не согласилась с решением суда первой инстанции в части возложения на нее судебных расходов в размере 388 000 рублей. Судебная коллегия суда кассационной инстанции пришла к выводу о том, что Администрацией не были созданы какие-либо препятствия для истца в легализации созданного объекта, отказ в выдаче истцу разрешения на строительство был оформлен Министерством строительного комплекса Московской области, истец ни разу не ссылался на то, что когда-либо обращался в Администрацию за легализацией спорного объекта. И при таких обстоятельствах, когда Администрация не оспаривала требований истца и не чинила ему каких-либо препятствий, возложение на нее судебных расходов не отвечало дифференцированному подходу в применении принципа присуждения судебных расходов с учетом фактического процессуального поведения участвующих в деле лиц [4].

3. Суды отказывают во взыскании судебных расходов с органов, осуществляющих публичные полномочия на основании того, что данные органы привлекаются к участию в деле в качестве ответчиков в силу разъяснений, содержащихся в п.25 постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». Поэтому их участие не поставлено в зависимость от позиции по отношению к самовольной постройке и заявленного иска, а также совершением данным ответчиком каких-либо виновных действий, нарушающих права истца. В данной связи судебные расходы понесены истцом в связи с

допущенным им самим нарушением предусмотренного законом порядка возведения постройки, а решение суда о признании права собственности истца на самовольно возведенное им строение не может расцениваться как принятое против органа местного самоуправления, не имеющего противоположных с заявителем юридических интересов [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, судами применяются различные подходы к решению вопроса о распределении судебных расходов по делам связанным с самовольным строительством: если в делах о сносе самовольных построек, инициированных органами, осуществляющими публичные полномочия, решение вопроса полностью зависит от того, в чью пользу вынесено решение суда, то в делах о признании права собственности на самовольную постройку, отсутствует единообразный подход к решению проблемы.

На наш взгляд, признание права собственности на самовольную постройку обладает особой спецификой, поскольку в силу прямого законодательного закрепления в ст. 222 ГК РФ право собственности на данные объекты не может возникнуть иным образом, кроме как в судебном порядке. Поэтому привлечение к участию в таких делах публичных органов (как правило, органов местного самоуправления) обусловлено не оспариванием прав истца, а прямым указанием закона. Думается, что для однозначного решения исследуемой проблемы и формирования единообразной судебной практики, данный вопрос нуждается в конкретизации в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской №1 от 21.01.2016 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела».

Список использованных источников:

1. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24.10.2017 № Ф02-5475/2017 по делу № А19-7737/2015. [Электронный ресурс]: СПС Консультант плюс (дата обращения 22.02.2019).
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.03.2017 по делу № 308-ЭС16-15247, А01-2748/2014. [Электронный ресурс]: СПС Консультант плюс (дата обращения 22.02.2019).
3. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.04.2017 № Ф02-732/2017 по делу № А33-1938/2016. Аналогичный подход изложен в Постановлении Первого арбитражного апелляционного суда от 24.11.2017 по делу № А11-2553/2017. [Электронный ресурс]: СПС Консультант плюс (дата обращения 22.02.2019).

4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.12.2018 № Ф05-21201/2018 по делу № А41-99578/2017. [Электронный ресурс]: СПС Консультант плюс (дата обращения 22.02.2019).

5. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.02.2017 № Ф04-6329/2016 по делу № А46-7147/2016. [Электронный ресурс]: СПС Консультант плюс (дата обращения 22.02.2019).

ЗНАЧЕНИЕ RESIUDICATA В АСПЕКТЕ ДЕЙСТВИЯ СВОЙСТВА ПРЕЮДИЦИАЛЬНОСТИ

© Д.С. Холявко

Научный руководитель: М.Я. Любченко

канд. юрид наук

Сибирский федеральный университет

«Преюдиция» как термин происходит из латинского *praedictum* – пред-решение вопроса, предварительно принятое решение, обстоятельство, дающее возможность оценивать последствия. Отправной точкой для появления преюдиции стало существование *res iudicata* – особого понятия, возникшего в римском праве непосредственно в рамках институтов судебного решения и законной силы судебного решения, дословный перевод которого с латинского означает «разрешенное дело» или «дело, по которому вынесено решение».

В настоящее время известно, что понятие законной силы напрямую связано с судебным решением как актом правосудия. Оно представляет собой сочетание двух начал: публично-правового и частно-правового порядков. [7] Выражение государственной воли в особой процессуальной форме как начало публично-правовое и *res iudicata*, иначе разрешение дела по существу, как начало частно-правовое наделяют судебный акт законной силой, формируя его как итог правосудия, разрешившего в ходе судебного разбирательства спор о праве и установившего действительные права и обязанности сторон.

Обратившись к тексту процессуального закона, следует отметить, что в настоящее время законодатель оперирует понятием «законная сила» как некой родовой категорией, применяемой ко всем судебным постановлениям, фактически определяя иное их свойство – обязательность. Согласно статье 13 ГПК РФ (статьям 15,16 АПК РФ) в законную силу вступают все судебные постановления, выносимые в форме судебных приказов, решений суда, определений суда, постановлений президиума суда надзорной инстанции. [3,4]

Следовательно, следует различать обязательность и законную силу судебных постановлений. В первом случае мы констатируем выражение государственной воли (власти суда), а во втором, как было сказано выше – сочетание двух начал: государственной воли и *resiudicata* (разрешение дела по существу).

Учитывая вышеуказанные составляющие законной силы, ими, безусловно, обладают все судебные решения, а также определения и постановления судов, принятые по результатам обжалования и проверки в инстанционном порядке. Этот вывод основывается на том, что судебное решение есть акт правосудия, обладающий законной силой, и отменить его может лишь акт, равный ему по силе.

Не наличествует *resiudicata* и в определениях суда, выносимых в ходе рассмотрения гражданского дела, (часть 2 статьи 13 ГПК РФ) и в судебном приказе. [3] Под судебным приказом мы понимаем особый вид судебного постановления, направленного на установление материального бесспорного права и транслирующего функцию исполнительного документа, которое выносится органом государственной власти без рассмотрения дела по существу.

Противоположная ситуация складывается с решением третейского суда. Как известно, в ходе рассмотрения дела третейский суд действительно разрешает спор о праве, устанавливая факты, имеющие значение для дела, исследуя доказательства сторон и формируя свой вывод на основе норм права. Однако третейский суд является негосударственной формой защиты, следовательно, наличие *resiudicata*, но отсутствие выражения государственной воли не позволяют третейскому решению обладать законной силой.

Следовательно, без действия *resiudicata* отсутствует законная сила судебного решения, а, следовательно, не возникает и последствий в виде её свойств, в частности судебный акт не наделяется свойством преюдициальности.

Обратимся к практике. В своей деятельности суды формально подходят к вопросу об отсутствии преюдициальности фактов, установленных судебным актом, который впоследствии был отменен в апелляции из-за отказа от иска, признания иска, мирового соглашения или истечения срока исковой давности. В частности, заключение мирового соглашения фактически означает отсутствие разрешения дела по существу судом, поскольку стороны самостоятельно пришли к его разрешению без исследования судом относимых к делу обстоятельств. Такое положение дел позволяет презюмировать, что мировое соглашение не обладает законной силой, а, следовательно, не обладает свойством преюдициальности. Существует иная точка зрения, по которой мировое соглашение обладает свойством преюдициальности в том случае, если оно

было заключено сторонами после исследования и оценки судом всех доказательств по делу, представленных истцом и ответчиком. Однако с данной позицией следует не согласиться по причине невозможности разграничения случая, когда суд в действительности осуществил попытку разрешения дела по существу и непосредственно участвовал в рассмотрении дела, а в каком случае подобная деятельность судом не была проведена вовсе или проведена частично. Подобного вывода об отсутствии преюдиции в определениях суда об утверждении мирового соглашения придерживается и судебная практика, в частности, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 15.04.2014 г. по делу № 308-ЭС14-91 прямо указано, что обстоятельства, выясненные в ходе таких судебных процессов, не считаются установленными. [6]

Отказ от иска и признание иска аналогично с мировым соглашением не порождают преюдиции, поскольку не несут в себе частно-правового начала – *res iudicata*. В данном случае также следует руководствоваться не степенью участия суда в определении обстоятельств, имеющих значение для дела, а волей сторон, которые самостоятельно определили судьбу судебного разбирательства и по факту не нуждаются в сторонней помощи для принятия решения; суд не разрешает спор о праве, поскольку спор ликвидируется сторонами посредством их воли.

Иная ситуация возникает в случае пропуска срока исковой давности. Известно, что в случае представления ответчиком заявления о пропуске сроков исковой давности, исковые требования не будут удовлетворены, несмотря на возможную правомерность требований истца и их непосредственное исследование в судебном заседании. В данном случае ключевую роль имеет фактическое применение императивной правовой нормы, исключающей дальнейшее рассмотрение дела и вынесения соответствующего судебного решения. Таким образом, если истец отказывается от иска, ответчик признает иск или стороны заключили мировое соглашение, то решение суда первой инстанции подлежит отмене, а производство – прекращению.

Некоторые практикующие юристы сталкиваются с проблематикой и в случае преюдициальности обстоятельств, установленных в рамках упрощенного производства, когда стороны ограничены в своих состязательных возможностях, равно как и суд не может в полной мере осуществить поиск, исследование и оценку фактических обстоятельств дела. Справедливо полагать, что решения суда, принятые в виде резолютивной части и обладающие законной силой, должны каким-то образом обеспечивать её свойство преюдициальности, однако отсутствие мотивировочной части судебного решения не позволит установить преюдициальные обстоятельства. Справедливое решение суда

должно быть мотивированным . [1,2] Следовательно, отсутствие в судебном решении сведений об установленных судом фактах, исследованных доказательствах и выводов суда нельзя признать обоснованным, а равно справедливым. Учитывая вышеизложенное, попытка решения данной проблемы нашла свое выражение в постановлении Пленума ВС РФ «Об упрощенном производстве». В пункте 36 Пленум отмечает, что в связи с принятием решения в виде резолютивной части суд обязан указывать фактические обстоятельства дела, установленные судом. [5] Следовательно, в судебном решении, вынесенном в порядке упрощенного производства, преюдиция наличествует.

Подводя итог вышеизложенному, стоит обобщить, что свойство преюдициальности обусловлено сущностью законной силы судебного решения и конечным итогом его вынесения – достижения правосудия по результатам рассмотрения и разрешения судом спора по существу. Более того, преюдициальность позволяет не только ускорить процесс доказывания благодаря процессуальной экономии времени и ресурсов, но и реализовать принцип правовой определенности в части непротиворечивости и последовательности судебной практики.

Таким образом, исключительно судебное решение как акт правосудия, обладающее законной силой с её неотъемлемым началом – *res iudicata*, порождает действие свойства преюдициальности в гражданском судопроизводстве.

Список использованных источников:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. ст. 163.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 19 дек. 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // БВС РФ. 1994. № 12.
3. Гражданский процессуальный Российской Федерации.: ФЗ РФ от 14 дек. 2002 г. № 138-ФЗ (с послед. изм.) // СЗ РФ. 2002 г. №46. ст. 4532
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с послед. изм.) // СЗ РФ. 2002 г. № 30. ст. 3012.
5. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве: Пост. Пленума ВС РФ от 18 апр. 2017 г. № 10 // РГ. 2017. № 88.

6. Определение споров Верховного Суда Российской Федерации от 15 апр. 2014 г. по делу № 308-ЭС14-91// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Сахнова, Т. В. Курс гражданского процесса: учебник/ Т. В. Сахнова - 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2014.

НОВЕЛЛЫ ДОСУДЕБНОГО ПОРЯДКА УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

© Д.Р. Русанов, Р.В. Шамич

Научный руководитель: М.Я. Любченко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Федеральным законом № 451-ФЗ [5] вносятся существенные изменения в ГПК РФ касательно досудебного порядка, предусмотренного договором. Так, ст. 135 ГПК РФ в новой редакции, больше не предусматривает в качестве условия реализации права на обращение в суд соблюдение предусмотренного договором досудебного порядка урегулирования спора.

Мы разделяем подход законодателя, поскольку, как показывает судебная практика, досудебный порядок, предусмотренный договором, является неэффективным механизмом урегулирования споров.

Так, ключевой причиной неэффективности договорного досудебного порядка являются достаточно серьезные требования к его форме и содержанию, выработанные судебной практикой. Надлежащие форма и содержание реализуют две важные функции. Первая это доказательственная функция – подтверждение действительного волеизъявления сторон на установление обязательного для них досудебного порядка. Вторая – предупредительная функция, имеющая своей целью защиту участника договорных отношений от поспешности обращения другой стороны в суд, минуя примирительные процедуры [10].

Однако стороны договора зачастую игнорируют требования к форме и содержанию данного условия, включая в договор «декларативные» положения о досудебном порядке, предусматривающие исключительно форму досудебного порядка (например, переговоры) и в лучшем случае – срок. В связи с этим в практике государственных судов существует две противоположные позиции.

Согласно первой позиции, одно лишь указание в договоре на досудебный порядок является достаточным для того, чтобы признать его согласованным и как следствие – обязательным [9].

Вторая позиция является преобладающей и основывается на том, что досудебный порядок можно признать установленным только в случае, если в договоре определены конкретные требования к форме, месту, срокам, порядку проведения, а также закрепления результатов досудебного порядка, следовательно, договор должен содержать четкую запись о согласовании вышеперечисленных условий [4].

Такая позиция представляется справедливой, поскольку в зависимости от соблюдения данного условия ставится возможность лица, которое считает, что его права нарушены, обратиться в суд за их защитой. В случае признания «декларативного условия» о проведении, например, переговоров согласованным досудебным порядком, цели данного процессуального института не могут быть достигнуты. Так у лица, которое считает, что его права нарушены, могут возникнуть дополнительные трудности по урегулированию спора, в связи с неопределённостью по ряду ключевых моментов а именно, где будут проходить переговоры, чем будут подтверждаться результаты переговоров и т. д. Данная позиция находит свое подтверждение и в научной доктрине [2].

Таким образом, стороны достаточно редко в договоре формулируют надлежащим образом условие о досудебном порядке для признания его согласованным, что не позволяет судам признать его обязательным для сторон и применить связанные с ним процессуальные последствия.

Другой, не менее значимой, причиной неэффективности договорного досудебного порядка является то, что его несоблюдение, как правило, обнаруживается после возбуждения процесса, путем указания ответчиком в процессуальном возражении на это. Данная неопределенность связана с тем, что на стадии возбуждения суду достаточно сложно установить несоблюдение досудебного порядка, поскольку в данном споре он не является обязательным в силу закона.

При этом, зачастую, суд уже после возбуждения дела может признать невозможным достижение целей досудебного разрешения спора в связи с тем, что из поведения ответчика или из его возражений относительно исковых требований следует, что его воля не направлена на разрешение спора вне суда [3].

Так, в одном из дел Арбитражный суд Поволжского округа [6] отказал в удовлетворении ходатайства ответчика об оставлении искового заявления без рассмотрения в связи с несоблюдением истцом досудебного порядка. Исходя

из обстоятельств дела, истец после принятия искового заявления к производству подал ответчику претензию, однако ответчик заявил вышеуказанное ходатайство лишь спустя длительный период времени (4 месяца). Так, суд учел длительный период нахождения дела в суде, истечение срока ответа на претензию, отсутствие со стороны ответчика каких-либо попыток урегулирования спора и признал, что, в данном случае, досудебный порядок уже не может эффективно обеспечить те цели и задачи, для которых данный институт применяется, тем более что стороны всегда имели возможность урегулировать спор путем заключения мирового соглашения.

В другом деле суд признал невозможность достижения целей досудебного порядка в связи с представленным ответчиком возражением в отношении иска, поскольку они не свидетельствуют о возможности разрешения спора без обращения в суд [7].

В связи с этим, применение процессуальных последствий (оставление иска без рассмотрения) возможно только в случае, когда ответчик, в принципе, рассматривает возможность мирного урегулирования спора, но в таком случае, законодательство содержит самостоятельный институт – мировое соглашение.

Таким образом, приведенные выше аргументы позволяют сделать однозначный вывод о том, что договорной досудебный порядок не является эффективным средством урегулирования споров.

Значимость условия о досудебном порядке урегулирования споров, его обязательность для сторон, а также возможность наступления каких-либо правовых последствий ввиду его несоблюдения обусловлено, в первую очередь, закреплением его в процессуальных кодексах (ч. 5 ст. 4 АПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ), а не указанием на него в договоре.

Вносимые изменения в ГПК РФ, по сути, исключают досудебный порядок, предусмотренный договором из гражданско-процессуальной формы. При этом, в силу ст. 421 ГК РФ стороны не лишены права включить подобное условие в договор, однако несоблюдение данного условия уже не будет влечь процессуальных последствий, предусмотренных ГПК РФ. В таком случае, возможно возникновение лишь материальных последствий за неисполнение или ненадлежащее исполнение согласованных условий (убытки, неустойка) [11].

Аналогичная ситуация возникает при рассмотрении споров третейскими судами, поскольку процессуальная форма большинства постоянно действующих третейских судов не содержит указания на возможность сторон предусмотреть в договоре данное условие, а также последствия его несоблюдения. Следствием этого является возникновение двух позиций.

Согласно первой позиции исполнение сторонами обязательств из договора относится к материально-правовым вопросам и не имеет значения для определения процессуальных условий разрешения спора третейским судом [8].

Вторая позиция основана на том, что данное договорное условие будет влечь процессуальные последствия, поскольку принцип диспозитивности, закрепленный в ст. 18 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве)» предусматривает возможность изменение процессуальной формы соглашением сторон [1].

Применительно к гражданскому судопроизводству подобное расширение принципа диспозитивности недопустимо, поскольку гражданская процессуальная форма не может быть изменена соглашением сторон, а должна четко регламентироваться законом.

Таким образом, данное изменение, обусловленное неэффективностью правового регулирования договорного досудебного порядка, является обоснованным и влечет усовершенствование механизма судебной защиты прав.

Список использованных источников:

1. Абесадзе, С. А., Андреева, Т. К., Ануров, В. Н. и др. Международный коммерческий арбитраж. М.: "Статут", 2018.

2. Банников, Р. Ю. Досудебный порядок урегулирования споров. М.: "Инфотропик Медиа", 2012.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ № 4 от 23.12.2015 г. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Обзор судебной практики применения положений об обязательном (досудебном) порядке урегулирования спора, утв. Президиумом Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.04.2018 г. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] :федер. закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 5 сентября 2018 г. № Ф06-36718/18 по делу № А57-3079/2018 [Электронный ресурс] //

Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25 октября 2017 г. № Ф07-11465/2017 по делу № А56- 74340/2016 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 28 августа 2007 г. № КГ-А40/7548-07 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 августа 2002 г. № 3006 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. Шапп, Я. Система германского гражданского права. М, 2006.

11. Ягельницкий, А. А., Петроль, О. Д. Последствия несоблюдения доарбитражных примирительных процедур для арбитражного разбирательства: некоторые проблемы // Вестник МКА. – 2010. – № 2.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ УСЛУГ ПРАВОВОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

© Н.А. Тришин

Научный руководитель: Е.Б. Тарбагаева

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В ходе реформирования нотариата с начала 90-х годов 20 века в российской правовой системе активно внедряется концепция нотариата «латинского типа». Такая форма организации и деятельности нотариата обладает рядом отличительных признаков. Во-первых, в подавляющем большинстве случаев нотариус в РФ в настоящее время функционирует на основе принципа самоорганизации. Во-вторых, нотариус самостоятельно обеспечивает свое финансирование. В частности, на это указывается в абзаце седьмом статьи 22 «Основ законодательства РФ о нотариате» [5].

Из смысла вышеуказанного положения закона можно выделить нотариальный тариф и плату за услуги правового и технического характера как два

составляющих элемента, составляющих плату за совершение нотариального действия частным нотариусом.

Закон не дает легального определения понятия услуги правового и технического характера, но обозначает их примерный перечень в статье 23 Основ, который является открытым. В них включаются правовой анализ представленных документов, проектов документов, полученной информации, консультирование по вопросам применения норм законодательства и ряд других. Соответственно, «услуги», перечисленные в статье 23 Основ, играют роль вспомогательных, «обслуживающих нотариальное действие», и в то же время без их предоставления нотариус не сможет надлежащим образом совершить нотариальное действие. В частности, Конституционный суд РФ, давая толкование таким услугам, в своем определении от 01.03.2011 № 272-О-О, указывает, что предоставляемые нотариусами услуги правового и технического характера по своей сути являются дополнительными (факультативными) по отношению к нотариальным действиям, содержание которых определяется законодательством. Реализация нотариусами этих публичных обязанностей не может одновременно рассматриваться в качестве оказания ими услуг правового и технического характера» [4]. Можно справедливо предположить, что временные, трудовые, финансовые затраты нотариуса при исполнении законных обязанностей закладываются в нотариальный тариф и определяют его размер. В том же определении Конституционного суда РФ говорится об исключительно добровольном характере дополнительных услуг для лица, обратившегося к нотариусу. При этом нотариус не вправе навязывать свои услуги. Такое разъяснение частично восполнило законодательный пробел в части определения понятия услуг правового и технического характера, указав на их добровольный характер, вывело плату за них из рамок оплаты нотариального действия. Однако такое толкование вызывает некоторые вопросы.

Во-первых, осуществление таких услуг есть необходимое условие для совершения нотариального действия в отношении заинтересованных лиц. Причем такое утверждение относится как к правовым услугам, так и техническим, т.к. нотариус совершает «множество предшествующих и последующих формальностей в отношении легализуемых соглашений, в этом смысле его деятельность носит технический характер» [2]. Правовой анализ поступивших документов на предмет их достаточности и относимости к потенциальному нотариальному действию, обеспечение технического хранения этих документов тесно связаны с самой личностью нотариуса, с его специальной профессиональной подготовкой. Поэтому заявитель в определенной степени вынужден получать такие услуги именно у нотариуса, как у единственного субъекта,

обладающего достаточными навыками и умениями их осуществить. Поэтому выделение признака добровольности как сущностного свойства данного вида услуг, а также как сдерживающего фактора от чрезмерно высоких цен на такие услуги, выглядит несколько спорным.

Во-вторых, можно говорить о некотором отождествлении некоторых обязанностей нотариуса [5], а также видов услуг правового и технического характера [5]. Согласно ч. 1 статьи 16 Основ нотариус обязан оказывать физическим и юридическим лицам содействие в осуществлении их прав и защите законных интересов, разъяснять им права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий с тем, чтобы юридическая неосведомленность не могла быть использована им во вред. В то же время, а. 6 статьи 22 Основ выделяет в качестве услуг правовой анализ представленных документов, проектов документов, полученной информации, консультирование по вопросам применения норм законодательства. Исходя из буквального толкования вышеуказанных положений, их соотнесения друг с другом можно говорить об их схожем лексическом значении. Указание клиенту нотариуса на его права и обязанности, предупреждение о последствиях совершения нотариального действия является ничем иным как консультацией по узконаправленному юридическому вопросу, которая невозможна без изучения и анализа представленных клиентом документов. Схожего мнения придерживается Зайков Д.Е. [3].

Однако Конституционный суд напрямую запрещает квалифицировать исполнение нотариусом законных обязанностей в качестве услуг правового и технического характера. Как следствие, могут возникнуть проблемы с квалификацией действий нотариуса при совершении нотариального действия, а именно разрешение вопроса об охвате действий обязанностями нотариуса, и, следовательно, нотариальным тарифом, либо включение тех или иных процедур в состав дополнительных услуг, и последующее возникновение права нотариуса на взимание платы за их исполнение. Проблемы законодательной техники, отсутствие легального определения «услуг правового и технического характера» создают существенные проблемы при правоприменении.

В принципе, к техническим услугам можно отнести ксерокопирование документов, изготовление выписок из них, подготовку проектов документов (набор текста, печать), сшивание документов. Правовые услуги включают в себя: оказание консультационных услуг, разъяснения законодательства по вопросам совершения нотариальных действий, правовую экспертизу [3]. Бурова А.С. разделяет напрямую такие услуги на технические и правовые [1].

Учитывая позицию Конституционного суда РФ, особенности правового статуса нотариуса, законодатель нашел достаточно спорное решение вопроса оплаты таких услуг, оказываемых нотариусом. Федеральным законом от 3 августа 2018 г. № 338-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" внесены изменения в том числе и в статью 22 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [6]. Теперь формулировка статьи 22 выглядит следующим образом: «Нотариусу, занимающемуся частной практикой, в связи с совершением нотариального действия оплачиваются услуги правового и технического характера, включающие в себя правовой анализ представленных документов, проектов документов, полученной информации, консультирование по вопросам применения норм законодательства, осуществление обязанностей и полномочий, предусмотренных законодательством, в связи с совершением нотариального действия, изготовление документов, копий, скан-образов документов, отображений на бумажном носителе образов электронных документов и информации, полученной в том числе в электронной форме, техническое обеспечение хранения документов или депонированного имущества, в том числе денежных сумм, иные услуги правового и технического характера». Таким императивным предписанием фактически введена обязанность лица, обратившегося за совершением нотариального действия, оплатить дополнительные услуги сверх нотариального тарифа. При этом нотариус абсолютно свободен в выборе необходимого количества таких услуг и форм их оказания. Если буквально толковать положения статьи 22, то нотариус в настоящее время имеет право взимать дополнительную плату за исполнение своих законных обязанностей. Подобные нарушения требований юридической техники создает правовые коллизии при толковании и применении закона, создает основание для нарушения имущественных прав заявителей в части оплаты нотариального действия, которое формально обличено в законную форму. ВС РФ в настоящее время толкует вышеуказанную новеллу буквально, признавая за нотариусом, право взимать плату за дополнительные услуги сверх нотариального тарифа без получения согласия клиента.

На основании вышесказанного можно сделать вывод об отсутствии у услуг правового и технического характера таких признаков как добровольность, возможность выбора клиентом нотариуса исполнителя такой услуги, а, следовательно, их стоимости и формы оказания. Плату за такие услуги теперь следует квалифицировать как «квазинотариальный тариф», который в обязательном порядке может быть взыскан нотариусом с клиента при их оказании. Учитывая наличие такой проблемы, есть явная необходимость изменения

законодательства в части определения понятия услуг правового и технического характера и нотариальная деятельность, введение четкого порядка исчисления их стоимости, а также правового режима их оказания. Это позволит отграничить такие услуги от обязанностей нотариуса, а также определять конкретный перечень действий нотариуса, за которые он будет иметь право взимать дополнительную плату, а, следовательно, обеспечить необходимый баланс между имущественными интересами нотариуса и доступностью услуг нотариуса лицу с материальной точки зрения.

Список использованных источников:

1. Бурова А.С. Правомерность и обязательность оказания услуг правового и технического характера при совершении нотариальных действий частными нотариусами. Основные проблемы // Юрист. № 3. 2013.
2. Пиепу Ж.-Ф., Ягр Ж. Профессиональное нотариальное право/Пер. с франц. – Юристь, 2001 – 224 с.
3. Зайков Д.Е. Оказание нотариусами услуг правового и технического характера: проблемы правового регулирования // Адвокат. № 3. 2017.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 01.03.2011 № 272-О-О – СПС Консультант Плюс – Нотариальный вестник, № 5, 2011
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (ред. от 27.12.2018) – СПС Консультант Плюс – Российская газета, № 49, 13.03.1993.
6. Федеральный закон от 03.08.2018 № 338-ФЗ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации – СПС Консультант Плюс – Собрание законодательства РФ, № 32 (Часть II), ст. 5131, 06.08.2018.

ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОЗНАНИЕ И ПРАВО

THE CATEGORY OF VALUES IN LAW AND THEIR HIERARCHY

© A.V. Akulka, E.A. Kozlova
Scientific adviser: T.V. Protopopova
PhD in Law
Siberian Federal University

Values are the basis of the legal culture of any society and provide it with different types of understanding of law. The idea that the regulatory aspect of a society is derived from the value system that is historically accepted in a given culture does not require special proof. Each type of society has values that determine the specifics of life in it, including the sphere of law. Therefore, cultures in the modern world, like the ones in past historical epochs, are independent and relatively closed.

Today, many scientists are working both on the issue of values in law and values in general. The interest in the axiological component of our life in the humanities has particularly increased in the last decade, since values play an important role in individual's and society life. Values are a means for consolidation of society, a vital guideline. For instance, the actions of a person are not unconscious, but rely on their personal or universal values; therefore the hierarchy of values is important, as it demonstrates primary and secondary interests and objectives.

It should be borne in mind that any classification is arbitrary, since legal values are dynamic. The construction of classifications by scientists is quite subjective and can be based on different fundamental ideas. Their diversity is determined by the philosophical, social, theoretical and legal views of their authors.

In the mid 1960s V.P. Tugarinov suggested a values theory, according to which values were divided into the values of life and the values of culture, the latter were divided into material (e.g., food), sociopolitical (e.g., freedom) and spiritual (e.g., truth); present (existential), target and regulatory, where regulatory were divided into plain regulatory and ideal [8]. He based his theory on the materialistic concept of needs, or incentives.

Neno Nenovski, Bulgarian lawyer, Professor of Philosophy and Theory of Law developed a theory of values inherent in the subject, his interests and needs. He believed that "the value criteria in the sphere of law are public interests and needs, perceived ideally and revised as principles, goals and ideals. In addition to that, they are also historically determined" [6]. The construction of values takes place in legal consciousness, then they are fixed in law and implemented in legal behavior. The fixing of legal values in law is carried out according to the hierarchical principle: the main ones are enshrined in the laws of higher legal force, less important – in the

regulations of lower rank. Nenovski singled out the goal values and the means values, which ensure the achievement of the former.

A.N. Babenko, a representative of constructive axiology, considers the content of values and identifies absolute legal values, or goal values, having the greatest importance for everyone; legal values of the middle level, which determine the degree of development and the type of legal culture of society and individual; instrumental legal values that serve to settle legal relations issues and to protect other values. The typology of varieties of value hierarchies depending on the dominance of certain legal values implies: the dominance of the value of state and equalization and the priority of the value of freedom [1].

O.V. Martyshin singles out universal and applied values. State and law are universal values, while equal rights, human rights, democratism, legality and others the author defines as applied ones, providing for certain aspects of state and law. They are the legal interpretation of universal values, their legal form [4].

Based on the fact that values are divided into primary and secondary, basic and instrumental, I.V. Fabrika assigns law to secondary and instrumental values. Primary values are life, liberty, property, honor, and dignity. In the law itself, Fabrika singles out the values of positive and natural law. He also singled out specific legal values of general importance, such as the idea of law, stable legality, and others. Such values are both ideal and part of real people's practice. As legal values, they have the form of legal rights and human liberties in their individual and collective manifestations [2].

S.V. Mikhailov identifies abstract values such as freedom, justice, equality, legal order; fundamental, or higher, values directly related to a person: life, health, honor, dignity; special values that include security, private property. In addition, Mikhailov subdivides values into principle values, enshrined, as a rule, in the Constitutions of the states that are fundamental documents; rule values that contain a permission or ban for certain actions, they are found in codes and other regulatory acts; procedure values, which regulate the procedure of the formation of legal relations [5]. He also identifies legal values of constitutional, private, public and social law.

V.N. Zhukov divides values into basic ones and their derivatives. In the field of human activity, he identifies basic values – state and law, and their derivatives – the phenomena of political and legal reality. At the same time, Zhukov considers justice, equality and freedom as ethical values, and life as fundamental [9].

Some theorists are nihilistic to the classification of law, for example, E.V. Sidorov, though not denying the existence and necessity of values for law, considers it inappropriate to classify them. Legal values, in her opinion, are absolute and

irreplaceable, so they cannot be compared and contrasted to each other. Values of law are equally significant and are expressed through each other [7].

V.P. Malakhov believes that the construction of values destroys the moral basis of law. Law is a value in itself. Therefore, he considers not values in law, but the process of giving value as a legal way of organizing people's life [3].

At present, the problem of classification of legal values remains debatable. Theoretical and methodological need to classify the emergence and development of legal values is determined by the fact that it provides deeper and more comprehensive understanding of the patterns of legal phenomena and processes at each stage of historical development. The hierarchy and gradation of state and law values are an objective characteristic of the form of state and law in any country.

References:

1. Babenko, A.N. Legal values and their acquisition by an individual: abstract of dissertation ... LL.D.: 12.00.01 / Babenko Andrey Nikolaevich. – Moscow, 2002.

2. Fabrika, I.V. On the issue of the value of law / I. V. Fabrika // Bulletin of the South Ural State University. – 2011. – №40. – P. 30-32.

3. Malakhov, V.P. Myths of modern general legal theory: monograph / V.P. Malakhov. – Moscow: UNITY-DANA, 2015.

4. Martyshin, O.V. The problem of values in the theory of state and law / O.V. Martyshin // State and Law. – 2004. – №10. – P. 5-14.

5. Mikhailov, S.V. Legal values: theoretical and legal aspects: abstract of dissertation ... Cand. of Jud. S.: 12.00.01 / Mikhailov Stanislav Vladimirovich. – Volgograd, 2012.

6. Nenovski, N. Law and values / N. Nenovski. – Moscow: Progress, 1987.

7. Sidorova A.V. The myth of legal values / A. V. Sidorova // History of State and Law. – 2011. – №21. – P. 24-25.

8. Tugarinov, V.P. The theory of values in marxism / V.P. Tugarinov. – Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1968.

9. Zhukov V. N. Introduction to legal axiology (questions of methodology) / V. N. Zhukov // State and Law. – 2009. – №6. – P. 20-31.

IDEALS OF POLITICALLY ORGANIZED SOCIETY AND LAW

© F.Zh. Mkrtchyan

Scientific adviser: S.A. Drobyshevsky

Dr. Sci. in law

Siberian Federal University

The considered issue is highly topical, since everyone tries to achieve the public good, the ideal. However, there are different points of view on the content of these ideals. What opinion about the ideals of a politically organized society and law should be considered optimal is a pending issue.

As any politically organized society at a certain point in time differs from other societies, as well as from itself in the past and in the future, we can conclude that the ideal for any politically organized society and law must be unique [2]. But the problem is that while a lot of ideals are created, bringing them to life in full measure is completely utopian. There always happens something unexpected. Therefore, the ideal, well calculated in theory, will not be implemented in practice in exactly the same form.

In order to expand the system of meeting human needs, each society needs to strive to become a team of world-class professionals, healthy, educated and highly cultured people. Competition between societies that have adopted such an ideal can in the future lead to the creation of a world state and law. The latter will act as institutions that provide a better life for people than the one they had before and there are two reasons for that:

First, there will be more professions in a world state that encompasses all of humanity than in any separate existing state. Therefore, there will exist a wider system of activities to satisfy human needs, and the system of these needs will become wider.

Secondly, the possibility of war will be eliminated in this state. During the whole history of mankind wars brought enormous damage.

In what way should an ideal be created for the society to progress? For a society, progress is the increasing domination of people over their own and external nature. Progress occurs to a greater extent where the best producers of material and spiritual goods give a part of their labor and the results of other activities to the rest of the people. Indeed, it is only under this condition that able children from poor families (from the families of the worst producers) are able to become good workers who benefit society and are ready to perform other human functions. It is this distribution of benefits from the best to the worst producers that should be

carried out by the governing bodies of the society for its progress. Progress occurs when working people bring a variety of benefits to society. People should be professional at what they do, should be educated and healthy. To achieve the best satisfaction of their own needs, a person must do everything possible to ensure that other people live the best possible way. After all, people are only capable of excellent performance of their labor and other functions when they live well, that is, they have everything they need to meet their needs. This must be taken into account, as there are ideals that lead a politically organized society to decline or even to death. For example, in Tommaso Campanella's "The City of the Sun", the state decided which men should marry which women, so that the best parents could have the best children. But this is unlikely to have good effects. After all, science still does not know why the best people sometimes have incapable children, and vice versa.

The common good is the goal of the state. In an ideal politically organized society, safety is the main goal of the law. It is a part of the common good. According to John Finnis the main types of good include life, knowledge, play, beauty, sociability, i.e. friendship, religion, freedom, and also "practical reason". Safety is the basis of happiness, and "... equality produces only a certain amount of happiness" [1]. Therefore, the legislator should promote equality only in cases where it does not harm safety.

Ideally, one should strive for the good of all people living in a certain territory, and not for the good of separate groups (peasants, certain nations, etc.). This is explained by the fact that all people use each other's goods. Either everyone lives well, or no one does.

It is necessary to identify the laws of the progress of society and translate them into an ideal. This is a difficult task, because each society has its own tasks. This means that every society must have its own ideal. For example, Russia should have an ideal different from the ideal of the United States, if only because the economic development of these two countries is different. Two principles, formulated by Jean-Jacques Rousseau already in the 18th century, can be singled out as general patterns. First, the best should manage the worst. Secondly, these best must act not in their own interests, but in the interests of the majority. However, it should be noted that the second principle is hardly true.

Theoretical propositions about an ideal politically organized society should not contradict the obligatory general patterns of the functioning of any independent political society. The general patterns that are necessarily present in any politically organized society include the principles without which the collective will perish. Firstly, it is the exercise by people of their labor activity, since, if members of

society stop producing products necessary for their life, these individuals and the social organism formed by them will very soon cease being. This idea was supported by many thinkers of different times: Plato, Jean Calvin, Thomas Aquinas and others. The second pattern leading to the perishing of a politically organized society is the refusal of individuals to work together with each other. The reason is simple. A politically organized society acts as a system of division and cooperation of labor and other activities of all the people it unites. The joint efforts of individuals should be organized as efficiently as possible, and all social institutions should be led by experts in specific activities.

In conclusion, it should be said that for every politically organized society there must be its own ideal and this ideal of the society must be possible to achieve.

References:

1. Drobyshevsky S. A. The history of political and legal doctrines: the main classical ideas: study guide. M., 2011.
2. Drobyshevsky S.A., Lykov A.Yu. Ideals of politically organized society and law. M., 2017.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОМ АНАЛИЗЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

© А.Н. Ахтямова

Научный руководитель: Н.Р. Борисова

Нижекамский филиал

Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова

Современная наука с середины XX века активно использует такие понятия, как «структура», «система», «системный подход» и т.п. Данная тенденция объясняется тем, что именно в этот период появляются такие сложные системы, как телефонная связь, телевидение и ряд других. Эти системы требовали особых методов и способов построения и изучения, что привело к возникновению соответствующего философского категоричного аппарата и как следствие системного подхода, который оказался весьма универсальным и мог быть использован для анализа различных сложных систем, в том числе и социальных.

Само понятие «система» как философская категория представляет собой «...определённый набор элементов, между которыми существуют определённые взаимоотношения и связь» [3, С. 104]. Из этого следует, что под

категорией «системный подход» необходимо понимать «...направление методологии научного познания, в основе которого лежит рассмотрение объекта как системы целостного комплекса взаимосвязанных элементов» [1].

Характерными признаками любой системы обычно называются такие признаки, как:

- целостность;
- обладание четкой структурой;
- упорядоченность внутрискруктурных связей;
- взаимодействие с другими системами.

Данные признаки в большинстве своем присущи всем известным разновидностям структурных образований, как механическим, так и биологическим, и социальным, и т.п. В том числе мы встречаем указанные признаки при системном анализе политической жизни.

Что же представляет собой категория «политическая жизнь»? Единства мнений по данному вопросу мы не наблюдаем. Обычно под данной категорией, понимается политическая жизнь общества, представляющая собой «...исторически сложившийся социально закономерный способ устройства социума, который связан с системой непосредственных или опосредованных отношений между социальными слоями общества по вопросам властных отношений» [4, С. 115].

Однако, это далеко не единственное мнение. Поскольку политическая жизнь есть не что иное, как деятельность человека и его объединений, то ряд исследователей приходят к выводу о том, что «...категория политическая жизнь выражает значение неопределенности в политике, непредсказуемости творимого здесь будущего».

В реальности политическая жизнь может проявляться весьма многообразно. Например, это могут быть отношения людей, их общностей, организаций и объединений по поводу социального управления и власти. Кроме того сущность политической жизни проявляется также по поводу реализации социально-политических потребностей и интересов, в рамках которых происходит формирование, функционирование и преобразование политической системы общества. В любом случае основным и главным приоритетом политической жизни является завоевание государственной власти. А это в свою очередь означает, что основу политической жизни составляют властные отношения.

В советской государственно-правовой науке на протяжении двадцати лет идея политической системы была не востребованной. По сути, ее использование было в СССР ограниченным: или как аналога политической организации, или в качестве пропагандистского клише [5, С. 2]. Это не значит, что в период

построения социализма наша страна не имела собственной политической жизни или собственной политической системы. Это лишь означает, что представления о ней могли строиться исключительно на марксистско-ленинской модели общественного развития, иные взгляды либо не воспринимались вообще, либо рассматривались как субъективные и антинаучные.

В ходе развития политических знаний и механизма политической власти, накапливается множество сведений о явлениях, которые имеют отношение к политической жизни, влияют и зависят от нее, но государственно-правовыми не являются. К ним можно отнести: политические партии, политические движения, политические традиции, методы достижения политических целей, правовые ориентации населения и т.д. Известно, что для обозначения всего комплекса данных феноменов понятие «политика» является слишком широким и неопределённым, а понятие «государство» достаточно узкое и не охватывает весь масштаб данных жизненных реалий.

В настоящее время особое значение для системного понимания политической жизни, имеют работы американского политолога Дэвида Истона. Смысл политической системы Дэвид Истон видел в учете взаимодействия со средой, он считал, что сущность системного анализа политической жизни заключается в выявлении способов поддержания равновесия со средой, а главным назначением политической системы является исчезновение социальных различий, преодоление политических противоречий и конфликтов. [2].

Таким образом, политическая жизнь представляет собой совокупность общественных отношений, складывающихся в политической сфере и урегулированных различными социальными нормами. Многообразие проявлений политической жизни определяет необходимость использования для ее анализа системного подхода, суть которого заключается в том, что политическую жизнь мы рассматриваем как динамично развивающийся целостный комплекс взаимосвязанных элементов.

Список использованных источников:

1. Системные исследования: Учебник. – Москва: Издательство «Наука», 1973.
2. Понятие политической системы общества. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novaum.ru/public/p6>, свободный. – Проверено: 10.04.2019.

3. Проблемы теории государства и права : Учебник / А.В. Краснов, Г.Ю. Носаненко, Н.Н Рыбушкин, А.В Скоробогатов. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. – 324 с.

4. Теория государства и права :Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристь, 2000. – 776 с.

5. Халюзин В.А. Статика и динамика политической жизни традиционного общества // Власть – 2010. – № 8.

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ ПОСЛЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 Г.

© С.В. Боричевский

Научный руководитель: Н.С. Красовская
Сибирский федеральный университет

Адвокатура – один из важнейших правовых институтов государства, который служит для защиты основополагающих прав граждан и их объединений. Начало адвокатуры связано с утверждением Судебных уставов 1864 года [**Ошибка! Источник ссылки не найден..** с. 39.]. Однако предпосылки данного правового института появляются ещё в дореформенной России. Так, по Соборному уложению 1649 г. в главе X «О суде» при гражданских и некоторых уголовных делах допускались представители сторон, «ходатаи по делам». Представитель не обладал образованием, им мог стать любой человек. В дальнейшем функции представительства, сбора и составления документов выполняли стряпчий, а также прокурор, генерал-губернатор, к которым за помощью обращались сами стороны, их права и обязанности были расписаны в Учреждениях для управления губерниями Всероссийской империи» от 7 февраля 1775 г. (глава XXVII «О прокурорской и стряпческой должности»). Эти лица не были независимы, так как состояли на государственной службе. Кроме того, часто к ним обращались с целью запутать дело или затянуть его рассмотрение [**Ошибка! Источник ссылки не найден..** с. 200]. При такой системе можно сказать, что в суде процветают взяточничество и кумовство, выраженные во взятках сторон дела чиновникам для разрешения спора в их пользу.

Несмотря на все недостатки, законодательство в вопросах адвокатуры не совершенствовалось вплоть до реформы 1864 года. Причиной этого может служить отрицательное мнение глав Российского государства об адвокатуре. Например, Петр I считал, что адвокат больше запутывает дело и лжёт судье,

чем ведёт его к скорейшему, справедливому решению. Негативно высказывался о них и Николай I: «Кто, кто погубил Францию, как не адвокаты? Кто были Мирабо, Марат, Робеспьер?! Нет ... пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, без них проживем» **[Ошибка! Источник ссылки не найден. с. 88-89].**

Однако, во второй половине 19 века потребность реформ становится очевидной, в том числе реформирование необходимо в судебной системе. Александр II выразил основную цель реформы в следующем: «чтобы правда и милость царствовала в судах». Для этого был необходим отдельный, независимый институт права. Институт адвокатуры должен быть независимым, чтобы справедливо и честно отстаивать права граждан в суде. Таким образом, реформа 1864 года закрепила права и обязанности адвокатов в Уставе гражданского и уголовного судопроизводства, а также в Учреждении судебных установлений. Особенностью реформы является то, что употребляется термин не «адвокат», а «присяжный поверенный» и «частный поверенный» **[Ошибка! Источник ссылки не найден.. с. 238].** Эти термины просуществовали до 1917 года, когда был принят декрет №2 «О суде» **[Ошибка! Источник ссылки не найден.. с. 89].** Стоит заметить, что во многих странах Европы уже давно существовала адвокатура, поэтому при создании статуса адвоката законодатель брал за основу акты Австрии и Франции, регулирующие их положение. Однако, правовое положение присяжного поверенного значительно отличалось от положения адвоката во Франции или в другом европейском государстве. С.И. Гессен отмечал, что на присяжных поверенных лежит много обязанностей, но при этом у них практически отсутствуют права. Таким образом, по сравнению с Западной адвокатурой, присяжная адвокатура оказалась более узкой и менее правомочной организацией **[Ошибка! Источник ссылки не найден.. с.158].**

Рассмотрев Судебные уставы 1864 года, можно выделить несколько функций «присяжных поверенных»: представлять стороны в гражданских процессах; защищать подсудимого в уголовном процессе; поверенные могут выступать со стороны потерпевшей. Оформление и составление документов, хоть законодательно прямо не регламентировалось, но подразумевалось. Если мы будем сравнивать функции присяжных поверенных и современных адвокатов России, то можем отметить, что круг функций нынешних адвокатов шире. Причиной этого может служить развитие общественных отношений, в которых могут принимать участие адвокаты **[Ошибка! Источник ссылки не найден.. с.29-30].**

Законодатель регламентировал и порядок приобретения статуса присяжного поверенного. В статье 355 Учреждения судебных установлений определено, что присяжными поверенными не могут быть: лица моложе 25 лет; иностранцы; должники; лица, состоящие на государственной службе; лица, ограниченные в правах состояния по приговору, или священнослужители, лишённые сана по приговору духовного суда; лица, находящиеся под следствием за преступления, наказываемые лишением прав состояния; лица, исключённые со службы или сословий за пороки; лица, коим по суду воспрещено хождение по чужим делам, а также исключённые из числа присяжных **[Ошибка! Источник ссылки не найден.]**. В 3 отделении Учреждения судебных установлений перечисляются основные права и обязанности присяжных поверенных. Так, присяжный поверенный имел право участвовать в деле во всех судах округа, судебной палаты, к которой он приписан (статья 383). При этом он может продолжать дело во всех судах до окончательного решения по делу (статья 384). Однако, когда присяжный поверенный уезжает в другой город, он обязан передать по доверенности все свои судебные дела другому присяжному поверенному (статья 385). Обязанностью же сторон в судебном процессе является выбор поверенного из города, в котором происходит разбирательство, если в этом городе проживает достаточно присяжных поверенных (статья 387-388). Сторона также имеет право иметь несколько присяжных поверенных на одно разбирательство (статья 391). Присяжный поверенный не может приобретать права своих доверителей (статья 400). Присяжный поверенный не может действовать в суде против поверенного родственника, а также представлять интересы обеих сторон в разбирательстве (статья 402). В статье 403 защищается право доверителя на тайну, причём не только во время судопроизводства, но и после окончания дела. Кроме этого, законодателем устанавливалась ответственность присяжного поверенного за ошибки (статьи 404-405). Присяжный поверенный должен вести дела, порученные ему, а также предоставлять все материалы по нему судебной палате (статья 406). Стоит также отметить, что закон регулирует процессуальные права и обязанности присяжных поверенных в Уставах гражданского и уголовного судопроизводства **[Ошибка! Источник ссылки не найден.]**.

В условиях наличия правового института адвокатуры необходим был орган, который бы следил за деятельностью адвокатов. Таким органом стал «Совет присяжных поверенных». Согласно статье 358 Учреждения судебных установлений, совет присяжных поверенных является самоуправляемым органом в округе, выполняющим надзор за всеми присяжными поверенными этого округа. Кроме того, совет защищал права и интересы поверенных **[Ошибка!**

Источник ссылки не найден.. с. 818]. Совет обладал следующими правами: рассматривать прошения на должность присяжного поверенного, определять сумму выплат и сборов, назначать на дела лиц неимущих (статья 367), наказывать присяжных поверенных за нарушение ими установленных правил (статья 368). К обязанностям совета можно отнести: выдавать свидетельства о репутации присяжного поверенного, рассмотрение жалоб на присяжных поверенных и наблюдение за исполнением ими установленных законов (статья 367). Для создания совета требовалось сначала провести собрание комитета, состоящего из председателей судебных палат, которым поручалось рассмотрение ходатайств о включении лиц, отвечающих соответствующим требованиям, в состав присяжных поверенных. Когда набиралось необходимое число адвокатов, проводилось собрание, на котором формировался совет присяжных поверенных [**Ошибка! Источник ссылки не найден..** с. 818]. Совет присяжных поверенных был важным органом для адвокатуры России дореволюционного периода. Являясь самоуправляемой и независимой организацией, совет способствовал росту профессионализма присяжных поверенных, а также защищал их права, в том числе и от произвола власти.

Образование института адвокатуры имело немаловажное значение для судебной реформы. Ведь появление присяжных поверенных, на наш взгляд, обеспечивало принцип состязательности в судах. Возможность же получения юридической помощи для людей неимущих делало суд более справедливым и независимым от сословного деления. Кроме того, создание совета присяжных поверенных давало толчок к профессиональному развитию адвокатуры. Само же формальное закрепление института адвокатуры дает право предположить, что реформы второй половины XIX века имели демократический характер.

Список использованных источников:

1. Черепанов С.И. Адвокатура как хронодискретный Российский институт (к вопросу о периодизации истории отечественной адвокатуры)/С.И. Черепанов // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД. 2016. №3(35). С. 37-42.
2. Гамалей С.Ю. История становления и развития адвокатуры в России/ С.Ю. Гамалей // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2014. №6. С. 88-91.

3. Лавицкая М.И. Возникновение и развитие адвокатуры до судебной реформы 1864 года/ М.И. Лавицкая // «Среднерусский вестник общественных наук». 2012. №4-1(25). С. 198-203.

4. Черепанов С.И. Требования к адвокатам в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ)/С.И. Черепанов // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД. 2015. №3(31). С. 237-242.

5. Черепанов С.И. Функции адвокатуры в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ)/С.И. Черепанов // Вестник Нижегородской академии МВД. 2015. №14(14). С. 29-30.

6. Учреждение судебных установлений [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – Режим доступа: <https://garant.ru>

7. Назаркина Н.В. Советы присяжных поверенных и их роль в становлении российской адвокатуры во второй половине XIX – начале XX в./Н.В. Назаркина // Научные достижения и открытия современной молодёжи. 2017. С. 817-820.

8. Бондарева Е.А., Ревазов М.А. Институт присяжных поверенных/Е.А. Бондарева, М.А. Ревазов // «Евразийское научное объединение». 2015. №4(4). С. 157-159.

ПРОБЛЕМА ГУМАНИЗМА В ПРАВЕ НА ПРИМЕРЕ «РУССКОЙ ПРАВДЫ» П.И. ПЕСТЕЛЯ

© Д.В. Васильева

Научный руководитель: А.А. Габов
Сибирский федеральный университет

Современный век – с одной стороны, это век информации, нано-технологий, научных прорывов, но с другой стороны, это эра падения нравственности, снижения уровня культуры, ущемления прав человека, роста агрессии, безразличия, социальной несправедливости [5]. Мы стали забывать один из важнейших принципов права – принцип гуманизма, который выражается в признании человека как высшей ценности, закреплении и обеспечении его прав, свобод, законных интересов, достоинства личности, условий свободного всестороннего развития и стимулирования подлинно человеческих отношений между людьми [8]. Кроме того, мировое сообщество начинает понимать, что в эпоху глобальных кризисов и конфликтов идеи гуманизма приобретают первостепенное значение. Угроза дегуманизации техногенного общества

действительно реальна и даже обостряется [4]. Вопрос возрастания технического прогресса, регресс духовного начала, упадок принципа гуманизма в праве становятся чумой XXI в.

Для начала необходимо раскрыть само понятие *гуманизм*. Термин «гуманизм» происходит от латинского слова *humanus* – человеческий, человеческий. Однако следует сказать о том, что в настоящее время не существует единого и общепризнанного определения данного понятия [5].

На наш взгляд, наиболее удачный лексикографический анализ термина *гуманизм* разработал В.А. Рыбин. Он выделяет три вида восприятия термина *гуманизм*. Но нас будет интересовать философско-антропологический вид, согласно которому гуманизм – это мировоззрение (система идей), основанное на принципах: человек – высшая ценность общества; благо человека – суть (смысл, содержание) общественных отношений; человек имеет право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей; человек – творческая индивидуальность, вместительность творческой потенции [5].

Как было сказано выше, проблема гуманизма в праве – не однодневный вопрос, это процесс накопления знаний, идей, которые были разработаны гениальными людьми разных эпох. Исследования о гуманизме разрабатывались как зарубежными, так и отечественными учеными. В связи с этим невозможно не упомянуть французского философа Вольтер и его труд «Философские повести», а также российского мыслителя А.Н. Радищева с его знаменитым произведением «Путешествие из Петербурга в Москву». Они первые полно раскрыли принцип гуманизма в общественной жизни. Однако неоправданно мало говорится о вкладе декабристов в развитие гуманистических идей в России.

Чтобы восполнить незаслуженный пробел в исследованиях в данном вопросе, обратимся к проекту Конституции П.И. Пестеля «Русская правда». В данном правовом документе идея гуманизма проходит красной нитью по всем отраслям права, которые затрагивает этот общественный деятель, но особого внимания заслуживает вопрос о правах и свободах человека и гражданина. Как же можно понять, что статьи «Русской правды», посвященные данному вопросу действительно отвечают принципу гуманизма? Для этого попытаемся провести соответствие между конституционным проектом П.И. Пестеля и Конституцией РФ, которая на сегодняшний день представляет собой довольно развитый юридический документ.

Как известно, принцип гуманизма очень широк, он охватывает и включает в себя такие категории права как справедливость, свобода, общее благо

для народа, юридическое равенство. В «Русской правде» все эти направления проходят через идеи, заложенные в законопроект П.И. Пестеля.

Стоит отметить, что под равенством Пестель подразумевал уничтожение сословных привилегий, а не уничтожение классов [6]. Кроме того, по мнению О. И. Киянской важнейшей идеей «Русской правды» является «идея всеобщего юридического равенства граждан перед законом» [2]. Пестель также разделяет все права граждан на разряды («права политические», «права гражданские» и «права личные»), но вкладывает в них лишь базовые критерии.

Под первым разрядом ученый понимал «отношения народа с правительством», участие народа в политической и общественной жизни, в управлении государством. Если проводить параллель с современностью сюда можно отнести избирательное право и право занимать любые должности соответственно личным заслугам (ст. 32 Конституции РФ).

На основе анализа положений «Русской правды» ко второму разряду можно отнести взаимоотношения между гражданами, право собственности, право наследования – в Конституции РФ это ст. 35, право заключения различного рода договоров, а также права супругов, взаимоотношения родителей и детей, отношения опекуна [3].

Наибольший интерес представляет третий разряд, который «содержит права Личным посредством коих определяется образ Действия и Существования граждан в тех случаях когда они не находятся в Непосредственном Сношении ни с Правительством ни с другими Гражданами и когда дело идет об них одних» [7]. Его составляющими являются «свободное Книгопечатание, свободное Вероисповедание, свободная Промышленность, Личная свобода и тому подобное» [7]. Самым важным элементом, по мнению Пестеля, является личная свобода, так как «Личная Свобода есть первое и важнейшее право Каждого Гражданина и священнейшая обязанность каждого Правительства. На ней основано все сооружение Государственного Здания и Без нея нет ни спокойствия, ни Благоденствия» [7]. Если говорить об остальных элементах третьего разряда, то они соответствуют современным реалиям и прописаны в Конституции РФ. Так, например, «свободное Книгопечатание» есть свобода печати (ст. 29 Конституции РФ), «свободное Вероисповедание» есть свобода религии (ст. 28 Конституции РФ).

Кроме того, Пестель наделяет всеми этими правами гражданина, не зависимо от его социального, материального, общественного положения: «Все Российские Граждане должны одинаковым образом пользоваться всеми правами Частными гражданскими и Политическими» [7]. Это большой шаг

вперед, так как современная Конституция России зиждется как раз на этом принципе, о котором нам говорит ст. 19.

Если говорить про вопрос религии, то П.И. Пестель проводил различие между «внутренней верой» человека, которая является его личным делом и в которую государству не следует вмешиваться, и внешними проявлениями этой веры, которые не должны противоречить интересам других людей, общества и государства, между государством и религиозными организациями [1].

Таким образом, проблема гуманизма, которая разрабатывалась в течение многих веков, до сих пор остается актуальной в современном мире. Может возникнуть вопрос, а в чем же основная взаимосвязь «Русской правды» П.И. Пестеля и Конституции РФ? Во-первых, в Конституции 1993 г. прослеживается преемственность положений проекта Пестеля. Во-вторых, в обоих документах полно разработан принцип гуманизма в вопросе о правах и свободах человека и гражданина. Но проблема в том, что этот принцип воплощается с большими затруднениями в жизни народа что в XIX, что в XXI вв. С каждым годом проблема гуманизма в праве все больше и больше обостряется. Человечество пытается искать пути решения, беря во внимание опыт прошлого, но панацеи для разрешения данного вопроса так и не найдено. Во многих странах, в том числе и в России, учреждаются добровольные гуманистические ассоциации и союзы, пытающиеся разрешить главное противоречие техногенного информационного общества: мощь техники и нищета человеческой духовности [4].

Список использованных источников:

1. Денисова, Н. Д. Конституционный проект П. И. Пестеля «Русская правда» : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01 / Денисова Наталья Дмитриевна. – Москва, 2005.
2. Киянская, О. И. Пестель [Текст] / О. И. Киянская. – М.: Молодая гвардия, 2005.
3. Рубаник, С. А. Гражданское состояние, свободы, права и обязанности жителей России в конституционных проектах П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева / С. А. Рубаник // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2013. – №2 (13) – С. 44-46
4. Соколов, А. В. Гуманизм и библиотеки: к постановке проблемы / А. В. Соколов // Вестник культуры и искусств. – 2011. – № 4 (28). – С. 6-8

5. Цикалюк, М.В. Основные теоретические подходы к анализу понятия «гуманизм» в истории науки / М. В. Цикалюк // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. – 2010. – № 4 (33). – С. 191.

6. Яхин, Р.Х. Государственно- правовые взгляды П.И. Пестеля: монография / Р.Х. Яхин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та – 1952. – С.9.

7. <http://doc.histrf.ru/19/russkaya-pravda-pestelya/> [Электронный ресурс] (дата обращения – 15. 12.2018)

8. https://studopedia.ru/7_163725_gumanizm-prava.html [Электронный ресурс] (дата обращения – 23.03.2019)

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА»
И «ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ»**

© В.Н. Войцехович

Научный руководитель: И.Д. Мишина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Совсем недавно в юридической литературе наряду с понятием «юридическая техника» появилось новое понятие «юридическая технология». Среди ученых существует две точки зрения: одни считают, что данное понятие соотносится как часть и целое, другие же утверждают, что они различны. Для меня очень важно понять, является ли необходимым введение нового понятия «юридическая технология» в понятийно-категориальный аппарат, так как посредством понятий в любой науке представляется возможным добиться единообразия в понимании сущности явлений, выразить закономерности и тенденции развития социальной действительности. Для соотношения понятий «юридическая техника» и «юридическая технология» в своей работе я попытаюсь дать определение данным понятиям, а также выделить их основные структурные элементы.

Проблемы юридической техники вызывают постоянный интерес со стороны ученых и практиков. Среди правоведов отсутствует устоявшееся определение юридической техники, ее элементов, роли и места в правовой сфере. Например, профессор С.С. Алексеев под юридической техникой понимает совокупность средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми приемами при выработке и систематизации правовых (нормативных) актов для обеспечения их совершенства [1, с. 267]. По его мнению, под юридической техникой понимается наука о создании правовых актов, то есть юридическая техника распространяет свое действие исключительно на правотворчество.

Большинство ученых придерживаются иного подхода к определению юридической техники. С позиции М.Л. Давыдовой, это система профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности [3, с. 36]. По мнению А.Ф. Черданцева, юридическая техника – это совокупность правил, приемов, способов подготовки, составления, оформления юридических документов, их систематизации и учета [11, с. 366]. По мнению авторов, осуществление любого вида юридической деятельности связано с юридической техникой. Поэтому различаются виды юридической техники. Законодательная

техника включает в себя разные способы и приемы построения нормативного акта, его формулирования, изложения и опубликования. Под правоприменительной техникой понимаются приемы оформления и построения правоприменительных актов, способы решения коллизий и пробелов в праве, а также способы применения и толкования юридических норм. Толкование права – это деятельность субъектов права по уяснению и разъяснению смысла норм права, выражающаяся в особом юридическом акте. Различают также технику систематизации права, технику непосредственной реализации права. Тем самым, мы можем наблюдать, что юридическая техника не может быть связана исключительно с правотворчеством.

Основной недостаток термина «юридическая техника», по мнению ряда авторов, состоит в том, что его содержание не в состоянии охватить тех явлений, которые должны им охватываться. Возникает необходимость в появлении более объемного понятия. Таким может выступать «юридическая технология», которая представляет собой совокупность принципов, приемов, процедур формирования и реализации всех видов юридической практики. Рассмотрим соотношение понятий «техника» и «технология».

Наиболее подходящим определением понятия «техника» является: «совокупность навыков и приемов в каком-либо виде деятельности, мастерства». Слово «технология» является производным от «техника» и понимается как совокупность производственных методов и процессов в определенной отрасли производства. То есть, техника – это совокупность средств человеческой деятельности (при этом средство – это способ, инструмент, который человек использует в процессе своей деятельности). Технология же представляет собой совокупность операций, выполняемые определенным субъектом. Таким образом, юридическая техника является инструментальной частью юридической технологии.

Я считаю, что соотношение понятий «юридическая техника» и «юридическая технология» непосредственно зависит от представлений о структуре данных понятий. Стоит отметить, что юридическая техника и юридическая технология схожи по своим структурным элементам.

По мнению С.С. Алексеева, юридическая технология – это технические приемы, в частности, это способы изложения норм, система отсылок. Профессор считает, что юридическая технология является частью, то есть элементом юридической техники.

Профессор Т.В. Кашанина вычленяет такие элементы юридической техники как средства, приемы, способы и методы.

1. Средства юридической техники представляют собой материальные предметы, объекты, с которыми в процессе проведения юридической работы производятся манипуляции для достижения поставленной цели. Например, к ним можно отнести компьютеры, которые использует человек при написании юридических документов.

2. Приемы юридической техники – это действия, способные повторяться при осуществлении чего-либо. Примером может послужить бланкетный способ изложения нормы права, когда производится отсылка к другому нормативному акту.

3. Под способами юридической техники понимают сложную по содержанию деятельность, которая включает в себя совокупность приемов. В качестве примера можно рассмотреть конструкцию договора, которая в Трудовом кодексе РФ неоднократно используется законодателем (коллективный договор, трудовой договор и иные соглашения). Помимо определения каждого из видов договоров, в Кодексе проводится их детализация (указываются субъекты, права и обязанности и др.).

4. Методы юридической техники – это пути достижения цели, упорядочения правового материала или правоотношений. Например, человек, которого оскорбили, может защитить свое достоинство либо в уголовно-правовом, либо в гражданско-правовом порядке. Так, ст. 130 УК РФ формулирует понятие «оскорбление» и предусматривает в качестве одной из санкций за него взыскание штрафа. Гражданский кодекс РФ предлагает возмещение морального ущерба в пользу оскорбленного гражданина.

При классификации элементов юридической техники в качестве критерия можно выбрать возможность объективизации. По мнению Т.В. Кашаниной, материальное выражение имеют только средства юридической техники. Все остальные элементы имеют нематериальный характер и относятся к искусству проводить такую работу, поэтому будет правильнее назвать их юридической технологией. Тем самым, структура юридической техники состоит из собственно юридической техники и юридической технологии [6, с. 86].

Т.В. Кашанина отмечает, что рассматриваемые термины можно признать условно синонимичными, договорившись в рамках научного сообщества, что в контексте юридической техники будет подразумеваться более широкое понятие.

Юридическая технология у В.Н. Карташова состоит из трех частей:

1. Юридическая техника – средства достижения практических целей: общесоциальные (язык, буквы, цифры, понятия, суждения, нормы и т. п.), специально-юридические (правовые понятия, конструкции, правовые

предписания, нормативные акты и иные правовые явления), технические (компьютеры, фотоаппараты и т. д.);

2. Юридическая тактика – совокупность интегрированных приемов, способов и методов юридической практики или основы ее организации и планирования;

3. Юридическая стратегия – способы достижения главных, наиболее существенных и окончательных целей. Иными словами, это перспективное планирование и прогнозирование юридической практики.

В.Н. Карташова под юридической техникой понимает только средства достижения практических целей. Понятие «юридическая технология» является более широким и включает в себя юридическую технику [5, с.24].

Таким образом, можно согласиться с мнением профессора Т.В. Кашаниной о том, что юридическая техника имеет материальное выражение, то есть к ней относятся исключительно средства юридической техники. Юридические технологии – постоянно развивающееся, не стоящее на месте и обладающее многообразием элементов. На мой взгляд, понятие «юридическая технология» имеет более объемную содержательную базу, чем понятие «юридическая техника». Поэтому можно согласиться с мнением тех авторов, которые проводят разграничение между данными понятиями и придают более объемное содержание юридической технологии.

Список использованных источников:

1. Алексеев, С.С. Общая теория права : учебник Т.2 / С.С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1982. – 360 с.
2. Бачернихина, М.В. Юридическая техника и юридическая технология: некоторые аспекты соотношения / М.В. Бачернихина // Человек: преступление и наказание. – 2010. – №2(69). – С. 41-43.
3. Давыдова, М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии : монография / М. Л. Давыдова. – Волгоград : ВолГУ, 2009. – 318 с.
4. Иващенко, Е.А. История дискуссии о соотношении понятий «юридическая техника», «законодательная техника», «юридическая технология» / Е.А. Иващенко // Вопросы студенческой науки. – 2018. – №4(20). – С. 42-46.
5. Карташов, В.Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования / В.Н. Карташов // Юридическая техника. – 2007. – №1. – С. 16-24.
6. Кашанина, Т. В. Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – 2-е изд., пересмотр. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 496 с.

7. Маршакова, Н.Н. Юридическая техника: понятие, виды, средства, основные функции и значение / Н.Н. Маршакова // Юридическая техника. – 2007. – №1. – С. 52-60.

8. Миронов, А.Н. Юридическая технология подготовки нормативных правовых актов : монография / А.Н. Миронов. – Москва : Форум, 2010. – 352 с.

9. Павлова, К. Е. Юридическая техника и юридическая технология: соотношение понятий / К.Е. Павлова // Юр-ВАК. – 2015. – №6. – С. 53-57.

10. Умедов, К.М. Юридическая технология [Электронный ресурс] / К.М. Умедов // Universum: Экономика и юриспруденция. – 2018. – №12(57). – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/6591>. – (Дата обращения: 11.04.2019).

11. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права : учебник / А.Ф. Черданцев. – Москва : Юрайт, 200. – 432 с.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ НОРМАТИВНЫХ ОБОБЩЕНИЙ

© В.О. Выборова

Научный руководитель: И.Д. Мишина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Учение о правовых нормах является одним из основных в теории права. Все чаще и чаще ключевая роль в регулировании общественных отношений многими учеными отводится лишь норме права. Но так ли это? Является ли норма права единственным нормативным регулятором общественных отношений?

Одним из первых на существование такого правового явления, как нормативные обобщения, обратил внимание С. С. Алексеев. Так, в одной из своих работ он писал: «Каждое нормативное предписание, в особенности сформулированное при помощи абстрактного способа изложения, содержит определенный обобщающий момент. Для правовой же общности характерно известное единство нормативных обобщений» [3, с. 45]. Таким образом, подчеркивается особая роль такого нормативно-регулятивного средства, как нормативные обобщения.

И действительно, разве нормативно-регулятивные средства могут сводиться исключительно к нормам права? Профессор Н. Н. Вопленко особо настаивает на том, что «право не сводится только к нормам, наряду с ними

существуют и действуют разнообразные виды общих правовых предписаний: правовые декларации, правовые определения, принципы....» [2].

Особое место в изучении нормативных обобщений занимают работы В.М. Шафинова. Так, профессором Шафиновым справедливо замечено: «нормативные обобщения – это нормативно-регулятивные средства, которые в сжатом, концентрированном виде выражают содержание права» [5]. В качестве примеров нормативных обобщений автор называет следующие: правовые принципы, цели, задачи, дефиниции, презумпции и т.п. Исследование показало, исчерпывающего перечня нормативных обобщений не существует. На сегодняшний день встречаются и такие: правовые декларации, фикции, аксиомы и многие другие [4, с. 260].

Существует и диаметрально противоположная точка зрения. Многие авторы не исследуют и не рассматривают в качестве самостоятельного правового явления нормативные обобщения, но говорят о существовании особых «нетипичных» правовых норм: нормы-принципы, нормы-цели, нормы-дефиниции и т.п. [1, с. 53-54].

Чем же отличаются нормы права от нормативных обобщений? И целесообразно ли последние рассматривать в качестве самостоятельного нормативно-регулятивного средства?

Представляется, что нормативные обобщения отличаются от правовых норм по следующим основаниям:

Во-первых, структура правовых норм имеет трехэлементное или двуэлементное строение. Как правило, состоит из следующих элементов: гипотеза, диспозиция, санкция в их различных вариациях. Что же касается нормативных обобщений, то они не имеют данного строения, а обладают особой структурой. Причем каждая разновидность нормативных обобщений обладает специфическим набором признаков, что не позволяет выделить аналогичные элементы в их строении.

Во-вторых, нормы права и нормативные обобщения находятся на разных уровнях правовой регуляции. Причем данный уровень можно представить в качестве иерархии нормативно-регулятивных средств по степени абстракции. Чем выше уровень, тем наблюдается большая степень абстракции правовых положений.

В-третьих, нормы права и нормативные обобщения имеют различную классификацию и соответственно, критерии, по которым возможно их объединить. Думается, нормативные обобщения можно систематизировать по определенным рангам: каждый ранг будет зависеть от уровня (степени) обобщения.

Таким образом, нормативные обобщения – самостоятельное нормативно-регулятивное средство, отличающееся от норм права не только внутренним строением, но и иными признаками (уровнем нормативной регуляции, формами проявления в правовой действительности).

Особый интерес представляет соотношение норм права, нормативных предписаний и нормативных обобщений, а также изучение отдельных разновидностей нормативных обобщений (правовые дефиниции, правовые принципы, правовые фикции, правовые презумпции, правовые цели, правовые задачи, правовые аксиомы, правовые декларации и другие правовые явления). Однако результаты исследования данных аспектов будут проиллюстрированы позднее.

Список использованных источников:

1. Бошно, С. В. Норма права: понятия, свойства, классификация и структура / С. В. Бошно // Право и современные государства. – 2014. – № 4. С. 49–60.
2. Марченко, Я. В. Нормативно-регулятивные средства в системе права / Я. В. Марченко // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. – Режим доступа: <https://elibrary.ru>.
3. Петров, Д. Е. Интеграция права и унификация законодательства: вопросы соотношения / Д. Е. Петров // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – Сер. Теория и история государства и права. – 2014. – № 6. – С. 44–49.
4. Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография / А. Ф. Черданцев. – М.: Норма : ИНФРА-М., 2012. – 320с.
5. Шафиров, В. М. Норма права и нормативные обобщения [Электронный ресурс] / В. М. Шафиров // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. – Режим доступа: <https://elibrary.ru>.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЛЕГИТИМНОСТИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВ ЗАПАДНОГО ТИПА

© Д.Д. Гурьянова
Научный руководитель: И.Д. Мишина
канд. юрид. наук
Сибирский федеральный университет

Задачей данного исследования является сопоставление легитимности западного типа, которая расценивается многими учеными-юристами как эталон демократической государственности, с тем, что понимается под легитимностью государства в России.

Легитимность государства – это поддержка государства населением, признание его права на управление, опирающаяся на право, нравственность, ценности и чувства, а также готовность ему подчиняться.

Легитимность государств западного типа	Легитимность Российской государственности
Обеспечение справедливости своего существования путем обожествления своей власти. Легитимность государственной власти не просто гарантировалась религией. Земная власть являлась частью религиозной картины мира и поэтому легитимировалась всем мировоззрением человека [1, с. 11-12].	
Социально-политическое развитие шло по линии выделения власти из общества.	Исторический путь России начался с создания властью общества, где одним из ключевых направлений социально-политического развития России являлось ликвидирование угрозы извне [5, с. 1-2].
Обеспечение своей легитимности через конструирование рыночной экономики и гражданского общества, которое опирается на два основных принципа – частную собственность и индивидуализм.	Гражданское общество и рыночная экономика не являются основными факторами легитимации в России в силу специфического исторического пути. На протяжении долгого времени политический и экономический капитал концентрировался под властью государства. До сих пор данные институты находятся на стадии развития, поэтому мы не можем их рассматривать в качестве эффективных компонентов легитимности.

<p>Растворение власти в обществе в пределах концепции национального государства, которое не только убеждает свой народ в том, что оно является справедливым и правомерным, но и фактически приравнивает себя к гражданам. В национальном государстве гражданин принимает власть потому, что рассматривает ее как производную от собственной воли.</p>	<p>Государственная власть исторически воспринималась как некая внешняя сила, чуждая по отношению к населению и даже противостоящая ему [2, с. 40].</p>
<p>Легитимность обеспечивается постоянной сменой находящихся у власти партий, что обусловлено постоянными изменениями в требованиях политически активных групп граждан [3, с.21].</p>	<p>Народу характерен консерватизм. Общество не видит перспектив в смене правящей партии.</p>
<p>Широкий канал общения власти и общества, под которым понимается общественное мнение, рассматриваемое в качестве инструмента давления общества на государство. Данное давление исходит от интеллектуальной элитой, которая занимается выработкой представлений о мире у других членов общества. Этот механизм осуществляет внедрение в сознание людей определенных ценностей, а в конечном итоге убеждение людей в том, что существующий строй легитимен. [3, с. 13-14]</p>	<p>Весьма узкий канал общения между властью и обществом. Исторически тут отсутствовало общественное мнение, а появление интеллектуального слоя, который хоть и должен был легитимировать власть, как это происходило на Западе, не сумел сделать этого, и стал сильной оппозицией в государстве.</p>
<p>Преобладание рационально-легального типа легитимности, основанном на вере в легальность установленного порядка и законность осуществления господства на основе этой легальности.</p>	<p>В российском обществе ментально фигура главы государства всегда имела особый статус (традиционная легитимность), при этом большинство правителей – харизматичные личности, которые концентрируют на себе все надежды и веру граждан (харизматическая легитимность) [4, с. 12].</p>

Из всего вышеперечисленного, мы имеем больше различий, чем сходств между легитимностью Российской государственности и государствами западного типа. Судя по всему в России сформирован самостоятельный тип легитимности, который пригоден исключительно для Российской действительности.

Список использованных источников:

1. Андреева, Л. А. Сакрализация власти в истории цивилизаций / Л.А. Андреева, Д.М. Бондаренко, А.В. Коротаев, А.А. Немировский. – М.: ЦЦРИ РАН, 2005.– 447 с.
2. Баранов, Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России: Курс лекций. / Н. А. Баранов. – СПб.: БГТУ, 2011. – 297 с.
3. Вершинин, А. А. Проблема легитимности политической власти в современной России / А. А. Вершинин, Н. Ю. Молчаков. – М.: Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование, 2016. – 9 т. № 1. – С. 19-51.
4. Пенсионная реформа и нарастающие проблемы легитимности власти / В. А. Ильин, М. В. Морев. – Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2018. – Том 11. №4. – С. 9-34.
5. Рогожин, Н. М. Проблема централизации и децентрализации в политической истории России / Н. М. Рогожин. – М.: Локус: люди, общество, культуры, смыслы, 2016. – С. 7-16.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КАНОНИЧЕСКОГО И ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

© В.П. Каргаполова-Рупп

Научный руководитель: Т.Ф. Антоненко

канд. истор. наук

Сибирский федеральный университет

Говоря о влиянии норм канонического права на правовую жизнь, можно сказать что в условиях современности законотворческая роль церкви, как самостоятельного органа, реализуется только в религиозной области.

В период средневековья, когда каноническое право имело наибольшее значение, а католическая церковь во многом соперничала с авторитетом государства. Власть церкви опиралась прежде всего на том, что духовенство считали необходимым вмешиваться во все общественные отношения, беспокоясь о нравственном облике общества, им поверялись многие тайны во время исповедей, а также они оказывали влияние на государственных деятелей. В Средние века церковь выступала не только как идеолог, просветитель и благотворитель, но и как политик. В то время как многие европейские монархи боролись с плодами феодальной раздробленности и пытались укрепить свою власть, а законодательства стран только начинали развиваться; церковь уже

имела разветвленный аппарат управления. Поэтому можно утверждать, что средневековые государства опирались не только как на идеологическую машину, но и как на образец государственного устройства.

Хотя стоит помнить, что церковь по своей сути, не государственное учреждение. «Христианская вера предназначена для всех, независимо от национальности и государственной принадлежности» [3]. «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18, 36). Очевидно что территории, на которые распространяет свое влияние церковь, отличаются от границ любого государства, возможно даже не признавая их вовсе, ведь в отдельных регионах не христианских стран могут действовать филиалы церкви, на территории которых действовали её законы. Тем не менее, церкви приходится функционировать в пределах государств и подчиняться государственному законодательству. Каноническое право не действует самостоятельно, а выступает как дополнение и ориентир для светского законодательства, опираясь на отделённую от людей бескорыстную и справедливую божественную волю.

Но Церковь призвана совмещать в себе божественные начала, а также стремления и идеи людей. Соединение этих двух начал делают природу церкви биполярной и противоречивой. Это сказывается на всех аспектах её существования, в том числе и в правотворчестве. Поэтому, хотя правила принятые епископами и Церковными соборами и являются законами, написаны они людьми и для людей, а поэтому могут утратить актуальность. В XVI веке Реформация подорвала позиции католической церкви и ослабила влияние канонического права. На Тридентском соборе (1545-1563 гг.), был осуществлен коренной пересмотр норм канонического права. Была осуществлена попытка вернуть его к изначальным идеалам и принципам.

Главным достижением канонического права можно назвать то, что оно смягчало дикие нравы варварских племен, проповедуя отказ от насилия и регламентируя отношения между разными людьми. Именно в церкви зарождаются представления о естественных правах человека. Так, профессор социологии Нью-Йоркской школы социологических исследований Хосе Казанова утверждает, что современные принципы неотъемлемых прав человека происходят от сект Америки XVIII века [1]. С ним соглашается русский историк Дмитрий Фурман, с той лишь разницей, что родиной прав человека он считает реформаторскую Европу XVI века [1].

Христианская религия заставила людей переосмыслить роль человека во вселенной и ценность каждой человеческой жизни: человек и его внутренний мир становится высшей ценностью: «Какая польза человеку, если приобретет

весь мир, но загубит душу? Или что даст человек вместо своей души?» (Мр. 8:36-37).

В Новом Завете апостол Павел, формирует утверждение о том, что все люди равны между собой: «Нет ни грека, ни иудея, ни обрезания и необрезания, ни варвара, ни скита, ни раба, ни свободного, нет ни мужского рода, ни женского, но все и во всем – Христос» (Кол. 3:11, Гал. 3:28).

В религиозных источниках широкое распространение получила идея свободы воли человека, в библии прямо не говорится о этой свободе, но она подразумевается в том смысле, что никто не может принуждать человека к вере «огнем и мечем» (Мф.26:52–54. Лк.22:49–51. Ин.18:11. Лк.9:54–56).

Поэтому не удивительно что именно в государствах Европы и Америки, где большинство населения были членами христианской церкви продолжают придерживаться её традиций, получают свое развитие идеи естественного права.

Во Всеобщей декларации прав человека в первой статье говорится: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» [2]; во второй «Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете.» [2]

Таким образом, можно говорить, что современная концепция естественного права имеет тесное родство с христианскими ценностями, и в некотором смысле восходит своими корнями к нормам канонического права. Существует связь современных государств и их демократических ценностей с ценностями духовными. Поэтому, государства, заботящиеся о морально нравственном состоянии, должны воздерживаться от вмешательства в духовную сферу и не ограничивать человека в осознании и принятии духовных ценностей; однако государству не следует допускать возникновения религиозных «монополий» или радикальных течений.

Список использованных источников:

1. Баранько, Я.С. Каноническое право в современном социокультурном пространстве/ Я.С. Баранько//Философские науки. – 2013. – № 5 (12) Часть 2. – С. 82–85.

2. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Российская газета . – 1995. – 5 апр. – № 67. // Справочная правовая система «Консультант плюс»

3. Цыпин, В.А. Церковное право: Курс лекций / В.А. Цыпин. – Клин: Христианская Жизнь, 2004. – 17 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ И ЗАЩИТЫ ОТ ВНУТРЕННИХ УГРОЗ

© А.А. Князев

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

На сегодняшний день в мире всё чаще происходят чрезвычайные происшествия, катастрофы техногенного характера, ошибка компьютера и сам человеческий фактор. По статистике от всех перечисленных бедствий в год погибают более 250 тысяч человек по всему миру. В России число жертв составляет около 15 тысяч человек в год. Но с каждым годом число жертв сокращается. Так как на территории Российской Федерации имеются спасательные отряды во главе с МЧС. Но не во всех местах нашей большой страны есть силы МЧС. И тогда муниципальные образования создают добровольческие пожарные охраны. Проблема заключается в том, что в нашей стране недостаточно специалистов в сфере спасателя. «Спасатель – гражданин, подготовленный и аттестованный на проведение аварийно-спасательных работ» [1].

Спасателем может стать любой гражданин РФ в возрасте от 18 лет. В обязанности спасателя входят:

Готовность к участию в проведении работ по ликвидации чрезвычайных ситуаций, совершенствовать свою физическую, специальную, медицинскую, психологическую подготовку;

Совершенствовать навыки действий в составе аварийно-спасательных формирований;

Неукоснительно соблюдать технологию проведения аварийно-спасательных работ;

Активно вести поиск пострадавших, принимать меры по их спасению, оказывать им первую помощь и другие виды помощи;

Неукоснительно выполнять приказы, отдаваемые в ходе проведения работ по ликвидации чрезвычайных ситуаций руководителями аварийно-спасательных служб, аварийно-спасательных формирований, в составе которых спасатели принимают участие в проведении указанных работ;

Разъяснять гражданам правила безопасного поведения в целях недопущения чрезвычайных ситуаций и порядок действий в случае их возникновения.

«Как уже понятно из вышеперечисленных обязанностей быть спасателем не каждому под силу. Это опасная профессия. В Российской Федерации на данный момент эта структура только начинает своё развитие. Но из-за нехватки специалистов по работе с волонтерами в сфере безопасности и организации гражданской обороны, процесс развития волонтерской направленности будет происходить в замедленном темпе. Я считаю необходимым ускорить процесс развития подготовки и обучения всех желающих граждан, а они в свою очередь смогут передать накопленные знания и опыт на своих местах проживания. После этого могут снизиться уровень угрозы чрезвычайных ситуациях, число жертв, уровень паники при чрезвычайных ситуациях. Поднимутся уровень готовности населения к обеспечению гражданской обороны, уровень предотвращения чрезвычайных ситуаций, повысится организация проведения эвакуации и обеспечения первой медицинской помощи» [2].

Цель работы: предложение по внесению изменений в Федеральный закон от 22 августа 1995 г. № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» для восполнения пробела в федеральном законе и таким образом, решить законодательно проблему отсутствия в стране добровольно-спасательных формирований

Задачи:

1. Рассмотреть и проанализировать понятия волонтера и спасателя
2. Обеспечить правовые условия для подготовки волонтеров для работы в условиях ЧС.

Гипотеза: необходимо пересмотреть № 151-ФЗ и внести изменения для дальнейшего развития и формирования добровольных спасательных формирований.

«Одной из наиболее значимых вопросов государства- это подготовка населения к гражданской обороне. Он относится к одной из самых важных вопросов. Учения являются высшей и активной формой подготовки руководящего состава, формирований и населения к выполнению задач гражданской обороны. На учениях вырабатываются необходимые практические навыки, четкие и слаженные действия личного состава формирований, совершенствуются и изыскиваются наиболее целесообразные приемы использования техники, приборов, различных агрегатов и инструментов, отрабатываются управление, связь, оповещение. Учения по гражданской обороне, проводимые в соответствии с современными требованиями, дают возможность обучать

формирования, рабочих, служащих и население, не занятое в сферах производства и обслуживания, действиям в условиях применения противником оружия массового поражения и других средств нападения, воспитывать в людях высокие морально-политические и психологические качества. В Российской Федерации установлены следующие уровни готовности гражданской обороны «повседневная», «первоочередные мероприятия гражданской обороны первой группы», «первоочередные мероприятия гражданской обороны второй группы», «общая готовность гражданской обороны». Обучение населения осуществляется в рамках единой системы подготовки населения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Обучение является обязательным и проводится в учебных заведениях Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, в учреждениях повышения квалификации федеральных органов исполнительной власти и организаций, в учебно-методических центрах по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям субъектов Российской Федерации (далее именуются – курсы гражданской обороны), по месту работы, учебы и месту жительства граждан» [3].

«В целом, по мнениям зарубежных обозревателей, наметившийся в последние годы процесс развития взаимопонимания между национальными органами гражданской обороны при решении задач по оказанию всесторонней помощи странам, пострадавшим от различного рода бедствий, является обнадеживающим признаком установления военно-политической стабильности в мире и будет способствовать повышению готовности органов гражданской обороны всех стран при решении любых задач, в первую очередь – задач мирного времени при ликвидации последствий стихийных бедствий, производственных аварий и катастроф» [4]. Хочется отметить, что не смотря на нынешнюю ситуацию в мире, необходимо перенимать опыт у зарубежных коллег как подчеркнул на «круглом столе по теме история и логика строительства спасательной службы в России. Взгляд в будущее» заместитель председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Юрий Леонидович Воробьев- «Нужно развивать добровольчество не только в пожарной охране, но и в спасательных образованиях» [5]. Несомненно, они в нашей стране есть и их пора использовать на полную мощность. По мнению руководства МЧС России подготовка и ведение гражданской обороны в современных условиях должны осуществляться, как и вся оборона страны в целом, исходя из принципа стратегической мобильности. Не брать конкретные точки по стране, к примеру в горах Кавказа или только в лесах Сибири и тому подобное,

где происходят постоянно какие-либо бедствия. Взяв под контроль всю страну в 2012 возможно вовремя оповестили бы жителей Крымска. Необходимо конкретное государственное регулирование действия системы предупреждения ЧС и установление юридической ответственности за неоповещение или ненадлежащее оповещение населения о надвигающемся бедствии, что повлекло за собой гибель людей. Необходима государственная регламентация проведения мер по предупреждению ЧС, особенно в тех местностях, которые находятся в зоне риска наводнений, лавин, лесных пожаров и т.д.

По данным сайта МЧС России добровольно помогать МЧС России готовы 39 % россиян (на 9 % больше тех, кто хотел бы работать здесь постоянно). Такую разницу в цифрах можно объяснить тем, что в определенных ситуациях помощь МЧС России означает непосредственно помощь своей семье, своим близким, друзьям и знакомым. Также участие в разовых акциях несёт с собой меньше риска, чем ежедневная работа.

Граждане России всех возрастов гораздо охотнее готовы оказывать МЧС России добровольную помощь, нежели работать в нём постоянно.

«Стоит обратить внимание, что молодёжь, обычно малоактивная даже на уровне декларации намерений, в данном случае проявляет довольно высокий уровень сознательности. Если говорить о взаимосвязи между готовностью добровольно помогать силам МЧС России и уровнем образования, то наибольшую гражданскую ответственность в этом вопросе проявили люди с неполным высшим образованием – в большинстве своем студенты» [6].

В России процент добровольцев в сравнении с Западом по-прежнему достаточно мал, но в последние годы тема волонтерства стала предметом общественного внимания. Посмотрев на статистику, можно сразу оценить уровень развития волонтерства в России и за рубежом. По опросу центра Superjob.ru, только 8% россиян хотели бы заниматься волонтерством и благотворительностью. В то время как в США волонтерской активностью за последний год занимались 27 % населения (по данным 2009 года).

Я считаю, что подготовка и обучение рядовых граждан нашей страны даст развитие в сфере защиты населения и оказания первой помощи актуальной в наше время. Ведь выполняя этот гражданский долг, можем наблюдать прогресс в других сферах жизни человека.

Необходимо пересмотреть № 151-ФЗ и внести изменения:

Статью 8 дополнить абзацем:

«В структуру аварийно-спасательных служб, аварийно-спасательных формирований, за исключением профессиональных аварийно-спасательных служб, профессиональных аварийно-спасательных формирований,

выполняющих горноспасательные работы, входят добровольные спасательные формирования, созданные органами государственной власти, органами власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления;»

Статью 16 дополнить пунктом 5:

«Оказывать аварийно-спасательным службам, аварийно-спасательным формированиям, за исключением профессиональных аварийно-спасательных служб, профессиональных аварийно-спасательных формирований, выполняющих горноспасательные работы, содействие в работе по чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, оказание неотложной помощи и привлечении дополнительной добровольной силы.»;

Статью 36 дополнить пунктом 4:

«Создать постоянную комиссию и установить контроль за исполнением и соблюдением гарантий социальной защиты граждан, не являющихся спасателями, привлекаемых к проведению работ по ликвидации чрезвычайных ситуаций. В случае гибели добровольца, обеспечить психологической, социальной и физической помощью членам его семьи на основе «Братства спасателей».

Многие граждане хотели бы стать спасателями, но не всем это удавалось. В Европе создан вариант набора волонтеров в спасательные образования. Ведётся содействие между профессионалами и рядовыми гражданами в организации обеспечения обороны и безопасности населения. Я считаю необходимым ускорить процесс развития подготовки и обучения всех желающих граждан, а они в свою очередь смогут передать накопленные знания и опыт на своих местах проживания. После этого могут снизиться уровень угрозы чрезвычайных ситуациях, число жертв, уровень паники при чрезвычайных ситуациях. Поднимутся уровень готовности населения к обеспечению гражданской обороны, уровень предотвращения чрезвычайных ситуаций, повысится организация проведения эвакуации и обеспечения первой медицинской помощи.

Таким образом, реализация данной законотворческой инициативы, по нашему мнению, создаст правовое поле для начала подготовки волонтеров для работы в условиях ЧС на базе РОССОЮЗСПАСа.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 22.08.95 № 151-ФЗ, ст. 1
2. А.В. Малько, С.Б. Немченко, А.А. Смирнова – Правовая политика в сфере обеспечения, пожарной безопасности, гражданской обороны,

чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий (обзор материалов «круглого стола»)

3. Об утверждении программ подготовки населения в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций // <http://docs.cntd.ru/document/412383228>

4. Справочное пособие по организации выполнения мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и проведению аварийно-спасательных работ силами и средствами органов государственной власти, органов местного самоуправления в мирное и военное время. МЧС России. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2014, 28с.

5. Воробьев Ю. В. В американском «МЧС»// Гражданская защита. 1997. № 1.

6. О перспективах развития волонтерского (добровольческого) движения в МЧС России и его информационном обеспечении // <https://cyberleninka.ru/article/n/o-perspektivah-razvitiya-volontyorskogo-dobrovolcheskogo-dvizheniya-v-mchs-rossii-i-ego-informatsionnom-obespechenii>

НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА: ПОНЯТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

© Д.А. Логинова

Научный руководитель: И.Д. Мишина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В международно-политической практике вопрос непризнанных государств был поставлен относительно недавно, ведь само их появление связывают с распадом колониальных держав по окончании Второй мировой войны. Несмотря на то, что сам феномен непризнанных государств является относительно молодым, сегодня существует более 100 непризнанных государств, и нет почти ни одного материка, который бы не затронуло данное явление. Так, на территории современной Европы непризнанными являются Силенд, Республика Косово, Луганская Народная Республика, Донецкая Народная Республика, Приднестровская Молдавская Республика, Мальтийский Орден, в Азии – Азад Джамму и Кашмир, Вазиристан, Государство Ва, Государство Шан, Китайская Республика, Нагорно-Карабахская Республика, Турецкая Республика Северного Кипра; в Африке – Химан и Хеб, Азания, Галмудуг, Джубаленд, Пунтленд, в Австралии – Республика Мурраварри и Народная Республика

Эухлаи – Квинсленд. Данный перечень государств не является исчерпывающим, но даже он позволяет сделать вывод о том, что проблема непризнанных государств является масштабной, поэтому она требует большего внимания и тщательного изучения.

Цели данного исследования: 1) отразить важность изучения непризнанных государств в рамках теории государства и права, поскольку они входят предмет теории государства и права, под которым понимаются наиболее общие закономерности возникновения, развития, функционирования государства, а следовательно, и все догосударственные образования, какими являются непризнанные государства; 2) отразить перспективы трансформации современных непризнанных государств, а также факторы, оказывающие влияние на их признание.

Термин непризнанное государство или «государство де-факто», как оно именуется в зарубежной литературе, является достаточно условным. Среди исследователей не существует единого определения непризнанного государства.

Так, по мнению профессора А. Г. Большакова, государственное образование может называться непризнанным, если оно лишено международной правосубъектности, однако имеет все остальные признаки государственности. [4, с. 84]

Американский профессор Скотт Пегг дает иное определение: « де-факто государство существует в тех случаях, когда существует организованное политическое руководство, которое пришло к власти из-за определенной степени местного потенциала, получило поддержку населения и достигло достаточного потенциала для предоставления государственных услуг конкретному населению в определенной территориальной зоне, над которой сохраняется эффективный контроль в течение длительного периода времени. Де-факто государство считает себя способным вступать в отношения с другими государствами и стремится к полной конституционной независимости и широкому международному признанию в качестве суверенного государства. Однако оно не в состоянии добиться какого-либо существенного признания, и поэтому считается незаконным в глазах международного сообщества» [2, с. 26]

Ф.А. Попов под непризнанными государствами понимает любые «недогосударственные» образования, которые, добившись фактической сецессии, претендуют на международное признание, но не получают его. [8, с. 23]

Непризнанные государства обладают рядом специфических признаков.

С. М. Маркедонов выделяет следующие признаки: 1) государственность непризнанных государств носит декларативный характер, так как они

способны объявить лишь о своем фактическом суверенитете; 2) зачастую суверенность данного государства не получает легитимации со стороны международного сообщества, то есть они не признаются ООН и «материнским» государством, что лишает непризнанные государства полноценного участия в делах международного сообщества; 3) непризнанные государства находятся на территории государства-«метрополии» («родительского» или «материнского»), обладающего суверенитетом [7, с. 31-32].

Кроме того, профессор Г.И. Авцинова указывает на следующие признаки: во-первых, наличие конфликта между новообразовавшимся и «материнским» государствами, вызванные неэффективностью деятельности центральной власти; во-вторых, слабая организация группировок, пришедших к власти. Сюда можно отнести и отсутствие четкой программы, способности решать различные тактические и стратегические задачи, что часто связано с отсутствием профессиональной подготовки у лидеров, пришедших в власти. Их успех на первых этапах базируется на стремлении населения к отделению, на эмоциональной составляющей, однако руководители непризнанных государств остаются лишь идейными вдохновителями, так как впоследствии им не хватает знаний и умений, чтобы воплотить свои идеи на практике. Примером служат предводители Республики Косово и Донецкой Народной Республики, которые перед началом их политической карьеры были связаны с преподавательской и военной деятельностью. [3, с. 70]

Также ряд исследователей выделяет такой признак, как «слабость». И. В. Кудряшова связывает «слабость» непризнанных государств с тем, что в «сампровозглашенных» политических образованиях разрушена экономика, низок уровень развития человеческого потенциала, высок уровень криминализации власти и существует множество других проблем, препятствующих государственной состоятельности. По данным на 2013 год в непризнанной республике Косово за чертой бедности находится 30% населения, безработными являются 40%. В ЛНР же уровень безработицы составляет 20% [1].

Исходя из анализа исторических фактов, проведенного А. Б. Крыловым, можно выделить несколько вариантов трансформации современных непризнанных государств. Первый из них и самый негуманный – уничтожение в результате силового вмешательства. Следует отметить, что главный аргумент сторонников военного вмешательства состоит в том, что непризнанные государства не являются субъектами международного права, т.к. не получили признания международного сообщества. В истории данный способ используется достаточно часто. Примером служат уже несуществующие республики Би-афра, Сербская Краина, Бадахшан, Исалмский Эмират Афганистан, Княжество

Тринидад, Конфедеративная Республика племен Эр-Рифа, государство Тамил-Илам, Самопровозглашенная Чеченская Республика Ичкерия [5].

Следующая перспектива трансформации непризнанного государства – получение международного признания после победы в войне за независимость. В данном случае международное признание осуществляется после долгого периода существования в статусе непризнанного государства, а большое значение для государств, идущих по этому пути развития, играет баланс сил противоборствующих сторон и благоприятная для непризнанных государств ситуация на международной арене. Примером могут служить такие государства, как Эритрея, Зимбабве, Доминиканская Республика, Восточный Тимор и Южный Судан.

Третий путь развития непризнанных государств – это частичное признание. Под частичным признанием понимается международное признание лишь частью государств – членов ООН. Примером является республика Косово, признанная всего 111 государствами из 193, входящих в ООН. Удержанию и сохранению своих территорий большинство из новообразованных государств обязаны странам, оказавшим им значительное экономическое и военное содействие, или вмешательству международного сообщества. Также к этой группе относят Южную Осетию, Абхазию, Азад Джамму и Кашмир, Турецкую республику Северного Кипра, Халистан.

Четвертый вариант развития непризнанных государств – существование без дальнейшего признания. Подобные государства существуют на данный момент на территории Азии и Африки, причем с течением времени их количество растет. Существуют также и примеры непризнанных государств, являющихся более успешными и развитыми, чем государства-метрополии. Так, например, непризнанная республика Сомалиленд имеет более высокий уровень развития и стабильности, является более успешной в своей деятельности, чем республика Сомали, переживающая состояние распада и безвластия, однако все равно получившая полное признание международного сообщества. Подобную судьбу имеют также Приднестровская Молдавская Республика, образованная ещё в 1990 г, Пунтленд, Нагорно-Карабахская Республика, Государства Ва и Шан, Народная республика Нагалим, Султанат Сулу. [7]

Можно сделать вывод о том, что непризнанные государства – сложные, до конца неисследованные явления, требующие большего внимания мирового сообщества и политико-юридической науки.

Список использованных источников:

1. Central Intelligence Agency, The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/>
2. Pegg S. De Facto States in the International System. Working Paper ¹ 21. – Institute of International Relations, University of British Columbia, 1998. – 26 p.
3. Авцинова, Г.И. Особенности функционирования непризнанных государств / Г.И. Авцинова, А.А. Новицкая // Наука и современность. – 2015. – № 3(5). – С.65 – 76.
4. Большаков, А. Г. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья / А. Г. Большаков // Международные процессы. – 2007. – № 15. – С. 83–88
5. Крылов, А. Б. Непризнанные государства: важна «внутренняя легитимность» [Электронный ресурс] / А. Б. Крылов // Научное общество кавказоведов. – 2012.– Режим доступа: <http://theanalyticon.com/?p=1550&lang=ru> (Дата обращения: 07.04.2019)
6. Кудряшова, И. В. Можно ли легитимировать сецессии, или О государственной состоятельности новых политий / И.В. Кудряшова // Политическая наука. – 2011. – № 2. – С. 75–105
7. Маркедонов, С. М. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства / С.М. Маркедонов// Аналитические доклады Института Кавказа. – Ереван. -2012. – С. 31-32
8. Попов, Ф. А. От «безгосударственной территории» к «государству де-факто» / Ф.А. Попов // Международные процессы. – 2011. – № 2. – С. 16-28.

ПРАВОВАЯ СОВЕСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРЫ ПРАВОСОЗНАНИЯ

© Д.Р. Марьясова

Научный руководитель: И.Д. Мишина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В России одними из первых ученых, обративших внимание на необходимость изучения феномена правовой совести как элемента структуры правосознания, были теоретики «московской школы естественного права»: И. А. Ильин [4] и П. И. Новгородцев [8], которые считали, что правовая совесть представляет собой внутренний духовно-нравственный закон человека, позволяющий ему уважительно относиться к праву, оценивать свои деяния в

соответствии с ним, подсознательно ощущать основные идеи права и стремиться выразить «добрую волю».

И. А. Ильин обращает внимание на то, что правовая совесть тесно связана со столкновением естественного и позитивного права и представляет собой стремление человека приблизить положительное право к идеальному. Конфликт между естественным и положительным правом должен быть разрешен только в пользу первого, а устранить его можно путем создания новых законов юристами, учеными и философами, которые должны «выработать в себе особый акт правосознания», а именно правовую совесть. «Истинный законодатель есть художник естественной правоты, ее искатель и служитель. Для него – «лучшее» есть всегда то, что есть лучшее на самом деле и само по себе: ибо им руководит добрая воля». [4, с. 65-74]

Примером такого проявления правовой совести может служить представления о законе, сложившиеся в Древней Руси, когда закон отождествлялся не с актом, исходящим от государства, а с нравственностью, справедливостью и моралью, ведь именно поэтому вместо понятия «закон» употреблялся термин «Правда», то есть соответствие истине. [9, с. 5]

Н. И. Матузов и А. В. Малько подчеркивают, что «в России издавна первостепенную роль в народной жизни играли не столько законы, сколько нравственные, духовные, религиозные и иные ценности и регуляторы, такие, как совесть, честь, долг, порядочность, гражданское чувство, оказывавшие и оказывающие мощное определяющее воздействие на поведение людей» [6, с. 64].

В работах современных ученых проблеме подробного анализа совести в правовом измерении уделяется не менее пристальное внимание. Например, профессор Р. С. Байниязов высказывает мысль о том, правовая совесть является «одним из важнейших элементов юридической психологии личности и выражает интуитивное понимание, стремление к справедливому, жизненному, нравственному праву» [1, с. 18].

По мнению, В. В. Сорокина в каждом человеке от природы заложены такие понятия, как справедливость, доброта, любовь к ближнему; совесть объединяет их всех и служит формой их выражения [9, с. 3]. Это находит свое отражение во многих современных правовых системах, закрепляющих распространённый принцип: «Незнание закона не освобождает от ответственности», ведь в любом из нас присутствует внутреннее понимание добра и зла; чувство, заставляющее стремиться к истине, то есть правовая совесть.

Правовая совесть – это внутренний свидетель и главный судья наших поступков, который проверяет все наши действия и бездействия нравственным

абсолютом, и для того, чтобы человек путем своих субъективных взглядов не изменял его, правовая совесть подкрепляется чувствами стыда, долга и ответственности.

Такое проявление правовой совести тесно связано с феноменом доброй совести в гражданском праве, закрепленном в Гражданском кодексе РФ в 1, 10 и многих других статьях.

На сегодняшний момент в отечественной цивилистике распространены три подхода к определению добросовестности. Согласно первому подходу добросовестность является объективным выражением закономерностей развития общества; ее наличие у участников гражданских правоотношений изначально предполагается. Второй подход заключается в рассмотрении доброй совести с позиции субъективных критериев, связанных с моралью, нравственностью, восприятием норм права через внутренние представления самого субъекта о добре и зле. Согласно третьему подходу добросовестность относится к принципам права, что находит свое отражение, например, в Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса РФ.

По мнению профессора К. М. Маштакова, в обязательственных правоотношениях «добрая совесть проявляется в осмотрительности, разумной осторожности, учете интересов контрагента, исполнении своих обязанностей и прав в соответствии с объективными ожиданиями другой стороны договора» [7, с. 14]. Что касается вещных правоотношений, то в них добросовестность заключается в бездействии относительно объекта правоотношения перед управомоченным субъектом. Профессор Т.В. Дерюгина дополняет применение принципа доброй совести беспристрастным взвешиванием субъектами правоотношений своих и противоположных частных интересов, а также интересов общества в целом [3, с. 49].

Правовая совесть находит свое отражение не только в нормах гражданского, но и уголовного права. Именно поэтому многие ученые говорят еще об одном очень важном значении правовой совести, о ее роли в правовом сознании судей и присяжных заседателей.

По мнению Ю. В. Грачевой, правовая совесть представляет собой «центральный элемент в механизме, детерминирующем сведение широких пределов судейского усмотрения в процессе индивидуализации наказания к его конкретному размеру и виду» [2, с. 119].

Определить степень вины правонарушителя и назначить ему справедливое наказание можно только путем целостного и зрелого учения о правосознании. Вина и невиновность человека, устанавливаемая судом, должна определяться ничем иным, как именно состоянием его

правосознания, а именно отношением руководившей им воли к цели права, а потому и к праву.

Уголовный суд, верно осознающий свою задачу и предметно исследующий правонарушение, не сможет осудить правонарушителя, если его деяние было совершено из доброй воли, стремящейся к цели права и к праву; он никогда не должен ограничиваться формальными рамками и принимать во внимание только норму, которую нарушил человек.

И. А. Ильин считает, что присяжным же в свою очередь предоставляется право решать вопрос о субъективных условиях виновности, которые «не имеют внешний, телесно-физический характер», но обусловлены «внутренней, душевно-духовной природой» человека.

При решении вопроса о виновности должны быть тщательно изучены цели и мотивы, руководившие подсудимым во время совершения преступления, а впоследствии проанализированы и соотнесены с целями и мотивами нормального правосознания, ведь они «входят в самую сущность, как повинующегося, так и преступающего правосознание: они-то и определяют виновность человека» [4, с. 74-81]. Стоит учитывать тот факт, что ни закон, ни правовая теория не объясняют этих целей и мотивов, полагаясь только лишь на совесть присяжных заседателей и проявляя в этом великое доверие к человеческому духу. Для того, чтобы заслужить это доверие, присяжные должны «выработать в себе акт правовой совести», они должны почувствовать основные идеи права и стремиться выразить добрую волю.

В современном российском уголовном праве этот феномен находит закрепление в части 1 статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ: «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» [10].

На сегодняшний день многие правоведы изучают вопрос свободы оценки доказательств и значения совести в уголовном судопроизводстве. Например, А. П. Лавренко считает, что правовая совесть представляет собой «способность профессиональных участников уголовного судопроизводства при принятии уголовно-процессуальных решений реализовывать нравственный самоконтроль, а именно самостоятельно формулировать собственные нравственные обязанности, требовать от себя их исполнения, производить самооценку совершаемых поступков, а также испытывать нравственные переживания при нарушении таких обязанностей» [5, с. 222].

Таким образом, правовая совесть является важнейшим элементом правового сознания, она позволяет человеку сформировать ценностное представление об естественном праве, уважать его и поступать в соответствии с его требованиями. Правовая совесть практически необходима при столкновении естественного и позитивного права, в вещных и обязательственных правоотношениях, а также при решении проблемы справедливого наказания.

Список использованных источников:

1. Байниязов, Р. С. Правосознание: психологические аспекты / Р. С. Байниязов // Правоведение. – 1998. – № 3 (222). – С. 16-21.

2. Грачева, Ю. В. Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения: монография / отв. ред. А. И. Чучаев – Москва : Проспект, 2015. – 376 с.

3. Дерюгина, Т. В. Сущность понятия добросовестности в гражданском праве России / Т. В. Дерюгина // Юрист-Правоведь. – 2010. – № 3. – С. 46-49

4. Ильин, И. А. О сущности правосознания / Н. М. Мартынова, В. М. Подольский – Москва : Рарог, 1993. – 235 с.

5. Лавренко, А. П. Совесть как гарантия реализации внутреннего убеждения субъектов уголовно-процессуального доказывания / А. П. Лавренко // Общество и право. – 2010. – № 3 (30). – С. 220-224

6. Матузов, Н. И. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько – Москва : Юрист, 2004. – 245 с.

7. Маштаков, К. М. Добрая совесть как нравственная основа частноправовых отношений / К. М. Маштаков // Философия права. – 2016. – № 1 (74). – С. 13-17.

8. Новгородцев, П. И. Право и нравственность / П. И. Новгородцев // Правоведение. – 1995. – № 6. – С. 103-113.

9. Сорокин, В. В. Понятие совести в правовом измерении / В. В. Сорокин // История государства и права. – 2009. – № 21. – С. 2-6.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – ст. 17.

**ВАЛЮТНЫЕ ОПЕРАЦИИ МЕЖДУ РЕЗИДЕНТАМИ
И НЕРЕЗИДЕНТАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© Ф.Ж. Мкртчян

Научный руководитель: Т.В. Протопопова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Частью 1 статьей 9 ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» установлено общее правило о запрете на осуществление валютных операций между резидентами. Однако есть исключения, которые в комментируемой статье представлены в виде перечисления конкретных операций, допустимых между резидентами. В ней установлено около тридцати допустимых валютных операций между резидентами с использованием большого объема терминов, понятий, определяемых другими законодательными актами, в том числе с отсылкой на другие статьи ФЗ РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» [4].

Также применяются бланкетные нормы, отсылающие к ФЗ от 07.02.2011 № 7-ФЗ «О клиринге и клиринговой деятельности» и ФЗ от 11.03.1997 № 48-ФЗ «О переводном и простом векселе».

Исходя из положений статьи 9 ФЗ РФ «О валютном регулировании и валютном контроле», допустимые валютные операции между резидентами разделяются по следующим категориям субъектов:

1) первая часть ст. 9 ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» регулирует операции между всеми резидентами, за исключением уполномоченных банков [2];

2) вторая часть устанавливает правило осуществления операций между уполномоченными банками с отсылкой на порядок, определяемый Центральным банком РФ;

3) третья часть определяет допустимые валютные операции между резидентами и уполномоченными банками [3].

Надо отметить, что сама конструкция ст. 9 ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» с позиции доступности является сложной, с отсылкой на нормы ФЗ РФ «О валютном регулировании и валютном контроле», которыми дублируются валютные операции, регулируемые ч. 1 ст. 9 ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле». Тем самым для исключения указанных негативных факторов законодателю следует объединить все

допустимые валютные операции между резидентами в одну статью, упорядочить их и классифицировать такие операции.

К допустимым валютным операциям с участием физических лиц относятся:

1) операции, связанные с расчетами в магазинах беспроцентной торговли, а также с расчетами при реализации товаров и оказании услуг пассажирам в пути следования транспортных средств при международных перевозках [1].

2) операции по переводу физическим лицом – резидентом из Российской Федерации в пользу иных физических лиц – резидентов на их счета, открытые в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, в суммах, не превышающих в течение одного операционного дня через один уполномоченный банк суммы, равной в эквиваленте 5000 долларов США по официальному курсу, установленному Центральным банком РФ на дату списания денежных средств со счета физического лица – резидента.

Порядок совершения валютных операций между нерезидентами России устанавливается в ст. 10 ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле».

Современные ученые практически не занимаются изучением валютных операций между нерезидентами, в отличие от операций между резидентами или резидентов с нерезидентами. Это связано с предельной ясностью правового регулирования данного вопроса, с точностью изложения и отсутствием неурегулированных вопросов. Поэтому даю краткий анализ статьи.

Для анализа нужно разъяснить, кто такой нерезидент. К нерезидентам Закон относит:

- физических лиц, не являющихся резидентами;
- юридических лиц, созданных в соответствии с законодательством иностранных государств и имеющих местонахождение за пределами территории России;
- организации, не являющиеся юридическими лицами, созданные в соответствии с законодательством иностранных государств и имеющие местонахождение за пределами территории России;
- аккредитованные в Российской Федерации дипломатические представительства, консульские учреждения иностранных государств и постоянные представительства указанных государств при межгосударственных или межправительственных организациях;
- межгосударственные и межправительственные организации, их филиалы и постоянные представительства в Российской Федерации;

- находящиеся на территории России филиалы, постоянные представительства и другие обособленные или самостоятельные структурные подразделения нерезидентов – юридических лиц и организаций, не являющихся юридическими лицами;

- иных лиц, не являющихся резидентами.

Нерезидентами признаются юридические лица, созданные в соответствии с законодательством иностранных государств и имеющие местонахождение за пределами территории Российской Федерации. В международном частном праве под местонахождением юридического лица имеется в виду расположение его управленческих органов. Таким образом, при определении круга физических лиц – резидентов как субъектов валютных отношений принимаются во внимание критерии гражданства и постоянного местожительства (известного в МЧП как домицилий). В отношении же юридических лиц при определении их статуса резидентства используются критерии инкорпорации и оседлости.

Далее определяю к нормам каких законов следует обращаться для того, чтобы выяснить какие же ограничения все-таки существуют по проведению валютных операций для нерезидентов. В самой статье уже содержится отсылка к некоторым законам, таким как ФЗ от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О рынке ценных бумаг». Также следует учитывать нормы ГК РФ, ФЗ от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности». Также важно и Письмо Банка России от 04.01.2003 № 17-44/1 «О переводах денежных средств по поручению физических лиц без открытия банковских счетов».

Стоит отметить, что нельзя проводить разбор статьи в отрыве от других статей того же закона, сравнительный анализ позволяет выделить некоторые характерные черты и особенности правового положения нерезидентов по сравнению, например, с резидентами, особенности условий наступления ответственности нерезидентов и ее видов.

Итак, допустимые для нерезидентов операции можно поделить на 3 группы:

- 1) безналичные и наличные операции;
- 2) операции с валютой Российской Федерации и иностранной валютой;
- 3) операции с уполномоченными банками и иностранными банками.

Как видно из сравнительного анализа со ст. 9, для нерезидентов список немного уже.

Важным условием осуществления между нерезидентами операций с внутренними ценными бумагами является соблюдение антимонопольных

требований. Соблюдение требований при осуществлении нерезидентами операций с внутренними ценными бумагами связано, прежде всего, с необходимостью согласовывать ряд сделок с ценными бумагами с Федеральной антимонопольной службой РФ.

Непосредственное регулирование правил открытия счетов нерезидентов осуществляется Центральным банком РФ.

Список использованных источников:

1. Алексеева Д.Г., Антропова И.О., Бергер Е.В., Игнатьева Е.А., Кальней М.Г., Шаповалов М.А. Комментарий к Федеральному закону от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2013.

2. «О валютном регулировании и валютном контроле» Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. 2019.

3. Семенихин В.В. Командировочные и иные аналогичные расходы. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2013. – 952 с.

4. Хаменушко И.В. Валютное регулирование в Российской Федерации: правила, контроль, ответственность: учеб.-практ. пособие. М.: Норма, 2013. – 352 с.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ТЕРМИНА «ВЗЯТКА» В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ XI-XV ВЕКОВ

© И.А. Муравьева

Научный руководитель: А.А. Габов

Сибирский федеральный университет

«Не подмажешь – не поедешь»; «Подъячий любит калач горячий»; «Прежде одну свинью кормили, а теперь с поросятами»; «Начнешь судиться, придется разориться» [13, с. 104]. О чем эти поговорки? О взяточничестве. То, что взяточничество нашло отражение в русской народной культуре, означает, что это явление давно вошло в нашу жизнь и закрепилось в ней.

Свое исследование термина «взятка» мы начали со справочной литературы.

Согласно Толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля, слово «взимать (взятка)» – плата или подарок должностному лицу, во избежание стеснений или подкуп его на незаконное дело» [10, с. 197].

В XI-XVII вв. взятка трактуется как незаконный побор [6, с. 171].

Словарь русского языка XVIII в. также определяет взятку как незаконный побор с просителей. Приводится пример употребления: «Зайди в такой приказ: во фрунте все стоят и с челобитчиков лишь взятки драть глядят.....» [7, с. 144].

В современной же справочной литературе языка термин «взятка» толкуется как:

- «Плата или подарок должностному лицу за совершение каких-нибудь незаконных действий по должности в интересах дающего» [11, с. 285];

- «Деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, оплата действий в интересах дающего» [9, с. 77];

- «Деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, как оплата караемых законом действий» [12, с. 81].

Мы подметили интересную особенность: в более ранних словарях, составленных до XX в., взятка трактуется как незаконный побор должностных лиц, т.е. «инициатива», требование, запрос на ее получение исходит от чиновника, а уже в более поздних, современных, взятка практически идентично толкуется как материальное подношение, даваемое должностному лицу, т.е. преобладает отношение дающий – берущий. Инициативу в даче взятки уже проявляет дающий, который знает, что должностные лица их берут, это обычное дело, и взяточничество, по сути, является уже обычаем. Это подтверждается и широким употреблением данного понятия в русском народном творчестве.

Интересно, что в русском фольклоре существуют пословицы, которые объясняют и даже оправдывают взяточничество: «Правдою служи – кость гложи», «Нелюба честь, коли нечего есть», «Казна с голоду не уморит, но и досыта не накормит» [13, с. 105]. Государственная служба в них представляется как дело, не приносящее дохода, что, на наш взгляд, является одной из причин взяточничества.

Приведем также синонимы слова «взятка»: подарок, благодарность, мзда, подкуп, посул, бакшиш, хабар, халтура, нелегальный доход. Брать взятки – лихоимствовать, мздоимствовать; хабара хватить, тяпнуть [8, с. 41]. Например, термин «посул», появившийся в памятника права XIV века, является предшественником понятия «взятка». В дальнейшем, в ходе истории, термин «лихоимство» станет родовым понятием для любых незаконных поборов [2, с. 32].

В древнейшем источнике русского права – «Русской Правде» отсутствовало как таковое понятие взятки, посула, но уже предпринимались

определенные шаги государства ограничить поборы с населения должностными лицами.

Так, в Краткой редакции «Русской Правды» описана оплата труда дружинников при исполнении судебных функций (ст. 41) и работ мостников (ст. 43). В статье 42 нормируется объем кормов для княжеского слуги – вирника [4, с. 49]. В Пространной редакции «Русской Правды» объемы кормов для вирников находят свое закрепление в статье 9. Обозначены конкретные цифры: «Хлебов 7 занеделю», «пшена 7 уборков». Это указывает на желание законодателя ограничить ненормированные взимания должностных лиц с населения. Таким образом, несмотря на отсутствие в «Русской Правде» понятия «взятка», государством предпринимались конкретные шаги к введению в более строгие рамки чиновничьих поборов [2, с. 27].

Первое же упоминание о взятке как незаконном вознаграждении за осуществление официальных властных полномочий в русском законодательстве связано с Двинской уставной грамотой 1397 – 1398 гг., в ст. 6 которой посул рассматривается как взятка за отпуск вора, пойманного с поличным [5, с. 181].

Ст. 26 Новгородской судной грамоты запрещает чиновникам брать посулы и решать дела по дружбе, для этого перед судебным слушанием произносилась присяга. Однако сведения об ответственности за нарушение до нас не дошли [4, с. 306].

Знаменитый законодательный источник периода феодальной раздробленности – Псковская судная грамота, содержит упоминание о посуле в ст. 4 «А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику» [4, с. 347]. В этом месте стоит остановиться подробнее на понятиях «тайный посул» и «посул».

С одной стороны, не исключено, что Псковская судная грамота говорит о тайном посуле, просто конкретизируя и усиливая известный вид преступного деяния, который именовался в русском праве «посулом» и нес смысл взятки. На слове «тайный» делали акцент и В.О. Ключевский и А.А. Зимин, считавшие, что законный гонорар чиновнику вполне мог допускаться [3, с. 354]. Но, возможно, источник говорит об одном из видов данного деяния (посула), которых, на самом деле, было несколько. Псковской судной грамотой запрещался именно тайный посул, то есть взятка. Грамота также, как и другие рассмотренные источники, не закрепляет ответственности за посул, а лишь содержит запрет на его принятие.

По мнению дореволюционного ученого Анциферова К.Д., «Период княжеской Руси есть та предварительная стадия, в которой могла только зародиться идея преступления взяточничества» [1, с. 111].

Таким образом, анализ вышеуказанных источников права показал следующее:

- Древнейший источник права – «Русская правда» не содержит понятия взятки, но уже ограничивает чиновников в размерах поборов с населения за исполнение своих обязанностей;

- Памятники права периода феодальной раздробленности содержат термин «посул» (взятка), вводят запрет на его получение, но ответственность за нарушение закона не закрепляют.

Рассмотрение взяточничества с исторической точки зрения помогает найти и понять его корни, а поэтому служит почвой для успешной борьбы с ним, ведь это актуально и в настоящее время. Изучение исторической многозначности термина «взятка» может помочь определить грань между ней и законным подарком служащему, ведь в настоящее время существует проблема разграничения понятий «взятка» и «подарок», связанная с установлением только формальных критериев определения понятия подарка.

Список использованных источников:

1. Анциферов, К.Д. Взятничество в истории русского законодательства / К.Д. Анциферов К.Д. // Сборник статей и заметок по уголовному праву и судопроизводству. – Санкт-Петербург, 1898. – С. 93-148.

2. Бычкова, С.Б. Государственно-правовые меры противодействия взяточничеству в России (XV – начало XX вв.) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук:12.00.0 / Бычкова Светлана Борисовна. – Нижний Новгород, 2015. – 225 с.

3. Памятники русского права: научное издание / под ред. Л.В. Черепнина –Москва: Госюриздат, 1953. – Вып.2. – 442 с.

4. Российское законодательство X-XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства в 9 томах / под общ. ред. О.И. Чиястякова. – Москва: Юридическая литература, 1984. – Т.1. – 432 с.

5. Российское законодательство X-XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства в 9 томах / под общ. ред. О.И. Чиястякова. – Москва: Юридическая литература, 1984. – Т.2. – 519 с.

6. Словарь русского языка XI-XVII вв. / гл. ред. С.Г. Бархударов. Москва: Издательство «Наука», 1975. – Выпуск 2 (В-Волога). –323 с.

7. Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Ленинград: Наука, 1987. – Вып. 3. Век–Воздуть. – 296 с.
8. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка /под. Ред. А.С. Гавриловой. Москва: Аделант, 2014. – 800 с.
9. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. Москва: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
10. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах / В.И. Даль. – Москва: Русский язык, 1989-1991. – Т.1. – 699 с.
11. Толковый словарь русского языка: в 4 т./ под ред. Д.Н. Ушакова. Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ, 1935. – Т. 1. А–Кюрины. – 1567 с.
12. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. Москва: Аз,1996. – 928 с.
13. Щетинина А.В. Не подмажешь, не поедешь: лексическая презентация темы взяточничества в русском языке // Научный диалог, 2017. – №6. – С. 96-111.

**ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.
НА РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ
В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

© А.Д. Польшина
Научный руководитель: Р.Р. Габрилян
канд. юрид. наук
Северо-Кавказский федеральный университет

Безусловно, что Октябрьская революция 1917г. является одним из важнейших событий не только для российской, но и для всемирной истории, оказавшая при этом огромное влияние, как позитивное, так и негативное на весь её ход. В постреволюционный период в России последовала череда преобразований в различных сферах общественной жизни, реформированию была подвержена и правовая система страны. Изменения, в основном, ставили своей целью урегулирование трудовых отношений, а также расширение социальных и экономических прав населения. Большевиками устанавливалось бесплатное образование и медицинское обслуживание, теперь женщины уравнивались в правах с мужчинами. Изданный в декабре 1917г. Декрет о браке и семье вводил институт гражданского брака. Принятый кодекс законодательства о труде, в частности, о трудовых правах и обязанностях, запретил

эксплуатировать детский труд, гарантировать охрану труда женщин, а также подростков, выплату пособий по безработице и болезни, различных льгот. Очевидно, что подобные изменения в России после Октябрьской революции не могли не отразиться на социально-экономическом законодательстве зарубежных стран, в частности, они привели к появлению, изменению и отмене многих правовых норм, касающихся правоотношений в данной сфере. [3]

Так, уже в первые годы после окончания Первой мировой войны 1914-1918гг. страны Европы охватил мощнейший революционный подъём. Он был связан в большей степени с победой Октябрьской Социалистической революции в России. Под давлением растущего напряжения в пролетарских слоях, правительства многих государств были вынуждены предоставлять значительные уступки рабочим массам, расширяя, в основном, их социальные и экономические права. Например, в 1917г. конституция (Основной закон) Мексики провозгласила право рабочих на создание профсоюзов, в 1918г. уже и законодательство Германии предусматривало введение восьмичасового рабочего дня, но с одной оговоркой, это право распространялось лишь на людей, работающих на промышленных предприятиях, а законом 1919г. такая продолжительность рабочего дня была введена и для государственных служащих. В некоторых странах появились законы о, так называемых, фабзавкомх(рабочих советах), а также законы, регулировавшие систему коллективных договоров, которые стали обладать юридической силой, а лица, заключившие такой договор, право на защиту интересов, нарушенных согласно этому договору. Со временем коллективные договоры подверглись ряду изменений и поправок. Многочисленные выступления рабочих и их давление на власть, воодушевлённых результатами Октябрьской революции в России привели к тому, что правительства целого ряда стран соглашались пойти им на уступки и сделало серьёзный шаг к развитию социально-экономического законодательства.

Однако, значительных уступок и расширения экономических и социальных прав населению пришлось ждать, к сожалению, очень долго. Например, правительством Народного фронта во Франции был принят закон о 40-часовой рабочей недели и минимуме заработной плате только в 1936г. Но уже с его распадом, новой властью были аннулированы положения, касающиеся минимального размера оплаты труда, оплачиваемом отпуске, сокращённой продолжительности рабочей недели. Упорную и длительную борьбу за признание права на забастовку и иные формы профсоюзной деятельности вели рабочие в Соединённых Штатах Америки. Стоит отметить, что легализация деятельности профсоюзов и предоставление иных прав пролетариату произошло только в 1932г. по закону Вагнера. [2]

Именно под влиянием Октябрьской революции 1917г. Россия встала на новый путь своего развития, что оказало немалое воздействие на расширение социально-экономических прав в Германии. Так, в Веймарскую конституцию 1919г. были включены статьи, закрепляющие целый ряд новых положений, направленных на охрану материнства и детства, прав детей, рождённых вне брака, а также право на труд и охрану труда. Важно отметить, что данная Конституция сохранила те положения, которые, в свою очередь, были направлены на обеспечение свободы договора, свободы собственности, несмотря на подержание их некоторым изменениям. [1]

Подводя итоги рассмотрения данного вопроса, нам необходимо отметить, что изменения в законодательстве ряда стран в социально-экономической сфере стали необходимостью для буржуазных правительств. Причиной тому было растущее с каждым днём недовольство в рабочих своим положением. С одной стороны, принятие многочисленных трудовых и социальных законов являлось выражением нового уровня развития социального реформизма. Согласно же мнению оппонентов данной позиции, подобные законы свидетельствовали о попытках буржуазных властей смягчить острые классовые противоречия путём вмешательства в трудовые отношения государства. Кроме того, в трудовом законодательстве, социальной помощи присутствовала двойственная природа государственной политики, которая использовала тактику социального маневрирования и уступок, направленных на сохранение контроля государства над социально-экономической сферой общественной жизни.

Список использованных источников:

1. Волков Л.Е. Конституционное регулирование основ экономической системы общества в зарубежных странах // Дайджест-финансы. М, 2003.
2. Маклаков В.В. Иностранное конституционное право. М, 2014.
3. Новицкая Т.Е. Институты государства и права в их историческом развитии. М., 2012.

**ФОРМИРОВАНИЕ ПАСПОРТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

© А.Г. Смирнова

Научный руководитель: Г.Н. Емцов

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Петр I, переняв опыт Западной Европы, активно преобразовывал как государственную, так и общественную сферу. К примеру, создание флота и регулярной армии требовало от государства их полноценного обеспечения. Добыча новых ископаемых, развитие мануфактурного производства искало трудоспособное население. В итоге эти и другие преобразовательские реформы Петра I способствовали всестороннему развитию российского государства, а в последующем создали необходимые предпосылки для возникновения единой системы регистрации граждан по месту жительства, что способствовало эффективному сбору налогов, рекрутства, а также осуществлению полицейских целей.

Как и прежде торговому классу купечества продолжали выдавать **«проезжие»** грамоты. Однако для военнотружущих последовали специальные документы, такие как **«письменные пропуска»**, а также **«абшиды»** [1]. Первые выдавались тем, кто был временно отпущен со службы, вторые выдавались уволенным со службы. Эти документы получили закрепление в воинском Артикуле 1715 г., где говорится непосредственно об их назначении и особом порядке выдачи. Для иностранцев, прибывших в Российскую империю или же отъезжающих русских подданных за границу, документом, удостоверяющим личность, становится **«пашпорт»**, называемый как «пас». Если военнотружущий хотел получить «пас», то ему требовалось предоставить «абшид», обязательно подписанный президентом соответствующей коллегии. Заграничные паспорта выдавались в Коллегии иностранных дел [3, с. 145-147].

В начале XVIII века вводится запрет на передвижение населения российской империи без специальных на то разрешений, то есть без паспорта, **«проезжего»** и **«прохожего»** писем. В указе от 30 октября 1719 г. было написано: «будет на пути идущий или едущий пойман, а паспорта или проезжего или прохожего письма иметь не будет», то «такие люди... за недобрых или за прямых воров будут признаваться», а потому всем повелевалось без «проезжих или прохожих писем» из города в город и из села в село не ездить и не ходить, иметь от начальников своих «паспорт или пропускное письмо» [8]. Такой

запрет связан, во-первых, с усилением крепостного гнета и, во-вторых, с возникшим в то время массовым побегом крепостных. Данный указ императора Петра I послужил основанием формирования паспортного законодательства в Российской империи.

Возникновение масштабной паспортизации населения Российской империи связано и с грандиозным строительством города Санкт-Петербурга в 1703 г. Строительство Санкт-Петербурга требовало большое количество людей, которые бы смогли за определенные сроки построить город. Исходя из этих событий, Сенат по настоянию императора Петра I издает ряд указов. Например, указ от 6 июня 1724 г. «Плакат о зборе подушном и протчем» [9]. С этим указом связывают установление документов, удостоверяющих личность, для податного сельского населения, потому что он предписывал порядок взимания подушной подати. Помимо этого в данном документе говорилось о введении новых документов, таких как **«пропускное»** и **«прокормежное»** письма, которые бы могли удостоверить личность человека. Указ обязывал «в тех пропускных письмах описывать того, кто отпущен будет, рост, лицо и приметы, дабы кто другой, воровски пулача оное, не волчался» [9]. **«Пропускное»** письмо выдавалось лицам, отправляющимся по какому-либо поводу в другие уезды, а **«покормежное»** письмо получали крестьяне, уходившие из сел и деревень на заработки в пределах своих уездов. Следовательно, если такое письмо получал крепостной, то ему обеспечивалось свободное перемещение внутри государства.

Во время правления Петра I главную роль в осуществлении контроля и учета населения играли местные и административные органы и, конечно же, основной государственный орган полиция. Те, кого поймали без документов, были задержаны соответствующими органами. Впоследствии происходил допрос, и определяли, как поступить с таким человеком, исходя из того, к какому классу он относился. Если же был пойман крестьянин, то его подвергали телесным наказаниям и потом отправляли к владельцу. Вводились различные ограничения на передвижение населения. Полиция выработала особые правила поведения, касающиеся передвижения, которые были закреплены во II главе сборника «Законоположений и правительственных распоряжений, касающихся обязанностей полиции» [11, с. 45-46]. Если изначально паспортное законодательство следило за передвижением только податного населения, то в последующем, и привилегированные лица попали под данный контроль.

Об ограничении их передвижения следует говорить с периода правления императора Петра III, который 18 февраля 1762 года издает манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Согласно

манифесту дворяне освобождались от обязательной государственной и военной службы, а те, кто состоял на государственной службе, могли выйти в отставку на определенных условиях. Помимо этого они получили право беспрепятственно выезжать за границу: «Кто ж, будучи уволен из Нашей службы, пожелает отъехать в другие европейские государства, таким давать Нашей Иностранной коллегии надлежащие паспорта беспрепятственно с таковым обязательством, что когда нужда востребует, то б находящиеся дворяне вне государства Нашего явились в свое отечество, когда только о том учинено будет надлежащее обнародование, то всякий в таком случае повинен со всевозможною скоростию волю Нашу исполнить под штрафом секвестра его имения» [8].

В след за Петром III Екатерина II 21 февраля 1785 года издает «Жалованную грамоту дворянству». В грамоте ещё раз подтверждаются исключительные права дворянства. К примеру, статья 17 гласит: «Подтверждаем на вечные времена в потомственные благородному дворянству вольность и свободу». В статье 18 говорится о том, что «... благородным, находящимся в службе, дозволение службы продолжать и от службы просить увольнения по сделанным на то правилам». И самое главное заложено в статье 19 «Подтверждаем благородным дозволение вступать в службы прочих европейских нам союзных держав, и выезжать в чужие краи» [6, с. 367-370].

Исходя из этого, можно сделать промежуточный вывод, что фактором, ограничивающим свободу передвижения для всех сословий, является паспортная система с введением ограничений на перемещение и проживание для отдельных категорий населения.

Были введены специальные паспорта для каждого сословия, те, у кого не было паспорта, подвергались преследованию. При этом в местах своего постоянного проживания наличие удостоверения личности не было обязательным. Поскольку паспорт действовал определенный срок, человека, который просрочил паспорт и не успел его поменять, отрывали от работы, лишали заработка и насильно высылали в деревню к месту прописки, а прежде сажали в тюрьму [12, с. 8].

Подданные Российской империи не имели права путешествовать или жить за границей, так же, как и иностранцы, не могли свободно приезжать в страну. Действовала сложная процедура получения заграничного паспорта и выезда из страны для российских граждан, для которых был установлен максимальный срок пребывания за границей, – не более 5 лет [2, с. 4-7].

С 1803 года на смену **«покормежных»** и **«пропускных»** вводятся **«печатные паспорта»**, действительные только в России. Они созданы с целью

предотвращения фальшивых паспортов, а также для прекращения участвовавших случаев бегства крестьян.

Через шесть лет в Санкт-Петербурге в составе городской полиции учреждаются **адресные конторы**. Те, кто являлся работником по найму в столицах, должен был зарегистрироваться в адресной конторе и получить там **адресный билет**. Если же человек решил сменить место работы или место жительства, а также в случае прекращения срока действия адресного билета требовалась повторная регистрация. При условии положительных характеристик и отзывов с прежнего или настоящего места работы. При отсутствии данных характеристик лица могли быть высланы из города полицией. В последующем в 1837 году адресные конторы преобразовали в **адресную экспедицию**, а при ней открыли **адресный стол**, «для доставления всем и каждому из желающих нужных сведений о месте жительства пребывающего в столице» [2, с. 7].

Порядок получения паспортов крестьянами, отлучающимися для торговли или работы в другие местности, подробно регламентировался в **Положении «О паспортах»**, изданном в 1812 году [4, с. 120-126].

С 30-х годов и до конца XIX века **«Устав о паспортах и беглых»** считался основным законом в вопросах передвижения и выбора местожительства в Российской Империи. Так, главное правило Устава гласило, что никто не может отлучаться от места постоянного жительства без узаконенного вида или паспорта. Закон обязывал всех лиц предъявлять паспорта полиции при переезде из одной губернии в другую. Паспорта вводились отдельно для каждого сословия. Дворяне, которые не служили, могли не иметь паспортов, так как для них достаточным документом являлась грамота на дворянское достоинство [10].

Еще одним законодательным документом, определявшим порядок работы полиции в отношении реализации паспортной системы, являлось **«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных»** 1845 года [10]. В статье 950 «О бродяжестве» говорилось о том, что лица, которые подвергнутся задержанию в связи с просроченным паспортом, будут арестованы и впоследствии высланы к месту прописки. Если же у лица не имелось документа, утверждающего личность человека, то его считали бродягой и отправляли в ссылку в Сибирь.

Отмена крепостного права Манифестом Александра II от 19 февраля 1861 года существенно повлияла на последующее развитие паспортной системы и выразилась в замедленном развитии государственности и паспортной системы Российской Империи. За отменой крепостного права не сразу последовала свобода передвижения крестьян, потому что в последующие девять лет

крестьяне не могли отказать от предоставляемых их помещиками наделов и должны были отбывать в пользу помещика повинности за пользование наделов. Однако статистика показывает, что и по истечению этого срока отказов от наделов было немного [5].

Из этого следует, что с отменой крепостного права право на свободу в передвижении на территории страны получило крестьянство, которое ранее этого право было лишено, однако, это всё строго определялось и регламентировалось по воли государства.

В 1894 году роль паспорта как документа, удостоверяющего личность человека, возросла. Это связано с принятием проекта **«Положения о видах на жительство»**, основанного на выводах паспортной комиссии, которой был поручен пересмотр устава о паспортах. С января 1895 г., в соответствии с **«Положением о видах на жительство»**, началась выдача новых по форме документов. Вид на жительство стал служить не только документом, удостоверяющим личность, но и неким средством контроля над передвижением населения, что в свою очередь обеспечивало регулярный учет податных людей и непосредственный сбор налогов в государственную казну.

Положение сохранило, как и прежние принципы вида на жительство, так и ввело новые. Например, теперь по закону никто не был обязан иметь вид на жительство по месту своего постоянного проживания, а равно при отлучках в пределах своего уезда на срок до шести месяцев. Если этот срок истекал, то полиция выдавала предписание в семидневный срок вернуться к месту постоянного жительства. Если и это требование не выполнялось, то полиция сопровождала нарушителя принудительно [4, с. 120-126].

Помимо этого нововведения, всё население с 1895 года было разделено на две группы. К первой относились дворяне, офицеры, почетные граждане, купцы и разночинцы. Им выдавались **бессрочные паспортные книжки**, ко вторым – мещане, ремесленники, сельские обыватели, т.е. люди податных сословий. Для второй группы предусматривалось три вида на жительство: **паспортные книжки** (выдавались на пять лет при условии отсутствия задолженностей по сборам и платежам); **паспорта** (выдавались на срок до одного года независимо от наличия недоимок и согласия других лиц); **бесплатные виды на отлучку** (выдавались на срок до одного года пострадавшим от неурожая, пожара, наводнения) [4, с. 120-126].

Из всего вышесказанного следует, что к концу XIX века формирование паспортного законодательства потерпело ряд нововведений, ключевыми из которых стали замена рукописных паспортов печатными и то, что свободой

передвижения на территории страны стали пользоваться все сословия, в том числе и крестьянство.

Список использованных источников:

1. Артикул воинский 1715 г. [Электронный ресурс]: глава девятая. – о отпуске из службы. Артикул 71. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/regulations/russr/1715_artikul/01.html/.
2. Вольтке Г. Законы о пограничных жителях и пограничных сношениях. – СПб.: Типогр. Г.А. Бернштейна, 1903.
3. Голубев В.И., Шелковникова Е.Д. Особенности паспортной системы в Российской империи – 1998. – С. 145–147.
4. Дибель В.Ю., Правовые предпосылки истории развития регистрации граждан по месту пребывания и по месту жительства в России / В.Ю.Дибель // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – №2.
5. Зайнчковский П.А. Отмена крепостного права в России.- М.: Просвещение,1968.- 369 с.
6. Коваленко, В.И. Политическая история России: Хрестоматия для вузов / В.И. Коваленко, А.Н. Медушевский, Е.Н. Моцелков. – М.: Аспект Пресс, 1996.
7. Паспортная система и запись метрических данных в Российской империи. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dalmate.ru/muzej/item/310.html>.
8. Полное Собрание Законов Российской Империи [Электронный ресурс]: Т.5. №3445. – Режим доступа: http://nlr.ru/e-res/law_r/descript.html.
9. Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т.4. [Электронный ресурс]: законодательство периода становления абсолютизма. – Режим доступа: https://www.twirpx.com/files/science/law/igp/russia/rossiyskoe_zakonodatelstv_o_x_xx_vekov/.
10. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая I составленный – СПб., 1950. – Т. 15.
11. Трифанов, А. В. Сборник законоположений и правительственных распоряжений, касающихся обязанностей полиции. – СПб: 1893 г.
12. Указания о праве жительства для переселяющихся во внутренние губернии. – СПб.: Типолитография И. Лурье и Ко, 1908.

**БАЙОНСКИЙ СТАТУТ 1808 ГОДА
– ПЕРВЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ АКТ ИСПАНИИ**

© А.А. Труфанова
Научный руководитель: Р.Р. Габрилян
канд. юрид. наук
Северо-Кавказский федеральный университет

Одним из важных событий в истории государства и права Испании является Байонский статут 1808г. Именно этот документ император Франции хотел сделать первым конституционным актом Испании. Многие государства континентальной Европы переходили от абсолютизма к конституционализму во время масштабных Наполеоновских завоеваний. Во время этого процесса и Испания получила свой политический кодекс и начала путь к конституционализму. Несмотря на то, что данный документ имел иноземное происхождение, его роль не стоит недооценивать, так как он способствовал государственно-правовому развитию страны.

В начале XIX века Наполеон I Бонапарт стремился к утверждению своей власти во всей континентальной Европе. В данный период испанское государство уже утратило свою былую силу и авторитет, а испанский король Карл IV не способен был в полной мере управлять страной. В связи с этим было принято решение заключить договор о союзе с Францией в войне против Великобритании. Он был заключен в Фонтенбло 27 октября 1807г. . Согласно договору, французские войска должны были переправиться через Испанию и захватить Португалию, союзницей которой была Англия. За помощь в войне Наполеон пообещал титул «императора Америки» и небольшое королевство в Португалии под названием Северная Лузитания, а фавориту королевы Годю, фактически управлявшему Испанией, – составленное из разных областей Португалии княжество Альгарвия. [1]

Однако, даже после завоевания Португалии, французские войска не топились покидать территорию Испании. Намерения Наполеона были серьезными, он решил отстранить правящую династию от престола. А новым королем Испании провозгласить своего брата- Жозефа Наполеона. В последующем 6 июня 1808 года все так и произошло.

Смену монарха, а так же правящей династии Наполеон Бонапарт решил закрепить в форме конституции, дарованной и одобренной депутатами, главным образом, от привилегированных сословий.

Байонский статут, по-другому Байонская хартия, которую так же называли Байонской конституцией – это первая испанская конституция, которую даровал Наполеон I Бонапарт Испании в 1808 году. Она была принята Байонскими кортесами 7 июля 1808 года.

Текст конституции был составлен и проработан самыми выдающимися «офранцузенными», такими как Асанса, Мариано де Уркихо, и некоторыми другими.

Первая конституция была своего рода политическим кодексом, который состоял из преамбулы и 13 глав, включавших 146 статей.

Организация содержания весьма замечательна: о религии (глава 1), о наследовании короны (глава 2), о регентстве (глава 3), о содержании короны (глава 4), о должностных лицах королевского суда (глава 5), о министерствах (глава 6), о Сенате (глава 7), о Государственном совете (глава 8), о кортесах (глава 9), о Испанском королевстве и провинциях в Америке и Азии (глава 10), об осуществлении правосудия (глава 11), об управлении казначейством (глава 12), общие положения (глава 13). [1]

В статуте четко определены источники власти короля – божественные и конституционные. Документ также закрепляет религиозную нетерпимость, которая провозглашается принципом общественной и политической жизни. Это отражает главным образом неприкосновенность статуса католической церкви как в обществе, так и при новом правительстве, а также стремление короля заручиться поддержкой испанского духовенства.

Конечно, главной целью принятия статута является конституирование власти Бонапартов в Испании. Для Байонского статута было характерно не признание принципа разделения властей. Это четко выражается в отсутствие разделения законодательной и исполнительной властей, так как они фактически находятся в руках монарха. Король участвует в законотворческом процессе, а так же назначает всех министров, которые подотчетны исключительно его персоне. В его компетенцию входит назначение должностных лиц и судей, право помилования, дарование иноземцам, которые служат государству, собственности, а так же монарх имеет собственность, доход которой не должен быть меньше установленного.

Полновластие короля слегка завуалировано наличием консультативных советов и комиссий с участием представителей разнообразных государственных органов. Вводимые актом органы – Сенат, Государственный Совет и кортесы (данный порядок соответствует установленному в конституции) – лишь способствовали осуществлению власти монарха. Первые из двух перечисленных имеют французское происхождение. [2] Четкого разграничения функций

и координации деятельности у данных государственных органов не было, ибо все равно вся власть принадлежала королю.

Байонская хартия закрепляла некоторые права граждан: свободу личности, отмену пыток, неприкосновенность жилища, свободу передвижений, отмену привилегий и равенство всех испанцев перед законом.

Байонская конституция так же ограничивала майорат. Происходило уничтожение внутренней таможи и феодального судопроизводства. Также вводилось единое гражданское и уголовное законодательство для Испании и ее колоний, кроме того устанавливалась единая для всех система налогов, провозглашалась свобода развития сельского хозяйства и промышленности в колониях.

Однако, к сожалению, данный конституционный закон был обречен. В ходе национально-освободительного движения 25 сентября 1808 года, испанцы создали свое национальное правительство. [4] В Аранхусе Центральная Хунта открыла заседание и провозгласила Фридриха VII законным монархом, правителем Испании.

Байонский статут, как и все декреты Наполеона Бонапарта были признаны недействительными. 20 июля 1808 года от имени императора Испании Франции была объявлена война. Центральная хунта провела созыв картесов, и 24 сентября 1808 года в Кадисе стала разрабатываться новая конституция Испании.

Позднее эти кортесы стали учредительными. В 1812 году была принята первая подлинная конституция страны, которая была основана на принципах разделения властей и народного суверенитета. В истории она названа Кадисской конституцией.

Конечно, формально принятый Байонский статут никогда не применялся на практике и всегда воспринимался, как конституционный акт навязанный стране Наполеоном, но его значимость не стоит недооценивать. Испанские юристы фактически считают его инородным уставом, но они все-таки признают, что он «послужил детонатором для апробации конституции Кадиса 1812 г.». [3] Во многом он поспособствовал зарождению в Испании таких институтов как; институт разделения властей и институт народного суверенитета.

Список использованных источников:

1. Алексеева Т.А. Байонский Статут 1808 года в Испании // Правоведение. 2000. № 4. С. 185-196.

2. Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских держав // Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 4. СПб., 1900.

3. Леже Р. Великие правовые системы современности: Сравнительно-правовой подход. 3-е издание, Пер. с фр. А.В. Грядов. –М.: ВолтерсКлувер, 2011.

4. Медников И.Ю. Российская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 2015.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ УСЫНОВЛЕНИИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ И В РСФСР: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

© А.В. Федотова

Научный руководитель: Г.Н. Емцов

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одним из основных способов принятия детей в семью является усыновление. Вопрос усыновления всегда волновал людей, так как, подавляющее большинство понимает, что ситуация, когда ребенок остается без семьи, без домашнего уюта, заботы и родительской любви, не является нормальной. Данный вопрос становится еще более актуальным в связи с тем, что международно-правовое регулирование усыновления российских детей иностранными гражданами является сегодня одним из острых вопросов. Так, в России с 1 января 2013 года вступил в силу федеральный закон, запрещающий усыновление российских детей гражданами США. Вокруг этой темы в последние годы существует большой резонанс. Со времени вступления в силу закона до 2016 года количество детей, усыновленных иностранными гражданами, сократилось втрое. В 2017 году Европейский Суд по правам человека признал данный закон неправомерным и дискриминационным. Так усыновление стало очередной картой дипломатов на политической арене.

В силу изложенных выше обстоятельств, представляется целесообразным изучение опыта правовой регламентации усыновления в период от второй половины XIX в., когда законодательство России, содержащее нормы об усыновлении, получило наибольшую активность, до начала XX в., когда советской властью был восстановлен данный институт и появилось действующее советское законодательство об усыновлении. Ограничение исследования переходным периодом в законодательстве об усыновлении было установлено для более полного и точного сравнения норм разных эпох.

В большинстве трудов дореволюционной правовой мысли под усыновлением понималась замена природных детей чужими, а с позиции национального права усыновление рассматривалось как договор между усыновителями и приемным ребенком (или его законными представителями), действительный в силу судебного утверждения.

В период советской России плотность трудов, посвященных усыновлению резко упала. Данный институт не соответствовал ни идеологии новой страны, ни принципу нового семейного законодательства – родство определяется действительным происхождением ребенка. И даже после восстановления института усыновления, в трудах отечественных юристов и правоведов встречаются описания процедуры и условий усыновления, но практически не встречается его определение.

Начиная от Т.Х Ч.1 Свода законов Российской Империи 1832 года законодатель царской России постоянно вносил поправки в нормы, посвященные институту усыновления. Итогом всего законодательства об усыновлении периода Российской Империи стал Т.Х Ч.1 Свода законов Российской Империи (по прод. 1906 года), включавший 28 действующих статей по этой теме.

Свержение монархии и смена правящей элиты привели к изменению и в правовой сфере. Кодекс законов об Актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве 1918 усыновления не предусматривал вовсе. Тем не менее, потребность в восстановлении института усыновления нарастала. «В стране детская беспризорность начале 20-х годов принимает ужасающие размеры». Итогом стало принятие в 1926 году Кодекса законов о браке, семье и опеке, в котором вводилась новая глава – третья, полностью посвященная усыновлению и содержащая в себе 11 статей.

Юридические требования к сторонам усыновления

Сравнивая законодательные нормы этих двух периодов, мы можем выявить некоторые отличия в требованиях к сторонам усыновления.

Во-первых, царский закон требует от усыновителя отсутствия собственных законных или узаконенных детей. Однако «последующее рождение или узаконение их не оказывает влияния на усыновление; нужно лишь, чтобы до принятия судом определения об усыновлении, у усыновителя не было детей, но, к примеру, беременность жены усыновителя не может служить препятствием к усыновлению» [2, с. 602-603]. Данное требование не упоминается в законодательстве Советской власти. И к тому же, в РСФСР вовсе не существовало такого понятия как узаконение, так как «никакого различия между родством внебрачным и брачным не устанавливается», дети, рожденные вне брака, признавались законными.

Во-вторых, о вопросе возраста усыновителя, Свод законов четко устанавливает его минимальный возраст и минимальную разницу в возрасте с усыновляемым. Так, усыновитель должен быть старше 30 лет, а также, для того чтобы усыновление было подобно естественной семье, старше усыновляемого как минимум на 18 лет [12, с. 445]. Однако для советского государства такие границы значения не имеют. КЗБСО лишь устанавливает, что усыновитель должен быть совершеннолетним, как бы это было в Царской России при усыновлении своих незаконнорожденных детей.

КЗБСО установил, что усыновление возможно только в отношении несовершеннолетних, на что Свод законов Российской Империи ни разу не указывал. Соответственно, можно сделать вывод, что царский закон позволял усыновлять и уже совершеннолетних лиц.

Большое значение для усыновления Имперские нормы предавали вероисповеданию. ст. 4 главы 4 Закона «О детях усыновленных и узаконенных» указывала на то, что нехристиане не имеют права усыновлять христиан и наоборот, а старообрядцам и сектантам запрещено усыновлять православных. О чем, безусловно, не могло идти и речи в РСФСР по причине идеологических соображений того времени.

Принадлежность к духовенству можно отнести к сходствам норм двух эпох. Свод законов гласил: «Усыновлять не могут лица, по сану своему обреченные на безбрачие». В данном требовании мы видим явное совпадение, но его основания различны. В Российской Империи этот запрет вытекал из сути монашеской жизни, а Советская власть запрещала усыновлять не только монахам, но и духовные служителям религиозных культов всех вероисповеданий и толков.

Права и обязанности сторон усыновления

В целом, законодательные нормы Советской России, касающиеся прав и обязанностей, несмотря на свою краткость являются более справедливыми в отличие от имперских норм. Свод законов содержит большое количество исключений и ограничений в правах усыновленного, тем самым ставит его в неравное положение с законными детьми. Законом от 12 марта 1891 года были точно определены последствия усыновления. В частности, в статье 13 указано: «усыновленный вступает по отношению к усыновителю во все права и обязанности законных детей ... и приобретает право наследования в благоприобретенном имуществе усыновителя...» однако, «по смерти усыновителя, не имеющего родных сыновей, а имеющего только дочерей, наследственное имущество делится между сими последними и усыновленным поровну» [10].

Усыновленный также не имеет права на пенсию и на единовременные пособия за службу усыновителя.

Тогда как КЗОБСО приравнивает усыновленного и усыновителя к кровным родственникам. Помимо того, Кодекс приравнивает к кровным родственникам и потомство обеих сторон, однако по Своду законов усыновленный вступает в родство только с усыновителем, но не с его родом.

В царский период существовала частичная связь с родителями усыновленного, которая проявлялась в наследовании усыновленным за своими родителями. В РСФСР же никаких оговорок о хотя бы частичной связи с прежними родителями не предусмотрено.

Вопрос об отечестве усыновляемого стал также одним из расхождений в законодательных нормах периодов. В Кодексе РСФСР право усыновляемого на отчество усыновителя было четко прописано, чего не скажешь о Своде Законов Российской Империи. Царский закон умалчивал о таком праве, тем самым возбуждая споры юристов. Так, «согласно разъяснению Первого Общего Собрания Прав. Сената, последовавшего в 1898 г. по вопросу об усыновлении у мещан, если закон предоставил усыновителю право передать усыновленному даже фамилию (ст. 152), т.е. имя рода, то отсюда уже следует заключить, что законодатель не мог никоим образом иметь в виду возбранить одновременную передачу менее важного, чем фамилия, но более связующего его с личностью усыновляемого признака отчества по своему имени» [9]. Из этого следует, что при усыновлении крестьянами и мещанами усыновитель имеет право требовать, чтобы путем регистрации в акте усыновления усыновляемому было дано отчество усыновителя.

Процедура усыновления

Таким образом, в РСФСР был установлен административный порядок усыновления, в отличие от судебного в дореволюционной России.

В Советской России органы опеки играли большую роль в усыновлении, их постановлением устанавливалось и также могло отменяться усыновление, они изучали кандидатуру усыновителя. «При усыновлении ремесленниками, кустарями и крестьянами также устанавливался испытательный срок, в течение которого выявлялось отношение усыновителя к усыновленному» [11], очевидно, из опасения, что такое усыновление имеет целью не интересы детей, а эксплуатацию их труда. Уже после осуществления усыновления, органы опеки осуществляли надзор за положением усыновленных детей. Как минимум раз в полгода они обследовали положение усыновленного в первое время. Если положение усыновленного было удовлетворительным, то один раз в два года.

Т. X Свода законов Российской Империи 1832 г. в ст. 100 устанавливал, что усыновление дворянами производится только с Высочайшего соизволения. Для лиц же подданных состояний, усыновление заменяется припиской к семействам.

Позже, в редакции Свода от 1842 года вносятся изменения, касающиеся процедуры усыновления купцами. Для усыновления, купец, купеческий брат или сын должен узнать некоторые сведения о лице, которого он намеревается усыновить. Воспитанник получал фамилию усыновителя и соответствующие права только тогда, когда Сенат удостоверился в соблюдении всех необходимых условий и дал разрешение на приведение постановления об усыновлении в исполнение.

Закон 12 марта 1891 года устанавливал новую процедуру усыновления. Прежний порядок усыновления, различный для каждого сословия и довольно сложный, заменен теперь общим для всех судебным порядком, который был изложен подробным образом в Уставе Гражданского Судопроизводства (ст.1460.8 – 1460.12). Дела об усыновлении, отнесены новым законом, как и дела об узаконении, к юрисдикции окружного суда по месту постоянного жительства усыновителей или усыновляемых и производятся в порядке охранительного судопроизводства [1].

Однако, сама процедура в Российской Империи, даже после Закона 1891 год носила сословный характер. В РСФСР по причине как таковой отмены условий, процедура была едина.

Также, стоит упомянуть и отмену усыновления, не предусмотренную Сводом законов Российской Империи, но которая была введена КЗоБСО, притом, что фактически кто угодно мог являться инициатором такой отмены. По статье 65 в административном порядке отменяется усыновление, произведенное в отсутствие и без согласия родителей, по просьбе последних. В судебном порядке может быть возбужден иск об отмене любым лицом или учреждением в интересах ребенка.

Обобщив данные выводы, я пришла к заключению, что советские законодательные нормы об усыновлении вобрали в себя все самое лучшее от царских, но все же остались уникальными и более современными. КЗоБСО, несмотря на небольшое количество содержащихся норм, смог лаконично и четко урегулировать данный вопрос. В РСФСР усыновленным детям было предоставлено больше прав, законодательство было более стабильно и не содержало такого количества исключений, как в постоянно меняющемся царском законодательстве.

Список использованных источников:

1. Вербловский, Г.Л Новый закон о детях узаконенных и усыновленных [Электронный ресурс] / Г. Л. Вербловский // Юридический вестник. – 1891. – №12. – Режим доступа: <https://naukarava.ru/>.
2. Мейер, Д. И. Русское гражданское право: чтения, изданные по запискам слушателей / Д. И. Мейер. – 5-е изд. – М. : Типография Современных Известий, 1873. – С. 602–603
3. Кодекс законов о Браке, Семье и Опеке [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик – 1926. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3124.htm
4. Кодекс законов об Актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик – 1918. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_363.htm
5. Свод законов Российской Империи Т. X Законы Гражданские. Ч.1 [Электронный ресурс] // Свободная библиотека Викитека – 1832. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3124.htm
6. Свод законов Российской Империи Т. X Законы Гражданские. Ч.1 [Электронный ресурс] // Президентская библиотека – 1842. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/364013>
7. Свод законов Российской Империи Т. X Законы Гражданские. Ч.1 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека и энциклопедия Руниверс – 1857. – Режим доступа: <https://www.runivers.ru/bookreader/book388202/#page/38/mode/1up>
8. Свод законов Российской Империи Т. X Законы Гражданские. Ч.1 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант плюс» – 1906. – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/>
9. Тютрюмов, И. М. Законы гражданские с разъяснением Правительствующего Сената и с комментариями русских юристов. Книга первая [Электронный ресурс] / И. М. Тютрюмов // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
10. Узаконение и усыновление детей (закон 12 марта 1891 года), с законодательными мотивами, разъяснениями Сената и образцами бумаг [Электронный ресурс] / сост. Н. К. Мартынов // Справочно-правовая система «Гарант». – 1902. Режим доступа: <http://www.garant.ru>
11. Фабричная, Т. Б. О некоторых аспектах семейного законодательства РСФСР в 1917-1926 годах [Электронный ресурс] / Т. Б. Фабричная // Вестник

Нижегородской академии МВД России. – 2014. – №3 (27). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-nekotoryh-aspektah-semeynogo-zakonodatelstva-rsfsr-v-1917-1926-godah>

12. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права/ Г. Ф. Шершеневич. – Москва : «СПАРК», 1995. – 545 с.

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПРАВ В МИРЕ МНОГООБРАЗИЯ КУЛЬТУР

© Д.В. Шаркевич

Научный руководитель: С.А. Дробышевский

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Для каждого государства свойственна своя система права. Такая система права, как правило, закрепляет собственную систему прав человека, что вступает в очевидное противоречие с твердо укоренившейся идеей универсальности человеческих прав. При обсуждении упомянутой идеи нередко между исследователями, политиками и общественностью возникают большие разногласия, которые можно объединить в два главных вопроса: «Как могут обеспечиваться общепринятые права человека при существующем многообразии культур в мире?», а также «Как достичь признания и уважения культурного многообразия и целостности в условиях глобализации?».

Идея, характеризующаяся некой убежденностью в естественном происхождении прав человека, берет свое начало в западных странах. Первым местом её зарождения можно считать английские колонии Северной Америки, а именно штат Вирджиния, где в XVIII веке была принята Вирджинская декларация прав. Положения упомянутой декларации убеждали в необходимости защиты жизни, свободы и собственности, которые позже были успешно заимствованы другими западными странами [2].

Западная концепция прав человека формировалась на протяжении многих веков и нашла свое отражение в трудах Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, Т. Пэйна, Т. Джефферсона, а также в таких основополагающих в развитии упомянутой концепции документах, как «Билль о правах» 1689 г. (Англия), «Декларация независимости» США 1776 г., «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г. (Франция). Очевидно, что само происхождение принципа универсальности отнюдь не может предполагать под собой легкость его применения в других регионах, где он не имел места в развитии национальной

политической и правовой философии. Следствием этого является невозможность его применения к современному миропорядку повсеместно.

К примеру, в Китае толкование права появилось относительно недавно. Слово «право» заимствовано для перевода западной концепции в конце XIX столетия. Права человека представлялись китайскому народу неотъемлемой частью западной демократии, вследствие чего возникала угроза политическому режиму Китая. Популярная партия Гоминьдан и КПК расценивали права человека, как некую буржуазную идею, которая, по их мнению, не отвечала, революционным нуждам Китая, характеризующимися требованием принесения каждого индивидуума в жертву своих прав и свобод в интересах всей нации, а также партии [8]. На тот момент развития Китайской Народной Республики население страны довольно часто вынуждено было выживать в периоды стихийных бедствий и различных междоусобных войн. Любые потребности в виде политических требований являлись второстепенными по отношению к экономическим [3].

Однако XX век ознаменовал для Китая начало эволюции понятия прав человека, которое стало неотъемлемой частью китайского общества, что говорит об уступках западной концепции. Подтверждением последнему являются широкие дискуссии на тему прав человека, зарождение правозащитного движения, а также использование этого понятия властями при осуществлении своей деятельности [6].

При всех достигнутых успехах имеют место обвинения в многочисленных нарушениях прав человека в Китае, о чем неоднократно свидетельствуют не только официальные лица стран Запада (в частности, США), но и так называемые китайские демократы. Упомянутая группа людей есть определенная часть интеллигенции, которая утверждает о постоянном нарушении прав человека в КНР, несоблюдении конституционных прав и законов. Выступая против монопольного господства как в политике, так и в сфере идеологии и культуры, упомянутое китайское меньшинство характеризует политическую систему своей страны как полицейскую, тоталитарную, феодально-фашистскую, народ которой находится в положении рабов.

Развитие правовой системы Вьетнама, равно как и развитие его концепции прав человека, не обошлось без существенного влияния традиций и обычаев вьетнамского общества, которые основаны на конфуцианстве, что, в свою очередь, привело к формированию традиционного типа понимания прав человека [4]. Для последнего характерно следующее: единство прав и обязанностей при доминирующем значении последних, защита прав на землю и иное имущество трудящихся, расширение сферы влияния этических норм во всех

сферах общественной жизни, а также гуманное отношение к правонарушителям (особенно к женщинам, детям, пожилым людям и этническим меньшинствам). Все ценности, которые сформировались из традиционных устоев вьетнамского общества, глубоко проникли в сознание каждого человека, поэтому любые их изменения или даже искоренение не представляются возможными. Таким образом, упомянутое положение дел побуждает современных политических лидеров к осознанию необходимости преемственности и пропаганды традиционных ценностей, традиций и обычаев в целях обеспечения реализации концепции прав человека во Вьетнаме [1].

Тем не менее имеют место неоднократные обвинения со стороны США в адрес властей Вьетнама в нарушении прав человека, заключающиеся в несовершенстве системы выборов, недостаточно активных действиях по пресечению торговли людьми, борьбе с коррупцией и т.д. Несмотря на то, что, по мнению различных экспертов, в последнее время Вьетнам достиг очевидно большого прогресса в данной сфере, западные страны продолжают использовать методы давления на СРВ. Таким образом, тематика прав человека традиционно является камнем преткновения во взаимоотношениях между США и Вьетнамом [10].

Концепции прав человека в Азиатских странах, обладающие своей национальной спецификой, позволяют говорить об эффективности в их реализации, учитывая показатели уровня жизни населения данных стран, имеющие превосходство над такими же показателями других государств.

Так, что касается КНР, то на сегодняшний день эта страна является одним из лидеров формирующегося многополярного мира. Китай за время реализации политики «реформ и открытости», объявленной Д. Сяопином в конце 1970-х годов, смог кардинально реформировать свою экономику, повысить уровень жизни населения и создать мощные вооруженные силы, а также вступить на путь построения правового государства. Китайское общество переживает на сегодняшний день многомерную, многоплановую трансформацию, влекущую за собой экономические, политические, а также социокультурные сдвиги. Китай обладает достаточно большим международным и экономическим весом, активно участвуя в процессах глобализации и регионализации.

Вьетнам же сегодня является одной из наиболее активно развивающихся стран в Юго-Восточной Азии, обладающей рынком с привлекательными возможностями и потенциалом роста. В этой стране были созданы, а также до сегодняшнего дня поддерживаются благоприятные условия для привлечения иностранных инвестиций, правильное и рациональное вложение которых способствует высоким темпам экономического развития разных видов

промышленности [5]. Более того, во Вьетнаме проводится политика обеспечения повышения уровня жизни населения, и, в этой связи, экономике уделяется первоочередное внимание. Вьетнам находится в группе стран со средним доходом. Однако в последние два-три года наблюдается рост ВВП в размере 6 % [7]. Обеспечение достойной жизни граждан рассматривается властями Вьетнама в качестве важнейшего фактора устойчивого развития страны. С 1 января 2014 г. вступила в силу новая редакция Конституции Социалистической Республики Вьетнам 1992 г., в соответствии с которой тема прав человека была вынесена в отдельный раздел и существенно расширена [9].

Таким образом, все обвинения в адрес КНР и СРВ в нарушении прав человека являются необоснованными, и они не должны браться во внимание в силу существующей положительной динамики в обеспечении азиатскими странами достойного положения своих граждан, конкурирующего с положением последних в развитых западных государствах. Используя собственные исторически сформированные концепции прав человека, учитывающие особенности культуры каждой из стран, характеризующейся почитанием обычаев и традиций предков, упомянутые страны добились очевидного прогресса по многим показателям уровня жизни. В этой связи требуемые западными странами изменения в отношении положения прав человека в КНР и СРВ представляются нецелесообразными.

Список использованных источников:

1. Дао, Мань Хунг. Права человека в традиционном обществе Вьетнама / Мань Хунг Дао // Пробелы в российском законодательстве : теоретический и науч. – практический журнал. – 2010. – № 2. – С. 60-62.
2. Декларация независимости США от 4 июля 1776 года // Политобразование : информационно-аналитический журнал – [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://lawinrussia.ru/content/deklaratsiya-nezavisimosti-ssha-ot-4-iyulya-1776-goda>
3. Делюсин, Л. П. Вопрос о правах человека в Китае / Л. П. Делюсин // Аналитические записки : аналитическое издание Института международных исследований МГИМО. – 2006. – № 6. – 30 с.
4. Май, Ван Тханг. Правовая система: определение понятия и особенности вьетнамской правовой традиции / Ван Тханг Май // Право и политика: теоретический и науч. – практический журнал. – 2008. – № 1 (97). – С. 31-38.

5. Негреева, В.В. Экономическое развитие Вьетнама / В.В. Негреева, Чан Тань Туан // Научный журнал НИУ ИТМО : теоретический и науч. – практический журнал. – 2017. – № 1. – С.15-20.

6. Ситуацию с защитой прав человека невозможно сделать идеальной, ее можно лишь улучшить – Си Цзиньпин // Информационный портал Жэньминь Жибао – [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://russian.people.com.cn/31520/7730660.html>

7. Цветов, А. России придется жестко конкурировать за Вьетнам / А. Цветов // Информационный портал Лента.ру – [Электронный ресурс] Режим доступа : <https://lenta.ru/articles/2015/04/03/viet/>

8. Svensson, M. Debating Human Rights in China: A Conceptual and Political History / M. Svensson // Lanham : Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 2006. 205 с.

9. The Constitution of the Socialistic Republic of Vietnam (2013) // Информационный портал ConstitutionNet – [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.constitutionnet.org/files/tranlation_of_vietnams_new_constitution_enuk_2.pdf

10. World Report 2014: Vietnam // Информационный портал Human Rights Watch – [Электронный ресурс] Режим доступа : <https://www.hrw.org/world-report/2014/country-chapters/vietnam>

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА**

УЧЕТ МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРИ ВЫБОРЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

© Г.А. Васильков

Научный руководитель: Н.Н. Неровная

канд. юрид. наук

Челябинский государственный университет

Под организационной моделью местного самоуправления в юридической литературе понимают совокупность форм непосредственного и опосредованного (через систему органов местного самоуправления) участия населения в местном самоуправлении, внутренние взаимосвязи и взаимозависимости между элементами системы местного самоуправления, проявляющиеся как на уровне характеристики политико-правовой природы местного самоуправления, так и в процессе его нормативно-правовой регламентации [7, с. 1-2].

Конституция РФ устанавливает принципы самостоятельности местного самоуправления в пределах своих полномочий (ст. 12), самостоятельности населения в решении вопросов местного значения (ч. 1 ст. 130), самостоятельности определения населением структуры органов местного самоуправления (ч. 1 ст. 131).

Между тем, предлагается на примере муниципального образования – Челябинского городского округа – продемонстрировать, какую незначительную роль с учетом проведенных реформ отводит законодатель населению при выборе организационной модели местного самоуправления, а также к каким рискам может привести отстранение населения от гражданского участия в жизни муниципалитета.

Челябинский городской округ – административный центр Челябинской области, муниципальное образование с населением более 1,2 млн. жителей. Статьей 22 Устава города Челябинска предусмотрено формирование следующих органов местного самоуправления: представительный орган – Челябинская городская Дума; глава города Челябинска, исполнительно-распорядительный орган – Администрация города Челябинска, контрольно-счетный орган [4].

Глава города Челябинска в порядке предусмотренном пп. 3 п. 2 ст. 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», возглавляет местную администрацию [1].

Глава города Челябинска избирается представительным органом (Челябинской городской Думой) из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией.

Учет мнения населения о порядке избрания главы города (на прямых выборах или представительным органом) не производился. Данный порядок наделения полномочиями был предусмотрен императивной нормой закона субъекта РФ [3]. Возможность установления региональным законодателем императивного порядка наделения полномочиями глав городских округов санкционирована Постановлением Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 г. № 30-П.

Конкурсная комиссия по выбору главы формируется на паритетной основе: половина членов назначается Челябинской городской Думой, другая половина Губернатором Челябинской области (п. 2 ст. 33 Устава города Челябинска).

При этом сами депутаты Челябинской городской Думы населением напрямую также не избираются. Законом Челябинской области предусмотрено деление территории городского округа на семь внутригородских районов [2]. В каждом из внутригородских районов формируются представительные органы (собрания депутатов), которые избираются населением непосредственно. Затем происходит делегирование депутатов из районных собраний в Челябинскую городскую Думу. Решение о делегировании по квотам принимается самими районными собраниями.

Учет мнения населения о разделении города на районы производился путем организации в 2014 году публичных слушаний. На публичных слушаниях было зарегистрировано 252 человека, из которых 250 высказались «за», 2 «против» изменений [6]. Нетрудно посчитать, что судьбу города-миллионника решил региональный законодатель с учетом мнения 0,02% населения.

Таким образом, сегодня в Челябинске сложилась ситуация, при которой глава города наделяется полномочиями лицами, которые сами по себе не имеют прямой связи с населением (депутаты Челябинской городской Думы делегируются из районных собраний), т.е. глава города не имеет никакой реальной политико-правовой связи с жителями муниципального образования.

Не лишена недостатков и сама процедура «избрания» главы города. Так, в ноябре 2018 года глава Челябинского городского округа ушел в отставку, в связи с чем была сформирована конкурсная комиссия и назначены новые «выборы». Кампания проходила в условиях широкого общественного резонанса. Так, 15.01.2019 г. конкурсная комиссия приняла заявления от 16 кандидатов.

Далее нормативные акты муниципального образования предполагали трехступенчатую процедуру проведения конкурса [5].

Первая процедура: установление формального соответствия поданных документов требованиям нормативных актов муниципального образования и критериям к кандидатам, установленным федеральным законом. Исполняется конкурсной комиссией. Кандидаты на должность главы на заседание комиссии не вызываются. Заседание комиссии закрыто от средств массовой информации.

Вторая процедура: проведение конкурса. В ходе индивидуального собеседования и на основе оценочных критериев («уровень профессиональных знаний», «четкость и логическая последовательность выступлений и пр.) происходит выбор кандидатов, которые будут представлены к голосованию депутатов представительного органа. Заседание формально открыто для прессы, однако материально-технические условия не позволили обеспечить доступ к заседанию конкурсной комиссии всем желающим.

Третья процедура: голосование депутатов Челябинской городской Думы по кандидатам, представленным конкурсной комиссией. Очевидным недостатком регламента является отсутствие у депутатов возможности перед голосованием задать вопросы кандидатам. Голосование является тайным, обсуждений также не предусмотрено.

Нетрудно заметить, что жители города сами по себе из процедуры наделения полномочиями главы городского округа исключены. У кандидатов нет никакой мотивации к организации и проведению встреч с избирателями, сбору от них наказов, доведению до избирателей своих программ. Избранные таким способом главы не выступают для населения «лидерами», организующими полезную работу в едином гражданском пространстве. Проводимые в последние годы реформы ставили перед собой цель приблизить органы местного самоуправления к населению. Однако на практике эти идеи воплощены не были. Фактически была разорвана связь глав муниципалитетов с населением.

Население, не выполняющее никакой роли в выборе организационной модели местного самоуправления, в выборе механизмов наделения полномочиями выборных должностных лиц муниципалитета, полностью устранилось от участия в решении местных задач. Отсутствие прямой политико-правовой связи органов местного самоуправления с гражданами нивелирует значимость таких органов в сознании населения и ухудшает прогноз социально-экономического развития такой территории.

На наш взгляд сегодня следует внести ряд изменений в действующее законодательство:

1. Существующий порядок проведения конкурса предполагает немотивированный отказ в допуске ряда кандидатов к голосованию представительного органа исходя из сугубо оценочных, не конкретизированных критериев. К примеру, из 16 кандидатов в городе Челябинске непосредственно к голосованию были допущены 4. Отсутствие строго формализованных критериев оценки кандидатов было предметом Определения Конституционного Суда РФ от 20.09.2018 г. № 2052-О, и было расценено в конкретном деле как не нарушающее конституционные права на местное самоуправление. Однако считаем, что в целом принцип принятия решений конкурсной комиссией, при котором она вправе не допустить кандидатов к голосованию представительного органа должен быть подвергнут корректировке, поскольку а priori подобный отказ не может быть мотивированным и, следовательно, не может быть подвергнут судебной проверке. Предлагается предусмотреть, что решение конкурсной комиссии носит рекомендательный характер, а голосование будет проводиться по всем кандидатам.

2. Учет мнения населения при выборе организационной модели, в том числе при выборе способа наделения полномочиями главы муниципального образования должен носить характер согласия, т.е. решение об этом должно приниматься либо на сходе граждан либо путем голосования по правилам о местном референдуме.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2003. № 40. ст. 3822.

2. Закон Челябинской области от 10.06.2014 г. № 706-ЗО (в ред. от 18.12.2014 г.) «О статусе Челябинского городского округа и статусе и границах внутригородских районов в составе Челябинского городского округа» // Электронный фонд правовой документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/412328978> (дата обращения: 25.02.2019 г.).

3. Закон Челябинской области от 11.06.2015 г. № 189-ЗО (в ред. от 01.03.2017 г.) «О некоторых вопросах правового регулирования организации местного самоуправления в Челябинской области» // Электронный фонд правовой документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/802063870> (дата обращения: 25.02.2019 г.).

4. Устав города Челябинска (с изм. от 29.05.2018 г.). // СПС Консультант-плюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.03.2019 г.).

5. Решение Челябинской городской Думы от 18.12.2018 г. № 47/4 «Об утверждении Положения о порядке проведения конкурса по отбору кандидатур на должность Главы города Челябинска // СПС Консультант-плюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.03.2019 г.).

6. Итоговый документ публичных слушаний по вопросу: «Считаете ли вы необходимым с целью эффективного решения вопросов местного значения образование внутригородских районов как муниципальных образований в составе челябинского городского округа?» (г. Челябинск) от 04.06.2014 г. // Официальный сайт Челябинской городской Думы. URL: <http://chelduma.ru> (дата обращения: 04.03.2019 г.).

7. Шугрина, Е.С. Организационные основы местного самоуправления: Автореф. дисс. канд.юрид.наук / Е.С. Шугрина // М., 1997. С. 1-2.

ИЕРАРХИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД

© А.В. Данченко

Научный руководитель: Д.Д. Невирко

канд. юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД России

Права и свободы человека и гражданина являются основой правового статуса личности, они помогают индивиду в полной мере реализовывать свои интересы и потребности, выбирая вид и меру своего поведения в рамках закона. В современной жизни существует огромный массив субъективных прав, которые в процессе реализации могут сталкиваться, конкурировать и противоречить друг другу, доказательством может служить судебная практика.

Иерархия в праве – явление само по себе очень многогранное, которое встречается в разных формах и проявляется по-разному. Иерархия в праве может быть представлена в виде иерархии нормативно-правовых актов, определяя их вертикальное расположение в зависимости от юридической силы. Помимо этого, иерархия в праве может выражаться делением права на частное и публичное, то есть превышение публичных интересов над частными или наоборот. В рамках данной работы я хочу рассмотреть иерархию конституционных прав и свобод, проанализировать примеры соотношения и столкновения прав и свобод человека и гражданина, опираясь на судебную практику.

Существуют различные классификации прав и свобод. К сожалению, такие классификации в настоящее время перестают быть эффективными в правоприменительной деятельности, они не справляются со своей задачей – упорядочивание огромного массива различных прав и свобод. Перечисленные классификации не способны отразить права и свободы по их юридической силе, что необходимо для правоприменительной деятельности, а точнее для судебных разбирательств. В случае возникновения «столкновений» прав и свобод человека и гражданина суд принимает решение, основывающееся не на законе, а на субъективном мнении судей. Предположим, два субъекта, обладающие равными субъективными правами, сталкиваются в суде, защищая свои права, и реализации прав одного субъекта приводит к нарушению прав и свобод другого; возникает соответствующий вопрос: Чем будут руководствоваться судьи при решении данного дела? В таких случаях суд самостоятельно определяет решение и определяет, какое из конкурирующих прав является наиболее значимым.

Разработка иерархии прав и свобод – актуальная проблема на данный момент, данная иерархия значительно облегчит и узаконит правоприменительную деятельность. Д.Д. Невирко указывает следующую мысль «Так как права человека пронизывают практически все сферы общественной жизни, приведенное обстоятельство практически ставит суды над другими органами власти. Это касается не только России, но и международного сообщества» [3].

Интересную позицию выдвигает Т.В. Приходько, говоря о столкновении прав «нового» и «старого» поколения «Вместе с тем, к процессу появления новых поколений прав следует относиться очень внимательно, ведь, «расширяя круг признаваемых прав и свобод и усиливая правовую защищенность личности, необходимо соблюдать уже существующие и признанные права и свободы, сводя к минимуму возможные конфликты «новых» прав со «старыми» во избежание снижения уровня предоставляемой правами и свободами защиты» [4].

Для повышения эффективности механизма правового регулирования необходимо контролировать всю совокупность прав и свобод – это можно сделать, если создать модель иерархии прав и свобод, выработать концепцию по их взаимодействию, которая будет иметь положительный эффект в дальнейшем.

Актуальным примером «конкуренции» прав и свобод человека может служить столкновение совершенно «нового» права в международном и российском законодательстве право на забвение (право быть забытым) и право общественности на получение информации. Право на забвение или право

быть забытым – это неофициальное название поправок, вступивших в силу с 1 января 2016 года к ФЗ об информации [1]. Каждый гражданин имеет право обратиться к операторам поисковых систем и потребовать прекратить выдавать ссылки на информацию, которая является устаревшей или нарушающей законодательство.

Казалось бы, право на забвение является неплохим инструментом для граждан, которые можно применить для защиты чести, достоинства, деловой репутации, но право на забвение противоречит праву общественности на доступ к информации и праву на свободу слова. Как же найти баланс между правом быть забытым и правом на информацию?

Мое предположение: законодатель отдает приоритет праву на забвение, ставя право на неприкосновенность частной жизни и защиты персональных данных над правом поиска, получение и использование информации. Сеть Интернет глобальна по своему масштабу, ежедневно она пополняется новой информацией, которая является доступной большому кругу пользователей. Право на забвение – это небольшая возможность граждан по контролю объема личной информации, открытой для всего мира.

Приведем пример из судебной практики ЕСПЧ. Проанализируем дело «Йерсилд против Дании» от 23 сентября 1994 г. Гражданин Дании Йерсилд – журналист, сотрудник программы «Воскресный тележурнал новостей. Йерсилд пригласил в программу трех молодых людей, уделив внимание их расистским настроениям в отношении иммигрантов Дании. В свою очередь, молодые люди высказывали оскорбительные и унижительные замечания в отношении иммигрантов. Журналист через данное интервью не преследовал цели оскорбить национальные меньшинства страны Дании, а уделить внимание острому вопросу «Отношения к иностранцем», так как эта тема имела весьма актуальный характер в 80-х г. К делу были подкреплены следующие заявления расистов:

“...Северные штаты хотели, чтобы ниггеры стали свободными людьми. Что за чушь? Они не люди, они животные, так-то вот” .

“Возьмите фотографию гориллы, а затем взгляните на ниггера, у них одинаковое строение тела и все остальное – плоский лоб и так далее” .

“Ниггер не человек, это животное. То же самое можно сказать и о других иностранных рабочих: турках, югославах и прочих, как бы они ни назывались” [2].

После программы против Йерсилда было выдвинуто обвинение на основании в пособничестве и подстрекательстве трех молодых людей. Дело рассматривалось в судах различных инстанций, где заявитель признавался

виновным. После всего гражданином Йерсилдом была подана жалоба в Европейский Суд по правам человека. Заявитель считал, что в отношении его было нарушение ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

ЕСПЧ столкнулся с «конфликтом» прав и свобод, конкретно в данном примере суду необходимо было решить, какое из «столкнувшихся» прав наиболее приоритетней: право на свободу слова или право на достоинство. Суд постановил двенадцатью голосами против семи, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции, сделав при этом выбор в пользу приоритетности права на свободу слова.

Конституционные права и свободы человека и гражданина необходимо рассматривать в рамках системы элементов, требующих урегулирования и нахождения баланса, это необходимо, чтобы усовершенствовать механизм правового регулирования. Отдельные права и свободы в процессе взаимодействия рожают конфликт, а нахождение компромисса накладывается на органы государственной власти, осуществляющих правоприменительную деятельность.

Таким образом, система конституционных прав и свобод будет усовершенствована после придания ей иерархичности. Создание модели иерархии конституционных прав и свобод человека и гражданина станет толчком в развитии не только российского, но и международного права.

«Мы – Верховный Суд, и мы можем делать то, что нам заблагорассудится» – эта фраза принадлежит Главному судье США У. Бергеру с 1969 по 1986 гг.

Ограничить пределы судейского усмотрения возможно при выработке определенного алгоритма. Современная наука не позволяет нам создать точную и неизменяемую иерархию конституционных прав и свобод, но возможно выработать некоторые правила.

1. Считать приоритетней те субъективные права и свободы граждан, которые закреплены в нормативно-правовых актах, находящихся на наиболее высшем положении в иерархии нормативно-правовых актов

2. При рассмотрении дел учитывать, какие интересы приоритетней частные или публичные. Учтём, что необходимо находить индивидуальный подход к конкретному делу.

3. Считать права и свободы отдельных лиц приоритетней. К примеру, права детей, людей с ограниченными возможностями, пожилых, сирот приоритетней.

Данный вопрос требует дальнейшего научного исследования. Также необходимо отметить, что жесткие правила не могут быть четко выявлены.

Причиной этого не является неразвитость современной юриспруденции, здесь уместно говорить о невозможности их строго выявления: во-первых, с развитием общества перечень субъективных прав и свобод постоянно увеличивается; во-вторых, со временем меняется понимания прав и свобод, какие-то права теряют свою актуальность, какие-то наоборот набирают, а какие-то и вовсе перестают использоваться.

Список использованных источников:

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения : 10.04.2019).

2. Йерсилд (Jersild) против Дании. Решение Европейского Суда по правам человека от 23 сентября 1994 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения : В 2 т. – Москва : НОРМА, 2000.

3. Невирко, Д.Д. Права и свободы человека и гражданина: проблемы соотношения, взаимодействия и иерархии: Монография / Д.Д. Невирко. Красноярск, 2006.

4. Приходько, Т. В. Конкуренция основных прав и свобод в конституционном праве Германии / Т. В. Приходько // Восточноевропейский научный журнал «EastEuropeanScientificJournal», г. Варшава, Республика Польша. – 2015. – № 3 (3). – С. 103-106.

УЖЕСТОЧЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОБРАНИЯХ, МИТИНГАХ, ДЕМОНСТРАЦИЯХ, ШЕСТВИЯХ И ПИКЕТИРОВАНИЯХ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВ ГРАЖДАН НА ИХ ПРОВЕДЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ

© М.А. Дегтярев

Научный руководитель: А.А. Кондрашев

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одним из путей выражения общественного мнения, а также одним из механизмов практической реализации его инициатив является возможность воспользоваться правом на участие в митинге, собрании, шествии или пикетировании. Именно такие мероприятия позволяют привлечь государственное и общественное внимание к проблеме, волнующей социум в тот или иной момент

времени. Уровень же реализации государством этого права показывает степень демократизации государственных институтов.

Ст. 31 Конституции РФ гарантирует гражданам РФ право на проведение мирных собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирований. Механизм реализации этого права определяется ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», вторая глава которого как раз и регулирует порядок организации и проведения публичного мероприятия.

В 2011-2012 годах в России активизировалась протестная активность среди населения, вызванная подозрениями в фальсификации результатов выборов в Государственную думу 2011 года и президентских выборов 2012 года, а также недовольством политикой Президента и Правительства. Это вылилось в резкое увеличение количества публичных мероприятий, часть из которых сопровождалась столкновениями с полицией и массовыми задержаниями. Резкое увеличение протестных настроений в обществе создавало прямую угрозу для действующей власти. Своеобразным ответом государства на приведённые выше события и стали поправки к ФЗ «О собраниях...», а также ужесточение ответственности за нарушения законодательства о публичных мероприятиях, создавшие большое количество препятствий гражданам в процессе осуществления этого права.

В 2012 году региональные парламенты были наделены правом самостоятельно определять места, в которых проведение публичных мероприятий запрещается (путём принятия закона субъекта). Воспользовавшись данным правом, многие регионы России ввели собственные ограничения. Так, статья 3 Постановления «О проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований в Томской области» запрещает проведение публичных мероприятий на территории, прилегающей к зданию областной администрации «на расстоянии 100 метров от любой точки периметра указанного здания» [4].

Подобное положение имеет место также в законодательстве Республики Коми. Так, законом «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми» (п.6 статья 5), публичные мероприятия запрещаются на расстоянии пятидесяти метров от входов в «здания, занимаемые органами государственной власти, государственными органами, органами местного самоуправления, государственными учреждениями Республики Коми» [3]. Исходя из приведённого законоположения, в 2017 году администрация города Сыктывкара запретила митинг перед зданием администрации. Такие ограничения нарушают положение Руководящих принципов по свободе мирных собраний ОБСЕ: «следует способствовать проведению собраний в пределах видимости и слышимости их целевой аудитории» [10]. Подобные нормы также

содержатся в законодательстве многих других регионов, например таких, как Республика Башкортостан или Калмыкия.

В 2006 году ФЗ «О собраниях...» наделил региональные парламенты правом определять процедуру подачи уведомлений о проведении публичных мероприятий. Исходя из этой нормы, многие субъекты РФ значительно усложнили процедуру согласования. Так, законодательство Красноярского края устанавливает обязанность предъявления паспорта (или документа, его заменяющего) при подаче уведомлений о проведении мероприятия. Законодательство Липецкой области устанавливает такую же обязанность. В 2015 году администрация Липецка, ссылаясь на данное законоположение, не согласовала проведение пикета потому, что его организаторы, проживавшие вдали от города, по почте направили уведомление о проведении акции, приложив копии своих паспортов.

В 2012 году ужесточается ответственность по ст. 20.2 КоАП: так, минимальным размером штрафа за нарушения законодательства о публичных мероприятиях для участников стала сумма в 10 000 рублей (до принятия изменений составляла 1000 рублей), а максимальным размером – 300 000 рублей (до принятия изменений – 2000 рублей). Срок давности увеличился до года. Составов данных «правонарушений» стало 11 (до принятия изменений – 4). По некоторым составам в качестве вида наказания введены обязательные работы.

Сама статья 20.2 КоАП также ужесточается и дополняется двумя составами правонарушений – ч. 6.1 и часть 8. Первая из них, ч. 6.1, ввела штраф или административный арест в качестве наказания за участие в несогласованном публичном мероприятии, создавшем препятствия работе объектов жизнеобеспечения, инфраструктуры, связи, движению пешеходов и транспорта либо доступу граждан к жилым помещениям или объектам инфраструктуры. Вторая, ч. 8, ввела ответственность за повторные (а течение года) административные правонарушения, предусмотренные частями 1-6.1 ст. 20.2 КоАП. Наказанием за такие повторные правонарушения является более высокий административный штраф, обязательные работы до 200 часов, или административный арест сроком до 30 суток.

В 2012 году председатель партии «Яблоко» Сергей Митрохин говорил: «Эти поправки имеют фактически запретительный характер, максимально ограничивая конституционное право граждан на выражение протеста. Они не только устанавливают высокие суммы штрафов, но и делают невозможными любые формы уличной активности, расширяют возможности для произвола со стороны полиции, предусматривая возможности абсурдных обвинений».

Статья 212.1, которая была добавлена в УК РФ в 2014 году, ввела уголовную ответственность за неоднократные (более двух раз в течение 180 дней) нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования. Такими нарушениями признаются административная ответственность по ст. 20.2 КоАП и нарушения положений ФЗ «О собраниях...».

В 2018 году в КоАП введена статья 20.2.3., которой была введена ответственность за невыполнение организатором публичного мероприятия обязанности по информированию граждан об отказе от его проведения или по представлению уведомления об отказе от проведения публичного мероприятия. Ответственность наступает и за несвоевременное предоставление такого уведомления. Под эти же нормы попадают умышленные действия по подаче уведомления об организации митингов без цели их проведения. Информирование или подача уведомления должны быть произведены не ранее чем за один день до проведения публичного мероприятия (ч. 3 ст. 5 ФЗ «О собраниях...»). Данное правонарушение, которое трактуется законодателем как «злоупотребление правом на митинги», влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до двадцати тысяч рублей.

За последние годы на организатора переложили ответственность за вред, причиненный участниками мероприятия, а также обязанность не допускать превышение заявленного числа участников; запрещено использовать маски, средства маскировки; в перечень граждан, не имеющих права быть организаторами мероприятия, были включены лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость. Запрет на проведение мероприятий с 2014 года начал действовать с 22:00. Парламентам субъектов РФ переданы полномочия, разрешающие ещё больше ограничивать свободу публичных мероприятий. С их помощью на уровне региона можно, в сущности, лишить граждан права свободного выбора места проведения разного рода акций, кроме одиночных пикетов.

Своеобразным «лучом света» является адресованное КС РФ судам общей юрисдикции разрешение назначать вышеперечисленные штрафы ниже минимального размера, определённого поправками в КоАП, указанное в Постановлении КС РФ № 4-П от 14.02.2013 г. КС РФ исходил из того, что существующий размер штрафов чрезмерно ограничивает права граждан.

В заключении можно сделать вывод: поправки к ФЗ «О собраниях...», наряду с ужесточением уголовной и административной ответственности за нарушения порядка организации публичных мероприятий, ввели новые ограничения, создающие почву для возникновения препятствий гражданам в реализации своего права, предусмотренного ст. 31 Конституции. Сами же

изменения, внесённые в ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в своей сущности противоречат таким принципам, как «презумпция в поддержку проведения собраний», «пропорциональность» и «противодействие дискриминации».

Список использованных источников:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: текст с последними изменениями на 17 марта 2019 года. – Москва: Эксмо, 2019. – 544 с.

2. Конституция РФ. Герб. Гимн. Флаг. По состоянию на 2017 год. – Москва: Издательство «Э», 2017. – 64 с.

3. О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми: Закон Республики Коми от 29 ноября 2012 года № 91-РЗ [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru>.

4. О проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований в Томской области: Постановление Законодательной Думы Томской области от 25 октября 2012 года № 650 [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Кодекс». – Режим доступа: <https://kodeks.ru>.

5. Об отдельных вопросах проведения в Красноярском крае собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований: Закон Красноярского края от 24 декабря 2015 года № 9-4108 [Электронный ресурс] // Официальный портал «Красноярский край». – Режим доступа: <http://www.krskstate.ru>.

6. О порядке подачи уведомления и проведения публичного мероприятия на территории Липецкой области: Закон Липецкой области от 2 мая 2006 года № 283-ОЗ [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Кодекс». – Режим доступа: <https://kodeks.ru>.

7. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 28 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных

правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. Руководящие принципы по свободе мирных собраний. Издание второе. / Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека. Варшава – Страсбург, 2010. – 194 с..

11. Уголовный Кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 1 октября 2018 года + сравнительная таблица изменений. – Москва: Эксмо, 2018. – 336 с.

ОБ ОПЛАТЕ ТРУДА ЧЛЕНОВ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ

© А.К. Дроган

Научный руководитель: О.В. Роньжина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В ходе анализа правового статуса муниципальных избирательных комиссий выявлена правовая неопределенность относительно полномочий органов местного самоуправления по регулированию порядка финансирования оплаты труда членов избирательных комиссий и работников аппарата избирательной комиссии.

Оплата труда членам избирательных комиссий, задействованных в проведении муниципальных выборов, определяется самой избирательной комиссией, не лимитируется и никак не может быть ограничена иными органами местного самоуправления, а также вышестоящими избирательными комиссиями. Это несет высокий риск завышения бюджетных расходов, в то же время к этим расходам не может быть применена оценка соответствия принципу результативности и эффективности бюджетной системы [9].

Подобная ситуация способствует формированию искаженных представлений о соотношении полномочий представительных и исполнительных органов местного самоуправления, и полномочий муниципального органа – избирательной комиссии по определению расходов на совершение избирательных действий.

Особый статус избирательных комиссий, предусмотренный в федеральном законе [5] выводит их из структуры органов местного самоуправления.

Как отмечено в комментарии к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в российской федерации» [1] это сделано для того, чтобы избежать противоречия с конституционными положениями. Согласно статье 12 Конституции РФ местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. В то же время избирательная система построена по иерархическому принципу, избирательные комиссии муниципальных образований подчинены вышестоящим избирательным комиссиям, которые являются государственными органами [8].

В полномочия избирательной комиссии муниципального образования входит осуществление на территории муниципального образования мер по организации финансирования подготовки и проведения выборов в органы местного самоуправления, местных референдумов, распределение выделенных из местного бюджета и (или) бюджета субъекта Российской Федерации средств на финансовое обеспечение подготовки и проведения выборов в органы местного самоуправления, местного референдума, контроль целевого использования указанных средств [4].

В законодательстве отсутствуют утвержденные методики по определению объема необходимых затрат на оплату труда при проведении выборов. Избирательная комиссия субъекта РФ в рамках своих полномочий может издавать методические рекомендации для избирательных комиссий муниципальных образований, но они имеют рекомендательный характер.

В системе оплаты труда членов избирательных комиссий три составляющих [7]. Первая из них – компенсация, она выплачивается члену комиссии с правом решающего голоса, освобожденным на основании представления комиссии от основной работы на период подготовки и проведения выборов, референдума за период, в течение которого он был освобожден от основной работы. Анализ решений избирательных комиссий показал, что, как правило, такая компенсация рассчитывается от средней заработной платы привлекаемого члена комиссии.

Вторая составляющая – дополнительная оплата труда за отработанное время. В решениях избирательных комиссий она рассчитывается как количество отработанных членом комиссии часов умноженное на установленную ставку.

И третья составляющая – это вознаграждение (премия) за активную работу по подготовке и проведению выборов, которое представляет собой распределение оставшихся средств, предусмотренных на оплату труда в рамках проведения выборов, предельный объем вознаграждения может устанавливаться решением комиссии.

Согласно пункту 18 статьи 28 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ № 67) уровень материального (в том числе размер и виды денежного содержания, иных выплат) и социального обеспечения замещающих должности муниципальной службы работников аппаратов избирательных комиссий устанавливается соответственно нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

Согласно статье 22 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 25) оплата труда муниципального служащего производится в виде денежного содержания, которое состоит из должностного оклада муниципального служащего в соответствии с замещаемой им должностью муниципальной службы, а также из ежемесячных и иных дополнительных выплат, определяемых законом субъекта Российской Федерации. Органы местного самоуправления самостоятельно определяют размер и условия оплаты труда муниципальных служащих. Размер должностного оклада, а также размер ежемесячных и иных дополнительных выплат и порядок их осуществления устанавливаются муниципальными правовыми актами, издаваемыми представительным органом муниципального образования в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

В рамках своих полномочий [б] избирательная комиссия издает решение о размере и порядке выплаты компенсации, дополнительной оплаты труда и вознаграждения за работу в комиссии по подготовке и проведению выборов. В нем избирательные комиссии устанавливают в том числе размер оплаты труда работникам аппарата избирательной комиссии.

Подтверждает сделанный вывод следующий пример. Законом Красноярского края [3] установлено, что за счет средств, выделенных на подготовку и проведение выборов, финансируются расходы на дополнительную оплату труда (вознаграждение) членов избирательных комиссий с правом решающего голоса, работников аппаратов избирательных комиссий, выплату компенсаций членам избирательных комиссий с правом решающего голоса, освобожденным от основной работы на период подготовки и проведения выборов, а также на выплаты гражданам, привлекаемым к работе в избирательных комиссиях по гражданско-правовым договорам, и специалистам, направляемым для работы в составе контрольно-ревизионных служб при избирательных комиссиях

Это приводит к ситуации, когда аппарат избирательной комиссии муниципального образования может сам себе установить размер оплаты труда в обход пункта 18 ФЗ № 67 и пункта 2 статьи 22 ФЗ № 25.

Размер оплаты труда должностных лиц местного самоуправления, в том числе членов избирательных комиссий муниципальных образований работающих на штатной основе должен определяться исключительно решениями представительных органов муниципальных образований. Как представляется, соответствующая комиссия должна определять вознаграждение своих членов за активную работу по подготовке и проведению выборов в пределах показателей, установленных нормативными правовыми актами, принятыми представительными органами муниципальных образований.

Ситуация, в которой избирательная комиссия устанавливает размер и выплачивает дополнительную оплату труда и вознаграждение аппарату и членам избирательной комиссии, работающим в ней на постоянной основе, создает условия для совершения коррупционных правонарушений [2].

Автор приходит к категоричному выводу, что вопросы оплаты труда должностных лиц избирательных комиссий могут быть отнесены исключительно к полномочиям представительных органов.

Список использованных источников:

1. Комментарий к ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ" / Под ред. Бабичева В.В., Шугриной Е.С. – 2 изд., пер. и доп. – М.:Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015; Лютцер В.Л. Дефекты законодательства о местном самоуправлении и возникающие отсюда сложности правоприменения // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 48 – 56.

2. Кондрашев А.А., Роньжина О.В. "Натуральная" оплата труда муниципальных служащих // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 8. С. 56 – 60.

3. Подпункт «а» пункта 2.1 статьи 43 закона Красноярского края от 02.10.2003 № 8-1411 «О выборах в органы местного самоуправления в Красноярском крае» (в ред. от 23.11.2018) // Красноярский рабочий. 2003. № 160.

4. Подпункт «е» пункта 10 статьи 24 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. ст. 2253.

5. Пункт 2 статьи 39 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

Федерации» (в ред. от 06.02.2019) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. ст. 3822.

6. Пункт 17 статьи 29 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. ст. 2253.

7. Пункт 17 статьи 29 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. ст. 2253.

8. Статья 20 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. ст. 2253.

9. Статья 34 «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в ред. 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. ст. 3823.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© Н.А. Кириллов

Научный руководитель: В.Н. Чайка

канд. юрид. наук

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС РФ

На сегодняшний день, Конституция РФ содержит в своем составе сложный разветвленный механизм, направленный на обеспечение защиты прав и свобод. В рамках данной системы присутствует несколько основных компонентов, в частности, в роли объектов защиты перед нами предстают, гражданские права и свободы, в роли субъектов при этом выступают органы государственной власти; различные объединения и предприятия; человек; в качестве следующего элемента выступает комплекс оснований для защиты, прежде всего это: перечень конституционно-правовых регламентирующих норм, что выступает при этом в качестве юридического основания, а в качестве фактического основания в данном случае выступают всевозможные нарушения либо ограничения прав и свобод, возникновение которых происходит в результате совершения противоправных деяний; также нужно указать, что формы

защиты в настоящее время характеризуются своим многообразием [1].

Комплекс мероприятий, относящихся к системе государственной защиты, представляет собой ключевую форму защиты, присутствующую в структурном составе конституционного механизма. В данном случае ключевую позицию в системе защиты прав занимает Президент РФ. Согласно конституционным положениям, глава государства выступает в роли и при этом возлагает на себя функции обязанности гаранта прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 80). В распоряжении Главы государства имеется специальный аппарат, созданный для выполнения отдельных президентских функций, в сфере решения вопросов, касающихся защиты гражданских прав и свобод. В данном случае в качестве одного из таких органов, входящих в состав президентского аппарата можно обратить внимание на Управление по работе с обращениями граждан.

На отдельной ступени в рамках структурного механизма защиты прав человека находится Федеральное собрание РФ, а также законодательные представительные органы субъектов Федерации. Здесь нужно указать, что в нормативных положениях пункта «в» статьи 71 Конституции провозглашается, что в комплекс предметов ведения РФ следует включить в первую очередь мероприятия, по регулированию и защите гражданских прав и свобод человека, по защите прав национальных меньшинств. В категорию предметов совместного ведения Федерации и её субъектов следует включить мероприятия по защите гражданских прав и свобод, а также мероприятия, направленные на обеспечение защиты прав национальных меньшинств.

Если провести анализ деятельности, которую органы законодательной власти осуществляют в рассматриваемом секторе правоотношений, можно отметить, что на них возлагается обязанность по принятию требующихся нормативно-правовых актов. Одним из инструментов правовой защиты прав человека выступает процесс, в рамках которого Госдумой и Федеральным собранием РФ принимаются акты об амнистии согласно положениям, определенным в ст. 103 Конституции. Указанная парламентская палата с высоким уровнем активности пользуется делегированными полномочиями, об этом свидетельствуют факты, согласно которым в процессе действия Конституции РФ была проведена работа по принятию более 20 актов амнистии и порядка их выполнения.

Затем в структурном составе конституционной системы защиты присутствует такой элемент, как Правительство России. Правительственный аппарат также имеет в своем распоряжении достаточно обширный спектр инструментов влияния. По большей части перечень таких инструментов представлен

правоприменительной деятельности, основная цель реализации которой заключается в практическом воплощении государственных социальных программ, претворение в жизнь эффективных и действенных мероприятий в рамках государственной экономической политики.

В качестве нового института выступает – Уполномоченный по защите прав и свобод (институт омбудсмена). В данном случае считается нужным отметить, что практика деятельности омбудсмена сегодня не так обширна, как хотелось бы, но вместе с тем за минимальный период своего существования он сумел завоевать уверенные позиции в вопросах реализации правозащитной деятельности. Процедура утверждения должности Уполномоченного по правам человека в РФ была осуществлена согласно закрепленному в рамках Конституции порядку. Далее для расширения деятельности в указанном направлении был принят ФКЗ от 26.02.1997 г. № 1-ФКЗ "Об Уполномоченном по правам человека в РФ" (ред. 31.01.2016) [2].

На сегодняшний день в качестве максимально эффективного инструмента защиты гражданских прав и свобод на уровне Конституции, выступает система судебных органов и судебной защиты. В данном случае нужно указать, что согласно положениям, провозглашенным в статье 4 ФКЗ от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ "О судебной системе РФ" (ред.30.10.2018), структурный состав функционирующей на сегодняшний день судебной системы представлен Конституционным, Верховным, Высшим Арбитражным судами РФ, кроме того сюда входят республиканские суды краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономных округов и автономных областей, суды районные [3].

На особой ступени в структурном составе государственного механизма защиты гражданских прав находится Конституционный суд. Подобная обособленность возникает в результате действия нескольких причин:

1. Конституционный суд представляет собой орган, входящий в состав судебной системы РФ, перечень прав, обязанностей и полномочий которого максимально строго регламентирован конституционными положениями. Ещё одна отличительная характеристика заключается в том, что рассматриваемый суд обладает особым правовым статусом.

2. В рамках процессуального порядка, при осуществлении конституционного судебного производства Конституционный Суд России, реализует мероприятия, направленные на обеспечение надлежащей защиты гражданских прав и свобод.

3. Конституционному суду предоставлено право использования характерных инструментов влияния, применяемых в целях восстановления нарушения гражданских прав.

Далее в структуре конституционного механизма присутствует такой элемент, как органы местного самоуправления. В конституционных положениях содержатся пункты, согласно которым муниципальные органы государственной власти в рамках решения местных вопросов обладают самостоятельностью. Если провести анализ норм, провозглашенных в ФЗ от 6.10.2003 г. № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ" РФ. 08.10.2003 г. Можно прийти к выводу о том, что муниципальным органам делегирован достаточный объём полномочий в вопросах обеспечения надлежащей защиты разнообразных прав и свобод гражданина и человека, в частности они могут защищать трудовые, жилищные и социальные интересы населения.

В целях получения необходимых параметров качества деятельности, направленной на обеспечение надлежащей защиты гражданских прав и свобод по оценкам специалистов требуется активно развивать деятельность правозащитных общественных организаций. На сегодняшний день ситуация складывается таким образом, что в результате учреждения большого количества разнообразных правозащитных организаций, данный факт говорит о том, что современное общество находится на высокой ступени развития, оно способно самостоятельно регулировать и управлять, протекающими в рамках этой системы процессами, путем проявления свободной гражданской инициативы и инициативы гражданских объединений, что позволяет обеспечить надлежащую защиту гражданских прав и свобод каждого представителя общественной системы.

Если подробнее остановиться на вопросах самостоятельной защиты, нужно указать, что современным российским гражданам нужно получить навыки самостоятельной полноценной реализации и при наступлении определенных ситуаций, обеспечивать самостоятельную защиту, делегированных каждому человеку законных прав и интересов.

Мероприятия, направленные на защиту прав и свобод с применением всех способов, которые не вступают в противоречие с законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ), адресованы каждому гражданину вне зависимости от его гражданства. Каждый человек получает право на защиту своих прав и свобод от рождения, и на это право не может оказать влияние место жительства и пребывания этого гражданина, особенности общественного устройства государства, действующая система внутригосударственных нормативных документов.

Согласно конституционным положениям, процесс самостоятельной защиты гражданских прав и свобод заключаются в возможности представления в ответственные органы жалоб, заявлений и предложений, возможность публикации обращений в средствах массовой информации (ст. 33); возможность публичных гражданских выступлений (ст. 31); право получения гражданско-правовой и уголовно-правовой защиты (ч. 1 ст. 45); право подачи обращений в межгосударственные органы, реализующие мероприятия, направленные на защиту гражданских прав (ч. 3 ст. 46).

Все обозначенные выше механизмы правовой защиты могут быть дополнены и другими перечисленными в конституционных положениях государственными структурами, в частности органами правоохранения (п. "л" ч. 1 ст. 72). И вместе с тем, обширный перечень возможностей действующего в настоящее время конституционного механизма защиты гражданских прав и свобод, еще не позволяет выйти на действие режима "отсутствия нарушений" гражданских прав и свобод.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 – ФКЗ) // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (в ред. от 31.01.2016) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (в ред. от 30.10.2018). «О судебной системе Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

**РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**

© А.И. Кириллова

Научный руководитель: В.Н. Чайка

канд. юрид. наук

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС РФ

Функционирующий в Российской Федерации Конституционный суд можно считать наиболее значимым гарантом прав и свобод человека и гражданина.

Возникновение Конституционного суда РФ, которое произошло в 1991 году, имело в качестве цели регулирование и защиту исходных прав и свобод человека, прописанных в Конституции. Создание Конституционного суда сегодня регламентируется положениями Конституции РФ и Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 25-ФЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». В последующем данный закон неоднократно подвергался изменениям. Конституционный суд РФ является единственным обособленным среди органов конституционно-судейского сообщества. Тем не менее, в субъекта РФ могут создаваться свои Конституционные либо уставные суды, целью деятельности которых является проверка соответствия регионального законодательства Конституции либо уставу соответствующего субъекта.

Основная цель Конституционного суда преследует защиту прав и свобод человека, зафиксированных в Конституции РФ. Тем самым указанный суд гарантирует и обеспечивает принцип верховенства Конституции над прочими законодательными источниками. Согласно положениям п. 4, ст. 125 Конституции РФ, Конституционный Суд РФ проверяет конституционность того или иного правоотношения, а также правового либо не имеющего правового значения акта, а также осуществляет установление факта нарушения прав и свобод человека и гражданина, рассматривая поданную им жалобу.

Согласно нормам законодательства, цели существования и работы Конституционного суда РФ заключаются в защите и гарантировании обеспечения прав и свобод человека, которые зафиксированы в Конституции РФ.

Конституция РФ содержит и перечень полномочий, которыми наделен Конституционный суд. Данный перечень установлен положениями ст. 125 Основного закона нашего государства [1].

Конституционный контроль в РФ осуществляется посредством судебной защиты граждан, находящихся под юрисдикцией российского законодательства.

Значение Конституционного суда РФ для каждого, проживающего либо находящегося на территории РФ, чрезвычайно важно. Именно от степени эффективности его работы зависит сохранность конституционного строя России, а также защита прав и свобод. На основании вынесенных постановлений и распоряжений Конституционного суда РФ у граждан нашего государства воспитывается чувство патриотизма, гордости за собственный народ и государство, уважения личности. Кроме того, посредством принятия своих актов Конституционный суд хотя и опосредованно, но оказывает влияние на все ветви власти, функционирующие в РФ.

В соответствии с положениями ст. 125 Конституции Конституционный Суд РФ на основании предъявленных жалоб по фактам нарушения конституционных прав и свобод граждан устанавливают степень конституционности правового источника, который уже применен либо подлежит в будущем применению в той или иной ситуации, в порядке, закрепленном федеральным законодательством. Право на предъявление индивидуальной либо коллективной жалобы в КС РФ, в которой рассказывается о нарушении прав и свобод существуют у граждан, права и свободы которых подверглись нарушению законом, который уже применен либо подлежит в будущем применению в определенной ситуации, а также группе граждан, прочим органам и лицам (ст. 96 ФКЗ «О Конституционном суде РФ»). Для граждан и организаций при подачи заявления в КС РФ обязательным является соблюдение требований, предусмотренных положениями ст. 37 ФКЗ «О КС» [3].

Вся совокупность дел по защите прав и свобод граждан, которые может рассматривать Конституционный Суд, может быть разделена на несколько видов – дела, которые связаны с проверкой 1) уголовных и уголовно-процессуальных нормативно-правовых актов; 2) соответствия Конституции РФ административных нормативных актов, которым ограничивается право частной собственности; 3) положений избирательного права; 4) рассмотренных дел по жалобам на нарушение трудовых и социальных прав и интересов; ситуаций по фактам ограничения жилищных прав граждан; 6) ситуаций, касающихся моментов вступления в наследство и получением статуса гражданина РФ.

Правомерной и обоснованной признается жалоба в том случае, если:

- 1) Законом затронуты конституционные права и свободы гражданина.

2) Закон был использован на практике в конкретном деле, которое уже было рассмотрено в суде. В данном случае необходимо соблюдение процессуального срока на подачу жалобы – один год с момента рассмотрения дела.

По результатам рассмотрения Конституционным Судом поданной жалобы на факт нарушения прав и свобод гражданина возможно принятие одного из следующих видов постановлений:

1) О признании закона или отдельных его положений, соответствующих/не соответствующих нормам Конституции РФ.

2) О признании оспариваемых положений аналогичным нормам, ранее признанным не соответствующим/соответствующим Конституции РФ.

В ситуации, когда Конституционным Судом отдельные нормы закона (либо закон полностью) признаны не соответствующими положениям Конституции, указанное дело должно быть пересмотрено компетентным органом в общем порядке, а граждане и (либо) объединения граждан, которые обратились в Конституционный Суд, имеют право на возмещение понесенных ими расходов в порядке и размерах, которые установлены Правительством РФ, в частности – на возмещение уплаченной заявителем госпошлины, расходов на оплату услуг специалистов, транспортных расходов и затрат на проживание, которые были ими понесены с целью явки в суд, либо были связаны с рассмотрением дела. Также возможна компенсация так называемых убытков по причине потери времени.

Конституционным Судом РФ решаются исключительно правовые вопросы.

Перечень должностных лиц, входящих в структуру Конституционного суда:

1) Председатель суда.

2) Заместитель Председателя Конституционного Суда РФ.

3) Судья-Секретарь.

4) Ряд судей КС, которые занимаются непосредственно судебными разбирательствами.

5) Сотрудники аппарата и прочих подразделений.

Зорькин Валерий Дмитриевич – судья Конституционного Суда РФ с 30 октября 1991 года. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист РФ. Следует привести высказывание Валерия Дмитриевича в Российской Газете, которое как нельзя лучше иллюстрирует значимость существования Конституционного Суда: «Судя по характеру многочисленных жалоб в Конституционный Суд, в настоящее время главным источником напряженностей в российском обществе является нерешенность социально-экономических

проблем, в том числе недостаточная защита социальных прав граждан. Социологические исследования подтверждают, что ожидания и даже требования социальной справедливости выходят у населения на первый план и что несправедливости в разных сферах жизни воспринимаются людьми крайне болезненно» [2].

Главными принципами функционирования Конституционного Суда Российской Федерации считаются независимость, коллегиальность, гласность, состязательность, а также равноправие сторон.

Порядок исполнения актов конституционного суда:

Исполнение актов конституционного суда является обязанностью всех, кому они были адресованы. Решение, принятое конституционным судом, должно быть исполнено немедленно после момента опубликования или вручения его в официальной форме, если прочие сроки отдельно в нем не обозначены.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что Конституционный Суд РФ, являясь судебным органом конституционного контроля, занимается решением исключительно правовых вопросов. Это основное положение законодательства нацелено не на то, чтобы не принимать любую связь права с политикой, а на то, чтобы не заниматься подменой права политической идеологией. Конституционный Суд РФ, безусловно, должен рассматривать в определенной степени и политические ситуации, вынося решения, которые имеют также и политическое значение. Между тем, в этих случаях Конституционный Суд РФ занимается рассмотрением исключительной правовой, конституционной основы данных вопросов (к примеру, установлением соответствия конституционности актов различных ветвей политической власти либо споров о компетенции между разного рода органами государственной власти, выступающими в качестве субъектов политики), вынося свои решения в разрезе именно определения степени соответствия конституционному законодательству.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Конституционный Суд РФ имеет крайне важное значение в функционировании режима конституционной законности, его объективная деятельность оказывает влияние на совершенствование законодательства нашего государства не только на федеральном уровне, но и на уровне субъекта РФ. Крайне важно влияние Конституционного Суда РФ и на гарантию реализации важнейших принципов демократического государственного устройства, основных прав и свобод человека и гражданина.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 – ФКЗ) // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Российская Газета // URL.: <https://rg.ru/gazeta/rg/2018/10/10.html> (дата обращения: 27.01.2019).

3. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (в ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

**РАЗДЕЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ В РОССИИ И США
(СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)**

© Н.М. Кочетков

Научный руководитель: А.А. Петров

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Основным источником, регулирующим разделение компетенций в США, является Конституция США, принятая в 1787 году. Федерализм в США часто характеризуют как «конкурирующий федерализм», «дуалистический федерализм» [3, . 116] «судебный федерализм» [6, с. 40].

После Конституции основным источником, устанавливающим правила разделения компетенций между федерацией и штатами, являются решения Верховного Суда США (далее ВС США). В некоторых своих решениях о признании конституционными или неконституционными норм, изданных в США, ВС США определял, к чьей компетенции относится то или иное полномочие, одновременно вырабатывая правила и критерии разделения полномочий. Акты ВС США сыграли ключевую роль в развитии федеративных отношений в этой стране [6, с. 40-42].

В США используются следующие способы разделения компетенций. Во-первых, по общему правилу, за штатами закрепляется «остаточная»

компетенция, то есть все полномочия, которые не относятся к ведению федерации, и которые не запрещено осуществлять, входят в компетенцию штатов (поправка 10 Конституции США).

Во-вторых, в Конституции США прямо закреплены компетенции, относящиеся к исключительному ведению федерации (разд. 3 ст. 1, разд. 8 ст. 1, разд. 2 ст. 2, поправка 16 Конституции США).

В-третьих, исходя из данного ВС США толкования и абзаца 17 раздела 8 ст. 1 Конституции США, у федерации существуют «подразумеваемые» (implied) полномочия, которые путём толкования следуют из их Конституции [3, с. 116-118].

В-четвёртых, выделяются «совпадающие» полномочия (совместное ведение), приоритет в которых отдаётся законодательству центра в случае противоречия норм [3, с. 117] (разд. 4, 10 ст. 1, разд. 1 ст. 2, разд. 1 ст. 4 Конституции США).

В-пятых, круг полномочий, как федерации, так и штатов, определяется через запрет указанным образованиям осуществлять некоторые полномочия (разд. 9, 10 ст. 1, поправка 11 Конституции США).

Принцип, по которому создатели Конституции США разделяли полномочия между Союзом (федерацией) и государствами (штатами) основывался на том, что федеральная администрация должна ведать вопросами, относящимися к национальным интересам, в отношении которых штатам проблематично или невозможно прийти к единому, беспристрастному, объективному мнению [8, 4, 17, 23].

В России аналогично США главным источником разделения компетенций между федерацией и субъектами является Конституция РФ. Также вопрос разделения полномочий, особенно касающийся предметов совместного ведения, регулируется Федеральным законом от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Кроме того, существенное значение в разрешении вопросов и выработке правил разделения компетенций имеют решения Конституционного Суда РФ (далее КС РФ) [2, с. 334-341], хотя и не такое большое как решения ВС США.

В Российской Федерации способы разделения компетенций между федерацией и субъектами выражаются в следующем. Во-первых, по общему правилу, так же как и в США, в РФ все полномочия, которые не отнесены к исключительному ведению центра, и которые не относятся к совместному ведению федерации и её субъектов, являются компетенцией субъектов федерации.

Во-вторых, в российской модели разделения компетенций аналогично США предусмотрены полномочия, которые относятся к исключительному ведению федеральной власти (ст. 71 Конституции РФ).

В-третьих, в РФ активно используется концепция полномочий, находящихся в совместном ведении федеральной власти и власти субъектов федерации. В ст. 72 Конституции РФ содержится исчерпывающий перечень предметов совместного ведения. В статье 26.3 ФЗ РФ № 184 закреплён обширный список полномочий, находящихся в совместном ведении федерации и её субъектов, осуществляемых за счет средств бюджета субъекта РФ. Важно, что данный перечень совместных компетенций не является исчерпывающим (ч. 5 ст. 26.3 ФЗ РФ № 184).

Чтобы увидеть отличия в сфере разделения компетенций между федеральной властью и властью субъектов (штатов) в США и РФ, сравним некоторые полномочия государственной власти в данных странах.

В США в соответствии с их Конституцией регулирование гражданских отношений отнесено в большей части к компетенции штатов, что нашло своё подтверждение и в практике ВС США, например, в деле *United States v. Lopez* [6, с. 45]. В ведении федерации находятся вопросы, касающиеся торговли между штатами и международной торговли, интеллектуальных прав и вопросы несостоятельности (банкротства) (разд. 8 ст. 1 Конституции США) [5, с. 132-145]. В России гражданское законодательство относится к исключительной компетенции РФ, в отличие от США (ст. 71 Конституции РФ).

В США существует разделение уголовного законодательства на два уровня – федеральное уголовное законодательство и уголовное законодательство штатов. Большинство штатов имеют свои уголовные кодексы. Наиболее распространённые преступления, такие как кража, мошенничество, убийство, изнасилование и др. преследуются и наказываются на основании законов штатов. К компетенции федеральной власти относятся преступления, направленные против федеральных интересов (убийство федерального должностного лица) или интересов нескольких штатов, или США в целом (шпионаж, саботаж), а также преступления, совершаемые на территории, принадлежащей центральной власти (национальные заповедники, военные базы, федеральный округ Колумбия и др.) [7, с. 541].

В РФ уголовное законодательство находится в исключительном ведении федерации. Данная ситуация, на наш взгляд, является наиболее правильным вариантом регулирования уголовных отношений, поскольку исключает разнообразные трудности в правоприменении норм уголовного права (споры о

подсудности, сложности квалификации преступлений и назначении наказаний, противоречивая судебная практика), которые возникают в США.

В отличие от России в США отсутствует единый налоговый кодекс, который бы устанавливал все виды налогов, взимаемых в этой стране. Штаты имеют право устанавливать свои собственные налоги и часто этим правом пользуются. Конечно, усмотрение по установлению налогов у штатов небезгранично, поскольку оно должно соответствовать основам федерального налогового права [4, с. 250].

Отличительной характеристикой налоговой системы США является то, что в бюджеты каждого из уровней поступают лишь те налоги, которые устанавливаются и собираются органами власти соответствующего уровня, то есть в США отсутствует практика, когда федеральный орган власти собирает все налоги, а потом эти налоги распределяются по разным бюджетам [1, с. 163].

В сфере трудовых отношений в США не существует единого кодифицированного акта. Регулирование трудовых правоотношений относится к совместному ведению федерации и штатов. Федеральное законодательство распространяется на отношения, происходящие на крупных предприятиях федерального значения, предприятиях, деятельность которых выходит за пределы одного штата, тогда как законодательство субъектов регулирует трудовую деятельность, происходящую в границах штатов [5, с. 262-275].

В РФ все основные вопросы трудового права устанавливаются на федеральном уровне (Трудовой кодекс РФ, связанные с ним Федеральные законы и федеральные подзаконные нормативно-правовые акты). При этом законодательство субъектов также может регулировать трудовые отношения, что предусмотрено п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, ст. 5 ТК РФ, однако подчеркнём, что круг вопросов, которые может регулировать законодательство субъектов является небольшим по сравнению с федерацией. В этом плане штаты в США обладают большими полномочиями, чем субъект федерации в РФ.

Федеральная государственная служба США является предметом ведения федерации, а государственная служба штатов и муниципальная служба входят в компетенцию штатов. В этой сфере в США установилось достаточно чёткое разделение полномочий, что было подтверждено, например, в Решениях ВС США *National League of Cities v. Usery, Washington v. Davis* [6, с. 43].

В России федеральная государственная служба и государственная служба субъектов РФ составляют единую систему государственной службы РФ и регулируются, прежде всего, ФЗ РФ «О системе государственной службы РФ» и ФЗ РФ «О государственной гражданской службе РФ». При этом допускается издание законов и иных НПА субъектов РФ лишь по тем вопросам государственной

службы, которые не урегулированы федеральным законодательством и в соответствии с последним. Кроме того, законодательство Российской Федерации закрепляет основы муниципальной службы в нашей стране.

Также, каждый штат США имеет свои уголовно-процессуальные и гражданско-процессуальные законы, законы о здравоохранении, образовании, судебной системе, местном самоуправлении, охране общественного порядка и др. [4, с. 251]. В целом, можно отметить, что власти штатов США обладают большим количеством полномочий по сравнению с органами власти субъектов РФ.

Список использованных источников:

1. Анализ опыта развития бюджетного федерализма в США / Н. И. Ляхова // Вестник Белгородского ун-та потребительской кооперации. – 2006. № 1(15). – С. 159-168.
2. Конституционный судебный процесс : учебник для магистрантов, аспирантов, преподавателей / С. В. Нарутто, – М. : Норма : ИНФРА-М. – 2014. – 431 с.
3. Лафитский, В. И. Конституционные основы федерализма в США / В. И. Лафитский // Журнал российского права. – 2007. – № 3 (123). – С. 116-127.
4. Организация государственной власти в России и зарубежных странах: учебно-методический комплекс / под ред.: С. А. Авакьяна. – М. : Юстицинформ, 2014. – 692 с.
5. Правовая система США / В. М. Шумилов – М. : Междунар. отношения, 2006. – 408 с.
6. Саликов, М. С. Судебный федерализм США / М. С. Саликов // Известия высших учебных заведений. – Правоведение. – 1998. – № 1 (220). – С. 40-46.
7. Уголовное право России. Учебник для вузов. Общая часть / под ред.: А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. – М. : Издательство НОРМА, 2000. – 639 с.
8. Федералист / Д. Мэдисон, А. Гамильтон, Д. Джей. – М.: Издательская группа «Прогресс». – 1994. – 159 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСТВА В СССР И РФ

© И.Н. Кузнецов

Научный руководитель: И.В. Тепляшин

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Актуальность данной работы состоит в том, что институт гражданства один из наиболее важных, интересных и динамично развивающихся в любом государстве, и особенно в России. Именно гражданство имеет основополагающее значение для государственного строительства, развития прав и свобод человека и всё политической системы общества в целом. В нашей же стране этот институт еще и активно развивается, так как Российская Федерация – сравнительно молодое государство и не так давно резко изменило вектор своего развития из социалистического русла в капиталистическое и демократическое. Кроме того, феномен России состоит в том, что её окружает множество государств, ранее входивших в состав СССР, жители которых часто заинтересованы в получении Российского гражданства, как экономически более развитой страны или же по субъективным причинам, которые могут быть самыми различными. Ввиду этого, представляется интересным провести сравнительный анализ института гражданства СССР и современной России, что и является целью моего исследования. Я ставлю перед собой задачи оценить различные положения, с учетом исторической обстановки их принятия, а также выявить общее и различные в нормах, отражающих правовое положение граждан Советского союза и Российской Федерации.

Прежде, чем рассказать о методах, которые я использовал в своей работе, остановлюсь на таком важном аспекте, без которого невозможно понимание данной работы, как понятие гражданства. Гражданством называют устойчивую политико-правовую связь между государством и человеком, обуславливающую взаимные права и обязанности вышеуказанных субъектов. Стоит отметить, что в Российской империи институт гражданства как таковой отсутствовал, вместо него существовал институт подданства, так как первый предполагает равноправие граждан, чего в царской России – сословном государстве, быть не могло [8, с. 21].

В своей работе я использовал главным образом чисто юридический метод, а именно – сравнительно-правовой метод. Он, как известно, состоит в сопоставлении государственных и правовых систем, институтов и категорий в целях выявления черт сходства и различия между ними. Учитывая, что я

исследовал такой государственно-правовой институт, как гражданство, трудно найти более подходящий метод для работы подобного характера. Сравнивал я следующие положения: способы приобретения и получения гражданства, права и обязанности человека и гражданина, нормативную базу, механизмы защиты гражданина в международно-правовых конфликтах. Кроме сравнения, что вытекает из названия работы я также использовал метод анализа, состоящий в мысленном разделении объекта изучения с целью более подробного изучения отдельных его свойств и признаков. Аналитическая составляющая проявилась, главным образом, в более детальном рассмотрении механизма лишения гражданства, а также института двойного гражданства. Также в работе применялся исторический метод познания, так как элементы института гражданства рассматриваются через призму конкретно-исторических условий, в которых они принимались и с учетом политической и социальной обстановки в стране и мире.

В результате проделанной работы я пришел к следующим выводам. Правовой статус гражданина в СССР и РФ имеет много общего: существует целый ряд схожих положений, особенно по части прав и обязанностей граждан, способов приобретения гражданства, защиты граждан СССР за рубежом. Но все схожие положения являются таковыми главным образом ввиду того, что достаточно типичны для Конституций и других нормативных актов, отражающих правовое положение граждан, демократических государств. Трудно найти современное, развитое государство, в котором за гражданином не будут признаваться право на жилище, свободу вероисповедания, неприкосновенность личности и обязанности соблюдать законы, защищать отечество и платить установленные законом налоги и сборы. По моему мнению, различия нужно искать в других, менее классических положениях. И эти различия уже очень велики. Я выделю главные из них: запрет двойного гражданства; наличие механизма лишения гражданства; яркий идеологический окрас законодательства в целом, а в частности норм, регламентирующих правовой статус личности [3]. Полагаю, что именно эти положения позволяют определить основополагающие различия между гражданином СССР и гражданином РФ, из которых можно сделать закономерный вывод – в Российской Федерации гражданин обладает куда большими правами, нежели в Советском Союзе. Практически все стороны жизни человека тем или иным образом охраняются, путем закрепления в Конституции неотъемлемых и неотчуждаемых прав, которые не могут умаляться не при каких обстоятельствах. И хоть на практике в России соблюдаются в полной мере далеко не все заявленные в конституционном законодательстве положения, все же не стоит отрицать тот факт, что в СССР

наблюдались такие же проблемы, при том, что само по себе законодательство было менее демократичным и не уделяло столь пристального внимания реализации прав и свобод человека, их защите, на практике.

Список использованных источников:

1. Закон СССР «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик» от 19.08.1938 (ред. от 19.01.1961) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: consultant.ru.

2. Закон СССР «О гражданстве СССР» от 23.05.1990 № 1518-1 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: consultant.ru.

3. Закон СССР от 01.12.1978 № 8497-IX «О гражданстве СССР» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: consultant.ru.

4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) (ред. от 29.10.1976) [Электронный ресурс] // Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – Режим доступа: hist.msu.ru.

5. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (ред. от 14.03.1990) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: consultant.ru.

6. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: consultant.ru.

7. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 06.07.1923) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: consultant.ru

8. Сафронов, В.М. Конституция СССР и советское гражданство / В.М. Сафронов. – Москва: Юридическая литература, 1984. – 112 с.

9. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 № 62-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: consultant.ru.

10. Федеральный закон «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства» от 15.12.1996 № 152-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: consultant.ru.

ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПОБОЕВ В ОТНОШЕНИИ БЛИЗКИХ ЛИЦ КАК НАРУШЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РФ

© Л.В. Кухаренко

Научный руководитель: А.Б. Зенкина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Насилие в семье является важнейшей проблемой современного общества. Данная проблема была актуальна всегда и во всех культурах, обществах не зависимо от того, высокоразвито это общество или нет [9, с. 127]. Нельзя не отметить тот факт, что с каждым годом в России только возрастает количество случаев жестокого обращения в семье по отношению к ее членам, несмотря на то, что государство всячески пытается бороться с подобным проявлением насилия.

Данный факт подтверждается тем, что с 2016 года начался процесс декриминализации побоев в отношении близких лиц. Для начала выясним, что же такое декриминализация. Данный термин означает переход преступления небольшой тяжести из категории уголовно наказуемых деяний в категорию административных правонарушений [7, с. 51]. Необходимо отметить, что данный процесс противоречит Конституции РФ, затрагивает основные личные права и свободы граждан Российской Федерации. Именно поэтому данное явление имеет множество противоречий среди ученых, политических деятелей и населения в целом.

Декриминализация побоев в отношении близких лиц нарушает положения 21 и 22 статей Конституции РФ. В соответствии с 21 статьей Конституции РФ: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию» [3, ст. 21]. В.В. Невинский дает следующее определение термину «достоинство человека» – это неотъемлемое качество любого человека, независимое от воли других людей [6, с. 49]. В нашем случае,

посредством насилия, появляется непосредственная угроза человеческому достоинству. Человек, совершивший подобные действия, не должен остаться безнаказанным, а должен понести ответственность по для предупреждения совершения им дальнейших преступлений. А в нашем случае, посредством декриминализации, за его насильственные действия теперь наступает лишь административная ответственность, которая не наносит никакого вреда нарушителю, учитывая тот факт, что зачастую в нашей стране среднестатистическим гражданам безразлична ответственность, которая не отражает на нем наличие судимости, как это делает уголовная ответственность.

В свою очередь, статья 22 Конституции РФ гласит, что каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность [3, ст. 22]. "Личная неприкосновенность" означает, что никто не имеет прикасаться к телу человека без его согласия [5, с. 149]. "Насилие" и "унижающее человеческое достоинство обращение" включает в себя любой вид побоев, неважно – семейные они либо дружеские. Побои, как и любой вид насилия, должен оставаться – уголовным преступлением. Более того, чтобы остановить увеличение случаев семейного насилия – ответственность за нарушение личной неприкосновенности и насилие должна быть значительно увеличена.

Стоит отметить, что Европейская внешнеполитическая служба так же негативно отнеслась к данному процессу, раскритиковав российский закон о декриминализации побоев в семье. Генеральный секретарь Совета Европы Турбьерн Ягланд указал, что физическое и психологическое насилие над женщинами и детьми является тяжким преступлением и покушением на права человека. По его мнению, смягчение ответственности для преступников нанесет удар по борьбе с насилием в семьях [2, с. 91-92].

Необходимо обратить внимание на то, что частичная декриминализация произошла еще в июле 2016 года. Тогда были приняты резонансные поправки в ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации [10, ст. 116]. Далее, уже в конце января 2017 года Государственной Думой РФ был принят Федеральный закон №8 «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации», который был окончательно утвержден 7 февраля 2017 года [11]. Тогда же декриминализация побоев в семье и получила законодательное подтверждение. Целью данного явления являлось стремление упростить подачу жалоб в полицию. Часто, например, пострадавшая после побоев супруга не принимала никаких мер к обидчику, чтобы не доводить дело до уголовного наказания. Такое умалчивание приводило только к новым случаям домашнего насилия. Кроме этого, приступить к разработке законопроекта было необходимо, чтобы разгрузить суды от рассмотрения небольших уголовных

дел. Судопроизводство по мелким семейным конфликтам отнимало много времени и требовало оформления большого числа документов.

Важным условием декриминализации явилось то, что подобные случаи должны быть однократными. При повторении побоев в течение одного календарного года домашнего тирана накажут по уголовной статье. Но не значит ли это то, что теперь можно «один раз побить и за это ничего не будет»? Законодатель отмечает, что нет. Наказания, грозившего правонарушителю, будет вполне достаточно.

Следует отметить, что насилие в семье также имеет место в США, как и во многих странах. Здесь, как и в нашей стране, высоко ценятся неприкосновенность семьи, а также защита прав каждого из ее членов. Существует даже приют для избиваемых мужьями жен и их детей (шелтер), где они могут спрятаться, если сохраняется угроза их жизни [4, с. 105-106].

Что касается ответственности за подобные действия, то в США предусмотрена уголовная ответственность за побои в отношении близких лиц. Причем, как нам известно, в США нет общенационального уголовного кодекса, тем не менее, во всех штатах имеется ряд законов, предусматривающих ответственность за побои в семье [8, с. 165]. Однако в некоторых штатах, таких как Джорджия, Невада, Айдахо все же присутствует практика отнесения побоев к административным проступкам, если такие действия не нанесли существенного вреда здоровью, совершены без применения оружия и без иных отягчающих обстоятельств, что свидетельствует о явном нарушении прав человека и гражданина.

В заключение следует подчеркнуть, что жизнь и здоровье человека являются высшими конституционно-правовыми ценностями общества и государства в целом. Они принадлежат человеку от рождения, неотчуждаемы и непередаваемы [1, с. 43]. Именно поэтому насильственные действия, направленные на членов семьи должны быть уголовно наказуемыми. На мой взгляд, принятие закона о декриминализации побоев в отношении близких лиц является нецелесообразным, а также нарушающим конституционные основы, так как административное наказание, грозившее виновному, является менее тяжким, чем уголовное, что наталкивает тиранов на совершение насильственных действий в пользу своих родных, на их жизнь и здоровье.

Список использованных источников:

1. Боков, Ю. А. Право на человеческое достоинство / Ю. А. Боков // Современные наукоемкие технологии. – 2005. – №1. – С. 43–45.

2. Игумнова, Л. О. Образ нормативной силы Евросоюза в заявлениях Европейской внешнеполитической службы / Л. О. Игумнова // Современная Европа. – 2017. – №6. – С. 81–93.

3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 – ФКЗ) // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Лысова, А. В. Системы реагирования на домашнее насилие: опыт США / А. В. Лысова // Социологический журнал. – 2003. – № 3. – С. 99–115.

5. Максимова, О. В. Категория «неприкосновенность частной жизни» в российском уголовном праве / О. В. Максимова // Общество и право. – 2016. – №2. – С. 146–151.

6. Невинский, В. В. Конституция Российской Федерации и достоинство человека (воспоминание о будущем) / В. В. Невинский // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 48–54.

7. Нечаев, А. Д. К вопросу о понятии криминализации и декриминализации: уголовно-политическая концепция / А. Д. Нечаев // Государство и право. – 2017. – № 4. – С. 49–55.

8. Сабанин, С. Н. Декриминализация побоев: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки человека / С. Н. Сабанин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 2. – С. 160–166.

9. Сланова, А. Ю. Насилие в семье как социальная проблема в современной России / А. Ю. Сланова // Дискуссия. – 2015. – № 10. – С. 127–131.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.06.1996 № 13-ФЗ (в ред. от 27.12.2018). // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

11. О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСПЛАНТАЦИИ В МИРЕ И РОССИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

© П.А. Суздалева

Научный руководитель: А.Б. Зенкина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Трансплантация органов – это замещение отсутствующих или необратимо повреждённых тканей или органов собственными тканями либо тканями (органами), взятыми от другого организма [4].

Трансплантология занимается проблемой трансплантации органов, и созданием искусственных органов. Донором является человек, от которого берут материал для трансплантации, а реципиентом является человек, которому приживляют пересаживаемые органы. Также существуют следующие виды трансплантации: ксенотрансплантация, аллотрансплантация, аутооттрансплантация и т.д.

В Законе РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» говорится, что трансплантация органов и (или) тканей от живого донора или трупа может быть применена только в случае, если другие медицинские средства не могут гарантировать сохранения жизни больного (реципиента) либо восстановления его здоровья [2, ст. 9]. Изъятие органов допускается, если по заключению консилиума врачей-специалистов в области трансплантации не будет причинен вред донору. Пересадка органов может осуществляться только с письменного согласия донора и реципиента. Торговля органами и тканями донора запрещена на территории РФ. Лица, совершившие такие противоправные деяния, подлежат уголовной ответственности. В ряде европейских стран, человек считается донором органов по умолчанию. Если же европеец не желает быть донором органов, он должен официально заявить об этом. В США ситуация противоположная. Так, каждый потенциальный донор обязан проинформировать власти о желании стать донором, и оформить все необходимые документы для этой процедуры.

В настоящее время трансплантация органов умерших людей в США осуществляется случайным отбором. Умершие доноры должны соответствовать следующим требованиям: 1) доноры должны быть сравнительно молодыми, 2) доноры должны быть здоровыми до момента смерти. Процесс изъятия органов в США начинается с того, что больница, в которой умер или умирает пациент, информирует местную организацию по снабжению органами. После

получения информации от больницы о наличии потенциального донора, специалисты организации выясняют «медицинскую пригодность» доноров, анализируя здоровье, возраст, причину смерти и т.д. После этого организация обращается к родственникам умершего для получения разрешения на изъятие и дальнейшую пересадку органов. В отличие от России в США, для того чтобы провести трансплантацию достаточно, чтобы покойный добровольно прошел регистрацию на донорство органов [1]. Также как и в России, в США запрещена торговля органами на законодательном уровне. Вопросы трансплантации органов регулируются Национальным законом о трансплантации органов, принятом в 1984 году [3, с. 31].

Одной из главных проблем, рассматриваемых трансплантологией, является проблема забора органов, а именно является ли донор живым или мертвым по время проведения процедуры.

Если пересаживать органы от живого человека, то велика вероятность причинения вреда его здоровью.

Правовое регулирование забора тканей или органов у донора зависит от того, является ли донор живым или умершим человеком. В трансплантологии соблюдение этического принципа «не навреди» в случаях, когда донором является живой человек, оказывается практически невозможным. Тем самым возникает противоречием между моральными принципами «не навреди» и «твори благо». С одной стороны пересадка органа или ткани является «благом» для реципиента, но с другой стороны живому донору наносится «вред» не только физически, но и морально. При реализации живого донорства должно действовать правило: получаемая польза должна превышать причиняемый вред.

По российскому законодательству в качестве живого донора может выступать только родственник реципиента и обязательным условием, как для донора, так и для реципиента является добровольное информированное согласие на проведение трансплантации [5].

Также существует и такая проблема, как дефицит органов. Её пытаются решить различными путями от создания искусственных органов и тканей до агитации населения на пожертвования. Появляются различные исследования для возможности трансплантации органов животных, и заменять ими человеческие. Но при этом значительной этико-психологической проблемой является принятие личностью органа животного как своего, осознание своего организма как целостного, истинно человеческого даже после пересадки в него какого-либо органа животного.

Несмотря на запрет продажи и реализации органов в РФ и ряде других стран никто не отрицает, что из-за таких запретов процветает «черный» рынок донорских органов и тканей. Эта область торговли является неконтролируемой.

Список использованных источников:

1. Европейская и американская системы пересадки человеческих органов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.likar.info/hirurg/article-42965-evropejskaya-i-amerikanskaya-sistemy-peresadki-chelovecheskih-organov/>

2. Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (в ред. от 23.05.2016) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru..>

3. Минина, М.Г. Разработка и внедрение в практику здравоохранения инновационной модели донорства органов: Диссертация на соискание ученой степени доктора медицинских наук/ М.Г. Минина – М., 2016.- 305 с.

4. Трансплантация. Большая российская энциклопедия – электронная версия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/medicine/text/4199880>

5. Жарова М. Этические проблемы трансплантации органов и тканей. 01.09.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/>.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

© А.В. Уткин

Научный руководитель: В.В. Кровельщикова

канд. юрид. наук

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В настоящее время многими государственными, политическими и общественными деятелями высказываются различные точки зрения о реформировании политико-территориального устройства России. В частности, озвучиваются предложения по объединению Амурской области и Еврейской автономной области, Алтайского края и республики Алтай, Архангельской области и Ненецкого АО. В то время как противники подобных реформ полагают, что политика объединения регионов нецелесообразна, а проведенные в середине 2000-х годов преобразования не оправдали себя.

Характерной чертой территориального развития России является деление всех регионов на две группы: «богатые» и «бедные». Прочное финансовое положение первой группы регионов обусловлено, как правило, масштабной добычей на их территории различных природных ресурсов. Налоги, поступающие от экономической деятельности предприятий в данных регионах, во многом определяют полноту федерального бюджета. Экономическое благополучие «бедных» регионов, которые также называют дотационными или регионами-реципиентами, зависит от получаемых ими дотаций из федерального бюджета. Подобная экономическая дифференциация регионов заставляет правительство думать о проведении территориальной реформы, которая путем объединения бедных регионов с богатыми позволит выровнять экономические показатели в стране.

Рассматривая итоги проводимых в России в 2000-е годы территориальных преобразований, можно сказать, что в целом экономическое развитие объединенных субъектов улучшилось по сравнению с показателями до их объединения. В частности, произошло увеличение государственных программ финансирования экономической сферы. К примеру, в Камчатском крае к 2009 году объемы финансирования по Программе поддержки малочисленных народов Севера за 5 лет возросли более чем в 7 раз [5, с. 303]. Помимо этого, произошло снижение уровня бедности и увеличение доходов населения. Так, в Пермском крае спустя несколько лет после объединения регионов средняя заработная плата выросла от 2 до 2,5 раз.

Тем не менее, возникает вопрос, почему реализация программ государственного финансирования не могла происходить в субъектах без их объединения с другими? Более того, по мнению некоторых авторов, снижение бедности в этих регионах – это не результат их объединения, а следствие повышения уровня жизни в стране в рассматриваемые годы. Важно также учитывать, что объединение экономически развитых регионов с менее развитыми предполагает не только улучшение экономической ситуации региона-реципиента, но и ухудшение финансовых показателей «богатого» региона, что не может не вызывать недовольство среди руководства субъекта и его жителей. К примеру, довольно болезненно происходило объединение Красноярского края с Эвенкийским и Таймырским автономными округами. Несмотря на наличие больших запасов природных ресурсов на данных территориях, экономическая целесообразность создания столь крупного субъекта федерации вызывала большие опасения как на уровне субъектов, так и на федеральном уровне. Кроме того, была вероятность потерять существовавшие до объединения

регионов дотации, а также специальные льготы и надбавки к заработным платам.

В настоящее время в рамках территориального развития России среди прочих актуален вопрос объединения Тюменской области, Ханты-Мансийского АО и Ямало-Ненецкого АО. Главным аргументом против создания такого «супер-субъекта» является сложность организации власти на данной территории. Общая площадь трех субъектов составляет около 1,5 млн км², а большая часть их территории труднодоступна. Создание единой территориальной единицы с центром в Тюмени может значительно усложнить регулирование нефте- и газодобычи, а также препятствовать осуществлению политики в сфере защиты национальных меньшинств, так как на территории трех указанных субъектов приживает более 140 национальностей и народностей [1].

Существование автономных округов в составе областей (ХМАО и ЯНАО в составе Тюменской области и НАО в составе Архангельской) видится на сегодняшний день наиболее эффективным способом управления данными территориями ввиду ряда факторов. Более того, для оптимизации управления регионами в 2000 году были созданы Федеральные округа, возглавляемые полномочными представителями Президента. Их деятельность направлена на осуществление контроля за реализацией основных направлений политики государства и исполнением законов, принятых на федеральном уровне [7].

Российская Федерация является самым многонациональным государством в мире. На сегодняшний день, согласно последней проведенной всероссийской переписи населения, на ее территории проживает более 190 народов [6]. Эта особенность непосредственно влияет на проводимую государством внутреннюю политику и определяет территориальное деление страны. Практически все республики и автономные округа, находящиеся в составе России, образованы по национальному признаку. Национальная самоидентификация субъектов может препятствовать реформированию административно-территориального деления страны.

С подобной проблемой Россия столкнулась при проведении территориальной реформы в начале 2000-х годов. К преобразованиям негативно отнеслись жители Коми-Пермяцкого, Корякского, Агинского Бурятского и других автономных округов. По их мнению, слияние субъектов могло привести к потере национальной самобытности, утрате прав малочисленных народов, закрепленных в местных Уставах, потере определенных льгот [5, с. 301]. В автономных округах активно проводились мероприятия против их объединения. Так, в 2003 году в Усть-Ордынском Бурятском АО был проведен Всебурятский съезд, который потребовал от Правительства РФ не допустить их объединения

с Иркутской областью [2]. Недовольны оказались и жители Эвенкии, так как в Уставе Красноярского края не было раскрыто понятие «особого статуса» национальных меньшинств.

Итоги проведенных преобразований были неоднозначны. К примеру, жители Коми-Пермяцкого округа – ныне территориальной единицы Пермского края отмечают, что население округа в период с 2005 года снизилось на 15%, а территория, постепенно теряя свою уникальность, утрачивает особый статус [4].

Таким образом, опыт проведения территориальных реформ в России показывает, что преобразование национальных автономий требует от государства более внимательного отношения к мнению граждан, учета особого статуса малочисленных народов.

История показывает, что территориальное реформирование федеративных государств – довольно редкое явление. Так, последнее изменение количества штатов в США произошло в 1959 году, когда Аляска и Гавайи были наделены статусом штатов. Объединений штатов за всю историю существования США не происходило и вовсе. Случаи преобразований административно-территориального деления в Швейцарии, Германии и Бразилии являлись скорее единичными и не всегда приводили к положительным результатам.

Проведенные в России в начале 2000-х годов территориальные реформы можно было оправдать стремлением исправить возникшие социальные, экономические и политические противоречия, выявившиеся после создания фактически нового государства в связи с распадом СССР и принятием новой Конституции. Однако на сегодняшний день в России нет веских причин форсировать территориальные реформы. Напротив, постоянные изменения могут привести к снижению эффективности управления субъектами из центра и потребовать значительных затрат из федерального бюджета, а реформирование национальных автономий может нарушить права малочисленных народов. Тем более, опыт проведенных преобразований в 2000-е годы показал, что объединение субъектов в итоге не стало причиной улучшения уровня жизни населения новообразованных регионов.

Важно отметить, что на сегодняшний день наиболее эффективным и наименее затратным способом преобразования административно-территориального деления страны является изменение состава федеральных округов Российской Федерации. Так, Президент России включил Республику Бурятия и Забайкальский край в состав Дальневосточного федерального округа. До 3 ноября 2018 года оба региона входили в Сибирский федеральный округ. Главы Забайкалья и Бурятии решение президента одобрили, заявив, что

«юрисдикция ДФО имеет преимущества» в виде «мер поддержки в экономической и в социальной сферах» [3].

Таким образом, на сегодняшний день территориальное развитие Российской Федерации должно строиться путем совершенствования существующих отношений между федеральным центром и субъектами, повышения эффективности регулирования деятельности регионов через институт федеральных округов, а также путем развития экономических и социальных проектов на всей территории страны.

Список использованных источников:

1. В Тюменской области живут представители более 140 национальностей // URL: <https://ria.ru/society/20120320/603010397.html> (Дата обращения: 07.04.2019)

2. Всебурятский съезд выступил против объединения Усть-Орды с Иркутской областью. // URL: <https://www.infpol.ru/166775-vseburyatskiy-sezd-vystupil-protiv-obedineniya-ust-ordy-s-irkutskoy-oblastyu/> (Дата обращения: 09.04.2019)

3. Дальний Восток прирос Сибирью // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3791946> (Дата обращения: 09.04.2019)

4. Коми 10 лет спустя: умирает слабейший?.. // URL: <http://zvzda.ru/articles/b6996c113ebc> (Дата обращения: 09.04.2019)

5. Лебедева Е.Б. Опыт объединения субъектов в РФ: проблемы и предварительные итоги // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. № 1. С. 297-309.

6. Перепись 2010: этнический срез // URL: http://www.perspektivy.info/history/perepis_2010_etnicheskij_srez_2013-04-28.htm (Дата обращения: 08.04.2019)

7. Указ Президента РФ от 13.05.2000 № 849 (ред. от 03.11.2018) "О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе" // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102065756> (Дата обращения: 08.04.2019)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА**

**ЛЕГАЛЬНЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ
КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ**

© О.С. Алексеева

Научный руководитель: А.О. Астахова

канд. юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД РФ

В современном мире невозможно представить многие направления деятельности без контролируемого использования веществ, находящихся по сути в запретительном поле. В первую очередь речь идет о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах (далее по тексту – НС и ПВ), имеющие двойственную природу. С одной стороны, в силу лечебных свойств они являются неотъемлемым элементом системы здравоохранения. С другой стороны, их неконтролируемый оборот приводит к серьезнейшим социальным издержкам, сопряженным, в частности, с наркоманией и немедицинским потреблением [2, с. 27].

К сожалению, ни для кого не секрет, что в последнее время в современном обществе наблюдается стремительный рост правонарушений в сфере легального оборота НС и ПВ и их ПРЕКУРСОРОВ (далее по тексту – ЛОН). Все чаще и чаще в СМИ обсуждаются вопросы ЛОН. Связано это с тем, что ныне все больше нарушается установленный законом порядок осуществления ЛОН. Также, нередки случаи, когда «легальный оборот перерастает в нелегальный».

На сегодняшний день, значительное число юридических исследований посвящено борьбе с незаконным оборотом наркотиков [1, с. 264-265]. Отдельные направления деятельности, связанной с оборотом наркотиков рассматриваются в отдельных статьях [3; 4, с. 136; 5, с.124]. Однако в современной юридической науке не обращается внимание на то, что ЛОН требует комплексного рассмотрения в рамках теории административно-правовых режимов, так как легальный оборот наркотиков представляет собой сложную систему, наделенную своими субъектами, своими режимными правилами, своей спецификой.

По нашему мнению, недостаточная теоретическая разработанность вопросов, связанных с правовым регулированием ЛОН, говорит нам о том, что на практике возникает немалый ряд неразрешенных проблем, который «тормозит» совершенствование ЛОН в Российской Федерации, сокращая и без того тонкую грань между легальным и нелегальным оборотом НС и ПВ. Детальное рассмотрение ЛОН как специализированного административно-правового режима позволит наиболее полно рассмотреть оборот наркотиков как

отдельную разрешенную и контролируруемую государством деятельность, выявить основные условия правомерности такого оборота, определить основные проблемы, возникающие в ходе реализации режима легального оборота наркотиков.

Под оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров понимается культивирование растений, разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование, ввоз на таможенную территорию Российской Федерации, вывоз с таможенной территории Российской Федерации, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, разрешенные и контролируемые в соответствии с законодательством Российской Федерации (Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»).

Одну из проблем в сфере ЛОН составляет то, что, несмотря на четкую регламентацию основных положений, связанных с легальной деятельностью в сфере оборота НС и ПВ, незаконный оборот наркотиков уже на протяжении долгого времени признается одним из основных источников угроз безопасности страны. Действующая на сегодняшний день Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683) продолжает мысль, закрепленную в утратившем силу документе, дополняя ее положением, что угрозами национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан являются, помимо прочих, наркомания и алкоголизм, доступность психоактивных и психотропных веществ для незаконного потребления. Соответственно, противодействие такой угрозе национальной безопасности, а именно: создание барьеров для правонарушителей, будет являться важной сферой жизнедеятельности. Особое значение приобретает в таком случае регулирование процессов легального оборота с целью недопущения выхода наркотиков в нелегальный оборот.

ЛОН действительно представляет особый административно-правовой режим, который устанавливается с целью обеспечения управляемости различными процессами, связанными с оборотом НС и ПВ, а также создание барьеров для правонарушителей в области противодействия наркоугрозе, а, в конечном счете, в области обеспечения здоровья населения. Административно-правовой режим легального оборота наркотиков можно определить как специальный правовой порядок, устанавливаемый в соответствии с законодательством для регулирования легальной (правомерной) деятельности, связанной с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их

прекурсоров, а также для предотвращения выхода указанных веществ в незаконный оборот.

Специфика режима ЛОН состоит в том, что: 1) данная деятельность осуществляется в строгом соответствии с Российским законодательством, а также международными обязательствами России в данной сфере; 2) все операции в сфере ЛОН базируются на разрешительной основе (т.е. лицензирование); 3) деятельность в сфере ЛОН осуществляется в отношении предмета ЛОН (а именно в отношении НС и ПВ); 4) данную деятельность осуществляют специальные субъекты; 5) специфичная конечная цель деятельности в сфере ЛОН, которая указана в ст. ст. 31-36 ФЗ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ: а) использование в медицинских целях, для лечения больных; б) использование в ветеринарии; в) использование в научных и учебных целях; г) использование в экспертной деятельности; д) использование в оперативно-розыскной деятельности.

В России разрешен оборот только тех НС и ПВ, которые внесены в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, кроме Списка I. В соответствии с федеральным законодательством, их оборот осуществляется только при наличии лицензии на данный вид деятельности. Но недостаточно лишь получить лицензию, необходимо правильно вести учет подконтрольных веществ. Предметно-количественному учету подлежат наркотические средства, психотропные вещества, ядовитые и сильнодействующие вещества, а также этиловый спирт и др. Любые операции с подконтрольными веществами подлежат регистрации в специальных журналах, которые хранятся в течении 10 лет после внесения в них последней записи. Правила ведения и хранения специальных журналов регистрации операций, связанных с оборотом НС и ПВ, утверждены постановлением Правительства РФ от 04 ноября 2006 г. № 644.

Нарушение лицензионных требований и условий при работе с наркотическими средствами влечет за собой как административную, так и уголовную ответственность. Так, в соответствии с КоАП РФ, за грубые нарушения при работе с наркотическими средствами предусмотрен административный штраф. Также, существует такая мера наказания как приостановление деятельности (то есть фактическая остановка производства и функционирования организации), которая применяется исключительно по решению суда.

Следующая проблема заключается в том, что слишком большое количество НПА, зачастую несогласованных между собой, регламентируют ЛОН. Иными словами, правоприменительно в сфере ЛОН для того, чтобы осуществлять свою деятельность, зачастую приходится обращаться к различным НПА, будь то Федеральный закон, Указ Президента, Приказ МВД, Приказ

Минздрава и т.д. К сожалению, на практике нередки случаи, когда при наличии огромной правовой базы, правоприменитель попросту не может правильно сориентироваться. Процесс индустриализации может породить такую проблему как динамика законодательства в сфере НС и ПВ – за изменениями зачастую бывает сложно уследить. Помимо этого, ряд положений различных НПА могут быть не согласованы между собой, либо регулироваться лишь частично. Так, порядок хранения НС и ПВ сформулирован в различных по своей природе и юридической силе НПА, которые устанавливают различный порядок хранения для одинаковых веществ в различных случаях: в случаях хранения в лечебных учреждениях, в случаях хранения в фармацевтических организациях или в случаях хранения в качестве вещественных доказательств по уголовным делам и делам об административных правонарушениях.

Одна из проблем, заслуживающей особо пристального внимания, по нашему мнению, заключается в том, что необходимо разработать отдельный нормативно-правовой акт, который бы регулировал оборот НС и ПВ в научных, учебных и экспертных целях.

Несмотря на все выше проанализированные недостатки в сфере ЛОН, государством обеспечены максимально возможные меры по недопущению перехода НС и ПВ из легального оборота в нелегальный. В качестве вывода следует отметить, что в настоящее время следует усовершенствовать разработанную систему мер, направленную на оптимизацию организации легального оборота НС и ПВ, соблюдая концепцию недопущения перехода лекарственных наркотиков из легального оборота в нелегальный, то есть необходимо найти соответствующий баланс между участниками легального оборота НС и ПВ.

Список использованных источников:

1. Алиев, А.Н. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ /А.Н. Алиев // Молодой ученый. – 2012. – №4.
2. Астахова, А.О. Понятие и значение легального оборота наркотиков в Российской Федерации / А.О. Астахова // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». – 2018. – №11.
3. Горничар, Г.М. Пробелы в статье 230 УК РФ: склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ / Г.М. Горничар // Право и политика. – 2011. – №9.
4. Кромова, А.Я. Контрабанда наркотиков (статья 229.1 УК РФ): монография / Под ред. С.М. Кочои. – М.: Проспект, 2014.

5. Савчишкина, О.Г. Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры: уголовно-правовое и криминологическое исследование / О.Г. Савчишкина. – Уфа: УЮИ МВД России, 2013.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

© К.М. Алыева

Научный руководитель: А.О. Астахова

канд. юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД РФ

Документационное обеспечение управления на сегодняшний день является одним из важнейших компонентов управленческой деятельности в органе или организации. Важная роль делопроизводства заключается в его сохранении – документационном обеспечении любых процессов управления. В соответствии с ГОСТом Р70.8-2013 делопроизводство определяется как деятельность, которая обеспечивает документирование, документооборот, оперативное хранение документов и использование документов.

Это область компетенции целого ряда органов государственной власти и управления. Система этих органов устанавливает правила, нормативы и стандарты, что, в свою очередь, позволяет создать единую систему делопроизводства.

Документационное обеспечение управленческой деятельности характерно для любых органов и организаций. Независимо от вида учреждения, органа наличие исходных принципов делопроизводства обязательно для всех. Можно с уверенностью говорить о том, что требования к осуществлению документирования в наиболее важных областях государственного управления являются общими. Но есть ли различия?

В ходе написания данной работы были изучены Инструкция по делопроизводству в органах внутренних дел и Типовая инструкция по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти.

Основным отличием документационного обеспечения управления в органах внутренних дел от делопроизводства органов исполнительной власти, да и всех других органов и организаций «гражданской» направленности, является то, что Инструкция по делопроизводству в органах внутренних дел

представляет свое определение делопроизводству, под которым понимается деятельность, обеспечивающая сознание официальных документов и организацию работы с ними в органах внутренних дел [2, с. 28].

Основные требования к оформлению документов явных отличий не имеют. Оформление любых документов должно осуществляться с соблюдением следующих правил: обеспечение юридической силы документов, оперативное и качественное их выполнение и поиск, возможность обработки с помощью средств вычислительной техники. Текст, в свою очередь, всегда отражает его основное смысловое содержание – управленческое действие, решение. При этом ни один документ не должен противоречить законодательным и иным нормативным правовым актам Российской Федерации, должен быть написан официально-деловым стилем, а его содержание должно быть логичным, кратким и точным, исключая неоднозначное толкование. В документах не должно быть помарок и исправлений.

Известным для всех правилом является то, что печатание документов осуществляется на стандартных листах бумаги формата А4 (210 x 297 мм).

Любой документ должен иметь установленный комплекс обязательных реквизитов с соблюдением порядка их расположения. Состав реквизитов, которые используются при подготовке и оформлении документов, определяется ГОСТом 6.30-2003. Кроме этого, данный ГОСТ устанавливает требования к оформлению реквизитов, закрепляет схемы их расположения и выделяет реквизиты, которые должны использоваться при изготовлении бланков документов. Всего существует 30 реквизитов. Необходимо помнить, что различные документы состоят из разного набора реквизитов и что при составлении одного вида документа не нужно использовать их все. Некоторые реквизиты являются взаимоисключающими.

В приказе МВД России от 20.06.2012 №615 «Об утверждении инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации» названо также 30 реквизитов, но по нумерации их 31. При оформлении документов в органах внутренних дел не используется реквизит 02 (герб субъекта Российской Федерации). Дополнительно к данному списку реквизитов, под номером 31 идет реквизит «гриф ограничения доступа к документу». Данная отметка проставляется на документах, содержащих информацию, составляющую служебную тайну, иную конфиденциальную информацию, в том числе персональные данные. Гриф ограничения доступа проставляется на первом листе документа: «Особой важности», «Совершенно секретно», «Секретно», «Для служебного пользования».

Оформление реквизитов в процессе подготовки документов в федеральных органах исполнительной власти также определяется ГОСТом Р6.30-2003. Типовая инструкция содержит в своем списке 27 реквизитов, наименования которых немного отличаются от реквизитов, используемых при составлении документов в органах внутренних дел. Типовая инструкция не исключает использование всех реквизитов, указанных в ГОСТе, а просто объединила некоторые из них для удобства составления и оформления документов в федеральных органах исполнительной власти.

Такие распространенные и наиболее известные всем реквизиты как дата, подпись, текст, оттиск печати, вид документа и другие, значимых различий не имеют.

Дата в любом документе может быть указана двумя способами: цифровым, где день месяца и месяц оформляются двумя парами арабских цифр, разделенными точкой, а год – четырьмя арабскими цифрами, и словесно-цифровым, например «1 января 2019 года».

Обе инструкции подробно расписывают порядок оформления отдельных видов документов, но помимо этого, особое внимание уделяется организации документооборота, который представляет из себя движение документов в организации с момента их получения или создания до момента их отправки или уничтожения. Всегда главным правилом организации документооборота, независимо от вида организации или органа, является оперативное прохождение документа по наиболее короткому и прямому маршруту с наименьшими затратами времени. Это правило обеспечивается за счет соблюдения принципов организации документооборота: централизации операций по приему и отправки документов, распределения документов на документопотоки, имеющие одинаковый маршрут (маршрутизация документов), исключения возвратных движений документов, однократности регистрации документов, регламентации операций по обработке, рассмотрению и согласованию документов.

В свою очередь, инструкция по делопроизводству в органах внутренних дел особое внимание уделяет документопотокам, которые являются составляющей частью документооборота, отличающиеся определенным направлением движения документной информации. В инструкции подробно расписаны стадии работы с входящими, исходящими и внутренними документами. При организации документооборота в структурных подразделениях органов внутренних дел реализуется принцип централизации операций по приему и отправке документов.

Регистрация документов в органах внутренних дел и в федеральных органах исполнительной власти также не имеет особых различий, но особое внимание хотелось бы уделить регистрации поступивших документов. Типовая инструкция говорит о том, что документы регистрируются один раз – в день поступления. Инструкция по делопроизводству в органах внутренних дел указывает о следующих сроках: документы вышестоящих органов государственной власти с отметками «Срочно», «Оперативно», документы со сроком исполнения в текущий или следующий день, а также документы, содержащие информацию о совершенных или готовящихся преступлениях, – незамедлительно (не более 1 часа с момента поступления); иные документы, поступившие в рабочее время, – в день поступления, поступившие в нерабочее время, – на следующий рабочий день.

При сравнении инструкций были выявлены отличия, в большей степени касающиеся специфики направления деятельности органов внутренних дел и федеральных органов исполнительной власти.

Органы внутренних дел – это структурное звено системы государственных органов, которые осуществляют особый вид государственной службы. При этом, несмотря на то, что органы внутренних дел могут быть рассмотрены с общей точки зрения, необходимо помнить, что в связи с особенностями функционирования и в связи со специфическими направлениями деятельности, органы внутренних дел традиционно входят не просто в общую систему государственных органов, но еще и признаются частью системы правоохранительных органов, что также накладывает определенный отпечаток на документационное обеспечение управления в органах внутренних дел [1, с. 9].

Необходимо сказать о том, что явных отличий делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти и органах внутренних дел установлено не было, именно поэтому можно говорить о том, что при документообороте в различных органах, организациях необходимо руководствоваться базовыми правилами и принципами при создании и использовании различных документов. Нельзя не сказать о том, что и Типовая инструкция, и Инструкция по делопроизводству в органах внутренних дел требуют доработок и устранения мелких недочетов, что является более широким вопросом для написания новой научной работы.

Список использованных источников:

1. Атанов Р.А. Документирование в правоохранительной деятельности // Документационное обеспечение организационной и производственной

деятельности Сборник материалов региональной научно-практической конференции. 2015.

2. Кушнерук С.П., Тюрикова Н.А. Делопроизводство и архивное дело: развитие национальной отраслевой терминологии (на материале терминологических стандартов России) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 2 (18).

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© Н.А. Бирева

Научный руководитель: М.А. Ефремова

д-р. юрид. наук

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия

Данная работа посвящена рассмотрению судебной практики в механизме правового регулирования административных отношений.

В настоящее время особое значение приобретает вопрос судебной практики в механизме правового регулирования административных отношений.

Так как в праве активно применяется судебная реформа, в связи с чем полагаем актуальным изучить и исследовать область административных правоотношений, с учетом изменяющейся судебной практикой.

Любая отрасль российского права регулирует определенные правоотношения, т.е. отношения урегулированные нормами права. Так какие же правоотношения регулирует административное право?

Прежде всего следует указать, что административное право – это самостоятельная отрасль правовой системы России. Отрасли права отличаются друг от друга по предмету и методу правового регулирования.

Административно-правовые отношения – это урегулированные нормами административного права общественные отношения, складывающиеся в сфере деятельности исполнительной власти.

Особенностью юридических фактов по административному праву является то, что основным видом правомерных действий служат правовые акты субъектов исполнительной власти, имеющие индивидуальный, то есть относящийся к конкретному адресату и делу, характер. Административные правоотношения урегулированы административным правом. Общественные отношения становятся административно-правовыми благодаря регуляции со стороны административного права. Следовательно, административное право

является неперенным и обязательным условием возникновения, изменения и прекращения административных правоотношений [1].

Судебная практика представляет собой как вид судебной деятельности, осуществляющий применение правовых норм, так и совокупность право положений. Судебная деятельность по применению правовых норм связана с выработкой определенных правоотношений на основе раскрытия смысла и содержания норм [2].

В Российской Федерации выделяют две формы выражения судебной практики:

- Руководящие разъяснения, выдаваемые Пленумом Верховного Суда Российской Федерации по вопросам применения законодательства при рассмотрении конкретных дел;

- Принципиальные решения по конкретным делам судов разных уровней, которые называются прецедентом толкования.

Обе эти формы оказывают определенное воздействие на функционирование механизма правового регулирования.

Вопрос о месте и роли судебной практики в механизме правового регулирования административных отношений является весьма дискуссионным, и как отмечают многие исследователи, практически неразработанным в науке административного права. Как правило, выделяются три формы влияния судебной практики на механизм правового регулирования общественных отношений:

- судебный прецедент,
- разъяснения высших судебных инстанций по вопросам судебной практики,
- решения судов о признании нормативных правовых актов незаконными.

В.Г. Трепель, М.А. Шишов, Е.В. Шумилина считают, что судебная практика, не являясь формально-юридическим источником административного права, оказывает существенное влияние на толкование административно-правовых норм и порядок их применения.

А.П. Анисимов, Р.Г. Мельниченко признают источником права не только судебные акты негативного нормотворчества, но и решения высших судебных инстанций по конкретным делам.

Решения Конституционного суда Российской Федерации как источник административного права обусловлено тем, что Определения и Постановления Конституционного суда, как высшего органа конституционного надзора вступают в силу немедленно и обжалованию не подлежат.

Необходимо отметить, что регулирование административных правоотношений сопровождают процессы, которые могут быть урегулированы посредством систематизации административного законодательства, как на уровне субъектов Российской Федерации, так и на федеральном уровне [4].

К источникам административного права относятся решения Верховного Суда Российской Федерации. В дальнейшем суды общей юрисдикции при рассмотрении аналогичных дел учитывают, что действующее законодательство в области связи и Административный регламент Федеральной службы по надзору в сфере связи по исполнению государственной функции по осуществлению лицензирования деятельности не содержат оснований для отказа в аннулировании лицензии по заявлению ее владельца.

Например, Постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.10.2011 № 6255/11 по делу № А40-135203/10-106-874 признан недействующим пункт 16 части 7 статьи 11 Закона г. Москвы от 20.12.2006 № 64 «О лицензировании и декларировании розничной продажи алкогольной продукции» [5].

Источниками административного права являются также решения и иных судов. Например, Решением Вологодского областного суда от 21.01.2018 по делу № 3-1/2018 признан недействующим абзац 6 пункта [6].

Итак, судебные прецеденты регулируют административные отношения, в качестве источника административного права вопрос о судебном прецеденте решен в положительную сторону правоприменительной практикой. Поэтому, анализируя научные мнения ученых, о необходимости официального признания судебного прецедента источником административного права. Это послужит дальнейшему совершенствованию системы источников административного права Российской Федерации и позволит решить вопросы об обязательном опубликовании всех решений судов.

Появлению судебной практики в качестве самостоятельного элемента в механизме правового регулирования административных отношений способствовала несовершенство законодательства в сфере административного права, а также усиленное влияние судебной власти и рост ее независимости. Кроме этого усиленное влияние судебной практики и ее участие в регулировании административных отношений является результатом развития демократических начал, потому что судебная практика оказалась способна отражать не только государственные, но также и публичные интересы. Судебная практика как источник административного права представляет собой совокупность не всех судебных решений, а только тех судебных решений, которые имеют прецедентный характер.

Список использованных источников:

1. Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации. М., 2014.
2. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 2016.
3. Ноздрачев А. Ф. Административное право: Фундаментальный курс. – М., 2016.
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.10.2011 № 6255/11 по делу № А40-135203/10-106-874\\Электронный ресурс – Режим доступа свободный.
5. Решение Вологодского областного суда от 21.01.2018 по делу № 3-1/2018\\Электронный ресурс. Режим доступа свободный.

**К ВОПРОСУ О ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

© В.Д. Зенин

Научный руководитель: А.О. Астахова

канд. юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД РФ

Органы внутренних дел, в том числе полиция, наделены особыми полномочиями, которые позволяют выполнять возложенные на них задачи. К числу основных задач полиции относится защита личности, общества, государства от противоправных посягательств. Для выполнения такой задачи (как и ряда других) сотрудники органов внутренних дел наделяются широким инструментарием мер государственного принуждения. В целях предотвращения злоупотреблений полномочиями и соблюдения необходимого равновесия между имеющимися полномочиями и законностью их применения разработан существующий механизм дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел.

Вместе с тем огромное значение имеет соблюдение внутренней служебной дисциплины – поддержание установленного порядка прохождения службы. В юридической литературе отмечается, что «требование надежной защиты прав и свобод граждан, соблюдения служебной дисциплины, повышения авторитета и эффективности федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью, диктует необходимость создания такой правовой процедуры, которая бы обеспечивала режим законности в государственном аппарате» [4, с. 382-384]. В этом случае институт

дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел выступает необходимым и полезным инструментом, обеспечивающим реализацию возложенных на органы внутренних дел обязанностей и прав, а также соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Деятельность органов внутренних дел осуществляется в различных правоохранительных направлениях в соответствии с особыми принципами: законности, соблюдения равенства прав и свобод, гласности и др. Специфические направления правоохранительной деятельности, такие как борьба с преступностью, охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности требуют от органов внутренних дел четкого функционирования, которое невозможно без соблюдения определенных принципов и правил, касающихся внутриорганизационной деятельности.

Обеспечение собственной деятельности – собирательная функция органов внутренних дел. Она выражается в отборе, обучении кадров, планировании работы, дисциплинарном производстве, материально-техническом, финансовом и другом обеспечении деятельности полиции. Данная функция не отражает специфики деятельности ОВД (полиции). В то же время ее осуществление является определяющим условием обеспечения слаженной работы подразделений полиции.

Безусловно, поддержание и укрепление служебной дисциплины и законности, достигаемое, в том числе, путем правильного применения института дисциплинарной ответственности, будет способствовать формированию положительного образа сотрудника органов внутренних дел, повышению доверия к полиции со стороны граждан. В силу того, что деятельность органов внутренних дел обладает специфическими особенностями, включающими в себя, в частности, применение определенных властных решений и мер принуждения различного характера от имени государства, правовой статус этого органа государственной власти особый. Вместе с тем, в силу особенностей правового статуса органов внутренних дел и их сотрудников, вопросы прохождения службы имеют свои особенности. К таким особенностям следует относить все процедуры, связанные с внутриорганизационной деятельностью: порядок приема на службу и порядок увольнения, принятие присяги, присвоение специальных званий, аттестацию. Отдельным аспектом можно выделить служебную дисциплину в органах внутренних дел. Выполнение возложенных на органы внутренних дел правоохранительных задач невозможно без установления внутренних требований, обеспечивающих дисциплинированность сотрудников, а, в конечном итоге, обеспечивающих авторитет полиции. Все

изложенные особенности существенно отличают службу в органах внутренних дел от службы в иных государственных органах [5, с. 111-116].

Понятие служебной дисциплины раскрывается в главе 7 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Под служебной дисциплиной в законе понимается «соблюдение сотрудником органов внутренних дел установленных законодательством Российской Федерации, Присягой сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, дисциплинарным уставом органов внутренних дел Российской Федерации, контрактом, приказами и распоряжениями руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, приказами и распоряжениями прямых и непосредственных руководителей (начальников) порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав». Бесспорно, служебная дисциплина в ОВД является одной из важных ветвей деятельности полиции в целом. От служебной дисциплины зависит успех решения поставленных задач, а также эффективность работы всех подразделений системы ОВД.

В юридической литературе отмечается, что понятие «служебная дисциплина» требует доработки и конкретизации. Поэтому заслуживает внимания точка зрения, высказанная Л.М. Ведерниковым. Он рассматривает служебную дисциплину в органах внутренних дел как «систему общественных отношений, субъектами которых являются сотрудники органов внутренних дел, строго и точно исполняющие в соответствии с порядком и правилами, установленными законодательством Российской Федерации, Присягой, контрактом о службе, приказами министра внутренних дел Российской Федерации, прямых начальников, должностные обязанности, реализующие полномочия и соблюдающие ограничения по должности в процессе своей профессиональной деятельности» [1, с. 50].

И.Ю. Капустина формулирует определение служебной дисциплины как «соблюдение служащим установленного законодательством Российской Федерации порядка и правил при исполнении возложенных на них Присягой, контрактом о службе, должностным регламентом, приказами и распоряжениями прямых и непосредственных руководителей служебных обязанностей и при осуществлении предоставленных правомочий» [2, с. 55-57].

Особенность осуществляемой сотрудниками органов внутренних дел деятельности, как уже отмечалось ранее, безусловно влияет на статус сотрудника. Это определяется тем, что сотрудники имеют особый статус государственных служащих правоохранительной службы и являются специальными

субъектами юридической ответственности. Под юридической ответственностью, в данном случае, необходимо понимать «государственное принуждение к исполнению требований права, правоотношение, каждая из сторон которого обязана отвечать за свои поступки перед другой стороной, государством и обществом» [6, с. 503].

Для того, чтобы укрепить служебную дисциплину в органах внутренних дел законодатель дал право руководителю федерального органа исполнительной власти применять к сотрудникам меры поощрения, а также дисциплинарные взыскания. Мы считаем, что данная норма является правильным шагом к установлению порядка в служебной деятельности сотрудника органов внутренних дел. Основой деятельности полиции является выработка у сотрудника органов внутренних дел уважения к законам, а также воспитание правовой культуры. Ослабление контроля за служебной дисциплиной чревато возникновением коррупционной составляющей и снижением уровня раскрытия преступлений. Из этого вытекает, что среди направлений по укреплению служебной дисциплины в органах внутренних дел особое значение должно придаваться повышению социального статуса сотрудников органов внутренних дел [3, с. 58]. Кроме того, каждый руководитель должен проводить профилактические беседы по направлениям, связанных с профессиональными качествами сотрудников.

Одним из действенных средств укрепления служебной дисциплины является институт мер поощрения и наказания. Необходимо отметить, что в законе указан исчерпывающий перечень мер поощрения, применяемый к сотруднику ОВД. Мерами поощрения закон стимулирует сотрудника ОВД на соблюдение служебной дисциплины и недопущению каких-либо проступков.

Если говорить о привлечении сотрудников органов внутренних дел к дисциплинарной ответственности, не следует забывать, что Конституцией Российской Федерации предусмотрен принцип недопустимости осуждения дважды за одно и то же преступление (ст. 50). И хотя речь в указанной норме идет о преступлениях, а не о правонарушениях, такое положение, по нашему мнению, может быть применено и в области привлечения сотрудников органов внутренних дел к дисциплинарной ответственности. Вместе с тем, принцип недопущения двойной ответственности сформулирован и в общепринятом принципе международного права «*non bis in idem*» (лат. «не дважды одно и то же»), согласно которому одно и то же действие не должно дважды становиться предметом какого-либо правового разбирательства.

Таким образом, следует отметить, что сотрудник ОВД чаще подвержен нормам о дисциплинарной ответственности. Нарушение служебной

дисциплины представляет опасность деятельности полиции в целом, это может способствовать снижению уровня доверия граждан, репутации МВД России.

Список использованных источников:

1. Ведерников, Л.М. Служебная дисциплина в органах внутренних дел и средства ее обеспечения: дис.... канд. юрид. наук / Л.М. Ведерников. – Москва, 1996.

2. Капустина, И.Ю. Административноправовые средства обеспечения законности и дисциплины службы в органах внутренних дел: дис.... канд. юрид. наук / И.Ю. Капустина. – С.-Петербург, 2009.

3. Куликова, Н.С. Внутриведомственный контроль как способ обеспечения законности и служебной дисциплины в органах внутренних дел // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 4.

4. Мальцев, Е.П. Нарушение служебной дисциплины сотрудниками органов внутренних дел: актуальность проблемы, причины и некоторые пути её решения /Е.П. Мальцев // Молодой ученый. – 2012. – № 12.

5. Мальцев, Е.П. К вопросу о содержании термина «Служебная дисциплина» и мерах дисциплинарной ответственности, предусмотренных за ее нарушение в системе органов внутренних дел / Е.П. Мальцев // Вестник Воронежского института МВД России. – 2012. – № 3.

6. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. – Москва, 1999.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ЛЕГАЛЬНОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ**

© Д.Ю. Инякина

Научный руководитель: А.О. Астахова

канд. юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД РФ

В 19 веке были изобретены средства обезболивания, которые успешно применялись в медицине на протяжении всего 19 столетия. Наркотические средства и психотропные вещества имеют двойственную природу. С одной стороны, в силу лечебных свойств они являются неотъемлемым элементом системы здравоохранения. Даже опасность привыкания к ним не должна

приводить к сужению поля их медицинского применения, так как они являются чрезвычайно важным средством в хирургической практике, в онкологии и т.д.

С другой стороны, их неконтролируемый оборот приводит к серьезнейшим социальным издержкам, сопряженным, в частности, с наркоманией и немедицинским потреблением [1].

Оборот наркотических средств и психотропных веществ находится под особым контролем государства ввиду огромной опасности для общества таких веществ, который может возникнуть в случае их неконтролируемого распространения. Высокая степень опасности таких веществ для общества, угроза для жизни и здоровья людей обуславливают то обстоятельство, что правовое регулирование оборота наркотиков, а также различных ядовитых и сильнодействующих веществ осуществляется не только на национальном уровне, но и на уровне международных договоров и иных нормативно-правовых актов. Вместе с тем, на международное правовое регулирование оборота наркотиков большое влияние оказывает и тот факт, что распространения наркотических средств и психотропных веществ не является проблемой одного государства.

В нашей стране одной из норм регулирующих данную область является ст. 6.16 КоАП РФ. В качестве цели установления ответственности за нарушение правил оборота можно определить содействие, путем использования методов административного воздействия – административной ответственности.

Противоправность деяний данной статьи заключается в нарушении правил оборота, хранения, учета, реализации, перевозки, приобретения, использования, ввоза, вывоза наркотических средств и их прекурсоров, а так же уничтожение растений или частей этих растений. Вместе с тем, непосредственным объектом рассматриваемого состава правонарушения выступают уже не только общественные отношения в области охраны здоровья населения, а еще и общественные отношения, обеспечивающие надлежащий порядок легального оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Объективная сторона нарушения правил оборота наркотиков может быть выражена как действием, так и бездействием.

Законодательством введена регистрация любых операций с прекурсорами, но не для того чтобы усложнить процедуру работу с данными веществами, а для того, чтобы повысить законность достаточно специфичной деятельности.

Как отмечено в законе Юридические лица могут осуществлять данную деятельность только при условии наличия разрешения (лицензии). Для ее получения необходимо собрать определенное количество документов, например, таких как получение заключения о соответствии объектов и помещений, в

которых будет осуществляться легальный оборот, определенным требованиям; получение заключения об отсутствии у работников, которые допускаются к работе с наркотиками, судимости, а также получение справок об отсутствии заболеваний наркоманией, токсикоманией, хроническим алкоголизмом у указанных лиц.

В частности если рассматривать субъективные признаки состава статьи 6.16 КоАП РФ, то стоит отметить, что вина в основном выражается в форме прямого умысла, мотивы как правило антисоциального (корыстного) характера, а цель как правило это извлечение прибыли.

Достаточно сложно определять закономерности, возникающие при квалификации правонарушений по ст. 6.16 КоАП РФ. На сегодняшний день, при анализе судебной практики, не удастся со стопроцентной вероятностью выделить в отношении каких веществ чаще всего происходит нарушение правил оборота. Это связано, отчасти, с тем, что существует очень большое количество законных процедур, производимых с наркотиками, находящимися в легальном обороте, а также с большим количеством законодательно закрепленных правил, устанавливающих порядок таких процедур. Помимо этого, предмет ст. 6.16 КоАП РФ является достаточно обширным. Помимо непосредственных действий с определенными веществами, ненадлежащее представление отчетности о различных видах деятельности, связанной с легальным оборотом наркотиков, также, охватывается составом правонарушения, предусмотренного ст. 6.16 КоАП РФ.

Особенности квалификации данного правонарушения вытекают из бланкетного изложения противоправных деяний, каждое из которых в отдельности, либо несколько в совокупности составляют рассматриваемое административное правонарушение, следовательно, правоприменителю для определения факта нарушения необходимо детально изучить и руководствоваться положениями целого ряда нормативно-правовых актов. Несмотря на относительно долгий период действия легального оборота наркотиков как специфического направления охраняемой государством деятельности, такая деятельность имеет ряд недостатков, которые выражаются в недочетах трактовки законодательства, либо в сложностях применения некоторых норм на практике.

Список использованных источников:

1. Конвенция о психотропных веществах (заключена в г. Вене 21.02.1971) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

4. О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

5. Астахова А.О. Понятие и значение легального оборота наркотиков в Российской Федерации // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2018. №11 (27).

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАДЗОР В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, РАБОТАЮЩИХ В АВТОМАТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ

© С.В. Курова

Научный руководитель: А.Ф. Васильева

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Обеспечение безопасности дорожного движения является одной из актуальных перманентных проблем в Российской Федерации, поскольку дорожно-транспортные правонарушения совершаются каждый день. Для решения данной проблемы существует функция государственного контроля (надзор), исполнение которой возложено на Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ) и его территориальные органы [9, п.3]. В соответствии с п. 19 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [7, ст. 12] и п. 1 Указа Президента РФ от 15.06.1998 № 711 «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» [6, п.1] государственный контроль (надзор) заключается в установлении и соблюдении участниками дорожного движения правил, стандартов, технических норм в области обеспечения безопасности дорожного движения. Законодатель не однозначен в терминологии при упоминании данной функции. Например, в ст. 30 Федерального закона от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» используется термин «федеральный государственный надзор», содержание которого аналогично содержанию государственного контроля и надзора, рассмотренного выше [4, ст. 30]. Но помимо соблюдения требований законодательства о безопасности дорожного

движения федеральный государственный надзор также направлен на предупреждение, выявление и пресечение административных правонарушений, принятие мер по пресечению или устранению выявленных нарушений, анализирование и прогнозирование состояния исполнения обязательных требований участниками дорожного движения [8, п.1].

Федеральный надзор в области безопасности дорожного движения осуществляется в рамках нескольких административных процедур: надзор за дорожным движением, в том числе с использованием технических средств и специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме; остановка транспортного средства; остановка пешехода; проверка документов, идентификационного номера, номера кузова, номера шасси транспортного средства, государственных регистрационных знаков (далее – ГРЗ) транспортного средства, а также технического состояния находящегося в эксплуатации транспортного средства; применение мер административного воздействия в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях; выезд на место дорожно-транспортного происшествия [9, п.31]. Административная процедура с использованием специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме, является относительно новой. Появлению такой процедуры послужило введение с 1 июля 2008г. специальных технических средств фото- и видеофиксации, работающих в автоматическом режиме, которые ранее не использовались [5, ст. 1]. Ежегодно увеличивается число лиц, привлеченных к административной ответственности за правонарушения, зафиксированные в автоматическом режиме. Так, за 2018 год в Российской Федерации было вынесено почти 113 миллионов постановлений, что больше на 26% по сравнению с прошлым годом [2].

Административная процедура реализуется путем перевода информации с автоматических камер в готовое постановление об административном правонарушении в несколько этапов. Первый этап – фиксация факта административного правонарушения техническими средствами фото- и видеофиксации (далее – ФВФ), работающими в автоматическом режиме. Второй этап – первоначальная автоматическая обработка данных, которая заключается в распознавании ГРЗ транспортного средства. На третьем этапе техническое средство ФВФ формирует набор файлов из фотоизображений транспортного средства, а также из сведений о заводском номере технического средства, о дате, времени и месте фиксации. На четвертом этапе сформированные файлы передаются в центр автоматизированной фиксации административных правонарушений (далее – ЦАФАП) на монитор компьютера. В Красноярском крае ЦАФАП является структурным подразделением Госавтоинспекции на региональном

уровне [10, п.7.3]. Он обеспечивает реализацию функции федерального государственного надзора путем исполнения переданных ему полномочий по сбору и обработки материалов, полученных в автоматическом режиме, формированию единого учёта административных правонарушений. На пятом этапе инспектор по исполнению административного законодательства (далее – ИАЗ) ЦАФАП в области дорожного движения ГИБДД главного управления МВД России осуществляет разбор и обработку материалов. Он загружает в программу полученную фотографию, где с помощью ГРЗ определяется владелец транспортного средства и его адрес регистрации. После установления административного правонарушения инспектор принимает решение о привлечении собственника транспортного средства к административной ответственности, тем самым выносит постановление об административном правонарушении.

О.С. Габова отмечает ряд преимуществ использования фоторадарных комплексов [1, с.59]. Во-первых, фоторадары фиксируют большее количество правонарушений, чем сотрудники ГИБДД, так как часть времени они затрачивают на совершение процессуальных действия для привлечения к административной ответственности. Во-вторых, фоторадары работают круглосуточно, поэтому материалы об административных правонарушениях поступают в информационную базу постоянно и хранятся там до тех пор, пока инспектор не рассмотрит полученную информацию и не установит наличие достаточной доказательственной базы для констатирования факта совершения административного правонарушения. Таким образом, осуществляется принцип неотвратимости наказания.

В свою очередь автоматизированная фиксация административных правонарушений имеет и свои недостатки. Так, Т.М. Занина и А.И. Четверикова выделяют несколько материально-правовых и процессуальных проблем [3, с.89]. Во-первых, технические средства автоматического режима фиксируют лишь ГРЗ транспортного средства, тем самым идентифицируется правонарушитель только по номеру. При этом С.В. Полякова дополняет, что технические средства не всегда правильно распознают ГРЗ автомобиля, а поэтому ошибочно «назначают» виновным в совершении административного правонарушения собственника транспортного средства с похожим регистрационным знаком [11, с.165]. Во-вторых, поскольку происходит фиксация номерных знаков, то к административной ответственности привлекается собственник транспортного средства, в то время как за рулем мог находиться и не он. В практике для разрешения этой проблемы предлагается ввести новые технические средства, работающие в автоматическом режиме, которое бы позволяли

установить личность водителя, управлявшего транспортным средством. Помимо этого усматривается возможность установки электронного кода в водительском удостоверении, который бы идентифицировал водителя – нарушителя.

Таким образом, осуществление федерального надзора в области безопасности дорожного движения путем административной процедуры с использованием специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме, имеет свои особенности. Используются фоторадары, которые имеют свои преимущества и недостатки, для исполнения функции появляется новый субъект – ЦАФАП, которому как государственному учреждению переданы полномочия властного и невластного характера. Инспектор ИАЗ ЦАФАП одновременно осуществляет техническое сопровождение в обработке материалов (невластная деятельность), а затем выносит постановление об административном правонарушении (властная деятельность).

Список использованных источников:

1. Габова О.С. Становление и перспективы развития центров (групп) автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения Государственной инспекции безопасности дорожного движения. – Санкт-Петербург: Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017. – № 1. – С. 58-62.
2. Данные взяты с официального сайта Госавтоинспекции (дата обращения 14 апреля 2019 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gibdd.ru>.
3. Занина Т.М., Четверикова А.И. Организационно-правовые аспекты применения средств фотовидеофиксации в системе контроля за безопасностью дорожного движения. – Воронеж: Вестник Воронежского института МВД России, 2013. – № 1. – С. 87-92.
4. О безопасности дорожного движения: федер. закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. – 11.12.1995. – № 50. – ст. 4873.
5. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 24.07.2007 № 210-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // СЗ РФ. – 30.07.2007. – № 31. – ст. 4007.
6. О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения: указ Президента РФ от 15.06.1998 № 711 // СЗ РФ. – 22.06.1998. – № 25. – ст. 2897.

7. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // СЗ РФ. – 14.02.2011. – № 7. – ст. 900.

8. О федеральном государственном надзоре в области безопасности дорожного движения: постановление Правительства РФ от 19.08.2013 № 716 // СЗ РФ. – 26.08.2013. – № 34. – ст. 4446.

9. Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 23.08.2017 № 664 // Российская газета. – № 232. – 13.10.2017.

10. Положение об управлении Государственной инспекции безопасности дорожного движения Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Красноярскому краю // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.24.mvd.rf>.

11. Полякова С.В. Проблемы применения средств автоматической фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения в России. – Уфа: Символ науки, 2016. – № 5. – С. 163-166.

ПРИМЕНЕНИЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© Н.Р. Лапин

Научный руководитель: А.О. Астахова

канд. юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД РФ

Общественная безопасность является ключевым аспектом деятельности любого государства и государственных органов в частности. Безопасность – состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз, либо способность предмета, явления или процесса сохраняться при разрушающих воздействиях [1, с. 35]. В числе государственных органов, участвующих в обеспечении общественной безопасности и общественного порядка существенную роль играет полиция.

Так, в законодательстве Российской Федерации (далее – РФ) закреплено предназначение этого ключевого органа по защите человека от незаконных посягательств. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) полиция предназначена для

защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. Полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств. И важнейшими инструментами достижения этого предназначения являются применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Целью нашего исследования является выделение и подробное рассмотрение одного из наиболее сложных в использовании инструментов, а именно, применение огнестрельного оружия, и сравнение того, как это реализовано в США.

В РФ сотрудник при применении огнестрельного оружия руководствуется двумя нормативными актами – Законом о полиции и УК РФ. Следует отметить тот факт, что многие ученые утверждают о противоречии этих актов друг другу, что приводит к невозможности точно определить правомерность применения оружия в той или иной ситуации. В качестве примера подобного рода упущений можно привести то, что в уголовном законодательстве не предусмотрены «дискриминирующие» сотрудника полиции положения, а именно требование о предупреждении применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия; не установлено запретов и ограничений по применению специальных средств и огнестрельного оружия. В результате чего возникает ситуация, когда сотрудник полиции применяет оружие, руководствуясь одним законом, а ответственность будет нести по другому нормативному акту [6, с. 293-295].

Однако, сотрудник полиции, находящийся в ситуации необходимой обороны, а также иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния, не ограничен запретами и ограничениями, закрепленными в Законе о полиции [4, с. 137-144]. При этом, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», действия сотрудника полиции, в своей служебной деятельности применившего физическую силу, специальные средства ил огнестрельное оружие, в случае причинения вреда правонарушителю не составляют необходимой обороны или крайней необходимости. В данном случае сотрудник полиции использует физическую силу, специальные средства и(или) огнестрельное оружие в качестве предоставленного ему законодателем правомочия для выполнения возложенных на полицию обязанностей и конкретных задач служебной деятельности. Вместе с тем,

все чаще и чаще мы встречаем примеры привлечения сотрудников органов внутренних дел к ответственности по фактам применения рассматриваемых мер.

Вследствие вышеназванных факторов возникает другая проблема: сотрудник, применивший огнестрельное оружие в РФ изначально считается неправомерно применившим его, производятся служебные проверки в отношении сотрудника полиции и его задача доказать то, что он применил инструмент, данный ему законом в том порядке, как это предусмотрено в самом законе. Зачастую фактов, способных оправдать полицейского недостаточно, свидетелей происшествия мало или вообще нет, гораздо проще принять факт вины сотрудника, чем разбираться во всех нюансах произошедшего. Как итог, в России сотрудниками полиции огнестрельное оружие не применяется вообще, либо применяется в самых экстренных случаях, нередко вследствие этого страдают сами сотрудники. В Америке такая проблема тоже существует, но полицейские США меньше колеблются, применять или не стоит, потому что жизнь «жертвы» стоит выше, чем жизнь или здоровье преступника [3].

Многие видели видео по телевизору или в интернете, читали в новостях о том, что полицейский США ранил или убил человека, даже если этот человек не делал ничего противоправного, но вынудил сотрудника применить огнестрельное оружие. Во всех случаях применение оружия в отношении «подозреваемого» будет правомерно. Да, большинство из этих случаев вызывают огромный резонанс в СМИ и обществе. Поэтому ученые и статисты провели ряд экспериментов. Были смоделированы различные по сложности ситуации, в которых сначала оказывались гражданские представители, а после них сотрудники полиции. По результатам этих экспериментов установлено, что 80% людей принимают решение применить оружие, даже если ситуация того не требует, решение «стрелять» принималось под воздействием страха того, что «преступник» нанесёт ущерб «жертве» (если она была) или самому гражданскому лицу. В ситуации, когда полиция оказывалась в тех же смоделированных ситуациях, оружие применялось на 30% меньше.

Приведенные результаты экспериментов ни в коем случае не являются оправданием убийств невиновных людей. Важно подчеркнуть необходимость тренировки полиции в практической деятельности, в постановочных ситуациях, максимально приближенных к действительности. Это и является решением представленной проблемы. Именно недостаток практической подготовки сотрудников играет решающую роль в ситуациях, связанных с большим риском [5, с. 12-16].

Совокупность вышесказанного дает нам представление о том, что применение огнестрельного оружия в отдельно взятых двух странах в большей степени обусловлено правами человека и является очень схожим по своей природе. Но фактическая разница состоит в том, что исторически в США было разрешено носить и применять оружие рядовым гражданам. Вспомнить хотя бы, каким образом американцы освобождали занятые индейцами земли. В то время как в России оружие к обращению запрещено и с давних времен применение оружия наказывалось [2, с. 43].

Цена жизни и безопасности граждан настолько высока, что даже применение оружия при самообороне не всегда является целесообразным и людям просто необходимо понимать это. Многие ученые считают, что из-за Русской духовности и понимания цены человеческой жизни, сотрудники стараются не применять оружие, но на самом деле, сотрудники просто боятся из-за несовершенства правоохранительной системы их самих. На наш взгляд, если мы действительно хотим сохранить как можно больше жизней граждан и самих охранников правопорядка, необходимо предоставить сотрудникам полиции возможность осуществлять свое предназначение, не боясь при этом, за их собственные права и свободы.

Подводя итог изложенному необходимо обратить внимание на то, что проблема применения сотрудниками правоохранительных органов огнестрельного оружия в своей профессиональной деятельности является комплексной проблемой и не может быть рассмотрена в рамках одной статьи. На применение сотрудниками российской полиции огнестрельного оружия (а вернее, зачастую, на его неприменение) влияют многие проблемные факторы: несовершенство законодательных оснований применения; недостаточная теоретическая и практическая подготовка самих сотрудников; сложившаяся «обвинительная» практика в отношении сотрудников, в результате которой многие просто боятся применить оружие из-за боязни последующего привлечения к ответственности; отсутствие возможности отстоять правомерность своих действий. Все перечисленные факторы не нашли отражение в практике применения оружия сотрудниками правоохранительных органов США, однако, для наиболее полного и всестороннего анализа практики применения рассматриваемой меры принуждения необходимо более детально исследовать основания применения огнестрельного оружия в каждой из представленных стран, определить отрицательные моменты, затрудняющие применение и положительные моменты, которые необходимо учитывать при изменении законодательства в рассматриваемой сфере.

Список использованных источников:

1. Безопасность // Гражданская защита: Энциклопедия в 4-х томах. – Т. I. А-И. – М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015.
2. Бекетов, О.И. Применение полицейской силы по законодательству Российской Федерации: монография / О.И. Бекетов, В.Н. Опарин. Омск: Омская академия МВД России, 2001.
3. Дунаевский, И. После теракта в Калифорнии американцы начали массово закупать оружие / И. Дунаевский // Российская газета. – 09.12.2015.
4. Каримов, А.А. О готовности сотрудника полиции к применению огнестрельного оружия / А.А. Каримов // Вестник КЮИ МВД России. – 2017. – № 1.
5. Литвин, Д.В. Формирование у слушателей вузов МВД России профессиональных компетенций правомерного применения огнестрельного оружия в ходе оперативно-служебной деятельности / Д.В. Литвин, В.Г. Лупырь // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 3(54).
6. Сысоев, А. А. Проблемы организации первоначальной подготовки сотрудников ОВД в системе профессионального образования МВД России / А.А. Сысоев // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф., 10-11 июня 2015 г., Восточно-Сибирский институт МВД России. – Иркутск, 2015.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 20.2 КОАП РФ

© Е.С. Пустовойт

Научный руководитель: А.О. Астахова

канд. юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД РФ

В ходе проведения публичных мероприятий реализуется социальная потребность людей в общении, происходит процесс обмена мнениями, что является одной из предпосылок формирования гражданского общества, который сопровождается постоянным расширением прав и свобод его граждан в различных сферах жизнедеятельности.

Свое отношение к изменениям, происходящим в государстве, люди выражают разными способами, например, реализуя свое право на свободу собраний, проявляющееся в возможности временного публичного объединения граждан в целях выражения своего мнения, обсуждения важнейших вопросов

государственной и общественной жизни. Кроме того, право на проведение публичных мероприятий дает возможность осуществления самозащиты принадлежащих им прав и свобод от возможных нарушений путем привлечения внимания к поднятым проблемам.

В большинстве случаев, такие публичные мероприятия приобретают вид протестных акций, перерастающие в массовые беспорядки. Так, за нарушение установленного порядка организации и проведения общественно-политических массовых мероприятий организаторы и участники массовых мероприятий привлекаются к административной ответственности по ст. 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Конституция Российской Федерации гарантирует право граждан Российской Федерации «...проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование» (ст. 31). Эта норма является одной основ народовластия, удостоверяющей возможности населения принимать участие в управлении делами государства.

Расположение ст. 20.2 КоАП РФ в главе 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность» дает представление об объекте защиты, под которым надо понимать общественные отношения, складывающиеся в рамках охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Предметом является установленный порядок организации либо проведения публичных мероприятий таких, как собрание, митинг, демонстрация, шествия или пикетирования.

Объективная сторона выражена противоправными деяниями, совершаемыми в форме действия, то есть, например, проведение публичного мероприятия в месте, не заявленном в уведомлении о проведении публичного мероприятия, так и в форме бездействия, например, неподчинение законным требованиям сотрудника полиции о приостановлении или прекращении публичного мероприятия. По конструкции объективной стороны деяния по ст. 20.2 КоАП РФ подразделяются на: материальный состав (ч. 3, 4, 6, 7 КоАП РФ) и формальный состав (ч. 1, 2, 5 ст. 20.2 КоАП РФ). Также можно выделить факкультативные признаки объективной стороны, к которым относятся: место, время, средства и т.д. Например, в качестве средств совершения административного правонарушения могут быть использованы оружие, взрывчатые устройства.

Применительно к исследуемому составу ст. 20.2 КоАП РФ можно говорить о том, что все субъекты в нем поделены на две группы – организаторы и участники публичных мероприятий. Заключительный признак любого состава

административного правонарушения является субъективная сторона правонарушения, которая характеризуется виной в форме прямого умысла.

Следует отметить, что выявление правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ имеет определенную специфику, потому что чаще всего оно реализуется сотрудниками полиции в процессе обеспечения проведения публичных мероприятий или как реакция на факт проведения несогласованной акции. Наличие достаточных оснований предполагать нарушение установленного порядка организации и проведения публичного мероприятия, а также иные обстоятельства позволяют уполномоченным сотрудникам полиции решить вопрос об иницировании начальной стадии рассматриваемого производства – возбуждении дела об административном правонарушении.

Требования ст. 24.1 КоАП РФ обязывают уполномоченные органы на стадии возбуждения административного дела и его расследования по ст. 20.2 КоАП РФ решить ряд задач, заключающиеся в основном в установлении события, его квалификации, сборе и фиксации доказательств, выявлении виновных, свидетелей, потерпевших и других участников, выяснении иных обстоятельств дела, которые процессуально оформляется в форме протокола об административном правонарушении.

Практически во всех случаях возбуждения дела об административном правонарушении применяются такие меры обеспечения как доставление (ст. 27.2 КоАП РФ) и административное задержание (ст. 27.3 КоАП РФ).

Применительно к санкции ст. 20.2 КоАП РФ, то она предусматривает применение таких административных наказаний как административный штраф, обязательные работы и административный арест, предусмотренные в ст. 3.2. КоАП РФ.

Следует отметить, что «меры административной ответственности, применяемые в сфере организации и проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований, устанавливаются только федеральным законодательством» [1, с. 89].

Несмотря на широту реального воплощения норм об административной ответственности по ст. 20.2 КоАП РФ, выработанные к этому подходы, нельзя не обратить внимание на существующие сегодня проблемы правового регулирования и применения мер административной ответственности в рассматриваемой сфере.

Во-первых, это касается правомерности наличия такого вида административного наказания по ст. 20.2 КоАП РФ как обязательные работы. Особенностью подобного наказания является принудительность труда. Фактор принуждения явно прослеживается в положениях ч. 4 ст. 20.25 КоАП РФ,

предусматривающей административную ответственность за уклонение от отбывания обязательных работ. Согласно ст. 4 Трудового кодекса РФ принудительный труд запрещен. Характер и смысл проведения публичных мероприятий политического характера заключаются в выражении политических взглядов или идеологических убеждений, направленных на критику действующей власти, политического режима и т.д. С этой точки зрения, применение в качестве меры административной ответственности обязательных работ противоречит действующему Трудовому кодексу РФ.

Во-вторых, проблема реализации административной ответственности за правонарушения являются правовые положения, касающиеся административного штрафа. Данная проблема начала иметь место из-за существующей тенденцией к увеличению размеров административных штрафов, налагаемых и за правонарушения, связанные с проведением массовых публичных мероприятий [1, с. 120].

Таким образом, наличие более высоких санкций за совершение административных правонарушений, нежели преступлений, стирается четкость в понимании различий между преступлением и административным правонарушением. Примером в этом отношении является сравнение ч. 4 ст. 20.2 КоАП РФ и ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью), где санкция в виде административного штрафа в несколько раз выше, чем штраф по норме УК РФ при том, что характер совершаемых действий может быть идентичен. Такая же ситуация имеет место при сравнении ст. 7.17 КоАП РФ (умышленное повреждение или уничтожение чужого имущества) и ч. 4 ст. 20.2 КоАП РФ (повреждение имущества в ходе публичного мероприятия).

Значимость элементов административно-правовой охраны общественных отношений указывает на важность вопросов административной ответственности, особенно в рамках противодействия различным угрозам общественной безопасности. К подобным угрозам можно отнести совершение административных правонарушений, связанных с нарушением установленного порядка организации либо проведения публичных мероприятий, которые следует отнести к посягательствам на одну из конституционных свобод – свободу собраний.

Специфика реализации указанного права, заключается в активном взаимодействии граждан с органами государственной администрации. При этом роль административно-правовых предписаний проявляется в создании механизма, обеспечивающего баланс реализации прав граждан и интересов государства, а также защиты прав граждан в случае их нарушения.

Список использованных источников:

1. Звягин, М.М. Административно-правовая охрана общественного порядка при проведении публичных мероприятий в Российской Федерации / М.М. Звягин Костенников М.В., Куракин А.В. – Домодедово, 2008. С. 89.

2. Ярыгин, И.И. Административная ответственность за нарушение установленного порядка организации либо проведения публичных мероприятий: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2015.

3. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/Svedeniya_zh_2013.xls (дата обращения: 11.03.2019).

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИЦИЕЙ
МЕР НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ**

© О.В. Разоренова

Научный руководитель: А.О. Астахова

канд. юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД РФ

Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия – самая жесткая и крайняя мера административного принуждения, применяемая полицией. Она применяется довольно часто, так как в последнее время в России возрастает степень общественной опасности преступных посягательств, усиливается агрессивность и жестокость преступлений, активизируется противодействие сотрудникам ОВД. От решения этой проблемы в немалой степени зависит характер будущего российского государства и темпы его интеграции в мировое демократическое сообщество. Вопросы применения сотрудниками органов внутренних дел физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия находятся под пристальным вниманием большинства современных ученых, поскольку их применение так или иначе влечет ущемление прав граждан. Безусловно, применение таких мер принуждения должно базироваться только на законных основаниях. Каждый факт их необоснованного применения негативно отражается на отношении населения к деятельности органов внутренних дел [1, с. 7-12].

Под мерами административного принуждения следует понимать отдельные формы выражения института административного принуждения, то есть конкретные меры воздействия на определенных лиц в определенных ситуациях. В рамках мер

административного принуждения применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия принято называть обобщенным понятием «меры непосредственного принуждения». Это связано с тем, что их применение осуществляется непосредственно, без составления какого-либо промежуточного правоприменительного акта. Применение таких мер опирается только на фактическую и юридическую составляющую, без предварительного учета процессуальной составляющей.

Перечень оснований привлечения сотрудника к ответственности за применение мер непосредственного принуждения ограничивается перечнем оснований применения таких мер и субъективной оценкой или умыслом самого сотрудника.

Нами было проведено анкетирование сотрудников правоохранительных органов, результаты которого показали, что 84,8% опрошенных сотрудников сталкивались в средствах массовой информации с материалами о привлечении сотрудников органов внутренних дел к ответственности за применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия. Вместе с тем, чуть меньше половины опрошенных (43,8%) непосредственно сами сталкивались с фактами незаконного или необоснованного привлечения к ответственности за применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия.

Большинство опрошиваемых (59,7%) именно страх необоснованного привлечения к ответственности указывают как основную субъективную причину, которая может повлиять на решение сотрудника о неприменении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия в случае фактического наличия оснований его применения. Вместе с тем, 26,6% опрошиваемых сами в своей деятельности сталкивались с принятием решения о неприменении мер непосредственного принуждения в случаях наличия оснований. И в абсолютном большинстве (47,6%) такие сотрудники указали страх необоснованного привлечения к ответственности как основание принятия такого решения о неприменении.

Зачастую, в таком случае сотрудник не имеет возможности надлежащим образом выполнить свои обязанности, что само по себе может стать основанием для падения имиджа полиции в глазах общественности.

Сотрудник полиции должен без промедления применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие там, где это необходимо и законно, ведь порой и 1 секунда может стоить человеку жизни. По результатам анкетирования 67,1 % опрошиваемых считают, что сравнительно высокое количество сотрудников, которые при задержании или преследовании преступников погибают, или получают вред здоровью, может быть связано с тем, что сотрудники не смогли вовремя применить физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие. И если не брать в расчет жизнь и здоровье отдельного сотрудника, такие факты, безусловно, в итоге негативно отражаются на органах внутренних дел в целом.

По результатам нашего анкетирования, мы выделили отдельный ряд проблем, которые, по мнению большинства (81%) опрошенных влияют на эффективность работы полиции. Большинство опрашиваемых (53,9%) к основной проблеме отнесли отсутствие механизма защиты сотрудников юридическими подразделениями органов внутренних дел в случае подачи заявления лицами, в отношении которых (или в отношении родственников которых) была применена физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие (отсутствие юридической защиты в случае неправомерного уголовного преследования).

Помимо этого, среди основных проблем были обозначены: отсутствие механизма юридической поддержки сотрудников, применивших физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие со стороны органов внутренних дел (46,1%); сложившаяся «обвинительная» практика в отношении сотрудников органов внутренних дел (35,5%); отсутствие помощи и поддержки со стороны руководства (23,7%); недостаточные знания оснований, ограничений и порядка применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, а также отсутствие возможности доказать правомерность своих действий (отсутствие носимого видеорежистратора, отсутствие свидетелей и очевидцев и. т.д.) (22,4%); отсутствие в механизме собственной безопасности органов внутренних дел направления защиты сотрудников в ситуациях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (21,1%); недостаточный перечень фактических оснований применения, изложенный в законе (не учтены «нестандартные» ситуации) (10,5%); излишняя огласка всех случаев применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия в средствах массовой информации (14,5%).

В нашем XXI веке появляются все новые и новые виды правонарушений, а законодательство, к сожалению, так и стоит на месте. Сотрудники привыкли действовать по шаблону, поэтому они совсем не подготовлены юридически к «нестандартным» ситуациям. Стоит справедливо заметить, что причина заключается в недостаточно четком и конкретном определении оснований применения физической силы и оружия. Однако, как показывают результаты проведенного опроса сотрудников полиции после принятия нового законодательства, в котором закреплён уточненный и расширенный перечень оснований применения физической силы, ситуация хотя и меняется в лучшую сторону, но «синдром страха» все же преодолеть не удается.

Одним из способов решения данной проблемы будет законодательное изменение оснований применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (изменение главы 5 ФЗ «О полиции»).

Не стоит забывать, что сотрудники – тоже люди, в определенных случаях им также требуется квалифицированная юридическая помощь и поддержка. Если сотрудник будет знать, что он «под защитой» государства, то в последующем, когда необходимо

будет применить меру непосредственного принуждения, он не будет испытывать страха, боязни, поэтому считаю верным решением создания в органах внутренних дел эффективного механизма юридической поддержки и защиты сотрудников, применивших физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие со стороны органов внутренних дел. С указанным положением согласно большинство опрошенных нами сотрудников – 47,4. По многим направлениям уже давно назревает необходимость перехода органов собственной безопасности от обвинительной и карательной практики к практике непосредственно защиты сотрудников в ситуациях, когда это необходимо и обеспечения безопасности самих сотрудников.

Зачастую правонарушения происходят в ночное время суток, когда нет возможности найти свидетелей или очевидцев, чтобы подтвердить правомерность своих действий сотруднику полиции, а видеорегиистратор в лучшем случае установлен только в машине патруля, поэтому считаю решения данной проблемы – создание возможности доказать правомерность своих действий.

Некоторые полицейские признаются, что боятся применять оружие и физическую силу, потому что рискуют сами стать фигурантами уголовных дел, возбужденных по заявлению задержанных. Зачастую мы видим в новостях очередной резонанс по поводу незаконного применения сотрудником мер непосредственного принуждения. Некоторые сотрудники, как только гражданин достает свою «камеру» и начинает снимать каждый их шаг, могут не только власть в ступор или начать себя агрессивно вести, но и в крайнем случае отпустить правонарушителя, чтобы сотруднику было «меньше проблем». В данном случае нужно задуматься над усиленной защитой сотрудников в средствах массовой информации в случае применения ими физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия.

Безусловно, создание благоприятной обстановки между сотрудником и руководством, помощь и поддержка со стороны руководства во всех вопросах служебной деятельности сотрудника также будет способствовать повышению эффективности применения мер непосредственного принуждения. Помимо этого, в современном информационном пространстве просто необходимы усиленная защита сотрудников в средствах массовой информации в случае применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, а также обеспечение возможности доказать правомерность своих действий.

Каждый из предложенных путей решений, равно как и каждая из обозначенных проблем привлечения сотрудников к ответственности по фактам применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия могут стать предметами отдельных исследований. Более того, каждая из мер непосредственного принуждения может быть рассмотрена самостоятельно со множества ракурсов. В данной работе предпринята попытка определения основных проблем и основных путей решения

выявленных проблем. Дальнейшее раскрытие темы, предложение новых путей решения проблем и воплощение уже предложенных вариантов является необходимым направлением юридической теории и практики.

Неприменение сотрудниками ОВД физической силы, специальных средств и(или) огнестрельного оружия в ситуациях, когда такое применение необходимо, негативно сказывается на выполнении сотрудниками обязанностей по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, а также негативно влияет на реализацию стоящих перед ОВД задач.

Список использованных источников:

1. Сухачев, Ю.И. О порядке применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками полиции в Российской Федерации / Ю.И. Сухачев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2011. – № 2(57).

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 19.24 КОАП РФ

© Д.В. Томашова

Научный руководитель: А.О. Астахова

канд. юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД РФ

Вопросы предупреждения повторной и рецидивной преступности всегда находились в поле зрения как законодателя, так и всей юридической науки. Справедливым представляется высказанный в юридической науке тезис о том, что на сегодняшний день, одним из действенных инструментов предупреждения противоправного поведения лиц, ранее совершавших преступления и привлекавшихся к ответственности является институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (далее – административный надзор), получивший свое законодательное закрепление в Федеральном Законе от 6 апреля 2011 г. №64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Федеральный закон об административном надзоре) [см. например: 1, с. 35].

Актуальность института административного надзора подчеркивается установлением дополнительных мер уголовной и административной ответственности за уклонение от такого надзора. Действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) содержит в себе статью 19.24, устанавливающую административную ответственность за различные факты

уклонения от административного надзора. Согласно ст. 1 Федерального закона об административном надзоре «административный надзор – это осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей».

Целью административного надзора является защита государственных и общественных интересов путем предупреждения совершения поднадзорными лицами преступлений и других правонарушений, оказания на них индивидуального профилактического воздействия (ст. 2 Федерального закона об административном надзоре).

Административный надзор устанавливается в отношении четко определенных категорий освобожденных (ст. 3 Федерального закона об административном надзоре). В обязательном порядке административный надзор применяется к совершеннолетним лицам, освобождаемым или освобожденным из мест лишения свободы, если они имеют непогашенную или неснятую судимость за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений либо за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего.

Кроме того, административный надзор может быть применен к совершеннолетним лицам, имеющим непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо преступления при рецидиве преступлений или умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего, при условии их признания в местах лишения свободы злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания. Если же эти лица в период отбывания наказания таковыми не признавались, то административный надзор может быть применен при совершении ими после освобождения в течение одного года двух и более административных правонарушений против порядка управления и (или) административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность (ч. 3 ст. 3 Федерального закона об административном надзоре).

Часть 1 ст. 4 Федерального закона об административном надзоре содержит исчерпывающий перечень административных ограничений, которые могут быть применены к поднадзорному лицу. К ним относятся: запрещение пребывания в определенных местах; запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях; запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток; запрещение выезда за установленные судом пределы территории; обязательная явка от одного до четырех раз в

месяц в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания для регистрации.

При этом, на поднадзорное лицо судом могут возлагаться определенные обязанности, например: прибыть к месту жительства или пребывания в определенный срок, явиться в орган внутренних дел для постановки на учет, заблаговременно уведомлять орган внутренних дел о всех фактах выезда за пределы населенного пункта и о перемене места жительства или пребывания, а также обязанность допускать сотрудников органов внутренних дел в любое время суток в жилое помещение, где проживает поднадзорное лицо в целях осуществления контроля. Указанные обязанности установлены ст. 11 Федерального закона об административном надзоре.

Неисполнение обязанностей или нарушение ограничений является основанием для применения в отношении поднадзорного лица мер административной ответственности. Поскольку все вышеперечисленные требования необходимы для осуществления своевременного, постоянного надзора со стороны органов внутренних дел за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, установление ответственности за уклонение от такого надзора является объективным и необходимым фактом.

Норма, предусматривающая ответственность за уклонение от административного надзора – ст. 19.24 КоАП РФ, структурно содержит в себе три состава правонарушения, закрепленные в трех частях. При этом, не вызывает сомнения объект правонарушения и признаки специального субъекта правонарушения. Уклонение от административного надзора посягает на общественные отношения в сфере порядка управления, это положение обусловлено расположением рассматриваемого состава правонарушения в главе 19 КоАП РФ. Абсолютно логичным видится положение о том, что уклониться от административного надзора может только то лицо, которому такой надзор назначен решением суда.

Вместе с тем, признаки объективной стороны, а в ряде случаев и признаки субъективной стороны, вызывают определенные сложности при квалификации деяния по признакам состава правонарушения, предусмотренного ст. 19.24 КоАП РФ. Учитывая, что наибольшее количество проблем возникает именно при квалификации по признакам объективной стороны состава правонарушения, то в данной работе мы кратко раскроем некоторые из них.

Первая часть рассматриваемой статьи предусматривает ответственность за несоблюдение установленных судом ограничений. При этом речь идет именно о тех ограничениях, которые устанавливаются судом в соответствии со ст. 4 Федерального закона об административном надзоре. Помимо этого, действия лица не должны составлять состава уголовно наказуемого административного надзора,

сформулированного и закрепленного в ст. 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Основным признаком объективной стороны состава правонарушения, закрепленного в части второй рассматриваемой статьи является деяние, выраженное в невыполнении конкретных обязанностей. При этом, несмотря на четкое законодательное разграничение ограничений и обязанностей (ст. 4 и ст. 11), в практике возникают случаи, когда за неисполнение обязанностей лицо привлекается к ответственности по ч. 1 ст. 19.24 КоАП РФ, что является неверной квалификацией. Указанное становится возможным из-за невнимательности лиц, осуществляющих производство по делам указанной категории, а также от элементарного незнания правовой основы, оснований, порядка назначения административного надзора и норм, предусматривающих закрепление отдельных обязанностей и ограничений поднадзорного лица.

В части третьей рассматриваемой статьи закреплена ответственность за повторное несоблюдение установленных судом ограничений. При этом непонятна логика законодателя – если за неоднократное несоблюдение ограничений устанавливается дополнительный вариант квалификации и «усиленная» форма ответственности, то почему, в таком случае, неоднократное неисполнение обязанностей не может квалифицироваться по аналогии?

Вместе с тем, даже оставив без ответа обозначенный выше вопрос, мы можем обнаружить проблему квалификации уклонения от административного надзора по признакам, изложенным в ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ, связанную с несовершенством трактовки указанных признаков. Административно наказуемым является повторное в течение одного года совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 рассматриваемой статьи. В данном контексте повторность означает, что лицо в течение года совершает как минимум одно правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 19.24 КоАП РФ, а в случае совершения второго такого правонарушения его действия должны быть квалифицированы уже по ч. 3 рассматриваемой статьи. Однако, в данной ситуации возможно смешение понятий «повторность» и «неоднократность», которая предусматривает ответственность не менее чем за третье деяние, совершенное в течение одного года (как это предусмотрено в ст. 314.1 УК РФ). Также, определенным проблемным моментом является вопрос необходимости привлечения лица к ответственности со ч. 1 ст. 19.24 КоАП РФ (вступление решения по делу в законную силу) для усмотрения признака повторности.

Обозначенные проблемы лишь «верхушка айсберга». Многие проблемы квалификации могут простекать и из проблем реализации самого института административного надзора. Судебная практика свидетельствует о том, что количество

рассматриваемых правонарушений растет, из чего следует, что для лица, освободившегося из мест лишения свободы и собирающегося снова совершить преступление, несоблюдение ограничений и обязанностей не является препятствием к рецидиву, так как ответственность предусмотрена крайне незначительная, что подтверждается юридической наукой [1, 2, 3].

По нашему мнению, с учетом проведенного анализа следует отметить, что ст. 19.24 КоАП РФ нуждается в изменении и дополнении касательно ответственности за правонарушение или же отнесения данных действий исключительно к числу уголовно-наказуемых.

Список использованных источников:

1. Астахова А.О. Уголовно-правовая характеристика уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ст. 314.1 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Алина Олеговна Астахова.- Омск, 2017. 220 с.

2. Калинина, О.М. Уклонение от административного надзора: вопросы правоприменения // Вестник ОмЮА. 2016. №4 (33).-С. 51-56.

3. Пузырев С.В. Административный надзор и контроль как формы исполнительской деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Пузырев Сергей Викторович.- Саратов, 2006. -194 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА БЕСПРИСТРАСТНОСТИ

© К.А. Шевцова

Научный руководитель: А.О. Астахова

канд. юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД РФ

Органы внутренних дел наделены особыми полномочиями, которые позволяют выполнять возложенные на органы внутренних дел задачи. К числу основных задач полиции относится защита личности, общества, государства от противоправных посягательств. Для выполнения такой задачи (как и ряда других) сотрудники органов внутренних дел наделяются широким инструментарием мер государственного принуждения. Целям предотвращения злоупотреблений полномочиями и целям соблюдения необходимого равновесия

между имеющимися полномочиями и законностью их применения соответствует существующий механизм дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел.

В литературе отмечается, что важной вехой отечественного полицейского законодательства Российской Федерации является ярко выраженная система принципов организации и деятельности полиции – основных, значимых, руководящих начал, являющихся связующим звеном между нормативными предписаниями различной отраслевой принадлежности, на которых должна строиться, в целом, работа полиции [2, с. 200; 3, с. 34-44; 4, с. 87-90]. В числе принципов деятельности полиции, для целей нашей работы, следует выделить принцип беспристрастности, закрепленный в статье 7 федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».

Часть 1 ст. 7 рассматриваемого Федерального закона закрепляет равный критерий отношения сотрудника полиции ко всем людям, независимо от каких-либо обстоятельств, относящихся к их личностным качествам и полностью исключает любые правовые основания для возможных проявлений дискриминации граждан в деятельности полиции.

Конституция Российской Федерации в ст. 19 закрепляет положение о том, что «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

Принцип беспристрастности полиции не допускает избирательного применения мер принуждения к гражданам в зависимости от пола, расы, национальности и других определенных законом обстоятельств или, наоборот, предоставления тем или иным лицам по каким-нибудь причинам каких-либо льгот, прав, преимуществ, освобождения их от ответственности, оставления без реагирования и рассмотрения заявлений и жалоб граждан.

Беспристрастность представляет собой ряд правил поведения сотрудника, которые призваны обеспечить равную защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Принцип беспристрастности означает недопустимость формирования у сотрудника приоритета воли, идей, интересов, взглядов каких-либо индивидов, партий, групп, элит. Это своего рода нравственное требование гарантирующие непредвзятое и

добросовестное отношение сотрудника к выполнению возложенных правоохранительных задач, исключаящее субъективизм, тенденциозность и предвзятость [1, с. 88].

Для рассматриваемой тематики большой интерес представляет пункт 4 Федерального закона о полиции. В нем говорится, что: «Сотрудник полиции как в служебное, так и во внеслужебное время должен воздерживаться от любых действий, которые могут вызвать сомнение в его беспристрастности или нанести ущерб авторитету полиции».

Закрепление принципа беспристрастности в Федеральном законе о полиции – явление не случайное. Во-первых, это один из основных принципов деятельности государственных служащих в Российской Федерации. В Указе Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» установлено, что «государственные служащие, сознавая ответственность перед государством, обществом и гражданами призваны... не оказывать предпочтения каким-либо профессиональным или социальным группам и организациям, быть независимыми от влияния отдельных граждан, профессиональных или социальных групп и организаций» (п. «г» ст. 2). Таким образом, сущностная природа сотрудника полиции может быть выражена словами: справедливый, служащий истине. Каждый сотрудник изначально должен твердо осознать, что быть справедливым, служить истине – его предназначение, его служебный и гражданский долг.

Мы решили узнать отношение сотрудников ОВД к дисциплинарной ответственности за нарушение принципа беспристрастности. Проведенное нами анкетирование показало, что 24,4 % опрошенных сотрудников считают, что безусловно стоит привлекать к сотрудникам к дисциплинарной ответственности за нарушение принципа беспристрастности, большее количество респондентов – 43,3 % остановились на ответе «скорее да, чем нет». Вместе с тем, 22,2 % ответили «скорее нет, чем да» и 10 % опрошиваемых указали, что привлекать сотрудников к ответственности за нарушение принципа беспристрастности не следует.

Изложенное свидетельствует о том, что на сегодняшний день сотрудниками ОВД не до конца понимается сущность и значимость принципа беспристрастности в деятельности полиции. По нашему глубокому убеждению нарушение принципа беспристрастности как основополагающего, исходного начала деятельности органов внутренних дел, безусловно, должно служить основанием для привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности. Однако, необходимо более четко определить конкретные нарушения,

которые по сути являются нарушением принципа беспристрастности и, соответственно, на основании этого могут служить основанием для привлечения сотрудников к дисциплинарной ответственности.

В таком случае, действия сотрудников полиции, направленные на нарушение принципа беспристрастности, а, в конечном счете, на фактический подрыв авторитета органов внутренних дел в целом и ущерб репутации сотрудника в частности, несомненно должны расцениваться как проступок и служить основанием привлечения сотрудников к дисциплинарной ответственности.

Список использованных источников:

1. Госсельбах, Л.Н. Управленческая культура сотрудников органов внутренних дел: факторы ее трансформации / Л.Н. Госсельбах // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12. – № 1.

2. Киричек, Е.В. Принципы деятельности полиции по обеспечению конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / Е.В. Киричек // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 6.

3. Лещина, Э.Л. Дисциплинарная ответственность в административном праве / Э.Л. Лещина // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 2(40).

4. Николаев, А.Г. Дисциплинарная ответственность как вид юридической ответственности / А.Г. Николаев // Труды Академии управления МВД России. – 2014. – № 2(30).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

© П.А. Юрина

Научный руководитель: А.О. Астахова

канд. юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД РФ

Согласно п. «м» ст. 71 Конституции Российской Федерации производство наркотических средств и порядок их использования относятся к ведению Российской Федерации. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» устанавливает, что в целях осуществления государственной политики в сфере оборота наркотиков и в

области противодействия их незаконному обороту Президент или Правительство Российской Федерации уполномочивают специально образованные федеральные органы или иные федеральные органы исполнительной власти на решение задач в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и в области противодействия их незаконному обороту.

Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» в целях совершенствования государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров были упразднены Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков и Федеральная миграционная служба, а их функции и полномочия переданы Министерству внутренних дел Российской Федерации. В настоящее время МВД России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в указанной сфере. В структуре центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации образовано Главное управление по контролю за оборотом наркотиков.

Основными функциями МВД России в рассматриваемой сфере являются:

- 1) обеспечение контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и осуществление мер противодействия их незаконному обороту;
- 2) выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и предварительное расследование преступлений, а также осуществление производства по делам об административных правонарушениях, которые отнесены законодательством Российской Федерации соответственно к подследственности либо к компетенции органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ;
- 3) координация деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту;
- 4) участие в разработке и реализации государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту;
- 5) создание и ведение единого банка данных по вопросам, касающимся оборота наркотических средств,

психотропных веществ и их прекурсоров, а также противодействия их незаконному обороту; б) осуществление в соответствии с международными договорами Российской Федерации взаимодействия и информационного обмена с международными организациями и компетентными органами иностранных государств в области противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также представление интересов Российской Федерации по вопросам противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в международных организациях.

В соответствии с п. 38 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» сотрудники полиции уполномочены проводить в соответствии с законодательством Российской Федерации проверки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность, связанную с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Непосредственными правовыми основами противодействия ОВД незаконному обороту наркотических средств без цели сбыта являются закрепленные в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях нормы, которыми руководствуются сотрудники ОВД при регулировании общественных отношений, возникающих вследствие нарушения виновным законного оборота наркотических средств. Их условно можно разделить на две группы:

I. Нормы административно-материального права:

– нормы, закрепляющие общие положения административной ответственности: задачи и принципы законодательства об административных правонарушениях, административное правонарушение и административная ответственность, административное наказание, назначение административного наказания;

– нормы, устанавливающие ответственность за совершение конкретных административных правонарушений в области оборота наркотических средств: а) административные правонарушения, подведомственные ОВД (ст. 10.4, 10.5, 12.8, 12.26 ч. 3 ст. 12.29, 12.32, 20.20, 20.21). Составление протоколов об административном правонарушении, а также рассмотрение дел об административных правонарушениях, в соответствии со ст. 23.3 и 28.3 КоАП РФ находится в компетенции ОВД; б) административные правонарушения, находящиеся в компетенции других органов. Хотя административные правонарушения, закрепленные в ст. 6.8, 6.9, 6.13, 20.22 КоАП РФ, и не относятся по подведомственности к компетенции ОВД, однако должностные лица ОВД вправе

составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных данными статьями КоАП РФ.

II. Нормы административно-процессуального права. К ним относятся нормы, обеспечивающие: применение норм материального права судьями, органами, должностными лицами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях; производство по делам об административных правонарушениях; исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях.

Проблема борьбы с незаконным оборотом наркотиков затрагивает сферу деятельности многих федеральных органов исполнительной власти, и, прежде всего деятельность органов внутренних дел.

Организация борьбы ОВД с незаконным оборотом наркотиков осуществляется по следующим направлениям:

1. Рассмотрение органами внутренних дел административных дел, связанных с оборотом, наркотиков. Органы внутренних дел (полиция) рассматривают дела об административных правонарушениях, связанных с наркотиками, по ст. 10.4, 10.5, 12.8, 12.26, ч. 3 ст. 12.29, 12.32, 20.20, 20.21 КоАП РФ.

2. Предупреждение административных правонарушений, посягающих на законный оборот наркотических средств:

- профилактика административных правонарушений;
- выявление административных правонарушений, совершенных в сфере оборота наркотических средств, а также лиц, употребляющих наркотические средства;
- предотвращение административных правонарушений (недопущение совершения административного правонарушения на стадии его замысла либо приготовления);
- пресечение правонарушений административного характера в сфере оборота наркотических средств.

Предупреждение административных правонарушений в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ – это реализуемая в соответствии с законодательством Российской Федерации совместная деятельность уполномоченных на то субъектов, общественных объединений и граждан, направленная на стабилизацию наркоситуации в стране; снижение количества административных правонарушений в сфере оборота наркотических средств; устранение обстоятельств, способствующих совершению административных правонарушений, связанных с наркотиками; индивидуальное профилактическое воздействие в отношении лиц, употребляющих наркотические средства

и совершающих административные правонарушения (преступления), связанные с наркотическими средствами[1, с. 22; 2, с. 28; 3, с. 55; 4, с. 43; 5, с. 10-22].

Резюмирую вышеизложенное, можно сказать, что деятельность органов внутренних дел в сфере контроля за оборотом наркотиков сложна и многообразна. К сожалению, ни для кого не секрет, что в последнее время в современном обществе наблюдается стремительный рост правонарушений в сфере легального оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Также нередки случаи, когда «легальный оборот перерастает в нелегальный». Многие наркотические и психотропные вещества имеют двойственную природу – в некоторых ситуациях их использование легально, в некоторых – преступно.

Список использованных источников:

1. Вяземская А.А. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (уголовно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М, 2014.
2. Ермаков М.Г. Уголовно-правовая характеристика незаконного оборота сильнодействующих и ядовитых веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014.
3. Корнев А.А. Административно-правовые средства борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2010.
4. Рожкова Э.В. Административная ответственность за правонарушения в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
5. Федоров А.В. Соотношение административных наркоправонарушений и наркопреступлений: прошлое, настоящее и будущее // Административное право и процесс. М.: Юрист, 2015. – № 1. – С. 10-22.

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ
И ВОПРОСЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ:
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

**К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ
АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© П.А. Гармаев

Научный руководитель: К.Н. Евдокимов

канд. юрид. наук

*Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

Российская Федерация располагает крупнейшей площадью на планете и в ее составе находятся кардинально различающиеся по своим характеристикам территории. Особенно место среди них занимает Арктическая зона Российской Федерации (далее – Арктическая зона).

На территории Арктической зоны проживает 2 371 655 человек, что составляет 1,6% от населения Российской Федерации [9]. Развитие Арктической зоны для Российской Федерации имеет чрезвычайное значение. Так, на территории Арктики создается 12-15% ВВП России, обеспечивается около 25% всего экспорта нашего государства. Однако имеет место нерешенные проблемы правового и административного характера в данной сфере.

На сегодня можно с уверенностью сказать, что правовое и административное регулирование Арктической зоны находится в переходном периоде. Так, недавно Указом Президента Российской Федерации от 26.02.2019 №78 «О совершенствовании государственного управления в сфере развития Арктической зоны Российской Федерации» на Министерство Дальнего Востока были возложены дополнительные функции по выработке государственной политики и нормативному регулированию в сфере развития Арктической зоны, которое было переименовано в Министерство Дальнего Востока и Арктики [6]. Данное преобразование является попыткой организации централизованного управления арктическими территориями. В состав Арктической зоны включается территория Мурманской области, Ненецкого автономного округа, Чукотского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа, также некоторые районы Республики Карелия, Республики Коми (городской округ «Воркута»), Республики Саха (Якутия), а также городской округ Норильск и некоторые районы Красноярского Края. Штаб-квартиры Министерства Дальнего Востока и Арктики базируются в Хабаровске, Москве, Владивостоке [7].

Представляется, что создание подобного министерства, включающее в себя два проблемных макрорегиона, отличающихся проблематикой, к тому

же отвечавшее бы за развитие столь специфичной территории, которая расположена по факту вдоль всего северного побережья не принесет должного результата. Сильная отдаленность регионов, большие особенности каждого из субъектов в экономической спецификации, наличие районов субъекта Российской Федерации в Арктической зоне при условии, что сам субъект полностью не входит в Арктическую зону и т.д. Данные факторы способствуют низкой эффективности работы данного министерства.

Одной из форм взаимодействия регионов и данного министерства выступают Международный арктический форум «Арктика-территория диалога», международная организация «Северный форум» и т.д [1].

До реформирования министерства основным органом была государственная комиссия по вопросам развития Арктики, которая «координационным органом, обеспечивающим взаимодействие федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций при решении социально-экономических и других задач, касающихся развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности» [8]. Так, Д.А. Медведев, отметил, что «единой структуры, занимающейся арктической повесткой нет, а комиссия собирается от случая к случаю» [2]. Однако данная комиссия продолжает свою работу под руководством вице-премьера Юрий Трутнева.

Арктическая зона, будучи значительным источником финансовых поступлений в бюджет государства, в последнее время приобрела тенденцию оттока населения в более благоприятные для проживания регионы. Будет справедливо согласиться с мнением, что при сохранении такой тенденции будет значительная потеря кадров (в том числе и узких специалистов), что негативно отразится на экономике регионов Арктической зоны. Данная проблема решается посредством повышения мер социальной поддержки, повышения благоустройства населенных пунктов. Проведение подобных мер требует централизованных органов, который бы целенаправленно отвечали за данную работу.

Представляется, что для укрепления и эффективного управления данными регионами в качестве можно пойти по уже протоптанной дороге. Так, возможным было бы создание отдельного Арктического федерального округа, который бы включал в себя все субъекты Арктической зоны, с полномочным представителем Президента Российской Федерации с расположением в одном из стратегически важных городов Арктической зоны. На примере включения Бурятии и Забайкальского края в ДФО, можно сделать вывод

что присутствие в том или ином федеральном округе не всегда должно отвечать географическим требованиям. Принятие подобного решения способствовало бы эффективному управлению по так называемой «вертикали власти».

В науке рассматриваются также варианты создания в Арктике транснациональной модели управления включающее в себя сложный комплекс взаимодействия государств, правительственных организаций, транснациональных корпораций, неправительственных организаций, арктических сообществ ученых, в результате которой Арктика станет самостоятельной политической единицей [10, с. 15]. Однако данная модель внешне есть элемент механизма мировой глобализации, который никак не относится к управлению Арктической зоной в рамках Российской Федерации

Одной из проблем развития управления в Арктической зоне является отсутствие системного законодательства. Так, на сегодня специального федерального закона еще не принято. На стадии законопроекта находится Федеральный закон «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» [4]. В нем предусматривается создание опорных зон развития, которые раскрываются как «территория Арктической зоны, на которой реализуются взаимосвязанные проекты, направленные на комплексное социально-экономическое развитие Арктической зоны, достижение стратегических интересов и обеспечение национальной безопасности в Арктике, предусматривающие скоординированное применение действующих инструментов территориального и отраслевого развития, механизмов реализации инвестиционных проектов, в том числе на принципах государственно-частного партнерства, а также особых режимов осуществления хозяйственной деятельности и территорий с преференциальными условиями ведения предпринимательской деятельности». Целью создания опорных зон является социально-экономическое развитие Арктической зоны, привлечение инвестиций, освоение минерально-сырьевых центров в Арктике, а также развитие Северного морского пути.

Стоит согласиться с мнением А.В. Цыбульского, губернатора Ненецкого округа, что «идея по развитию Арктики через мегапроекты и развитие в рамках опорных зон – правильная. Единственное, в чем я ошибался... мы тогда исходили из того, что каждая опорная зона может быть в рамках отдельного субъекта. [Сейчас] я считаю, что это невозможно. Если говорить про Ненецкую опорную зону, то, если мы ее не совместим с Коми и с Архангельском, то должной экономической отдачи мы не получим» [3]. Также следует отметить мнение М.А. Жукова, члена Экспертного совета по Арктике и Антарктике при Совете Федерации Федерального собрания: «Опорные зоны решают вопросы только одних частей Арктического региона, не решая проблем других его

частей. Ведь не весь регион целиком попадает в опорную зону, а лишь его часть. А остальные части как? Да никак – по усам текло, а в рот не попало» [5].

Экономическое развитие Арктической зоны остро нуждается в централизованном управлении. Мы считаем, что возможно создание Федерального агентства по развитию Арктической зоны с созданием территориальных управлений в каждом субъекте и создания постоянного центрального действующего органа в одном из городов Арктической зоны для оперативного принятия мер по реализации задач, которые стоят перед субъектами Арктической зоны в совокупности с созданием Арктического федерального округа с полномочным представителем Президента Российской Федерации.

Таким образом, развитие административных основ развития Арктической зоны сохраняет актуальный характер. Следует предпринимать оперативные правовые меры с целью развития человеческого капитала в Арктической зоне ибо это чревато значительной потерей кадров в столь важном для экономике сфере.

Список использованных источников:

1. Арктика – территория диалога. Международный арктический форум [Электронный ресурс] // Сайт международного арктического форума Арктика – территория диалога. Международный арктический форум. URL : <https://forumarctica.ru/>
2. Арктику отправили на Дальний Восток. Минвостокразвития займется северными территориями [Электронный ресурс] : Газета «Коммерсантъ». – URL : <https://www.kommersant.ru/doc/3859135>
3. Власти НАО: опорные зоны Арктики не могут развиваться без взаимодействия [Электронный ресурс] : ТАСС информационное агентство. – URL: <https://tass.ru/pmef-2018/articles/5231427>
4. Законопроект № 01/05/11-17/00074838 [Электронный ресурс] : Федеральный портал проектов нормативно-правовых актов. URL : <https://regulation.gov.ru/projects#npa=74838>
5. Новый заход. Правовой статус Арктики остается весьма размытым [Электронный ресурс] : Интернет-портал «Российской газеты». – URL : <https://rg.ru/2018/06/19/reg-szfo/chto-ne-tak-s-pravovym-statusom-russkoj-arktiki.html>
6. О совершенствовании государственного управления в сфере развития Арктической зоны Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ

Президента Российской Федерации от 26 февраля 2019 г. № 78. – Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296. – Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об утверждении Положения о Государственной комиссии по вопросам развития Арктики [Электронный ресурс] : Постановление Правительства РФ от 14 марта 2015 г. № 228. – Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Оценка численности населения сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации [Электронный ресурс] : сайт федер. службы госуд. статистики. URL : www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat

10. Харлампьева Надежда Климовна, Лагутина Мария Львовна Транснациональная модель арктического управления в XXI веке / Н.К. Харлампьева// Арктика и Север. – 2011. – № 3. – С. 1.

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОЙ РУБКЕ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

© А.Ю. Голобородько

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В статье рассматриваются криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты производства осмотра места происшествия по делам, связанным с незаконной рубкой лесных насаждений.

Существующая нестабильность экономического развития Российской Федерации, в сочетании с повышенным спросом в мировом сообществе на природные ресурсы, в определенной степени предопределила рост экологических преступлений, в том числе и незаконной рубки лесных насаждений. Леса в России занимают площадь 814 930 500 га, что составляет 49, 76 % ее территории и около 24, 87 % всех мировых запасов лесных ресурсов [6]. Однако ежегодный рост нелегальных заготовок древесины и противозаконной деятельности в лесном секторе ставят под угрозу дальнейшее развитие и существование данного, стратегически важного для России, сектора. Одной из основных проблем расследования преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, является низкий показатель выявляемости совершенных

нарушений в лесном комплексе. Особенно большой масштаб незаконных рубок лесных насаждений можно наблюдать в регионах, где сосредоточены эти ресурсы и ведется их заготовка.

По нашему мнению, одним из важных аспектов расследования преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ, является наличие у субъекта, ведущего документирование преступной деятельности и последующее производство по уголовному делу, познаний в самых различных областях знаний, таких как: криминалистика, уголовный процесс, уголовное право, лесное право и т.п.

Основным аспектом на первоначальном этапе документирования и расследования преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ, является производство осмотра места происшествия. «Осмотр места происшествия является важным следственным действием, направленным на обнаружение, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, следов преступления и преступника и иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами и ориентирующими сведениями сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельствах расследуемого события» [4, с. 4]. При этом подготовительный этап к проведению осмотра места происшествия по делам, связанным с незаконной рубкой лесных насаждений, начинается с момента поступления в правоохранительные органы сообщения о повреждении лесных насаждений. «Как показывает практика, при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ, чаще всего поводом к проведению проверки и последующему возбуждению уголовного дела является заявление о преступлении или рапорт об обнаружении признаков преступления (на основании сообщения, поступившего в правоохранительный орган)» [1, с. 3]. Получив соответствующие данные о месте и времени совершения преступления, следственно-оперативная группа прибывает на место происшествия и процессуально закрепляет следы преступления.

Прибыв на место происшествия, следователь (дознатель) определяет точное место нахождения участка местности, где осуществлялась незаконная рубка лесных насаждений. Так, участок местности определяется не только по населенному пункту, улице, садоводческому товариществу или району, но и с помощью распечатки публичной кадастровой карты с конкретным номером участка. Так же, данные участка могут определяться по данным, предоставленным администрацией конкретного поселения, с обязательным указанием сведений о том, относятся ли срубленные лесные насаждения к лесному фонду, а также сведений о принадлежности в части собственника конкретных насаждений (например, лесные насаждения могут относиться к муниципальной собственности). Указанные данные могут оформляться справкой,

предоставленной из конкретного административного образования. Если насаждения находились на территории сельского или городского поселения, то в каждом территориальном образовании имеется генеральный план поселения с указанием номера и масштаба. Указанные данные могут оформляться копией генерального плана [7, с. 450].

Полученные данные о месте совершения преступления фиксируются в протоколе осмотра места происшествия, при этом к протоколу осмотра места происшествия наряду с планом-схемой могут приобщаться указанные выше документы, подтверждающие нахождение объектов в конкретной точке с указанием точного места совершения преступления.

Особенностью осмотра места происшествия по делам о незаконной рубке леса является обязательное участие представителя лесничества как специалиста, в ведении которого находится обход (участок лесного массива), где была совершена незаконная рубка деревьев. Необходимость его участия вызвана целесообразностью проведения специфической процедуры, а именно измерения диаметра незаконно срубленных деревьев. Правильное измерение пней влияет на определение общей кубатуры всего объема незаконно срубленных деревьев, общей суммы причиненного материального ущерба и, соответственно, на квалификацию преступления. К тому же без участия сотрудника лесничества, на участке которого произошла незаконная рубка, невозможно правильное проведение следователем (дознавателем) осмотра места происшествия, а именно точное определение квартала, литеры, выдела участка незаконной рубки, определения диаметров срубленных деревьев, их породы, примерного времени совершения преступления по цвету опилок и срезов деревьев и т.д., так как эти специфические вопросы находятся в ведении работников лесничеств.

Следователь (дознаватель) в обязательном порядке в протоколе осмотра места происшествия указывает диаметр пней с точностью до миллиметров при участии лесничего, который производит измерение диаметра пня. К тому же, если осмотр места происшествия производится без участия понятых на основании ст. 170 УПК РФ, то следователь (дознаватель) должен произвести фотосъемку каждого пня и приобщить данные фотографии к протоколу осмотра места происшествия.

В практической деятельности порой происходит нарушение при составлении протокола осмотра места происшествия. При сравнении и анализе диаметра в ведомости пересчета пней и протоколе осмотра места происшествия обнаруживаются существенные расхождения. Данные расхождения вызваны тем, что по действующим правилам необходимо измерять диаметр пня

с учетом коры, а также округлять диаметр пня в большую или меньшую сторону, так как при итоговом подсчете кубатуры в ведомости пересчета пней изменяются только четные числа с шагом в четыре деления [5], а в протоколе осмотра места происшествия диаметр пня должен быть указан точно без округления.

Так же стоит остановиться на следах, имеющихся на пне. По данным следам возможно определить вид технических средств или инструментов, которыми была совершена рубка деревьев. Кроме этого, при спиле дерева остаются характерные следы, по которым можно определить не только количество спиленных деревьев, но и породу, возраст и объем, которые необходимы для определения ущерба. Ущерб от незаконной рубки определяется на основании заключения специалиста в части определения стоимости срубленных лесных насаждений. Стоимость срубленных лесных насаждений в первую очередь необходима для определения значительности размера, причиненного преступными действиями.

Следующей особенностью осмотра места происшествия является необходимость изъятия спилов с пней, обнаруженных на месте рубки, а также опилок. При этом спилы должны изыматься не со всех пней, а только с тех, которые имеют характерные индивидуализирующие признаки (особенности формы дерева, наличие на коре дерева выемок и выступов, сучки на внешней поверхности спила, следы воздействия короеда и других вредителей, своеобразный рисунок годовых колец, разная толщина годовых колец, наличие разницы в расстояниях между годовыми кольцами, иные особенности годовых колец, внутренние повреждения волокон и др.) [3, с. 3].

«В последующем совокупность индивидуальных признаков, отличающих изъятый спил пня, позволит определить по ним обнаруженное спиленное дерево с такими же особенностями в месте распила. Благодаря этому эксперт, проводящий трасологическую экспертизу, даст категорический положительный ответ на вопрос о том, составляли ли ранее данные объекты единое целое. Необходимо делать спилы не только с пней, но и с макушечной части оставленного дерева по вышеуказанным правилам, так как в большинстве случаев лесонарушители с целью исключения возможности привязки срубленного леса к месту незаконной рубки и затруднения проведения трасологической экспертизы делают дополнительные срезы с комлевой (нижней) части упавшего дерева, а с макушечной части, как правило, данные дополнительные срезы не делают. В таких случаях изъятию подлежат не только спилы с пней, но и дополнительные срезы, которые были сделаны с упавшего дерева (промежуточные части между пнем и комлем вывезенного дерева)» [2, с. 182].

Подводя итог, можно отметить, что осмотр места происшествия имеет важное значение для раскрытия преступления, получения доказательственной базы, привязки обнаруженной древесины к месту незаконной рубки и в конечном итоге влияет на весь результат расследования уголовного дела. Наличие у правоприменителя знаний об особенностях, характерных для осмотра места преступления по делам о незаконной рубке лесных насаждений, во многом поможет на высоком профессиональном уровне произвести указанное следственное действие, не допустить ошибки, вследствие которых потребуются повторный выезд на место происшествия, дополнительное назначение судебных экспертиз, что в итоге приведет к увеличению разумного срока уголовного судопроизводства. Полученные при осмотре места происшествия первоначальные данные позволят правильно определить реальные направления расследования, от выбора которых будет зависеть результат работы.

Список использованных источников:

1. Александров А.Н. Организация работы следователя (дознвателя) на месте происшествия по уголовным делам о незаконной рубке лесных насаждений [Текст] / А.Н. Александров, Д.Н. Рудов // Российский следователь. – 2018. – № 10. – С. 3-6.
2. Волков Е.В. Особенности осмотра места происшествия по фактам незаконной рубки лесных насаждений [Текст] / Е.В. Волков // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 3. – С. 180-185.
3. Лапшин В.Е. Теоретические основы экспертизы места происшествия [Текст] / В.Е. Лапшин // Эксперт-криминалист. – 2009. – № 3. – С. 2-5.
4. Методические основы осмотра места происшествия: учеб.-метод. пособие [Текст] / под ред. М.П. Филиппова. – М.: ЦОКР МВД России, 2007. – 216 с.
5. Наставление по отводу и таксации лесосек в лесах Российской Федерации: утв. Приказом Федеральной службы лесного хозяйства Российской Федерации от 15 июня 1993 г. № 155. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
6. Страны мира. Информация. [Электронный ресурс] // URL: https://ru.countries.world/Россия/География-485_34.html (дата обращения 12.03.2019 г.)
7. Унжакова С.В. Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании незаконной рубки лесных насаждений [Текст] / С.В.

Унжакова // Известия Тульского государственного университета. Экологические и юридические науки. – 2016. – № 3. – С. 449-455.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СОГЛАШЕНИЯ О РАЗДЕЛЕ ПРОДУКЦИИ

© Д.И. Головин

Научный руководитель: Е.Н. Петрова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Соглашение о разделе продукции (СРП) как институт правового регулирования отношений между государством и частным инвестором существует в России почти четверть века. Однако до сих пор среди ученых нет единого мнения о том, к какой отрасли права следует отнести соглашение, поскольку в нем, предположительно, присутствуют элементы нескольких отраслей, среди которых более явно выделяют административное и гражданское право.

Соглашение о разделе продукции устанавливает юридические рамки, содержит условия (разработанные достаточно конкретно и подробно), определяющие права и обязанности инвестора – отечественного или иностранного, а также права и обязанности государства. В Федеральном законе о СРП указывается, что данный закон регулирует отношения, возникающие в процессе заключения, исполнения и прекращения соглашений о разделе продукции, а также отношения, возникающие в процессе поиска, разведки и добычи минерального сырья, его транспортировки, обработки, хранения, переработки, использования, реализации или распоряжения иным образом, то есть весь комплекс проблем, связанных с поиском, производством и реализацией минерального сырья.

Институт соглашения о разделе продукции явился в свое время нововведением в российское законодательство. Такие виды договоров не содержатся в гражданском либо ином российском законодательстве. Они необычны как по своему содержанию, так и по субъектному составу, как отмечает В. Н. Лишица [1].

Номинально можно предположить, что соглашение о разделе продукции является своеобразным ответвлением договора коммерческой концессии. Так, в соответствии со статьей 1027 Гражданского кодекса РФ, договор коммерческой концессии представляет собой передачу права пользования исключительными правами, принадлежащими правообладателю, на определенный срок [2]. В соответствии со статьей 2 Федерального закона «О

соглашениях о разделе продукции», СРП предусматривает передачу инвестору исключительных прав на осуществление деятельности на участке недр [3]. То есть, предмет договора аналогичен с той поправкой, что ФЗ «О соглашениях...» рассматривает этот вопрос в сфере недропользования, которая не является объектом гражданских правоотношений, т.к. недра, в соответствии с Федеральным законом «О недрах» являются собственностью Российской Федерации.

Однако сходство между этими видами договоров на этом заканчиваются. Во-первых, в СРП одной из сторон договора является государство, чего нет в договоре концессии. Во-вторых, существует весомое различие между платежами за использование исключительных прав – по договору концессии четко определено вознаграждение за пользование исключительными правами (фиксированные платежи, процент от выручки и т.д.). Соглашение о разделе продукции предусматривает более сложную систему платежей за право пользоваться исключительными правами в области недропользования. Российская Федерация при заключении соглашений о разделе продукции ориентирована на индонезийскую форму раздела продукции. Данная модель предполагает деление платежей на три ступени:

- из полученной инвестором продукции первоначально выделяется часть, которая отчисляется государству в виде платежей за пользование недрами (ренталс, роялти);

- затем из продукции выделяется часть, которая переходит государству в качестве компенсации за понесенные затраты на поиски и разведку полезных ископаемых;

- оставшаяся часть подлежит разделу между государством и инвестором в соответствии с условиями соглашения, из своей доли инвестор также уплачивает налог на прибыль [4].

По мнению Н. П. Зарубиной, соглашение о разделе продукции косвенно включает в себя договор о совместной деятельности (договор простого товарищества) [5], поскольку в соглашении о разделе продукции в качестве инвестора могут выступать как отечественные, так и зарубежные компании, в том числе созданные на условиях договора о совместной деятельности товарищества без образования юридического лица (статья 3 Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции»). То есть, СРП содержит в себе элементы еще одного вида договора гражданско-правового характера, пусть это и не является обязательным условием, т.к. случаи инвестирования единственной организацией по соглашению о разделе продукции также имеют место быть.

Так, в соглашении о разделе продукции «Сахалин-1», заключенном в

1995 году, в качестве инвестора выступал Консорциум компаний «Эксон Нефтегаз Лимитед», Сахалин Ойл Девелопмент Корпорейшн Компани Лимитед» и российских ЗАО «Сахалинморнефтегаз-Шельф» и ЗАО «Роснефть-Сахалин».

И. Ю. Юшкарев и С. Б. Немченко считают, что в соглашении о разделе продукции присутствуют элементы договора подряда [6]. В частности, они сравнивают СРП с выполнением работ по заданию заказчика, т.к. работы по СРП выполняются в соответствии с программами, планами и сметами.

Важным фактом, опровергающим сходство соглашения о разделе продукции и договора подряда является то, что результат работы по договору подряда в полном объеме подлежит передаче заказчику. Более того, соглашение о разделе продукции помимо непосредственного деления «результата работы» (произведенной продукции) также допускает возможность вывоза инвестором его доли в неограниченном объеме, что невозможно по договору подряда. Единственным исключением является возможность подрящика претендовать на часть результата работ вместо платы за выполненную работу. Но в этом случае весь объем добытой продукции будет находиться в общей долевой собственности участников договора, что также проводит грань между договором подряда и соглашением о разделе продукции.

Также существует ряд мнений касательно вопроса принадлежности соглашения о разделе продукции к договорам административно-правового характера.

Так Е. В. Васильев считает, что соглашение о разделе продукции является договором публично-правового характера. В связи с отсутствием законодательного определения административного договора, такой договор большинством ученых определяется как «основанный на административно-правовых нормах и выработанный в публичных интересах в результате добровольного соглашения субъектов административного права, одним из которых всегда выступает субъект административной власти...» [7] – то есть, соглашение о разделе продукции можно считать таковым, поскольку одной из сторон соглашения является государство в лице Правительства Российской Федерации и субъекта РФ, на территории которого находится участок недр, передаваемый инвестору. Также некоторые исследователи предполагают, что СРП является исключительно административно-правовым договором, так как, заключив соглашение, государство обязуется совершать административные действия. Также, в соответствии со статьей 23 Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции», Российская Федерация может ограничить свой судебный иммунитет, что может осуществляться только в административном

порядке [3].

Вместе с этим, существует и противоположное мнение. Л. М. Буслаева считает, что несмотря на тот факт, что недропользование отнесено к административно-правовым отношениям, это не является основанием для отнесения соглашения о разделе продукции к административно-правовым договорам [8].

В пользу того, что соглашение о разделе продукции относится к административно-правовым договорам говорит и факт наличия процедуры лицензирования, что является публично-правовым институтом. То есть, государство передает права на пользование участками недр инвестору, а вместе с этим, согласно статье 4 ФЗ «О соглашениях о разделе продукции», выдает инвестору лицензию на право осуществления такой деятельности [3].

Стоит и рассмотреть позицию, является ли СРП смешанным договором. На основании статьи 421 Гражданского кодекса РФ, смешанный договор содержит в себе элементы различных договоров [2]. Соглашение о разделе продукции содержит схожие с ними в других видах договоров элементы (например, предмет договора – договор коммерческой концессии). Но вместе с этим данные элементы не соответствуют им полностью, как было рассмотрено ранее в ситуации с договором коммерческой концессии, что позволяет сделать вывод о том, что СРП содержит скорее некоторые признаки различных договоров. То есть, не является смешанным.

В пользу факта о самостоятельности соглашения о разделе продукции Л. М. Буслаева указывает на тот факт, что «...система выдачи лицензий или осуществление контроля и надзора за недропользованием, не представляют сами по себе вид договора в соответствии с пунктом 3 статьи 421 Гражданского кодекса РФ, но являются частью договора» [8].

Исходя из этого, можно предположить, что соглашение о разделе продукции является самостоятельным видом договора, преимущественно гражданско-правовой направленности. Единственной оговоркой в пользу административно-правового характера соглашения является специфика регулируемых правоотношений, поскольку недропользование в соответствии с Конституцией РФ и Федеральным законом «О недрах» не является одним из предметов гражданско-правового регулирования.

Список использованных источников:

1. Лисица В. Н. Применение норм инвестиционного права в регулировании инвестиционных отношений [Текст] / В. Н. Лисица // Законодательство. –

2011. – № 10.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации в 4 ч. Ч. 2 [Электронный ресурс]: федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ ред. от 03.08.2018. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. О соглашениях о разделе продукции [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ ред. от 27.06.2018. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Кириллов К. М. Соглашение о разделе продукции – история и современное состояние проблемы [Текст] / К. М. Кириллов // Проблемы экономики. – 2001. – № 4.

5. Зарубина Н. П. О правовой природе соглашений о разделе продукции [Текст] / Н. П. Зарубина // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2015. – № 27. – С. 116-126.

6. Юшкарев И. Ю. Правовая природа соглашения о разделе продукции (СРП) [Текст] / И. Ю. Юшкарев, С. Б. Немченко // Нефть, газ и право. – 2005. – № 5.

7. Васильев Е. В. Административно-правовая природа соглашений о разделе продукции в нефтегазовом комплексе России [Текст] / Е. В. Васильев // *Matters of Russian and International Law*. – 2016. – № 6. – С. 190-198.

8. Буслаева Л. М. Правовая природа соглашения о разделе продукции как инвестиционного договора [Текст] / Л. М. Буслаева // Публичное и частное право. – 2014. – № 21. – с. 185-190.

РЕГУЛЯРНЫЕ ПЛАТЕЖИ ЗА ПОЛЬЗОВАНИЕ НЕДРАМИ

© Н.Г. Григорьева

Научный руководитель: А.В. Демин

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В юридической доктрине отсутствует единый подход в отношении регулирования природоресурсных платежей, что не дает точно определить их правовую природу. Сложившаяся ситуация дает государству варьировать между публично-правовыми и частноправовыми конструкциями, при невозможности определения точных критериев отделения неналоговых платежей от налогов и сборов, что приводит к тому, что законодательство не в состоянии

создать условия для соблюдения принципа юридической определенности финансовых обязательств граждан перед государством [8].

Регулирование природопользования обладает своей спецификой, оказывающей влияние на содержание правовых норм. В большей мере это проявляется в сфере недропользования как наиболее значимой с фискальной точки зрения разновидности природопользования. И хотя Конституция Российской Федерации не содержит прямых положений о взимании платы с пользователей природных ресурсов, это не позволяет ставить вопрос о неконституционности таких платежей, поскольку использование природных ресурсов на возмездной основе закреплено в федеральных законах, устанавливающих порядок использования отдельных видов природных богатств [9].

Из-за отсутствия целевых фондов платежи приняли фискально-рентный и нецелевой характер. Речь идет о том, на какие именно цели должны расходоваться эти платежи. Это снижает стимулирующее воздействие на эффективное рациональное использование и охрану недр, а также на устойчивое воспроизводство минерально-сырьевой базы.

Данные условия придают актуальность вопросам правового регулирования платежей за пользование недрами в РФ, и появляется необходимость в теоретическом исследовании и научной оценке указанных платежей как особой финансово-правовой категории.

Уплата регулярных платежей за пользование недрами предусмотрена статьями 39 и 43 Закона Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 "О недрах" за предоставление пользователям недр исключительных прав на поиск и оценку месторождений полезных ископаемых, разведку полезных ископаемых, геологическое изучение и оценку пригодности участков недр для строительства и эксплуатации сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, строительство и эксплуатацию подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, за исключением инженерных сооружений неглубокого залегания (до 5 метров), используемых по целевому назначению [1].

По своим юридическим признакам и содержанию правовых конструкций регулярные платежи за пользование недрами подобны налогам. Но механизмы и гарантии защиты прав и интересов налогоплательщиков не распространяются на недропользователей. Это касается надлежащего исполнения обязанности по уплате регулярных платежей, включая момент возникновения, изменения и прекращения обязанности, особенности ее исполнения, установления и использования льгот, отсрочки по уплате, зачет и возврат излишне уплаченных денежных средств, меры принудительного изъятия.

Недостатком правового регулирования данного платежа является ряд обязательных элементов, необходимых для их расчета. В законе не раскрыто их содержание, а именно объект и база обложения, в особенности регулярных платежей «за хранение полезных ископаемых», порядок исчисления. Не урегулированы элементы правовых конструкций регулярных платежей, обеспечивающие исполнение обязанности по их уплате.

По этой причине осложняется процесс правоприменения как у плательщиков, так и у налоговых органов. В соответствии с установленными правилами, недропользователь обязан ежеквартально, но не позже последнего числа месяца, следующего за отчетным кварталом, перечислять указанные платежи в бюджет. Но как показывает практика недропользователь не всегда соблюдает установленные сроки. Решением Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы № 6 по Оренбургской области от 17 мая 2013 года, вынесенным по результатам камеральной проверки расчета ОАО "Оренбург-нефть" регулярных платежей за пользование недрами за IV квартал 2011 года, обществу со ссылкой на пункт 4 статьи 43 Закона Российской Федерации "О недрах" было предложено уплатить задолженность в сумме 15 691 руб., т.е. из расчета за квартал в целом [2].

Касательно наказания за такого рода правонарушения возникают ряд вопросов, так как отсутствует единый подход в правоприменительной практике по вопросу характера применяемых мер государственного принуждения за неуплату регулярных платежей за пользование недрами.

Так как регулярные платежи за пользование недрами не являются налогом и сбором, в случае их несвоевременной уплаты положения статьи 75 Налогового кодекса Российской Федерации применению не подлежат [3]. То есть налоговые органы не могут взыскать пени за просрочку платежей, суды обычно становятся на сторону недропользователей. В свое время в Письме от 11.01.2009 № ВЕ-20-3/2 "О регулярных платежах за пользование недрами" ФНС России отметила, что не раз обращалась в Минфин России с просьбой рассмотреть вопрос о передаче полномочий по администрированию регулярных платежей за пользование недрами органам Минприроды России.

Учитывая данное обстоятельство и сложившуюся судебную практику по этому вопросу, Минфин России в своих служебных письмах от 15.06.2007 № 03-06-06-01/27, в том числе и в последнем от 28.06.2016 № СД-4-3/11529с занял позицию, что за неуплату регулярного платежа не предусматриваются пени. Так же она нашла отражение несколько ранее и в постановлении Президиума ВАС РФ от 10.02.2009 № 11295/08 [4] [5].

Между получением лицензии на пользование недрами и возникновением обязанности по внесению регулярных платежей установлена тесная связь. Права и обязанности пользователя недр возникают с даты государственной регистрации лицензии на пользование участком недр, а сама лицензия и ее неотъемлемые составные части должны содержать, в частности, условия, связанные с платежами, взимаемыми при пользовании недрами. На момент приостановки действия лицензии согласно позиции ФНС уплата регулярных платежей не приостанавливается. Данная позиция была высказана в Письме ФНС России от 25.03.2014 № ГД-4-3/5368@ "О регулярных платежах за пользование недрами" [6].

При этом не учитывается, что лицензионный участок может быть неоднородным и многообъектным, а часть лицензионного участка по итогам геологического изучения может быть признана бесперспективной. В этом случае данное положение лицензии в конкретной ситуации станет противоречить положениям закона, а именно нормам пункта 2 статьи 43 Закона о недрах, устанавливающим, что для уплаты регулярных платежей по ставкам за разведку необходимо, чтобы на облагаемой площади участка недр были установлены и учтены Государственным балансом запасы соответствующего полезного ископаемого [1].

Такое противоречие может повлечь за собой существенную переплату по регулярным платежам за пользование недрами, из-за существенной разницы между ставками платежей за поисково-оценочную и разведочную стадии. Данная проблема может привести к обращениям недропользователей за изменением или оспариванием данных положений лицензии.

Таким образом, регулярные платежи за пользование недрами целесообразно включить в систему налогов и сборов РФ, придав правовую форму налога. И законодательно урегулировать все элементы, необходимые для их расчета и соответствующего исполнения обязанности по уплате, в том числе распространив действие мер финансово-правовой и налоговой ответственности на случаи их неуплаты. Это равным образом позволит упорядочить процедуру их взимания и уплаты, сделает процесс уплаты более понятным и доступным как для контролирующих органов, так и для плательщиков. Тем самым законодательно будет обеспечено соблюдение гарантий защиты конституционных прав недропользователей, а государство на праве собственника недр на законных основаниях сможет изъять причитающуюся ему часть рентного дохода.

В свою очередь, это повысит заинтересованность недропользователей в своевременной уплате рассматриваемого платежа, устранив возможность

появления судебных дел по правомерности взыскания пеней за несоблюдение сроков его оплаты, позволит убрать необоснованные по своей сути различия в НК РФ в отношении наказаний за подобного рода правонарушения.

Список использованных источников:

1. Закон РФ "О недрах" от 21.02.1992 № 2395-1 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Конституционный суд РФ. Определение от 6 октября 2015 г. № 2314-О [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Письмо Минфина России от 15.06.2007 № 03-06-06-01/27 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Письмо ФНС России от 11.01.2009 № ВЕ-20-3/2 "О регулярных платежах за пользование недрами" [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Письмо ФНС России от 25.03.2014 № ГД-4-3/5368@ "О регулярных платежах за пользование недрами" [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 11295/08. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
8. Сергеев, А. А. Разграничение налоговых и неналоговых платежей: конституционно-правовой аспект [Текст] / А.А. Сергеев// Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 1. – С. 40-41.
9. Шевелева, Н.А. Принцип платности природопользования в РФ [Текст] / Н.А. Шевелева // Петербургский юрист. – 2015. – № 5. – С. 92-111.

НАЛОГОВЫЕ ОРГАНЫ И НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКИ – НЕ ВРАГИ, А ПАРТНЕРЫ

© Д.Д. Ибадуллаева

Научный руководитель: А.В. Демин

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Налоговая система является инструментом, обеспечивающим формирование финансовых ресурсов государства. Публичные финансы являются материальной базой, обеспечивающей удовлетворение потребностей общества посредством государства.

Большинство ключевых налогоплательщиков в РФ, так или иначе, связаны с добычей, переработкой и транспортировкой полезных ископаемых. В число основных налоговых «доноров» государственного бюджета России входят такие гиганты нефтяного и нефтегазового сектора как «Лукойл», «Сургутнефтегаз», «Татнефть», «ТАИФ-НК», «Новатэк», «Сибур». Этот перечень дополняют «монстры» розничной торговли – «Магнит», X5 Retail Group, «Мегаполис». В лидирующую двадцатку также входят металлургические компании – УГМК, ММК, «Северсталь», НЛМК, «Норильский Никель», Evraz, UC Rusal. В списке важнейших налогоплательщиков присутствуют и крупнейшие телекоммуникационные компании страны – МТС, «Мегафон» и Vimpelcom.

В апреле 2019 года Федеральная налоговая служба завершила реформу контроля за крупнейшими налогоплательщиками, появились новые инспекции, специализирующиеся на конкретных отраслях. Цель данной реформы – найти риски, характерные для отраслей и компаний со схожими бизнес-моделями [7]. До сих пор такие инспекции существовали только на федеральном уровне и контролировали 2000 налогоплательщиков с доходами от 20 млрд руб. в восьми отраслях: международные и транснациональные компании, нефтегазовый сектор, агропромышленный комплекс и розничные сети, производство и строительство, добыча и переработка сырья, энергетика и коммуникации, цифровая экономика, финансовый рынок. Теперь их зона контроля сужается – сумма дохода увеличена до 35 млрд руб. Но им подчиняются 12 новых межрайонных инспекций в разных городах (Кемерово, Екатеринбург, Новосибирск, и др.).

С одной стороны, нововведение позволит ФНС лучше понимать особенности деятельности каждой отрасли при осуществлении контроля за соблюдением налогового законодательства, а значит, жестче бороться с уходом от уплаты налогов. С другой стороны, позволит оказывать более

квалифицированные консультации налогоплательщикам по вопросам налогообложения в каждой отрасли.

В августе 2017 года Налоговый кодекс РФ дополнен новой статьей 54.1, которая посвящена вопросам умышленного занижения налогоплательщиками налоговой базы [5]. Пунктом 1 ст. 54.1 НК РФ предусмотрен запрет уменьшения налогоплательщиком налоговой базы и суммы подлежащего уплате налога в результате искажения сведений о фактах хозяйственной жизни, об объектах налогообложения, подлежащих отражению в налоговом и бухгалтерском учете либо налоговой отчетности налогоплательщика.

В Письме ФНС России [6] дается разъяснение о том, как должны действовать налоговые органы по выявлению и доказыванию недобросовестности налогоплательщиков.

Вместе с тем любые мероприятия, направленные на борьбу с уклонением от уплаты налогов, не должны приводить к нарушению конституционных прав граждан, ухудшать сложившийся к настоящему времени баланс прав налогоплательщиков и налоговых органов, негативно влиять на конкурентоспособность российской налоговой системы.

Федеральная налоговая служба большое внимание уделяет профилактике налоговых правонарушений. Массовые проверки бизнеса остались в далеком прошлом. Главный тренд налогового контроля – профилактический подход, основанный на передовых цифровых технологиях, аналитике и консультации [3]. В свою очередь, основной принцип партнерства со стороны налогоплательщиков – добросовестность в вопросах уплаты налогов.

Сегодня все чаще говорят о том, что налоговая инспекция – это сервисная организация. Организован электронный обмен данными, создана методология автоматизированной системы отбора объектов для выездной проверки, система предоставления консультационных услуг с использованием телефонии и интернета, появилась разветвленная информационно-телекоммуникационная инфраструктура. Данная концепция полностью соотносится с миссией ФНС России, которая обозначена как эффективная контрольно-надзорная деятельность и высокое качество предоставляемых услуг для законного, прозрачного и комфортного ведения бизнеса, обеспечения соблюдения прав налогоплательщиков и формирования финансовой основы деятельности государства [4]. Кроме того, в стратегической карте ФНС России на 2016–2020 гг. определены задачи по расширению спектра сервисных услуг, повышению качества обслуживания налогоплательщиков и развитию интернет-сервисов.

До начала 90-х годов функции налоговых органов ограничивались контролем и применением санкций к налогоплательщикам за нарушение

налогового законодательства. Соответственно, налогоплательщиками налоговые органы воспринимались исключительно как карающая государственная организация, что не способствовало установлению партнерских связей. «Должен произойти отход от административно-командной модели налогового администрирования, основанной на односторонне-властном управленческом воздействии с приоритетом контрольно-принудительных средств, к модели "партнерского сотрудничества", в основе которой лежит принцип "клиенто-ориентированного сервиса", досудебного разрешения споров, взаимного доверия и взаимовыгодного "обмена" управляемых с управляемыми» – утверждает Демин А.В. [1]. Огромную роль здесь должно сыграть качественное изменение взаимоотношений с налогоплательщиками, готовыми выстраивать прозрачные схемы ведения бизнеса и представлять необходимую информацию налоговым органам в соответствии с законодательством.

Отношения между государственными органами и населением теперь рассматриваются как двухстороннее сотрудничество, где государство оказывает гражданам публичные услуги, а налогоплательщики с помощью налогов "покупают" услуги государства по удовлетворению потребностей общества. С этой позиции налогоплательщик выступает в качестве клиента, и поэтому целесообразно говорить о клиентоориентированном подходе в деятельности налоговых органов.

«Ориентация граждан и представителей бизнеса на партнерские отношения с налоговым органом, к которому всегда можно обратиться за помощью в разрешении вопросов, связанных с налогообложением, выведет взаимодействие на новый уровень, позволит оперативно реагировать на выявленные нарушения и принимать меры к их недопущению. Решение указанной задачи – необходимая предпосылка для перехода к новой, "партнерской" модели налогового администрирования в Российской Федерации» – считает Демин А.В. [2]

С начала 2000-х годов в налоговых органах повсеместно стала внедряться система электронной обработки данных. Использование информационно-коммуникационных технологий помогает населению автоматизировать и упростить процесс управления налогами и взаимоотношения с налоговыми органами в части сбора информации о предполагаемых платежах и их детализации, периоде платежа, данных о налогоплательщике. Налогообложение становится проще, ускоряя процесс уплаты налогов при помощи современных электронных систем, посредством предоставления налогоплательщиком необходимой информации и проведения процедуры оплаты с помощью мобильных устройств.

Огромную роль играет качественное изменение взаимоотношений налогоплательщиков с налоговыми органами, готовыми выстраивать прозрачные схемы ведения бизнеса и представлять необходимую информацию налоговым органам в соответствии с законодательством.

Таким образом, необходимо создание позитивного образа налогов и налогообложения в общественном сознании, воспитание добросовестности у налогоплательщиков, понимающих свою ответственность перед обществом и тот факт, что общественно полезные функции государства основываются на пропорциональном участии каждого в формировании публичных финансовых ресурсов.

Список использованных источников:

1. Демин А.В. Повышение налоговой культуры – важнейший компонент перехода к "партнерской" модели налогового администрирования / [Электронный ресурс] : Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Демин А.В. Совершенствование налоговой культуры как важнейшая предпосылка перехода к "партнерской" модели налогового администрирования. / [Электронный ресурс] : Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Информационно-аналитическая газета «Налоговые вести Красноярского края». – 2019. – № 4 (434) Апрель.
4. Миссия, основные направления деятельности и Стратегическая карта Федеральной налоговой службы [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.ru/rn77/about_fts/fts/ftsmission/.
5. Федеральный закон РФ от 18.07.2017г. № 163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса РФ» " [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. <Письмо> ФНС России от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@ "О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации" " [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. <https://www.vedomosti.ru/>.

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ПО ОСВОЕНИЮ СЕВЕРНЫХ
ТЕРРИТОРИЙ: ПЕРИОДИЗАЦИЯ, ГЛАВНЫЕ ЦЕЛИ И ОСНОВЫ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ**

© А.Д. Монгуш

Научный руководитель: Е.И. Петрова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

XX век для России по многим важнейшим направлениям жизни общества был переломным. Освоение территории Российского государства, начавшееся в XVI в., продолжалось и в XX в. СССР исповедовал идеалы индустриализма и интернационализма, что требовало создания одинаковой народнохозяйственной территории. Направления и меры государственного регулирования Севера в СССР определялись, с одной стороны, приоритетами освоения ресурсов, сосредоточенных на северных территориях, необходимостью становления и развития продуктивного сельского хозяйства, а с другой стороны, принципами ленинской национальной политики. В дальнейшем неоднократно менялся характер государственной политики, по отношению к Северу. Для рассмотрения столь длинного периода в истории отношений государства и отдельной, весьма специфической особенностью Севера, представляется целесообразным выделить основные этапы формирования государственной политики по освоению северных территория, которая осуществлялась в Советской России.

До октябрьской революции были разработаны первые программы освоения Крайнего Севера, высказывались различные предложения о дальнейшей европеизации коренного населения Севера, необходимости патерналистской политики по отношению к аборигенам, все это впоследствии нашло свое воплощение в советской национальной политике на Крайнем Севере.

В 1920-1930-х гг. в СССР была предпринята широкая программа правительственных мероприятий по изучению и освоению Крайнего Севера. При изучении учитывались национальные интересы коренных малочисленных народов Севера. Программа в области национальной политики была ориентирована сначала на поднятие хозяйственного и культурного неравенства между коренными народами Севера, и одновременно освоению северных и восточных территорий России, содержащих жизненно необходимых стране природные ресурсы. Только потом политика была направлена и на заселение огромной необжитой территории страны с целью укрепления позиций северо-

восточной границы государства, развития производства по добыче драгоценных металлов, рыбы, пушнины и перераспределения трудовых ресурсов [5, с. 88-91].

В советский период истории нашей страны миграционные процессы проводились, в соответствии с планами развития народного хозяйства и предлагались по годам, а также по разделам хозяйства. Они осуществлялись на добровольных началах согласно Кодексу законов о труде РСФСР 1922 года, и учитывались интересы общества, и отдельных граждан. Государственная значимость миграционных процессов выражалась созданием миграционных органов, таких как сеть бирж труда, ставших главными информационно-координирующими органами, осуществляющими трудоустройство в стране. А также выражалась формированием системы льгот, которые являлись материальной базой миграций и были важным стимулом миграционного движения. Так, с 1920-1960 года ВЦИК, СНК РСФСР издали ряд нормативно-правовые акты о льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере РСФСР [11, с. 6-17].

Однако были и трагические периоды – массовые репрессии, осуществлявшие в годы сталинского правления, привело к созданию ГУЛАГа (1930-1960) – мощного индустриального комплекса, которое при реализации программы индустриализма использовала труд заключённых [7, с. 94 – 102]. В Северо-Востоке СССР в 30-х гг. подобным комплексом был государственный трест – Дальстрой, который использовал труд заключённых Северо-Восточного исправительного трудового лагеря в промышленном и гражданском строительстве в 1930-1950-х гг. Говоря о государственном тресте – Дальстрой, следует отметить, формирование другой социальной группы трудовых мигрантов – вольнонаёмных «договорников». Для них была разработана целая программа, в основу которой легли Постановление ЦК ВКП(б) «О Колыме» от 11 ноября 1931 г. и «Выписка из протокола №23 заседания Президиума ЦИК СССР «О льготах для работников треста «Дальстрой»» от 9 декабря 1931 г. Несмотря на разный, с юридической точки зрения, социальный статус заключённых и вольнонаёмных «договорников», все они находились в трудных условиях, и их труд нёс тем или иным образом принудительный характер. В итоге на Северо-Востоке СССР в 1930-1950-х гг. уже более чем на 10% в год увеличилось городское население почти повсюду. Еще активнее оно росло на севере, который в индустриальном отношении только начинал осваиваться. В это время лидировал Европейский Север, где городское население выросло на 664 тыс. чел. по сравнению с 228 тыс. на Азиатском Севере [3, с. 4-5].

Во время Великой Отечественной Войны движение на восток и север еще более усилился за счет эвакуации предприятий с запада и ускорения развития

собственной промышленности. За 1940-1950 гг. в отличие от предыдущего абсолютным приростом городского населения на Европейском и Азиатском Севере был почти равным [3, с. 4-5].

В послевоенные годы в СССР существовала достаточно развитая миграция в разные города сельского населения, связанная с обеспечением рабочей силой промышленных предприятий. Тогда уже трудоустройство осуществляется по оргнабору. За первые пять лет после Великой Отечественной Войны, в СССР по оргнабору на работу было привлечено около 4 млн. человек. Ежегодно только по РСФСР набиралось не менее 0.5 млн. рабочих, среди которых от 60 до 80% составляли выходцы из села [2, с. 1049-1050].

Следующим ключевым периодом в истории развития государственного регулирования трудовой миграции можно выделить период позднего СССР с 1960 по 1991 гг. Единственная из прежних тенденций, имевшая продолжение в 1960-1990-х гг., – движение населения на север [3, с. 4-5]. В результате реализации программ размещения производительных сил и экономического районирования, разработанных Госпланом СССР, в 1960–1990-х годах на территории всей страны отмечался бум развития ряда секторов промышленности. Это требовало привлечения квалифицированных трудовых ресурсов. В соответствии с социально-экономическими приоритетами того времени централизованно направляли специалистов соответствующего профиля из других регионов единого государства, а так же велась подготовка местных кадров. В последующем, но еще до распада СССР, благодаря не местным трудовым ресурсам сформировался мощный потенциал развития всей страны в целом, а также ее отдельных частей, что способствовало подготовке квалифицированных специалистов на разных уровнях и в различных отраслях [2, с. 1049-1050].

Таким образом, советское государство в 1920–1930-е гг. применило широкую программу на изучение и освоение севера. Общая тенденция трудовой миграции времен СССР носила добровольно-принудительный характер, соответствуя четкому плану советского правительства тех времен. Наиболее активно и эффективно Север осваивался в советский период истории нашего государства. Принятые «северные льготы» положительно повлияло на дальнейшее развитие производственных сил Европейском Севере, Восточной Сибири. На ряде организаций истроек значительно сократилось текучесть рабочей силы. Началось больше привлекаться рабочих из других районов страны, а также молодых специалистов. «Северные льготы» стимулировали рабочие семьи и служащих ежегодно возвращаться на сезонные работы. В результате сократились расходы по набору сезонных рабочих, завозимые на летнее время. С 1925 по 1990 годы население Севера и Дальнего Востока выросло с 4,7

миллиона до 27,9 миллиона человек [10]. Причём темпы роста северного населения были значительно выше среднероссийских.

После распада СССР ситуация обернулась в худшую сторону, этот период отмечен массовой миграцией населения из северных регионов [4, с. 182], на фоне происходящего перехода страны к рыночным основам хозяйствования в этот период политика была направлена на решение приоритетных экономических, социальных, научно-технических и региональных проблем в целом по всей стране. В отношении северных территорий государственная политика переориентировалась осваивать Север вахтовым методом. Данная позиция нашла отражение и в некоторых законодательных актах. Например, Федеральным законом от 19 июня 1996 г. №78-ФЗ «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» согласно закону государство в целях оптимизации численности населения на Севере, использует вахтовый метод.

В результате переориентирования на вахтовый метод государство стало мало обращать внимания на вопросы социально-экономического развития Севера. Государственная поддержка северных регионов снизилась, это отражается в следующем документе. Например, Постановление Правительства РФ от 7 марта 2000 г. № 198 "О Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера" [13]. Она исходила из того, что шесть субъектов РФ законодательно заносимых к Крайнему Северу являлись реципиентом из федерального бюджета, со слабой промышленностью, социальной инфраструктурой и низким уровнем жизни. В итоге произошло резкое сокращение федеральных расходов на развитие и жизнеобеспечение северных территорий, замораживание льгот для прибывших работников, применялись районные коэффициенты только для бюджетного сектора.

Действующая в настоящее время система гарантий и компенсаций Федеральным законом от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ [12] были внесены существенные изменения и дополнения в законодательство, регулирующие северные вопросы. В результате этих изменений правовое положение работников на Севере значительно ухудшилось. Существующий сегодня порядок предоставления гарантий и компенсаций предусматривает их разделение в зависимости от места работы: отдельно для работников организаций, финансируемых из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов, а также из средств организаций, не относящихся к бюджетной сфере.

Согласно внесенными в закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 года № 4520-1 существенно изменен порядок предоставления работникам

компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно, компенсации расходов, связанных с переездом устанавливается гарантированная компенсация таких расходов только для лиц, работающих в организациях, финансируемых из федерального бюджета. В результате складывается положение, при котором граждане, работающие в одинаковых условиях, получают различные виды и размеры гарантий и компенсаций, что противоречит цели их предоставления и негативно сказывается в социальной сфере в северных регионах [6, с. 5-8]. Такая государственная политика негативно повлияло на демографическую ситуацию в регионах АЗРФ. Так, с 1990 по 2014 года потеря составила 1 млн. 972 тыс. чел. Резкое снижение приоритетов власти на северные территории привели к снижению мотивации работы на Севере для высококвалифицированных работников и молодежь. Уровень оплаты труда перестает компенсировать затраты на жизнь в условиях Севера [8, с. 42-44].

Уровень доходов работников организаций, расположенных в АЗРФ, согласно данным Росстата ежегодно падает, например: в Мурманской области к соответствующему среднероссийскому показателю в 1997 г. составляло 1,74 раза, в 2000 г. – 1,66 раза, в 2010 г. – 1,36 раза, в 2014 г. – 1,33 раза. Можно предположить, что сокращение разницы в заработной плате оказывает влияние на миграционный отток из северных территорий, однако разрыв в заработной плате остается достаточно незначительным и может быть привлекательным для определенной части работников [4, с. 184-185].

Несмотря на сложные условия проживания и труда, на Крайнем Севере наблюдается постоянный приток работников из других регионов РФ. Как правило, это мужское трудоспособное население из провинциальных, мелких городов нашей страны, выезжающих в города федерального значения, районы Крайнего Севера и другие крупные города. Это объясняется, по нашему мнению, тем, что труд работников оплачивается в повышенном размере, с применением районных коэффициентов и процентных надбавок. За период с 2010 г. по 2015 г. среднемесячная оплата труда работников увеличилась на 45,4 %. В 2015 г. самый высокий размер среднемесячной номинальной заработной платы получали работники предприятий в Ямало-Ненецком округе, в Магаданской области, в Чукотском автономном в Сахалинской, в Мурманской области [1, с. 152-156]. Но следует отметить, что в целом уровень среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций по районам Крайнего Севера вырос, однако в других малообеспеченных субъектах, он не превышает 30 тыс. рублей [9, с. 21].

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в отношении к северным регионам уделяют пристальное внимание федеральных органов государственной власти к решению их проблем. Президентом Российской Федерации, Председателем Правительства Российской Федерации в последние годы не раз говорилось о необходимости ускорения социально-экономического развития северных территорий и Дальнего Востока России. Так, в настоящее время Арктика регулируется следующими основными нормативно-правовыми актами: Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года»; Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года [16]; Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу [15]; Морская доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 26. 07. 2015); Комплексный проект развития Северного морского пути (утв. постановлением Правительства РФ от 08. 06. 2015); Об утверждении концепции целевой программы Мировой океан на 2016-2031 года (распоряжение правительства РФ от 22. 06. 2015 №1143) и др.

Целями государственных программ является социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации, обеспечения ее национальной безопасности. В задачи этих документов кроме решения проблем жизнеобеспечения, социального и экономического развития северных территорий, с учетом их региональных особенностей входит и обеспечение трудовых ресурсов северных территорий. В указанных нормативно-правовых актах лишь декларируется о развитии проектов подготовки кадров, сбалансированности трудовых ресурсов, переобучении трудоспособных безработных граждан, стимулировании граждан работать вахтово-экспедиционным методом и т. д.. Однако нет документов, реализующий эти направления в действительности. Политика «удержания» и «закрепления» населения, привлечение новых трудовых ресурсов в северные территории остаются нерешенными.

Таким образом, после распада СССР государственная политика изменилась по отношению к северным территориям. В результате этих изменений правовое положение северян значительно ухудшилось. Внесенными изменениями о государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях были нарушены права граждан, трудившихся в суровых условиях Севера, в т. ч. на получение льгот, предусмотренных действовавшим в период СССР законодательством.

В принятых нормативно-правовых актах в отношении АЗРФ всего лишь декларируется о развитии проектов подготовки кадров, переобучении кадров и т. д., а в реализации нет документов, поддерживающий эти направления. Сложившаяся на сегодняшний момент ситуация на Севере Российской Федерации, согласно данным Росстата, продолжает характеризоваться неплодотворными развитиями в социально-экономической системе макрорегиона на фоне небольших позитивных изменений.

Список использованных источников:

1. Бочарова М. О. Анализ основных показателей развития регионов Крайнего севера [Текст] / М. О. Бочарова, С. Г. Бабич // Актуальные вопросы экономических наук. – 2016. – № 55-1. – С. 152-156.
2. Давыдов А. А. Государственная политика в области трудовой миграции в СССР: истоки, этапы, тенденции [Текст] / А. А. Давыдов // Вестник Башкирского университета. – 2014. – №3.– С. 1049-1050.
3. Зайончковская Ж. А. Миграция населения ссср и россии в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы [Текст] / Ж.А. Зайончковская // Проблемы прогнозирования. – 2000. – №5. – С. 4-5.
4. Иванова М. В. Современные предпосылки будущего арктических трудовых ресурсов [Текст] / М. В. Иванова, Э. С. Ключкина // Мониторинг общественного мнения. – 2017. – № 6. – С. 182 – 185.
5. Кузнецова М.В. Историческое развитие нормативно-правового регулирования труда на крайнем севере и в приравненных к крайнему северу местностях [Текст] / М. В. Кузнецова // Актуальные проблемы права, экономики и управления. – 2014. – № 10. – С. 88-91.
6. Львов Н. П. Государственная политика. Социально-экономическое развитие Севера [Текст] / Н. П. Львов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – №5. – С. 5-8.
7. Максимова Л. А. Последствия индустриальной модернизации на европейском северо-востоке СССР [Текст] / Л. А. Максимова. // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2018. – № 1(33). – С. 94-102.
8. Паникар М .М. Императивы современной государственной политики стран арктического региона по освоению территорий Крайнего Севера [Текст] / М. М. Паникар, А. Е. Шапаров // История. –2016. – С. 42-44.

9. Синенко П. В. Особенности социально-экономического развития районов Крайнего Севера и Арктической зоны Российской Федерации [Текст] / П. В. Синенко // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – С. 21.

10. Сморчкова В. И. Социальное и экономическое развитие северных территорий России в современных условиях: дис. ... д-ра экон. Наук: 08.00.05 [Текст] / Сморчкова Вера Ивановна. – Москва, 2010. – 57 с.

11. Эпштейн А. Л. «Льготы для работников Крайнего Севера» [Текст] / А. Л. Эпштейн. – Москва: Юридическая литература, 1968. – 6-17 с.

12. «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] : федер. закон. от 22.08.2004 № 122-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

13. «О Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера» [Электронный ресурс] : постанов. правительства РФ от 07.03.2000 № 198 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

14. «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» [Электронный ресурс] : федер. закон. от 13.12.1994 № 60-ФЗ ред. от 13.07.2015 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

15. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. [Электронный ресурс] : утв. Президентом РФ 18.09.2008 № Пр-1969) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

16. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. [Электронный ресурс] : утв. Президентом РФ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

**ДЕЛИМИТАЦИЯ ГРАНИЦЫ В БАРЕНЦЕВОМ МОРЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ
И НОРВЕГИЕЙ. ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ
И КОРОЛЕВСТВОМ НОРВЕГИЯ О РАЗГРАНИЧЕНИИ МОРСКИХ ПРОСТРАНСТВ
И СОТРУДНИЧЕСТВЕ В БАРЕНЦЕВОМ МОРЕ
И СЕВЕРНОМ ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ 2010 ГОДА**

© А.В. Назарчук

Научный руководитель: М.В. Григорьева

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Рассматривая отношения между Россией и Норвегией по спорным вопросам, следует обратиться к заключенному в 1920 году на Парижской мирной конференции Договору о Шпицбергене, по которому провозглашалась открытая экономическая деятельность всех государств, подписавших документ, это распространялось на архипелаг и воды вокруг него. Подтверждение данному положению было дано в 1926 году, когда Советский Союз вслед за Канадой постановлением ЦИК СССР объявил о секторальном принципе разделения Арктики (разделительная линия прошла по меридиану от сухопутной советско-норвежской границы к Северному полюсу). Претензии со стороны Норвегии к России имеют долгую историю. Осло оспаривал правовой статус Шпицбергена и прилегающей морской акватории. С разработкой Норвегией арктических нефтяных месторождений и наличием богатых рыбой морских пространств эти противоречия усилились. Разногласия между Россией и Норвегией по поводу границы в Баренцевом море существовали с 1970 года. Содержание спора заключалось в том, что Россия проводила границу вдоль побережья острова Шпицберген, Норвегия полагала, что граница должна находиться равноудалённо от Шпицбергена с одной стороны и Земли Франца-Иосифа и острова Новая Земля с другой. Государства находились в дружественных отношениях, обострения ситуации не происходило. С обнаружением на спорной территории запасов углеводородов обстановка приобрела более напряжённый характер. [3, с. 224] Из-за разногласий двух стран в Баренцевом море был образован спорный район площадью примерно 175 тыс. кв. км. Рыболовство на его территории регулировалось различными нормативными актами двухсторонних комиссий.

Юридически компромисс был закреплён российско-норвежском договоре от 15 сентября 2010 после встречи президента России Д. Медведева и премьер-министра Норвегии Й. Столтенберга в апреле 2010 года. Решено

было поделить «примерно поровну» спорный участок в Баренцевом море. Подготовка договора не освещалась широко в СМИ, и многие эксперты не были привлечены к его разработке. Однако официальные лица РФ и ряд СМИ подчеркивали его положительные стороны уже после подписания. Отмечалось, что соглашение создает правовые гарантии для освоения нефтегазовых ресурсов арктического континентального шельфа, а также открывает новые возможности для совместной деятельности с норвежцами в разведке и добыче углеводородов в сопредельных частях бывшего спорного района. Дополнительным аргументом было то, что Россия не имела таких развитых технологий бурения на глубине, которыми обладала Норвегия, это было выгодно. Договор предусматривает, что каждое месторождение, пересекаемое линией разграничения, может эксплуатироваться исключительно совместно и как единое целое. Такой подход позволит заранее и наиболее эффективно разрешать спорные вопросы. С этим были согласны представители российского МИДа. Также в поддержку высказывались эксперты – сторонники, утверждающие, что соглашение выводит на новый этап сотрудничество в области рыболовства [6]. Немало экспертов усмотрели в договоре правовые неточности, порождающие в дальнейшем споры, для этого есть правовые, политические и экономические основания. По их мнению, делегация РФ пошла на неоправданные уступки. Это касается прежде всего проведения разграничительной линии. Принцип равноудаленности в южной части района разграничения оправдан. Но в центральной и северной частях моря вопрос решён в пользу Норвегии, так как меридианная линия отсчитывается от побережья архипелага Шпицберген со стороны Норвегии и от Земли Франца-Иосифа со стороны России, что прямо противоречит Договору о Шпицбергене 1920 года [5, с. 62-91].

Как утверждает заслуженный юрист РФ Г. М. Мелков, «здесь есть только одна граница – восточная граница района действия Договора о Шпицбергене 1920 года. Внутри этой границы у Норвегии и России равные права на экономическую деятельность – и на суше Шпицбергена, и в территориальных водах Шпицбергена. Эта граница проходит по меридиану восточнее того, который обозначен в постановлении Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 года». В итоге после ратификации российско-норвежского договора от 15 сентября 2010-го Норвегия приобрела права на шельф восточнее Шпицбергена, которых у нее нет по Договору о Шпицбергене 1920 года, а Россия понесла ничем не обоснованные потери. Фактически Москва признала суверенитет Осло над шельфом западнее новой разграничительной линии. Российские эксперты предупреждали о том, что «следующим шагом Норвегии будет полный отказ

от всех обязательств по договору 1920 года. А это в свою очередь нанесет не только огромный экономический ущерб России, но большой политический ущерб, так как может вызвать целую цепочку притязаний к России» [2, с. 258].

Реальное применение Норвегией положений договора означает вытеснение российских рыбаков из района Шпицбергена как отходящего под юрисдикцию королевства. Любая экономическая и рыбопромысловая деятельность России в море вокруг Шпицбергена отныне становится возможной только при согласии Осло и с соблюдением национальных норм Норвегии по регулированию рыболовства. Демонстративное нарушение Договора о Шпицбергене с опорой на положения соглашения 2010 года о разграничении морских пространств произошло 28 сентября 2011 года, когда норвежская береговая охрана задержала в районе архипелага российский рыболовецкий траулер «Сапфир-2». Судно было принудительно отбуксировано в порт Тромсё, а капитан и судовладелец оштрафованы на 80 тысяч долларов.

Договор 2010 года фактически закрепил право Норвегии на «рыбоохранную зону» у Шпицбергена, что оборачивается для российских рыбопромышленников ежегодными потерями в 15–20 миллиардов рублей. В открытом письме российских рыбопромышленников президенту РФ говорилось, что «игнорирование... важнейших положений и интересов отечественного рыболовства в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане при разграничении морских пространств не только повлечет потери в вылове не менее 50–60 процентов, но и вызовет значительные социально-экономические потрясения прибрежного населения этого района России».

Договор 2010 года имеет ряд негативных последствий. В связи с тем, что месторождения Норвегии истощаются, она активизировала свои усилия вобретённой акватории Баренцева моря. При этом интерес к российскому Штокмановскому проекту угас. В то же время Россия не сможет на равных вести добычу в смежных с Норвегией месторождениях, поскольку не обладает необходимыми технологиями.

Непростая ситуация сложилась и с пребыванием россиян на Шпицбергене. Нарушая положения Парижского договора о Шпицбергене, Норвегия продолжает создавать помехи международной хозяйственной деятельности и на самом архипелаге, и на его шельфе. Согласно договору 2010 года за Норвегией признается суверенитет над архипелагом на тех условиях, что остальные участники договора и присоединившиеся к нему государства имеют право на разработку ресурсов Шпицбергена и его территориальных вод (статья 1) [1]. Отсюда следует, что признание этих прав распространяется также на континентальный шельф и исключительную экономическую зону Шпицбергена.

Парижский договор не является частью внутреннего норвежского законодательства, что означает: Норвегия не вправе изменить документ без согласия всех его участников, а внутреннее норвежское законодательство не может противоречить закреплённому международно-правовому статусу Шпицбергена. При этом некоторые норвежские законы устанавливают такой правовой режим, по которому на шельфе архипелага объявлен суверенитет, как на сухопутной территории самой Норвегии.

Экономические интересы Норвегии связаны с тем, что в случае начала добычи полезных ископаемых на шельфе иностранными компаниями внутреннее налоговое законодательство Норвегии предусматривает выплату компаниями 78 процентов от доходов, получаемых при разработке месторождений континентального шельфа этой страны, а по Парижскому договору экспортная пошлина на Шпицбергене не должна превышать одного процента от максимальной стоимости вывозимых полезных ископаемых в пределах 100 тысяч тонн, а свыше этого количества – идти в понижающемся соотношении [7, с. 70].

По сути, Российско-норвежский договор 2010-го закрепляет отказ Норвегии от норм Парижского договора. Это обеспечивает Осло выгодные позиции, если Москва обратится в Международный суд. Уступчивость России подталкивает и другие государства к предъявлению претензий. Настойчивость Японии по поводу передачи ей двух Курильских островов заметно возросла как раз на фоне подписания соглашения о разграничении пространств Баренцева моря.

В связи с изменившимися обстоятельствами Россия вправе поставить под сомнение положения договора 2010 года и пересмотреть его, поскольку Норвегия неоднократно нарушала нормы Парижского договора. Ведь в 1920 году не было понятия шельфа, чем позже и воспользовалась Норвегия в толковании соглашения. Она приписывает себе права на шельф, вырывая упоминание о своих суверенных правах над Шпицбергенем из полного контекста договора. Можно попытаться обновить Парижский договор вместе со всеми участниками согласно новым условиям. Но сомнительно, что Россию поддержат подписанты Парижского договора, поскольку ей и так приходится наибольшая доля углеводородных ресурсов Арктики. При этом многие государства заинтересованы сделать Северный морской путь международным [4, с. 13-20].

Реальный ресурс Москвы в сложившихся обстоятельствах – длительная политико-дипломатическая борьба.

Список использованных источников:

1. Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане, статья 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/707>.
2. Зиланов В. Россия теряет Арктику? [Текст] / В. Зиланов. М.: «Издательство Алгоритм», 2013. – 432 с.
3. Ковалев А.А. Современное международное морское право и практика его применения [Текст] / А.А. Ковалев. -М.: Научная книга, 2003. – 415 с.
4. Конышев В. Арктическое направление внешней политики России [Текст] / В. Конышев, А. Сергунин // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2011. – Т.254. – №3. – С. 13-20.
5. Криворотов А. Неравный раздел пополам: к подписанию российско-норвежского договора о разграничении в Арктике [Текст] / А. Криворотов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2011. – №2. –С. 62-91.
6. Лукин Ю. Договор между Россией и Норвегией – шаг к мирному разделу морского пространства Арктики [Текст] / Ю. Лукин // Арктика и Север. – 2011. – №2. – С. 1 – 21.
7. Талагаева Д.А. Позитивные и негативные черты современной норвежской социально-экономической модели [Текст] / Д.А. Талагаева // Право и управление .XXI век. – 2013. – №3(28). – С.70.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР КАК ИСТОЧНИК ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В СФЕРЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ**

© А.С. Петрушко

Научный руководитель: В.Н. Лисица

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В статье рассматривается международный договор в качестве источника инвестиционной деятельности в сфере недропользования.

В отношениях, осложненных иностранным элементом, а именно иностранными инвестициями, значимым моментом является вопрос о сохранении контроля над достоянием минерально-сырьевой базы государства. Деятельность, связанная с освоением месторождений полезных ископаемых,

особенно тех, которые относятся к «стратегическим» сопряжена ограничением иностранного участия. Как для России, так и для мирового сообщества, вопрос баланса между наращиванием иностранных инвестиций и обеспечением обороны страны всегда присутствует в повестке дня. Несмотря на позитивную динамику, за последние 20 лет в геологической отрасли образовался перечень проблем, в результате которых идет недофинансирование геолого-разведки [1].

Целью энергетической политики России является максимально эффективное использование природных энергетических ресурсов и потенциала энергетического сектора для устойчивого роста экономики, повышения качества жизни населения страны и содействия укреплению ее внешнеэкономических позиций.

Развитие минерально-сырьевой базы, в том числе находится под влиянием сдерживающих факторов, один из которых выражается в действующей системе государственного регулирования отношений недропользования, которая не создает достаточно условий для привлечения инвестиций в геолого-разведочные работы. Российскую Федерацию так же затрагивает процесс глобализации и увеличение роли международного права при разрешении возникающих споров. Сфера недропользования соединяет правовые, экономические и геополитические интересы, и отдельного рассмотрения требует вопрос иностранного инвестирования в данную отрасль. В соответствии с пунктом 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы [2]. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

По мнению доктора юридических наук В.Н. Лисицы, международные договоры в сфере инвестиционной деятельности представлены многосторонними, региональными, а также двусторонними [1, с. 17 – 18]. К универсальным можно отнести такие договоры, как Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами 1965 г. (Вашингтонская конвенция), Конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций 1985 г. (Сеульская конвенция) и Договор к Энергетической хартии 1994 года [4]. Российская Федерация ратифицировала только Сеульскую конвенцию. Данной конвенцией учреждается Многостороннее агентство по гарантиям инвестиций (МАГИ). Задачей агентства является стимулировать поток инвестиций в производительных целях между странами-членами и особенно в развивающиеся страны, дополняя таким образом

деятельность Международного банка реконструкции и развития, Международной финансовой корпорации и других международных финансовых учреждений развития. Вашингтонская конвенция учреждает Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС). Целью МЦУИС является обеспечить разрешение посредством примирения и арбитража инвестиционных споров между Договаривающимися государствами и лицами других Договаривающихся государств в соответствии с положениями Конвенции. Под «лицами Договаривающегося государства» понимаются физические и юридические лица. Центр обладает полной международно-правовой правосубъективностью. Местонахождением Центра является штаб-квартира Международного банка реконструкции и развития. Особое место в межгосударственном сотрудничестве в сфере недропользования занимает Европейская Энергетическая Хартия от 1991 года и Договор к Энергетической Хартии 1994 года [5]. Государства сотрудничают с целью оказания содействия доступу к международным рынкам на коммерческих условиях и, в целом, с целью развития открытого и конкурентного рынка Энергетических Материалов и Продуктов. Договор устанавливает правовые рамки в целях оказания содействия долгосрочному сотрудничеству в области энергетики на основе взаимодополняемости и взаимной выгоды, в соответствии с целями и принципами Хартии.

Международные договоры на региональном уровне представлены как правило в рамках создаваемых объединений внутри региона. Хотелось бы рассмотреть Горную хартию государств – участников Содружества Независимых Государств, в которой главной целью сотрудничества является взаимопомощь и координацию совместных действий в сфере изучения, разведки, использования и охраны недр по различным направлениям. Так же стороны-участники создают обстановку, благоприятную для функционирования предприятий горнопромышленного комплекса и притока инвестиций и современных технологий посредством внедрения рыночных подходов к организации деятельности в сфере изучения, разведки, использования и охраны недр, контроля государства за рациональной отработкой запасов месторождений полезных ископаемых. Правовое регулирование инвестиционных отношений с участием физических и юридических лиц из стран СНГ основано на Соглашении о сотрудничестве в области внешнеэкономической деятельности от 15 мая 1992 года, Соглашении о взаимном признании прав и регулировании отношений собственности от 9 октября 1992 года и Договоре о создании Экономического союза от 24 сентября 1993 года. Также Договор о Евразийском экономическом союзе содержит положения, относящиеся к инвестированию,

защите и правовому режиму, порядок разрешения споров и др. В рамках двустороннего сотрудничества, как правило, заключаются договоры о поощрении и взаимной защите капиталовложений, а также двусторонние международные договоры об избежании двойного налогообложения. Международные договоры Российской Федерации о поощрении и взаимной защите капиталовложений насчитывают свыше 70 договоров с такими странами, как Великобритания, Венесуэла, Йемен, Китай и др. В том числе действует Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций в государствах-членах Евразийского экономического сообщества от 2008 года.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что международные договоры в области инвестиционной деятельности недропользования многочисленны и представлены на различных уровнях и являются важным источником данных правоотношений. Универсальные договоры предусматривают учреждение центров для урегулирования споров между участниками-государствами конвенций. На региональном уровне договоры представлены в рамках создаваемых объединений, что позволяет углублять интеграцию в рамках сотрудничества. Нужно отметить, что договоры носят декларативный характер и требуют большей детализации.

Список использованных источников:

1. Правовое регулирование государственного стратегического планирования в горнодобывающих отраслях [Текст]. – М.: Издание Государственной Думы, 2015. – 112 с.
2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. : (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 – ФКЗ) // СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
3. Лисица В.Н., Инвестиционное право: учебник [Текст] / В.Н. Лисица. – М.: НИИГУ, 2015. – С. 17-18.
4. Сеульская Конвенция 1985 года об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900505>

5. Договор к Энергетической Хартии // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/499060547>

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ СОЗДАНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© Д.А. Старков

Научный руководитель: В.Н. Лисица

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Россия обладает значительной массой природных богатств, в том числе имеющих значение для всего мира. Это возлагает на наше государство большую ответственность за будущее не только наших граждан, но всех людей на планете. Антропогенное воздействие на окружающую среду достигло высокого уровня. Нерациональная и даже варварская эксплуатация природных ресурсов, вырубка лесов, вредные выбросы и сбросы, отходы производства и потребления. Бизнес всегда нацелен на извлечение максимальной прибыли если нет ограничений, позволяющих призвать его к ответу. Результатом такого отношения к окружающей среде является ухудшение ее качества, что ставит проблему экологии в России в ряд актуальных. Одного лишь наличия соответствующих санкций за нарушение законодательства об окружающей среде недостаточно, чтобы в полной мере закрыть вопрос с проблемами экологии в России. Многие природопользователи или загрязнители предпочитают избегать ответственности или затягивать ее применение. Например, пользуясь отсутствием у судьи достаточных познаний в сфере экологии и опыта по разрешению таких споров, тем самым допуская злоупотребление правом.

Экологически спор как и любой, представляет собой состязание, в котором каждая из сторон отстаивает свое мнение, свою правоту, экологический спор состоит из доказательств. Как и любой спор о праве, являющийся спором о факте или о праве, от которого зависит реализация норм материального права, экологический спор имеет определенную процессуальную оболочку.

В Российской Федерации судебный порядок разрешения экологического спора основан на нормах гражданского процессуального, арбитражного процессуального законодательства и кодекса административного судопроизводства. Однако, не исключается наличие процессуальных особенностей рассмотрения споров, вытекающих из экологических правоотношений, а именно –

процессуальных особенностей предмета доказывания. Например, по делам о взыскании платы за негативное воздействие на окружающую среду необходимо доказать факт наличия вредного воздействия на окружающую среду, и его размер или его отсутствие. В таких делах не учитывается наличие вины причинителя вреда, так как такая плата не является штрафом, имеет другое функциональное назначение.

Из изложенного выше следует, что спор, связанный с отношениями области экологии и природопользования, требует не просто особого внимания, но и профессионального подхода со стороны судебной власти РФ. Профессиональный подход должен быть подкреплен фактическим наличием компетентного по существу спора, а не только процессуальной оболочки, специалиста, соответственно, требует от судьи специальных познаний в области экологического права.

Справедливо было отмечено С.Н. Черновым, что отечественные правоохранительные органы и суды не уделяют экологическим спорам должного внимания. Зачастую компетентные органы отказывают в возбуждении дел об административных правонарушениях и уголовных дел, неохотно принимают к производству заявления. Кроме того, редко производится обобщение судебной практики, нет необходимой экологической специализации судей, что часто не позволяет правильно разрешить экологические споры [2]. Выход из такой ситуации может быть найден с учетом опыта создания и работы специализированных экологических судов за рубежом.

В докладе будет рассмотрен зарубежный опыт создания и работы специализированных экологических судебных органов, на основании которого будет поставлен вопрос целесообразности создания таких органов в Российской Федерации.

По подсчетам профессора Р.М. Валеева – за рубежом существует около 380 внутригосударственных специализированных экологических судов, в том числе в Индии, Китае, Швеции, Норвегии, Чили, США, Австралии, Новой Зеландии и Кении.

Вызывает интерес Земельный и экологический суд Нового Южного Уэльса в Австралии. 21 июня 2016 года в г. Осло в рамках Международного XIV коллоквиума международного союза охраны природы прошел Международный форум судей-экологов. На форуме присутствовал австралийский судья Брайан Прэстон, который назвал основным преимуществом Земельного и экологического суда Нового Южного Уэльса его широкую юрисдикцию. В составе суда находится 6 судей, которые рассматривают гражданские,

административные и уголовные дела в области охраны окружающей среды и природопользования.

По нашему мнению, данная модель является большим прорывом в области рассмотрения экологических споров. Однако, для России она не подходит, так как создаст множество существенных противоречий с действующим законодательством РФ, в частности с процессуальным законодательством.

Экологический суд штата Вермонт в США начал свою работу в ноябре 1990 года. Суд имеет юрисдикцию на территории всего штата Вермонт, состоит из двух судей, которые избираются на шестилетний срок из числа юристов, получивших разрешение на юридическую практику от Верховного Суда штата. Суд самостоятельно, согласно законам штата Вермонт:

1. Рассматривает жалобы на решения муниципальных советов и комиссий;

2. Реализует Закон 250 Вермонта – акт землепользования, предназначенный для выдачи разрешений на строительство крупных проектов (призван урегулировать споры между разработчиками проектов и жителями штата, ориентирован на поддержание баланса экологии и экономики);

3. Рассматривает споры Агентства природных ресурсов штата (государственный экологический контроль), Совета природных ресурсов и муниципальных органов.

По сравнению с австралийской моделью, юрисдикция Экологического суда Вермонт существенно ограничена. Однако, учитывая природную специфику штата Вермонт (80% процентов территории покрыто лесами), можно сделать вывод, что рассмотренная модель специализированного суда выполняет роль весомого гаранта устойчивого существования главного ресурса штата – леса. К сожалению, американская модель также неприменима в РФ в силу ряда причин:

1. Субъекты Российской Федерации являются частью государства, где четко построена вертикаль власти. Региональные власть ослаблена и не в состоянии принимать важнейшие решения без согласования федерального центра.

2. Решение Экологического суда штата Вермонт можно обжаловать в Верховном суде штата. В РФ такой модели нет, согласно ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федерации находится установление системы судебной власти.

Национальный Зеленый Трибунал Индии. В соответствии с Законом о Национальных Зеленых Трибуналах от 18.10.2010 года Национальный Зеленый Трибунал был создан с целью эффективного и оперативного

рассмотрения дел, связанных с охраной окружающей среды и сохранением лесов и других природных ресурсов.

Согласно статье 14 указанного Закона Индии Трибунал обладает юрисдикцией во всех гражданских делах, затрагивающих вопросы существенного изменения окружающей среды.

В соответствии со статьей 15 Закона о Национальных Зеленых Трибуналах от 18.10.2010 года Трибунал издает приказы, согласно которым устанавливаются:

- обязательство по компенсации вреда жертвам загрязнения и окружающей среде;
- обязательство по возмещению ущерба причиненного имуществу;
- обязательство по восстановлению нормального состояния окружающей среды на определенной территории.

Согласно указанному выше Закону Индии Трибунал в своей деятельности руководствуется действующим законодательством Индии об охране окружающей среды. Также, следует отметить право указанного специализированного органа на привлечение к процессам любых лиц, обладающих специальными познаниями в вопросах, затрагиваемых в рамках процесса, для правильного и своевременного рассмотрения дела.

По сути своей, Национальный Зеленый Трибунал Индии создан вынужденно. Такая необходимость обоснована стремительным загрязнением окружающей среды в Индии, связанным с быстрым ростом населения страны и ускоренной индустриализацией с конца XX века.

Примеры результатов работы Трибунала:

1. запрет в столице Индии эксплуатации дизельных автомобилей старше 10 лет;
2. неоднократная отмена крупных строек и(или) инвестиционных проектов;
3. назначение значительных сумм штрафов филиалам крупнейших компаний мира. Например, 17.01.2019 г. Национальный Зеленый Трибунал своим приказом(решением) обязал индийское подразделение автоконцерна «Volkswagen» уплатить штраф в связи мошенническими действиями, которые привели к нанесению ущерба окружающей среде. Размер штрафа составляет 1 миллиард рупий (14 миллионов долларов). В случае отказа от платы штрафа – власти Индии обещали взять по стражу главу подразделения и арестовать имущество автогиганта.

Рассмотренная модель специализированного экологического суда, так же как и два предыдущих варианта (Австралия, США), неосуществима в России, в силу тех же причин.

Вместе с тем, опыт Индии, подлежит более тщательному изучению, так как он был выработан в экстремальных условиях ухудшения качества окружающей среды в Индии, с которыми может столкнуться Россия в будущем.

Естественно, любой зарубежный опыт, особенно если он успешен, необходимо рассматривать и анализировать. Однако, стоит понимать, что модель специализированных экологических судов, которая работает, например, в Австралии или США, может не заработать в России, так как наша страна имеет ряд отличительных черт, в том числе правовых. Перспектива создания специализированного экологического суда в России больше похожа на недостижимый идеал, к которому нам нужно стремиться. Например, приказы(решения) Национального Зеленого Трибунала Индии постоянно критикуются со стороны правительства страны, так как их исполнение затруднительно, однако, заставляют ответственных лиц «шевелиться». Опыт Индии показывает нам, что нужно работать в направлении улучшения качества рассмотрения экологических дел. Нам нужен лишь первый шаг эту сторону.

Мы полагаем, что в настоящее время нет необходимости в издании экологического кодекса, тем более – экологически-процессуального кодекса. Однако, мы полагаем, что Российскому правосудию нужна новая экологическая специализация судей районных и арбитражных судов. Для более эффективной охраны окружающей среды России нужны судьи, обладающие специальными познаниями в области рассмотрения экологических споров.

Также можно предложить создание экологического кассационного суда, где рассматривались бы кассационные жалобы на решения апелляционных определений по экологическим делам, вынесенные как арбитражными судами, так и судами общей юрисдикции. Разумеется, такая мера потребует уточнения критериев относимости споров к числу экологических.

Список использованных источников:

1. Валеев, Р.М. Международное экологическое право [Текст] / Р.М. Валеев. – М.: Статут, 2012. – 639 с.
2. Мухаметов, А.К. Процессуальные особенности предмета доказывания в спорах, возникающих из экологических правоотношений [Электронный ресурс] / А.К. Мухаметов // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

3. Национальный Зеленый Трибунал. Официальный сайт. [Электронный ресурс] : – Режим доступа: <http://greentribunal.gov.in>

4. Обзор Международного XIV коллоквиума, проведенного Академией экологического права Международного союза охраны природы. Кафедра международного права. Российский университет дружбы народов. [Электронный ресурс] : – Режим доступа: <http://intl.rudn.ru>

5. Чернов, С.Н. Опыт рассмотрения экологических дел судами Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Экологический суд штата Вермонт и Арбитражный суд Республики Карелия [Электронный ресурс] / С.Н. Чернов // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО
И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА**

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА НА САДОВЫХ И ОГОРОДНЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКАХ

© Е.А. Ануфриева

Научный руководитель: Е.А. Вакулина

Сибирский федеральный университет

С 1 января 2019 года вступил в силу федеральный закон «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» №217-ФЗ, который был принят 29 июля 2017 года [2]. Данный закон сменил Федеральный закон «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» №66-ФЗ, который действовал более 20 лет.

Он внес существенные изменения в жизнь «дачников». Однако в рамках данной статьи остановимся на вопросах, касающихся земельного права: изменятся правовое регулирование земельных участков, расположенных на территории садоводческих, огороднических, дачных некоммерческих объединений, а также объектов недвижимости, возведенных на них.

Статья 7 Земельного кодекса РФ содержит в себе определения категорий земель. В состав каждой категории входят участки, имеющие различный вид целевого назначения. Использовать их не по назначению запрещено [1].

В 2014 году Министерством экономического развития РФ был издан приказ №540, утвердивший классификатор видов разрешенного использования земельных участков [4]. В 2015 году были введены такие виды разрешенного использования как «ведение огородничества», «ведение садоводства», «ведение дачного хозяйства», однако после 1 января 2019 года в законодательстве осталось только два вида – ведение садоводства или огородничества, дачное же было исключено. При этом такие виды разрешенного использования земельных участков, как «садовый земельный участок», «для садоводства», «для ведения садоводства», «дачный земельный участок», «для ведения дачного хозяйства» и «для дачного строительства» считаются равнозначными. Земельные участки, в отношении которых установлены перечисленные выше виды разрешенного использования будут являться садовыми земельными участками. Однако важно помнить, что данные положения не распространяются на земельные участки с видом разрешенного использования «садоводство», предназначенные для осуществления садоводства, представляющего собой вид сельскохозяйственного производства, связанного с выращиванием многолетних плодовых и ягодных культур, винограда и иных

многолетних культур. В отношении огородного земельного участка предусмотрена равнозначность ранее установленных видов.

Далее рассмотрим особенности возведения объектов на огородном и садовом участке. Указанный классификатор содержит в себе полную информацию о том, какой тип построек можно возводить на участках различного вида. С 1 января 2019 года здесь также вступили в действия изменения.

На огородном земельном участке возможно размещение хозяйственных построек, не являющихся объектами недвижимости и предназначенных для хранения инвентаря и урожая сельскохозяйственных культур. При этом по ранее действовавшим положениям можно было возводить любые некапитальные строения, например, ставить бытовки или летний садовый домик. Таким образом, новый закон ограничивает и права пользования участками. Если после 1 января 2019 года капитальное строение все-таки будет возведено, то органы земельного надзора, выявив данное нарушение, вынесут предписание в соответствии с КоАП РФ, а также по решению суда данное строение будет признано самовольным. Зарегистрировать право собственности возможно только в случае изменения вида разрешенного использования земельного участка (например, на «ведение садоводства», «для ведения личного подсобного хозяйства»).

В отношении земельных участков с разрешенным видом использования «ведение садоводства» права наоборот расширились. На садовом земельном участке сейчас предусмотрена возможность строительства жилого дома, садового дома, хозяйственных построек, гаражей.

С 4 августа 2018 года вступили в действие нормы Федерального закона от № 340-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], которые закрепили в такое понятие как «объект индивидуального жилищного строительства» (далее – ИЖС). Так, объектом ИЖС является отдельно стоящее здание с количеством надземных этажей не более чем три; высотой не более 20 метров; состоящее из комнат и помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком здании; не предназначенное для раздела на самостоятельные объекты недвижимости. При этом определено, что понятия «объект ИЖС», «жилой дом» и «индивидуальный жилой дом» применяются в нормативных правовых актах РФ в одном значении. В соответствии с новыми положениями закона для возведения объекта ИЖС, садового дома не требуется подготовка проектной документации, а также получения

разрешения на строительство. Законодатель предусмотрел новый уведомительный порядок.

Отметим, ранее для строительства жилых домов, расположенных на земельных участках ИЖС, на участках личного подсобного хозяйства в границах населённых пунктов и на садово-дачных участках было обязательным получение разрешения на строительство, а для садовых (и дачных) домиков – нет. Теперь для жилых и садовых домов введен одинаковый уведомительный порядок. При этом органом местного самоуправления может отказать в согласовании предстоящего строительства из-за наличия явных и грубых нарушений законодательства, в частности: 1) когда планируемая постройка не соответствует установленному виду разрешенного использования земли (например, когда строительство планируется на участке «для огородничества»); 2) когда планируемая постройка не соответствует установленным параметрам застройки в Правилах землепользования и застройки (например, в связи с недопустимостью размещения в той или иной территориальной зоне жилых домов). То есть такие земельные участки должны быть включены в территориальные зоны, предусмотренные правилами землепользования и застройки, для которых утверждены градостроительные регламенты; установлены предельные параметры разрешённого строительства. Однако на сегодняшний день не в каждом муниципальном образовании существуют такие правила. Без них разрешения на строительство ОМС дать не могут, соответственно стройка на садовом участке в этом случае может затянуться.

Также отметим объекты недвижимости, сведения о которых внесены в ЕГРН до 1 января 2019 года, признаются жилыми домами, если они имеют назначение «жилое», «жилое строение», садовыми домами, если они имеют назначение «нежилое», сезонное или вспомогательное использование, предназначенные для отдыха и временного пребывания людей, не являющиеся хозяйственными постройками и гаражами. Отнесение объектов недвижимого имущества с назначением «жилое», «жилое строение», расположенных на садовых и «бывших» дачных земельных участках, к категории жилых домов позволит правообладателям таких объектов осуществить регистрационный учет по месту жительства. Ранее такой возможности не имелось. Но в практике Конституционного суда РФ был прецедент регистрации в строении такого типа его владельца. Поводом для принятия такого решения судом стал факт того, что это жильё было у человека единственным [5]. В остальных же случаях приходилось обращаться в суд, доказывать, что данное строение отвечает критериям пригодности, и переводе земель из вида «ведение садоводства» или «дачного хозяйства» в ИЖС.

Также появилась возможность перевода садовых домов в статус жилых домов и наоборот. Правила такого перевода утверждены Постановлением Правительства РФ от 24.12.2018 №1653 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2006г. №47». Основанием признания садового дома жилым домом и наоборот будет решение органа местного самоуправления.

Перевод садового в жилой дом дает некоторые преимущества: возможность встать на регистрационный учет, возможность получить налоговый вычет (возврат НДС для граждан РФ), банки не смогут отказать в выдаче ипотечного кредита под залог недвижимости по причине того, что дом зарегистрирован как нежилое здание.

Несмотря на все вышеуказанные преимущества нового законодательства, имеются также положения, которые создают некоторые трудности. Прежде всего, это коснется тех граждан, которые не оформили право собственности на садовый участок. Новый закон ограничил срок, в течение которого возможно бесплатно, без проведения торгов поставить на учет и оформить земельный участок в собственность, предоставленный под садоводство, огородничество и дачное хозяйство – 31 декабря 2020 года. После этой даты занимаемые участки придется выкупать за плату у муниципального образования. Также в законе №217-ФЗ нет нормы, которая определяет порядок компенсации в случае принудительного освобождения территории.

Далее о недостатках регистрационного учета. Участки СНТ могут выделяться как на землях поселений, так и на иных, и самым распространенным вариантом является категория земель сельскохозяйственного назначения. Однако на данный момент у органов власти нет обязанности строить там дороги, больницы, школы и т.п. То есть массовая регистрация в жилых домах на землях для «ведения садоводства» (не населенных пунктов) приведет к ограничению некоторых возможностей граждан.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что принятие нового закона и внесенные им изменения существенно повлияют на дальнейшие права граждан в отношении земельных участков «ведение садоводства и огородничества». Предусматриваются нововведения, которые расширят возможности садоводов и огородников и внесут порядок в некоторые процедуры. Однако также нельзя отрицать, что для реализации многих положений закона еще предстоит принять подзаконные акты, обеспечить их реализацию.

Список использованных источников:

1. Земельный кодекс Российской Федерации: фед. закон от 25 окт. 2001 г. (ред. от 31 дек. 2017 г.) №136-ФЗ // Информационная система «КонсультантПлюс».

2. О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: фед. закон от 29.07.2017 г. (последняя редакция) №217-ФЗ // Информационная система «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: фед. закон от 03 авг. 2018г. №340-ФЗ (последняя редакция) // Информационная система «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков: приказ Министерства экономического развития РФ от 1 сен. 2014 г. (ред. от 4 фев. 2019г.) №540 // Информационная система «КонсультантПлюс».

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2008 г. №7-П // Информационная система «КонсультантПлюс».

ПРИРОДА ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

© А.А. Бокишева

Научный руководитель: Е.А. Вакулина

Сибирский федеральный университет

Земля имела важное значение во все времена. Она является базисом для развития любого общества. Земля может выполнять различные функции, например, публичную, административную, хозяйственную, экологическую и т.д. Так как это явление многофункциональное, то владение, пользование и распоряжение землей не должны входить в противоречия как с публичными интересами, так и нарушать права и законные интересы отдельных лиц. Граждане и юридические лица могут обладать правами на землю, предусмотренными земельным законодательством, однако в отдельных случаях данные права могут быть ограничены. Согласно статье 56 Земельного кодекса Российской Федерации права на землю могут быть ограничены по основаниям, установленным Кодексом и федеральными законами. Примерный перечень оснований приведен в этой же статье Земельного кодекса, и он не является исчерпывающим.

Сначала стоит рассмотреть, что понимается под ограничением. Так, В.Х. Улюкаев понимает наличие установленных законом ущемлений, запрещений, стесняющих правообладателя при осуществлении права собственности либо иных вещных прав на объект недвижимого имущества в интересах государства и общества [9]. Ученый выделяет, что данные ограничения не являются источником самостоятельных прав, но при этом и не исключают отдельные правомочия из содержания права собственности, а уменьшают возможности собственника. Они не выходят за границы права собственности. Установление ограничений прав на землю не значит, что правообладатель полностью или частично лишается своих правомочий по владению, пользованию или распоряжению землей.

О.И. Крассов говорит о том, что ограничения прав лиц на земельные участки представляют собой «форму закрепления в законодательстве пределов осуществления субъективных прав лиц на земельные участки, соблюдение которых препятствует нанесению ущерба объектам, в том числе природным, и сооружениям, в интересах которых установлены ограничения, но не препятствует пользованию земельным участком в соответствии с его основным целевым назначением» [3].

В.А. Петрушкин, говоря об ограничениях земельных прав, оперирует понятием «режим ограниченного осуществления субъективных прав» [5], из чего вытекает, что автор также не разделяет ограничения земельных прав именно с ограничениями правомочий собственника.

Существует несколько научных точек зрения по поводу тех правомочий собственника, которые могут быть подвергнуты ограничениям.

Приверженцы первой позиции считают, что ограничения в смысле статьи 56 ЗК РФ имеют место только в отношении правомочий пользования. Так, О.И. Крассов указывает, что ограничения прав не касаются правомочия владения, то есть права собственника, пользователя, владельца или арендатора фактически обладать земельным участком. Также действующее законодательство не предусматривает ограничений распоряжения земельным участком в связи с установлением ограничений прав на него [2].

Сторонники второй позиции говорят о том, что ограничениям может подвергаться как право пользования, так и право владения. Например, Г.В. Савенко пишет, что «по смыслу положений подп. 1 и 2 п. 2 ст. 56 ЗК РФ ограничение прав на землю направлено первоочередно на особенности владения и пользования земельными участками, а из этих двух правомочий, если уместно говорить в данном случае о количественной стороне, законодатель чаще делает акцент на втором правомочии» [7].

Третьи же утверждают, что ограничения распространяются на все правомочия владения, пользования и распоряжения землей. Так, Е.Л. Минина говорит о том, что к ограничениям прав на землю относится «все, что ограничивает право владения, пользования или распоряжения земельным участком, в том числе, например, ограничение оборотоспособности земельных участков, которое регулируется ст. 27 ЗК РФ» [1].

Митякина Н.М. считает, что возможность применения ограничений к владению землей лишена смысла в силу специфики самого правомочия владения, которое представляет собой фактическое и физическое обладание, объективно не требующее ограничений [4].

Дискуссии по поводу включения в понятие «ограничений прав на землю» всех трех правомочий имеет важное практическое значение. Так, если ограничения будут распространяться на правомочие распоряжения, то тогда возникает вопрос об отграничении этого понятия от понятия «оборотоспособности земель», потому что способность земли быть предметом сделок проистекает как раз из правомочия распоряжения ею.

Так же спорным вопросом является вероятность включения в «ограничения» иных понятий, например, ограничений форм собственности на землю, ограничение возможностей отдельных субъектов по поводу приобретения земель в собственность и ограничения предельных размеров земельного участка. По мнению Митякиной Н.М. этот вопрос напрямую связан с вопросом об ограничениях правомочий распоряжения. Так, закрепление исключительной государственной собственности на землю с одной стороны ограничивает возможности частных лиц на приобретение данных земель в собственность, с другой стороны – ограничивает государство в его правомочии распоряжения землей [4].

Помимо этого, на практике часто возникает путаница между понятиями ограничений и обременений. Некоторые ученые не разделяют данных понятий [6]. Другие же придерживаются иной точки зрения.

Так, ограничения права полностью не исключают возможность совершения определенного действия, а лишь ставят их в зависимость от наличия неких условий, которые необходимо соблюсти, либо предоставляют право действовать в обрисованных границах, пишет Т.Б. Станкевич [8]. Обременения права собственности на земельный участок, в свою очередь, устанавливаются в отношении объектов (например, предоставление сервитута). Сервитут выступает в качестве обременения земельного участка, которое вызывает определенные затруднения в осуществлении собственником соседнего участка своих правомочий. В этом случае собственник обладает всей полнотой полномочий

владения, пользования и распоряжения, но помимо него определенными правами на земельный участок обладают и третьи лица.

Все имущественные права на землю ограничены, а правомочия сужены. Полной власти и абсолютных возможностей правообладателя в отношении земельного участка не существует. Ограничение прав на земельный участок – это дополнительные условия осуществления субъективных правомочий землепользователя в общественно значимых интересах. Однако вопрос о том, какие правомочия подлежат ограничению, остается открытым. В законодательстве нет четкого понятия. Содержание ст. 56 ЗК РФ не позволяет полностью определить правовую природу данного института, устанавливает неопределенные условия введения данных ограничений. Изучение этой проблемы позволит эффективнее сочетать частные и публичные интересы при использовании земельных ресурсов в экологической, экономической и иных сферах пользования землей, а также позволит четко разграничивать смежные с ограничениями термины.

Список использованных источников:

1. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (постатейный) / С. Н. Волков [и др.]; отв. ред. С. Н. Волков, науч. ред. Ю. Г. Жариков. – М., Юстицинформ", 2009. – 205 с.
2. Крассов, О. И. Право собственности на землю в странах Европы: монография / О. И. Крассов. – М., Норма, Инфра-М, 2014. – 400 с.
3. Крассов, О. И. Право частной собственности на землю / О. И. Крассов – М., Юристь, 2000. – 267 с.
4. Митякина, Н. М. Некоторые вопросы ограничения прав на землю / Н. М. Митякина // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 35-37
5. Петрушкин, В. А. Актуальные проблемы правовой модели системы оборота недвижимости: монография / В. А. Петрушкин ; науч. ред. В.В. Витрянский. – М., Статут, 2014. – 285 с.
6. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права: Т. 3. / К. П. Победоносцев ; под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – 622 с.
7. Постатейный научно-практический комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] / А.В. Богданова [и др.] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

8. Станкевич, Т.Б. Ограничения права собственности на земельные участки: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Станкевич Татьяна Борисовна. – Краснодар, 2003. – 187 с.

9. Земельное право : учебник / В. Х. Улюкаев [и др.] – М. Юридическая фирма "Частное право", 2010. – 344 с.

ОТКАЗ ОТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

© К.Е. Ведюшкина

Научный руководитель: Е.А. Вакулина

Сибирский федеральный университет

Отказ от права собственности является одним из оснований прекращения прав на земельные участки. Под прекращением прав на земельные участки понимается утрата обладателя данного права на земельный участок всех его правомочий: владения, пользования и распоряжения земельным участком ввиду наступления событий, независимых от воли лица, или обдуманных действий, предусмотренных законодательством.

Основания прекращения прав на земельные участки имеют свои особенности, в качестве одной из таких выделяют их исчерпывающее законодательное закрепление, которое свидетельствует о том, что, во-первых, такой исчерпывающий перечень оснований считается гарантией для обеспечения стабильности реализации гражданских прав, а во-вторых, является возможностью для обеспечения публичных интересов, но лишь в тех случаях, когда участок необходим для государственных или муниципальных нужд либо правообладатель не выполняет требований законодательства [6].

Помимо того, что прекращение прав на земельные участки в общем имеет свои особенности, также отличительными чертами обладают и конкретные основания, в качестве такого основания рассмотрим отказ от права собственности на земельные участки.

Отказ от права собственности является крайне неоднозначным основанием, по поводу которого сложилось множество позиций ученых.

Одной из дискуссионных проблем является сама процедура отказа от права собственности. Предыдущая редакция Земельного кодекса РФ закрепляла положения о том, что при отказе от права собственности на земельный участок такой участок приобретал правовой режим бесхозяйной недвижимой вещи. По истечении года, государственный орган по управлению муниципальным имуществом должен обратиться в суд с исковым требованием, для того

чтобы данное бесхозяйное имущество было снято с бесхозяйного учета и перешло в собственность публичных образований. На этапе современности процедура была упрощена, так как ранее органы местного самоуправления не топились переводить данные бесхозяйные недвижимые вещи в собственность публичных образований, они так и продолжали оставаться в том же правовом режиме [3].

В нынешнем земельном законодательстве согласно ст. 53 ЗК РФ отказ осуществляется путем подачи заявления в орган, осуществляющий регистрацию права собственности на земельные участки. Прекращение происходит путем регистрации такого прекращения данным регистрирующим органом, и с даты регистрации участки переходят в муниципальную собственность [4].

Следовательно, анализируя нормы законодательства, можно прийти к выводу о том, что отказ от права собственности на земельные участки является тождественен такому основанию, как отчуждение имущества. Например, к такому выводу пришел Ломидзе О. Г., а также Буртовая Е. И. [2,7] Однако, по моему мнению и мнению некоторых ученых, данные категории абсолютно не совпадают.

Критерием для разграничения данных категорий является способ приобретения права собственности. Под отчуждением понимается юридически обеспеченная возможность совершения действий по распоряжению имуществом, направленная на смену собственника этого имущества. Данное основание имеет целевую направленность, то есть смена собственника. В силу чего при отчуждении имущества наряду с фигурой отчуждателя всегда присутствует другое лицо – правоприобретатель. Таким образом, отчуждение имущества является производным способом приобретения права собственности [5].

Под отказом лица от права собственности на имущество понимается юридически обеспеченная возможность совершить действие по распоряжению имуществом, направленное на прекращение принадлежащего ему права. В данном случае целевой направленности в качестве смены собственника не предусматривается. Собственник, выражая свою волю, не указывает нового правообладателя данным земельным участком и не предполагает, в чью собственность он перейдет. Таким образом, отказ собственника от права на земельный участок является первоначальным способом приобретения права собственности.

Следующей дискуссионной проблемой является отказ от права собственности земельных участков, обремененных правами третьих лиц. Ныне действующее законодательство никаких норм по данной проблеме не содержит.

Однако гражданское право имеет основополагающие принципы, одним из которых является принцип дозволительной направленности гражданско-правового регулирования [1]. Согласно данному принципу нормы, содержащиеся в гражданском законодательстве, сформулированы на основании общего правила "Разрешено все, что не запрещено законом". В силу предусмотренного правила лица, являющиеся субъектами гражданского права, могут осуществлять любые действия, которые не запрещены законодательством. Следовательно, собственник может отказаться от своего права на земельный участок, обремененный правами третьих лиц, так как такое действие не запрещено законом. Таким образом, совместно с переходом земельного участка в собственность публичных образований с ним же переходят и его обременения.

Некоторые авторы в данной проблеме ссылаются на пункт 2 статьи 346 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой залогодатель не вправе отчуждать предмет залога без согласия залогодержателя, если иное не предусмотрено законом или договором и не вытекает из существа залога. Таким образом, собственнику необходимо получить согласие залогодержателя на отчуждение данного участка, и только в этом случае возможно прекращение права собственности на обремененный участок, и его переход в муниципальную собственность. Однако обременение на земельный участок сохраняется, и такой участок продолжает существовать в данных обязательственных правоотношениях. Большинство ученых, например, такие как Гречкина К. В. и Имекова М. П. такую точку зрения в своих работах не поддерживают, так как ЗК РФ в данном вопросе не содержит ссылки на п. 2 статьи 346 ГК РФ, следовательно, отказ от права собственности на земельные участки ничем не ограничен и не обременен [3,5].

Из этого следует, что такое основание, как отказ от права собственности на земельные участки, является до конца неизученным и содержит в себе множество подводных камней. Однако в данной статье было разобрано несколько дискуссионных проблем, на основании которых мы пришли к устойчивым позициям.

Список использованных источников:

1. Абова, Т.Е. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 2 т. – М.: Изд-во Юристъ. – 2015. – 740 с.
2. Буртовая, Е.И. Прекращение права собственности по воле собственника в системе оснований и способов прекращения субъективного права

собственности по законодательству РФ : дис. ... канд. юрид. Наук : 11.02.14 / Буртовая Елена Игоревна. – Томск, 2011. – 170 с.

3. Гречкина, К.В. Особенности добровольного отказа от права собственности на земельные участки // Отечественная юриспруденция. – Иваново.: Изд-во Олимп. – 2017. – № 9. – С. 14-17.

4. Земельный кодекс Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 25 октября. 2001 г. № 136-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

5. Имекова, М.П. Отказ лица от права собственности на земельный участок в системе оснований прекращения права собственности на землю // Актуальные проблемы российского права. – М.: Изд-во МГЮА. – 2013. – № 11. – С. 1423-1428.

6. Крассов, О.И. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации. – М.: Изд-во Юристъ. – 2002. – 782 с.

7. Ломидзе, О.Г. Правонаделение в гражданском законодательстве РФ : дис. ... д-ра юрид. наук : 09.00.13 / Ломидзе Ольга Георгиевна. – Ростов н/Д, 2003. – 186 с.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ БАЙКАЛЬСКОЙ ПРИРОДНОЙ ТЕРРИТОРИИ

© Ю.Д. Горлачева

Научный руководитель: С.Н. Гринберг

канд. ист. наук

Сибирский федеральный университет

Правовой режим в области охраны и использования озера Байкал в настоящее время осуществляется Конституцией Российской Федерации, Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия (г. Париж, 16 ноября 1972 г.), Федеральным законом «Об охране окружающей среды», Федеральным законом «Об охране озера Байкал», а также Федеральным законом «Об особо охраняемых природных территориях», Постановлениями и Распоряжениями Правительства РФ.

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об охране озера Байкал», Байкальская природная территория – территория, в состав которой входят *озеро Байкал, водоохранная зона*, прилегающая к озеру Байкал, его *водосборная площадь* в пределах территории Российской Федерации, *особо охраняемые природные территории*, прилегающие к озеру Байкал.

По смыслу ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», в территорию одной особо охраняемой природной территории (ООПТ) не могут

входить другие, обратное бы привело к коллизии норм, потому что по сути один и тот же участок поверхности земли имел бы одновременно разные правовые режимы, а значительную часть Байкальской природной территории составляют различные особо охраняемые природные территории. Поэтому данная территория именно в смысле действующей редакции ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», если толковать ее буквально, не является ООПТ.

Однако допустимо ли утверждать, что на Байкальскую природную территорию не распространяется действие ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», только лишь на том основании, что на ней существуют другие заповедники, национальные парки и другие территории?

В части первой ст. 2 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» указано, что при принятии решений о создании особо охраняемых природных территорий учитывается:

а) значение соответствующей территории для сохранения биологического разнообразия, в том числе редких, находящихся под угрозой исчезновения и ценных в хозяйственном и научном отношении объектов растительного и животного мира и среды их обитания;

б) наличие в границах соответствующей территории участков природных ландшафтов и культурных ландшафтов, представляющих собой особую эстетическую, научную и культурную ценность;

в) наличие в границах соответствующей территории геологических, минералогических и палеонтологических объектов, представляющих собой особую научную, культурную и эстетическую ценность;

г) наличие в границах соответствующей территории уникальных природных комплексов и объектов, в том числе одиночных природных объектов, представляющих собой особую научную, культурную и эстетическую ценность [2].

Всеми этими критериями обладает озеро Байкал. Поэтому в научной среде обсуждается вопрос о необходимости внесения изменения в указанный ФЗ в части внесения дополнительной ООПТ – Байкальская природная территория.

Основания для подобных изменений можно найти и в самом ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях». Перечень ООПТ, установленный в части 2 статьи 2 хотя и кажется на первый взгляд закрытым, однако в части 3 указано, что законами субъектов Российской Федерации могут устанавливаться и иные категории особо охраняемых природных территорий регионального и местного значения [2].

Несмотря на существующие противоречия и неясности правового регулирования, большинство авторов исходят из того, что ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» распространяет свое действие и на Байкальскую территорию, ведь даже сам ФЗ «Об охране озера Байкал» во многом содержит правила, дополняющие положения ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях».

Особый статус Байкальской природной территории, как и было сказано ранее, подтверждается в частности тем, что озеро Байкал является *объектом всемирного, уникального наследия ЮНЕСКО* и потому имеет статус особой охраны. В частности, согласно статье 5 Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, государство, на территории которого находится такой объект, обязано развивать научные и технические разработки и исследования, совершенствовать методы работы, позволяющие государству устранять опасности, угрожающие его культурному и природному наследию; принимать соответствующие меры для выявления, охраны, сохранения, популяризации и восстановления этого наследия [1].

Согласно ст. 5 ФЗ «Об охране озера Байкал» охрана Байкальской природной территории осуществляется с соблюдением следующих принципов:

1. приоритета видов деятельности, не приводящих к нарушению уникальной экологической системы озера Байкал и природных ландшафтов его водоохранной зоны;
2. учета комплексности воздействия хозяйственной и иной деятельности на уникальную экологическую систему озера Байкал;
3. сбалансированности решения социально-экономических задач и задач охраны уникальной экологической системы озера Байкал на принципах устойчивого развития [3];

Кроме того, основные принципы охраны озера Байкал в научной литературе предлагается дополнить таким принципом, как "приоритет целей устойчивого развития экосистемы" перед целями "освоения природных ресурсов региона". Однако, несмотря на то, что озеро Байкал является очень значимым уникальным природным объектом, полное запрещение хозяйственной деятельности на его территории представляется нецелесообразным. Необходим поиск компромисса между данными интересами [4].

На всей Байкальской природной территории запрещается согласно ст. 6 ФЗ «Об охране озера Байкал»:

1. Химическое загрязнение озера Байкал или его части;
2. Физическое изменение состояния озера Байкал или его части;

3. Биологическое загрязнение озера Байкал, связанное с использованием, разведением или акклиматизацией водных биологических объектов.

Однако внутри Байкальской природной территории существуют зоны с различным правовым регулированием. Так, ФЗ «Об охране озера Байкал» выделяет три вида зон, составляющих Байкальскую природную территорию: **центральную, буферную и зону атмосферного влияния**. Границы этих зон утверждает Правительство Российской Федерации по представлениям органов государственной власти Республики Бурятия, органов государственной власти Иркутской области, органов государственной власти Забайкальского края.

Центральная экологическая зона – территория, которая включает в себя *озеро Байкал с островами*, прилегающую к озеру Байкал *водоохранную зону*, а также *особо охраняемые природные территории*, прилегающие к озеру Байкал.

Она находится под особой охраной. Также определены виды деятельности, *запрещенные* в центральной экологической зоне, например, заготовка древесины, живицы, добыча руд, нефти и природного газа, разведка и разработка новых месторождений, добыча полезных ископаемых на акватории озера Байкала и т.д.

Буферная экологическая зона – территория *за пределами* центральной экологической зоны, включающая в себя *водосборную площадь* озера Байкал в пределах территории Российской Федерации.

Ее правовой режим не такой строгий, на нее распространяются общие правила, установленные для всей Байкальской природной.

Экологическая зона атмосферного влияния – территория *вне водосборной* площади озера Байкал в пределах территории Российской Федерации шириной *до 200 километров на запад и северо-запад* от него, на которой расположены хозяйственные объекты, деятельность которых оказывает негативное воздействие на уникальную экологическую систему озера Байкал.

В настоящее время охрана всей Байкальской природной территории и озера Байкал имеет большое значение. Летом 2018 года учеными Лимнологического института СО РАН была произведена Кругобайкальская экспедиция, посвященная исследованию глубинной и прибрежной частей Байкала. Результаты экспедиции не утешительные: экологическая ситуация на озере Байкал стремительно ухудшается.

Поэтому необходимо принятие срочных мер по усилению охранного режима Байкальской природной территории, в связи с этим нужно переместить баланс экологических, социальных и экономических интересов, именно в

сторону экологических, даже если это приведет к потере части доходов государства. Среди таких мер можно предложить, например, усилить региональный надзор в области размещения объектов хозяйственной и иной деятельности, а также контроль за такими объектами; обеспечить организация сбора и вывоза отходов; организовать систему регулярных рейдовых мероприятий за соблюдением требований законодательства; усилить ответственность за нарушение таких требований.

Список использованных источников:

1. Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия [Электронный ресурс]: конвенция от 16.11.1972, Париж // – Режим доступа: <https://www.un.org/ru>
2. Об особо охраняемых природных территориях [Электронный ресурс]: федер. закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ ред. от 03.08.2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Об Охране озера Байкал [Электронный ресурс]: федер. закон от 01.05.1999 № 94-ФЗ в ред. от 28.12.2013 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Правовая охрана озера Байкал : научно – практическое пособие / Ю.И. Щуплецова [и др.]. – Москва: Инфра, 2016.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

© Ю.О. Еремина

Научный руководитель: А.Ю. Кухаренко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Принцип свободы труда является одним из основополагающих принципов трудового права, под которым понимается возможность каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию. А также это запрет государства на использование принудительного труда. Под принудительным трудом Конвенция МОТ № 29 признаёт всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг [3]. Эта же

Конвенция не считает работу или службу вследствие приговора, вынесенного решением судебного органа, в качестве принудительного труда. В соответствии со ст. 103 УИК РФ за осуждёнными закреплена именно обязанность трудиться в местах и на работах, определенных администрацией исправительного учреждения. И такая трудовая деятельность не будет считаться принудительным трудом как на международном уровне, так и в Российской Федерации, а, следовательно, не будут нарушаться принципы трудового права.

Одной из функций отрасли трудового права является воспитательная. Занятие трудовой деятельностью положительно влияет на перевоспитание осуждённого. Поэтому труд как общественно-полезная деятельность играет важную роль в исправлении осужденного, а, следовательно, и в достижении цели уголовного наказания.

Условия труда лиц, отбывающих наказание, регулируются нормами двух отраслей права: трудового и уголовно-исполнительного. Приказ ФСИН РФ устанавливает, что в отношении осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы, нормы Трудового Кодекса РФ применяются в случаях, прямо предусмотренных специальными нормативными актами, или, когда возникшие правоотношения не урегулированы уголовно-исполнительным законодательством, и требуется применение норм трудового законодательства по аналогии [2]. Действительно, ТК РФ не содержит норм, касающихся труда осуждённых, поэтому основой регулирования труда осуждённых является УИК, а трудовое законодательство применяется субсидиарно.

Существует много дискуссий по поводу того, возникают или нет трудовые отношения между осуждённым и исправительным учреждением. Согласно трудовому законодательству основанием возникновения трудовых отношений является трудовой договор, который основан на соглашении между работником и работодателем об условиях выполнения трудовой функции. В данной ситуации законодатель рассматривает работника и работодателя как равные субъекты. Трудовые отношения осужденных, в отличие от свободных граждан, возникают не по собственной инициативе, а на основе обязанности. Данная обязанность возникает из двух фактов: приговор о назначении наказания в виде лишения свободы и приказ начальника исправительного учреждения о привлечении осуждённого к оплачиваемому труду. В связи с этим С.Н. Белова считает, что такого работника и работодателя нельзя рассматривать в качестве равных субъектов [1]. Следовательно, между ними трудовые отношения не возникают.

Другие исследователи придерживаются противоположной точки зрения. Н.П. Шилова считает, что трудовые отношения между исполнительным

учреждением и осужденным возникают с момента фактического допуска осужденного к работе с ведома или по поручению начальника исполнительного учреждения, которое выступает в качестве работодателя [5]. Трудовой Кодекс РФ в ст. 16 одним из оснований возникновения трудовых отношений считает – фактический допуск работника к работе. При этом работодатель обязан в течение 3 рабочих дней с момента такого допуска заключить с ним трудовой договор в письменной форме. Однако трудовой договор между осужденным и исправительным учреждением не заключается. Считаю, что нормы трудового законодательства о фактическом допуске работника к выполнению трудовой функции как основание для заключения трудового договора в данной ситуации не распространяются, но это не означает, что трудовые отношения не возникают.

Придерживаясь данной точки зрения, считаю, что трудовые отношения между осужденным и исправительным учреждением возникают, но имеют свои особенности.

Существует много дискуссий, касающихся определения статуса работодателя в таких отношениях. Толкование п. 1 ст. 103 УИК РФ, в которой говорится о формах привлечения осуждённых к труду, не даёт возможности определить, кто выступает в качестве работодателя: исправительное учреждение или предприятие [4]. Полагаю, что его статус зависит от характера трудовых отношений с осужденными. В частно-правовых отношениях работодателем выступает предприятие, а в публично-правовых – исправительное учреждение.

Общим с трудовыми отношениями граждан у осуждённых является продолжительность рабочего времени, правила охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии [4]. Это те условия труда, которые не отличаются от условий труда свободных граждан, установленных законодательством о труде. Осуждённые являются специальными субъектами, т.к. их труд связан с особыми условиями, отсюда вытекают и особенности их трудовых отношений, которые установлены нормами исполнительного законодательства:

- отпуска;
- оплата труда;
- удержание заработной платы.

Осужденные, как и свободные граждане, имеют право на отдых, а именно, ежегодный оплачиваемый отпуск, продолжительность которого законодатель ставит в зависимость от исправительного учреждения:

-18 рабочих дней – для отбывающих лишение свободы в воспитательных колониях;

-12 рабочих дней – для отбывающих лишение свободы в иных исправительных учреждениях.

В отличие от норм трудового законодательства, которые устанавливают минимальный отпуск в 28 календарных дней, отпуска осужденных имеют более короткий срок по сравнению лицами, работающими по трудовому договору. Отпуска предоставляются как с выездом за пределы исправительного учреждения, так и без него. Разрешение на выезд дается начальником исправительного учреждения. Во внимание берётся характер и тяжесть совершённого преступления, отбытый срок, личность и поведение осуждённого.

Особенность правового положения осуждённых существует и в отношении оплаты труда. Исполнительное право в отличие от норм трудового права разрешает возможность привлечения осужденных к труду без оплаты. Закон устанавливает единственный вид неоплачиваемой работы – благоустройство исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий [4]. Участие в выполнении таких работ является обязательным для всех трудоспособных осужденных, они не вправе отказаться. Такие работы не преследуют цели извлечения выгоды, они направлены на улучшение условий отбывания наказаний осуждёнными.

Еще одной особенностью трудовых отношений осуждённых является удержание заработной платы и иных доходов. Трудовое законодательство устанавливает размер удержания заработной платы в 20 % от суммы, а в отдельных случаях по решению суда может достигать 70%. УИК РФ увеличивает размеры до 75 %. Удержания производятся из всех доходов осуждённых на возмещение расходов по их содержанию в исправительных учреждениях: стоимость питания, одежды, коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены. По факту размер всех удержаний может превышать размер доходов осуждённого. В этих целях законом установлен гарантированный минимум, который должен находиться в распоряжении осужденного независимо от всех удержаний – 25 % [4].

Изучив материальную базу, касающуюся отношений труда осуждённых к лишению свободы, я выяснила, данные отношения имеют много общего с трудовыми отношениями:

1. Продолжительность рабочего времени, правила охраны труда установлены трудовым законодательством;
2. Осуждённые имеют право на отпуска;
3. Труд осуждённых оплачиваемый;
4. Из доходов осужденных возможно удержание.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, определила, что между осуждённым и исправительным учреждением в момент отбывания наказания возникают трудовые правоотношения, которые, естественно, имеют свои особенности в силу того, что осуждённые являются специальными субъектами.

Список использованных источников:

1. Белова, С.Н. Волкова, В.В. Правовые аспекты привлечения осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, к оплачиваемому труду / С.Н. Белова В.В. Волкова // Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. № 3. – Вологда, 2017. С. 39-43.

2. О порядке применения норм трудового права к осужденным: приказ ФСИН РФ от 29.06.2004 г. № 18/13-632.

3. Относительно принудительного или обязательного труда: Конвенция № 29 Международной организации труда от 28.06.1930 г. // Ведомости Верховного Совета СССР № 13. 1956.

4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. – 13 янв.

5. Шилова, Н. П. Особенности труда лиц, осужденных к лишению свободы / Н.П Шилова // Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. № 5. – Вологда, 2009 С. 78-84.

ИЗЪЯТИЕ ЧАСТИ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

© М.А. Казарова

Научный руководитель: Е.А. Вакулина
Сибирский федеральный университет

Существуют случаи, когда земельные участки могут изыматься у собственников для государственных и муниципальных нужд. Порядок изъятия урегулирован нормами Главы VII.1 ЗК Порядок изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд, а основания для изъятия содержатся в ст. 49 ЗК.

Данная глава была введена в ЗК после принятия Федеральным закон от 31 декабря 2014 г. № 499-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс

Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Несмотря на то, что урегулирование вопроса изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд обрело более полное и упорядоченное содержание (ранее порядок изъятия регулировался различными законами и не был достаточно упорядоченным), некоторые вопросы все-таки не были законодательно урегулированы. В частности, законодателем не решен вопрос о возможности изъятия части земельного участка.

Статья 6 ЗК РФ относит часть земельного участка к объектам земельных отношений. При этом часть земельного участка может выступать лишь как объект обязательственных правоотношений, но не может выступать как объект вещных. Это означает, что в отношении части земельного участка не могут заключаться договоры, издаваться акты о переходе права собственности на такую часть.

Как говорилось ранее, ЗК РФ в главе, посвященной изъятию, не дает ответа на этот вопрос. При буквальном толковании норм ЗК складывается впечатление, что объектом изъятия может выступать только целый земельный участок, который имеет кадастровый номер и выступает объектом земельных отношений. Таким образом, возможность изъятия части земельного участка не имеет прямого нормативного регулирования, что ставит еще один вопрос: если изъятия все-таки возможно, то в каком порядке оно будет осуществляться.

Поскольку ответа на данные вопросы в нормативных актах не содержится, анализу подлежали судебные решения судов Российской Федерации. Стоит отметить, что высшие судебные инстанции этот вопрос так же не регулируют. Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы содержатся в решениях судов первой и апелляционной инстанции.

В обобщении судебной практики Арбитражного суда Северо-Кавказского округа, утвержденном Президиумом Арбитражного суда Северо-Кавказского округа 29 января 2016 г., суд приходит к выводу о том, что изъятие части земельного участка для государственных и муниципальных нужд возможно.

Арбитражный суд Северо-Кавказского округа так же обращает внимание на тот факт, что возможность изъятия части земельного участка не установлена ни в ЗК, ни в ГК. Возможность частичного изъятия земельных участков содержится только в законах, издаваемых для конкретных территорий. Так, например, в соответствии с ч. 3 ст. 32 ФЗ от 7 июня 2013 № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в случае, если установление

публичного сервитута является основанием невозможности использования земельного участка или его части, собственник данного участка может потребовать у органов государственной власти изъятия земельного участка или его части для государственных или муниципальных нужд.

Аналогичное положение содержится в части 3 статьи 15.2 ФЗ от 1 декабря 2007 № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В п. 5 ч. 12 ст. 14 ФЗ от 5 апреля 2013 № 43-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрено, что при отсутствии в государственном кадастре недвижимости информации о части земельного участка, который подлежит изъятию (если в решении об изъятии недвижимого имущества содержится положение именно по изъятию части земельного участка), основания отказа в государственной подобного решения нет.

На основании данных примеров можно сделать вывод о том, что изъятие части земельного участка для государственных и муниципальных нужд возможно, но на данный момент регулирование данного вопроса осуществляется только специально издаваемыми федеральными законами, в то время как ЗК данной возможности фактически не содержит.

Однако стоит отметить, что на практике суды допускают изъятие части земельного участка в общем порядке, не на основании специальных ФЗ. Так, решением Красногорского районного суда от 16 марта 2017 года по делу № 2-1928/2017 ~ М- 87/2017 было удовлетворено требование Главного управления дорожного хозяйства об изъятии части земельного участка, с расположенным на нем жилым домом.

Таким образом, в России, несмотря на отсутствие в законе прямого указания на возможность изъятия части земельного участка для государственных и муниципальных нужд, складывается практика осуществления данных исковых требований.

Поскольку изъятие части земельного участка на практике допускается судами, необходимо проанализировать вопрос о том, в каком порядке возможно осуществить подобное изъятие.

Согласно ч. 12 ст. 12 ФЗ от 5 апреля 2013 № 43-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к

субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» при наличии необходимости использования части земельного участка, орган исполнительной власти, который вправе принимать решения об изъятии земельных участков и находящихся на них объектах недвижимости, может осуществить, при наличии определенной документации, раздел земельного участка и постановку вновь образованных земельных участков на государственный учет.

Таким образом, для изъятия части земельного участка для государственных и муниципальных нужд необходимо произвести процедуру раздела первоначального земельного участка, из которого в дальнейшем образуется несколько новых земельных участков. Данные объекты недвижимости обретают свои кадастровые номера и становятся самостоятельными.

В теории помимо раздела первоначального земельного участка допускается и иной способ изъятия части земельного участка. Такая возможность предполагается при обмене земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, и земельных участков, принадлежащих гражданину или юридическому лицу, в соответствии с абз. 2 ст. 39.21 ЗК. Однако при исследовании данного вопроса примеров такого подхода в судебных решениях не найдено.

Таким образом, несмотря на то, что часть земельного участка названа ЗК в качестве объекта земельных отношений, часть земельного участка не может выступать в качестве предмета сделок о переходе вещных прав. В связи с этим для ее изъятия необходима индивидуализация изымаемой части и измененного земельного участка.

Список использованных источников:

1. Земельный Кодекс Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 25 октября 2011 г. № 136-ФЗ // Российская газета – 2001. – 30 октября. № 211-212.

2. Обобщение судебной практики Арбитражного суда Северо-Кавказского округа об изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд от 29 января 2016 г. // <http://fassko.arbitr.ru/sites/fassko.arbitr.ru/files/pdf/>

3. О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер.

закон Российской Федерации от 7 июня 2013 г. № 108-ФЗ // Российская газета – 2013. – 11 июня. №124.

4. Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города 11 Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ // Российская газета – 2007. – 5 декабря. № 272.

5. Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 5 апреля 2013 г. № 43-ФЗ // Российская газета – 2013. – 10 апреля. № 77.

6. Решение Красногорского районного суда от 16 марта 2017 года по делу № 2-1928/2017 ~ М-87/2017 // <https://jur24pro.ru/reshenie-sudov/237637/>

ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ И ТРУДОУСТРОЙСТВА ЛИЦ ПРЕДПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

© А.Э. Колесников

Научный руководитель: Н.А. Ковтун

канд. пед. наук

Ростовский филиал

Российского государственного университета правосудия

В настоящее время в социально-трудовой сфере наблюдаются такие негативные явления, как дискриминация лиц пожилого возраста на рынке труда, более низкий уровень оплаты их труда, несмотря на то, что трудовая деятельность пожилых работников оказывает значительное влияние на экономическое и социальное развитие экономики страны. В ст. 2 ТК РФ в качестве одного из принципов трудового права указывается запрещение дискриминации в сфере труда, но при этом в ряде объявлений о поиске персонала на ту или иную должность мы можем встретить положения о желаемом возрасте работника. И зачастую люди предпенсионного возраста не рассматриваются в качестве потенциальных работников. Проблема правового регулирования занятости лиц старших возрастных групп приобретает особую актуальность.

Смирнова Т.М. в своем исследовании указывает мотивы продолжения лицами пенсионного и предпенсионного возраста трудовой деятельности: материальная заинтересованность, желание быть в коллективе, получение

морального удовлетворения от труда, желание быть востребованным, сохранение положения в обществе [5, с. 129]. Но на отечественном рынке труда негласно существует дискриминация работников по возрастному критерию, особенно граждан старших возрастных групп. Никонова Н.И. считает, что увеличение числа дискриминационных практик в отношении граждан старших возрастных групп обусловлены реформированием общественных сфер жизни, ростом негосударственных структур и коммерческого сектора [3, с. 65]. Социальная незащищенность лиц пенсионного и предпенсионного возраста обязывает государство разрабатывать и применять меры по обеспечению занятости этой категории населения.

Использование труда лиц предпенсионного возраста, сохранивших трудоспособность и имеющих желание трудиться, играет немаловажное значение не только для самого пожилого человека, но и для всего общества, поскольку решается проблема рационального использования трудовых ресурсов. Если учесть профессиональные качества, трудовой опыт, дисциплинированность и ответственность лиц старшей возрастной группы, то станет очевидно, что они могли бы принести немалую пользу в осуществлении трудовых функций. И, конечно, пользу в передаче опыта и преемственности поколений в трудовой сфере.

В настоящее время в Российской Федерации темпы развития набирает пенсионная реформа, связанная с повышением пенсионного возраста. В соответствии с Федеральным законом "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий" от 03.10.2018 № 350-ФЗ, предпенсионный возраст – это период в течение 5 лет до дня наступления возраста, дающего по новому пенсионному законодательству право на страховую пенсию по старости, в том числе досрочную [6].

В соответствии со ст. 37 Конституции РФ, положениями ФЗ «О занятости населения», Трудовым кодексом граждане предпенсионного возраста имеют равные с другими возрастными категориями населения права на труд: право выбора подходящей работы и места работы, гарантированного минимального размера оплаты труда, охраны труда и т.д. Люди предпенсионного возраста должны иметь возможность продолжения трудовой деятельности до тех пор, пока они сохраняют способность к продуктивному труду. Государственная политика по обеспечению занятости населения должна быть направлена на создание наиболее благоприятных и справедливых условий труда, которые будут обеспечивать равенство работников всех возрастных категорий. Строгое соблюдение определенного принципа равенства при установлении

различных государственных гарантий трудовых прав и свобод требует одновременно определенного дифференцированного подхода ко всем участникам трудового процесса. Все это вызывает острую необходимость в создании различных специальных норм, которые частично обеспечивают применение определенных общих правил в отношении одних сотрудников или устанавливающих по тем же вопросам различные дополнительные гарантии для других.

В соответствии со ст. 5 Закона от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» государство проводит политику содействия реализации прав граждан на полную, продуктивную и свободно избранную занятость. Эта политика затрагивает работников всех возрастных категорий, в том числе и граждан предпенсионного возраста. ст. 12 Закона «О занятости населения» гарантирует всем гражданам РФ свободную реализацию трудовых прав, им принадлежащих: свободно выбирать род деятельности, защита от безработицы, бесплатное содействие в трудоустройстве, информирование о положении на рынке труда [2].

Поскольку на рынке труда имеется проблема трудоустройства лиц старшей возрастной группы, государство должно искать пути ее разрешения при помощи механизмов политики занятости населения. В своем исследовании, посвященном изучению сектора пожилых работников во внутреннем рынке труда, Бадараев предложил ряд мер, которые способствовали бы повышению уровня занятости лиц предпенсионного возраста. Было предложено создание единой базы данных работников этой категории и вакансий, способных их удовлетворить; профессиональное обучение и переобучение по профессиям, имеющим вакантные места; оказание содействия в досрочном выходе на пенсию; проведение превентивной психологической работы с гражданами пенсионного возраста, которые хотят уволиться [1, с. 242-243]. По нашему мнению, эти меры действительно могут способствовать улучшению общей ситуации занятости населения.

Отказать гражданину предпенсионного возраста в заключении трудового договора можно только по деловым качествам или в связи с несоответствием его навыков профессиональным требованиям. Под деловыми качествами работника понимается его способность выполнять определенную трудовую функцию с учетом имеющихся у него профессионально-квалификационных качеств, например, профессия, специальность, а также с учетом таких личностных качеств, как состояние здоровья, уровень образования, опыт работы. Следовательно, достижение предпенсионного возраста не может быть отказным мотивом само по себе, но может им являться, если является деловым качеством работника и влияет на выполнение трудовой функции.

Граждане предпенсионного возраста, трудовые права которых нарушены, могут оспорить эти решения работодателей в Федеральной инспекции труда (Рострудинспекции). В случае выявления нарушений работодатели будут привлекаться к ответственности – административной, а с недавнего времени и к уголовной. Так, с 14 октября 2018 года вступил в силу закон об уголовной ответственности работодателя за увольнение работника либо отказ в приеме на работу лицу предпенсионного возраста.

С целью снижения негативных последствий от проведения пенсионной реформы Государственной Думой РФ были закреплены различные льготы для граждан предпенсионного возраста. Рассматриваются различные варианты стимулирования работодателей к приему на работу граждан этой категории.

С 1 января 2019 года вступил в силу ФЗ «О внесении изменения в Трудовой кодекс РФ» от 3.10.2018 г. № 353 – ФЗ, предусматривающий возможность предпенсионеров ежегодно брать два рабочих дня с сохранением заработной платы для прохождения диспансеризации [7].

30 декабря 2018 года была утверждена «Специальная программа профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан предпенсионного возраста на период до 2024 года», целью которой является содействие занятости граждан предпенсионного возраста путем организации профессионального обучения, дополнительного профессионального образования для приобретения или развития имеющихся знаний, компетенций и навыков, обеспечивающих конкурентоспособность и профессиональную мобильность на рынке труда [4].

Изменения в пенсионном законодательстве не меняют правил назначения и выплаты пенсионных накоплений. Возраст, дающий право на их получение, остается в прежних границах – 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин. Это распространяется на все виды выплаты пенсионных накоплений, включая накопительную пенсию. Ранее ее можно было получить только при достижении пенсионного возраста.

Трудовое законодательство устанавливает право граждан на свободный труд. Таким правом обладают все категории населения, независимо от пола, возраста. Установление возрастных ограничений трактуется в судебной практике как дискриминация. Чтобы минимизировать количество увольнений и отказов в заключении трудовых договоров в связи с возрастом работника, государство осуществляет политику по содействию занятости граждан предпенсионного возраста. В целом в условиях экономической нестабильности необходимо активизировать потенциал трудоустройства всех социально незащищенных категорий населения. Интеграция представителей предпенсионного

возраста в социум посредством сохранения трудовой активности имеет ряд оснований и целесообразна как для самих граждан, так и для общества в целом.

Список использованных источников:

1. Бадараев Д.Д. К проблеме трудоустройства лиц пенсионного и предпенсионного возраста // Вестник Бурятского госуниверситета. 2010. № 5. С.239-243.
2. Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 "О занятости населения в Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс.
3. Никонова Э.И. Занятость населения старших возрастных групп в современном российском обществе: проблемы и перспективы // Учебные записки Казанского государственного университета. 2009. Том 151, кн.5, ч.2. С.61-71.
4. Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2018 г. № 3025-р Об утверждении Специальной программы и плана мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан предпенсионного возраста на период до 2024 г. // СПС Гарант
5. Смирнова Т.В. Перспективы занятости пожилых в условиях демографического постарения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Том X. № 2. С.123-133.
6. Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий" // СПС КонсультантПлюс.
7. Федеральный закон от 3.10.2018 № 353 – ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАДАСТРОВОГО ИНЖЕНЕРА

© А.О. Скадорова

Научный руководитель: Е.А. Вакулина

Сибирский федеральный университет

В настоящее время между собственниками земельных участков нередко возникают споры, связанные с наложением границ смежных земельных участков друг на друга. Данная проблема может возникнуть в результате технической или реестровой (кадастровой) ошибки.

Техническая ошибка – это описка, опечатка, грамматическая или арифметическая ошибка либо подобная ошибка [2]. Данный вид ошибок допускается регистрирующим органом.

В 2017 году Кадастровая палата объединилась с Росреестром, теперь это единый орган – Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. По этой причине в настоящее время законодательство не оперирует понятием «кадастровая ошибка», в ч.3 ст. 61 ФЗ от 13.07.2015 года №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» дано определение понятия «реестровая ошибка», схожего по своему правовому содержанию с ранее применявшимся понятием «кадастровая ошибка».

Реестровая ошибка – это ошибка, содержащаяся в межевом плане, техническом плане, карте-плане территории или акте обследования, возникшая вследствие ошибки, допущенной лицом, выполнившим кадастровые работы, или ошибка, содержащаяся в документах, направленных или представленных в орган регистрации прав иными лицами и (или) органами в порядке информационного взаимодействия, а также в ином порядке [2]. Реестровая ошибка по характеру своего происхождения обусловлена наличием недостоверной информации в документах, на основании которых соответствующие сведения отражены в ЕГРН.

Исправление реестровой ошибки является более проблематичным, чем исправление технической ошибки. Поэтому в судах находится большое количество дел об исправлении данной ошибки и о привлечении кадастрового инженера к ответственности.

В статье 29.2. ФЗ №221-ФЗ сказано о том, что кадастровый инженер несет ответственность за невыполнение вышеназванного закона и других нормативно-правовых актов, но при этом не уточняется, к какому виду ответственности он может привлекаться [3]. Следовательно, если закрепления в данном законе конкретных мер ответственности нет, возникает логичная мысль: либо ответственность кадастровый инженер вовсе не несет, либо меры ответственности, возлагаемые на кадастрового инженера, закреплены в других нормативно-правовых актах. Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо анализировать законодательство.

Исходя из изучения законодательных норм, можно сделать вывод о том, что кадастровый инженер, который допустил возникновение реестровой ошибки при выполнении работ, несет дисциплинарную, гражданскую (так как кадастровые инженеры выполняют работу по договору подряда), административную или уголовную ответственность. Нередко из-за наличия

реестровой ошибки возникают споры, которые разрешаются только посредством судебного разбирательства.

В 2015 году законодатель внес изменения в законодательство о кадастровой деятельности, чем обязал кадастровых инженеров быть членами саморегулируемой организации (далее – СРО) кадастровых инженеров. В результате этого на законодательном уровне закрепились дисциплинарная ответственность кадастрового инженера, так как согласно части 4 статьи 10 ФЗ №315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» орган по рассмотрению дел о применении в отношении членов СРО мер дисциплинарного воздействия вправе принять решение о применении мер дисциплинарного воздействия по отношению к членам СРО [5].

Также СРО осуществляет контроль за осуществлением своими членами обязательного страхования гражданской ответственности кадастровых инженеров [3]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что за ненадлежащее исполнение обязанностей по договору подряда инженер может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности, так как убытки, причиненные действиями кадастрового инженера, подлежат возмещению за счет страхового возмещения по договору обязательного страхования гражданской ответственности кадастрового инженера. При этом в правилах страхования различных СРО указывается то, что договором страхования должно быть предусмотрено, что возникновение обязанности кадастрового инженера возместить убытки, причиненные заказчику кадастровых работ и (или) третьим лицам, может быть установлено вступившим в законную силу решением суда или признано таким кадастровым инженером и страховщиком.

Тут же возникает логичная мысль о том, что никакой инженер и страховщик не будет признавать в ущерб себе возникновение обязанности возместить убытки. Следовательно, чтобы получить страховую выплату гражданину все рано придется обращаться с исковым заявлением в суд и доказывать, что он понес убытки.

Судебные же инстанции в большинстве случаев отказывают в удовлетворении требований на основании отсутствия доказательств наличия убытков и вины кадастрового инженера в их причинении.

В качестве убытков истцы по данным делам заявляют расходы на получение кадастровых выписок, оплаты границ за вынос земельного участка в натуру, оказание юридической помощи при рассмотрении данных дел, по оплате государственной пошлины по делам, по пересылке почтовых отправлений. Иногда истцы в качестве убытков называют среднюю стоимость земельного участка, так как не могут его продать из-за наличия кадастровой ошибки.

Суды не удовлетворяют требования о возмещении убытков, так как ГК РФ понимает убытки, как расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества [1]. В данном случае при восстановлении права расходов не будет (за исключением судебных, но возмещение их регулируется процессуальными нормами и в убытки не включается). Также имущество вследствие возникновения кадастровой ошибки не повреждено, следовательно, расходов на его восстановление не будет.

Помимо дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности инженер может нести административную ответственность, которая предусмотрена статьей 14. 35 КоАП РФ. Так, за внесение кадастровым инженером заведомо ложных сведений в документацию, которую он подготавливает, на инженера может быть наложен административный штраф в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей или он может быть дисквалифицирован на срок до трех лет [4].

Как следует из анализа судебной практики по статье 14. 35 КоАП РФ чаще всего за данное правонарушение привлекают инженеров, которые вносят недостоверные данные о нахождении/отсутствии на участке объекта капитального строительства, за внесение в технические планы сведений о жилых домах, которые в действительности являются объектами незавершенного строительства. Решения о привлечении кадастрового инженера к административной ответственности за допущение реестровой ошибки находятся с трудом, из чего можно сделать вывод о том, что у органа кадастрового учета зачастую отсутствует возможность обнаружить несоответствие сведений, вносимых кадастровым инженером, действительности. Зачастую кадастровые ошибки обнаруживаются только при установлении границ смежных земельных участков, поэтому количество судебных актов, в которых инженер привлекался бы к административной ответственности за кадастровую ошибку, невелико.

Также существует уголовная ответственность за аналогичное деяние, предусмотренное статьей 170.2 УК РФ, но, если оно причинило крупный ущерб (2 250 000 руб.) гражданам, организациям или государству. Данная статья предусматривает санкцию в виде штрафа в размере от 100 000 рублей до 300 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов. Часть 2 статьи 170.2 предусматривает ответственность за же деяния, причинившие особо крупный ущерб (9 000 000 руб.) [6].

Данная статья была введена в УК РФ только в 2015 году. До этого времени уголовная ответственность кадастрового инженера не была предусмотрена законодательно.

На практике складывается ситуация, что привлечение кадастровых инженеров вследствие возникновения кадастровой ошибки к административной или уголовной ответственности довольно редко встречается. Да и наличие в диспозиции норм об ответственности инженера слова «заведомо» затрудняет доказывание вины по данным составам, ведь в такой формулировке инженеру заранее должно быть известно то, что он вносит недостоверные сведения в документацию. Ведь чаще всего такие ошибки возникают из-за неисправности оборудования инженера, или из-за неточного соблюдения технологии производства работ.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что на законодательном уровне предусмотрена дисциплинарная, гражданско-правовая, административная, уголовная ответственность кадастрового инженера за внесение неточных сведений в документацию. На практике же существуют сложности привлечения ко всем видам ответственности, кроме дисциплинарной из-за трудности доказывания убытков, понесенных владельцем земельного участка, а также из-за проблем с доказыванием умысла кадастрового инженера.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон Российской Федерации от 30 нояб. 1994 №51-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».
2. О государственной регистрации недвижимости Федерации : федер. закон Российской Федерации от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ СПС «Консультант-Плюс».
3. О кадастровой деятельности : федер. закон Российской Федерации от 24 июля 2007 г. №221-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон Российской Федерации от 30 дек.2001 №195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. О саморегулируемых организациях : федер. закон Российской Федерации от 1 дек. 2007 №315-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. "Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 13 июня 1996 №63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ: ПОНЯТИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

© В.В. Тирских, В.Н. Качанов

Научный руководитель: Е.А. Вакулина

Сибирский федеральный университет

Несмотря на успешное решение многих правовых вопросов в сфере регулирования земельных отношений, на сегодняшний день остается ряд актуальных проблем. В частности, остаются нерешенными вопросы, касающиеся разграничения государственной собственности на землю.

В первую очередь следует отметить, что в действующем законодательстве до сих пор не раскрывается понятие разграничения государственной собственности на землю, что, в свою очередь, вызывает ряд дискуссий в доктрине.

Так, Н.Б. Малова считает, что под разграничением государственной собственности на землю следует понимать безвозмездное отчуждение земельных участков, не находящихся в собственности граждан, юридических лиц и муниципальных образований, а также признание права собственности РФ на земельные участки [4]. В отношении данного понятия в доктрине существует две позиции. Одни ученые берут за основу данное понятие. Другие, напротив, утверждают, что такой подход к определению понятия имеет ряд недостатков. Так, А. Я. Рыженков отмечает, что процесс разграничения государственной собственности на землю не предполагает «отчуждения» имущества, являющегося гражданско-правовой процедурой, а относится, скорее, к административным, публичным процедурам. Такой вывод он делает на основе анализа ст. 17 ЗК РФ, в соответствии с которой в ходе разграничения государственной собственности на землю право федеральной собственности не приобретается, а возникает в силу п.5 ст. 214 ГК РФ, в которой упоминается не приобретение или отчуждение, а отнесение государственного имущества к федеральной собственности и собственности субъектов, что действительно указывает на административный, публичный характер данной процедуры. Во-вторых, в ходе процедуры разграничения государственной собственности на землю не выделяется процедура «признания» права собственности именно за РФ. Процедура разграничения государственной собственности на землю изложена в ст. 3.1 ФЗ «О введении в действие ЗК РФ» как универсальная для всех форм публичной собственности [5].

Представляется наиболее точной позиция Т. В. Дамбиевой, которая считает, что разграничение государственной собственности на землю представляет собой процесс передачи РФ как суверенной и политической власти на основании юридических фактов, установленных федеральными законами, земельных участков, не находящихся в частной собственности и на которых не расположены в частной собственности здания, строения, сооружения, РФ, субъектам РФ и муниципальным образованиям [1].

Также, следует обратить внимание на вопрос противоречивости критериев разграничения. Так, на практике, может возникнуть ситуация, когда один земельный участок в соответствии с установленным законодательством критериями может быть отнесен к собственности РФ, субъекта РФ или муниципального образования. Например, некоторые особо охраняемые природные территории регионального значения иногда могут быть расположены в границах лесного фонда. В то же время, в соответствии с действующим законодательством об особо охраняемых природных территориях, в их границах допускается наличие земельных участков, относящихся к собственности муниципальных образований. В таком случае установить собственника указанных земельных участков сложно, так как, если руководствоваться признаком отнесения к лесному фонду, то собственником будет РФ, если же собственника определять по признаку отнесения к территории особо охраняемой природной территории регионального значения, то собственником должен быть субъект РФ. Если же такой земельный участок занят жилыми зданиями и объектами социально-культурного назначения, то он должен относиться к собственности муниципального образования.

Не менее важным являются вопрос, связанный с изменениями, введенными Федеральным законом от 17 апреля 2006 г. № 53-ФЗ в Федеральный закон «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ» в части упрощения процедуры разграничения права государственной собственности. Так, ранее процедура регистрации государственной собственности на земельный участок в соответствии с федеральным законом «О разграничении государственной собственности на землю» предусматривала, что для разграничения при наличии установленных федеральным законом оснований федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного управления подавались перечни земель по утвержденной форме. Направлялись эти перечни в Федеральное агентство федерального имущества и его

территориальные органы. После согласования и проверки наличия споров на эти земельные участки, перечни передавались земельных участков на утверждение в Правительство РФ. Сейчас, в силу введенных вышеуказанным федеральным законом изменений для разграничения не требуется предварительного направления перечней земельных в Федеральное агентство федерального имущества, издания постановления Правительства РФ. Право собственности на земельный участок соответствующего публичного-правового образования оформляется путем его непосредственной регистрации в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии, при наличии оснований, предусмотренных федеральным законом. Следует согласиться с мнением Т.Б. Силиной, которая отмечает, что на практике отсутствие механизма, направленного на достижение согласия остальных участников процесса разграничения государственной собственности на земельный участок к той или иной форме собственности является определенным недостатком, в связи с чем, до сих пор возникают определенные трудности при реализации данных норм [6]. Таким образом, представляется, что для разрешения данной проблемы следует внести дополнения в ст. 30.1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в части возложения обязанности, обратившегося с заявлением о регистрации права собственности на земельный участок, предоставлять согласие уполномоченных органов других потенциальных собственников на регистрацию права собственности публичного субъекта. Другие ученые, напротив, считают, что ранее предусмотренная процедура разграничения государственной собственности на землю являлась длительной и громоздкой, в связи с чем, возникал разрыв между количеством сформированных сведений о земельных участках и количеством земельных участков, зарегистрированных за публичными образованиями [3].

Также, следует обратить внимание на вопрос распоряжения органами местного самоуправления неразграниченными земельными участками. Так, с 1 марта 2015 года появилось требование, в соответствии с которым для распоряжения неразграниченными земельными участками на поселения возлагалась обязанность разработки правил землепользования и застройки, которые позволят учитывать местные особенности при распоряжении земельными участками. Но, возникла проблема, связанная с дефицитом квалифицированных кадров в сельских поселениях, который не позволял им полноценно осуществлять распоряжение земельными участками.

В последствии, на основании ч. 1.2. ст. 17 ФЗ-131 субъекты РФ стали массово принимать законы о перераспределении полномочий между органами

местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ, «отнимая» у муниципальных образований полномочия по распоряжению земельными участками [2]. В связи с этим был принят ФЗ от 03.07.2016 № 334-ФЗ, которым были внесены изменения в ФЗ-173. Так, с 1 января 2017 года было возвращено распоряжение земельными участками, государственная на которые не разграничена, органам местного самоуправления муниципальных районов в отношении таких земельных участков, расположенных на территории сельских поселений. Городские поселения же сохраняют право распоряжение земельными участками из неразграниченной государственной собственности. Законодательное Собрание Красноярского края обосновывало необходимость решения законами субъекта вопроса о закреплении полномочия по предоставлению земельных участков за городским поселением или муниципальным районом, т.к. отдаленные городские поселения, особенно расположенные в районах Крайнего Севера, не обладают ресурсами по исполнению государственных полномочий по распоряжению земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, но каких-либо результатов это принесло.

С 1 января 2017 г. зависимость от наличия правил землепользования и застройки исключена. Следует отметить, что при отсутствии правил землепользования и застройки сельского поселения органы местного самоуправления муниципального района не связаны необходимостью согласовывать свои действия с интересами и местными особенностями поселения, т.е. фактически отсутствует механизм учета мнения населения и органов местного самоуправления сельских поселений.

Таким образом, указанные выше вопросы подчеркивают актуальность проблемы разграничения государственной собственности на землю и, таким образом, свидетельствуют о необходимости более детального анализа и решения.

Список использованных источников:

1. Дамбиева, Т. В. Возникновение права собственности Российской Федерации на земельные участки [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Дамбиева Туяна Владимировна. – Москва, 2007. – 215 с.
2. Иванова, М. А. Распоряжение органами местного самоуправления земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена: новеллы законодательства [Текст] / М. А. Иванова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. -№ 5-2. – С. 13-15.

3. Кадимова, М.Ш, Сеидов, П. М. О некоторых вопросах разграничения государственной собственности на землю [Текст] / М. Ш. Кадимова, П. М. Сеидов // *Успехи современной науки*. – 2017. – №4. – С. 209-212.

4. Малова, Н. Б. Разграничение государственной собственности на землю в Российской Федерации [Текст] : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.06 / Малова Наталья Борисовна. – Москва, 2007. – 30 с.

5. Рыженков, А. Н. Принцип разграничения государственной собственности на землю: проблемы и пути их решения [Текст] / А. Н. Рыженков // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. – 2016. – № 2 (37). – С. 51-56.

6. Силина, Т. Б. Гражданско-правовые проблемы и последствия разграничения государственной и муниципальной собственности на землю в Российской Федерации [Текст] / Т. Б. Силина // *Академический вестник*. – 2010. – № 3(13). – С. 106-110.

ВЛИЯНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВ РАБОТНИКОВ-МИГРАНТОВ В РФ

© У.С. Ульяненко

Научный руководитель: Е.П. Циндяйкина

канд. юрид. наук

*Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина*

Проблема законодательного закрепления прав работников-мигрантов в Российской Федерации является одной из наиболее актуальных на сегодняшний день, что обусловлено динамично развивающимися международными отношениями страны, нестабильной внешнеполитической обстановкой, быстро меняющимися экономическими показателями и иными факторами.

Позиция Российской Федерации в вопросе предоставления прав работникам-мигрантам базируется на принципе приоритетного использования национальных трудовых ресурсов с учетом ситуации на рынке труда, что закреплено в статье 18 Федерального закона № 115-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [7]. Однако на практике Россия придерживается данного принципа скорее в рамках ООН и Совета Европы, в то время, как принципиально иная ситуация складывается в рамках международного регионального сотрудничества государств Евразийского экономического союза.

Несмотря на то, что Россия, являясь членом Совета Европы, ратифицировала Европейскую социальную хартию [6], которая предусматривает право работников-мигрантов и их семей на защиту и помощь на территории любой страны-участницы, она не участвует ни в Конвенции о защите прав трудящихся-мигрантов и их семей 1990 г. [2], ни в Европейской конвенции о правовом статусе трудящихся-мигрантов 1977 г. [5]. Объясняется это тем, что данные конвенции идут вразрез с национальным законодательством, в частности, с ранее упомянутым 115-ФЗ, а также Генеральным соглашением между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2018-2020 годы [9].

В то же время Договор о Евразийском экономическом Союзе (далее – Договор о ЕАЭС), подписанный 29.05.2014 в г. Астане, включает целый ряд положений, обеспечивающих равные трудовые права трудящихся-мигрантов государств-членов ЕАЭС, закрепленных в разделе 26 данного Договора [4]. Необходимо отметить, что привлечение к трудовой деятельности трудящихся государств-членов допустимо без учета ограничений по защите национального рынка труда. Это обусловлено тем, что в конце 2011 года было создано Единое экономическое пространство в рамках Декларации о евразийской экономической интеграции, что наделяет трудовых мигрантов на уровне евразийского регионального рынка труда правом свободно передвигаться без ограничения времени нахождения на территориях государств ЕАЭС (первые 30 суток – без регистрации, далее – на срок действия трудового / гражданско-правового договора), а это в свою очередь позволяет заключать с ними бессрочные трудовые договоры [3]. Еще одной особенностью правового закрепления трудовой миграции ЕАЭС является то, что вместо термина «трудящийся-мигрант» в Договоре легализован термин «трудящийся государства-члена», что наделяет работников иным правовым статусом, поскольку на них уже не распространяются положения национального законодательства о квотах на привлечение иностранной рабочей силы [1, с.143-153].

Какое влияние оказывает евразийская интеграция на законодательное закрепление прав работников-мигрантов в Российской Федерации? Для ответа на данный вопрос необходимо определить: по какому пути развития будут проходить миграционные процессы в условиях расширения ЕАЭС.

В случае демографического и территориального расширения международных интеграционных объединений, а равно в случае экстенсивного развития миграционных процессов, устойчивое социально-экономическое развитие Союза будет под вопросом, что скажется и на правовом положении

работников-мигрантов. В соответствии с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., которая была утверждена в 2007 г., необходимый миграционный прирост должен быть на уровне более 300 тыс. человек ежегодно [8]. Однако, действительно ли, необходим такой колоссальный прирост и насколько он будет целесообразен? Во-первых, опыт региональной интеграции ЕС является отличным примером для разрешения данных вопросов. Страны ЕС долгое время двигаются в сторону объединения Европы в одно государство, при этом, как показала практика, интеграция государств с огромным разрывом в уровне ВВП может обернуться финансовым кризисом мирового масштаба. Во-вторых, утверждения о том, что России необходимо открыть рынок труда для иностранцев ввиду незаинтересованности российских работников занимать непрестижные низкооплачиваемые должности, являются недостоверными. Подобные низкооплачиваемые места являются не причиной, а следствием, они появляются в результате имеющегося предложения труда со стороны катастрофически бедных мигрантов. Таким образом, в случае экстенсивного развития миграционных процессов в стране увеличится число низкоквалифицированных кадров, что обернется «оскудением» рынка труда, ростом нелегальной миграции, а также станет катализатором социально-экономических проблем в принимающих странах. Все это приведет к необходимости усилить контроль за соблюдением миграционного законодательства, ввести визовый режим для государств-участников Союза, что нарушит условия Договора о ЕАЭС, и в конечном счете – страна будет вынуждена опустить железный занавес для трудовых мигрантов для регенерации национального рынка труда.

Интенсивные путь развития миграционных процессов заключается в увеличении качества рабочей силы, ее профессиональной квалификации. Кроме того, именно интенсивный сценарий развития ЕАЭС является наиболее целесообразным на ближайшие несколько лет. Необходимо создать благоприятные условия для стимулирования миграции высококвалифицированных специалистов и предотвратить «утечку мозгов» из Союза в третьи страны. В случае согласованной политики стран-участниц представляется возможным достижение эффективного функционирования евразийской инновационной системы, что отразится на создании множества рабочих мест для квалифицированных специалистов. Всё это в совокупности скажется впоследствии на создании дополнительных мер государственной поддержки, а именно представляется возможным установить льготный миграционный, трудовой, налоговый и социальный режимы, которые во многом уравнивают права трудящихся из стран Союза с правами граждан принимающей страны.

Таким образом, определив путь развития миграционных процессов в условиях расширения ЕАЭС, можно предугадать, каким образом евразийская интеграция скажется на дальнейшем развитии правового статуса работников-мигрантов в РФ и предпринять необходимые меры для обеспечения сохранности национального рынка труда, с одной стороны, и соблюдения условий Договора о Союзе, с другой стороны.

Список использованных источников:

1. Давлетгильдеев Р.Ш., Сычева О.В. Международно-правовое сотрудничество в области трудовой миграции: от ЕврАзЭС к Евразийскому экономическому союзу // Журнал российского права. 2015. № 6. С.143-153.
2. Советский журнал международного права. № 3-4, 1991. С. 136-172.
3. Декларация о евразийской экономической интеграции // Сайт Президента России: http://www.kremlin.ru/ref_notes/1091.
4. Договор о Евразийском экономическом Союзе // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии: <http://www.eurasiancommission.org/>, 05.06.2014.
5. Европейская конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов (ets № 93) (Заключена в г. Страсбурге 24.11.1977) // Сайт по международному праву Conventions.ru: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=19946.
6. Федеральный закон от 3 июня 2009 г. № 101-ФЗ «О ратификации Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 года» // «Российская газета», № 102, 05.06.2009.
7. Федеральный закон № 115-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации 2002. № 30, ст. 3032.
8. Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ, 15.10.2007, № 42, ст. 5009.
9. «Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2018 – 2020 годы» // «Российская газета», № 24, 05.02.2018.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОВЕЛЛ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О САДОВОДЧЕСКИХ И ОГОРОДНИЧЕСКИХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ
ТОВАРИЩЕСТВАХ**

© Д.В. Цупинина

Научный руководитель: Е.А. Вакулина

Сибирский федеральный университет

Очередной новеллой в российском законодательстве является закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 217). В соответствии с ним жизнь дачников и садоводов значительно изменится с 1 января 2019 года.

Таким образом, задачами научной работы являются: во-первых, рассмотреть основные аспекты нововведений; во-вторых, оценить их положительные и отрицательные стороны; в-третьих, проследить какие сложности могут возникнуть и как их решить.

В настоящее время граждане для ведения садоводства или огородничества могут создавать некоммерческие организации только в двух организационно-правовых формах: садоводческие или огороднические некоммерческие товарищества [1]. Ранее, согласно статье 4 закона от 15.04.1998 № 66-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» (далее – ФЗ № 66), могли быть использованы такие организационно-правовые формы, как товарищества, кооперативы или партнерства [2].

Положительную сторону можно отследить в рамках ответственности. Члены товарищества не отвечают по его обязательствам, и наоборот. Ранее, когда была возможность объединяться садоводам, огородникам в кооператив, ответственность членов кооператива была более строгой (члены кооператива обязаны были ежегодно покрывать образовавшиеся убытки посредством внесения дополнительных взносов, а также нести субсидиарную ответственность по его обязательствам в пределах невнесенной части дополнительного взноса каждого из членов).

Необходимо учитывать, что ведение садоводства и огородничества возможно и без создания организации, то есть в индивидуальном порядке.

Изучение судебной практики показало, что ранее у судов при разрешении споров, связанных с использованием гражданами, ведущими хозяйство в индивидуальном порядке, имуществом общего пользования объединения,

возникали затруднения. Так, некоторые суды полагали, что право требовать заключения договора о пользовании объектами инфраструктуры и другим имуществом общего пользования товарищества имеется у гражданина, ведущего садоводство, огородничество в индивидуальном порядке, а не у некоммерческого объединения. В свою очередь, Президиум Верховного суда РФ в своем обзоре от 2 июля 2014 года отметил обратное: решением суда на гражданина, ведущего садоводство, огородничество в индивидуальном порядке, может быть возложена обязанность по заключению договора, предусматривающего плату за пользование общим имуществом объединения по требованию садоводческого, огороднического или дачного некоммерческого объединения [3].

Новый федеральный закон № 217 вовсе устранил вышеуказанные противоречия, т. к. императивно установил обязанность граждан, ведущих свое хозяйство в индивидуальном порядке, вносить плату за приобретение, создание, содержание имущества общего пользования, текущий и капитальный ремонт объектов капитального строительства, относящихся к имуществу общего пользования, расположенных в границах территории садоводства или огородничества.

Особое внимание имеет следующее положение, предусмотренное частью 2 статьи 4 ФЗ № 217: собственники садовых или огородных земельных участков, расположенных в границах территории садоводства или огородничества, вправе создать лишь одно некоммерческое товарищество для управления имуществом общего пользования. В прежнем законе 1998 года подобной формулировки вовсе не было. Думается, что это норма ввелась для таких ситуаций, когда члены одного некоммерческого объединения не приходят к единому решению, и в результате этого некоторая группа членов такого объединения создают новое юридическое лицо. В таком случае данная группа может элементарно не уплачивать взносы в «прежнее» юридическое лицо, следовательно, это объединение не будет выполнять всех поставленных перед ним задач (строить дороги, проводить электричество и т.д.), а значит, наступит беспорядок. При таких обстоятельствах вышеупомянутая норма ФЗ № 217 имеет немаловажное значение, так как одной из возможных целей является недопущение подобных ситуаций.

Несколько изменились положения относительно взносов членов организации. Во-первых, в отличие от ФЗ № 66, где предусматривалось несколько видов взносов (вступительные, членские, дополнительные и другие), в новом законе предусмотрены только два: членские и целевые. В дополнение, частями 5 и 6 статьи 14 ФЗ № 217 предусмотрены исчерпывающие перечни

направлений расходов взносов. Например, членские взносы могут быть использованы исключительно на расходы, связанные: с содержанием имущества общего пользования товарищества, в том числе уплатой арендных платежей за данное имущество; с осуществлением расчетов с организациями, осуществляющими снабжение тепловой и электрической энергией, водой, газом, водоотведение на основании договоров, заключенных с этими организациями и т.д. Во-вторых, указанные взносы вносятся на расчетный счет товарищества, а это, значит, что, прежде всего, граждане должны выбрать банк и открыть в нем счет, далее оплата должна будет производиться в безналичной форме.

Положительными моментами является то, что перевод членских взносов на расчетный счет товарищества предупредит коррупционные схемы и позволит государственным органам отслеживать денежные потоки внутри конкретного товарищества. Благодаря расчетному счету и установленным направлениям расходов для членов товарищества представится возможность контролировать его доходы и расходы, никаких передач из рук в руки теперь не будет.

Однако могут возникнуть сложности. Оплата взносов по безналичному расчету может поставить в тупик некоторую категорию садоводов, огородников. Так, членами товарищества, как правило, являются пенсионеры, некоторые из которых свой доход (пенсию) получают наличными денежными средствами, не по карточке. Таким образом, нововведение может попросту не работать в подобных случаях.

Кроме того, уже в процессе введения вышеуказанной нормы граждане начали массово обращаться с запросами в налоговые органы. Средства массовой информации опубликовывали экспертные мнения, одним из которых является следующее: «статья 861 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) прямо устанавливает, что расчеты с участием граждан, не связанные с осуществлением ими предпринимательской деятельности, могут производиться наличными деньгами без ограничения суммы или в безналичном порядке. Согласно статье 3 ГК РФ нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать Кодексу. Значит, неважно то, что устанавливает новый федеральный закон № 217».

Таким образом, возникает правовая коллизия.

И Гражданский кодекс РФ, и ФЗ № 217 – это федеральные законы, а значит, их юридическая сила равна. В таком случае необходимо применить специальные правила, когда последующий закон (ФЗ № 217) имеет приоритет над предыдущим; специальный закон (ФЗ № 217) имеет приоритет над

общим. Такие правила имеют место быть не только в учебной литературе, но и в судебной практике. Например, на них указывает Конституционный суд в своем постановлении от 29.06.2004 № 13-П [4].

Однако необходимо подчеркнуть, что вопрос применимого права при рассмотрении того или иного дела – это сложный вопрос, который должен разрешать суд. Для граждан главный вопрос в подобной ситуации состоит в том, можно ли оплачивать членские взносы наличным путем, и последует ли какая-либо ответственность за уплату взносов не безналичным перечислением денежных средств.

На поставленные вопросы ответы дала Федеральная налоговая служба. В письме от 6 июня 2018 года № ЕД-4-20/10987@ определено: во-первых, вопросы, касающиеся внесения членами товариществ соответствующих взносов, к компетенции налоговых органов не относятся; во-вторых, налоговые органы уполномочены составлять протоколы и рассматривать дела об административных правонарушениях за нарушение порядка работы с денежной наличностью и порядка ведения кассовых операций, установленных Центральным банком РФ, при этом указанными порядками не устанавливаются ограничения в части внесения взносов членами товариществ наличными денежными средствами, то есть ответственности за внесение взносов в наличной форме не предусмотрено [5].

Следует отметить, что рассмотренное в данной работе не определяет исчерпывающим образом все положительные и отрицательные стороны нововведений. Кроме того, на практике при непосредственном применении закона № 217 могут возникнуть и иные правовые сложности, которые потребуют своего решения.

Список использованных источников:

1. О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ ред. от 03.08.2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан [Электронный ресурс] : федер. закон от 15.04.1998 № 66-ФЗ ред. от 03.07.2016 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел, связанных с садоводческими, огородническими и дачными

некоммерческими объединениями, за 2010-2013 год [Электронный ресурс] : обзор Президиума Верховного Суда России от 02.07.2014 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Письмо ФНС России от 06.06.2018 № ЕД-4-20/10987@ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

**МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ КРАЖИ,
ПРЕДУСМОТРЕННОЙ ЧАСТЬЮ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 158 УК РФ**

© Р.В. Абрамов

Научный руководитель: А.Н. Тарбагаев

д-р. юрид.наук

Сибирский федеральный университет

Определение момента окончания кражи имеет крайне важное значение. Данный вопрос не только нередко поднимается как дискуссионный в трудах теоретиков уголовного права, но также имеет весьма серьезное значение для практической деятельности. В зависимости от подхода к разрешению этого вопроса на практике зависит: признание преступления окончанным либо прерванным на стадии покушения, возможность добровольного отказа от совершения преступления, а также вид, размер или срок наказания за совершенное деяние. Таким образом, от правильного решения вопроса определения момента окончания кражи напрямую зависит реализация принципов законности и справедливости уголовного закона.

Казалось бы, момент окончания кражи достаточно определен в постановлениях высших судебных инстанций, так в пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 года « О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указывается, что кража считается оконченной, когда имущество изъято и виновный получает реальную возможность им пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению. Однако определение этой «возможности» как раз и вызывает трудности для признания кражи оконченной.

Следует отметить, что состав кражи по своей законодательной конструкции материальный, то есть для признания его окончанным необходимо наступление общественно – опасных последствий в виде причинение имущественного вреда собственнику или иному законному владельцу имущества. При этом необходимо, чтобы между совершенным деянием и наступившим последствием существовала причинно – следственная связь. В пункте 1 примечания к ст. 158 УК РФ описаны общие объективные признаки для всех составов хищения. Исходя из этого, момент окончания хищения должен определяться изъятием и (или) обращением чужого имущества в пользу виновного или других лиц, также причинением ущерба собственнику или иному владельцу этого имущества. Указав в своем постановлении на необходимость установления «реальной возможности», Пленум ВС РФ тем самым

предписывает, что между «изъятием» и «обращением», применительно к вопросам квалификации кражи должен стоять именно союз «и», то есть для состава кражи необходимо как «изъятие», так и «обращение», в результате совершения которых причиняется имущественный ущерб. Так можно ли считать, что момент изъятия, обращения и причинения имущественного ущерба совпадают между собой? С целью ответа на этот вопрос, необходимо рассмотреть содержание вышеуказанных понятий.

Представляется, что для целей части 1 статьи 158 УК РФ под изъятием необходимо понимать физическое воздействие на чужое имущество, в результате которого оно выводится из владения собственника или иного законного владельца, в результате чего им утрачивается возможность владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом. А.И. Бойцов указывал, что «ущерб наступает только тогда, когда собственник лишен возможности распорядиться своим имуществом, что естественно корреспондирует с обретением такой возможности похитителем» [1, с. 267]. А.Н. Игнатов, придерживаясь подобных взглядов, писал, что «кража признается оконченным преступлением после завершения изъятия» [2, с. 205]. Следовательно, исходя из вышеуказанного, между фактическим господством собственника или иного законного владельца и господством виновного лица, после изъятия отсутствует какой-либо временной промежуток, и обращение, то есть появление возможности распоряжаться имуществом как своим собственным, происходит как бы «автоматически», одновременно с изъятием. Да, действительно, в большинстве случаев совершения краж изъятие и обращение, как правило, совпадают во времени. Однако, подобный подход в некоторых случаях полностью исключает возможность нахождения украденного имущества в «подвешенном состоянии», т. е. не находящимся во владении как собственника, так и виновного лица, совершившего изъятие. Так, например, И.Г. Филановский отмечал, что представление о совпадении моментов изъятия и обращении является неосновательным «ибо если эти моменты по времени совпадают, то тогда между ними никакой разницы нет». "Оговорка о том, что они обычно совпадают, – указывает он, – не укрепляет, а ослабляет аргументацию, ибо свидетельствует о признании существования случаев, когда эти моменты не совпадают» [3, с. 759-760].

Представим следующую ситуацию. Работник конвейера, во время рабочей смены припрятывает определенное имущество, в необходимом для квалификации по части 1 размере, в каком-либо месте, с той целью, чтоб при первой возможности вынести его с территории завода. По факту, изъятие уже имело место быть, как и причинение имущественного ущерба собственнику, в данном случае владельцу завода. В результате подобных действий,

имущество может довольно долгое время находиться в «подвешенном состоянии», при этом не находясь во владении ни собственника, ни виновного лица. Однако реальной возможности обратить его в свою пользу виновное лицо еще не приобрело, и вполне возможно указанная возможность появиться через довольно продолжительный период времени. Как квалифицировать деяние виновного лица в подобных случаях?

Согласно концепции «реальной возможности», предписанной Пленумом ВС РФ, деяния подобного рода являются покушением на кражу, так как реальной возможности распоряжения имуществом виновное лицо так и не приобрело. Подобный подход, очевидно, более соответствует интересам виновного лица, нежели собственника имущества. Следует отметить, что придерживаясь подобного подхода, несколько нарушается традиционная трактовка материального состава преступления, момент окончания которого связывается именно с наступлением последствий. Так, С.М. Кочои указывал, что «как только потерпевший лишается своего имущества, ему, можно утверждать, причиняется ущерб» [4, с. 132-133]. Несколько схож взгляд С.А. Рудакова, указывающего, что «моментом окончания кражи необходимо считать факт завладения преступником имуществом и осознания возможности им распоряжаться» [5, с. 114-115]. Данные подходы имеют под собой вполне серьезное логичное обоснование, и с ними можно согласиться. Однако представляется, что всё же подобные случаи достаточно казуистичны, и далеко нецелесообразно изменять общие принципы определения момента окончания с теории «реальной возможности», на так называемую «теорию изъятия». На практике случаи длительного разрыва между изъятием и обращением единичны, и представляется, что привязав момент окончания кражи к моменту изъятия имущества, произойдет весьма серьезное нарушение принципа справедливости уголовного закона. Кроме того, в теории уголовного права действует принцип вины (субъективного вменения), в соответствии с которым признание преступления окончанным или нет, зависит от субъективного отношения виновного к этому обстоятельству, и от свойств похищенного предмета, которые отражаются в сознании субъекта. Если он спрятал на территории ликеро-водочного завода похищенный дорогостоящий алкогольный напиток, то он может его употребить, не выходя за территорию. А вот изъятиями шарикоподшипниками невозможно распорядиться, не вынеся их за проходную.

Признав доминирующей и наиболее верной концепцию «реальной возможности», необходимо указать, что реальная возможность пользоваться и распоряжаться похищенным имуществом является оценочным признаком, который устанавливается в каждом конкретном случае исходя из всех

обстоятельств дела. Стоит отметить, что для квалификации кражи как оконченной, необходимо лишь доказать, что у виновного лица появилась реальная возможность распорядиться и пользоваться похищенным имуществом по своему усмотрению, однако необязательно, чтобы виновное лицо реализовало эту возможность. Наибольшую сложность для правоприменителя представляет вопрос определения этой «возможности», которая зависит от множества обстоятельств, устанавливаемых в каждом конкретном случае. Так, В.В. Векленко указывал, что для определения момента окончания кражи необходимо определить целый ряд условий, к которым относятся «время суток, погодные условия, рельеф местности, наличие в непосредственной близости объектов, затрудняющих наблюдение (зданий, строений, транспорта, коммуникаций и т.п.) [6, с. 216-217].

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1) На современном этапе развития теории и практики уголовного права, при определении момента окончания кражи доминирующее положение занимает, не идеальная, но соответствующая нынешним реалиям, концепция «реальной возможности», при которой кража считается оконченной, когда у виновного лица, изъявшего имущество у собственника или иного законного владельца, появляется возможность распорядиться и пользоваться им по своему усмотрению.

2) Реальная возможность распорядиться похищенным по своему усмотрению является оценочным признаком и на практике связано с рядом трудностей при определении её наличия.

Список использованных источников:

1. Бойцов А.И. Преступления против собственности. Санкт – Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. – 774 с.
2. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А Курс российского уголовного права: В 2-х т. Т. 2. Особенная часть. – Москва : Норма, 2002. – 946 с.
3. Курс советского уголовного права. Часть Особенная / Отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Т. 3. Ленинград: Ленинградский университет [ЛГУ], 1973. – 836 с.
4. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности – Москва: Юрист, 1998. – 181 с.
5. Рудаков С.А. Уголовная ответственность за кражу по российскому и зарубежному законодательству (теоретико-прикладной анализ): Дис. ... канд.юрид.наук. Н. Новгород, 2005. – 239 с.

Б. Векленко В.В. Квалификация хищений чужого имущества: Дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2001. – 375 с.

**ОБРАТНАЯ СИЛА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА
И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ СТ. 128.1 «КЛЕВЕТА» УК РФ**

© С.Ш. Атакулова

Научный руководитель: Р.Н. Гордеев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Юридическая природа действия закона, существовавшего в момент совершения преступления, а не закона, принятого позднее и предусматривающего более строгое наказание, заключается в том, что лицо может нести ответственность лишь за совершение преступления, признаки которого были предусмотрены законом в момент совершения деяния, общественная опасность и наказуемость которого охватывалась сознанием этого лица [12].

Существует три типа действия уголовного закона во времени:

1. Немедленное действие
2. Ультраактивность или переживание закона
3. Ретроактивность или обратная сила закона

В статье 10 Уголовного Кодекса Российской Федерации законодатель лаконично определяет принцип действия обратной силы уголовного закона: уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет. Если новый уголовный закон смягчает наказание за деяние, которое отбывается лицом, то это наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом [2].

В статье 54 Конституции Российской Федерации указано, что закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения

правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон [10].

В соответствии с ч. 2 ст. 24 УПК РФ в случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость деяния были устранены новым уголовным законом, уголовное дело подлежит прекращению по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – за отсутствием в деянии состава преступления. Согласно ч. 4 ст. 396 и п. 13 ст. 397 УПК РФ суд по месту отбывания наказания осужденным, рассматривает вопрос об освобождении его от наказания или о смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу [5].

Действующее российское законодательство претерпевает большие изменения, которые выражаются в многочисленных изменениях и дополнениях кодифицированных правовых актов. Многие ученые – правоведы отмечают, что процесс реформирования уголовного законодательства непосредственно связан с недостатками Уголовного кодекса РФ, который был принят в 1996 году [4].

Законодатель с целью либерализации уголовного законодательства решил внести изменения в Уголовный Кодекс РФ и отнести клевету в состав Кодекса об административных правонарушениях, тем самым декриминализовав данное преступление. В качестве административного наказания статья 5.60 КоАП РФ предусматривала только штраф.

Федеральный закон № 141 от 28 июля 2012 года вернул клевету в Уголовный кодекс РФ (ст. 128.1 УК РФ). Данная норма вернулась не в прежнем виде, а подверглась изменениям. Были установлены повышенные санкции и новые квалифицирующие признаки.

Изменения, связанные с декриминализацией и повторной криминализацией клеветы были неоднозначно восприняты обществом.

Пелипенко Р. С. считает необоснованным установление административной ответственности за такое деяние как клевета, так как это идет вразрез с главными постулатами теории административного права и находится в противоречии с самой сутью данной отрасли права [8].

По мнению Павленковой О. В. постоянные изменения в законодательстве вызывают серьезные проблемы в правоприменительной практике правоохранительных органов в связи с необходимостью применения обратной силы уголовного закона в случаях устранения новым законом наказуемости деяния, смягчения уголовного наказания или иного улучшения положения виновного. Подобные коррективы не всегда способствуют повышению эффективности влияния уголовного права на регулирование полезных для развития

общественных отношений, а также на установление дополнительных гарантий обеспечения прав и свобод человека и гражданина в сфере борьбы с преступностью. Также О. В. Павленкова подчеркивает, что практика применения норм об уголовной ответственности за клевету испытывает до настоящего момента определенные трудности. Судебная статистика показывает, что за клевету осуждают в Российской Федерации очень редко, клевета – единственная статья Уголовного кодекса РФ, по которой оправдательных приговоров выносится в несколько раз больше, чем обвинительных [7].

Алавердов О. С. в своей статье утверждает, что декриминализация данной статьи влечет нарушение конституционных прав человека и гражданина, которые содержатся в ст. 23, 46 Конституции РФ [1].

Жуков А. М. не согласен с мнениями предыдущих авторов. Он выступает за декриминализацию клеветы, так как считает, что данная статья приравнивает большинство граждан Российской Федерации к преступным элементам. Также согласно его мнению, для защиты прав пострадавших от клеветы достаточно административной и гражданско-правовой ответственности.

Я согласна с позицией Пелипенко Р. С, Павленковой О. В и Алавердовым О. С о том, что декриминализация ст. 129 УК РФ была преждевременной и неэффективной, так как повлекла за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, закрепленные в ст. 23 и 46 Конституции РФ.

Также можно сделать вывод о том, что некоторые лица, совершившие деяние соответствующее ст. 129 УК РФ смогли избежать заслуженного наказания в связи с декриминализацией данной статьи. В качестве примера можно привести постановление мирового судьи судебного участка Володарского района Нижегородской области от 14 февраля 2013 года. Согласно материалам дела Шитов А.А. распространял клеветнические сведения об Уланском В.В. в ноябре 2011 года, когда еще действовала ст. 129 УК РФ. Однако, в ходе рассмотрения данного дела Федеральным законом от 7 декабря 2011 года №420 ФЗ ст. 129 («Клевета») УК РФ была признана утратившей силу. В связи с этим обстоятельством было прекращено производство по уголовному делу частного обвинения в отношении Шитова А.А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 128.1 УК РФ за отсутствием в деянии состава преступления в соответствии с п.п.2, ч.1 ст. 24 УПК РФ. На мой взгляд, Шитов А. А. смог избежать уголовной ответственности в связи с законодателя, так как очевидно, что декриминализация ст. 129 УК РФ была ошибочной, необоснованной и не принесла тех результатов, которые от нее ожидал правоприменитель. На данный момент «Клевета» вновь является уголовно наказуемым преступлением, однако, Шитова А.А. уже нельзя привлечь к

ответственности по ст. 128.1 УК РФ, так как согласно ст. 10 УК РФ новый уголовный закон, устанавливающий преступность деяния обратной силы не имеет [9].

Данная ситуация рассматривается в рамках действия промежуточного закона. Вопрос о применении промежуточного закона возникает в тех случаях, когда этот закон мягче (или вовсе исключает уголовную ответственность) в сравнении с законом, действовавшим во время совершения преступления, и законом, действовавшим во время привлечения лица к уголовной ответственности или вынесения приговора. Например, как в нашем случае при декриминализации ст. 129 УК РФ «Клевета» и об обратной ее криминализации [11].

Существует две позиции относительно применения промежуточного закона.

Так, Кудрявцев В. Н. считает, что промежуточный закон не должен применяться, потому что в момент совершения преступления он не действовал [6].

В поддержку данной точки зрения выступает и Солодкин И. И. Он утверждает, что промежуточный закон может применяться только в период своего действия.

Совершенно противоположную позицию принял Дурманов Н. Д., он считает, что если промежуточный закон является более мягким, то он подлежит применению, несмотря на то, что в момент вынесения приговора был заменен законом, предусматривающим более суровое наказание [3].

Я поддерживаю вторую точку зрения, так как согласно ст. 9 УК РФ, преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, даже в тех случаях, когда произошла ошибочная декриминализация. Соответственно лицо, совершившее преступное деяние должно нести уголовную ответственность согласно уголовному закону, в момент действия которого и было совершено преступление.

Список использованных источников:

1. Алавердов, О. С. Декриминализация клеветы и оскорбления [Электронный ресурс] / О. С. Алавердов // Гуманитарные, социально – экономические и общественные науки. – 2012. – №4. – Режим доступа: <https://elibrary.ru>
2. Бражник, С. Д. Действие уголовного закона во времени и вопросы межотраслевой дифференциации ответственности за преступления (на примере хищений) [Электронный ресурс] / С. Д. Бражник, И. В. Масеев //

Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – №3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>

3. Дурманов, Н. Д. Советский уголовный закон : монография / Н. Д. Дурманов. – Москва : Издательство Московского университета, 1967. – 319 с.

4. Епихин, А. Ю. Судопроизводство по делам частного обвинения: последствия декриминализации клеветы и оскорбления [Электронный ресурс] / А. Ю. Епихин // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>

5. Конституция Российской Федерации : офиц. текст. – Москва : АСТ, 2014. – 63 с.

6. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений : монография / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Юридическая литература, 1978. – 352 с.

7. Павленкова, О. В. Уголовная ответственность за клевету: прошлое и настоящее [Электронный ресурс] / О. В. Павленкова // Юриспруденция: от вопросов к решениям. – 2017. – №2. – Режим доступа: <https://elibrary.ru>

8. Пелипенко, Р. С. О декриминализации клеветы и оскорбления [Электронный ресурс] / Р. С. Пелипенко // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2012. – №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>

9. По делу № 10-7/13 [Электронный ресурс] :апелляционное определение от 10.04.2013 г. №10-7/13 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ «СудАкт». – Режим доступа : <https://www.sudact.ru>.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]:федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС "Консультант Плюс". – Режим доступа:<http://www.consultant.ru>

11. Якубов А. Е. Действие промежуточного уголовного закона [Электронный ресурс] / А. Е. Якубов // Российская юстиция. – 1998. – №8. – Режим доступа: <https://base.garant.ru>.

12. Якубов, А. Е. Обратная сила уголовного закона: некоторые проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации : монография / А. Е. Якубов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 204 с.

**ПОНЯТИЕ ПРЕВЫШЕНИЯ СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ В ОБЪЕКТИВНОЙ
СТОРОНЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 286 УК РФ**

© А.М. Беседина

Научный руководитель: А.Н. Тарбагаев

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Зачастую при квалификации преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ возникает проблема правильного определения как самих служебных полномочий, так и понятия их превышения

Объективная сторона этого преступления заключается в совершении должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, общества или государства. Между совершением должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий, и наступившими общественно опасными последствиями должна быть установлена причинно-следственная связь.

Опираясь на смысл положений ст. 286 УК РФ, превышение должностных полномочий может быть совершено только лишь в форме действия, так как непосредственно само толкование «превышения» подразумевает активный характер данного преступления. По этому признаку в некоторых случаях можно отграничить данный состав от злоупотребления должностными полномочиями. Термин «превышение» означает «оказаться больше чего-либо по размеру, количеству, возможностям, сделать что-либо больше обычного, нормального, либо выйти за пределы своих прав, полномочий» [3; С. 209], «превысить, выйти за установленные пределы» [6]. Из чего следует, что бездействие должностного лица не может квалифицироваться по ст. 286 УК.

В соответствии с п.19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 [2], действия, явно выходящие за пределы полномочий должностного лица, могут быть выражены в совершении: а) действий, которые входят в компетенцию другого (вышестоящего или равного по статусу) должностного лица (например, начальник ОВД, не имея полномочий, дает санкцию на проведение обыска); б) действий, выполненных единолично, которые можно осуществить только коллективно (например, руководитель представительного органа местного самоуправления принимает решение, принятие которого возможно лишь на заседании коллегиально); в) действий, которые выполнены без специальных полномочий или условий, необходимых в

определенной ситуации (например, применение сотрудником полиции оружия, когда в этом не было нужды); г) действий, которые ни одно должностное лицо не вправе совершать (например, унижение чести и достоинства подчиненного по службе).

В свете сказанного важно сказать о том, что такая позиция имеет важное значение при квалификации действий сотрудников правоохранительных органов, которые совершают сокрытие преступлений от учета. В такой ситуации часто возникают проблемы с квалификацией данных действий либо по ст. 285 либо по ст. 286 УК. Руководствоваться при решении вопроса квалификации действий по ст. 286 УК необходимо тем, имело ли должностное лицо полномочия на применение совершенных им действий, входили ли они в его компетенцию. Несмотря на многообразие направлений деятельности должностных лиц, имея в виду виды государственной службы, органов власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях и т.д., формы превышения должностных полномочий следует классифицировать по указанным четырем видам. Ряд авторов, например, А. А. Ильин [1; с. 123], полагают, что совершение иных видов данного преступления исключено, в связи с чем предлагается установить закрытый перечень видов превышения должностных полномочий. Однако, по моему мнению, тот факт, определено ли конкретное число видов превышения должностных полномочий или нет, является незначительным для правоприменителя, и внесение данного изменения нецелесообразно.

Необходимо, чтобы каждое действие должностного лица очевидно выходило за рамки его прав и полномочий, которые предоставлены ему законом. При этом следует определить, какой именно правовой акт и какие его положения, определяющие компетенцию должностного лица, были нарушены.

Уместно обратить внимание на то, что совершение преступления, предусмотренного ст. 286 УК возможно только при осуществлении служебной деятельности, что вытекает из определения понятия превышения служебных полномочий. При этом важно заметить, что совершение должностным лицом действий, не связанных с исполнением им своих должностных обязанностей (например, применение насилия к потерпевшему при личном конфликте), не образует состава превышения должностных полномочий.

В этой связи можно привести следующий пример: Следственный отдел по г. Томск действия сотрудника полиции А., совершившего хищение мобильного телефона потерпевшей П. во время распития спиртных напитков в ночном клубе, на наш взгляд, верно квалифицировал по ст. 158 УК, так как А. находился в ночном клубе вне связи с исполнением должностных обязанностей.

Впоследствии уголовное дело было прекращено в связи с примирением сторон [4].

По мнению П.Е. Федорова [5; С. 2 – 5], должностные полномочия, вне зависимости от вида и специфики службы, имеют ряд признаков:

1) если статус должности представляет собой синтез ее прав и обязанностей, то полномочия, которые определяют должностные права и обязанности, являются главной составляющей правового статуса должности;

2) путем установления различных должностей обеспечивается персонализация административных функций, прав и обязанностей. По этой причине еще одним признаком полномочий является их персонифицированность.

3) взаимная обусловленность – все обязанности, возложенные на должностное лицо, должны обеспечиваться соответствующими правами;

4) формальность – полномочия должностных лиц регулируются законами, подзаконными актами, должностными инструкциями;

5) полномочия должностного лица должны ограничиваться рамками компетенции представляемого им органа;

6) Согласно п. 1 Примечания к ст. 285 УК, должностное лицо признается таковым при условии выполнения им функций представителя власти, организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций, т.е. властных функций. Это значит, что должностное лицо наделяется полномочиями с целью осуществления властных функций.

Из этого следует, что под должностными полномочиями понимается совокупность индивидуально определенных, взаимно обусловленных прав и обязанностей должностного лица по осуществлению возложенных на него властных функций, которые составляют основную часть его правового статуса и ограничены компетенцией представляемого им органа власти.

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что превышением должностных полномочий являются действия, явно выходящие за пределы индивидуально определенных, взаимно обусловленных прав и обязанностей должностного лица по осуществлению возложенных на него властных функций, и повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Список использованных источников:

1.Ильин, А.А. Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): проблемы объекта и особенности потерпевшего от преступления. [Текст] / А. А.

Ильин // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники): сб. науч. статей / ЯрГУ. – Ярославль, 2012. – С. 123.

2. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий [Текст]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19.

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Текст] :/ отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 1983. – С. 209

4. Официальный сайт Кировского районного суда г. Томска [Электронный ресурс]. – <https://qps.ru/mqVwX>

5. Содержание понятия должностных полномочий воинского должностного лица как критерий отграничения злоупотребления должностными полномочиями от их превышения/«Право в Вооруженных Силах». – 2009, № 5. – С. 2 – 5.

6. Толковый словарь Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс] <http://ushakova-slovar.ru/description/prevysit/55889>

ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ТЯЖКОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЗДОРОВЬЮ ПОТЕРПЕВШЕГО

© М.В. Биллер

Научный руководитель: Р.Н. Гордеев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В науке уголовного права неоднократно поднимался вопрос правильного определения и установления психического расстройства как разновидности тяжкого вреда здоровью. Данный вопрос не решен и по сей день.

Психическое расстройство в ст. 111 УК РФ является одним из последствий причинения тяжкого вреда здоровью. Но всякое ли психическое расстройство будет признаваться таковым?

Так при умышленном причинении средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) обязательным условием является то обстоятельство, согласно которому данный вред здоровью не должен повлечь последствий, указанных в статье 111 УК РФ. То есть при наступлении психического расстройства вследствие причинения вреда здоровью потерпевшего квалификация осуществляется по ст. 111 УК РФ.

Согласно п.п. а , п. 4 Правил определения степени тяжести вреда, причинённого здоровью человека, утверждённых постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522, психическое расстройство является самостоятельным признаком тяжкого вреда здоровью. Согласно п. 6.8 Медицинских критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека от 24 апреля 2008 г. № 194н2 к тяжкому вреду отнесено психическое расстройство, возникновение которого должно находиться в причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью, быть его последствием.

То есть к психическому расстройству как тяжкому вреду здоровью должно относиться любое психическое расстройство вне зависимости от его продолжительности и глубины, главное, чтобы оно находилось в причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью.

Вышеуказанной точки зрения придерживается ряд авторов, т.е. они говорят о том, что любое психическое расстройство должно признаваться тяжким вредом здоровью.

Ряд других же авторов высказывают другую точку зрения, говоря о том, что таким образом, кратковременные психические расстройства (например, психогения, возникшая в результате вызванной преступлением психической травмы) и влекущие утрату трудоспособности не более чем на одну неделю по степени тяжести вреда здоровью приравниваются к потере зрения. Действия виновных в обоих случаях должны получать одинаковую уголовно-правовую квалификацию, что вступает в резкое противоречие с принципами справедливости и гуманизма и расходится с логикой здравого смысла. [2, с. 27]

В пользу существования этой точки зрения говорит и сам законодатель, предусматривая такую категорию как тяжелое психическое расстройство. Так данный термин употребляется в Законе РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». [3]

В поддержку этой точки зрения авторы обращаются к психиатрии, которая называет три уровня расстройства: 1) психическое, 2) невротическое, 3) психопатическое. [4, с. 10]. При этом психическое состояние описывает психические процессы в норме. Невротическое состояние является менее тяжелым психическим расстройством, им присуще нарушение эмоциональности и психической активности, но при этом они не оказывают такой вред как психопатическое расстройство. Психопатические расстройства характеризуются тем, что у человека выявляются симптомы, которые не присущи нормальной психике или пограничным состояниям, происходит нарушение правильного отражения действительности. Нарушается способность правильной оценки того, что происходит вокруг человека с ним.

Авторы, предлагающие деление психического расстройства на категории в качестве критерия такого деления предлагают опираться на продолжительность и степень утраты трудоспособности. Т.е. психические расстройства, вызвавшие значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть либо полную утрату профессиональной трудоспособности должны быть отнесены к тяжкому вреду здоровью. В качестве дополнительного критерия выделения категорий психического расстройства является критерий степени нарушения социальной адаптации. [5, с. 35] Также предлагается использовать данное деление психического расстройства на категории до внесения изменений в законодательство.

На наш взгляд, при определении степени тяжести вреда здоровью необходимо использовать не только квалифицирующие признаки, предусмотренные пунктом 4 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, но и учитывать медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека. Так, например, такие квалифицирующие признаки как потеря зрения и слуха раскрываются через медицинские критерии определения степени тяжести вреда (п. 6.4. потеря речи – необратимая потеря способности выражать мысли членораздельными звуками, понятными для окружающих; п. 6.5. потеря слуха – полная стойкая глухота на оба уха или такое необратимое состояние, когда человек не слышит разговорную речь на расстоянии 3-5 см от ушной раковины). В то же время психическое расстройство никак не раскрывается через медицинские критерии определения степени тяжести вреда.

Таким образом, на данный момент, практика должна признавать в качестве последствий, предусмотренных ст. 111 УК РФ любое психическое расстройство, без деления его на категории. В то же время законодателю необходимо затронуть и более детально изучать вопрос о возможности деления психического расстройства на различные категории по степени тяжести, для того чтобы не допускать нарушение принципа справедливости и гуманизма.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. – 1996. – 18 июня.
2. Шишков С.Н. Психическое расстройство как разновидность вреда, причиненного здоровью потерпевшего // Законность. 2010. № 8.

3. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании : федер. закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1-ФЗ // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – 20 августа.

4. Ерышев О.Ф., Спринц А.М. Психиатрия для всех: популярный справочник. СПб., 2005. С. 347.

5. О Смирнова Т.А., Цыро И.В. Психические расстройства как следствие насилия: судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших по определению тяжести вреда здоровью. – Российский психиатрический журнал, 2003, № 4, С. 35-36.

О МОМЕНТЕ ОКОНЧАНИЯ ПРИСВОЕНИЯ И РАСТРАТЫ

© Э.В. Богущий

Научный руководитель: А.С. Мирончик

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Согласно теории уголовного права преступление признается оконченым, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного действующим Уголовным кодексом.

Согласно пункту 19 постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 г. Москва "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" присвоение считается оконченым преступлением с того момента, когда законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправным и это лицо начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу (например, с момента, когда лицо путем подлога скрывает наличие у него вверенного имущества, или с момента неисполнения обязанности лица поместить на банковский счет собственника вверенные этому лицу денежные средства).

Так, в период с 23 мая 2008 года по 14 декабря 2016 года Соколова Е.А. являлась работником Общества с ограниченной ответственностью «Проктер энд Гэмбл- Новомосковск». В сентябре 2014 года ей для корпоративных расходов была выдана банковская карта АО КБ, которая была оформлена на ее имя. Перед получением банковской карты Соколова Е.А. была ознакомлена с правилами работы с корпоративными картами ООО «Проктер энд Гэмбл-Новомосковск» и общей политикой компании, согласно которым она могла использовать имеющиеся на выданной ей корпоративной банковской карте

денежные средства только на нужды ООО «Проктер энд Гэмбл-Новомосковск» и в интересах данной компании.

Соколова Е.А., используя банкомат банковского учреждения сняла с находившейся у нее в пользовании корпоративной банковской карты денежные средства, принадлежащие ООО «Проктер энд Гэмбл-Новомосковск и присвоила себе, обратив в свою собственность денежные средства, принадлежащие ООО «Проктер энд Гэмбл-Новомосковск», в общей сумме 896 800, 00 рублей.

В свою очередь, согласно толкованию Пленума ВС РФ растрату следует считать оконченным преступлением с момента противоправного издержания вверенного имущества (его потребления, израсходования или отчуждения).

Так, ФИО1, являясь арендатором автомобиля марки «ЛАДА (LADA) PRIORA 217230» на основании договора аренды транспортного средства без экипажа № от 01 июня 2018 года, имея умысел на растрату вверенного ему имущества, из корыстных побуждений, с целью личной наживы, 07 июня 2018 года продал его, таким образом ФИО1 растратил вверенное ему, принадлежащее ФИО7 имущество на общую сумму 146 800 рублей, а вырученные деньги потратил на собственные нужды. В результате преступных действий ФИО1 потерпевшему ФИО7 причинен материальный ущерб на общую сумму 146 800 рублей, который для него является значительным.

Учитывая изложенное, представляется, что высшая судебная инстанция определила, что имущественный ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества как общественно опасное последствие присвоения и растраты в эти моменты уже наступают, а поскольку присвоение и растрата имеют по конструкции материальные составы преступлений, то они и признаются оконченными.

Вместе с тем следует отметить, что присвоение и растрата часто являются продолжаемыми преступлениями, складывающимися из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление. Началом продолжаемого преступления надлежит считать совершение первого действия из числа нескольких тождественных действий, составляющих одно продолжаемое преступление, а концом – момент совершения последнего преступного действия.

Так, в период времени с конца ноября 2017 года по 18 января 2018 года Кусакин А.С., являясь старшим продавцом магазина «СтройлоН» с целью хищения денежных средств, переданных от покупателей за приобретенный товар, путем их невнесения в кассу и присвоения в свою пользу, находясь на рабочем месте, во время рабочих смен с 09 часов до 19 часов, осуществив продажу вверенного ему товара, часть вырученных от продажи товара денежных

средств в сумме 126 635 рублей 50 копеек, принадлежащих ООО «СтройлоН», в кассу не внес, похитил их путем присвоения, обратив безвозмездно их в свою пользу, причинив ООО «СтройлоН» имущественный ущерб. Похищенным распорядился по своему усмотрению.

Приведенные примеры во многом свидетельствуют, что сам факт перевода имущества из законного владения во в незаконное уже свидетельствует о причинении имущественного ущерба собственнику или владельцу имущества, вверившему его виновному лицу.

В то же время в иных формах хищения (для сравнения можно обратить свое внимание на кражу) момент окончания связывается с тем, что у виновного в отношении изъятого имущества должна появиться реальная возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом). То есть момент окончания преступления отнесён на период, когда виновный может распоряжаться имуществом, как своим собственным.

Вместе с тем какого-то глубокого противоречия в подходе определения момента окончания названных форм хищения со стороны высшей судебной инстанции не наблюдается, поскольку специфика завладения вверенным имуществом, с нашей точки зрения, свидетельствует о том, что у лица в момент незаконного завладения таким имуществом появляется реальная возможность им пользоваться и распоряжаться.

Список использованных источников:

1) Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019)

2) Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 г. Москва "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате"

3) Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое" (с изменениями и дополнениями)

Уголовные дела:

1) Приговор № 1-116/2018 от 30 июля 2018 г. по делу № 1-116/2018, вынесенный Дятьковским городским судом (Брянская область)

2) Приговор № 1-280/2018 от 10 сентября 2018 г. по делу № 1-280/201, вынесенный Советским районным судом г. Липецка (Липецкая область)

3) Приговор № 1-97/2018 от 30 июля 2018 г. по делу № 1-97/2018, вынесенный Когалымским городским судом (Ханты-Мансийский автономный округ-Югра)

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ,
НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫХ И НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ
СРЕДСТВ, МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ И ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ
БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ДОБАВОК**

© М.В. Винокуров

Научный руководитель: Е.В. Рогова

д-р. юрид. наук

Иркутский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры РФ

Состояние здоровья населения страны имеет большое значение для сохранения и развития любого государства. Право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь закреплено ст. 41 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ).

Огромное значение имеет состояние здоровья для самого человека, поскольку от этого зависит его жизнь и возможность взаимодействовать с окружающим миром. Трудно представить себе такого человека, который бы сказал, что ему безразлично его здоровье.

Всеобщей декларацией прав человека установлено, что каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи.

Оказываемую медицинскую помощь можно условно разделить на три вида: хирургическое вмешательство, аппаратное и медикаментозное лечение. Львиную долю указываемой медицинской помощи занимает медикаментозное лечение, то есть лечение с использованием лекарственных средств. Однако другие виды лечения также сложно представить без использования лекарственных средств и медицинских изделий. Как верно сформулировано Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека «доступ к лекарствам – основа права на здоровье» [1].

В связи с этим, повышается актуальность защиты качества лекарственной продукции в целях защиты здоровья населения. От качества лекарственных средств зависит оказываемый имилечащий эффект. Следовательно, охрана

качества выпускаемой медицинской продукции является важнейшей государственной задачей, направленной на охрану здоровья населения. Низкий уровень качества используемой лекарственной продукции может привести к различным негативным последствиям для здоровья, а порой жизни человека.

Как верно замечено председателем Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедевым, общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ, заключается в том, что обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок означает их неконтролируемое распространение и употребление, а в конечном счете – причинение вреда здоровью граждан [2, с. 126].

Наименее опасными последствиями приема фальсифицированных лекарственных средств является отсутствие необходимого лекарственного эффекта. То есть человек принимает лекарственные препараты в надежде на выздоровление, а такая цель является недостижимой по причине отсутствия в фальсифицированном препарате лекарственного вещества или компонента.

При таких обстоятельствах употребление лекарственных препаратов приводит к затягиванию лечения или же к полному его отсутствию. В свою очередь ненадлежащее лечение может привести к ухудшению состояния здоровья, переходу болезни в хроническое состояние, прогрессированию болезни.

Например, острые респираторные заболевания часто приводят к развитию осложнений (бронхиты, пневмонии, патология лор-органов и др.), обострению хронических заболеваний бронхолегочного аппарата, сердечно-сосудистой и мочевыделительной систем, декомпенсации сахарного диабета [3, с. 34-45].

В других медицинских изданиях отражают, что в медицинской практике довольно часто наблюдается такая патология, как воспаление легких от простуды. Далеко не всегда это связано с некачественной помощью или слабостью организма. Как правило, человек своим бездействием доводит себя до подобного состояния [4].

Даже самый ответственный человек, принимающий фальсифицированные или недоброкачественные лекарственные средства, не имеющие лечящих свойств, получает такой же результат, как и полностью бездействующий больной.

Наиболее серьезные последствия от «лекарств-пустышек» могут наступить, когда пациент срочно нуждается в лечении сердечно-сосудистых заболеваний и заболеваний головного мозга. Отсутствие надлежащего лечения в таких случаях может привести к летальному исходу.

Неблагоприятные последствия наступают при употреблении фальсифицированных биологически активных добавок. Так, например, человек, желающий повысить уровень своего здоровья принимает комплекс витаминов, в которых отсутствует укрепляющий эффект. В итоге его иммунитет остается слабым, что затем может привести к очередному заболеванию и заражению других людей, следовательно, к распространению болезни.

Более опасными являются лекарственные средства, имеющие в своем составе лекарственные вещества, которые имеют обратный эффект от заявленного.

Данные лекарственные средства могут привести к значительному ухудшению здоровья больного. Например, при повышенном давлении человеку необходимо применять лекарственные средства, снижающие давление. Применение лекарственных средств, повышающих давление может поднять уровень давления до критического и привести к тяжелым последствиям в виде инсульта или инфаркта.

Другим ярким примером является применение лекарственных средств, содержащих вещества, которые повышают температуру, в тех случаях, когда температуру срочно необходимо сбить. В таких ситуациях повышение температуры достигает критических значений и зачастую приводит к летальным последствиям.

Наиболее ярким примером противоположного воздействия является замена лекарственного средства милдронат другим средством под названием листенон. В результате такой подмены в 2014 году в Челябинской, Курганской и других областях погибло 2 человека, 18 получили инвалидность [5].

Наиболее опасными фальсифицированными средствами являются те, в содержание которых входят вещества, способные причинить вред здоровью.

Так, потребление парацетамолового сиропа против кашля, изготовленного на основе диэтиленгликоля (токсического химического вещества, используемого в антифризе), привело к смерти 89 человек в Гаити в 1995 г. и 30 детей в Индии в 1998 г. [6].

В некачественных лекарствах эксперты находят и токсичные вещества, были случаи, когда в поддельных таблетках для снижения артериального давления при проверке обнаружили крысиный яд, а в препарате от головной боли нашли борную кислоту и свинец [7].

В связи с указанными негативными последствиями уголовная ответственность за оборот фальсифицированных лекарственных средств и медицинских изделий верно определена в главе 25 раздела IX Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ является общественная безопасность населения Российской Федерации. Видовым объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения в сфере здоровья населения. Непосредственным объектом преступления являются отношения по поводу обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок.

Предмет преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ является комплексным и включает в себя несколько разновидностей:

- 1) фальсифицированные лекарственные средства;
- 2) фальсифицированные медицинские изделия;
- 3) недоброкачественные лекарственные средства;
- 4) недоброкачественные медицинские изделия;
- 5) незарегистрированные лекарственные средства;
- 6) незарегистрированные медицинские изделия;
- 7) фальсифицированные биологически активные добавки, содержащие

не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции.

Понятия фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств подробно раскрываются в Федеральном законе от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств».

Понятия фальсифицированных, недоброкачественных медицинских изделий раскрыты в ст. 38 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»

Понятие фальсифицированных биологически активных добавок раскрывается в ст. 1 Федерального закона от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов».

Борьба с любыми из перечисленных разновидностей предмета преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ является одной из первостепенных задач государства, направленной на обеспечение здоровья населения.

В связи с этим надлежало законодательное закрепление ответственности за оборот фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок и разрешение проблем применения данной статьи является значимой задачей государства, направленной на борьбу за здоровье людей.

Список использованных источников:

1. URL: <http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Stories/Pages/>
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 3: Особенная часть. Раздел IX. 298 с.
3. Житникова Л.М. Витаминно-минеральные комплексы в профилактике гриппа и ОРВИ у взрослых // *Лечебное дело*. – 2012. – №3. – С.34-44
4. URL: <http://pneumon.ru/vospalenie-legkih/vospalenie-legkih-ot-prostudy.html>.
5. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2128732#>
6. URL: <https://www.health-ua.org/faq/shkola-zdorovya/1080.html>
7. URL: <http://www.allwomens.ru/7005-nekachestvennye-lekarstva-na-prilavkax-aptek.html>

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 148 УК РФ

© Д.А. Воробьев

Научный руководитель: А.Н. Тарбагаев

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одной из основ конституционного строя нашего государства является его светский характер. Это означает, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

В содержание данного принципа входит установленное ст. 28 Конституции Российской Федерации право каждого на свободу совести и вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, а также право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения [4].

За нарушение права на свободу совести и вероисповедания в действующем отечественном законодательстве предусмотрена уголовная ответственность.

Необходимо отметить, что Федеральным законом от 29 июня 2013 года № 136-ФЗ была принята новая редакция статьи 148 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), которая установила уголовную ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих, вызвав широкий резонанс в обществе.

Так, диспозиция ч. 1 ст. 148 УК РФ звучит следующим образом: «Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» [9].

Данная статья содержится в разделе VII УК РФ, который имеет название «Преступления против личности». В связи с этим родовым объектом данного преступления выступают общественные отношения по охране личности.

Принимая во внимание наименование главы 19 УК РФ, видовым объектом рассматриваемого состава преступления являются общественные отношения, возникающие в сфере охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Переходя к рассмотрению непосредственного объекта необходимо отметить, что в юридической литературе не сложилось единого подхода по данному вопросу.

Например, по мнению А. А. Арямова, основным непосредственным объектом данного преступления являются религиозные чувства верующих [1, с. 11].

С данной позицией нельзя согласиться, поскольку чувства являются психологической категорией, не имеющей правового содержания и носящей субъективный характер, в то время как под объектом понимаются общественные отношения, которым свойственна объективность.

А.А. Бимбинов и В.Н. Воронин в своей работе верно отмечают, что формулировка «чувства верующих» используется законодателем как цель, что показывает направленность поведения, устремления, а не описывает наступивший результат [2, с. 114].

Непосредственным объектом являются общественные отношения в сфере реализации права на свободу совести и вероисповедания. Данный подход нуждается в уточнении, поскольку словосочетание «свобода совести» является проблемным для понимания, нежели конструкция «свобода вероисповедания», которую следует толковать буквально.

Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений указал, что реализацией права на свободу совести и вероисповедания является создание религиозных объединений, «что предполагает и возможность совершения в соответствии с избранными убеждениями религиозных обрядов и церемоний, распространения своих религиозных убеждений, религиозное обучение и воспитание, благотворительность, миссионерскую, подвижническую и иную деятельность, определяемую соответствующим вероучением» [7].

Права О.С. Верба, которая утверждает, что в настоящее время термин «свобода совести» характеризуется не только как возможность проявлять

свою принадлежность к какой-либо религии, но и как возможность не исповедовать никакую религию вовсе [5, с. 237].

Таким образом, сама по себе конструкция «свобода совести» является широкой и распространяется на всех лиц независимо от их религиозных взглядов.

Далее перейдем к такому признаку состава преступления как потерпевший, который в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ определен как «верующий». Использование данного термина является неудачным, поскольку ни в уголовном законе, ни в позициях вышестоящих судов понятия «верующие» не раскрываются.

В Федеральном законе от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», который является основным регулятором правоотношений в религиозной сфере, законодатель не оперирует термином «верующие», употребляя вместо него понятие «граждане».

Так, в п. 6 ст. 3 указанного закона говорится о том, что воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе сопряженное с насилием над личностью, с умышленным оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии, с пропагандой религиозного превосходства, с уничтожением или с повреждением имущества либо с угрозой совершения таких действий, запрещается [5].

Согласно толковому словарю русского языка С.И. Ожегова под «верующим» понимается человек, признающий существование бога, религиозный человек [6].

С учетом этого, можно сделать вывод, что потерпевшим от преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, не может быть приверженец атеизма – лицо, которое отрицает существование бога.

Данный подход противоречит праву на свободу совести в ее широком понимании, а также установленному Конституцией РФ принципу равенства граждан, равенства религий и религиозных объединений.

Следовательно, непосредственный объект в виде свободы совести охраняется уголовным законом с ограничением, обходя право на свободу совести лиц, не являющихся сторонниками какой-либо религии.

Вместе с тем, потерпевший не является обязательным признаком данного состава преступления, поскольку в судебной практике известны дела, по которым конкретные лица – верующие, отсутствовали.

Так, Казанцев и Шайдуллин договорились совместно изготовить чучело человеческой фигуры и разместить его на поклонном православном кресте,

установленном на открытой местности около автодороги, то есть в публичном месте [8].

Реализуя преступный умысел, они разместили на православном поклонном кресте изготовленное ими ранее чучело человеческой фигуры в виде распятия, после чего Казанцев К.Н. сделал на поклонном православном освещенном кресте следующую надпись: «Аллах Акбар Смерть Неверным».

В данном деле судом не устанавливался факт оскорбления действиями виновных кем-либо из верующих, учитывая, что данный крест мог вовсе остаться не увиденным.

Таким образом, путем систематического толкования норм УК РФ, Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях», а также Конституции РФ, следует сделать вывод, что уголовный закон охраняет общественные отношения в сфере реализации права на свободу совести и вероисповедания узко.

Помимо этого, описание состава преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ является сложным для понимания. Прежде всего, это связано с тем, что в статье имеются оценочные понятия, у которых нет однозначного толкования.

Это означает, что на сегодняшний день проблемы объекта рассматриваемого преступления, равно как и остальных элементов состава ст. 148 УК РФ являются актуальными и нуждаются в законодательной проработке.

Список использованных источников:

1. Арямов, А. А. Вариация на тему уголовно-правовой охраны свободы вероисповедания в Российской Федерации / А. А. Арямов, Е. О. Руева, В. С. Пономаренко // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2014. – № 3. – С. 9–13.
2. Бимбинов, А. А., Уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий по законодательству России и Германии / А. А. Бимбинов, В. Н. Воронин // Lex Russica. – 2017. – № 11. – С. 111–115.
3. Верба, О. С. Преступления, посягающие на свободу совести / О. С. Верба // Молодой ученый. – 2016. – № 19. – С. 236–239.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

5. О свободе совести и о религиозных объединениях [Электронный ресурс]: федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ // Информационно-правовой портал «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru>.

6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]: Толковый словарь Ожегова онлайн. – Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru/ozhegov.php>.

7. По делу о проверке конституционности п. 3 ст. 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда г. Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И. В. Артемова и Д. А. Савина [Электронный ресурс]: постановление от 15.12.2004 № 18-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Приговор мирового судьи судебного участка № 10 Вятскополянского судебного района Кировской области от 31.05.2016 по делу № 1-46/2016 [Электронный ресурс]. // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт). – Режим доступа: <http://sudact.ru>.

9. Уголовный Кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – ст. 2954. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ ПРИЗЫВА НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ

© Д.А. Глухов

Научный руководитель: Н.В. Качина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В ч. 1 ст. 59 Конституции РФ закреплено положение о том, что защита Отечества является долгом и обязанностью каждого гражданина РФ [3, ст. 59]. Для защиты Отечества создаются Вооруженные Силы, которые комплектуются гражданами Российской Федерации.

Всеобщая воинская обязанность выступает одним из главных способов комплектования Вооруженных Сил. Уклонение от выполнения воинской обязанности способно нанести ущерб интересам обороны страны и

рассматривается уголовным законодательством как преступление против государственной власти.

Под уклонением от военной службы понимается умышленное деяние, направленное на освобождение от установленного порядка призыва на военную службу, совершенное лицом, подлежащим призыву на военную службу.

Говоря об уклонении от призыва на военную службу, следует обратить особое внимание на определение признаков объективной стороны преступления, данного в ст. 328 УК РФ, которое представляется весьма нечетким, позволяющим «уклонистам» найти многочисленные лазейки и обходные пути.

Объективная сторона такого преступления как уклонение от прохождения военной службы, выражается в уклонении от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от нее. К такому выводу приходит большинство авторов, в частности: В.Ф. Цепелев [9, с. 46], Т.Г. Понятовская [7, с. 594], А.В. Щербаков [10, с. 136], Ю.А. Красиков [2, с. 917] и другие.

Исчерпывающий перечень способов уклонения перечислен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной и альтернативной гражданской службы» [5, п. 4].

Остановимся на двух из них:

а) уклонение от постановки на воинский учет с целью избежать вручения под личную подпись повестки военного комиссариата;

б) отказ призывника от получения повестки военного комиссариата под расписку.

Как постановка на воинский учет, так и получение повестки военкомата действительно являются начальными действиями, не совершив которые, лицо может и не попасть на дальнейшие мероприятия, связанные с призывом, а значит, и избежать призыва на военную службу.

Законодатель за уклонение от постановки на воинский учет предусмотрел лишь административную ответственность (ст. 21.5 КоАП РФ).

Однако, Пленум Верховного суда отметил, что при отграничении уклонения от призыва на военную службу (ч.1 ст. 328 УК РФ) от неисполнения гражданами обязанностей по воинскому учету (ст. 21.5 КоАП РФ) судам следует устанавливать, с какой целью лицо не исполняет возложенные на него обязанности.

Если лицо, имея умысел на уклонение от призыва на военную службу, убывает на новое место жительства или выезжает из РФ без снятия с воинского учета, а также прибывает на новое место жительства, или возвращается

в РФ без постановки на воинский учет с целью избежать вручения ему под личную подпись повестки военного комиссариата, содеянное следует квалифицировать по ч.1 ст. 328 УК РФ.

Таким образом, Пленум ВС РФ уклонение от воинского учета называет в качестве разновидностей деяний, входящих в понятие «уклонение от призыва» и разграничивает административное правонарушение и преступление по субъективной стороне.

По сути, имеет место ситуация, при которой Пленум рекомендует относиться к преступным те деяния, которые не включены регулятивным законодательством в понятие «призыв».

А.Ф. Истомин по этому поводу пишет: «Такое толкование норм уголовного права уязвимо с позиций соблюдения пределов допустимости ограничений прав и основных свобод человека» [1, с. 185].

Более того, как справедливо отмечает В.И. Плохова: «Цель данного деяния действительно состоит в том, чтобы не встать на воинский учет. Но это еще не доказывает, что гражданин желает уклониться от военной службы. Необходимо доказать, что он это делает именно для того, чтобы уклониться. Это, во-первых. Во-вторых, насколько обоснованы столь существенные ограничения прав человека, когда еще не ясно: субъект он этого преступления или нет?» [4, с. 60].

Пленум Верховного суда «подстраховывает» такую ситуацию оправдательным приговором. А именно, указывает, что, если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что в соответствии с законом лицо не подлежало призыву на военную службу или подлежало освобождению от исполнения воинской обязанности, призыва на военную службу, либо имелись основания для отсрочки, которые существовали до уклонения от призыва на военную службу, то суд постановляет оправдательный приговор ввиду отсутствия в деянии состава преступления [5, п. 3].

Помимо этого, привлечение гражданина к уголовной ответственности за неявку по вызову в военный комиссариат для постановки на воинский учет, на наш взгляд, противоречит уголовно – правовой доктрине, так как здесь отсутствует субъект преступления, предусмотренный ст. 328 УК РФ, а именно, гражданин, достигший 18 лет. Об этом свидетельствует п. 1 ст. 9 ФЗ № 53 и п. 34 Постановления Правительства РФ "Об утверждении Положения о воинском учете", которые говорят, что первоначальная постановка на воинский учет граждан мужского пола осуществляется с 1 января по 31 марта в год достижения ими возраста 17 лет [6, п.1].

Таким образом, мы считаем, что за игнорирование обязанности встать на воинский учет (уклонение от постановки на воинский учет) нельзя привлекать к уголовной ответственности. Однако стоит задуматься над эффективностью размера санкции, которая предусмотрена за данное правонарушение (ст. 21.5 КоАП РФ «Неисполнение гражданами обязанностей по воинскому учету» штраф от 100 до 500 рублей).

2. Что касается отказа призывника от получения повестки военного комиссариата или направления призывной комиссии под расписку с целью уклонения от призыва на военную службу, то как известно, на мероприятия, связанные с призывом на военную службу, граждане вызываются повестками военного комиссариата. Поэтому в обязанности граждан, подлежащих призыву на военную службу, помимо обязанности явиться по повестке военного комиссариата на все эти мероприятия, включена и обязанность изначально получить повестку военного комиссариата под расписку (ст. 31 ФЗ № 53).

Однако, непосредственно за невыполнение данной обязанности никакой ответственности в действующем законодательстве не предусмотрено. Поэтому, если гражданину не вручили повестку, то не может быть речи и об ответственности. В связи с этим, таким уклонистам на практике не представляется возможным вручить повестку.

ФЗ № 53 в ч.2 ст. 31 указывает: «В случае невозможности вручения повесток гражданам, подлежащим призыву на военную службу, обеспечение их прибытия на мероприятия, связанные с призывом, возлагается на соответствующие органы внутренних дел на основании соответствующего письменного обращения военного комиссариата» [8, ст. 31].

Однако, на практике, нередко имеют место случаи, когда даже правоохранительные органы не в силах вручить повестку лицу, умышленно уклоняющемуся от этого. Тем самым, по достижению 27 лет, такие лица получают военный билет, избежав призыва на военную службу.

На наш взгляд, необходимо на законодательном уровне предусмотреть для таких лиц административную ответственность.

Список использованных источников:

1. Истомин А.Ф. Ответственность за уклонение от призыва на военную службу. Журнал российского права, № 10, 1999. – 89 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Норма, 2010. – 991 с.

3. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 // СПС КонсультантПлюс.
4. Плохова В.И. / Уклонение от прохождения военной или альтернативной гражданской службы: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2013 г. – 125 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Правительства РФ от 27.11.2006 № 719 (ред. от 27.06.2017) «Об утверждении Положения о воинском учете» // СПС КонсультантПлюс.
7. Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Рарог. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 624 с.
8. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 05.02.2018) "О воинской обязанности и военной службе" // СПС КонсультантПлюс.
9. Цепелев В.Ф. Квалификация преступлений против порядка управления: учебное пособие для магистрантов. – М.: Проспект, 2015. – 104 с.
10. Щербakov А.В. Преступления против порядка управления: научно-практический комментарий к главе 32 УК РФ. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 168 с.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 110 И 110.1 УК РФ

© А.И. Гребенюк

Научный руководитель: А.Н. Тарбагаев

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Жизнь является величайшим благом. Государство создаёт определённые правовые механизмы, направленные на сохранение этой ценности, в число которых, входят ст. 110 УК РФ и ст. 110.1 УК РФ. Положения этих статей направлены на предупреждение совершения самоубийств, импульсом которых являются деяния иных лиц, а не самого суицидента.

Оба преступления являются преступлениями против личности и находятся в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья».

Непосредственный объект данных преступлений совпадает, это жизнь человека. ст. 110.1 УК РФ дублирует ст. 110 УК РФ в квалифицирующих признаках относящихся к объекту преступления:

1) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;

2) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

3) в отношении двух или более лиц.

Объективная сторона доведения до самоубийства выражается в деянии в форме действия или бездействия. Мы не будем останавливаться на понятии «доведения» т. к. нормой ст. 110 УК РФ перечислен исчерпывающий перечень способов, совершения преступления: путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Разберем их по порядку.

Угрозы – представляют, психическое насилие, направленное на подавление воли потерпевшего. Они могут быть разными, главное, что бы они воспринимались как реальные и были причиной совершения самоубийства или покушения на него. Жестокое обращение может выражаться как в действии, так и в бездействии, например, в нанесении побоев, лишении пищи, запираении в холодном помещении или в других лишениях, причиняющих страдания [1, с.58]. Это понятие оценочное и в каждом случае вопрос о наличии этого признака должен решаться индивидуально. Систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего заключается в циничном обращении субъекта преступления с потерпевшим, унижении его личного достоинства. Причем эти факты должны быть не единичными, а систематическими, т.е. осуществляться более трех раз, направленными на причинение нравственных страданий [2, с.180]. Человеческим достоинством выступает совокупность моральных качеств и самоуважение.

Действия виновного могут представлять собой как физическое, так и психическое насилие, но не любое психическое принуждение, которое повлекло суицид, будет расцениваться как доведение до самоубийства. Так, например использование гипноза, повлечет квалификацию по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ [3, с.152].

Преступное деяние будет окончено как с момента смерти потерпевшего, так и с момента его покушения на самоубийство, т.е. даже тогда, когда потерпевший остался жив и не смог довести самоубийство до конца по независящим от него обстоятельствам. Объективная сторона склонения к совершению

самоубийства или содействие совершению самоубийства может выразиться только в действии.

Склонение следует определять, как возбуждение у другого лица желания уйти из жизни посредством применения таких способов как уговоры, предложения, подкуп и обман. Перечень способов совершения преступления ст. 110.1 УК РФ открытый, но необходимо понимать, что к ним, нельзя отнести угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего. Склонение, это часть доведения, имеющая неограниченные способы совершения, но в них не должны входить способы совершения преступления, предусмотренные ст. 110 УК РФ. Сравнивая понятия «склонения» и «доведения», которое означает процесс целенаправленных действий, не охватывающих сам результат, ученые отмечают, что второе шире первого, и соответственно охватывает «склонение».

Но доведению до самоубийства характерно законченность действий, будь то суицид или покушение на него. В то время как, склонение – это процесс формирования у потерпевшего намеренья действовать с целью лишения себя жизни [4, с.75]. Склонение может перерасти в доведение тогда, когда использованные способы ст. 110.1 УК РФ не дали результата, и преступник обратился к способам ст. 110 УК РФ. Склонение к самоубийству окончено, как и доведение до самоубийства, когда совершено самоубийство или покушение на него, так и когда были совершены уговоры, предложения, подкуп, обман или иной способ, за исключением способов ст. 110 УК РФ, направленные на возбуждение идеи самоубийства.

Содействие – это процесс, в котором одна сторона, с целью поддержать другую, оказывает ей помощь. Содействие выражается в действиях: в советах, указаниях, предоставлении информации, средств или орудий совершения самоубийства либо в устранении препятствий к его совершению или обещаниях скрыть средства или орудия совершения самоубийства. Слово «содействие» демонстрирует сходство с законодательной конструкцией пособничества в совершении преступления с той разницей, что речь идет о содействии в совершении самоубийства, а не преступления. [5, с.165]

Содействие отличается от склонения и доведения тем, что оно не оказывает воздействия на волю потерпевшего. При «содействии» потерпевший имеет намеренье совершить самоубийство, а виновное лицо лишь помогает ему его реализовать, а при «склонении» виновный порождает у потерпевшего желание совершить суицид [6, с.26]. Потерпевший сам совершает действие, приводящее его к гибели, перед тем как преступник создал ему определенные условия или пообещал их создать после суицида.

Преступление будет окончено, когда преступник попытался возбудить у потерпевшего решимость совершить самоубийство, даже если последний не предпринял действий для совершения суицида, или когда преступник оказал ему пособничество, предусмотренное способами ч. 2 ст. 110.1 УК РФ. Если же будет совершено самоубийство или покушение на него, то квалификация будет по одной из ч. 4-6 ст. 110.1 УК РФ, учитывающей упомянутые последствия.

Субъект, рассматриваемых преступлений общий, физическое лицо, вменяемое, достигшее шестнадцати лет.

Касательно субъективной стороны доведения до самоубийства, к единому мнению относительно формы вины ученые и суды не пришли. Мы придерживаемся позиции Воронина Ю.А. и Лалаца В.В. о том, что преступление совершается, как с неосторожной, так и с умышленной формой вины, согласно закону, в преступлениях, в которых прямо не указано, что они могут совершаться только по неосторожности, допустима как умышленная, так и неосторожная форма вины [7, с.45]. В обоснование этой позиции приведем гипотетический пример: И мать страдающего наркоманией В, пока он спал уничтожила его наркотики, оставив ему еды, замкнула квартиру единственным ключом, и оставила В одного дома, с целью создать условия для преодоления наркотической ломки. В не справившись со своей тягой к наркотикам покончил с собой.

Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, совершаются, с прямым умыслом, т.к. преступник совершает осознанные действия, которые направлены на создание определенных условий для осуществления суицида, виновный осознает общественно-опасный характер своих действий. Из этого стремления виновного вытекает цель, побудить потерпевшего уйти из жизни. Мотив значения не имеет. Так суд установил, что виновная, будучи пользователем социальной сети, начала переписываться с другой несовершеннолетней, уговаривая и предлагая ей совершить самоубийство. Фигурантка вела с потерпевшей переписку во время, предназначенное для отдыха, предоставляла ей для просмотра и прослушивания контенты, формирующие у потерпевшей депрессивную направленность сознания, а также воздействовавшую на психику, вовлекла ее в игру «Синий кит» целью которой было совершение самоубийства [8].

Таким образом, определяющим фактором отграничения состава преступления ст. 110 УК РФ от ст. 110.1 УК РФ будет объективная сторона, которая в каждом из составов предполагает исчерпывающий перечень способов совершения преступления. Разница между составами не очевидна, но само появление новых составов, (склонение к совершению самоубийства или содействие

совершению самоубийства – ст. 110.1 УК РФ) восполнило пробелы в законодательстве, что является положительным явлением, способным оказать предупреждение совершения преступления и избрания более справедливого наказания.

Список использованных источников:

1. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. И.В. Шишко. – Москва: Проспект, 2012. – 752 с.

2. Уголовное право. Общая и особенная часть: учебник / под ред. В.И. Гладких. – М. Новосибирск ;, 2015. – 614 с.

3. Старжинская, А.Н. Проблемы квалификации преступлений, связанных с доведением до самоубийства, склонением к самоубийству или содействием в его совершении / А.Н. Старжинская // Закон и право. – 2019. – № 2 – С. 151–152.

4. Тенуаев, А.С.-У. К вопросу о совершенствовании норм об уголовной ответственности за понуждение к суицидальному поведению / А.С.-У. Тенуаев // Вестник Казанского юридического института МВД России № 3 (29) 2015.– С. 72–78.

5. Дубовиченко, С.В., Карлов, В.П. Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни: критический анализ / С.В. Дубовиченко, В.П. Карлов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева.– 2017. – Т.2, № 4 – С. 160–169.

6. Никитина, А.Н. Общественная опасность склонения к самоубийству и содействия совершению самоубийства / А.Н. Никитина // Ученые записки Казанского юридического института МВД России .– 2018.– Т.3, № 1 – С. 25–27.

7. Воронин, Ю.А. Лалац, В.В. Установление субъективной стороны преступления в процессе квалификации доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) / Ю.А. Воронин, В.В. Лалац // Вестник Южно-Уральского государственного университета. №7 2012. – С. 44–48.

8. Информационное агентство «ТАСС». Суд Петербурга вынес приговор несовершеннолетней, вовлекавшей подростков в «группы смерти» 2017 [Электронный ресурс] <https://tass.ru/proisshestviya/5300644>.

**КОНЦЕПЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА В ЗАКОНОПРОЕКТЕ ВЕРХОВНОГО
СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© А.С. Джусь

Научный руководитель: Д.Ю. Фисенко

канд. юрид. наук

Омская академия МВД России

В последние годы сфера уголовно-правовых отношений претерпела ряд существенных изменений, содержание которых во многом связано с гуманизацией уголовного законодательства. Так, законодателем были введены составы преступлений с административной преюдицией, расширены пределы применения института освобождения от уголовной ответственности, а также декриминализован и исключён ряд деяний из сферы регулирования уголовного права. Но на достигнутых результатах и полученных итогах деятельность в названном направлении не ограничивается. Сегодня широко обсуждается вопрос о введении такой уголовно-правовой категории как уголовный проступок, которая фактически должна стать некоей промежуточной единицей между административным правонарушением и преступлением.

Вообще деление уголовно наказуемых деяний на преступления и проступки известно многим зарубежным правовым порядкам. Например, уголовное законодательство таких стран, как Франция, Германия, Бельгия, Швейцария, Испания предусматривают выделение проступков наряду с преступлениями. Кроме того, в некоторых бывших советских республиках (Казахстан, Украина, Грузия, Киргизия) существует такая градация.

Верховный Суд РФ – инициатор внедрения проступка в Уголовный кодекс Российской Федерации [3], высказываясь о необходимости включения более 80 составов в данную категорию, безусловно, смотрит на Запад, ориентируясь на международный опыт. При этом не учитываются особенности нашего национального законодательства. Мы в отличие от стран Западной Европы имеем чёткую категоризацию преступлений, закреплённую в статье 15 УК РФ, и явное разграничение административного и уголовного права, подкреплённое наличием самостоятельных нормативно-правовых актов – Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях [1]. Поэтому мы на протяжении многих лет оставляем вопрос открытым и не можем решиться на введение категории уголовных проступков, так как им нет места в нашей правовой системе.

Кроме того, если изучить предметно законопроект, предложенный Верховным Судом РФ [2], просматривается ряд проблемных моментов, связанных с воплощением данной идеи.

Во-первых, не понятна правовая природа уголовного проступка в предлагаемой концепции. Так, проект Федерального закона дополняет ч. 2 статьи 15 УК РФ: «Преступление небольшой тяжести, за которое настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, признается уголовным проступком.». При этом наименование статьи 15 УК РФ остаётся прежним: «Категории преступлений». То есть, исходя из логики Верховного Суда РФ проступок всё же является преступлением. Рассмотрев опыт других стран, отметим, что это явление совершенно уникально. Ведь, например, УК Франции [5] предусматривает деление преступных деяний на преступления, проступки и нарушения. А УК Республики Казахстан [4] гласит, что уголовные правонарушения подразделяются на преступления и уголовные проступки. То есть, ссылаясь на так называемый положительный опыт других стран, мы не обращаем в должной степени внимание на различие нашей концептуальной идеи и уже сложившейся зарубежной системы. Кроме того, главным критерием отнесения деяния к группе уголовных проступков в иностранных государствах служит степень общественной опасности. Российское же разграничение в главной степени зависит от санкции статьи, от возможного наказания за совершённое деяние.

Во-вторых, пояснительная записка к законопроекту гласит, что совершенное лицом деяние, отнесённое к категории уголовных проступков, не повлечёт судимости и связанные с ней негативные последствия. Это положение является весьма привлекательным. Однако, до конца не уяснено, как это будет реализоваться на практике. Сегодня законодательство Российской Федерации предусматривает немало ограничений, связанных с наличием у лица судимости, это касается, например, кредитования лица, возможности его становления опекуном, а также занятия определённых должностей. Неужели лицо, совершившее уголовный проступок, который опять же согласно предлагаемой редакции ст. 15 УК РФ является преступлением, беспрепятственно сможет стать судьёй, депутатом, прокурором? На наш взгляд, данное положение опять же не соответствует правовой природе уголовного проступка. Потому и не совсем обосновано его отнесение к преступлениям.

В-третьих, после прочтения проекта внесения изменений возникает логичный вопрос: а как будет реализоваться право потерпевшего на возмещение причинённого ему вреда? Да, существует механизм подачи гражданского иска. Но, тем не менее, верен ли такой путь при освобождении от уголовной

ответственности лица, совершившего деяние, отнесённое к категории уголовных проступков. Ведь при освобождении от уголовной ответственности лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести в случаях, предусмотренных ст. 75, 76, 76.1, 76.2 УК РФ, возмещение вреда является обязательным условием.

К тому же, мнение потерпевшего по делам о проступках ничего не решает. И освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего впервые уголовный проступок, является уже не правом, а обязанностью должностного лица, независимо от избранной подозреваемым линии поведения. Суд обязан освободить обвиняемого (подозреваемого) от уголовной ответственности даже тогда, когда он никакой вред не возместил и возмещать не собирается. Потому очередная гуманизация уголовного закона принижает уровень защиты прав лиц, потерпевших от преступных посягательств. Так, например, согласно идее, предлагаемой Верховным Судом, к уголовным проступкам будут отнесены некоторые виды мошенничества (мошенничество в сфере кредитования, с использованием платёжных карт, в сфере компьютерной информации и др.). Получается, что лицо, похитившее имущество путём мошеннических действий в названных сферах, освобождается от уголовной ответственности, и не обязано в рамках уголовного процесса возмещать потерпевшему причинённый ущерб. А потерпевшему остаётся надеяться лишь на гражданское судопроизводство и подавать в отношении мошенника гражданский иск, проходя через отнюдь не всегда простую процедуру. Не утрачивается ли таким образом охранительная природа уголовного права? Не уменьшаются ли задачи, предусмотренные статьёй 2 Уголовного кодекса Российской Федерации? Предлагая внести такие изменения, мы теряем значение одного из важнейших направлений уголовно-правовой политики, связанного с защитой прав потерпевших. Мы улучшаем положение преступника, не заботясь при этом о защите интересов лиц, пострадавших от его действий.

Вместе с тем, отметим, что инициатива Верховного Суда внести изменения в законодательство связана во многом, опять же, с разгрузкой судов общей юрисдикции, с упрощением порядка производства по такой категории уголовных дел. Оправдано ли это? Вряд ли. Сегодня около 70% уголовных дел рассматриваются в особом порядке, путём упрощённой процедуры, без непосредственного исследования доказательств. Стремясь ещё больше разгрузить суды, мы перекраиваем почти всю Общую часть Уголовного кодекса Российской Федерации, внедряя положения, не вписывающиеся в нашу правовую систему.

Таким образом, на наш взгляд, введение уголовного проступка в российское уголовное право не целесообразно. Гуманизация, на которую как бы направлен предлагаемый проект изменений, не проработана должным образом, и достаточно отчётливо виден ряд проблемных аспектов, связанных с правовой природой уголовного проступка и последствиями его совершения.

Список использованных источников:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // СПС «Консультант-Плюс»
2. Проект Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка" // <http://www.garant.ru>
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // СПС «Консультант-Плюс»
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.04.2019 г.) // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252
5. Уголовный кодекс Франции от 01.01.1992 // <https://constitutions.ru/?p=5859>

**К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ СОВЕРШЕНИЯ
НОВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПОСЛЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ПРИГОВОРА**

© Н.С. Дмитриева

Научный руководитель: Р.Н. Гордеев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Изучение руководящих разъяснений Верховного Суда РФ позволило обнаружить противоречия при раскрытии правил назначения наказания при совокупности преступлений и приговоров. Так, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», можно обратить внимание на абзац 2 пункта 52, который содержит в себе информацию о том, что по смыслу закона, при назначении наказания по правилам части 5 статьи 69 УК РФ значение имеет не момент вступления предыдущего

приговора в законную силу, а время его вынесения, поэтому правила части 5 статьи 69 УК РФ применяются и в том случае, когда на момент постановления приговора по рассматриваемому делу первый приговор не вступил в законную силу.

В соответствии с пунктом 56 того же Постановления, законодатель говорит о том, что в случае совершения лицом нового преступления после провозглашения приговора за предыдущее преступление судам следует исходить из того, что, поскольку вынесение приговора завершается его публичным провозглашением, правила назначения наказания по совокупности приговоров (статья 70 УК РФ) применяются и тогда, когда на момент совершения осужденным лицом нового преступления первый приговор не вступил в законную силу. При этом следует иметь в виду, что совершение нового преступления до вступления предыдущего приговора в законную силу не образует рецидива преступлений.

Принимая во внимание оба пункта Постановлению Пленума Верховного Суда РФ, ставится вопрос, а какую же всё-таки необходимо применять статью при назначении наказания виновному, совершившему преступление после вынесения приговора не вступившего в силу, статью 69 или же статью 70 УК РФ?

Совокупность преступлений – это вид множественности преступлений, ни за одно из которых лицо еще не подвергалось осуждению и несет за них уголовную ответственность одновременно [2].

Совокупностью приговоров следует считать совершение осуждённым после вынесения приговора нового преступления, если основное и (или) дополнительное наказание по предыдущему приговору им полностью не было отбыто. Под понятием «вынесение приговора», нужно понимать его публичное провозглашение [5].

Правила назначения наказания по совокупности приговоров изложены в 70 статье Уголовного Кодекса РФ. В данной статье нас интересует первый пункт, который говорит о том, что при назначении наказания по совокупности приговоров к наказанию, назначенному по последнему приговору суда, частично или полностью присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору суда [6].

В юридической литературе существует две позиции по этому вопросу. Так авторов можно разделить на два блока:

Первый блок – это авторы, которые считают, что при совершении нового преступления после вынесения приговора, необходимо применять 69 статью УК РФ, например:

по мнению М.Н. Становского, если лицом совершено новое преступление после вынесения приговора, но до вступления его в законную силу имеет место совокупность преступлений, и наказание виновному следует назначить по правилам ст. 69 УК РФ [8].

Другой точки зрения придерживается А.Н. Савченко, он считает, что законодатель достаточно определенно закрепил правила назначения наказания по совокупности преступлений в ст. 69 УК РФ к случаям, когда лицо осуждается за все совершенные преступления одним приговором и когда после вынесения приговора по делу будет установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора по первому делу [7].

Второй блок авторов придерживаются мнения, что необходимо применять статью 70 УК РФ.

Зубкова В.И. называет совокупностью приговоров случаи, когда осужденный после вынесения приговора по делу, но до полного отбывания наказания по нему совершил новое преступление [1].

А.М. Яковлев признает совокупность приговоров случаи, когда по одному входящему в совокупность преступлению приговор состоялся, а по другому, хотя и совершенному до вынесения этого приговора, еще нет, так как второе преступление к этому моменту не было раскрыто, и совокупностью наказаний – совершение преступления во время отбывания наказания или после него [9].

Ю.А. Красиков пишет, что совокупность приговоров отличается тем, что осужденный после вынесения приговора, но до полного отбывания наказания вновь совершает преступление и правила о назначении наказания по совокупности приговоров применяются в случае совершения осужденным нового преступления после вынесения приговор, которое завершается его публичным провозглашением [3].

Я согласна с точкой зрения второй группы авторов, так как совокупность приговоров связана с временными пределами совершения лицом нового преступления. Совокупность приговоров имеет место, когда новое преступление совершается лицом после провозглашения обвинительного приговора и даже если он не вступил в законную силу.

Совокупность приговоров базируется на судимости, поскольку в ст. 70 УК речь идет не только о совершении нового преступления, но и о наличии обязательного предыдущего приговора суда, так как судимость наступает после провозглашения приговора, тем самым необходимо вести речь о совокупности приговоров [4].

Список используемых источников:

1. Голоднюк, М.Н., Зубкова, В.И. Курс уголовного права: Учение о наказании. Общая часть: Учебное пособие / М.Н. Голоднюк, В.И. Зубкова. - Москва: Зерцало. – 1999. – 400 С.
2. Зацепин, А.М. Понятие и признаки совокупности преступлений / А.М. Зацепин. - Москва: Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. – №8. – 215–220 с.
3. Игнатова, А.Н., Красикова, А.Ю учебник для вузов. Том 1 Общая часть / А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – Москва: Издательство НОРМА.– 2000 – 639 с.
4. Козлов, А.П., Севастьянов, А.П. Единичные и множественные преступления / А. П. Козлов, А.П. Севастьянов. -Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс. – 2011 – 915 с.
5. Крупская, Н.Н. Назначение наказания по совокупности преступлений и приговоров / Н.Н. Крупская. - Ростов-на-Дону: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – 2007 – 27 с.
6. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 22.12.2015 г. №58 (ред. от 18.12.2018) [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс – справочная правовая система. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. Савченко, А.Н. Назначение наказания в соответствии с частью 5 статьи 69 УК РФ / А.Н. Савченко. – Москва: Российский судья. – 2001. – №2. – 42-46 с.
8. Становский, М.Н. Назначение наказания / М.Н. Становский. – Санкт-Петербург: Юридический центр пресс. – 1999. – 480 с.
9. Яковлев, А.М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву / А.М. Яковлев. – Москва: Юридический институт. – 1960. – 119 с.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

© В.Е. Долгополов

Научный руководитель: Р.Н. Гордеев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Состав преступления, предусмотренного статьей 127.1 УК РФ имеет сложную конструкцию субъективной стороны, имеет проблемные вопросы. В данной статье мы проведем их анализ.

Так форма вины, с которой совершается данное преступление, не содержит особых сложностей при исследовании и применении данной нормы. Торговля людьми всегда совершается с прямым умыслом, при котором виновное лицо осознает общественную опасность своих действий нарушающих абсолютный запрет на торговлю людьми, предвидит возможность или неизбежность лишения потерпевшего свободы передвижения и выбора местонахождения и желает их наступления.

Что касаясь момента возникновения умысла, то здесь все не так однозначно. Ряд авторов, в том числе Милевский А.И., Белокобыльская Т.К. считают, что торговля людьми всегда совершается с заранее обдуманном умыслом. [5,с. 2-3] Другие, к которым относятся Готов С.А., Колмыкова Н.Г. и Громов С.В., считают, что торговля людьми может совершаться и с внезапно возникшим умыслом. [3,с. 212] Мы считаем позицию второй группы авторов более обоснованной и всесторонней. К примеру такая ситуация возможна, когда матери предложили продать ребенка, и в этот же момент происходит возникновение и реализация умысла.

Мотив исследуемого преступления не ограничен законодателем, и подлежит установлению в каждом конкретном случае. Обычно лицом, осуществляющим торговлю людьми, движет желание материально обогатиться – то есть корыстный мотив.

Наибольший интерес из элементов субъективной стороны заслуживает цель совершения данного преступления. При установлении уголовной ответственности за торговлю людьми Федеральным законом от 21 ноября 2003 года «О внесении изменения и дополнений в Уголовный Кодекс Российской Федерации» в первоначальной редакции ст. 127.1 УК РФ содержала цель эксплуатации человека в качестве обязательного для квалификации признака. При этом лицо должно было преследовать данную цель при совершении любого из альтернативных деяний предусмотренных диспозицией исследуемой

статьи, в том числе при совершении купли-продажи человека. [1, ст. 127.1] Многие авторы не были согласны с тем, что купля продажа должна осуществляться с целью последующей эксплуатации. Так лицу, которое продает человека, в большинстве случаев вовсе не интересна судьба потерпевшего после передачи покупателю.

В последующем Федеральным законом № 128 от 25 ноября 2008 года в статью 127.1 УК РФ были введены изменения. Теперь наличие цели эксплуатации стала обязательной только при совершении торговли людьми в форме вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения. Таким образом произошла криминализация, теперь совершение купли-продажи и иных сделок в отношении человека является преступным, даже в случае отсутствия цели дальнейшей его эксплуатации. [2, ст. 127.1]

Представители уголовно-правовой доктрины поддержали данное изменение. Однако часть ученых, такие как Измайлова И.Д., Евстифеева Е.В., Шалимов Е.Е. остались не удовлетворены. Они придерживаются позиции, что «цель эксплуатации человека» необходимо исключить из числа обязательных для квалификации признаков и при остальных альтернативных деяниях. Такая точка имеет основания. Так, например, при перевозке и посредничестве лицо может не иметь цели эксплуатации. [4, с. 89] Таким образом совершенные с иной целью вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение не являются преступлением в данной редакции ст. 127.1 УК РФ.

Что касается цели эксплуатации человека, то законодатель в примечании 2 к статье 127.1 УК РФ привел такие формы как сексуальная эксплуатация, рабский труд и подневольное состояние. [2, ст. 127.1] Многие авторы, в том числе Ющенко С.Ю., считают, что законодатель закрепил слишком узкий перечень форм эксплуатации человека. В связи с этим необходимо его расширение, например эксплуатация человека также может быть в форме использования его органов, проведения медицинских опытов и др. [6, с. 134]

Таким образом, проведя анализ субъективной стороны мы пришли к ряду выводов:

1. Торговля людьми всегда осуществляется с прямым умыслом
2. Самый распространенный мотив, с которым совершается исследуемое преступление – корыстный.
3. Вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека, подлежат квалификации по ст. 127.1 УК РФ только при наличии цели дальнейшей эксплуатации человека.

4. Наличие цели эксплуатации человека не является обязательным для квалификации признаком, при совершении торговли людьми в форме совершения сделки в отношении человека.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (Редакция на 08.12.2003) – ст. 127.1 [Электронный ресурс]- Режим доступа: <http://businesspravo.ru>

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Готов С. А., Противодействие торговле людьми: правовое регулирование, зарубежная и отечественная практика. / Готов С. А., Сальников С. В. – М.: Международный юридический институт, 2009. 232 с.

4. Измайлова И.Д. Уголовная ответственность за торговлю людьми. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Измайлова И.Д. – М., 2007. –112 с.

5. Милевский А.И. Особенности субъективной стороны торговли несовершеннолетними // Следователь. – М., 2000, № 5. – С. 2-4

6. Юценкова С.Ю. Противодействие торговле людьми: соотношение российского уголовного законодательства и международных стандартов // Вестник МФЮУ. – М., 2016, 2016, №3. – С. 132-144

**ЭКСПЛУАТАЦИЯ КАК ЦЕЛЬ ОСНОВНОГО СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 127.1 УК РФ**

© К.В. Ерофеева

Научный руководитель: С.И. Бушмин

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

При торговле людьми, обязательным признаком субъективной стороны преступления является цель – эксплуатация человека. Цель должна характеризовать психическую деятельность субъекта в момент заключения сделки и должна осознаваться обеими сторонам. В примечании к ст. 127.1 УК РФ дается определение понятия эксплуатации, под которой понимается использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние.

Использование занятия проституцией другими лицами включает в себя преступные действия, склоняющих к занятию проституцией и извлекающих прибыль от такой эксплуатации, а также содержащих притоны. Эксплуатация труда в сексуальной сфере связана с удовлетворением сексуальных потребностей человека, причем она может осуществляться как в легальной секс-индустрии, так и в сфере преступного бизнеса. Под иными формами сексуальной эксплуатации закон подразумевает другие формы использования рабского труда человека (например, для изготовления порнографической продукции, занятия стриптизом, участия в эротических шоу) [1, с. 135].

При рабском труде жертва подвергается криминальной эксплуатации, содержится в изолированных условиях, у нее нет возможности изменить свое положение. Полное ограничение свободы достигается путем лишения личных документов, денежного вознаграждения за труд, возможность выйти из-под влияния собственника, обратиться за помощью в правоохранительные органы. Человек принуждается к совершению действий, направленных на производство какой-либо продукции или предоставления каких-либо услуг [2, с. 23].

Понятие подневольного состояния давно выработано на международном уровне. Согласно п. b ст. 7 Дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов, и обычаев, сходных с рабством 1956 г. лицо в подневольном состоянии трактуется как лицо, находящееся в состоянии или положении, создавшемся в результате долговой кабалы, крепостного состояния и домашнего рабства [3].

С.В. Крапивин выделил следующие существенные признаки эксплуатации:

- 1)лицо различными способами принуждается к выполнению какой-либо деятельности, от которой он не может отказаться;
- 2) эта деятельность может быть как законной, так и противоправной;
- 3) лицо не получает никакой оплаты за его использование, или же предоставляемые ему взамен блага являются явно несоразмерными [4, с. 157].

Полагаю, что данные признаки имеют право на существование, поскольку в общем виде характеризуют перечисленные в примечании формы эксплуатации.

Перечень способов эксплуатации является исчерпывающим, т. е. совершение акта торговли в других целях не будет признаваться преступлением. Поэтому Д.Я. Зайдиева считает такое определение эксплуатации в законе спорным и приводит следующие аргументы.

Во-первых, целью купли продажи, прежде всего, является получение материальной либо любой иной выгоды. И не всегда это связано с эксплуатацией человека.

Во-вторых, законодатель упустил из виду суррогатное материнство, что, безусловно, является пробелом в перечне видов эксплуатации, с учетом степени распространенности данного деяния и темпами его роста [5, с. 8].

На мой взгляд, мнение Д.Я. Зайдиевой является обоснованным, поскольку законодатель недостаточно полно раскрыл формы эксплуатации. При такой формулировке не рассматриваются другие формы эксплуатации, которые имеют место быть. Например, стоит обратить внимание законодателя на такой вид эксплуатации, как использование человека в медицинских опытах, когда ему может быть причинён существенный вред здоровью. Также суррогатное материнство является одной из форм эксплуатации при торговле людьми, поскольку появляются преступные группировки, которые эксплуатируют функцию вынашивания ребенка.

Заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Елена Мизулина считает, что в России коммерческое суррогатное материнство должно быть приравнено к торговле людьми, как это уже сделано в ряде стран. В Германии, Франции, Норвегии, Австрии, Швейцарии, Дании, Италии, во многих штатах США коммерческое суррогатное материнство уже приравнено к торговле людьми – эксплуатации тела человека, его репродуктивных функций. Подобная форма торговли людьми – одна из очевидных угроз всему человечеству, так как способность вынашивать ребенка не должна ставиться в один ряд с обыденными оплачиваемыми услугами [6].

В судебной практике имеется пример того, как 9 граждан Кабардино-Балкарии в соучастии с гражданином Израиля организовали преступное сообщество для систематической деятельности по вывозу в целях продажи за пределы Российской Федерации молодых женщин в состоянии беременности в качестве суррогатных матерей. Верховный суд Кабардино-Балкарской Республики от 05 мая 2004 года признал данных лиц, виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ и приговорил их к лишению свободы. Данный пример иллюстрирует тот факт, что в ст. 127.1 УК РФ существует законодательный пробел, так как суррогатное материнство не закреплено как одна из форм эксплуатации человека, но как указано выше существуют случаи, когда суррогатное материнство рассматривается судами как одна из форм эксплуатации [7, с. 8].

Стоит отметить, что в Модельном законе о противодействии торговле людьми от 03 апреля 2008 года № 30-11 в статье 10 указан перечень преступлений, связанных с торговлей людьми, в том числе упомянуто незаконное использование женщины в качестве суррогатной матери, а также проведение незаконных биомедицинских исследований над человеком [8].

Все эти факты говорят о некорректности, используемой законодателем формулировки данной статьи. С развитием общественных отношений изменяется характер совершаемых преступлений, тем самым появляются новые формы эксплуатации человека. Предлагаю изменить диспозицию статьи следующим образом: «Купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека и другие формы его эксплуатации, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение». На мой взгляд, необходимо дополнить примечание, добавив следующие слова: «и другие формы эксплуатации» для того, чтобы расширить смысл понятия эксплуатации. Таким образом, понятие эксплуатации будет включать в себя не только использование занятия проституцией другими лицами и иные формы эксплуатации, рабский труд, подневольное состояние, но и незаконное использование женщины в качестве суррогатной матери и использование человека в медицинских опытах.

Список используемых источников:

1. Гаммаев, В.М. Особенности объекта уголовно-правовой охраны в составе торговли людьми. / В.М. Гаммаев // Вопросы современной юриспруденции. – 2011. -№ 1.– С. 135
2. Парфиненко, И.П. К истории вопроса о незаконном лишении свободы человека в России / И.П. Парфиненко // Российский следователь. – 2010. – № 22. – С. 23.
3. Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов, и обычаев, сходных с рабством [Электронный ресурс] от 07.09.1956//Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15268#0131181096613054>
4. Крапивин, С.В. Эксплуатация как цель торговли людьми / С.В. Крапивин // Общество и право. – 2012.- № 3.– С. 157.
5. Зайдиева, Д.Я. Ответственность за торговлю людьми. – 2006. – № 3-4. – С. 8.

6. Мизулина, Е. Торговля людьми» или помощь бездетным? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gubdaily.ru/blog/strana/torgovlya-lyudmi-ili-pomoshh-bezdetnym-peterburgskaya-para-po-resheniyu-suda-zaberet-svoix-detej-u-surrogatnoj-materej/>

7. Смирнов, Г.К., Щепилов, О.О. Защита жертв торговли людьми в уголовном судопроизводстве: справочно-методическое пособие; под общ. ред. А. Н. Рубцовой, Бюро Международной организации по миграции (МОМ) в Москве; Н. В. Зайберт, Информационно-Консультационный Центр в г. Санкт-Петербурге. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 8.

8. Модельный закон о противодействии торговли людьми [Электронный ресурс] от 03 апреля 2008 года. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902124613>

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК «ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ» (П. «Б» Ч. 3 СТ. 132 УК РФ)

© А.А. Звыкова

Научный руководитель: Г.Л. Москалев,

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

При квалификации насильственных действий сексуального характера по ч. 1 и 2 ст. 132 УК РФ по признаку, «повлекших тяжкие последствия» [13], правоприменители испытывают проблемы с толкованием. Варианты толкования, разрабатываемые учеными, зачастую носят расширительный характер. Проблему осложняет тот факт, что указанные в диспозиции п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ признаки объективной стороны можно принять за альтернативные. Несмотря на то, что каждый из них предполагает причинение тяжкого вреда по неосторожности, на практике суды не всегда придерживаются этой позиции. Например, по п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4.12.2014 г. № 16 действия виновного квалифицируются по п. «б» ч. 3 ст. 131 и (или) по п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ, как при неосторожном, так и при умышленном заражении ВИЧ-инфекцией. Получается, что причинение тяжкого вреда здоровью может наступить только неосторожно (один признак), а заражение и неосторожно, и умышленно (второй признак).

Правоприменители, квалифицируя «тяжкие последствия» по п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ, зачастую вовсе не упоминают, совершено ли преступление с умыслом или неосторожно. Например, из Постановления Малоярославецкого

районного суда Калужской области от 8.04.2014 г. по делу № 1-57/2014 [9] суд возвратил уголовное дело прокурору для устранения нарушений, т. к. в обвинительном заключении квалификация по п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ не была указана полностью. Отсутствовало, как детальное раскрытие «тяжких последствий», так и объяснения, совершены ли они с неосторожностью или умышленно.

Ученые полагают, что признак «тяжкие последствия» находится в «волевой сфере» самого потерпевшего (самоубийство, попытка суицида, нанесение себе увечий и пр.), но если включить в п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ в качестве тяжких последствий умышленное причинение тяжкого вреда, нарушится принцип дифференциации уголовной ответственности (ведь умышленные деяния должны наказываться строже, чем неосторожные) [3]. То есть п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ будет охватывать как умышленное, так и неосторожное деяние, а санкция будет одинаковой.

По п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 к тяжким последствиям изнасилования или насильственных действий сексуального характера отнесены «самоубийство или попытка самоубийства потерпевшего лица, беременность потерпевшей и т. п.» [8]. Для проверки толкования термина «тяжкие последствия» были исследованы имеющиеся судебные акты, вынесенные по ст. 132 УК РФ. По статистике уголовные дела, возбужденные в целом по ч. 3 ст. 132 УК РФ по сравнению с иными частями статьи – наименее многочисленны (например, за 2017 г. – это 11,6 % всех дел, возбуждаемых по ст. 132 УК РФ [6]).

В ходе изучения судебных актов выяснилось, что суды почти не выходят за рамки медицинских критериев причинения тяжкого вреда здоровью.

То есть суды относят к «тяжким последствиям» любой тяжкий вред здоровью согласно медицинским критериям [11], находящейся в причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью, несмотря на то, что квалифицирующий признак тяжкого вреда здоровью уже отдельно обозначен в пункте «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ (то есть признак «тяжкие последствия», указанный в п. «б» ч. 3 теряет смысл, свое назначение: если относить только тяжкий вред здоровью по медицинским критериям к «тяжким последствиям» точно также как и к «тяжкому вреду здоровью», возникает вопрос: зачем в пункте присутствует признак иных последствий). В особенности это касается психических расстройств. Например, в одном из случаев совершение насильственных действий сексуального характера привело к развитию у потерпевшей реактивного психоза, который повлек «причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности по признаку психического расстройства» [7]. То есть данный

тяжкий вред здоровью мог бы быть обозначен в приговоре как «тяжкий вред здоровью, причиненный по неосторожности», указание на то, что это «тяжкие последствия» становится нецелесообразным, лишним.

Меньший по тяжести вред в качестве «тяжких последствий» исключается. Например, Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 февраля 2013 г. № 67-О13-13 был изменен приговор в связи с тем, что, как указала Коллегия, «тяжкими последствиями могут быть лишь такие последствия, которые по своей общественной опасности равнозначны тяжкому вреду здоровью или заражению ВИЧ-инфекцией» [5].

Другие, упоминаемые судами последствия – смерть потерпевшего. В Постановлении Президиума Верховного Суда РФ № 4П-12ПР [10] указан случай, когда суд попытался толковать убийство потерпевшей в целях сокрытия преступления после насильственных действий как тяжкие последствия, квалифицировав произошедшее по п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ переквалифицировал действия осужденного на ч. 1 ст. 132 УК РФ, а смерть потерпевшей – по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

К тяжким последствиям суды относят последствия, наступившие не только в отношении потерпевшего, но и иного лица. Пример показывает квалификацию самоубийства матери подвергшейся насилию девочки по п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ, аналогично п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ [1]. Покушение на самоубийство, как и указал Пленум Верховного Суда РФ, также включается в тяжкие последствия.

В целом, если не брать во внимание упомянутые примеры, исследование судебной практики показывает, что приговоров, вынесенных по п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ по признаку «тяжких последствий» почти нет. Это может свидетельствовать о том, что суды избегают применять данное понятие в связи с его неопределенностью.

При изучении научной литературы также, оказывается, что все прогнозы о расширительном толковании п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ построены лишь на предположениях и пожеланиях, а не на конкретных судебных актах.

Например, многие ученые указывают на возможность толкования тяжких последствий как результатов, не связанных с медицинскими показателями или самоубийством потерпевшего и иных лиц, таких как стойкое нежелание интимных отношений, отказ от традиционной сексуальной ориентации [4]; развод с супругом – единственным кормильцем в семье, увольнение с работы [12]; депрессия, изменение черт характера [2]. Однако такая позиция не подкрепляется настоящей практикой.

В связи с изложенным, для применения п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ на практике Верховному Суду РФ необходимо сформулировать разъяснение тяжких последствий в качестве постоянного, а не оценочного признака. При этом указать в будущем разъяснении, внося соответствующие изменения в п. 12 и др. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16, что признак в п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ (как и в п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ) определен как тяжкие последствия наряду с последствиями в виде причинения по неосторожности тяжкого вреда здоровью потерпевшего или заражения также по неосторожности ВИЧ-инфекцией. То есть тяжкие последствия следует рассматривать только с точки зрения сходных непосредственных объектов (жизнь и здоровье). Возможно также включение в тяжкие последствия самоубийства близких лиц, присутствующих при совершении насильственных действий в целях применения на практике.

Список использованных источников:

1 Бохан, А. Вопросы квалификации изнасилований (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) / А. Бохан // Уголовное право, 2014. – № 5. – С. 32-35.

2 Зварыгин, В. Е., Шкляева, С. В. Определение критериев «Особой жестокости» и «Иных тяжких последствий» при совершении посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность: уголовно-правовой и судебно-медицинский аспекты / В. Е. Зварыгин, С. В. Шкляева // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право, 2010. – № 3. – С. 112-114.

3 Кибальник, А. Г. Судебные подходы к квалификации сексуальных преступлений / А. Г. Кибальник // Уголовное право, 2014. – № 5. – С. 58-60.

4 Лобанова, Л. В., Ларионова, Л. Н. Содержание квалифицирующего признака «иные тяжкие последствия изнасилования» в интерпретации Пленума Верховного Суда РФ / Л. В. Лобанова, Л. Н. Ларионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция, 2016. – № 2. – Т. 15. – С. 41-48.

5 Определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ : от 26 февраля 2013 г. № 67-О13-13. – прикладная прогр. Гарант, 2019.

6 Общие показатели по категориям дел за 2017 г. [Электронный ресурс] // Агентство правовой информации. – Режим доступа : <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17>

7 Пантюхина, И. В. Формы проявления вреда здоровью в половых преступлениях (по материалам судебной практики) / И. В. Пантюхина // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями, 2015. – № 3. – С. 21-24.

8 Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» : от 04.12.2014 г. № 16 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

9 Постановление Малоярославецкого районного суда Калужской области [электронный ресурс] : от 8 апреля 2014 г. по делу № 1-57/2014. – <http://sudact.ru/regular/doc/b6B5F7ejIsNB/>

10 Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 4П-12ПР // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 2012 г. : утв. Президиумом ВС РФ 10.10.2012 г. – прикладная прогр. Гарант, 2019.

11 Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» : от 24.04.2008 г. № 194н // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

12 Смирнов, А. М. Изнасилование, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей, заражение ее ВИЧ-инфекцией или иные тяжкие последствия: уголовно-правовая характеристика и квалификация / А. М. Смирнов // Аллея науки, 2018. – Т. 1. – № 8. – С. 380-383.

13 Уголовный кодекс Российской Федерации [электронный ресурс]: федер. закон от 13.06.1996 №63 – ФЗ ред. от 31.12.2017 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

**ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ,
СОВЕРШИВШИХ ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКА,
В СООТВЕТСТВИИ С ПРИМЕЧАНИЕМ К СТ. 206 УК РФ**

© О.Ю. Иванова

Научный руководитель: Н.В. Качина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Законодатель предусмотрел в примечании к ст. 206 УК РФ поощрительную норму, в соответствии с которой лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной

ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. При применении положений примечания к ст. 206 УК РФ правоприменитель сталкивается с рядом проблем, одной из которых является неоднозначность толкования признака «добровольности» освобождения от уголовной ответственности.

Некоторые авторы определяют добровольное освобождение похищенного как действия преступника, выражающиеся в освобождении этого лица, несмотря на сознаваемую возможность его последующего удержания [5, с. 111].

А.Г. Антонов примечания к статьям 126, 206, 222, 228 считает носящими характер добровольного отказа, при этом не являясь им. В действиях виновных, указанных в приведенных нормах, по мнению автора, формально не усматривается добровольного отказа, но они добровольно отказываются от продолжения своей преступной деятельности [1, с. 37]. В статье 31 УК РФ, где изложены положения о добровольном отказе от совершения преступления, добровольность понимается как прекращение преступной деятельности при осознании возможности доведения преступления до конца. Соответственно, лицо по своей воле не доводит преступление до конца, то есть по собственному желанию, без принуждения, но при осознании возможности продолжения преступной деятельности.

Понятие добровольности высшей судебной инстанцией в некоторых постановлениях толкуется, но относительно применения примечаний к другим статьям Особенной части УК РФ. Вместе с тем, данный признак должен пониматься одинаково.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», под добровольной сдачей огнестрельного оружия... следует понимать выдачу лицом указанных предметов по своей воле или сообщение органам власти о месте их нахождения при реальной возможности дальнейшего хранения вышеуказанных предметов [8]. В другом постановлении Верховного Суда РФ добровольная сдача наркотических средств... толкуется как выдача лицом таких средств, веществ или растений представителям власти при наличии у этого лица реальной возможности распорядиться ими иным способом [9]. Таким образом, обязательным условием добровольности освобождения заложника является освобождение его по «своей воли», при наличии реальной возможности продолжать его удерживать. Такой признак добровольности в качестве обязательного называется большинством авторов и, как видно, указывается высшей судебной

инстанцией в руководящих разъяснениях по применению норм уголовного законодательства. Кроме того, освобождение заложника характеризуется тем, что виновный окончательно отказался удерживать находившегося в его власти заложника, а не на какой-то период времени.

Вместе с тем, один вопрос так и не нашел своего разрешения ни в правоприменительной деятельности, ни в теории уголовного права. Исходя из законодательной формулировки примечания к ст. 206 УК РФ нельзя сделать однозначный вывод о том, нужно ли для освобождения виновного от уголовной ответственности в соответствии с этим примечанием достижение им цели захвата заложника. Очевидно, что в случае достижения этой цели, то есть выполнения предъявленного требования, у виновного нет смысла в продолжении удержания заложника и он освобождает его при наличии признаков добровольности. Подобная ситуация будет иметь место в том случае, когда виновный освобождает заложника, понимая, что его требования не будут выполнены, независимо от того, освободит он его или нет. И в той, и в другой ситуации виновный предъявляет требования, но освобождает заложника, хотя и при наличии реальной возможности его продолжать удерживать, то есть добровольно, но в удержании уже нет смысла, так как в первом случае требования уже выполнены, а во втором – они все равно не будут выполнены. В таком случае, как отмечается в уголовно-правовой литературе, преступник может совершать подобные преступные деяния с уверенностью, что в случае неудачного стечения обстоятельств, всегда может освободить заложника, и на основании этого будет полностью освобожден от уголовной ответственности [4, с. 13].

В этой связи стоит отметить, что спецификой преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, является обязательная цель захвата или удержания заложника – понудить государство, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника. Однако, действующее примечание к анализируемой статье не закрепляет момент, до которого возможно освобождение виновного от уголовной ответственности: или только до предъявления требования, или возможно и после предъявления требования, но, когда требование еще не выполнено лицами, которым оно адресовано, или же возможно и тогда, когда требование, предъявляемое виновным, уже выполнено.

Так, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 13.12.12 г. по делу №11-012-80 [6] содержится позиция, в соответствии с которой освобождение виновного не должно быть обусловлено выполнением или обещанием выполнить условия, явившиеся целью похищения.

К.М.М. и иные лица были осуждены по п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ. Адвокат ссылался на обстоятельства, что потерпевшие были освобождены добровольно. Суд опроверг доводы, т.к., похищая Л.Р. и Л.Н., К.М.М. и другие требовали от них указать местонахождение их похищенных друзей, связывая освобождение потерпевших с освобождением своих друзей. После выполнения этих условий похищенные потерпевшие были освобождены. По смыслу примечания к ст. 126 УК РФ освобождение похищенного человека в связи с выполнением предъявляемых похитителями требований не может расцениваться как добровольное освобождение и, следовательно, не влечет освобождение похитителей от уголовной ответственности [6]. Представляется, что аналогично должно применяться и примечание к ст. 206 УК РФ.

Согласно мнению большинства авторов, а также в соответствии со сложившейся судебной практикой, освобождение заложника будет тогда добровольным, когда виновный еще может продолжать незаконно удерживать потерпевшего, но освобождает его, и, если при этом освобождение произошло до выполнения требований преступника, или они не предъявлялись [10, с. 15].

Поэтому выделяют два критерия добровольности освобождения потерпевшего.

Первый – объективная и субъективная возможность для виновного продолжать незаконное удержание потерпевшего. Если это условие имеется, освобождение потерпевшего может быть, а может и не быть добровольным в зависимости от наличия второго критерия. Если же это условие отсутствует, то добровольным освобождение уже не будет.

Второй критерий заключается в том, что освобождение осуществляется до выполнения потерпевшим либо иным лицом требований преступника, или в том, что требования, обуславливающие освобождение, вообще не предъявлялись [10, с. 16].

В уголовно-правовой литературе выделяют также третий критерий – это установление истинной цели (целей), преследуемых похитителями или лицами, захватившими заложников, достигнута ли эта цель (цели) и при каких обстоятельствах [7, с. 20]. С данной точкой зрения следует согласиться, так как при достижении цели последующее удержание лица в качестве заложника не имеет смысла. Поэтому и освобождение заложников нельзя признать добровольным.

Некоторые авторы предлагают при решении вопроса о применении данного примечания по признаку «добровольного освобождения заложника» устанавливать также и срок удержания захваченного лица, свидетельствующий о степени общественной опасности. Например, Ю.В. Арсентьева считает,

что длительность удержания похищенного свидетельствует о стойкой антисоциальной личности похитителя. В связи с чем, автор предлагает освобождать виновного от уголовной ответственности лишь в том случае, когда он удерживал заложника небольшой период времени, например, несколько суток [2, с. 45]. Вместе с тем, данный критерий, по нашему мнению, не является решающим. Если усматриваются все признаки добровольности освобождения заложника, указанные нами выше, то и препятствий для применения примечания к ст. 206 УК РФ нет.

Список использованных источников:

1. Антонов, А. Г. Категория «добровольность» в уголовном праве России / А.Г. Антонов // Сибирский Юридический Вестник. – 2002. – № 2. – С. 36-39.
2. Арсентьева, Ю.В. Специальные виды освобождения от ответственности по уголовному законодательству России : дис. ... к. ю. н. : 12.00.08 / Арсентьева Юлия Владимировна. – М, 2007. – 222 с.
3. Вахнина, В.В. Захват заложников: проблема и пути решения / В.В. Вахнина // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2008. № 3. С.66 – 68.
4. Воробьев, А. Похищение человека и захват заложника / А. Воробьев // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 36. С. 12 – 13.
5. Зинов, Е.А. Об уголовно-правовом компромиссе в примечании к ст. 126 УК РФ / Е.А. Зинов // Наука, техника и образование. – 2017. – № 4. С. 111 - 112.
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 13.12.12 по делу № 11-012-80. // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.
7. Козлов, А.Е. Добровольное освобождение похищенного: террористический аспект / А.Е. Козлов // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 2. С. 19 – 22.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 12.03.02 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств». // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 15.06.06 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми

веществами». // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.

10. Скобликов, П. Критерии добровольности освобождения похищенного и заложника / П. Скобликов // Законность. – 2002. – № 7. С. 14 – 17.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

© К.И. Иляскин

Научный руководитель: Р.Н. Гордеев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Проблемы квалификации преступлений часто вызывали множество споров. Поскольку многие толковали каждое преступление по-своему, в научной литературе всегда можно было встретить различные взгляды на совершаемые деяния.

В современном мире стали распространяться преступления, совершаемые с использованием современных технологий, а также преступления, связанные с подрывом авторитета власти и запугиванием населения. Популяризация таких противоправных деяний обусловлена как развитием цифровой коммуникации, позволяющей при помощи своих действий громко заявить о себе, так и многими политическими причинами.

Так, благодаря современным технологиям в сети Интернет можно распространить практически любую информацию, за очень короткий срок. Действительно, можно, например, запугать очень большое количество людей одновременно и тем самым повлиять на политические решения того или иного государства.

Многие преступления в современном мире совершаются именно с целью огласки, для привлечения публики, такие деяния получили название террористических актов.

Подобные преступления появились относительно недавно. Данный термин: «террористический акт» введен не так давно, при этом многие моменты истории по современным оценкам являются террористическими актами, по этой причине можно сказать, что такие преступления совершались на протяжении всей истории человечества.

Однако, современные террористические преступления отличаются особенной жестокостью, публичностью и массовостью. Поэтому, борьба с проявлениями терроризма является одной из приоритетных задач государства.

В настоящее время в действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации, установлено следующее содержание террористического акта: «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями».

Из приведенной нормы можно выделить следующие элементы террористического акта, по которым совершенное деяние можно квалифицировать как террористический акт:

1. это должно быть действие устрашающее население;
2. это действие должно создавать угрозу гибели людей;
3. это действие причиняет значительный имущественный ущерб или иные последствия;
4. это действие направлено на дестабилизацию деятельности органов власти и оказание политического влияния.

У данного деяния на сегодняшний день есть несколько квалифицирующих признаков:

- а) совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- б) повлекшие по неосторожности смерть человека;
- в) повлекшие причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий».

При наличии одного из этих признаков, совершенный террористический акт признается более тяжким преступлением и влечет соответственно более тяжкие последствия.

Однако, в настоящее время в результате борьбы с терроризмом, террористические преступления стали видоизменяться, стали появляться случаи совершения терроризма людьми, которые использовали свое служебное положение для его совершения. Истории известны примеры таких преступлений, которые принято называть: «государственным терроризмом», но в те периоды времени, такая политика даже поощрялась, и соответственно не могло включаться в состав уголовного закона.

В современном мире, принципы правового государства, конечно, однозначно относят любые формы терроризма к уголовным преступлениям, но до настоящего времени не признана одна из наиболее опасных его форм, когда террористический акт совершается с использованием служебного положения. Опасность такой формы терроризма часто необоснованно недооценивается, хотя тяжесть последствий таких преступлений часто превышает иные формы терроризма.

Примером использования служебного положения при совершении преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, могут служить случаи, когда лицо не только имеет законный доступ к технологическим и производственным процессам, к объектам жизнеобеспечения, сетям коммуникаций и другим охраняемым объектам, но и управляет ими в силу возложенных на него юридических обязанностей. В таких ситуациях совершить террористический акт не составляет труда.

Также, когда на лицо возложена юридическая обязанность, террористический акт может быть совершен в форме бездействия, в силу невыполнения предписаний действовать, установленных в законе или ином нормативно-правовом акте. Например, несвоевременное отключение технологических или производственных процессов, создающих опасность гибели человека, либо повреждение имущества, в террористических целях.

В таком случае появляется специальный субъект преступления, который не входит в состав преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ.

Все вышеуказанное свидетельствует о большой общественной опасности деяния. Так, В.Л. Кудрявцев считает, что есть необходимость появления в ч. 3 ст. 205 УК РФ такого особо квалифицирующего признака: «Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, если они совершены лицом с использованием своего служебного положения» [3, с. 194]. Данное введение усилит ответственность лица, за совершение подобного преступления, поэтому с таким мнением следует согласиться.

Но в настоящее время законодатель устанавливает специальную ответственность для лиц, использующих служебное положение только при пособничестве терроризму, специального наказания для должностного лица, совершившего террористический акт не предусмотрено. Таким образом, можно сказать, что допущен определенный пробел в законодательстве.

В рассматриваемой ситуации, на мой взгляд, крайне необходимо включить такой квалифицирующий признак, как использование своего служебного положения при совершении террористического акта, поскольку такие

проявления несут наибольшую общественную опасность для безопасности государства и общества.

В условиях действующей редакции подобное совершенное деяние может быть квалифицировано по другим частям статьи 205 УК РФ, что создает существенные затруднения при квалификации преступления, а также назначении наказания.

Таким образом, включение дополнительного квалифицирующего признака, рассмотренного в работе, в статью 205 УК РФ, на мой взгляд, более чем необходимо.

Список использованных источников:

1. Винокуров, В.Н. Объект преступления: понимание, применение уголовного закона и система особенной части УК РФ [Текст]: монография. – Красноярск: Изд-во СибЮИ МВД России, 2018. – 344 с.

2. Кудрявцев, В.Л. Объективная сторона преступления, предусмотренного ч.1 ст. 205 УК РФ «Террористический акт»: некоторые вопросы теории и практики [Текст] / В.Л. Кудрявцев // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2013. – № 1-2. – С. 193-201.

3. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс]: пост. Пленума Верховного суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Уголовное право. Особенная часть [Текст]: учебник / под ред. И.В. Шишко. – Москва: Проспект, 2012. – 752 с.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.04.2019 г.) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 159.2 УК РФ

© Е.А. Каримова

Научный руководитель: Г.Л. Москалев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Из всех специальных видов мошенничеств ст. 159.2 УК РФ выделяется своим предметом. Диспозиция ст. 159.2 УК РФ гласит: мошенничество при

получении выплат, то есть хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат. Содержание понятия может быть раскрыто двумя способами: путем определения их через ближайший род и видовое отличие или через перечисление образующих его элементов [2; с. 114]. Если понятие в диспозиции дано путем указания перечисление признаков «низшего и высшего» рангов, то имеет место описание признака. Именно описание через перечисление образующих его элементов признака состава преступления – предмета и дано в диспозиции ст. 159.2 УК РФ. Это позволяет сделать вывод о том, что деньги являются видом имущества, а пособия, компенсации, субсидии – видом социальных выплат. Следовательно, мошенничество при получении выплат совершается путем операций с имуществом при получении социальных выплат.

Для того чтобы правильно квалифицировать деяние как мошенничество при получении выплат, следует определить понятие «социальная выплата». В диспозиции ст. 159.2 УК РФ отмечено, что социальные выплаты должны быть установлены законами или иными нормативно-правовыми актами. В литературе под социальными выплатами понимаются определенные меры поддержки и защиты, направленные на удовлетворение общественных потребностей человека [10, с. 145]. Некоторые исследователи отмечают, что социальные выплаты имеют направленность на предупреждение или смягчение негативных последствий для человека или его семьи при наступлении определенных социально-значимых обстоятельств, а также сохранения приемлемого уровня их материального и социального благополучия [6, с. 20-22]. При этом основные признаки социальных выплат были определены также Президиумом Высшего арбитражного суда РФ в 2013 году. Социальные выплаты не являются стимулирующими; не зависят от квалификации работников; не зависят от сложности, качества и условий выполнения работы; не являются оплатой труда или вознаграждением за труд [7]. Данные признаки очень важны для исследования, так как позволяют не относить выплаты, напрямую связанные с квалификацией работника или оплатой его труда к социальным. Таким образом, социальные выплаты – это установленные федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, актами органов местного самоуправления меры государственной поддержки, которые удовлетворяют потребности человека и его семьи, возникшие при определенных социально-значимых обстоятельствах, направленные на сохранение приемлемого

уровня их благополучия и не зависят от квалификации работника сложности, качества и условий труда, и не являются оплатой труда или вознаграждением за труд.

К числу социальных выплат относится государственный материнский капитал. Его предоставление регулируется Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [10], он направлен на улучшение условий жизни семьи, в которой наступило социально-значимое обстоятельство – рождение (усыновление) ребенка, удовлетворяет ее потребности, определенные в Законе, а также никаким образом не связан с трудом какого-либо члена этой семьи. Однако, с квалификацией мошенничества при получении выплат, совершенного посредством незаконного получения материнского капитала могут проблемы.

В диспозиции ст. 159.2 УК РФ не указан характерный для предмета общего состава мошенничества признак – право на чужое имущество – закрепление за виновным юридической возможности распоряжаться имуществом как своим собственным [4, с. 108]. При этом, исследуя механизм получения вышеуказанной нами социальной выплаты на основе Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» приходим к выводу, что, у лиц, обладающим правом на получение средств материнского капитала или не имеющим такового, похитить средства материнского капитала без соблюдения или с соблюдением определенных в Законе условий не получится, так как денежные средства не зачисляются на счет лица, имеющего право на получение данного вида государственной поддержки, они не поступают в его распоряжение. Следовательно, у виновного нет возможности изъять или обратить имущество в свою собственность. А возможность распорядиться данной социальной выплатой появляется у лица только с момента одобрения Пенсионным Фондом заявления на распоряжение средствами материнского капитала, что и является моментом окончания приобретения права на чужое имущество. Следовательно, предметом мошенничества при получении материнского капитала будут являться не денежные средства, а право на чужое имущество. Не включение в диспозицию ст. 159.2 УК РФ специфического для мошенничества предмета – права на чужое имущество является законодательным упущением. Считаем, что нужно дополнить диспозицию ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат» данным признаком.

Зачастую, лица, желающие незаконно приобрести материнский капитал, незаконным путем приобретают свидетельства о рождении детей, которых на самом деле у них нет. Ведь рождение (усыновление) ребенка является

основным условием для получения данной меры социальной поддержки, условием для получения возможности распоряжаться имуществом как своим собственным. В 2018 г. Ачинским городским судом Красноярского края привлечена к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 30 и ч. 3 ст. 159.2 УК РФ гражданка, которая, предоставив поддельное свидетельство о рождении ребенка, получила государственный сертификат на материнский капитал, но направить денежные средства на цели, указанные в Законе, она не успела [11].

Ст. 159.2 УК РФ носит название «Мошенничество при получении выплат». Под выплатой в толковом словаре понимается производство денежных отчислений кому-либо [3, с. 120]. А значит, что денежные средства и иное имущество должны неправомерно похищаться только в случае получения выплат, то есть пособий, компенсаций, субсидий и иных выплат. Однако, возникает вопрос о том, как хищение иного имущества, может быть денежным отчислением? Проанализируем некоторые нормативно-правовые акты в сфере социального обеспечения.

Федеральный закон "О государственной социальной помощи" выделяет такую меру социальной поддержки как набор социальных услуг. Однако согласно ч. 2 ст. 6.5 этого же Закона сумма средств, направляемая на оплату предоставления набора социальных услуг, удерживается из состава начисленной гражданину ежемесячной денежной выплаты, которая относится к числу иных выплат, называемых законодателем в статье 159.2 УК РФ. Следовательно, набор социальных услуг включается в ее состав и лицо, получающее путем мошенничества такой набор, неправомерно завладеет чужим имуществом, например в виде медикаментов, которые на основании ст. 6.2 ФЗ «О государственной социальной помощи» включены в набор социальных услуг. В абзаце 2 п. 15 Постановления Пленума Верховного суда, наряду с выплатами, завладев которыми возможно совершить преступление, предусмотренное ст. 159.2 УК РФ, упоминаются и лекарственные средства, технические средства реабилитации, специальный транспорт, путевки, продукты питания [5]. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что ст. 159.2 УК РФ носит некорректное название, так как имущество может быть не только денежным отчислением, то есть выплатой.

Таким образом, исследовав все виды социальных выплат, можно прийти к выводу, что предметом преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, является имущество, которое составляет конкретный вид выплат – пенсию, пособие, компенсацию, субсидию или иную меру государственной социальной поддержки. Кроме этого, в диспозицию ст. 159.2 УК РФ целесообразно включить право на чужое имущество. Название статьи «Мошенничество при

получении выплат» необходимо изменить, так как предметом данного преступления могут быть не только выплаты, но и другие меры социальной поддержки.

Список использованных источников:

1. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев – Москва: «Юридическая литература», 1972. – 352 с.
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под.ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. Москва: Русский язык, 1990. – 955 с.
3. Полный курс уголовного права. Том III. Преступления в сфере экономики / под ред. А. И. Коробеева. Санкт-Петербург: Юридический центр «Пресс», 2008. – 493 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 14.05.2013 №17744/12 по делу №А62-1345/2012» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Смирнов, Д. А. Социальные выплаты как меры социальной защиты работника // Социальное и пенсионное право. – 2010. – № 4. – С. 20-22.
7. Федеральный закон «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999г. № 178-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
8. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
9. Выдуманный ради материнского капитала ребенок стоил жительнице Ачинска свободы: <https://krasn.pravo.ru/news/view/55743/>

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ
КОМПЕНСАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ**

© К.А. Козорез

Научный руководитель: Д.Ю. Фисенко

канд. юрид. наук

Омская академия МВД России

Конституция РФ в ст. 52 гарантирует защиту прав потерпевших от преступлений и обеспечивает им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Данное положение нашло отражение в такой цели наказания, как восстановление социальной справедливости, содержащейся в ст. 43 УК РФ. Проведенный С. Б. Карамашевым опрос (всего 630 человек) показал, что 61,0 % судей, 58,8 % потерпевших, 58,1 % следователей, 42,7 % сотрудников УИС и 33,6 % осужденных ассоциируют восстановление социальной справедливости с возмещением вреда [4, с. 49].

В настоящее время проблема возмещения вреда, причиненного преступлением, в литературе рассматривается сквозь призму гражданского или уголовно-процессуального права. И не секрет, что, в частности, одним из показателей эффективности работы следователя является принятие им мер по возмещению вреда, причиненного преступлением. Например, наложение ареста на имущество или обыск, проводимый в целях возмещения вреда, причиненного преступлением. На практике, чаще всего следователь сталкивается с тем, что у преступника нечего изымать. Но даже если потерпевший, в рамках уголовного судопроизводства получит исполнительный лист, то процедура взыскания денежных средств с виновного может затянуться на долгое время. Преступник осужден, ему назначено наказание, но потерпевший не получил денежную компенсацию за причиненный имущественный ущерб, будет ли в данном случае достигнута цель уголовного наказания – восстановление социальной справедливости и реализована статья 52 конституции РФ?

Анализ законодательства зарубежных стран позволил сделать вывод, что некоторые иностранные государства принимают непосредственное участие в оказании помощи потерпевшим от преступлений за счет создания компенсационных фондов, финансируемых и управляемых государством. Кроме того, данный вопрос урегулирован международным законодательством. Согласно ст. 2 Европейской конвенции "О компенсации ущерба жертвам насильственных преступлений" в тех случаях, когда возмещение вреда, причиненного

преступлением нельзя обеспечить из других источников, государство обязано взять на себя это для тех лиц, которым в результате насильственных умышленных преступлений был нанесен тяжкий вред здоровью, а также для тех лиц, которые находились на иждивении погибших в результате совершения такого преступления [3]. Данное положение о защите потерпевших, в Российском законодательстве не нашло отражение. Другие же зарубежные государства давно реализуют данное положение конвенции. Например, в Англии в 1981 году была образована Национальная ассоциация помощи жертвам преступлений, за счет средств которой предусмотрена возможность выплаты потерпевшим денежной компенсации. В соответствии с Актом о компенсации вреда жертвам преступлений выплаты со стороны государства возможны в следующих случаях: когда возложение обязанности по возмещению вреда непосредственно на причинителя не представляется возможным; вред, подлежащий возмещению, причинен в результате совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, влекущего арест подозреваемого; вред невозможно возместить в связи с недостатком средств у осужденного; последствием совершенного преступления возникла длительная потеря трудоспособности потерпевшего (свыше 28 недель), его инвалидность или смерть [1].

Похожие по своим функциям фонды созданы в Японии, ФРГ, Австрии, Швейцарии, США и других странах.

Совсем недавно данное положение было реализовано Республикой Казахстан. Так в законе от 10 января 2018 года № 131-VI «О Фонде компенсации потерпевшим», содержатся положения, регламентирующие порядок возмещения вреда потерпевшим от определенного вида преступлений.

То есть в РК формируется фонд компенсации потерпевшим. С лиц, осужденных по приговору суда с 1 июля 2018, взыскивают принудительный платёж в пользу тех, кто пострадал от преступления. Однако потерпевшие начнут получать выплаты только с 1 июля 2020 года. В данный момент идет процесс финансирования фонда. Конечно же, право на компенсацию имеют не все потерпевшие, а лишь пострадавшие от определенного вида преступлений. Законом определены лица, имеющие право на получение компенсации из фонда: несовершеннолетние, пострадавшие от сексуального насилия, и лица, ставшие жертвами работорговли или пыток, люди, здоровью которых был причинён тяжкий вред, и те, кого заразили вирусом ВИЧ/СПИД. А также лица, наделённые правами потерпевшего в случае его смерти. Несмотря на то, что не решен вопрос с такими незащищенными группами как пенсионеры, инвалиды и малоимущие, стоит признать, что создание указанного фонда – это серьезный шаг на пути совершенствования законодательства

Закон Казахстана регулирует еще одну немало важную проблему – пополнение фонда. Определены источники пополнения, а именно: принудительные платежи, взыскиваемые судом; денежные взыскания, налагаемые судом за неисполнение процессуальных обязанностей и нарушение порядка в судебном заседании на потерпевшего и иных лиц; денежные взыскания с осужденного отношении которого вступил в законную силу обвинительный приговор суда и которому назначено наказание в виде исправительных работ; деньги, взысканные в порядке регрессных требований; иные источники, не запрещенные законодательством Республики Казахстан.

По нашему мнению, в России также можно создавать компенсационный фонд и перенимать опыт зарубежных стран, с учетом особенностей российского законодательства. В настоящее же время, уголовный кодекс РФ предусматривает виды наказания, которые предусматривают денежное взыскание с осужденного (штраф, исправительные работы, ограничение по военной службе, принудительные работы), которые пополняют государственную казну, что никак не способствует возмещению вреда, причиненного потерпевшему, но могли бы служить источником пополнения компенсационного фонда.

В научной литературе можно встретить и другие предложения, направленные на защиту прав потерпевших. Так, Хавчиев К.А. предлагает дополнить ст. 79 УК РФ пунктом, который устанавливал бы неприменение условно-досрочного освобождения от наказания и замену наказания более мягким, если потерпевшему не возмещен ущерб, по меньшей мере, на 2/3 от причиненного преступлением размера ущерба. При этом при неполном возмещении ущерба возможна замена наказания на более мягкое, с последующим направлением в колонии-поселения до полного возмещения причиненного вреда с последующим освобождением [5, с.179]. Данное предложение представляет интерес не только для государства, но и для виновного, поскольку возмещение вреда будет способствовать условно-досрочному освобождению осужденного.

Другой вариант решения проблемы – это освобождение от уголовной ответственности. Дело в том, что в некоторых странах судимость погашается, только если материальный вред возмещен. В ст. 80 УК Швейцарии «Аннулирование записи в реестре учета судимости» предусмотрены сокращенные сроки судимости для лиц, поведение которых оправдывает это, например, они возместили преступный вред. Так, сроки аннулирования записи для преступников, предусмотренной ст. 42 – составляют с момента исполнения приговора 10 лет (без привилегий – 20 лет).

Следующий вариант решения проблемы – это заставить виновного трудиться на благо потерпевшего. У правонарушителя не всегда существуют финансовые возможности для возмещения вреда. Виновный получает низкую заработную плату или что еще хуже, не трудоустроен. В Финляндии в этом случае компенсация может происходить в непривычной форме. На практике встречаются договоренности о том, что в течение двух недель виновный будет убирать снег перед домом потерпевшего, починит сломанные ворота и так далее.

Анализируя вышесказанное, мы можем сделать вывод о том, что проблема восстановления в правах пострадавших от преступлений имеет комплексный характер и в настоящее время фактически остается не разрешенной, а ведь потерпевших можно было попытаться «восстановить в правах» с учетом достижения цели наказания. Попытаться перенять опыт других стран, «стимулировать» виновного к возмещению вреда, причиненного преступлением, перечисленными методами. Может быть тогда, у населения окрепло чувство уверенности в государстве, как гаранте Конституции.

Список использованных источников:

1. Акт о компенсации вреда, причиненного преступлением, 1995 г. Criminal Injuries Compensation Act. 1995. URL : <http://http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1995/53/contents> (дата обращения: 10.04.2019).
2. Закон Республики Казахстан от 10 января 2018 года № 131-VI «О Фонде компенсации потерпевшим». URL : <https://online.zakon.kz/document> (дата обращения: 10.04.2019).
3. Европейская Конвенция о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений ETS № 116 (Страсбург, 24 ноября 1983 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2019).
4. Карамашев С.Б. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания: монография. – Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2012. 182 с.
5. Хавчиев К.А. Право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением и его регламентация в уголовном законе. Проблемы в российском законодательстве. № 3. С. 178-180.

**К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ НЕЦЕЛЕВОГО РАСХОДОВАНИЯ
БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ**

© А.Н. Коновалов

Научный руководитель: Н.В. Качина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, является должностное лицо организации – получателя бюджетных средств, обладающее правом распоряжения этими средствами.

Вместе с тем, при толковании признаков субъекта нецелевого расходования бюджетных средств возникает ряд вопросов, требующих детального анализа. Обусловлено данное обстоятельство тем, что диспозиция нормы об ответственности за данное преступление является бланкетной и для толкования ее признаков, в том числе признаков субъекта, следует обращаться к регулятивному законодательству.

Получателем бюджетных средств согласно Бюджетному кодексу Российской Федерации (далее – БК РФ) является орган государственной власти (государственный орган), орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, орган местной администрации, находящееся в ведении главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств казенное учреждение, имеющие право на принятие и (или) исполнение бюджетных обязательств от имени публично-правового образования за счет средств соответствующего бюджета, если иное не установлено БК РФ.

В уголовно-правовой литературе высказывается мнение, что в ст. 285.1 УК РФ достаточно узко изложен круг субъектов данного преступления. По мнению Р.Ф. Фазылова к уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств должны привлекаться должностные лица не только получателей бюджетных средств, но и главных распорядителей (распорядителей) бюджетных средств. В связи с этим автор предлагает внести соответствующие изменения в ст. 285.1 УК РФ, дополнив круг субъектов указанными лицами [2].

Однако с приведенным мнением трудно согласиться.

Так, в соответствии со ст. 6 БК РФ, главный распорядитель бюджетных средств (главный распорядитель средств соответствующего бюджета) – орган государственной власти (государственный орган), орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, орган местной администрации, а также наиболее значимое учреждение науки,

образования, культуры и здравоохранения, указанное в ведомственной структуре расходов бюджета, имеющие право распределять бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств между подведомственными распорядителями и (или) получателями бюджетных средств, если иное не установлено бюджетным кодексом РФ.

Распорядитель бюджетных средств (распорядитель средств соответствующего бюджета) – орган государственной власти (государственный орган), орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, орган местной администрации, казенное учреждение, имеющие право распределять бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств между подведомственными распорядителями и (или) получателями бюджетных средств.

Согласно ст. 158 БК РФ, главный распорядитель (распорядитель) бюджетных средств составляет, утверждает и ведет бюджетную роспись, распределяет бюджетные ассигнования, лимиты бюджетных обязательств по подведомственным распорядителям и получателям бюджетных средств и исполняет соответствующую часть бюджета.

Фактически главный распорядитель (распорядитель) бюджетных средств не обладает полномочиями по использованию и расходованию бюджетных средств. Он может, к примеру, не обеспечить своевременное и полное освоение средств, результативность использования бюджетных средств. Однако полномочиями по изменению целевого назначения бюджетных ассигнований, а также расходованию и использованию бюджетных средств главные распорядители (распорядители) бюджетных средств не обладают.

Аналогичную точку зрения имеет и Министерство финансов Российской Федерации. В письме № 02-10-11/27990 от 10 июня 2014 года Минфин РФ указано, что главные распорядители (распорядители) бюджетных средств, исходя из полномочий, предусмотренных ст. 158 БК РФ, могут допустить только нарушение процедур, установленных в целях реализации указанных полномочий, входе же реализации должностными лицами полномочий главных распорядителей (распорядителей) бюджетных средств нецелевое использование бюджетных средств не допускается [4].

Соответственно, предложение о дополнении круга субъектов нецелевого расходования бюджетных средств главными распорядителями или распорядителями бюджетных средств, является необоснованным.

Исходя из буквального толкования уголовно наказуемым признается нецелевое расходование бюджетных средств, совершенное должностными лицами следующих субъектов: органа государственной власти

(государственного органа); органа управления государственным внебюджетным фондом; органа местного самоуправления; – органа местной администрации; казенного учреждения, находящегося в ведении главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств.

Исследователи отмечают, что исходя определения получателя бюджетных средств, данного в БК РФ, бюджетные и автономные учреждения к получателям бюджетных средств не отнесены [4, с. 33].

Однако, по информации Счетной палаты РФ, именно данными учреждениями совершается значительная часть правонарушений, связанных с нецелевым использованием бюджетных средств [5]

В связи с этим, некоторые авторы предлагают внести изменения в понятие "получатель бюджетных средств", закрепленное в ст. 6 БК РФ, изложив его в следующей редакции: "...получатель бюджетных средств (получатель средств соответствующего бюджета) – орган государственной власти (государственный орган), орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, орган местной администрации, находящееся в ведении главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств казенное учреждение, имеющие право на принятие и (или) исполнение бюджетных обязательств от имени публично-правового образования за счет средств соответствующего бюджета, если иное не установлено настоящим Кодексом, бюджетное или автономное учреждение;" [4, с. 34]. Такое предложение представляется вполне обоснованным и согласуется с целью наиболее полной уголовно-правовой охраны отношений, обеспечивающих соответствующую закону деятельность публичного аппарата власти и управления в сфере бюджетных отношений.

Кроме того, при толковании положений действующего бюджетного законодательства, выявляется еще одна проблема: субъекты, получившие субсидии, не только не могут быть привлечены к ответственности по ст. 285.1 УК РФ, но и в принципе на них не распространяются меры бюджетной ответственности и контроля.

Так, в ст. 306.1 БК РФ разграничиваются понятия «бюджетное нарушение» и «действие (бездействие), нарушающее бюджетное законодательство». Бюджетное нарушение совершается конкретной категорией субъектов – участниками бюджетных правоотношений (в том числе получателями бюджетных средств). Второе же понятие относится к лицам, не являющимся участниками бюджетных правоотношений (например, юридическое лицо, получившее субсидию в порядке ст. 78 БК РФ).

К участникам бюджетных правоотношений могут быть применены как меры бюджетного принуждения, так и иные меры ответственности, предусмотренные действующим законодательством.

На практике количество участников правоотношений в сфере расходования бюджетных средств гораздо больше. К ним относятся, в том числе, получатели субсидий (статьи 78, 78.1, 78.2 БК РФ). Однако, лица, расходующие субсидии не по целевому назначению, не могут быть привлечены к ответственности по ст. 285.1 УК РФ, поскольку не являются участниками бюджетных правоотношений, расходуя при этом бюджетные средства не в соответствии с теми целями, для которых они выделены.

Невозможно также привлечь к ответственности по ст. 285.1 руководителей коммерческих организаций в случае нецелевого расходования бюджетных средств, поскольку они не относятся к должностным лицам. Ответственность таких лиц может наступать по ст. 201 УК РФ при наличии всех ее признаков.

Согласно БК РФ получатели бюджетных средств являются непосредственными участниками бюджетного процесса (ст. 152 БК РФ). К ним относятся органы государственной власти (государственные органы), органы управления государственными внебюджетными фондами, органы местного самоуправления, органы местной администрации, находящиеся в ведении главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств казенные учреждения, имеющие право на принятие и (или) исполнение бюджетных обязательств от имени публично-правового образования за счет средств соответствующего бюджета (ст. 6 БК РФ).

При этом все обозначенные государственные и муниципальные органы в рамках бюджетного процесса наделяются правомочиями казенного учреждения (п. 11 ст. 161 БК РФ).

Таким образом, все остальные лица, за исключением казенных учреждений и приравненных к ним субъектов, получателями бюджетных средств не являются и не могут нести ответственность по ст. 285.1 УК РФ. Указанных лиц следует отнести к «лицам, получающим денежные выплаты за счет средств бюджета».

Список использованных источников:

1. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 окт. 2009 г. № 19 // Рос. газ. 2009. № 207.

2. Фазылов Р.Ф. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 179 с.

3. Письмо Министерства финансов Российской Федерации № 02-10-11/27990 от 10 июня 2014 г. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Ступаченко Е.В. О некоторых вопросах законодательного противодействия нецелевому использованию бюджетных средств // Финансовое право. 2019. № 1. С. 31 – 34

5. Письмо Счетной палаты РФ от 28 сентября 2017 г. № 07-290/07-01 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

О СООТНОШЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ И ОБЩЕПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ СУДИМОСТИ

© Д.М. Копылова

Научный руководитель: Р.Н. Гордеев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Со дня вступления обвинительного приговора, лицо, которое было осуждено за совершение преступления, считается судимым. Судимость влечет немало уголовно-правовых последствий, например, учитывается при признании рецидива и назначении наказания. По ч. 6 ст. 86 УК РФ снятие или погашение судимости аннулирует все предусмотренные последствия, связанные с судимостью. На практике данная формулировка испытывает много противоречий, и многие ученые ведут немало дискуссий по этому поводу. В связи с чем возникает вопрос, может ли судимость быть снята навсегда или человек всю жизнь несет на себе это клеймо.

Многие ученые считают судимость как особое правовое положение гражданина, полученное в связи с определенным наказанием за преступление.

Так Г.Х. Шаутаева говорит, что судимость – это имеющий срочный характер юридический факт осуждения лица за совершенное им преступление, выраженного во вступившем в законную силу обвинительном приговоре суда с назначением наказания, влекущий за собой определенные уголовно-правовые общеправовые последствия для осужденного [5].

В свою очередь В.В. Година в своем определении говорит, что судимость есть опорочивающий факт наличия у лица в прошлом отбытого наказания, дающий основание для признания его рецидивистом» [2]. Автор говорит о том, что признать лицо рецидивистом можно тогда, когда у него имеется судимость. Но возникает вопрос о том, что человек может быть судим один раз и не факт, что он осуществит еще одно преступление.

С.И. Зельдов считает, что судимость является правовым феноменом состоящим из промежутка времени от вступления приговора в законную силу и до начала исполнения (отбытия) наказания, периода отбывания наказания и промежутка времени от отбытия (освобождения от отбывания) наказания до момента погашения судимости или снятия ее судом» [4]. Безусловно, судимость можно считать сложным феноменом в уголовном праве, но автор не поясняет нам о том, что судимость – это явление или состояние.

На мой взгляд, четко понятие судимости раскрыла Г.Х. Шаутаева. Она ясно говорит о том, что судимость это конкретный юридический факт, который уже наступил и ведет за собой определенные последствия.

На сегодняшний день, является актуальным вопрос о том, влияет ли судимость на дальнейшую жизнь человека. Ответ очевиден. Судимость, действительно наносит определенные отпечатки на репутацию личности.

Феномен судимости заключается в том, что ее правовые ограничения могут действовать и после погашения и снятия судимости, когда сам уголовный закон предписывает ее «забыть» [1].

Судимость является препятствием для избрания на должность Президентом РФ,

депутатом Государственной Думы РФ, высшим должностным лицом субъекта РФ (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) [1].

Судимость оказывает большое влияние на должности и может являться неким препятствием для получения должностей. Например, согласно ТК РФ, в нем установлены некоторые ограничения для занятия педагогической деятельностью для лиц, имеющих или имевших судимость. Согласно ст. 331 ТК РФ, к педагогической деятельности не допускаются лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость.

Семейный кодекс РФ в свою очередь устанавливает запрет на усыновление лицам, которые имеют судимость и подвергались уголовному преследованию за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности, половой неприкосновенности и половой свободы личности,

против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности.

Также во многих федеральных законах предусматриваются ограничения к тем, кто не только имеет судимость, но и имели как снятую, так и непогашенную судимость. «Эти ограничения предусмотрены в ТК РФ, СК РФ, в законах РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», федеральных законах от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности», от 21 июля 1997 г.» [3].

«В соответствии с п. «б» ч. 3 ст. 23 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. (в ред. от 22.02.2003 г.) граждане, имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение преступления, не подлежат призыву на военную службу. Согласно п. 4 ч. 5 ст. 34 этого же Закона, с лицом, имеющим неснятую или непогашенную судимость за совершение преступления, не может быть заключен контракт о прохождении военной службы» [6].

Граждане, которые имеют неснятую или непогашенную судимость за совершение преступления, не могут рассматриваться для поступления в образовательное учреждение по целевому приему и в учебный военный центр, а также участвовать в конкурсном отборе для допуска к военной подготовке на военной кафедре [1].

Для многих должностных лиц существуют ограничения. Тот, кто хочет стать судьей, не должен иметь в настоящем или прошлом судимости либо уголовного преследования.

Судимый человек в обществе может стать изгоем. Существует мнение о том, что если человек встал на неправильный путь, то он будет идти по нему до конца, и общество может отвернуться от него. Изначально, человеку нужно думать о тех последствиях, которые могут произойти в случае нарушения закона. Стоит задуматься, нужно ли совершать противоправные деяния, чтобы потом всю жизнь ходить с клеймом судимого человека.

Таким образом, необходимо вести речь о двух самостоятельных последствиях судимости: уголовно-правовых и общеправовых. При этом под уголовно-правовыми последствиями следует понимать такие последствия, которые предусмотрены УК РФ: рецидив, режим отбытия наказания, назначение наказания и т.п.

Под общеправовыми понимаются последствия, которые предусмотрены федеральными законами, иными нормативными актами и распространяются на судимое лицо.

Первые начинаются с совершением нового преступления и заканчиваются тогда, когда снимается или погашается судимость, а вторые действуют и после погашения и снятия судимости.

Список использованных источников:

1. Габдрахманов, Ф. В. Общеправовые последствия судимости и их классификация // Марийский юридический вестник. 2012. № 9. С. 154 –169.
2. Година, В.В. Погашение и снятие судимости по советскому уголовному праву / В. В. Година. – Харьков: Издательство при Харьковском университете. 1979. – 137 с.
3. Гравина, А. А. Институт судимости и ее правовые последствия // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 84-93.
4. Зельдов, С.И. Уголовно-правовые последствия судимости. Учебное пособие / С. И. Зельдов – Орджоникидзе: Сев. – Осет. ун-та. 1986. – 84 с.
5. Шаутаева, Г.Х. Судимость в уголовном праве России и ее правовое значение / Г. Х. Шаутаева – Ижевск: Юристъ. 2009. – 213 с.
6. Чернова, Т. Г. Судимость. Ее правовые последствия. Аннулирование судимости // Марийский юридический вестник. 2002. № 2. С. 22-29.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ (СТ. 291.1 УК РФ)

© **Е.В. Кочетова**

Научный руководитель: Г.Л. Москалев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Коррупционные преступления ведут к серьезным нарушениям конституционных прав и свобод граждан, посягают на основы государственной власти, нарушают нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывают их авторитет.

Первоначальная редакции УК РФ 1996 года не предусматривала посредничество во взяточничестве в качестве самостоятельного преступления, а содеянное квалифицировалось как соучастие в даче, получении взятки. В 2011 году в рамках политики ужесточения борьбы с коррупцией в УК РФ введена ст. 291.1 (посредничество во взяточничестве).

Законодатель определяет предмет посредничества во взяточничестве в качестве обязательного признака преступления. Сумма взятки – количественный показатель предмета, является составообразующим признаком и влияет на квалификацию по ст. 291.1 УК РФ. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве наступает только в том случае, если оно совершено в значительном размере, то есть если сумма предмета взятки превышает 25 тыс. руб. [8] Возникает вопрос, как квалифицировать содеянное, если сумма взятки не достигла значительного размера. При квалификации деяния возникает конкуренция норм ч. 5 ст. 33 ст. 290 УК РФ, ч.5 ст. 33 ст. 391 УК РФ и ст. 291.1 УК РФ (конкуренция общей и специальной нормы). При данном виде конкуренции деяние квалифицируется в соответствии со специальной нормой, в данном случае по ст. 291.1 УК РФ. [7]

Таким образом, посреднические действия, где сумма взятки не превышает 25 000 руб. не образуют состава преступления. Выделение посредничества во взяточничестве в качестве самостоятельного преступления повлекло частичную декриминализацию. Некоторые ученые считают, что деяния посредника во взяточничестве, где сумма взятки не достигла значительного размера, образует преступление и квалифицируется как пособничество в даче или получении взятки соответственно. [6] Однако такая квалификация означает применение аналогии в уголовном праве, что противоречит принципу законности, закрепленному в ч. 2 ст. 3 УК РФ.

Таким образом, после введения в УК РФ ст. 291.1 законодатель позволил посредникам, при отсутствии значительного размера взятки, избежать уголовной ответственности за свои действия. Однако, до введения в УК РФ ст. 291.1, такие деяния нарушали уголовно-правовой запрет. Возникает вопрос, каким образом введение ст. 291.1 в УК РФ отвечает идее ужесточения борьбы с коррупцией.

Самостоятельным преступлением стало признаваться предложение и обещание посредничества во взяточничестве. Многие ученые придерживаются позиции, что предложения или обещания посредничества во взяточничестве по своей природе являются подготовительной стадией совершения посреднических действий. [4; 5] Введение ч. 5 ст. 291.1 УК РФ вызвало большие теоретические споры и привело к ошибкам на правоприменительном уровне. Анализ УК РФ, Постановления Пленума ВС РФ № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», позволил сделать вывод, что предложение и обещание посредничества во взяточничестве являются преступным деянием только при наличии значительного размера взятки. Так судья Баймакского районного суда республики Башкортостан

ошибочно признал виновным Тансыккужин И.Х. в совершении предложения посредничества во взяточничестве. Тансыккужин И.Х. предложил учащимся не получившим дипломы о начальном профессиональном образовании получить их без сдачи итоговых экзаменов. После чего договорился с заместителем директора по учебно-производственной работе за незаконное денежное вознаграждение в размере 10 000 рублей выдать дипломы. [3]

УК РФ за оконченное посредничество во взяточничестве предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до четырех лет, за предложение и обещание посредничества во взяточничестве – лишение свободы сроком до семи лет. Возникает вопрос, почему законодатель предусматривает более строгую ответственность за криминализованную стадию посредничества во взяточничестве, чем за оконченное преступление.

Таким образом, регламентация ст. 291.1 УК РФ требует тщательной доработки.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 01.05.2016. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации [Электронный ресурс] от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»// Справочная правовая система «ГАРАНТ». – Режим доступа: <http://base.garant.ru>.

3. Приговор Баймакского районного суда Республики Башкортостан от 19.03.2012 по делу № 1-74/2012 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

4. Борков, В. Н. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения [Электронный ресурс] / В. Н. Борков // Уголовное право. – 2011. – № 4. – Режим доступа: <https://elibrary.ru>.

5. Капинус, О. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяточдателя от ответственности [Электронный ресурс] / О. Капинус // Уголовное право. – 2011. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>.

6. Гарбатович, Д. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества/ Д. Гарбатович // Уголовное право. – 2012. – № 5. – С. 6.

7. Проблемные вопросы квалификации преступлений по статьям 290, 291, 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] / А. Ю.

Головин, Н. В. Бугаевская // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2017. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>.

8. Новгородцев, В. М. Сложности привлечения к уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве [Электронный ресурс] / В. М. Новгородцев // Сервис в России и за рубежом. – 2015. – № 1 (57). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru>.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ОТ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНОМУ ДЕЯНИЮ

© А.В. Кравцов

Научный руководитель: Р.Н. Гордеев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одной из наиболее актуальных проблем уголовного права России на данный момент является трудность в разграничении таких похожих составов преступления, как злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Так как основным объектом таких составов являются общественные отношения, которые обеспечивают нормальное функционирование государственной и муниципальной власти. Должностные преступления разрушают основы государственного управления. Преступления, связанные со злоупотреблением должностных полномочий (ст. 285 УК РФ) и превышением должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) чаще всего выступают в качестве взаимосвязанных эпизодов преступной деятельности должностных лиц, все деяния направленные на нарушения долга службы и предательство интересов общества, государства и личности могут дискредитировать власть и политическую систему общества в целом. Чаще всего эти преступления связаны с коррупцией. Самым главным отличием двух составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 285 и 286 УК РФ, заключается в механизме причинения вреда интересам службы, власти и государству в особом характере использования должностным лицом своих полномочий и положения.

Первое же различие данных составов преступления состоит в таком элементе как объективная сторона, а именно в таком признаке, как общественно опасное деяние. Если общественно опасные последствия в обоих случаях схожи, то в деянии законодатель установил принципиальное различие. Так,

если злоупотребление должностными полномочиями (ч.1 ст. 285 УК РФ) может быть совершено в форме как действия так и бездействия, то превышение должностных полномочий (ч.1 ст. 286 УК РФ) это всегда активные действия, явно выходящие за пределы его полномочий (относятся к полномочиям другого должностного лица; могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств; совершаются должностным лицом единолично, однако могут быть произведены только коллегиально). [4]

Кроме того, важным критерием является то, что при совершении преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, виновный использует должностные полномочия, а при превышении – соответствующее положение. Иными словами, должностное злоупотребление – это действия или бездействие, которые формально входят в круг полномочий виновного, однако которым последний пытается придать «законный вид». Должностное превышение совершается, когда виновный не задействует своих полномочий, а посягает на соответствующий объект уголовно-правовой охраны становится возможным либо существенно облегчается благодаря служебному положению. [2]

Формально, диспозицию ст. 286 УК РФ может выполнить и общий субъект преступления, так как деяние не связано на прямую с его должностными полномочиями, однако обладание виновным отличительного статуса существенно облегчает совершение преступления, что свидетельствует о более высокой общественной опасности деяния. Напротив, формулировка диспозиции ч.1 ст. 285 УК РФ наглядно демонстрирует, что данное преступление даже «де факто» не может совершаться не должностным лицом (невозможно не имея служебных полномочий, использовать их). [1]

Проанализировав составы преступления, предусмотренные ч.1 ст. 285 УК РФ и ч.1 ст. 286 УК РФ, можно сказать, что основным критерием разграничения этих составов является совершение конкретного общественно опасного деяния. При совершении преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, виновный использует один из трех видов должностных полномочий, а при превышении – соответствующее положение.

Должностное злоупотребление – это поведение, которое представляет собой властное, организационно-распорядительное или административно-хозяйственное решение. Оно изменяет правоотношения, развивающиеся в сфере компетенции должностного лица, создает юридические последствия для других. Совершая преступление, предусмотренное ст. 285 УК РФ, преступник тщательно маскирует свое общественно опасное поведение, пытается придать злонамеренному управленческому решению законный вид. Существенная черта злоупотребления должностными полномочиями и

специальных его видов это объективная невозможность совершения данных посягательств общим субъектом, т.е. не должностным лицом. Нельзя использовать служебные полномочия, не имея таковых. [2]

Напротив, при превышении виновный действует явно противоправно. Такое поведение не может иметь иного, помимо уголовно-правового, юридического значения. Оно не может, как злоупотребление, порождать, пусть даже «ущербных правоотношений», предоставлять кому-то права и освобождать от обязанностей. Единственное правовое последствие превышения должностных полномочий – это возникновение оснований для привлечения виновного к уголовной ответственности. Действия, характерные для должностного превышения, как правило, «по силам» и общему субъекту, но особый статус виновного облегчает совершение посягательства и значительно повышает общественную опасность содеянного. [2]

Список использованных источников:

1. Борисов, И. Д. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями (Ч. 1 ст. 285 УК РФ) и превышения должностных полномочий (Ч. 1 ст. 286 УК РФ) // Отечественная юриспруденция. 2018. №5 (30). С. 59-63.

2. Борков, В. Н. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) / В.Н. Борков. – Омск: Методические рекомендации Омская академия МВД России. 2013. – 31с.

3. Наумов, В. В. К вопросу об уголовной ответственности по ст. 285 УК РФ // Вопросы экономики и управления. 2017. №1. С. 17-20.

4. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 27.12.2018. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

**ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СТ. 186 И СТ. 187 УК РФ
ПО ПРЕДМЕТУ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

© В.А. Краснова

Научный руководитель: Н.В. Качина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Основным критерием разграничения преступлений, предусмотренных ст. 186 и ст. 187 УК РФ, является их предмет. Однако именно этот аспект и в теории и на практике вызывает немало проблем, требующих своего разрешения. Судебная практика складывается противоречиво в связи с неоднозначными критериями отнесения тех или иных документов к ценным бумагам. В связи с этим возникает вопрос их соотношения с некоторыми разновидностями предмета преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ.

Ключевым отличием предметов ст. 186 и 187 УК РФ является то, что если ст. 186 УК РФ охраняет от подделки непосредственно денежные знаки в форме банкнот и монет, ценные бумаги, то ст. 187 УК РФ обеспечивает охрану средств доступа к безналичным и электронным денежным средствам. Отличиями, по поводу которых не возникает проблем с квалификацией, является то, что предметом первого являются поддельные банкноты и монеты, а во втором те разновидности предмета, которые с ценными бумагами не имеют общих признаков.

По поводу остальных предметов существует некоторая неопределенность, вызывающая спорные вопросы квалификации. Прежде всего, это относится к ценным бумагам (ст. 186 УК РФ) и документам, средствам оплаты (как указано в ч. 1 ст. 187 УК РФ, за исключением случаев (хотя указание на «случаи» некорректно [5, с. 119]), предусмотренных ст. 186 УК).

Что касается ценных бумаг как предмета преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, то это могут быть любые их разновидности. Перечень ценных бумаг, содержащийся в ч. 2 ст. 142 ГК РФ не ограничен. Вместе с тем, ценные бумаги могут быть, кроме указанных в статье, только названными в таком качестве в законе и признанными таковыми в установленном законом порядке. В ГК РФ указаны основные признаки ценных бумаг и для признания документов в качестве таковых необходимо устанавливать наличие всех этих признаков. Распоряжение о переводе денежных средств не может рассматриваться в качестве ценной бумаги, поскольку это письменное заявление отправителя или заявление, поданное в электронном виде, о проведении

перечисления денежных средств банком без открытия банковского счета в пользу физического или юридического лица, не связанного с осуществлением предпринимательской деятельности, на основании которого банк оформляет расчетный документ, необходимый для осуществления перевода в соответствии с действующим законодательством РФ [7, с. 70].

В свою очередь и документы оплаты относятся только лишь к предмету преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ. В соответствии с п. 1.12 Положения о правилах осуществления перевода денежных средств платежными документами являются: платежные поручения, инкассовые поручения, платежные требования, платежные ордера, банковские ордера. Согласно п. 1.15 данного Положения, на основании распоряжения плательщика (в виде заявления, договора банка с плательщиком) банк может осуществлять перевод средств. Переводы происходят в рамках безналичных расчетов, в том числе расчетов платежными поручениями; по аккредитиву; расчетов чеками и др. В научной литературе отмечаются отличительные особенности платежных документов: предъявление к ним определенных банковских требований, установление сроков их действия банками, цель – проведение денежных расчетов [4, с. 176].

Вместе с тем, у правоприменителей чаще всего возникают проблемы при квалификации подделки чеков. Согласно ст. 142 ГК РФ, чек – это ценная бумага. В ст. 877 ГК также отмечено, что чеком признается ценная бумага, содержащая ничем не обусловленное распоряжение чекодателя банку произвести платеж указанной в нем суммы чекодержателю. Вместе с тем, исходя из анализа § 5 гл. 46 ГК РФ, регламентирующего положения о расчетах, можно сделать вывод, что чеки выступают в ряде случаев и как платежные документы.

Среди ученых не сложилось однозначного подхода к этому вопросу. В пользу чеков как платежных документов авторы, например, указывают на отсутствие признака оборотоспособности (отсутствия возможности дальнейшей передачи), соединение в одном лице чекодателя и чекополучателя, отсутствие способности приносить доход [7, с. 71]. В судебной практике также можно встретить данный подход. Так, приговором Ковровского городского суда Бобков Д. В. осужден по ч. 1 ст. 187 УК РФ за изготовление и сбыт поддельных платежных документов. Используя подконтрольные ему юридические лица, не осуществляющие реальной предпринимательской деятельности, подсудимый организовал незаконную деятельность по обналичиванию денежных средств. Поступающие по фиктивным основаниям на расчётные счета подконтрольных ему фирм денежные средства Бобков Д. В.

обналичивал при помощи чеков под предлогом снятия наличных на хозяйственные расходы [2].

Такое решение следует признать правильным. В этой связи стоит отметить, что денежные чеки действительно не являются ценными бумагами, а выполняют роль платежных документов. Так, в п. 2.3 положения о порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монеты Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации, утвержденного Банком России 29.01.2018 № 630-П отмечено, что операции по выдаче наличных денег клиентам должны осуществляться кассовым работником на основании расходных кассовых документов: денежных чеков. Таким образом, денежные чеки не являются ценной бумагой. Этот платежный документ не обладает внутренней стоимостью, не способен принести доход, не может использоваться в расчетах, предназначен исключительно для удовлетворения потребности чекодателя в денежной наличности в целях финансирования хозяйственных расходов. Соответственно, подделка денежных чеков подлежит квалификации по ст. 187 УК РФ.

Вместе с тем другие разновидности чеков (например, расчетные, банковские, дорожные) обладают всеми признаками ценных бумаг и их подделка должна оцениваться в соответствии со ст. 186 УК РФ. Кроме того, в гражданском законодательстве чек прямо назван в числе ценных бумаг. Данный вид документа при его обращении подчиняется нормам права, регулирующим оборот ценных бумаг. Следовательно, его можно продавать, он может быть использован для накопления капитала и т. п., соответственно обладает всеми признаками, присущими ценным бумагам.

В подтверждение нашей позиции анализ материалов судебной практики показывает, что в настоящее время суды чаще квалифицируют подделку чеков по ст. 186 УК РФ. Примером может служить приговор Новочеркасского городского суда Ростовской области от 16.02.2016 по делу № 1-33/2016, которым бухгалтер юридического лица, незаконно изготовившая в целях сбыта поддельную ценную бумагу в виде чека номиналом 60000 рублей, признана виновной в совершении преступления, предусмотренного по ст. 186 УК РФ [3].

Как видно, несмотря на недавнее расширение предмета преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, некоторые проблемы разграничения статей 186 и 187 по предмету сохраняются и в настоящее время. Хотя предполагалось, что изменения не позволят правоприменителям произвольно, чем раньше (что противоречит принципу законности) толковать «иные платежные документы» [6, с. 225].

Что касается средств оплаты, как разновидности предмета преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, то к ним относится электронное средство платежа, под которым понимается средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, иных технических устройств. В научной литературе к таким средствам оплаты относят, например, электронные кошельки [5, с. 120]. Электронные средства платежа предназначены для перевода электронных денежных средств. Соответственно предметом преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, являются поддельные электронные средства оплаты в безналичных расчетах, при наличном же расчете возможно лишь использование поддельных денег в форме банкнот и монет, а они уже относятся к предмету преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ.

В целом можно сделать вывод, что на практике возникают проблемы разграничения статей 186 и 187 УК РФ по предмету, что демонстрирует пример разной оценки правоприменителями подделки чеков. Расширение предмета в ст. 187 УК РФ не внесло полной ясности в толкование иных платежных документов. Поэтому признаки предметов преступлений, предусмотренных ст. ст. 186 и 187 УК РФ, нуждаются в детальном толковании Верховным Судом РФ.

Список использованных источников:

1. Положение о правилах осуществления перевода денежных средств : утв. Банком России 19.06.2012 383-П [ред. от 11.10.2018]. – прикладная прогр. Гарант, 2019.
2. Приговор Ковровского городского суда Владимирской области [Электронный ресурс] : от 23.11.2017 по делу № 1-397/2017. – Режим доступа : <https://sudact.ru/regular/doc/zb60L5rchwI5/>
3. Приговор Новочеркасского городского суда Ростовской области [Электронный ресурс] : от 16.02.2016 по делу № 1-33/2016. – Режим доступа : <http://sudact.ru/regular/doc/wrkJRYJ4JyHv/>
4. Белик, Ю. С. К вопросу о предмете неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ) [Текст] / Ю. С. Белик // Вестник Московского университета МВД России, 2016. – № 4. – С. 174-179. – ISSN 2073-0454.
5. Карпов, Н. О. Предмет неправомерного оборота средств платежей (правовой и криминалистический аспекты) [Текст] / Н. О. Карпов // Вестник

Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017. – № 3. – С. 119-122. – ISSN 2071-8284.

6. Лозинский, И. В. Совершенствование уголовного законодательства Российской Федерации, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности: криминализация или декриминализация? [Текст] / И. В. Лозинский // Вестник Томского государственного университета, 2015. – № 401. – С. 222-227. – ISSN 1561-7793

7. Ляскало, А. Н. Деньги и ценные бумаги как предмет подделки [Текст] / А. Н. Ляскало // Законы России: опыт, анализ, практика, 2017. – № 7. – С. 68-72. – ISSN 1992-8041.

8. Хисамова, З. И. Неправомерный оборот средств платежей в контексте норм об ответственности за преступления, совершаемые в отношении информационно-коммуникационных технологий [Текст] / З. И. Хисамова // Общество и право, 2015. – № 4. – С. 139-144.

К ВОПРОСУ ОБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

© А.А. Кунстман

Научный руководитель: П.Л. Сурихин

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одним из основных положений уголовного права является принцип вины (ст. 5 УК РФ), который предполагает субъективное вменение. Однако всегда ли соблюдается данный принцип? Некоторые ученые обращают внимание на проблемы «объективного вменения» в отечественном уголовном праве. Помимо научных трудов данный феномен можно обнаружить и в судебной практике по причине предопределенности объективного вменения в статьях Особенной части УК РФ.

Соответственно объективное вменение следует анализировать в двух аспектах: как несовершенство Общей части УК, а также как несовершенство Особенной части УК РФ. Для наиболее целостного изучения требуется анализ объективного вменения во всех существующих аспектах.

В Общей части УК РФ п. 3 ст. 26 содержит описание вины в виде небрежности, из которого можно сделать вывод, что лицо можно признавать виновным даже в условиях неосознанности общественной опасности как деяния, так и последствий. Именно в этом видит признаки объективного вменения при небрежности профессор С.В. Векленко [1]. Вместе с тем, в науке уголовного

права есть и противоположная точка зрения о том, что небрежность предполагает определенную долю осознания и предвидения, ее выражает доцент В.В. Питецкий [5].

Также можно усмотреть объективное вменение в конкретных видах преступлений. Примером такого преступления может быть незаконная охота, предусмотренная ст. 258 УК РФ [4]. Данное преступление с объективной стороны предусматривает несколько альтернативных действий. В нашем случае интерес представляет тот факт, что несколько способов совершения данного преступления могут представлять собой действия не обусловленные, по мнению законодателя, целью в виде незаконной добычи животных.

Однако всегда ли, например, наличие оружия предусматривает цель незаконной охоты? В данной ситуации, в каждом конкретном случае, следует рассмотреть не только объективную, но и субъективную сторону преступления. И, если отсутствует субъективная сторона преступления, следует говорить об объективном вменении. Например, нахождение на особо охраняемой природной территории с оружием уже признается незаконной охотой. Но причины и цели этих действий могут быть и не связанные с охотой: охотник заблудился, грибник взял оружие для обороны от диких зверей, охотник следует через ООПТ к месту проведения охоты. Следовательно, при формальном вменении данного состава преступления имеет место объективное вменение. Подобного мнения придерживается профессор Э.Н. Жевлаков [2], а также Р.А. Забавко [3].

Таким образом, рассматривая принцип вины с научной точки зрения, следует говорить о двух ситуациях возникновения объективного вменения «де факто».

Объективное вменение может возникнуть в результате буквального толкования вины в виде небрежности по причине допущения некорректных формулировок в Общей части УК РФ на этапе законотворческого процесса.

В другом случае объективное вменение возникает как следствие ложного толкования определенных признаков преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, когда в процессе квалификации происходит игнорирование субъективной стороны преступления.

Если говорить о способах решения данной проблемы, в первую очередь стоит сказать о необходимости соответствия всех норм уголовного закона принципам уголовного права, в том числе и принципу вины. Во-вторых, толкование и квалификация норм уголовного права должны осуществляться исключительно в контексте принципа вины. Мы должны исключать объективное вменение в своих умозаключениях и предполагать только субъективное.

Таким образом, можно обозначить два приема решения проблемы объективного вменения. Во-первых, корректировка определения небрежности в Общей части УК РФ с целью описания меры понимания общественной опасности деяния и последствий. Во-вторых, корректировка редакций статей Особенной части УК РФ в случаях практического допущения при квалификации объективного вменения, либо, если это исключительно явные ошибки квалификации, корректировка судебной практики на уровне рекомендаций Пленума ВС РФ.

Список использованных источников:

1. Векленко, С.В. Виновное вменение в уголовном праве: автореферат дисс. доктора юрид. наук. – Москва. – 2003.
2. Жевлаков, Э.Н. Квалификация незаконной охоты / Э.Н. Жевлаков // Уголовное право. – 2009. – № 6.
3. Забавко, Р.А. Уголовная ответственность за незаконную охоту: дисс. канд. юрид. наук. – Иркутск. – 2017.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) [Электронный ресурс] / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 2. 704 с. // СПС Консультант Плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Мицкевич, А.Ф., Питецкий, В.В., Питецкий, В.В. Уголовное право. Общая часть. Учебник для бакалавров. / А.Ф., Мицкевич, В.В., Питецкий, В.В., Питецкий. – Москва. – 2016.

НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ ПРАВ ОБМАНУТЫХ ДОЛЬЩИКОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

© С.В. Лебедев

Научный руководитель: А.А. Нечепуренко

д-р. юрид. наук

Омская академия МВД России

Впервые проблема обманутых дольщиков, которая приобрела масштабы национального бедствия и потребовала вмешательства властей назрела в 2003 – 2004 гг., когда тысячи граждан нашей страны были лишены возможности стать собственниками оплаченного по различным гражданско-правовым договорам жилья из-за прекращения строительства многоквартирных домов.

Гражданское и гражданско-процессуальное законодательство не могло обеспечить необходимый уровень гарантий для защиты прав дольщиков, в рамках обязательственных правоотношений, несмотря на попытку упорядочения практики долевого строительства путем принятия Федерального закона № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Впрочем, как и ст. 14.28 КоАП РФ, предусматривающая наложение административного штрафа за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости.

Увеличение числа обманутых дольщиков, повышенная общественная опасность посягательств на жилье, а также тяжесть последствий в виде возможного лишения права гражданина на жилое помещение стало предпосылкой криминализации в 2016 году привлечения денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости.

Как правильно отмечают некоторые авторы, преимущества принятой ст. 200³ УК РФ перед другими статьями УК РФ, стоящих на защите имущества граждан заключаются в следующем:

- это отсутствие необходимости установления обязательного для большинства составов преступлений против собственности такого признака, как причинение гражданину имущественного ущерба,
- нет необходимости доказывать использование виновным обмана или злоупотребления доверием как способов причинения имущественного вреда гражданину (ст. ст. 159, 165 УК РФ),
- отпадает необходимость доказывания корыстного мотива лицом, выполняющим управленческие функции от имени застройщика [1].

Суть законодательной новеллы, изначально состояла в избавлении правоприменителя от сложности в выявлении и доказывании всех указанных признаков типичных общественно опасных деяний в долевом строительстве объектов недвижимости.

Однако анализ следственной и судебной практики показал, что до настоящего времени у правоприменителей возникают трудности с квалификацией деяний по ст. 200³ УК РФ. Так, по официальным данным статистической отчетности ГИАЦ МВД России (Форма № 491), количество возбужденных уголовных дел по годам составило: 2016 год – 4, 2017 год – 34, 2018 – 35. При этом в 2016 и 2107 году ни один человек не был осужден по указанной статье уголовного

кодекса РФ.

Сложность заключается в том, что бланкетный характер нормы требует от сотрудников правоохранительных органов дополнительного изучения целого ряда нормативных актов иных отраслей права. Диспозиция ст. 200³ УК РФ не содержит упоминания о том, какие нарушения законодательства о долевом строительстве могут послужить основанием для привлечения лица к уголовной ответственности. Ряд авторов полагают, что рассматриваемое деяние состоит из двух составляющих: привлечение денежных средств граждан и нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве [3, с. 71]. Некоторые утверждают, что условия правомерности привлечения денежных средств содержащиеся в статьях Федерального закона № 214-ФЗ в случае их неисполнения являются обстановкой совершения деяния [6, с. 145]. Но основная сложность состоит в том, что в указанном законе содержится слишком много условий и требований, предъявляемых к застройщикам и пытаться их упорядочить не представляется возможным, поскольку, частые поправки, вносимые в законодательство о долевом участии в строительстве, имеющие цель постепенного перехода на проектное финансирование, не позволяют составить четкий перечень уголовно-наказуемых нарушений. Да и требования к застройщикам, получившим разрешение на строительство до или после внесения изменений в законодательство о долевом участии в строительстве различны по своему объему, а это никак не способствуют облегчению квалификации преступлений по ст. 200³ УК РФ, а наоборот усложняют работу правоприменителя.

Так, в феврале 2019 года в УЭБиПК УМВД России по Омской области поступила информация о привлечении застройщиком денежных средств граждан в нарушение требований законодательства о долевом участии в строительстве, а именно нарушении ст. 5 и ст. 15.1-15.2 Федерального закона № 214-ФЗ. Застройщик привлекал часть денежных средств в кассу, а не на расчетный счет и не исполнил требования закона о перестраховании своей гражданской ответственности, после того как прежняя страховая компания была ликвидирована. При этом на момент выявления нарушений, ст. 15.1-15.2 Федерального закона № 214-ФЗ уже утратили силу, а на момент начала строительства, застройщик привлекал денежные средства граждан без нарушений закона.

Анализ уголовных дел и материалов предварительных проверок позволяет сделать вывод, что, зачастую информация о нарушении требований законодательства о долевом участии в строительстве поступает от сотрудников государственного строительного надзора, проводящих плановые и

внеплановые проверки в отношении застройщиков. После чего, сотрудники органов внутренних дел, проводя проверку в порядке ст. 144-145 УПК РФ принимают решение о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела по признакам состава преступления предусмотренного ст. 200³ УК РФ. Но всегда ли сотрудники госстройнадзора могут дать правильную юридическую оценку выявленных нарушений и обо всех ли нарушениях сообщают в правоохранительные органы? Думаем, ответ очевиден. Отсутствие судебной практики, методических разработок по особенностям квалификации такого рода деяний, незаинтересованность оперативных работников в выявлении таких не тяжких преступлений, не влияющих на оценку их деятельности, попросту оставляет без рассмотрения поступившую от контролирующих строительную деятельность органов информацию. А те уголовные дела, которые все же были возбуждены, по тем или иным причинам не доходят до стадии судебного разбирательства, либо подсудимые освобождаются от уголовной ответственности. Одна из таких причин заключается в том, что ч. 1 ст. 200³ УК РФ относится к преступлениям небольшой тяжести. Сложность и длительность расследования, несвоевременное выявление нарушений строительного законодательства влечет порой истечение срока давности привлечения лица к уголовной ответственности. Так, постановлением Прикубанского районного суда г.Краснодара № 1-804/2016 от 9 ноября 2016 г. действия застройщика были переклассифицированы с ч. 3 и ч. 4 ст. 159 УК РФ на ст. 200³ УК РФ, после чего уголовное дело было прекращено в связи с истечением сроков уголовного преследования [4].

Формальный подход законодателя к защите прав обманутых дольщиков может повлечь расширительное толкование положений ст. 200³ УК РФ, а это, как правильно отмечают Н.А. Игонина и Д.И. Ережипалиев, может привести и формированию противоречивой правоприменительной практики [2, с. 66]. Нельзя забывать, что конечная цель законодателя – обезопасить граждан решивших улучшить свои жилищные условия, от возможных посягательств на их имущество со стороны застройщиков. Переход на проектное финансирование строительства и лишение застройщика возможности непосредственного получения денежных средств граждан имеет хорошие перспективы и обезопасит сделки с недвижимостью, но в настоящее время переход на эту модель строительства имеет свои трудности. Кроме того, ситуация на строительном рынке только продолжает ухудшаться и ситуация на строительном рынке только продолжает ухудшаться. Так, в феврале текущего года в России насчитали 418 застройщиков-банкротов. С февраля 2018 года количество застройщиков, находящихся в активной процедуре банкротства, выросло на 67%, объем не

завершенного ими строительства – на 51%. Как отметил министр внутренних дел РФ Владимир Колокольцев на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации, количество выявленных преступлений за последний год в данной сфере увеличилось на 80% [5]. Это, безусловно, лишь пополняет число обманутых дольщиков и никак не способствует защите их прав.

Как видим, те задачи, которые ставил перед собой законодатель, устанавливая уголовную ответственность за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства о долевом строительстве, пока не выполнены. Цель защиты прав дольщиков одними лишь уголовно-правовыми средствами не будет достигнута. Необходим комплексный подход: детализация уголовно-правовых норм, взаимодействие органов государственной власти, правоохранительных органов и застройщиков в решении проблемы защиты прав участников долевого строительства.

Список использованных источников:

1. Аснис А.Я. Уголовно-правовая новелла об ответственности за посягательства на законные интересы участников долевого строительства многоквартирных домов // Законодательство и экономика. 2016. № 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Игонина Н.А., Ережипалиев Д.И. Актуальные проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики в сфере долевого строительства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 12. С. 65-69.
3. Павленко О.В., Зимнева С.В. Уголовная Ответственность за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1. С. 68-73.
4. См.: Постановление Прикубанского районного суда г. Краснодара от 9 ноября 2016 г. № 1-804/2016 по уголовному делу № 1-804/2016 // Интернет-ресурс www.sudact.ru
5. См.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения: 10.4.2019).
6. Харьков А.В. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 200³ УК РФ // Пробелы в Российском законодательстве. 2017. № 7. С. 144-146.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СРОКОВ ИСПОЛНЕНИЯ ИНОЙ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА

© Д.М. Леков

Научный руководитель: Р.Р. Тебиев

Сибирский юридический институт МВД РФ

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» уголовное законодательство России в свете продолжающейся политики, направленной на его гуманизацию, дополнено принципиально новым видом освобождения от уголовной ответственности, обладающим особой правовой природой (ст. 76.2 УК РФ). Особенность его заключается в том, что одновременно с освобождением от уголовной ответственности виновному лицу назначается такая мера уголовно-правового характера, как судебный штраф. Уголовный кодекс и уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации были дополнены соответствующими главами и частями, регламентирующие порядок и производство по применению данной иной меры уголовно-правового характера.

Появление нового института в уголовном судопроизводстве озадачило не только ученых, пытающихся определить правовую природу и место судебного штрафа в системе мер уголовно-правового характера, но и практиков, столкнувшихся с рядом вопросов, обусловленных как отсутствием четко выработанного механизма реализации данного института, так и непониманием в применении отдельных его норм. Нередко изменения в законодательстве, затрагивающие права и свободы человека и гражданина, а в уголовном судопроизводстве они затрагиваются наиболее существенно, изначально содержат в себе различного рода вопросы, требующие дополнительных разъяснений. Не стало исключением и введение в уголовное законодательство института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Реализация данной нормы состоит из аспектов определения наличия основания для возбуждения перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела с применением иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, вынесение постановления, рассмотрение данного постановления в суде в установленном порядке, принятие решения судом и исполнение судебного штрафа. Схема реализации судебного штрафа определяется по-разному в зависимости от подходов тех или иных авторов, но несомненно,

исполнение судебного штрафа выделяется всеми авторами. Исполнение судебного штрафа представляет из себя целый комплекс действий двух субъектов: лица, в отношении которого применена иная мера уголовно-правового характера и уполномоченного должностного лица судебного пристава-исполнителя.

В контексте обозначенного вопроса интересным и представляющим практическую значимость является вопрос о сроке, в течение которого должен исполняться судебный штраф. Штраф, назначенный в качестве уголовного наказания, уплачивается осужденным в срок, установленный в законе, – 60 дней (ст. 31 УИК РФ) и конкретизированный в постановлении о возбуждении исполнительного производства (ч. 5 ст. 103 Закона "Об исполнительном производстве"). Судебный штраф исполняется в течение срока, указанного в постановлении или определении суда, при этом, как говорится в Законе, "срок для добровольного исполнения судебного штрафа судебным приставом-исполнителем не устанавливается" (ч. 5 ст. 103.1). Таким образом, законодатель упустил предельные сроки исполнения судебного штрафа. На основе этого ряд ученых предлагают следующее «С учетом системности уголовно-правового регулирования по общему правилу этот срок должен составлять 60 дней (ср. ч. 1 ст. 31 УИК РФ) с возможным увеличением срока до пяти лет (ср. ч. 3 ст. 46 УК РФ)». И это не смотря на то, что Пленум Верховного Суда РФ Постановлением от 29.11.2016 № 56 дополнил Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» п. 7.1: "С учетом того, что судебный штраф, назначаемый на основании ст. 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации лицу, освобожденному от уголовной ответственности, не является уголовным наказанием, а относится к иным мерам уголовно-правового характера, предусмотренным разделом VI Уголовного кодекса Российской Федерации «Иные меры уголовно-правового характера», правила статьи 46 Уголовного кодекса Российской Федерации к назначению и исполнению судебного штрафа не применяются".

Необходимо отметить интересный факт, что положения о судебном штрафе разъясняются Верховным Судом РФ почему-то в постановлении о назначении наказания, а не об освобождении от уголовной ответственности. Анализ данных разъяснений позволяет сделать вывод, что практически полностью исключены для судьбы ориентиры установления срока исполнения. Единственным максимальным пределом является срок давности привлечения к уголовной ответственности: два года или шесть лет со дня совершения преступления (п. "а" и "б" ч. 1 ст. 78 УК РФ). Это вполне логично, поскольку в случае

неуплаты штрафа, данная иная мера уголовно-правового характера отменяется, а при истечении сроков давности привлечения к уголовной ответственности, что-либо сделать в отношении лица будет невозможно. Минимальный срок уплаты не определен и зависит от усмотрения суда. На наш взгляд, при установлении срока важны два факта:

1) срок должен исчисляться в днях. По такому пути уже идет судебная практика, во многих случаях определяя все же срок, аналогичный для штрафа-наказания – 60 дней;

2) срок должен исчисляться со дня вступления постановления или определения суда в законную силу. В связи с этим приведем такой пример.

Мировым судьей 23 августа 2016 г. вынесено Постановление, которым Конаков Д.В. освобожден от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 158 УК РФ, с назначением судебного штрафа в размере 5 000 руб. и определением срока его оплаты до 03.09.2016. Как видно, судьей установлен срок, укладывающийся в 10 дней, отведенные УПК РФ (ч. 1 ст. 389.4, ч. 1 ст. 391) для вступления Постановления в законную силу.

Примером правильного установления срока может служить следующий судебный акт. Краснофлотский районный суд г. Хабаровска 05.10.2016 вынес Постановление, которым освободил Голованова Д.С. от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 291.2 УК РФ, назначил судебный штраф в размере 20 000 руб. и установил срок его уплаты – 60 дней со дня вступления Постановления суда в законную силу.

Как видим, с учетом срока для вступления постановления суда в законную силу и для обеспечения возможности его обжалования срок должен устанавливаться не предельной датой, а количеством дней, исчисляемых со дня вступления постановления суда в законную силу. Однако Пленум Верховного Суда РФ в п. 19 Постановления от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» говорит об уплате судебного штрафа "в установленный судом срок (до истечения указанной в Постановлении суда конкретной даты)». Представляется, что данную позицию можно подвергнуть сомнению по указанным выше основаниям. При назначении наказаний и иных мер уголовно-правового характера (за исключением только отсрочки отбывания наказания, предусмотренной ст. 82 УК РФ, зависящей от даты рождения ребенка) сроки определяются периодом, а не конечной датой.

Список использованных источников:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков [и др.]; Под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. // СПС «КонсультантПлюс».

3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

4. Постановление исполняющего обязанности мирового судьи судебного участка № 219 Реутовского судебного района Московской области от 23.08.2016 по уголовному делу № 1-36/219/2016 // URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-219-mirovogo-sudi-reutovskogo-sudebnogo-rajona-moskovskoj-oblasti-s/act-231115571/> (дата обращения: 18.02.2019).

5. Постановление Краснофлотского районного суда г. Хабаровска (Хабаровский край) от 05.10.2016 № 1-242/2016 по делу № 1-242/2016 // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/gTLHjM27mh6d/> (дата обращения: 12.03.2017).

**К ВОПРОСУ О СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
ПРИ СОВЕРШЕНИИ САМОУПРАВСТВА**

© А.В. Макарова

Научный руководитель: Р.Н. Гордеев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В действующем уголовном законе в ст. 330 УК РФ под самоуправством понимается самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред.

Несомненно, что самоуправные действия представляют собой непосредственную угрозу для реализации субъектами предоставленных им прав и свобод. Проблемы борьбы с проявлениями самоуправства, в том числе с различного рода правонарушениями в сфере имущественного оборота, становятся

более актуальными, самоуправство приобретает все большие масштабы и проявляется во все новых формах [1].

При возникновении конфликтных ситуаций, которые разрешаются в сфере правового поля, зачастую, субъекты правоотношений прибегают к самоуправным способам разрешения споров. При этом, подобные действия всегда предполагают нарушение установленного законом порядка. Одним из таких порядков соблюдением, которого пренебрегают правонарушители, является порядок рассмотрения и разрешения гражданских дел в суде. Однако, учитывая реалии сегодняшнего дня, на практике периодически происходят ситуации, в рамках которых у субъектов спорных правоотношений возникают трудности в реализации своих прав в установленном законом порядке. Так, например, гражданские дела в соответствии со ст. 154 ГК РФ, должны быть завершены в двухмесячный срок. При этом, не редки ситуации нарушения данных требований закона и превышения указанных сроков в несколько раз [2]. Важно заметить, что подобные действия суда нарушают конвенционные права лиц, обращающихся за судебной защитой, и не позволяют им надлежащим образом в рамках установленного законом порядка защитить свои права. В соответствии со ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое, публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Таким образом, в случае назначения судебного заседания на неоправданно поздний срок или иного затягивания рассмотрения дела, возможно нарушение прав заявителя на рассмотрение дела в разумный срок. Подобное нарушение, если оно происходит систематически, является серьезным препятствием и затрудняет реализацию прав на разрешение споров в установленном законом порядке. Существенное нарушение установленных законом сроков разрешения споров может стать одним из факторов побуждающих субъекта правоотношений разрешить спор вне рамок правового поля, используя самоуправные действия. Подобные ситуации, как правило, начинаются с гражданских правоотношений, например договора аренды [3]. В качестве примера рассмотрим следующую ситуацию. Между двумя лицами был заключен договор аренды недвижимого имущества (склада) на определенный срок. По окончании срока действия договора арендатор без всяких на то оснований отказался добровольно освободить арендуемое помещение. При таких обстоятельствах арендодатель вынужден был обратиться в суд с соответствующим иском с целью освобождения занимаемого арендатором помещения. При

этом, суд, в свою очередь, назначает рассмотрение дела на неоправданно поздний срок, нарушая право арендодателя на рассмотрение дела в разумный срок и существенно затрудняя реализацию его прав на разрешение спора в установленном законом порядке. В ответ, арендодатель решается на совершение самоуправства и с применением насилия и использованием оружия самовольно освобождает занимаемое арендатором помещение.

Безусловно, описанная выше ситуация при наличии всех необходимых признаков, должна быть квалифицирована по ст. 330 УК РФ как самоуправство. Однако, на наш взгляд, предшествующий преступлению факт нарушения конвенционных прав преступника, который побудил его к совершению преступления, должен быть учтен судом при вынесении приговора и назначении наказания.

В соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания в обязательном порядке необходимо учитывать, в том числе, смягчающие обстоятельства. Перечень обстоятельств, смягчающих наказание установлен в ст. 61 УК РФ. При этом, ч. 2 ст. 61 УК РФ дает возможность суду учитывать при назначении наказания и иные обстоятельства, прямо не предусмотренные вышеуказанной статьей.

Применительно к самоуправству признак «нарушение установленного законом порядка» является одним из элементов объективной стороны преступления и, соответственно, должен быть установлен судом. Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 73 УПК РФ суду необходимо выявлять обстоятельства, способствующие совершению преступления. Таким образом, суд должен, в том числе, анализировать и обстоятельства, из-за которых был нарушен установленный законом порядок. Если нарушению установленного законом порядка предшествовало нарушение прав лица на судопроизводство в разумный срок, суд может это учесть в качестве смягчающего вину обстоятельства.

Список использованных источников:

1. Капканов В.И. Уголовная ответственность за самоуправство. Проблемы законодательной регламентации и квалификации: Автореф...дис. канд. юрид. наук. – СПб., 2006 – С.1.
2. Не скоро совершается суд [Электронный ресурс]: что делать в случае нарушения судом процессуальных сроков. – Режим доступа: <https://pravo.ru/review/view/135584/>.

3. Постановление Президиума Калужского областного суда [Электронный ресурс]: постановление от 13.08.2014. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

**ЗНАЧЕНИЕ КОНВЕНЦИИ СОВЕТА ЕВРОПЫ
ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИЮ
ДЛЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА**

© В.Е. Мокин

Научный руководитель: А.Н. Тарбагаев

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 10.12.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» дал разъяснения, согласно которым международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом [7, п. 6].

Следовательно, исполнение Российской Федерацией своих международно-правовых обязательств, вытекающих из ратифицированных ею международных договоров, содержащих признаки составов преступлений, заключается в имплементации положений таких договоров в национальное законодательство.

Антикоррупционные конвенции предусматривают реализацию их положений посредством национального законодательства [1, с. 84].

Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999 (далее – Конвенция), заключенная в рамках Совета Европы, подписанная и ратифицированная Российской Федерацией, вступила для нее в силу 1 февраля 2007 года.

Согласно преамбуле целями Конвенции являются проведение в первоочередном порядке общей уголовной политики, направленной на защиту общества от коррупции, включая принятие соответствующего законодательства и превентивных мер, а также расширение, активизация и надлежащее

функционирование международного сотрудничества в области уголовного права для эффективной борьбы с коррупцией [3].

Глава II Конвенции («Меры, принимаемые на национальном уровне») устанавливает основные предписания для участников Конвенции в части закрепления в национальном законодательстве составов коррупционных преступлений. Такие предписания (ст. 2–15 Конвенции) описывают деяния, которые страны-участники должны включить в свое уголовное законодательство в качестве коррупционных преступлений, и заключаются в «принятии законодательных и иных мер, которые могут потребоваться для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовных преступлений в соответствии с внутренним правом» определенное поведение.

Так, Конвенцией преступным признается следующее поведение: активный и пассивный подкуп национальных государственных должностных лиц; подкуп членов национальных государственных собраний, иностранных государственных должностных лиц, членов иностранных государственных собраний; активный и пассивный подкуп в частном секторе; подкуп должностных лиц международных организаций, членов международных парламентских собраний, судей и должностных лиц международных судов; использование служебного положения в корыстных целях; отмывание доходов от преступлений, связанных с коррупцией; а также преступления, касающиеся операций со счетами.

Конвенция содержит предписание установить за совершение указанных коррупционных преступлений эффективные, соразмерные и сдерживающие санкции и меры, в том числе, если они совершены физическими лицами, наказание, предусматривающее лишение свободы, которые могут повлечь за собой выдачу.

В связи с ратификацией Конвенции на РФ была возложена обязанность выполнять ее требования путем имплементации ее положений в национальное законодательство. Были приняты федеральные законы от 25.12.2008 № 280-ФЗ [5] и от 04.05.2011 № 97-ФЗ [6].

Указанными федеральными законами были внесены изменения в УК РФ, которые выразились в ужесточении наказания за злоупотребление полномочиями и коммерческий подкуп; в диспозиции ст. 290 и ст. 291 УК РФ были включены дополнительные специальные субъекты: иностранное должностное лицо и должностное лицо публичной международной организации; в примечание к ст. 290 УК РФ было включено определение должностного лица; был добавлен новый состав преступления – посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ).

Между тем, некоторые положения Конвенции в УК РФ имплементированы не были, в частности предписание Конвенции признать преступлением обещание дачи взятки в качестве окончченного преступления. Согласно одной из точек зрения обещание дачи взятки следует квалифицировать в качестве приготовления к преступлению [4, с. 93]. Однако согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям.

Представляется, что обещание дать предмет взятки или коммерческого подкупа следует квалифицировать как обнаружение умысла, то есть выражение лицом своего намерения совершить преступление без фактического выполнения его объективной стороны. При этом обнаружение умысла уголовно-правового значения не имеет. Следовательно, квалификация обещания дачи взятки в качестве обнаружения умысла делает невозможной криминализацию этого деяния.

Кроме того, Конвенция содержит предписание о необходимости привлечения к ответственности юридических лиц в связи с совершением уголовных правонарушений, заключающихся в активном подкупе, злоупотреблении влиянием в корыстных целях и отмывании доходов, совершенных в их интересах каким-либо физическим лицом (ст. 18 Конвенции).

С одной стороны, согласно ст. 19 УК РФ уголовной ответственности подлежит только физическое лицо. С другой стороны, предписание Конвенции буквально заключается в обеспечении привлечения юридических лиц за описанное деяние к «ответственности в связи с совершением уголовных правонарушений», то есть к юридической ответственности в целом, а не к уголовной ответственности. Следует сказать, что ст. 19.28 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность юридических лиц за незаконное вознаграждение от имени юридического лица (незаконные передачу, предложение или обещание от имени или в интересах юридического лица должностному лицу денег, ценных бумаг или иного имущества, оказание ему услуг имущественного характера либо предоставление ему имущественных прав за совершение в интересах данного юридического лица должностным лицом действия (бездействия), связанного с занимаемым им служебным положением).

Это не исключает привлечение физического лица, непосредственно передавшего взятку, к уголовной ответственности в соответствии с УК РФ. Следовательно, можно сделать вывод, что указанное требование Конвенции Российской Федерацией выполняется.

Таким образом, во-первых, последствием ратификации Конвенции, имеющим значение для российского уголовного права, стали изменения,

внесенные в УК РФ. Во-вторых, положение Конвенции о криминализации обещания дачи взятки с учетом его квалификации в качестве обнаружения умысла нельзя криминализировать и включить в российский уголовный закон.

Список использованных источников:

1. Каширкина, А. А. Международно-правовые модели имплементации антикоррупционных конвенций / А. А. Каширкина // Журнал российского права. – 2014. – № 3. – С. 79–86.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ ред. от 27.12.2018, с изм. от 18.01.2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию [Электронный ресурс] : заключена в г. Страсбурге 27.01.1999 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Михайлов, В. И. Международные антикоррупционные стандарты и их отражение в законодательстве Российской Федерации / В. И. Михайлов // Уголовное право. – 2013. – № 5. – С. 93–96.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона "О противодействии коррупции [Электронный ресурс] : федер. закон от 25.12.2008 № 280-ФЗ ред. от 06.12.2011 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции [Электронный ресурс] : федер. закон от 04.05.2011 № 97-ФЗ ред. от 04.06.2014 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 ред. от 05.03.2013 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Тиунов, О. И. Принцип соблюдения международных договоров: коллизии международного и национального права / О. И. Тиунов, Б. Г. Манов // Журнал российского права. – 2008. – № 6. – С. 124–142.

9. Троицкая, А. А. Современные международные правовые и этические антикоррупционные стандарты и российское конституционное законодательство / А. А. Троицкая // Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом : учебно-методический комплекс (учебное пособие) / С. А. Авакьян [и др.] ; отв. ред. С. А. Авакьян. – Москва : Юстицинформ, 2016. – Гл. 6. – С. 459–507.

Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 03.10.2018, с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

КОНСТРУКЦИЯ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 151 УК РФ

© Д.С. Мурашов

Научный руководитель: С.И. Бушмин

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В соответствии с п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», преступление, ответственность за которое предусмотрена в ст. 151 УК РФ, считалось оконченным с момента вовлечения несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством независимо от того, совершил ли он какое-либо из указанных противоправных действий. В соответствии с данным толкованием, многие специалисты полагали, что состав преступления, предусматривающий ответственность по ст. 151 УК РФ, является формальным. [1; 9; 10]

В связи с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 было признано утратившим силу. В новом постановлении Верховный Суд РФ поменял свою позицию относительно момента окончания рассматриваемого

преступления на кардинально противоположную. Так, в п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» указано, что преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 151 УК РФ, являются окончанным после совершения несовершеннолетним хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 151 УК РФ. [2] Тем самым, Верховный суд породил дискуссию. Одни специалисты считают, что данный состав преобразовался из формального, в материальный. Например, С.Ш. Ахмедова утверждает, что «состав вовлечения малолетнего или несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий по описанию в законе его объективной стороны относится к материальному. Оконченным преступление должно считаться в момент наступления общественно опасных последствий – совершение малолетним или несовершеннолетним систематически антиобщественных действий». [3] Также, по мнению А.Г. Кибальник «представляется более правильным считать моментом окончания этого преступления начало совершения вовлеченным несовершеннолетним собственно антиобщественных действий». [4]

Другая часть специалистов, придерживаются точки зрения, в соответствии с которой, состав преступления, предусматривающий ответственность по ст. 151 УК РФ, остался формальным, несмотря на изменения, представленные в Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» относительно момента окончания данного преступления. Е.П. Коровин утверждает, что «если исходить из того, что преступление окончено с момента причинения вреда объекту посягательства, то необходимо признать, что вред развитию несовершеннолетнего причиняется не в результате совершения им антиобщественных действий, а в процессе негативного воздействия взрослого лица. Поэтому вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий следует считать окончанным с момента выполнения виновным действий по вовлечению. Это значит, данный состав преступления следует считать формальным». [5]

Исходя из теории уголовного права, нам известно, что формальный состав преступления предусматривает в качестве законченного преступления завершенное деяние независимо от того, наступили какие – либо последствия или нет. Материальный состав преступления – это состав, момент окончания

которого законодатель связывает с наступлением преступного результата (последствий). [6]

Для решения вопроса о формальном или материальном составе преступления, применительно к ст. 151 УК РФ, необходимо выяснить, вовлечение в совершении антиобщественных действий является действием, или же последствием преступного действия.

Общественно опасное деяние – это общественно опасное противоправное сознательно-волевое деяние (действие или бездействие), наносящее вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. [7] Общественно опасное последствие – это предусмотренный уголовным законом реальный вред (ущерб), причиняемый объекту уголовно-правовой охраны в результате совершения преступного деяния (действия или бездействия). Последствие, как признак объективной стороны характеризуется двумя специфическими признаками: во-первых, им выступает вред, причиненный объекту преступления; во-вторых, преступным последствием является не любой вред, а лишь тот, что указан в диспозиции уголовно-правовой нормы. [8] Под вредом в уголовном праве, на наш взгляд, следует понимать такие изменения объективной действительности, возникшие вследствие совершения общественно опасного или полезного (социально допустимого) деяния, которые выражаются в прерывании (разрушении) или деформации общественных отношений, охраняемых уголовным законом. [9]

Согласно действующему Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 года №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» п. 42. «Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий». [2] Это значит, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий характеризуется как общественно опасное деяние. Это значит, что в диспозиции статьи 151 УК РФ, вред не указан.

Соответственно, состав преступления ст. 151 УК РФ является по своей конструкции – формальным.

Список использованных источников:

1. Быкова Е.Г. К вопросу об уголовной ответственности за привлечение малолетних к совершению общественно-опасного деяния // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2010, № 25 (201) Вып. 23.
2. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 г. Москва // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Ахмедова С.Ш. Ответственность за вовлечение малолетних и несовершеннолетних в антиобщественную деятельность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук /- Волгоград, 2011.
4. Панченко П.Н. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Современные проблемы государства и права. Сборник научных трудов. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД РФ, 2013, Вып. 1.
5. Коровин, Е. П. Проблемы установления признаков объекта и потерпевшего в преступлении, предусмотренном ст. 151 УК РФ /Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 1.
6. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров /отв. ред. А.И. Плотников. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. Уголовное право. Общая часть: учебник /под ред. А.Н. Тарбагаева. – Москва : Проспект, 2011.
7. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.П. Ревина. – М.: Юстицинформ. 2016.
8. Шкабин Г.С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование. Lex Russica. Закон русский. 2016
9. Павлов Д.В. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий (криминологические и уголовно-правовые проблемы): монография / Павлов Д.В. – М.: Юрлитинформ, 2013.
10. Шилякова А.Ю. Подростковый алкоголизм // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 6.

**СУБЪЕКТ ПРЕСТУПНОГО НАРУШЕНИЯ
ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

© М.С. Мурзина

**Научный руководитель: В.В. Питецкий
канд. юрид. наук**

Сибирский федеральный университет

Доктрина уголовного права наряду с субъектом преступления, признаки которого закреплены в предписаниях Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), выделяет признаки специального субъекта преступления. Поскольку легального определения УК РФ не содержит, оно предложено наукой и большинство ученых считают, что специальный субъект преступления – это физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и обладающее одним или несколькими обязательными дополнительными признаками, предусмотренными в конкретной норме Особенной части УК РФ [1, с. 7].

Одним из признаков специального субъекта является обязанность соблюдать установленные требования. К числу специальных субъектов, обладающих указанным признаком, относится в том числе и субъект преступления, предусмотренного ст. 219 УК РФ. Диспозиция ч.1 указанной нормы предусматривает ответственность за нарушение требований пожарной безопасности, совершенное лицом, на котором лежала обязанность по их соблюдению [8]. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что признаки специального субъекта в процитированной норме определены достаточно четко, поскольку лицами, которые обязаны соблюдать требования пожарной безопасности, являются как обычные граждане, так и те лица, кому такая обязанность вменена специально.

Разъяснения по этому вопросу дал Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 5 июня 2002 г. (в редакции от 18 октября 2012 г.) № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности» (далее – постановление № 14), в п.3 которого указано, что «субъектом преступления, предусмотренного статьей 219 УК РФ, является лицо, на которое была возложена обязанность исполнять (постоянно или временно) утвержденные и зарегистрированные в установленном порядке правила пожарной безопасности (например, руководители предприятий и организаций всех форм собственности и уполномоченные ими лица, которые по

занимаемой должности или по характеру выполняемых работ в силу действующих нормативно-правовых актов и инструкций непосредственно обязаны выполнять соответствующие правила либо обеспечивать их соблюдение на определенных участках работ; собственники имущества, в том числе жилища, наниматели, арендаторы и др.)». На наш взгляд, Пленум также дает предельно широкую характеристику субъекта анализируемого преступления, поскольку в определении содержится указание на специальный субъект, а приведенном перечне указываются субъекты, которым такая обязанность вменена ст. 34 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (в редакции от 30 октября 2018 г.) «О пожарной безопасности в Российской Федерации» (далее – Закон о пожарной безопасности).

Доктрина уголовного права полагает, что субъект преступления, предусмотренного ст. 219 УК РФ, – специальный. Об этом пишут, например, В. Б. Боровиков, В. С. Комиссаров, В. П. Степалин [3, с. 194]. Сторонники указанной позиции полагают, что нарушение требований пожарной безопасности лицом, на котором обязанность по их соблюдению не лежала, должно квалифицироваться по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за посягательство на личность или собственность либо как должностное преступление. И лишь С.А.Никольская полагает, что субъектом данного преступления может являться любое лицо, обязанное соблюдать требования пожарной безопасности [5, с. 25].

Однако правоприменительная практика показывает, что встречаются случаи, когда на осужденного по ст. 219 УК РФ фактически не распространялись специальные правила пожарной безопасности, которыми он должен был руководствоваться в процессе осуществления профессиональной деятельности, обращения с источниками повышенной опасности и др. [4, с. 93].

Так, Переяславский районный суд Ярославской области инкриминировал В. ч.2 ст. 219 УК РФ, признав тем самым наличие у него признаков специального субъекта состава указанного преступления – обязанность соблюдать специальные правила пожарной безопасности. Между тем содеянное В. сводилось к тому, что он курил, находясь в своей квартире. В процессе курения пепел от сигареты попал на тканевую обшивку дивана, что привело к возгоранию. В это время в квартире находился 88-летний гражданин, который ввиду престарелого возраста не смог самостоятельно покинуть охваченное пожаром жилое помещение и скончался от отравления окисью углерода, выделяемого в результате горения. Обосновывая наличие у В. признаков специального субъекта, предусмотренного ст. 219 УК РФ, суд указал на то, что он нарушил правила ст. 34 Закона РФ от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной

безопасности» (далее – Закон о пожарной безопасности), которая содержит указание на общую обязанность всех граждан соблюдать требования пожарной безопасности [6]. Похожее решение принято и Беляевским районным судом Оренбургской области по делу Н. [7]. Однако указанные в этих судебных решениях признаки специального субъекта у В. и Н. вряд ли отвечают требованиям, указанным в п.3 Постановления Пленума ВС РФ № 14.

На наш взгляд, суды, рассматривая дела данной категории, вынуждены восполнять недостаток уголовного закона, который, на наш взгляд, состоит в том, что в рамках ч.1 ст. 219 УК РФ установлена ответственность для двух субъектов преступления. При этом для них обязанность соблюдения требований пожарной безопасности имеет принципиально разное содержание: на граждан возложена общая обязанность соблюдать указанные требования; определенным лицам соблюдение таковых прямо вменено в обязанность. В этой связи, на наш взгляд, необходимо внести изменения в указанную норму, разделив ее изначально на две части по признакам субъекта преступления: в первой он будет общим, во второй – специальным. Такое предложение обусловлено следующим.

Сегодня значительное число пожаров происходит в результате нарушения требований пожарной безопасности в быту. Об этом свидетельствует статистика. По данным МЧС России, за 2018 год в нашей стране произошло 131690 пожаров, при этом 41638 (31,6%) из них произошло в результате правил устройства и эксплуатации электрооборудования, 35341 (26,8%) – в результате неосторожного обращения с огнем, а 21866 (16,6%) – как итог нарушения правил устройства и эксплуатации печей [2].

Исходя из вышесказанного, вряд ли справедлива квалификация нарушения требований пожарной безопасности в этих случаях по статьям о преступлениях против личности или против собственности. Для этого достаточно сравнить санкции наказания в виде лишения свободы в статьях УК РФ, по которым возможна квалификация преступного нарушения требований пожарной безопасности в зависимости от последствий (см. табл.). Исходя из данных таблицы, можно утверждать, что вряд ли будет обоснованной квалификация преступного нарушения требований пожарной безопасности, совершенного лицом, на которое соблюдение таковых специально не возлагалось, по ст. 118 УК РФ (поскольку оно знает, что нарушает общеизвестные чуть ли не с детства правила не разжигать костры в неположенных местах, не курить в постели и т.п.), в то же время несправедлива и квалификация по норме, сконструированной в данное время в большей степени для тех субъектов, которым прямо вменено в обязанность соблюдение требований пожарной безопасности.

В этой связи представляется необходимым внесение изменений в ст. 219 УК РФ путем установления в ней в ч.1 ответственности за нарушение требований пожарной безопасности в быту, а в ч.2 – ответственности за нарушение таковых лицами, на которых соблюдение указанных требований установлено по факту занимаемой ими должности.

В дальнейших частях ст. 219 УК РФ ответственность в зависимости от наступивших последствий также должна быть дифференцирована исходя из особенностей субъекта анализируемого преступления.

Таблица 1 – Соотношение санкций ст. 219 УК РФ с санкциями других преступлений против личности

Последствие	Статья 219 УК РФ	Сравниваемая статья УК РФ
Тяжкий вред здоровью	Ч.1 – до 3 лет	Статья 118 УК РФ: ч.1 – не предусмотрено
Смерть одного лица	Ч.2 – до 5 лет	Статья 109 УК РФ: ч.1 – до 2 лет
Смерть двух и более лиц	Ч.3 – до 7 лет	Статья 109 УК РФ: ч.3 – до 4 лет

Список использованных источников:

1. Бачурин, Э.А. Специальный субъект преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Бачурин Эрнест Альбертович. – Красноярск, 2005. – 228 с.
2. ЗАТО Звездный [Электронный ресурс] : база данных содержит статистические данные о пожарах (загораниях) и последствиях от них в Российской Федерации за 2018 год. – Звездный. – Режим доступа: <http://zvezdny.permarea.ru/Novosti/Novosti/2019/02/01/194648/>
3. Коробеев, А. И. Полный курс уголовного права : в 5 т. / А. И. Коробеев. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2012. – Т.2. – 674 с.
4. Назаренко, Г. В. Субъект преступления в отечественном уголовном праве : науч. изд. / Г. В. Назаренко, А. И. Ситникова, А. А. Байбарин. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 232 с.
5. Никольская, С. А. Преступления, посягающие на пожарную безопасность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Никольская Софья Александровна. – Тамбов, 2005. – 28 с.
6. Постановление Переславского районного суда Ярославской области от 12.09.2016 по уголовному делу № 1-134/2016// СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

7. Приговор Беляевского районного суда Оренбургской области от 9.06.2014 по уголовному делу № 1-15/2014// СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

8. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

КОПИРОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 272 УК РФ

© А.О. Надводнюк

Научный руководитель: В.В. Питецкий

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одним из признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ является копирование охраняемой законом компьютерной информации. Однако точного определения данного признака в законе не дано, поэтому отсутствует единообразное толкование понятия копирования при вынесении судебного решения.

Проанализировав судебную практику за 2017-2019 гг. можно сделать вывод о том, что суды довольно часто признают виновными лиц, совершивших неправомерный доступ к компьютерной информации, повлекший ее копирование. Так 50% из более ста проанализированных приговоров вынесено за неправомерный доступ к компьютерной информации, повлекший ее копирование.

Существует узкое и широкое определение понятия копирование компьютерной информации.

Так, под копированием в узком смысле понимается создание идентичной копии в машинном носителе информации. А. И. Халлиулин также включает в неправомерное копирование не только создание копии самой компьютерной информации, но и ее атрибутов, таких как размер файла, наименование, дата создания, сведения об авторе и иные реквизиты. [8]

Однако, согласно «Методическим рекомендациям по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации», копирование информации – создание копии имеющейся информации на другом носителе, то есть перенос информации на обособленный носитель при сохранении неизменной

первоначальной информации, воспроизведение информации в любой материальной форме – от руки, фотографированием текста с экрана дисплея, а также считывания информации путем любого перехвата информации и т.п. [4]. Понятие, данное в Методических рекомендациях, представляет собой копирование в широком смысле.

Данную точку зрения разделяет М. А. Зубова, и считает, что копирование может осуществляться не только переносом на другой машинный носитель, но и ее воспроизведение в любой материальной форме, к примеру, переписывание, фотографирование с экрана компьютера, ознакомление с информацией на экране. [3]

Определение копирования как возможность переноса информации любым способом на любой материальный носитель является спорной и критикуемой. Такой подход необоснованно расширяет понятие копирования.

Исходя из анализа судебной практики, можно сделать вывод, что в большинстве случаев копированием признается перенос информации на флеш-карты и иные технические устройства, в том числе и на то же устройство, где хранилась информация, то есть копирование в узком смысле.

Однако, по моему мнению, наличие признака копирование компьютерной информации нецелесообразно.

Во-первых, при копировании компьютерной информации не причиняется вреда объекту преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ – общественные отношения, обеспечивающие право обладателя компьютерной информации на ее безопасное создание, хранение, использование и передачу. При копировании информации нарушается ее конфиденциальность [1, с. 14].

Также, следует отметить, что копирование компьютерной информации не несет в себе такой общественной опасности, которая была бы равноценна модификации, блокированию или уничтожению, то есть иным альтернативным признакам данного преступления.

Во-вторых, в уголовном кодексе предусмотрен ряд статей, связанных с посягательствами на информацию граждан, доступ к которой ограничен: ст. 138 УК РФ (Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений); ст. 146 УК РФ (Нарушение авторских и смежных прав); ст. 147 УК РФ (Нарушение изобретательских и патентных прав); ст. 183 УК РФ (Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну); ст. 283.1 (Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну) и другие.

Согласно приведенной выше статистике, неправомерный доступ к компьютерной информации, повлекший ее копирование в 44% случаев

квалифицируется по совокупности со статьями, предусматривающими ответственность за посягательство на информацию граждан, доступ к которой ограничен. Такая ситуация приводит к неправильной излишней квалификации одного деяния по двум статьям и как следствие к двойной ответственности за преступление, что противоречит принципу справедливости, предусмотренному ч. 2 ст. 6 УК РФ.

В третьих, некоторых странах такое последствие как копирование в аналогичных преступлениях отсутствует.

Так, например п. 303 а) УК ФРГ не предусматривает такое последствие как копирование.

Ответственность за неправомерное копирование конфиденциальных данных в ФРГ предусмотрена другими статьями в разделе 15 УК ФРГ, к примеру, п. 202 (Нарушение тайны переписки); п.206 (Нарушение тайны почтовой и телекоммуникационной тайны) и иные [9].

Ответственность за нарушение авторских, смежных и патентных прав при неправомерном копировании в ФРГ регулируется специальными законами, например, законом «Об авторском праве и смежных правах». В определенных случаях данное преступление влечет за собой ответственность в виде лишения свободы [5].

Уголовный кодекс КНР также не содержит признака копирования в аналогичном преступлении. Так ст. 286 УК КНР содержит лишь такие признаки объективной стороны неправомерного доступа к компьютерной информации как: сокращение (изъятие) текста, исправление, дополнение, создание помех, приведшее к невозможности нормального функционирования компьютерной информационной системы [6].

Таким образом, различные страны не признают копирование признаком данного преступления в своих правовых системах.

Таким образом, представляется возможным исключить из диспозиции ст. 272 УК РФ такой признак как копирование компьютерной информации, поскольку он не причиняет вред объекту преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, а также не несет той общественной опасности, которая была бы равноценна другим перечисленным последствиям. Следовательно, необходимо пойти по пути стран, отказавшихся включать копирование в качестве признака данного преступления. Таким образом, копирование компьютерной информации должно быть квалифицировано по соответствующим статьям в зависимости от того, какая конфиденциальная информация была получена таким образом, и какие права обладателя информации нарушены.

Список использованных источников:

1. Айсанов Р. М. Состав неправомерного доступа к компьютерной информации, в Российском, международном и зарубежном уголовном законодательстве . : автореф. дис. канд. юр. наук : 12.00.08 / Р. М. Айсанов. – Москва, 2006. – 31 с.
2. ГОСТ Р 53114-2008 Защита информации. Обеспечение информационной безопасности в организации. Основные термины и определения – М: Стандартиформ, 2009.
3. Зубова М. А. Неправомерный доступ к компьютерной информации и его последствия [Электронный ресурс] / М. А. Зубова // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2007. – № 3. Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru>.
4. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации [Электронный ресурс] : утв. Генпрокуратурой России от 30.05.2014 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : закон ФРГ// Адвокатская канцелярия. Режим доступа: <http://www.advokat-engelmann.de>
6. Степанов-Егиянц В. Г. Ответственность за преступления против компьютерной информации по Уголовному законодательству Российской Федерации [Электронный ресурс] : монография / В. Г. Степанов-Егиянц. – М.: Статут, 2016. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. Сулопаров А. В. Компьютерные преступления как разновидность преступлений информационного характера. : дис. канд. юр. наук : 12.00.08 / А. В. Сулопаров. – Красноярск, 2010. – 206 с.
8. Уголовный кодекс КНР [Электронный ресурс] // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org>
9. Уголовный кодекс ФРГ [Электронный ресурс] // Российский правовой портал: библиотека Пашкова. Режим доступа: <http://www.constitutions.ru>.
10. Халлиулин А. И. Неправомерное копирование как последствие преступлений в сфере компьютерной информации [Электронный ресурс] / А. И. Халлиулин // Российский следователь. – 2015. – № 8. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

11. Швед Н. А. Неправомерный доступ к компьютерной информации: уголовно-правовая защита в РФ и Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Н. А. Швед // Информационное право. – 2016. – № 2. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

**КЛЕВЕТА О ТОМ, ЧТО ЛИЦО СТРАДАЕТ ЗАБОЛЕВАНИЕМ,
ПРЕДСТАВЛЯЮЩИМ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ, А РАВНО КЛЕВЕТА,
СОЕДИНЕННАЯ С ОБВИНЕНИЕМ ЛИЦА В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА**

© Ю.В. Наследников
Научный руководитель: Т.В. Долголенко
канд. юрид. наук
Сибирский федеральный университет

К вопросам, вызывающим определенную сложность и неоднозначность в толковании, относится клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединённая с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера.

Эти квалифицирующие признаки предусмотрены в диспозиции части 4 статьи 128.1 УК РФ, которая является бланкетной.

Согласно постановлению Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» (далее – постановление Правительства РФ №715), таковыми признаются: болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), вирусные лихорадки, передаваемые членистоногими, и вирусные геморрагические лихорадки, гельминтозы, гепатит В, гепатит С, дифтерия, инфекции, передающиеся преимущественно половым путем, лепра, малярия, педикулез, акариоз и другие инфестации, сепсис и мелиоидоз, сибирская язва, туберкулез, холера, чума. Указанный перечень является закрытым. Данные группы заболеваний конкретизируются международной классификации болезней десятого пересмотра (далее – МКБ-10).

При этом Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ) на своем официальном сайте публикует обновления МКБ-10. Так, например, геморрагическая лихорадка денге с предупреждающими знаками (клиническими проявлениями) была внесена в МКБ-10 в 2016 году под кодом А97.1.

Однако, возникает вопрос о квалификации действий лица, в случае, если им будут распространены заведомо ложные сведения о том, что лицо

страдает заболеванием, которое ранее включалось в МКБ-10, но впоследствии было исключено из него. Думается, что необходимо применять часть 1 статьи 10 УК РФ, согласно которой, уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу. Соответственно распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость.

При этом распространение заведомо ложных сведений о заболевании, которое ВОЗ еще не успела включить в указанный перечень, как отмечает Норвартян Ю.С., следует квалифицировать по части 1 статьи 128.1 УК РФ, а если лицо использовало служебное положение, то по части 3 статьи 128.1 УК РФ. В качестве примера он указывает на распространение ложных сведений о наличии у лица вируса Эбола.

Однако указанный пример является некорректным, поскольку вирус Эбола в международной классификации болезней десятого пересмотра имеет код A98.4. Согласно постановлению Правительства РФ № 715, указанный код относится к вирусным лихорадкам, передаваемым членистоногими, и вирусным геморрагическим лихорадкам. Соответственно, квалификация за распространение ложных сведений о заболевании лица вирусом Эбола необходимо квалифицировать по части 4 статьи 128.1 УК РФ. Данный вывод имеет принципиальное значение для привлечения лица к уголовной ответственности.

Кроме того, 18 июня 2018 на сайте ВОЗ официально опубликована подготовительная версия МКБ-11, которая будет представлена для принятия государствами-членами на сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения в мае 2019 г. и вступит в силу 1 января 2022 года. Как отмечает Генеральный директор ВОЗ д-р Тедрос Адханом Гебрейесус, МКБ-11 создавали беспрецедентное число работников свыше 10 лет. Новая МКБ отражает прогресс в медицине и научной мысли.

Также возникает вопрос, как квалифицировать действия лица, если он распространял правдивые сведения о заболевании. Например, лечащий врач, намереваясь подорвать деловую репутацию, распространил сведения о наличии у лица вируса иммунодефицита человека. В данном случае будет отсутствовать заведомая ложность сведений, соответственно квалификация будет не по части 4 статьи 128.1 УК РФ, а по статье 137 УК РФ (Нарушение неприкосновенности частной жизни). Кроме того, данная позиция подтверждается судебной практикой.

Так, мировым судьей Devonского судебного участка г. Усинска Республики Коми был вынесен приговор в отношении Егорова Д.А., который в социальной сети, без согласия потерпевшей, разместил в комментариях под фотографиями сведения о том, что потерпевшая больна ВИЧ-заболеванием. Помимо этого, сообщил родителям потерпевшей, без её согласия, о наличии у неё ВИЧ-заболевания. Мировой судья Devonского судебного участка г. Усинска Егорова Д.А. признал виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 137 УК РФ, и ему было назначено наказание в виде штрафа в доход государства в размере 40000 руб.

Помимо ответственности за ложные сведения о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, рассматриваемая норма также предусматривает ответственность за клевету, соединенную с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера. Однако, ни в УК РФ, ни в разъяснениях Верховного суда Российской Федерации не раскрывается понятие преступлений сексуального характера. В УК РФ, а именно в примечание к статье 240.1, содержится лишь понятие сексуальных услуг, под которыми понимаются половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, условием совершения которых является денежное или любое другое вознаграждение несовершеннолетнего или третьего лица либо обещание вознаграждения несовершеннолетнему или третьему лицу.

С одной стороны, данные преступления можно отождествить с преступлениями, предусмотренными главой 18 УК РФ. С другой стороны, в УК РФ предусмотрены такие преступления, как вовлечение в занятие проституцией (статья 240 УК РФ), получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (статья 240.1 УК РФ), организация занятия проституцией (статья 241 УК РФ), незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (статья 242 УК РФ), изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (статья 242.1 УК РФ), использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (статья 242.2 УК РФ). Указанные преступления являются преступлениями против здоровья населения и общественной нравственности, предусмотренные в главе 25 УК РФ.

По мнению Харитоновой И.И., к преступлениям сексуального характера необходимо относить преступления, предусмотренные главой 18 УК РФ, а также нормы, предусматривающие уголовную ответственность за изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (статьи 242, 242.1, 242.2 УК РФ), а также преступления, связанные с эксплуатацией человека в

сфере проституции (статьи 240, 240.1, 241 УК РФ). Иной позиции придерживается Гусарова М.В., понимая под преступлениями сексуального характера только преступления, предусмотренные главой 18 УК РФ.

Таким образом, отсутствие законодательного определения преступлений сексуального характера создает сложности в правоприменении, в том числе и относительно части 4 статьи 128.1 УК РФ. Представляется, что понятие преступлений сексуального характера должно быть раскрыто законодателем в УК РФ.

Список использованных источников:

1. ВОЗ выпускает новый пересмотр Международной классификации болезней (МКБ-11) [электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.who.int/ru/news-room/detail/18-06-2018-who-releases-new-international-classification-of-diseases-\(icd-11\)](https://www.who.int/ru/news-room/detail/18-06-2018-who-releases-new-international-classification-of-diseases-(icd-11))

2. Гусарова М.В. Разграничение преступлений сексуальной направленности и деяний против жизни и здоровья личности / Гусарова М.В. // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2018. – С. 16-18.

3. Международная классификация болезней МКБ-10 (Адаптированный вариант в трех частях) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. Норвартян Ю.С. Объективная сторона клеветы, соединенной с распространением заведомо ложных сведений о наличии у лица заболеваний, представляющих опасность для окружающих / Норвартян Ю.С. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки . – 2016. – № 3 (26). – С. 75-76.

5. Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 (ред. от 13.07.2012) «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // Доступ из справ. -правовой системы «Консультант Плюс».

6. Приговор мирового судьи Девонского судебного участка г. Усинска Республики Коми по уголовному делу № 1-29/2016 2016 // Режим доступа URL: <https://rospravosudie.com/court-devonskij-sudebnyj-uchastok-g-usinska-s/act-229753733/>

7. Харитонов И.И. Уголовная ответственность за клевету. Дисс...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Харитонов И.И. – М. – 2015. – 230 с.

**УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ:
ГУМАНИЗАЦИЯ ИЛИ РЕПРЕССИЯ**

© Н.М. Наумова

Научный руководитель: Ю.А. Случевская

канд. юрид. наук

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД РФ

Вот уже на протяжении нескольких лет законодатель прилагает значительные усилия по гуманизации уголовного законодательства России. Подтверждением этого является декриминализация отдельных составов, расширение института освобождения от уголовной ответственности, а также активное внедрение института административной преюдиции. Еще в 2011 году был подписан закон о гуманизации уголовного законодательства, в соответствии с которым были внесены изменения в Общую часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [3]. В настоящее время о необходимости гуманизации уголовного законодательства говорят, как теоретики, так и практики.

По данным Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) с принятием Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [4] за первое полугодие 2017 года от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в качестве иной меры уголовно-правового характера судами на основании положений ст. 72.2 УК РФ были освобождены 7335 лиц, из них 239 несовершеннолетних.

Возникает вопрос, являются ли достаточными такие меры, поскольку значительное число лиц были осуждены за преступления, не представляющие большой общественной опасности, без возможности должным образом дифференцировать их уголовную ответственность ввиду отсутствия такого механизма на законодательном уровне.

В настоящий момент в уголовном законодательстве выделяется четыре категории преступлений: небольшой, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Это указано в ст. 15 УК РФ. Среди них наименьшую общественную опасность по своему характеру представляют преступления небольшой тяжести, которыми признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы. В

отношении лица, совершившего преступление, действуют определенные правовые последствия, применение которых законодатель непосредственно связывает с категорией совершенного деяния. Например, давность уголовного преследования, вид и размер уголовного наказания, погашение или снятие судимости, условное наказание и условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и др.

При этом, проанализировав положения действующего уголовного закона, можно сделать вывод о том, что категория «преступления небольшой тяжести» является собирательным понятием и объединяет в себе деяния, сильно различающиеся по характеру общественной опасности, а соответственно, и по пределам назначаемого наказания за их совершение. Более того, к указанной категории одновременно относятся преступления, санкция за которые предусматривает наказание в виде лишения свободы, например побои (ст. 116 УК РФ), и преступления, за совершение которых наказание в виде лишения свободы вообще не предусмотрено санкцией статьи, например загрязнение морской среды (ч. 1 ст. 252 УК РФ). Иными словами, из всех преступлений, представляющих категорию преступлений небольшой тяжести, мы можем выделить те из них, которые представляют наименьшую общественную опасность, следствием чего является отсутствие в их санкции наказания в виде лишения свободы.

В то же время в рассматриваемой категории имеются и те деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает 3-х лет лишения свободы. Все это говорит о том, что в одном случае законодатель фактически дифференцировал деяния на основании максимального наказания, а в другом, напротив, не позволяет дифференцировать уголовную ответственность в отношении лиц, впервые совершивших преступление небольшой тяжести, которые могут быть исправлены без правовых последствий, предусмотренных УК РФ. Отметим, что совершение указанных преступлений влечет, как правило, схожие правовые последствия, но представляется, что приравнивание их к одной и той же категории преступлений небольшой тяжести не соответствует таким общеправовым принципам, как справедливость и индивидуализация уголовной ответственности и наказания.

Преследуя цель гуманизации уголовного законодательства, ВС РФ вышел в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации с инициативой о внедрении в УК РФ института уголовного проступка путем признания преступлений небольшой тяжести, за совершение которых не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, уголовными проступками. Сегодня уголовное законодательство России насчитывает порядка 80 составов

таких преступлений, и по статистике за 2016 год по ним было осуждено около 40 тыс. человек. Внесение указанных изменений с принятием законопроекта позволит освободить лиц, впервые совершивших такие деяния, от уголовной ответственности с назначением иных мер уголовно-правового характера.

Суть законопроекта заключается в введении нового, императивного основания освобождения лица, впервые совершившего уголовный проступок. Его отличительной чертой является то, что оно основывается на минимальном характере общественной опасности содеянного, данных о личности лица его совершившего и, как следствие, отсутствии у такого лица судимости. Это позволит сократить «тюремное население». При этом предусматривается возможность привлечения лица к уголовной ответственности в полном объеме в случае, если такое лицо, совершившее уголовный проступок, уклоняется от исполнения судебного решения. Похожий механизм сегодня реализован в отношении несовершеннолетних, освобожденных от уголовной ответственности, с применением к ним принудительных мер воспитательного воздействия.

По новому законопроекту ВС РФ предлагается обязательное освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних, впервые совершивших уголовный проступок, с применением одной из мер, предусмотренных в п. 6 ст. 1 законопроекта № 612292-7 [1]. В случае систематического неисполнения несовершеннолетним избранной ему принудительной меры воспитательного воздействия, она отменяется и несовершеннолетний привлекается к уголовной ответственности.

Проанализировав действующий институт уголовной ответственности, отметим, что к лицу, освобожденному от уголовной ответственности по ст. 76.2 УК РФ, может быть применен лишь судебный штраф в качестве меры уголовно-правового характера, что, по нашему мнению, также не позволяет индивидуализировать примененную к лицу меру на основе его характеристики. Поэтому считаем, что расширение числа подобных мер приведет к снижению репрессивности уголовного законодательства, в частности, законопроект предполагает расширить перечень таких мер, включив в него меры, сходные с некоторыми видами применяемых сегодня наказаний, которые не связаны с изоляцией от общества, например исправительные и обязательные работы.

Рассматривая вопрос о необходимости введения уголовного проступка в УК РФ, мы не можем игнорировать относительно новый для нашего законодательства институт административной преюдиции, который предполагает привлечение лица к административной ответственности, если оно в течение года после привлечения к административной ответственности вновь совершит аналогичное деяние. Статья 2 Кодекса Российской Федерации об

административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2] определяет, что административным правонарушением является противоправное виновное деяние физического или юридического лица, за которое КоАП РФ устанавливает административную ответственность. Обратим внимание и на то, что максимальным наказанием по КоАП РФ является административный арест сроком не более 30 суток. Европейский Суд по правам человека в своем решении указал, что административный арест имеет уголовно-правовую природу. В связи с этим представляется, что он должен быть исключен как вид наказания из КоАП РФ.

Необходимо учитывать, что независимо от того, сколько раз лицо совершило одно и то же правонарушение, оно не превратится в преступление, административное правонарушение должно оставаться и остается административным правонарушением. Поэтому достаточно спорным является мнение о том, что введение административной преюдиции в УК РФ является гуманизацией уголовного законодательства, как это декларируется законодателем и некоторыми представителями научной общественности.

Даже несмотря на возможность одновременного существования обоих институтов, как административной ответственности, так и уголовного проступка, в отечественном законодательстве, в конечном итоге законодатель должен определиться, какой политики он придерживается: политики гуманизации или репрессии.

ВС РФ в пояснительной записке к законопроекту обосновывает свою инициативу тем, что предлагаемые изменения позволят справедливо классифицировать общественно опасные деяния, дифференцировать уголовную ответственность за их совершение, расширить перечень оснований освобождения от уголовной ответственности, упростить судебную процедуру рассмотрения уголовных дел, а также существенно сократить сферу применения уголовного наказания за счет назначения иных мер уголовно-правового характера, не влекущих судимости и негативных правовых последствий.

Таким образом, внесение такого рода изменений в УК РФ требует тщательного изучения сложившейся обстановки в стране, внесение соответствующих предложений и рекомендаций со стороны теоретиков и практиков, учета зарубежного опыта и, что самое главное, четкого понимания законодателем конечной цели вносимых изменений. Мы полагаем, что введение института уголовного проступка с одновременным отказом от института административной преюдиции будет наиболее действенным и отвечающим требованиям гуманизации уголовного законодательства.

Список использованных источников:

1. Законопроект № 612292-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка».
2. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 18.03.2019)// СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018)// СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».

**ОТГРАНИЧЕНИЕ МОШЕННИЧЕСТВА ОТ НЕКОТОРЫХ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

© Т.В. Ольчук

Научный руководитель: А.Н. Тарбагаев

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Мошенничество имеет как общие, так и отличительные признаки с другими видами хищений, в первую очередь с кражей, которые следует знать, чтобы отграничивать его от смежных составов преступлений

Обратимся к такому признаку состава преступления, как объект преступного посягательства. Основным объектом преступлений главы 21 УК РФ, следует считать отношения собственности. Предмет мошенничества имеет специфику в сравнении с другими формами хищения; им может быть не только чужое имущество, но и право на него, например, на квартиру, дом, земельный участок [1, с. 57]. Само понятие предмета посягательства судебная практика трактует в соответствии с гражданско-правовым определением объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ).

К ним относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, результаты работ и оказание услуг [2].

Современная судебная практика исходит из того, что вещь должна обладать определенными физическими параметрами. Предмет хищения (имущество) в целом совпадает с гражданско-правовым понятием вещи и характеризуется тремя признаками: физическим, экономическим и юридическим.

То обстоятельство, что мошенничество является формой преступного обращения в свою пользу недвижимого имущества, это не означает, что составом данного преступления охватывается только оформление права собственности на недвижимость. При мошенничестве преступник может «приобрести» не только право собственности, но и любые иные имущественные права на недвижимость, в том числе обязательственные. Приобретение права на имущество – это получение права распоряжаться определенной вещью, когда виновный может не обладать ею фактически.

Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» под правом на имущество понимается удостоверенная в документах возможность осуществлять правомочия собственника или законного владельца в отношении определенного имущества. Следовательно, речь идет исключительно о вещных правоотношениях [5].

По мнению ряда ученых, распространение понятия «приобретение права на имущество» при мошенничестве на сферу обязательственных отношений обусловлено необходимостью их уголовно-правовой охраны [10, с. 45]. Особенностью «приобретения права на имущество» является то, что лицо, путем обмана или злоупотребления доверием не завладевает имуществом, а лишь приобретает право на него. Иными словами «приобретение права на чужое имущество» подразумевает оформление права собственности на вещь либо приобретение обязательственного права, которое позволяет завладеть этой вещью. Так при совершении купли-продажи недвижимости (квартиры), между собственником имущества и покупателем возникают обязательственные правоотношения, в соответствии с которыми в письменной форме составляется единый документ, подписанный обеими сторонами (договор купли-продажи квартиры). Мошенничество, совершенное в форме приобретения права на чужое имущество, считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным [7].

Таким образом, для мошенничества, как для одной из форм хищения, характерна особенность, заключающаяся в предмете преступного посягательства. Предметом мошенничества, в отличие от таких форм хищения, как

кража, грабеж, разбой, может быть не только чужое имущество, но и право на чужое имущество.

Мошенничество необходимо, прежде всего, отличать от кражи, поскольку, при ее совершении виновные тоже могут прибегать к обману с целью проникнуть в помещение, жилище, иное хранилище и тайно похитить имущество [4, с. 260].

При совершении кражи обман является всего лишь условием, облегчающим доступ к имуществу с последующим тайным его изъятием, и в силу этого не обуславливает переход ценностей от собственника к преступнику. Совершенно иную роль играет обман в составе мошенничества, выступая основным признаком передачи имущества субъекту, который и обращает его в свою пользу. Иными словами обман в мошенничестве является одним из способов совершения преступления. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» отмечено, что если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от способа хищения образуют состав кражи или грабежа [7].

Специфика данного преступления состоит в способе совершаемого хищения. При квалификации подобных ситуаций на практике нередко допускаются ошибки. Например, по конкретному делу хищение чужого имущества путем обмана необоснованно квалифицировано как кража. Действия Ф. и П. были квалифицированы Ломоносовским районным судом Архангельской области по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Ф. и П. были признаны виновными в покушении на тайное хищение имущества Я. с незаконным проникновением в его жилище группой лиц по предварительному сговору. Судебная коллегия по уголовным делам Архангельского областного суда отметила, что суд, правильно установив фактические обстоятельства дела, допустил ошибку при квалификации действий виновных. Из исследованных доказательств, Ф. и П., задумав похитить имущество Я., представились ему сотрудниками милиции и путем обмана под предлогом осмотра проникли в квартиру потерпевшего; обыскав шкафы и не обнаружив ничего ценного, они покинули жилище Я., не доведя свой преступный умысел до конца по независящим от них обстоятельствам [3]. Поскольку потерпевший был введен осужденными в заблуждение, приговор изменен, действия Ф. и П. переквалифицированы на ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 159 УК РФ.

Разграничение мошенничества и грабежа также является актуальным в том случае, когда при обнаружении обмана, который был предпринят

виновным для облегчения совершения другого хищения (чаще кражи), лицо не оставило мысли изъять чужое имущество и продолжило свои противоправные действия. Данное деяние в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» следует квалифицировать, как грабеж [6]. При мошенничестве потерпевший сам передает имущество преступнику.

Мошенничество необходимо отграничивать от такой формы хищения как присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ). Отличие между данными составами преступлений производится по предмету и субъекту преступления. Следует согласиться, что при присвоении и растрате имущество вверено виновному, а при мошенничестве виновный незаконным образом приобретает доступ к имуществу. В качестве вверенного можно рассматривать: чужое имущество, переданное виновному на основании гражданско-правового договора (на хранение, в аренду, в пользование, для перевозки и т.п.); имущество, которое оказалось в ведении виновного в силу трудовых, служебных отношений (к примеру, все имущество организации находится в ведении руководителя этой организации) или в силу специального полномочия (например, при назначении арбитражного управляющего).

При этом, в судебной практике имеются случаи неправомерной квалификации действий виновных как мошенничества при наличии состава преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ. Так, суд квалифицировал действия по ч. 3 ст. 159 УК РФ как хищение чужого имущества путем обмана, с использованием своего служебного положения. Приговором П. признана виновной в том, что, являясь бухгалтером, путем обмана, с использованием своего служебного положения, похитила чужое имущество. Возложенные на бухгалтера П. должностные обязанности, в том числе осуществление операций по приему, выдаче, хранению денежных средств, ведению кассы, не относятся к разряду административно-хозяйственных, как это ошибочно указали органы следствия и суд, а являются полномочиями по исполнению трудовых обязанностей. В связи с этим действия П. подлежат переквалификации с ч. 3 ст. 159 УК РФ на ч. 1 ст. 160 УК РФ как хищение чужого имущества, вверенного виновному, путем присвоения [8].

Список использованных источников:

1. Винокуров В.Н. Предмет преступления: отличие от смежных понятий // Журнал российского права. – 2011. – № 12.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Информационный бюллетень кассационной и надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Архангельского областного суда за III квартал 2009 г. // СПС «КонсультантПлюс».

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Н.И. Ветров, М.М. Дайшутов, Г.В. Дашков и др.; под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юриспруденция, 2013. – 912с.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Президиума Алтайского краевого суда от 16.02.2016 по делу № 44У-27/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954.

10. Яни С.А., Яни П.С., Яни Д.П. Понимание права на имущество как предмет мошенничества в теории и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 3. – С. 14 – 17.

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

© А.А. Пальманова

Научный руководитель: А.П. Севастьянов

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Преступность несовершеннолетних является одной из серьезнейших проблем современного общества. «Вовлекатель» вторгается в процесс нормального физического и психического развития несовершеннолетнего и

собственным поведением оказывает на него сильное отрицательное влияние [5, с.50].

Вовлечение – это действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление [6].

Хотелось бы остановиться на проблеме квалификации в зависимости от возраста потерпевшего. В частности, Постановление Пленума ВС РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 указал [4], в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу части 2 статьи 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения. Посредственное причинение заключается в совершении субъектом преступления через лиц, которые действуют невиновно или не обладают признаками субъекта преступления [1, с.201].

В итоге выстраивается следующий алгоритм квалификации:

1. Если взрослый воздействует на несовершеннолетнего, способного нести уголовную ответственность, который самостоятельно, без участия взрослого выполнил преступление, к совершению которого его подстрекал взрослый, то взрослый несет ответственность по ст. 150 УК РФ и за соучастие в преступлении, совершенном несовершеннолетним со ссылкой на ст. 33 УК, а несовершеннолетний – за выполненное им преступление. При этом следует иметь в виду, что соучастие предполагает выполнение несовершеннолетним именно того преступления, в которое его вовлекал взрослый.

2. Если в результате вовлечения преступление выполнено несовершеннолетним совместно с взрослым, то взрослый несет ответственность по ст. 150 УК РФ и за соисполнительство в конкретном преступлении, причем, если состав этого преступления предусматривает квалифицирующий признак «совершение деяния группой лиц по предварительному сговору», он должен быть вменен и взрослому, и несовершеннолетнему.

3. Если, совершая под влиянием взрослого преступление, несовершеннолетний не довел его до конца по независящим от него причинам, то взрослый несет ответственность по ст. 150 УК РФ и за приготовление или покушение на преступление.

4. Если несовершеннолетний не стал совершать преступления, взрослый несет ответственность по ст. 150 УК РФ и за приготовление к конкретному преступлению в форме приискания соучастников, если преступление, к которому

он привлекал несовершеннолетнего, относится к категории тяжких или особо тяжких.

5. Если взрослый воздействует на несовершеннолетнего, не способного нести уголовную ответственности в силу возраста или невменяемости, то в случае совершения им самостоятельно общественно опасного деяния (оно не может быть признано преступлением), взрослый несет ответственность по ст. 150 УК РФ и как исполнитель выполненного несовершеннолетним деяния согласно теории посредственного причинения [1, с.114].

6. Если в аналогичной ситуации несовершеннолетний совершал деяние совместно со взрослым, квалификация действий взрослого не изменится и на ней не отразится факт совершения деяния двумя лицами, поскольку он в этом случае не образует соучастия. Если же несовершеннолетний не стал выполнять общественно опасных действий, взрослый несет ответственность только по ст. 150 УК РФ.

В связи с этим следует признать верной позицию Ленинского суда г. Тюмени, высказанную по делу А., которая будучи матерью двух несовершеннолетних детей Д. (11 лет) и Е. (10 лет), пришла с ними к дому, в котором, как ей было известно, находились оставшиеся без присмотра хозяев вещи, заставила их проникнуть в дом через окно и оттуда подавать ей вещи [3, с.139]. На предварительном следствии ее действия были квалифицированы как вовлечение несовершеннолетних в преступление и как кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в жилище и с причинением значительного ущерба потерпевшему. Однако суд исключил из обвинения признак совершения кражи группой лиц по предварительному сговору. Аргументация суда безупречна: «состав группы могут образовывать только лица, подлежащие уголовной ответственности [3, с.140].

Лица, не достигшие 14 лет, входить в группу не могут, хотя фактически они непосредственно и участвовали в тайном изъятии чужого имущества». Относительно же вовлечения суд указал: «А. вовлекала в тяжкое преступление лиц, не несущих уголовной ответственности за не достижение 14 лет. Дети ответственности не несут, но она отвечает за их действия как исполнитель путем посредственного причинения.

Кроме того, она не только вовлекла детей в совершение тяжкого преступления, как организатор, но и сама является исполнителем этого преступления». Соответственно суд квалифицировал действия А. по ч. 4 ст. 150 и п. «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ [2, с.81].

Еще один аспект – несовершеннолетний, который является вовлеченным в преступление – потерпевший, так как действия взрослого лица,

вовлекающего его в совершение преступления, наносят существенный вред интересам развития и воспитания несовершеннолетнего лица. Потерпевшем по ст. 150 УК РФ – лицо, не достигшее к моменту совершения преступления восемнадцатилетнего возраста.

Возникает противоречивая ситуация, при которой лицо является субъектом преступлений, предусмотренных ст. 158, 161, 162 по достижению возраста 14 лет, то есть является несовершеннолетним лицом, а лица, речь о которых идет в рассматриваемой нами статье, в силу, к примеру, не достижения возраста уголовной ответственности, в данном случае являются малолетними, в связи с чем привлечь взрослое лицо к уголовной ответственности дополнительно по ст. 150 УК РФ не представляется возможным. Следовательно, данное положение исключает возможность привлечения совершеннолетнего к ответственности по ст. 150 УК РФ за вовлечение малолетнего в совершение преступления. В результате, совершеннолетний субъект, склонивший несовершеннолетнего к совершению преступления, будет нести большую уголовную ответственность, чем, если этот же субъект вовлек в преступление малолетнего.

Таким образом, уголовно-правовая оценка действий лица, совершившего, возможно, даже более опасное деяние, несправедливо оказывается заниженной. Представляется, что для устранения описанной выше проблемы уголовно-правового регулирования, следует по аналогии с пунктом «б» части 4 статьи 131 и пунктом «а» части 3 статьи 132 УК РФ, ввести в статью 150 УК РФ, особо квалифицированный состав преступления, при этом, указав: «деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей, четвертой, если они совершены в отношении лица, не достигшего 14 летнего возраста», с установлением более строго наказания, чем в части 4 статьи 150 УК РФ.

Список использованных источников:

1. Ахмедова, С.Ш. Ответственность за вовлечение малолетних и несовершеннолетних в антиобщественную деятельность: Уголовно-правовые и криминологические проблемы: дисс...канд. юрид. наук. / С.Ш. Ахмедова. – Волгоград, 2001. –240 с.
2. Басова, Т.Б. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т.Б. Басова. – Москва: КОНТРАКТ: Инфра-М, 2013. – 987 с.

3. Бриллиантов, А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. 2-е изд. / А.В. Бриллиантов. – Москва: Проспект, 2015. – 1041 с.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Сокол Е.В. Особенности личности несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение преступления // Вестник Краснодарского Университета МВД России. 2009. №4. – 322 с.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред.от 01.04.2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА С РАЗВРАТНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ

© Е.Н. Прокофьева

Научный руководитель: Н.В. Качина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

При анализе уголовно-правовых норм 18 главы Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающих уголовную ответственность за насильственные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних, выявляются проблемы их законодательного построения и формулирования, что приводит к неоднозначному толкованию признаков этих составов и соответственно к неверной квалификации таких преступлений.

Главной и острой на сегодняшний день остается проблема разграничения действий сексуального характера с развратными действиями, порожденная законодательным несовершенством формулировок диспозиций норм, расположенных в статьях 134 и 135 УК РФ.

Детальный анализ диспозиций указанных норм приводит к выводу, что четкие критерии разграничения деяний, указанных в диспозициях статей 134, 135 УК РФ, отсутствуют. Однако, в ст. 134 УК РФ предусмотрена ответственность за совершение действий сексуального характера в отношении не достигших 16-летнего возраста лиц, а в ст. 135 – за совершение с ними развратных

действий. «Действия сексуального характера» отличаются от «развратных действий» по степени общественной опасности, строгости санкции за совершенное деяние и характеру противоправного сексуального поведения, в связи, с чем одно из этих понятий в другое включаться не может, и соответственно, между ними должна быть проведена четкая грань.

Название ст. 134 УК РФ звучит как «половое сношение и иные действия сексуального характера». Под последними понимаются любые способы удовлетворения полового влечения между мужчинами или между мужчиной и женщиной. Это может быть, например, оральный секс («coitusperos») или анальный секс («coitusperanum») [2, с. 145].

Диспозиция ст. 134 содержит только такие действия как половое сношение, мужеложство и лесбиянство, и соответственно охватывает собой более узкий круг деяний, чем название рассматриваемой статьи. Иные действия сексуального характера, не являющиеся половым сношением, мужеложством или лесбиянством, не подпадают под действие ст. 134 УК РФ, и квалифицируются по ст. 135 УК РФ, как развратные действия, что является пробелом закона, наличие которого едва ли можно признать оправданным [3, с. 126].

Статья 132 УК РФ также содержит в своем названии «иные действия сексуального характера», однако, её диспозиция соответствует названию и предусматривает все иные формы действий сексуального характера, помимо мужеложства и лесбиянства. Тем самым, данная статья, имея одинаковое в части действий название со ст. 134 УК РФ, но охватывает более широкий круг деяний.

В уголовно-правовой литературе приводится обширный перечень иных действий сексуального характера. Так, один из соавторов статьи предлагает относить к ним все другие (помимо мужеложства и лесбиянства) нетрадиционные виды удовлетворения половой потребности с участием только мужчин либо как мужчин, так и женщин. В первом случае имеются в виду различные (кроме анального секса) проявления мужского гомосексуализма: оральный секс; имитация анального секса; мастурбация и т.д. Второй случай охватывает собой самые разнообразные проявления гетеросексуальной активности партнеров и, прежде всего, суррогатные формы полового сношения: оральный секс, анальный секс, вестибулярный коитус, нарвасадату, имитацию анального секса или вагинального (связанного с проникновением во влагалище) акта с помощью рук, всевозможных предметов или приспособлений и т.д. Такими действиями следует признавать также некоторые другие формы сексуальных отклонений, к примеру, фроттаж, садизм, флагелляцию и т.д. Наконец, ст. 132 УК РФ охватывается и половое сношение (совокупление) в

естественной (традиционной) форме, но под принуждением со стороны женщины [4, с. 103-104].

В свою очередь, к развратным действиям Верховный Суд РФ относит любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, которые направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям. Верховный Суд, таким образом, пытается ликвидировать образовавшийся пробел в законе, однако делает это ошибочно. Достаточно широкий перечень деяний, представляющих общественную опасность для нормального физического и психического развития несовершеннолетних, соответственно, остается за рамками понятия «иные действия сексуального характера» применительно к ст. 134 УК РФ.

М. Изотова и Ю. Островецкая под развратными действиями предлагают понимать «ненасильственные действия сексуального характера, направленные на возбуждение или удовлетворение половой потребности виновного или других лиц либо способные вызвать у потерпевшего (потерпевшей) сексуальное любопытство или сексуальное возбуждение, не связанное с непосредственным сексуальным контактом (проникновением) с потерпевшим (потерпевшей). К развратным действиям, по мнению авторов, следовательно, не относятся половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, связанные с непосредственным сексуальным контактом с потерпевшим (потерпевшей), в том числе сопряженным с проникновением в его естественные полости» [1, с. 3].

В отличие от развратных действий, действия сексуального характера, по нашему мнению, должны быть именно активного характера, связанные с проникновением в естественные полости тела или с непосредственным контактом с телом, и с использованием половых органов хотя бы одного лица. Данные действия обладают гораздо более значительной общественной опасностью, нежели развратные действия.

С целью устранения обозначенной проблемы законодателю необходимо привести диспозиции статьи 134 УК в соответствие с ее названием. Для этого ч. 2 данной статьи, по нашему мнению, следует изложить следующим образом: «Мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста...».

Верховному суду, в свою очередь, в Постановлении следует разъяснить, что под иными действиями сексуального характера следует понимать «действия, совершаемые для достижения сексуального удовлетворения,

сопряженные с проникновением, либо связанные с непосредственным контактом с телом потерпевшего и с манипулированием обнаженными половыми органами потерпевшего или аналогичными действиями потерпевшего в отношении виновного».

Такая мера, с нашей точки зрения, поможет устранить сложившийся пробел в законе. Конкретно определив критерии «действий сексуального характера», правоприменителю при квалификации тех или иных деяний, будет легче сопоставить признаки совершенного деяния с критериями, данными в Постановлении Пленума, методом исключения из круга очерченных Верховным Судом «иных действий сексуального характера», можно будет прийти к выводу, что совершенное виновным лицом деяние есть не что иное, как развратное действие.

Диспозицию ч. 1 ст. 135 УК РФ, по нашему мнению, следует изложить в следующей редакции: «Развратные действия, совершенные лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 131, 132 и 134 настоящего Кодекса».

Отсутствие четких критериев разграничения «действий сексуального характера» и «развратных действий» порождает достаточно широкий спектр проблем, возникающих как при квалификации таких деяний, так и в дальнейшем при вынесении справедливого судебного приговора.

На законодательном уровне требуется серьезная реконструкция и систематизация всех статей 18 главы Уголовного Кодекса «Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности», так как ключевой момент разграничения «иных действий сексуального характера» с «развратными действиями» должен прослеживаться во всех статьях данной главы. Задачей законодателя является обеспечение беспробельности уголовно-правовой охраны таких благ как половая свобода и половая неприкосновенность человека.

Решение данной проблемы требует более детального и системного подхода и должно иметь в своей основе прочный теоретический и логический фундамент.

Список использованных источников:

1. Изотова М. Проблемы применения законодательства об ответственности за ненасильственные сексуальные посяательства на несовершеннолетних / Изотова М. Островецкая Ю. // Уголовное право. – 2013. – № 4. С. 15-21.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / ред. Рарог А.И. – Москва : Проспект, 2011. 400 с.
3. Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть: Учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. Москва: Инфра-М, 2013. 352 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Особенная часть: Постатейный научно-практический комментарий / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. Москва: Библиотечка РГ, 2012. 785 с.

УГРОЗА ПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ В СОСТАВАХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

© А.В. Семенова

Научный руководитель: М.А. Безматерных
Сибирский федеральный университет

В лингвистической литературе угроза понимается как: 1. Возможная опасность; 2. Запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, зло. [9]. В толковом словаре В.И. Даля угрожать (уграживать) значит «угрозить кому чем, грозить, стращать, наводить опасность либо опасенье, держать кого под страхом, под опаскою; приграживать» [3]

Теоретики прошлого понимали под угрозой умышленное «стращение» человека причинением ему какого-либо противозаконного зла, [11], угрозу действительным злом. Л.С. Белогриц-Котляревский отмечал, что действительность зла определяется субъективным восприятием его потерпевшим, сюда могут быть отнесены и случаи угроз «фиктивным» злом, если виновный осознаёт, что такая угроза расценивается потерпевшим как реальная. [1]. В настоящее время ученые под термином «угроза» в уголовно-правовом значении понимают запугивание другого лица совершением немедленно или в будущем таких действий, которые могут причинить ущерб потерпевшему или нарушить его права. [5].

В юридической литературе угрозы классифицируют по – разному. Р.В. Дягилев, например, в зависимости от характера действий, совершением которых угрожает виновный выделяет следующие виды угроз:

- угроза совершением противоправных действий;
- угроза совершением правомерных, но нежелательных для потерпевшего действий (угроза самоубийством).

Первый вид угрозы, в свою очередь, автор подразделяет на: угрозу применения физического насилия (опасного и неопасного для жизни или

здоровья и насилия без конкретизации характера); угрозу причинением имущественного ущерба; шантаж (угроза распространения сведений, которые могут опорочить потерпевшего или его близких в глазах других лиц); угрозу совершением иных противоправных действий (злоупотребление, превышение власти). [4, с.89]

О.И.Коростылёв все виды угроз разделяет на угрозы, выступающие деянием (сюда же относятся угрозы-способы совершения преступления), и угрозы-последствия. В качестве угроз, выступающих в качестве угроз-способов совершения преступления, автором выделяется, в том числе, угроза насилем. [7].

Р.Д. Шарапов отмечает, что законодатель к понятию угрозы применения насилия относит исключительно угрозу применением физического насилия. [13, с.58] Фомичева М.А. понимает угрозу применения насилия как: «угрозу нанесением побоев, а также угрозу совершения действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свобод.» [12]

Угроза применением насилия названа в ст. ст. 131,132 УК РФ в качестве одного из альтернативных способов совершения насильственных половых посягательств, предусмотренных этими статьями.

Кондрашова Т.В. в своей работе под угрозой применения насилия в половых преступлениях понимает угрозу причинения лёгкого вреда здоровью, вреда средней тяжести, ограничения свободы, заражения каким – либо заболеванием (указывая на то, что в судебной практике были случаи, когда субъект добивался согласия на половой акт, угрожая, шприцом в котором содержалась ВИЧ инфекция), похищением человека, захватом заложников, либо совершением насильственных действий при более отягчающих обстоятельствах. [6, с.262]

Угроза применением насилия в насильственных половых преступлениях преследует цель: сломить или предотвратить сопротивление жертвы преступления и совершить с ней вопреки ее воле и согласию действие сексуального характера.

Угроза применения насилия может выражаться с этой целью, как к потерпевшему лицу, так и к другим лицам. В соответствии с п.4 постановления Пленума № 16 выражение угрозы применения насилия в отношении других лиц, совершаемые в целях преодоления сопротивления потерпевшего лица при изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера, требуют дополнительной квалификации по иным статьям Особенной части УК РФ [8].

В случае, если с целью преодоления сопротивления потерпевшего лица выразилась угроза: побоями и причинением легкого, средней тяжести вреда здоровью, действия виновного квалифицируются по ч.1 ст. ст. 131-132 УК РФ. А в случае если выражается угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, то данные действия квалифицируются по п. «б» ч. 2 ст. ст. 131, 132 УК РФ. Угрозой являются не только прямые высказывания виновного, но и иные действия с аналогичной информационной нагрузкой, например, демонстрация оружия или иных предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия.

Указанные угрозы должны непосредственно предшествовать действиям сексуального характера или сопровождать их. Если угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью была выражена после изнасилования или совершения насильственных действий сексуального характера с той целью, например, чтобы потерпевшее лицо никому не сообщило о случившемся, такие деяния подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьей 119 УК РФ и ст. ст. 131,132 УК РФ. Если лицо совершило половое сношение с несовершеннолетней, и уже после полового сношения стало угрожать потерпевшей, например убийством, то суд будет руководствоваться ст. 134 УК РФ и ст. 119 УК РФ. А применять ст. 131 УК РФ у суда уже не будет оснований.

Правоприменителю часто сложно конкретизировать угрозу по содержанию, если виновный не указывал на конкретный вред. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 16 также не содержит разъяснений на счет определения объема угрозы насилем. Поэтому следует руководствоваться положениями п.21 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». В указанном пункте Пленум Верховного Суда РФ предлагает в случае, когда завладение имуществом соединено с угрозой применения насилия, носящей неопределенный характер, руководствоваться другими обстоятельствами дела, например, такими как: время совершения преступления, место, число нападавших, субъективное восприятие угрозы, совершением каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствовавших о намерении нападавших применить физическое насилие, и т.п. [8]

Чтобы сломить сопротивление потерпевшего лица, угроза должна быть реальной. Реальность угрозы означает ее осуществимость, реализуемость. Согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 16 «Ответственность за изнасилование или совершение насильственных действий сексуального характера с угрозой применения насилия наступает

лишь в случаях, если такая угроза явилась средством преодоления сопротивления потерпевшего лица и у него имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Так, словесная угроза («убью», «зарезу») не всегда может быть воспринята как реальная. Недостаточно и субъективного мнения потерпевшего, что он считал угрозу реальной и опасался ее осуществления. Необходимо установить, в силу каких обстоятельств у потерпевшего имелись основания опасаться осуществления этой угрозы.

Так, например, приговором Магаданского городского суда от 11 мая 2011 г. действия К. и Н. были расценены, как совершенные с угрозой убийством. Из обстоятельств дела следовало, что в ходе совершения насильственных действий сексуального характера К. и Н. в отношении Л., К. сказал Н.: «Если будет дергаться, грохнем её». Н. согласился с этим. Потерпевшая Л. в своих показаниях подтвердила, что реально опасалась за свою жизнь. Хоть разговор был и не с потерпевшей, но нападавшие были рядом, Л. услышала разговор и приняла его как реальную угрозу для своей жизни. В связи с этим суд принял данный квалифицирующий признак насильственных действий сексуального характера. В мотивировочной части приговора суд указал на то, что разговор о возможном убийстве между преступниками был непосредственно направлен к потерпевшей и обсуждение преступниками убийства было средством преодоления или предупреждения сопротивления. [10]

Угроза применения насилия, один из способов совершения половых преступлений. Угроза в ст. ст 131, 132 УК РФ в основном составе подразумевает угрозу побоями и причинением легкого, средней тяжести вреда здоровью, а п. б» ч. 2 ст. 131, 132 УК РФ подразумевает угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Угроза может быть выражена к потерпевшему или иному лицу в целях преодоления сопротивления потерпевшего половому посягательству. Одним из признаков угрозы применением насилия является её реальность, то есть способность подавить сопротивление. Реальность осуществления угрозы можно оценить через субъективное восприятие потерпевшим лицом угрозы и, конечно, через объективные обстоятельства дела.

Список использованных источников:

1. Белогриц-Котляревский, Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая часть / Л.С. Белогриц-Котляревский; М.: Южно-русское книгоиздательство Ф.А. Югансона, 1903. Киев – Петербург – Харьков, 1903.

2. Горбатова, М.А. Составы преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье / М.А. Горбатова ; Понятие, система и уголовно-правовой анализ: Автореф. дис. канд. юр. наук. – Саратов, 2002.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В. И. Даль; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ; [науч. ред. Л. В. Беловинский]. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009.
4. Дягилев, Р.В. Угроза основной вид психического насилия / Р.В. Дягилев ; Новое уголовное законодательство России: проблемы теории и практики / Сб. статей. Под общ. ред. В. А. Никонова. – Тюмень, 1999.
5. Игнатъев, А.Н. и Красиков, Ю.А. Уголовное право России. Общая часть / Отв. ред. А.Н. Игнатъев и Ю.А. Красиков. М., 2000
6. Кондрашова, Т.В. Преступления против половой неприкосновенности / Т.В. Кондрашова ; Полный курс уголовного права. 2008.,
7. Коростылёв О.И. Уголовно-правовая характеристика угрозы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08: Ставрополь, 2004
8. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [Электронный ресурс] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4.12.2014 г. № 16 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., М.: Высшая школа, 1993.
10. Приговор Магаданского городского суда от 11 мая 2011 г. по делу № 1-241/2011 // Справочная правовая база «СудАкт». – Режим доступа: <https://sudact.ru/>.
11. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная / И.Я. Фойницкий ; Посягательства личные и имущественные. СПб., 1900.
12. Фомичева, М.А. Угроза как способ совершения преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08: Ульяновск, 2007.
13. Шарاپов, Р.Д. Вопросы квалификации преступных угроз / Р.Д. Шарাপов ; Уголовное право. 2006., – № 1.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЛОЖНЫХ СВЕДЕНИЙ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА СТРАХОВАНИЯ

© К.Ю. Сергеева

Научный руководитель: А.Н. Тарбагаев

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В последнее время все чаще совершаются преступления, предусмотренные ст. 159.5 УК РФ при заключении договоров добровольного страхования имущества.

Статья 927 ГК РФ предусматривает, что добровольное страхование, осуществляется на основании договора имущественного или личного страхования, заключаемого гражданином или юридическим лицом (страхователем) со страховой организацией (страховщиком).

В соответствии с п.2 ст. 9 Закона «Об организации страхового дела в РФ», под страховым случаем подразумевается событие, предусмотренное законом или договором, с наступлением которого связано обязательство страховщика по осуществлению страховой выплаты. Например, в качестве страхового случая могут выступать смерть гражданина, впервые диагностированные заболевания, пожар, дорожно – транспортное происшествие, угон автомобиля, хищение имущества, заражение клещевым энцефалитом и т.д.

Статья 943 ГК РФ указывает, что в договорах добровольного страхования условия могут быть определены не в самом договоре, а могут быть определены в стандартах и правилах страхования, принятых, одобренных или утвержденных страховщиком или объединением страховщиков.

Поскольку добровольные виды страхования полностью являются сферой творчества страховщика, то в данных видах страхования именно страховщик является разработчиком правил страхования, установления тарифов, коэффициентов формирования страховой премии и иных условий, на которых граждане и юридические лица имеют возможность застраховать свое имущество. Чаще всего страховщики устанавливают сумму страховой выплаты в зависимости от размера страховой премии.

В сфере добровольного страхования активно действуют мошенники, которые используют пробелы в правилах страхования, которые по упущению страховщика предоставляет возможность не производить осмотр имущества, подлежащего страхованию, не проводить проверку предоставленной информации, вследствие чего на основании недостоверной информации

мошенники имеют возможность безосновательно зависить сумму будущего страхового возмещения в случае наступления страхового случая. Впоследствии данные лица обращаются в страховые компании за выплатой страхового возмещения, тем самым реализуя преступный умысел на совершения мошенничества в сфере страхования путем предоставления заведомо ложной информации страховщику об объекте страхования.

Обман может быть пассивным или активным. Пассивный обман – это сокрытие каких-либо фактов, либо намеренное умолчание о них ради хищения чужих средств. Активный обман – это сообщение искаженных или ложных сведений, предоставление поддельных документов и другие действия, направленные на введение потерпевшего в заблуждение. В большинстве случаев обман подкрепляется предоставлением фальшивых документов – справок о ДТП, экспертных или оценочных заключений, свидетельств о рождении и т.д.

Выявить страховое мошенничество возможно путем проведения тщательной следственной работы службы безопасности страховой компании при выявлении признаков по страховому убытку в добровольных видах страхования или установление способов проверки достоверности предоставляемых сведений об объекте страхования в правилах страхования, разрабатываемых страховщиками.

В то же время для правильной квалификации деяния, совершенного путем предоставления заведомо недостоверной информации необходимо установить все элементы состава преступления. Соответственно, одним из элементов является субъективная сторона, которая содержит умысел лица как один из основных элементов, поскольку в российском уголовном законодательстве запрещено объективное вменение. Соответственно очень часто возникает вопрос разграничения одних и тех же действий страхователя, но совершенных с различной целью, поскольку только корыстная цель является одним из необходимых признаков субъективной стороны любого хищений.

Так, предоставление заведомо ложной информации при заключении договора страхования в судебной практики оценивается по-разному. Если предоставление заведомо ложно информации при предоставлении сведений в момент заключения договора страхования было средством дальнейшего получения страхового возмещения и исполнитель данного действия осознает дальнейшее использование данной информации в целях получения страховой выплаты в будущем, то в данном случае будет иметь место преступление, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ. Если же предоставление ложных сведений являлось лишь способом получения только страхового полиса, как способ уклонения от ответственности за осуществления деятельности без наличия

страхового полиса, то данные деяния будут квалифицированы по другим статьям УК РФ.

В Волгоградской области мошенники застраховали в САО «ВСК» муляжи домов на 68 млн. руб. Они предоставили застрахованные объекты как строящиеся в сельской местности жилые дома, в целях подтверждения затрат были предоставлены фиктивные документы, а именно счета – фактур, договоры строительного подряда, и др. Спустя несколько месяцев «дома» сгорели, а клиенты подали в страховую компанию заявления о выплате страхового возмещения. В ходе проверки специалистов САО «ВСК» было установлено, что вместо домов были подожжены муляжи. По факту застрахованные «дома» оказались сараями, сколоченными цельными объектами без входных проемов, и иных коммуникации, необходимых для проживания. Клиенты при заключении договора указали ложную информацию о назначении и стоимости страхуемых объектов для того, что бы после инсценировки получить страховые выплаты. По данному делу специалистами САО «ВСК» было своевременно выявлен данный факт предоставления заведомо ложных сведений, в следствии чего мошенники были осуждены по ст. 159.5 УК РФ [1].

Соответственно для правильной квалификации деяний страхователей при предоставлении ложной информации необходимо устанавливать то, на что был направлен умысел. Если умысел был направлен на дальнейшее получение страховой выплаты без наличия правовых основания ее получения, то в данном случае необходима квалификация по ст. 159.5 УК РФ.

Список использованных источников:

1. Кадников, Б.Н. К вопросу об ответственности за мошенничество в сфере страхования [Текст] / Б.Н. Кадников // Общество и право – М., 2017. – № 3(61). – С. 40 – 46.
2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации [Текст] : [федер. закон : принят Гос. Думой 11 дек. 1995 г. : по состоянию на 29 июл. 2018 г.] – М.: Проспект, 2018. – 699 с.
3. Российская Федерация. Законы. Об организации страхового дела [Текст] : [федер. закон : принят Гос. Думой 27 нояб. 1992 г. : по состоянию на 28 нояб. 2018 г.] – М.: Проспект, 2019. – 78 с.

**ПРИЗНАК ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТИ
В СОСТАВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ**

© А.С. Сидоренко

Научный руководитель: М.А. Безматерных
Сибирский федеральный университет

Действенность и результативность уголовного законодательства определяется способностью закона упорядочивать и координировать общественные отношения. Но действительность такова, что новые отношения возникают настолько часто, что не всегда законодатель может отразить и заранее предусмотреть в норме все возможные особенности определенных ситуаций. Если использовать только строгие формулировки в законах, то рано или поздно правоприменитель столкнется с непредусмотренной ситуацией, а значит, не сможет ее разрешить. Поэтому, законодатель часто прибегает к использованию оценочных понятий в нормах права. Такая юридическая техника позволяет включать понятия, но не раскрывать их смысл и содержание, а, следовательно, делать нормы уголовного права более гибкими.

Оценочное понятие по-разному трактуется учеными и правоведами. По мнению М.И. Ковалева оценочное понятие – это «постулаты, позволяющие приносить в них разные суждения в зависимости от позиции интерпретатора» [4, с. 70]. С точки зрения Я.М.Брайнина оценочное понятие подразумевает под собой «не конкретизированные законодателем и уточняемые при применении уголовного закона» [2, с. 63]. А.В. Наумов считает, что оценочные понятия «представляют собой те признаки состава преступления, которые определяются не законом или иным нормативно-правовым актом, а правосознанием лица, которое применяет соответствующую норму, исходя из конкретных обстоятельств дела» [6, с. 97].

Одним из оценочных понятий является «особая жестокость», которая определена в качествеотягающего обстоятельства в ст. 63 УК РФ (п. «и»), а также в качестве квалифицирующего признака в таких составах преступления как: убийство (п. «д» ч.2 ст. 105 УК РФ); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ); изнасилование (п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ); насильственные действия сексуального характера (п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ).

В лингвистической литературе понятие «жестокий» определено как «безжалостный, крайне суровый» [9, с. 195].

Теоретики уголовного права по-разному определяют рассматриваемое понятие. Так, Ю. М. Антонян определяет особую жестокость, как «намеренное и осмысленное причинение другому человеку мучений и страданий ради них самих или достижения других целей либо как угрозу такого причинения, а также действия, совершая которые субъект допускал или должен был предвидеть, что подобные последствия наступят» [1, с. 14]. А.Н. Попов соглашается с мнением авторов работы «Преступления, совершаемые с особой жестокостью», которые под особой жестокостью понимают «сопровожающее или следующее за насильственным преступлением, не обязательное для его совершения и наступления обычных для него последствий, умышленное действие (или бездействие), состоящее в причинении потерпевшему или его близким дополнительного, как правило, тяжелого, физического или психического страдания». [3, с.8].

Толкование признака «особая жестокость» содержится в постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 января 1999 года №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» (п. 8) и от 4 декабря 2014 года № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (п. 11).

В толкованиях рассматриваемого понятия можно выделить схожие и отличающиеся моменты. Так, согласно разъяснениям, признак особой жестокости наличествует, в частности, в случаях, когда перед лишением жизни или процессе совершения убийства (изнасилования или иных действий сексуального характера) к потерпевшему применялись пытки, истязание или совершалось глумление над ним. При насильственных половых преступлениях особая жестокость выражается и в способе подавления сопротивления потерпевшего лица, вызывающем тяжелые физические либо нравственные страдания самого потерпевшего лица или других лиц. Особые страдания, причиненные потерпевшему лицу при совершении полового посягательства или убийства, также свидетельствуют о проявлении особой жестокости. С субъективной стороны особая жестокость обязательно должна охватываться умыслом виновного.

Из указанных выше положений постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации также следует, что понятие «особой жестокости» связывается не только со способом совершения преступлений, но и с иными обстоятельствами.

Среди теоретиков права не сформирован единый подход в вопросе определения признаков и обстоятельств, свидетельствующих о совершении насильственных преступлений с особой жестокостью. По мнению некоторых

авторов, особая жестокость при совершении рассматриваемых посягательств личности проявляется только в способе их совершения. [5, с. 68] Другие ученые связывают особую жестокость с иными обстоятельствами. А.Н. Попов к объективным признакам особой жестокости при убийстве относит: способ убийства, обстановку деяния, которая свидетельствует о причинении потерпевшему или его близким особых нравственных страданий, иные объективные обстоятельства. [11, с. 44-45]

Согласно п.8 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 января 1999 года №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ) признак особой жестокости наличествует, в частности, в случаях, когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий. Особые страдания могут быть причинены, например, нанесением большого количества телесных повреждений. [8] В постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 27.11.2013г. № 248-П13 как проявление особой жестокости оценено нанесение ножом 27 ударов жертве. Суд указал, что об особой жестокости свидетельствует способ совершения преступления, который заведомо связан с причинением потерпевшей **особых** мучений и страданий, а именно: характер действий осужденного, множественность и локализация прижизненных телесных повреждений, причиненных потерпевшей и повлекших ее смерть [12].

В приговоре суда г. Мелеуз от 22.06.2018г. № 1-116/2018 А. признан виновным в совершении умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью с особой жестокостью. К проявлению особой жестокости при совершении преступления отнесено умышленное нанесение руками и ногами множества ударов (не менее 10 ударов) в область головы, лица, плеч и предплечий потерпевшей, в результате которых потерпевшему лицу были причинены физическая боль и телесные повреждения [13].

Следует отметить, что большое количество телесных повреждений не всегда свидетельствует об особой жестокости. Так, в Феодосийском городском суде (Республика Крым) вынесен приговор от 20.11.2017 №1-235/2017 в отношении В. об умышленном убийстве (ч. 1 ст. 105 УК РФ), суд не усмотрел особой жестокости в действиях В. несмотря на нанесение жертве 28 телесных повреждений, так как способ убийства не был охвачен умыслом причинить особые страдания жертве. Умысел был направлен именно на лишение жизни. [14]

По моему мнению, стоит согласиться с А.Н. Поповым, считающим, что «убийство должно признаваться совершенным с особой жестокостью на основании выбранного виновным способа причинения потерпевшему смерти в тех

случаях, когда потерпевшему причинялись сильные и длительные страдания, находящиеся за «рамками» убийства. Эти «излишние» страдания должны охватываться умыслом виновного лица. Они являются «излишними» с точки зрения наступления смерти потерпевшего. Чаще всего особо жестокий способ убийства выражается в истязании потерпевшего, хотя может выражаться и в иных действиях, таких как мучение потерпевшего, причинение ранений и т.д». [11, с. 49] Данное мнение можно также экстраполировать и на другие преступления против личности, совершенные с особой жестокостью. То есть преступление следует считать совершенным с особой жестокостью на основании выбранного виновным способа, если потерпевшему причинялись сильные и длительные страдания.

В качестве иных обстоятельств, свидетельствующих о проявлении особой жестокости при совершении насильственных преступлений, следует назвать обстановку совершения преступления. Обстановка преступления может характеризоваться тем, что преступление в отношении потерпевшего совершается на глазах у его близких лиц.

В приговоре Хабаровского краевого суда г. Хабаровска от 6.12.2012 г. № 2-97/12 по делу № 2-97/12 убийство ФИО, совершенное Б., было квалифицировано как совершенное с особой жестокостью. Из обстоятельств дела следовало, что убийство ФИО было совершено на глазах у его пятилетнего внука, что причиняло ему особые страдания. [15]

Однако, стоит отдельно отметить, что не всегда близкие могут осознавать характер происходящего, например в силу малолетства. В данном случае, это не будет считаться проявлением особой жестокости.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что, особая жестокость является оценочным признаком, ориентиры, для лучшего понимания данного признака, содержатся в постановлениях пленума верховного суда РФ и доктрине. Наличие особой жестокости устанавливается, как правило, в зависимости от конкретных обстоятельств. О проявлении особой жестокости свидетельствуют: способ совершения преступления, обстановка, и иные обстоятельства.

Список использованных источников:

1. Антонян Ю. М. Психология убийства. – М., 1997. – 304 с.
2. Браунин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М., 1967. – 240 с.

3. Закалюк А. П., Жарый В. Д., Ковальский В. С. и др. Преступления, совершаемые с особой жестокостью (научный обзор результатов исследования). Киев, 1989. – 195с.
4. Ковалев М.И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. 1973. № 11 . – С. 68 – 74.
5. Красииков А. Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 1999. – 124с.
6. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. – Волгоград, 1973. – 176 с.
7. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 4.12.2014 г. № 16 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
8. О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.01.1999 г. № 1 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. – 917с.
10. Петраков, С. В. Оценочные формулировки в законотворчестве и судопроизводстве: монография / С. В. Петраковский. – Санкт-Петербург : издательство СПб ун-т МВД России, 2013. – 260 с.
11. Попов А.Н. Убийства, совершаемые с особой жестокостью, а также общеопасным способом. – Санкт-Петербург, 2001. – 212 с.
12. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27.10.2013 г. № 248-П13 // Справочная правовая база «СудАкт». – Режим доступа: <https://sudact.ru/>.
13. Приговор Мелеузовского районного суда Республики Башкортостан от 22.06.2018 г. По делу № 1-116/2018 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие».
14. Приговор Феодосийского городского суда Республики Крым от 20.11.2017 г. по делу № 1-235/2017 // Справочная правовая база «СудАкт». – Режим доступа: <https://sudact.ru/>.
15. Приговор Хабаровского краевого суда Хабаровского края от 6.12.2012 по делу №2-97/12 // Справочная правовая база «СудАкт». – Режим доступа: <https://sudact.ru/>.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРИТОН» И «СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ПОМЕЩЕНИЙ» В СТ. 232 УК РФ

© О.О. Симак

Научный руководитель: П.Л. Сурихин

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Понятие притона для потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов появилось в уголовно-правовом законодательстве России достаточно давно. Причиной его введения стало массовое распространение опиума, наркотика, употребления которого осуществлялось, как правило, в наемном помещении [7].

Первым актом, установившим ответственность за предоставление помещений, где происходило курение опиума в России, стал Высочайший Указ от 07.06.1915 г., внесший изменения в Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных. В тексте статьи современная дефиниция «притон» как таковая отсутствовала, но прямо предполагалась.

Позднее, в УК РСФСР 1922 г. была внесена ст. 140-д, установившая ответственность за «содержание притонов, в коих производится сбыт или употребление кокаина, опия, морфия и других одурманивающих веществ», подобные положения также содержал УК РСФСР 1926 г.

Диспозиция ст. 226¹ УК РСФСР 1960 г., стала прототипом нормы, устанавливающей ответственность за рассматриваемое деяние, существующей на сегодняшний день. Указанная статья предусматривала три альтернативных действия: организацию, содержание притонов для потребления наркотических средств или предоставление помещений в тех же целях. Пленум ВС СССР при этом разъяснял, что ответственность по ст. 226¹ УК РСФСР должна наступать как при неоднократном, так и при разовом предоставлении помещений для потребления наркотических веществ [6]. Понятия «притон» в указанном постановлении не раскрывалось, что затрудняло точную квалификацию преступления. В юридической литературе на этот счет было высказано большое количество взаимоисключающих точек зрения [1,2].

На сегодняшний день Пленум ВС РФ определяет притон как жилое или нежилое помещение, предназначенное для употребления наркотиков, иные критерии отсутствуют [3]. Более подробная характеристика притона дана Президиумом ВС РФ: под притоном следует понимать жилое или нежилое помещение (дом, квартира как целиком, так и в части, сарай, гараж,

развлекательное заведение и т.п.), в котором осуществляется потребление, возможно, и изготовление для последующего потребления наркотических средств лицами, не являющимися владельцами, пользователями на договорных основаниях данного помещения, не проживающих в данном помещении на иных законных основаниях [4].

В науке уголовного права «притон» понимается гораздо шире, чем обычное помещение. Одно из наиболее широких и общих понятий было введено Э.Ю.Кулиевым, определяющим притон как «место, специально созданное, приспособленное или предоставленное для потребления наркотических средств» [2], подобные определения были также даны, например, Г.Л.Осиповым, А.С.Гусевым [1].

Анализ юридической литературы позволяет выделить ряд характерных признаков притона:

1. Целевой признак. Потребление наркотиков.
2. Территориальный признак. Притон представляет собой определенное место, имеющее пространственные границы.
3. Функциональный признак. Создание условий для потребления наркотиков.
4. Временной признак. Использование притона должно осуществиться два или более раза.

Исходя из вышеуказанных признаков под притоном, помимо помещений, можно понимать также, шалаш, землянку, палатку, лодку и транспортное средство, участок местности, где есть условия для потребления наркотиков, например, безопасного, как в физическом смысле, так и в «юридическом».

В ст. 232 УК РФ 1996 г. изначально было предусмотрено лишь два альтернативных действия, в рамках рассматриваемого преступления: организация и содержания притона, однако, в 2013 г. были внесены серьезные изменения, установившие в ст. 232 УК РФ ответственность также и за «систематическое предоставление помещений для употребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов». Появление альтернативного действия, связано со следующими обстоятельствами: ранее судебной практикой обязательным признаком притона считалась его «приспособленность», т.е. организация притона таким образом, когда это позволяет не просто в подходящих, комфортных условиях употреблять наркотическое средство, но и изготавливать его [4]. Таким образом, общественно-опасное «систематическое предоставление помещений» фактически было лишено свойства противоправности и уголовной наказуемости, но в последующем, уже на законодательном уровне ошибка была исправлена.

Тем не менее, ситуация только усугубилась, если проанализировать рекомендации ВС РФ: Пленум утверждает, что признак приспособленности для изготовления наркотиков не является обязательным для притона, а Президиум, что изготовление для последующего потребления наркотических средств может быть факультативным признаком притона. Возникает вопрос о разграничении содержания притона в случае, если наркотические средства изготавливаются вне помещения, где впоследствии употребляются, или вообще не требуют изготовления, и систематического предоставления помещений с данной целью.

Окончательно стирает границы между этими понятиями следующее положение, содержащееся в Обзоре судебной практики: «К действиям по содержанию притона при отсутствии целенаправленных организационных действий можно отнести случаи, когда виновный предоставляет лицу(-ам), не проживающему в данном помещении на законных основаниях, для потребления наркотических средств уже имеющееся у него помещение в целом или его часть, также он может и проживать в этом помещении. Но в отличие от действий по организации притона в данном случае приспособление помещения для потребления наркотических средств носит незначительный, ограниченный или временный характер. Например, кухня (плита, посуда) или ванная комната используются хозяином квартиры по прямому назначению и временно, когда приходят «клиенты», приспособляются для потребления, приготовления наркотических средств» [8]. Представляется проблематичным соотносить содержание притона и систематическое предоставление помещения, когда лицо предоставило газовую плиту для изготовления наркотического средства, поскольку само по себе наличие этой плиты, или например, вытяжки не свидетельствуют о наличии приспособленности к изготовлению и употреблению наркотических средств, а являются обычными бытовыми предметами, используемыми в повседневной жизни.

Можно привести следующий пример из судебной практики: лицо неоднократно предоставляло для употребления марихуаны квартиру, в которой же и проживало, при этом, им же, в целях употребления наркотического средства, было изготовлено специальное приспособление – «бульбулятор» [5]. Суд квалифицировал указанное деяние как систематическое предоставление помещения для употребления наркотических средств, однако, исходя из логики законодателя, подобная квалификация должна быть в том случае, когда предполагается употребление уже «готового продукта», также в «Обзоре судебной практики...» сказано, что предоставление приспособлений для потребления наркотических средств также является признаком содержания притона [4].

Таким образом, учитывая вышесказанное, можно сделать четыре принципиальных вывода:

1. Понятие «притон» по своему существу не обладает признаком «пригодность для изготовления наркотиков».

2. Действия в виде «систематического предоставления помещений» фактически обладают признаками «притона».

3. «Притон» и «систематическое предоставление помещений» в ст. 232 УК РФ соотносятся, соответственно, как целое и часть.

4. Понятие «систематическое предоставление помещений» может быть исключено из текста диспозиции ст. 232 УК РФ без ущерба для точной квалификации рассматриваемого преступления, достаточно верно толковать понятие «притон».

Список использованных источников:

1. Гусев А. С. К вопросу о понятии притона для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [Текст] /А. С. Гусев // Общество: политика, экономика, право. – 2015. – № 6.

2. Кулиев, Э.Ю. Уголовная ответственность за организацию или содержание притонов для потребления наркотических средств [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Эсен Юрьевич Кулиев. – Омск., 1990. – 61 с.

3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : Постановление Пленума Верховного суда от 16 июня 2006 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2006. – №8.

4. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ [Текст] : [Утв. Президиумом Верховного суда РФ 27 июня 2012 г.] : офиц. текст : по состоянию на 08 апреля 2019. / Бюллетень Верховного Суда РФ, 2012. – №10.

5. Приговор Киреевского районного суда Тульской области от 27.09.2018 г. по делу №1-133/2018 [Электронный ресурс] : Справочная правовая система «КонсультантПлюс: Судебная практика». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Уголовный кодекс РСФСР [Текст] : [Утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.] : офиц. текст : по состоянию на 27 октября 1960. / Ведомости ВС РСФСР, 1960. – 541 с.

7. Щербаков А. Д. «Наркопритон» в уголовном праве России: краткая заметка [Текст] / А. Д. Щербаков // Социально-экономические явления и процессы. – 2016. – №10. – С.97-103.

8. Шумилин, С. Ф. Уголовная ответственность за систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 232 УК РФ) [Текст] / С. Ф. Шумилин, О. С. Степанюк, А. В. Степанюк // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – №4. –С.93 –103.

РАЗБОЙ: УСЕЧЕННЫЙ ИЛИ ФОРМАЛЬНЫЙ СОСТАВ?

© Е.А. Сморжевский

Научный руководитель: П.Л. Сурихин

канд. юрид.наук

Сибирский федеральный университет

Под составом преступления в теории уголовного права понимается совокупность объективных и субъективных признаков, определяющих общественно опасное деяние как преступление. Каждое преступление проходит стадии приготовления, покушения и оконченного преступления.

В зависимости от момента окончания преступления все составы принято делить на материальные, формальные и усеченные [1, с.92]. Преступления с материальным составом считаются оконченными с момента наступления общественно опасных последствий, что же касается формального состава, то преступления считаются оконченными с момента совершения деяния, а в усеченных составах момент окончания преступления переносится на стадию приготовления или покушения.

Материальный состав это ситуация когда у преступления обязательным признаком, кроме деяния, является наступление каких-либо конкретных общественно опасных последствий состоящих в причинной связи с деянием [6, с.94]. Например, С.М Качои считает, что в материальных составах в объективной стороне указывается не только деяние, но и его общественно опасное последствие [7, с.13].

Формальный состав в свою очередь характеризуется как состав, в котором описывается только деяние и который не содержит последствия. Характерный пример формального состава – ст. 213 УК РФ [8, с.177], так как хулиганство является оконченным с момента совершения деяния, независимо от заведомо наступивших последствий.

Усеченным составом в теории уголовного права, принято называть тот состав, который считается оконченным преступлением на стадии покушения или приготовления. Для признания преступления с усеченным составом оконченным не требуется наступления преступного результата, а также доведения до конца действий, которые способны вызвать эти последствия.

Так какой же всё-таки состав преступления у разбоя, усеченный или формальный? В учебной литературе утверждается, что разбой имеет усеченный состав преступления [2, с.93]. Уголовно-правовая характеристика разбоя дает основание воспринимать разбой как составное преступление, он состоит из двух взаимосвязанных действий, которые посягают на два объекта и порождают в реальности конкретные последствия двух видов. В жизни объективная сторона разбоя проявляется в создании опасности для объектов посягательства, либо в реальном завладении предметами посягательства путем их изъятия и реальном причинении вреда лицу.

В теории уголовного права выделяется проблема квалификации разбоя как преступления с усеченным составом. В научной литературе разбой традиционно характеризуется только с позиции признаков усеченного состава преступления [3, с.94]. В судебной практике сложилась аналогичная ситуация, например, уже Пленум Верховного Суда РСФСР [9] никогда не давал никаких разъяснений судам по поводу как квалифицировать неудавшееся нападения с целью завладения имуществом. В судебной практике состав разбоя уверенно признается как усеченный, преступление признаётся оконченным с момента начала нападения [4, п.6].

Но в таком случае есть определенная проблема – усеченный состав разбоя лишает преступление такой стадии как покушение, а это не вполне логично. Каждое преступление объективно длится во времени и проходит стадии приготовления, покушения и оконченного преступления. Усеченный состав лишает дифференциации уголовной ответственности за разбой, объективно возможное покушение мы теоретически и практически вынуждены квалифицировать как оконченное преступление. Так какой состав преступления у разбоя: усеченный или все же формальный, при котором возможно покушение при определенных обстоятельствах, например сложном составном характере объективной стороны?

Что же касается судебной практики ВС РФ, то он не поясняет данную проблему, но говорит о том, что факт изъятия имущества и причинение имущественного ущерба находятся за рамками объективной стороны этого преступления, таким образом, не предусматривает покушения на это преступление [5]. Мы предполагаем, что в приведенной оценке правильным представляется

то, что изъятие имущества и причинение имущественного ущерба действительно находится за рамками объективной стороны разбоя, но отрицать возможность квалифицировать деяние преступника как покушение на разбой простой ссылкой на усеченность состава – не убедительно.

Напомним, что разбоем признается нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. По этому можно говорить о том, что разбой имеет не усеченный состав, а обычный формальный, так как изъятие имущества и причинение имущественного ущерба находится за рамками объективной стороны разбоя, не описаны в диспозиции, но деяние, т.е. все необходимые действия для наступления предполагаемых последствий описаны в диспозиции статьи. Что примечательно, эти действия носят сложный составной характер, могут быть существенно протяженны во времени, и, соответственно, деяние может само по себе носить неоконченный характер, быть покушением на преступление.

Таким образом, если проанализировать понятие разбоя, данное в ст. 162 УК РФ, то мы явно видим, что законодатель предполагает разбой как формальный состав преступления.

Список использованных источников:

1. Хорошилова, О. С. Классификация составов преступлений по моменту окончания преступления // Вестник КемГУ. – 2015. – №2. – 267 с.
2. Гордиенко, П.С. Некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и проблем квалификации разбоя // Молодежь и актуальные проблемы современной науки. – 2018.-Т.1, № 1. – 265 с.
3. Гордиенко, П.С. Некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и проблем квалификации разбоя // Молодежь и актуальные проблемы современной науки. – 2018.-Т.1, № 1. – 265 с.
4. О судебной практике по делам о краже, грабеже, и разбое» [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. №29 // Справочная правовая система КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Постановление Московского городского суда от 26 апреля 2011г. по делу №4у/2-2416 [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. А.Н. Тарбагаева. – Москва: Проспект,2015. – 440 с.

7. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. С.М. Качои. Москва : Контракт, -2015. – 281 с.

8. Уголовный Кодекс Российской Федерации. – Москва : Проспект, 2018. – 320 с.

9. Уголовный кодекс РСФСР. [Электронный ресурс]: закон от 27.10.1960 № 102 ред. от 30.07.1996. // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

СООТНОШЕНИЕ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА (СТ. 126 УК РФ) И ВЫМОГАТЕЛЬСТВА (СТ. 163 УК РФ)

© А.Ю. Танкович

Научный руководитель: Т.В. Долголенко

канд. юрид.наук

Сибирский федеральный университет

Одним из спорных вопросов судебной практики и теории уголовного права является применение норм о похищении человека (ст.126 УК РФ) в совокупности с другими составами преступлений.

Обратимся к вопросу соотношения составов преступлений, предусмотренных ст. 126 и ст. 163 УК РФ. Состав похищения человека в п. «з», ч.2 ст. 126 УК РФ содержит квалифицирующий признак – корыстные побуждения. В данном случае мотив имеет значение квалифицирующего признака. Для правильной оценки совершенного преступления важен момент возникновения мотива, то есть, возник ли он до совершения преступления или после его совершения. Как отмечает А.И. Рарог: «при квалификации преступлений, включающих корыстный мотив, имеет смысл устанавливать, что корыстные побуждения возникли у виновного именно до совершения преступления и что они явились доминирующей психологической причиной квалифицированного общественно-опасного деяния» [1, с. 167].

В уголовно-правовой литературе распространено мнение, согласно которому действия вымогателя, связанные с похищением потерпевшего и предъявлением ему, либо третьим лицам незаконного требования по передаче имущества, права на имущество, совершение действий имущественного характера, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ и ст. 163 УК РФ [2, с. 13]. Переходя к анализу судебной практики, стоит заметить, что в ней нет однозначности в понимании соотношения данных составов. В одних случаях суды вменяют квалификацию

по совокупности преступлений ст. 163 УК РФ и 126 УК РФ, в других случаях квалификация по совокупности считается излишней. В качестве подтверждения данной позиции, хотелось бы привести следующие примеры.

Так, Б., действуя по предварительному сговору совместно с неустановленным следствием лицами, имея единый умысел на похищение Л. с целью вымогательства имущества в крупном размере, встретился с ним и насильно привез его в квартиру, где в течение недели удерживал, нанося побои, угрожая пистолетом, применением насилия, опасного для жизни и здоровья, и вымогал у него имущество в крупном размере. Используя выше указанные способы, путем вымогательства Б. завладел имуществом Л., чем причинил ему крупный ущерб [3]. Противоправные действия состав Б. судом были совершение квалифицированы по пп. «а», «г», «з» ч. 2 ст. 126, п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ.

Другим примером квалификации схожих действий можно проиллюстрировать следующее решение суда. С., действуя совместно по предварительному сговору с Б. и К., желая завладеть денежными средствами О., используя обман, выманив О. из своей квартиры, применив насилие, захватили и доставили О. в квартиру С. Удерживая О. против его воли в квартире, они верёвкой привязали его к батарее, где он провел 2 дня. В целях завладения деньгами потерпевшего, С., Б. и К. требовали от него снять с лицевого счёта эти деньги. Опасаясь за свою жизнь и здоровье О., выполнил требования. Данные противоправные действия судом первой инстанции были квалифицированы по п. «а», «в», «г», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ, а также по п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ. Однако Постановлением президиума Хабаровского краевого суда, который в порядке надзора рассматривал жалобы осуждённых, признано, что захват и удержание О., помимо его воли, охватывалось объективной стороной преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ, и являлось проявлением умысла, направленного на вымогательство у О. денег. Квалификация действий осуждённых по п. «а, в, г, з» ч. 2 ст. 126 УК РФ признана излишней, их осуждение по данной статье исключено из приговора [4].

Таким образом, анализируя два похожих примера из судебной практики, возникает противоречивая ситуация в части квалификации содеянного. В связи с этим возникает вопрос: может ли похищение человека являться способом вымогательства? Если похищение человека выступает в качестве способа совершения вымогательства, то есть, предполагает совершение действий, направленных на захват, перемещение и удержание, то оно должно входить в объективную сторону и, как следствие, не требовать дополнительной квалификации. Такая правовая позиция объясняется тем, что на сегодняшний день

УК РФ не дает легального определения понятия «насилие» и «похищение человека». Однако, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняет, что под насилием, опасным для жизни или здоровья, следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности. Также следует отметить, что под насилием, не опасным для жизни и здоровья, понимается в том числе и ограничение свободы потерпевшего [5]. Однако ограничение свободы человека, которое признается незаконным лишением свободы (ст. 127 УК РФ), следует разграничивать с похищением человека (ст. 126 УК РФ). В свою очередь, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2015г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве» в п.10 разрешает вопрос об отграничении грабежа и разбоя от вымогательства, соединенного с насилием. В нём сказано, что судам следует учитывать, что при грабеже и разбое насилие является средством завладения имуществом или его удержания, тогда как при вымогательстве оно подкрепляет угрозу. Завладение имуществом при грабеже и разбое происходит одновременно с совершением насильственных действий либо сразу после их совершения, а при вымогательстве умысел виновного направлен на получение требуемого имущества в будущем [6]. Что же касается похищения человека, то насилие, в данном случае, всегда направлено на перемещение человека против его воли. Достаточно подробно о термине «насилие» в юридической литературе писал Р.Д. Шарапов. Рассматривая структуру физического насилия, он относит насилие, совершаемое при похищении человека, как основное деяние, что же касается насилия совершаемого при вымогательстве, то в данном случае, оно выступает как средство преступления в квалифицированном составе [7].

Похищение человека не может быть способом совершения вымогательства по ряду причин. Во-первых, эти преступления имеют различные объекты посягательства. В случаях, похищения человека из корыстных побуждений и последующего предъявления требования о передаче имущества предъявляется, ему же или другому лицу виновный фактически посягает на два непосредственных объекта уголовно-правовой охраны: личную свободу гражданина и правомочия собственности. Во-вторых, корыстное похищение человека и вымогательство, следует разграничивать по объективной стороне. Объективная сторона вымогательства не предполагает захвата, перемещения и удержания потерпевшего в другом месте помимо его воли. И в-третьих,

важное значение имеет санкция рассматриваемых преступлений, как критерий их общественной опасности. Санкция ч. 2 ст. 126 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок от 5 до 12 лет. В ч.2 ст. 163 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет. Как видим, в ст. 163 УК РФ предусмотрено менее строгое наказание в сравнении со ст. 126 УК РФ. А это означает, что не может менее опасное преступление поглощать преступление большей общественной опасности.

Подводя итоги, также стоит отметить, что отмеченные расхождения в квалификации соответствующих преступных действий обусловлены достаточно сложной и не вполне удачной законодательной конструкцией состава похищения человека. Следовательно, на законодательном уровне необходимо закрепить понятие «похищение человека», в котором перечислялись бы способы его совершения. Нормативно-правовое закрепление данного термина, будет способствовать правильному решению вопроса квалификации данного состава преступления с другими, в том числе и с вымогательством.

Список использованных источников:

1. Парог А.И. «Квалификация преступлений по субъективным признакам»/ А.И. Парог.-СПб.: «Юридический центр Пресс», 2002. – 304 с.
2. Побегайло Э.Ф. Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с ней. М., 1990. 45 с.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ №7 от 22.07.2005. Постановление Московского городского суда от 12.08.2004. Режим доступа: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_104172.html
4. Определение суда Надзорной инстанции от 31 марта 2009 г. № 58-Д09-3 // Судебная библиотека. [Электронный ресурс].Режим доступа: <http://sudbiblioteka.ru>.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29«О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Режим доступа: <http://base.garant.ru/1352873/>
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 г. Москва «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)». Режим доступа: <https://rg.ru/2015/12/28/vsrf-dok.html>
7. Шарпов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве: Монография. – СПб.: Изд-во «Юридический Центр-Пресс», 2001.

**ПРОБЛЕМЫ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ТЕЧЕНИЯ ДАВНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ**

© Д.А. Тихонова

Научный руководитель: Р.Н. Гордеев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Обстоятельством, нарушающим течение срока давности, по действующему УК РФ является приостановление течения давностного срока.

Согласно ч. 3 ст. 78 УК РФ течение сроков давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия или суда либо от уплаты судебного штрафа, назначенного в соответствие со ст. 76. В этом случае течение сроков давности возобновляется с момента задержания указанного лица или явки его с повинной.

По мнению Х.Д. Алкиперова и К.Ш. Курбановой, «главный» недостаток ст. 78 УК «заключается в том, что в ней не установлены сроки давности привлечения к уголовной ответственности лица, которое после совершения преступления укрывалось от следствия и суда», что «законодатель не оставляет никакого шанса такому лицу, а совершенное им преступление становится безысходным финалом его судьбы, что вряд ли можно признать правильным. В силу изложенного было бы целесообразным из содержания ст. 78 УК РФ исключить третью часть» [1, С. 59].

М.А. Махмудова считает, что по УК РФ в случае уклонения лица, совершившего преступление, от следствия или суда течение срока давности может быть приостановлено на неограниченный срок. «Однако проблема не только в том, что законодателем не установлены сроки давности привлечения к уголовной ответственности лица, которое после совершения преступления укрывалось от следствия и суда. Сложность состоит в том, что укрываться от следствия и суда может лицо после совершения преступления любой степени тяжести. Очевидно, что нет ничего страшного в том, что не будут установлены сроки давности при уклонении от следствия и суда лица, совершившего особо тяжкое преступление, скорее, такие сроки могут оказаться даже излишними. Между тем, явной несправедливостью выглядит отсутствие давностных сроков при уклонении от следственных и судебных органов лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести» [1, С. 166].

Прежний уголовный закон предусматривал общий пятнадцатилетний срок давности, по истечении которого лицо не могло быть привлечено к уголовной ответственности, даже если оно в течение этого срока уклонялось от следствия или суда [2, С. 166].

Действующий УК РФ это положение исключил. В. Мальцев придерживается точки зрения, что «встав перед необходимостью дифференциации сроков давности для лиц, уклоняющихся и не уклоняющихся от правосудия, и понимая, что при установленном максимуме срока давности в пятнадцать лет (п. «г» ч. 1 ст. 78 УК) решение, аналогичное содержащемуся в ч.2 ст. 48 УК 1960 г., невозможно, законодатель не нашел лучшего выхода, чем вообще отказаться от сроков давности для лиц, уклоняющихся от следствия или суда» [2, С.47].

В юридической литературе давно нашлось решение того, что действующий УК РФ должен содержать срок давности при уклонении от следствия и суда преступника. Однако разнообразны мнения по поводу продолжительности этого давностного срока. Х.Д. Алкиперов и К.Ш. Курбанова предлагают расширить обычные сроки давности и на уклоняющихся от следствия и суда лиц [3, С.60].

В. Мальцев же наоборот считает, что «с точки зрения принципов равенства и справедливости, необходимости учета фактически противодействующего правосудию поведения для лиц, совершивших преступления и уклоняющихся от следствия или суда, сроки давности по сравнению со сроками, указанными в ч.1 ст. 78 УК, напротив, следует увеличить в два раза» [3, С.48].

Позиция Х.Д. Алкиперова и К.Ш. Курбановой представляется верной. Будет несправедливым устанавливать срок давности в два раза больше для лица, явившегося с повинной после совершения преступления, но уклонившегося от следствия и суда, так как это лицо испугалось ответственности, чем для лица, совершившего аналогичное преступление, но вообще не ставшего известным органам следствия и суда, возможно, из-за того, что оно удачно скрывалось.

В случае признания поведения лица «противодействующим правосудию» только из-за того, что оно стало известным органам следствия и суда, и, как следствие, установление давностных сроков, превышающих указанные в ч. 1 ст. 78 УК РФ сроки в два раза, основополагающие принципы уголовного права: принципы равенства, гуманизма и справедливости будут нарушены. В то время как лицо, совершившее преступление и уклоняющееся от следствия и суда, не будет считаться «противодействующим правосудию», просто потому, что не стало известным правоохрнительным органам.

М.А. Махмудова считает целесообразным распространить обычные сроки давности и на уклоняющихся от следствия и суда лиц. В диссертационной работе по исследуемой теме М.А. Махмудовой предлагалось закрепить в ч.1 ст. 78 УК РФ пять сроков давности привлечения к уголовной ответственности за счёт введения пониженного срока давности для преступлений небольшой тяжести, наказание за которые не связано с лишением свободы [3, С.167].

На наш взгляд, рассмотренные точки зрения имеют право на существование, но с рядом уточнений. Так, представляется нецелесообразным распространения существующих сроков давности на лиц, уклоняющихся от правосудия. Ведь уклоняясь от следствия и суда, данные лица фактически противодействуют правосудию. Но в то же время данные лица должны иметь право на освобождение, при позитивном поведении и по истечению продолжительного периода времени, т.к. общественная опасность деяния и лица со временем меркнет и уменьшается.

Таким образом, ч. 3 ст. 78 УК РФ следует дополнить следующим предложением: «При этом лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня уклонения от следствия или суда давность не была прервана совершением нового умышленного преступления и истекли следующие сроки:

два года при уклонении от следствия или суда за совершение преступления небольшой тяжести, наказание за которое не связано с лишением свободы;

три года при уклонении от следствия или суда за совершение преступления небольшой тяжести, наказание за которое связано с лишением свободы;

шесть лет при уклонении от следствия или суда за совершение преступления средней тяжести;

десять лет при уклонении от следствия или суда за совершение тяжкого преступления;

двадцать пять лет при уклонении от следствия или суда за совершение особо тяжкого преступления».

Список использованных источников:

1) Аликиперов, Х.Д., Курбанова, К.Ш. УК РФ и некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности / Х.Д.Аликиперов., К.Ш.Курбанова // Государство и право. – 2000. –№1. – С. 54-60.

2) Мальцев, В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности / В. Мальцев // Уголовное право. – 2006. – №1. – С. 45-49.

3) Махмудова, М.А. Проблемы приостановления и прерывания течения давности привлечения к уголовной ответственности по уголовному законодательству России / М.А. Махмудова // Юр-БАК. – 2011. – №5. – С. 166-168.

К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КРАЖИ И НАХОДКИ

© Я.А. Тян

Научный руководитель: А.С. Мирончик

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Разграничение кражи и присвоения найденного имущества имеет важное значение не только для доктрины уголовного права, но и для правоприменительной деятельности, поскольку до сих пор единого четкого критерия их разграничения не существует.

В связи с этой проблемой представляется необходимым определить и соотнести содержание таких понятий, как «находка», «кража», «оставление вещи», «присвоение вещи».

В ст. 277 Гражданского кодекса РФ отмечается, что нашедший потерянную вещь обязан немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, или собственника вещи или кого-либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить ее, и возвратить найденную вещь этому лицу. Если вещь найдена в помещении или на транспорте, она подлежит сдаче лицу, представляющему владельца этого помещения или средства транспорта. Если лицо, имеющее право потребовать возврата найденной вещи, или место его пребывания неизвестны, нашедший вещь обязан заявить о находке в полицию или в орган местного самоуправления. Вместе с тем нашедший вещь вправе хранить ее у себя либо сдать на хранение в полицию, орган местного самоуправления или указанному ими лицу. Если найденная вещь скоропортящаяся или вещь, издержки по хранению которой несоизмеримо велики по сравнению с ее стоимостью, может быть реализована нашедшим вещь с получением письменных доказательств, удостоверяющих сумму выручки. Деньги, вырученные от продажи найденной вещи, подлежат возврату лицу, управомоченному на ее получение.

В то же время, несмотря на установленную гражданским законодательством обязанность наследшего сдать вещь, правоприменителями и учеными отмечается, что какой-либо четкой ответственности за неисполнение данной обязанности не установлено ни гражданским, ни административным, ни уголовным законодательством.

Обратимся теперь к понятию кражи. К основным особенностям, характеризующим кражу, относят следующие обстоятельства: лицо, совершившее преступление, не имеет юридических правомочий в отношении похищаемого имущества (завладевая чужим имуществом, лицо осознает, что не имеет ни действительного, ни предполагаемого права на имущество, похищает его вопреки воле потерпевшего); лицо, совершившее преступление использует ненасилованный способ завладения чужим имуществом (кража совершается в обход сознания и воли потерпевшего); виновное лицо, совершая хищение, стремится быть незамеченным (либо его действия могут оставаться скрытыми).

На протяжении долгого времени характерным признаком, отличающим кражу от других имущественных преступлений, является тайность завладения вещью. Для признания ее таковой необходимо наличие одного из следующих условий: 1) субъективного – лицо, совершающее преступление, должно осознавать, что его преступные действия незаметны для других; 2) объективного – потерпевший, иные лица, присутствующие при совершении преступления, не должны осознавать факта преступного изъятия имущества.

Сущность понятия «тайность» кражи раскрывается в основных его признаках: Хищение осуществляется в отсутствие потерпевшего или иных лиц (то есть в отсутствие на месте совершения преступления очевидцев); Хищение осуществляется в присутствии потерпевшего или посторонних лиц, но незаметно для них; Хищение осуществляется в присутствии посторонних лиц, однако они не понимают характера совершаемых действий и значения происходящего; Хищение осуществляется при непосредственном наблюдении собственника или посторонних лиц (понимающих и правильно оценивающих характер содеянного), но не обнаруживающих себя виновному; Хищение совершается в присутствии каких-либо лиц, со стороны которых у виновного не возникает оснований опасаться противодействию и разоблачению.

Анализируя вышеуказанное, можно понять причину сложности разграничения кражи и присвоении найденного имущества. Сегодня основная проблема в обсуждаемом вопросе заключается в различном понимании сущностных признаков кражи и присвоения найденного, способе действия при присвоении находки и его содержательных аспектах, пределах

толкования признаков забытого и потерянного имущества, а также содержания понятия «сфера обладания имуществом» собственником [3, с. 16-29].

В самом общем виде находка – это утрата вещи владельцем, обнаружение и принятие ее находчиком. С этой точки зрения находкой считается вещь, которая вышла из владения одного лица (собственника/владельца) и найдена другим. Причем, как потеря вещи, так и ее отыскание должны быть случайными.

Выход имущества из владения собственника может быть в следующих формах: предмет потерян собственником или владельцем; предмет временно оставлен собственником или владельцем в известном ему месте; предмет забыт собственником или владельцем в определенном месте [3, с. 115].

Потерянная вещь – это имущество, которое вышло из владения собственника помимо его воли (по вине или в силу случайных обстоятельств) и для него не известно, где оно находится и кем-либо случайно обнаруженное. Потерянной вещью является предмет, не имеющий индикаторных признаков принадлежности и находящийся в месте, которое собственнику или владельцу неизвестно. Такое понятие потерянной вещи выработано правоприменителем, о чем свидетельствуют многочисленные примеры решений судов различных субъектов РФ.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Чувашской Республики в кассационном определении указала, что при разграничении находки и кражи в рамках конкретного уголовного дела нижестоящий суд не учел, что потерянная вещь (сотовый телефон определенной модели) имеет идентификационные отличия (IMEI, данные телефона находятся в базе сотовой компании). А также не учел, наличие известного для потерпевшего места – такси под управлением водителя ФИО2, где ФИО1 забыл телефон, а также то, что он имел возможность вернуться за телефоном и получить его, что впоследствии он и сделал, но получил отказ у Трофимовых вернуть ему забытый телефон [2].

Оставленная вещь – это вещь, которую собственник (владелец имущества) преднамеренно, временно оставил в известном ему месте. Следовательно, если имущество не утеряно, а оставлено, то завладение таковым должно образовывать хищение, потому как вещи, оставленные без присмотра, считаются находящимися во владении лиц, которым они принадлежат. Именно на оставление вещи может указывать обстоятельства ее находки: местонахождение вещи, помещение, где она была найдена, круг лиц, находящихся на данный момент при обнаружении вещи, индикаторные признаки вещи и т.д.

Забытая вещь находится в месте, известном собственнику (владельцу), и он имеет возможность за ним вернуться или иным способом возратить. На это основании забытые вещи могут признаваться предметом хищения, если виновный осознал, что собственник вернется за своей вещью (об этом могут свидетельствовать такие обстоятельства, как место, где вещь забыта, состояние вещи, истечение времени с момента оставления вещи и др.) [4, с. 56].

В качестве главного критерия при определении понятия находки необходимо использовать критерий отсутствия воли (случайности), присутствующий, с одной стороны, при выбытии вещи из обладания законного владельца, а с другой, при обнаружении ее нашедшим. В противном случае следует говорить соответственно об отказе собственника от принадлежащих ему вещей (ст. 226 ГК РФ) или о хищении чужого имущества [1, с. 10]. Итак, для правильной квалификации присвоения чужого имущества в качестве кражи главным критерием должно быть осознание присваивающим лицом принадлежности вещи конкретному человеку и возврата вещи собственнику. Кражей будут являться действия лица, достоверно знающего, кому принадлежит имущество, либо знающего, что собственник может вернуться за забытой вещью. Если при утрате вещи законный владелец точно не знает о месте ее нахождения, то при оставлении оно ему достоверно известно. И эти обстоятельства – оставления или утраты – должны определяться исходя из конкретных признаков внешней обстановки утраты и обретения имущества: где именно и каким образом там находилась вещь.

Для более наглядного разграничения понятий кража, находка, забытая вещь, оставленная вещь отразим их в сравнительной таблице:

Признаки	Кража	Находка	Забытая вещь	Оставленная вещь
объективная сторона	действия, направленные на выведение имущества из обладания собственника	никаких активных действий, направленных на выведение имущества из обладания собственника		
осведомленность виновного о собственнике вещи	собственник вещи известен	собственник вещи неизвестен		
наличие вещи у собственника	имущество изымается из обладания собственника или лица, в ведении либо под охраной которого оно находится	имущество уже выбыло из обладания		

момент возникновения умысла:	у виновного умысел на присвоение имущества возникает до момента, когда оно вышло из владения собственника	у виновного умысел на присвоение имущества возникает в момент, когда оно вышло из владения собственника	
осведомленность о месте нахождения вещи собственника	собственнику неизвестно где его вещь похитили, вещи находятся в месте, неизвестном собственнику	вещи находятся в месте, известном/неизвестном собственнику	вещи находятся в месте, известном собственнику
присутствие собственника:	может осуществляться в присутствии собственника, но незаметно для него	осуществляется в отсутствии собственника	
социальная сущность:	незаконное изъятие вещи у собственника	невыполнение лицом правовой обязанности передать имущество по принадлежности	
способ совершения преступления:	незаконное безвозмездное изъятие вещи	незаконное безвозмездное удержание вещи	
информация по отношению к предмету	идентифицируемое имущество	не идентифицируемое имущество	

Список использованных источников:

1. Бублик И.Г. Приобретение права собственности на бесхозяйственное имущество: некоторые аспекты участия органов внутренних дел: автореф. дис. канд. юрид. наук. СПб. гос. ун-т. СПб.: изд-во СПб. ун-та, 2006. 24 с.
2. Кассационное определение Верховного Суда Чувашской Республики по делу № 22-1069// СПС Консультант Плюс.
3. Хилюта В.В. Кража и присвоение найденного имущества: учеб. М.: изд-во Юрлитинформ, 2018. 222 с.
4. Шульга А.В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества: учеб. М.: изд-во Библиоград, 2007. 66 с.

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕУПЛАТУ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ
ДЕТЕЙ И НЕТРУДОСПОСОБНЫХ РОДИТЕЛЕЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

© Л.Н. Утина

Научный руководитель: Г. Муртазина

канд. юрид. наук

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова

Проблема ответственности неуплаты средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей имеет место в правоприменительной практике во всей России, поэтому особенный интерес всегда представляет региональный аспект данной юридической проблемы.

Сам процесс взыскания алиментов имеет ряд специфических особенностей. Очень редко встречаются сознательные родители, которые понимают всю необходимость выплаты алиментных обязательств на содержание своих несовершеннолетних детей, в большинстве случаев судебный пристав-исполнитель имеет дело со злостными неплательщиками алиментов. В данном случае возникает вопрос о применении ч. 1 ст. 157 УК РФ. [1;74] Однако существует ряд проблем привлечения к уголовной ответственности по данной статье, с целью выявления и анализа которых нами были изучены отказные материалы ОСП Бугульминского района Республики Татарстан за 2016-2018 гг. За 2016 г. было вынесено 16 постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел по ч. 1 ст. 157 УК РФ, за 2017 г. – 7, за 2018 г. – 8. [2; 45]

В июле 2016 года были внесены изменения в статью 157 УК РФ. Из объективной стороны состава преступления предусмотренного ст. 157 УК РФ, исключили признак «злостности», который на протяжении многих лет был дискуссионным. Был введен новый признак «неуплата алиментов без уважительных причин». Данное изменение теперь соответствует логике уголовного права и поясняет, что привлечь должника к уголовной ответственности в случае уклонения от уплаты алиментов, можно будет только при условии, что он ранее подвергался административному наказанию за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. [3; 67]

Неуплата без уважительных причин предусматривает: неуплату 2 и более месяца, привлечение к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ, после привлечения должника к административной ответственности по истечении 2-х месяцев решается вопрос о возбуждении уголовного дела.

Одним из обязательных условий наступления уголовной ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей признается неоднократность совершения указанного деяния.

С учетом изложенного, теперь привлечь должника к уголовной ответственности можно «за неуплату без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, если это деяние совершено неоднократно, то есть лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное статьей 5.35.1 КоАП в период, когда такое лицо считается подвергнутым административному наказанию». При этом в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ указывается, что разграничение административной и уголовной ответственности за неуплату алиментов «не может рассматриваться как ослабление мер правовой ответственности лиц, виновных в неуплате алиментов, а также не должно приводить к уклонению от ответственности виновных лиц». [5]

Следовательно, в настоящее время расширены основания привлечения к административной и уголовной ответственности на неуплату алиментов, однако еще больше усложнился путь привлечения к уголовной ответственности уклоняющегося от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. При возбуждении дел рассматриваемой категории основной помехой является получение доказательств наличия возможности уплаты должником алиментов и уважительности причин их неуплаты.

Список использованных источников:

1. Итоговый отчет ОСП по Бугульминскому району РТ // Журнал «Судебный пристав». – 2018. – № 15.
2. Серов О.Д. Регистрация должников: основа проблемы // Национальные проблемы. – 2019. – № 5.
3. Шилов О.Ш. Новые законодательные проекты // Государство и право. – 2019. – №1.
4. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей) (утв. Федеральной службой судебных приставов от 26 мая 2017 г. № 0004/5) // Бюллетень ФССП Министерства Юстиции РФ. – 2017. – № 7.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2017. – № 10.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ
ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА**

© Д.А. Федина

Научный руководитель: Р.Н. Гордеев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Под субъектом преступления принято считать не просто личность и не просто человека, а некую условность – то есть группу признаков, определяющих возрастную, психическую, а также правовую статус лица, которое совершило преступление. Во избежание ошибок при квалификации деяний, совершенных должностным лицом, необходимо правильное понимание функций, которые данное лицо исполняет.

В примечании 1 к ст. 285 УК РФ дается понятие должностного лица, в котором говорится, что должностными лицами в статьях настоящей главы признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках воинских формированиях Российской Федерации. [7] Как подчеркивал верно, Чирков А.П.: «Из определения понятия должностного лица следует, что по содержанию функций должностные лица подразделяются на две группы – на представителей власти и выполняющих организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции» [9].

Ряд сложностей и разнообразных точек зрения находят свое место именно в толковании и понимании организационно-распорядительной функции должностного лица. Ведь, всегда ли лица, находящиеся на государственной и муниципальной службе, выполняют организационно-распорядительные функции, например, преподаватели? Данный вопрос до сих пор не находит единого мнения среди авторов.

Организационно-распорядительные функции, в проекте постановления от 10 февраля 2000 г., включали в себя, например, руководство коллективом, расстановку и подбор кадров, организацию труда или службы подчиненных, поддержание дисциплины, применение мер поощрения и наложение дисциплинарных взысканий [11]. Из данного перечня мы видим, что речь здесь идет

исключительно о внутрислужебных отношениях, то есть это те отношения, в данном случае, которые связаны с подчинением и управлением. В п. 5 вышеупомянутого Постановления подчеркивалось, что субъектами получения взятки не могут быть работники государственных и муниципальных учреждений, исполняющие в них профессиональные или технические обязанности, которые не относятся к организационно-распорядительным или административно-хозяйственным функциям. Следуя из этого, можно сделать очевидный вывод – преподаватели и врачи не являются должностными лицами.

Со временем, точки зрения авторов стали значительно расширяться, в связи с возникающими проблемами столкновения теории и практики. Например, Б. Волженкин придерживался мнения, что организационно-распорядительные полномочия состоят в наличии у работников государственных и муниципальных учреждений права совершать по службе юридически значимые действия управленческого характера, способные порождать, изменять, а также прекращать правовые отношения. Тем самым, это позволяет утверждать, что такие действия имеют организационно-распорядительный характер [4].

Затем, в Постановлении Пленума Верховного суда от 16 октября 2009 года лишь закрепилось положение, которое поддерживалось многими учеными, а именно: "к организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии)" [10]. Из данного утверждения можно сделать вывод о том, что субъектами преступлений могут быть признаны лишь члены экзаменационных и квалификационных комиссий, но как же быть с преподавателями, которые получают, так называемые «подарки» во время обычных зачетов и экзаменов?

Мнения авторов на этот счет очень рознятся, например, Афиногенов Ю.А. утверждает, что некоторые распорядительные функции все же преподавателям присущи, а именно право принимать зачеты, экзамены, от которых зависит право дальше получать учебу, а также аттестат, диплом [0].

Морозов Г.Б. же поддерживает противоположную точку зрения, утверждая, что преподаватели могут работать в образовательных государственных или муниципальных учреждениях, но организационно-распорядительные функции не их компетенция, так как они не издают локальных

распорядительных актов, организующих (упорядочивающих) выполнение каких-либо процессов [6].

Старший преподаватель кафедры университета В. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ. Она получила взятку в размере 500 рублей от студента, который был не готов к сдаче зачета, таким образом, суд установил, что согласно должностной инструкции В. основными видами учебной работы старшего преподавателя согласно должностной инструкции являются: чтение лекций, проведение практических занятий, лабораторных работ, прием зачетов по лабораторным и практическим работам, прием экзаменов и зачетов; руководство курсовым проектированием (курсовыми работами), производственной практикой, дипломным проектированием (в порядке исключения). В., являлась старшим преподавателем кафедры «Промышленное и гражданское строительство» архитектурно-строительного факультета, выполняла в указанном образовательном учреждении организационно-распорядительные функции, то есть являлась должностным лицом [8]. Данный пример как раз таки показывает несоответствие судебной практике нормам Постановления. Глядя на данный пример, можно сделать вывод, что любого преподавателя, принимающего промежуточный зачет или экзамен, можно считать должностным лицом, а далее и субъектом преступления главы 30 УК РФ.

Опираясь на ППВС, судебную практику и на позиции авторов, у меня возникает вопрос: можно ли считать осуществление таких профессиональных функций, как принятие зачетов и экзаменов и выставление в результате оценок, решениями, влекущими юридически значимые последствия? Как мне кажется, нет. Ведь в случае с преподавателями нельзя однозначно сказать о характере предполагаемых последствий. То есть, лицом, от которого зависит их наступление, выступает, например, ректор учебного заведения, декан, заведующие кафедрами и иные лица, которые изданием определенных локальных актов решают вопрос о дальнейшем положении конкретного студента. Также, после несданного зачета или экзамена у каждого студента есть право пересдать данную дисциплину. Если студент вновь не справляется, у него есть право попробовать еще раз уже на комиссии, в состав которой входят не менее 3 преподавателей. Также, у каждого студента есть право на замену преподавателя, принимающего у него промежуточный зачет или экзамен. Также считает и В.Ф. Лапшин, который говорит, что пересдача зачета или экзамена является разновидностью учебного процесса, поэтому выставленная неудовлетворительная оценка признается основанием для повторной пересдачи,

но никак не влияет на правовой статус обучающегося и не меняет общий учебный процесс вуза [5].

Чего совсем не скажешь о ситуации при проведении итоговой государственной аттестации выпускников высших учебных заведений и вступительных экзаменов по приему абитуриентов, ведь в данных случаях решение преподавателя или комиссии преподавателей является окончательным, то есть без возможности пересдачи в текущем учебном году. Также, такое решение не требует вынесения специальных актов от имени руководства учебного заведения. Из этого сразу можно сделать вывод, что в данных ситуациях действия преподавателя являются юридически значимыми и напрямую влекут правовые последствия.

В заключении хотелось бы сказать, что, несмотря на широкое толкование понятия должностного лица, которое дает Верховный Суд РФ, следует аккуратней относиться к вопросу о привлечении преподавателей учебных заведений, которые не являются членами государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии, к уголовной ответственности. Их действия хоть и безнравственны, но формально не содержат в себе всех признаков состава должностного преступления, ведь целью установления уголовной ответственности должностных лиц является наказание виновных, причинивших вред интересам государственной власти, государственной и муниципальной службы.

Список использованных источников:

1. Афиногенов Ю.А. Определение должностного лица в уголовных кодексах союзных республик / Ю.А. Афиногенов // Учен.зап. ДГУ. – 1965. – №12.
2. Бриллиантов А., Яни П. Должностное лицо: представитель власти / А. Бриллиантов, П. Яни // Законность – 2010. – №5.
3. Волженкин, Б.В. Служебные преступления – 2000.
4. Волженкин Б.В. Служебные преступления – 2005.
5. Лапшин В.Ф. Преподаватель как субъект получения взятки // Российское правосудие. – 2012. – № 5.
6. Морозов Г.Б. Коррупция в образовании: мифы и реалии нормативного правового характера // Пед. образование в России. – 2010. – №2.
7. Уголовный Кодекс Российской Федерации. федер. закон Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета- 199. – 18 июня.
8. Приговор Ленинского районного суда Астраханской области от 23.05.2011 г. по уголовному делу № 1-52/11

9. Чирков А. П. / А.П. Чирков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2015. – №. 9.

10. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий : Пост. ПВС РФ от 16 октября 2009 г. № 19 // Российская газета. – 2009. – №207

11. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: Пост. ПВС РФ от 10.02.2000г. №6 // Российская газет. – 2000.

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ИНЫХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ КАК ПРЕДМЕТ ВЗЯТКИ

© М.С. Федоров

Научный руководитель: С.И. Бушмин

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В связи с изменением уголовного законодательства в 2011 г. в структуре предмета взятки появилась новая, до того неизвестная уголовному закону разновидность предмета взятки – имущественные права. С изменениями ст. 290 УК РФ [1], что является вполне очевидным, стало важным понимание вопроса: что следует относить к имущественным правам для целей этой нормы.

В настоящее время в научной литературе все еще отсутствует единое мнение относительно того, что следует определять под «имущественным правом как предметом взятки».

Немногочисленность комментариев, встречающихся в научной литературе, отнюдь не способствует единодушному пониманию рассматриваемого понятия и разрешению указанной проблемы. По нашему мнению, скорейшее определение «иных имущественных прав» является очень актуальным, поскольку ежедневная правоприменительная практика свидетельствует об этом.

Обращаясь к анализу положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 [2] отметим, что иные имущественные права, согласно п. 9 подразумевают права с денежным выражением.

Если рассматривать материалы существующей судебной практики, то можно отметить, что имущественные права как предмет взятки хоть и встречаются не часто, но, тем не менее, выступают в качестве объекта преступных действий.

Так, приведем нижеследующие примеры:

- имущественные права на два земельных участка, расположенных на территории проектируемого дачного поселка (право собственности на два земельных участка) [3];

- имущественное право в виде 2/3 доли в праве собственности на нежилое помещение [4];

- имущественное право на две квартиры в построенном доме по цене 30% от их рыночной стоимости [5].

Анализируя приведенные примеры, нельзя не отметить очевидных неточностей в определении предмета взятки. В большом количестве решений можно наблюдать наличие взаимосвязи отнесения к имущественным правам права собственности на недвижимое имущество, которое передается взяткодателю как предмет взятки. Но, согласно ст. ст. 128, 130 ГК РФ недвижимость является разновидностью вещей, или, по тексту уголовного закона, имущества.

Сказанное применимо и к праву собственности на автомобиль, который вне всяких сомнений является имуществом. Представляется, что, относя все указанные предметы взятки к имущественному праву, суды, во-первых, предположительно находятся под влиянием сложившейся судебной практики по делам о мошенничестве, где недвижимое имущество подлежит рассмотрению не в качестве имущества – предмета хищения, а как право на чужое имущество [6].

Во-вторых, судами предпринимается попытка определить объем понятия имущественного права через отнесение к нему всех тех предметов взятки, для получения которых нужно совершить комплекс юридически значимых действий, что наиболее очевидно на примере недвижимого имущества.

Подобного рода неточности вызваны рассогласованностью уголовного законодательства с гражданским в этой части, помноженной на неопределенность гражданского законодательства самого по себе.

Рассогласованность гражданского и уголовного законодательства, в частности, проявляется в том, что уголовный закон рассматривает имущественные права как предмет взятки наравне с имуществом, тогда как ст. 128 ГК РФ определяет имущественные права в качестве разновидности "иного имущества". Вместе с тем в гражданском праве нет единства мнений относительно содержания понятия имущественных прав.

В результате изучения современной цивилистической доктрины выведем следующие особенности имущественных прав, как объектов гражданских прав, как то: материальная (денежная) ценность, самостоятельная оборачиваемость и по общему правилу обязательственный характер [7]. Однако

проблема усложняется тем, что отсутствует единообразный признанный перечень имущественных прав в гражданском праве. В частности, объектами вещного имущественного права являются объекты незавершенного строительства; этим же правом называются правомочия собственника и вещные права, указанные в п. 1 ст. 216 ГК РФ.

Считаю что, вынесение в диспозиции 290 ст. УК РФ, иных имущественных прав, имеет право на существование, так как, позволяет использовать данную диспозицию в будущем, при изменении, появлении новых форм и видов, имущественных прав, и позволяет преодолевать пробелы и неопределенности гражданского законодательства.

Поставленный вопрос является еще одним частным проявлением более общей проблемы терминологической согласованности уголовного и иных отраслей права. В настоящем случае ситуация также усложняется и тем, что в другой отрасли права понятие также является неопределенным, так что уголовное право вынуждено "импровизировать".

Импровизация эта, судя по складывающейся судебной практике, неудачна ввиду "захвата" понятием имущественных прав иных разновидностей предмета взятки и отсутствия четких признанных разновидностей уже самих имущественных прав. Все это показывает неудачность законодательного решения 2011 г. и желательность возврата к прежнему пониманию предмета взятки, где, если это необходимо, уже собственно имущественные права в их гражданско-правовом понимании можно было бы рассматривать как разновидность имущества.

В складывающейся судебной практике можно рекомендовать определять имущественные права *ad hoc* с учетом гражданского законодательства, но не безусловно следуя ему ввиду царящей там неопределенности. Так, в правоприменительной практике, определяя имущественное право как предмет взятки, под ним следует понимать любое правомочие, которое предусмотрено в гражданском законодательстве и имеет денежную оценку, а именно: вещное, исключительное или обязательственное право.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. ст. 2954.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных

коррупционных преступлениях" // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. Сентябрь. 2013.

3. Апелляционное определение Московского областного суда от 21 января 2016 г. по делу № 22-9/2016 // СПС «Консультант Плюс». Приговор суда первой инстанции был отменен, однако с подходом суда первой инстанции к земельному участку как имущественному праву суд апелляционной инстанции согласился.

4. Апелляционное определение Московского городского суда от 27 марта 2018 г. по делу № 10-3085/2018 // СПС «Консультант Плюс».

5. Апелляционное определение Московского областного суда от 19 мая 2015 г. по делу № 22-2534/2015 // СПС «Консультант Плюс».

6. Коваль А.В. "Мздоимство" и "лихоимство" как критерии дифференциации ответственности за взяточничество // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2.С. 119 – 129.

7. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная монография / С.А. Авакьян, И.П. Кененова, А.С. Ковлер и др.; отв. ред. и рук.авт. кол. С.А. Авакьян. М.:Юстицинформ, 2016. 512 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

© А.Д. Филиппова

Научный руководитель: А.П. Севастьянов

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Пожизненное лишение свободы – самая строгая мера наказания на сегодняшний день ввиду установленного моратория на применение смертной казни. Назначается в основном за совершение особо тяжких преступлений и выступает как самостоятельный вид наказания.

Легального законодательно закрепленного определения данной меры наказания на сегодняшний день нет. ст. 57 УК РФ определяет лишь категории преступлений, за совершение которых может быть назначено пожизненное лишение свободы и ограничения его применения. В связи с этим в уголовно-правовой доктрине предпринималось множество попыток предложить определение пожизненного лишения свободы. Однако единого подхода к определению данного вида наказания нет, что порождает соответствующие дискуссии. Наиболее целесообразно определять пожизненное лишение свободы наравне с иными, предусмотренными уголовным законодательством

самостоятельными видами наказаний. Пожизненное лишение свободы заключается в принудительной бессрочной изоляции осужденного от общества путем помещения его исправительную колонию особого режима либо в тюрьму.

Проанализировав составы преступлений, за совершение которых может быть назначено пожизненное заключение, можно прийти к выводу, что рассматриваемый вид наказания предусматривается как альтернативная санкция. Законодатель исходит из того, что не всегда лишение свободы на определенный срок может обеспечить достижение целей наказания и соблюдение справедливости. Пожизненное лишение свободы на сегодняшний день является дискреционным, то есть применяется по усмотрению суда. В связи с чем, появляется противоречивая практика, то есть суд руководствуется различными обстоятельствами, мотивируя применение исключительной меры наказания, именно поэтому приговоры становятся объектом апелляционного обжалования. Следовательно, для обеспечения соблюдения принципа справедливости необходимо разработать специальные правила в соответствии, с которыми будет назначаться пожизненное заключение.

Следующей проблемой в применении пожизненного лишения свободы, является его субъектный состав. Ч.2 ст. 57 УК РФ, предусматривает категории лиц, к которым не применяется пожизненное лишение свободы: женщины, несовершеннолетние, мужчины, достигшие к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста [8]. Однако, ставится вопрос о противоречии данного положения конституционному принципу равенства всех перед законом и судом при исключении женщин из числа лиц, к которым может быть применен данный вид наказания. В литературе ведется острая дискуссия о целесообразности применения пожизненного заключения в отношении женщин. Одни полагают необходимым сохранить запрет, что связано с охраной и правовыми гарантиями прав [1, с.22], другие считают необходимым исключить возможность применения рассматриваемого вида наказания только в отношении беременных женщин, что обусловлено их репродуктивными функциями [3, с.197, 200]. Третьи выступают за отмену запрета в отношении женщин, аргументируя свою позицию существованием процедур по смене пола, женщин с нетрадиционной ориентацией [2, с.31-34]. Несмотря на существующие в теории дискуссии, Конституционный суд РФ в своем определении указал, что запрет назначать пожизненное лишение свободы перечисленным в ст. 57 УК РФ категориям лиц основывается на необходимости учета социальных, возрастных и физиологических особенностей различных категорий лиц в целях обеспечения более полного и эффективного решения задач,

которые стоят перед уголовным наказанием в демократическом правовом государстве. Установление ответственности и наказания без учета личности виновного и иных обстоятельств противоречило бы конституционному запрету дискриминации и принципам справедливости и гуманизма [5]. Аналогичной позиции придерживается и Европейский суд по правам человека, указывая на отсутствие дискриминации при установлении данного запрета [7].

В ст. 50 Конституции РФ предусмотрены особые механизмы защиты прав осужденного, в том числе и возможность условно-досрочного освобождения от отбывания пожизненного заключения. На сегодняшний день по данным ФСИН рассматриваемый вид наказания отбывают около 2 100 человек, численность которых ежегодно возрастает. В научной среде существует точка зрения о необходимости введения пожизненного лишения свободы без права на условно досрочное освобождение. Такая идея воспринята из зарубежных стран, в том числе США, где законодательство некоторых штатов предусматривает возможность назначения пожизненного лишения свободы без права на условно-досрочное освобождение. Однако, данный институт имеет важное значение, поскольку призван изменить положение осужденного в лучшую сторону, кроме того выступает для них стимулом исправления. Право ходатайствовать об условно-досрочном освобождении возникает у осужденных по истечению отбытия двадцатипятилетнего срока лишения свободы. Установленный законодателем срок вызывает множество дискуссий в литературе. Некоторые авторы, в том числе Казакова Е.Н. [4, с.43], полагают целесообразным уменьшить срок необходимый для условно-досрочного освобождения, определение которого зависит от исправительного воздействия на осужденного, отмечая, что эффективность такого воздействия снижается при отбытии более 10 лет лишения свободы. Кроме того, на международном уровне установлена необходимость пересмотра приговоров к пожизненному лишению свободы через 8-14 лет содержания под стражей [6]. На сегодняшний день ни одно ходатайство об условно-досрочном освобождении судом не было удовлетворено. Но имеются случаи освобождения на свободу лиц, которым смертная казнь в порядке помилования была заменена пожизненным лишением свободы, однако не в порядке условно-досрочного освобождения, а в связи с переквалификацией деяния и назначения более мягкого вида наказания, что позволило указанным лицам, освободится из мест лишения свободы, в связи с отбытием назначенного срока.

Список использованных источников:

1. Азарова Е.Г. Социальное обеспечение детей: теоретические подходы: монография/ Москва: Контракт, 2012.- 256 с.
2. Абдрахманова, Е.Р., Савельев, И.С. Гендерный подход в уголовном праве РФ: смертная казнь и пожизненное лишение свободы как «мужские» наказания /Е.Р. Абдрахманова, Савельев И.С.// Российский следователь.- 2014. – № 13. -С.31-34.
3. Дядюн, К.В. Назначение наказания женщинам с точки зрения принципов граждан перед законом, гуманизма и справедливости/ К.В. Дядюн// Ленинградский юридический журнал.- 2017.- № 2 (48). – С. 196-207.
4. Казакова, Е.Н. Условно-досрочное освобождение от отбывания пожизненного лишения свободы: проблемы и пути их решения/ Е.Н. Казакова//Вестник Владимирского юридического института/ Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. Владимир, 2008. -№ 3. – С. 39-43.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 466-О «По жалобе гражданина Герасимова А.В. на нарушение его конституционных прав ч.3 ст. 127 УИК РФ, статьями 57 и 59 УК РФ и Указом Президента РФ от 07.12.1998 о его помиловании» [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. № 466-О // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
6. Резолюция № (76) 2 Комитета министров Совета Европы об обращении с лицами, приговоренными к длительным срокам заключения [Электронный ресурс]: принята 17.02.1976 на 254-ом заседании представителей министров//Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
7. Решение Европейского суда по правам человека от 13.05.2014 «По делу Аслан Хамтоху и Артем Аксенчик против Российской Федерации» [Электронный ресурс]: решение ЕСПЧ от 13.05.2014 по жалобам № 60367/08 и 961/11 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
8. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред.от 19.02.2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СКЛОНЕНИЯ
К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА**

© Д.В. Цупинина

Научный руководитель: Н.В. Качина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен статьей 110.1, предусматривающей ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства. Криминализация указанных деяний, главным образом, была связана с высоким ростом подросткового суицида. Отсутствие ранее статьи, предусматривающей ответственность за склонение к самоубийству, многие авторы рассматривали как очевидный и неоправданный пробел в действующем уголовном законодательстве [6, с. 249]. Поэтому выделение законодателем в качестве самостоятельного состава преступления склонения к совершению самоубийства специалистами в области уголовного права расценивается как положительный шаг на пути развития уголовного законодательства и повышения уровня уголовно-правовой охраны права на жизнь [1, с. 33].

Вместе с тем анализ законодательной формулировки ч. 1 ст. 110.1 УК РФ позволяет сделать вывод о ее несовершенстве, которое влечет проблемы при применении этой нормы.

Перед правоприменителем встает вопрос об отграничении указанного состава от доведения до самоубийства, несмотря на то, что в ч. 1 ст. 110.1 УК прямо указано, что она применяется при отсутствии признаков ст. 110 УК РФ.

С этимологической точки зрения «доведение» следует рассматривать через слово «довести», под которым понимается привести в какое-либо состояние, вызвать, породить в ком-нибудь какие-нибудь последствия [5, с. 224]. Термин «склонение» в толковом словаре понимается как убеждение в необходимости какого-либо поступка, решения [5, с. 723].

Таким образом, доведение рассматривается как некий результат действий. Склонение же оценивается как процесс убеждения к осуществлению деятельности.

В связи с этимологическим значением указанных терминов возникает вопрос о моменте окончания склонения к самоубийству. Доведение до самоубийства, по мнению большинства исследователей, окончено с момента,

когда потерпевший покончил жизнь самоубийством или покушался это сделать в результате действий виновного, исчерпывающе перечисленных в диспозиции ст. 110 УК РФ [6, с. 143].

Из законодательной формулировки ч. 1 ст. 110.1 УК РФ момент окончания склонения к самоубийству однозначно определить нельзя. Вместе с тем, и понимание этого термина, приведенное выше, и наличие ч. 4 ст. 110.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, повлекшие самоубийство или покушение на самоубийство, позволяют утверждать, что склонение к совершению самоубийства, предусмотренное ч. 1 ст. 110.1 УК РФ, окончено с момента совершения указанных действий. При этом для признания деяния оконченным не требуется того, чтобы у потерпевшего возник умысел на совершение самоубийства в результате склонения его виновным к этому. Достаточно того, что виновный путем уговоров, подкупа, предложений, обмана и другими способами склонял потерпевшего к совершению самоубийства.

В ст. 110 УК РФ исчерпывающе перечислены способы доведения потерпевшего до самоубийства: путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Но, поскольку, во-первых, характер угроз не конкретизирован, во-вторых, признак «жестокое обращение» является оценочным, а унижение человеческого достоинства должно носить систематический характер, то разграничение доведения до самоубийства со склонением к нему на практике может представлять определенную сложность. В связи с этим стоит отметить, что все способы доведения до самоубийства представляют собой формы физического или психического насилия, которые способны повлиять на принятие потерпевшим вынужденного решения о лишении себя жизни. Однако заметим, что у потерпевшего остается возможность выбора – между жизнью и смертью, но под воздействием неправомерных действий виновного, будучи доведенный им до отчаяния, он самостоятельно совершает самоубийство. Если же воля потерпевшего полностью виновным подавлена и иного выбора, кроме смерти, у него нет, то действия виновного следует квалифицировать как убийство. При склонении отсутствует психическое или физическое насилие, потерпевший принимает не вынужденное решение, но вместе с тем инициатива исходит все же от виновного, который совершает такие действия, которые вызывают решимость у потерпевшего покончить жизнь самоубийством. Соответственно, при оценке действий виновного, результатом которых стало лишение потерпевшим себя жизни, исходить нужно из наличия или отсутствия факта вынужденности принятия потерпевшим такого решения под воздействием виновного.

Вопрос о квалификации действий виновного может возникнуть в ситуации, когда склонение к совершению самоубийства перерастает в доведение до самоубийства. Например, когда виновное лицо сначала безуспешно склоняет потерпевшего к самоубийству путем уговоров, предложений и т.д., а потом доводит его до самоубийства, например, путем жестокого обращения. Представляется, что в данной ситуации все содеянное виновным должно охватываться ст. 110 УК РФ, поскольку склонение к совершению самоубийства представляет в этом случае стадию приготовления к доведению потерпевшего до самоубийства. Соответственно стадия приготовления охватывается окончательным составом преступления – доведение до самоубийства.

В уголовно-правовой литературе поднимается вопрос о квалификации действий виновного по склонению к совершению самоубийства тех лиц, которые не способны понимать характер и значение тех действий, к которым их склоняют. Речь идет о малолетних детях, о лицах с отставанием в психическом развитии или с наличием психических заболеваний, которые не способны отдавать отчета в своих действиях.

В отношении доведения до самоубийства этот вопрос большинством авторов решается однозначно. Так, Г. Н. Борзенков полагает, что доведение до самоубийства малолетнего лица или психически больного, не способного понимать значение своих действий и руководить ими, следует рассматривать как убийство, и соответственно, квалифицировать по части 1 или 2 статьи 105 УК РФ [2, с. 165]. Аналогичной позиции придерживается А. И. Коробеев [3, с. 279].

Представляется, что аналогично должен решаться вопрос и в отношении склонения к самоубийству лиц, не способных понимать значение и характер своих действий и руководить ими. Такие действия следует рассматривать как опосредованное убийство, но только лишь в том случае, когда виновный умышленно путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом склонял указанных к лишению себя жизни. При этом квалификация должна наступать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии).

В отношении лиц, достигших четырнадцатилетнего возраста, способных понимать значение совершаемых действий и руководить ими, деяние лица, склоняющего к самоубийству таких подростков, должно быть квалифицировано как склонение к совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ). Однако если, по результатам заключения экспертов, четырнадцатилетний потерпевший в силу психического расстройства, возникшего в результате склонения его к суициду, не мог понимать смысл совершаемых им действий и руководить ими, то данное следует квалифицировать как убийство (ст. 105 УК РФ).

Как убийство следует оценивать и такие действия виновного, в результате которых воля потерпевшего полностью подавлена и иного выбора, кроме смерти, у него нет. При склонении к самоубийству и при доведении до самоубийства потерпевший добровольно уходит из жизни. Только при доведении до самоубийства потерпевший принимает решение о лишении себя жизни вынужденно, а при склонении к совершению самоубийства решение не является вынужденным.

В. М. Малинин указывает на то, что действия жертвы по лишению себя жизни не должны прямо вытекать из деяния виновного [4, с. 38]. Думается, что в таком аспекте квалифицировать деяние следует как склонение к совершению самоубийства, так как итоговым актом, результатом является «добрая» воля потерпевшего, только его самостоятельное решение. В случае, когда потерпевшее лицо прибегает к самоубийству не по своей воле, а вследствие действий виновного, данное должно квалифицироваться по статье 105 УК РФ, отмечает В. М. Малинин, с чем нельзя не согласиться.

Таким образом, для квалификации склонения к совершению самоубийства необходимо, чтобы потерпевшее лицо осознавало значение совершаемых действий и могло ими руководить, а также самостоятельно приняло решение об уходе из жизни, но под внешним воздействием виновного лица. В противном случае деяние будет рассматриваться как убийство.

Список использованных источников:

1. Авешникова, А. А. Об уголовной ответственности за склонение несовершеннолетних к самоубийству / А. А. Авешникова // Российский следователь. – 2019. – № 1. – С. 33–37.
2. Борзенков, Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика : учебное пособие / Г. Н. Борзенков. – М. : ИКД Зерцало-М, 2009. – 256 с.
3. Коробеев, А. И. Полный курс уголовного права в 5 томах. Т. 2 / А. И. Коробеева. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. – 680 с.
4. Малинин, В. Б. Причинная связь в уголовном праве: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08 / Малинин Василий Борисович. – СПб., 1999. – 43 с.
5. Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.efremova.info>.

б. Хатуев, В. Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство : монография / В. Б. Хатуев. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 448 с.

К ВОПРОСУ О МНИМОЙ ОБОРОНЕ

© Д.А. Черепанова

Научный руководитель: Р.Н. Гордеев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Необходимая оборона – это правомерная защита личности и прав обороняющегося и других лиц, а также охраняемых законом интересов общества и государства от общественно опасного посягательства, путём причинения вреда посягающему лицу. Сущность такого явления, как необходимая оборона заключается в самостоятельной защите человеком себя и близких людей от опасных действий нападающего.

Государство поощряет действия граждан, направленные на пресечение общественно опасных посягательств, и одновременно определяет, посредством закона, условия, которым должны соответствовать эти действия т.е. условия правомерности необходимой обороны. К таковым относятся: общественная опасность посягательства, реальность посягательства и наличие посягательства.

В судебной практике не редки случаи применения оборонительных действий против лица, чье поведение ошибочно воспринимается как общественно опасное. Данное явление принято называть мнимой обороной, при которой посягательство существует только в сознании обороняющегося.

По мнению Милюкова С.Ф. к мнимой обороне относятся ситуации, когда нарушены некоторые признаки необходимой обороны. Особое внимание он уделяет признаку своевременности. Так, к мнимой обороне он относит запоздалую оборону [2, С.16].

В.М. Лебедев охарактеризовал мнимую оборону следующим образом: мнимая оборона возникает в случае, когда субъект причиняет вред другому лицу, ошибочно воспринимая его как лицо совершающее посягательство [1, С. 104 – 117].

Но большинство исследователей склоняются к тому, что мнимая оборона возможна только в том случае, когда отсутствует первое условие

правомерности необходимой обороны, т.е. общественно опасное посягательство [5, С. 26 – 29].

Для того чтобы признать оборону мнимой, необходимо реальное существование обстоятельств, которые внешне похожи на общественно опасное посягательство, и лицо ошиблось в оценке общественной опасности деяния.

При квалификации действий совершенных в состоянии мнимой обороны могут возникать некоторые затруднения, поэтому судам предписано различать состояние необходимой обороны и состояние мнимой обороны, когда отсутствует реальное общественно опасное посягательство и лицо ошибочно предполагает его наличие.

Мнимая оборона может быть соотнесена с необходимой обороной, когда обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и обороняющийся не осознавал и не мог осознавать отсутствие такого посягательства. В подобных ситуациях действия защищающегося лица будут рассматриваться как совершенные в состоянии необходимой обороны, и оно не будет привлечено к ответственности. Если же лицо не осознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, его действия квалифицируются по статьям УК РФ как деяния, совершенные по неосторожности [3].

В случае, когда общественно опасного посягательства не существовало в действительности и окружающая обстановка не давала лицу оснований полагать, что оно происходит, действия лица подлежат квалификации на общих основаниях.

Таким образом, мнимая оборона не является обстоятельством исключаящим преступность деяния, ответственность за вред, причиненный в состоянии мнимой обороны должен рассматриваться по общим правилам ответственности при фактической ошибке, то есть в зависимости от наличия или отсутствия вины.

При этом может возникнуть три возможных варианта квалификации. Во-первых, когда обороняющийся думал, что отражает реальную опасность и при этом обстановка давала ему основания полагать, что он пресекает преступление, то причиненный ущерб необходимо оценивать как невиновное причинение вреда. Во-вторых, когда обороняющийся думал, что отражает реальную опасность, но при этом по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, его действия квалифицируются по неосторожности. И в-третьих, общественно опасного посягательства не существовало в действительности и окружающая обстановка

не давала лицу оснований полагать, что совершается преступление, квалификация осуществляется на общих основаниях, как умышленное преступление.

Так, гражданин Третьяков состоял в браке с Т.С., от брака имеют малолетнего ребенка. С 2017 года он с Т.С. не проживает, так как она злоупотребляет спиртными напитками и в связи с этим органы опеки забрали ребенка и поместили в детский дом. Он забрал ребенка, и все этого время сын проживал совместно с ним. 15.06.2017г. он отвез сына к Т.С. в гости. 16.06.2017г. он неоднократно звонил Т.С. но она не брала трубку. Тогда он приехал к ней домой и обнаружил, что сын находится дома один весь грязный. Он отвез его к себе домой. К Третьякову пришла сестра его соседки, с которой он покормил ребенка и отдал ей на руки. Через некоторое время к нему в дом зашел З. – сожитель его бывшей жены, и стал требовать чтобы он отдал ему сына. З. находился в сильном алкогольном опьянении и пытался пройти в комнату, где находился ребенок, Третьяков его не пускал и требовал уйти. Тогда З. обхватил его своей правой рукой за шею и начал душить. Третьяков начал задыхаться, он стал пальцем давить в глаза З. и сумел перевернуться, и оказался сверху З.. Они поднялись на ноги. З. продолжил попытки пройти в комнату и забрать ребенка. Он не пускал З. и просил уйти его. Опасаясь за свою жизнь и жизнь ребенка он взял нож, который находился в стеклянной банке на полочке, при этом думая, что З. напугается и уйдет. Но З. сказал ему: «Раз взял нож, то давай!». Они находились друг напротив друга на расстоянии вытянутой руки. Он не сдержался, и ударил З., ножом один раз в живот, после чего вытолкал З. из дома. Нож помыл и убрал, позвонил участковому инспектору и сообщил о происшедшем, просил вызвать скорую медицинскую помощь [4].

Суд посчитал, что Третьяков находился в состоянии мнимой обороны, когда отсутствовало реальное общественно опасное посягательство со стороны З., поскольку он ошибочно предполагал о его наличии. Третьяков был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. 3. ч. 2 ст. 111 УК РФ.

Мнимая оборона не предусмотрена действующим уголовным законодательством и, следовательно, не является уголовно-правовой категорией. Она представляет собой научное понятие, которое в какой-то степени помогает разобраться в ситуациях, когда оборона выходит за рамки статьи 37 Уголовного кодекса РФ.

Подводя итог, мы можем сделать вывод о том, что мнимая оборона не является обстоятельством исключаящим преступность деяния. общественно опасным действием. Мнимая оборона должна рассматриваться по общим правилам ответственности при фактической ошибке.

Список использованных источников:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. – Москва: Юрайт, 2013. – 1077с.
2. Милюков, С.Ф. Обстоятельства, исключаящие общественную опасность деяния : учебно-научное издание / С.Ф. Милюков. – Санкт-Петербург: Знание, 1998. – 52 с.
3. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 // Справочная правовая система «Гарант». – Режим доступа :<http://www.garant.ru>.
4. По делу № 1-83/2017 [Электронный ресурс] : приговор от 09.10.17 г. № 1-83/2017 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ «СудАкт». – Режим доступа : <https://www.sudact.ru>.
5. Ткаченко, В.И. Необходимая оборона / В.И. Ткаченко // Законность. – 1997. – № 3. – С. 26 – 29.

**ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА, ВЫПОЛНЯЮЩЕГО ФУНКЦИИ
В ПОДКОНТРОЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВУ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© А.А. Шкуратова

Научный руководитель: Р.Н. Гордеев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В 2015 году Федеральным законом № 265 от 13. 07. 2015 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] в примечании к ст. 285 УК РФ были внесены изменения, касаемо того кто может быть должностным лицом в Российской Федерации. Данное нововведение заключается в том, что теперь должностными лицами признаются руководители акционерных обществ, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации. В этой связи возникает вопрос, какой вред могут причинять руководители акционерных обществ подконтрольных государству, затрагивает ли их деятельность интересы государственной власти, ведь это частные организации, которые относятся к экономической сфере и принадлежат иным

лицам? В особенности этот вопрос возникает при получении управленцем незаконного вознаграждения при осуществлении властных полномочий в таких акционерных обществах.

В данном случае становится актуален вопрос о разграничении таких преступлений как получение взятки и коммерческий подкуп. Для коммерческого подкупа характерно то, что действия совершаются в коммерческой или иной организации, а получение взятки осуществляется в сфере государственной власти. Но в связи с существенными изменениями в УК РФ, касаемо того, кто является должностным лицом, возникают сомнения: а могут ли лица, выполняющие административно – хозяйственные и организационно – распорядительные функции в государственных компаниях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых находится у государства и муниципальных образований в случае совершения преступлений нести ответственность по статьям главы 30 УК РФ? На данный вопрос однозначного ответа нет.

По мнению П. С. Яни, если субъект занимает должность, в связи с которой он обладает правом совершать по службе юридически значимые действия, влекущие определенные правовые последствия, то он, следовательно, выполняет организационно – распорядительные или административно – хозяйственные функции и является должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой и иной организации. [5] Из этого следует, что данные лица могут быть субъектами, как преступления, предусмотренного ст. 204, так и ст. 290 УК РФ.

Но для того, чтобы решить могут ли лица, выполняющие организационно – распорядительные функции в акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации быть субъектами взяточничества необходимо разобраться в том, что такое акционерные общества и какие функции они выполняют.

Акционерное общество – это хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на определенное число акций в соответствии со ст. 96 Гражданского кодекса Российской Федерации. Подконтрольные государству акционерные общества – это общества, акции которых находятся в федеральной собственности. Примерами таких организаций могут быть ПАО «Роснефть», ПАО «Газпром», ПАО АНК «Башнефть» и др.

Следовательно, данные юридические лица относятся к коммерческим организациям, целью которых является получение прибыли. Из этого можно сделать вывод, что данные лица не являются субъектами преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ.

Важно также подчеркнуть, что работники государственных корпораций не являются государственными служащими, тем не менее, делегирование им полномочий государственного управления позволяет причислять их к должностным лицам, что подчеркнуто в примечании 1 к ст. 285 УК РФ. При этом они являются субъектами потенциально опасного сегмента экономики и управленческой деятельности, так как государственные корпорации наделены надзорными, контрольными, функциями в своей области. В результате осуществления данных видов деятельности должностные лица государственных корпораций подвержены рискам злоупотреблений, связанных с выведением активов из под контрольных организаций, позволяющих превращать государственную собственность в личную. По мнению, Н. Егоровой общественно опасные деяния «директорского корпуса» государственных и муниципальных предприятий следует отнести к злоупотреблениям в сфере публичных интересов и рассматривать в рамках главы 30 УК РФ, расценивая их в качестве должностных лиц. [2] Например, И. Камынин полагал, что руководитель унитарного предприятия в силу его подконтрольности государственным органам и органам местного самоуправления как собственникам имеет особый статус государственного или муниципального служащего, но никак не лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой организации. [3]

На сегодняшний момент, законодатели, редактируя УК РФ, постепенно отказываются от дифференциации субъектов коррупционных преступлений на должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях, пренебрегая гражданско-правовой классификацией юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации. Основным становится критерий управления государственной или муниципальной собственностью. Злоупотребление должностным лицом своими полномочиями, использование их в личных интересах и в интересах третьей стороны, образуют собственно коррупционные посягательства. [1]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ могут являться должностные лица, осуществляющие полномочия в акционерных обществах, контрольный пакет акций, которых принадлежит Российской Федерации, а также ответственность будет наступать в рамках главы 30 УК РФ.

Список использованных источников:

1. Авдеев, В. А. Преступления в сфере экономики : теоретико – практический курс : учебное пособие / В. А. Авдеев, Е. В. Авдеева. – Иркутск : БГУЭП, 2015. 176 с.
2. Егорова Н. А. Субъект преступлений против интересов службы // Законность. 1998. № 4.
3. Камынин И. Статус руководителя унитарного предприятия // Законность. 2000. № 10.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13. 07. 2015 № 265 – ФЗ [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
5. Яни, П. С. Вопросы квалификации взяточничества / П. С. Яни / Законность. – 2013. № 3.

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

© Е.М. Якунина

Научный руководитель: Ю.С. Пестерева

канд. юрид. наук

Омская академия МВД России

Ответственность за противоправные действия с «братьями нашими меньшими» по действующему законодательству предусмотрена в УК РФ, отчасти в ГК РФ (ст. 241 ГК РФ) и в некоторых КОАП субъектов РФ (например, ст. 5.7 КОАП Москвы). При этом, привлечение лиц, совершивших деяние, содержащее признаки преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ к надлежащей ответственности доставляет некоторые трудности правоприменителю. Что свидетельствует о несовершенстве нормы, предусматривающей ответственность за жестокое обращение с животными.

Действующая редакция ст. 245 УК РФ претерпела не так давно существенные изменения. Нововведения касаются в большей части в изменении диспозиции ч.1 ст. 245 и ужесточении санкции по ч.2 ст. 245. Перевод преступлений по ч. 2 ст. 245 в категорию «средней тяжести» predetermined тем, что преступления, совершаемые по отношению к животным, содержащие квалифицирующие признаки, причиняют глубокие нравственные страдания большому числу людей, наносят значительный ущерб, в связи с этим отнесение такого

преступления к преступлениям небольшой тяжести нарушает принцип справедливости и разумности. Расширение же диспозиции должно свидетельствовать о том, что станет намного легче и проще квалифицировать совершение подобных преступлений. Теперь не придется доказывать корыстные и хулиганские побуждения при совершении данного преступления. Достаточно будет доказать тот факт, что животному причинены боль и страдания.

Совсем недавно был принят ФЗ «Об ответственном обращении с животными», определяющий, что следует понимать под жестоким обращением с животными. Расширив понятие жестокого обращения, законодатель сузил количество потенциальных возможностей для живодеров. Под действие ст. 245 УК РФ подпадают любые животные (лошади, собаки, кошки и т.п.): домашние, дикие, бездомные. Проанализировав судебную практику видно, что к животным суды относят только высших позвоночных – птиц и млекопитающих. Представители рыб, пресмыкающиеся, земноводные не рассматриваются в качестве предмета преступления. К тому же, в примечании к Проекту ФЗ № 308781-7 «О внесении изменений в ст. 245 и 258.1 УК РФ и статьи 150 и 151 УПК РФ» говорится о том, что действие ст. 245 УК РФ не распространяется на забой с/х животных, в т.ч. при совершении религиозных обрядов и церемоний традиционных конфессий, случаи гибели и увечья охотничьих ресурсов при осуществлении охоты, умерщвления животных специалистом в области ветеринарии при наличии соответствующих ветеринарных показаний, на использование животных научными работниками в их профессиональной деятельности. Исходя из этого, можно сделать вывод, что не все животные подпадают под действие ст. 245 УК РФ.

Ещё один вопрос, требующий пояснений, это применение садистских методов. Под применением садистских методов правоприменители понимают «изоциренно жестокое обращение с животными, мучительное их умерщвление и истязание в целях получения болезненного самоудовлетворения [1, с 356]». При применении квалифицирующего признака «садистские методы» следует проводить разграничение с понятием жестокого обращения. Садистские методы являются частью целого по отношению к жестокому обращению с животными, следовательно, применение садистских методов является проявлением особой жестокости по отношению к животным. Ведь при совершении преступления, предусмотренного ст. 245 у субъекта, его совершающего, появляется желание получить удовольствие и самоудовлетворение от наблюдений за страданиями животного.

Дискуссионным остается признак, теперь содержащийся в ч. 2 ст. 245 УК РФ, а именно «в присутствии малолетних». Данный признак имеет место в

случаях, когда преступление происходит на глазах у лиц, не достигших 14 лет. При этом важно не только фактическое присутствие, но и осознание малолетним всего происходящего. В противном случае состав преступления отсутствует, поскольку в такой ситуации будет отсутствовать вредное воздействие на неокрепшее сознание ребенка и нравственные начала его формирования. Нижний предел возраста малолетнего лица, исходя из анализа судебной практики по ч. 2 ст. 245 УК РФ и статьи 28 ГК РФ составляет возраст от 6 лет.

К всему вышесказанному можно добавить то, что общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ определяется тем, что жестокость по отношению к животным, их истязание способствует формированию у граждан, особенно у подростков и молодежи, чувства равнодушия к страданиям любого живого существа. Исходя из этого можно говорить о взаимосвязи жестокого обращения с животными с жестокостью по отношению к человеку. При этом, многие психиатры и медицинские эксперты считает, что люди, испытывающие влечение к издевательствам над животными, являются потенциально опасными для общества, поскольку они в любой момент могут реализовать свой преступный замысел на представителях себе подобных. «Убийцы зачастую начинали с того, что в детстве мучили и убивали животных,» – говорит разработчик биографических профилей серийных убийц для ФБР Роберт К. Реслер [2]. Не получив должной оценки своего поведения, жестокость у них принимала устойчивый характер и постепенно превращалась в черту личности, что впоследствии способствовало совершению антиобщественных поступков, а в дальнейшем нередко и преступлений [3, с. 71-73]».

Несмотря на то, что в законодательстве нашей страны предусмотрена ответственность за жестокое обращение с животными, возбудить такое дело зачастую представляется сложным из-за особенностей конструктивных признаков состава. Если же дело и доходит до суда, то преступники, как правило, получают минимальное наказание.

В связи со всем вышесказанным, дабы защитить животных от жестокого обращения будет целесообразно закрепить защиту прав абсолютно всех животных, которые могут содержаться человеком как домашние животные: цирковые животные, животные, задействованные в охране правопорядка, животные, задействованные в сельском хозяйстве, при этом не предназначенные для забоя.

Если признаки преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, в деянии лица отсутствуют, разумно будет предусмотреть административную ответственность, включив соответствующую статью в КоАП РФ. Редакцию данной статьи предлагаем изложить в следующей редакции: «Жестокое обращение с

животным в целях причинения ему боли и (или) страданий, а равно из хулиганский побуждений или из корыстных побуждений, не повлекшее его гибель или увечье, – влечет предупреждение или наложение административного штрафа». А диспозиция ч. 1 ст. 245 УК РФ должна иметь следующий вид:

«Жестокое обращение с животным:

1) в целях причинения ему боли и (или) страданий, а равно из хулиганский побуждений или из корыстных побуждений, повлекшее его гибель или увечье;

2) совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние».

Данные нововведения позволят разграничить уголовно-правовые деяния и административные проступки, а также будут служить неким «барьером» для недопущения необоснованного широкого применения мер уголовно-правового характера.

И, наконец, в санкции, предусмотренной ч. 2 ст. 245, необходимо установить наказание в виде лишения свободы и, как альтернативу лишению свободы, оставить принудительные работы. Если суд при назначении наказания будет убежден в исправлении осужденного без реального отбывания наказания, то он примет решение заменить назначенное наказание в виде лишения свободы принудительными работами. В таком случае у судов не будет выбора между множеством альтернативных наказаний за данное преступление, что должно явиться сдерживающим фактором и неминуемо сократить количество преступлений по ст. 245 УК РФ.

Список использованных источников:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект», 2010. – 870 с.
2. URL: <http://www.vita.org.ru/library/education/serial-killers-and-animal-abuse.htm> (дата обращения 04.04.2019).
3. Осокин Р.Б. О необходимости совершенствования норм об ответственности за жестокое обращение с животными // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – №3 (сент).

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И КРИМИНАЛИСТИКИ**

УЧАСТИЕ ПОНЯТЫХ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© И.А. Абрамов

Научный руководитель: О.Х. Галимов

канд. юрид. наук

Сибирский институт бизнеса, управления и психологии

Согласно статье 60 УПК РФ понятым является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия. При этом понятой, как субъект, выполняющий функцию содействия правосудию, может быть участником не только следственных действий, но и других уголовно-процессуальных действий, таких как наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ), удостоверение факта отказа от подписания или невозможности подписания протокола следственного действия (ст. 167 УПК РФ) [1].

В теории и на практике уголовного судопроизводства в отношении института понятых существуют различные взгляды.

В пользу института понятых приводятся следующие аргументы: 1) институт понятых прошел проверку временем; 2) пресекается возможность фальсификации доказательств; 3) усиливается надежность получения доказательств с точки зрения их достоверности и допустимости при привлечении понятых [2; с. 250].

Противники института понятых, в большей части – практические работники, выделяют сложность процедуры привлечения и участия понятых. Основные их доводы: 1) противопоставление мнения граждан, привлекаемых в качестве понятых, специально уполномоченным государственным органам и их должностным лицам; 2) в исключительных случаях невозможность обеспечения участия понятых; 3) отсутствие интереса у граждан в оказании содействия правосудию; 4) стремительное развитие научно-технического прогресса, позволяющее с достаточной достоверностью и полнотой, фиксировать любые действия органов уголовного преследования; 5) аналогия законодательства других государств, в которых подобный институт отсутствует [3; с. 171].

На сегодняшний день закон закрепляет обязательное участие понятых в трех следственных действиях согласно статье 170 УПК РФ: 1) обыск (ст. 182 УПК РФ); 2) личный обыск (ст. 184 УПК РФ); 3) предъявление для опознания (ст. 193 УПК РФ) [1].

Исключением является производство следственных действий в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей. В этом случае следственные действия могут производиться без участия понятых, о чем в протоколе следственного действия делается соответствующая запись. В случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов. Если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись.

Также понятые могут участвовать: 1) при наложении ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ); 2) при осмотре (ст. 177 УПК РФ); 3) при осмотре трупа, эксгумации (ст. 178 УПК РФ); 4) при проведении следственного эксперимента (ст. 181 УПК РФ); 5) при выемке (ст. 183 УПК РФ); 6) при осмотре, выемке и снятии копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений (ч. 5 ст. 185 УПК РФ); 7) при осмотре и прослушивании фонограммы контроля и записи переговоров (ч. 7 ст. 186 УПК РФ); 8) при проверке показаний на месте (ст. 194 УПК РФ), согласно ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ. В этом случае понятые принимают участие в следственных действиях по усмотрению следователя. Если в указанных случаях по решению следователя понятые в следственных действиях не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия является обязательным. Однако если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись [1].

В остальных случаях следственные действия производятся без участия понятых, если следователь по ходатайству участников уголовного судопроизводства или по собственной инициативе не примет иное решение.

Если провести сравнительный анализ УПК РФ и УПК РСФСР, можно заметить изменения норм в УПК РФ, касающихся института понятых, в сторону диспозитивности, т.к. появились случаи, когда понятые привлекаются по усмотрению следователя, в зависимости от использования технических средств фиксации.

Таким образом, фактически, если производство следственных действий обеспечено использованием технических средств, то участие понятых не является обязательным. Закон учитывает также и сложности привлечения понятых для участия в следственных действиях, когда они проводятся в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для

жизни и здоровья людей. В связи с этим безосновательны опасения противников данного института относительно невозможности обеспечения привлечения и участия понятых в следственных действиях.

Не исключено, что в силу быстрого развития научно-технического прогресса и появления новых технических средств фиксации институт понятых в будущем может исчезнуть. Однако, с учетом сегодняшних реалий, мы считаем, что институт понятых как фактор, обеспечивающий надежность получения доказательств с точки зрения их достоверности и допустимости, является не «помехой» для расследования преступлений, а наряду с применением технических средств – необходимым условием соблюдения надлежащей процедуры собирания доказательств.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019) [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Митрясова, А.С. К вопросу о проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве РФ / А.С. Митрясова // Молодой ученый. – 2018. – №18. – С. 250-253. – URL <https://moluch.ru/archive/204/49945/> (дата обращения: 09.04.2019).

3. Семенцов, В. А. О проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве России / В. А. Семенцов // Международный научно-практический журнал Общество и право. – 2014 – № 2. – С. 170–174. URL: <http://crimescience.ru/wp-content/uploads/2017/05/Общество-и-право-№-2-2014.pdf> (дата обращения: 09.05.2019).

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДВОКАТСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

© И.А. Авласевич

Научный руководитель: О.Г. Иванова
Сибирский федеральный университет

Чтобы защита была эффективной, деятельность адвоката должна носить активный характер, необходимо использовать правомочия, предоставленные законом. Реализация адвокатом предоставленных прав предполагает

наличие определенного механизма, средства воплощения процессуальной возможности в жизнь. Такими средствами, например, являются ходатайство адвоката и адвокатский запрос.

Исходя из характера правоотношений, складывающихся между адвокатом и органами предварительного расследования, можно сделать вывод, что институт адвокатского расследования зарождается в Российском уголовном процессе. Такие нормы как ст. 86, ст. 159 УПК РФ [1], говорят о том, что полномочия адвоката в определенной степени соответствуют модели адвокатского расследования. При этом наличие правовых пробелов не дают в полной мере реализовать полномочия адвоката.

Исследование положения защитника в уголовном процессе в целом, позволило обозначить ряд проблем:

Во-первых, успешная реализация такого правомочия как подача ходатайства является не само использование права, предусмотренного ст. 119 УПК РФ [1], а удовлетворение данного ходатайства органами предварительного расследования. На практике успешная реализация данного правомочия адвокатом вызывает проблемы. Первостепенной причиной, из-за которой адвокат, подавший ходатайство, получает отказ в удовлетворении, является несовпадение уголовно-процессуальных интересов доказывания.

Во-вторых, законодательное регулирование адвокатского запроса в РФ в полной мере не отображает важность данного элемента в адвокатском расследовании, в результате чего органы государственной власти относятся халатно к предоставлению мотивированного ответа на адвокатский запрос. Также из-за мягкой ответственности за отказ в предоставлении информации, данный отказ может использоваться как один из методов противодействия адвокатскому расследованию.

В УПК отсутствует обязанность организаций отвечать на адвокатский запрос. Согласно ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ» [2] адвокат имеет право запрашивать у органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций интересующую его информацию. Но существует проблема отказа адвокатам в предоставлении информации, составляющих государственную, врачебную и другую охраняемую законом тайну. На основании того, что в законодательстве, которое регулирует предоставление данной информации, адвокат в качестве субъекта, которому может быть предоставлена данная информация отсутствует, то данные органы делают вывод, что адвокат не имеет право на получение такой информации.

На примере получения врачебной информации адвокатом, происходит следующая ситуация. В ч.4 ст. 13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» [3], адвокат в качестве субъекта, которому может быть предоставлена врачебная информация не назван, но в свою очередь, в п.ч ст. 13 органы дознания и следствия указаны в качестве тех, которым может быть предоставлена врачебная информация, если был соответствующий запрос. Судебная практика именно на этом основании отказывает в удовлетворении требований адвоката в предоставлении информации, которая содержит в себе врачебную тайну. Так, Красноярский краевой суд в своем определении от 4 июня 2012 года [4], отказал адвокату в предоставлении информации, которая содержит в себе врачебную тайну, ссылаясь на то, что в ч.4.ст. 13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» перечень является закрытым и расширительному толкованию не подлежит [4]. ВС РФ также придерживается указанной точки зрения Красноярского краевого суда и указывает следующее «так как в действующем законодательстве адвокат не назван в числе субъектов, которым могут быть предоставлены сведения, составляющие врачебную тайну, указанная информация им предоставлена быть не может» [5].

Кроме проблемы необоснованных отказов в ответе на запрос существует также проблема, когда сам ответ по содержанию является формальным, и не содержит в себе сведений, которые запрашивал адвокат.

В ст. 5.39 «Кодекса РФ об административных правонарушениях» устанавливается ответственность за «неправомерный отказ в предоставлении гражданину, в том числе адвокату в связи с поступившим от него адвокатским запросом, и (или) организации информации, предоставление которой предусмотрено федеральными законами, несвоевременное ее предоставление либо предоставление заведомо недостоверной информации» [6]. О мотивированности ответа, который должен содержать в себе ясный и четкий ответ на запрос, не сказано ничего. Именно данным пробелом и пользуются органы государственной власти при ответе на адвокатский запрос

Ещё одна трудность видится в том, что информация, собранная адвокатом, доказательством автоматически не является, и чтобы стать доказательством, необходимо «упаковать» её в процессуальную форму, чего адвокат самостоятельно сделать не может.

Помимо того, что адвокатский запрос является важным инструментом по сбору сведений, ответ на адвокатский запрос имеет также доказательственное значение в адвокатском расследовании. Ведь именно с помощью адвокатского запроса, адвокат реализует право на собирание доказательств, указанное в п.3.ч.3. ст. 86 УПК РФ [1].

При использовании адвокатского запроса, адвокат сталкивается со следующими проблемами:

- отсутствие в законодательстве требований к ответу органов следствия и дознания на запрос адвоката;
- отсутствие требований ответить на запрос в разумный срок.

Считаю, что тридцатидневный срок ответа на запрос является неразумным, что затрудняет уголовно-процессуальный оборот доказывания.

В соответствие со ст. 6.1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [2] ответ на адвокатский запрос должен быть предоставлен в тридцатидневный срок со дня его получения. Однако это ставит защитника в неравные условия с другими субъектами уголовного процесса. Так, срок ответа на запрос из следственного комитета в соответствие с ФЗ «О следственном комитете РФ» [7] должен быть дан незамедлительно или в указанный срок; в соответствие с ФЗ «О прокуратуре РФ» [8] ответа на запрос из прокуратуры должен быть дан в установленный срок. Использование адвокатского запроса является право, благодаря которому адвокат использует средство доказывания, указанное в п.3 ч.3 ст. 86 УПК РФ. Формирование сведений, которые в дальнейшем станут доказательствами должно производиться эффективно, где одним из элементов является оперативность ответа на адвокатский запрос.

Укрепление положения адвоката и адвокатского расследования в Российском уголовном процессе должно происходить посредством комплексного решения правовых пробелов и коллизий в деятельности адвоката по защите своего клиента в рамках уголовного преследования.

Таким образом, хотелось бы подчеркнуть следующее: 1) Необходимо внесение в законодательство поправок о том, что адвокат должен быть допущен в качестве лиц, имеющих доступ к тайне, охраняемой законом; в том числе внесение адвоката в качестве субъекта в ч.4.ст.21 УПК РФ. 2) Срок ответа на адвокатский запрос должен соответствовать не только условию разумности для обработки данной информации адвокатом, но также должен быть сокращен. 3) Процессуальный статус адвокатского запроса должен быть повышен. Ответ на адвокатский запрос должен быть мотивированным и обоснованным, а также исключать в себе признаки формальной дачи ответа, дабы избежать ответственности. 4) В УПК РФ должна быть внесена поправка в ст. 124 УПК РФ [1], которая позволит адвокату обжаловать необоснованный отказ следователя о приобщении материалов к уголовному делу прокурору.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ ред. от 01.04.2019 [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ ред. от 29.07.2017 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>;

3. Об основах охраны здоровья граждан в РФ [Электронный ресурс] : федер. закон от 21.11.2011 № 32-ФЗ ред. от 21.11.2011 // // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>;

4. Определение Красноярского краевого суда от 4.06.2012 г. по делу № 33- 4453/2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legalacts.ru/>

5. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации за третий квартал 2005 г. // Бюл. Верховного суда Российской Федерации. –2006. – № 3.

6. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. Федерального закона от 03.06.2009 № 112-ФЗ) // Собрание Законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1) – ст. 1.

7. О следственном комитете РФ [Электронный ресурс] : федер. закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ ред. 28.12.2010 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>;

О прокуратуре РФ [Электронный ресурс] : федер. закон от 17.01.1992 №2202-1 ред. от 17.01.1992 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

ВОЗМОЖНОСТИ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ СТРЕССОВОЙ СИТУАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЯ ХАРАКТЕРИСТИК ПОДПИСИ

© М.Д. Александрова

Научный руководитель: А.И. Баянов

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Правоустанавливающая роль подписи придает ей огромное значение. В связи с этим вопрос ее оригинальности и условий, в которых она выполнена является актуальным.

Оригинальность и условия выполнения устанавливаются посредством разных по своей природе исследований, к числу которых относятся идентификационные и диагностические. Предметом исследования являются обстоятельства, влияющие на необычность исполнения подписи, которые принято относить к разряду диагностических.

Судебно-почерковедческая экспертиза является техническим аспектом деятельности в уголовном процессе. Полученные в ходе ее проведения результаты используются в доказательственном процессе. Нельзя забывать о том, что письмо это не только механические движения руки человека, но и умственная и психологическая работа. Поэтому исследование влияния различных факторов на изменение подписи можно считать актуальным направлением.

Проведенное нами исследование заключалось в выявлении признаков, указывающих на необычность состояний человека, в которых человек поставил свою подпись. К таким необычным состояниям мы относим, прежде всего, стрессовое состояние человека во время постановки подписи. Данное направление может иметь важное прикладное значение при проведении судебно-почерковедческой экспертизы, а факт необычности исполнения подписи может служить косвенным доказательством при установлении волеизъявления лица.

Р. С. Белкин определяет подпись как собственноручно выполненное обозначение своей фамилии в каких-либо документах в удостоверительных целях, т.е. она подтверждает те сведения, факты, события, которые содержатся в документе [1]. По мнению В. Ф. Орловой подпись – вид рукописи, отражающий фамилию (имя, отчество) лица в виде букв или (и) условных письменных знаков и имеющий удостоверительное назначение [2]. Таким образом, можно выделить общие элементы исследуемого понятия:

- рукописный текст;
- авторство конкретного лица;
- отражение фамилии, возможно, инициалов – символов, указывающих на личность подписавшегося;
- удостоверительное значение – наличие подписи влечет за собой некоторые юридические последствия, в зависимости от содержания документа.

Почерк, которым выполняется подпись, имеет свои особенности в процессе формирования, отличные от процесса формирования скорописного почерка. Кроме этого, подпись имеет меньший объем, по сравнению с рукописным текстом, что представляет собой определенную сложность при проведении диагностических исследований. При проведении исследования были использованы логический общенаучный метод познания в формах анализа и сравнения и эмпирический в форме наблюдения и измерения. Для получения эмпирического материала была использована ситуация стресса, в которой находились испытуемые во время сдачи зачета. Исследуемые образцы были получены непосредственно перед началом зачета и после окончания зачета. Кроме этого были получены контрольные образцы почерка каждого из испытуемых. Время получения контрольных образцов не было связано с проведением зачета. У каждого испытуемого было взято по два экземпляра подписей. Для сравнительного исследования экспериментальных и контрольных образцов почерка вычислялся коэффициент соотношения между протяженностью (длинной) и высотой подписи, где длинна подписи обозначена буквой «х», а высота – «у». Полученные коэффициент соотношения был обозначен буквой «z», ($z=x/y$).

Испытуемый студент Ф.И.О.	До начала «зачета»		После окончания «зачета»		Контрольный вариант	
	x/y	z	x/y	z	x/y	z
Масловская С. А.	4,05/0,9	4,5	3,85/0,9	4,2	3/1	3
	3,85/1,02	3,7	3,5/1	3,5	3,05/1	3,05
Мацкевич Г. В.	4/1,18	3,4	3,25/0,9	3,6	3,02/0,9	3,3
	4,15/1,15	3,6	3/1,1	2,7	2,9/1,15	2,5
Солдатова И. С.	2,15/0,78	2,8	2/0,7	2,9	1,95/0,8	2,4
	2,5/1	2,5	1,75/0,9	2	1,7/0,8	2,1
Макарова А. В.	2,35/1,35	1,7	2,15/1,1	2	3,05/1,6	2
	2,5/1,25	2	2,3/1	2,3	2,8/1,45	2
Воробьев Д. А.	1,63/1,2	1,4	1,5/1,05	1,4	2/1	2
	1,65/1,2	1,4	1,65/1,2	1,4	2/1,3	1,5

Сравнение коэффициента подписей, полученных у испытуемых в стрессовой и в нормальной ситуациях, позволяют сделать вывод о том, что полученные результаты свидетельствуют о наличии явной тенденции, которую нельзя не заметить. В качестве примера можно привести изменение коэффициента у испытуемой Масловской С. А. Если при обычных условиях коэффициент составляет 3-3,05, то при необычных условиях его значение при максимальном изменении составляет 4,5, то есть происходит скачок на 1,5 единицы. Аналогичная ситуация наблюдается и у испытуемого Воробьева Д. А. (максимальное изменение коэффициента составляет 0,6), а также у Солдатовой И. С. (максимальное изменение коэффициента составляет 0,8). Полученные результаты требуют дальнейшей проверки за счет увеличения числа проводимых экспериментов.

Список использованных источников:

1. Белкин, Р. С. Почерковедческая экспертиза : учебник для вузов / Л. А. Винберг, М. В. Шванкова ; под ред. Р. С. Белкина – Москва, 1977. – 556 с.
2. Орлова, В. Ф., Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теоретические и методические основы ; под ред. В. Ф. Орловой. – Москва : Наука, 2006. – 345 с.

СТРУКТУРА ЛИНИИ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

© М.Д. Александрова

Научный руководитель: А.И. Баянов

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

При раскрытии понятия «линия защиты» необходимо обратиться к значению слова «линия» в общенаучном смысле. В толковом словаре С. А. Кузнецова понятие «линия» определяется как направление, образ действий, мыслей [1]. Таким образом, применительно к адвокатской деятельности мы будем рассматривать понятие «линия» как образ действий, путь по достижению цели адвокатской деятельности. Линия защиты представляет собой средство достижения цели адвокатской деятельности, определенной в статье 1 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», которая заключается в защите прав, свобод и интересов доверителя, а также обеспечение доступа к правосудию [2].

Линия защиты – это направление, путь по которому должен пройти защитник для достижения поставленной цели. Линия защиты имеет определенную структуру, и состоит из единства взаимосвязанных частей: мыслительного (думающего) и операционно-действенного. Мыслительный компонент линии защиты представляет собой стратегию и тактику, а операционно-действенный состоит из процессуальных и непроцессуальных приемов деятельности адвоката.

Благодаря соединению двух указанных частей выстраивается линия защиты, определяющая направление деятельности защитника. Следует отметить, что в юридической науке нет однозначно выработанного подхода к соотношению понятий «тактика» и «стратегия» деятельности защиты. В отдельных источниках встречается подмена данных понятий, использование их как синонимов, что представляется недопустимым. При определении тактики и стратегии защиты необходимо исходить из их общепринятого значения. Стратегия определяется как искусство руководства общественной, политической борьбой с целью достижения практических результатов; искусство планирования какой-либо деятельности на длительную перспективу [1]. Таким образом, и в защитительной деятельности адвоката, стратегию в контексте линии защиты следует понимать как общее направление, общий план действий. С учетом данного общего подхода можно выделить следующие стратегии защиты: – атакующая; – контратакующая; – выжидательная; – оборонительная [3]. Указанные направления могут реализовываться как самостоятельно, так и в определенной последовательности, меняя друг друга.

Тактика в общепринятом подходе определяется как совокупность средств и приёмов для достижения намеченной цели [1]. Исходя из этого, в защитительной деятельности, тактика является обсуживающим компонентом по отношению к стратегии линии защиты.

Операционно-действенная составляющая включает в себя процессуальные и непроцессуальные приемы защиты. Процессуальные действия адвоката, которые он уполномочен проводить для реализации линии защиты, указаны в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, например, заявление ходатайства, ознакомление с материалами уголовного дела и т. д. Непроцессуальные приемы разработаны на основе практики правозащитной деятельности. Часть из них отображена в работе А.Н. Чащина, к ним относится, например, постоянное (круглосуточное) сопровождение. Непроцессуальные приемы защиты должны не противоречить законодательству.

Необходимо отметить, что деятельность защитника обусловлена многими факторами. Одним из них является деятельность в типичном

«треугольнике»: следователь, подзащитный, адвокат. Таким образом, защитник действует в условиях защитительной ситуации, изменчивой, зависящей от многих факторов. Поэтому линия защиты находится в прямой зависимости от защитительной ситуации, подвержена изменению. Как правило, наиболее подвижной является мыслительная сторона линии защиты и в первую очередь ее стратегия.

Подводя итоги вышесказанному, обратим еще раз внимание, что линия защиты представляет собой соединение мысли и действия. Мыслительный компонент (стратегия и тактика) указывают направление деятельности, а оперативно-действенный компонент реализует его с помощью определенных действий. В этом отношении линия защиты является средством реализации позиции адвоката.

Список использованных источников:

1. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.А. Кузнецов // – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ ред. от 29.07.2017 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Стратегия и тактика защиты адвокатом по уголовному делу [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://evgero.com/strategiya-i-taktika-zashhity/>

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

© В.А. Амелина

Научный руководитель: О.Х. Галимов

канд. юрид. наук

Сибирский институт бизнеса управления и психологии

Рассмотрение дел в суде с участием присяжных заседателей – это такая форма организации суда, когда рассмотрение и разрешение в судебном разбирательстве одного из дела осуществляется двумя отдельными судебными составами: во-первых, жюри, состоящим из народных представителей, и, во-вторых, профессиональными судьями (судьей). Первые разрешают вопрос о виновности подсудимого, а вторые – о применении к данному случаю норм права на основе решения (вердикта) присяжных. Таким образом, сущность

суда с участием присяжных состоит в том, что разрешение вопроса о виновности является исключительной прерогативой народных представителей, а не профессиональных судей. [3, с. 600 – 601]

Характеризуя значение суда присяжных, известный русский юрист Н.Н. Полянский писал: «В России суд присяжных, введенный Судебными Уставами 1864 г., наряду с земским самоуправлением, был первым опытом обращения правительства к самостоятельности русского общества. Как и земское самоуправление, он пробивал первую брешь в строго полицейской системе управления страной, требующей полной бездеятельности и безгласности общественных сил». [2, с.58]

Представляется не случайным, что возрождение в 90-х гг. XX столетия суда присяжных в российском уголовном процессе не вызвало неприятия в обществе. Время показало не только жизнеспособность данной формы правосудия, но и необходимость ее дальнейшего развития, что, в частности, проявилось в предстоящем с 1 января 2018 г. введении суда с участием присяжных заседателей в судах районного звена. [1]

Несмотря на то, что суд с участием присяжных заседателей имеет ряд достоинств, он также имеет свои недостатки. Во-первых, исходя из федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», присяжные заседатели не обладают специальными знаниями в области права. Данное обстоятельство мешает присяжным иметь адекватное представление о рассматриваемом деле. Также у большинства отсутствует опыт участия в судебных процессах, поэтому они нередко обращаются за разъяснением к председательствующему.

Во-вторых, присяжные заседатели строят своё мнение не только на основании закона, но и на основании личного отношения к делу и его участникам. Также присяжные попадают под влияние личных симпатий и антипатий. Все эти обстоятельства говорят о том, что мнение заседателей субъективно и основано на эмоциях и настроении.

В-третьих, на вынесение вердикта влияет срок рассмотрение дела. Если процесс затягивается, то снижается эффективность, так как заседателям становится сложно не обсуждать обстоятельства дела с лицами, не участвующими в процессе. Также они могут получать информацию, которая может искажать представление о деле участниках процесса. В связи с этим необходимо установить пределы срока рассмотрения дела с участием присяжных заседателей.

Одним из минусов является то, что отсутствуют требования обоснования, и мотивировки вердикта присяжных заседателей объективно обуславливают его неопровержимость, выраженную в законодательном запрете

апелляционного обжалования приговора, основанного на обвинительном вердикте, ввиду несоответствия выводов, изложенных в приговоре, установленным фактическим обстоятельствам дела. Между тем, еще Н.Н. Полянский вполне обоснованно отмечал, что «обязанность суда мотивировать свой приговор есть одна из закономерностей его деятельности и вместе с тем тщательной оценки всех представленных по делу доказательств». [2, с.62]

Таким образом, можно сделать вывод, что суд с участием присяжных заседателей нуждается в изменениях и совершенствовании.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 23 июля 2016 г. № 190-ФЗ (ред. 29.12.2017г.) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей».

2. Полянский, Н.Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность. Лекции. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. – с.203

3. Смирнов, А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калининский ; под общ. ред. А.В. Смирнова. – 6 е изд., перераб. – М.: Норма : ИНФРА М, 2015. – 736 с.

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ – НОВАЯ МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ

© Ю.Г. Асташкова

Научный руководитель: А.А. Брестер

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) была введена статья 105.1 «Запрет определенных действий». Новая мера пресечения представляет собой совокупность следующих элементов: 1) возложение на обвиняемого (подозреваемого) обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд; 2) необходимость соблюдения лицом одного или нескольких запретов, предусмотренных частью 6 статьи 105.1 УПК РФ; 3) осуществление контроля за соблюдением возложенных запретов. Запрет определенных действий может быть избран по судебному решению при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения, в любой момент производства по уголовному делу [1]. Таким образом, начиная с 29

апреля 2018 г. российскую систему мер пресечения пополнил запрет определенных действий.

Основанием к указанному событию послужил законопроект № 900722-6 «О внесении изменений в УПК РФ в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста», внесенный депутатами Государственной Думы 13 октября 2015 г. Возникает закономерный вопрос: с чем связано появление новой меры пресечения? Ответ на него должен содержаться в пояснительной записке к упомянутому законопроекту. Целью его подготовки названо создание условий для избрания в отношении подозреваемых, обвиняемых мер пресечения, альтернативных заключению под стражу. Кроме того, указано, что потребность в таких мерах пресечения обусловлена следующим: необходимостью обеспечения прав личности, исполнением общепризнанных международных норм права, повышением эффективности уголовного преследования, экономией средств федерального бюджета, а также сокращением репутационных потерь, связанных с удовлетворением Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) жалоб граждан Российской Федерации [3].

На наш взгляд, появление в УПК РФ новой меры пресечения в виде запрета определенных действий обусловлено двумя видами причин. Во-первых, это так называемые декларативные причины, которые и приведены в пояснительной записке к законопроекту. Во-вторых, наряду с ними нужно выделить также сущностные, истинные основания для введения новой меры пресечения. Так, российские власти из года в год допускают нарушения, касающиеся заключения под стражу, на которые указывает ЕСПЧ в своих решениях, констатируя наличие структурной проблемы предварительного заключения, что подтверждается также судебной практикой, обобщенной Судебным департаментом при Верховном суде РФ. Однако вместо того, чтобы разобраться в причинах неприменения российскими судами залога и домашнего ареста, сделать указанные меры пресечения более эффективными, внести в законодательство существенные изменения, российский законодатель предпочитает пачками «штамповать» мелкие изменения, вносить уточнения в УПК РФ как бы латая мелкие дырочки.

Какое же место занимает новая мера пресечения в системе действующих мер? В статье 98 УПК РФ запрет определенных действий расположен под пунктом 4.1, т.е. между пунктом 4 – присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, и пунктом 5 – залог. Аналогичная последовательность отражена в порядке статей, касающихся отдельных мер пресечения [1]. Однако перечень статьи 98 УПК РФ, как и статьи 102-108 УПК РФ, расположены в строго

определенном порядке, а именно по степени ограничения конституционных прав от наименее строгой к наиболее строгой мере пресечения. На первый взгляд кажется, что законодатель допустил абсурдную ошибку, расположив запрет определенных действий перед залогом. Обратим внимание, что изначально законопроект дополнял статью 98 запретом определенных действий под пунктом 5.1, т.е. между залогом и домашним арестом [2]. Чем же обусловлена существенная разница? Дело в том, что указанный законопроект претерпел достаточно значительные изменения во втором чтении. Одним из таких изменений явилось внесение в статью 106 УПК РФ, касающуюся залога, части 8.1, что проектом Федерального закона не предусматривалось. В соответствии с этим положением при избрании в отношении обвиняемого (подозреваемого) в качестве меры пресечения залога суд может дополнительно возложить на это лицо запреты, предусмотренные частью 6 статьи 105.1 УПК РФ [1], то есть один, несколько либо все запреты, предусмотренные новой мерой пресечения. Таким образом, можно сделать вывод, что запрет определенных действий в системе действующих мер пресечения имеет оптимальное расположение относительно степени ограничения обвиняемого (подозреваемого) в его конституционных правах.

В связи с внесенными изменениями в части избрания и применения таких мер пресечения как залог и домашний арест, Н.В. Азаренок предлагает выделять две формы применения запрета определенных действий:

1) в качестве самостоятельной меры пресечения, наряду с залогом, домашним арестом и заключением под стражу;

2) в качестве дополнительных ограничений при залоге и домашнем аресте аналогично подписке о невыезде и надлежащем поведении, положения которой дополняют личное поручительство (часть 1 статьи 103 УПК РФ), наблюдение командования воинской части (часть 1 статьи 104 УПК РФ) и присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (часть 1 статьи 105 УПК РФ).

По его мнению, наличие двух форм применения новой меры пресечения «будет способствовать повышению эффективности залога и домашнего ареста, а также усилению их конкуренции с заключением под стражу» [4, с. 109-112]. Однако не все научное сообщество разделяет эту точку зрения. Некоторые видят в положениях части 8.1 статьи 106 и части 7 статьи 107 УПК РФ противоречие с частью 1 статьи 97 УПК РФ, в соответствии с которой обвиняемому (подозреваемому) может быть избрана только одна из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ. Так, Е.В. Ларкина считает, что «не стоит обманываться указанной формулировкой», которая разрешает дополнение залога

либо домашнего ареста элементом запрета определенных действий, «полумерой» – обязанностью соблюдать один или несколько запретов, тогда как суть не меняется: «теперь фактически позволено применять в отношении одного обвиняемого (подозреваемого) две меры пресечения одновременно» [8, с. 113-117].

Запрет определенных действий в большинстве своем называют новой мерой пресечения, то есть ранее не знакомой российскому или советскому уголовно-процессуальному законодательству. Именно как о новой мере пресечения о ней говорят, в частности, Н.В. Азаренок [4, с. 109-112], А.П. Рыжаков. Однако существуют и иные точки зрения. Так, И.В. Головинская говорит о запрете определенных действий, как о мере пресечения, производной от домашнего ареста [5, с. 157-163].

Н.Н. Загвоздкин и С.А. Кузора, в свою очередь, не видят содержательных отличий запрета определенных действий от домашнего ареста [6, с. 84-86]. А.В. Квык обращает внимание на запрет определенных действий как на «расширенный или модифицированный вариант домашнего ареста» [7]. Еще более интересный подход представлен Е.В. Ларкиной, позицию которой мы поддерживаем: «новая мера пресечения не нова», она соединяет в себе элементы домашнего ареста и виды наказания, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации [8, с. 113-117].

Спустя 8 месяцев с момента принятия Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ Федеральная служба исполнения наказаний России сообщила об активном применении новой меры пресечения – запрете определенных действий. В интервью информационному агентству ТАСС пресс-бюро ФСИН подытожило: «С момента вступления закона в силу в уголовно-исполнительные инспекции поступило 746 судебных решений об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий. Наиболее часто суды избирают запреты покидать место жительства в определенные часы, общаться с определенными лицами. Реже суд назначает запрет находиться в определенных местах, пользоваться почтой или интернетом или управлять автомобилем» [9]. Стоит ли расценивать 746 постановлений об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий «активным применением новой меры пресечения»? На наш взгляд, весьма сомнительно.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01 апр. 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста) [Электронный ресурс] : проект Федерального закона № 900722-6 // Режим доступа: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/900722-6>

3. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)» (законопроект № 900722-6) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/900722-6>

4. *Азаренок, Н.В.* Основания и порядок применения запрета определенных действий [Электронный ресурс] / Н.В. Азаренок // Уголовное право. – 2018. – № 4. – С. 109-112. – СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

5. Головинская, И.В. О расширении перечня мер пресечения [Электронный ресурс] / И.В. Головинская // Территория науки. – 2018. – № 2. – С. 157-163. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/>

6. Загвоздкин, Н.Н. Запрет определенных действий: анализ правоприменительной практики [Электронный ресурс] / Н.Н. Загвоздкин, С.А. Кузора // Закон и право. – 2018. – № 12. – С. 84-86. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/>

7. Квык, А.В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения [Электронный ресурс] / А.В. Квык // Уголовный процесс. – 2018. – № 7. Режим доступа: <https://www.ugpr.ru/>

8. Ларкина, Е.В. Новая мера пресечения – запрет определенных действий [Электронный ресурс] / Е.В. Ларкина // Уголовное право. – 2018. – № 4. – С. 113-117. – СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

9. В России запрет определенных действий применили уже к 700 подсудственным // Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/5981381>

ОСНОВАНИЯ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

© А.С. Базарова

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Заключение под стражу является существенным конституционным ограничением свободы человека от незаконного и необоснованного посягательства со стороны государства и личной неприкосновенности, гарантии которой закреплены в статье 22 Конституции Российской Федерации и в статье 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 (далее – Конвенции), в связи с чем, особую важность имеет практика применения данной меры пресечения как в национальном, так и в международно-правовом аспекте.

В результате анализа постановлений Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), вынесенных по вопросам нарушения права на свободу и личную неприкосновенность при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока ее действия, можно выявить ряд проблем при применении национальными судами законодательства о мерах пресечения в виде содержания под стражей. Последствия такого правоприменения вызывают необходимость унификации общих принципов и стандартов ЕСПЧ по указанной проблеме, выявление общих требований законности, гарантируемых статьей 5 Конвенции, а также некоторых дополнительных гарантий защиты от необоснованного и произвольного лишения свободы в значении, придаваемом толкованием ЕСПЧ. [1]

А.В. Смирнов под основанием избрания меры пресечения понимает «обоснованное предположение о возможном процессуальном нарушении со стороны обвиняемого». [2] Согласно ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) мера пресечения избирается при наличии достаточных оснований полагать, что подозреваемый или обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, а также для обеспечения исполнения приговора.

Прецедентная практика ЕСПЧ выработала еще четыре основания для непрерывного содержания под стражей, которые подлежат рассмотрению с точки зрения пункта 3 статьи 5 Конвенции: риск побега; воспрепятствование разбирательству; повторное совершение правонарушений; нарушение общественного порядка.

Несомненно, нельзя не обратить внимания на наличие значительного количества жалоб на предполагаемые нарушения статьи 5 Конвенции в отношении России. Одними из причин таких обращений в ЕСПЧ являются неверное толкование норм Конвенции на национальном уровне, а также недостаток правовой определенности соответствующих норм уголовного законодательства.

Наибольшее количество нарушений пункта 3 статьи 5 Конвенции, как показывает практика ЕСПЧ, связано с тем, что национальные суды далеко не всегда мотивируют и обосновывают свои решения о необходимости избрания той или иной меры пресечения конкретными данными, а ограничиваются лишь перечислением указанных в статье 97 УПК РФ оснований без дополнительных объяснений.

Однако, в делах, затрагивающих лишение свободы, крайне важно соблюдение общего принципа правовой определенности, который, следуя из пункта 1 статьи 5 Конвенции, предполагает, что с целью соответствия национального законодательства конвенционному стандарту «законности», условия лишения свободы, содержащиеся в национальном законодательстве, должны быть ясно и четко определены. В связи с этим, ЕСПЧ в ряде своих постановлений обращал внимание на то, что доводы в пользу или против освобождения заявителя не могут быть «общими и абстрактными», а использование национальными судами в своих решениях «общих фраз и стереотипных формулировок» приводили к признанию таких решений нарушающими вышеуказанную норму Конвенции [3].

ЕСПЧ в ряде дел постановлял, что, сохранение лица под стражей в рамках избранной меры пресечения должно быть основано «на конкретных фактах» каждого дела и устанавливать точный срок, поскольку положения пункта 1 статьи 5 Конвенции и вытекающий из нее принцип «защиты от произвола» предполагают заключение под стражу как исключительное отступление от права на свободу. Длительное содержание под стражей может считаться обоснованным, только если имеются аргументированные указания на то, что соблюдение интересов общества, независимо от презумпции невиновности, превышает уважение личной свободы [4]. Указанные позиции нашли свое отражение в Федеральном законе «О внесении изменений в статью 109 УПК РФ»

от 27.12.2018 № 543-ФЗ, устанавливающим, что в ходатайстве должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, подтверждающие необходимость дальнейшего применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Закреплено и важное положение о том, что в постановлении о продлении срока содержания под стражей указывается дата, до которой продлевается срок содержания под стражей.

Одним из других многочисленных проблемных аспектов, выявленных ЕСПЧ, является также отсутствие обоснованной, в указываемом ЕСПЧ толковании, аргументации оснований для продления срока содержания под стражей. Так, например, в постановлении по делу Пелевин против Российской Федерации ЕСПЧ отмечает, что «по прошествии времени первоначальные причины для заключения под стражу и риски становятся все менее существенными, и что суды должны исходить из «существенных» и «достаточных» оснований для длительного лишения свободы». Более того, ЕСПЧ указывает, что «аргументы, достаточные для заключения обвиняемого под стражу на первых этапах производства, не всегда являются достаточными в течение всего периода его содержания под стражей [5]. ЕСПЧ считает, что риски, указанные национальными судами, снижаясь, становятся менее значимыми по прошествии времени, например, после того, как расследование дела было завершено. Суды во многих случаях лишь указывали в своих постановлениях, что основания заключения заявителей под стражу все еще имели место.

Таким образом, ЕСПЧ негативно оценивает тот факт, что национальные суды в ряде случаев не меняют аргументацию продления содержания под стражей по отношению к первоначальному заключению под стражей с течением времени в зависимости от развития ситуации и без проверки того, сохранились ли причины для содержания под стражей, существовавшие на ранних стадиях разбирательства [6].

Из указанного следует, что подобная неопределенность в результате правоприменения вызывает необходимость внесения законодателем соответствующих изменений в статью 109 УПК РФ путем установления норм, дифференцирующих основания для первоначального заключения под стражу и для продления содержания под стражей.

ЕСПЧ также выявляет как нарушение конвенционной нормы при продлении содержания заявителей отсутствие фактического учета их личных характеристик, индивидуальных обстоятельств, а также указания на аспекты характера и поведения заключенных, конкретные факты по их делу. В постановлениях ЕСПЧ не раз упоминается, что судебные органы не объясняют подробно, почему угроза побега заявителя, например, или влияния на свидетелей в ходе

расследования и отправления правосудия является реальной и решающей для определения меры пресечения. Соответственно, для приведения в соответствие норм национального законодательства с положениями Конвенции, целесообразно внести соответствующие изменения и дополнения в УПК РФ [7].

Проанализированные выше проблемные аспекты, на сегодняшний день, являются лишь малой частью целого ряда неурегулированных вопросов, касающихся практики применения норм, регулирующих меры пресечения в виде заключения под стражу. Однако, обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о наличии необходимости имплементации на национальном уровне конвенционных гарантий свидетельствующих об эффективности международных правовых механизмов, обеспечивающих надлежащую защиту права личности на свободу и личную неприкосновенность.

Список использованных источников:

1. Амастьянц, А. Э., Штоян Г. В. К вопросу об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока её действия в свете правовых позиций европейского суда по правам человека // Евразийская адвокатура. 2016. № 2. С. 77-79.
2. Камардина, А. А., Козина А. М. Основания применения заключения под стражу в качестве меры пресечения в российском уголовном судопроизводстве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 4-2. С. 169-173.
3. Постановление ЕСПЧ по делу Идалов (Idalov) против Российской Федерации от 22 мая 2012 г. Жалоба № 5826/0. [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Постановление ЕСПЧ по делу Шапошников (Shaposhnikov) против Российской Федерации от 29 июля 2010 г. Жалоба № 8998/05. [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Постановление ЕСПЧ от 28 июня 2011 года по делу Миминошвили против Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Постановление ЕСПЧ по делу Царенко (Tsarenko) против Российской Федерации, Постановление от 3 марта 2011 г. Жалоба № 5235/09. [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Постановление ЕСПЧ по делу Федоренко (Fedorenko) против Российской Федерации от 20 сентября 2011 г. Жалоба № 39602/05. [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

ТАКТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА К ДОПРОСУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

© А.А. Барабаш

Научный руководитель: И.А. Журавлева

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Как известно – «если к допросу не подготовиться, лучше его не начинать».

Тактическая подготовка к допросу включает в себя: определение очередности допроса лиц; распознавание тактической ситуации допроса и прогнозирование ее дальнейшего развития; постановку тактической задачи с учетом ее дальнейшего развития; выбор тактических приемов допроса; составление плана допроса [2, с. 35].

Под ситуацией допроса следует понимать совокупность обстоятельств или реально существующих фактов, которые оказывают влияние на выбор задачи допроса. Выделяют два вида ситуаций:

- 1) благоприятные ситуации, которые представляют собой совокупность обстоятельств, создающих условия достижения целей допроса;
- 2) неблагоприятные ситуации, которые представляют собой совокупность обстоятельств, препятствующих достижению цели допроса.

Для допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших характерна благоприятная ситуация, которая характеризуется совпадением целей и задач следователя и допрашиваемого. Поэтому задачи, стоящие перед следователем, заключаются в установлении и поддержании психологического контакта с допрашиваемым лицом, оказание помощи для восстановления памяти допрашиваемого лица и анализе его показаний. Признаками психологического контакта является доверие со стороны допрашиваемого лица к следователю; доверие следователя к получаемым показаниям; передача со стороны допрашиваемого лица полной и правдивой информации. В литературе существуют правила установления психологического контакта при допросе: полное и точное знание следователем материалов уголовного дела; полное и точное знание следователем особенностей личности допрашиваемого; установленный контакт требует постоянной поддержки. Для достижения решения

данной задачи предусмотрены приемы: создание внешней благоприятной обстановки допроса, зависит от того, в каком месте будет проходить допрос (оформление кабинета, жилого помещения, больничной палаты и т.д.); снятие напряжения (беседа на отвлеченную тему; настройка «на одну волну»); демонстрация внимательного отношения к интересам допрашиваемого лица и его показаниям; корректный стиль поведения следователя.

Существуют также правила и приемы для оказания помощи при восстановлении памяти допрашиваемого лица и его позитивного расположения. Так, предусмотрены следующие правила: знание тех обстоятельств ситуации, в которых происходило восприятие информации допрашиваемым лицом; знание физических и психических особенностей личности допрашиваемого лица; знание физических и психических обстоятельств допрашиваемого лица во время восприятия событий; предварительная консультация следователя у психолога; знание закономерностей запоминания и восприятия информации человеком. К приемам относятся следующие положения: изложение свободного рассказа; изложение тех обстоятельств, которые остались в памяти у допрашиваемого лица; предъявление доказательств; допрос на месте событий.

При наличии неблагоприятной ситуации допроса перед следователем кроме вышеперечисленных задач стоит такая задача как психологическое воздействие на допрашиваемое лицо для изменения его негативной установки. Для решения данной задачи используются следующие приемы:

- 1) разъяснение невыгодных последствий негативной установки и выгодных последствий отказа от негативной установки;
- 2) использование, стимулирование положительных качеств в допрашиваемом лице;
- 3) использование без стимуляции отрицательных свойств и качеств допрашиваемого лица;
- 4) предъявление доказательств;
- 5) демонстрация различного рода предметов, не являющихся вещественными доказательствами;
- 6) допущение легенды, а затем ее опровержение;
- 7) детальный допрос;
- 8) лобовой допрос (постановка вопросов «в лоб», то есть постановка главных вопросов без свободного рассказа);
- 9) перекрестный допрос (2 следователя ведут допрос, при этом один следователь представляется «хорошим», а другой «плохим»);
- 10) постановка внезапного вопроса связанного с проговоркой допрашиваемого лица);

11) использование музыкального сопровождения в ходе допроса.

В стадии фиксации показаний в литературе предлагается применять следующие тактические приемы:

- 1) постановка контрольных и уточняющих вопросов;
- 2) предложение лично прочитать протокол допроса, а в случае необходимости более точно сформулировать мысль, подлежащую занесению в протокол.

При подготовке к допросу несовершеннолетних потерпевших и свидетелей необходимо продумать очередность этих допросов. Важность этого решения заключается в том, что вместе с несовершеннолетними по делу допрашиваются родственники, которые могут оказать влияние на ребенка. Если у следователя имеются основания полагать, что взрослые оказывают или могут оказать влияние на несовершеннолетнего и его показания, то допрос ребенка должен быть произведен в первую очередь [1, с. 182].

Если у следователя нет оснований полагать, что родственники могут оказать влияние на несовершеннолетнего и на его показания, то допрос необходимо начать с родственников, ведь они могут сообщить сведения о несовершеннолетнем.

Если по делу проходит несколько несовершеннолетних свидетелей, потерпевших или подозреваемых, то необходимо правильно установить последовательность их допроса. Очередность допроса зависит от объема сведений, которыми предположительно обладает допрашиваемое лицо; его намерения дать правдивые или ложные показания; взаимоотношениями с другими участниками процесса; наличием у следователя определенных доказательств и обстановкой допроса [3, с. 89].

В первую очередь допрашиваются потерпевшие, свидетели, которые восприняли событие, затем свидетели, сообщающие характеризующую несовершеннолетнего потерпевшего и подозреваемого информацию, очевидцы преступления, а также свидетели, рассказывающие обстоятельства, которые относятся к начальной стадии преступления. При наличии возможности по одному эпизоду или факту допросить нескольких лиц, то сперва стоит допросить тех, кто в силу своего жизненного опыта, или других обстоятельств могут более полно рассказать о фактах, которые интересуют следователя.

На заключительном этапе тактической подготовки к допросу несовершеннолетнего нужно составить его план. Он должен быть письменным, так как при отсутствии плана допрос может оказаться без системы. План проведения допроса охватывает маленький промежуток времени, является составной частью плана расследования по конкретному уголовному делу. Для удобства в

плане выделяются графы: по каким обстоятельствам или вопросам необходимо получить сведения; какие материалы имеются в деле; вопросы, которые следует задать; примечания. Некоторые следователи в план допроса добавляют также графу – доказательства, которые будут предъявлены подростку в ходе допроса, и в какой последовательности.

При составлении плана нужно продумать формулировки вопросов, которые необходимо задать несовершеннолетнему. Они должны быть сформулированы четко и ясно, относиться к одному обстоятельству, иначе будет непонятно, к чему именно относится отрицательный или положительный ответ. Также вопросы должны логически вытекать из предыдущего вопроса или ответа на него. Вопросы не должны содержать в себе никаких данных, которые могут подсказать подростку факты, которые им непосредственно не воспринимались. Вопросы должны заноситься в план в последовательности, в которой они будут задаваться. В литературе авторы предлагают вначале перед допрашиваемым лицом ставить вопросы позитивные, которые не будут вызывать отрицательных реакций у лица. После стоит задавать нейтральные вопросы, которые, не затронут интересы несовершеннолетнего. После чего стоит уже задавать вопросы, которые более интересуют следователя [1, с. 69].

Список использованных источников:

1. Васильев, А.Н. Тактика допроса при расследовании преступлений / А. Н. Васильев, Д. Н. Корнеева. – Москва : Юрид. лит., 1970. – 280 с.
2. Журавлева, И.А. Тактика допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших / И. А. Журавлева, Т. В. Каскевич. – Красноярск : ИПК СФУ, 2009. – 92 с.
3. Порубов, Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии : учеб. пособие / Н. И. Порубов. – Минск, 1969. – 208 с.

К ВОПРОСУ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ СИЛЕ ПОЛУЧЕНИЯ ОБЪЯСНЕНИЙ

© Е.В. Башарина

Научный руководитель: Н.Г. Логинова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-

процессуальный кодекс Российской Федерации» в действующую редакцию ч. 1 ст. 144 УПК РФ была внесена возможность получения объяснений при проверке сообщения о преступлении. Думается, законодатель тем самым обозначил то, что пока не намерен отказываться от стадии возбуждения уголовного дела, дискуссия о которой ведется так активно в последние годы как в науке уголовного процессуального права, так и на практике.

Следует отметить, что в российском законодательстве институт получения объяснений появился не впервые, ранее он был известен советскому законодательству. Так, согласно ч. 2 ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г., одним из элементов проверки сообщения о преступлении было получение объяснений.

Необходимость рассмотрения вопроса получения объяснений при проверке сообщения о преступлении и их дальнейшем использовании в качестве доказательств по уголовному делу связана с тем, что получение объяснений является наиболее часто используемым средством проверки сообщения о преступлении, тем самым составляет наибольший процент в проверочных действиях, о чем свидетельствуют проведенные исследования [4, с. 47].

Мы подробно рассмотрим вопрос использования в доказывании объяснений, полученных в рамках доследственной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ. Думается, что законодательные изменения были призваны поставить точку в дискуссии об объяснении как доказательстве, однако доказательственное значение объяснений на стадии возбуждения уголовного дела и в доказывании по уголовному делу остается предметом обсуждения и по сегодняшний день.

Для начала нужно обозначить место исследуемого средства проверки в системе уголовно-процессуальных мер.

По мнению некоторых авторов, получение объяснений относится к процессуальному действию. В защиту данного довода отметим, что согласно п. 32 ст. 5 УПК РФ под процессуальным действием понимается следственное, судебное или иное действие, предусмотренное УПК РФ. Можно сказать, что критерием отнесения того или действия к процессуальному законодатель использует его закрепление в УПК РФ. Кроме того, в ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ указывается на производство следственных и иных процессуальных действий.

Однако существует и иная точка зрения о том, что получение объяснений нельзя отнести к процессуальным действиям [7]. В ее пользу следует отметить, что для признания действия процессуальным помимо указания в УПК РФ необходимо, чтобы оно было детально регламентировано уголовно-процессуальным законом.

Мнения авторов российской уголовно-процессуальной науки в вопросе о доказательственном значении объяснений по уголовному делу расходятся.

Так, одна группа исследователей утверждает, что объяснения возможно использовать в качестве доказательств, поскольку исходя из смысла ст. 74, которая, в частности, указывает, что доказательствами являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, кроме того, п. 6 ч. 2 данной статьи указывает в качестве одного из видов доказательств – иной документ [1, с. 26].

Следующим аргументом авторы приводят положения ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ, в которой прямо указано, что полученные в ходе предварительной проверки сведения могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу при условии соблюдения требований, изложенных в ст. 75 и ст. 89 УПК РФ. Необходимо отметить, что ст. 89 УПК РФ устанавливает требования к результатам ОРД, следовательно, на получение объяснений она не распространяется. При применении правил ст. 75 УПК РФ для того, чтобы доказательство в виде объяснения было допустимым, необходимо его получать в соответствии с требованиями, предусмотренными к следственному действию – допросу, поскольку порядок получения объяснений очень с ним схож.

Другие исследователи не признают возможным использовать объяснение в качестве доказательства по уголовному делу по разным причинам: во-первых, в УПК РФ отсутствует порядок получения объяснения, то есть нет установленной процессуальной формы, а, как известно, все действия в уголовном процессе облакаются в какую-либо процессуальную форму.

Во-вторых, в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, которая предусматривает закрытый перечень видов доказательств, отсутствует объяснение, следовательно, доказательством не может являться [11, с. 190].

Несмотря на существование ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ, которая декларирует право дознавателя при сокращенной форме дознания не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, дает некоторым ученым основания полагать, что необходимо распространить требования на общий порядок производства расследования. С такой позицией сложно согласиться, поскольку сокращенная форма в уголовном процессе – это исключение из общих правил, связанная с процессуальной экономией. Однако при такой экономии не все права участников уголовного процесса в полной мере реализовываются, поэтому это является исключением из общих правил, которое нельзя распространять на общие нормы.

В-третьих, лица, от которых получают объяснения, не предупреждаются об уголовной ответственности за заведомо ложные показания и за отказ от дачи показаний по ст. ст. 307, 308 УК РФ, поскольку они еще не наделены процессуальным статусом, поэтому они не несут уголовной ответственности [5, с. 323]. Несмотря на это внесенными в УПК РФ изменениями сотрудник, проводящий проверку сообщения о преступлении, был наделен правом получить объяснение, что автоматически предусматривает соответствующую обязанность такое объяснение дать и ответственность за отказ.

Ряд авторов предлагает урегулировать указанную проблему путем внесения в ст. ст. 307, 308 УК РФ участника проверки сообщения о преступлении либо наделить отдельных участников доследственной проверки процессуальным статусом участника уголовного судопроизводства (гл. 6 УПК РФ) [10, с. 114].

Выходов из образовавшейся ситуации в доктрине российского уголовно-процессуального права видится несколько.

Одни исследователи предлагают изменить порядок производства допроса путем введения возможности проводить его непосредственно в стадии возбуждения уголовного дела [6, с. 112]. Либо ввести новое процессуальное действие по аналогии с допросом [8, с. 41]. Мы полагаем, что введение нового следственного действия в виде получения объяснений нивелирует стадию возбуждения уголовного дела, поэтому это не является выходом из сложившейся ситуации.

Можно было бы даже дополнить гл. 10 «Доказательства в уголовном судопроизводстве», и в частности ч. 2 ст. 74, УПК РФ новым видом доказательств [3, с. 24]. Думается, существование в уголовно-процессуальном законе двух практически дублирующих друг другу следственных действий или два одинаковых по своей природе доказательства – показания и объяснения, является неоправданным.

Решить данную проблему некоторые ученые предлагают путем закрепления требования к форме и содержанию процессуального документа, в котором будет фиксироваться информация, полученная при получении объяснения. Так, многие проводят параллель между получением объяснения и допросом, поэтому считают, что требования, предъявляемые к допросу, нужно распространить и на получение объяснений [7, с. 92]. Следует отметить, что в настоящее время на практике так и происходит, но на законодательном уровне этого не закреплено.

Подводя итог вышеуказанному, мы полагаем, что при получении объяснений нужно использовать аналогию уголовно-процессуального закона –

соблюдать требования, предъявляемые к такому следственному действию, как допрос. Тогда вопрос о процессуальной форме будет закрыт и полученные объяснения возможно будет использовать по уголовному делу в форме иных документов, но в исключительных случаях, когда допросить лицо, которое дало объяснение, невозможно. Например, смерть лица, нахождение в другой стране и в других исключительных случаях, которые определяются по внутреннему убеждению следователя или дознавателя. Во всех остальных случаях необходимо проводить такое следственное действие, как допрос, поскольку оно процессуально регламентировано, в полной мере отражает права и обязанности сторон, а также содержит правые гарантии.

Список использованных источников:

1. Быков, В.М. Новый закон о порядке рассмотрения следователем и дознавателем сообщения о преступлении / В.М. Быков // Российская юстиция. – 2013. № 5. – С. 24 – 30.
2. Васильев, О.Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. / О.Л. Васильев // Закон. – 2013. – № 8. – С. 100 – 108.
3. Воскобойник, И.О. Проблемы формирования доказательственной базы при проверке сообщений о преступлениях / И.О. Воскобойник, М.Г. Гайдышева // Адвокатская практика. – 2013. – № 5. – С. 23 – 26.
4. Копылова, О.П. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях. – Тамбов: Издательство ТГУ. – 2010. – 180 с.
5. Лебедев, В.М. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. М.: Юрайт, 2014. – 851 с.
6. Ляхов, Ю.А. Единство процесса доказывания в досудебном уголовном судопроизводстве России // Государство и право. 2014. № 11. – С. 109 – 112.
7. Рыжаков, А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». 2010.
8. Рыжаков, А.П. Уголовный процесс: возбуждение и отказ в возбуждении уголовного дела: Учебное пособие. Тула, 1996. – 270 с.
9. Семенцов, В.А. О соотношении следственных и иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств / В.А. Семенцов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. – С. 39 – 45.

10. Фролова, Е. Правовая обеспеченность доказательственной силы объяснения в уголовном процессе России / Е.Фролова, А. Горбань // Уголовное право. 2015. № 3. – С. 112 – 118.

11. Химичева, О.В. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» / Под ред. О.В. Химичевой, О.В. Мичуриной. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – 288 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

© Н.А. Беляев

Научный руководитель: О.Г. Иванова
Сибирский федеральный университет

Следователь, то есть должностное лицо уполномоченное в рамках установленной законом компетенции осуществлять предварительное следствие, в данный момент может работать в трех государственных структурах – в Следственном комитете Российской Федерации, в органах федеральной службы безопасности и органах внутренних дел Российской Федерации, между которыми ст. 151 УПК РФ [1] устанавливает подследственность.

Законодателем уже традиционно декларируется процессуальная самостоятельность следователя, однако, вопрос так ли это на самом деле остается актуальным. Проблемы, связанные с процессуальной самостоятельностью, в рамках уголовно-процессуального права рассматривается в контексте существующего процессуального контроля над следователями со стороны руководителей следственных органов (ведомственный контроль), прокуратуры (надзор) и суда (судебный контроль).

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ [1] следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий кроме случаев, когда согласно действующему законодательству для производства названных действий требуется получение судебного решения (санкционирование некоторых следственных действий), согласие руководителя следственного органа (продление срока проверки сообщений о преступлениях) или утверждение прокурора (утверждение обвинительного заключения).

После реформ 2007 года прокурор перестал осуществлять процессуальное руководство следствием, однако, ограничение процессуальной самостоятельности следователя при взаимодействии с прокурором ещё происходит в

ряде случаев. Так, согласно ч. 2 ст. 37 УПК РФ [1] прокурор уполномочен (1) требовать от органов следствия устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия; (2) утверждать обвинительное заключение; (3) возвращать уголовное дело следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого. Все перечисленное является вмешательством в деятельность следователя, который, повторюсь, самостоятельно направляет ход расследования. Первое полномочие прокурора меньше всего нарушает процессуальную самостоятельность, а даже не позволяют ей (процессуальной самостоятельности) не стать вседозволенностью. Второе и третье полномочия идут вразрез с логикой законодателя, так как на практике все начинает сводиться к вмешательству прокурора в предварительное следствие, теряется процессуальная значимость следователя, как субъекта, направляющего ход расследования. Фактически следователь должен принимать все значимые решения, например, вопрос квалификации «с оглядкой» на мнение прокурора.

Кроме того, УПК не предусмотрен механизм самостоятельного обжалования решений прокурора следователем. В действующем законодательстве обжаловать можно только через руководителя следственного органа и по согласованию с ним.

Также существенно ограничивающим фактором процессуальной самостоятельности является возможность прокурора отменять постановление следователя о возбуждении уголовного дела: «Признав постановление о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, в срок не позднее 24 часов с момента получения таких материалов отменять постановление о возбуждении уголовного дела, о чем выносить мотивированное постановление. При отмене постановления о возбуждении уголовного дела в связи с неполнотой проверки указывать конкретные обстоятельства, подлежащие выяснению в ходе проведения дополнительных проверочных мероприятий. Обеспечить контроль за их выполнением в полном объеме» [2]. На мой взгляд, можно было ограничиться возможностью прокурора отменять постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела. Получается, что в таком случае сохраняется и процессуальный контроль над надлежащим исполнением обязанностей следователя в рамках предварительной проверки, и в то же время не теряется процессуальная фигура следователя. Стоит отметить, что на практике решений об отмене постановлений о возбуждении уголовных дел гораздо меньше, чем об отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел.

Отношения следователя с руководителем следственного органа ещё более сложные, так как руководитель непосредственно осуществляет процессуальный контроль за следствием. Полномочия, перечисленные в ст. 39 УПК РФ крайне широки и однозначно позволяют говорить о том, что задача руководителя следственного органа – не помощь следователю, создание условий для его работы (в том числе материально-технических), не организационная или административная работа, а прямой контроль за ходом и результатами расследования. Об это м говорят такие правомочия как «отменять незаконные или необоснованные постановления следователя; давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения, лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении; утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу» и другие. В отношениях служебной зависимости, финансовой зависимости (руководитель распределяет премии и надбавки, способствует поощрению и наказания своих сотрудников), субординации со старшим по званию и должности становится практически невозможно не то, что обжаловать официально, но даже просто оспорить указания руководителя.

Таким образом, процессуальная самостоятельность не является неограниченной. Следователь свободно направляет ход расследования только в тех пределах, которые дозволены законом. Вместе с тем, значительное ограничение самостоятельности следователя, как сегодня, не позволяют говорить о его персональной ответственности за ход и результат расследования. Дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства должно идти по пути установления реальной самостоятельности следователя, сокращения полномочий руководителя следственного органа в части процессуального руководства следователем.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18.12.2001. № 174-ФЗ ред. от 01.04.2019. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://consultant.ru>
2. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия [Электронный ресурс] : Приказ

Генеральной прокуратуры РФ от 03.06.2011. № 162 // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <https://www.garant.ru>

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

© М.Г. Беляева

Научный руководитель: Н.Г. Логинова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Предъявление для опознания – следственное действие, широко применяемое в практике по различным категориям уголовных дел. Несмотря на это, недостаточная законодательная регламентация порядка проведения опознания нередко приводит к проблемам, которые возникают у сотрудников правоприменительных органов, а также к многочисленным дискуссиям в научной среде.

Одной из проблем является предъявление для опознания животных. В законе отсутствует указание о возможности предъявления для опознания животного. Однако такого рода случаи, безусловно, имеют место, например, по делам о краже сельскохозяйственных (коровы, лошади, козы, и т.д.), домашних (собаки, кошки, и т.д.), экзотических животных. Рассматривая вопрос опознания животных, З.Г. Самошина верно подметила: «...в этой части закон можно толковать расширительно, так как животных с известной долей условности можно отнести к предметам» [1, с. 43]. Действительно, согласно ст. 137 ГК РФ, к животным применяются общие правила об имуществе. Из чего следует, что животные в юридическом понимании являются вещью. В этой связи, предъявление для опознания животных может производиться с соблюдением общих процессуальных правил, предусмотренных для опознания предметов. Законодатель в ч. 6 ст. 193 УПК РФ указал, что предмет предъявляется для опознания в количестве трех, следовательно, при предъявлении животных их должно быть представлено не менее трех. Возникает закономерный вопрос, где можно найти схожих животных по внешнему виду. И как выделить те критерии, по которым возможно одно животное отличить от другого схожего животного, поскольку должна быть определенная совокупность признаков. Думается, что можно предусмотреть специальный порядок проведения опознания животных, а именно возможность их предъявления в единственном числе в присутствии специалиста (например: ветеринара, зоотехника, зоолога). Специалист укажет наличие соответствующих признаков животного, опишет его

реакцию либо укажет на несоответствие предъявляемого животного определенным признакам. Тем самым специалист может оказать содействие, чем повысит достоверность данного следственного действия.

Аналогично следует поступить и с предъявлением для опознания уникальных или крупногабаритных предметов, которые существуют в единственном или небольшом количестве экземпляров. Предъявлять указанные предметы в общем порядке невозможно, поскольку найти похожие предметы достаточно трудно, а часто невозможно. В результате интервьюирования следователей стало известно, что на практике поступают следующим образом. Поскольку опознавание есть не что иное, как «узнавание», то они помещают необходимый предмет на видном месте в своем кабинете и далее потерпевший, войдя в кабинет, узнавая по соответствующим признакам предмет, говорит, что это тот самый, который у него украли. Затем следователь формирует такое доказательство, как протокол допроса потерпевшего. Вряд ли такую ситуацию можно признать допустимой, поскольку происходит некая подмена следственных действий одного другим. Полагаем, что если бы законодатель предусмотрел возможность предъявления для опознания редких и крупногабаритных предметов в единственном числе, то это бы исключило применение подобного рода приемов следователями.

Согласно ч.5 ст. 193 УПК РФ, при невозможности предъявления лица, опознание может быть произведено по его фотографии одновременно с фотографиями других лиц, внешне сходными с опознаваемым лицом. Закон в то же время не содержит положения о возможности предъявления для опознания по видеозаписи. Хотя данный метод по ряду признаков весьма схож с фотографическим методом. В литературе высказываются различные мнения на этот счет. На наш взгляд предпочтение следует отдать мнению авторов [2, с.55], которые считают, что в сравнении с опознанием по фотографии предъявление лица по видеоизображению позволяет воспринимать более полную фиксацию признаков внешности, так как фиксация может быть осуществлена при замедленном движении кадра. Таким образом, возможно, предусмотреть предъявление для опознания не только по фотографии, но и по видеозаписи при ее наличии, что также может повысить достоверность данного следственного действия.

Кроме этого, некоторые авторы обращают внимание на то, что законодатель не совсем верно употребляет в ч.2 ст. 193 УПК РФ глагол «видели» [3, с.155-156; 4]. Более правильным на их взгляд будет употребление глагола «воспринимали», поскольку правоприменительной практике известны случаи опознания человека по другим признакам, т.е не только путем зрительного

восприятия внешних данных. Так, в квартире была убита слепоглухонемая Е. В момент нападения ее соседка, страдавшая такими же физическими недугами, находилась в квартире Е. Преступник в отношении нее совершил насильственные действия сексуального характера. Получить от А. описание внешности нападавшего не представлялось возможным. Единственной «зацепкой» являлось то, что во время совершения преступления А. случайно потрогала лицо насильника руками. Изучив специальную литературу следователи выяснили, что такие люди обладают исключительно тактильной памятью. Спустя длительное время был задержан подозреваемый М. Его в числе подобранных статистов предъявили для опознания потерпевшей А. Она, поочередно прикасаясь руками к лицам опознаваемых, категорично опознала М. как человека, напавшего на нее [4, с.202-203]. Следовательно, на практике происходит более расширительное толкование данного термина, что, на наш взгляд, вызывает большие сомнения и к нему следует отнести критически, так как вряд ли можно обеспечить достоверность данного следственного действия в таком случае. Как лицо может передать свои тактильные ощущения? Кроме того, основной метод данного следственного действия – это наблюдение, но в описанном примере его применение исключено, что ставит под сомнение допустимость доказательств, полученных таким путем.

Полагаем, что следует остановиться еще на одной проблеме. Так, при проведении опознания, исключающего возможность визуального наблюдения опознающего опознаваемым, возникают дискуссионные вопросы по поводу определения места нахождения понятых. На основании ч. 8 ст. 193 УПК РФ, понятые должны находиться в месте нахождения опознающего. По мнению авторов учебника «Уголовный процесс», проведение опознания, исключающего возможность визуального наблюдения опознающего опознаваемым, следует проводить с участием четырех понятых, двое из которых находятся рядом с опознающим, а двое – с лицами, предъявленными для опознания [5, с. 155]. На наш взгляд, поскольку участие понятого необходимо для удостоверения факта производства следственного действия, его хода и результатов, то позитивность такого предложения заключается в том, что в случае возникновения каких-либо сомнений, связанных с проведением данного следственного действия, есть возможность их устранить, допросив всех четверых понятых. В настоящее время, в отдельных регионах РФ сложилась практика участия четырех понятых при проведении такого рода опознания. Например, в г. Шадринске Курганской области участвуют четверо понятых при проведении опознания, исключающего визуальный контакт между опознаваемым и опознающим, хотя это и не оговорено в законе [6, с.248.]. Кроме того,

учитывая изменения законодателя относительно участия понятых в следственных действиях, полагали бы возможным предусмотреть альтернативный вариант, например, использование технических средств фиксации хода и результата проведения предъявления для опознания, что также обеспечит достоверность проведения следственного действия и будет способствовать обеспечению прав участников. В связи с этим, полагаем, что следовало бы в ч.8 ст. 193 УПК внести соответствующие дополнения.

Вышесказанное позволяет констатировать, что с целью устранения имеющихся противоречий в законодательной регламентации процедуры производства следственного действия – предъявление для опознания и формирования единообразной практики, полагаем, что устранение имеющихся недостатков было бы возможно путем внесения изменений в ст. 193 УПК РФ.

Список использованных источников:

1. Самошина, З.Г. Проблемные вопросы предъявления для опознания /З.Г. Самошина // Вестник криминалистики. – 2011. – Вып. 1 (37). – С. 40–43.
2. Бурька, Д.А. Предъявление для опознания: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты: Монография / Д.А. Бурька, М.Г. Решняк. – М. : Международный юрид. институт, 2015. – 188 с.
3. Степанов, В.В., Михайлова Ю.Н. Научные и правовые основы тактики предъявления для опознания при расследовании преступлений. Саратов, 2013. – 255 с
4. Баев, О.Я. Краткий криминалистический комментарий к основам уголовно-процессуального доказывания /О.Я. Баев. – М., 2017.- 264 с.
5. Григорьев, В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – М. : Эксмо, 2005. – 832 с.
6. Новикова, М.В. Институт безопасности в уголовном судопроизводстве. [Электронный ресурс] / М.В. Новикова // Российский судья. – 2017. – №7. – Режим доступа: <https://45.мвд.рф/activity>

ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ДОПИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА ПЕРИОД 2014-2018 ГГ.

© К.Б. Богушевич

Научный руководитель: Е.В. Попельницкий

Сибирский юридический институт МВД России

На сегодняшний день редкое крупное спортивное мероприятие обходится без допинговых скандалов. Наряду с усилением контроля со стороны спортивных организаций, ужесточается и антидопинговое законодательство. Актуальность определяется еще тем, что данная проблема вышла за пределы большого спорта. Ее обострению способствует высокодоходная индустрия «боди-имиджа», пропагандирующая запрещенные препараты, как способ улучшения физической формы, снижения веса, повышения уровня активности и качества жизни. Наибольшей популярностью из контролируемых веществ пользуются анаболические стероиды.

В настоящее время, помимо специфической ответственности для спортсменов и спортивных специалистов (ст.ст. 230.1, 230.2 УК РФ), уголовная ответственность за нарушение антидопингового законодательства предусмотрена ст. 234 УК РФ «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта» (если в составе допинга есть сильнодействующие или ядовитые вещества). Для успешного противодействия преступлений данной категории, а также профилактики среди целевой аудитории представляется целесообразным изучить некоторые элементы криминалистической характеристики незаконного оборота допинга.

Под криминалистической характеристикой традиционно понимают совокупность наиболее повторяющихся, типичных признаков данного вида преступления. Такую абстракцию можно считать информационной моделью типичного преступления конкретного вида или рода или криминалистической характеристикой определенного вида преступления [1, с.10]. С.В. Винокуров определял криминалистическую характеристику как научно разработанную систему типичных признаков конкретного вида преступления, позволяющую выяснить механизм слеодообразования, уяснить первоочередные следственные задачи [2, с.101].

Криминалистическая характеристика преступления имеет достаточно сложную структуру:

- характеристика типичной исходной информации;

- системы данных о типичных способах совершения и сокрытия данного вида преступлений и типичных последствиях их применения;
- личность вероятного преступника и вероятные мотивы и цели преступления;
- личность вероятной жертвы преступления и данные о типичном предмете посягательства;
- данные о некоторых типичных обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка);
- данные о типичных обстоятельствах, способствовавших совершению конкретного вида, рода преступлений [1, с.10].

Знание криминалистических характеристик является необходимым для организации быстрого, всестороннего и объективного производства по уголовным делам. Основное их назначение заключается в том, чтобы информировать следователя сведениями о типичных для определенного вида или группы преступлений признаках.

С целью выявления формирования представления о типичной картине подготовки и совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом допинга, был проведен анализ судебной практики за период 2014-2018 гг. Для этого анализировались приговоры по ст. 234 УК РФ, содержащие сведения об обороте веществ, включенных в список субстанций, запрещенных в спорте. Из этих приговоров отбирались содержащие достаточно информации о способе подготовки и совершения преступлений, личности преступника, типичных обстоятельствах совершения преступлений (всего изучено 100 приговоров).

Подготовка к совершению преступления осуществляется, как правило, по двум направлениям:

- поиск покупателей;
- поиск и приобретение контролируемых веществ.

Поиск покупателей, как правило, осуществляется лично, возможно в местах тренировок, осуществляя мониторинг спортивных учреждений, магазинов спортивного питания. В период 2016-2018 гг. получило распространение размещение рекламы в сети «Интернет», либо посещение тематических групп, страниц в социальных сетях.

Довольно часто лицо приступает к выполнению объективной стороны преступления с поиска интересующих его веществ через сеть Интернет на электронных торговых площадках или интернет-магазинах.

Кроме того, в исключительных случаях информационно-телекоммуникационные технологии используются не только для приобретения сильнодействующих веществ, но и для организации сбыта.

Вместе с тем подобный способ совершения преступлений не превышает 22 % от общего количества. В основном, сбыт происходит при личной встрече с покупателем и сопровождается непосредственной передачей денежных средств от продавца к покупателю. О месте и времени встречи продавец и покупатель договариваются предварительно, при этом можно выделить следующие категории мест:

Примерно в 32 % случаях преступления совершаются в общественном месте.

Около 28 % преступлений совершаются с использованием автомобиля.

Приблизительно 24 % сбытов осуществлялись в спортивных залах.

С помощью использования услуг почтовой связи 12 % преступлений.

В жилых помещениях преступления совершаются в 2 % случаев.

В учреждениях данный вид преступлений совершается в 2 % .

Также проанализировано время совершения сбыта сильнодействующих веществ и установлено что все факты сбыта происходили в период 09:30-23:45 часов, причем только в 16% случаев в период до 17:00. Статистическими методами проанализирована связь места и времени совершения преступления, установлено, что имеется связь между сбытом, осуществленным в автомобиле и спортзале, с временем сбыта.

Так, более чем в 70 % случаях сбыт на личном автомобиле осуществляется после 21:00 часов. В то время как сбыт сильнодействующих веществ в тренажерном зале до 18:00 часов. Вероятно, это обусловлено режимом работы тренажерных залов, так до 18:00 имеет место быть малая концентрация посетителей данного спортивного заведения.

В 29 % случаях данный вид преступлений совершают женщины, в 71% – мужчины.

Около 30 % совершивших преступление лиц находятся в браке. В 17 % случаях имеют на иждивении несовершеннолетних детей.

В 7 % случаях лица, совершающие преступления, уже ранее были судимы.

В 60 % случаях лица имеют в среднем образование, 11 % имеют высшее образование, а 4 % лиц имеют неоконченное высшее образование на момент совершения преступления, 6% продолжают учиться.

В 64% случаев преступники имеют постоянную работу, на которую официально трудоустроены.

В 32 % случаях преступления совершаются группой лиц по предварительному сговору.

Кроме того, установлены следующие закономерности:

женщины совершают преступления обычно до 20:00 (70% случаев) и в общественном месте.

в 90% случаев автомобиль для осуществления сбыта используют мужчины. При этом женщины совершают сбыт организованной группой в 46% случаев, в то время как мужчины лишь в 27%. Иных различий в способе подготовки, совершения преступлений, предусмотренных ст. 234 УК РФ, в зависимости от личности злоумышленника выявлено не было.

На основании изложенного можно сделать следующие заключения, касающиеся криминалистической характеристики незаконного оборота допинга в спорте:

Основным мотивом совершения преступлений, предусмотренных ст. 234 УК РФ, является корыстный мотив.

Поиск покупателей, как правило, осуществляется лично, либо посещая тематические группы, сообщества, страницы в социальных сетях в редких случаях посредством размещения рекламы в сети «Интернет».

Довольно часто лицо приступает к выполнению объективной стороны преступления с поиска интересующих его веществ через сеть Интернет на электронных торговых площадках или интернет-магазинах.

В исключительных случаях информационно-телекоммуникационные технологии используются для сокрытия следов преступной деятельности.

Сбыт происходит в период 09:00-23:45, женщины (29% от общего числа) предпочитают осуществлять сбыт до 20:00.

Исследуя полученные закономерности, мы пришли к выводу, что в настоящее время нет четкой зависимости между местом и временем совершения преступления (за исключением автомобиля и спортивного сооружения). Злоумышленники используют сеть Интернет лишь для заказа необходимых запрещенных веществ через Интернет-магазины, нередко находящиеся за пределами Российской Федерации. С учетом нерегулярного характера сделок, большинство продавцов предпочитают осуществлять сбыт при личном контакте.

На основании анализа полученных данных судебной практики не удалось выявить связь между личностью преступника и способом совершения преступления в явном виде (за исключением того что женщины предпочитают совершать сбыт до 20:00 часов и значительно чаще, чем мужчины, предпочитают групповой способ).

В тоже время, значимыми факторами, способствующими незаконному обороту допинга, являются терпимость в спортивной среде и недостаточная

информированность лиц, осуществляющих незаконный оборот допинга, о неотвратимости наступления юридических последствий такой деятельности.

Список использованных источников:

1. Александров, И.В. Общие положения криминалистической методики расследования преступлений: учеб.-метод. пособие / И.В. Александров. – Красноярск, 2004.

2. Винокуров, С.И. Криминалистическая характеристика преступления, ее содержание и роль в построении методики расследования конкретного вида преступлений // Методика расследования преступлений. Общие положения: Материалы научно-практической конференции (г. Одесса, ноябрь 1976 г.). – М., 1976.

**МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ПРАВЕ
НА ПРИМЕРЕ КРАТКОВРЕМЕННОГО ЗАДЕРЖАНИЯ (§§ 127, 127b УПК ФРГ)**

© А. Бопп

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет, Университет Пассау

В уголовно-процессуальном законодательстве Федеративной Республики Германия (ФРГ) меры уголовно-процессуального принуждения можно разделить на несколько типов, опираясь при этом на функции и цели данных мер: 1) меры, способствующие следствию (обыск, §§ 102ff УПК ФРГ; длительное наблюдение, § 163 УПК ФРГ и др.); 2) меры, гарантирующие сбор доказательств (выемка, § 94 УПК ФРГ; телесное освидетельствование, § 81a УПК ФРГ итд.) и 3) меры, обеспечивающие уголовное судопроизводство (заключение под стражу, §§ 112ff. УПК ФРГ; объявление в розыск, §§ 131ff. УПК ФРГ и др.). [4]

Любые меры принуждения представляют собой посягательство на конституционные права гражданина, которое допустимо лишь на основании закона. В связи с этим в п. 2 ст. 104 Основного Закона ФРГ закреплён принцип, согласно которому ограничение свободы в качестве меры уголовно-процессуального принуждения возможно только по распоряжению судьи. [2]

Однако существуют случаи, когда нельзя ожидать вынесения постановления суда о заключении лица под стражу в связи с неотложной

необходимостью своевременного задержания подозреваемого. Для этого законодатель предусмотрел право на кратковременное задержание, закрепленное в §§ 127, 127b УПК ФРГ, которое тесно связано с проверкой и/или с установлением личности. При этом законодатель ФРГ предусматривает кратковременное задержание как право каждого гражданина (то есть, любого гражданина и любого должностного лица) на задержание (§ 127 I УПК ФРГ), но кроме этого, как право прокуратуры и полиции на такой вид задержания (§§ 127 II, 127b УПК ФРГ).

Для более четкого понятия института кратковременного задержания в немецком уголовном процессе, необходимо выделить совпадающие и отличительные признаки между § 127 I и §§ 127 II, 127b УПК ФРГ.

В § 127 I 1 УПК ФРГ указано: «Если кто-либо застигнут на месте совершения преступления, или преследуется, или подозревается в побеге, или не может немедленно удостоверить свою личность, то любой гражданин вправе его задержать без предписания судьи». Важно отметить, что понятие «преступление» подразумевает только уголовно наказуемое деяние или покушение, но никак не нарушение общественного порядка. Застигнутым на месте совершения преступления считается лицо, которое застигнуто при осуществлении преступления, или непосредственно после этого на месте преступления или в непосредственной близости от него. Лицо преследуется тогда, когда оно уже удалилось с места преступления, но было замечено при попытке скрыться и его преследование началось непосредственно после совершения деяния на основе конкретных, указывающих на это лицо данных. Дальнейшим основанием для задержания является подозрение лица в намерении скрыться, которое утверждается на основании однозначного поведения преступника, свидетельствующее о его возможном уклонении от уголовного процесса, если его не задержать сейчас же. Альтернативным основанием для задержания лица законодатель предусматривает невозможность лица немедленно удостоверить свою личность. Но согласно § 127 I 2 УПК ФРГ сослаться на удостоверение личности в качестве основания для задержания могут лишь частные лица, так как должностные лица должны действовать при этом в соответствии с § 163b УПК ФРГ. [1]

Кроме того, одним из главных отличий права каждого (§ 127 I 1 УПК ФРГ) от права прокуратуры и полиции на кратковременное задержание (§§ 127 I 2, 127b УПК ФРГ) считается правомочность должностных лиц на задержание подозреваемого несмотря на наличие предпосылок для вынесения постановления о заключении лица под стражу (§§ 112ff. УПК ФРГ) или о помещении в соответствующее учреждение (§ 126a УПК ФРГ), при условии, что эти действия

не терпят отлагательства. Ситуация, не терпящая отлагательства, возникает тогда, когда промедление, вызванное ожиданием судебного постановления после соответствующего запроса органами, ставит под угрозу само задержание. [4]

По сравнению с правом любого гражданина на задержание, сотрудники прокуратуры и полиции наделены правом на кратковременное задержание несмотря на отсутствие условий, строго регламентированных в § 127 I, II УПК ФРГ. В качестве оснований для того задержания § 127b УПК ФРГ предусматривается вероятность проведения ускоренного судопроизводства (§ 417 УПК ФРГ) при наличии опасности неявки лица на судебное разбирательство. После задержания существует возможность суда вынести постановление о заключении под стражу, § 127b II УПК ФРГ.

Что касается объединяющих признаков права каждого и права прокуратуры и полиции на кратковременное задержание, необходимо отметить одинаковый объем права на задержание. Так как применение данной меры уголовно-процессуального принуждения влечет за собой серьезное вмешательство в свободу передвижения, которая гарантируется ст. 2, 104 Основного Закона ФРГ, не все методы задержания могут считаться правомерными. В связи с этим право каждого на задержание включает в себя следующие методы: 1) применение физической силы, которое зачастую влечет за собой нанесение легких телесных повреждений, § 223 УК ФРГ; 2) лишение свободы, § 239 УК ФРГ; 3) принуждение, § 240 УК ФРГ и 4) использование оружия (для частных лиц, допустимы лишь предупредительные выстрелы; при определении допустимости использования должностными лицами необходимо руководствоваться полицейскими законами земель). [1] Необходимо отметить, что задержание является правомерным только в тех случаях, когда соблюдается принцип соразмерности. [6] Данный принцип подразумевает, что вмешательство должно быть необходимым, уместным и пропорциональным к необходимости задержания.

Равноправное положение любого гражданина и должностного лица при задержании состоит в том, что в соответствии с § 128 УПК ФРГ вне зависимости от того, кем было произведено задержание подозреваемого, данное лицо незамедлительно или же не позднее следующего дня должно быть доставлено к участковому судье для допроса. Если судья считает задержание неоправданным, то предписывает освободить задержанного, если считает задержание обоснованным, то издает приказ об аресте, что в итоге может привести к заключению под стражу.

Самым существенным общим признаком § 127 I и §§ 127 II, 127b УПК ФРГ является значение института кратковременного задержания как основание, исключающее ответственность по преступлениями, связанным с задержанием (§§ 223, 239, 240 УК ФРГ). Но для того, чтобы утвердить невиновность лица, задерживавшего подозреваемого, оно должно соблюдать определенный ряд условий: 1) иметь знание о наличии оснований для задержания; 2) осознавать последствия своих действий, которые необходимы для задержания и 3) действовать умышленно с целью задержания подозреваемого. [3]

Таким образом, меры уголовно-процессуального принуждения в Германии являются значительным вторжением в основные права граждан, которые защищены ст. ст. 2, 104 Основного Закона ФРГ: посягательства на конституционные права разрешены только при наличии судебного решения. Исключением данного принципа является институт кратковременного задержания, регламентированный в §§ 127, 127b УПК ФРГ.

Список использованных источников:

1. *Beulke*, Strafprozessrecht, 6. Auflage 2002.
2. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland (vom 23. Mai 1949), Stand: 20.07.2017. <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/GG.pdf> (abgerufen am 04.05.2019)
3. *Heinrich/Reinbacher*, Examinatorium Strafprozessrecht, 2. Auflage 2017.
4. *Schroeder/Verrel*, Strafprozessrecht, 7. Auflage 2017.
5. Strafprozessordnung (vom 12.09.1950), Stand: 18.04.2019. <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/StPO.pdf> (abgerufen am 04.05.2019)
6. *Wienbracke*, Der Verhältnismäßigkeitsgrundsatz, ZJS 2/2013, 148-155.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

© Д.А. Галочкин

Научный руководитель: А.Ю. Винокуров

д-р. юрид. наук

Университет прокуратуры Российской Федерации

Согласно Конституции Российской Федерации, имеющей высшую юридическую силу, в правовом государстве человек, его права и свободы являются

высшей ценностью, право на свободу является основополагающим правом человека. При этом возможность ограничения права на свободу допускается лишь в той мере, в какой оно необходимо в определенных законом целях и в установленном законом порядке. В первую очередь, это касается избрания в отношении гражданина меры пресечения в виде заключения под стражу, а особенно в отношении несовершеннолетнего, являющегося субъектом повышенной защиты со стороны государства.

Уровень правовой защиты несовершеннолетних должен быть выше, чем у взрослых лиц, так как в силу своих возрастных особенностей они нуждаются в дополнительных гарантиях соблюдения их прав. Исходя из этого, объектом особого внимания со стороны государства должно стать создание гарантий, обеспечивающих надлежащую защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления.

При анализе содержания Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), принятых резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29.11.1985 прослеживается особый, гуманный подход, по сравнению с общими правилами, относящимися ко взрослым. Так, содержание под стражей несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) до рассмотрения уголовного дела по существу в суде должно применяться в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени, по возможности должно заменяться иными, альтернативными мерами пресечения.

Российская Федерация, ратифицировав ряд документов в области охраны прав и свобод несовершеннолетних, признала их юридическую силу и взяла обязательство привести свое национальное законодательство в соответствие с международными нормами. В этой связи в российском законодательстве, а именно, в УПК РФ, закреплены специальные процессуальные гарантии прав и законных интересов несовершеннолетних лиц, подвергнутых уголовному преследованию. Вместе с тем, в [УПК](#) РФ не предусмотрено каких-либо особенностей в отношении сроков содержания под стражей несовершеннолетних, в отношении них применяются общие сроки содержания.

В соответствии со ст. 98 УПК РФ в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) может быть избрана любая мера пресечения, а именно: подписка о невыезде, личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, залог, запрет определенных действий, домашний арест, заключение под стражу. Единственной мерой пресечения, которая не может быть избрана в отношении несовершеннолетнего подозреваемого обвиняемого, в силу объективных обстоятельств, является наблюдение

командования воинской части. Вместе с тем, вопреки возможности применения различных мер пресечения, не связанных с изоляцией лица от общества, наряду с подпиской о невыезде, наиболее широкое распространение в качестве меры пресечения в отношении несовершеннолетних получило заключение под стражу. Однако данную сложившуюся правоприменительную практику нельзя признать правильной, так как для несовершеннолетних лиц заключение под стражу является наиболее строгой и исключительной мерой пресечения.

Генеральным прокурором РФ в указании от 09.11.2011 № 392/49 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей», в частности, в п. 1.12, прокурорам предписывается тщательно рассматривать вопросы о необходимости применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних лиц, к которым может быть применена иная мера пресечения, исходя из обстоятельств дела и данных о личности.

В целях защиты прав несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) при изучении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу прокуроры должны учитывать требования ч. 2 ст. 108 УПК РФ, а именно, что к несовершеннолетнему лицу мера пресечения в виде заключения под стражу может быть применена, если оно подозревается (обвиняется) в совершении преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких. Кроме того, избрание данной меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления средней тяжести допускается лишь в исключительных случаях. При этом необходимо учитывать положения ч. 6 ст. 88 УК РФ, согласно которым указанная мера пресечения не может быть применена в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16-летнего возраста, совершившего преступление средней тяжести впервые. Также в соответствии с вышеуказанными положениями к несовершеннолетним, подозреваемым (обвиняемым) в совершении преступления небольшой тяжести, мера пресечения в виде заключения под стражу вообще не применяется.

При определении исключительности случая для применения меры пресечения в виде заключения под стражу возникают сложности в правоприменительной практике. Исключительный характер обстоятельств, послуживших основанием для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, должен быть подтвержден конкретными фактами, определенными в ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Многочисленная судебная практика свидетельствует о том, что

судами в качестве исключительных случаев дополнительно признаются иные обстоятельства, например, продолжение несовершеннолетним противоправного поведения, отрицательная характеристика личности, наличие судимости или совершение преступления в период условного осуждения, отсутствие контроля со стороны законных представителей. Исходя из этого, прокурору при изучении ходатайств следователей и дознавателей, а также при подготовке к судебному заседанию необходимо обращать внимание на приложенные к ходатайству материалы (характеристики, справки, выписки и т.д.).

Проведенный анализ правоприменительной практики показал, что суды в основном соблюдают требования ч.2 ст. 108 УПК РФ, однако имеют место случаи удовлетворения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений средней тяжести вопреки требованиям ч. 2 ст. 108 УПК РФ.

Нередки случаи, когда суды, при избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) пренебрегают требованиями ст. 99 УПК РФ, а именно, при решении вопроса об избрании данной меры пресечения в недостаточной мере исследуют условия проживания, воспитания несовершеннолетних лиц, их взаимоотношения с родителями.

При избрании в отношении несовершеннолетних лиц меры пресечения в виде заключения под стражу, отдельные суды не выполняют требования ч. 2 ст. 423 УПК РФ, заключающиеся в обязательном обсуждении при решении вопроса об избрании данной меры пресечения в отношении несовершеннолетнего, возможности отдачи его под присмотр родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц, а также должностных лиц специализированного детского учреждения, в котором он находится.

В настоящее время в органах и учреждениях прокуратуры отсутствует системность в осуществлении надзорной функции, что зачастую не позволяет обеспечить выявление существенных нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних, в том числе фактов незаконного лишения свободы, не только на досудебной, но и на судебной стадии.

Так, прокуратурой Камчатского края установлены нарушения требований уголовно-процессуального законодательства, допущенные следователем СУ УМВД России по г. Петропавловску-Камчатскому при задержании в порядке ст. 91, 92 УПК РФ несовершеннолетней и возбуждении ходатайства об избрании в отношении нее меры пресечения в виде заключения под стражу в рамках расследования уголовного дела, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Не достигшая шестнадцатилетнего возраста подозреваемая, впервые по-дозревалась в совершении преступления, отнесенного к категории средней тяжести, в связи с чем в силу ч. 6 ст. 88 УК РФ ей не могло быть назначено наказание в виде лишения свободы, соответственно ее задержание было произведено в отсутствие оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 91 УПК РФ, и ходатайство о заключении под стражу возбуждено с нарушением требований ч. 2 ст. 108, ч. 1 ст. 421 УПК РФ.

Вместе с тем указанные обстоятельства были оставлены без внимания помощником прокурора г. Петропавловска-Камчатского, поддержавшим ходатайство в суде. Ввиду отсутствия оснований судом отказано в аресте несовершеннолетней подозреваемой. В связи с допущенными нарушениями прокуратурой Камчатского края заместитель прокурора г. Петропавловска-Камчатского привлечен к ответственности. Руководителю СУ УМВД России по Камчатскому краю внесено представление.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить то, что заключение под стражу как мера пресечения применительно к несовершеннолетним лицам носит исключительный характер. Решая вопрос о заключении несовершеннолетнего под стражу прокурор не должен демонстрировать формальный подход к изучению ходатайств об избрании меры пресечения. Прокурору необходимо тщательно проверять обоснованность изложенных в ходатайстве мотивов необходимости заключения несовершеннолетнего лица под стражу, проверять обоснованность невозможности применения альтернативной меры пресечения. Применению в отношении несовершеннолетних данная мера пресечения подлежит только в случае, когда совокупность обстоятельств, характеризующих содеянное, условия жизни и воспитания лица, особенности личности и поведения подростка, позволяет сделать вывод о том, что заключение под стражу является единственной возможной в данных условиях мерой.

Список использованных источников:

1. Бегалиев К. Прокурорский надзор за расследованием дел о преступлениях несовершеннолетних. М.: Юридическая литература, 1971.
2. Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2001.
3. Тетюев С.В. Избрание мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Судья. – 2015. – № 7.

**ПОДХОДЫ К ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В ПОЗИЦИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА И ВЕРХОВНОГО СУДА
ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ**

© А.Ю. Гаранжа

**Научный руководитель: Л.В. Майорова
канд. юрид. наук**

Сибирский федеральный университет

Начало рассмотрения Верховным Судом ФРГ (также – ВС ФРГ) вопроса о провокации преступления можно условно датировать серединой 70-х годов прошлого столетия [1].

Утверждение о допустимости провокаций преступлений так называемыми доверительными лицами, то есть лицами, содействующими полиции на добровольной основе, основывается на рассуждениях об опасности провоцируемых лиц и обязанностями государства предотвращать их будущие преступления [2]. Криминалистический опыт показывает, что раскрытие преступлений в области незаконного оборота наркотических и психотропных веществ зачастую возможно только с использованием негласных методов расследования [3].

Необходимо начать со случаев отсутствия провокации, которыми являются:

- 1) простой вопрос доверительного лица подозреваемому без иного воздействия на него о том, есть ли у него наркотические вещества;
- 2) использование доверительным лицом очевидной готовности подозреваемого к совершению преступления или к продолжению преступления [2].

Рассматривая практику Верховного Суда ФРГ, можно сделать вывод, что ВС ФРГ выделяет допустимую форму провокации и недопустимые формы провокации – провокацию, нарушающую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Европейская Конвенция), и провокацию, являющую собой крайнюю степень нарушения принципов правового государства.

Допустимой провокация признаётся, если использование доверительного лица основано на достаточном подозрении, согласно требованиям §§ 152 абз. 2, 160 УПК ФРГ (то есть, необходимым для начала уголовного преследования в отношении определённого лица для решения вопроса о возбуждении публичного обвинения в отношении него прокурором) [4];

подозреваемое лицо уже совершило преступление или имеет решимость к совершению будущего преступления [2];

поведение сотрудников правоохранительных органов направлено только на конкретизацию уже имеющегося умысла на совершение преступления, а затем на его прерывание [1].

Провокация нарушает п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции – право на справедливое судебное разбирательство [5], а также принцип правового государства (ст. 20 Основного Закона ФРГ) [6], если

отсутствуют достаточные подозрения по отношению к спровоцированному лицу;

отсутствует склонность лица к совершению преступления;

лицо спровоцировано посредством действий сотрудников правоохранительных органов;

действия доверенного лица являются не простым «присоединением» к противоправной деятельности, а направлены на возбуждение преступного умысла;

доверенное лицо стимулирует формирование умысла посредством содействия в планировании преступления [2];

спровоцированное преступление по отношению к характеру подозрения не находится более в соразмерном и соответствующем характеру деяния соотношении, что определяется следующим образом: спровоцированное преступление имеет большую общественную опасность, чем преступление, в приготовлении к которому или в совершении которого подозревалось спровоцированное лицо. («квантовый прыжок» – «Quantensprung») [3];

интенсивное воздействие на подозреваемое лицо приобретает одну из следующих форм: настойчивые требования несмотря на первоначальный отказ; изображение нуждающегося положения доверительного лица (например, наркозависимость); приманки завышенными ожиданиями прибыли [7].

Решающий вопрос вследствие оценки всех критериев состоит в том, привели ли провоцирующие действия к тому, что по сравнению с собственным вкладом преступника в совершение преступления действия провокатора выходят на первый план [8].

Переходя к последствиям недопустимой провокации для спровоцированного лица, Верховный Суд ФРГ указывает, что простое превышение границ допустимой провокации не ведёт к прекращению уголовного преследования, а также к освобождению от уголовного наказания. Продолжительное существенное воздействие провокатора на преступника – существенное независимое от вины смягчающее обстоятельство для него. В случае совершения

преступления небольшой тяжести возможно прекращение уголовного дела. В случае совершения тяжкого преступления по общему правилу назначается минимальное наказание при использовании предупреждения с оговоркой о применении уголовного наказания [8, 2].

Выделяя провокацию, являющую собой крайнюю степень нарушения принципов правового государства, Верховный Суд ФРГ полностью следует позиции Конституционного Суда ФРГ, выраженной в решении от 14 декабря 2014 года (BVerfG 2 BvR 209/14, 2 BvR 240/14, 2 BvR 262/14 (2. Kammer des Zweiten Senats) – Beschluss vom 18. Dezember 2014 (BGH / LG Berlin) [9].

Таковыми условиями наличия провокации, являющей собой крайнюю степень нарушения принципов правового государства, признаются следующие:

1. Отсутствуют основания для подозрения спровоцированного лица в приготовлении к совершению преступления или в совершении преступления, чьи действия были следствием вмешательства органов расследования [10].

Вариант 1. Провокация нарушает человеческое достоинство: действия доверительного лица, причисляемые к действиям самого правоохранительного органа, то есть, государства, по своему характеру превращают подозреваемое лицо в простой объект государственных действий, когда доверительное лицо угрожает подозреваемому или использует его особое бедственное положение, так что подозреваемый решается на совершение преступления не по собственной воле [10].

Вариант 2.

А) Доверительное лицо продолжительно и упорно оказывает давление на подозреваемого с целью совершения им преступления.

Б) Государство оказывает широкую поддержку для приготовления к преступлению (например, импорт и поставки наркотических и психотропных веществ в большом количестве).

В) При этом принципы правового государства и законности в осуществляемых процедурах не могут быть соблюдены [10].

Обосновывая необходимость прекращения уголовного преследования в случае совершения провокации, являющей собой крайнюю степень нарушения принципов правового государства, Верховный Суд ФРГ, также ссылаясь на позицию Конституционного Суда ФРГ, пишет, что прекращение уголовного преследования означает, что в случае наличия соответствующего обстоятельства невозможно рассмотрение уголовного дела по существу. На этом основании осуждение подсудимого, в отношении которого была проведена провокация, невозможно только в случае, если эта провокация являлась крайней

степенью нарушения принципов правового государства и Европейской Конвенции [9, 10].

Таким образом, в практике Конституционного Суда ФРГ и Верховного Суда ФРГ разработана собственная система подходов к определению провокации преступления со стороны правоохранительных органов, выделены формы провокации и последствия использования провокации для спровоцированного лица в зависимости от формы.

Список использованных источников:

1. BGH 1 StR 165/75 – Urteil vom 10.06.1975, Stand: 10.06.1975. https://www.jurion.de/urteile/bgh/1975-06-10/1-str-165_75/ (abgerufen am 14.04.2019)

2. BGH 1 StR 221/99 – Urteil vom 18. November 1999 (LG München), Stand: 18.11.1999. <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/1/99/1-221-99.php3> (abgerufen am 14.04.2019)

3. BGH 1 StR 42/01 – Urteil vom 30. Mai 2001 (LG Augsburg), Stand: 30.05.2001. <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/1/01/1-42-01.php3> (abgerufen am 14.04.2019)

4. Strafprozessordnung der Bundesrepublik Deutschland, vom 01.02.1877 (zuletzt geändert v. 18.12.2018), 24. Auflage, Nomos Verlagsgesellschaft, Baden-Baden, 2016

5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]: Заключена в г. Риме 04.11.1950 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

6. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland (vom 23. Mai 1949), Stand: 20.07.2017. <http://www.bpb.de/nachschlagen/gesetze/grundgesetz/44188/ii-der-bund-und-die-laender-art-20-37> (abgerufen am 14.04.2019)

7. BGH 1 StR 320/17 – Urteil vom 7. Dezember 2017 (LG Tübingen), Stand: 07.12.2017. <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/1/17/1-320-17.php> (abgerufen am 14.04.2019)

8. BGH 1 StR 148/84 – Urteil vom 23.05.1984, Stand: 23.05.1984. <https://opinioiuris.de/entscheidung/1246> (abgerufen am 14.04.2019)

9. BGH 5 StR 650/17 – Urteil vom 4. Juli 2018 (LG Hamburg), Stand: 04.07.2018. <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/5/17/5-650-17.php> (abgerufen am 14.04.2019)

10. BVerfG 2 BvR 209/14, 2 BvR 240/14, 2 BvR 262/14 (2. Kammer des Zweiten Senats) – Beschluss vom 18. Dezember 2014 (BGH / LG Berlin), Stand: 18.12.2014.

<https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/bverfg/14/2-bvr-209-14.php> (abgerufen am 14.04.2019)

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИБАЛТИЙСКИХ СТРАН
НА ПОСТАНОВКУ НАВОДЯЩИХ ВОПРОСОВ**

© Ю.А. Гирба

Научный руководитель: А.И. Баянов

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Для достижения цели допроса, получения полных и правдивых показаний применяются следующие средства: допрашивание путем свободного рассказа, постановка вопросов, предъявление доказательств. Перечисленные средства применяются не только в российском уголовном процессе, но и в законодательстве большинства стран мира. При этом особое внимание уделяется постановке вопросов, которые с полным основанием следует признать основными средствами (процессуальными приемами) получения и уточнения показаний на стадиях досудебного и судебного производства. При правовом регулировании постановки вопросов особое внимание обращается, на так называемые, «наводящие вопросы». Следует обратить внимание, что проблеме постановки наводящих вопросов в законодательстве отдельных стран решается неоднозначно. Одни полностью запрещают, либо разрешают, но в определённых ситуациях или законодательство некоторых стран не содержит ни разрешения, ни запрета на постановку. Различное решение вызывает ряд предположений, среди которых основным является запрет на постановку наводящего вопроса. Следует ли его рассматривать как реальную необходимость или как некоторую нехорошую тенденцию, вызванную влиянием правовых систем отдельных государств и законодательства стран-партнёров. В связи с последней версией, проанализируем уголовно-процессуальные законодательства ряда стран, связанных между собой историческими и культурно-политическими связями: Россия (дореволюционный, советский и современный период) и страны Прибалтики (Литва, Латвия, Эстония).

В Уставе уголовного судопроизводства (далее УСС) 1864г. Содержались следующие требования к вопросам; они должны быть «краткими и прямыми (ст., ст. 404, 447 УСС 1864г.). При этом обращалось внимание, что следователь не должен домогаться сознание обвиняемого ни обещаниями, ни

ухищрениями, ни угрозами или тому подобными мерами вымогательства (ст. 405 УСС 1864г.) [9]. Понятие наводящего вопроса в УСС не использовалось, если не считать, что наводящий вопрос можно рассматривать в виде некоторой формы «ухищрения». Но это только предположение.

УПК РСФСР 1923г. не содержал запрета на постановку наводящих вопросов, однако такой запрет сдержался в форме тактической рекомендации. В литературе для постановки основного вопроса, но при этом делалась оговорка, что наводящий вопрос можно ставить после постановки вопросов основных.

УПК РСФСР 1960 г. [6] императивно запретил постановку наводящих вопросов при допросе свидетелей и потерпевших (ст. ст. 158, 161 УПК РСФСР), а также при производстве ряда других следственных действий (ст. 165 УПК РСФСР). Что касается судебного следствия, то при допросе свидетелей и потерпевших устранялись вопросы, не имеющие отношения к делу (ст., ст. 283, 287 УПК РСФСР), а в суде присяжных (ст. 446 УПК РСФСР), отклонялись вопросы присяжных заседателей, не имеющие отношения к делу, а также наводящие или оскорбительные [3, с. 120].

Действующий УПК РФ 2001 г. [7] не только сохранил, но и расширил сферу действия рассматриваемого запрета по участникам уголовного процесса. Теперь постановка наводящих вопросов не допускается при допросах, как свидетелей и потерпевших (ч. 2 ст. 189 УПК РФ), так и подозреваемых и обвиняемых (ч. 4 ст. 92, ч. 3 ст. 173 УПК РФ), а также при производстве предъявления для опознания (ст. 193 УПК РФ) и проверки показаний на месте (ст. 194 УПК РФ). Касаясь судебного следствия, то УПК РФ закреплен запрет на постановку наводящих вопросов при допросе подсудимого (ч.1 ст. 275 УПК РФ), но отсутствует данное требование при допросе свидетелей или потерпевших (ст.277-278 УПК РФ), а в суде присяжных (ч. 4 ст. 335 УПК РФ), отклоняются вопросы присяжных заседателей, не имеющие отношения к делу.

Что касается практики запрета на постановку наводящих вопросов, она очень редка. Анализ судебной практики за последние пять лет позволил выявить только один случай, когда постановка наводящих вопросов рассматривалась в судебной инстанции и была признана незаконной. Речь идет об определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 04.05.2014 г. № 56-АПУ-14-34, в котором было оставлено без изменения оправдательный приговор Приморским краевым судом от 14.04.2014 г. в отношении гражданина Ф. в связи с отсутствием события преступления [2].

Говоря, о странах Прибалтики, которые в течение длительного времени находились в составе России (дореволюционного, советского периода), то действующие в тот период правовые установки метрополии не могли не

отразиться на решении рассматриваемого вопроса в законодательстве Литвы, Латвии, Эстонии. Анализ уголовно-процессуального законодательства указанных стран дает основание утверждать, что такое влияние, несомненно, существует, но при этом действуют иные тенденции, которые требуют дополнительного исследования. Общей версией трудно объяснить отсутствие в действующем УПК Латвии (21.04.2005 г.) [4] упоминание и запрета на постановку наводящих вопросов, даже при учете сильного влияния культурно-политическую, правовую историю страны Пруссии и России. Следует заметить, что в современном уголовно-процессуальном законодательстве Германии, существует понятие «неподходящего вопроса», который подлежит отклонению (§., §. 240, 241 УПК ФРГ) [1, с. 223]. К числу «неподходящих вопросов» относится и наводящий вопрос.

Касаемо УПК Эстонии (12.02.2003 г.) и УПК Литвы (14.03.2002 г.), то они не содержат понятия «наводящий вопрос. При этом, в УПК Эстонии дан исчерпывающий перечень случаев, при которых суд может отойти от запрета на постановку наводящих вопросов при допросе подсудимого, свидетеля, потерпевшего (ст. 288.1 УПК Эстонии 2003 г.). К таким обстоятельствам относятся: 1. Согласие сторон, 2. вопрос затрагивает обстоятельство, либо содержит утверждение, по которому нет спора, 3. вопрос необходим для введения в предмет опроса, 4. ввиду возраста или состояния здоровья свидетелю трудно понять не наводящие вопросы, 5. свидетель подтверждает, что плохо помнит обстоятельства, являющиеся предметом опроса [8].

УПК Литвы не содержит формулировки «наводящие вопросы». Но в ч. 2 ст. 183 УПК Литвы указано, что прокурор или сотрудник досудебного следствия может: «Задавать вопросы. Запрещено спрашивать ответы» [5]. Полагаем, что «запрещено спрашивать ответы» это и есть аналогия, по которой запрещено задавать наводящие вопросы.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что законодательство отдельных стран относительно запрета на наводящие вопросы имеют взаимное влияние, однако при этом действует и другая устремленность, которую следует связать с индивидуальными законотворческими процессами. А насчет объективного воздействия наводящих вопросов на правдивость полученных показаний, то указанный фактор не всегда применяется в расчет. Пример Латвии в этом отношении является убедительным аргументом.

Список использованных источников:

1. Бойльке, В. Уголовно-процессуальное право ФРГ : учебник, перевод с немецкого, 6-е издание с дополнениями и исправлениями / В. Бойльке, под ред. Л.В. Майорова, пер. Я.М. Плошкина. – Красноярск : РУМЦ ЮО, 2004. – 352с.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. [Электронный ресурс] : от 21.02.2015. № 2. Верховный суд Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.vsrfl.ru/files/14781>.
3. Винберг, А.И. Криминалистика : учебник / А.И. Винберг, Б.М. Шавер. – Москва : Юридическое издательство НКЮ ССР, 1940. – 200с.
4. Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики [Электронный ресурс] : от 21.04.2005 ред. от 31.01.2016. Информационный портал Латвийской Республики. – Режим доступа: <http://latvia.regnews.org/doc/vq/zw-10.htm>.
5. Уголовно-процессуальный закон Литовской Республики [Электронный ресурс] : от 14.03.2002 ред. от 03.04.2019. Законодательный регистр Литовской Республики. – Режим доступа: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalActSearch>.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [Электронный ресурс] : утв. ВС РСФСР от 27.10.1960 ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ ред. от 01.04.2019. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики [Электронный ресурс] : постановление Президента Республики Эстонии от 3 марта 2003 г. № 393 ред. от 15.03.2019. Государственный Вестник. – Режим доступа: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/508042019008/consolide>.
9. Устав уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] : от 20 ноября 1864 года. Справочная правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137>.

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СВИДЕТЕЛЯ И ПОДОЗРЕВАЕМОГО

© А.А. Горская

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Участие субъектов в уголовном процессе обусловлено наличием у каждого из них особого процессуального статуса. Кроме того, наличие такого статуса является абсолютным требованием уголовно-процессуального закона. Этот статус у субъекта может изменяться в зависимости от наличия конкретных обстоятельств.

Вопросы изменения процессуального статуса были предметом исследования многих ученых-процессуалистов. Так, О. А. Зеленина выделила обстоятельства, которые приводят или могут привести к изменению процессуального статуса участника в досудебном производстве [6]. К ним относятся:

- 1) процессуальное решение должностного лица, расследующего уголовное дело, обусловленное нормами материального права;
- 2) изменение стадии уголовного процесса;
- 3) волеизъявление участника уголовного судопроизводства, статус которого изменяется;
- 4) волеизъявление участника уголовного судопроизводства, следствием которого будет изменение процессуального статуса иного участника процесса;
- 5) наступление юридических фактов, которые могут повлечь изменение уголовно-процессуального статуса участника процесса;
- 6) наступление юридических фактов, которые неизбежно влекут изменение процессуального статуса участника.

В настоящее время большая часть преступлений совершается в условиях неочевидности, в результате чего преобладает возбуждение уголовных дел не в отношении конкретных лиц, а по факту совершения преступлений [2]. Таким образом, в случае, если следователю (дознавателю) удастся установить лицо, совершившее преступление, то перед ним возникает вопрос о наделении данного лица статусом подозреваемого для производства следственных действий с его участием путём преобразования процессуального статуса свидетеля в статус подозреваемого. В связи с особенностями осуществления следственных действий в отношении двух рассматриваемых категорий субъектов уголовного производства, возникает вопрос относительно того, что является

границей перехода положения субъекта из статуса свидетеля в статус подозреваемого на практике, и соблюдаются ли при этом требования закона.

В соответствии со статьей 56 Уголовно процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), свидетелем является лицо, «которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний...» кроме слушаев, когда лицо не подлежит допросу в качестве свидетеля [4]. Подозреваемым, в свою очередь, в силу положений статьи 46 УПК РФ является лицо, «в отношении которого возбуждено уголовное дело.., либо которое задержано в установленном порядке.., либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения.., либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления..» [4]. Совмещение двух процессуальных статусов (свидетеля и подозреваемого) – недопустимо. По данному факту Конституционный суд Российской Федерации в своем Постановлении от 21.11.2017г. №30-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 38 УПК РФ и ст. 125 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского» разъяснил: «применительно к одному и тому же событию преступления, по факту которого возбуждено уголовное дело, лицо не может одновременно находиться в статусе подозреваемого (ст.46 УПК РФ) т.е. лица, подвергнутого уголовному преследованию, и свидетеля – лица, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний (ст.56 УПК РФ)» [3]. Такой подход обусловлен, в частности, тем, что в уголовно-процессуальном праве подозреваемый и свидетель отнесены к разным видам участников, их права и обязанности значительно разнятся. Отличаются по своему объему и содержанию процессуальные гарантии в ходе производства следственных действий в отношении данных субъектов.

В отличие от подозреваемого, который имеет право давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний, свидетель обязан давать правдивые показания, в связи с чем он предупреждается об уголовной ответственности по ст. 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [5]. Такого рода особенности, применяемые к процессуальным статусам свидетеля и подозреваемого, несмотря на то, что были внесены законодателем для обеспечения реализации назначения уголовного судопроизводства, породили в настоящее время одну из серьезнейших проблем на практике.

На стадии предварительного расследования у следователя (дознателя) могут появиться основания полагать, что данное лицо, а именно – свидетель,

причастно к совершению преступления. Так как подозреваемый становится таковым только после обличения субъективного подозрения должностного лица в правовую форму, а именно – издания специального процессуального акта (постановления о привлечении в качестве подозреваемого), весь объем прав и гарантий, свойственный данному статусу, возникает также с момента появления указанного акта. В связи с этим, в следственной практике реализуется ненаказуемый с точки зрения УПК РФ, но по сути абсолютно противоречащий Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) способ «обхода» п.2 ч.4 ст. 46 и п.3 ч.4 ст. 47 УПК, которые гласят, что подозреваемые и обвиняемые могут отказаться от дачи показаний по делу [4], а также ч.1 ст. 51 Конституции, которая устанавливает: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом» [1]. Суть данной тактической хитрости заключается в следующем:

Лицо, подозреваемое в совершении преступления (так называемый «потенциальный подозреваемый», в отношении которого ещё не вынесен соответствующий процессуальный документ) допрашивается в качестве свидетеля и предупреждается о том, что он вправе не свидетельствовать против самого себя и своих близких родственников, как это провозглашает Конституция. Тем самым следователи (дознаватели) «успокаивают» подозреваемого, который думает о том, что статус свидетеля позволит избежать ему уголовной ответственности за содеянное. В ряде случаев следователи (дознаватели) допрашивают это лицо в статусе свидетеля, если не имеют достаточной совокупности доказательств, подтверждающей его причастность к совершенному преступлению, но, получив необходимую информацию в ходе допроса либо при общении с этим лицом вне протокола, следователи (дознаватели) в тот же день допрашивают лицо в качестве подозреваемого.

Возможность такого обхода возникла в силу того, что под страхом наказания, предусмотренного ст. 308 УК РФ, свидетель, как правило, сообщает всю правдивую информацию о каких-либо обстоятельствах, что не всегда реализуемо в случае с подозреваемым, которому Конституцией РФ и УПК РФ дано право отказаться от дачи показаний без негативных последствий. Для следователя (дознавателя) это не только возможность ускорения и упрощения процесса доказывания, но и избежание дополнительных процессуальных обременений, так как они не обязаны обеспечивать свидетелей адвокатами, чего нельзя сказать в отношении подозреваемого.

Несмотря на то, что в настоящее время закон устанавливает право свидетеля воспользоваться квалифицированной юридической помощью на разных

стадиях уголовного судопроизводства, и обязывает субъектов, осуществляющих это производство, разъяснять свидетелям их права и обязанности, что служит гарантией обеспечения прав и свобод человека, недопущения их нарушения или ущемления, проблема о нарушении границ между процессуальным статусом подозреваемого и свидетеля путем обхода некоторых положений УПК РФ и Конституции РФ, остается неразрешенной. В настоящий момент существует необходимость в искоренении злоупотребления недоработок законодательства субъектами, осуществляющими уголовное производство, а именно: в установлении ответственности за подобный «обход», а также более детальной регламентации процессуального статуса свидетеля, создании мер, направленных на повышение информированности свидетелей о границах перехода из статуса свидетеля в статус подозреваемого.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Михайловская, О.В. Подозреваемый или свидетель: о статусе лица по уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления // Общество и право. 2016. №4. С. 116–118.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.11.2017г. №30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legalacts.ru/>
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019) [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.04.2019) [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Хайдаров, А.А. О некоторых правоприменительных проблемах, возникающих при изменении процессуального статуса участника уголовного судопроизводства // Журнал российского права. 2018. №8. С. 135–143.

ЗНАЧИМОСТЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

© А.А. Грицков

Научный руководитель: А.Д. Назаров

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Использование технических средств, в том числе негласное, является важнейшим фактором повышения эффективности работы оперативных органов. В условиях быстро меняющейся криминогенной обстановки в стране и качественного изменения преступности требуется принятие комплексных мер, направленных на установление надежного правопорядка в стране, обеспечение защиты жизни, здоровья граждан, безопасности общества и государства от преступных посягательств. Возрастающая роль технических средств в оперативно-розыскной деятельности и накопленный положительный опыт по эффективному их действию создают предпосылки для тактических основ применения цифровой техники в борьбе с преступностью.

Оперативно-розыскные мероприятия в отличие от следственных действий могут осуществляться сотрудниками оперативных аппаратов на различных этапах: до возбуждения уголовного дела, в процессе предварительного расследования и рассмотрения дела в суде, в период отбывания лицом наказания. С помощью таких мер решается широкий комплекс задач борьбы с преступностью, к числу которых относится и собирание оперативной информации, имеющей значение для расследуемых уголовных дел.

Сегодня хорошо проведенное оперативно-розыскное мероприятие даёт возможность получить качественное, объективное доказательство. Самым надежным способом в раскрытии преступлений, которые готовятся и совершаются профессионально, которые не оставляют ни следов, ни свидетелей, является хорошая оперативная разработка в совокупности с объективным закреплением совершаемых действий и результатов. Такие доказательства будут высоко оценены с точки зрения допустимости и относимости, что позволит уменьшить ложные объяснения и показания со стороны лиц, совершивших преступление.

Например, возьмём ОРМ – проверочная закупка. Оперативные работники направляют к предполагаемому продавцу наркотических средств подставного покупателя (чаще всего, знакомого со сбытчиком). В случае приобретения «товара» оперативным сотрудником составляется подробный рапорт о

проверочной закупке и её результатах, к которому прикладывается подтверждающий материал. Но результаты ОРМ являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Закона «об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем. Поэтому при оценивании этих сведений судом, следователем или прокурором имеет большое значение доказательственная база, поэтому помимо объяснений всех участников мероприятия необходимо прикладывать аудио-, видео- и фотоматериалы, а так же образец средства, которым помечались денежные купюры и т.д. Именно аудио- и видеоматериалы фиксируют объективный результат. Как показывает практика, преступники, совершившие преступления, довольно часто отказываются от противодействия расследованию, столкнувшись с использованием новых для них методов выявления и фиксации доказательств преступной деятельности и предпочитают честосердечное признание, рассчитывая на смягчение наказания. В противном случае, если не приложить материалы к протоколу, то может быть затруднено установление действительного содержания информации, запечатленной на носителях, а в худшем случае информация может и вовсе быть утеряна.

Другой пример. Даже самое, казалось бы, простое ОРМ – наблюдение – необходимо проводить при поддержке цифровых технологий. Ведь по окончании данного действия не остается никаких доказательств кроме рапорта оперативного работника. Но данные сведения не могут быть объективными, так как всегда существует вероятность, что работник мог что-то забыть, недосмотреть или просто неверно изложить увиденное. В конце концов, он может специально исказить полученную информацию для своих целей. Но совсем другой расклад будет, если приложить к рапорту наблюдения фото- видеоматериалы. Их можно, в случае сомнения, пересмотреть и заново изучить. И именно это будет качественной и объективной информацией, у которой есть большие шансы стать доказательством в деле.

В проведении опроса использование аудиоматериалов практически обязательно, ведь человек может легко отказаться от своих слов под предлогом того, что его «подставили», что «за него говорил и расписался другой человек». Но услышав аудиозапись опроса он или откажется от позиции «жертвы», или за него это сделает фоноскопическая экспертиза.

Оперативное внедрение. Одно из самых сложных мероприятий. Оно направлено на разведывательный сбор достаточно обширной информации: о преступных намерениях и действиях объектов, о способах совершения преступлений и используемых орудиях, о составе криминальных групп и

распределении в них ролей, приемах противодействия правоохранительным органам, а также иной оперативно значимой информации.

Содержание оперативного внедрения достаточно сложно и включает в себя множество самостоятельных и скоординированных действий, а также использование элементов других оперативно-розыскных мероприятий: опроса, наведения справок, отождествления личности, наблюдения и некоторых других.

Всю полученную информацию можно уместить в рапорте, составляемым по результатам оперативного внедрения, но она опять же будет переноситься из памяти оперативного сотрудника на листок. Использование же аудио и видео фиксации позволяет запечатлеть не только всю возможную информацию, которая представляет интерес для уголовного дела, но и ту, которая в будущем может существенно повлиять на ход дела.

В литературе не просто так вещественные доказательства называют «немыми свидетелями преступления», а заключения эксперта – научным приговором. Уже само наличие такой информации, зафиксированной с помощью технических средств, ограничивает возможность «маневра» лиц, заинтересованных в противодействии расследованию, в том числе путем противоправного воздействия на участников уголовного процесса.

Поэтому существует явная необходимость использования достижений науки в области цифровых технологий, что непосредственно повлияет на качество и объективность доказательств.

**К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В ВИДЕ СООБЩЕНИЯ
О ПРЕСТУПЛЕНИИ, ПОЛУЧЕННОЙ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕМ ИЗ ИСПОВЕДИ
В КАЧЕСТВЕ ЗАКОННОГО ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

© В.С. Гришин

Научный руководитель: Н.Г. Логинова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Давать свидетельские показания об известных обстоятельствах уголовного дела представляет собой гражданский и моральный долг, а также юридическую обязанность каждого гражданина. Но тем не менее из этого общего правила законодателем сделан ряд исключений, в частности гражданам законодательством предоставлено право самим решать – давать или не давать

показания, а также в иных случаях прямо запрещает органам предварительного расследования и суду получать такие показания от определенных категорий лиц. Одним из таких лиц является священнослужитель. Но как быть в том случае, если священнослужителю из исповеди стало известно о готовящемся или совершенном преступлении, и он желает об этом сообщить правоохранительным органам. Будет ли такое сообщение и содержащиеся в нем сведения законным поводом и основанием для возбуждения уголовного дела? К сожалению уголовно-процессуальный закон не дает ответ на этот вопрос.

Как известно, согласно п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ одним из поводов для возбуждения уголовного дела служит сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, а в ч. 2 указанной статьи закреплено, что основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В соответствии с п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ священнослужитель не подлежит допросу об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди. Как быть в том случае, если священнослужитель узнает из исповеди о готовящемся или совершенном преступлении, а впоследствии сообщает об этом в правоохранительные органы. Являются ли такое сообщение и содержащаяся в нем информация законным поводом и основанием для возбуждения уголовного дела?

Традиционно под свидетельским иммунитетом принято понимать исключение самой возможности допроса соответствующего лица. Слово «иммунитет» происходит от латинского *immunitas* – освобождение от чего-либо [1, с. 5]. Исповедь в качестве покаяния в грехах имеет место в ряде религий. Поскольку покаяние предполагает доверительный характер отношений между верующей личностью и священнослужителем, неизбежным качественным признаком исповеди является ее тайна [2, с. 1]. Исключительно такое гарантированное законом право на тайну исповеди дает священнослужителю иммунитет на неразглашение ставших ему известными из сугубо конфиденциального духовного общения сведений, что является одной из важнейших гарантий свободы вероисповедования. В любом ином случае таинство покаяния теряет всякий свой духовный смысл, а священнослужитель превращается в полицейского [3].

Согласно п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ священнослужитель не может быть допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые стали ему известны из исповеди. В данном случае необходимо отметить, что УПК РФ ограничивает саму возможность допроса священнослужителя в качестве свидетеля, из чего следует, что необходимо говорить не о праве не давать показаний, а о праве не быть допрошенным. Нельзя не отметить, что в соответствии с

Определением Конституционного суда Российской Федерации от 06.03.2003 № 108-О лица, указанные в ч. 3 ст. 56 УПК РФ, могут быть допрошены в качестве свидетелей при заявлении ими соответствующего ходатайства. Невозможность допроса указанных лиц – при их согласии дать показания, а также согласия тех, чьих прав и законных интересов непосредственно касаются конфиденциально полученные сведения – приводила бы к нарушению конституционного права на судебную защиту и искажала бы само существо данного права [4].

Дополнительные гарантии исповеди, кроме как в законодательстве имеются и во внутренних установлениях самих религиозных объединений, а также канонических нормах права, которые налагают на священнослужителей обязанность избегать действий, злоупотребляющих доверием, так как это несовместимо с их духовным статусом. Если обратиться к каноническим предписаниям католической церкви, то можно увидеть, что они по данному поводу также содержат в себе строгие правила.

Справедливо будет обратиться и к отечественным каноническим правилам, а также исключениям из них, поскольку в истории нашего государства не всегда тайна исповеди являлась абсолютной. В строго определенных случаях допускались исключения. Так, несмотря на то, что в принятом в 1721 году во времена правления Петра I в духовном регламенте содержалось достаточно жесткое наказание за раскрытие тайны исповеди, но в то же время допускалось ее разглашение по отношению к тем, кто замыслил преступление против государства. Духовный регламент возлагал обязанности на священнослужителей проливать свет на тайну исповеди, в том случае, если злоумышленник, «объявляя намеренное зло, покажут себя, что не раскаиваются, но ставят себе в истину и намерения своего не отлагая, не яко грех исповедуют» [5]. Также в Полном православном богословском энциклопедическом словаре начала двадцатого века указывалось, что «ныне все сказанное на исповеди сохраняется в тайне, за исключением таких случаев, когда сокрытие грозит опасностью монарху, императорскому дому или государству» [6]. В девятом разделе Основ социальной концепции Русской Православной Церкви закреплена взвешенная и социально ответственная рекомендация, а также указано достаточно подробное предписание для священнослужителей при возникновении описанной ситуации.

Не лишним будет сказать и о том, что из тактических соображений выгоднее было бы реализовать сведения священнослужителя, полученные им из исповеди в качестве результатов оперативно-розыскной деятельности, а самого священнослужителя использовать в качестве конфиденента. К тому же, как мы

уже выяснили ранее, священнослужитель по собственной инициативе может реализовать полученные из исповеди сведения о готовящемся или совершенном преступлении путем обращения в правоохранительные органы с сообщением о преступлении. Но в то же время, из абз. 3 ст. 17 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» следует, что органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается использовать конфиденциальное содействие по контракту депутатов, судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей и полномочных представителей официально зарегистрированных религиозных объединений [7].

Список использованных источников:

1. Решняк М. Свидетельский иммунитет – особый вид привилегий / ЭЖ – Юрист, 2011, № 16 // Справочно – правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».

2. Пчелинцев А.В. Абсолютна ли тайна исповеди? // Справочно – правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».

3. Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ // Справочно – правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».

4. Определением Конституционного суда Российской Федерации от 06.03.2003 № 108-О // Справочно – правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».

5. Регламент (устав) Духовной коллегии, изданный 25.01.1721 // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1899. Т. 6. № 3718.

6. Тайна исповеди // Полный православный богословский энциклопедический словарь «Богословская энциклопедия». 2005.

7. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Справочно – правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».

ПРОБЛЕМЫ В НОРМАТИВНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОЦЕССА ФИКСАЦИИ И ИЗЪЯТИЯ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

© И.А. Ероцкая

Научный руководитель: А.И. Баянов
Сибирский федеральный университет

В настоящее время на федеральном уровне отсутствует единый нормативно-правовой акт, регламентирующий процесс обнаружения, фиксации и изъятия предметов и следов преступлений, в последующем отправляемых на судебную экспертизу. Порядок обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления в общем виде регламентирован в УПК РФ (далее – УПК РФ), ведомственных нормативных актах различных подразделений, входящих в систему МВД, МЧС, ФТС, Минюста. Значительный объем требований, предъявляемых к работе со следами преступления на месте их обнаружения, содержится за пределами нормативного регулирования, содержащегося в УПК РФ и иных ведомственных актах. Названные правила традиционно относятся к предмету изучения криминалистики и не закреплены в нормативно-правовых актах. Невыполнение этих правил приводит к потере информации о преступлении, затрудняет производство судебной экспертизы или делает ее невозможной.

Порядок производства изъятия предметов и следов регламентирован статьей 177 УПК РФ. Согласно ч. 2 ст. 177 УПК РФ «если для производства осмотра *требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднен*, то предметы должны быть изъяты, упакованы, опечатаны, заверены подписью следователя». [1] По непонятным причинам законодатель указывает всего на два условия изъятия вещественных доказательств с места происшествия, что позволяет следователю не производить перечисленных мероприятий при отсутствии указанных условий.

Согласно ст. 182 УПК РФ при производстве обыска «в случае необходимости изъятые предметы, документы, ценности упаковываются и опечатываются, что удостоверяется подписями». [1] Таким образом, законодатель допускает изъятие материалов при отсутствии «необходимости», которая не раскрывается законодателем, без их официального процессуального оформления. Нельзя отрицать тот факт, что невыполнение названных требований непосредственно в момент обнаружения следов преступления позволяет усомниться в отсутствии воздействия на них.

Следует отметить, что в УПК РФ и в Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской

Федерации» отсутствует детальное регулирование порядка предоставления предметов на судебную экспертизу и предъявляемых к ним требованиям, обеспечивающих их достоверность [1,2]. Что касается ведомственных нормативных актов, то они содержат несовпадающие требования к оформлению материалов, представленных на исследование.

Так, в п. 20 приказа МЧС РФ от 19.08.2005 г. № 640 «Об утверждении Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы» указано, что «...объекты принимаются в упакованном и опечатанном виде. При этом *неупакованные объекты* принимаются только непосредственно от лица, назначившего экспертизу. Упаковка должна содержать соответствующие пояснительные надписи, включая *сведения о лице, проводившем упаковку, его подпись и дату*. Упаковка должна исключать возможность доступа к содержимому без ее повреждения» [3]. Поскольку УПК РФ допускает возможность при отсутствии необходимости не упаковывать изъятые предметы и материалы, а в приведенной выше редакции неупакованные объекты могут приниматься только от лица, назначившего экспертизу, считаем целесообразным проводить прием объектов на экспертизу больших габаритов. Следует отметить, что в указанном приказе отсутствует соответствующая санкция при выявлении нарушений в оформлении материалов в отличие от приказа Минюста РФ от 20.12.2002 г. № 343 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» в соответствии с которым руководитель СЭУ обязан проверить *правильность оформления материалов*, а в случае обнаружения недостатков в оформлении материалов, делающих невозможным производство судебной экспертизы, письменно уведомить об этом орган или лицо, ее назначившее, и предложить устранить данные недостатки. Если по истечении 30 календарных дней недостатки не устранены, материалы могут быть возвращены без производства судебной экспертизы [4]. Однако необходимо обратить внимание на то, что устранить недостатки, делающие производство экспертизы невозможно без возвращения материалов следователю.

Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» содержит следующие положения: «...объекты принимаются, *как правило*, в упакованном и опечатанном виде. Упаковка должна содержать пояснительные надписи и исключать возможность доступа к содержимому без ее повреждения. *Сведения об*

отсутствии упаковки объектов, а также о наличии повреждений упаковки указываются на копии постановления, в реестре или почтовом уведомлении, а также в заключении эксперта» [5]. Что касается повреждений упаковки, необходимо учитывать, что повреждения в виде вскрытий должно влечь за собой отказ в проведении экспертизы по мотиву нецелесообразности, поскольку это может свидетельствовать о воздействии на объекты третьих лицами.

С учетом анализа УПК РФ предлагаем изложить пункт 10 статьи 182 УПК РФ в следующей редакции: *«изъятые предметы, документы и ценности предъявляются понятым и другим лицам, присутствующим при обыске, упаковываются и опечатываются на месте обыска, что удостоверяется подписями указанными лицами. В случае, когда габариты предметов не могут быть упакованы и опечатаны об этом делается отметка в протоколе обыска и удостоверяется подписями участвующих лиц».* Анализ ведомственных нормативно-правовых актов показал различное содержание норм, регулирующих прием объектов на исследование, что не может не отражаться на результатах, как самой судебной экспертизы, так и уголовного расследования в целом. Поэтому считаем целесообразным предложить следующую редакцию статьи, которая должна быть изложена в актах, регулирующих производство судебной экспертизы: *«Объекты принимаются в упакованном, опечатанном виде. Упаковка должна содержать соответствующие пояснительные надписи, включая сведения о лице, проводившем упаковку, его подпись, подписи лиц, присутствующих при производстве следственного действия и дату. Упаковка должна исключать возможность доступа к содержимому без ее повреждения. Неупакованные объекты, которые в силу своих габаритов не могут быть упакованы и опечатаны, принимаются только непосредственно от лица, назначившего экспертизу. В случае обнаружения недостатков в оформлении материалов, делающих невозможным производство судебной экспертизы, письменно уведомить об этом орган или лицо, ее назначившее».*

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ ред. от 23.04.2018. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

2. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

3. Об утверждении Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы [Электронный ресурс] : приказ МЧС РФ от 19.08.2005 № 640. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

4. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных... [Электронный ресурс] : приказ МВД России от 29.06.2005 № 511. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

5. Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс] : Приказ Минюста РФ от 20.12.2002 № 347. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ С ПРИНЦИПОМ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА

© И.В. Зрилин

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одним из принципов уголовного судопроизводства является неприкосновенность жилища, установленная статьей 12 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [5]. Данный принцип также закреплен в статье 25 Конституции Российской Федерации [2] и в части 1 статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [1]. Неприкосновенность жилища, прежде всего, устанавливает запрет проникать в него против воли тех, кто там проживает. Каждый человек имеет право на обособление,

удеинение в занимаемом им помещении. Все, что происходит в жилище, не может быть предано гласности без согласия заинтересованных лиц.

Статья 12 УПК РФ устанавливает требования к производству следственных действий в жилище. Эти требования о неприкосновенности жилища распространяются на любое проникновение в него, в т.ч. с целью проведения других следственных действий – допроса, проверки показаний на месте, осмотра отдельных предметов и документов и т.д., – а также на оперативно-розыскные мероприятия.

И первая проблема, касающаяся данного принципа – что признается жилищем, а что нет? В российском законодательстве нет единого, одинакового определения понятия «жилище» или «жилое помещение». Например, пункт 10 статьи 5 УПК РФ дает следующее определение: жилище – индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания [5]. В то время как в Жилищном кодексе Российской Федерации устанавливается иное определение, согласно которому жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан [4]. Кроме того, согласно прецедентной практике решений ЕСПЧ, в качестве жилища признают фургоны, транспортное средство, адвокатскую контору [7, 8, 10]. При этом ЕСПЧ не признал составным элементом понятия жилища такой объект, как незастроенный земельный участок [9]. Ключевым признаком, который регламентирует понятие жилища и который используется для производства следственных и иных процессуальных действий, является использование жилого помещения в качестве жилища, а не средства передвижения в данный момент времени.

На практике при осмотре места происшествия может возникнуть вторая проблема – в жилище отсутствуют проживающие там лица. Что делать следователю или дознавателю, если хозяева уехали из города, а сообщение о преступлении поступило от соседей? В большинстве случаев производят осмотр только после получения разрешения от вернувшихся лиц, проживающих в квартире. Но несомненно, что такое отложение следственных действий влияет и на сроки и может привести к утрате следов преступления, а также к другим негативным последствиям. В подобной ситуации осмотр места происшествия можно провести и при отсутствии проживающих лиц [6]. УПК РФ не предусматривает обязательного присутствия проживающего при осмотре места

происшествия. Из этого можно сделать вывод, что согласие отсутствующих проживающих может быть получено устно через средства связи, например.

Список использованных источников:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11. 1950) [Электронный ресурс]: // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]: // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Жилищный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 22.01.2019) // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.03.2019) // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
5. Матвиенко И.В. Проблемы производства следственного осмотра с проникновением в жилище. [Электронный ресурс]: Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2013 – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru>
6. Постановление ЕСПЧ от 25 сентября 1996 г. по делу «Бакли против Соединенного Королевства» // <http://european-court.ru/uploads/> (дата обращения: 10 апреля 2019 г.)
7. Постановление ЕСПЧ от 16 декабря 1992 г. по делу «Нимитц против Германии» // <http://european-court.ru/uploads/> (дата обращения: 10 апреля 2019 г.)
8. Постановление ЕСПЧ от 18 декабря 1996 г. по делу «Лоизиду против Турции» // <http://european-court.ru/uploads/> (дата обращения: 11 мая 2015 г.)
9. Постановление ЕСПЧ от 15 июля 2003 г. по делу «Эрнст и другие против Бельгии» // <http://european-court.ru/uploads/> (дата обращения: 10 апреля 2019 г.)

ДОКАЗЫВАНИЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

© А.Н. Кабаева

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Доказывание является важнейшей частью уголовно-процессуальной деятельности, в которой участники доказывания (стороны обвинения и защиты) реализуют принадлежащие им процессуальные права и возложенные на них обязанности. Реализация вышеназванных прав и обязанностей происходит посредством уголовно-процессуальных отношений между участниками по поводу возбуждаемого, расследуемого и рассматриваемого уголовного дела. Проблемы доказывания по-прежнему остаются предметом научных дискуссий, поскольку доказывание затрагивает все стадии уголовного процесса.

В доктрине под доказыванием понимают урегулированную законом процессуальную деятельность по установлению и обоснованию обстоятельств уголовного дела, цель которой установление объективной (материальной) истины или формальной (юридической) истины.

Основные положения уголовно-процессуального доказывания начинаются в ст. 73 УПК РФ «Обстоятельства, подлежащие доказыванию», которые перечисляются в 1-й части, а во 2-й части – указываются подлежащие выявлению обстоятельства, способствовавшие совершению преступления [1]. Законоположения ст. 73 УПК в теории называют «предметом доказывания», то есть имеют в виду то, что эти обстоятельства обязательно должны быть установлены и доказаны по каждому уголовному делу.

В. А. Лазарева определяет предмет доказывания как совокупность имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела юридически значимых обстоятельств, которые должны быть доказаны или опровергнуты в целях обоснования выдвинутого в отношении определенного лица обвинения. [2] Иными словами под доказыванием понимается совокупность фактов и обстоятельств, доказанность которых позволяет сторонам обосновать свои обвинительные или оправдательные позиции, а суду решить основной вопрос уголовного дела. По каждому уголовному делу должен быть установлен общий предмет доказывания, указанный в ст. 73 УПК, а по отдельным категориям дел, в том числе экономическим, специальный предмет доказывания, требующий специальных знаний в области бухгалтерского учета банковской

деятельности, налогообложения, кредитования, и т.д. Данный факт приводит к необходимому привлечению специалиста к расследованию уголовного дела.

В.И. Шиканов выделяет процессуальные уровни использования специальных знаний:

- использование специальных знаний следователем;
- участие специалиста в следственных действиях;
- назначение и производство экспертизы.

Однако результативность использования таких знаний во многом обусловлена тем, насколько грамотно следователь исследует заключение специалиста на относимость, допустимость, достоверность и достаточность [3].

Наличие или отсутствие специального предмета доказывания вызывает дискуссии, о том един ли предмет доказывания.

Существует две позиции по данному вопросу:

- предмет доказывания един по всем уголовным делам и не подлежит расширению или сужению.
- предмет доказывания может быть шире обстоятельств, подлежащих доказыванию, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, что вытекает из ч. 2 ст. 73 УПК.

Вторая позиция является, полагаем, наиболее правильной, поскольку, при доказывании уголовных дел экономической направленности необходимо установить обстоятельства, регулируемые экономической сферой и специальным отраслевым законодательством. Равным образом, некоторые статьи УК РФ экономической направленности связывают наступление ответственности с определенными обстоятельствами, такими как:

- наступление последствий в виде крупного ущерба, причинение существенного вреда (ст. 159, ст. 160, ст. 169, ст. 171-173, ст. 177 УК РФ);
- наступление уголовной ответственности в связи со специальными полномочиями субъекта преступления (ст. 160, 170 УК РФ);
- наличие мотива (ст. 181, ст. 183, УК РФ) [4].

Установление вышеперечисленных обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотрено в диспозиции статьи УК РФ, по которой квалифицируется деяние. Что говорит о том, что деятельность следователя по доказыванию, как и содержание этой деятельности при установлении предмета доказывания, продиктована спецификой материально-правовой нормы.

Своеобразие доказывания уголовных дел экономической направленности заключается не только в предмете доказывания, но и в средствах доказывания. Так, например, вступившие в законную силу решения арбитражных

судов, судов общей юрисдикции, а также другие решения, постановленные в порядке гражданского судопроизводства, имеющие значение по делу, подлежат оценке в совокупности с иными собранными доказательствами по правилам ст. 88 УПК РФ.

Равным образом, стоит отметить, что согласно Федеральному закону от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [5], ст. 28.1 УПК РФ содержит положение о том, что уголовное преследование, как и в том числе доказывание, прекращается в случае возмещения ущерба в полном объеме, причиненного бюджетной системе РФ, путем совершения преступления экономического характера, таких как мошенничество, присвоение и растрата и т.д. Также установлено, что при производстве следственных действий по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, запрещается необоснованное применение мер, способных привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, в том числе изъятие электронных носителей информации [1].

На сегодняшний день для всех стран мира характерна тенденция реформирования системы права и действующего законодательства в соответствии с существующим экономическим устройством в целях урегулирования экономической деятельности и предотвращения преступлений. Однако многие авторы констатируют слабую связь законодательства Российской Федерации с экономической действительностью, проявляющуюся, прежде всего, в сфере гражданского законодательства.

Для успешного действия механизмов реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина в сфере экономической деятельности, включая экономические конституционные права, необходимо официальное юридическое закрепление экономических прав, отвечающих международным нормам, так как эффективность реализации прав человека без соответствующих действенных правовых механизмов нерезультативна. При этом для реализации данных прав необходима четкая регламентация деятельности исполнительных органов и обеспечение судебной защиты экономических прав и свобод человека.

В Европейском суде по правам человека активно поддерживается концепция «экономической конституции», положения которой защищают экономические права индивида и эффективно реагируют на изменение экономической ситуации в целом. В судебной практике Европейского суда по правам человека отмечается тенденция защиты нарушенных экономических прав.

Необходимо учитывать анализ позиций Европейского суда по правам человека, сформулированный при рассмотрении жалоб против Российской Федерации. Анализ констатирует проблему законодательства и правоприменительной практики в сфере проведения оперативно-розыскных мероприятий, связанных с раскрытием преступной деятельности в экономической сфере и их результатов в процессе доказывания по уголовному делу и разграничивает проведение проверочной закупки и провокации. Исходя из чего, Европейский суд по правам человека выделил критерии отграничения провокации от контрольной закупки, а именно:

– материальный критерий, устанавливающий достаточные основания для проведения контрольной закупки, к которым относят обоснованные подозрения об осуществлении преступной деятельности или о намерении совершения таковой;

– процессуальный критерий, определяющий процедуру принятия [6].

Проблема состоит в том, что решение о проведении проверочной закупки принимается органом, осуществляющим её, и проводится без основания необходимости ее проведения. Таким образом, для исключения провокации прежде всего необходимо доказать наличие намерения совершить преступления у лица до того, как оперативные работники вступили с ним в контакт. Иными словами, доказательства о преступной деятельности лица непосредственно послужили основанием проведения проверочной закупки. Провокация имеет место в том случае, если умысел на совершение преступления возник у лица в процессе проведения проверочной закупки.

Европейский суд по правам человека считает, что отказ российских судов в рассмотрении заявлений о провокации противоречит состязательности и равноправии сторон. Исходя из этого, Европейский суд по правам человека указывает на недопустимость построения уголовного дела исключительно на доказательствах, полученных из проверочной закупки, проведение которой законодательно в достаточной степени не урегулировано [6].

Исходя из вышеизложенного, проблемы доказывания уголовных дел экономической направленности по-прежнему остаются предметом научных дискуссий, поскольку оно усложняется потребностью специальных знаний в области экономического регулирования, а также необходимостью установления и исследования предмета доказывания по уголовным делам экономической направленности исходя из диспозиции материально-правовой нормы.

К сожалению, на сегодняшний день можно проследить слабую связь законодательства Российской Федерации с экономической практикой, что приводит к неэффективному и необоснованному досудебному и судебному

производству по уголовным делам экономической направленности и к необходимости обращения в Европейский суд по правам человека.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019) [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России : учебное пособие / В. А. Лазарева, – Самара. 2007.

3. Петрикина А.А. Использование экономических познаний в процессе доказывания по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности// Журнал Юридические науки. 2012. №5. С.45-49.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.04.2019) [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 27.12.2018) [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Черепанова О.С., Шнитова А.А. Проблема провокации преступлений сотрудниками правоохранительных органов (по материалам практики европейского суда по правам человека)// Журнал Юридические науки. 2017. №3. С. 83-84.

ПОНЯТИЕ, МЕСТО И РОЛЬ ПРИНЦИПОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© А.О. Колесник

Научный руководитель: А.С. Барабаш

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Применительно к уголовно – процессуальной науке большинство ученых единодушны, что принцип – это: идея, наиболее общие, руководящие положения, основные начала, норма общего руководящего характера. Следует

отметить, что приведенные определения понятия «принцип» в общем виде не отличаются и от определений в других отраслях права.

Однако, «принципы материальных и процессуальных отраслей права не могут быть одинаковыми, как не могут быть одинаковыми и принципы процессуальных отраслей, основанных на разных началах (гражданское – на состязательности, уголовное – на публичности)» [1].

Такое отождествление, на наш взгляд, свидетельствует, в первую очередь, об отсутствии четкого понимания понятия «принцип деятельности» и критериев отнесения к последнему.

Именно в непонимании сущности уголовного процесса часто и заключается ошибка в указанных подходах, что в конечном итоге является причиной непонимания того, к чему из перечисленного выше относится то или иное законодательное положение, отличной иллюстрацией в этом смысле является содержание гл. 2 УПК РФ («Принципы уголовного судопроизводства»), куда законодатель поместил не только принципы уголовно-процессуальной деятельности.

Термин «принцип» с латинского (*prīnceps*) означает «первый», «начало» [2].

На наш взгляд, авторы, употребляющие в определении понятия «принцип» термин «начало», идут по легкому пути: вместо того, что бы наполнить этот термин конкретным содержанием, попросту используют его дословный перевод. То же самое можно сказать и об авторах использующих слова-синонимы к слову «начало», такие как основа и т.п.

В философии под «принципом» принято понимать – «первоначала, руководящая идея, основное правило поведения» [3]. Применительно к деятельности – «нормативное общее высказывание, содержащее определенное требование к осуществлению познавательной, практической и духовной деятельности (принцип относительности, принцип соответствия, принцип эффективности, моральные заповеди и т. п.)» [4].

Принцип не может существовать сам по себе. Так, это может быть принцип: существования мира (так, «в ранней античной философии в качестве первоначала принимали воду, воздух, огонь, землю и т.д.» [5], то есть те стихии, на которых зиждется мир), работы механизма (например, принцип работы одного из простейших механизмов – рычага), какой-либо науки (в философии – принципы монизма, тождества мышления и бытия, гуманизма, универсальной взаимосвязи [6], как моральное правило (максима) и т.п. Таким образом, «принцип» – это то «первое», что обеспечивает нормальный ход существования чего-либо.

Предметом же нашего исследования является место и роль принципов в уголовно-процессуальной деятельности. При этом важно различать между собой уголовно-процессуальное право, как отрасль права (систему норм), регулиющую отношения между государством, обществом и личностью, возникающие в деятельности по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел [7, С. 24], и уголовный процесс, как деятельность специально уполномоченных на то органов (субъектов процесса), систему правоотношений, в которой субъект процесса втягивает участников процесса, или самостоятельную деятельность субъекта процесса (следует указать, что мы не зря подчеркиваем указанное различие: часть процессуалистов при выработке понятия «принцип уголовного процесса» смешивает при деятельности субъекта процесса и законодательную деятельность).

На наш взгляд, имеют место быть три самостоятельных понятия: общие принципы законодательной деятельности, характерные для всех отраслей права, принципы законодательной деятельности, которыми следует руководствоваться при принятии уголовно-процессуальных законов и, собственно, принципы уголовного процесса.

Так как все три разновидности принципов имеют место быть применительно к деятельности, первостепенным для нас видится ответить на вопрос, какое место занимают и какую роль играют принципы именно в деятельности.

Ключевое в понятии «деятельность» – это то, что деятельность всегда носит «целенаправленный» характер» [8, С. 123], в противном же случае мы будем иметь дело просто с набором разрозненных действий, не более. «Именно цель задает в определенной мере сущность деятельности» [9, С. 154].

Цель, как предвосхищаемый в сознании субъекта результат, на который направлена деятельность [10], находится за ее рамками (т.е. вне содержания, поскольку она зарождается в сознании субъекта еще до начала осуществления им деятельности, именно цель создает направление деятельности, служит своеобразным ориентиром).

Принципы же, будучи закрепленными в соответствующей форме, находят свою реализацию именно в содержании деятельности, принцип должен «стать ее частью» [1]. Соответственно, для определения понятия «принцип» в деятельности, следует отыскать то самое «первое», что делает возможным (и при этом является необходимым и достаточным) достижение ее цели.

«Всякая деятельность производится не сама по себе. Она осуществляется человеком – субъектом того или иного вида практики. При этом каждый придерживается определенных правил» [11, С. 87]. Эти правила, на наш взгляд,

нужны для того, что бы задать деятельности определенные «рамки», при выходе за которые ее цель не сможет быть достигнута.

Как раз таки принципы и являются тем «каркасом» формы, которые удерживает деятельность в определенных рамках, при этом, не позволяя субъекту деятельности выйти за ее пределы. При таких обстоятельствах, **принципы деятельности – это определенные требования к последней, без выполнения которых, достижение цели является невозможным.** Именно такая прямая зависимость и выступает основным критерием разграничения с иными требованиями, несоблюдение которых не влияет на достижение конечной цели.

При таких обстоятельствах, любая деятельность имеет свои принципы. Однако при осуществлении своей деятельности законодатель не должен (и не может) руководствоваться принципами уголовного процесса, которые, кстати говоря, он сам создает и закрепляет посредством УПК), но должен учитывать, например, «принцип системности», согласно которому каждая отдельная норма должна быть логична встроена в систему уже существующих норм (приведенный принцип является общим для законодателя по отношению ко всем отраслям права), но существует, как уже было указано, и принципы, которыми законодатель должен руководствоваться только в конкретной отрасли, к такому, например, относится «принцип учета начала уголовного процесса» (публичное или состязательное).

Список использованных источников:

1. Барабаш, А.С. Место и роль принципа в Российском публичном уголовном процессе [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>;
2. Толковый словарь экономических терминов [Электронный ресурс] // сайт «Дизайн нового мира». – Режим доступа: <http://designfor.net/page/princip>
3. Галкин, В.П. Проблемы современности: теоретические аспекты и основы экологической проблемы [Электронный ресурс] // сайт «Национальная энциклопедическая служба России» – Режим доступа: <http://terme.ru/termin?oldcat=519>
4. Лебедев, С.А. Философия науки: Словарь основных терминов [Электронный ресурс] // сайт StudMed.ru. – Режим доступа: http://www.studmed.ru/view/lebedev-sa-filosofiya-nauki-slovar-osnovnyh-terminov_d01e2a6ed32.html;

5. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // сайт «Национальная энциклопедическая служба России». – Режим доступа: [HTTP://TERME.RU/SLOVARI/FILOSOFSKII-ENCIKLOPEDICHESKIISLOVAR1.HTML](http://TERME.RU/SLOVARI/FILOSOFSKII-ENCIKLOPEDICHESKIISLOVAR1.HTML)

6. Лымарь, А.Т. Философия, практическое руководство: учебно-методическое пособие [Электронный ресурс] // сайт «Национальная энциклопедическая служба России». – Режим доступа: <http://terme.ru/slovari/filosofija-prakticheskoe-rukovodstvo.html>

7. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко и А. Г. Тузова. – Ростов на Дону: Феникс, 2015.

8. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.М. Бим-Бад – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2002.

9. Барабаш, А.С. Публичное начало уголовного процесса: науч. изд. / А. С. Барабаш. – Санкт-Петербург: изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009.

10. Доброхотов, А. Л. Цель // СПС Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

11. Давлетов, А.А. Принципы уголовно-процессуальной деятельности [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

АКТУАЛЬНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СОВРЕМЕННЫЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

© Д.С. Костенко

Научный руководитель: А.Д. Назаров

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Федеральным законом от 18.04.2018 г. № 72-ФЗ в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации была добавлена новая мера пресечения – запрет определенных действий. Введение подобной меры посредством законодательных модификаций института мер пресечения, в сторону их расширения и возможности более узкого применения можно считать сложившейся тенденцией, курс которой был задан гораздо раньше. Данная тенденция является следствием подавляющего применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

Так, например, еще в 2008 году на VII Всероссийском съезде судей был задан курс на расширение системы мер пресечения, в рамках которого необходимо оптимизировать применение не связанных с изоляцией от общества мер, в том числе залога и домашнего ареста. Тем не менее, по результатам статистики ни залог, ни домашний арест не стали эффективной альтернативой заключению под стражу, составляя, соответственно, 0,42% и 2,43% от общего числа удовлетворенных ходатайств об избрании мер пресечения, применяемых по решению суда [2].

Таким образом, необходимо уделить особое внимание развитию механизмов доказывания описываемой меры пресечения, а также её соотношение с другими мерами в рамках всего института мер пресечения.

Подчеркивая значимость защиты конституционных прав гражданина, необходимо учесть, что запрет определенных действий принимается только по решению суда, ввиду значительности предполагаемых ограничений прав и свобод человека. В то же время, одним из основных элементов в механизме принятия решения об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий является вынесение следователем или дознавателем постановления соответствующего ходатайства. В данном постановлении следователь или дознаватель излагают перечень запретов, которые необходимо применить к подозреваемому или обвиняемому, мотивы и основания их избрания, обоснование невозможности принятия более мягкой меры пресечения [4].

Особое внимание следует уделить основанию выбора меры пресечения. Необходимость правильного определения основания отмечается особенно остро, ввиду непосредственной аналогии между такими мерами пресечения, как запрет определенных действий и домашним арестом. Так, ч. 7 ст. 107 УПК РФ устанавливает, что суд, при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения, может установить некоторые запреты, предусмотренные положениями о запрете определенных действий.

В качестве запрещенных действий, согласно ч. 6 ст. 105.1 УПК могут выступать следующие: 1) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях; 2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; 3) общаться с определенными лицами; 4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; 5) использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»; 6) управлять автомобилем или иным

транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Итак, первый из упомянутых запретов, содержащихся в статье 105.1. УПК РФ предусматривает невозможность выхода в определенное время за пределы жилого помещения. При смысловом анализе указанной нормы, очевидно, что сущность данного запрета идентична домашнему аресту. Различие заключается в степени продолжительности изоляции от общества, а именно: «в определенное время», в отличие от «полной изоляции», в случае с домашним арестом.

При реализации на практике домашнего ареста в некоторых случаях применение «полной изоляции» от общества было бы нарушением естественных прав. Например, в случае, если подозреваемый или обвиняемый, подвергнутый домашнему аресту, обладал каким-либо заболеванием, требующим покупки лекарств в аптеке, или необходимость многодетной матери осуществлять покупку питания или иных бытовых товаров для детей. В данных случаях, суд мог установить право покинуть жилое помещения на определенный, не продолжительный срок. Однако, очевидно, что установленные временные рамки могли быть нарушены, как в силу объективных причин (очередь в магазине, дорожный трафик), так и в силу недобросовестного умысла, оправдывая это своими объективными потребностями.

Подобные примеры хорошо демонстрируют, как возможно провести изменение сути домашнего ареста, расширяя время пребывания вне изоляции в жилом помещении. В таком случае, наличие запретов конкретных действий позволит точно ограничить свободы лица, укладываясь в цели избрания меры пресечения, не затрагивая иных прав.

Следующий запрет касается посещения определенных мест, в том числе на определенном расстоянии от объектов. Контроль соблюдения ограничительных мер осуществляется сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции, с помощью специальных средств технического контроля, установленных Правительством Российской Федерации [1]. Такие из устройств, как электронный браслет или персональный трекер вполне подойдут для контроля за соблюдением определенной дистанции до объекта или нахождением в определенном помещении.

Однако, согласно проверке, проведенной на предмет эффективности использования государственных ресурсов на информатизацию ФСИН России, «степень развития и внедрения информационных систем ... не может быть признана удовлетворительной, а использование закупленного оборудования эффективным» [3, с. 209-272].

Необходимо учитывать, что данная проверка проводилась спустя несколько месяцев после введения запрета определенных действий, то есть в период отсутствия практики применения этой меры пресечения.

Поскольку проблема оснащенности техническими средствами для контроля исполнения мер пресечения являлась актуальной ранее, она несомненно может усугубиться при сохранении подобных негативных тенденций эксплуатации информационных систем, особенно при введении таких запретов, реализацию которых невозможно контролировать иначе как с помощью цифровых средств слежения.

Следующая группа запретов касается контактов подозреваемого (обвиняемого) с участниками уголовного процесса и иными лицами посредством непосредственного общения, получения почтово-телеграфных сообщений; использования сети Интернет.

С одной стороны, ограничение возможности контакта с участниками уголовного процесса путем запрета посещения определенных мест со стороны подозреваемого, обвиняемого является необходимым условием для обеспечения нормального хода процесса. С другой стороны при наложении запрета необходимо предусмотреть отсутствие нежелательных контактов, не только в определенных местах, но и, например, с друзьями, членами семьи, потерпевшего, а также контакты посредством телефонных звонков. Необходимо учитывать возможность близких родственников потерпевшего, а также иных лиц, которые могут морально повлиять на решения в том числе потерпевшего.

Наиболее актуальным из представленных в плане реализации запретов можно выделить запрет на управление транспортным средством. Согласно статистике количество лиц, осужденных по ст. 264.1 УК растет [5], в том числе растет число рецидивов по данному преступлению. Эффективность подобного запрета выражена, во-первых, в том, что данная статья уголовного кодекса предусматривает максимальный срок наказания до 2 лет лишения свободы, что не позволяет избрать меру пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемому или обвиняемому. Учитывая это и факт того, что лицо, попадающее под санкции данной статьи, уже подвергалось административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения, можно считать, что перспектива ограничения свободы в заключении или при домашнем аресте будет весомым доводом воздержаться от дальнейших нарушений закона, посредством вождения в нетрезвом виде.

Подводя итог, можно утверждать, что запрет определенных действий является удобным инструментом для закрепления задач уголовного судопроизводства. Тем самым, позволяя ограничивать свободы лица в той степени,

которая необходима для обеспечения общественных интересов, безопасности потерпевшего и его близких, при этом, не затрагивая тех прав подозреваемого или обвиняемого, реализация которых не повлечет нарушения целей избрания мер пресечения.

Список использованных источников:

1. Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 февраля 2013 г. № 8 ст. 838.

2. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 900722-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)». // СПС «Гарант».

3. Блинова Т.В. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Аудит эффективности использования государственных ресурсов на информатизацию Федеральной службы исполнения наказаний в 2015-2017 годах» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2018. № 10.

4. Рыжаков А.П. Запрет определенных действий – мера пресечения. – Специально для системы ГАРАНТ, 2018 г. // СПС «Гарант».

5. Четыре года трезвости // URL: <https://rg.ru/2018/02/08/dlia-pianyh-voditelej-uzhestochat-otvetstvennost.html> (Дата обращения: 13.04.2019)

**ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СИСТЕМЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ:
ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРОБЛЕМЫ И ОЖИДАНИЯ**

© В.В. Кострыкина
Научный руководитель: Н.Г. Логинова
канд. юрид. наук
Сибирский федеральный университет

Наши суды нужно учить применять хоть какие-то меры пресечения, отличные от содержания под стражей, а пока этого не произойдет, «запрет определенных действий» останется законом на бумаге, который будут использовать в очень странных случаях»

Кирилл Титаев,
ведущий научный сотрудник
Института проблем правоприменения

В апреле 2018 года в Российском процессуальном законодательстве появилась новая мера пресечения, именуемая как «запрет определенных действий» (ст.105.1 УПК РФ). Принятие и опубликование Федерального закона от 18.04.2018 № 72–ФЗ «О внесении изменений в Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» можно считать революцией в системе сложившихся представлений об иерархии мер пресечения.

Так чем же был вызван такой шаг законодателя?

Анализ судебной практики показал нам, что применение такой меры пресечения как «заключение под стражу» продолжает применяться гораздо чаще, чем остальные альтернативные меры пресечения.

Так, согласно основным статистическим показателям судов общей юрисдикции за 2018 г. количество удовлетворенных ходатайств о применении меры пресечения в виде «заключения под стражу» составило – 52 223, о применении меры пресечения в виде «домашнего ареста» – 3 336, о применении меры пресечения в виде «залога» – 76 [4].

Исходя из данных, вполне очевидно, что при принятии Федерального закона от 18.04.2018 № 72–ФЗ законодатель преследовал цель создания условий для избрания в отношении обвиняемых и подозреваемых альтернативных заключению под стражу мер пресечения. Так, в пояснительной записке к законопроекту и Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике

применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», с учетом Постановления Европейского суда по правам человека «Ананьев и другие против России», подчеркивается возможность применения судьями существующих альтернативных мер пресечения.

Стоит отметить, что аналогичная мера пресечения далеко не нова для процессуального законодательства зарубежных стран. Так, уголовно–правовое законодательство Франции предусматривает «судебный контроль», суть которого также заключается в установлении определенных запретов. В свою очередь, английское право содержит в себе оперативное превентивное процессуальное средство именуемое «судебным приказом», которое обязывает лицо или орган воздержаться от совершения определенных действий. Аналогичные меры пресечения существуют и в законодательстве таких стран как Казахстан, Молдова, Украина, Эстония и Литва [1].

В «Минимальных стандартных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением», предусмотрено, что предварительное заключение под стражу является крайней мерой, поэтому альтернативные меры пресечения должны применяться как можно раньше.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что еще одной причиной введения данной нормы послужила необходимость исполнения общепризнанных принципов и норм международного права.

Вместе с тем, технико – юридическое описание исследуемой меры пресечения имеет некоторые отклонения. Так, законодатель предусмотрел возможность наложения запретов, предусмотренных ч.6 ст. 105.1 УПК РФ, при избрании других мер пресечения – залога и домашнего ареста.

К примеру, в одном из решений суда, в отношении А. изначально была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. После адвокат А. выразил свое несогласие с постановлением суда и в апелляционной жалобе попросил суд отменить указанную меру пресечения и избрать в отношении А. домашний арест. Суд апелляционной инстанции отменил первоначальное постановление суда и отказал в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу подозреваемого А. Избрал в отношении А. меру пресечения в виде домашнего ареста, заключающегося в нахождении его в изоляции от общества в жилом помещении, с возложением запретов в соответствии с ч.7, п.п. 3–5 ч.6 ст. 105.1 УПК РФ [5].

В свете изложенного необходимо подчеркнуть, что существовавшая до этого система мер пресечения предусматривала отдельное, самостоятельное применение каждой из указанных в законе мер пресечения. По мнению О.В. Орлова, данный подход вносит неопределенность в существовавшую много лет иерархию

мер пресечения, размывая установленный порядок их расположения в зависимости от строгости применяемых правоограничений [3, с. 49].

Более того, в научной литературе существует точка зрения о большом сходстве рассматриваемой нами меры пресечения с другими мерами. Запрет определенных действий настолько многообразен в формах выражения, что одновременно схож и с домашним арестом (при запрете покидать жилище). Если раньше мера пресечения в виде домашнего ареста предусматривала нахождения лица, к которому она применялась в условиях «полной или частичной изоляции от общества», то теперь же закон подразумевает просто «изоляцию от общества» без обозначения объема данной изоляции. Казалось бы, законодатель тем самым совершил попытку разграничения мер в виде «запрета определенных действий» и «домашнего ареста». Однако, как показывает практика, домашний арест чаще всего применялся к лицам при невозможности избрать к лицу меру пресечения в виде заключения под стражу по причине плохого состояния здоровья лица, что само собой подразумевает право выхода лица из квартиры для прохождения медицинских процедур. Выходит, что понятие «полной изоляции» исчезает и правоприменителю необходимо выбирать новую меру в виде «запрета определенных действий», так как смысл избрания меры пресечения в виде «домашнего ареста» пропадает. Указанная проблема объясняется тем, что законодатель не определил четких правовых границ нормы, что само собой может затруднить дальнейшее правоприменение [2, с. 54].

При всем изложенном возникает вопрос: «Имеется ли реальная необходимость существования меры пресечения в виде «запрета определённых действий» в уголовном законодательстве РФ?»

Так, ряд авторов считают, что данная мера пресечения могла бы спасти федеральный бюджет и снизить репутационные потери в связи с тем, что Европейский суд по правам человека удовлетворяет жалобы России на условия содержания в СИЗО. С другой стороны, вряд ли можно полностью согласиться с действием принципа экономии уголовной репрессии в данном случае. Ведь основным техническим средством, с помощью которого осуществляется контроль за подозреваемым (обвиняемым) в месте исполнения подобного рода мер пресечения является электронный браслет, а в России существует проблема комплектования указанными устройствами территориальных органов ФСИН РФ.

В процессе проведенного интервьюирования, руководитель Красноярского следственного отдела на транспорте Западно – Сибирского следственного управления на транспорте Следственного комитета РФ А.А. Маслова разъяснил: «Данная мера пресечения вряд ли будет активно применяться на практике. Да, в ней есть определенные плюсы. Однако мы ее не используем. Возможно, потому что

привыкли к применению меры пресечения в виде домашнего ареста. Порой и домашний арест не назначаем, так как технических устройств не достаточно».

Хотелось бы подчеркнуть, что показателей о применении новой меры пресечения в виде запрета определённых действий на официальных сайтах судов найти не удалось. В свою очередь, нами был проанализирован ряд существующих судебных решений по вопросу применения ст. 105.1 УПК РФ. По всем регионам России было выявлено около 75 решений судов с реальным применением меры пресечения в виде запрета определённых действий [6].

Резюмируя все вышеизложенное, отметим, что указанные нами проблемы являются далеко не единственными и, конечно же, требуют незамедлительного решения. Существовавшая ранее система мер пресечения требовала серьезных изменений, поскольку весь ее потенциал был практически исчерпан. Следовательно, введение новых положений в текст закона было оправданным и необходимым. Рассматриваемая мера призвана смягчить правовой статус подозреваемого и обвиняемого и сократить число жалоб со стороны наших соотечественников в Европейский суд по правам человека по причине нарушения условий содержания под стражей. Однако сможет ли данная норма в полную силу реализовать себя в жизни – покажет время.

Список использованных источников:

1. Борзенкова, К.Ю. Проблемные аспекты меры пресечения в виде запрета определенных действий / К.Ю. Борзенкова // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых – 2018 Сборник научных статей 6–й Международной молодежной научной конференции: в 4 томах.– 2018.
2. Орлов, А.В. Актуальные проблемы реализации домашнего ареста в свете введения меры пресечения в виде запрета определенных действий / А.В. Орлов // Вестник Самарского юридического института.– 2018. –№ 5 (31).
3. Орлов, А.В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения / А.В. Орлов // Вестник Самарского юридического института.– 2018. –№ 3 (29).
4. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 1 полугодие 2018 года [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
5. Апелляционное постановление № 22–2871/2018 22К–2871/2018 от 19 сентября 2018 г. по делу № 22–2871/2018 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sudact.ru>.

б. Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sudact.ru>.

УПРОЩЕНИЕ ФОРМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

© П.О. Кочетова

Научный руководитель: С.М. Якубова

канд. юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД России

На современном этапе развития правового общества возникает необходимость совершенствования и упорядочения уголовно – процессуального законодательства. Особенно остро стоят вопросы об эффективности существующих форм предварительного расследования, их сроках и процедуре проведения, адаптации уголовного процесса к современным условиям.

Законодательная дифференциация процессуальных форм является оптимальным вариантом для целей и задач уголовного судопроизводства, позволяет охватывать вниманием особенности уголовного дела: личность подозреваемого, характер и степень общественной опасности деяния. Дифференциация в основном направлена на упрощение процедуры расследования по делам небольшой и средней тяжести и усложнение по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Дифференциация российского уголовного судопроизводства следует по пути упрощения, пытаясь не ущемлять при этом права участников процесса. Наблюдаемая тенденция упрощения уголовного судопроизводства свидетельствует об ориентированности законодателя на оптимизацию уголовного судопроизводства для обеспечения разумности сроков уголовного судопроизводства. Это и введение особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, особого порядка при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, и дополнение в 2013 году УПК РФ сокращенной формой дознания. К упрощающим производство расследования формам следует отнести и введенное в 2016 году прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ).

Мы же в своей статье исследуем вопросы упрощения форм предварительного расследования. Совершенствование существующих упрощенных форм досудебного производства, повышение эффективности деятельности органов предварительного расследования является одной из главных

перспектив для изменения уголовно – процессуального законодательства. Детального анализа, в данном случае, требуют все стороны упрощенного производства, однако мы остановимся на первостепенных вопросах, разрешение которых будет способствовать рационализации некоторых аспектов стадии предварительного расследования.

Согласно высказыванию итальянского юриста Ч. Беккариа, чем скорее будет наказание за преступление, чем ближе к нему, тем оно справедливее, тем оно полезнее [1, с. 281].

Профессор С.И. Гирько считает, что введение ускоренной и упрощенной процессуальной формы подготовки материалов для последующего рассмотрения судом по уголовным делам с несложной конструкцией состава преступления вызвано необходимостью процессуальной экономии и ускорения процесса расследования [2, с. 2-5].

При этом нельзя не согласиться с позицией О.В. Качаловой о том, что ускоренные формы производства, заключающиеся в уменьшении социальной напряженности и процессуальной экономии, не должны умалять или ограничивать конституционные права и свободы граждан [3, с. 145].

О своевременности введения сокращенного дознания свидетельствуют следующие данные. Согласно данным Портала правовой статистики Генеральной Прокуратуры РФ в 2018 году по России из 864 352 уголовных дел, направленных в суд для рассмотрения по существу, 450 986 составили дела о преступлениях небольшой тяжести и 204 609 преступлений средней тяжести (или 75% от общего числа направленных в суд дел).

Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев в своем выступлении на брифинге подчеркнул, что из всех рассматриваемых судами уголовных дел, а это в год порядка 1 млн. дел, 55 % составляют дела о преступлениях небольшой тяжести [4].

Согласно анализу сведений Информационного центра Главного управления МВД России по Красноярскому краю, проведенному при исследовании данного вопроса, установлено, что за период с 2016 по 2018 г. дознавателями ОВД края в среднем в сокращенной форме расследуется 23% от общего числа расследованных дел.

Введение ускоренного процесса дознания сокращает нагрузку на дознавателей и позволяет направить их усилия на качественное расследование, в том числе и на возобновление производства расследования из числа приостановленных по различным основаниям уголовных дел.

Далее отметим, что процессуальные сроки предварительного следствия и дознания практически сравнялись. Исключением же является

установленный законодателем предельный срок дознания, тогда как для предварительного следствия предельный срок ограничен только сроками давности уголовного преследования. Несмотря на то, что расследование уголовных дел в форме дознания предусмотрено по преступлениям небольшой и средней тяжести, перечень проводимых следственных и иных процессуальных действий по уголовным делам в форме дознания полностью идентичен предварительному следствию.

Для сокращения нагрузки на следователей и направления их усилий на расследование тяжких, особо тяжких, в том числе неочевидных преступлений назрела необходимость принять меры по сокращению сроков предварительного расследования на законодательном уровне, предусмотрев в УПК РФ упрощенную форму предварительного следствия по преступлениям средней тяжести. Об упрощении предварительного следствия высказываются многие процессуалисты [5, с. 67-69].

В подтверждение необходимости введения такого упрощенного досудебного производства приведем следующие доводы.

Так, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 228 УПК РФ, относятся к подследственности дознания. По значительному количеству таких уголовных дел дознание производится в сокращенной форме при соблюдении установленных ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ условий: 1) уголовное дело возбуждено в отношении установленного лица по признакам одного или нескольких преступлений подследственности органов дознания; 2) подозреваемый признает вину, характер и размер причиненного вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела; 3) отсутствуют обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме. При этом потерпевшего, который мог бы возражать против расследования в сокращенной форме, по таким составам нет. Следует отметить, что в соответствии с принципом презумпции невиновности вину лица может установить только суд. Поэтому в контексте данной нормы думается, что признание вины лицом означает осознание общественной опасности совершенного деяния и его противоправности.

До внесения изменений Федеральным законом от 01.03.2012 № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ст. 228 УК РФ расследование по уголовным делам за незаконный оборот запрещенных законом наркотических средств и психотропных веществ в крупном размере производилось в форме дознания. После указанных изменений такие преступления отнесены к подследственности следователей, срок расследования по которым предусмотрен 2 месяца. При этом перечень

необходимых для доказывания следственных и иных процессуальных действий такой же, как и при производстве дознания. Только следователь должен дополнительно предъявить обвинение и допросить в качестве такового.

Ранее Федеральным законом от 06.06.2007 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» была исключена ч. 2 ст. 158 УК РФ из подследственности дознания и отнесена к компетенции следователей. Соответственно, по данным преступления производство сокращенного дознания было бы возможно. Видится, что проведение по аналогии сокращенного следствия также должно быть доступно, поскольку кража, предусмотренная ч. 2 ст. 158 УК РФ, не отличается сложным для расследования составом и не нуждается в таких больших сроках проведения общего порядка предварительного следствия, установленных в законе (2 месяца).

Резюмируя вышесказанное, автору представляется необходимым продолжить оптимизацию форм предварительного расследования с углубленным изучением этих институтов. Возможность же проведения упрощенного предварительного следствия позволит существенно сократить сроки производства по делу и нагрузку на следователей, освободить следователя от ненужной бюрократии.

Учитывая установленные сроки для проведения предварительного следствия и сроки дознания в общем порядке и сокращенной форме, принимая во внимание профессионализм и высокую подготовку следователей, предлагаем по преступлениям средней тяжести, отнесенных к подследственности следователей, предусмотреть в УПК РФ упрощенную форму предварительного следствия, установив по аналогии с сокращенным дознанием 20-суточный расследования.

Список использованных источников:

1. Беккариа, Ч.О. О преступлении и наказании. М., 1939.
2. Гирько, С.И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения // Российский следователь. 2013. № 21.
3. Качалова, О.В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1.
4. Юридические новости: Лебедев предложит судьям обсудить введение понятия «уголовный проступок». Справочно-правовая система «Право.ru». [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/view/133893> (дата

обращения 08.04.2019).

5. Чабукиани О.А. Ускоренное (упрощенное) расследование: «за» и «против» // Российская юстиция. 2012. № 12.

**О РАСШИРЕНИИ ПОНЯТИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПОЗИЦИЙ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

© Н.В. Кривец

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Состязательность является одним из принципов российского уголовного процесса. Данный принцип установлен статьёй 15 УПК РФ [3]. В сочетании с иными нормами он формирует систему принципов уголовного процесса и служит гарантией реализации конституционного права на судебную защиту, предусмотренного статьёй 12 Конституции Российской Федерации [2].

На сегодняшний день уголовно-процессуальное право РФ представляет собой, однако, систему очень обширную, требующую выявления смысла и содержания правовых форм, регулирующих правоотношения по отправлению правосудия в рамках уголовного судопроизводства. Связано это в том числе с тем, что в текущих реалиях правовая норма по мере течения времени и подверженности влиянию со стороны международного права теряет свою статичность и неизменность данных законодателем содержания и формулировки. Понимание этой динамичности правовой нормы в уголовно-процессуальном праве «предполагает возможность разворачивания всей перспективы правового регулирования» с учётом как позиций Конституционного и Верховного Судов РФ, так и положений иных актов [4].

Под положениями иных актов следует понимать нормы, предусмотренные международными договорами Российской Федерации. Так следует принимать во внимание Всеобщую декларацию прав человека (1948 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) и Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), участником которых является Российская Федерация [5].

В частности, речь идёт о Европейской Конвенции 1950 г., ратифицированной и признанной в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ составной частью правовой системы России. Так же Российская Федерация признала *ipso facto*

юрисдикцию Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) в качестве обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней, что вытекает из ст. 46 Конвенции [1].

Так, несмотря на отсутствие прямого упоминания принципа состязательности и равноправия сторон в ст. 6 Конвенции, они являются важными элементами права на справедливое судебное разбирательство, составляющими в соответствии с мировыми стандартами его суть. Так же о необходимости соблюдения данных принципов свидетельствуют и позиции ЕСПЧ в его решениях [10], [11], [12].

При этом, говоря об эволюции сущности принципов российского уголовного процесса под влиянием международного права, нельзя не внести уточнение, что современное понимание российских принципов не обязательно должно сводиться к пониманию таковых, закладываемому выше названными положениями. Это связано с тем, что лишь диалог между различными правовыми системами является основой их надлежащего равновесия и взаимодействия. Поэтому вопрос об определении современной сущности принципа состязательности в российском праве не сводится к определению таковой в рамках Конвенции.

Следовательно, для должного понимания необходимо выявить сущности данного принципа, закладываемые в обеих правовых системах, и сопоставить их.

Итак, сущность состязательности в рамках Конвенции была сформирована ЕСПЧ в постановлениях «Роу и Дэвис против Соединённого Королевства» и «Брандштаттер против Австрии». В них указывается, что право на состязательный процесс по уголовному делу означает, что как сторона обвинения, так и сторона защиты должны обладать возможностью знать и комментировать доводы и доказательства противоположной стороны [8], [9]. При этом равноправие отделено от состязательности и означает возможность каждой стороны представить свои доказательства в одинаковых условиях с другой стороной [4].

Первым же бросающимся в глаза отличием будет являться то, что, несмотря на позицию некоторых учёных, таких как Г. В. Диков, которые проводят разграничение между требованием состязательности и равноправия [4], формулировка УПК РФ представляет равноправие как элемент принципа состязательности процесса. В связи с этим, а так же суждениями, приведёнными ранее, представляется необходимым рассматривать позиции ЕСПЧ по отношению к равноправию сторон в качестве позиций по отношению к принципу состязательности.

Далее следует обратить внимание на то, что вкладываемое ЕСПЧ в понятие состязательности право обвиняемого на ознакомление с материалами дела и их доступность хоть и закреплено в УПК РФ, но не является по замыслу законодателя системообразующим для данного понятия. При этом как Конституционный, так и Верховный Суды РФ придерживаются позиции о необходимости учёта практики ЕСПЧ и обеспечения гарантированной Конституцией возможности знакомиться со всеми материалами, затрагивающими права обвиняемого на всех стадиях судебного разбирательства [6, 7].

Таким образом, представляется, что на текущий момент понятие состязательности в российском уголовном процессе стало шире, чем оно было сформулировано изначально. В реалиях подверженности отечественного процессуального права нормам Конвенции и позициям ЕСПЧ можно говорить о включении права обвиняемого на ознакомление с материалами дела, зафиксированного в ст. 217 УПК РФ [3], в принцип состязательности российского уголовного процесса в качестве неотъемлемого элемента.

Следовательно, современное понимание принципа состязательности в отечественном уголовном процессе является более широким по отношению как к изначальной формулировке УПК РФ, так и к позициям ЕСПЧ.

Список использованных источников:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11. 1950) [Электронный ресурс]: // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]: // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.03.2019) // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
4. Алтынникова Л. И. Состязательность и равноправие сторон в апелляционном уголовном судопроизводстве как элементы концепции справедливого судебного разбирательства: Позиция Европейского Суда по правам человека. [Электронный ресурс]: Актуальные проблемы российского права. 2016 – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru>
5. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»

[Электронный ресурс]: // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

6. Определение Конституционного Суда РФ от 23 мая 2006 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав пунктом 12 части четвертой статьи 47 и частью третьей статьи 227 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]: // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 сентября 2012 г. № 4-О12-73СП // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 7 [Электронный ресурс]: // Справочная правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

8. Постановление ЕСПЧ от 28 августа 1991 г. по делу «Брандштеттер против Австрии» // <http://european-court.eu/uploads/> (дата обращения: 13 апреля 2019 г.)

9. Постановление ЕСПЧ от 16 февраля 2000 г. по делу «Роу и Дэвис против Соединённого Королевства» // <http://european-court.eu/uploads/> (дата обращения: 13 апреля 2019 г.)

10. Постановление ЕСПЧ от 23 июня 1993 г. по делу «Руиз-Матеос против Испании» // <http://european-court.eu/uploads/> (дата обращения: 14 апреля 2019 г.)

11. Постановление ЕСПЧ от 23 октября 1996 г. по делу «Анкерл против Швейцарии» // <http://european-court.eu/uploads/> (дата обращения: 13 апреля 2019 г.)

12. Постановление ЕСПЧ от 18 марта 1997 г. по делу «Фоучер против Франции» // <http://european-court.eu/uploads/> (дата обращения: 13 апреля 2019 г.)

УСТАНОВЛЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА С УЧАСТНИКАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

© А.Д. Лукашеева

Научный руководитель: И.Г. Иванова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Установление психологического контакта между следователем и участниками предварительного расследования играет большую, а в некоторых

случаях и решающую роль, так как может способствовать более быстрому раскрытию преступления. Психологический контакт имеет важное значение при проведении такого следственного действия как допрос.

На первый взгляд, допрос – простое следственное действие, состоящее в беседе двух лиц по схеме «вопрос-ответ», однако это далеко не так. Допрос – не просто беседа двух равных участников предварительного расследования, он значительно отличается в психологическом аспекте от беседы, так как у следователя есть право задавать вопросы, а у допрашиваемого – обязанность на них отвечать [1, С. 127].

В процессе допроса идет психологическая борьба между следователем и допрашиваемым, силу в которой следователю дают различные научные знания, в том числе психологические [2. С. 173]. Знание основ психологии человека помогает следователю выбрать подходящий прием проведения следственного действия именно для данного конкретного лица, будь то рецидивист или лицо, впервые нарушившее уголовный закон.

Вместе с тем, некоторые вопросы, касающиеся порядка, процедуры проведения допроса, участвующих в нем лиц, до сих пор остаются дискуссионными в науке и на практике. К таким дискуссионным вопросам относится и участие психолога в допросе. Здесь сложилось два подхода. Согласно первому подходу, участие психолога в ходе допроса признается обязательным, так как его участие прямо влияет на результативность допроса. Сторонники другого подхода придерживаются точки зрения, что в допросах участие психолога не обязательно.

Если обратиться к Уголовно-процессуальному кодексу РФ, то в ч. 1 ст. 191 и ч. 3 ст. 425 УПК РФ говорится об обязательном участии специалиста-психолога (или педагога) при допросах несовершеннолетних, не достигших возраста шестнадцати лет либо достигших этого возраста, но страдающих психическим расстройством или отстающих в психическом развитии. Полагаем, что это положение уголовно-процессуального закона является обоснованным и бесспорно правильным, так как именно психолог помогает установить индивидуальный подход к каждому несовершеннолетнему. Кроме того, в ч. 1 ст. 58 УПК РФ предусмотрено участие специалиста-психолога и при допросе совершеннолетних лиц, но уже по инициативе следователя. Однако на практике сотрудники органов предварительного расследования редко прибегают к помощи психологов для участия в допросе совершеннолетних лиц, полагаясь на свои личные знания в области психологии.

В 2015 году Шаевич А.А. провел анкетирование среди следователей и дознавателей. Сотрудники, принявшие участие в нем, имели стаж работы до

двух лет. Результаты анкетирования были следующие: большинство следователей и дознавателей источником имеющихся знаний и навыков в области психологии, которые они используют при производстве допросов, считают личный и житейский опыт – 83%, 67% указали на образовательную программу, треть опрошенных отметили самостоятельное изучение литературы, и только 8% – посещение различных психологических тренингов. Шаевич А.А. позже установил определенную закономерность между возрастом следователя и его стремлением повышать свою квалификацию. Чем старше был сотрудник органов предварительного следствия и чем больше был стаж его работы, тем меньшую роль для него играла образовательная программа, а вот значимость личного и житейского опыта возрастала [3, С. 258].

После анализа научной литературы и судебной практики полагаем, что психолог своим участием в допросах совершеннолетних лиц может помочь следователю не только установить психологический контакт с допрашиваемым, но и сформировать новые источники доказательств, касающиеся субъективной стороны преступления, отношения подозреваемого (обвиняемого) к содеянному, а также может помочь изобличить ложь в показаниях допрашиваемых. Психолог с использованием своих профессиональных знаний может «прочитать» каждый взгляд допрашиваемого лица, определить вспоминает он обстоятельства дела или мысленно конструирует что-то новое для дачи ложных показаний. Уже на стадии подготовки к допросу психолог может помочь следователю в изучении психотипа и характера лица, которого следователю предстоит допросить.

Таким образом, даже самый опытный следователь, знающий свое дело, стремящийся к получению новых полезных знаний в области психологии для проведения следственных действий, нуждается в помощи психолога при проведении такого следственного действия, как допрос. Поэтому сотрудникам органов предварительного расследования следует чаще обращаться за помощью к психологу по своей инициативе, чтобы выбрать наиболее эффективный психологический прием для установления с допрашиваемым контакта и получения от него правдивых показаний.

Список использованных источников:

1. Порубов, Н. И. Допрос на предварительном следствии / Н. И. Порубов // Публичное и частное право. – 2010. – № 2. – С. 127-133.
2. Ерыгин, А. Н. Юридическая психология: Учебное пособие. 2-е изд. / А. Н. Ерыгин. – М., 2006. – 528 с.

З. Шаевич, А. А. Криминалистическая тактика, юридическая психология и практика производства допросов / А. А. Шаевич // Криминалистические чтения на Байкале: Материалы международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 257-260.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЯПОНИИ

© И.П. Лысенко

Научный руководитель: А.Д. Назаров

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Японии в отечественной литературе не получил широкого распространения. По этой причине нам хотелось бы актуализировать данную тему, изучить её более детально.

Деятельность адвоката в уголовном судопроизводстве современной России, его роль, полномочия, процессуальное положение были законодательно урегулированы изначально Конституцией Российской Федерации [1], принятой всенародным голосованием 12.12.1993, а затем более детально прописаны в Федеральном законе от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – ФЗ об адвокатуре) [2], уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 (далее – УПК РФ) [3].

В Японии институт адвокатуры регулируется тремя основными нормативными актами – Конституция Японии [4], Уголовно-процессуальный кодекс Японии [5], а также Закон Японии об адвокатской деятельности.

Назначение адвокатуры, согласно ст. 1 Закона Японии об адвокатской деятельности, состоит в «защите фундаментальных прав человека и гарантировании социальной справедливости». В соответствии с вышеназванным законом адвокатам Японии предоставляется исключительное право на оказание юридических услуг, если иное не установлено законом. В Японии существует даже серьезное противоречие между министерством юстиции и Японской федерацией адвокатских ассоциаций в толковании ст. 72 Закона об адвокатуре Японии, где говорится об адвокатской монополии. Адвокатура распространяет действие этой статьи не только на судебное представительство, но и на сопровождение сделок, и такой подход реализуется на практике.

Однако, как отмечает Сисидо Казуки, в условиях адвокатской монополии в Японии существует и «околоправовые» специалисты, осуществляющие регистрационные, патентные и другие юридически значимые действия. С этими специалистами часто консультируются адвокаты, которые имеют исключительное право на судебное представительство.

Учитывая вышеизложенное, отметим, что единого подхода в толковании ст. 72 Закона об адвокатуре Японии пока не сформировалось.

Закон предъявляет ко всем адвокатам наличие квалификации. А не квалифицированная деятельность адвоката влечет за собой уголовную ответственность.

Деятельность же адвоката в Российской Федерации заключается в оказании квалифицированной юридической помощи на профессиональной основе. В отличие от Японии, наше законодательство не наделяет адвоката исключительным правом на оказание юридических услуг. Помимо адвоката, эти услуги оказывают и другие лица.

В скором времени, возможно, и в Российской Федерации появится исключительно право адвокатов на оказание юридических услуг. В концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи [6] говорится, что с 1 января 2023 года представительство во всех судебных инстанциях вправе будут осуществлять только адвокаты.

В сфере уголовного судопроизводства ст. 49 УПК РФ предусмотрено, что в качестве защитника может выступать только адвокат. Для того чтобы получить статус адвоката, кандидат должен иметь высшее юридическое образование, стаж работы по юридической специальности не менее двух лет, а также сдать квалификационный экзамен. В дополнение к этому, адвокат обязан постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень. Наше законодательство ответственности за оказание некавалифицированной помощи адвокатом не устанавливает.

Однако, законодательство Японии, в отличие от отечественного, имеет изъятие: «В качестве исключения к адвокатской деятельности могут быть допущены кандидаты с опытом работы, сдавшие специальный экзамен и прошедшие тренинг по профессии, установленные Министерством юстиции». В качестве кандидатов закон понимает преподавателей юридических вузов, лица, работающие по специальности юриспруденции и имеющие опыт в данной сфере.

В 2011 году, в соответствии с новыми правилами, экзамен на адвоката может сдать лицо, которое не заканчивало юридическую школу в случаях,

когда кандидат испытывал финансовые затруднения при поступлении в юридическую школу и т.д.).

В соответствии со статьей 37 Конституции Японии обвиняемый имеет право на помощь компетентного защитника, который назначается государством, если обвиняемый не в состоянии сам обеспечить его участие. Уголовно-процессуальный кодекс Японии более детально регламентирует данный вопрос, закрепляя, что предусмотрено участие адвоката по двум основаниям: соглашение и по назначению.

Данные положения в сравнении с российским законодательством имеют общие черты. Так, ст. 50 УПК РФ предусматривает участие адвоката по назначению. Соглашение регулируется ст. 25 ФЗ об адвокатуре.

Следовательно, основания для участия в обеих странах являются идентичными.

Аналогично п. 3 ч. 4 ст. 46 и п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК Японии в ст. 36 предусмотрено право обвиняемого или подозреваемого иметь свидание наедине с защитником. Такая схожесть не случайна и обусловлена тем, что в международных нормах конфиденциальность сведений между защитником и его подзащитным является необходимой составляющей права пользоваться профессиональной юридической помощью, и предусматривается в качестве одного из основных прав человека в целом ряде международно-правовых актов.

Аналогично ст. 49 УПК РФ в Японии предусмотрено право на «защитника-помощника», в качестве которых могут выступать законный представитель, супруг, иные родственники. Они могут быть приглашены в любое время. Однако, такие лица, как правило, не являются профессиональным юристом. Его назначение и возможность участия в производстве по уголовному делу обусловлена, скорее всего, психологическим фактором.

Итак, адвокат-защитник является активным участником уголовного судопроизводства Японии. В научном сообществе Японии отмечается, что инквизиционные элементы прошлого оставляют след и по сей день, что не дает японским юристам в полной мере осуществить защиту прав и интересов своих клиентов.

Также хочется отметить, что, несмотря на различное экономическое, культурное, историческое развитие двух взятых нами стран, мы можем отметить, что законодательство имеет много общих черт.

Список использованных источников:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 10.06.2002, № 23, ст. 2102.
3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
4. Конституция Японии [Электронный ресурс] : принята 3 ноября 1946 года и вступила в силу 3 мая 1947 года. – Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/2637>.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Японии [Электронный ресурс] : закон № 131 от 10.07.1948 г. с последними изменениями, внесенными Законом № 26 от 27.04.2010 г. – Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/7006>.
6. Государственная программа Российской Федерации «Юстиция», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 312 // (Собрание законодательства Российской Федерации, 2014, № 18 (ч. III), ст. 2158).

**К ВОПРОСУ О ДЛИТЕЛЬНОМ СОДЕРЖАНИИ ЛИЦ ПОД СТРАЖЕЙ:
ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНА**

© А.А. Макогон

Научный руководитель: Т.Г. Николаева

д-р. юрид. наук

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

Вопросы, связанные с применением меры пресечения в виде заключения под стражу, интересуют российское юридическое сообщество уже долгое время. Эта тема поднималась классиками советского уголовного процесса [11, с.280-286], после отказа от принципов советского уголовного процесса ей уделялось внимание в переходный период становления демократии в России ввиду актуализации проблем обеспечения прав личности в уголовном

процессе [12, с.20,24,37,76]. Интерес сохранился и усилился после принятия УПК РФ, о чём свидетельствует проведение целого ряда исследований [1, 7, 10]. Динамика отечественного уголовно-процессуального законодательства и примеры следственно-судебной практики демонстрируют, что вопросы, связанные с данной мерой пресечения, актуальны и сегодня.

Содержание лица под стражей – наиболее суровая мера пресечения, которая может применяться в отношении подозреваемого или обвиняемого. Ограничения, которые претерпевает подозреваемый или обвиняемый, настолько существенны, что содержание под стражей в литературе сравнивают с уголовным наказанием в виде лишения свободы [2, с. 67-87]. В 2018 году Уголовный кодекс РФ дополнен положением, в силу которого при исчислении наказания один день содержания под стражей приравнивается к одному дню отбывания наказания в тюрьме либо исправительной колонии строгого (особо строгого) режима, полутора дням отбывания наказания в воспитательной колонии либо исправительной колонии общего режима, двум дням отбывания наказания в колонии-поселении. В свете данных изменений, сравнения меры пресечения с наказанием в виде лишения свободы приобретают ещё большую актуальность.

По смыслу закона уголовное наказание не должно применяться к невиновному лицу, то есть к лицу, которое не признано виновным вступившим в силу приговором суда. В то же время, близкая по своему содержанию к лишению свободы мера пресечения регулярно применяется к лицам, в отношении которых приговор не вынесен. Вполне обоснованно полагая, что столь суровая мера пресечения, при ее длительном применении, может привести к негативным последствиям, законодатель установил предел времени содержания под стражей. А на случай, если на практике этого времени окажется недостаточно, предусмотрел процедуру и основания для продления срока содержания под стражей. Описываемые положения изложены в статье 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Вместе с тем, до настоящего времени проблема чрезмерно длительного содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей не решена. Сроки содержания подозреваемых и обвиняемых продлеваются повсеместно: только за первое полугодие 2018 года российские суды рассмотрели более 107 тысяч ходатайств органов предварительного расследования о продлении срока содержания под стражей, из которых удовлетворены более 104 тысяч ходатайств [8].

В соответствии со статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать

2 месяца. При этом допускается продление срока содержания под стражей на срок до 6 месяцев, если невозможно закончить предварительное следствие в срок до 2 месяцев и отсутствуют основания для изменения или отмены меры пресечения. Если лицо обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, в случаях особой сложности уголовного дела, возможно продление до 12 месяцев, а затем до 18 месяцев. При этом для продления до 12 месяцев закон обязывает следователя получить согласие руководителя следственного органа по субъекту Российской Федерации, иного приравненного к нему руководителя следственного органа, а дознавателя – согласие прокурора субъекта Российской Федерации или приравненного к нему военного прокурора. Для продления срока содержания под стражей свыше 12 месяцев требуется согласие в соответствии с подследственностью Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти.

Таким образом, периоды содержания лица под стражей между судебными решениями, отличаются по длительности. Из содержания норм статьи 108 УПК РФ следует, что максимальный временной промежуток, в течение которого лицо может содержаться под стражей после первоначального решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражей – 2 месяца. Если требуется содержание обвиняемого под стражей после истечения этого срока, орган предварительного расследования должен вновь обратиться в суд с соответствующим ходатайством. В то же время, если суд продлевает срок содержания под стражей в первый раз, этот срок может быть продлен до 6 месяцев. Таким образом, по мнению законодателя, суд может не возвращаться к рассмотрению вопроса о целесообразности содержания лица под стражей уже более длительный период времени (4 месяца).

Представляется, что подобный подход может увеличивать риски необоснованно длительного содержания лиц под стражей. По мнению автора статьи, чем дольше лицо содержится под стражей, тем больше внимания суд должен уделять вопросу целесообразности дальнейшего содержания данного лица под стражей. Возможно ли это в рамках действующего законодательства – вопрос дискуссионный.

Верховый суд РФ подчеркивает, что взвешенный подход необходим и при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, и при продлении ее срока [9]. Европейский суд по правам человека придерживается схожей позиции, отмечая, что первоначальные причины для заключения под стражу становятся все менее существенными по прошествии времени (пункт

54 постановления от 10.02.2011 по делу Пелевин против Российской Федерации) [3].

В декабре 2018 года приведенная норма дополнена положениями, согласно которым продление срока содержания под стражей в случае, если после окончания предварительного следствия сроки для предъявления материалов уголовного дела обвиняемому и его защитнику были соблюдены, однако 30 суток для ознакомления с материалами уголовного дела им оказалось недостаточно, допускается каждый раз не более чем на 3 месяца. При этом в ходатайстве должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, подтверждающие необходимость дальнейшего применения меры пресечения в виде заключения под стражу, а в постановлении о продлении срока содержания под стражей указывается дата, до которой продлевается срок содержания под стражей [13].

Нововведения согласуются с позицией Конституционного суда РФ, который полагает необходимым рассматривать вопрос о наличии оснований для дальнейшего содержания подсудимого под стражей не реже чем через 3 месяца [5,6].

Внесенные изменения имеют шанс повлиять на сложившуюся практику продления сроков содержания под стражей и сократить число лиц, в отношении которых мера пресечения применяется излишне. Вместе с тем, полагаем, что это является лишь одним из необходимых шагов. Следующим шагом может стать распространение правила на весь период содержания лица под стражей таким образом, чтобы промежуток между судебными решениями не превышал 2 месяцев (по аналогии со сроком, на который мера пресечения первоначально избирается по правилам). Только суд наделен полномочиями принимать решение о продлении срока содержания под стражей. Представляется, что судебная оценка возможности дальнейшего содержания под стражей должна осуществляться регулярно.

Список использованных источников:

1. Буланова Н. В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений : монография / Н. В. Буланова ; под ред. М. Е. Токаревой. – М.: Юрлитинформ, 2005. – 254с.
2. Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Монография. Уфа: Изд-во Башкирского государственного университета, 2003. 136с.

3. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации. 2018. №2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vsrfr.ru/documents/practice/26987/> (дата обращения 11.10.2018).
4. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации. 2018. №2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vsrfr.ru/documents/practice/26987/> (дата обращения 11.10.2018).
5. Определение Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2013 г. № 133-О. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ГАРАНТ.РУ: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70226364/#ixzz5TeCCoiJA> (дата обращения 11.10.2018).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2013 г. № 1006-О [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ГАРАНТ.РУ: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70314044/#ixzz5TeCbe1i8> (дата обращения 11.10.2018).
7. Орлов Р.В. .Применение заключения под стражу в качестве меры пресечения на предварительном расследовании в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ..канд. юрид. наук: 12.00.09. – Иркутск, 2008. – 25с.
8. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 1 полугодие 2018 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 12.12.2018)
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013. № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения 11.10.2018).
10. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: монография / Н.И. Капинус – М.: Буквевед, 2007. – 416 с
11. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. – 468 с.
12. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений: монография / В. С. Шадрин. Волгоград : Волгоградский юрид. ин-т МВД РФ, 1999. – 224, с.
13. Федеральный закон от 27.12.2018 № 543-ФЗ «О внесении изменений в статью 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс, <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/56298.html/> (дата обращения 11.10.2018).

ПРОБЛЕМА РАСТОРЖЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯ ОБ ОКАЗАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ. ОТКАЗ ОТ ЗАЩИТЫ

© Э.Э. Мамедова

Научный руководитель: И.А. Шевченко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Оказание юридической помощи адвокатом является особым видом правоотношений. Договор, который адвокат заключает с клиентом, направлен на оказание правовых услуг. Что же делает этот договор таким особенным?

Согласно нормам п.1, 2 ст. 25 Федерального закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: «Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу» [1, п.1,2 ст. 25].

В связи с тем, что такое соглашение является гражданско-правовым договором между адвокатом и клиентом об оказании юридической помощи, мы можем сказать, что он является двусторонним, консенсуальным, возмездным и фидуциарным (т.е. имеет лично-доверительный характер).

К участию в уголовном деле адвокат допускается в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера или путем фактического вступления в защиту.

«Вопросы расторжения соглашения об оказании юридической помощи регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации» [1, п.2 ст. 25].

Расторжение договора, по сути своей, является соглашением между сторонами, заключаемое по воле обеих сторон. Что касается отказа от исполнения договора, как разновидности расторжения договора, то он в свою очередь является односторонней сделкой и имеет место по основаниям, прямо предусмотренным законом или договором.

Отказ от защиты имеет принципиально иную правовую природу. Адвокат не имеет права отказаться от защиты по собственной инициативе.

Ч.7 ст. 49 УПК РФ гласит: «Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого» [2, ч.7 ст. 49]. Аналогичное же положение указано в п.6 ч.4 ст. 6 ФЗ «Об адвокатуре», а именно: «Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты» [1, п.6 ч.4], а также в ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которой «адвокат, принявший в порядке назначения или по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе и должен выполнять обязанности защитника» [3, ст. 13].

В п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого 20 апреля 2017 г. VIII Всероссийским съездом адвокатов указано: «Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты. Адвокат участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых им на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством и (или) разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов» [4, п.17].

Указанные положения налагают императивный запрет на отказ от защиты в одностороннем порядке адвоката, но не лишает такого права доверителя.

Обратимся к историческим источникам, которые в свою очередь и заложили нормы, регулирующие вопросы расторжения соглашения между адвокатом и доверителем по инициативе адвоката.

В соответствии со ст. 394 Судебных уставов от 20 ноября 1864 года «Присяжный поверенный, назначенный для производства советом или председателем судебного места, не может отказаться от исполнения данного ему поручения, не представив достаточных для сего причин» [5, ч.3 ст. 352]. В свою очередь, в законе не был указан перечень этих «достаточных» причин.

Так, Московский Совет присяжных поверенных прокомментировал: «Присяжный поверенный, чувствующий себя не совсем здоровым, все равно, будь то физическая боль или тяжелое самочувствие, не только может, но и должен прервать исполнение профессиональных обязанностей, и если он назначен для защиты, обязан просить Суд освободить его, помня, что защитник больной, с расстроеными нервами или с гнетущим болезненным настроением, принесет не пользу, а вред правосудию и своему клиенту» [6, ч.3 ст. 352].

В одном из номеров газеты «Камско-Волжская речь» за 1910 г. известный адвокат В.Ф.Баудер отмечает: «уголовная защита является институтом

публичного, а не частного права, поэтому она служит интересам всего общества» [7, КВ, № 362].

Г.М. Резник утверждает, что «соглашение на оказание юридической помощи представляет собой гражданско-правовой договор и вопросы его расторжения регулируются ГК РФ с изъятиями, предусмотренными Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [8, с.58].

26 сентября в Адвокатской палате Московской области состоялось заседание Дискуссионного клуба «Адвокатура&Общество» на тему: «Основания прекращения участия адвоката-защитника в уголовном деле». Перед участниками был поставлен вопрос: имеет ли право адвокат в одностороннем порядке расторгнуть соглашение на защиту в уголовном процессе, если доверитель нарушает его условия?

27 сентября информация по итогам заседания была опубликована в Адвокатской газете. Мнения по указанному вопросу разделились. Одни адвокаты считают, что односторонний отказ от защиты, исключая случаи самоотвода, предусмотренные ст. 72 УПК РФ, напрямую нарушает принцип, заложенный в уголовно-процессуальное законодательство, обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту.

На этот счет, Президент АП УР Дмитрий Талантов отмечает: «Конституция и УПК гарантируют право на юридическую помощь, но индивидуальную помощь со стороны конкретного адвоката никто не обещал. Если соглашение расторгнуто либо имеет место отказ от исполнения соглашения адвоката из-за неоплаты его услуг, адвокатская палата обязана назначить другого защитника – так конституционное право гражданина нарушено не будет»

Некоторые адвокаты убеждены, что адвокат имеет право на односторонний отказ от исполнения соглашения по оказанию юридической помощи. Так как, в соответствии со ст. 451.1 ГК РФ, стороны могут договориться об условиях, в том числе о праве на односторонний отказ. И в этом случае, ч.7 ст. 49 УПК РФ не работает, так как этот императив не связан с порядком заключения договора.

Появляется правовая неопределенность. Относительно правовой природы соглашения нет единства ни в судебной практике, ни в науке. Соглашение по защите подозреваемого, обвиняемого является гражданско-правовым договором, а принятие защиты представляет собой уголовно-процессуальное действие. Расторжение договора регулируется в рамках ГК РФ, но отказ от защиты по инициативе адвоката в рамках УПК РФ.

Возникает вопрос о характере отношений между адвокатом и доверителем и его правовом регулировании. Ведь обязанность защитника защищать подозреваемого, обвиняемого возникает, в первую очередь, по закону, а не по договору. Такие отношения, в силу наличия публичного интереса, – не могут носить абсолютно частный характер, что особенно заметно в договорах на защиту в уголовном судопроизводстве и, в частности, прямо влияет на условия его расторжения.

Список использованных источников:

1. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СПС КонсультантПлюс.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.03.2019) // СПС КонсультантПлюс.
3. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 20.04.2017) // СПС КонсультантПлюс.
4. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого 20 апреля 2017 г. VIII Всероссийским съездом адвокатов // СПС КонсультантПлюс.
5. Судебные уставы от 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч.3. ст. 352 // СПС КонсультантПлюс.
6. Марков А.Н. Правила адвокатской профессии в России: Опыт систематизации постановлений Советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики / составил член Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты. – М.: Тип О10.Сомовой, 1913.
7. Камско-Волжская речь за 1910 г.
8. Резник Г.М., Когда правомерен отказ от защиты // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2015. № 5. – с.127

**К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ГРАБЕЖИ
И РАЗБОЙНЫЕ НАПАДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОЧЕВИДНОСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ)**

© Е.А. Межинский

**Научный руководитель: Е.Е. Космодемьянская
канд. юрид. наук**

Сибирский юридический институт МВД России

В настоящее время грабежей и разбоев, которые в простонародье иногда именуется как “уличные преступления”, стало значительно меньше, чем было еще 10-15 лет назад. Постепенный спад активности преступников данной категории объясняется тем, что “преступный доход” от таких преступлений остался прежним, а риск для преступника быть пойманным существенно вырос, ведь во всех городах оборудованы камеры наружного видеонаблюдения, которые находятся практически на каждом углу, а в крупных мегаполисах очень трудно найти участки местности, не охваченные камерами. Кроме того, улицы освещены, патрульно-постовая служба функционирует на высоком уровне, к охране общественного порядка с 2016 года подключилась Росгвардия, автопатрули которой также курсируют по ночным городским улицам.

Осознание преступниками возрастания “риска” раскрытия преступления приводит к тому, что количество грабежей и разбойных нападений уменьшается, но значительно возрастает тяжесть совершенных преступлений. Таким образом преступники “уравнивают” размер “преступного дохода” и коэффициент “риска” раскрытия преступления. Это касается более тщательной подготовки к преступлению, уровня жестокости и “дерзости” совершаемых нападений, размера материального ущерба, причиненного в результате совершения преступления, а также тщательной разработки линии противодействия следствию, в случае раскрытия преступления. Поэтому говорить о полном искоренении данных преступлений говорить, к сожалению, невозможно.

Так, согласно статистическим данным о грабежах и разбойных нападениях по Красноярскому краю за 2018 год по данным отчета начальника ГУ МВД России по Красноярскому краю А.Г. Речицкого перед Законодательным Собранием Красноярского края за 2018 год, на территории края зарегистрировано 176 разбойных нападений, 1104 грабежей.

Из общего массива зарегистрированных грабежей и разбойных нападений следует выделить случаи совершения данных деяний подростками: грабежей – всего 83; разбойных нападений – всего 8. Статистика показывает, что

профилактическая работа среди подростков ведется на достаточно высоком уровне, однако, с другой стороны, это свидетельствует о более высокой степени осознанности преступниками совершаемого деяния, так как большинство из них люди от 18 лет и старше.

Если раскрываемость грабежей составляет около 72%, то об улучшении раскрываемости разбойных нападений говорить не приходится, так как уровень остался прежним и составляет 64%. Это обусловлено, в первую очередь, более высокой степенью тяжести данного преступления, а соответственно и более высокому уровню преступников (в плане подготовки к совершению преступления, способа реализации и т.д.), осуществляющих разбойное нападение.

Для того, чтобы восстановить нарушенные общественные отношения, полиции приходится задействовать множественные ресурсы: это в первую очередь наружные строевые службы, оперативные подразделения, криминалистические, кинологические, специально-технические подразделения, а также зачастую используется взаимодействие с другими правоохранительными органами, такими как Росгвардия и ФСБ России.

Однако не во всех случаях прилагаемые усилия приводят к установлению лица, совершившего грабеж или разбойное нападение в условиях неочевидности. В этой ситуации главной тактической задачей расследования становится «Поиск преступника».

Исходя из этих положений, целью моего исследования стала попытка вывести примерный алгоритм решения данной тактической задачи, а также представить некоторые рекомендации практического характера для сотрудников полиции.

Как показал проведенный мной анализ литературных источников и интервьюирование практических сотрудников ОВД, специализирующихся на раскрытии и расследовании грабежей и разбойных нападений, тактическая операция по поиску преступника, как правило, включает в себя следующие мероприятия: постановка на розыскной учет похищенных и изъятых предметов (на учет ставятся только номерные вещи); ориентирование негласных сотрудников оперативного подразделения на установление контактов с лицами, которые могут располагать интересующей информацией; распространение информации по отделам, обслуживающим близлежащие сопряженные территории (нередки случаи, когда в соседних районных отделах полиции имеется информация о подобном нераскрытом преступлении, схожих приметах по описанию словесного портрета, аналогичном способе совершения преступления); проверка лиц, ранее совершавших преступления данной категории (в

первую очередь тех, кто проживает в районе совершения преступления, работает в непосредственной близости или чей путь от дома до работы и обратно пролегает через данный район); проверка следов пальцев рук (если данные следы были обнаружены и изъяты с места происшествия) по системе “Папилон”; установление контроля за местами возможного сбыта похищенного имущества (это могут быть “стихийные вещевые рынки”, ювелирные мастерские, комиссионные магазины, ломбарды, коммерческие структуры, специализирующиеся на купле-продаже имущества той категории, под которую попадает похищенное, антикварные магазины, ремонтные мастерские, принимающие лом определенной категории и т.д.). Кроме того, приезжие преступники, именуемые “гастролерами”, как правило сбывают похищенное имущество за пределами района совершения преступления – в других городах и регионах России. Однако, бывают случаи, когда похищенным имуществом являются весьма специфичные вещи, стоимость которых сможет определить лишь специалист (картины, статуэтки и т.д.), а также не громоздкие вещи, которые легко могут быть размещены на теле человека (часы, перстни, иные штучные ювелирные изделия). В таких случаях велика вероятность попытки вывоза похищенного за границу Российской Федерации и последующего сбыта на территориях иных государств. Для перекрытия потенциальных заграничных маршрутов на поиск и идентификацию похищенного имущества ориентируются службы контроля аэропортов, транспортная полиция и пограничная служба ФСБ России.

Кроме контроля за традиционными местами возможного сбыта имущества, найтого преступным путем, в настоящее время становятся актуальными следующие средства:

- мониторинг сетевых досок частных объявлений (Авито, Юла и т.д.)
- мониторинг администраторов сетевых городских барахолок (Бесплатный Красноярск, Отдам даром, Обмен Красноярск и т.д.)
- мониторинг аукциона “AU24.ru”
- мониторинг “даркнет-площадок” (вход через браузер TOR) (пример: onion – shop – торговая площадка по купле – продаже запрещенных к обороту и ограниченных в обороте в Российской Федерации предметов, а также краденого имущества или реализация имущества, приобретенного за счет похищенных денежных средств – т.е. придание легального вида денежным средствам, добытым преступным путем).

Кроме указанного, можно рекомендовать использовать данные о т.н. «очагах» совершения грабежей и разбоев на определенной территории.

Идея об использовании этих данных в поисковых целях была высказана много лет назад отечественными учеными-криминалистами. [5] Есть и более поздние разработки этой проблематики [1], в частности, применительно к раскрытию краж чужого имущества. [2] Позже эта идея легла в основу изучения очагов грабежей и разбойных нападений [3]. В ходе исследований были выявлены очаги данных преступлений, в частности, на территории Октябрьского района г.Красноярска в районе таких улиц, как Попова, Карбышева, Тотмина, Высотная, Курчатова.

По данным проведенного мной изучения следственной практики за период 2018-2019 гг. на сегодняшний день произошел т.н. “дрейф” очагов совершения грабежей и разбойных нападений в Октябрьском районе г. Красноярска. Так, очаги данных преступлений в данный момент сместились на улицы Крупская, Норильская, Ладо Кецховели; и остались в районе улиц Карбышева и Высотная.

Значение изучения очагов данных преступлений заключается в том, что «своевременное их распознавание позволяет установить наблюдение в местах вероятного совершения преступления.» [4; с.434]

Кроме того, определение очага преступления позволяет изучить соотношение между местом совершения преступления и местом жительства потенциальных подозреваемых, определив, таким образом, круг их поиска, что задает перспективу моим дальнейшим исследованиям.

Считаю, что данная проблема актуальна и такое исследование окажет большую помощь действующим сотрудникам – практикам в выявлении, пресечении, раскрытии и последующем расследовании грабежей и разбойных нападений.

Список использованных источников:

1. Аленин, Ю. П. Выявление и расследование очагов преступлений: теория и практика / Ю.П. Аленин. – Одесса: Юрид. ин-т ОГУ, 1996.
2. Космодемьянская, Е.Е. Поиск лиц, совершивших кражи чужого имущества: Учебное пособие. / Е.Е. Космодемьянская. – Красноярск: сибирский юридический институт МВД России, 2002.
3. Космодемьянская, Е.Е. Поиск лиц, совершивших грабежи и разбойные нападения в условиях неочевидности: Учебное пособие / Е.Е. Космодемьянская. – Красноярск, 2003.

4. Курс криминалистики. Особенная часть. Т.1. Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений / Отв. Ред. В.Е. Корноухов. – М.: Юрист, 2001.

5. Постика, И.В. Выявление и расследование очага преступления / И.В. Постика. – Одесса, 1981.

ПРОБЛЕМА СРОКОВ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

© А.А. Меркулов

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В российском уголовно-процессуальном законе одной из мер пресечения является заключение под стражу. Данная мера пресечения отдельно закрепляет различные по продолжительности сроки содержания под стражей для досудебных и судебных стадий уголовного судопроизводства и применяется по судебному решению в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет (ст. 108 УПК РФ).

Так, в соответствии со ст. 109 УПК РФ в досудебном производстве для данной меры закреплен общий срок содержания под стражей – два месяца. Далее возможно его продление до 6 месяцев при наличии следующих условий: 1) невозможность закончить предварительное следствие в срок до 2 месяцев; 2) при отсутствии оснований для изменения или отмены данной меры пресечения. В случаях особой сложности уголовного дела, возможно дальнейшее продление этого срока до 12 месяцев в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

В исключительных случаях, данный срок может быть продлен до 18 месяцев, в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений. Дальнейшее продление срока не допускается, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 109 УПК РФ. Далее, согласно ст. 255 УПК РФ срок содержания подсудимого под стражей на судебной стадии не может превышать 6 месяцев, а по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях суд, в чьем производстве находится уголовное дело, может по истечении этого срока продлить его, но каждый раз не более, чем на 3 месяца. Как отметил

Конституционный суд, адресованное суду требование не реже, чем через 3 месяца возвращаться к рассмотрению вопроса о наличии оснований для дальнейшего содержания подсудимого под стражей – независимо от того, имеются ли на этот счет какие-либо обращения сторон или нет, – обеспечивает судебный контроль за законностью и обоснованностью применения данной меры пресечения и ее отмену в случае, если необходимость в ней не будет доказана [2].

Таким образом, можно прийти к выводу, что уголовно-процессуальным законом установлены предельные сроки содержания под стражей для досудебной стадии уголовного судопроизводства. А для судебной стадии единого предельного срока содержания под стражей не установлено, соответственно формальных ограничений, определяющих этот срок, не предусмотрено.

В связи с этим, возникает проблема неурегулированности продления срока содержания под стражей в качестве меры пресечения на стадиях, следующих за окончанием предварительного расследования, которая остается одной из самых острых проблем уголовно-процессуального регулирования. На практике возникают случаи неоправданно длительных сроков содержания под стражей до вынесения приговора.

К примеру, когда дело по завершении расследования направляется в суд, а потом возвращается прокурору для устранения процессуальных нарушений, препятствующих его рассмотрению по существу, возникает непростая ситуация. С одной стороны, речь идет о тяжких и особо тяжких преступлениях (поскольку именно для данных категорий дел предусмотрена возможность превышения предельного срока содержания под стражей) и отпускать обвиняемых из-под стражи не всегда безопасно.

С другой стороны, проведение дополнительных процессуальных действий и последующее ознакомление обвиняемого с многотомными материалами дела растягивается порой не на месяцы даже, а на годы, в течение которых обвиняемый находится под стражей. Поскольку в УПК РФ никаких специальных разъяснений по этому вопросу не закреплено, некоторые суды считают, что нормы об ограничении предельного срока содержания под стражей в таком случае не применяются, поскольку они действуют только до направления дела в суд.

Так, ЕСПЧ по делу «Царенко против Российской Федерации» признал незаконным содержание под стражей обвиняемого в период повторного продления судом данного срока для ознакомления лиц с материалами уголовного дела [3].

Позиция ЕСПЧ по вышеуказанному делу основывалась, в том числе, на разъяснениях Конституционного Суда Российской Федерации от 13.06.1996 и 25.12.1998, согласно которым в отсутствие прямого указания в законе на возможность неоднократного продления предельного срока содержания под стражей на том основании, что обвиняемый не закончил ознакомление с материалами дела, удовлетворение неоднократных ходатайств о продлении срока содержания обвиняемого под стражей не допускается законом и противоречит гарантии против произвольного содержания под стражей. Как полагает ЕСПЧ суды общей юрисдикции России расширительно толкуют положения статьи 109 УПК РФ, утверждая, что в отсутствие прямого запрета неоднократного продления срока по данному основанию компетентный суд вправе продлевать срок столько раз, сколько представляется целесообразным при обстоятельствах дела. Так же суд добавил, что защита лица от вмешательства государства в его право на свободу и личную неприкосновенность реализуется за счет обеспечения баланса между общественными интересами, которые могут потребовать предварительного заключения лица под стражу, и важностью права на свободу личности с учетом презумпции невиновности, поэтому продолжительность содержания под стражей не должна превышать разумных пределов. Продление же срока содержания под стражей только на основании тяжести преступления недопустимо – необходимо учитывать и другие обстоятельства [1].

Проблема продления срока содержания под стражей судом по одному и тому же основанию уже затрагивалась в ряде решений КС РФ, однако в связи с продолжающимися жалобами граждан и сложившейся неоднозначной практикой применения судами соответствующих правовых норм суд решил дать общеобязательное их толкование – в Постановлении КС РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П, где пояснил, что следует иметь в виду: обстоятельства, на основании которых лицо было заключено под стражу, не всегда являются достаточными для продления срока содержания его под стражей. На первоначальных этапах производства по уголовному делу тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения по приговору наказания в виде лишения свободы на длительный срок могут служить основанием для заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу ввиду того, что он может скрыться от дознания, предварительного следствия. Однако впоследствии, необходимо проанализировать иные значимые обстоятельства, такие как результаты расследования или судебного разбирательства, личность подозреваемого, обвиняемого, его поведение до и после задержания, и другие конкретные данные, обосновывающие довод о том, что лицо может совершить действия,

направленные на фальсификацию или уничтожение доказательств, или оказать давление на участников уголовного судопроизводства либо иным образом воспрепятствовать расследованию преступления или рассмотрению дела в суде. При рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания обвиняемых под стражей следует проверять обоснованность доводов органов предварительного расследования о невозможности своевременного окончания расследования. В случае, когда ходатайство о продлении срока содержания под стражей возбуждается перед судом неоднократно и по мотивам необходимости выполнения следственных действий, указанных в предыдущих ходатайствах, надлежит выяснять причины, по которым они не были произведены. Если причина, по мнению суда, заключается в неэффективной организации расследования, это может явиться одним из обстоятельств, влекущих отказ в удовлетворении ходатайства. В таких случаях суд вправе реагировать на выявленные нарушения путем вынесения частных постановлений. Сама по себе необходимость дальнейшего производства следственных действий не может выступать в качестве единственного и достаточного основания для продления срока содержания обвиняемого под стражей. Решение суда о продлении срока содержания под стражей должно основываться на фактических данных, подтверждающих необходимость сохранения этой меры пресечения [4].

На основании изложенного, я полагаю, что в уголовно-процессуальном законе необходимо установить четкие правила относительно неоднократного продления срока содержания под стражей, после нарушения которых, нахождение лица в изоляции от общества не могло бы быть оправдано никакими конституционно значимыми целями. Кроме этого, установление предельных сроков содержания обвиняемого (подозреваемого) под стражей необходимо также для того, чтобы заключение лица под стражу не могло обращаться для него в наказание.

Список использованных источников:

1. Васильева Е.Н. Правовые проблемы, связанные со сроками содержания лиц под стражей // Студенческий: электрон. науч. журн. 2017. № 19 (19). URL: <https://sibac.info/journal/student/19/88369>.
2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев – 9-е изд., перереаб. И доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014, С. 261
3. Постановление Европейского суда по правам человека от 03.03.2011 «Дело Царенко против Российской Федерации» // Консультант Плюс.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Махина».

НА ВСЕ ЛИ ДОВОДЫ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ ДОЛЖЕН БЫТЬ ДАН ОТВЕТ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ СУДЕБНОЙ ИНСТАНЦИЕЙ? КС РФ VS ЕСПЧ

© К.В. Мирошниченко

Научный руководитель: А.А. Брестер

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Мотивированность судебных актов на протяжении долгого времени остается одной из наиболее существенных проблем российского правосудия в сфере уголовного судопроизводства. Причем немотивированные судебные акты встречаем и у проверочных инстанций, которые в своих решениях игнорируют и не дают оценки доводам сторон, представленным в жалобах и в судебных заседаниях. А. Р. Султанов справедливо указывает, что «главной болезнью судебного контроля в России является игнорирование судами доводов жалоб» [7, с. 11]. В свете указанной проблемы нас интересует мотивированность «отказных» апелляционных определений (постановлений), которые, как показало изучение судебной практики, зачастую являются немотивированными.

Однако стоит отметить, что также часто встречаются и, выражаясь терминологией Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), явно необоснованные жалобы. Например, это могут быть жалобы объемом в 100 и более страниц, где содержатся как доводы, которые говорят о действительных основаниях к отмене судебного решения, так и доводы к нарушениям, которые не могли повлиять на ход и исход уголовного процесса в первой инстанции (к примеру, довод о том, что участники процесса в нарушение требований ст. 257 УПК, обращались к судье не «Ваша честь», а «господин судья»), а также надуманные доводы (основываются на фактах, существование которых объективно невозможно, или которые явно противоречат здравому смыслу, или были попросту придуманы и т. п.). Также не редко встречается необоснованное обращение в суд апелляционной инстанции. «Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что возникновение каждого третьего производства не вызывалось объективной необходимостью» [2, с. 709].

Справедливо ли требовать от судьи апелляционной инстанции в подобных случаях беспрекословной оценки всех доводов апелляционной жалобы? Или правильнее будет ограничиться оценкой и ответами на доводы, которые имеют под собой законное и фактическое основание? Ведь апелляция по своему существу – это повторный пересмотр дела, что в свою очередь сопряжено со значительными материальными и временными затратами.

На данные вопросы находим ответы в практике Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) и в практике ЕСПЧ, однако точки зрения указанных судов на данную проблему расходятся.

КС РФ полагает, что нужно отвечать на все доводы апелляционной жалобы. В определении от 25.01.2005 № 42-О КС РФ указал, что мотивировка решения суда происходит путем указания на конкретные, достаточные основания, по которым принимаются или отвергаются какие-либо доводы. В этом же определении указывается, что «не допускается отказ суда от рассмотрения и оценки *всех доводов* заявлений, ходатайств или жалоб участников уголовного судопроизводства <...> иное создало бы преимущества для стороны обвинения, исказило бы содержание ее обязанности по доказыванию обвинения и опровержению сомнений в виновности лица, позволяя игнорировать данные, подтверждающие эти сомнения».

Такая позиция КС РФ основывается на постулатах теории правосудия. «Правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах» [5]. Основное правило справедливого правосудия было сформулировано еще в Древнем Риме: *audi alteram partem* (выслушать обе стороны). Право быть выслушанным порождает право быть услышанным судом, а гарантией того, что сторона была выслушана и была услышана, является мотивированное решение суда [6]. «Судебные акты должны быть точными, понятными, убедительными и объективными по содержанию, не допускающими неясностей при исполнении. Немотивированные и неубедительные, небрежно составленные судебные акты, содержащие искажения имеющих значение для дела обстоятельств, порождают сомнения в объективности, справедливости и беспристрастности судей» [4].

Иной подход содержится в практике ЕСПЧ. Суд признает немотивированный судебный акт как нарушение ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), закрепляющей право на справедливое судебное разбирательство [1, п. 28; 3, п. 83], в силу того, что мотивированное судебное решение «доказывает сторонам, что их позиции были выслушаны <...> дает возможность какой-либо стороне обжаловать его, а высшей

инстанции – возможность пересмотреть его. Изложение мотивированного решения является единственной возможностью для общественности проследить отправление правосудия» [3, п. 83]. Однако в отличие от КС РФ, ЕСПЧ указывает, что нарушение требования мотивированности «не может быть истолковано как требующее подробного ответа на каждый аргумент. Степень, в которой применяется эта обязанность мотивировать, может варьироваться в зависимости от характера решения» [1, п. 29; 3, п. 83]. Вопрос о том мотивировал ли суд свое решение «в свете статьи 6 Конвенции, может быть проанализирован только в свете обстоятельств дела», однако в любом случае на существенные (основные) доводы должен быть дан ответ [1, п. 29-30; 8, п. 60].

ЕСПЧ не раскрывает понятия «существенных доводов», однако говорит, что лишь поддержать доводы низшей инстанции, не проанализировав доводы заявителя, что зачастую встречается в российской судебной апелляционной практике, является нарушением права на справедливое судебное разбирательство [1, п. 30; 8, п. 60].

В итоге имеются две точки зрения:

1. Позиция органа конституционного правосудия РФ о том, что нужно оценивать каждый довод апелляционной жалобы. Это обусловливается правом на судебную защиту, правом на равенство сторон в уголовном процессе, правом быть услышанным, требованием убедительности и объективности к содержанию судебных актов. Между тем, ранее мы отмечали, что проблема российских судов апелляционной инстанции как раз в том, что они игнорируют доводы апелляционных жалоб в своих определениях. И, как ни странно, практики отмены апелляционных определений, которые игнорируют доводы заявителей за немотивированностью по уголовным делам, практически нет.

2. Позиция ЕСПЧ, который, учитывая принцип целесообразности, возможные злоупотребления со стороны заявителей, говорит, что обязательной оценке должны подлежать существенные (основные) доводы.

Исходя из сложившейся на сегодняшний день ситуации в России: тотальное игнорирование доводов апелляционных жалоб в «отказных» определениях и отсутствие на это реакции вышестоящих инстанций в виде отмены судебного акта как немотивированного, принятого с существенным нарушением уголовно-процессуального закона с одной стороны, и большое количество необоснованных обращений в апелляцию с многостраничными жалобами, в которых большинство доводов не содержит под собой оснований для отмены – с другой, полагаем правильным признать по рассматриваемой проблеме позицию ЕСПЧ.

Для этого предлагаем порядок действий судьи для определения существенности довода и необходимости отражения его оценки в судебном акте. Судья должен выявить все доводы заявителя. Затем поставить вопрос по каждому доводу: «если удовлетворить этот довод, это может повлечь отмену приговора?». Если да, рассматривает довод и отражает его оценку в принимаемом судебном акте. Если нет, судья ставит перед собой вопрос: «есть ли в этом доводе основания для реагирования – неэтичное поведение суда, участников и т.п. – что-то, что требует реакции, но не влечет отмену приговора?». Если да, реагирует, если нет, довод, который не может повлечь отмену приговора и не содержит в себе оснований для реагирования, судья перечисляет в определении с указанием, на то, что суд не считает его существенным и требующим оценки.

При соблюдении такого алгоритма судом будут рассмотрены по существу только доводы, которые действительно имеют под собой законное и фактическое основание, и суд не будет тратить ресурсы на рассмотрение несущественных доводов, в свою очередь, последние все равно найдут отражение в апелляционном определении, что покажет заявителю, что суд изучил его доводы и не дал им оценки в судебном акте по объективным причинам.

Список использованных источников:

1. Болдя против Румынии [Электронный ресурс] : постановление ЕСПЧ от 15.02.2007 жалоба № 19997/02 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Колоколов, Н. А. Злоупотребление правом на обжалование [Текст] / Н. А. Колоколов. – М.: Юрайт, 2011.
3. Кузнецов и другие против России [Электронный ресурс] : постановление ЕСПЧ от 11.01.2007 жалоба № 184/02 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.05.2007 № 27 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и п. 4 ч. 2 ст. 384 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашова и И.П. Серебренникова [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1996 № 4-П // Справочная

правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. По делу о проверке конституционности ряда положений ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся возможности обжалования определений, выносимых ... [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2001 № 4-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Султанов, А. Р. О проблеме мотивированности судебных актов через призму постановлений европейского суда по правам человека [Текст] / А. Р. Султанов // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 2. – С. 11-14.

8. Хелле против Финляндии [Электронный ресурс] : постановление ЕСПЧ от 19.12.1997 жалоба № 20772/92 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

**ПРАВО ОБВИНЯЕМОГО НА ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ
КАК ЭЛЕМЕНТ СПРАВЕДЛИВОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА:
ВЛИЯНИЕ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
НА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© К.В. Митрошина
Научный руководитель: Л.В. Майорова
канд. юрид. наук
Сибирский федеральный университет

Право обвиняемого на вызов в суд свидетелей со стороны обвинения, предоставляемое подп. “d” п. 3 ст. 6 Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, является одной из важнейших гарантий обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. Реализуя данное право, обвиняемый обладает возможностью возражать против показаний свидетелей, тем самым непосредственно участвовать в исследовании доказательств стороны обвинения, а также защищаться против необоснованного уголовного преследования и осуждения [1].

В соответствии со ст. 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) все доказательства по уголовному делу должны быть непосредственно исследованы в судебном разбирательстве. Данное положение отражает позицию Европейского суда по правам человека (далее –

Европейский суд), согласно которой до осуждения обвиняемого все доказательства против него должны быть представлены в его присутствии в открытом заседании с учетом требования состязательности [2].

В правоприменительной практике Российской Федерации возникает множество проблем в виду отсутствия прямо закрепления в ст. 47 УПК РФ права обвиняемого на допрос свидетелей, вследствие чего данное право не обеспечивается, ограничивается и многократно нарушается. Европейским судом было вынесено значительное количество постановлений против РФ, где судом усматривалось нарушение права обвиняемого на допрос свидетелей, что ставило под сомнение допустимость полученных доказательств и справедливость судебного разбирательства в целом.

Нарушение права обвиняемого на допрос свидетелей обусловлено рядом причин, связанных с неявкой свидетеля в суд.

Во-первых, неявка свидетеля в судебное заседание, не обусловленная обстоятельствами, исключающими возможность явки в суд (ч. 2 ст. 281 УПК РФ). Так, в деле «Задумов против РФ» Европейский суд признал неявку свидетеля на судебное заседание необоснованной, так как состояние ее здоровья после выписки из больницы улучшилось, следовательно, не являлось обстоятельством, объективно препятствующим к явке в суд и не могло признаться основанием для оглашения ее показаний в суде [3].

Во-вторых, оглашение показаний отсутствующего свидетеля вопреки несогласию обвиняемого. В вышеупомянутом деле Европейский суд установил нарушение права обвиняемого на допрос свидетелей, поскольку суд несмотря на возражение стороны защиты, разрешил огласить показания свидетеля, данные в ходе предварительного расследования [3].

В-третьих, принятие недостаточных мер для обеспечения явки свидетеля в суд. Европейский суд в деле «Трофимов против РФ» установил факт проявления явной небрежности судов РФ в отношении своей обязанности предоставить обвиняемому эффективную возможность допросить свидетеля, не приняв никаких мер для обеспечения явки свидетеля в судебное заседание [7].

В-четвертых, отсутствие возражений на оглашение показаний, которое не осознавалось обвиняемым как согласие на отказ от права на допрос свидетеля и связанные с этим последствия. В деле «Макеев против РФ» Европейский суд рассмотрел вопрос: отказался ли обвиняемый от права на допрос свидетелей, не выдвинув возражений на оглашение их показаний? Европейский суд не признал наличие отказа от данного права, так как обвиняемый неоднократно ходатайствовал об обеспечении явки свидетелей в суд, следовательно, не считается недвусмысленно отказавшимся от права на допрос свидетелей [6].

Европейским судом выработана правовая позиция, согласно которой при рассмотрении жалобы о нарушении права обвиняемого на допрос и вызов свидетелей суд должен произвести оценку действий национальных органов правосудия с точки зрения трех критериев, для выяснения было ли судебное разбирательство справедливым [4]:

- 1) были ли предприняты государственными органами разумные меры для обеспечения явки свидетелей в суд;
- 2) были ли непроверенные показания свидетеля единственным или решающим основанием для приговора;
- 3) были ли достаточные уравновешивающие факторы, включая процессуальные гарантии, обеспечивавшие справедливость судебного разбирательства в целом.

Данные критерии целесообразно использовать и национальным судам при решении вопроса об оглашении показаний свидетеля или потерпевшего с целью контроля за соблюдением права обвиняемого на допрос свидетелей.

Против РФ были неоднократно вынесены Постановления Европейского суда, в которых признавалось нарушение права обвиняемого на допрос свидетелей. Такая негативная практика дала повод законодателям РФ пересмотреть некоторые положения уголовного законодательства и внести поправки в ст. 281 УПК с целью повышения гарантий обвиняемого на справедливый суд. В 2013 году в ч.2 ст. 281 УПК был введен п.5, который закрепляет возможность оглашения показаний не явившихся свидетелей по решению суда или ходатайству сторон только в том случае, если установить место их нахождения не удалось всеми разумными мерами. Следовательно, на органы власти возложена обязанность предпринять все объективно возможные меры для обеспечения явки свидетелей и потерпевших в суд. Данное положение учитывает правовую позицию Европейского суда, и в дальнейшем на практике должно способствовать уменьшению количества нарушений права обвиняемого на допрос свидетелей.

В 2016 году Федеральным законом № 40-ФЗ ст. 281 была дополнена п. 2.1, согласно которому в случаях, когда явка свидетеля является обоснованно невозможной, решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами. Таким образом, обвиняемому должно быть предоставлено право на допрос свидетелей непосредственно в суде, либо на очной

ставке, где обвиняемый может задавать вопросы, высказывать свои возражения [2]. Закрепление данной гарантии, основывается на правовой позиции Европейского суда, согласно которой не могут быть положены в основу обвинительного приговора показания свидетеля, которые были даны на предварительном расследовании, если обвиняемому не предоставили адекватную и надлежащую возможность оспорить показания свидетеля, допросить в момент дачи показаний [8].

Следует отметить, что целесообразным является закрепление права обвиняемого допрашивать свидетелей, потерпевших в ст. 47 УПК.

Учитывая вышеизложенное, практика Европейского суда оказывает положительный эффект на развитие уголовно-процессуального законодательства РФ, позволяет выявить пробелы в нормативном регулировании, восполнить их путем принятия новых законов, внесения поправок в УПК РФ, а также позволяет устранить противоречия между нормами, повысить гарантию эффективности судебной защиты и обеспечения права каждого обвиняемого на справедливое судебное разбирательство.

Список использованных источников:

1. Брусницын, Л.В. О праве обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей // Российская юстиция. 2016. № 1. С. 37 – 40.
2. Постановление ЕСПЧ по делу “Андандонский (Andandonskiy) против Российской Федерации» от 28 сентября 2006 г. Жалоба № 24015/02. [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Постановление ЕСПЧ по делу «Задумов (Zadumov) против Российской Федерации» от 12 декабря 2017 г. Жалоба № 2257/12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://apkrfkod.ru/>.
4. Постановление ЕСПЧ по делу «Иванов (Ivanov) против Российской Федерации» от 25 апреля 2013 г. Жалоба № 27100/03). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.echr.coe.int>.
5. Постановление ЕСПЧ по делу «Казиков (Kazakov) против Российской Федерации» от 4 декабря 2014 г. Жалоба № 16412/06. [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Постановление ЕСПЧ по делу «Макеев (Makeyev) против Российской Федерации» от 5 февраля 2009 г. Жалоба № 13769/04). [Электронный ресурс].

Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Постановление ЕСПЧ по делу «Трофимов (Trofimov) против Российской Федерации» от 4 декабря 2008 г. Жалоба № 1111/02): [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.echr.coe.int>.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2013 г. «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». № 10. – Режим доступа: <http://www.vsrp.ru>.

ЗАПРЕЩЕННЫЕ МЕТОДЫ ДОПРОСА В ГЕРМАНИИ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ДЕЛА МАГНУСА ГЕФГЕНА)

© Х. Морозова

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет, Университет Пассау

В рамках методов допроса рассматриваются различные формы допроса. Параллельно с самим допросом также существуют и другие методы, такие как конкретные вопросы для получения определенной информации, социальное взаимодействие, а также ложное представление [1].

Помимо этого, в Уголовно-процессуальный кодекс Германии включен каталог запрещенных методов допроса для защиты индивидуальных прав.

Ст. 136а УПК ФРГ посвящена запрещенным методам допроса. Согласно п.1 ч.1 ст. 136а УПК ФРГ свобода решения и волеизъявления обвиняемого не должны ущемляться посредством истязаний, переутомления, физического воздействия, введения веществ в организм, причинения физических и психических страданий, обмана или гипноза [2]. Под понятием причинения мучений понимается как продолжительное, так и повторное причинение физических или психических страданий [3].

Далее в этой статье особое внимание будет уделяться пыткам. Пытки в любом случае недопустимы, это регулируется в Основном законе ФРГ и в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ). Также не допускается угроза пыток [4]. В ч.1 ст. 1 Основного закона ФРГ предусмотрено, что достоинство человека неприкосновенно [5]. Согласно п.2

ч.1 ст. 104 Конституции ФРГ задержанные лица не могут подвергаться психическому или физическому насилию [5].

Термин «пытки» регулируется статьей 1 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10.12.1984 года и означает любое действие, при котором какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, с целью получения от него или от третьего лица сведения или признания, с целью наказания его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также чтобы запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома, или молчаливого согласия. [6].

На международном уровне статья 3 ЕКПЧ (Запрещение пыток) регулирует, что никто не может быть подвергнут пыткам или бесчеловечному, или унижающему достоинство наказанию или обращению [7].

Самым известным делом в Германии на тему пыток является дело Магнуса Гафгена против Германии.

Дело касается студента-юриста, который 27 сентября заманил ребенка под предлогом того, что сестра мальчика забыла у него свою куртку и он предложил ему ее забрать. Он отвез мальчика (являющегося сыном банкира Якоба фон Метцлера) в свою квартиру, где убил его. Затем он отправил родителям мальчика записку с требованием выкупа, в которой он вымогал 1 миллион евро за его освобождение. Гафген также заявил в письме, что ребенок еще жив. В тот же день он спрятал тело возле пруда [8].

Около часа ночи 30 сентября он получил выкуп. Преступник был опознан полицией по его номерному знаку, затем полиция начала слежку за ним. После того, как он несколько часов не пытался связаться со своей жертвой, а вместо этого заказал себе новую машину и забронировал отпуск, он был арестован 30 сентября 2002 года в аэропорту Франкфурта [8].

Во время допроса Магнуса Гефгена в полиции он далее продолжал скрывать местонахождение и состояние своей жертвы и обвинил двух непричастных знакомых в соучастии. Вице-президент полиции Вольфганг Дашнер приказал пригрозить Магнусу Гефгену пытками, так как с точки зрения полицейского еще была возможность спасти мальчика. Затем Гефген предоставил точную информацию о местонахождении трупа. За эту угрозу применения пыток Дашнеру был вынесен приговор суда [8].

В начале основного судебного заседания в отношении Магнуса Гефгена, он обратился с заявлением о прекращении производства по делу или, в качестве альтернативы, об исключении показаний, сделанных следственными органами, и о запрете использования доказательств, полученных в результате этих показаний [8].

Земельный суд Франкфурта-на-Майне 9 сентября 2003 года постановил продолжить производство по делу, но исключил все признания и заявления, сделанные в ходе предварительного расследования заявителем. [8].

Они были получены при угрозе пытками вопреки ст. 136а Уголовно-процессуального кодекса ФРГ, статье 1 и статье ч.104 Основного закона и статье 3 ЕКПЧ и, таким образом, с помощью запрещенных методов допроса. [8].

Однако доказательства, которые суд смог получить только благодаря показаниям обвиняемого, были допущены, так как их исключение непропорционально тяжести преступления [8].

Хотя обвиняемый был проинформирован о своем праве хранить молчание и о запрете на использование его более ранних показаний, в ходе разбирательства, чтобы взять на себя ответственность за свое преступление, обвиняемый еще раз признался в том, что похитил и убил мальчика [8].

Это признание было основополагающим основанием для решения земельного суда от 28.7.2003, в котором обвиняемый был осужден за похищение человека с целью выкупа со смертельным исходом в совокупности с убийством. Он был признан виновным и был приговорен к пожизненному заключению [8].

Ревизия (кассация), которая была подана против решения суда, была отклонена Федеральным судом 21 мая 2004 года, так как суд посчитал, что жалоба была необоснована [9].

Впоследствии поданная конституционная жалоба была признана недопустимой 14.12.2004 из-за недостаточного обоснования.

Федеральный конституционный суд установил, что земельный суд уже подтвердил нарушение Основного закона и статьи 3 ЕКПЧ, но что нарушения основных прав вне основного судебного заседания не обязательно влекут за собой неконституционность уголовного решения [10].

20 декабря 2004 г. Земельный суд Франкфурта-на-Майне вынес приговор полицейским. Сотрудник полиции Э. был осужден за злоупотребление своими полномочиями, являясь должностным лицом. Вице-президент франкфуртской полиции был осужден за подстрекательства подчиненного по службе к совершению противоправного деяния.

Они были предупреждены и оштрафованы. Суд установил, что осужденные действовали исключительно в целях спасения мальчика. При этом они находились под сильным давлением [11].

В деле Магнуса Гефгена очень хорошо видно, как национальные суды используют в юридической практике нормы, связанные с пытками и с запрещенными методами допроса.

Список использованных источников:

1. Weihmann Kriminalistik – Handbuch& Kapitel 11 – Vernehmung <http://www.weihmann.info/images/Kriminalistik/Kapitel%2011,%20Vernehmung.pdf> (abgerufen am 3.05.2019).

2. Strafprozessordnung der Bundesrepublik Deutschlands, vom 01.02.1877 <https://dejure.org/gesetze/StPO/136a.html> (abgerufen am 3.05.2019).

3. Die Vernehmung eines Beschuldigten, Sebastian M. Klingenberg <https://www.talentrocket.de/karrieremagazin/details/die-vernehmung-eines-beschuldigten-verbote-vernehmungsmethoden-und-folgen> (abgerufen am 3.05.2019).

4. Folter und/oder Drohen <https://www.anstageslicht.de/themen/justiz-und-polizei/folter-drohung-wolfgang-daschner/rechtsproblematik-folter-und-drohen/> (abgerufen am 3.05.2019)

5. Grundgesetz der Bundesrepublik Deutschland vom 23.05.1949. https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_1.html (abgerufen am 3.05.2019).

6. Übereinkommen gegen Folter und andere grausame, unmenschliche oder erniedrigende Behandlung oder Strafe vom 10. Dezember 1984 (BGBl. 1990 II S. 246) https://www.institut-fuer-menschenrechte.de/fileadmin/user_upload/PDF-Dateien/Pakte_Konventionen/CAT/cat_de.pdf (abgerufen am 3.05.2019).

7. Europäische Menschenrechtskonvention vom 4.11.1950. <https://dejure.org/gesetze/MRK/3.html> (abgerufen am 3.05.2019)

8. LG Frankfurt am Main, Urteil vom 28.07.2003 – 5/22 Ks 2/03 3490 Js 230118/02 <https://openjur.de/u/168232.html> (abgerufen am 3.05.2019)

9. BGH 2 StR 35/04 – Beschluss vom 21. Mai 2004 (LG Frankfurt/Main) <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/2/04/2-35-04.php> (abgerufen am 3.05.2019).

10. BVerfG 2 BvR 1249/04 (2. Kammer des Zweiten Senats) – Beschluss vom 14. Dezember 2004 (BGH/LG Frankfurt/Main) <http://www.hrr-strafrecht.de/hrr/bverfg/04/2-bvr-1249-04.php> (abgerufen am 3.05.2019)

11. Pressemitteilung& Urteilsgründung Daschner, 15.02.2005 <https://web.archive.org/web/20130302092306/http://www.lg-frankfurt.justiz.hessen.de/irj/>

servlet/prt/portal/prtroot/slimp.CMReader/HMdJ_15/LG_Frankfurt_Internet/med/acb/acb50880-b973-6411-aeb6-df144e9169fc,22222222-2222-2222-2222-222222222222,true.pdf (abgerufen am 3.05.2019)

О ЦЕЛЯХ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

© Я.В. Мусина

Научный руководитель: А.А. Брестер

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Конституция РФ и общепризнанные нормы международного права «допускают возможность ограничения права на свободу лишь в той мере, в какой оно необходимо в определенных законом целях...» [9]. В Российской Федерации отсутствует законодательное закрепление целей мер пресечения, что является большой практической проблемой, так как отсутствие правовой определенности способствует разночтению закона и спорам по поводу правильности его применения.

Проанализировав ряд данных учеными определений мер пресечения, мы видим, что мнения авторов сходятся в том, что меры пресечения являются разновидностью мер процессуального принуждения. В свою очередь к признакам мер процессуального принуждения относятся: наличие конкретных целей, вытекающих из общих задач судопроизводства и применение при наличии предусмотренных законом оснований, условий и в порядке, гарантирующем их законность и обоснованность [3, с. 13].

Многие ученые отождествляют цели мер пресечения с основаниями, перечисленными в статье 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ, то есть видят их в прекращении или устранении неправомерных действий (сокрытие от органов, ведущих производство; продолжение преступной деятельности; воспрепятствование установлению обстоятельств дела), представляющих угрозу интересам расследования и правосудия. Одной из причин, вводящих в заблуждение, является формулировка статьи 97 УПК РФ, в части второй которой указывается, что мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном статьей 466 УПК РФ, что указывает на цель. Однако в философской литературе понятия «основание» и «цель» рассматриваются как самостоятельные категории. Основание – это необходимое условие, которое выступает предпосылкой существования каких-либо явлений (следствий) и их объяснением.

Цель – это конечный результат деятельности человека (или коллектива людей), предварительное идеальное представление о котором и желание его достигнуть, определяют набор соответствующих средств и системы специфических действий по его достижению [6, с. 61]. Таким образом, категория «цель» в философии означает «предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия. В качестве непосредственного мотива цель направляет и регулирует действия, пронизывает практику как внутренний закон, которому человек подчиняет свою волю. Цель, выражая активную сторону человеческого сознания, должна находиться в тесной связи с объективными законами, реальными возможностями окружающего мира и самого субъекта» [13, с. 452-453].

Используя меру пресечения, правоприменитель не просто прекращает совершение действий, указанных в 97 статье Уголовно-процессуального кодекса РФ, но обеспечивает участие обвиняемого (подозреваемого) в предварительном расследовании, т.е. обеспечивает законный и беспрепятственный порядок предварительного расследования и судебного рассмотрения дела. В связи с этим более убедительной видится точка зрения С.И. Вершининой, которая считает, что целью применения мер пресечения следует рассматривать надлежащее поведение обвиняемого, подозреваемого при производстве по уголовному делу. Объясняется это тем, что меры необходимо рассматривать неотрывно от обвиняемого (подозреваемого), т.к. вопрос о применении к ним принудительного воздействия в превентивном порядке встает в связи с возникновением угрозы их ненадлежащего процессуального поведения. «С учетом того, какая совокупность обстоятельств выступает в качестве основания применения принуждения и какая модель поведения обвиняемого необходима органу расследования или суду в дальнейшем, производится выбор меры пресечения. Соответственно, применение мер процессуального пресечения направлено не на любое поведение обвиняемого, подозреваемого, а именно на определенную модель надлежащего поведения. Это результат, к которому стремится и который способна обеспечить при правильном ее применении любая мера пресечения независимо от характера и объема применяемых ограничений» [4, с. 120].

Также в литературе отмечается, что мерам пресечения присуща специфическая целенаправленность, выражающаяся в защите правопорядка в сфере уголовного судопроизводства, предупреждении и устранении помех на пути к правильному разрешению дела, охране законных интересов участников процесса, и как следствие – содействие борьбе с преступностью. Таким образом, целью мер пресечения выступает создания надлежащих условий для

уголовно-процессуальной деятельности путем обеспечения надлежащего поведения обвиняемого, подозреваемого при производстве по уголовному делу, а не прекращение неправомерных действий, указанных в статье 97 УПК РФ.

Такой способ определения целей мер пресечения соответствует первоначальному наименованию института – «меры пресечения возможности обвиняемому уклонения от следствия и суда», целям мер уголовно-процессуального принуждения, которые заключаются в обеспечении принудительного исполнения обязанностей или предотвращения гипотетического уклонения от исполнения данных обязанностей теми участниками процесса, которые не являются должностными лицами или членами профессиональных сообществ [5, с. 522], а также обеспечивает правовую определенность и четкое разграничение целей и оснований мер пресечения.

Список использованных источников:

1. Барабаш, А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12. – С. 184–190.
2. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – 14-е изд-е. перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015. – 560 с.
3. Бушная, Н. В. Проблемы применения мер процессуального принуждения в стадии предварительного расследования : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Волгогр. акад. МВД России. – Волгоград, 2005. – 26 с
4. Вершинина С.И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. – 2017. – № 6. – С. 115 – 125.
5. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 1280 с.
6. Манова Н.С., Шестерикова А.И. О соотношении оснований и целей применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве // Право. Законодательство. Личность. – 2014. – № 2 (19). – С. 59-63.
7. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. – М. Право и Закон, 1996. – 304 с.

8. Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ / В. М. Лебедев [и др.] ; под общ. ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2014. – 851 с.

9. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс] : Постановление Пленума ВС РФ от 19.12.2013 г. № 41 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – Москва : Проспект, 2018. – 384 с.

11. Уголовный процесс России : Учебник / Н. А. Громов, В. А. Пономаренков, Ю.В. Францифоров. – М. : Юрайт, 2001. – 555 с.

12. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Кнорус, 2008. – 704 с.

13. Философский словарь [Текст] / Под ред. М. М. Розенталя. – 3-е изд. – Москва : Политиздат, 1972. – 496 с.

СРЕДСТВА ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: НЕСОВЕРШЕНСТВО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

© **Е.М. Набиева**

Научный руководитель: Л.Л. Абрамова

Сибирский юридический институт МВД России

Возбуждение уголовного дела – первоначальная стадия уголовного судопроизводства. В ходе этой стадии проводится проверка сообщения о преступлении, результатом которой является принятие одного из итоговых решений – о возбуждении уголовного дела, либо об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом на законодательном уровне термин «доследственная проверка» нормативно не закреплен. Статья 144 УПК РФ, именуемая «порядок рассмотрения сообщения о преступлении», регламентирует состав участников, сроки, средства и порядок проведения проверки сообщения о преступлении. Уже поверхностный анализ приведенной нормы позволяет судить о том, что название статьи не в полной мере охватывает ее содержание.

Правоприменитель в самом общем виде под доследственной проверкой понимает совокупность процессуальных мероприятий, проводимых

уполномоченными органами, в целях проверки заявлений и сообщений на предмет наличия либо отсутствия в них признаков преступления.

В теории уголовного процесса проблемам проверки сообщений о преступлениях посвятили свои труды известнейшие ученые-юристы, как Б.Т. Безлепкин, В.П. Божьев, Н.А. Власова, С.А. Грачев, В.Н. Григорьев, А.А. Давлетов, Н.В. Жогин, В.И. Зажицкий, Н.Н. Ковтун, Г.Н. Королев, В.А. Лазарева, П.А. Лупинская, П.Г. Марфицин, А.Р. Михайленко, Я.О. Мотовиловкер, К.В. Муравьев, М.П. Поляков, А.П. Рыжаков, В.А. Семенцов, В.Т. Томин, Ф.Н. Фаткуллин, Г.П. Химичева, С.А. Шейфер, и многие другие. О сущности, задачах, направлениях совершенствования стадии в юридической литературе высказываются различные, зачастую противоположные точки зрения. Одни авторы полагают необходимым решить проблемы досудебного производства посредством его реорганизации, сопровождаемой изменением его структуры. Еще в советский период высказывались предложения рассматривать стадию возбуждения уголовного дела в составе стадии предварительного расследования (М.Л. Шифман) [6, с. 33-34].

Другая группа ученых-процессуалистов, в числе которых следует назвать Б.Я. Гаврилова, В.Ю. Деришева, настроены еще более радикально, обосновывают потребность ликвидации стадии возбуждения уголовного дела [2; 3, с. 23-27; 4, с. 71-75].

В силу необходимости оптимизации досудебного производства и допускаемых законодателем в последнее время просчетов в реформировании уголовно-процессуального законодательства, отрицательно повлиявших на эффективность уголовно-процессуальной деятельности, необходимость совершенствования процедуры доследственной проверки не теряет своей актуальности [5, с. 20-201]. При этом, как в теории, так и на практике, наиболее остро встают вопросы, касающиеся средств проверки сообщений о преступлениях. Так, в ходе стадий предварительного расследования и судебного разбирательства правоприменитель обладает широким спектром инструментов получения доказательств. Тогда как при проверке заявлений и сообщений преступлениях их перечень строго ограничен.

Сложности возникают еще и в том, что мероприятия, проводимые в ходе доследственной проверки, регулируются не только нормами УПК РФ, но и федеральными законами «Об оперативно-розыскной деятельности», «О полиции», другими, в том числе ведомственными нормативными правовыми актами. Так, согласно ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования,

истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В теории уголовного процесса и на практике достаточно распространены предложения разрешить проведение в ходе проверки сообщения о преступлении проведение личного обыска и обыска в помещении, допроса потерпевшего и подозреваемого, если они находятся в опасном для жизни состоянии, следственного эксперимента, любых следственных действий, если они не связаны с применением мер процессуального принуждения и не ограничивают права граждан и др. Эта позиция обосновывается требованиями процессуальной экономии, скорейшего доступа к правосудию, исключения дублирования, по сути, одинаковых процессуальных действий. Более того, расширение круга правовых средств проверки призвано в конечном итоге устранить случаи незаконного и необоснованного возбуждения уголовных дел.

Между тем, по мнению доктора юридических наук Г.П. Химичевой расширение перечня следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела, уничтожит важнейшую гарантию, ограждающую граждан от произвола в применении принуждения со стороны органов расследования, приведет к стиранию границ между рассмотрением сообщения о преступлении и предварительным расследованием, позволяющим существенно ограничить права и законные интересы личности. Процессуалист считает, что практически все процессуальные действия в той или иной мере содержат элементы принуждения. Таким образом, предложение об установлении возможности производства следственных действий, которые не связаны с мерами принуждения и не затрагивают прав граждан, до возбуждения уголовного дела фактически означает разрешение проведения любого следственного действия при проверке сообщения о преступлении [8]. М. Махмутов также высказывается за существенное сокращение средств доследственной проверки [7, с. 39-43].

Существенное расширение приемов доследственной проверки произошло с принятием Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Законодателем были существенно дополнены средства проверки, а именно, получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование и

изъятие предметов и документов, назначение судебной экспертизы, осмотра предметов и документов. Однако, несмотря на внесенные дополнения, проблемы проведения и фиксации проверочных действий первоначальной стадии не были исчерпаны.

Полагаем, что первопричина дискуссии кроется в том, что не понятна правовая природа проверочных действий. Так, например, участникам доследственной проверки разъясняются их права, предусмотренные УПК РФ. Этими правами наделены участники процесса – свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые, но не лица дающие объяснения в ходе доследственной проверки, или лица, представляющие по запросу предметы и документы. Правовой статус данных лиц, их права и обязанности в законе не определены. Справедливо возникает вопрос, какие права должны разъясняться? Законодатель не дает на это четкого ответа. При этом, проявляется еще одна проблема: чем тогда отличается получение объяснений от допроса? Не секрет, что в практической деятельности следователи (дознаватели) при наличии в материале проверки объяснения лица, формально дублируют в ходе предварительного расследования его показания при проведении допроса.

Многие авторы, такие как Чуркин А.В., Жамкова О.Е. считают правильным узаконение объяснений как способа доследственной проверки [9, с. 19-22; 10, с. 10-18]. Косвенно такую позицию разделяет и Верховный Суд РФ, которым установлено, что объяснения лица, полученные в ходе проверки, в случае, когда нарушено его право на помощь адвоката, должны рассматриваться судами как доказательства, полученные с нарушением закона [1].

Полагаем, что решение данных проблем возможно найти в следующем. Необходимо расширить средства (способы) проверки сообщений о преступлениях, а именно, допустить в стадию возбуждения уголовного дела следственные действия – допрос подозреваемого, потерпевшего, свидетеля с разъяснением им прав, предусмотренных соответствующими статьями УПК РФ. Также считаем возможным разрешить при проведении доследственной проверки тех следственных действий, о которых ходатайствуют заинтересованные лица. Главным условием при этом должно служить добровольное согласие лица на проведение тех или иных следственных действий.

Указанное позволило бы существенно повысить эффективность деятельности правоохранительных органов на начальном этапе уголовного судопроизводства, что в полной мере отвечало бы его назначению, в частности, защите прав и интересов потерпевших, а также интересов личности, в отношении которой осуществляется любая обвинительная деятельность.

Список использованных источников:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (пункт 17) // СПС КонсультантПлюс.
2. Гаврилов Б. Я. Институт возбуждения уголовного дела: генезис, современное состояние и пути совершенствования / Б. Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. – 2010. – № 3.
3. Гаврилов Б.Я. Деформация досудебного производства: мифы и реалии // Научный журнал. Вестник Нижегородской правовой академии. – Н. Новгород, 2015. №5. С. 23-27.
4. Деришев Ю.В. Реликт социалистической законности мутирует // Уголовный процесс и криминалистика. 2017. № 6. С. 71-75.
5. Дискуссионная трибуна // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 20-201.
6. Жогин Н.В. Возбуждение уголовного дела / Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. – М.: Госюриздат, 1961.
7. Махмутов М. Закон о дознании в сокращенной форме и реформа стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2013. №7. С. 39-43.
8. Химичева Г.П. Уточнить процедуру доследственной проверки [Электронный ресурс] // URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/63493-utochnit-proceduru-dosledstvennoj-proverki> (дата обращения 13.04.2019).
9. Чуркин А. В. Допустимость в уголовном процессе объяснений как новых доказательств // Российский следователь. 2013. № 17. С. 19-22.
10. Жамкова О. Е. Процедура получения объяснений при проверке сообщений о преступлении нуждается в регулировании // Российский следователь. 2013. № 2. С. 10-18.

**ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ ЛИЦА,
ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ,
В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ОСНОВНОМУ УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ
В ОТНОШЕНИИ СОУЧАСТНИКОВ В СТАДИИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

© А.А. Никишина

Научный руководитель: А.А. Брестер

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

С момента появления института досудебного соглашения до момента внесения изменений Федеральным законом от 30.10.2018 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] в российском уголовном процессе фактически существовал участник уголовного судопроизводства – лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, статус которого не был законодательно урегулирован. В период отсутствия специального законодательного регулирования статуса данного участника, в следственно-судебной практике сложился определённый алгоритм работы по получению и использованию сведений, сообщённых лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве. Соблюдение правоприменителями данного алгоритма действий привело к тому, что данные сведения приобрели ключевое значение в доказывании по основному уголовному делу в отношении других соучастников, а лица, заключающее такие соглашения, стали часто становиться единственными источниками информации при расследовании преступлений, совершенных в соучастии. Впоследствии были выявлены множество проблемных вопросов при получении и использовании сведений, сообщённых соучастниками, заключившими досудебное соглашение о сотрудничестве, которые стали предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ и причиной многочисленных жалоб в Европейский Суд по правам человека в связи с нарушениями прав соучастников по основному делу на справедливое судебное разбирательство. Однако правовые позиции указанных судов, направленные на изменение в доказательственной деятельности по основному уголовному делу соучастников, не в полной мере были восприняты законодательством и практикой. В УПК РФ [2] в настоящее время также не содержится положений о том, какое значение в доказывании по основному уголовному делу в отношении других соучастников имеют сведения, сообщаемые лицами, сотрудничающими со следствием в рамках

досудебного соглашения. В такой ситуации, вопрос об использовании в процессе доказывания сведений, сообщаемых лицом, заключившем досудебное соглашение о сотрудничестве, остается нерешенным.

Прежде всего, на основании положений УПК РФ и позиций Конституционного Суда РФ [3] Верховного Суда РФ [4] было выяснено, что лица, заключившие досудебное соглашение, выполняют взятые по нему обязательства путем сообщения сведений, способствующих расследованию и раскрытию преступления, розыску имущества, изобличению только других соучастников преступления, т.е. возможность заключения данного соглашения при совершении преступления им единолично и при сообщении о преступлениях, совершенными другими лицами, в которых данное лицо не принимало участия, исключается.

Далее был изучен порядок проведения следственных действий, которые могли бы быть использованы для получения сведений от лица, заключившего досудебное соглашение. В результате изучения, было выявлено, что ни один из возможных способов получения сведений, закрепленных в УПК РФ, не учитывает всех особенностей процессуального статуса лица, заключившего досудебное соглашение, что ставит под сомнение допустимость самих сведений и возможность их использования в процессе доказывания по основному уголовному делу, так как отсутствует необходимая предпосылка к этому в виде допустимого способа получения. Поэтому потребуются внесение изменений, которые бы в полной мере учитывали все особенности процессуального статуса, выявлены КС РФ в Постановлении от 20.07.2016 № 17-П [3] с одновременным изменением порядка проведения следственных и процессуальных действий, которые будут адаптированы для нового участника, либо разработкой специальной процедуры, предназначенной исключительно для получения сведений от участника уголовного судопроизводства, указанного в ст. 56.1 УПК РФ.

Обозначенные выше проблемы существенно осложняют работу лицом, заключившем досудебное соглашение о сотрудничестве – источником информации и сообщаемыми им сведениями. В таком случае необходимо решить главный вопрос о назначении указанных сведений в доказывании по основному уголовному делу, которое определяет условия их использования. Для решения данного вопроса, было предложено две концепции о назначении сведений, которые сообщаются лицом, заключившем досудебное соглашение о сотрудничестве, в доказывании по основному уголовному делу в отношении соучастников. Данные сведения могут быть использованы в качестве доказательства, либо в качестве информации, которая будет предназначаться для поиска доказательств (оперативная, направляющая информация), но сама по

себе такая информация не будет иметь доказательственной ценности. Соответственно алгоритм работы следователя с этими средствами должен выстраиваться по-разному.

Различие данных концепций проявляется в следующем.

Во-первых, в способе получения сведений. Оперативная информация может быть получена при проведении оперативно-розыскных мероприятий, в частности, при проведении оперативного опроса [5]. Для получения сведений от лица заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и дальнейшего использования его в качестве доказательства потребуются выбор допустимого способа их получения. Но как указывалось ранее, в настоящее время такой способ отсутствует.

Во-вторых, в различном содержании сведений. При оперативном опросе должны быть получены сведения не о событии преступления, виновности других соучастников или иных обстоятельствах ст. 73 УПК РФ, а информация, которая будет использована для поиска имущества или для обнаружения других соучастников, любая информация, которая будет способствовать поиску доказательств. Если сведения будут использоваться в качестве доказательства, то следователю при проведении процессуального действия необходимо получить информацию об обстоятельствах совершения преступления соучастниками или об обстоятельствах, имеющих значение для его расследования и разрешения уголовного дела.

В-третьих, отличается характер использования сведений. Оперативная информация используется для поиска доказательств доказательства – для обоснование виновности соучастников по основному уголовному делу

В-четвертых, разный уровень обеспечения гарантий для соучастников по основному делу. Использование сведений, сообщаемых лицом заключившем досудебное соглашение, в качестве доказательства предполагает обеспечение следователем возможностей для осуществления эффективной защиты соучастниками по основному делу и для оспаривания изобличающих показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, с учетом международно-правовых стандартов, выработанных в практике ЕСПЧ. Получение и использование оперативной информации не требует обеспечения таких гарантий, так как они не будут положены в обоснование виновности соучастников по основному делу.

В итоге, делается вывод о том, что в действующем правовом регулировании для реализации концепции об использовании сведений, сообщаемым лицом, заключившем досудебное соглашение о сотрудничестве, в качестве доказательства нет необходимых условий, так как особый статус источника

доказательства детально не урегулирован, не учитываются международные правовые стандарты, ограничивающие и запрещающие использование показаний, не обеспечиваются гарантии, достаточные для эффективного осуществления соучастниками по основному уголовному делу права на защиту. Для восполнения пробелов в законодательстве и устранения противоречий и препятствий потребуется внесение большого количества изменений в УПК РФ. Без кардинального изменения законодательства указанные сведения можно использовать в качестве оперативной информации, получение и использование которых, в таком случае, представляется более простым для реализации вариантом.

Список использованных источников:

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] : федер. закон от 30.10.2018 № 376-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

4. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Об оперативно-розыскной деятельности / [Электронный ресурс] : федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

НАВОДЯЩИЙ ВОПРОС В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ США И КАНАДЫ

© И.Л. Овчинников

Научный руководитель: А.И. Баянов

канд.юрид.наук

Сибирский федеральный университет

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации устанавливает запрет на постановку «наводящих» вопросов, определяет действия уполномоченных субъектов, если такие вопросы ставятся в процессе допроса и других следственных действий (очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте), устанавливает юридические последствия для ответов, полученных на «наводящие» вопросы (ст. 75 УПК РФ). Однако законодательное регулирование запрета на постановку «наводящих» вопросов (отсутствие нормативного понятия «наводящего» вопроса, противоречивость процедуры определения вопроса «наводящим» и т.п.), наличие в юридической литературе утверждения о допустимости постановки «наводящих» вопросов и т.п. свидетельствует о том, что проблема «наводящих» вопросов в российском законодательстве окончательно не решена. В связи с этим, представляет значительный интерес решение упомянутого вопроса в законодательстве, судебной практике и научной литературе других стран мира. Предметом нашего внимания будет законодательство, судебная практика и научные рекомендации таких развитых стран как США и Канада.

В Соединенных Штатах Америки и Канаде **нет** законодательного закрепления данного понятия, «наводящий вопрос». При этом следует обратить внимание, что все-таки в допросах применяются вопросы, подпадающие под содержание определения «наводящего вопроса» [1]. Например, в Америке правоохранительными органами широко применяется «тактика Рейда», разработанная Джоном Рейдом в середине 1990-х годов. Суть и цель «тактики Рейда» – признание обвиняемым вины, получаемое путем девяти шагов: прямая конфронтация; отклонение; превосходство; превращение возражений в подтверждения; проявление эмпатии; проработка различных сценариев; постановка «альтернативных вопросов»; повторение; фиксация в письменной форме [8]. Эффективность тактики обусловлена применением психологических манипуляций и распознаванием «языка тела», что послужило также поводом для критики: допрос приводит к ложным признаниям, особенно в случае с несовершеннолетними (такая тактика запрещена в ряде европейских стран). В 2012

году в Канаде решением суда провинции Онтарио (Канада) «тактика Рейда» признана конфронтационной, психологически манипулятивной и особенно опасной тогда, когда полицейские применяют ее неправильно или необоснованно. И вот именно в такой тактике как превращение возражений в подтверждения отчетливо проявляется постановка «наводящих вопросов». Например, подозреваемый может назвать причину, в соответствии с которой он не мог совершить это преступление, ссылаясь на характеристики собственной личности. Он может заявить: «Я ненавижу насилие» – опытный следователь может превратить это утверждение в приемлемое объяснение того, почему допрашиваемый совершил инкриминируемое ему деяние, например: «То есть вы не собирались убивать, не так ли?» [9].

Другой способ, который используют американские следователи, так именуемый PEACE аббревиатура от Planning and preparatin, Engage and explain, obtain, an Acount, Closure, and Evalution переводя слово в слово: планирование и подготовка, привлечь и объяснить, задавать вопросы, уточнить, получить признание, закрытие разговора и анализ. Этот метод значительно более эффективен, чем подход, основывающийся на обвинении подозреваемого. PEACE подразумевает, что следователь дает возможность подозреваемому выговориться, не оказывая психологического давления на него. То есть здесь тоже у сотрудников правоохранительных органов имеется возможность по этому методу задавать «наводящие вопросы» [2,4].

Существует ещё один способ используемый как американскими, так и канадскими спецслужбами. Их идея получения признания базируется на рационализации – устройство психологической обороны, при котором в мышлении используется лишь только та доля воспринимаемой информации, и делаются только лишь те выводы, благодаря которым поведение предстаёт как отлично контролируемое и не противоречащее объективным обстоятельствам. Говоря по другому, это попытка по факту сделать гармонию между желаемым и реальным положением и тем самым предупредить утрату самоуважения. Это попытка объяснить поведение, не объяснимое с помощью объективного анализа ситуации, или же попытка оправдать неудачу, ошибку, оплошность. К примеру, пассивное поведение может быть рационализировано предосторожностью, агрессивное – обороной, а равнодушие – желанием сделать находящихся вокруг более самостоятельными. Специалист выступает в роли посредника, ассистента в сложной трудной жизненной ситуации, который помогает отыскать правильно выглядящее оправдание, призванное уверить его и находящихся вокруг в осмысленных и благовидных основаниях совершенного

поступка или же правонарушения. При этом индивид, помаленьку и сам начинает чистосердечно верить в свои собственные рационализации [3].

Следующий способ ведения допроса американскими и канадскими правоохранительными органами именуется «Метод Плацебо», его используют некоторые сотрудники полиции во всех странах мира. Сущность данного метода: обвиняемому дают специальный препарат («безобидную витаминку»), а позже беседуют и говорят, что это была сыворотка правды. В случае если лицо сознательно или подсознательно собиралось о чем то рассказать, то подобный блеф срабатывает и выбалтывает всё [6].

Следует отметить, что в технологии «Адвокат дьявола», применяемой в странах лежит схема постановки двух специальных вопросов. Первый вопрос ставится после того, как субъект выразил свое мнение по повод проверяемых событий (например, «Я выступаю за войну в Ираке»). В такой ситуации допрашивающий должен задать вопрос с целью определения истинного мнения допрашиваемого: «Что заставило Вас принять такое решение по этой проблеме?». Затем следует второй вопрос по методике «Адвокат дьявола»: «Что Вы можете сказать в пользу этого мнения или против него?» (допрашивающий спрашивает «против», если допрашиваемый выразил позитивную оценку событию и «за» – если допрашиваемый выразил негативную оценку). Так можно сказать, что такой способ похож на постановку наводящих вопросов на ответ. В данной ситуации наблюдается наведение на определенный, «нужный» следователю ответ. Данная методика имеет своей целью получение только правдивых, объективных, показаний, и, одновременно, изобличение лживых показаний допрашиваемого [7].

В итоге, необходимо сказать, что в США, и Канаде нет законодательного закрепления понятия «наводящий вопрос». По поводу запрета таких вопросов выступают суды и ученые. Но, на практике все выглядит иначе. Описанные мною в качестве примеров методы и тактики проведения допроса предполагают и не запрещают постановку вопросов, подпадающих под категорию «наводящие» [5]. То есть, на основании этих методических рекомендаций имеется возможность ставить «наводящие» на определенный ответ вопросы допрашиваемому. Тем более, что эти методики широко применяются американскими спецслужбами. И здесь появляется следующий вопрос. Как разграничить «наводящий вопрос», который прямо отрицается органами судебной власти и « не наводящий вопрос»? Какие критерии разграничения могут быть? На какие нормативно-правовые акты следует опираться, решая вопрос об отнесении вопроса к категории «наводящих»? До сих пор, данный правовой пробел в уголовно-процессуальном законодательстве изучаемых государств

полностью не разрешен и требует урегулирования. Одновременно нет обязанности (юридической) фиксировать такие вопросы. При этом, необходимо учитывать, что на практике система уголовного-процессуального права данных государств ставит следующую цель допроса – это получение достоверной и правдивой информации, связанной и соответствующей объективной реальности. А не «выдавить» с допрашиваемого лица «необходимую» информацию следователем в том случае, когда это лицо не являлось участником каких-либо событий, к примеру [10].

Список использованных источников:

1. Еникеев, М.И. Психологический энциклопедический словарь. Издательство: Проспект ТК Велби.
2. Зырянова Анастасия. Как новая методика допросов переворачивает криминалистику. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/1drau2>.
3. Оруэлл Джордж. Проза отчаяния и надежды (сборник): / Д. Оруэлл. – Лениздат, 1990.
4. Пинто Орест. Охотник за шпионами. Глава 2 Методы допроса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/4347>
5. Сулейманова, С.Т. Правосудие по-канадски // Актуальные проблемы политики и права. – Пенза; Саратов: Инф.-изд. центр ПГУ, 2004. – Вып. 7. – С. 227-236.
6. Тигров Сергей. Плацебо, что это такое простыми словами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/c1tcf8>
7. Холевчук, А.Г. Тактика допроса «Адвокат дьявола» – новый подход в детекции лжи (опыт Великобритании и США) / А.Г. Холевчук // Вестник Академии знаний. – 2015. – № 3(14). – С. 44-49
8. Fred Inbau, John Reid, Joseph Buckley, Brian Jayne. Издательство: Jones & Bartlett Publishers, Криминальный допрос и признание. 2011 г.
9. John E. Reid & Associates, Inc. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.reid.com/>.
10. Wolf_Kitses. Социальное давление и самопредательство: роль когнитивного диссонанса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.gl/G2mh6E>.

ОТГРАНИЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ ОТ ИНЫХ ВИДОВ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

© Г.В. Павлова

Научный руководитель: Н.Г. Логинова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Согласно ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) одним из видов доказательств являются показания. Показания представляют собой устное сообщение следователю, дознавателю или суду об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, которое формируются в результате допроса подозреваемого/обвиняемого, если он желает дать показания, потерпевшего и свидетеля, если они, в соответствии со ст. 51 Конституции РФ не отказались от дачи показаний, а также эксперта и специалиста, которые могут подлежать допросу по поводу данного ими заключения.

Доказательственное значение показания приобретают только при соблюдении процедуры допроса и надлежащем отражении показаний в протоколе допроса. Действующее Уголовно-процессуальное законодательство признает недопустимыми показания подозреваемого/обвиняемого, полученные в отсутствие защитника (п.1 ч.2 ст. 75), а также показания свидетеля, основанные на догадке, предположении или слухе, либо в том случае, если он не может указать источник своей осведомленности (п.2 ч.2 ст. 75).

Исходя из принципа непосредственности и устности судебного разбирательства, суд заслушивает показания потерпевшего, обвиняемого, свидетелей, оглашает протоколы следственных действий, тем самым производя исследование доказательств (ч.1 ст. 240).

Существует точка зрения, согласно которой считается, что доказательствами являются именно показания, а не протокол допроса, поскольку последний является лишь письменной формой закрепления показаний [4, с. 52]. Согласно же ст. 74 УПК РФ непосредственными доказательствами являются и протоколы следственных действий.

УПК РФ указывает на то, что показания подозреваемого/обвиняемого могут быть получены только в результате допроса (ст.76-77). Вместе с тем, профессор С.А. Шейфер указывает на то, что познавательную основу получения показаний составляет операция расспроса [5, с. 106]. Системный анализ УПК РФ позволил делать вывод, что проверка показаний на месте, очная ставка и предъявление для опознания имеют схожую с показаниями познавательную

основу. Из этого следует, что показания подозреваемым/обвиняемым, свидетелем, экспертом и специалистом могут быть даны и при производстве иных следственных действий: проверки показаний на месте, очной ставки и предъявления для опознания.

В соответствии с положениями УПК РФ очная ставка проводится в случае, если между показаниями ранее допрошенных участников процесса имеются существенные противоречия (ч.1 ст. 192). При предъявлении для опознания опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при котором они видели предмет или лицо, а также приметах, по которым могут его опознать (ч.2 ст. 193). Проверка показаний на месте проводится для установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и также осуществляется только при наличии ранее данных показаний (ч.1 ст. 194).

Таким образом, ни одно из указанных следственных действий не может быть проведено без предшествующего ему допроса. Как верно подмечает С.А. Новиков, при проведении этих действий могут быть получены новые сведения, которые также должны признаваться показаниями [1, с. 19].

Существует также точка зрения, сторонники которой считают, что показания могут быть получены только в результате допроса и очной ставки, но не предъявления для опознания [2, с. 269; 3, с. 6]. А.В. Победкин обращает внимание на то, что хотя вербальную информацию можно получить в ходе различных следственных действий, эта информация не будет являться показаниями только исходя из ее вербального характера [2, с. 269]. Между тем вряд ли с этим возможно согласиться, поскольку как для проверки показаний на месте, так и для предъявления для опознания самым важным фактором являются именно показания, помогающие установить или уточнить обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

Заслуживает внимания тот факт, что суды также исходят из необходимости признания за такими следственными действиями как очная ставка, проверка показаний на месте и предъявление для опознания доказательственного значения именно в качестве показаний.

В постановлении Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» в пункте 8, содержатся показания подсудимого, потерпевшего и свидетелей, данные ими в ходе очной ставки, и они приравняются к показаниям, полученным в результате допроса.

Представляется интересным и кассационное определение от 3 июня 2005 года по делу № 82-о05-13, где суд Верховный суд не согласился с выводом

суда первой инстанции. Потерпевшие М. и Л. на судебное заседание первой инстанции не явились, и судом в их отсутствие были оглашены показания потерпевшего М., полученные в ходе очной ставки, а также был осуществлен просмотр видеозаписи проверки показаний на месте потерпевшего Л. При этом сторона защиты, в том числе осужденные были против оглашения показаний. Как следует из УПК РФ, оглашение показаний при отсутствии согласия сторон в случае неявки в судебное заседание свидетеля или потерпевшего возможно только в случаях, предусмотренных ч.2 ст. 281 УПК. В остальных случаях, согласно ч.1 указанной статьи оглашение показаний допускается исключительно с согласия сторон. Однако суд первой инстанции, обосновывая свои действия, указал, что очная ставка и проверка показаний на месте являются самостоятельными следственными действиями, и запрет на оглашение показаний потерпевшего без согласия сторон в случае его неявки относится только непосредственно к протоколу допроса свидетеля. Верховный суд счел выводы суда первой инстанции ошибочными и противоречащими закону, отметив, что в протоколах очной ставки и проверки показаний на месте изложены непосредственные показания потерпевших об обстоятельствах, очевидцами которых они являлись. Поэтому отсутствует принципиальная разница между такими следственными действиями, как протокол допроса потерпевших и протоколы очной ставки и проверки показаний на месте происшествия.

Из этого следует вывод о том, что правила проведения допроса, предусмотренные ст. ст.187-190 и ч.1 ст. 281 УПК РФ, также должны распространяться и на очную ставку, предъявление для опознания и проверку показаний на месте.

К рассматриваемым следственным действиям также применимы положения ст. 75 УПК РФ. Согласно п.1) ч.2 которой, на наш взгляд, показания подозреваемого/обвиняемого, данные в ходе досудебного производства в отсутствие защитника, являются недопустимыми доказательствами. То есть, при даче подозреваемым/обвиняемым показаний, как в ходе допроса, так и в ходе очной ставки, предъявления для опознания и проверки показаний на месте необходимо присутствие защитника для того, чтобы эти доказательства могли быть исследованы в судебном заседании.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что показания, как вид доказательств, могут быть получены не только в результате допроса, но и в результате иных следственных действий: очной ставки, предъявления для опознания и проверки показаний на месте.

На основании изложенного, представляется возможным с целью устранения имеющихся в уголовно-процессуальном законе противоречий

дополнить в ст. ст.76-79 УПК РФ определением показаний, и изложить их в следующей редакции: «показания... – сведения, сообщенные им на допросе, очной ставке, предъявлении для опознания или проверке показаний на месте...».

Список использованных источников:

1. Новиков С.А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Новиков. – СПб., 2003. – 222 с.
2. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: монография / А.В. Победкин. – М.: МосУ МВД России, 2005. – 420 с.
3. Сидорова Н.В. Правовое регулирование показаний свидетеля в российском уголовном процессе: история, современное состояние: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Сидорова. – Тюмень: ТГУ, 2004. – 22 с.
4. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер. – М.: Норма, 2019. – 240 с.
5. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С.А. Шейфер. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 230 с.

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ И РЕАЛИЗУЕМЫЕ В НИХ КОМПЛЕКСЫ СЛЕДСТВЕННЫХ И ИНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ КРЕДИТА

© А.А. Петрова

Научный руководитель: И.А. Журавлева

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Устойчивость финансовой и кредитно-денежной системы нашей страны в данный момент в большей степени обусловлено от уровня защищенности банковской системы. Работники правоохранительных органов утверждают, что количество преступлений по ст. 176 УК РФ «Незаконное получение кредита» с годами становится все больше. Общественная опасность этого преступления заключается в том, что из-за того, что у заемщика отсутствует

реальная возможность погасить задолженность перед кредитным учреждением, что может привести к банкротству кредитного учреждения и снижения количества кредитных учреждений в стране [1, с. 36-42].

Можно выделить четыре типичные следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования:

1. Поступила информация о факте незаконного получения кредита, имеются данные, указывающие на подозреваемого, но он отрицает свою причастность к совершению данного преступления – 50 %.

2. Поступила информация о факте получения кредита, имеется подозреваемый в совершении преступления, который дает правдивые показания – 24 %.

3. Поступила информация о факте незаконного получения кредита, подозреваемый не отрицает совершения неправомерных действий, а работники банка отрицают неправомерность своих действий – 14 %.

4. Поступила информация о факте незаконного получения кредита, преступник известен, но скрывается и его местонахождение неизвестно – 12 % [2, с. 311].

Из приведенных типичных следственных ситуаций наиболее сложными являются первая и четвертая следственная ситуация. Это связано с тем, что подозреваемые лица разными способами пытаются помешать следствию. Для успешного разрешения данных следственных ситуаций необходимо оперативное проведение следственных действий до того, как доказательства будут уничтожены или испорчены.

Данным следственным ситуациям присуще выявление фактов незаконного получения кредита из поступивших в правоохранительные органы сообщений граждан, сведений из средств массовой информации, сообщений должностных лиц, распределяющих кредитные средства, а также материалов ревизий или документальных проверок. При поступлении такой информации в правоохранительные органы ими проводится предварительная проверка поступивших материалов. Если следственные действия проводятся не эффективно, то это дает возможность подозреваемому лицу скрыться либо предпринять меры для сокрытия преступления, такие как уничтожение вещественных доказательств и документов, способных доказать факт незаконности получения кредита, попытаться подкупить или запугать соучастников, свидетелей или должностных лиц, выработать линию поведения на допросах, укрывать имеющиеся ценности, дорогостоящее имущество и т. д.

Поэтому основной задачей в данной ситуации является сбор следственной информации. И в четвертой ситуации главная задача наряду со

сбором доказательств отыскание лица подозреваемого в совершении преступления.

Вторая следственная ситуация из перечисленных является для расследования незаконного получения кредита наиболее простой. Она возникает в результате сообщений банков о признаках незаконного получения кредита, установленных их службами безопасности, например, при обнаружении поддельных документов на получение ссуды в ходе мониторинга процесса кредитования либо после явки с повинной одного из соучастников преступления. В сообщении службы безопасности банка уже содержится признаки состава преступления, что позволяет следователю возбудить уголовное дело и приступить к расследованию.

Третья следственная ситуация является самой сложной и для расследования незаконного получения кредита. Это ситуация, когда работники банка способствуют своими неправомерными действиями совершению данного преступления. В некоторых случаях они бывают инициаторами незаконного получения кредита, получая из этих кредитных средств долю. Работники банка, например, могут передать заемщику нужную информацию для заключения незаконного договора по получению кредита, или «не заметить» подложности представленных заемщиком документов, не проверить наличие предлагаемого в залог имущества [4. С. 19]. Особенностью этой следственной ситуации является то, что информация о данных преступлениях очень редко сообщается службами безопасности банков, т. к. в большинстве случаев при обнаружении признаков незаконного получения кредита эта служба безопасности по указанию руководителей банка предпринимает все для того чтобы эта информация не получила распространения и проводят внутреннее расследование без привлечения правоохранительных органов. Следственная ситуация усложнена еще и тем, что работники банка, способствовавшие в получении незаконного кредита заемщиком, предпринимают попытки помешать расследованию сотрудников правоохранительных органов. В ходе дачи показаний они отрицают неправомерность своих действий, пытаются запутать следователя, профессионально не разбирающегося в банковском деле, отказываются от разъяснения каких-либо вопросов, ссылаясь на коммерческую тайну. Поэтому в этой ситуации необходима помощь, консультации специалистов в области банковского дела для того чтобы следователь не был введен в заблуждение работниками банка.

При расследовании незаконного получения кредита в каждой следственной ситуации проводятся такие следственные действия, как обыск, выемка,

допрос свидетелей, проведение ряда экспертиз, например, очень часто назначаются финансово-экономическая и бухгалтерская экспертиза.

Наиболее часто применяемым следственными действиями являются выемка и обыск. Это связано с тем, что противоправные действия по незаконному получению кредита находят свое отражение в различных документах [3, с. 114].

Так как в настоящее время в основном вся информация о деятельности организации содержится на цифровых носителях и следователю без специальных знаний может быть сложно провести обыск или выемку так, чтобы не упустить из вида важную информацию, могущую помочь в раскрытии преступления. Поэтому на обыск или выемку лучше брать с собой специалистов, которые смогут отыскать информацию, важную для материалов дела. С целью выявления ложных сведений, предоставленных организацией, так же может проводиться комплексная компьютерно-техническая и финансово-экономическая экспертиза [5, с. 31].

После того как следователь соберет достаточно данных о событии преступления только тогда стоит проводить допрос свидетелей, обвиняемых (подозреваемых) и сопоставить их показания с полученными данными. Например, заинтересованные лица могут ссылаться на хозяйственный просчет, неоправданный риск, недобросовестные действия партнеров и т. п. Опровергнуть подобное могут данные собранные в ходе действий, описанных выше, дающие основания сомневаться в обстоятельствах, которые привели к невозврату кредита и его незаконному получению [6, с. 64].

Приведенные следственные действия, проводимые в ходе расследования незаконного получения кредита, являются основными, без которых не проходит ни одного расследования незаконного получения кредита.

Приведенные следственные ситуации являются наиболее часто встречаемыми, но могут иметь место и иные следственные ситуации, обозначить их все невозможно, так как их классификация в применении к конкретным обстоятельствам дела будет иметь огромное количество вариантов.

Список использованных источников:

1. Ляскало А.Н. Общественно опасные последствия незаконного получения кредита // Законность. – 2014. – С. 36-42.
2. Петрухина О. А. Характеристика типичных следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования незаконного получения кредита // Экономические и юридические науки. – 2009. – С. 310-313.

3. Олимпиев А.Ю. Методика расследования незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – С. 112-120.

4. Кривенко Т. Расследование преступлений в кредитно-финансовой сфере / Т. Кривенко, Э. Куранова // Законность. 1996. № 1. С. 19-25.

5. Бучнев М.В., Дрога А.А. Особенности экспертного исследования экономической информации при незаконном получении кредита // Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2016. – С. 197-198.

6. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Российская Е. Р. Криминалистика // Учебник для вузов. – 2000 – С. 777-786.

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ПРОВОКАЦИИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© Н.Д. Плоских

Научный руководитель: А.Д. Назаров

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Провокация как метод раскрытия и расследования преступлений и как способ получения доказательств, недопустим в современных реалиях Российской Федерации, поскольку такого рода деятельность не соотносима с действующими положениями Конституции РФ и федеральным законодательством. В статье 5 Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» указано, что органам (должностным лицам), запрещается: подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация).

Актуальность проблемы выявления провокации в оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) связана с тем, что на данный момент отсутствуют, закрепленные на законодательном уровне, понятия тех оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), которые обладают провокационными рисками, также нет четких критериев допустимости и подробной регламентации процедур проведения ОРМ, в ходе которых субъекты, осуществляющие ОРД, могут использовать провокационные методы.

При выявление провокации в ОРД, на практике можно столкнуться со множеством проблем, особое место среди них занимают способы выявления провокации. Единого подхода к способам выявления провокации, в рамках

негласной деятельности правоохранительных органов, на данный момент нет. Данная проблема напрямую связана с тем, что законодательство, регулирующее ОРД, не содержит четких и понятных рамок использования негласных мероприятий, обладающих провокационными рисками.

В данной работе, на основании сравнительно-правового анализа законодательства различных государств, а также правовых позиций Верховного суда РФ, Конституционного суда РФ и Европейского суда по правам человека, выработано авторское понятие провокации, которое отражает те тенденции, по вопросу недопустимости провокационных методов раскрытия и расследования преступлений в настоящее время.

Под провокацией в оперативно-розыскной деятельности следует понимать запрещенную законом, деятельность, осуществляемую оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то законом, а также лицами, действующими по их указанию, которые в рамках оперативно-розыскной деятельности не ограничивают свои действия только выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, а также выявлением и установлением лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, при этом чрезмерно воздействуют на лицо в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия, а равно без достаточных оснований проводят оперативные мероприятия, с целью склонить, побудить (подстрекать) в прямой или косвенной форме к совершению общественно опасного деяния, которое не было бы совершено без такого воздействия.

В научной литературе, а также в судебной практике зачастую приводят свои признаки, или своего рода свойства провокации как вида деятельности, хоть и запрещенного. Можно выделить следующие признаки, а именно:

1) Отсутствие фактических оснований для проведения ОРМ. Как отмечает в своей судебной практике Европейский суд, особенно важно, чтобы государственные органы проводя негласные мероприятия, в том числе обладающие провокационными рисками, имели формальные основания для их производства. Данный признак характерен для тех случаев, когда в решение о проведении ОРМ, которое утверждено руководителем органа, отсутствуют основания, предусмотренные статьей 7 ФЗ «Об ОРД», а также информация о причинах, целях и мотивах его проведения.

2) Активные действия со стороны правоохранительных органов и лиц им содействующих при производстве ОРМ. В каждом случае в ходе проверки доводов о провокации необходимо оценивать, оказывало ли лицо, участвовавшее в проведении ОРМ, воздействие, в том числе путем убеждения,

внушения, обращения к сочувствию, на объект оперативного интереса, с целью побудить его совершить преступление, которое без такого воздействия не было бы совершено. Кроме того, необходимо оценивать характер действий, их интенсивность. В судебной практике ФРГ суды также оценивают характер воздействия на объект оперативного интереса (открытое, явное), было ли усиление планирования преступления со значительным стимулирующим воздействием на преступника [1].

Серийность или тождественность проведения ОРМ также характеризует активность действий правоохранительных органов по избличению лица в совершении преступления. Верховный суд РФ неоднократно указывал, что при достижении цели ОРМ, дальнейшая оперативно-розыскная деятельность допустима лишь при условии ее соответствия задачам, перечисленным в ст. 2 ФЗ «Об ОРД».

3) Отсутствие объективного подозрения. Данный признак характеризует те ситуации, когда оперативные подразделения проводят ОРМ в отношении лица, без достаточных данных о предполагаемой причастности или предрасположенности объекта оперативного интереса, совершить определенное противоправное деяние.

Производство ОРМ в отношении неопределенного круга лиц также характеризует признак объективного подозрения. Информация должна быть персонифицированной, то есть указывать на расположенность определенного лица к совершению определенного типа преступлений.

4) Воздействие на умысел лица, в отношении которого проводится ОРМ. Названный признак провокации характеризует именно интеллектуально-волевой момент, т.е. способность лица в отношении, которого проводится ОРМ, совершить преступление, наличие сформировавшегося, независимо от действий оперативных сотрудников, умысла. При проверке необходимо установить: а) создавались ли условия, при которых объект оперативного интереса лишен возможности избирательности поведения; б) совершал ли действия подозреваемый преимущественно в интересах оперативного сотрудника, а не третьих лиц; в) была ли известна оперативным сотрудникам сниженная способность к критической оценке, объектом оперативного интереса, своих действий или она была специально использована.

Для более эффективного выявления данных признаков, необходим ввести в научный оборот понятие «провокационная ситуация», под которой следует понимать, сложившиеся условия (положение) при которых органы, осуществляющие ОРД, а также лица им содействующие, проводят ОРМ, и в результате склоняют, побуждают (подстрекают) в прямой или косвенной форме

к совершению противоправных действий, а равно создают обстановку, исключаящую возможность свободного выбора лица, в отношении которого проводится ОРМ.

На основании предложенного понятия можно выделить виды провокационных ситуаций. Так, в зависимости от вида ОРМ, можно выделить следующие провокационные ситуации: провокация при проведении проверочной закупки; провокация при проведении контролируемой поставки; провокация при проведении оперативного эксперимента; провокация при проведении оперативного внедрения.

Основываясь на предложенных признаках провокации можно выработать определенную последовательность проверки тех или иных провокационных ситуаций, в зависимости от их вида и стадии уголовного процесса.

При проверке результатов ОРМ на наличие признаков провокации, необходимо оценить:

1) Процедуру получения и качество первоначальной информации о признаках противоправного деяния объекта оперативного интереса;

2) Порядок принятия решения о проведении ОРМ, а также его утверждение;

3) Наличие другого ОРМ проводимого в целях документирования преступного факта, или его отсутствию;

4) Процедуру проведения непосредственно самого оперативно-розыскного мероприятия, его интенсивность, способы фиксации, лиц участвующих, их роли в мероприятии, количество ОРМ одного вида, достигнуты ли цели и задачи при проведении ОРМ;

5) Процедуру проверки результатов ОРМ в рамках предварительного расследования;

6) Процедуру национального судебного разбирательства с точки зрения доступности для подсудимого процессуальных гарантий защиты от осуждения, основанного на результатах провокационной деятельности при проведении ОРМ.

Список использованных источников:

1. Харевич Д.Л. Негласное расследование в Германии : монография / Д.Л. Харевич. – Р. Беларусь.; Акад. МВД Минск. 2010. – 288 с.

**НЕДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ,
ПОЛУЧЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПЫТОК ИЛИ ПУТЕМ БЕСЧЕЛОВЕЧНОГО,
ИЛИ УНИЖАЮЩЕГО ДОСТОИНСТВО ОБРАЩЕНИЯ**

© Е.Е. Подмарькова

Научный руководитель: Л.В. Майорова
канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В соответствии со ст. 75 УПК РФ доказательства, которые получены с нарушением требований Кодекса, являются недопустимыми. У недопустимых доказательств отсутствует юридическая сила и они не могут быть положены в основу обвинения и использоваться для доказывания любых обстоятельств.

В законе выделяется несколько видов нарушений, влекущих недопустимость доказательств, такие как показания лица в досудебном производстве, полученные без его защитника и не подтвержденные обвиняемым, подозреваемым в суде, показания потерпевшего или свидетеля основанные на слухе или догадке и т.д. Однако, список не является исчерпывающим и предполагает наличие и других оснований [1].

Одним из таких оснований является получение доказательств, полученных с применением пыток, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением. Эта норма не получила места в источниках российского национального права, однако, ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) содержит запрет пыток и бесчеловечного, унижающего достоинство обращения. Отсюда можно сделать вывод о том, что и доказательства, полученные с нарушением данной нормы, являются недопустимыми [2].

Кроме того, данная норма закреплена в ст. 15 Конвенции ООН против пыток и гласит о том, что каждое государство-участник обязано дать гарантию, что никакие показания, которые получены в результате пытки, не могут использоваться как доказательства в любых процедурах уголовного производства, кроме процедур, направленных против лица, обвиняемого в причинении пытки, в качестве доказательства того, что соответствующие показания были даны. [3]

В практике Европейского суда по правам человека (далее – Суд) понятие пытки постоянно уточняется и развивается. Так, например, обращение, которое пол века назад рассматривалось «унижающим достоинство», сейчас может рассматриваться в качестве «пытки». В целях квалификации

определенного обращения как пытки, Суд ориентируется на многолетнюю судебную практику. Однако практика лишь помогает суду понять, причиняло ли данное обращение неудобства или являлось именно пыткой. Таким образом, пыткой должно признаваться любое серьезное физическое или психологическое давление на подозреваемого, применяемое с целью получить от него какие-либо показания и по своему характеру и интенсивности явно выходящее за пределы допустимых методов работы с подозреваемыми. [4]

Пытки следует отличать от бесчеловечного и унижающего достоинство обращения. В литературе сложилось следующее мнение: пытки носят определенную цель – запугивание, принуждение к каким-либо действиям, дача показаний, наказание за определенные действия. Бесчеловечное или унижающее достоинство обращение направлено на вызывание у пострадавшего чувства тревоги, страха, неполноценности, которые приводят к его запугиванию или унижению, а также к снижению его способности к физическому и моральному сопротивлению, или заставляющее потерпевшего действовать против своей воли или совести. Разница заключается в степени жестокости и общественной опасности. [5]

К сожалению, применение пыток при допросе встречается в Российской Федерации. Это явление носит уже системный характер. В Суд поступает так много жалоб, что ему приходится объединять несколько жалоб в одну, например, дело «Девяткин и другие против России» об избиении полицейскими 16-летнего подростка. [6]

Естественно, факты применения пыток используются и при получении доказательств. В пример можно привести дело «Гладышев против Российской Федерации». Заявитель подозревался в убийстве полицейского, по его словам, при первом допросе ему были нанесены телесные повреждения, повлекшие перелом ребер, после которых он дал признательные показания. Факт подтверждался медицинским заключением, а следственные органы не могли предоставить доказательств появления перелома на теле Гладышева в следствие иных причин. Также, касаясь этого дела, следует отметить тот факт, что бремя доказывания отсутствия факта пытки лежит на государстве, а Суду достаточно лишь подозрения в том, что пытка имела место. [7]

Увы, если изучить все решения, вынесенные ЕСПЧ по ст. 3 Конвенции, то можно заметить, Российская Федерация на данный момент занимает первое место и систематически выплачивает огромные суммы денег в качестве компенсации. По делу «Копылов против России» Суд посчитал компенсацию в размере 450 тыс. рублей недостаточной и потребовал уплатить еще 150 тыс. евро. Российской Федерации необходимо принимать меры к минимизации

подобных ситуаций и обеспечивать надлежащее исполнение органами власти своих обязанностей, а также не допускать превышения должностных полномочий в отношении граждан. [8]

Позитивная сторона заключается в том, что большинство дел, связанных с применением пыток и бесчеловечного обращения во время сбора доказательств, да и в целом с нарушением ст. 3 Конвенции выигрываются в ЕСПЧ. Суд обеспечивает полное всестороннее рассмотрение дел и выносит справедливое решение на основе имеющихся фактов, потому, человек может чувствовать себя защищенным от незаконных действий собственного государства.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019)

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 [Электронный ресурс: <http://europeancourt.ru/konvenciya-o-zashhite-prav-cheloveka-i-drugie-oficialnye-dokumenty/konvenciya-o-zashhite-prav-cheloveka-i-osnovnyx-svobod>]

3. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года [Электронный ресурс: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml]

4. Морщакова, Т.Г. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики). Москва, 2012. Режим доступа: <https://law.wikireading.ru/10389>

5. Исаев, С.В., Дорофеева Е.А. Международные принципы и стандарты правоприменения в работе сотрудников пенитенциарных учреждений. Пермский региональный правозащитный центр, 2006 г., Режим доступа: <http://www.prpc.ru/prison/handbook/index.shtml#sod>

6. Постановлении ЕСПЧ от 24.10.2017 по делу «Девяткин против Российской Федерации (Devyatkin v. Russia)» (жалоба № 40384/06)

7. Постановление ЕСПЧ от 30.07.2009 «Дело «Гладышев (gladyshhev) против Российской Федерации» (жалоба № 2807/04) [Электронный ресурс: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=151611#05882792368018506>]

8. Постановление ЕСПЧ от 29.07.2010 «Дело «Копылов (Kopylov) против Российской Федерации» (жалоба № 3933/04) [Электронный ресурс:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=205570>].

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

© Д.П. Попов

Научный руководитель: А.Б. Сергеев

д-р. юрид. наук

Челябинский государственный университет

В теории уголовного процесса, под обвинительной деятельностью, предлагается понимать, любую деятельность, направленную на изобличение подозреваемого, обвиняемого. Конституционный Суд РФ, указывает: «специфика уголовно-правовых отношений как особой разновидности публично-правовых отношений, возникающих в связи с совершением общественно опасных деяний, обуславливает особенности механизма осуществления судопроизводства по уголовным делам, в рамках которого уголовное преследование лица, предполагаемо виновного в совершении такого деяния, его привлечение к уголовной ответственности и возложение на него мер уголовно-правового воздействия принимает на себя государство в лице специально уполномоченных органов» [1]. Употреблённый Конституционным судом термин «предполагаемый виновный» указывает на возможность возникновения ситуации, когда обвинительная деятельность может начать осуществляться в отношении лица, которое ещё не имеет официальный процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого.

В науке уголовного процесса категорией «уголовное преследование» обозначается: 1) охранительная функция государства; 2) уголовно-процессуальный институт; 3) право участника уголовного судопроизводства; 4) сторона в уголовном судопроизводстве; и 5) уголовно-процессуальная функция.

Уголовное преследование представляет собой сложный институт, состоящий из комплекса взаимосвязанных уголовно-процессуальных и иных правовых норм (в том числе гражданско-правового характера [2]), регламентирующих процессуальный статус субъектов уголовного преследования, а также деятельность указанных участников, направленную на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления в целях последующего вынесения судом справедливого приговора.

Обязанность государства в лице следователя и дознавателя осуществлять

уголовное преследование предусмотрена ст. 21 УПК РФ. Уголовное преследование как субъективное право отдельной группы участников, потерпевшего, его законного представителя, представителя, предусмотрено диспозицией ст. 22 УПК РФ.

Как процессуальная деятельность, уголовное преследование включает действия по 1) возбуждению уголовного дела в отношении конкретного лица; 2) собиранию доказательств, уличающих подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, отягчающих наказание обстоятельств; 3) применение мер принуждения, проведение иных процессуальных действий, связанных с ограничением прав и свобод подозреваемого, обвиняемого в связи с расследованием [3].

Однако, кажущаяся очевидность сущности «уголовного преследования» таковой (очевидной) не является. Одним из проблемных вопросов, требующих ответа, является неопределённость относительно момента, наступление которого следует считать началом осуществления уголовного преследования?

В теории уголовного процесса по вопросу определения начала уголовного преследования выработались несколько позиций.

Представители первой позиции, исходят из того, что уголовное преследование начинает осуществляться одновременно с возникновением уголовно-процессуальных отношений и, следовательно, появления органа уголовного преследования, в том числе, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность; в ходе проверки сообщения о преступлении; с момента возбуждения уголовного дела, в том числе по факту совершения преступления [4].

Утверждения представителей приведённой позиции, на наш взгляд являются не достаточно обоснованными, поскольку связывать начало уголовного преследования с возникновением процессуальных отношений, появления органа предварительного расследования, возникновения обязанности провести проверку по сообщению о преступлении или принятия уголовного дела к производству, преждевременно по следующим основаниям.

К примеру, из сведений о деятельности Следственного комитета РФ за январь-декабрь 2017 г. следует, что за отчётный период следователями рассмотрено 727 383 сообщения о преступлении. Из них только по 141 776 сообщениям принято решение о возбуждении уголовного дела [5].

Из приведённого примера можно увидеть, что появление органа предварительного расследования, свидетельствует лишь о возникновении уголовно-процессуальных отношений, которые лишь в 19,5 % случаев порождают акт возбуждения уголовного дела. При этом, возбуждая уголовное дело в

отношении неустановленных лиц, т.е. по факту совершенного преступления, следователь фактически приступает к осуществлению функции предварительного расследования, которая заключается в установлении и исследовании обстоятельств уголовного дела, а также установлении лица причастного к совершению преступления.

Связывать начало уголовного преследования с моментом возбуждения уголовного дела, в целом представляется неверным, указывает Маслов И.В., поскольку в данном случае происходит отождествление деятельности с принятием процессуального решения. Возбуждение уголовного дела – процессуальное решение, определяющее форму осуществления деятельности [6], которая на начальном этапе осуществляется в форме расследования, а не преследования. Мы поддерживаем данную позицию.

Представители второй позиции, которую условно можно назвать «исследовательской», исходят из того, что функция уголовного преследования закономерно обусловлена результатами исследовательской деятельности, в ходе которой выясняются все обстоятельства уголовного дела, но проявляется она лишь с возникновением процессуальной фигуры подозреваемого или обвиняемого, или возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица [7].

С точки зрения представителей третьей позиции, именуемой в теории как «проконституционная», фактическое уголовное преследование (обвинительная деятельность, предшествующая формальному уголовному преследованию), может быть начато до постановки лица, в отношении которого оно осуществляется, в процессуальное положение подозреваемого, обвиняемого [8]. В связи с чем, начало уголовного преследования следует соотносить не только с вынесением процессуальных актов, ставящих лицо в положение подозреваемого или обвиняемого, но и с началом осуществления в отношении лица действий обвинительного характера [9].

Анализ сложившейся судебной практики показывает, что для целей реализации конституционного права на защиту необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование [10]. Факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.); иными мерами, предпринимаемыми в целях получения доказательств, дающих основание подозревать его в совершении преступления [11]. В связи с чем, «правом на защиту обладают, не только подозреваемый, обвиняемый,... лицо, в отношении которого ведется производство о применении

принудительных мер медицинского характера, лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ..., но и любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица [12]. В этой связи, начало уголовного преследования следует связывать: 1) с принятием в отношении лица одного из процессуальных решений, указанных в ч. 1 ст. 46 или ч. 1 ст. 47 УПК РФ, в соответствии с которыми оно признается подозреваемым либо обвиняемым; 2) моментом, с которого в отношении лица начато производство одного из процессуальных действий в порядке, предусмотренном ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ; либо 3) следственных действий, и иных процессуальных действий [13], направленных на его изобличение в совершении преступления, предшествующих признанию его подозреваемым или обвиняемым [14].

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и сформулированные на их основе разъяснения Верховного Суда относительно момента, с наступлением которого начинается уголовное преследование позволяет утверждать: деятельность стороны обвинения в целях изобличения лица в совершении преступления может начинаться уже на этапе, когда лицо следователем (дознателем) ещё не поставлено в статус подозреваемого, обвиняемого [15]. Обозначенное обстоятельство позволяет утверждать о неточности понятия «уголовное преследование», закреплённого в пункте 55 статьи 5 УПК РФ и необходимости сформулировать новую редакцию. Предлагаю следующее авторское определение: «Уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в отношении лица с целью получения обвинительных доказательств и на их основе придания лицу статуса обвиняемого (подозреваемого) и последующего изобличения в совершении преступления».

Список использованных источников:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 г. № 7-П «По делу о проверки конституционности положений частей второй и четвертой ст. 20, части шестой ст. 144, пункта 3 части первой ст. 145, части третьей ст. 318, частей первой и второй ст. 319 УПК РФ в связи с запросами законодательного собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда г. Мурманска».

Источник, эл. ресурс: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30252.pdf>. Дата обращения 04.01.2017 г.

2. Никулочкин Е.О., Сергеев А.Б. Нормативно-правовая база и судебная практика в обеспечении гражданско-правовыми средствами конфискации имущества в уголовном судопроизводстве // Социум и власть. 2013. № 5 (43).

3. Сергеев К.А., Сергеев А.Б. Отдельные судебные ситуации при принятии решений о назначении принудительных мер медицинского характера // Медицинское право. 2018. № 1.

4. Федулов А.В. Начало публичного уголовного преследования в современном уголовном процессе России. // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016 г. № 3.

5. Сведения о деятельности Следственного комитета Российской Федерации за январь-декабрь 2017 года. Источник, эл. ресурс: <http://sledcom.ru/activities/statistic>. Дата обращения 02.03.2018 г.

6. Маслов И.В. Уголовно-процессуальные функции участников досудебного производства. Монография. Изд. «Юрлитинформ». М. 2018 г.

7. Григоренко И.И. Механизм реализации уголовного преследования в российском судопроизводстве. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Воронеж, 2006. С. 12.// Кузембаева М.М. Функциональная характеристика деятельности дознавателя и органа дознания в уголовном процессе России. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Омск, 2006.

8. Сафронов Д.М. Обстоятельства, исключающие уголовное преследование. Дисс... канд.. юр. наук. Омск 2003 г.

9. Ревенко Н.И. Уголовное преследование как элемент функции расследования преступлений // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 3 (16).

10. Янин Д.Г., Сергеев А.Б. Совершенствование уголовно-процессуального права по вопросу передачи лица, осужденного судом российской федерации за особо тяжкие преступления, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого это лицо является // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93).

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова». Источник, эл. ресурс: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30320.pdf>. Дата обращения 04.01.2018 г.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 30.06.2015 г. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». Источник, эл. ресурс: <http://www.vsrif.ru/documents/own/8439/>. Дата обращения 04.01.2018 г.

13. Попова Т.В., Сергеев А.Б. Федеральная база данных геномной информации в системе обеспечения баланса частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1 (39).

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». Источник, эл. ресурс: <http://www.vsrif.ru/documents/own/8483/>. Дата обращения 15.02.2018 г.

15. Ларин Е.Г. Новые разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о праве на защиту в уголовном судопроизводстве // Законодательство и практика. 2015. № 2.

НАЗНАЧЕНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С РАЗМЕЩЕНИЕМ ЭКСТРЕМИСТСКО- ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

© Е.Ч. Рамазашвили

Научный руководитель: И.Г. Иванова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Из-за развития информационно-телекоммуникационных технологий главной площадкой развития экстремистских взглядов стали средства массовой информации и сеть «Интернет». В интернет-среде распространяется множество негативной информации, которая направлена, в том числе, и на формирование мировоззрения у пользователей. Нередко целью воздействия становятся молодые люди в возрасте 14-25 лет, которые в силу своего возраста и еще не устойчивой психики становятся легкой добычей пропагандистов.

Исследовав экспертную практику анализа текстов экстремистского характера, мы выделили следующие признаки текста с радикальным контекстом:

1. Наличие феномена «hate law» – «языка вражды» [2, С. 453]. Данное понятие было заимствовано отечественными социолингвистами из зарубежного опыта и обозначает оно негативное (отрицательное) отношение к каким-

либо явлениям. Непосредственно в тексте или в речи оно проявляет в двух аспектах:

2. Использование определенной лексики и небольшого количества слов; в основном тексты экстремистской направленности содержат неформальную (нередко табуированную) лексику, имеют слогановый характер и состоят в среднем из 3-10 слов; форма текста – посты с визуальным рядом иногда шокирующего содержания.

3. Чрезмерное использование знаков пунктуации: восклицательных знаков, многоточий, написание заглавными буквами для усиления акцента.

4. Использование изображений атрибутики.

Указанные признаки характеризуют внешнюю сторону текста с радикальным контекстом.

Особую сложность для анализа представляют собой вторичные тексты, которые появляются при переводе текста радикальной направленности с иностранного языка. Для перевода пользователями сети «Интернет» используются онлайн-переводчики, которые делают перефраз, некорректные сравнения, что нередко искажает смысл исходного текста. В этой связи возникает проблема выявления агрессивности или радикализма в текстах на иностранных языках.

После изучения судебной практики полагаем, что выявление внутренних сущностных признаков экстремизма носит комплексный характер, в связи с чем участия в экспертном исследовании одного только лингвиста или филолога, которые дают заключение по стилистике текста, не достаточно. По нашему мнению, в таком исследовании должен также принимать участие специалист в области психологии.

В п. 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указано, что в необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы. К производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.) [8].

На практике остается не решенным вопрос о том, как назначать такие комплексные экспертизы, возникают трудности с формулировкой вопросов экспертам. Если обратиться к Перечню родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, утвержденному Приказом Минюста РФ от 27.12.2012 года №

237, то там в Приложении № 2 указана только лингвистическая экспертиза, которая назначается для «исследования текста письменного документа или устного высказывания в целях решения вопросов смыслового понимания» [9].

Полагаем, что в подобных случаях необходимо назначать именно комплексные психолого-лингвистические экспертизы. Лингвист, используя традиционный инструментарий, как правило, может ответить только на вопрос, о чем анализируемый текст, и раскрыть контекст употребляемых слов. Данный специалист не сможет ответить на вопрос о том, как данный текст воспринимается лицом и в какой степени воздействует на его сознание, так как это относится к специальным познаниям в области психологии.

Второе, немаловажное преимущество комплексной экспертизы заключается в том, что при назначении только лишь лингвистической экспертизы нельзя достигнуть коммуникативного успеха. Ведь для определения наличия признаков экстремистского призыва следует изучить сам субъект-источник таких действий.

Таким образом, комплексная экспертиза текстов, содержащих экстремистско-террористические материалы позволяет наиболее полно, всесторонне изучить аспекты, связанные с воздействием данных материалов на адресата при помощи контент-анализа (при проведении психологической экспертизы), а также позволяет исследовать сам «источник» негативной идеологии.

Список использованных источников:

1. Борисова, А. С. Проблема перевода религиозно-экстремистских текстов в процессе судебной лингвистической экспертизы / А. С. Борисова, Ж. В. Кургузенкова, В. Д. Никишин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 2. – С. 448-472

2. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 года № 11 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: Приказ Минюста России от 27.12.2012 года № 237 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ КОМПЬЮТЕРНО- БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

© Е.М. Рыжова

Научный руководитель: Л.П. Климович

д-р. юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД России

Прогресс в области экономики трансформирует процесс организации бухгалтерского и иных видов учёта внутри фирм и компаний, делая его более компьютеризированным. Несмотря на то, сложившаяся за много годы практика учета предполагает дублирование всех фактов хозяйственной жизни (операций) на бумажных носителях, грамотное и эффективное бухгалтерское сопровождение финансово-экономической деятельности невозможно без использования электронных программ, таких как ПО «1С: Бухгалтерия», «Галактика» и других. Расследование преступлений в области экономики требует от следователя применения специальных экономических знаний, которыми он зачастую в достаточной мере не обладает. Это обстоятельство, а также необходимость процессуально закрепить в качестве доказательств по делу ответы на вопросы, требующие исследования с применением специальных экономических знаний, влекут обязательное назначение судебно-экономических экспертиз по всем уголовным делам данной категории. Судебно-бухгалтерская и иные виды экономических экспертиз направлены на установление интересующих следователя обстоятельств, касающихся закономерностей изменений в связи с противоправной деятельностью хозяйствующего субъекта, содержания учетного процесса и содержания экономических операций, отраженных на различных носителях учетно-экономической информации. Такими носителями, предоставляемыми эксперту, как правило, являются первичные учётные и иные документы, регистры учёта и формы отчётности.

На основе анализа результатов опроса 153-х экспертов отделов экономических экспертиз ЭКЦ МВД России из более 45 регионов, проведенного А. А. Дрога, выявлены основные проблемы, возникающие при производстве судебно-бухгалтерских экспертиз:

– недостаточное количество представленных в качестве объектов документов;

– предоставление на экспертизу электронных носителей, информация на которых изъята или скопирована сотрудниками правоохранительных органов без соблюдения процессуальных требований;

– предоставление на экспертизу электронных объектов в трудно читаемом формате. [1]

Указанные выше проблемы приводят к тому, что эксперты вынуждены направлять ходатайства о предоставлении дополнительных объектов либо о повторном предоставлении материалов, которые в силу нарушения процессуального порядка изъятия либо отсутствия возможности прочтения не могут являться объектами экспертизы.

Нами был проведён опрос следователей, преимущественно расследующих преступления экономической направленности, ГСУ СК по Красноярскому краю, и следователей ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю – всего опрошено 56 следователей. Более 60% респондентов считают свой уровень владения специальными экономическими знаниями недостаточным, так как получили таковые в рамках обучения юриспруденции, и только 3 из 56 опрошенных имеют наряду с высшим юридическим образованием среднее или высшее экономическое образование. Приведённые показатели позволяют сделать вывод о том, что качество предоставляемых на экономическую экспертизу документов напрямую зависит от уровня компетентности следователей, уровня владения ими специальными экономическими знаниями.

Чаще всего обозначенные выше проблемы возникают именно с электронными объектами, так как бумажные носители не нуждаются в особом порядке изъятия. Перед изъятием бухгалтерских документов в электронном виде следователю требуется уточнить наличие в организации электронного документооборота (далее ЭДО). ЭДО – это совокупность автоматизированных процессов по работе с документами, предоставленными в электронном виде без использования бумажных носителей. Возможно два способа организации ЭДО: 1) заключение соглашения об ЭДО с контрагентами (например, обмен документами по электронной почте); 2) организация ЭДО через спецоператора (в этом случае следователю требуется запросить договор, регламент взаимодействия); также, необходимо уточнить список сотрудников, имеющих доступ к данной информации. Наличие ЭДО позволяет упорядочить делопроизводство, ускоряет обработку документов, дает экономию затрат на распечатку документов. Основные функции ЭДО: регистрация документов; контроль исполнения документов (требуется уточнить, имеется ли возможность вносить отметки – отражение документов в учете в ПО «1С», например, сотрудниками бухгалтерии); создание справочников (необходимо установить, имеется ли возможность вносить

дополнения и корректировки, а также проверить администраторами права доступа для сотрудников, уточнить отсутствие возможности ручной настройки сотрудниками приложения ЭДО в умышленных целях); формирование отчетов по документообороту предприятия.

При этом заметим, что именно информация, касающаяся учетного процесса и экономических операций, формируемая в организации с применением ЭДО, составляет систему объектов, которые необходимо предоставить на экспертизу. Такая информация в ходе экспертного исследования: позволит одновременно исследовать массив первичных и учётных документов организации; дает возможность проследить хронологический порядок проведения тех или иных операций и расчётов, а также внесения изменений и правок в учётные записи; способствует отслеживанию подтверждения всех проводок первичными документами.

Для понимания порядка организации бухгалтерского учета в исследуемой организации следователю необходимо запросить учредительные документы, особенности ведения бухгалтерского учета должны быть прописаны в приказе об учетной политике, уточнить наличие ведения раздельно бухгалтерского и налогового учета, применяемую систему налогообложения, порядок хранения документов (на бумажных носителях или с использованием системы ЭДО), порядок предоставления документов на проверку в налоговый орган. Важным является вопрос проверки подлинности реквизитов, указанных в бухгалтерских документах, формируемых, в том числе, в ЭДО. Требуется запросить приказ о предоставлении права подписи за руководителя организации, также документы, подтверждающие право электронной подписи. При работе в ПО «1С» в целях сохранения конфиденциальности информации, для участвующих в составлении бухгалтерских документов установлены соответствующие степени защиты. В организации должен быть установлен регламент, устанавливающий правила работы в ПО «1С». Основные положения регламента должны быть прописаны как в трудовом договоре, так и в должностных инструкциях; требуется обратить внимание на наличие инструкции по работе с конфиденциальной информацией (положение о неразглашении коммерческой тайны).

При использовании ПО «1С: Бухгалтерия» исключается возможность создания бухгалтерских записей, выполненных на основе документов, оформленных несоответствующим образом, либо по подложным документам (или копии первичного документа), с несоблюдением требований статьи 9 Федерального закона № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете». Исследование финансово-экономической деятельности предприятия посредством обращения к

данным электронных бухгалтерских программ даёт экспертам возможность не только исследовать всю необходимую информацию в полном объёме, но также обратиться к первоисточнику, исключая видоизменение файла при его копировании или изъятии следователем.

Однако встаёт вопрос вида экспертизы, которая должна назначаться в том случае, когда её объектом является бухгалтерская программа либо электронный массив финансовых документов организации. Судебно-бухгалтерская экспертиза в данном случае недостаточна, так как она не предполагает: установления формата и типа данных; извлечения информации в форматированном или зашифрованном виде; установления наличия скрытых (в том числе дистанционных) сетевых подключений и их характеристик; установления хронологии копирования, перемещения или изменения файлов; восстановления удаленной информации и т.д. Все вышеперечисленные действия являются частными задачами компьютерно-технической экспертизы [2]. Но она также не сможет решить все необходимые для расследования экономического преступления вопросы, так как эксперт, выполняющий экспертизы данного вида, не обладает специальными экономическими знаниями.

Таким образом, мы пришли к выводу о необходимости назначения комплексной судебной компьютерно-бухгалтерской экспертизы. Именно она дает возможность следователю получить ответы на возникающие в связи с расследованием преступления вопросы в случае, когда объектом исследования является информация, располагающаяся в бухгалтерских программах типа «1С: Бухгалтерия».

Возвращаясь к итогам опроса, проведенного А.А. Драга, 79 из 153-х экспертов сталкивались с необходимостью проведения комплексной компьютерно-бухгалтерской экспертизы, но вынуждены были отказаться от её производства. При этом более 45% из них в качестве причины отказа указали отсутствие установленной методики её проведения. [1]

Положительный опыт производства таких экспертиз был накоплен в Экспертно-криминалистическом управлении 9 Департамента Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, где в 2006 году были разработаны и внедрены в экспертную практику Методические рекомендации по производству комплексной компьютерно-технической и экономической экспертизы и исследования. Несмотря на то, что Указом Президента РФ от 5.04.2016 № 156 ФСКН России была упразднена, а все функции, полномочия этой службы были переданы МВД России [3], некоторые нормативные документы, в том числе указанная Методика, утратили свою силу. Новая методика

проведения комплексной судебной компьютерно-бухгалтерской экспертизы в МВД России пока не разработана.

Подводя итог, отметим, что вопрос о необходимости проведения комплексной судебной компьютерно-бухгалтерской экспертизы актуален уже более десяти лет, необходимость проведения экспертиз такого рода подтверждается разработкой ещё в 2006 году соответствующей Методики в рамках осуществления экспертной деятельности ФСКН России. В настоящее время данная экспертиза также назначается следователями, однако, как было указано выше, большая часть экспертов вынуждены отказываться от её проведения в виду отсутствия соответствующей нормативно установленной методики.

Таким образом, мы считаем целесообразным и необходимым закрепление компьютерно-бухгалтерской экспертизы в качестве отдельного вида и разработку методики её производства в рамках осуществления экспертной деятельности Экспертно-криминалистическим центром МВД России.

Список использованных источников:

1. Дрога А.А. Актуальные проблемы производства судебно-бухгалтерских экспертиз на современном этапе расследования преступлений экономической направленности // Общество и право. 2017. №1 (59). С. 108-112.
2. Олиндер Н.В. О назначении экспертиз при расследовании преступлений, совершённых с использованием электронных платёжных средств и систем // Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство. 2016. №1. С. 82-87.
3. О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции :Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 156, ред. от 15.05.2018 // КонсультантПлюс: справ.-прав. система. URL: <http://www.consultant.ru/>.

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

© Г.А. Самойлов

Научный руководитель: Л.П. Климович

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Актуальной проблемой современного российского государства является коррупция. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определяет коррупцию как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных выгод для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [1]. Субъектами указанных преступлений являются не только лица, занимающие государственные и муниципальные должности, а также работники коммерческих организаций.

Я выделил следующие проблемы, которые возникают при расследовании уголовных дел коррупционной направленности:

1. Основная проблема выявления данных преступлений – высокая степень их латентности. По данным прокуратуры Красноярского края, в 2018 году правоохранительные органы выявили и зарегистрировали 441 коррупционное преступление. 158 их них относятся к преступлениям, совершенным в крупном или особо крупном размере, а 130 – это факты получения взяток. Самыми коррупционными сферами остаются медицина, образование и распоряжение муниципальным имуществом. В отношении 22 должностных лиц государственных органов власти и местного самоуправления возбудили 33 уголовных дела. По данным прокуратуры, в суды за 2018 год передали материалы 131 дела, которые велись в отношении 140 коррупционеров. 46 % из них касались получения взяток, 48 % – хищения бюджетных средств. В места лишения свободы с начала года попали 17 чиновников, 55 человек получили условный срок, а 42 злоумышленника отделались штрафами. [2]

2. Проблема, возникающая у следователя, расследующего уголовное дело о коррупционном преступлении, – противодействие участников уголовного судопроизводства. После того, как в правоохранительные органы

поступает информация о преступной деятельности указанных лиц, стороны оказывают противодействие досудебному производству в самых различных формах: дают заведомо ложные показания, не выдают своих соучастников, прибегают к фальсификации доказательств, подкупу, запугиванию свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Получившие взятку чиновники, пытаясь избежать ответственности, используют свои личные связи в государственных учреждениях. Другие должностные лица и подчинённые взяточника (по уголовному делу имеющие процессуальный статус свидетелей) не желают оказывать помощь следствию при осуществлении досудебного производства по уголовным делам исследуемой категории [3].

3. Допрос подозреваемого должен быть проведён тщательным образом. Проблемы, возникающие при проведении данного следственного действия, в первую очередь, возникают, в связи с построением подозреваемым совместно с его защитником продуманной, хорошо проработанной версии защиты. При склонности подозреваемого к отказу от дачи показаний важно попытаться не допустить этого, заставить допрашиваемого говорить, общаться, что позволит следователю составить его психологический портрет, поможет установить хотя бы неглубокий контакт, инициировать ситуацию, когда человек желает объяснить свое поведение или опровергает мнение следователя, но тем не менее приводит доводы, факты, называет источники информации и проч. В любом случае это будет способствовать избежанию тупика в расследовании. [4]. В таких условиях удачной тактикой допроса взятополучателей является предъявление доказательств. При предъявлении доказательств следователю необходимо проявлять осторожность, поскольку предъявление фактов, не проверенных и не подтвержденных другими доказательствами, будет иметь обратный эффект, так как в такой ситуации взятополучатель получает возможность легко направить следствие по ложному пути.

4. Большое количество проблем возникают при изъятии документов и предметов. Бывают случаи, когда сотрудники правоохранительных органов описывают не всё изымаемое имущество, неправильно указывают его наименование.

5. Еще одна проблема при расследовании уголовных дел коррупционной направленности – особый порядок производства по уголовным делам в отношении лиц, указанных в статье 447 УПК РФ. «Привилегии и гарантии», установленные УПК РФ, вызывают трудности в доказывании вины указанных лиц и полностью исключают привлечение сторон к уголовной ответственности.

6. Распространённый способ воздействовать на предварительное следствие по уголовным делам о коррупционном преступлении, осуществляемый участниками уголовного судопроизводства, – тактика «жалобщиков». Эта

тактика заключается в том, что указанные лица, используя права, предоставленные Федеральным законом от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и Главой 16 УПК РФ, обращаются с многочисленными обращениями о незаконном привлечении их к уголовной ответственности в различные инстанции, в том числе в Администрацию Президента Российской Федерации, Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, Генеральную прокуратуру Российской Федерации, а также обжалуют действия должностных лиц в судебном порядке. Данные действия приводят к истребованию уголовных дел в надзорные структуры для изучения на предмет законности и обоснованности, проведенных по ним следственных и процессуальных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий. Это негативно отражается на процессуальных сроках, а также на результатах дальнейшего расследования уголовных дел и их рассмотрению в судах.

На мой взгляд для эффективного расследования коррупционных преступлений нужно:

- 1) оптимизировать методику расследования коррупционных преступлений,
- 2) проводить предварительные проверки по сообщениям о фактах коррупции в кратчайшие сроки наиболее оптимальными способами;
- 3) уголовные дела возбуждать немедленно по установлению признаков состава преступления;
- 4) вести профилактическую работу, используя для этих целей средства массовой информации;
- 5) изменить законодательство в части отмены «привилегий» у отдельных категорий лиц, наиболее склонных к противоправным действиям указанного характера.

Список использованных источников:

1. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 30.10.2018).
2. Отчёт Прокуратуры Красноярского края об антикоррупционном мониторинге за 2018 год.
3. Карнов А. Н. Досудебное производство по уголовным делам о получении взятки: автореф. дис.... канд. юр. наук. Московский университет МВД Российской Федерации. Москва, 2006. 26 с.

4. Кушниренко С. П. Особенности расследования взяточничества: Учебное пособие. СПб.: СПб юридический ин-т Ген. прокуратуры РФ, 2002. 108 с.

РОЛЬ СУДЬИ В СУДЕБНОМ ДОПРОСЕ, ПРОИЗВОДИМОМ ЗАЩИТНИКОМ

© Е.А. Самсонова

Научный руководитель: Л.А. Зашляпин

канд. юрид. наук

Северо-Западный филиал

Российского государственного университета правосудия

В первую очередь важно отметить, что роль судьи в судебном допросе, производимым защитником не идентична роли судьи в допросе, производимым государственным обвинителем. Это обусловлено тем, что бремя доказывания лежит на стороне обвинения, так как государственный обвинитель задаёт вопросы по поводу лица совершившего преступление, его вины и всего того, что непосредственно касается предмета доказывания. Защитник выполняет функцию, которая позволяет выявить обстоятельства, оправдывающие подсудимого или смягчающих его ответственность.

Поскольку допрос подсудимого на судебном следствии занимает одно из ключевых моментов среди других судебных действий по установлению виновности подзащитного или его невиновности, то задача защитника при судебном допросе подсудимого заключается в том, чтобы полностью раскрыть позицию защиты по предъявленному обвинению.

Так, по мнению Шараповой Д. В. помощника адвоката московской городской коллегии адвокатов: «Роль и значение судебного следствия в обеспечении подсудимому права на защиту со стороны деятельности защитника проявляется в активном осуществлении защитником права на защиту подсудимого на судебном следствии в условиях наиболее полного и всестороннего раскрытия принципа состязательности способствует надлежащему исследованию обстоятельств дела, служит основой для прения сторон и постановления законного, обоснованного и справедливого приговора» [3, с. 19].

Председательствующий в свою очередь обязан при исполнении своих обязанностей руководствоваться принципом равенства, поддерживать баланс между сторонами, обеспечивая каждой из них равные возможности, проявляя объективность и беспристрастность, с одинаковым вниманием относиться ко всем участникам судопроизводства вне зависимости от их пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного

положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, что обеспечивается ст. 16 УПК РФ и ст. 243 УПК РФ.

При этом, председательствующий должен содействовать более слабой стороне, поскольку не всегда уровень профессионализма государственного обвинителя может быть таким же как у защитника и наоборот. Поэтому в случае явно низкого уровня профессионализма, наблюдаемого с одной из сторон, что чаще возможно со стороны защиты, поскольку не всегда в качестве защитника выступает адвокат, председательствующий в целях соблюдения и реализации состязательности и равноправия сторон должен способствовать более слабой стороне в реализации прав, не допускать давления или преобладания от другой более сильной стороны, не подменяя при этом одну из сторон. Также председательствующему необходимо способствовать тому чтобы слабая сторона могла задать все необходимые вопросы по существу рассматриваемого дела, тем самым поддерживая равноправие сторон в процессе.

Кроме того, председательствующий обязан в равной мере реагировать как на ходатайства о вызове свидетелей со стороны государственного обвинителя, так и на ходатайства о вызове свидетелей со стороны защитника, поскольку не исключены случаи, когда государственному обвинителю в силу имеющихся у него властных полномочий проще способствовать тому чтобы свидетели присутствовали на судебном допросе. Поэтому председательствующий в случае возникновения трудностей по поводу вызова свидетелей со стороны защиты должен особенно уделить внимание и устранить препятствия по данному вопросу, тем самым реализуя принцип равенства сторон устраняя доминирующую позицию государственного обвинителя перед защитником.

В ходе допроса в судебном следствии, который проводит сторона защиты председательствующий не должен вмешиваться. Вмешательство председательствующего допустимо только в случае отклонения им наводящих вопросов и вопросов, которые не имеют отношения к уголовному делу, а также при нарушении порядка во время судебного заседания. К сожалению, иногда на практике наблюдаются нарушения рассматриваемых положений. Так, например, в одном из проведённых мной интервью по словам адвоката В. В. Никонорова: «В ходе судебного допроса судья отклоняет вопросы личного характера, а также иные вопросы, прямо не относящиеся к существу рассматриваемого спора. Председательствующий старается вести участников процесса в рамках рассматриваемого дела, так как иногда участники процесса уходят от конкретного спора. При этом, суд, если у него уже сложилось представление о деле, иногда отклоняет некоторые вопросы, сам задает такие вопросы,

чтобы получить доказательную базу, которую потом положит в основу своего приговора».

Из чего следует, что на практике возможны случаи, когда председательствующий вместо того, чтобы отклонить наводящий вопрос, предлагает стороне защиты или обвинения переформулировать данный вопрос. Председательствующий судья корректирует судебный допрос для вынесения такого решения, которое у него вероятно уже сложилось, что в первую очередь влечёт нарушение принципов состязательности и равноправия сторон, презумпции невиновности и иных принципов уголовного судопроизводства.

Для устранения подобных нарушений считаю целесообразным предложить разработать подробно структуру состязательного судебного допроса и её дефиницию, о чём неоднократно наблюдаются дискуссии в научной литературе. В настоящее время в действующей редакции УПК РФ содержатся лишь общие положения о порядке проведения судебного допроса. Разработка структуры состязательного судебного допроса предполагает детализацию общих положений о порядке проведения судебного допроса.

Более того, структура состязательного судебного допроса позволит устранить преобладающую роль стороны обвинения по отношению к стороне защиты, так как в настоящее время, например, при собирании доказательств ввиду властных полномочий, у государственного обвинителя больше возможностей собрать даже больше чем нужно доказательств, чем у защитника. Аналогичная ситуация наблюдается и при подаче ходатайств о вызове свидетелей, специалистов или экспертов в суд, а ведь это искажение состязательной структуры судебного допроса, поэтому следовало бы уравнивать стороны в их субъективных правах и обязанностях.

Также следует учитывать, что деятельность защитника при производстве судебных допросов двуедина, то есть отстаивая права и законные интересы подсудимого защитник в тоже время способствует осуществлению правосудия, а также оказывает воспитательное воздействие на граждан. По мнению В. Ю. Мельникова: «выполнение действий по соблюдению прав подзащитного в уголовном процессе – это деятельность адвоката-защитника, направленная на создание оптимальных условий для реализации их процессуальных прав и обязанностей» [2, с. 29].

Уважение прав участников судебного процесса входит в обязанности как защитника, так и председательствующего. Согласно ст. 7 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ

средствами, а также соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта РФ, Федеральной палаты адвокатов РФ, принятые в пределах их компетенции.

В ст. 9 УПК РФ установлено, что в ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Для того, чтобы защитнику успешно установить психологический контакт с участником уголовного судопроизводства в начале допроса допускается задавать те вопросы, которые позволят устранить психологический барьер со стороны допрашиваемого лица. Помимо наводящих вопросов неприемлемы неэтичные, двусмысленные вопросы и вопросы, которые, например, касаются общения сторон за пределами зала суда.

Также председательствующий обязан знакомить всех участников уголовного процесса с регламентом судебного заседания, в котором предусмотрено, что все участники судебного разбирательства обращаются к суду, дают показания и делают заявления стоя. Отступление от этого правила может быть допущено с разрешения председательствующего. Так, при производстве судебного допроса защитник может сидя задавать вопросы, делать пометки, использовать выписки из каких-либо документов и т.д. Это гораздо удобнее, что позволяет защитнику непрерывно и не отрываясь от необходимых записей вести допрос, одновременно фиксируя ответы на заданные вопросы.

Таким образом, процессуальная роль защитника в ходе судебного допроса состоит в том, что он выполняет иную функцию отличную от функции стороны обвинения. Соответственно роль председательствующего заключается в том, чтобы обеспечить реализацию функции защиты, способствовать осуществлению всех субъективных прав защитника.

Список использованных источников:

1. Карабанова Т. Н. Судебное следствие в уголовном процессе Российской Федерации. диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Российский университет дружбы народов (РУДН). Москва, 2008.

2. Мельников В. Ю. Значение участия защитника в уголовном процессе // Адвокатская практика. – М.: Юрист, 2018. № 2. С. 29-37.

3. Шарапова Д. В. Участие защитника в допросе подсудимого в судебном заседании суда первой инстанции, проводимом в общем порядке // Адвокатская практика. – М.: Юрист, 2013. № 4. С. 19-22.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

© Г.В. Севрюк

Научный руководитель: И.А. Журавлева

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В расследовании преступлений наибольшее значение среди всех криминалистических следов имеют следы рук, поскольку именно при исследовании следов рук и сравнении их с отпечатками пальцев конкретного лица мы можем сделать категорический вывод о причастности или непричастности данного лица к совершению преступления. Однако не всегда в ходе осмотра места происшествия (а именно там можно обнаружить наибольшее количество следов) удастся обнаружить и изъять следы рук. Это связано с различными причинами. Прежде всего, это большая давность следов, дефектная поверхность, неудачно выбранный метод обнаружения следов.

В настоящее время активно внедряются передовые научно-технические достижения, я приведу только некоторые из них.

RECOVER: Latent Fingerprint, применяемый для физико-химического выявления следов рук. Данное устройство обеспечивает высокое качество следов; не требует погружения в химические красители; сохраняет ДНК; может безопасно использоваться с огнестрельным оружием, электротехническими изделиями и позволяет выявлять следы как при видимом, так и при ультрафиолетовом свете. Помимо этого, изобретатели заявляют, что данное устройство способно выявлять латентные следы пальцев рук практически с любых поверхностей, даже с кожи человека. Также компания Foster & Freeman создала порошки для выявления следов рук из сине-зеленых водорослей (цианобактерий) и силиката меди кальция, которые являются органическими соединениями и пригодны для выявления следов рук практически на любых поверхностях, а также имеют высокую флуоресценцию. Еще одним инновационным решением в области дактилоскопии является автоматическая система «Crime-Litelmager». Данная цифровая система служит для фиксации, обработки и

улучшения качества изображений следов рук. Она позволяет оперативно сканировать следы рук в высоком разрешении, а также улучшать их качество в зависимости от следовоспринимающей поверхности [1]. Данные технологии широко распространены в европейских странах и Америке. Внедрение такого комплекса оборудования существенно повысило бы качество изымаемых следов как в ходе осмотра места происшествия, так и в лабораторных условиях.

Еще одним направлением в развитии дактилоскопической экспертизы является применение методов порозджеоскопии при проведении исследований. В соответствии с методикой, изложенной в учебном пособии Ивашкова В.А. [2] для проведения дактилоскопического исследования, признания следов пригодными для идентификации и дачи категорического положительного вывода необходимо не менее 12 частных совпадающих признаков в следах рук. Тожество может быть установлено и при совпадении меньшего количества частных признаков ввиду их большей значимости. В случае, когда частных признаков меньше, след признают непригодным для идентификации личности, однако в связи с применением пороскопии этого можно избежать, поскольку микрорельеф, в том числе расположение, взаиморасположение и форма пор индивидуальны у каждого человека.

В современной России используется автоматизированная дактилоскопическая информационная система «Папилон» (АДИС «Папилон»). С помощью данной системы математически описывается след, частные признаки в следе, расположение и взаиморасположение которых сравнивается с имеющимися в базе дактилоскопическими картами, после чего эксперт самостоятельно просматривает выпавшие в рекомендательном списке дактилоскопические карты, тем самым устанавливая тождество. Данная АДИС должна быть подвержена изменениям, поскольку иногда случаются так называемые «пробросы», когда система кодирует след самостоятельно и неверно просчитывает расстояние между признаками или кодирует признак там, где его нет.

Таким образом, стоит отметить несовершенство материально-технического обеспечения деятельности современных экспертов в России, но прогресс не стоит на месте, и в экспертную деятельность активно внедряются все новые совершенные методы, которые помогут расследовать и раскрывать совершаемые преступления.

Список использованных источников:

1. Foster & Freeman [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «Foster & Freeman». URL: <http://www.fosterfreeman.com> (дата обращения: 08.04.2019).
2. Ивашков, В. А. Работа со следами рук на месте происшествия/ В. А. Ивашков. – Москва: ЭКЦ МВД России, 1992. 77 с.

**ПРОВЕДЕНИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АУДИО- И ВИДЕОФИКСАЦИИ**

© К.Ю. Сивов

Научный руководитель: О.Г. Иванова
Сибирский федеральный университет

Сегодня законодательство стоит на пути цифровизации, уголовное судопроизводство в этой части не стало исключением. В данной статье хотелось бы разобрать некоторые аспекты, существующие в уголовном процессе, которые связаны с недостаточной оценкой значимости видео- и аудиозаписей, созданных в ходе производства следственных действий. Также мы обсудим значимость описательной части протокола следственных действий при существовании таких записей.

Статья 166 Уголовно-процессуального кодекса РФ прямо устанавливает, что протокол следственных действий состоит из трех частей, а именно: вводной, описательной и заключительной. Каждая из частей выполняет определенные задачи, так, например, в описательной части протокола фиксируются процессуальные действия в том порядке, в каком они производились, и выявленные обстоятельства уголовного дела (ч. 4 ст. 166 УПК РФ) [1].

Согласно ч. 2 ст. 166 УПК РФ во время производства следственных действий может осуществляться стенографирование, фотографирование, кино съемка, аудио- и видеозапись. Результаты этих действий, будь то видео-, аудио- или иная запись, хранятся при уголовном деле, а если быть точнее, то в качестве приложения к протоколу осмотра места происшествия. Некоторыми исследователями также для улучшения уровня законодательной техники предлагается объединить данные виды фиксации и обозначить их в УПК РФ как совокупность технических средств, обеспечивающих запись визуальной информации и ее звукового сопровождения [2].

Если обратить свое пристальное внимание на значение данных носителей информации, то практикой, а также современной теорией уголовно-процессуального права выработан подход, согласно которому данные сведения следует расценивать исключительно как приложение к протоколу производства следственного действия, и самостоятельного доказательственного значения данные сведения не имеют [3]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что информация, не отраженная в протоколе следственного действия, но при этом хранящаяся на носителе в качестве приложения к протоколу, не будет учитываться субъектом доказывания при оценке доказательств, хотя это в корне неверно, так как нарушается принцип непосредственного исследования доказательств судом. Например, по уголовному делу о дорожно-транспортном происшествии следователь по невнимательности не указал в протоколе осмотра места происшествия наличие дорожного знака, ограничивающего скорость движения транспортных средств на соответствующем участке дороги. При этом данный знак был зафиксирован в ходе видеозаписи, производившейся во время осмотра места происшествия. Судом был принят во внимание только протокол осмотра, согласно которому знака в указанном месте нет [4].

Исходя из вышесказанного, встает вопрос о значении видео- и аудиофиксации производства следственных действий, а также значение материалов, полученных данным путем, и их соотношение с описательной частью постановления о производстве следственного действия.

В первую очередь необходимо отметить, что еще в СССР в работе «Теория доказательств в советском уголовном процессе» назывался подход, согласно которому критиковалась умаление значения аудио- видео- и иных материалов: «фотоснимки, схемы, планы и т.п. объекты представляют... составную часть протокола, и их доказательственное значение неотделимо от письменного описания. Наличие приложений позволяет проверить полноту и точность записей в протоколе путем сопоставления. Иными словами, некоторые фактические данные фиксируются не одним, а двумя или даже тремя способами: запись, фотоснимок, схема. В случаях пробелов в протоколе приложения позволяют их в ряде случаев восполнить. С помощью фотоснимков, киноленты, схемы и т.п. могут быть зафиксированы детали, словесное описание которых затруднительно» [5].

Как уже отмечалось ранее, при составлении протокола следственного действия, субъект должен описывать информацию, так как он ее воспринимает, не допуская искажений, а также домыслов и выводов относительно данной информации. Данный пункт в полной мере обеспечивает

непосредственность передачи и фиксации полной и неискаженной информации в протоколе следственного действия. С данной задачей также может справиться средство фиксации. Современная аппаратура позволяет гораздо более полно и, что самое главное, объективно зафиксировать соответствующую обстановку или сведения, нежели это делает следователь в своем описании. Информация, записанная таким путем, наиболее полно будет соответствовать действительности, так как будет защищена от большинства ошибок, связанных с человеческим фактором. Другим аргументом в пользу того, чтобы отказаться от описательной части постановления о проведении следственного действия при условии наличия фото-, аудио-, видео- и иной съемки является тот факт, что постановление (если абстрагироваться от уголовно-процессуального поля) по своей сути также является источником информации, если так можно назвать бумагой с записанной на нее информацией. Этим признаком постановление ничем не отличается от других способов фиксации, но при этом может проигрывать им в точности передачи информации, как уже говорилось ранее.

Безусловно, вышеуказанные материалы используются в практике, но исключительно в случае расхождения протокола следственного действия и фактических обстоятельств, в случае сомнений. Так, например, сторона защиты ссылалась на то, что в ходе допроса показания были получены путем давления на подозреваемого. Однако суд не принял во внимание данный довод, изучив видеозапись данного следственного действия [6].

Таким образом, видится возможным отказ от описательной части постановления о проведении следственного действия при условии использования технических средств для записи данного действия. Данные изменения значительно упростят деятельность субъектов по составлению протоколов, а также повысит уровень доверия к информации, сохраненной таким путем, так как ее в любое время можно будет посмотреть в первоизданном виде. Также следует пристально исследовать вопрос о необходимости участия понятых в данном случае.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : ФЗ РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с послед. изм.) // СЗ РФ. 2001 г. № 52. ст. 4921.
2. Глушков, М. Р. Фиксация хода и результатов следственного действия: проблема новых технологий / М. Р. Глушков // Актуальные проблемы российского права. – 2016.- № 12.

3. Шейфер, С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. / С. А. Шейфер // Юрлитинформ, 2001.

4. Уголовное дело № 1/2675 // Архив Ревдинского городского суда Свердловской области. 2010 г [Электронный ресурс] : сайт Ревдинского городского суда Свердловской области. – Режим доступа.: <http://revdinsky.svd.sudrf.ru/>

5. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н. В. Жогина. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрид. лит. – 1973.

6. Судебное решение по делу № 38-АПУ18-3 [Электронный ресурс] : апелляционное определение Верховного суда Российской Федерации от 16.05.2018 // Справочная правовая система «РосПравосудие». – Режим доступа : <https://rospravosudie.com>

ИЗЪЯТИЕ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

© А.В. Сладкова

Научный руководитель: Н.Г. Логинова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 УК РФ и УПК РФ» расширил перечень процессуальных действий, проведение которых возможно на стадии проверки сообщения о преступлении. В частности, стало возможным изымать предметы и документы в порядке, установленном УПК РФ.

Несмотря на то, что с момента внесения данных изменений прошло уже 6 лет, дискуссии относительно правовой природы изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовно дела в научных кругах не утихают. Анализ следственной и судебной практики показывает, что недопонимание зачастую происходит и со стороны правоприменителей. В связи с этим полагаем, что рассмотрение вопроса о правовой природе изъятия предметов и документов в рамках ст. 144 УПК РФ является актуальным и в настоящее время.

Для разрешения данной проблемы считаем необходимым ответить на два основных вопроса. Во-первых, что понимается под изъятием в порядке, предусмотренном УПК РФ, и является ли это отсылкой к ст. ст. 182, 183 УПК РФ? Во-вторых, возможно ли применение принуждения при изъятии

предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела, или данное действие носит добровольный характер?

Отсылка к «порядку, установленному УПК РФ» породила проблемы в правоприменительной практике. В частности, многие правоприменители восприняли данное нововведение, как разрешение на производство до возбуждения уголовного дела следственных действий, направленных на изъятие предметов и документов (выемка, обыск). Наиболее часто под таким изъятием ошибочно понимается выемка.

Например, 20.09.2016 г. в суде апелляционной инстанции Верховного суда Республики Саха была рассмотрена жалоба адвоката П.М. Ефимова. По материалам дела Г. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ. На стадии возбуждения уголовного дела следователем была изъята видеозапись с камеры видеонаблюдения в порядке ст. 183 УПК РФ. Заместителем прокурора г. Якутска А. протокол выемки был признан недопустимым доказательством, с чем не согласился защитник. Суд апелляционной инстанции мнение П.М. Ефимова поддержал и указал, что «из норм закона не следует, что производство выемки должно производиться после возбуждения уголовного дела или только при осмотре места происшествия» [1].

Еще одним примером может послужить Апелляционное постановление Московского городского суда от 24 октября 2013 г.: 2 сентября 2013 года следователь Демин А.С. обратился суд с ходатайством о разрешении производства выемки медицинских документов по находящимся в его производстве материалам проверки. Суд разрешил производство выемки. В апелляционной жалобе адвокат Гриценко И.Ю. выразил несогласие с постановлением суда. Однако суд апелляционной инстанции жалобу не удовлетворил и указал, что «следователь принял мотивированное решение в соответствии с положениями ст. ст. 165, 183 УПК РФ, с соблюдением всех норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих порядок получения разрешения на производство следственного действия – выемки» [2].

В научной литературе ряд авторов также считает проведение выемки до возбуждения уголовного дела законным и обоснованным. В частности, А.С. Каретников и С.А. Коретников полагают, что производство выемки на стадии возбуждения уголовного дела не только не запрещено УПК РФ, но и необходимо в некоторых ситуациях. Авторы указывают, что в процессе осмотра места происшествия не всегда возможно изъять необходимые предметы и документы, необходимые для назначения экспертизы, и в этих случаях выемка остается единственно возможным способом проверки сообщения о преступлении [3,

с. 15]. Подобной точки зрения придерживаются и другие исследователи ([4, с. 3; 5, с. 30] и др.).

На наш взгляд, такой подход к пониманию изъятия предметов и документов по ст. 144 УПК РФ вызван следующими причинами. Во-первых, данная норма по конструкции является отсылочной (отсылает к порядку, предусмотренному УПК РФ). Если понимать это положение буквально, то напрашивается вывод о том, что на стадии возбуждения уголовного дела изымать предметы и документы возможно при помощи любых процессуальных и следственных действий (в том числе, обыска и выемки). Во-вторых, в УПК РФ не упоминается об изъятии как о самостоятельном процессуальном или следственном действии.

В толковых словарях «изъять» трактуется как «выделив из чего-нибудь, исключить, устранить из употребления, отнять» [6, с. 583], «исключить, устранить, а также удалить» [7, с. 455]. В связи с этим, можно сказать, что изъятие производится одним действием (отнимание, исключение).

УПК РФ в ст. 5 не дает определение «изъятию». Однако в нормах УПК РФ изъятие фигурирует в качестве принудительного действия.

До возбуждения уголовного дела факт наличия преступления еще не установлен, ограничение конституционных прав граждан такими принудительными следственными действиями, как выемка, обыск и др., невозможно. Как утверждает К.Б. Калиновский, «по действующему уголовно-процессуальному законодательству решение о возбуждении уголовного дела пока остается спусковым крючком, запускающим механизмы уголовно-процессуального принуждения. При этом важно отметить, что и разрешенный для проведения до возбуждения дела следственный смотр также не должен быть принудительным; в ходе него нельзя проводить фактический обыск или выемку» [8, с. 50].

Согласимся с мнением Е.В. Бравиловой, которая предлагает исключить изъятие из ч. 1 ст. 144 УПК РФ, так как положения о нем «противоречат другим нормам УПК РФ и вводят в заблуждение правоприменителя» [9, с. 14]. Действительно, изъятие по нормам УПК РФ не является самостоятельным процессуальным действием. На стадии возбуждения уголовного дела оно возможно при проведении только одного следственного действия – осмотра места происшествия. Однако осмотр места происшествия так же указан в ч. 1 ст. 144 УПК, а порядок его проведения регулируется ст. 177 УПК РФ, возможность изъятия в рамках осмотра места происшествия так же прописана в ст. 177 УПК РФ. Полагаем, что употребление термина «изъятие» в ч. 1 ст. 144 УПК РФ является нецелесообразным. Исключение «изъятия в порядке, предусмотренном УПК

РФ» из ч. 1 ст. 144 УПК РФ, на наш взгляд, снимет проблему недопонимания со стороны правоприменителей, сделает невозможным признание допустимыми доказательствами протоколов выемки и обыска, проведенных на стадии доследственной проверки.

Для получения предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела существуют другие инструменты (кроме осмотра места происшествия). Добровольное предоставление предметов и документов возможно в рамках истребования, которое также закрепляется в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Однако, когда признак добровольности отсутствует, получать предметы и документы необходимо в принудительном порядке. Но, как было сказано выше, принудительное изъятие путем проведения следственных действий (выемка, обыск и др.) на стадии возбуждения уголовного дела невозможно. Реализовать такое изъятие возможно в рамках оперативно-розыскных мероприятий, проведение которых возможно по поручению лица, проводящего проверку сообщения о преступлении. Часть 1 статьи 15 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепляет право органов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, на изъятие документов, предметов, материалов и сообщений при производстве оперативно-розыскных мероприятий (например, при производстве обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, оперативного эксперимента, изъятия компьютерной информации). В случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий должностное лицо, проводившее его, должно составить протокол в соответствии с требованиями УПК РФ.

Таким образом, получение предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела возможно, во-первых, в рамках следственных действий, проведение которых разрешено до возбуждения уголовного дела, во-вторых, в рамках истребования предметов и документов, в-третьих, в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. В связи с тем, что помимо этих процедур, изъятие в рамках ч. 1 ст. 144 УПК РФ невозможно, полагаем, что отдельное выделение изъятия предметов и документов в ч. 1 ст. 144 УПК РФ является нецелесообразным и приводит к ошибкам в правоприменительной практике.

Список использованных источников:

1. Апелляционное постановление № 22К-1444/2016 от 20 сентября 2016 г. по делу № 22К-1444/2016
2. Апелляционное постановление № 10-10652/2013 от 24 октября 2013 г. по делу № В-3/2-541/13
3. Каретников, А.С., Коретников С.А. Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении / А.С. Каретников, С.А. Коретников // Законность. – 2014. – № 7. – С. 14-19
4. Халиков, А.Н. Собираание доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении / А.Н. Халиков // Законность. – 2013. – № 12. – С. 2-5.
5. Жажицкий, В.И. Дополнения к ст. 144 УПК РФ: плюсы и минусы / В.И. Жажицкий // Российская юстиция. – 2013. – № 11. – С. 28–31.
6. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва: ОГИЗ, 1940.
7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под. ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : ИТИ Технологии, 2006.
8. Калиновский, К.Б. Выемка до возбуждения уголовного дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. – 2016. – № 3. – С. 48-54
9. Бравилова, Е.В. Истребование и изъятие предметов и документов до возбуждения уголовного дела / Е.В. Бравилова // Эволюция государства и права: история и современность. – 2017. – № 9. – С. 11-16

**ОГЛАШЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ ПО ОСНОВАНИЮ ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНИ,
ПРЕПЯТСТВУЮЩЕЙ ЯВКЕ В СУД**

© М.С. Терехова

Научный руководитель: А.А. Брестер

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

«Уважаемый суд, ходатайствую об оглашении показаний отсутствующего свидетеля», – слышали мы практически в каждом судебном разбирательстве по уголовному делу, где за удовлетворением указанного ходатайства следовало зачитывание протокола допроса свидетеля со следствия. При этом суд не видел и не слышал человека, чьи показания оглашаются, не имел возможности задать уточняющий вопрос или устранить зародившееся у него сомнение.

Нужно ли суду выслушать каждого свидетеля и чем чревато обратное? Влияет ли на права сторон то, что вместо допроса свидетеля в судебном заседании зачитываются ранее данные им показания?

Судья должен лично воспринять показания каждого свидетеля, имея возможность наблюдать за процессом их дачи. Этот тезис составляет содержание принципа непосредственности исследования доказательств, закрепленного в статье 240 УПК РФ. Соблюдение этого требования является основной предпосылкой для формирования внутреннего убеждения судьи, и, впоследствии, для вынесения законного и справедливого приговора. Правило о непосредственности, как пишет Конституционный Суд РФ, служит обеспечению конституционного баланса интересов обвинения и защиты [1].

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод в пп. «d» п. 3 статьи 6 закрепляет право обвиняемого допросить показывающего против него свидетеля. Соответственно, отсутствие возможности допросить свидетеля лично в судебном заседании независимо от причин такового будет нарушать непосредственность восприятия доказательств судом, ставя под угрозу справедливость судебного разбирательства в понимании Европейской Конвенции. Соответственно, преступать принцип непосредственности должно быть допустимо только в исключительных случаях ввиду невозможности его реализации.

Часть 2 статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации содержит исчерпывающий перечень изъятий из названного принципа [2]. Одним из них является оглашение показаний свидетеля в связи с его тяжелой болезнью, препятствующей явке в суд. Какие заболевания в значении этого основания оглашения показаний считаются тяжелыми? Любая ли болезнь препятствует даче показаний в суде? Законодатель их не конкретизировал, следовательно, понятие «тяжелое заболевание, препятствующее явке» является оценочным и подлежит толкованию каждым судьей, рассматривающим дело, в котором заявлено ходатайство об оглашении показаний по указанному основанию.

Следующим шагом для примерного понимания того, что суды общей юрисдикции понимают под «тяжелым заболеванием», мы обратились к судебной практике. Однако в ходе ее анализа было выявлено, что при оглашении показаний по основанию неявки свидетеля в связи с тяжелой болезнью суды в итоговом решении его не конкретизируют, ограничиваясь лишь ссылкой на п. 2 ч. 2 ст. 281 УПК РФ.

Далее мы обратились к наблюдению в судебных заседаниях и изучению их протоколов. Мы ознакомились с делом, в котором подсудимому Р.

вменялось превышение должностных полномочий, а также причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть. Д. – один из потерпевших по нему, который, помимо этого, был очевидцем вменяемого Р. деяния, 11 раз давал противоречивые показания на стадии следствия. В судебное заседание он не явился в связи с операцией на ногу, запланированной на день заседания. Прокурор, предоставив справки о его нахождении в стационаре, заявил ходатайство об оглашении его показаний по п. 2 ч. 2 ст. 281 УПК, которое суд удовлетворил вопреки возражениям стороны защиты. Между тем, в них последняя приводила доводы о возможности отложения допроса свидетеля до его выписки или выездного судебного заседания. При этом представляется маловероятным, что травма ноги подавляет способность свидетеля давать показания и речь в данном случае идет лишь об организационном обеспечении его допроса, которое лежит на суде. Приведенный пример показывает, что правоприменители сами не в полной мере понимают, какие заболевания являются «тяжелыми» в контексте оглашения свидетельских показаний.

Для выявления примерных критериев оглашения показаний в случае тяжелой болезни свидетеля мы обратились к практике Европейского суда по правам человека. Нами были проанализированы постановления ЕСПЧ, три из которых – по делу *Матыцина против России* от 24.07.2008 г., по делу *Чукаев против России* от 05.11.2015 г., по делу *Задумов против России* от 12.12.2017 г., заслуживают внимания для ответа на поставленные нами вопросы.

В результате анализа постановлений можно назвать следующие критерии оглашения показаний неявившегося в силу тяжелой болезни свидетеля:

1) Специфика заболевания, ослабившая его и физически препятствующая даче показаний в суде либо могущая повлечь ухудшение состояния здоровья свидетеля.

В деле *Чукаев против РФ* согласно медицинским документам, предоставленным в районный суд, свидетель Б. не мог присутствовать на слушании, поскольку у него были серьезное онкологическое заболевание (рак) и сопутствующие проблемы с речью [3]. Районный суд удовлетворил ходатайство прокурора об оглашении его показаний несмотря на возражения стороны защиты.

В этом деле Европейский Суд отметил, что сторона обвинения вызывала Б. в качестве свидетеля на слушание дела заявителя дважды. Он не явился, потому что был серьезно болен и не мог говорить. Европейский Суд признал болезнь как причину отсутствия в соответствии с внутригосударственным законодательством и основании предоставленных ему материалов счел, что

подтвержденное плохое физическое состояние Б. значительно ослабило его и стало причиной его неявки в суд.

2) Наличие заболевания на момент вызова свидетеля для допроса в суде.

По мнению Европейского Суда, признание такого основания внутригосударственными судами должно зависеть не от истории болезни человека, а от физического состояния человека на момент проведения судебного заседания.

В деле *Задумов против РФ* состояние здоровья К. могло служить достаточным обоснованием для оглашения в феврале 2011 года ее показаний, данных в ходе предварительного расследования, однако это обоснование утратило свою силу после ее выписки из больницы в марте 2011 года. В данном деле Европейский Суд пришел к выводу, что отсутствовали веские основания для неявки свидетельницы на судебное заседание, а также для оглашения в качестве доказательства ее показаний, данных в ходе предварительного расследования [4].

3) Подтверждение причинно-следственной связи заболевания и вышеуказанных обстоятельств медицинским заключением врача-специалиста.

В деле *Матыцина против РФ* решение судей национальных судов не вызывать гр. С.Д. в суд для дачи показаний было основано на двух медицинских справках, выданных в январе 2006 года и в марте 2007 года, в которых говорилось, что ей не рекомендуется являться в суд, так как это может привести к рецидиву ее психического заболевания [5]. Так, решение судьи не вызывать гр. С.Д. в суд для дачи показаний было основано на известных фактических обстоятельствах и подкреплено мнением врачей.

Таким образом, не любое заболевание свидетеля в случае его неявки в заседание должно позволять суду огласить его показания, данные на предварительном расследовании. Хотя и невозможно сформировать их перечень, но судье при решении вопроса об оглашении показаний по этому основанию надлежит выяснять, действительно ли заболевание препятствует даче показаний и находит ли этот факт документальное подтверждение.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по состоянию на 1 января 2018 г. – Москва: Эксмо, 2018. – 398 с.
2. Определение КС РФ от 02.04.2009 № 477-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Дмитрия Анатольевича на нарушение его конституционных прав ч. 4 ст. 281 УПК РФ».

3. Постановление Европейского суда от 05.11.2015 г. по делу «Чукаев против РФ» от §§ 31, 50, 125. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Постановление Европейского суда от 12.12.2017 по делу «Задумов против РФ», §§54, 56. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Постановление Европейского суда от 23.03.2014 по делу «Матыцина против РФ», §§58, 88. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

ЗАДЕРЖАНИЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

© О.Е. Ускова

Научный руководитель: О.Х. Галимов

канд. юрид. наук

Сибирский институт бизнеса, управления и психологии

В юридической литературе не находят единообразного понимания ряд вопросов, в частности, касающиеся отсутствия в УПК РФ четкой регламентации требований к условиям применения статьи 91 УПК РФ и возможности или недопустимости производства задержания подозреваемого в совершении преступления до возбуждения уголовного дела. Основная позиция ученых по данному вопросу сводится к утверждению о том, что задержание возможно только после возбуждения уголовного дела.

Так, мнение о недопустимости задержания до возбуждения уголовного дела основано на положениях УПК РФ, и сводится к тому, что при наличии оснований для задержания подозреваемого не могут отсутствовать основания для возбуждения уголовного дела, и уголовно-процессуальному задержанию должно предшествовать возбуждение уголовного дела. В то же время, в научной сфере отмечается неоднозначная трактовка регламентированного УПК РФ порядка задержания, недостаточное понимание его сути. Оно смешивается с действиями, связанными с проверкой документов сотрудниками полиции, доставлением в орган внутренних дел и т.д.

В современных условиях правового регулирования механизма фактического задержания и доставления потенциального подозреваемого в органы предварительного расследования, остается актуальным вопрос: с какого момента следует исчислять установленный Конституцией РФ и УПК РФ 48-

часовой срок ограничения права на свободу и личную неприкосновенность без судебного решения.

Большинство ученых, связывает момент фактического задержания, то есть момент, с которого начинает исчисляться 48-часовой срок ограничения свободы, со временем реального (физического) захвата потенциального подозреваемого сотрудниками правоохранительных органов. Аналогичная позиция изложена и в Определении Конституционного суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 1579-О-О, где постановлено, что именно с момента фактического задержания следует исчислять срок задержания, даже если отсутствует надлежащее оформление протокола задержания.

На практике указанная ситуация находит свое отражение, в частности, в рапорте сотрудника полиции, производившего задержание (захват) лица, совершившего преступление, в котором не всегда отражаются реальное время ограничения свободы передвижения такого лица.

Другой момент связан с фиксацией времени доставления в орган дознания или к следователю, после чего, в течение трех часов должен быть составлен протокол задержания (ч. 1 ст. 92 УПК РФ). То есть момент доставления в орган дознания и к следователю фактически никак в материалах уголовного дела не отражается. В свою очередь протокол задержания подозреваемого не содержит соответствующих граф, а УПК РФ не указывает на необходимость отображения в нем времени доставления в правоохранительные органы. Однако этот вопрос требует осмысления и урегулирования, поскольку затрагивает как права задержанного, являются точкой отсчета времени для составления протокола задержания, доставленного лица. В связи с этим возникает вопрос: необходимо ли включать в 48-часовой срок задержания подозреваемого в порядке ст. 91, 92 УПК РФ время с момента фактического задержания (захвата) лица, совершившего преступление, до его доставления к следователю (дознавателю).

Вместе с тем процессуальное законодательство не содержит каких-либо правил общего суммирования времени фактического и юридического задержания. Единственным понятным положением для правприменителя является предусмотренный частью 1 ст. 92 УПК РФ трехчасовой срок составления протокола задержания. Этого времени вполне достаточно для изучения следователем (дознавателем) поступивших материалов, возбуждения уголовного дела, вызова защитника и составления самого протокола. Но до того, пока уголовное дело в отношении задержанного не возбуждено, в процессуальном смысле задержание не произошло, лицо является лишь заподозренным в совершении возможного преступления [1, с. 27-28].

Основываясь на вышеизложенном, возникает предположение о том, что ситуация, когда лицо задерживается на улице в момент или непосредственно после совершения преступления, должна рассматриваться как часть процессуального задержания, т.е. является «фактическим задержанием», поскольку производится до возбуждения уголовного дела, но не протоколируется, и не должна ставиться в зависимость от возбуждения против него уголовного дела.

Правоприменители стремятся максимально «оттянуть» начальный момент исчисления 3-часового срока составления протокола задержания подозреваемого, тогда как адвокаты-защитники видят в этом нарушение конституционных прав и свобод личности.

Со стороны органов уголовного преследования такой подход вполне объясним. Приняв решение о задержании подозреваемого, следователь фактически располагает не сорока восемью, а лишь сорока часами, поскольку за 8 часов до истечения претензионного срока задержания ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должно быть направлено в суд. За оставшиеся 40 часов следователю надлежит провести ряд следственных действий, направленных на доказывание причастности лица к совершенному преступлению, истребовать документы, характеризующие личность подозреваемого, подготовить ходатайство об избрании меры пресечения, изготовить копии материалов, представляемых в суд и т.д. [2, с. 24-26].

В таком двойственном понимании, задержания по мнению Россинского С.Б. кроется причина его разграничения на задержание физическое (фактическое) и задержание юридическое (процессуальное). По своей природе они не совпадают и совпадать не могут, т.к. основания, субъекты, правовое оформление у них разные и, соответственно, разные моменты возникновения. Фактическое задержание всегда предшествует процессуальному, и поэтому задача законодателя состоит в максимальном сокращении временного интервала между поимкой, захватом лица (физическим задержанием) и составлением протокола задержания (юридическим задержанием).

В УПК РФ предпринята попытка решения этой задачи путем введения двух норм, неизвестных советскому УПК РСФСР. Первая представляет собой дефиницию понятия «момент фактического задержания», определяемого как «момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления» (п. 15 ст. 5 УПК РФ).

Эта норма оказалась практически бесполезной, поскольку указание на ограничение свободы передвижения в порядке УПК РФ перемещает

фактическое задержание в сферу уголовно-процессуальной деятельности, где оно поглощается задержанием юридическим. В действительности же фактическое задержание производится вне и до уголовного процесса в виде физической поимки лица (захвата его «на улице»). Такое задержание производит в большинстве случаев не следователь, а сами граждане и сотрудники правоохранительных органов: полицейские, участковые уполномоченные, оперативные работники и др. Поэтому порядок физического задержания не регулируется нормами УПК РФ, а регламентируется иным законодательством, в частности, Федеральным законом «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ.

Вторая новелла содержится в ч. 1 ст. 92 УПК РФ: «После доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания...» [3].

Специалисты считают, что появление этой нормы очень ценно. Отечественный законодатель впервые предпринял попытку закрепить отрезок времени, разделяющий физическую поимку лица по подозрению в совершении преступления, и оформление его юридического задержания. Закрепление в УПК РФ 3-часовых рамок составления протокола позволяет в достаточно короткий срок решить два важных вопроса: наделить лицо статусом подозреваемого (п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ) и обозначить точку отсчета конституционного срока его задержания.

Однако положения ч. 1 ст. 92 УПК РФ необходимой для практического применения ясности и однозначности не содержат. Прежде всего потому, что в качестве начала исчисления 3-х часов фигурирует не момент фактического задержания (физического захвата) лица, а момент его доставления. В результате нормативная дефиниция фактического задержания, данная в п. 15 ст. 5 УПК РФ, оказалась невостребованной.

Кроме того, местом доставления названы два разнородных адресата. Первый – орган дознания, под которым, вероятно, имеется в виду помещение, где располагается, например, орган полиции, и где находится дознаватель, к которому в итоге доставляется подозреваемый. Второй адресат – следователь, как правоприменитель, расследующий преступление, в связи с которым задержано и доставлено лицо. Но при этом надо учитывать, что следователь, так же как и дознаватель, располагается в определенном помещении, иногда в одном и том же отделе внутренних дел.

Итак, можно выделить три пространственно-временные точки (место-моменты), через которые перемещается подозреваемое лицо до составления протокола задержания: 1) место-момент физического захвата; 2) место-момент доставления лица в помещение органа предварительного

расследования; 3) место-момент передачи лица тому следователю или дознавателю, который правомочен принять решение о юридическом задержании подозреваемого.

Таким образом само по себе задержание, включающее периоды фактического захвата заподозренного лица, его доставления в орган предварительного расследования и передачи уполномоченному лицу для может иметь место не только в ходе предварительного расследования, но и до возбуждения уголовного дела.

Список использованных источников:

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. В. Мозякова.
2. Самолаева, Е. Ю. К вопросу о задержании лица по подозрению в совершении преступления на стадии возбуждения уголовного дела / Е.Ю.Самолаева // Молодой ученый. – 2016. – №25.
3. Россинский, С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: монография. – Москва, Проспект, 2019.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ ПОСТАНОВКИ НАВОДЯЩИХ ВОПРОСОВ В ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ АНГЛИИ, РОССИИ И ФРАНЦИИ

© П.О. Шавыркина

Научный руководитель: А.И. Баянов

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Допрос, как способ получения показаний является самым распространенным следственным действием в уголовном судопроизводстве Европы, в том числе Англии, России и Франции. Процессуальный порядок проведения допроса в указанных странах имеют общие начала и различия. Если совпадающие начала, как нам представляется, объясняются объективным содержанием следственного действия и целью, то различия порой являются существенными и требуют установления причин. Они связаны с историческими, культурными, национальными и другими особенностями развития государства, а так же его уголовно-правовой системой, в том числе и связанной с уголовным судопроизводством.

Допрос в английском уголовном процессе состоит из постановки вопросов и получения ответов на них, свободный рассказ отсутствует. В Англии наводящие вопросы разрешены и регламентированы. Они представляют собой второй тип вопросов, которые направлены на подтверждение информации. Наводящий вопрос полностью контролирует, что сказал свидетель или обвиняемый. Более того, можно предложить свою версию фактов и событий для подтверждения в указанном деле допрашиваемому лицу. [2, с.320]

Французское уголовно-процессуальное законодательство регулирует порядок допроса, но меньше с законодательством Франции.

Во Франции отсутствует норма запрета наводящего вопроса, так же УПК Франции и не раскрывает данного понятия. Следственно-розыскные полномочия следственного судьи закреплены ч. 1 ст. 81 УПК, где сказано, что он «вправе совершать любое следственное действие, которое сочтет необходимым в целях установления истины». [3, с.328] В связи с этим перечень следственных действий, указанный в УПК, не является исчерпывающим. Как отмечается в литературе, единственным ограничением для следственного судьи в данном вопросе являются «его профессиональное сознание, уважение предписаний закона и прав защиты» [4, с.202].

Напротив, уголовно-процессуальное законодательство России в категорической форме запрещает постановку наводящих вопросов в процессе допроса подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, а так же свидетеля (ч.2 ст. 189 УПК РФ). Однако определение наводящего вопроса отсутствует.

Данный запрет является обоснованным, так как наводящие вопросы в большинстве случаев носят характер манипулирования. Такие вопросы являются причиной искажения показаний, что в дальнейшем приводит к ошибкам в оценке обстоятельств дела и неправильным процессуальным решениям. Более того, наводящий вопрос оказывает воздействие на волевой порог допрашиваемого лица.

Наводящим признается вопрос, который содержит в себе ответ. Судебная практика к наводящим приравнивает вопросы с элементами внушения, а также оглашение показаний других лиц в непредусмотренных законом случаях. [1, с.848]

Это отличает французский уголовный процесс от российского, где действует обратный принцип при производстве следственных действий. Исходя из отсутствия нормы наводящего вопроса и принципа «что не запрещено, то дозволено» можно прийти к выводу, что наводящий вопрос во Франции разрешен.

В заключении хотелось бы отметить, что сравнивать «наводящий» вопрос в России, Англии и Франции можно с достаточной долей условности, так как в Англии никогда не было континентального типа следствия, а во Франции действует обратный принцип следственных действий.

Соответственно подход к наводящим вопросам в уголовно-процессуальном законодательстве Англии и Франции и противоположный подход в законодательстве России имеет свое объяснение.

С психологической точки зрения наводящий вопрос предполагает воздействие на сознание лица, которое можно сравнить с манипуляцией. Очевидно, что любая манипуляция может привести к искажению показаний лица, а так же нарушения цели допроса – получение правдивых показаний.

На наш взгляд, причины следует искать в особенностях развития того или иного государства, которые влияют на формирование уголовно-процессуальной политики. В истории развития Англии и Франции не было таких радикальных войн, которые перенесла Россия. Поэтому современное уголовно-процессуальное законодательство России при получении показаний пытается исключить любое воздействие на психику человека, которое могло бы привести к оговору самого себя, а так же других лиц.

В условиях, когда показания являются основным средством получения доказательств, могут привести не только к отдельным историческим трагедиям, но и к социальным последствиям. На наш взгляд, в историческом развитии России следует искать, как общие, так и частные решения в области уголовно-процессуальной политики.

Список использованных источников:

1. Калиновский, К.Б., Смирнов, А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации Постатейный. / Под общ. ред. А.В. Смирнова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2004.
2. Eades, D. Sociolinguistics and the Legal Process. – Multilingual Matters, 2010.
3. Lévassieur, G. Chavanne, A. Montreuil, J. Droit pénal et procédure-pénale, Paris, 1994.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ДНК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

© И.А. Шашкова

Научный руководитель: В.В. Иванов

канд. юрид. наук

*Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королёва*

В уголовном судопроизводстве достаточно эффективно используются различные информационные базы данных, содержащие различные сведения, позволяющие идентифицировать личность преступника (потерпевшего). Одной из стремительно развивающихся современных технологий в деятельности органов внутренних дел в последние десятилетия является производство генетических молекулярных исследований (экспертиза ДНК), и приход в эту сферу цифровых технологий позволяет использовать возможности этой экспертизы еще более эффективно.

Обязательная государственная геномная регистрация становится, таким образом, эффективным средством решения проблемы раскрытия и профилактики преступлений. В наибольшей степени это касается преступлений против жизни и здоровья человека и особенно преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Как показывает практика, использование результатов учетно-регистрационной деятельности особенно эффективно при отсутствии другой информации об обстоятельствах преступления [1, с. 25].

В России генетические экспертизы проводились еще в прошлом веке, но государственная геномная регистрация появилась в 2008 г., когда был принят закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 242), в котором в целях повышения эффективности борьбы с преступностью регламентирована возможность получения, хранения и использования геномной информации для идентификации личности отдельных категорий граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих или временно пребывающих на территории России. Данный правовой акт создал законодательную основу для геномной регистрации, была обеспечена возможность внесения в федеральную базу данных генетической информации, в том числе лиц с известными персональными данными [2].

Сегодня в МВД РФ создана мощная лабораторная база для проведения ДНК-анализа и учёта получаемой геномной информации. В 54 экспертно-

криминалистических подразделениях территориальных органов МВД России функционируют современные автоматизированные лаборатории по исследованию ДНК.

ФЗ № 242 выделяет два вида геномной регистрации – добровольная и обязательная государственная геномная регистрация.

Добровольная государственная геномная регистрация проводится в отношении граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих или временно пребывающих на территории Российской Федерации. Основанием этого служит их письменное заявление (ст. 8 Федерального закона № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»).

Обязательная государственная геномная регистрации проводится в отношении лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности; неустановленных лиц, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий; неопознанных трупов (ст. 7 Федерального закона № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»).

Первенство в использовании метода ДНК-анализа для раскрытия и расследования преступлений принадлежит Великобритании. Процент раскрытия преступлений с использованием ДНК-анализа и базы данных ДНК в 2016-2017 гг. составил 63,2 %. Если учесть, что население Великобритании составляет 66 млн. человек, нетрудно посчитать, что база данных содержит информацию о более чем 9 % населения страны [3]. Для сравнения на сегодняшний день в Федеральной базе данных геномной информации содержится информация лишь 0,14 процента населения Российской Федерации. В то время как зарубежный опыт показывает, что базы данных ДНК начинают функционировать более эффективно, когда в них содержится геномная информация не менее 1 процента населения страны. Такие результаты являются одними из самых высоких в Европе, что подтверждает эффективность использования базы данных ДНК.

В США в деятельности по созданию национальной базы данных ДНК, принимают участие более 170 общественных правоохранительных лабораторий. По состоянию на апрель 2018 г. использование национальной базы данных ДНК способствовало расследованию более 316 115 преступлений. С одной стороны, такая информация может оказаться полезной для раскрытия преступлений прошлых лет. Но, с другой стороны, создание масштабных баз

данных встречает настороженное отношение общественности. Встречались случаи, когда лица, имевшие доступ к этой информации, злоупотребляли этим. Так, один офицер полиции, воспользовавшись служебной базой данных, выследил и убил свою бывшую подругу [4, с. 74-75].

Расследование преступлений с помощью баз данных ДНК вскоре приведет к тому, что даже ДНК тех лиц, которых нет в базах данных, позволят вычислить преступника – через его родственников.

31 января 2019 года Family Tree DNA – одна из крупнейших американских частных компаний, мировой лидер в области коммерческих ДНК-тестов, позиционирующая себя как пионера в области генетического тестирования и предлагающая тестовые комплекты непосредственно конечному индивидуальному потребителю, сообщила о сотрудничестве с ФБР, заявив, что это «поможет правоохранительным органам быстрее, чем когда-либо, раскрывать насильственные преступления». «Мы пришли к выводу, что если правоохранительные органы будут создавать учетные записи с тем же уровнем доступа к базе данных, что и стандартный пользователь FamilyTreeDNA, они не будут нарушать конфиденциальность и конфиденциальность пользователей», – говорится в заявлении Гринспена. «Для того чтобы ФБР могло получить любую дополнительную информацию, они должны будут предоставить судебное решение». Представители компании отмечают, что клиенты, которых беспокоит конфиденциальность их генетической информации, могут запретить поиск любых родственных соответствий – и это исключит возможность изучения их данных представителями спецслужб. Однако это же будет означать, что и сами эти клиенты не смогут искать возможных родственников в базе Family Tree.

Сейчас Family Tree DNA – далеко не самая большая компания на рынке. Например, более популярные Ancestry.com и 23andMe в совокупности собрали базу из 15 млн. наборов генов.

Главная проблема системы генеалогического поиска, по мнению экспертов, – это отсутствие контроля со стороны пользователя. Человек не может исключить своих родственников из базы и скрыть свои следы. Более того, многие могут даже не подозревать о наличии некоторых родственных связей.

Таким образом, стоит отметить, что производство ДНК исследований является перспективным, но требует более детального нормативного регулирования и масштабирования исходных данных. Практика работы отечественных экспертных подразделений существенно отстает от практики зарубежных стран. Возникшая ситуация объективно ставит на повестку дня задачу увеличить массив генетических профилей лиц, криминогенная направленность

личности которых вызывает опасение, что они могут вести преступную деятельность. В процессе совершенствования законодательства и практики его применения следует учитывать опыт зарубежных стран, накопленный в данной сфере. В связи с этим возможно 2 направления совершенствования геномной регистрации в РФ: во-первых, это добровольная, но платная геномная регистрация, и, во-вторых, это использование обязательной геномной регистрации. В органах уголовно исполнительной системы для повышения эффективности совершенствования геномной регистрации в РФ, по аналогии с обязательной дакторегистрацией, возможно введение обязательной государственной геномной регистрации в отношении лиц, осужденных за совершение преступления. Вследствие чего, благодаря накоплению массива более 1 % населения страны повысится вероятность идентификации в т.ч. через родственников.

Мы нуждаемся в усовершенствовании законодательной базы в России, что позволит успешно решить ряд важнейших организационных и методических вопросов идентификации личности, являющейся одной из первостепенных задач, выполняемых в процессе раскрытия и расследования преступлений. И происходить эти процессы должны с учетом необходимости защиты прав и свобод человека, с соблюдением гарантий от необоснованного вмешательства в его частную жизнь и бесконтрольного использования полученных данных.

Список использованных источников:

1. Гостев А.А. По биологическим следам // Полиция России. 2017. № 1. С. 24–27.
2. Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 49. – ст. 5740.
3. National DNA Database Strategy Board Annual Report 2014/15. – URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/484937/52921_NPCC_national_DNA_Database_web_pdf.pdf (дата обращения 03.04.2019)
4. Ищенко Е.П. Новый век криминалистики. Часть 1. – Москва: Проспект, 2017. – С. 74-75.

**К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОТОКОЛА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ
ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ЖИВОГО ЛИЦА)**

© К.А. Шевцова

Научный руководитель: О.В. Кушкина

Сибирский юридический институт МВД России

Вопрос оценки такого доказательства, как протокол следственного действия актуален и вызывает немало споров. Так, согласно действующему УПК РФ, протокол следственного действия будет являться доказательством, если обладает свойствами относимости, допустимости и достоверности.

Приведенная в части 1 статьи 75 УПК РФ формулировка «доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми» связывает недопустимость доказательств лишь с нарушением норм закона, а именно, указанного кодекса [1, с. 81]. Это определение не содержит в себе тех (условий), по которым должно проводиться следственное действие, надлежащее выполнение которых приведет к обеспечению наличия такого критерия, как допустимость доказательств. То есть доказательство признается недопустимым, когда добыто непредусмотренными уголовно-процессуальным законом средствами.

Кроме того, ст. 88 УПК РФ содержит процессуальную схему оценки доказательств: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела». Из этого вытекает, что, несмотря на принцип свободы в оценке доказательств, этот процесс носит нормативный характер и должен отвечать указанным выше требованиям. [2, с. 215] Таким образом, законодатель ориентирует на соблюдение общих правил проведения следственных действий, указанных в ст. 164 УПК, что нередко влечёт в дальнейшем к субъективности подхода к оценке доказательств и в свою очередь к отсутствию достаточности доказательств по уголовному делу. Это еще раз подтверждает, что в Уголовно-процессуальном кодексе должны быть четко сформулированы критерии свойств доказательств.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве, а именно в ч. 2 ст. 193 УПК РФ, говорится, что опознающий предварительно допрашивается об обстоятельствах, при которых он видел предъявленное для опознания лицо, а также о приметах и особенностях, по которым он может его опознать. Согласно ч. 4 ст. 193 УПК РФ, лицо предъявляется для опознания вместе с

другими лицами, по возможности внешне сходными с ними. Возникают вопросы, каковы же условия производства такого следственного действия, помимо общих, предусмотренных ст. 164 УПК? Как определить те самые признаки, которыми должен обладать статист, чем руководствоваться следователю при подборе статиста, дабы обеспечить в дальнейшем полученное доказательство свойством допустимости? Законодатель не дает ответы на эти вопросы. В УПК РФ не предусмотрен конкретный перечень признаков и особенностей, по которым следователь должен подбирать статистов. Следователь действует на основании своего внутреннего убеждения, то есть субъективно.

Л.Д. Калинин и К.А. Бузанова констатируют, что УПК РФ не раскрывает признаков, критериев, по которым следует устанавливать внешнюю схожесть опознаваемого со статистами, следовательно, определение «схожести» является субъективной категорией и выражается усмотрением лица, предъявляющего для опознания. Однако, как представляется, такую схожесть должны обеспечивать возраст, пол, национальность, цвет волос, рост, одежда и другие родовые признаки. [3, с. 105].

О. Г. Григорьев отметил, что в целях предотвращения ходатайств стороны защиты о несоблюдении правила схожести статистов и опознаваемого, следователями Следственной части Главного следственного управления при ГУВД по Тюменской области практикуется подбор статистов по согласованию с защитником подозреваемого, обвиняемого, предъявляемого для опознания (у защитника спрашивается, устраивают ли его статисты с позиции схожести, и если нет, то производится их замена, положительный же ответ защитника заносится в протокол). [4, с. 76].

Следует заметить, что на практике эта проблема вызывает у следователей немало вопросов. Результаты интервьюирования следователей по вопросам подбора статистов показали, что у каждого следователя критерии «схожести» толкуются неоднозначно. Например, для одного из следователя, имеющего опыт работы в правоохранительных органах более 10 лет, достаточно схожести таких признаков, как пол, национальность, возраст. Некоторые следователи утверждают, что этого недостаточно для объективности проведения следственного действия и в признак «схожести» должны быть включены такие элементы как: одежда, цвет волос, цвет глаз и т.д. Но большинство следователей согласились с тем, что для объективности проведения предъявления для опознания необходимо нормативное закрепление критериев «схожести» в законодательстве.

Также следует заметить, что зачастую, возникают жалобы со стороны защиты, по объективности оценке следователем протокола предъявления для

опознания. Так, защитник может указать на отсутствие подобия признаков внешнего вида статиста, что порождает возможность признания доказательства недостоверным. В этом случае перед следователем возникает вопрос: а как проводить такое следственное действие, исключив в дальнейшем признание полученного доказательства недопустимым.

Кроме того, если опознание происходит по другим признакам, нежели были указаны опознаваемым ранее при допросе, оно вызывает большие сомнения у суда, влечет недопустимость использования протокола предъявления лица для опознания в качестве доказательства.

Незакрепленный перечень качественных и количественных признаков, по которым следователь должен подобрать статистов делает это следственное действие субъективным, а доказательства, полученные в ходе его производства, сомнительными, неочевидными, недостоверными, что влечет исключение полученного доказательства из доказательственной базы по уголовному делу.

Решение изложенной проблемы, на наш взгляд, возможно путем законодательного закрепления специальных правил проведения следственного действия, а именно: обязательного участия специалиста, обладающего специальными знаниями в области габитоскопии, при производстве следственного действия. Указанное позволит профессионально подойти к подбору статистов и, как следствие, обеспечит доказательство такими свойствами, как достоверность и допустимость, что существенно положительно повлияет на полноту и объективность расследования уголовного дела.

Список использованных источников:

1. Белоковильский, М.С. К вопросу о понятии допустимости доказательств в Российском уголовном процессе. / М.С. Белоковильский // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. Ижевск, – 2008. – №3.
2. Шевченко С. В. Принципы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве. / С.В. Шевченко // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №2.
3. Калинкина, Л.Д., Бузанова, К.А. Практика производства предъявления лица или предмета для опознания. / Л.Д. Калинкина, К.А. Бузанова // Современное право. М., – 2017. – №2.
4. Григорьев, О.Г. Особенности предъявления для опознания людей в ходе предварительного расследования. / О.Г. Григорьев // Юридическая наука и правоохранительная практика. Тюмень, – 2009. – №4(10).

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

© Д.В. Шестаков, Г.П. Чернышев
Научный руководитель: Л.В. Майорова
канд. юрид. наук
Сибирский федеральный университет

Право на независимый и беспристрастный суд – исток справедливого рассмотрения дел, который прямо провозглашен в 6 статье Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которую в свою очередь ратифицировала Российская Федерация, тем самым приняв на себя обязательства по ее исполнению.

В 2012 году Правительством Российской Федерации была утверждена федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» [5]. Согласно этой программе обеспечение независимости суда является одним из приоритетных и значимых направлений, так как независимая судебная власть, согласно Конституции Российской Федерации уполномоченная отправлять правосудие, непосредственно отображает реализацию идеи правового государства, соблюдение положений Конституции о равенстве всех перед законом и судом и других правах и свободах человека, и наконец – о независимости судей и их подчинения только Конституции РФ и федеральному закону. Наличие независимого суда, могущего беспристрастно, по существу и в разумный срок рассмотреть и разрешить дело, также свидетельствует о реально работающем механизме правового регулирования и реализации принципа законности. Стоит в этом же ключе отметить, что принцип осуществления правосудия только судом и принцип независимости судей несомненно связаны и в совокупности подтверждают, что рассмотрение правовых споров, а также конфликтов исходя из законности и справедливости, а если говорить конкретно об уголовном процессе – признать в установленном порядке лицо виновным, а следственно назначить ему наказание посильно лишь только независимому и беспристрастному суду, обеспечивающему и осуществляющему защиту прав человека и гражданина.

Целевая программа не обошла и уголовно-процессуальное законодательство. Тем самым статьей 2 Федерального закона от 02.07.2013 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 166-ФЗ Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации был дополнен статьей 8.1, которая привела конституционный принцип в отраслевой,

детализировала конституционный принцип независимости судей в рамках уголовного процесса, закрепила положения о недопустимости постороннего вмешательства в деятельность судей по осуществлению правосудия, об отсутствии значимости внепроцессуальных обращений для проведения процессуальных действий и принятия процессуальных решений по уголовным делам. Тут же стоит отметить, что принцип действует в рамках части уголовного процесса – уголовного судопроизводства, что логично вытекает из существа деятельности судьи по рассмотрению и разрешению уголовных дел. Как отмечает У.С. Марсакова [3], возможность воздействия на судей ставит под угрозу авторитет судебной власти и снижает уровень доверия к суду. Несмотря на то, что принцип независимости судей был закреплен законодательно, проблема автономности и независимости не исчезла. Необходимо разграничить эти проблемы. Говоря об автономности, на наш взгляд это система складывающихся отношений, а соответственно и влияния, и воздействия организационно-управленческого характера, которые существуют в самой судебной системе и исходят со стороны квалификационных коллегий судей, а также председателей судов, т.е. это проблема внутреннего характера. Независимость же – это проблема внешнего характера, заключающаяся во влиянии со стороны близких судьи, вышестоящих судов, общественного мнения, «прессинга» СМИ, а зачастую и криминальных авторитетов. Но интересен тот факт, что Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) при предметном рассмотрении спора о соблюдении принципа независимости суда учитывает «как воспринимается действие суда общественным мнением и представленными на суде сторонами» при рассмотрении конкретных дел. Это значит, что даже ЕСПЧ, будучи эпицентром справедливости, не абстрагируется от социума и социального качества, производимого судебной деятельностью.

ЕСПЧ при рассмотрении вопроса о соблюдении принципа независимости суда останавливается на следующем моменте – процедура назначения. «Назначение судей исполнительной властью допустимо. Поставить под сомнение независимость судьи с точки зрения «процедуры назначения» можно в том случае, если практика назначений в целом является неудовлетворительной», или, «по крайней мере, на формирование состава суда, ведущего дело, оказали влияние недопустимые мотивы». Другими словами, «необходимо доказать, что имела место попытка повлиять на исход судебного процесса. Независимость судей может быть поставлена под сомнение в связи с методами отбора и замещения судей для данного процесса из судейского корпуса в целом» для того чтобы оценить независимость позиций, требуется учитывать, как воспринимается действие суда общественным мнением и

представленными на суде сторонами. Следует отметить, что ЕСПЧ рассматривает вопросы, связанные с независимостью и беспристрастностью суда, лишь применительно к конкретным случаям, в которых судебные решения оспаривались заявителями. Учитывая границы своей компетенции, ЕСПЧ не делает каких-либо выводов, касающихся общих принципов организации судебной власти в той или иной стране, в частности, гарантий ее самостоятельности. Однако очевидно, что при отсутствии такого рода гарантий либо их явной недостаточности возникают неустранимые сомнения в независимости суда при вынесении решений по конкретным делам

Что касается, присяжных, то на них также распространяется действие принципа независимости. Поскольку каждый присяжный заседатель выполняет функции судебной власти, постольку законодатель распространяет на его деятельность гарантии независимости и неприкосновенности, установленные для судей. В части 2 ст. 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» прямо говорится о том, что присяжные заседатели, выполняющие свои функции, независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону. Таким образом, присяжный заседатель должен осуществлять правосудие самостоятельно без чьего-либо вмешательства в его деятельность. Гарантии, касающиеся судей, в полной мере распространяются и на присяжных заседателей, участвующих в осуществлении правосудия, но лишь на время выполнения соответствующих функций. Несмотря на гарантии присяжные заседатели не меньше, чем судьи, могут быть подвержены внешнему и внутреннему (среди присяжных заседателей) влиянию. Следовательно, имеют место быть те же проблемы реализации принципа независимости, что и у судей, занимающих соответствующие должности.

Таким образом, центральной проблемой является сложность в ограждении судьи от различного вида давления. Л.Д. Кокорев отмечал: «Достаточно ли у судьи морально-психологических сил, определенных нравственных качеств, чтобы не поддаваться такому влиянию?» [1]. Несмотря на то, что в отечественном законодательстве существуют гарантии независимости судей (ФЗ «О статусе судей в Российской Федерации»), такие как несменяемость судьи, неприкосновенность его жилища, повышенное материальное обеспечение за счет финансирования судов только из федерального бюджета – имеют смысл лишь только в том случае, когда судья нравственно «наполнен» необходимыми качествами, такими как принципиальность, честность и объективность. Каким бы ни был уровень разработанности правовых гарантий – их значение ничтожно в каждом конкретном случае, когда судья не обладает

вышеназванными качествами и принимает решение не по закону и личному убеждению, а под влиянием иных некомпетентных лиц.

Список использованных источников:

1. Кокорев, Л.Д. Этика уголовного процесса. Воронеж.,1993.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950г. // СЗ РФ. – 2001. – №2. – ст. 163
3. Марсакова, У.С. К вопросу о независимости судей как принципе уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. №2 (34)
4. Михайловская, И.Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М.,2010.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2012 г. №1735-р. Собрание законодательства РФ. 2012. №40, ст. 5474

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПОРЯДКА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

© **Е.В. Шиманович**

Научный руководитель: Л.Л. Абрамова

Сибирский юридический институт МВД России

Самой дискуссионной стадией уголовного процесса Российской Федерации является стадия возбуждения уголовного дела. Без этого этапа не будет существовать ни одна из последующих стадий, так как именно с нее начинаются уголовно-процессуальные отношения.

Изучив позиции заслуженных процессуалистов (Н.В. Жогина, Ф.Н. Фаткуллина [1, с. 38], П.А. Лупинской [2, с. 451-455], А.В. Смирнова, К.Б. Калиновского [3, с. 359-365] и др.), анализируя действующее законодательное регулирование, можно сформулировать собирательное определение, заключающее в себе многогранность деятельности на начальном этапе. Возбуждение уголовного дела – это система процессуальных действий и решений, направленных на 1) установление фактических данных о совершении деяния; 2) установление наличия или отсутствия в нем признаков конкретного преступления, которая включает в себя: 1) получение сообщения о преступлении, 2) проведение проверочных действий (при необходимости), 3) систематизацию и анализ

собранных материалов, 4) принятие итогового решения о возбуждении, либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Известно, что в качестве самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела оформилась в советское время. Безусловно, с течением времени рассматриваемый институт претерпевал некоторые изменения. Несмотря на то, что действующий УПК РФ сохранил преемственность большинства положений, которые были предусмотрены в УПК РСФСР и выдержали жизненные испытания, в то же время ученые и практики периодически признают устаревшими некоторые процедурные правила, предлагая пересмотреть или вовсе отказаться от таковых. Дискуссии о самостоятельности стадии возбуждения уголовного дела, пределах проверки, процессуальном (непроцессуальном) ее характере, участниках, средствах стадии и т.д., не прекращаются на протяжении многих десятилетий.

Учитывая многогранность действий и решений уполномоченных лиц на первоначальном этапе, отмечаются проблемные аспекты и в части порядка возбуждения уголовного дела.

Так, в первоначальной редакции действующего УПК РФ законодатель наделил прокурора самостоятельным полномочием возбуждения уголовного дела, а также дачи согласия следователю и дознавателю на возбуждение уголовного дела. Но Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» полномочия прокурора, в том числе в части возможности самостоятельного принятия решения о возбуждении уголовного дела, дачи согласия следователю и дознавателю на возбуждение, были исключены. С этого момента значительно поменялись роль и процессуальный статус прокурора в уголовном процессе. При этом изменилась и сама процедура принятия решения о начале предварительного расследования. В первоначальной редакции порядок возбуждения дела складывался из трех основных этапов: 1) вынесение постановления, 2) получение согласия прокурора, 3) уведомление о принятом решении заявителя и лица, в отношении которого возбуждено дело. Получение согласия прокурора должно было оформляться в виде письменной резолюции на постановлении о возбуждении дела. С внесением же вышеуказанных изменений и по настоящее время второй этап исключается, наличие резолюции прокурора не требуется.

При этом, ряд ученых и практических работников считает, что прокурорский надзор за возбуждением уголовных дел и расследованием преступлений нужно восстановить. Считают, что прокурор фактически отстранен от

уголовного процесса и не может влиять на ситуацию. Требуют расширения полномочий прокурора в досудебном уголовном судопроизводстве, что усилит законность в этой сфере, повысит эффективность работы следственного аппарата [4].

По нашему мнению, такие инициативы по возвращению полномочий прокуроров, носят довольно спорный характер. В качестве положительных моментов исключения полномочия прокурора о даче согласия на возбуждение уголовного дела, необходимо отметить значительное сокращение материальных затрат к месту дислокации прокурора. Следует принять во внимание географическую удаленность органов прокуратуры от органов предварительного расследования в ряде регионов РФ. Отсутствие необходимости получать письменное согласие прокурора позволяет следователю (дознавателю) оперативно реагировать на сообщения о преступлениях. Своевременное принятие решения о возбуждении уголовного дела, позволяет в сжатые сроки, при минимизации затрат сформировать доказательственную базу, с помощью проведения большого спектра следственных и процессуальных действий. Тогда как в рамках доследственной проверки инструментарий следователя (дознавателя) не велик. Сведены к нулю и препятствия организационного характера. В случае если решение о возбуждении дела принимается в ночное время, нет необходимости посещать прокурора по месту жительства, поскольку суточное дежурство прокуроров нормативно не регламентировано. Вариант отсрочки принятия решения до начала рабочего дня также нанесет ущерб интересам доказывания, а также нарушит права заинтересованных участников уголовного судопроизводства.

Аргументы о необходимости пресечения круговой поруки следователей и их руководителей, по нашему мнению, безосновательны. Любое незаконное решение должностных лиц органов предварительного расследования может быть обжаловано в судебном порядке (ст. 125 УПК РФ), прокурору или вышестоящему руководителю (ст. 124 УПК РФ). Более того, законодательно закреплено (ст. 29 УПК РФ) проведение процессуальных действий следователя (дознавателя), ограничивающие конституционные права граждан, только по судебному решению. Указанное служит безусловной гарантией соблюдения или восстановления нарушенных прав граждан.

Высказывания об отстранении прокурора от досудебного производства и не возможности влиять на ситуацию не основаны на действительности. Согласно, ст. 37 УПК РФ прокурор может проверять законность при приеме, регистрации, проверке сообщений о преступлениях; направлять материалы с постановлением об осуществлении уголовного преследования; вносить

требования об устранении нарушений законодательства; отменять незаконные, необоснованные постановления следователя (дознателя), в том числе о возбуждении уголовного дела; давать указания о направлении расследования и т.п. другие полномочия. Основным рычагом давления прокурора на лицо, осуществляющее расследование по делу, по-прежнему остается полномочие об утверждении обвинительного заключения, акта, постановления. Кроме того, результаты опроса показывают, что по большинству уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, процессуальные решения о возбуждении уголовного дела, о применении мер процессуального принуждения, о привлечении в качестве обвиняемого, устно согласовываются следователями (дознателями) с надзирающим прокурором.

Результаты опроса сотрудников подразделений следствия и дознания показали, что нагрузка по находящимся в производстве уголовным делам является значительной. В дежурные сутки один следователь органов внутренних дел может проводить проверку и принимать итоговые решения по двадцати материалам. Можно лишь догадываться, каким будет качество таких материалов. Наглядной демонстрацией изложенных «перекосов» являются статистические данные. Количество отмененных незаконных решений о возбуждении, об отказе в возбуждении уголовного дела остается значительным. Согласно основным результатам прокурорской деятельности за январь-ноябрь 2018 года на территории РФ в результате надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства выявлено 3 378 142 нарушений законов при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении. Отменено постановлений следователей и дознавателей о возбуждении уголовного дела – 13 771. Отменено прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела – 2 034 479. Аналогичная ситуация наблюдается и в стадии предварительного расследования. Так, прокурорами отменялись 392 100 постановлений о приостановлении предварительного расследования [5].

Нагрузка по находящимся в производстве делам на сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания остается несоизмеримо высокой. Результаты интервьюирования практических органов показывают, что в ряде случаев в производстве одного следователя районного органа внутренних дел в течение месяца может находиться до 170-200 уголовных дел. Большая загруженность следователей, дознавателей не позволяет повысить качество расследования и рассмотрения уголовных дел.

Полагаем, что усложнение процедуры принятия решения о возбуждении уголовного дела в части возвращения полномочий прокурора (дачу согласия

на возбуждение уголовного дела) существенно снизит эффективность работы следователя в первоначальной стадии. Необходимость получать письменное согласие прокурора не позволит следователю (дознавателю) оперативно реагировать на сообщения о преступлениях, что существенно ограничит право потерпевших на доступ к правосудию. По нашему мнению, такие инициативы по возвращению полномочий прокуроров носят довольно спорный характер.

Список использованных источников:

1. Жогин Н.В. Возбуждение уголовного дела / Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. – М.: Госюриздат, 1961.
2. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : Инфа-М, 2010.
3. Смирнов А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Капиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. – 7-е изд., перераб. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2019.
4. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 18.04.2018. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: // <https://genproc.gov.ru>(дата обращения 13.01.2019).
5. Основные результаты прокурорской деятельности на территории Российской Федерации за январь – ноябрь 2018 года. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: // <https://docviewer.yandex.ru/> (дата обращения 13.01.2019).

ПРОБЛЕМА ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГЕРМАНИИ

© Х.М. Шмитт

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет, Университет Пассау

В начале работы возникает вопрос, прежде всего, что подразумевается под понятием цифровых доказательств и какое значение оно имеет в уголовном процессе. Цифровое доказательство означает «все доказательства, созданные или сохраненные с использованием цифровых технологий» [1].

Цифровые доказательства приобретают все большее значение в судебных делах, что вызывает вопрос о том, какие правовые критерии позволяют классифицировать эти доказательства. Немецкий уголовно-процессуальный закон делит доказательства на четыре разные категории. К ним относятся свидетельские показания, которые регулируются в § 48–71 УПК ФРГ (далее – УПК). Затем следуют экспертные доказательства § 72-85 УПК, восприятие вещественных доказательств судьей § 86-93 УПК, а также документально обоснованное доказательство, которое регулируется в § 249-256 УПК.

Цифровые доказательства классифицируются как категория восприятия вещественных доказательств судьей в соответствии с § 86 УПК. Именно § 86 УПК представляет собой улавливающую функцию для всех потенциальных доказательств, которые не могут быть классифицированы по другим категориям.

Запрет сбора доказательств воспрещает получение определенных видов доказательств. Запрет на соби́рание доказательств делится на три разные категории.

1. Запреты, относящиеся к предмету доказывания, запрещают выяснение определенных фактов. Так, например, в соответствии с § 100 УПК, записи из основной области частной жизни не могут быть собраны и должны быть немедленно удалены.

2. Запреты, относящиеся к средствам доказывания, например, заявления, сделанные лицами, которые отказываются давать показания и которые воспользовались своим правом отказаться от дачи показаний в соответствии с § 52 УПК, не могут быть использованы.

3. Запрещенные методы доказывания воспрещают соби́рание доказательств любой ценой. Так, например, строго запрещены нарушения в соответствии с § 136а УПК, поскольку они представляют собой проявление человеческого достоинства в соответствии со ст. 1 Основного Закона.

Сбор доказательств, подпадающий под указанные категории, является недопустимым и не может быть использован после соби́рания сведений [2].

При сборе доказательств цифрового контента также возникает проблема, изложенная выше. При приобретении цифрового контента необходимо различать между видеозаписью государственных учреждений и видеозаписью частных лиц.

Государственным органам, таким как полиция, необходимо официальное разрешение для легального производства видеозаписей, соответствующее Основного Закона.

В отличие от государственных учреждений, частные лица напрямую не связаны основными правами, поэтому им не требуется авторизационная база

официальное разрешение для видеозаписи. В результате частные лица могут делать записи по своему усмотрению, поскольку они защищены от общей свободы действий в соответствии со статьей 2, пункт 1 Основного Закона [3]. Общая свобода действий, однако, находит свои ограничения в конституционном порядке, так что законодательный орган может ограничить ее, если есть соответствующие, необходимые и адекватные средства для достижения законной цели.

Использование записей государственных органов и частных лиц, будет рассмотрено позже.

Запрет использования доказательств воспрещает восстановление некоторых собранных ранее доказательств.

Нормированные законом запреты на использование доказательств характеризуются тем, что по закону их использование не является возможным.

Хотя юридически ненормированные самостоятельные запреты на использование доказательств, предусматривают правовые доказательства, однако интенсивность вмешательства приводит к запрету на использование доказательств. Это может быть вмешательство в принцип «арендуемой собственности» или общие права личности в соответствии со статьями 1, 2 Основного Закона [4].

В случае юридически ненормированных несамостоятельных запретов на использование доказательств имеет место быть недопустимый сбор доказательств. Таким образом, существуют запреты, относящиеся к предмету доказывания, запреты, относящиеся к средствам доказывания или запрещенные методы доказывания. Тем не менее, УПК не стандартизирует какой-либо принцип, согласно которому всякий запрет по сбор доказательств обязательно ведет к запрету использования доказательств. В этих случаях следует проводить индивидуальный анализ, согласно которому интерес к уголовному преследованию должен быть сопоставлен с правами обвиняемого [5].

Использование доказательств цифрового контента должно быть разделено на записи государственных органов, а также записи частных лиц.

Из-за существующей базы авторизации, легально произведенные видеозаписи в основном могут использоваться в судебных разбирательствах.

Как и в случае с государственными органами, оценка записей частных лиц в каждом конкретном случае должна рассматриваться индивидуально, когда доказательства были получены ненадлежащим образом. В случае допустимых доказательств, применимость их в суде в принципе возможна без каких-либо проблем, хотя и здесь возможны особо защищенные моменты.

После того, как мы рассмотрели получение, сбор и использование цифровых доказательств и поняли, что в большинстве случаев решение о том, можно ли использовать конкретное доказательство, зависит от конкретного случая, возникает вопрос о достоверности таких доказательств.

Подделка и обработка изображений, а также изменение данных больше не являются препятствием в настоящее время. Даже для опытных экспертов выявление и устранение таких манипуляций является сложной задачей. С распространением и готовностью использовать такие цифровые доказательства, так называемые метаданные становятся все более важными. «Метаданные – это дополнительная информация, которая хранится в соответствующем файле. Эти метаданные генерируются устройствами автоматически, без необходимости каких-либо дополнительных действий пользователя, и могут быть легко отображены на устройстве любыми популярными приложениями или программами обработки и просмотра изображений на компьютере, что позволяет сделать выводы относительно обстоятельств устройства» [6]. Несмотря на метаданные, манипуляции не всегда могут быть исключены, так что еще раз необходимо принять индивидуальное решение о том, могут ли доказательства в конечном итоге использоваться в процессе.

В заключение, хотя цифровые доказательства уже не редкость, их точная обработка не регламентируется ни законом, ни прецедентным правом и не устанавливает четких критериев для их рассмотрения, так что существуют разногласия по поводу использования цифровых доказательств и, следовательно, возможно большое количество индивидуальных решений.

Список использованных источников:

1. Rechtliche Perspektiven zur digitalen Beweisführung [Электронный ресурс] : INFORMATIK 2009 – Режим доступа: <http://forensics.inf.tu-dresden.de>.
2. Beweisverwertungsverbote [Электронный ресурс] : JURAINDIVIDUELL – Режим доступа: <http://www.juraindividuell.de>.
3. Art. 1 GG [Электронный ресурс] : GESETZE-IM-INTERNET – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de>.
4. Nemo-tenetur se ipsum accusare «Niemand ist verpflichtet sich selbst zu belasten» [Электронный ресурс] : RECHTSLEXIKON – Режим доступа: <http://www.rechtslexikon.net>.
5. Beweisverwertungsverbote [Электронный ресурс] : JURAINDIVIDUELL – Режим доступа: <http://www.juraindividuell.de>.

6. Smartphone Bilder und Videos als Beweismittel [Электронный ресурс] : DATENSCHUTZBEAUFTRAGTER-INFO – Режим доступа: <https://www.datenschutzbeauftragter-info.de>.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОЛИГРАФА В ДОКАЗЫВАНИИ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

© Л.С. Шульга

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Проблема использования результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа в уголовно-процессуальном доказывании в настоящее время приобретает актуальность, в частности вследствие внесения на рассмотрение в Государственную Думу РФ законопроекта № 663034-7. Указанным законопроектом в предусмотренной частью 4 статьи 1 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» перечень основных задач Следственного комитета предлагается внести организацию и производство судебных экспертиз. При этом предлагается в указанном пункте привести закрытый перечень видов экспертиз, в том числе психофизиологическую (с использованием полиграфа) [1].

Психофизиологическое исследование с использованием полиграфа представляет собой инструментальное обследование, заключающееся в выявлении физиологических параметров – реакций организма (параметров дыхания, сердечно-сосудистой активности, электрического сопротивления кожи, а также, при наличии необходимости и возможности, других физиологических параметров) для оценки достоверности информации, представленной обследуемым.

Вопрос признания психофизиологического исследования с использованием полиграфа судебной экспертизой и вообще следственным действием широко обсуждается в доктрине уголовно-процессуального права. Если производство опросов граждан с применением полиграфа в оперативно-розыскной деятельности признано и регулируется Инструкцией «О порядке использования полиграфа при опросе граждан», утв. Приказом МВД РФ от 28.12.94 № 437, как способ получения ориентирующей информации, то в качестве

следственного действия – допроса с участием специалиста-полиграфолога – производство психофизиологического исследования с использованием полиграфа зачастую воспринимается негативно. Аргументами для этого могут служить следующие. Во-первых, в ходе производства следственного действия не требуется согласие участников на применение технических средств, коим и являлся бы в таком случае полиграф, что может повлечь возможность принуждения применения полиграфа при опросе. Во-вторых, применение технических средств не подразумевает переработку полученных с их помощью данных, что невозможно в случае с полиграммой, которую саму по себе может понять лишь лицо, обладающее специальными знаниями. Следовательно, производство психофизиологического исследования с использованием полиграфа не может признаваться следственным действием – допросом с участием специалиста-полиграфолога [2].

Что касается использования данных, полученных в ходе производства психофизиологического исследования с применением полиграфа, в качестве доказательств по уголовному делу, в практике Верховного Суда имеются позиции, согласно которым Суд допускает так называемые «выводы психофизиологических судебных экспертиз» в качестве доказательств, обоснованно не вызывающих сомнений у суда, если полученные данные не противоречат другим имеющимся в деле доказательствам и способствуют объективному и всестороннему выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [3, 4].

Однако среди позиций Верховного Суда можно найти и такие, согласно которым выводы «психофизиологической экспертизы» не могут быть признаны доказательствами, по следующим причинам:

- не являются источником новых сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, а лишь оценивают уже собранные доказательства с точки зрения их достоверности [5];
- носят вероятностный характер [6].

Представляется, что указанные аргументы против признания результатов психофизиологического исследования с использованием полиграфа доказательствами имеют место в любом случае. Главным образом, интерес представляет вопрос достоверности полученных таким образом сведений.

Статьей 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ устанавливается следующее: заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных [7].

Общепринятых научных и практических данных, достаточных для подтверждения достоверности результатов психофизиологического исследования с использованием полиграфа нет. Поэтому такие результаты не соответствуют не только требованию достоверности доказательств, но и критерию достоверности заключения эксперта, из чего можно сделать вывод, что психофизиологическое исследование с использованием полиграфа не может быть признано видом судебной экспертизы.

Таких доводов придерживалась Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в Апелляционном определении от 26.08.2015 г.: полученные в ходе психофизиологического исследования с применением полиграфа сведения не могут быть признаны доказательствами по следующим причинам:

- проверка объективности показаний с использованием полиграфа уголовно-процессуальным законом не предусмотрена;

- данный вид исследования является результатом опроса с применением прибора «полиграфа», регистрирующего только психофизиологические реакции на какой-либо вопрос, и не может рассматриваться в качестве надлежащего и достоверного доказательства, соответствующего требованиям статей 74, 80, 204 УПК РФ [8].

Действительно, единственная форма применения полиграфа, прямо предусмотренная законом – опрос с применением полиграфа, о которой говорилось выше – является оперативно-розыскным мероприятием. В соответствии со статьей 89 УПК РФ, в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, в частности требованию достоверности, предусмотренному статьей 88 УПК РФ. Поэтому в рамках существующего правового регулирования не представляется возможным использование результатов психофизиологических исследований с применением полиграфа в качестве доказательств.

Что касается признания психофизиологического исследования с использованием полиграфа судебной экспертизой, оно требует установления единых научных критериев и методологии в этой сфере. В случае такого признания, результат – заключение эксперта – будет признаваться доказательством, иначе потребует специального правового регулирования. Нельзя не согласиться и с тем, что помимо профессиональной пригодности специалиста-полиграфолога существуют и другие факторы, влияющие на результат психофизиологического исследования, в частности на его достоверность (четкость поставленных вопросов, исключающих возможность двусмысленного

толкования, ошибочная интерпретация реакция организма обследуемого, противодействие с его стороны, его физическое или психологическое состояние и др.). Кроме того, по мнению ряда авторов [9], признание психофизиологического исследования с применением полиграфа экспертизой создаст «территорию» для злоупотреблений – как ложные сведения, полученные в результате этого исследования, могут породить сомнения в виновности подозреваемого, в результате чего при наличии таких сомнений будет действовать в его пользу презумпция невиновности, так и ложные сведения о причастности к преступлению, полученные таким путем, носящие вероятностный характер, но признаваемые доказательствами, будут ей противоречить. В результате предлагаются следующие варианты разрешения этой проблемы: исключение из текста законопроекта упоминания психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа; в случае его принятия отдельное урегулирование порядка производства психофизиологической экспертизы с применением полиграфа с учетом всех ее особенностей.

Список использованных источников:

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной судебно- экспертной деятельности в Российской Федерации» и Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» [Электронный ресурс] : законопроект № 663034-7. // Система обеспечения законодательной деятельности. – Режим доступа: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/663034-7>.
2. Инструкция о порядке использования полиграфа при опросе граждан (извлечение) [Электронный ресурс] : утв. приказом МВД Российской Федерации от 28.12.1994 № 437. // Портал правовой поддержки предпринимательской деятельности. – Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_43239.html.
3. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.02.2011 [Электронный ресурс] : по делу № 203-О11-1. // Верховный Суд РФ. – Режим доступа: <http://vsrf.ru>.
4. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19.12.2012 [Электронный ресурс] : по делу № 11-О11-99. // Верховный Суд РФ. – Режим доступа: <http://vsrf.ru>.
5. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 28.06.2012 [Электронный ресурс] : по делу № 58-О12-31. // Верховный Суд РФ. – Режим доступа: <http://vsrf.ru>.

6. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 06.03.2013 [Электронный ресурс] : по делу № 32-О13-5. // Верховный Суд РФ. – Режим доступа: <http://vsrf.ru>.

7. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ ред. от 08.03.2015. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 26.08.2015 [Электронный ресурс] : по делу № 73-АПУ15-17сп. // Верховный Суд РФ. – Режим доступа: <http://vsrf.ru>.

9. Холодный, Ю. И. Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: хаос и его причины / Ю. И. Холодный, Т. В. Аверьянова, Н. П. Майлис // Уголовный процесс. – 2018. – С. 70-79

ЗНАЧИМОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

© Д.Н. Щедрин

Научный руководитель: С.М. Курабатова

канд. юрид. наук

Красноярский государственный аграрный университет

Технология «блокчейн» (транслитерация с англ. blockchain) – децентрализованная база данных, содержащая информацию о выстроенной по определенным правилам цепочке блоков транзакций.

Применение технологии «блокчейн» возможно практически везде. Сельское хозяйство, бухгалтерский учет, логистика, образование, медицина – в любой сфере возможно транслировать данную технологию. С точки зрения эффективности внедрения технологии «блокчейн» необходимо ответить на вопрос: позволит ли технология «блокчейн» оптимизировать процессы, безопасно хранить данные либо нет. В большинстве случаев ответ – «да, возможно».

В основанной на блокчейне экономике никто не сможет взять в разных банках два кредита под залог одной и той же квартиры, провести рейдерский захват бизнеса или вести двойную бухгалтерию.

Исходя из уже существующих решений, а также тех, что будут доступны в ближайшем будущем, можно условно выделить четыре направления применения блокчейн-технологии на благо цивилизации.

1. Передача прав собственности; интеллектуальные права (Росреестр, Роспатент);
2. Экономика (производство товаров, логистика);
3. Право («умные» контракты);
4. Управление государством (Проведение выборов).

Один из исследователей А.И. Савельев предлагает выделять две основные разновидности блокчейна: публичный и частный.

Публичный блокчейн не предполагает ограничений по доступу в систему: каждое лицо имеет возможность присоединиться к ней, установив соответствующее программное обеспечение, и совершать соответствующие транзакции. В рамках публичного блокчейна все обладают равными правами по доступу к его сведениям, отсутствует администратор или оператор системы с наличием особых прав, например, по изменению данных в нем. Классическим примером такого рода блокчейна является платежная система «Биткоин».

Частный блокчейн представляет собой закрытую информационную систему, доступ к которой регламентируется определенным лицом (администратором), распределяющим среди участников права по доступу и внесению изменений в отношении данных блокчейна.

Частный блокчейн может быть создан в рамках отдельной организации или консорциума организаций и адаптирован к потребностям такого рода организаций [4].

В настоящее время возможность использования технологий в праве активно обсуждается среди ведущих ученых и практических работников. Идеи уголовного электронного судопроизводства предлагались О.А. Качаловой и Ю.А. Цветковым в 2015 году, когда была опубликована научная статья «Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства» [3]. Авторы предлагают оцифровать каждое уголовное дело, сформировав информационный портал, в котором будет содержаться вся информация.

Продолжая идею развития электронного уголовного судопроизводства, профессор Л.В. Бертовский предлагает «подвязать» технологию «блокчейн» при расследовании уголовных дел [1, с. 226-230].

Уголовный процесс выступает крайней процессуальной отраслью, куда проникали технологии. Приведем пример арбитражных судов, где уже несколько лет через специальный информационный портал участники дел имеют доступ к рассматриваемым спорам. Стороны могут размещать отзывы, документы, направляя оцифрованную подписанную копию.

Более того, в мае 2018 года 9-й Арбитражный апелляционный суд в одном из рассматриваемых дел включил криптовалюту в конкурсную массу должника.

В настоящее время материалы уголовных дел хранятся не в электронном виде, что усложняет доступ сторонам. При этом перевод в электронный формат не является реализацией технологии «блокчейн», для которой необходимо создать определенную систему.

Внедрение и использование технологии «блокчейн» в уголовном процессе преследует несколько целей:

- оптимизация процедуры возбуждения, расследования, рассмотрения уголовного дела;
- защита информации от компрометирования;
- снижение коррупционных рисков, сопровождающих уголовное дело;
- обеспечение прав участников уголовного процесса;
- повышение доверия населения в институтам государства.

Для внедрения технологии «блокчейн» в уголовный процесс потребуется серьезное изменение не только нормативной базы, но и ментального восприятия данного технологического решения у всех участников уголовного дела.

Рассмотрим вариант использования технологии при возбуждении уголовного дела. Ежегодно в России суды рассматривают около 1 миллиона уголовных дел. Параллельно с этим в несколько раз больше уголовных дел возбуждается – в среднем около 3 миллионов. Еще примерно такое же количество сообщений о преступлениях не трансформируются в уголовные дела по различным причинам.

Поводами для возбуждения уголовного дела служат:

- 1) заявление о преступлении;
- 2) явка с повинной;
- 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников (например, сообщения в СМИ);
- 4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

В случае, когда заявитель обращается в правоохранительные органы с заявлением о преступлении, потребуется выполнить определенные действия для получения достаточных данных, указывающих на признаки состава преступления.

Уже на данном этапе, когда заявитель находится в полиции и сообщает о совершенном преступлении, технология «блокчейн» будет крайне полезным инструментом для дальнейшей защиты полученной информации.

С точки зрения порядка рассмотрения заявления о преступлении (ст. 144 УПК РФ), решений, принимаемых по результатам рассмотрения сообщения о преступлении (ст. 145 УПК РФ), здесь менять ничего не следует. Однако информация, которую получает в процессе данной проверки сообщения о преступлении должностное лицо может быть изменена, сфальсифицирована, уничтожена. Использование технологии «блокчейн» снизит вероятность совершения данных действий до минимального уровня.

Для использования данной технологии необходимо создать программу, которая конструируется индивидуально под конкретную сферу деятельности. Разработка программы технологически не сложная процедура, в которой участвуют математики и программисты, задача которых предусмотреть все необходимые алгоритмы работы, в том числе защиту программы от различных атак. Разработанная программа с использованием технологии «блокчейн» физически помещается на флеш-накопитель, с которого происходит установка на компьютер либо любое иное устройство с выходом в сеть «Интернет». Следует отметить, что для сферы уголовного судопроизводства необходимо разрабатывать именно «частный» блокчейн, о котором было ранее указано.

Таким образом, в процедуре рассмотрения сообщения о преступлении от гражданина необходимо предусмотреть наличие компьютера (или любого мобильного устройства) с установленной программой. Данное устройство должно быть у должностного лица, к которому обратился заявитель. В свою очередь такая же программа (назовем ее условно «Система проверки сообщений о преступлениях») устанавливается у остальных участников уголовного процесса на этой стадии: следователя, дознавателя, прокурора, осуществляющего надзор за следствием (дознанием), эксперта, которому отправляются материалы для проведения экспертизы и иных лиц. Важно предусмотреть возможность использования мобильных устройств и планшетов с программой на технологии «блокчейн» на месте совершения преступлений.

В настоящий момент при обращении гражданина в полицию с заявлением о совершенном преступлении, данная информация фиксируется в книге учета сообщений о происшествиях (КУСП), которая заполняется должностным лицом. Безусловно, что к КУСП имеет доступ прокурор.

На первоначальном этапе оптимальным является внесение данных в КУСП и компьютер с установленной программой на технологии «блокчейн» одновременно.

Одномоментный отказ от ведения КУСП с переходом на электронную форму не является верным решением.

После того как сообщение заявителя о преступлении было зарегистрировано должностным лицом в КУСП и отправлено в программу на технологии «блокчейн» (это может быть сделано путем сканирования записи КУСП либо заполнения определенной формы в электронном виде), у данного сообщения появляются неизменяемые характеристики: время загрузки (метка времени), содержание сообщения.

Метка времени крайне важный элемент, который обеспечивает защиту информации. Время внесения данных с устройства в систему должно быть синхронизировано с временем, установленным в программе (с учетом возможного различия в часовых поясах). В ином случае существует риск компрометирования загружаемой информации.

После помещения сообщения о преступлении в систему заявителю выдается не только талон о принятом сообщении, но и электронный ключ на специальном носителе для доступа к сформированному «блоку» информации. Далее происходит верификация пользователя системы и предоставление ему доступа происходит через определенных должностных лиц, которые выполняют функции администрирования системы (например, прокурор, осуществляющий надзор за предварительным следствием).

Необходимо предусмотреть на этапе написания программы опции по разграничению доступа к информации в зависимости от процессуального статуса лица по делу. Параллельно с заявителем доступ к новой ячейке, блоку с сообщением о преступлении получает следователь и прокурор.

После того, как на место совершения преступления выехала оперативная группа и были проведены все необходимые действия (осмотр места преступления, опрос очевидцев и т.д.), решается вопрос о возбуждении уголовного дела. Вся информация, полученная на месте совершения преступления, должна быть параллельно с фиксацией в протоколах следственных действий загружена в программу на технологии «блокчейн» и «присоединена» в ранее созданному блоку, в котором было зафиксировано заявление гражданина о преступлении.

Важным элементом полноценной и надежной работы программы является условие ее внедрения в максимально возможное количество устройств. Например, установка только на трех компьютерах программы с использованием технологии «блокчейн» (оперативный сотрудник в отделе полиции, следователь, прокурор) является менее надежным инструментом, чем «охват» сотен или тысяч аналогичных устройств (например, рабочие компьютеры всех

следователей следственного комитета России по городу Москве, полный состав сотрудников прокуратуры, осуществляющих надзор за следствием в Москве). О причинах значения максимально возможного распространения программы на устройства мы укажем ниже.

Учитывая вышесказанное можно сделать вывод о том, что основная цель внедрения технологии «блокчейн» в уголовный процесс – защита информации по уголовному делу с предоставлением доступа к нему всем участникам.

Сведения в программе не могут быть изменены, удалены или иным образом скомпрометированы. Каждый блок информации обладает меткой времени, выполняющей функцию защиты.

У системы предусмотрены верифицирующие узлы, функцию которых могут выполнять руководители следственного органа, прокурор. Цель верифицирующего узла – предоставление доступа в программу нового участника (свидетель, потерпевший и т.д.).

Информация, размещаемая в программе, дублируется на серверах МВД, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Список использованных источников:

1. Бертовский Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 6. – С. 226-230.
2. Вележев С.С. Консолидация теории и практики в решении проблем, связанных с юридической ответственностью и наказанием // Администратор суда. – 2011. – № 1. – С. 7-8.
3. Качалова О.А., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. – 2015. – № 2. – С. 95-101.
4. Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. – 2017. – № 5.
5. Шаталов А.С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. М. 2000.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ТАЙНУ, НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ
И УВАЖЕНИЕ К КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ КОНВЕНЦИИ
О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

© С.А. Щелканов

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Право человека – высшая, абсолютная ценность, охраняемая вне зависимости от того, нарушено данное правило или нет. Нарушение неприкосновенности частной жизни является одним из преступлений против конституционных прав и свобод.

Неприкосновенность частной переписки была закреплена в международном праве с 1948 года. Статья 12 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию...». Подобные положения содержатся в ст. 9 Конвенции Содружества независимых государств о правах и основных свободах человека или, например, в Международном пакте о гражданских и политических правах.

Статья 8 Европейской Конвенции о защите прав человека (далее – Европейская Конвенция) также устанавливает, что «каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и тайны его корреспонденции». Статья 8 Европейской Конвенции защищает право на уважение корреспонденции – именно термин «уважение» использован в части 1 ст. 8.

Все эти международные документы указывают на правомочия гражданина в системе с неприкосновенностью и тайной корреспонденции.

Почему же мы, говоря о «Всеобщей декларации прав человека» проговариваем «неприкосновенность», «тайна», а вот в части 1 ст. 8 Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод используем термин «уважение»?

Всё дело в неточности перевода статьи 8 Европейской Конвенции – на данное обстоятельство указывалось многими юристами России. В российской конституционной норме также использован термин «неприкосновенность», что, как кажется, может повлиять на степень обеспечиваемой Европейской Конвенцией защиты, однако лексическая гибкость термина «уважение» позволит защите «работать» [1].

«Неприкосновенность» в лексическом значении понимается как «невмешательство»; «уважение» можно трактовать как запрет на вмешательство. Собственно невмешательство – обязанность государства обеспечить уважение личной сферы гражданина и её защиту от вмешательства со стороны третьих лиц. Таким образом, действующие правовые акты, используя на первый взгляд разные термины, закрепляют соответствующее субъективное право.

В отличие от Всеобщей декларации прав человека, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных его свобод говорит о недопустимости не абстрактного вмешательства в осуществление права на уважение личной корреспонденции, и определяет субъект этого вмешательства – публичные власти. Кроме того, ч.2 ст. 8 Европейской Конвенции по правам человека говорит о возможном исключении из этого правила, строго оговаривая, наличие каких целей и обстоятельств допускает ограничение прав.

Право на уважение к корреспонденции человека можно трактовать как право на установление коммуникации или связи человека с другими лицами без вмешательства и цензуры [1].

Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) трактует понятие «корреспонденции» расширительно. Данное понятие, по определению ЕСПЧ, включает не только пересылаемые по почте или другим каналам связи письма, документы, материалы, но и телефонные переговоры, онлайн-общение. Основные нарушения рассматриваемого права касаются прослушивания, просмотра корреспонденции, её перехвата, изъятие, а также запретов и ограничений на коммуникацию.

Нарушения права на уважение к корреспонденции неоднократно рассматривались в ЕСПЧ. Напомню, Европейский Суд по правам человека – юрисдикционный орган, созданный и действующий в рамках Совета Европы. ЕСПЧ выступает как самостоятельный наднациональный судебный орган (при этом связанный с Советом Европы), а его правоприменительная деятельность в полной мере основана на принципе независимости.

Согласно ст. 8 Европейской Конвенции, ЕСПЧ уточнил обстоятельства, при которых государство может нарушить эту неприкосновенность, а также, определил ряд требований к правилам прослушивания телефонных разговоров в странах-участницах Европейской Конвенции. Так, процесс *Класса против Германии* [2] был первым делом, рассмотренным ЕСПЧ по вопросу о возможном нарушении прав человека посредством прослушивания телефонных разговоров. В части 2 «О предполагаемом нарушении статьи 8» ЕСПЧ заметил, что вследствие «развития терроризма в Европе» и «весьма серьезной угрозы», перед которой стоят европейские демократические страны, «государство

должно иметь право защищаться от таких угроз и устанавливать секретное наблюдение за подрывными элементами, действующими в пределах его юрисдикции». В свете этих суждений и детального изучения оспариваемого законодательства ЕСПЧ постановил единогласно, что не было нарушения статьи 8 Европейской Конвенции. А значит, право на уважение корреспонденции может быть ограничено в интересах национальной безопасности, общественного порядка, экономического благосостояния страны, общественного спокойствия и др.

Ограничение права на тайну переписки, телефонных разговоров, почтовых сообщений или иных сообщений в соответствии с Европейским стандартом о защите прав человека допустимо при наличии таких условий как: предусмотренность такого основания национальным законом или есть «необходимость ограничения рассматриваемого права в демократическом обществе для обеспечения того или иного публичного интереса, с которым в юридический конфликт вступает личное право каждого человека».

В решении ЕСПЧ по делу *Шенк против Швейцарии* [3] указывалось, что необходимо соотносить находящееся в конфликте интересы – публичный интерес в установлении истины по делу и частный интерес в сохранении конфиденциальности телефонных переговоров. ЕСПЧ признал допустимым императивное ограничение права на тайну телефонных переговоров, основанное на конфликте интересов – интереса публичного (например, в случае предотвращения убийства) и интереса частного (неприкосновенность личной корреспонденции). Сравнительный анализ текстов Конституции Российской Федерации и Европейской Конвенции позволяет констатировать тот факт, что многие нормы этих документов совпадают.

В ст. 23 Конституции Российской Федерации записано: «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных разговоров, почтовых, телеграфных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения». В статье 24 Конституции Российской Федерации сформулирован запрет на сбор, хранение и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Развитие и конкретизацию эти конституционные нормы получили в отраслевом законодательстве.

Реализацию прав и свобод человека и гражданина, составляющих смысл существования Конституции, нельзя рассматривать вне связи с функциями правоохранительной системы и правосудия, которые как раз и призваны обеспечить их защиту. Действующий УПК РФ содержит отдельную главу 2 «Принципы уголовного судопроизводства», в которой предусматривается охрана конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Хотелось бы подчеркнуть, что рассмотренные положения международных документов, статьи Европейской Конвенции о защите прав человека и основных его свобод и решения ЕСПЧ определяют обеспечение права на тайну почтовых, телеграфных, телексных сообщений, телефонных переговоров, а также, сообщений передаваемых с помощью других современных средств связи, в том числе по электронной почте. Права, гарантированные ч.1 ст. 8 Европейской Конвенции, не являются абсолютными. Как указано в ч.2 ст. 8 Европейской Конвенции, право на уважение корреспонденции может быть ограничено. Хотелось бы отметить, что перечень оснований ограничений, предусмотренных в ч.2 ст. 8 Европейской Конвенции согласуется с содержанием ч.3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Килкэли, Урсула. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 8: Право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции : Прецеденты и коммент./ Урсула Килкэли, Е.А. Чекфранова; Рос.акад.правосудия.-Москва:Рос.акад.правосудия,2001.-159 с.
2. Class et al.vs.Germany.Судебное решение от 6 сентября 1978 г.// Европейский Суд по правам человека.Избранные решения.Т.1.-М.,2000.
3. Shenk vs.Switzerland.Судебное решение от 12 июля 1988г.// Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т.1.- М., 2000.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

**МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПРОТИВ
ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПОСРЕДСТВОМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ**

© К.А. Васильева

Научный руководитель: С.И. Гутник

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

На сегодняшний день сеть Интернет является новой площадкой для совершения преступных посягательств. Преступнику открываются уникальные возможности при использовании сети Интернет, в частности, социальных сетей: выбрать потенциальную жертву и собрать нужную информацию о ней.

За последние два десятилетия все большее число ученых стало изучать интернет-преступное поведение физических лиц. Например, Р.И. Дремлюга [6], Ю.М. Батулин, А.М. Жодзицкий [3], В.Б. Вехов [4] и другие. Однако остается неясным, являются ли киберпреступления частным проявлением преступности в целом, или же эти преступления представляют собой новую отличительную форму привычных правонарушений.

Исследование этого вопроса было инициировано профессором Питером Грабовски. По его словам, киберпреступность – это, по сути, то же самое, что и традиционная преступность, единственное различие может быть в том, что оно совершено с новой технологией. Следовательно, он утверждает, что криминологические теории применимы и к преступлениям, происходящим в виртуальном мире [2, с. 243-249].

Другие ученые предполагают, что виртуальный мир содержит уникальные социальные среды, в которых появляются новые и отличительные формы преступного поведения [1].

В целом, продолжающаяся дискуссия в криминологии предполагает, что новые объяснения или теории необходимы для объяснения киберпреступности, в том числе и против несовершеннолетних.

Большую опасность от данного рода деяний несут, конечно же, дети и подростки, так как в силу возрастных психоэмоциональных особенностей они легко могут вступать в контакт с другими людьми, общаться на откровенные темы и пересылать свои интимные фото и видео. Педофилы ищут детей, страдающих от нехватки внимания, заботы, тех, кому не с кем поговорить, или же любознательных особ, желающих узнать подробности на тему секса. Для построения общения преступнику необходимо понять ход мыслей жертвы, они

способны ловко манипулировать эмоциями ребенка, вычисляют, в ком он нуждается: в друге, советчике, или же жертве необходимо внимание и ласка [10, с. 81].

Это явление именуется «секстинг». Согласно статистическим данным, Каждый третий несовершеннолетний в возрасте от 11 до 16 лет когда-либо получал сообщения сексуального характера, каждому шестому приходят подобные письма как минимум раз в месяц. Сообщения, получаемые каждым двадцатым несовершеннолетним, содержали открытые предложения поговорить о половом акте [9, с. 3].

За 2017 год Следственный комитет Российской Федерации возбудил 7011 уголовных дел, по которым пострадавшими являются дети (при этом из 9600 несовершеннолетних, ставших объектами половых посягательств, 1800 – это дети до 10 лет), в 2016 году – 5835. В том числе большое количество таких преступлений связано с активной деятельностью несовершеннолетних в сети Интернет [5, с. 33]

Все чаще в средствах массовой информации можно увидеть сведения о совершении подобного рода преступлений. Например, Следственным отделом по городу Саяногорску следственного управления СКР по Республике Хакасия завершено расследование уголовного дела в отношении 28-летнего жителя Алтайского района. Он обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 135 УК РФ, п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ.

По данным следствия, в период с октября 2016 года по ноябрь 2017 года обвиняемый, используя компьютер и телефон, посредством доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в социальной сети «ВКонтакте», представляясь вымышленным именем, вел переписку с тремя несовершеннолетними девочками в возрасте от 13 до 15 лет, направляя текстовые сообщения, содержащие слова и выражения сексуального характера. Кроме того, в период с октября по декабрь 2017 года обвиняемый, действуя аналогичным способом, направил адресату в социальной сети «ВКонтакте» фотографии порнографического содержания.

В ходе расследования уголовного дела следственными органами СКР по Республике Хакасия установлено, что обстоятельствами, способствовавшими совершению данного преступления, явилось ненадлежащее исполнение обязанностей со стороны сотрудников ОМВД России по Алтайскому району по проведению профилактических работ с лицами, склонными к правонарушениям. В связи с чем, в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ следователем направлено соответствующее представление в органы полиции с требованием об устранении данных обстоятельств.

В настоящее время уголовное дело с утвержденным обвинительным заключением направлено в суд для рассмотрения по существу [8].

При борьбе с такого рода преступлениях необходимо взаимодействие государственных органов и общественности. Например, создаются различные специализированные сайты, волонтерские интернет-сообщества, группы в социальных сетях, ориентированные на осуществление мер по профилактике педофилии, такие как «Сдай педофила», «Родконтроль» и др.

Одним из предложений представителей общественности является создание так называемой «киберполиции». «Это должна быть такая структура, которая будет обладать процессуальной самостоятельностью – свой оперсостав, свое следствие, свои айтишники-профессионалы, своя пресс-служба. Киберполиция должна работать круглосуточно и принимать обращения (заявления) в онлайн-режиме, создав представительства (онлайн-приемные) в социальных сетях и месенджерах. Только таким образом возможно обеспечить экстренное реагирование на преступления, совершаемые в отношении детей в Интернете. У киберполиции должен быть прямой круглосуточный контакт с администрацией социальных сетей» [7].

На сегодняшний день в структуре МВД России существует Управление «К», которое в пределах своей компетенции осуществляет выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) и направленных против здоровья несовершеннолетних и общественной нравственности:

- изготовление и распространение порнографических материалов или предметов с изображениями несовершеннолетних;
- использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов.

Представляется, что необходимо расширить компетенцию указанного Управления путем наделения полномочиями по предупреждению так называемого «секстинга».

Вышеизложенное свидетельствует об актуальности проблемы противодействия использованию сети Интернет для совершения посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних как для криминологической науки, так и для правоохранительной практики.

Список использованных источников:

1. Cappeler, W. (2001). Not such a neat net: some comments on virtual criminality. *Social & Legal Studies*, 10(2), 229-242. doi: 10.1177/a017404.
2. Grabosky, P.N. (2001). Virtual criminality: Old wine in new bottles? *Social & Legal Studies*, 10(2), 243-249. doi: 10.1177/a017405.
3. Батулин, Ю.М. Компьютерная преступность и компьютерная безопасность / Ю.М. Батулин, А.М. Жодзишкий. – М. : Изд-во юрид. лит., 1991. – 160 с.
4. Вехов, В.Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия / В. Б. Вехов ; под. ред. акад. Б.П. Смагоринского. – М. : Право и закон, 1996. – 182 с.
5. Доклад Уполномоченного по правам ребенка Российской Федерации за 2017 год. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2018/04/16/doklad-site-dok.html> (дата обращения – 27.02.2019).
6. Дремлюга, Р.И. Интернет преступность : монография / Р. И. Дремлюга. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 240 с.
7. Из выступления Анны Левченко [Электронный ресурс]. – URL: <http://pedofilov.net/analytics/vystuplenie-anna-levchenko-pri-obsuzhdenii-antipedofilskikh-zakonov/> (дата обращения – 20.03.2019).
8. Новостная строка официального сайта Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Хакасия [Электронный ресурс]: <http://hakasia.sledcom.ru/news/item/1316871/> (дата обращения – 21.03.2019).
9. Солдатова Г. Дети России онлайн. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России [Электронный ресурс] / Г.Солдатова, Е. Рассказова, Е. Зотова, М. Лебешева, П. Роггендорф. – URL: <http://psypublic.com/assets/files/EU-Kids-Online-II-in-Russia.pdf> (дата обращения – 27.02.2019).
10. Степанова, О.Ю. Проблема привлечения к уголовной ответственности за педофилию в социальных сетях / О.Ю. Степанова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 2. – С. 78-83.

**ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, НЕ ИСПОЛНЯЮЩЕГО
ОБЯЗАННОСТИ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО,
СОЕДИНЕННОЕ С ЖЕСТОКИМ ОБРАЩЕНИЕМ**

© Е.Д. Зыкова

Научный руководитель: Е.А. Федорова

канд. юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД России

Все чаще в средствах массовой информации освещаются случаи жестокого обращения с несовершеннолетними. Взрослые, как правило родители, опекуны и педагоги, не выполняют обязанности, возложенные на них законом по воспитанию несовершеннолетних, жестоко обращаясь с ними и даже применяя насилие. Дети в силу возраста не могут защитить себя и позаботиться о себе должным образом, поэтому в уголовном законодательстве предусмотрена ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, что свидетельствует об общественной опасности таких деяний и организации эффективных мер государственного предупреждения.

Согласно официальным данным количество зарегистрированных преступлений по ст. 156 УК РФ в 2017 году составляет 1045. За данное преступление чаще всего назначают наказания в виде обязательных работ – 384, в виде штрафа – 332 осужденным, лишения свободы – 36 осужденным [1].

За 2015 год 387 родителей были лишены своих прав в отношении детей из-за жестокого обращения с ними, и 3444 родителя – за непосредственную угрозу жизни и здоровью ребенка [2].

Личность преступника, не исполняющего обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, представляет интерес для исследования в системе криминологически значимых признаков таких лиц. Структура личности преступника формируется под влиянием социума с учетом биологических и психологических особенностей индивида. Изначально в криминологической характеристике личности преступника определяется его социально-типологическая характеристика. Как правило, это – мужчины (отец либо опекун (попечитель)), на момент совершения преступления достигшие возраста 30-35 лет. Этот возраст зависит от момента вступления в брак и рождения ребенка, периода его взросления и становления. Однако преступниками могут выступать и лица женского пола, обычно ими является мать ребенка либо опекун (попечитель).

В социально-ролевой характеристике лица, совершившего преступление особо отмечается семейное положение: если преступник – родитель ребенка, то семья, как правило, неполная, преступник на данный момент не состоит в браке, либо сожительствует с человеком, не являющимся биологическим родственником ребенку. Например, в конце марта 2019 года в Москве в заставленной мусором квартире на Ленинградском шоссе был обнаружен 5-летний ребенок, мать которого не находилась в зарегистрированном гражданском браке [4]. Помимо семейного положения, важной частью социально-ролевой характеристики является род занятий преступника, его хобби и досуг. Как правило, эти люди либо не имеют постоянного источника доходов, либо работают на уровне низшего звена по пирамиде управления организаций и предприятий. Ярким примером является случай в Кировской области, когда из-за недельного ухода матери из дома 3-летняя девочка умерла от голода. Мать ребенка часто отдыхала со своими друзьями в клубах и барах, не осуществляя надлежащего ухода за ребенком. [5] Досуг преступника, и чаще всего не организован и заключается в распитии спиртных напитков, азартных играх и употреблении различных психоактивных веществ. Согласно официальным данным, в период с января по февраль 2019 года в России почти каждое третье преступление совершено лицами в состоянии алкогольного опьянения [6] Несмотря на то, что данный преступник чаще всего ранее не был судим, он мог привлекаться к административной ответственности за мелкое хулиганство, распитие спиртных напитков в общественных местах, неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних. Также в социально-ролевой характеристике личности преступника проявляется его негативное отношение к семье как социальному институту, детям. Респонденты указывают на отсутствие воспитания и культуры родителей, смещение ценностной ориентации. Это может проявляться в том числе во взаимодействии преступника и его родителей. Например, в случае с 3-летней девочкой из Кирова, мать ребенка выгнала из их общей квартиры бабушку девочки, и не поддерживала с ней контактов на протяжении долгого времени.

Нравственно-психологическая характеристика личности преступника, не исполняющего обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, определяется асоциальным безответственным поведением. Асоциальные мотивы преступника в основном связаны с его легкомысленностью и безответственностью по отношению к ребенку, на что указывают результаты анкетирования 50 сотрудников полиции из числа инспекторов по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных: 29 человек выбрали именно этот вариант ответа. В большинстве случаев лицо, не исполняющее обязанности по

воспитанию несовершеннолетнего, ранее преступлений не совершало. По глубине мотивации данные преступники относятся к ситуативно-криминогенному типу личности, так как зачастую совершают преступления в неблагоприятной жизненной ситуации, но в наибольшей степени поддаются профилактическому воздействию со стороны органов правопорядка.

Таким образом, особенности криминологической характеристики личности преступника, не исполняющего обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, соединенное с жестоким обращением позволяют выявить лиц, наиболее подверженных к совершению данного вида преступлений, и грамотно применить меры профилактического воздействия по отношению к ним.

Список использованных источников:

1. Агентство правовой информации. Режим доступа: URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 02.04.2019).
2. Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: URL: <https://tass.ru/obschestvo/3740388> (дата обращения 03.04.2019).
3. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть): учебное пособие. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. – 284 с.
4. Спектр – пресс. Независимый интернет-журнал. Режим доступа: URL: <https://spektr.press/krestik-pod-kozhej-iz-zamusorennoj-kvartiry-v-moskve-spasli-broshennuyu-5-letnyuyu-devochku-maugli/> (дата обращения 02.04.2019)
5. Комсомольская правда г. Киров. Режим доступа: URL: <https://www.kirov.kp.ru/daily/26946.7/3997147/> (дата обращения 01.04.2019).
6. Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. Режим доступа: URL: <https://мвд.рф/reports/item/16239015/> (дата обращения 03.04.2019).

**ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ,
ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

© Д.А. Иванищева
Научный руководитель: Ю.С. Пестерева
канд. юрид. наук
Омская юридическая академия

За 2018 год по данным ГИАЦ МВД России зарегистрировано 3374 изнасилований и покушений на него, что на 4,6% меньше чем за 2017 год. Согласно положениям УПК РФ [2, с. 20-21] возбуждение уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч.1 ст.131 или ч.1 ст.132 УК РФ возможно при заявлении потерпевшего и не прекращаются в связи с примирением обвиняемого с жертвой. Таким образом, мы считаем, что реальное число преступлений намного выше данных статистики. Иных статистических данных о преступлениях, предусмотренных главой 18 УК РФ, ГИАЦ МВД России не опубликовано.

В ходе исследования нами выявлены сведения о количестве лиц, совершивших преступления, согласно данным Агентства правовой статистики лиц осужденных за 2017 по преступлениям, предусмотренным главой 18 УК РФ, составляет 7341 человек (статья 131 УК РФ – 2406, статья 132 УК РФ – 2305, статья 134 УК РФ – 2220, статья 135 УК РФ – 410).

В рамках криминологического изучения преступлений, предусмотренного статьями 131, 132 УК РФ нами было исследовано 19 уголовных данной категории за период 2017-2018 г.

Специфические признаки анализируемого деяния мы предлагаем рассмотреть через призму трех блоков.

Уголовно-правовая характеристика преступления.

По данным Всемирной организации здравоохранения каждая третья женщина (35%) в мире подвергается физическому или сексуальному насилию. Данный вопрос является серьезной проблемой общественного здравоохранения и нарушением прав человека. Эта проблема не оставляет никого равнодушным и вызывает пристальное внимание со стороны юристов и работников здравоохранения.

В Обзоре судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год указано, что за преступления против половой неприкосновенности и свободы личности (ст.ст.131-135 УК РФ) осуждено 7518 лиц, что составляет удельный вес от общего числа преступлений

1,1%, а также приведены отдельные данные о преступлении, предусмотренном ст.131 УК РФ. Исходя из статистических данных, число лиц осужденных по приговору, вступившему в законную силу, за совершения изнасилования и покушения на изнасилование составляет 2343 (удельный вес в общем числе осужденных 0,3%).

Вместе с тем официальные статистические данные не отражают реальную картину преступлений, поскольку пострадавшие зачастую не обращаются в правоохранительные органы или медицинские организации, что отражает высокую латентность преступления. Данную позицию поддерживают криминологи московской школы (И.В. Калашников, О.В. Ивасюк), а также Коноваловым С.И. [1, с.104-107]

Изученные преступления часто совершаются в совокупности, с другими преступлениями. Каждый четвертый случай изнасилования сопряжён со статьей 132 УК РФ, а каждый десятый – со статьей 126 УК РФ. Каждый пятый случай насильственных действий сексуального характера сопряжен с развратными действиями.

Наиболее часто местом совершения преступления является общественное место. Исследования показали, что чаще всего – это: территория многоквартирного дома, легковой автомобиль, а также его лестничная площадка, квартира.

Изучив материалы уголовных дел, можно сделать вывод, что наиболее распространённым временем совершения преступления является ночное время, в которое субъект испытывает особые пристрастия к удовлетворению своих низменных потребностей.

Способом совершения преступления зависит от вида преступления, например, половое сношение с применением насилия, насильственные действия сексуального характера с применением насилия к потерпевшей, половое сношения с лицом, не достигшим 16 лет, совершения развратных действий с лицом, не достигшим 16 лет, чем посягает на половую неприкосновенность и половую свободу личности.

Преступления указанной категории чаще всего совершаются во второй половине недели, то есть с пятницы по воскресенье либо в выходные (нерабочие) дни.

Социально-демографическая характеристика личности субъекта.

Одним из преступлений, где мужчина выполняет роль исполнителя преступления, является изнасилование. Согласно данным ГИАЦ МВД Российской Федерации на 2018 год доля мужчин, совершивших преступления

предусмотренных Уголовным кодексом РФ на территории Российской Федерации составляет 84,4%.

При исследовании уголовных дел было выявлено, что для лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 131 УК РФ, характерны такие черты: возраст от 30 до 35 лет, имеющий образование (высшее, среднее специальное, среднее), не состоящего в юридических брачных отношениях, имеющий постоянный источник доходов, ранее судим за преступления, которые имеют насильственный характер (ст.ст.161,162 УК РФ).

Мотивом совершения преступления выступает удовлетворение сексуальных потребностей. Кроме того, данный субъект раскаивается в содеянном, поскольку в настоящее время не считает, что половое сношение без согласия женщины является достойным поведением, а также на этих лиц влияет страх наказания.

Все лица, совершившие противоправное деяние, характеризуются отрицательно, поскольку ранее ими неоднократно нарушались нормы уголовного закона, а также совершались административные правонарушения.

Лица, совершающие насильственные действия сексуального характера имеют иные характеристики, лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст.132 УК РФ является мужчиной, но их возраст отличается от насильников, существенную роль играют лица от 29 до 32 лет, а также лица от 49 до 57 лет.

Для первой возрастной категории характерны те же черты, что и у виновного в совершении деяния, предусмотренного статей 131 УК РФ, за исключением образования. Для этих лиц характерно наличие среднего либо среднего специального образования и не имеющие постоянный источник заработка.

Таким образом, мы в ходе исследования выяснили, какие черты характерны для лиц, совершивших преступления, предусмотренные статьями 131, 132 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Виктимологический блок.

Потерпевшим от изнасилования выступает лицо, как женского пола, в возрасте от 19 до 22 лет, имеющие среднее либо среднее специальное образование, не состоящие в юридически брачных отношениях, не имеющие постоянный источник дохода, которым причинен моральный вред от совершения в отношении них преступления.

Каждое третье преступление совершается в отношении женщин, в возрасте от 35 до 40 лет, имеющих среднее специальное образование, не состоящие в юридически брачных отношениях, но имеющих на иждивении хотя бы

одного несовершеннолетнего ребенка, которым от совершения деяния причиняется моральный и имущественный вред.

Преступление, предусмотренное частями 1 и 2 ст.132 УК РФ, совершаемое в отношении совершеннолетних, имеет идентичные характеристики жертвы изнасилования.

Список использованных источников:

1. Ивасюк О.Н., Калашников И.В. Виктимологические особенности преступлений против половой свободы, совершаемых в отношении женщин // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – №5. – С. 104-110.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М.: Проспект, 2019. – 384 с.

О КОРРУПЦИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ КРИМИНАЛЬНОЙ УГРОЗЕ

© К.П. Кочеткова

Научный руководитель: В.В. Колесников

д-р экон. наук

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

В современном мире борьба с коррупцией как ключевой криминальной угрозой рассматривается как крайне актуальная тема [1]. Недаром 21 ноября 2003 года на пятьдесят восьмой сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята Конвенция «Против коррупции». Россия наряду с другими странами в том же году подписала и в 2006 году ратифицировала эту конвенцию. А в декабре 2008 года на основании положений данной конвенции Российская Федерация принимает важнейший нормативный правовой акт – Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2].

Следует сказать, что в российском обществе коррупция давно является одной из самых серьезных проблем общественного развития. Её проявления известны на протяжении, наверное, всей истории российского государства. В современный период коррупция стала тормозом для развития страны, угрозой национальной безопасности и важнейшим фактором, обуславливающим низкие темпы развития экономики [3; 4].

Вопрос коррупции и борьбы с ней – один из главных вопросов современности и, как показывает практика, государство не может полностью

искоренить ее. Социальные опросы, криминалистические статистики и оценки экспертов и политиков говорят о том, что коррупция поразила практически все сферы: государственную службу, правоохранительные органы, здравоохранение, образование, военную сферу и другие. Следует отметить, что такое распространение коррупции порождает много отрицательных внешних эффектов. Во-первых, коррупция ведет к серьезным нарушениям прав и свобод граждан. Во-вторых, распространение коррупции приводит к снижению авторитета государственного аппарата из-за падения доверия со стороны граждан. В-третьих, коррупция ограничивает экономическую свободу, свободу конкуренции и доступ граждан и бизнеса к национальным ресурсам. Все это в совокупности делает коррупцию ключевой криминальной угрозой и требует серьезного анализа со стороны криминологов, экономистов, социологов.

Как было отмечено, ключевой нормативный правовой акт о борьбе с коррупцией в России – это Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Он устанавливает четкое определение понятия «коррупция», формулирует основные принципы и правовые основы противодействия коррупции. Согласно п.1 ст.1 данного федерального закона коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица [2]. Так же, федеральный закон «О противодействии коррупции» дает криминологически выверенный подход к противодействию коррупции – в п. 2 ст. 1 говорится: противодействие коррупции – деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции); по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Судебная практика по коррупционным преступлениям показывает, насколько «популярны» некоторые их разновидности. Самыми

распространенными будут следующие преступления: взяточничество, служебный подлог, превышение должностных полномочий, злоупотребление служебным статусом, мошенничество. В статье 8 «Классификация коррупционных правонарушений» Модельного закона государств – участников СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике» [5] существует более подробная классификация коррупционных преступлений – они делятся на три большие группы. В первую входят коррупционные преступления в форме подкупа (9 наименований): воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, в случае совершения соответствующего деяния путем подкупа; незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, в случае совершения соответствующего деяния путем подкупа; подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов; коммерческий подкуп; организация преступного сообщества (преступной организации) при наличии цели совершения любого из тяжких или особо тяжких коррупционных преступлений; получение взятки; дача взятки; провокация взятки или коммерческого подкупа; подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу в случае совершения соответствующего деяния путем подкупа.

Во вторую группу входят иные коррупционные преступления (16 наименований): невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат; мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения; присвоение или растрата, совершенные лицом с использованием своего служебного положения; регистрация незаконных сделок с землей; контрабанда, совершенная должностным лицом с использованием своего служебного положения, при наличии корыстной или иной личной заинтересованности у виновного; злоупотребление полномочиями; незаконное участие в предпринимательской деятельности; служебный подлог; и т.д.

В третью группу входят преступления, связанные с коррупционными – к ним относятся любые общественно опасные деяния, запрещенные статьями уголовного кодекса государства под угрозой наказания, совершенные в соучастии с лицами, которые могут быть признаны виновными в совершении коррупционных преступлений, перечисленных в первых двух группах.

Говоря о коррупции как о корыстном преступлении, необходимо говорить не только об издержках за данное деяние, немаловажен вопрос о мере наказания: будет штраф, административное или уголовное наказание? И как показывает опыт, чем серьезнее мера наказания, тем уровень коррупционной

преступности ниже. Но эффект от наказания и его вид зависят от статуса преступника – так считает американский криминолог, основатель экономической теории преступлений и наказаний, лауреат Нобелевской премии по экономике 1992 года Гэри Беккер. Он предложил связать вид наказания с наличием наиболее дефицитного ресурса у преступника. Так, у богатых преступников, белых воротничков, таким ресурсом является время. Значит, эффективнее к этой категории применять лишение свободы. Для преступников бедных – использовать штраф, поскольку у них в дефиците деньги; при этом для выплаты штрафа применять принудительные работы. Опыт развитых стран говорит, что такой подход более эффективно отражается на понижении уровня преступности в сфере коррупционных деяний [6].

Важнейшая задача для государства заключается в четкой и эффективной борьбе с коррупцией. На мой взгляд, следует выделить несколько направлений противодействия коррупции. Первый путь – жесткость власти в отношении коррупции и наказания коррупционеров. Этот подход характерен ряду политических режимов, которые называют тоталитарными и авторитарными. Примеров много – и из нашей недавней истории (сталинский период) и практики некоторых государств. Так, в Китае за взятки или хищения госимущества чиновникам может грозить смертная казнь. В Сингапуре чиновников, оказавшихся нечистыми на руку, ожидает тюрьма и конфискация имущества. Второй путь – усовершенствование законов. Уголовный кодекс РФ пока не охватывает ряд форм и видов социально опасной и реальной коррупции. Речь идет о таких проявлениях как «коррупционный лоббизм», «непотизм» – покровительство родственникам и друзьям, и др. Третий путь – антикоррупционное воспитание граждан.

В заключение хотелось бы сказать, что коррупция пока остается у нас ключевой криминальной угрозой. Очень важно переломить эту ситуацию и принципиально оздоровить сферу бизнеса, власти и управления, снизив коррупционную преступность до социально терпимого уровня. Президент России В.В. Путин много сделал и делает для борьбы с коррупцией на государственном уровне. В качестве стратегии он выбрал прозрачность и усиление контроля за доходами и расходами госслужащих. Понятно, что с криминологических позиций окончательно победить коррупцию невозможно, но для того, чтобы мир стал лучше, всем нам не нужно забывать простую истину, произнесенную А. Фирдоуси: «Взять доброе имя с собой не забудь – к бессмертию оно открывает нам путь. А если мы жили в корысти и зле – смерть всё обнажит, что таилось во мгле».

Список использованных источников:

1. Колесников, В.В. Феномен криминализации в экономике: понятие, связь с реформами и правовым регулированием // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 3 (7). – С. 20-33.
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета, 30 декабря 2008 г.
3. Колесников, В.В. Коррупция как экономический институт и угроза безопасности России: Монография / В.В. Колесников, О.А. Борисов, В.Н. Быков / Под научн. ред. д-ра экон. наук, проф. В.В. Колесникова. – Санкт-Петербург: С.-Петербургский юрид. ин-т (филиал) Академии Генпрокуратуры РФ, 2010. – 357 с.
4. Латов, Ю.В. Коррупция в системе угроз национальной безопасности России // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. – № 1. – С.46-53.
5. Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике». Принят на двадцать втором пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 22-15 от 15 ноября 2003 года).
6. Колесников, В.В. Противодействие коррупции: экономический подход // Современные задачи и формы участия прокуратуры в противодействии коррупции в правоохранительных органах: сборник статей по материалам круглого стола / под ред. Т.И. Отческой. – Москва: Проспект, 2017. – С. 16-20.

**УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ**

© Ю.Н. Лопаткина

Научный руководитель: И.С. Будкина
Сибирский федеральный университет

Интернет выступает самым распространенным средством обмена информацией в современном мире. По данным исследования, 89% подростков от 12 до 17 лет пользуются сетью Интернет ежедневно [1]. Высокий процент использования сети лицами подросткового возраста характеризуется особенностью среды общения в виртуальном пространстве. Подростки образуют неформальные группы, объединяются по интересам. Также, почти все организационные вопросы, затрагивающие обучение и вне учебного времени, решаются посредством использования сети.

Из-за ежедневного использования средств связи, общения в Интернет – пространстве, хранения информации на электронных носителях участились случаи посягательств на безопасность личности, в частности на лиц подросткового возраста. Выделенная социальная группа приобретает особую значимость, поскольку данный возраст отличается тем, что личность еще не до конца несет персональную ответственность за принятые решения. Зачастую не осознает масштаб последствий своих действий и не подвергает анализу возможные варианты своего поведения. Процессы, происходящие при становлении взрослой личности, отличаются своей интенсивностью и неуправляемостью, сопровождаются яркой эмоциональной окраской и всплеском гормональных изменений, поэтому подростки чаще других подвергаются различным угрозам не только в реальной жизни, но и в онлайн пространстве.

Вопросы обеспечения безопасности несовершеннолетних в сети Интернет являются актуальными, поскольку динамика вовлеченности в потенциально опасные направления, лиц, не достигших возраста 18 лет отмечает прирост 2 млн. в год (за период март 2018–март 2019) [2]. Анализируя данные исследования аналитической системы мониторинга и анализа социальных сетей «Крибрум», мы пришли к выводу, что с каждым годом этот прирост может быть обусловлен тем, что законодательство Российской Федерации направлено на ограничение и превенцию в отношении порядка и безопасности в социальных медиа, но вопросам образования и медиаграмотности не уделяется должного внимания.

А именно, в настоящий момент существующие меры по обеспечению безопасности и безопасного поведения в отношении несовершеннолетних отражаются в Федеральном законе № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»[3] направлены на ограничение и защиту несовершеннолетних от негативного влияния информации. Данный акт определяет допустимость информационной продукции для определенных возрастных ценов. Еще одна мера, существующий «Единый реестр запрещенных сайтов» [4], ограничивающий доступ к сайтам в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», которая содержит информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Данные инструменты малоэффективны, поскольку направлены на ограничение и защиту, но не предусматривают развития у несовершеннолетних ответственного поведения и мышления, что в свою очередь могло бы обеспечить минимизацию вовлеченности в опасные направления, которые составляют угрозы в Интернет-пространстве.

Для начала определим термин «угрозы в Интернет – пространстве», в законодательстве Российской Федерации нет четкого определения угрозы безопасности в сети, поэтому обратимся к исследованию, на основании которого можно сделать вывод, что «угроза, влияющая на безопасность в сети Интернет может рассматриваться, как фактор и его последствия, создающие реальную или потенциальную опасность состояния защищенности национальных интересов государства, общества и личности в информационной сфере сети Интернет» [5]. Иными словами, угрозы в сети – это факторы, причины, подвергающие риску личность, которая использует Интернет ресурсы. Они могут быть, как реальными (с которыми уже по факту столкнулся пользователь), так и потенциальными-не наступившими, но в перспективе угрожающими личности.

Американские исследователи выделяют три типа угроз безопасности подростков в сети:

- небезопасные контакты;
- кибербуллинг;
- материалы «опасного» содержания [6].

Перечисленные типы можно взять за основу для классификации и распределения новых потенциальных опасностей, с которыми сталкивается несовершеннолетний в Интернете в настоящее время.

Согласно мониторингу и исследованию текущего состояния социальных сетей можно проследить динамику опасностей по трем, ранее выделенным классификациям:

- a) небезопасные контакты:
 - А. У. Е. (прирост 2 млн.);
 - наркотики: предусматривают как вовлечение в употребление, так и распространение, (прирост 23 тыс.);
- b) кибербуллинг:
 - издевательства и травля (рост отсутствует);
- c) материалы «опасного» содержания:
 - группы: школьные расстрелы и убийства (прирост 20 тыс.);
 - суицидальные группы (рост отсутствует);
 - деструктивные группы (пропаганда насилия, обесценивание моральных ценностей демонстрация порнографии) (прирост 210 тыс.) [2].

На основании представленных результатов и анализе состояния количества суицидальных групп в социальных сетях и кибербуллинга можем сделать вывод, что группы блокируются, а в отношении травли и издевательства были приняты меры. Именно поэтому эти два опасных направления не получили

количественный прирост. Но стоит обратить особое внимание на появление новых, масштабных угроз: «А.У.Е.», наркотики, школьные расстрелы. Данные виды угроз в 2018 году обретают идеологию, которая является важным компонентом при развитии интереса и привязанности подростка, а также вовлеченности в эти направления.

Обратимся к опыту профилактики угроз с которыми сталкиваются несовершеннолетние в Интернет-пространстве на территории г. Красноярск.

В Красноярских школах реализуются меры по обеспечению безопасности несовершеннолетних в сети Интернет, а именно: образовательные учреждения оснащены сетевыми фильтрами (СкайдНС.Школа), ограничивающими доступ к опасной информации.

Субъект, реализующий профилактические меры-отдел «К», который занимается выявлением преступлений в области информационных технологий. Как отмечалось в 2014 г., и.о. начальника отдела организации подразделений по делам несовершеннолетних ГУ МВД России по Красноярскому краю, Добровольской Л. А. [7], деятельность отдела не ограничивалась только выявлением преступлений. Сотрудники подразделения по делам несовершеннолетних занимались просветительской работой в формате бесед, где разъясняли подросткам основы правил поведения в Интернете и сведения об административной и уголовной ответственности за совершение правонарушений в сети.

Действующий субъект профилактики-«ИТ-центр» – молодежный центр г. Красноярска, реализующий проект «Дети в Интернете» [8]. Данный проект реализуется с 2015 года по настоящее время, он рассчитан на детей школьного возраста от 7 до 10 лет. Проводится эпизодически, в формате уроков в целях просвещения и профилактики угроз в сети. Программа уроков проекта разработана специалистами факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова и Фонда развития Интернет, предусматривает интерактивное занятие, где в игровой форме детям объясняются азы безопасного поведения. Затрагивает такие опасности и риски, как: мошенничество, вирусы, неправильное представление личной информации, агрессивное поведение и оскорбления в сети, негативный контент.

Проект «Киберпатруль» [9], главной задачей которого является выявление информационных ресурсов глобальной сети Интернет. Отслеживание и блокирование сайтов, интернет-порталов и форумов на которых содержится опасный контент. Данный проект-это совместная инициатива Центра реабилитации и социальной адаптации «Енисей» и ГУ МВД России по Красноярскому краю. Проект представляет собой информационный сайт с адресной

строкой куда вводится гиперссылка на подозрительный или опасный контент. Следующий этап-обработка источника и блокировка.

Перечисленные выше субъекты и используемые ими методы профилактики не формируют из подростка медиаграмотную личность с умением самостоятельно определять угрозы, выявлять манипуляции, не поддаваться им и нести ответственность за свое поведение. Проект «Дети в Интернете» рассчитан на аудиторию школьников начальных классов. Большой риск того, что данная мера окажется малоэффективной ввиду двух причин: периодичность, предусматривающая разовое проведение урока и привлечение участников по рассылке электронных писем, что предполагает не полное включение всех образовательных организаций.

Мы предлагаем реализацию на территории г. Красноярска нового проекта с целевой аудиторией подростков в возрасте от 14 до 17 лет. Важным отличием от существующих проектов выступает формирование навыков и стратегий безопасного поведения. Проект не является эпизодическим носителем системный характер и предполагает полное погружение и включение участников. Этого можно достичь посредством: сотрудничества с образовательным учреждением и введением образовательных курсов в учебное расписание, как предмет дополнительного образования. Участие подростков в ролевых играх, решении кейсов, проведении круглых столов. В процессе участия подростки выявляют угрозы и ищут пути решения.

Данный образовательный формат позволит закрепить знания и четко сформулировать у подростка ответственность за свое поведение перед другими участниками группы, а также сформировать грамотность и мышление. В дополнении к представленным идеям, отличным способом профилактики будет являться заимствованный пример инструмента «Развития осознанности личности» [2], включающего в себя образовательную технологию «Интеллект».

Данная технология состоит из пунктов, особое внимание следует уделить мышлению, именно при формировании смыслового чтения можно добиться у подростков способности видеть «ловушки», манипуляции и провокации в Интернете. Наша цель предложить подросткам самостоятельную деятельность по моделированию и построению эффективных способов борьбы с угрозами в сети Интернет, а также построение максимально эффективных стратегий безопасного поведения. Предположительно, успех проекта будет обусловлен ввиду замены свободного времени, которое подросток проводит в Интернете, живым общением и максимальным вниманием к своему будущему. Это будет выражаться в «Карте личности», которую получит каждый участник и по

результатам образовательных мероприятий умения, знания, навыки будут закрепляться в этой карте.

Проблемы безопасности в Интернет – пространстве в настоящее время лишь набирают обороты, поэтому необходимо придерживаться принципов обеспечения личной безопасности, соблюдать направления профилактики и следить за качественным содержанием той информации, которая вызывает интерес у подростка. Особое внимание следует уделить образовательным форматам для несовершеннолетних. Информирование и разъяснение-мало-эффективные меры образования, только практика и методы социальной работы такие, как социально-психологические тренинги, индивидуальная работа позволят результативно осуществлять просветительскую и профилактическую работу. Они сформируют устойчивое понимание личности, что представляет собой позитивный контент с отсутствием в нем опасностей и угроз.

Список использованных источников:

1. Пьянкова, Н.Г. Влияние глобальной сети Интернет на психику подростка / Н.Г. Пьянкова, В.М. Матвиюк // Концепт. – 2014. – № 30. С. 1-6.
2. Цифровая гигиена: молодежь в сети [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://digital-gigiena.ru/> (Дата обращения: 24.04.2019 г.)
3. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федер. закон от 29.12.2010. № 436-ФЗ // Российская газета. – 2010. – 31 дек.
4. Роскомнадзор. Единый реестр запрещенных сайтов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eais.rkn.gov.ru/> (Дата обращения 24.04.2019 г.)
5. Напханенко, Е.О. Понятие и классификация угроз информационной безопасности в сети Интернет / Е.О. Напханенко // Юристь-Правоведъ. – 2011. №4. – С. 125-128.
6. Годик, Ю.О. Угрозы и риски безопасности детской и подростковой интернет –аудитории / Ю.О. Годик // Вест. Московск. Универ. – 2011. – № 6. – С. 115-129.
7. Безопасный интернет для детей [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://gnkk.ru/video/kruglyy-stol-bezopasnyu-internet-dl/> (Дата обращения: 24.04.2019 г.)
8. Проект «Дети в Интернете» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newslab.ru/news/677768> (Дата обращения 24.04.2019 г.)

9. Киберпатруль РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--8sbbqnlm4ahdvn2j.xn--p1ai/index.html#> (Дата обращения 24.04.2019 г.)

**НРАВСТВЕННОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ
В ЗЕРКАЛЕ РЕШЕНИЙ ЕСПЧ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

© Н.Д. Мешкова

Научный руководитель: Е.А. Акунченко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Небывалый рост влияния информационных технологий на развитие общественных отношений повлек за собой появление новых источников опасности. Именно поэтому обеспечение информационной безопасности является одной из приоритетных мер государственной политики. Несовершеннолетние, в силу своих психофизиологических особенностей, относятся к уязвимой группе людей, наиболее подверженных воздействию вредоносной информации.

Информация, обладая дуалистической природой, с одной стороны служит важнейшим ресурсом для развития человеческой личности, с другой – может нанести неизгладимый вред как здоровью, так и духовному развитию несовершеннолетнего. В связи с этим, закрепленное в п. 4 ст. 29 Конституции РФ право каждого гражданина свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, не является абсолютным и подлежит ограничению в предусмотренных законом случаях. В частности, Конституция РФ в п. 3 ст. 55 позволяет ограничить права и свободы человека и гражданина в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1].

Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» статьей 14 устанавливает ограничения для защиты ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию.

Существует отдельный нормативный акт, закрепляющий основы информационной безопасности детей, под которым понимают такое состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением

информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию [4].

Подобные нормативные закрепления имеются и на международной арене. Так, право на свободу получения и распространения информации закреплено в п. 1 ст. 10 Европейской конвенции по правам человека, а п. 2 этой же статьи ограничивает это право в определенных случаях. Аналогичная ситуация наблюдается и в других международных актах: ст. 19 Всеобщей декларации прав человека закрепляет право на информацию, а п. 2 ст. 29 его ограничивает; п. 2 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах закрепляет право на информацию, а уже в п. 3 этой же статьи право ограничивается; п. 1 ст. 13 Конвенции ООН о правах ребенка закрепляется право, а п. 2 ст. 13 ограничивается. Во всех приведенных случаях категория нравственности выступает одним из основополагающих критериев для ограничения права несовершеннолетних на информацию.

Ограничение прав и свобод, осуществляемое в целях обеспечения обороны и безопасности страны, здоровья населения и основ конституционного строя, видится нам вполне обоснованным и важным, в то время как категория нравственности вызывает некоторые опасения в силу отсутствия юридической формализации настоящего понятия. Опасность заключается в том, что Конституция РФ, как акт наивысшей юридической силы, содержит понятие, обладающее высокой степенью абстракции. В подобном случае появляются риски для злоупотребления. Возникает фундаментальный вопрос – что можно считать общепринятым, а что относится к отдельно взятой культуре, когда речь идет о нравственном развитии и нравственности в целом? Ответить на этот вопрос достаточно трудно, учитывая особенности менталитета, традиций и исторического развития разных народов.

Проиллюстрируем вышеуказанную проблему следующим примером. Так, в Постановлении ЕСПЧ от 20.06.2017 «Дело «Баев и другие против Российской Федерации» рассматривались жалобы заявителей на то, что предусмотренный Законом РФ запрет «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» привел к нарушению их права на свободу выражения своего мнения и являлся дискриминационным, что противоречит статье 10 Европейской конвенции по правам человека [2].

В том числе, судом рассматривалась правомерность действий заявителей, первый из которых провел пикет перед зданием средней школы в г. Рызани с двумя плакатами, на которых было написано: «Гомосексуализм – это нормально» и «Я горжусь своей гомосексуальностью», второй и третий заявители провели пикет перед зданием детской библиотеки в г. Архангельске.

Второй заявитель держал плакат, на котором было написано: «В России самый большой в мире процент подростков, оканчивающих жизнь самоубийством. К ним относится большая часть гомосексуалистов. Они идут на этот шаг из-за отсутствия информации о своей природе. Депутаты – убийцы детей. Гомосексуализм – это хорошо!». Третий заявитель держал плакат, на котором было написано: «Дети имеют право на то, чтобы знать. Великие люди тоже иногда бывают геями. Геи тоже становятся великими. Гомосексуализм – это естественно и нормально». Далее на плакате перечислялись имена известных людей, вероятно, имевших гомосексуальную ориентацию и внесших вклад в развитие российской культуры [2].

Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая вышеуказанные жизненные ситуации в постановлении от 23 сентября 2014 г. № 24-П, пришел к следующему выводу. Требования ч. 3 ст. 17 и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации заключается в ограждении ребенка от воздействия информации, способной причинить вред его здоровью и развитию. <...> Распространение лицом своих убеждений и предпочтений, касающихся сексуальной ориентации и конкретных форм сексуальных отношений, не должно ущемлять достоинство других лиц и ставить под сомнение общественную нравственность в ее понимании, сложившемся в российском обществе, поскольку иное противоречило бы основам правопорядка [3].

В тоже самое время Конституционный суд не определяет, что понимается под общественной нравственностью. Федеральное законодательство также не содержит легальное определение настоящего явления. Единственное, что приближает нас к пониманию категории общественной нравственности – это Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в 11 пункте которого закрепляются традиционные российские духовно-нравственные ценности. К таким относятся: достойное отношение к истории России, свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм.

В свою очередь ЕСПЧ, сделал вывод, что пропаганда отношений между лицами одного пола не причиняет ущерба общественной нравственности, здоровью и правам других лиц, даже если выражение мнения вступает в прямое противоречие с правом на личную жизнь. Он пришел к убеждению, что в ходе пикетов заявители не пытались воздействовать на несовершеннолетних и не вторгались в их личное пространство [2].

Принимая во внимание приведенные выше соображения, Европейский Суд приходит к выводу, что положения законодательства Российской Федерации, о которых идет речь, не способствуют достижению правомерной цели охраны нравственности и что такие меры способны помешать достижению заявленных правомерных целей охраны здоровья и защиты прав других лиц [2].

Учитывая неопределенность используемой терминологии и потенциально неограниченную сферу их применения, эти положения в отдельных случаях создают возможности для злоупотреблений, как показывают три жалобы, поданные заявителями. Принимая такие законы, власти прежде всего укрепляют стереотипы и предрассудки и поощряют гомофобию, а это несовместимо с понятиями равенства, плюрализма и толерантности, неотделимыми от демократического общества [2].

Вышеприведенная практическая ситуация наглядно продемонстрировала сложность определения нравственности как правовой категории. Вопрос о законности установления подобных ограничений мы предлагаем рассмотреть в контексте теории мер безопасности. Так, Н.В. Щедрин под мерами безопасности понимает меры принудительного ограничения поведения физических и деятельности юридических лиц, применяемые при наличии указанных в законе оснований и имеющие цель предотвращения вредоносного воздействия источника опасности [5, 11]. Содержание мер безопасности образуют специальные правоограничения в виде особых запретов и обязанностей, которые физические лица и организации должны соблюдать [5,14]. В вышеприведенной практической ситуации ограничение права распространять информацию связано с ограничением вредного воздействия источника опасности, для защиты несовершеннолетних, как объекта защиты, от опасности, в частности информации, сопряженной с агрессивным навязыванием конкретных моделей сексуального поведения, формированием искаженных представлений о социально признанных моделях семейных отношений, соответствующих общепринятым в российском обществе нравственным ценностям в их конституционно-правовом выражении. А соответственно, никакого злоупотребления со стороны государства здесь не прослеживается.

Более того, в настоящем деле возникает не просто коллизия между правом свободно выражать свое мнение и правом на личную и семейную жизнь. Помимо этого, в нем имеет место конфликт между различными формами самоидентификации человека. До сих пор Совет Европы выступал в пользу всеобщего общественного признания нетрадиционных сексуальных отношений, даже в таких неоднозначных областях, как уязвимость конкретной группы лиц (детей) ввиду их незрелости, религиозных и философских убеждений их

родителей по поводу того, как должна быть организована семья, национальных традиций и ценностей, в том числе материнства, национальной демографической политики и щепетильности полового воспитания. В то время как Стратегия национальной безопасности РФ закрепляет необходимость защиты семейных и конфессиональных ценностей, а значит, установление ограничений для распространения подобного рода информации, является законным.

Принимая во внимание, что нравственность выступает одним из ключевых критериев для ограничения основных прав и свобод граждан, считаем целесообразным обратить внимание на имеющуюся проблему. Учитывая, что идея дать исчерпывающее определение этой философско-правовой категории утопическая, мы предлагаем рассмотреть вопрос о разработке и закреплении в отдельном нормативно-правовом акте основных критериев, которые будут базироваться на ценностях российского общества и служить помощниками в определении сущности содержания нравственности.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 №6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 №7-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2009. – № 4. – Ст. 445.

2. Постановление ЕСПЧ от 20.06.2017 по делу «Баев и другие (Bayev and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 67667/09, 44092/12 и 56717/12) // Российская хроника Европейского Суда. 2017. № 3.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // «Вестник Конституционного Суда РФ». 2014. № 6.

4. Федеральный закон от 29.10.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

5. Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности : учеб. пособие. Красноярск, 1999. 58 с.

МЕРЫ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

© Д.А. Немков

Научный руководитель: И.А. Дамм

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Виктимность несовершеннолетних, как особого субъекта профилактики носит социально определённый характер. Все меры профилактики, которые проводятся на различных ее уровнях, авторы объединяют в группы. Чистотина О. М. выделяет три группы мер профилактики: «меры, направленные на выявление, недопущение и устранение виктимоопасных ситуаций»; «меры обеспечения личной безопасности потенциальных жертв преступления в случаях возникновения виктимоопасных ситуаций» и «позитивное воздействие на несовершеннолетних, уже становившихся жертвами преступлений». Меры виктимологической профилактики, которые рассмотрены Чистотиной О.Н. можно применять не только к несовершеннолетним, но и к взрослым. Основная мера, по ее мнению, это виктимологическое просвещение.

Виктимологическое просвещение несовершеннолетних можно начинать со школьных программ, к примеру, включать в такие учебники, как Обществознание, Основы безопасности и жизнедеятельности курсы по предостережению от преступного посягательства. Как показывает практика, в учебниках школ не упоминается об обеспечении и безопасности от преступного посягательства подростков, что является более актуальным для несовершеннолетних, чем, к примеру, рекомендации по спасению от стихийных бедствий. Сотрудники учебных заведений, а также правоохранительные органы могут проводить профилактические мероприятия в школах, дошкольных учебных заведениях, что будет содействовать предостережению от преступного посягательства.

Интернет – ресурсы по виктимологической профилактике подростков должны быть понятными и заинтересовывать подростка. Это могут быть анимационные картинки на данных сайтах, разделах сайтов, видеоролики, может быть даже непосредственно общение подростка с реальными специалистами виктимологической профилактики и психологами по видеосвязи, Skype и так далее. Но родители также должны контролировать посещение ребенка сети Интернет, потому что есть сайты, содержание которых приносят вред подростку. Уберечь от этих сайтов поможет установление специальных программ, приложений, которые блокируют не только от сайтов интернет – знакомств,

порнографии, приносящих вред или вовлекаемые в разные действия, но и предоставят список сайтов, которые помогут в развитии несовершеннолетнего.

Заслуживает также внимание широкое распространение сотовых телефонов среди подростков начальных классов, что может являться «приманкой» для преступников. Родителям при приобретении телефона ребенку, стоит разъяснять, что их нельзя оставлять без присмотра, показывать незнакомым людям. Также родители должны принимать участие в конфликтах между подростками, пытаясь адекватно и мирно урегулировать спорную ситуацию, разъясняя несовершеннолетним, как правильно себя вести.

Что относится к третьей группы мер виктимологической профилактики, в которой подростки уже становились жертвами преступлений, то в данной группе необходим особый подход. Такими мерами могут быть оказание психологической помощи по реабилитации от преступного посягательства. Особое внимание должно уделяться латентным жертвам, подверженные преступлению, но не обращающиеся в правоохранительные органы, так как такие жертвы чаще всего подвергаются повторной виктимизации. Представляется, что латентная виктимизация будет снижена, путем проведения просветительных мероприятий, виктимологических опросов в учебных заведениях. Также, не мало важное значение имеет ответственность преступника за совершение преступления.

Восстановление социальной справедливости, как одна из целей уголовного законодательства будет достигнута путем принуждения преступника к возмещению ущерба. Применение правовых средств защиты, способствует доверию потерпевших к правоохранительным органам, а также способствует психологической реабилитации жертв преступлений.[4]

Безусловно, разделение мер виктимологической профилактики на группы является условным, так как все они или каждая в отдельности направлены на предупреждение виктимизации несовершеннолетних. Грамотно построенная реабилитационная и профилактическая работа с несовершеннолетними, содействует росту уровня правосознания подростков, а также, в случае если возникает конфликтная обстановка, подготовит подростков к грамотному поведению в зависимости от обстоятельств.

В литературе встречается иная классификация мер виктимологической профилактики, которая относится как к несовершеннолетним, так и профилактики преступлений в целом, выделяют: общепрофилактические и меры индивидуального воздействия.

К общепрофилактическим мерам Николаева Ю.В. относит: правовое обучение как всего населения в целом, так и несовершеннолетних об их правах и свободах и их защите; изготовление и распространение специальных памяток-предостережений о том, как предотвратить внезапное нападение, избавиться от внезапной агрессии, правильно отказаться от предлагаемого участия в употреблении алкогольных напитков и наркотических веществ, совершении противоправных и преступных действий и т.д.; предостережение населения через СМИ о повышении криминогенности отдельных объектов, об ухудшении криминогенной ситуации в определенных районах города, а также выдача рекомендаций о виктимологически грамотном поведении в сложившихся ситуациях; приближение постов правоохранительных органов к местам наиболее вероятного совершения преступлений в отношении несовершеннолетних; непосредственное наблюдение за лицами, ведущими себя подозрительно в общественных местах, местах массового скопления людей (особенно несовершеннолетних), своевременное вмешательство в виктимогенные ситуации. [1]

К общепрофилактическим мерам преступлений в отношении несовершеннолетних также Фролов М.Г. относит, общие меры, такие как: патрулирование мест, чаще всего на которых совершаются преступления, освещение улиц, парков, подъездов домов и других общественных мест [3] и другие.

Мерами индивидуального воздействия на несовершеннолетних являются убеждение и помощь. Николаева Ю.В. указывает, что Меры убеждения носят комплексный защитно-воспитательный характер: беседы, разъяснения, как не стать жертвой преступления, профилактика виктимного поведения. [1].

Важным направлением индивидуальной профилактики является, по мнению Таюрской Е. А. предотвращение повторной виктимизации потерпевшего [2].

Николаева Ю. В. полагает, что с несовершеннолетними, которые были подвержены преступлению, следует проводить беседы, также с родителями таких несовершеннолетних нужно проводить «работу над ошибками», выявлять причины, которые привели к совершению преступления в отношении несовершеннолетнего, «выявлять направления работы для нейтрализации виктимологически значимых черт личности несовершеннолетнего [1].

Использование индивидуальных или общих мер виктимологической профилактики для несовершеннолетнего, зависит от его виктимности до и после совершения преступления.

Когда поведение несовершеннолетнего было виктимным, то надлежит применять индивидуальные меры профилактики, при невиктимном поведении рациональнее применять общепрофилактические меры.

Список использованных источников:

1. Николаева Ю.В. Виктимологическая профилактика преступлений: объект, субъект, правоотношения / Ю.В Николаева // Административное и муниципальное право. – 2008. – № 6
2. Таюрская Е.А. Виктимологическая характеристика и профилактика дорожно-транспортных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Елена Анатольевна Таюрская. – Иркутск, 2006.
3. Фролов М.Г. Предупреждение насильственных преступлений, совершаемых с внезапно возникшим умыслом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.08 / Фролов Михаил Григорьевич. – Москва, 2006.
4. Чистотина О.Н. Виктимологическая профилактика в системе предупреждения преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних / О.Н. Чистотина // Государство и право. Юридические науки. – 2015. – № 2.

**ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ В 2018 ГОДУ**

© Ю.С. Поворотная

Научный руководитель: И.А. Дамм

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Сибирский федеральный округ – административное формирование в сибирской части России. Включает в себя три республики, два края, пять областей и занимает второе место по размеру территории в Российской Федерации (25,47% от территории РФ) [1].

В течении последних лет для Сибирского Федерального Округа характерна сложная криминологической обстановка: в части регионах наблюдается рост преступности среди особо незащищенной категории – несовершеннолетних. Изучение динамики региональной преступности позволяет выявить факторы, которые влияют на ее состояние, выработать новые формы и методы противодействия преступности среди несовершеннолетних и с учетом этих данных разрабатывать соответствующие программы на уровне каждого из субъектов СФО.

На основании статистики представленной на официальном сайте Генеральной Прокуратуры Российской Федерации [2] можно сделать вывод, что среди субъектов СФО находятся как административные образования с одним

из наиболее низких уровней преступности несовершеннолетних в России, так и субъекты с наиболее высокими показателями. Так, в 2018 году в Республике Алтай был зарегистрирован один из наиболее низких показателей преступности среди несовершеннолетних граждан, в том же году в Иркутской области был зарегистрирован один из самых высоких показателей преступности среди несовершеннолетних.

В Республике Алтай в 2018 году было зарегистрировано 163 преступления совершенных гражданами до 18 лет, что на 1.3% выше чем в предшествующем году. Как уж упоминалось выше, в Республике Алтай зафиксирован один из самых низкий показателей преступности несовершеннолетних на основании абсолютных статистических данных. Однако, как известно, абсолютные статистические данные могут не давать объективную оценку уровня преступности в конкретном регионе, так как они не учитывают плотность населения в данном субъекте. В данной статье мы сравним абсолютные данные и данные полученные в результате вычисления коэффициента интенсивности (это количество зарегистрированных преступлений на 100.000 жителей). Так, в соответствии с коэффициентом интенсивности, в 2018 году на 100.000 жителей было совершено 74 преступления, уровень преступности также повысился по сравнению с 2017 годом (+1.3%).

В 2018 году в Алтайском крае уровень преступности несовершеннолетних снизился на 4.3% по сравнению с 2017 годом (1067 зарегистрированных преступных деяний и 1115 соответственно). На 100.000 жителей было совершено 46 преступлений.

В Иркутской области, одном из лидирующих по уровне преступности несовершеннолетних граждан регионов, в 2018 году было зарегистрировано 1550 противоправных деяний (на 97 меньше чем в 2017 году, -5.9%). Коэффициент интенсивности – 65.

В Кемеровской области, в 2018 году, было зафиксировано 1510 преступлений совершенных гражданами до 18 лет, уровень преступности повысился на +8.2 по сравнению с предыдущим годом. На 100.000 жителей было совершено 56 преступлений.

Не смотря на то, что Новосибирская область – одна из лидеров по количеству населения среди изучаемых субъектов (2.793.389 человек, на основании последних данных), уровень преступности несовершеннолетних в данном регионе один из наиболее низких по СФО. Так, в 2018 году было зарегистрировано 1085 преступлений, что на 31 преступление больше чем в 2017 году (+2.9%). Коэффициент интенсивности в данном регионе – 39.

В Омской области было зарегистрировано 497 преступления, по сравнению с 2017 году уровень преступности несовершеннолетних снизился на 4.8%. На 100.000 жителей было совершено 26 преступлений.

В 2018 году в Томской области уровень преступности несовершеннолетних снизился на 12.8% (один из лидеров среди субъектов СФО) по сравнению с 2017 годом (1222 зарегистрированных преступных деяний и 1316 соответственно). На 100.000 жителей было совершено 113 преступлений.

Особый интерес представляет Республика Тыва, несмотря на то, что в данном регионе зарегистрировано 402 преступления (меньше только в Республике Алтай и Республике Хакасия), на основании коэффициента интенсивности можно сделать вывод, что ситуация в регионе критическая – 124 преступления на 100.000 жителей (всего в данной Республике проживает 324.420 человек).

В Республике Хакасии в 2018 году, было зафиксировано 229 преступлений совершенных гражданами до 18 лет, уровень преступности снизился на - 15% (лидер среди субъектов СФО) по сравнению с предыдущим годом. На 100.000 жителей было совершено 43 преступления.

Особое внимание уделим Красноярскому краю, лидеру по количеству населения среди субъектов Сибирского Федерального Округа: по последним данным, на территории края проживает – 2.874.050 человек. Несмотря на то, что данный регион также является одним из лидеров в рейтинге уровня преступности несовершеннолетних (среди субъектов Российской Федерации), 1222 совершенных преступления в 2018 году, на основании данных полученных в результате вычисления коэффициента интенсивности можно сделать вывод, что в Красноярском крае один из самых низкий уровней преступности несовершеннолетних среди субъектов СФО – 43 (ниже только в Омской области, показатель в Республике Хакасии также равен 43).

Исходя из приведенных выше данных можно сделать вывод, что коэффициент интенсивности дает наиболее точное представление об уровне преступности среди несовершеннолетних в каждом конкретном регионе. Так, регионы занявшие первые места по количеству совершенных преступлений (абсолютные данные) показывают наиболее позитивные результаты при использовании коэффициента интенсивности. Данный факт ярко иллюстрирует ситуация сложившаяся в Республике Тыва: если опираться на абсолютные статистические данные можно сделать вывод, что уровень преступности в регионе достаточно низок, однако коэффициент интенсивности указывает на то, что ситуация в Республике критическая – Тыва абсолютный лидер среди субъектов

Сибирского федерального округа. Ниже приведена сводная таблица данных по регионам СФО.

Регион	Абсолютные данные (2018 г.)	Коэффициент интенсивности (2018 г.)
Республика Алтай	163	74
Алтайский край	1067	46
Иркутская область	1550	65
Кемеровская область	1510	56
Красноярский край	1085	43
Новосибирская область	497	39
Омская область	1222	26
Томская область	402	113
Республика Тыва	229	124
Республика Хакасия	1222	43

Список использованных источников:

1. Официальный сайт полномочного представителя Президента России в Сибирском федеральном округе [Электронный ресурс] – <http://sfo.gov.ru/okrug/>.

2. Генеральная Прокуратура Российской Федерации, портал правовой статистики [Электронный ресурс] – http://crimestat.ru/regions_chart_total/.

**ОГРАНИЧЕНИЕ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ
ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ НЕПЕНИТЕНЦИАРНОГО РЕЖИМА
С УЧЕТОМ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ОСУЖДЕННЫХ**

© З.Р. Рахматулин, канд. юрид. наук
Сибирский юридический институт МВД России

В соответствии с ч.1 ст. 20 УИК РФ суд контролирует исполнение наказаний при решении вопросов, подлежащих рассмотрению судом при

исполнении приговора в соответствии с Уголовно-процессуальным законом Российской Федерации. Эти вопросы должны быть более подробно изучены под разными углами. Так, П.В. Тепляшин обоснованно указывает, что «конституционные положения о признании высшей ценностью для государства и общества прав и свобод человека и гражданина обуславливают обязанность судов обеспечить соблюдение и защиту прав и свобод лиц, отбывающих уголовные наказания. Именно судебный компонент занимает особое место в механизме обеспечения правового положения осужденных» [3, с. 60].

Рассмотрим такой сегмент судебного контроля как судебское усмотрение при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, и иных мер уголовно-правового характера. Отметим, что при исполнении приговора судебское усмотрение имеет место при поступлении от уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ) представления о дополнении, корректировке ограничений и обязанностей, возложенных приговором суда (ограничение свободы, условное осуждение), и продлении испытательного срока (при условном осуждении), а также при решении вопроса о замене наказания на более строгое.

Проведенное нами исследование осужденных к ограничению свободы, условно-осужденных в Красноярском крае в период с 2010-2018 год, (всего изучено 438 личных дел осужденных к ограничению свободы и 397 условно) свидетельствует о том, что ограничения и обязанности, применяемые к осужденным, играют свою позитивную роль, поскольку уровень пенального криминологического рецидива составляет 5 %, у условно осужденных 8,2 %. Уровень постпенального равен 25,6 % у осужденных к ограничению свободы, 38 % у условно осужденных. Наиболее высоким криминологический рецидив (как в период нахождения на учете, так и в течение двух лет после снятия с учета) являлся среди лиц, осужденных по ст.ст. 158, 166, 228 УК РФ). Отметим, что эти вопросы были также в поле зрения Н.В. Ольховика и Л.М. Прокументова, ими была рассмотрена, в том числе и структура рецидивной преступности осужденных, отбывающих исправительные работы, обязательные работы, запрет занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, условное осуждение, отсрочку отбывания наказания.

Л.М. Прокументов, Н.В. Ольховик отмечают, что среди осужденных к обязательным работам наиболее криминогенными оказались лица, отбывающие наказание за кражи и мошенничества [1, с. 103]. Среди виновных к исправительным работам наиболее рецидивоопасны лица по ст. 157 УК РФ (31 %), 27,5 % – кражи, 4 % – 228 и 228¹ УК РФ. Среди условно осужденных наиболее

криминогенная категория – это лица, совершившие преступления против собственности – 67,5 % [1, с. 107, 112].

Дополняют эту картину сведения о том, что большинство лиц, которые совершили преступления в период нахождения на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, обладали негативными характеристиками. В сравнении с основным контингентом среди них преобладают не работающие, злоупотребляющие спиртными напитками, не занимающиеся общественно-полезной деятельностью.

Таким образом, эти вопросы должны учитываться судом при установлении дополнительных ограничений и обязанностей, а также при решении вопроса о замене наказания на более строгое.

Отметим, что деятельность по применению дополнительных ограничений является востребованной в практической деятельности. Установлено, что суды Красноярского края, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Томской областей, рассматривая уголовные дела по существу, при вынесении приговора применили одно дополнительное ограничение к 4,8 % лиц, два и более к 21,4 %, у условно осужденных данная картина во многом аналогична. А в период отбывания наказания почти 50 % лиц, состоящих на учетах в уголовно-исполнительных инспекциях, обременены дополнительным кругом запретов. Следовательно, использование данной нормы является частым. Однако судьи не всегда идут навстречу УИИ. Так, при ограничении свободы и условном осуждении 15 % представлений не было удовлетворено. Цифра в какой-то мере не является значительной, но все-таки следует уделить ей внимание, поскольку такие решения, на наш взгляд, не всегда обоснованы. Преимущественно у судов отсутствуют явные ориентиры в этом вопросе, а в основе их решения должны быть данные о личностных характеристиках осужденных.

Также немаловажны аспекты судебского усмотрения, связанные с заменой наказаний без изоляции от общества. Статистические данные свидетельствуют о том, что показатель удовлетворения инспекций представлений о замене наказания не так высок. Так, при ограничении свободы, по нашим данным, представления удовлетворялись только в 64 % случаях. Поэтому возникает необходимость в лимитировании этой деятельности, посредством установления определенных пределов, с помощью норм права и судебной практики [2, с. 119]. Думается, что при реализации вопросов замены наказания на более строгое приоритет за вторым источником.

В связи с этим в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» должны фигурировать следующие

изменения, а именно: необходимо предусмотреть п. 16.¹, изложив его так: «Замена исправительных работ должна в обязательном порядке осуществляться в отношении осужденных за кражи и мошенничества в случае если они нарушают требования трудовой дисциплины, злоупотребляют спиртными напитками, страдают от наркотической зависимости, не следят за семьей в течение срока отбывания наказания». В этом же пункте постановления необходимо отразить, что «При разрешении вопросов о замене исправительных работ в порядке, установленном уголовным законодательством, следует внимательно изучить поведение лица во время отбывания наказания. Особое внимание следует обращать на поведение лиц, отбывающих наказание за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, кражи, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ». Также рекомендуется предусмотреть в п. 19¹ следующее правило: «В случае совершения нарушений порядка и условий отбывания ограничения свободы со стороны осужденных, отбывающих наказание по ст.ст. 158, 166, 228 УК РФ, дополнительные ограничения должны устанавливаться в обязательном порядке. Их не установление должно являться исключительным и может быть связано с определенными жизненными обстоятельствами осужденного. Если они могут препятствовать трудоустройству осужденного, нормальному осуществлению трудовой деятельности или учебы.

Замена ограничения свободы в порядке ч. 5 ст. 53 УК РФ в обязательном порядке должна осуществляться в отношении осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, кражи, угоны, в случае, если они не работают, не учатся, злоупотребляют спиртными напитками, страдают от наркотической зависимости, ведут аморальный образ жизни».

Кроме того, п. 63¹ данного постановления необходимо дополнить следующей формулировкой: «В случае выявления нарушений среди условно осужденных за преступления против собственности, дополнительные ограничения должны устанавливаться в обязательном порядке. Их не установление должно являться исключительным, и может быть связано с определенными жизненными обстоятельствами лица. Если они могут препятствовать трудоустройству осужденного, нормальному осуществлению трудовой деятельности, учебе, опеки за семьей, родными и близкими.

Отмена условного осуждения при уклонении лица от исполнения возложенных на него обязанностей в обязательном порядке должна осуществляться в отношении осужденных за преступления против собственности (кражи, грабежи, разбои), в случае если они не работают, не учатся, злоупотребляют спиртными напитками, страдают от наркотической зависимости, не

содержат семью, детей, не оказывают помощь нуждающимся родственникам».

Таким образом, судебное усмотрение в уголовно-исполнительном праве при реализации наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, в определенных случаях играет ключевую роль и может позитивно или негативно сказываться на уровне рецидива среди различных категорий виновных. Безусловно, должны быть предприняты попытки по его ограничению с учетом индивидуального криминологического прогноза поведения различных категорий осужденных.

Список использованных источников:

1. Ольховик Н.В., Прокументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2009. – 160 с.
2. Погорелова Н.С. Судейское усмотрение в производстве по делам об административных правонарушениях: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2005. 173 с.
3. Тепляшин П.В. Перспективы расширения судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 60-62.

ПРОБЛЕМЫ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ВОСПИТАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

© К.П. Рощина

Научный руководитель: И.А. Дамм

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Антикоррупционное воспитание как система деятельности образовательной организации в настоящее время осуществляется в контексте следующих направлений:

- формирование знаний о коррупции, ее исторических корнях и формах, особенностях проявления и негативных, разрушающих последствиях в различных сферах жизнедеятельности государства, общества, человека с учетом возрастных особенностей обучающихся;

- формирование необходимых для правомерного поведения компетенций: умений распознавать коррупцию как социально- юридическое явление, навыков критического анализа и личностной оценки материалов, связанных с

коррупционными явлениями и борьбы с коррупцией в социальной практике, в деятельности государственных и общественных организаций;

- формирование психо-эмоционального неприятия неправомерного, в том числе коррупционного поведения [1, с. 3].

Одна из проблем антикоррупционного воспитания немотивированность детей получать новые знания. «Процент тех, кто ходит в школу учиться, удручающе мал. Конечно, если есть чудо-педагог, который смог заинтересовать своим предметом, увлечь чем-то, стимулировать интерес и стремление к знаниям в какой-то области, — таких детей больше. Но мало кому так везет» [4].

Обучающиеся в школах несовершеннолетние недооценивают серьезность и сложность проблемы коррупции. Это связано с тем, что школьная программа без того загружена и такие глобальные и сложные проблемы как «коррупция» редко воспринимаются обучающимися в полной мере. Сложно представить, что школьник будет полностью осваивать программу по антикоррупционному воспитанию, когда он не может освоить общие школьные предметы. Так, В.Л. Васильев отмечает, что «школа принимает эстафету от родителей и детского сада. Процесс обучения и воспитания в ней в настоящее время не способствует творческой активности. Это проявляется в учебных программах и в общей атмосфере, ориентированной на воспитание пассивности, исполнительности» [2, с. 378].

Для того, чтобы восполнить такой пробел и привлечь внимание школьников, антикоррупционные программы следует преподавать как составную часть правового, духовно-нравственного воспитания, а также исходить из представлений детей о таких понятиях, как «честность», «порядочность», «правдивость», «справедливость», «ответственность», «долг», «правила» и противоположных им понятий – «ложь», «коррупция», «проступок», «преступление». Необходимо постепенно расширять первоначальные детские представления, накапливать у обучающихся новые знания о правилах поведения в социуме, а также формировать сознательное отношение к соблюдению таких правил.

Для реализации первостепенных задач антикоррупционного воспитания несовершеннолетних, работникам образовательных учреждений необходимо производить разделение несовершеннолетних обучающихся на разные возрастные категории, поскольку разные методические рекомендации будут эффективны только при их правильном применении. «В данном аспекте справедливо задают вопрос о том, во сколько лет необходимо начинать антикоррупционное воспитание и конкретно на какую возрастную категорию направлены те или иные разработанные методические рекомендации, а также, что

не менее важно, как организовать эту работу? Выделить тему коррупции из контекста жизни в стране в детской аудитории затруднительно. В настоящее время почти отсутствуют специалисты, которые готовы жертвовать свое время на проведение воспитательных бесед с детьми, не хватает и материала, который был бы наработан и готов к применению, адаптирован под нынешнее жесткое общество, в том числе подростковую среду» [3].

Для действительно эффективного результата образовательным учреждениям нужны специально обученные и образованные педагоги, которые убеждены в необходимости антикоррупционного поведения и способны творчески и инициативно проводить игры, семинары, ученические конференции и другие виды антикоррупционного обучения. Здесь очень важны наличие у педагога артистических способностей, гипнотическое воздействие на слушателей, владение психотехниками словесного воздействия на детей. К сожалению, педагоги, желающие работать в таком направлении, являются большой редкостью в связи со сложностью предмета и трудным его восприятием со стороны детей.

Необходимо искать такие методы обучения школьников, которые способны вызвать и поддержать интерес к предмету. В любом случае, следует поддерживать и внедрять различные образовательные программы, направленные на антикоррупционное воспитание несовершеннолетних в общеобразовательных учреждениях, в учреждения начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования, а также искать метод их наилучшего преподавания.

Таким образом, для плодотворной реализации антикоррупционной политики учителям и педагогам следует акцентировать внимание на следующих целях антикоррупционного воспитания:

- информирование обучающихся о явлении коррупции;
- воспитывать ценностные установки и развивать способности, необходимые для формирования у молодых людей гражданской позиции в отношении коррупции;
- воспитание нетерпимого отношения к коррупции;
- развитие мотивации антикоррупционного поведения;
- формирование навыков уверенного поведения и корректировка отношения обучающихся к проблемам коррупции.

В школьную программу можно внедрять несколько методов антикоррупционного воспитания. Следует внести дополнения, связанные с понятием, происхождением и последствием коррупции, в школьную программу и факультативную деятельность. Выявляя эффективность школьных

антикоррупционных программ, следует изучить аспекты, которым уделяется недостаточно внимания, и в связи с результатом уже вносить дополнения в уже существующие программы школьных предметов.

Для реализации первостепенных задач антикоррупционного воспитания несовершеннолетних, образовательным учреждениям необходимо производить разделение несовершеннолетних обучающихся на разные возрастные категории, поскольку эффективность тех или иных методических рекомендаций будет только при их правильном применении.

Многоликость коррупции сопровождается ее крайне негативным, тлетворным, разрушающим влиянием на государство, общество, граждан. Этим определяется необходимость, значение системной антикоррупционной деятельности, частью которой является антикоррупционное воспитание обучающихся в общеобразовательных организациях [2, с. 35]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что антикоррупционное воспитание несовершеннолетних находится на начальной ступени развития, вырабатываются методические рекомендации, образовательные программы, способствующие развитию нетерпимости у детей к такому негативному явлению как коррупция. Однако, проблемы антикоррупционного воспитания остаются, поскольку искоренение того или иного процесса занимает продолжительный промежуток времени, и учитывая тот факт, что Федеральный закон «О противодействии коррупции» был принят в декабре 2008 года.

Список используемых источников:

1. Баконис, Э. Антикоррупционное воспитание в школе: методическое пособие для общеобразовательных и высших учебных заведений / Э. Баконис, В. Вайцекаускене, Д. Пянкаускене. – Литва: Центр современных дидактик, 2006. – 312 с.
2. Васильев, В.Л. Юридическая психология : учебник / В.Л. Васильев. – СПб. : Питер, 2009. – 608 с.
3. Еацалов, Р.Р. Антикоррупционное воспитание молодежи: проблемы формирования российской модели. Правоохранительная система России: состояние и перспективы развития : сборник материалов Международной научно – практической конференции / Р.Р. Еацалов. – СПб. : Издательство Санкт- Петербургского университета управления и экономики, 2014. – 358 с.
4. Калинина, Ю.А. Почему дети не хотят учиться [Электронный ресурс] / Ю. А. Калинина // Московский комсомолец. – 2015. – № 26840.

**СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ
В КОРРЕКЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЗАПУЩЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ**

© В.А. Сухоносова

Научный руководитель: В.И. Рузанов

канд. филос. наук

Сибирский федеральный университет

Педагогическая запущенность несовершеннолетних является одной из основных причин асоциального поведения и различных форм девиации, поэтому работа по профилактике и коррекции данного явления напрямую способна снизить уровень социальной напряжённости в школьной среде.

В педагогическом словаре под редакцией И.А. Кирова педагогическая запущенность – это отклонение от нормы в поведении личности, обусловленное недостатками воспитания [5]. Таким образом, системообразующим признаком, определяющим педагогическую запущенность, является отклонение от нормы поведения ребёнка, обусловленное просчётами в воспитании родителей и учителей.

По мнению С.С. Гиля, педагогическая запущенность – это неразвитость, необразованность, невоспитанность ребенка, отставание его развития от собственных возможностей, требований возраста, вызванное педагогическими причинами [2]. Исходя из данного понятия, педагогическая запущенность – это не только отклонение от нормы поведения, но и отставание от собственных возможностей ребёнка, то есть, зона актуального развития ребёнка не соответствует его возрасту и ситуации взросления. Гиль также отмечает обусловленность педагогической запущенности более широким понятием, чем воспитание, педагогическими причинами, под которыми в данном случае следует понимать помимо воспитания успеваемость и ситуацию общения с учителями.

Педагогическая запущенность, по мнению Р.В. Овчаровой, проявляется в том, что ребенок может иметь низкий уровень развития учебно-познавательной, игровой, трудовой и других видов деятельности, причиной чего являются недостатки в организации образовательного процесса [4]. Овчарова выделяет такие обуславливающие педагогическую запущенность факторы как недостатки в организации образовательного процесса, то есть, фактически перекладывает ответственность с родительского воспитания на школьное. Таким образом, по мнению автора, педагогическая запущенность формируется вне семьи, однако, перечисленные виды деятельности ребёнка берут своё начало в семейной ситуации развития.

Таким образом, точки зрения авторов о причинах педагогической запущенности разнятся, некоторые авторы акцентируют внимание на том, что педагогическая запущенность берёт начало в семье, другие же говорят о том, что виной всему школьное воспитание, неумение педагогов найти подход к ребёнку и, как следствие, протестные реакции, позднее трактующиеся как педагогическая запущенность. Однако, неправильно будет сказать, что семья не основополагающее звено в развитии педагогической запущенности, поскольку основы воспитания закладываются именно в семье. Но чаще всего родители, допустившие педагогическую запущенность своих детей, перекладывают ответственность по её коррекции на образовательные учреждения.

В школах с детьми и подростками с педагогической запущенностью работают в основном психологи и социальные педагоги, но, поскольку психолог не в праве принудительно оказывать свою помощь и работает по запросу от родителей, учителей или самого ребёнка, чаще всего такие обучающиеся являются клиентами социальных педагогов. Так, например, в МБОУ «СОШ №3 им. Героя Советского союза Т.Б. Кечил-оола» социальными педагогами проводятся индивидуальные консультационные занятия для детей, составляющих группу риска, и их родителей. Немаловажную роль в данной школе играют учителя-предметники и классные руководители обучающихся с педагогической запущенностью и отклонениями в поведении, они организуют дополнительные занятия – консультации по предметам, по которым тот или иной ребёнок не успевает по каким-либо причинам, а также ведут активную работу по включению неблагополучных детей в общественную жизнь, что способствует осознанию ребёнком своей значимости и увеличивает его уровень ответственности. Однако, несмотря на все используемые в школе методы по коррекции нежелательных форм поведения, данное общеобразовательное учреждение всё равно значительно превосходит учреждения других типов (гимназии, лицей) по некоторым неблагоприятным явлениям. Поскольку следствиями педагогической запущенности являются неуспеваемость, пропуски занятий без уважительных причин, нарушение дисциплины, рассмотрим сравнение средней общеобразовательной школы, гимназии и лицея по данным показателям.

Всего обучающихся в возрасте от 12 до 18 лет в каждом из учреждений: лицей – 1042, гимназия – 1420, СОШ – 996.

Таким образом, можно сделать вывод, что по трём из четырёх показателей СОШ превосходит другие два типа учреждений. Следовательно, необходимо менять подход к работе с педагогически запущенными обучающимися. Самой верной технологией работы с такими обучающимися в рамках работы социального педагога является социально-педагогическое сопровождение.

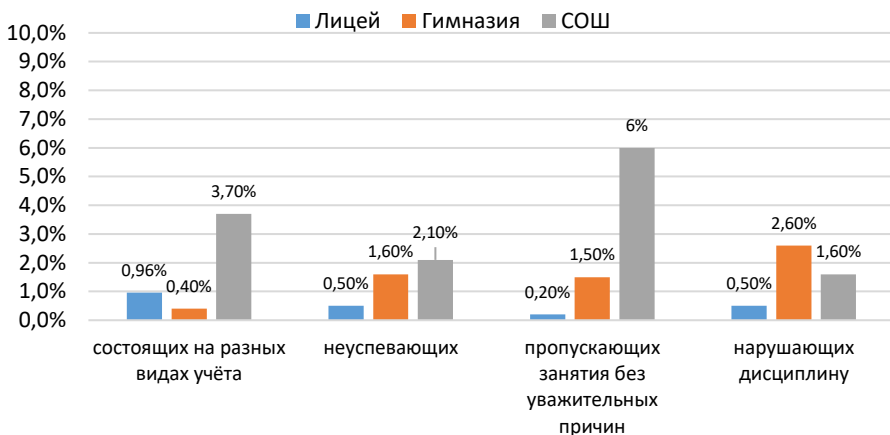

Рисунок 1. Распределение нежелательных форм поведения по видам учреждений среднего образования г. Кызыла

О сущности технологии социально-педагогического сопровождения размышляли многие авторы, однако, в основном их размышления были направлены на сопровождение обучающихся с ограниченными возможностями здоровья или оставшимися без попечения родителей. Однако, Т.Е. Быковская рассматривала понятие социально-педагогического сопровождения применительно к «трудным» подросткам. Несмотря на то, что педагогически запущенный не равно «трудный», рассмотрим данное понятие.

Социально-педагогическое сопровождение по Т.Е. Быковской – тип педагогической деятельности, которая состоит в превентивном научении ребенка самостоятельно планировать свой жизненный путь и образовательный маршрут, организовывать жизнедеятельность, а также в перманентной готовности взрослого адекватно отреагировать на ситуации эмоционального дискомфорта растущего человека [1]. То есть, суть социально-педагогического сопровождения подростков с любыми отклонениями в поведении, включая педагогическую запущенность, заключается в том, что педагог или любой работающий с ребёнком специалист должен направить его на путь исправления, помочь выбрать верную жизненную стратегию, не допустить асоциального поведения со стороны ребёнка. Немаловажным является также тот факт, что на протяжении всего социально-педагогического сопровождения специалист должен работать и со значимым для подростка взрослым, чтобы он был готов

подстроиться под изменения в поведении ребёнка в любой момент, поскольку, исправляя подростка в отрыве от семьи, невозможно добиться успеха.

Для начала процесса социально-педагогического сопровождения специалисту необходимо установить доверительные отношения с подростком, поскольку, особенности возраста не дают подростку слепо доверять взрослому человеку, так как даже авторитет взрослых к этому возрасту уходит на второй план. Выстроить индивидуальную ситуацию «подросток – педагог» на данном этапе очень важно, но ещё важнее держать эту ситуацию до завершения процесса сопровождения.

Помимо индивидуальной ситуации взаимодействия «подросток – педагог», которая ориентирована непосредственно на моделирование новой жизненной стратегии и преобразование в неё имеющейся, анализ, оценку и прогноз трудностей, которые делают ребёнка жизнестойким в системе сложившихся отношений [3], существуют также посреднические ситуации «подросток – педагог – значимые люди». Такие посреднические ситуации ориентированы на анализ, оценку и прогнозирование отношений подростка с людьми из его ближайшего социального окружения [3], к таковым могут относиться родители, другие значимые для подростка люди. В рамках посреднической ситуации специалист должен совместно с подростком проработать способы по оздоровлению отношений с каждым из значимых для подростка людей. Совместно с социальным педагогом подросток преодолеет риски в системе межличностных отношений, восстановит доверие к окружающим его людям. Однако, не в каждой такой посреднической ситуации социальный педагог в силах перестроить отношения со стороны значимых людей. Если отношения с кем-то из друзей подростка не удаётся перестроить в рамках сопровождения, то социальный педагог идёт по пути расширения жизненного пространства подростка, его социальных отношений, а также спектра видов деятельности [3]. Например, педагог может посоветовать подростку посещение какого-либо кружка или секции с целью расширения социальных связей, и приобретения новых навыков.

Таким образом, социально-педагогическое сопровождение комплексно разрешает сложившуюся вокруг подростка негативную ситуацию и помогает ему решить проблему педагогической запущенности. Итогом процесса социально-педагогического сопровождения является новая, социально одобряемая модель будущего подростка вне негативной ситуации.

Список использованных источников:

1. Быковская Т.Е. Социально-педагогическое сопровождение подростка с девиантным поведением в условиях образовательного учреждения // Социально-педагогическая поддержка ребенка : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. В. Иванова. М.: АПКиППРО, 2009. С. 280-286.
2. Гиль С.С. Актуальные направления социально-педагогической деятельности в общеобразовательных учреждениях. – Омск, 1996. – 103 с.
3. «Культурный шок» и социально-педагогическое сопровождение подростков за границей. Теория и практика : монография / под ред. С.А. Расчетиной, В.Э. Зюсса. – СПб. : изд-во «Росток», 2010. – 264 с.
4. Овчарова Р.В. Ранняя профилактика и коррекция социально-педагогической запущенности детей : автореф. дисс. ... д-ра психол. наук: 19.00.07 / Овчарова Раиса Викторовна. – Москва: ИРЛ РАО, 1995. – 22 с.
5. Педагогический словарь / под общ. ред. И.А. Кирова, Н.К. Гончарова. – Москва, 1997. – 650 с.

**НЕОБХОДИМОСТЬ И ОСОБОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ В СИСТЕМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

© А.О. Усенко

Научный руководитель: Н.В. Щедрин

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Традиционно, в криминологической науке и на практике основным объектом изучения особенностей личности является тот, кто нарушил уголовный закон – преступник, потерпевшей же стороне остаётся второстепенный интерес, что далеко не всегда является правильным. Нередко поведение самой жертвы провоцирует совершение в отношении неё преступления. Изучение детерминант преступности в отношении несовершеннолетних позволяет сделать заключение, что подобным жертвам иногда присущи виктимогенные девиации, изучение которых сможет помочь в профилактике преступности в целом [5, с. 10]. Обязательность всестороннего изучения личности как преступника, так и жертвы, установление их реальных взаимоотношений на момент совершения преступления, позволит прежде всего правильно

квалифицировать произошедшее, дать правильную оценку этому, а в последующем, справедливо и соразмерно установить ответственность виновного.

По официальным статистическим сведениям, в России с начала 2019 года по февраль уже зарегистрировано 5,5 тысяч несовершеннолетних, совершивших преступления [4]. Количество несовершеннолетних жертв имеет тенденцию роста, только за 2018 год было возбуждено около 16 тысяч уголовных дел о преступлениях против несовершеннолетних, при этом, статистика не учитывает ещё немалое количество жертв пострадавших от латентных преступлений. Сложившаяся картина на сегодняшний день, очевидно свидетельствует о мало эффективности практики предупреждения преступности, что в свою очередь способствует всё новому научному поиску дополнительных мер профилактики. Именно это диктует необходимость постоянного виктимологического мониторинга, а также разработку более актуальных научных концепций для результативного воздействия на предупреждение преступности в целом.

Специфика процесса виктимизации во многом определяется процессом воспитания, личными особенностями, психологическими и другими, свойственными детскому и подростковому возрасту. Эти свойства объединяется и трансформируется в две прямо противоположные тенденции, влияющие на личность несовершеннолетнего: либо благоприятно, способствуя становлению его положительных качеств и правовую культуру, либо наоборот, делают его уязвимым к внешним условиям и ситуациям криминогенного характера. Для многих подростков негативная сторона этого противоречия включает особенности, имеющие виктимологическое значение: внушаемость, доверчивость, жажду приключений, любопытство и другие. Всё указанное делает эту возрастную группу повышено виктимной – то есть её представители предрасположены при определенных условиях стать жертвой преступлений, особенно со стороны взрослых лиц [1, с. 76]. Таким образом, такая профилактика среди несовершеннолетних с одной стороны, представляет собой важную составную часть общей системы по предупреждению преступности в целом, а с другой – неотъемлемую часть работы по воспитанию подрастающего поколения в нынешней реальности. Именно поэтому некоторое наблюдение за становлением личности ребёнка просто необходимо, чтобы в случае каких-либо отклонений или иных тревожных моментов, была возможна своевременная корректировка со стороны, которая поможет несовершеннолетнему вернуться к нормальному здоровому взрослению. И это, вместе с традиционной профилактикой, виктимологическая делает предупредительную деятельность логически завершённой [2].

Также, следует помнить, что виктимологическое предупреждение преступности является одним из наиболее гуманных и перспективных методов, которые строятся на принципах охраны и защиты прав и интересов несовершеннолетних. Занимаются предупреждением разном ведомственные учреждения по оказанию социально-правовой, психологической, педагогической и медицинской помощи детям и семьям. Более того, такое предупреждение не требует серьёзных материальных затрат и, базируясь на присущем всем людям стремлении к самозащите, обладает внутренним источником развития [3, с. 21].

Резюмируя, можно сказать что виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних многогранна: во-первых, она является неотъемлемым элементом системы предупреждения преступности в целом, во-вторых, её специфическая деятельность направлена на снижение индивидуальной и массовой виктимности несовершеннолетних посредством устранения негативных виктимных предрасположенностей, активации защитительных возможностей потенциальных жертв преступлений и обеспечения их безопасности, а также на совершенствование мер виктимологического характера [6, с. 41].

Список использованных источников:

1. Борисова, А.А. Виктимологические аспекты профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних / А.А. Борисова // Вестник МИЭП. – 2015. – №4. – С. 75-80.
2. Криминология: учеб. для вузов/ под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 1997. – 912 с.
3. Майоров, А.В. Виктимологическая профилактика в отношении несовершеннолетних / А.В. Майоров // Правопорядок: Истрия, теория, практика. – 2013. – №1. – С. 20-23.
4. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://crimestat.ru/>
5. Савельев, А.И. Виктимизация несовершеннолетних. Проблемы теории и практики предупреждения и минимизации : монография / А.И. Савельев. – Омск: Омская академия МВД России, 2014. – 164 с.
6. Степанова М.А. Виктимологическая характеристика и профилактика преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних / М.А. Степанова // Наука, теория, практика: Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – № 4. – С. 39-43.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ИГРА США: СТАТУС ГОЛАНСКИХ ВЫСОТ

© О.О. Иванова

Научный руководитель: Ю.И. Дзись

канд. полит. наук

Сибирский федеральный университет

В международном праве, в соответствии с принципами суверенитета, неприкосновенности и нерушимости государственных границ, запрещается любое насильственное приобретение. В Парижском договоре 1928 г. и в Уставе ООН закреплён запрет на аннексию. Под аннексией понимают противоправное присоединение территории одного государства к другому. Хотя насильственное приобретение запрещено, оно все также встречается в современном мире. Так, 25 марта 2019 года Дональд Трамп подписал декларацию, в которой признавал суверенитет Израиля над Голанскими высотами.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что это событие влияет не только непосредственно на Ближневосточный регион, но и на события и процессы, происходящие в мире в целом.

Новизна работы состоит в попытке проанализировать возможное развитие ситуации в регионе и оценить действия США с точки зрения международного права.

Напомним, что Голанские высоты долгое время являются спорной территорией в регионе Ближнего Востока. До 1967 г. эти территории являлись частью сирийской провинции Кунейтра, но были захвачены Израилем в ходе Шестидневной войны. В настоящее время большая часть территории находится под контролем евреев. 14 декабря 1981 года Кнессет Израиля принял «Закон о Голанских высотах» [1]. В данном документе закреплялась юрисдикция Израиля на территории Голан. В ответ на решение израильского кнессета об аннексии территории, принадлежащей государству члену ООН – Сирии, Совет Безопасности ООН принял резолюцию от 17 декабря 1981 г № 497. В данной резолюции говорится, что аннексия Израиля в ходе военных действий является «недействительной и не имеющей международной юридической силы» [2].

Также следует сказать о том, что первоначально евреи считали Голаны залогом заключения мирного договора. Предложение, высказанное лидером Израиля Давидом Бен Гурионом, было отклонено. На саммите в Хартуме 1 сентября 1967 года Лига арабских государств провозгласила свои знаменитые «три нет»: нет миру с Израилем, нет переговорам с Израилем, нет признанию

Израиля. Тем самым «залог» превратился в долгосрочный оборонительный ресурс для еврейского государства. Сейчас значение этой территории заметно возросло. Во-первых, это связано с военным аспектом. Так как с горного плато открывается почти половина Израиля, что значительно может подорвать обороноспособность государства. Во-вторых, примерно 30 % пресной воды сосредоточено на Голанских высотах. Если данная территория перейдет под контроль к Сирии, то это приведет к нехватке пресной воды и экологической катастрофе в еврейском государстве. В-третьих, израильские ученые и политики говорят, что горное плато является исторической территорией государства и принадлежит Израилю. В то время как передача Сирии этих высот в 1923 году была незаконной [3].

До настоящего времени международное сообщество рассматривало приобретение этой территории и строительство на ней поселений как оккупацию и говорило о том, что такими действиями еврейское государство нарушает нормы международного права. Положение заметно изменилось после того как Дональд Трамп 25 марта подписал декларацию о признании Голанских высот частью Израиля. Причину своих действий президент США аргументирует тем, что данные территории необходимы для защиты еврейского государства, так как потенциальная угроза исходит от Сирии и террористических группировок поэтому, чтобы сохранить обороноспособность Израиля, мировое сообщество должно признать его юрисдикцию на Голанских высотах [4].

Данное событие не смогло остаться незамеченным мировым сообществом. Позиция ООН основывается на рассмотрении Голанских высот как территории, принадлежащей Сирии. Ряд государств мира также признали действия Трампа неправомерными, исключения составляют лишь государства Латинской Америки [5]. Мировое сообщество осуждает действия президента США и говорит о том, что Трамп показывает свое полное пренебрежение к нормам международного права. Последствиями такой политики США могут стать не только новые волнения на Ближнем Востоке, но и слом системы международного права в целом. По словам президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, заявления США о необходимости признать суверенитет Израиля над Голанскими высотами может спровоцировать новый политический кризис в Ближневосточном регионе. Президент России Владимир Путин на заседании с членами Совета безопасности РФ напомнил, что ситуация на Ближнем Востоке является сложной, и страны, участвующие в ее урегулировании, не должны провоцировать участников конфликта. Директор департамента информации и печати Министерства иностранных дел Мария Захарова подчеркнула роль мирового сообщества в разрешении конфликтов на Ближнем

Востоке. Дипломат заявила, что усугубление уже существующих конфликтов является «безответственным», особенно в формате таких провокационных заявлений. В МИД Сирии после действий Трампа назвали США главным врагом арабских стран. Ранее своё негативное отношение к признанию Соединёнными Штатами Голан израильской территорией, помимо вышеназванных государств выразили Иран, Саудовская Аравия, Лига арабских государств, Евросоюз, Канада и Великобритания.

Однако как заявил руководитель Центра российско-американских отношений Института США и Канады РАН Павел Подлесный, «администрация Трампа плевать на реакцию МИД арабских стран и даже своих союзников. Если Евросоюз будет критиковать передачу суверенитета Израилю над горным плато – пусть. Хозяин Белого дома считает, что сейчас удачный момент для осуществления этой акции, вслед за признанием Иерусалима столицей Израйля» [6]. Такими действиями, как говорит исследователь, Трамп пытается компенсировать неудачи в Сирии, а также показать России, что она не всемогуща в данном регионе. К этому можно также добавить стремление Трампа завоевать поддержку мощнейшего еврейского лобби и оказать поддержку Нетаньяху.

Главный вопрос, который стоит на мировой повестке дня сегодня, это то, как признание США суверенитета Израйля над Голанскими высотами повлияет на обстановку на Ближнем Востоке и в мире в целом. Во-первых, с уверенностью можно сказать, что политика Трампа не найдет поддержки мирового сообщества. Во-вторых, и это очевидно, больше всего эта ситуация повлияет непосредственно на регион. Примером могут послужить действия Трампа в декабре 2017 года, когда он объявил о признании Иерусалима столицей Израйля и переносе американского посольства, что вызвало столкновения между Палестиной и еврейским государством. Нынешнее решение Трампа ожидается столкнется с аналогичной реакцией, только конфликт уже будет между Израйлем и Сирией. А учитывая факт наличия у Израйля ядерного оружия, можно с уверенностью сказать, что это поставит государства на грань ядерной войны. Возникает вопрос: "Для чего Трамп намеренно обостряет ситуацию на Ближнем Востоке?" Ответ на этот вопрос дает Госсекретарь США Майк Помпео, который в интервью британскому телевизионному каналу Sky News заявил следующее: "Здесь нет нарушения резолюции Совета Безопасности. Это глубоко соответствует реальности на местах, фактам на местах. То, что мы хотим для всего Ближнего Востока, или, по крайней мере, от всей моей поездки, которая началась в Кувейте, а затем продолжилась в Израйле и в Ливане, – это работа на стабильность на Ближнем Востоке. Америка – сила добра в регионе.

Наши намерения благородны" [7]. Таким образом, очевидно, что это обострение ситуации на Ближнем Востоке – это очередная попытка США установить свое влияние в регионе.

Однако, существует и противоположное мнение. В частности, эксперты обращают внимание на тот факт, что решение Трампа не меняет статус-кво в регионе. Дело в том, что Голаны и до принятия решения фактически находились под контролем Израиля. Кроме того, Россия не будет вносить никаких резолюций в Совет Безопасности ООН, не будет антагонизировать Б. Нетаньяху, в политическом отношении премьер-министр Израиля нужен России как инструмент влияния на администрацию Д. Трампа. И еще один важный момент. Ряд экспертов полагает, что и в отношении Палестины, и в отношении Сирии Д. Трамп реализует единственную возможную формулу арабо-израильского примирения – принуждение арабов к статус-кво, легитимизацию существующего и фактического статус-кво в регионе.

Таким образом, очевидно, что в обозримой перспективе Ближний Восток будет привлекать к себе все больше внимания, являясь ареной противоборства ведущих мировых держав. Однако вся эта ситуация заставляет нас задуматься еще об одной немаловажной проблеме – проблеме функционирования системы международного права. Действуя в обход резолюции Совета Безопасности ООН, США фактически пытаются сломать эту систему. Иными словами, действующая система международного права меняется. История неумолимо свидетельствует о том, что система международного права всегда меняется в результате крупных и, как правило, кровопролитных конфликтов. Поэтому задача мирового сообщества сегодня – отсрочить этот процесс слома международной системы, выработав адекватные меры реагирования на подобного рода события.

Список использованных источников:

1. Golan Heights Law [Электронный ресурс]: Golan Heights Law by 14.12.1981. // Israel Ministry of Foreign Affairs. – Режим доступа: <https://mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/golan%20heights%20law.aspx>.
2. Положение на оккупированных арабских территориях: письмо Постоянного представителя Сирийской Арабской Республики при ООН от 14 декабря 1981 года на имя Председателя Совета Безопасности [Электронный ресурс]: резолюция от 17.12.1981. // Совет Безопасности ООН. – Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/497\(1981\)](https://undocs.org/ru/S/RES/497(1981)).
3. Голанские высоты [Электронный ресурс] // Путеводитель по Израю. – Режим доступа: <https://guide-israel.ru/country/1060-golanskie-vysoty/>.
4. Proclamation on Recognizing the Golan Heights as Part of the State of Israel [Электронный ресурс]: Proclamation of Donald J. Trump by 25.03.2019. // The White House. – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/proclamation-recognizing-golan-heights-part-state-israel/>.
5. ООН: Статус Голанских высот остался неизменным, несмотря на решение Трампа [Электронный ресурс] // Информационное агентство REGNUM – 2019. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2598288.html>.
6. Подлесный, П. О признании суверенитета Израиля над Голанами: США плевать на мнение других стран [Электронный ресурс] // Пресс-служба Движения «Антимайдан». – 2019. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2598288.html>.
7. Waghorn, D. Pompeo takes on America’s shambolic Middle East policy [Электронный ресурс] / D. Waghorn // Sky News. – 2019. – Режим доступа: <https://antimaidan.ru/news/17603>.

**БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ НАД ТИХИМ ОКЕАНОМ:
СОПЕРНИЧЕСТВО КНР И США В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ**

© А.В. Пичугин

Научный руководитель: Ю.И. Дзись

канд. полит. наук

Сибирский федеральный университет

Ни для кого не секрет, что современная система миропорядка претерпевает значительные изменения. В целом данные изменения касаются

формирования новых центров притяжения мировой политики и экономики, и наиболее ярким и мощным среди таких центров является Азиатско-Тихоокеанский регион. Средние темпы роста ВВП в странах восточной Азии составляет 6%, что в 2 раза превышает рост всей мировой экономики. [1, с. 267] Данную тенденцию отметил Министр иностранных дел России С.В.Лавров в одной из статей, опубликованных в индонезийском журнале «Strategic Review». В связи с событиями последних месяцев, а именно торговой войной между США и КНР, обострением ситуации с вводом военных кораблей США в Южно-Китайское море, данная проблема становится особенно актуальной.

Новизна работы заключается в попытке оценить не только экономический, но и конфликтный потенциал региона, с опорой на экспертные мнения, программные документы, а также классические теории международных отношений.

В настоящий момент международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе, с точки зрения распределения влияния, представлены двумя ключевыми сторонами: США и Китаем. Если рассматривать сложившийся «баланс сил» через призму теории классического реализма, то можно заключить, что в АТР существует явно выраженная биполярная система международных отношений.

Усиление роли Китая в регионе происходило постепенно на протяжении всей второй половины XX века, однако ведущей фигурой он стал после финансового кризиса в Восточной Азии в конце 90-х годов. Вплоть до начала 2010-х годов Китай продолжал огромными темпами расти в экономическом и политическом плане, а также реализовывать свои притязания на ведущую роль в регионе.

В это время к власти в США пришел Барак Обама, выделивший АТР в качестве приоритетного региона для Американской внешней политики. США предпринимали различные шаги по сдерживанию Китая и его амбиций, с целью распространить свое влияние. Развитие проекта Транс-Тихоокеанского Партнерства (ТТП) было частью политики «мягкого сдерживания» Китая.

В ответ на проект ТТП, предполагавший экономическую изоляцию КНР в регионе, Китай продвигал инициативу, которая наоборот развивала сеть экономических связей Китая в противовес США.

Однако об эффективности обоих проектов говорить не приходится. Так США, с приходом Дональда Трампа, вышли из ТТП, и данный проект перестал носить антикитайский характер, даже наоборот, Китай сейчас рассматривается как кандидат на вступление в ТТП. Китайский же проект «Пояса и Пути»

пока остается на уровне декларативных проектов. Тем не менее, несмотря на данный факт, напряженность в регионе по-прежнему сохраняется.

Прежде всего потому, что Азиатско-Тихоокеанский регион не перестает быть сферой геополитических интересов как Китая, так и Америки. Это, в частности, подтверждается программными документами обеих стран, в которых данному региону отводится особое значение. Так, в Стратегии национальной безопасности США 2015 года говорится о «перебалансировке» усилий в регион АТР [2]. 11 марта 2009 г. был опубликован доклад «США и Азиатско-Тихоокеанский регион: стратегия безопасности для администрации Б. Обамы». В нем выделалась особая роль Китая в изменении региональной структуры безопасности за последнюю декаду, а также его усиливающееся влияние на регион.

В свою очередь, для Китая Азиатско-Тихоокеанский регион на протяжении всей истории являлся естественной сферой интересов. В 2015 году Китай опубликовал «Белую книгу» по вопросам военной стратегии. В этом документе также подчеркивается стратегическая важность АТР.

При этом важно отметить следующее. Несмотря на то, что система международных отношений в регионе имеет признаки биполярности, соперничество США и КНР разительно отличается от противостояния СССР и США времен Холодной Войны. Это отличие заключается в том, что причиной конфронтации двух стран являются не коренные идеологические различия, а наоборот их усиливающееся сходство [3].

Именно поэтому новым витком напряженности в отношениях двух держав и стала торговая война. Суть ее заключается в стремлении сторон затормозить экономическое развитие друг друга посредством введения заградительных пошлин на определенные товары, поставляемые из Китая в США. Так, Д. Трамп заявил, что существующий торговый дефицит между США и Китаем, размером около \$500 млрд., ставит американскую экономику в зависимость от китайской. Ответом на пошлины США со стороны Китая стал «симметричный ответ», в виде аналогичных ограничений в размере 25%. [4].

Другой точкой напряженности является Южно-Китайское Море. Этот регион является стратегически и экономически важным для Китая, поскольку позволяет контролировать торговые морские и воздушные пути. В тот момент пока США были заняты Иранским вопросом, Китай не упустил момента и активизировал милитаризацию региона. Данные действия способствуют вытеснению Американских военно-морских сил из северо-западной части Тихого Океана. Очевидно, что США не заинтересованы в таком сценарии, и пытаются различными методами сохранить свое влияние в Южно-Китайском море.

Последней попыткой явилась провокация в феврале 2019 года, когда корабли ВМС США вошли в акваторию островов Спретли в Южно-Китайском море, что по заявлению КНР, нарушает их суверенитет в этом регионе.

Очень важно отметить, что обеспокоенность США военно-технологическим аспектом своего влияния в регионе проявилась в увеличении военного бюджета на 2019 финансовый год до \$716 млрд, а также в изменении своей внешнеполитической стратегии в регионе. Сейчас Америка считает Индийский океан естественным продолжением Тихого океана (очень субъективная точка зрения, которую США сформировали, чтобы оправдывать свою экспансионистскую политику в АТР). Именно поэтому США заявили, что теперь они ответственны за Индо-Тихоокеанский регион и даже переименовали свое Азиатско-Тихоокеанское командование в Индо-Тихоокеанское и сейчас пытаются привлечь к сотрудничеству Индию, чтобы использовать ее против Китая. Этот шаг выглядит как геополитический ход, ведь расширение рамок соперничества позволит США реализовать уже привычную для них «Стратегию Ананконды», за счёт окружения противника «кольцами» своих союзников. В этом случае ставка делается именно на Индию.

К чему может привести существующий уровень напряженности? Профессор Грэм Эллинсон, приводит в пример «ловушку Фукидида» – это опасная динамика в международных отношениях, которая наблюдается, когда растущая держава стремится вытеснить существующую ведущую мировую державу. Рассмотрев события мировой истории за пять веков, профессор нашел 16 примеров того, когда растущая новая держава вступала в соперничество со старой державой. В 12 из 16 случаев конфликт перерос в войну. Поэтому вполне логично возникает вопрос: «Насколько вероятна возможность войны между такими мощными державами?»

Мнения экспертов не звучат оптимистично, большинство из них настаивает на том, что региональное противостояние может вылиться в глобальный конфликт.

Один из ведущих специалистов по военно-морской стратегии, профессор Института исследования океана Пекинского университета Ху Бо считает, что влияние Китая в мире, тем не менее, несопоставимо с тем влиянием, которое есть у США. По мнению ученого, «лишь в западной части Тихого океана военный потенциал Китая равен американскому. Вместе с тем, противостояние двух сверхдержав теоретически может начаться в одном этом регионе и перерасти в глобальный конфликт» [5]. Издание The Conversation отмечает: «Если это случится, это будет означать, что растущее соперничество превратилось в

открытое военное противостояние, затягивающее регион в свою воронку» [6, с. 174].

Вместе с тем, есть основания полагать, что открытого вооруженного конфликта в регионе не будет, прежде всего, потому, что для открытого военного сотрудничества Вашингтона и Нью-Дели (в рамках новой Индо-Тихоокеанской стратегии США) существуют объективные препятствия. Прежде всего речь идет о покупке Индией у России зенитно-ракетных комплексов (ЗРС) С-400 за 5,4 млрд долларов, что говорит о прочных связях в военной сфере Индии с Российской Федерацией. Также важно отметить, что Китай тоже не собирается сдавать позиции, опираясь на своих союзников в регионе (причем, что интересно, главную ставку Китай делает не на Россию, что кажется наиболее логичным, а на Пакистан, в экономику которого Китай сегодня готов вложить несколько миллиардов долларов.

Учитывая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что в АТР напрямую сталкиваются интересы ряда влиятельных держав, соперничество между которыми имеет абсолютно уникальный характер. Китай пытается изменить сложившийся статус-кво, имея для этого необходимые военные и экономические ресурсы. США же пытаются различными способами предотвратить расширение влияния Китая, но при этом, впервые за долгое время, ни у одной из сторон нет критического преимущества над соперником. Вероятность вооруженного конфликта, на наш взгляд, сравнительно невелика. Отчасти, это обусловлено наличием ядерного фактора, а отчасти политической волей сторон. Действительно, несмотря на существующие противоречия, и США, и КНР все-таки пытаются договариваться друг с другом, открытое военное противостояние сейчас не входит в интересы ни одной из сторон.

Список использованных источников:

1. Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 688 с.
2. Джонатан, М. Китай все чаще бросает вызов США. Кончится ли это войной? [Электронный ресурс] / М. Джонатан. – BBC News, 2019. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-47695356>.
3. Кольман, Т., Позднякова, Н. Торговый конфликт США и Китая: чем закончится битва титанов? [Электронный ресурс] / Т. Кольман, Н. Позднякова. – Deutsche Welle, 2018. – Режим доступа: <https://p.dw.com/p/33ZWR>.
4. The 2015 National Security Strategy [Электронный ресурс] // The White House, February 06, 2015. – Режим доступа:

https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf.

5. Leonard, M. The US and China Are the Closest of Enemies [Электронный ресурс] / М. Leonard. – Project Syndicate, 2018. – Режим доступа: <https://www.project-syndicate.org/commentary/america-china-closest-of-enemies-by-mark-leonard-2018-11>.

6. Кувалдин, В.Б. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения / В.Б. Кувалдин; Московская школа экономики, МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва: Весь Мир, 2017. – 402 с.

БРЕКСИТ: ПРОБЛЕМА ИРЛАНДСКОЙ ГРАНИЦЫ

© О.С. Гронская, А.А. Пряникова

Научный руководитель: Ю.И. Дзись

канд.полит.наук

Сибирский федеральный университет

Великобритания, инициировав несколько лет назад процесс выхода из Евросоюза, должна официально покинуть итеграционное объединение. **Актуальность** темы обусловлена тем, что до сих пор никто не может четко сказать, в какой форме это произойдет и к чему приведет, кроме того, существует еще одна проблема – неопределенный статус границы между Северной Ирландией и республикой Ирландия.

Новизна работы заключается в попытке, опираясь на экспертные мнения, заявления официальных лиц ЕС и Великобритании и материалы СМИ спрогнозировать наиболее вероятное развитие ситуации как в Великобритании, так и в Европейском Союзе в целом.

1. Историческая справка

Ирландия попала в зависимость от Британии Средние века, а с XVI века на острове начался процесс конфискации земель у местных жителей и их передача английским поселенцам (т.н. английская колонизация Ирландии). Причина противоречия – религиозное противостояние католиков и протестантов.

1801 г. – Ирландия входит в состав Соединенного Королевства.

1921 г. – южные штаты Ирландии получают статус доминиона; север Ирландии – под управлением Великобритании.

1923 г. – появление границы между северными и южными штатами Ирландии.

1937 г. – Ирландия официально провозглашает себя независимым государством и принимает конституцию.

1949 г. – выход Ирландии из союза с Великобританией. Прямое управление Северной Ирландии из Лондона, сохранение настроенных на воссоединение с Ирландией активистов.

1960-е – конец XX в. – конфликт в Северной Ирландии. Подписание в 1985 году Ирландского соглашения, подтверждение статуса Северной Ирландии как части Великобритании.

1998 г. – Белфастское соглашение.

На сегодняшний день государственная граница между Северной Ирландией и Республикой Ирландия абсолютно незаметна. Единственной отличительной особенностью является смена километров на мили на дорожных знаках и переход от евро к британским фунтам.

За всю историю существования британско-ирландской границы полноценный паспортный контроль проводился лишь в период Второй мировой войны [3].

2. Ситуация на фоне Брексита

Предметом споров в британском парламенте является «бэкстоп». Его цель – избежать жесткой границы, если ЕС и Великобритания не смогут прийти к договоренности относительно переходного периода.

Он предусматривает возможность для Северной Ирландии остаться частью Таможенного союза ЕС и единого европейского рынка до того, как будет найдено решение об открытости границы. [5]. На этом фоне интересны мнения сторон:

Евросоюз	Северная Ирландия получает особый статус после выхода из ЕС, дабы избежать сооружения британо-ирландской границы. Остается в Таможенном союзе ЕС, остается участницей единого рынка. Другие части Великобритании таких преференций не приобретают.
Консервативная партия и сторонники «брексита»	Премьер-министр Тереза Мэй заявила, что ни один британский лидер не согласился бы с режимом, который отделяет Северную Ирландию от остальной части Великобритании. Нельзя экономически обособить от Лондона один конкретный регион.
Северная Ирландия	Неоднозначные мнения: одни согласны с планом Евросоюза, другие (например, лидер ДЮП Арлин Фостер [5]) отказываются утверждать такое соглашение, опасаясь активизации юнионистского движения Республики Ирландия.
Ирландия	Главная цель ирландского правительства – избежать построения жесткой границы. Хотят получить гарантии того, что между Северной Ирландией и Республикой Ирландия такой границы не будет.

Все стороны сходятся на том, что нельзя допустить установления «жесткой границы» между Северной Ирландией и Республикой Ирландия.

Доцент СПбГУ Наталья Ерёмина объясняет, почему Северная Ирландия стремится сохранить отношения с ЕС: «...регион в большей степени ориентирован на ЕС и Республику Ирландию. Это обусловлено и культурно-историческими, и экономическими факторами. Кроме того, нужно помнить, что Белфаст получает большое финансирование по линии ЕС» [1].

3. Камни преткновения

1) Слабость экономики Северной Ирландии и ее зависимость от рынка ЕС – 35 % экспорта в Евросоюз.

2) Географическая размытость ирландской границы – некоторые населенные пункты принадлежат частично и той, и другой стране.

3) Общее производство: более трети молока, произведенного в Северной Ирландии, перерабатывается к югу от границы в Республике Ирландия, а около 400 тыс. овец оттуда поступают на бойни Северной Ирландии. Кооперация и разделение труда позволили нарастить объемы торговли до 60 млрд. евро в 2016 году. Также, активно происходит трудовая миграция [4].

По мнению министра финансов Ирландии Майкла Нунана, ВВП государства в случае «брексита» может потерять 0,5-1,6% до 2021 года. Экономисты оценивают потери южных ирландских земель от выхода Великобритании из ЕС до 15% от ВВП [2].

4) Установление жесткой границы ведет за собой разрыв Белфастского соглашения.

4. Прогнозы

1. В случае жесткого «брексита» (без сделки):

а) Неверные шаги британского правительства могут спровоцировать рост активности ИРА. Так, выход из ЕС без сделки означает построение «жесткой» границы – увеличение протестных настроений среди граждан.

б) В случае установления границы ирландцы могут последовать примеру Шотландии и провести референдум об отделении.

в) Выход Великобритании без соглашения: из Таможенного союза и единого рынка ЕС

2. В случае мягкого «брексита» (со сделкой):

а) Отсутствие границы и сохранение Северной Ирландии в Таможенном союзе с ЕС.

б) Вся Великобритания остается в общем рынке ЕС. Вопрос границы отпадает.

в) Особый статус Северной Ирландии (12 марта 2019 Мэй и Юнкер подписали соответствующее соглашение).

Учитывая все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Ситуация внутри ЕС продолжает оставаться напряженной, но при этом очевидно, что Евросоюз имеет все шансы сохраниться.

2. Опыт Vrexit показывается, что выход из интеграционного объединения чреват огромными издержками.

3. Наиболее вероятным нам представляется вариант мягкого «брексита» со сделкой, где будет предусмотрено предоставление Северной Ирландии особого статуса, как это прописано в соглашении Мэй и Юнкера от 12.03.2019. Данный документ предусматривает, что Северная Ирландия может стать территорией, входящей одновременно в состав таможенных границ и Соединенного Королевства, и ЕС.

4. Уже можно сказать, что какую бы окончательную форму Vrexit ни принял, он приведет к серьезному реформатированию Евросоюза. И речь идет не об эффекте домино и начале распада ЕС, а скорее о победе концепции «Европы разных скоростей».

Список использованных источников:

1. Алексеева, Н. «Один большой знак вопроса»: как брексит может повлиять на ирландское движение за независимость [Электронный ресурс] / Н. Алексеева, А. Бовдунов // RT на русском. – 2018. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/566621-breksit-irlandiya-granica>.

2. Ирландия оценила риски для экономики в случае выхода Великобритании из ЕС [Электронный ресурс] // РИА новости. – 2018. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160621/1449547593.html>.

3. Как выглядит госграница Ирландии и Великобритании [Электронный ресурс] // Live Journal. – 2016. – Режим доступа: <https://conrad.livejournal.com/106434.html>.

4. Налбандян, З. Ирландия тут, Ирландия там: сухопутная граница вдоль или поперек? [Электронный ресурс] / З. Налбандян // Англия. – 2018. – Режим доступа: <https://angliya.com/2018/04/11/irlandia-tyt-irlandia-tam-suhoputnaia-garnitsa-vdol-ili-poperk/>.

5. Панова, А. Почему ирландская граница так важна для «брексита»? [Электронный ресурс] / А. Панова // Euronews. – 2019. – Режим доступа: <https://ru.euronews.com/2019/01/31/brexit-ireland>.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РОССИЙСКО-ЯПОНСКОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СПОРА

© П.А. Суздалева

Научный руководитель: Ю.И. Дзись

канд. полит. наук

Сибирский федеральный университет

В мировых политических, экономических и военно-стратегических процессах акценты все больше смещаются в Азиатско-Тихоокеанский регион. На фоне этого отношения России и Японии – двух ведущих государств региона – характеризуются отсутствием поступательного динамичного развития. Главным образом это обусловлено наличием территориальной проблемы в отношениях двух государств.

Актуальность темы исследования определяется тем, что в 2018 г. президент России Владимир Путин объявил о готовности обсуждать с Японией заключение мирного договора, положив тем самым начало очередному этапу российско-японского территориального спора.

Новизна работы заключается в попытке понять, для чего нужно было поднимать вопрос территориального размежевания именно сейчас, а также спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации.

Многие исследователи дают разную периодизацию данному конфликту. Мы предлагаем рассмотреть этапы, связанные с заключением различных мирных договоров между двумя странами

1. Симодский договор между Россией и Японией от 26 января (7 февраля) 1855 года. Он является первым дипломатическим соглашением между Российской империей и Японией. Симодский трактат внёс свою лепту в завершение политической изоляции Японии, которая длилась двести лет. По итогам договора с Россией пролив Фриза с 1855 по 1875 годы стал официальной государственной границей между Российской империей и Японией. Остров Итуруп был, таким образом, полностью уступлен Японии в обмен на торговый договор, а Уруп превратился в самый южный остров России в Курильской гряде.

2. Портсмутский мирный договор от 23 августа (5 сентября) 1905 года. Данный договор был подписан после окончания русско-японской войны. Он провозглашал мир и дружбу между императорами России и Японии, между государствами и подданными. Согласно договору Россия признавала Корею сферой японского влияния, уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, часть ЮМЖД от Порт-Артура до Куаньчэнцзы и соглашалась в статье 12 на заключение конвенции по рыбной ловле

вдоль русских берегов Японского, Охотского и Берингова морей. Россия уступала Японии юг Сахалина (от 50 параллели) и «все прилегающие к последней острова». Договор закреплял только коммерческое использование маньчжурских дорог обеими сторонами. Также стороны договорились об обмене военнопленными.

3. Советско-японская декларация (Московская декларация) от 19 октября 1956 года. В соответствии с ней, состояние войны, существовавшее между СССР и Японией с 9 августа 1945 года, было прекращено со дня вступления Декларации в силу; между двумя государствами восстанавливались мир и добрососедские отношения, СССР и Япония условились о восстановлении дипломатических и консульских отношений, согласились продолжить переговоры о заключении мирного договора. Страны подтвердили, что в своих отношениях будут руководствоваться принципами Устава ООН, обязались не вмешиваться прямо или косвенно во внутренние дела друг друга. СССР изъявил готовность поддержать просьбу Японии о принятии её в члены ООН, согласился освободить всех японских граждан, осуждённых в СССР, и репатриировать их в Японию. Декларация зафиксировала отказ сторон от взаимных претензий, возникших в результате войны, а также отказ СССР от репарационных претензий к Японии. Одновременно с Декларацией был подписан протокол о развитии торговли и взаимном предоставлении режима наибольшего благоприятствования. Советский Союз соглашался на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан с тем условием, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией.

4. Начиная с 2000-х годов между Россией и Японией развивался регулярный диалог на высшем уровне. В 2003 году с 9 по 12 января премьер-министр Японии Дзюньитиро Коидзуми нанес в Россию официальный визит, в ходе которого было подписано Совместное заявление о принятии Плана действий. Это довольно обширный политический документ, отражающий достигнутые к тому моменту основные договоренности по выполнению поставленной в 1998г. задачи, а именно построению отношений созидательного партнерства между Россией и Японией.

5. Но в дальнейшем попытки построения хороших отношений между странами стали все более редкими, так как территориальная проблема так и не была решена. На протяжении 2000-х годов Япония продолжала выдвигать в отношении России территориальные претензии в отношении Южно-Курильских островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомай. 4 ноября 2004 года глава МИДа России Сергей Лавров в преддверии визита президента России

Владимира Путина в Японию заявил, что Россия как страна-правопреемник СССР признаёт Декларацию 1956 года и готова вести территориальные переговоры с Японией на её основе [4, с. 297]. Если рассматривать Совместную декларацию как документ, на котором выстраивается базовая позиция России, то на ее основе Союз Советских Социалистических Республик соглашался на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан с тем условием, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора. Японская сторона не согласилась на решение территориальной проблемы на таких условиях, что вызывало ухудшение двусторонних отношений, серьезно осложнило их атмосферу.

6. Ситуация продолжила ухудшаться в 2009 году, когда японский парламент принял резолюцию, в которой говорилось о «незаконной оккупации» островов, а уже в 2010 году Дмитрий Медведев посетил спорные острова, что расценивалось японской стороной, как шаг, «осложняющий» принятие решений по территориальному вопросу [3].

Несмотря на негативное отношение Японии к переговорам, Россия неоднократно подтверждала свою готовность продолжать поиск взаимоприемлемого решения по проблеме мирного договора.

7. Очередной попыткой стала инициатива В. Путина в 2018 году.

12 сентября 2018 года на Восточном Экономическом Форуме был затронут вопрос Курильских островов. Владимиром Путиным пообещал Синдзо Абэ вернуть эти острова во что бы то ни стало, но, к сожалению, эта попытка не увенчалась успехом и, как мы видим, острова не переданы, а договор не подписан. Провал переговоров на современном этапе произошел потому, что российская сторона настаивала сначала на подписании мирного договора, в то время как Япония была заинтересована сначала в получении островов, и только после этого предусматривала возможность обсуждения мирного договора.

Отвечая на вопрос, для чего нужно было обострение отношений именно сейчас, можно предположить, что это обусловлено рядом факторов, первый из которых экономический. Суть его заключается в том, что попытка обострить конфликт вызвана стремлением В. Путина отвлечь внимание общественности от темы китайского присутствия на Дальнем Востоке (в настоящее время Китай начинает активно осваивать сибирские природные ресурсы, необходимые для китайской промышленности) [2].

Кроме экономического, существуют также геополитические факторы. В частности, в интересах России повысить уровень отношений с Японией до стратегического партнерства. Это позволило бы наладить сбалансированные

отношения России не только с Японией, но и с Китаем, а также получить более сильные позиции в отношениях с США. Так, А. Болятко отмечает: "Без активизации экономических отношений вряд ли можно будет ожидать продвижения отношений в политической сфере, но, в свою очередь, нерешенность политических проблем мешает развитию экономических связей" [1, с. 97].

С другой стороны, рост военного потенциала Китая в регионе, который становится все более и более заметным в последнее время, не может не беспокоить Японию. Очевидно, что Токио все больше опасается усиления роли Китая и возможности проецирования его мощи в морские регионы в районе японских островов. Кроме того, по мере «возвышения» Китая, значимость Японии в регионе неминуемо снижается, что влечет за собой необходимость обращаться к помощи США и в конечном итоге приводит к зависимости Японии от Америки. Поэтому с этой точки зрения взаимодействие с Россией необходимо, прежде всего, Японии.

Таким образом, проанализировав очередной этап российско-японского территориального спора, мы пришли к следующим выводам:

1. Чем бы ни была мотивирована попытка В. Путина вновь обсудить с Японией территориальный вопрос, ясно одно – Россия в настоящее время стремится к упрочению своего влияния в регионе.

2. В усилении роли России в регионе заинтересована и сама Япония, так как в случае ослабления позиций в регионе эта страна вынуждена будет укреплять стратегические отношения с США, что заведомо ограничивает возможность ее самостоятельных действий на мировой арене.

3. Баланс сил, складывающийся в этом регионе мира, отчетливо свидетельствует о том, что ни сейчас, ни в обозримом будущем национальные интересы России и Японии не вступят в противоречие ни по одному из принципиальных направлений отношений – будь то политика, экономика или обеспечение безопасности. Япония и Россия не представляют угрозы друг для друга. Наоборот, обе страны стремятся обеспечить стабильность и безопасность в АТР, прежде всего в Северо-Восточной Азии.

4. Территориальная проблема является единственным препятствием налаживанию истинно партнерских отношений между Россией и Японией, поэтому стороны должны стремиться урегулировать спор как можно скорее.

Список использованных источников:

1. Болятко, А. Угрозы и вызовы России в АТР // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – №3. – 97 с.

2. Зачем Владимир Путин поднял тему Курильских островов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2019/01/25/1639>.

3. Послу Японии заявлено, что реакция на поездку Медведева неприемлема. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20101101/291488577.html>.

4. Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. – М.: Издательство "Аспект Пресс", 2014. – 688 с.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИЗНЕСА**

ДЕНЕЖНЫЙ СУРРОГАТ

© А.В. Акулка

Научный руководитель: Е.А. Вакулина

Сибирский федеральный университет

Денежные отношения имеют многовековую историю, но несмотря на это в современной теории и практике есть неурегулированные вопросы и противоречия. В настоящее время законодатель не дает дефиниции денежного суррогата, регулируя этот вопрос немногочисленными правовыми актами. В юридической науке этот вопрос также до конца не раскрыт, ученые до сих пор дискутируют по поводу содержания и признаков денежного суррогата. Так, одни авторы называют вексель суррогатными деньгами и указывают, что банк может выдать кредит векселем взамен денег. Другие же, напротив, полагают, что неправильно относить векселя к денежным суррогатам [10].

С позиций экономической науки денежный суррогат представляет собой форму неполноценных денег. Неполноценные деньги не обладают внутренней товарной стоимостью в отличие от полноценных, которые обладают покупательной способностью [6]. Иными словами, сходство денежного суррогата и денег очень большое, однако суррогат по своей природе не обладает всеми необходимыми функциями валюты, поэтому не может ее окончательно заменить.

Некоторые ученые рассматривают денежные суррогаты в качестве квазиденег – это ликвидные финансовые активы, которые официально не являются законными средствами платежа, но могут быть использованы для погашения обязательств, а в отдельных случаях – и для осуществления платежей (векселя, чеки, депозитные сертификаты, краткосрочные государственные ценные бумаги) [11].

Также исследователи говорят о соотношении понятий денежного суррогата и альтернативного денежного обращения, которое включает в себя эмиссию и использование в качестве расчетного средства дополнительных денежных знаков, как санкционированных, так и не санкционированных публичными органами власти государства [5], второе представляется более широким, включающим в себя денежные суррогаты.

В настоящее время в России в соответствии с п. «ж» ст. 71 Конституции РФ денежная эмиссия относится к исключительному ведению Российской Федерации и в соответствии со ст. 75 Конституции, которой закреплено, что «денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная

эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются» [7].

Также данный вопрос регулирует Закон о Банке России. В ст. 27 уточняется норма Конституции и дополняется запретом введения на территории РФ других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов. Официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерации является рубль [1].

И только вышеназванными законами регулируется вопрос денежного суррогата, законодательство России не дает критериев его определения. На основании этого исследователи говорят о том, что денежные единицы, которые не имеют статуса законного платежного средства являются денежным суррогатом, что в свою очередь нарушает российское законодательство. Сюда относят, например, чеки, векселя, виртуальные денежные единицы, иностранную валюту.

Но есть и иная точка зрения, согласно которой векселя, и чеки, и иные ценные бумаги, выпущенные в обращение в соответствии с законодательством, хотя и могут с известной долей условности позиционироваться как денежные суррогаты, однако с правовой точки зрения таковыми не являются, поскольку их выпуск санкционирован государством [9]. Их можно отнести к так называемым специальным законным платежным средствам, поскольку их обращение основывалось на установленной в императивной форме необходимости их использования в определенных законодательством случаях.

Показательным можно назвать деятельность жителя деревни Колионово Егорьевского района Подмосковья, внедрившего свою собственную местную валюту под названием «колионы». Она была придумана им с целью ухода от осуществления денежных расчетов и обращения за кредитными ресурсами. Колионы свободно «ходили» по деревне и использовались жителями как средство платежа по различным сделкам, которые по схеме «один колион = 50 руб.» могли свободно обмениваться жителями деревни на товары, работы или услуги.

Узнав об этом, прокуратура обратилась в суд с иском о признании денежных суррогатов «колионов», использовавшихся в качестве средства обращения и расчетов при совершении сделок и оказании услуг, незаконными и запретить их изготовление и оборот. Требования прокуратуры в суде поддерживали представителя Банка России, Минфина России и ряд экспертов. Сам фермер в ходе судебного разбирательства пояснил, что отпечатанные им типографским способом колионы являются его личными долговыми расписками «с фиксированной стоимостью товара» и у их обладателя есть только право на

получение товаров, работ или услуг в заранее оговоренном объеме, но нет права получить назад обменянные на коиноны рубли.

По существу коиноны выступали в качестве средства платежа, используемого в обращении и при расчетах наряду с законными платежными средствами, но не отвечающего при этом признакам законно введенных в обращение денег (валюты РФ) и не предусмотренного законом, выполняя вместе с тем определенные функции денег.

Соглашаясь с иском прокуратуры, суд отметил, что коиноны не отвечают признакам законного платежного средства, поскольку не обладают такими важными свойствами, как физическая надежность, ликвидность, способность сохранять свою стоимость, санкционированность государством, которое обладает монополией на выпуск денег в обращение. В итоге суд решил признать использование денежных суррогатов «коионов» незаконным и запретить их изготовление и оборот [4].

Также одним из самых дискуссионных тем становится вопрос отнесения криптовалюты под категорию денежного суррогата.

В Российской Федерации и других государствах приобретает широкое распространение использование так называемых криптовалют для приобретения товаров и услуг. Все чаще криптовалюта выступает в качестве инвестиционного инструмента и инструмента спекулятивной торговли.

В письме Министерства финансов Российской Федерации от 2 октября 2017 г. № 03-11-11/63996 указывается, что «правовое определение криптовалют, а также их сущность в законодательстве Российской Федерации не определены. При этом необходимо отметить, что виртуальные валюты (криптовалюты) не имеют централизованного эмитента, единого центра контроля за транзакциями и характеризуются анонимностью платежей». В связи с чем такое явление как криптовалюты в российской действительности воспринимается скорее негативно [2].

В письме ФНС России от 03.10.2016 № ОА-18-17/1027 обращено внимание на то, что в российском законодательстве отсутствует определение таких терминов, как «денежный суррогат», «криптовалюта», «виртуальная валюта». Между тем «запрета на проведение российскими гражданами и организациями операций с использованием криптовалюты законодательство Российской Федерации не содержит». При этом сделан вывод, что операции, связанные с приобретением или реализацией криптовалют с использованием валютных ценностей или валюты Российской Федерации, должны квалифицироваться в качестве валютных операций, регулируемых Федеральным законом № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [3].

Отношение властей в разных странах к новой валюте различное. В Китае сделки с биткоином запрещены, объясняют это тем, что по своей природе биткоин не валюта и не должен распространяться и использоваться на рынке в качестве валюты. Однако в некоторых странах биткоин является объектом налогообложения и признается в качестве частной параллельной валюты. В таких странах как Австралия, США, Канада, Норвегия, Швеция, Япония и др. криптовалюты имеют официальный статус (товара, финансового актива, платежного средства), имеется государственный контроль рынка, либо их использование никак не ограничивается властями [8].

В связи с различным подходом к криптовалюте сложно дать универсальный ответ на вопрос является ли она денежным суррогатом. Применительно к России на основе вышесказанного, я считаю, что сложившаяся практика позволяет отнести криптовалюту к денежному суррогату.

Таким образом, в современном мире остро встает вопрос об отнесении денежных средств и различных ценных бумаг к категории денежного суррогата. На основе приведенных примеров я считаю, что ценные бумаги могут попадать под категорию денежного суррогата, если они выпускаются не в соответствии с законами РФ. В отношении криптовалюты могу сказать, что их статус в России до сих пор не определен, отнесение к денежным суррогатам – условно, поскольку связанные с этим правовые последствия также не определены.

Список использованных источников:

1. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ // Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
2. О регулировании выпуска и оборота криптовалют [Электронный ресурс]: Письмо Минфина России от 02.10.2017 № 03-11-11/63996. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
3. О контроле за обращением криптовалют (виртуальных валют)[Электронный ресурс]: Письмо ФНС России от 03.10.2016 № ОА-18-17/1027 // Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
4. Решение Егорьевского городского суда [электронный ресурс] : от 1.07.2015 № 2-1125/2015 ~ М-666/2015 // СудАкт. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/yrPRvAeFbQZv/>.

5. Артамонов, В.С. Экономическая теория: учебник / В. С. Артамонов [и др.]; под ред. В. С. Артамонова, С. А. Иванова. – Санкт-Петербург: Питер, 2010. – 528 с.
6. Деньги. Кредит. Банки: учебник для вузов / А. Ю. Казак– М.: Экономиста, 2007. – 656 с.
7. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. – Москва: Эксмо, 2013. — 63 с.
8. Кузнецов В.А., Якубов А.В. О подходах в международном регулировании криптовалют (bitcoin) в отдельных иностранных юрисдикциях / В. А. Кузнецов, А. В. Якубов // Деньги и кредит, 2016. - №3. – С. 20–29.
9. Лунц, Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. / Л. А. Лунц. - М., 1999. – 351 с.
10. Пашковский, В. С. Денежные отношения в современной России: итоги и перспективы / В. С. Пашковский // Хозяйство и право, 1998. – № 10. – С. 67-68.
11. Предеин, Е.В. «Денежные суррогаты» в экономике России: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / Е.В. Предеин. – М., 2004. – 168 с.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ С ПОМОЩЬЮ СИСТЕМЫ ХАССП:
ОПЫТ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ, КАНАДЫ И РОССИИ**

© А.А. Астальцев

Научный руководитель: С.В. Староватова
Сибирский Федеральный университет

Одной из основных проблем, с которой сталкиваются потребители товаров, работ и услуг, является несоответствие товара заявленному качеству. Актуальность проблемы обеспечения безопасности пищевой продукции в нашей стране мало у кого вызывает сомнения, потому что речь идет о здоровье населения в целом. По мнению специалистов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), представителей Министерства здравоохранения РФ питание некачественной продукцией является первостепенной причиной возникновения у человека смертельно опасной болезни – сахарного диабета. Заместитель директора Департамента организации медицинской помощи и санаторно-курортного дела Минздрава России Т. Касаева озвучила статистику общей заболеваемости в России: в 2017 году - 4 728307 человек, за один год прирост выявленных заболевших составил 5,6%, а за 3 года - 23%. На *рост числа*

больных влияют современные реалии жизни, а именно, питание, вредные привычки,отягчающие социально-экономические факторы [5].

Роспотребнадзор установил, что в 2018 году 86% российских предприятий пищевой промышленности нарушали требования нормативно-правовых актов, касающихся производства рыбной продукции и защиты прав потребителей [6]. Проблемы качества выявлены в производстве молока, молочной продукции которое часто не соответствует физико-химическим показателям, установленных нормативами [3]. Нами обозначен ничтожно малый перечень товаров, качество которого не соответствуют требованиям безопасности. К выявленным нарушениям российскими производителями пищевой промышленности необходимо добавить нарушения технического регулирования иностранными производителями пищевых товаров. Так, инспекторы ветеринарного надзора управления Россельхознадзора по Красноярскому краю за прошедший год задержали 30 тонн ввезенной на территорию России парагвайской говядины, которая была заражена смертельно опасной бактерией [4].

Возникает вполне резонный вопрос: «Кто и на каком этапе: производство товара, его ввоз, хранение, реализация осуществляет надзор и контроль за качеством товаров пищевой промышленности?». Если посмотреть на деятельность службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, то она проверяет соответствие продукции, реализуемой юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, требованиям технических регламентов, то есть контроль осуществляется уже в процессе реализации пищевых товаров непосредственно потребителю[1]. Основанием проверки качества товаров является заявление потребителя, плановые проверки.

В пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации производится перемещение товаров с учетом запретов и ограничений, таможенного декларирования, санитарно-карантинного контроля, иных мер. По существу, таможенные органы не уполномочены проверять качество ввозимого товара. Следовательно, ввозя продукты питания из-за границы мы верим производителю «на слово» о качестве товара, чем повышаем риск причинения вреда не только здоровью, но и жизни потребителя.

Важным является то, что потребитель постоянно сталкивается с вопросом о качестве товара, но в силу того, что он не является специалистом в области качества пищевой продукции, ему приходится жертвовать своим здоровьем, употребляя и испытывая на себе некачественные продукты питания.

Действенным способом, которым можно воспользоваться для минимизации рисков и снижения вероятности нанесения вреда жизни и здоровью

человека, является соблюдение требований к обеспечению безопасности пищевой продукции на этапе производства пищевой продукции.

Примечательным является опыт иностранных государств по внедрению системы анализа рисков и критических контрольных точек, обозначающая систему контроля качества пищевой продукции - ХАССП - Hazard Analysis and Critical Control Points (НАССР).

В 1994 году Новая Зеландия внедрила такую систему. Первое, что было сделано – это создание Управления пищевой безопасности (MFA Food), задачей которого стала разработка и соблюдение стандартов экспортируемой продукции. Его появление позволило решить вопросы в разделении ответственности между разными министерствами, занимающихся регулированием рынка пищевых продуктов и разработкой нормативно-правовых актов. Одновременно было создано надзорное подразделение – MFA VA. Обязанности между появившимися управлениями были разделены следующим образом: MAF Food в тесном взаимодействии с заинтересованными представителями пищевой промышленности отвечает за разработку и соблюдение стандартов НАССР; MAF VA отвечает за создание графиков контрольных мероприятий и проводит их [7]. Следующим шагом стало поэтапное внедрение системы ХАССП. Сначала произошла добровольная имплементация производителями пищевой продукции ХАССП, которая поддерживалась надзорным управлением. И только по прошествии установленного законом времени, внедрение системы произошло уже в обязательном порядке. С расширением сферы применения НАССР у предпринимателей возросла потребность в обучении принципам системы. Причем не только производственного персонала, но и работников регуляторных органов MAF. Как итог использования данной системы, были выявлены проблемные места (несоответствие продукции техническим регламентам, неэффективное управление персоналом и др.), которые затем стали исправляться и обеспечивать безопасное производство товаров.

Еще одним государством, которое начало успешно внедрять данную систему стала Канада. Подготовительный этап в государстве был запущен в 1997 году путем создания единого органа - Канадской инспекции пищевых продуктов (CFIA). Инспекция стала заниматься обеспечением безопасности пищевой продукции, выполняя функции, четырёх упразднённых министерств. Компетенция между которыми, как и в предыдущем примере, не была поделена надлежащим образом. Если до появления инспекции, государство само было инспектором, то после ее создания стало выполнять роль аудитора. Таким образом, акцент с фиксации проблемы обеспечения безопасности пищевой продукции был смещен на её предотвращение. Примечательным в опыте Канады

стало введение трёх уровней обеспечения безопасности пищевой промышленности: самоверификация, системная верификация, верификация соответствия. Это позволило CFIA не только усовершенствовать процесс обеспечения системы пищевой безопасности в стране, но и наилучшим образом использовать кадровые ресурсы инспекции.

В Российской Федерации собственный опыт внедрения системы ХАССП появился с 2001 года. Для этой цели на предприятии по производству пищевой продукции вначале создается рабочая группа из специалистов, которая рассматривает и утверждает структуру предприятия, схемы производственных помещений, технологии производства продукции и т.д. После внедрения на предприятии система ХАССП подвергается внутренним и внешним независимым проверкам, аудитам. По результатам внутренних проверок, аудита оцениваются эффективность работы подразделения, исследуется качество производимой пищевой продукции, разрабатываются меры по предотвращению причинения вреда жизни и здоровью потребителя, устранению несоответствий качества продукции требованиям нормативно-правовых актов, техническим регламентам и пр.

По мнению специалистов в области обеспечения безопасности пищевой продукции результаты имплементации системы ХАССП в России стали:

- преимущественное использование превентивных мер, а не запоздалых действий по исправлению брака и отзыву продукции;
- определение мер ответственности за обеспечение безопасности пищевых продуктов;
- безошибочное выявление критических процессов и др. [8].

Можно согласиться с тем, что обеспечение безопасности производства продукции в России происходит с использованием передовой системы контроля за безопасностью пищевых продуктов. Тем не менее, этих мер недостаточно, так как проблемы с качеством пищевой продукции в России существуют до сих пор. Система ХАССП «является лишь одним из элементов эффективной системы управления пищевой безопасностью, которую можно представить в виде дома: его фундаментом служат обязательные условия, а крышей - общие системы контроля качества, включая процедуры отслеживания и отзыва продукции» [2].

В вопросе обеспечения безопасности производства, ввоза, хранения, распространения пищевой продукции на территории Российской Федерации субъектами предпринимательской деятельности государство должно играть первостепенную роль в имплементации системы ХАССП, регулировать процесс подготовки и переподготовки работников предприятий по производству

пищевой продукции, оказывать консультации и осуществлять экспертную оценку безопасности ведения бизнеса, разрабатывать критерии оценки системы HACCP.

Роль же самих субъектов предпринимательства в процессе производства, ввоза, хранения, распространения пищевой продукции не должна ограничиваться только желанием получения сверхприбыли от своей деятельности, пренебрегая качеством, экономя на сырье, условиях хранения, подготовке специалистов и прочее, им необходимо заботиться о безопасности продукции как об основе жизни человека.

Список использованных источников:

1. Положение об Управлении Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Красноярскому краю [Электронный ресурс]: Утв. приказом Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 09.07.2012 №696 – URL: <http://24.rosпотребнадзор.ru/about/functions/>.

2. Бессонова, Л. П. Управление безопасностью в пищевой промышленности на основе системы прослеживаемости / Л.П. Бессонова, Н.И. Дунченко // Стандарты и качество. – 2010. – №. 5. – С. 82-85.

3. В Волгограде за плохое молоко предприятия наказали на 840 тысяч рублей [Электронный ресурс] – URL: <https://news.mail.ru/economics/36265102/>.

4. В Красноярск пытались ввезти зараженную смертельно опасной бактерией говядину [Электронный ресурс] – URL: <https://ngs24.ru/news/more/65414191/>.

5. Минздрав России совместно с Всемирной организацией здравоохранения провел круглый стол, приуроченный к Всемирному дню здоровья в 2017 году и посвященный теме сахарного диабета [Электронный ресурс] – URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2016/04/07/2886-minzdrav-rossii-sovmestno-s-vsemirnoy-organizatsiyey-zdravoohraneniya-provel-kruglyy-stol-priurochenny-k-vsemirnomu-dnyu-zdorovya>.

6. Роспотребнадзор контролирует качество и безопасность рыбы и морепродуктов. Итоги за 2018 год [Электронный ресурс] – URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/about/info/news_region/news_details_region.php?ELEMENT_ID=11525.

7. Tian F. A supply chain traceability system for food safety based on HACCP, blockchain & Internet of things // 2017 International Conference on Service Systems and Service Management. – IEEE, 2017. – С. 1-6.

8. World Health Organization. FAO/WHO guidance to governments on the application of HACCP in small and/or less-developed food businesses. – Food & Agriculture Org., 2006. – №. 86.

РЕГУЛИРОВАНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ SWIFT

© К.А. Васильева

Научный руководитель: Е.А. Вакулина

Сибирский федеральный университет

В данной статье поднимается проблема отсутствия правового регулирования системы SWIFT со стороны России, а также ответственности за ненадлежащее оказание информационно-сервисных услуг. Нормативное правовое регулирование позволило бы установить права и обязанности каждой из сторон на законодательном уровне, что могло бы минимизировать риски, связанные с осуществлением операций по обмену финансовой информацией.

Сотрудничество России с иностранными государствами достигает высоких показателей, особенно в финансовой системе, когда осуществляются международные расчёты. Ежедневно частные лица, организации, биржи, брокеры проводят транзакции с помощью международной системы передачи информации и совершения платежей – SWIFT. Россия присоединилась к SWIFT ещё в декабре 1989 году. На сегодняшний день число входящих организаций превышает 10 000, система работает с клиентами в 220 странах мира, в том числе и в России. Кроме того, Россия занимает 2-е место среди 20 крупнейших стран пользователей SWIFT. У системы выделяют такие преимущества, как высокая точность совершаемых операций, минимальная комиссия на осуществление денежных переводов и оплаты счетов. Для клиентов гарантируется возможность быстрого обмена финансовой информацией и, что самое главное, высокий уровень безопасности [3].

В современном мире вопрос безопасности данных занимает ключевые позиции. Для повышения эффективности управления внедряются методы контроля и усиления прозрачности банковских операций. Но даже такая крупная организация не гарантирует стопроцентную защиту. С учетом мировой тенденции хищения денежных средств можно предположить, что атаки на банки и инфраструктуру SWIFT могут продолжаться. Тогда вопрос защищенности, ликвидации последствий и ответственности за содеянное ставится более остро. На сегодняшний день проблема заключается в следующем. Безопасность транзакций и сохранения денежных активов в системе SWIFT, так или

иначе, находятся под угрозой хакерских атак, однако на законодательном уровне в Российской Федерации регулирование услуг системы SWIFT никак не регламентируется, соответственно, вопрос об ответственности остается открытым. В случае потери средств, банковская система не гарантирует каких-либо компенсаций, ответственность остается только на пользователе. 31 декабря 2015 года был принят Указ Президента Российской Федерации №683 «Стратегии национальной безопасности РФ». Данный документ определяет национальные интересы, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации. Национальная безопасность государства, прежде всего, сводится к защищенности экономики и финансовой безопасности. В условиях существующей ситуации в экономической и политической сферах, обеспечение финансовой безопасности является одной из важнейших задач и одновременно одной из наиболее актуальных проблем в Российской Федерации.

Возникает противоречие, если безопасность финансовой системы страны является приоритетным направлением, то почему самая крупная межбанковская система, осуществляющая денежные переводы российских граждан по всему миру, остается неурегулированной в пределах российского законодательства? Эта проблема напрямую затрагивает национальную безопасность Российской Федерации и требует решения, поскольку на сегодняшний день сотрудничество России с иностранными государствами достигает высоких показателей. Ежедневно осуществляются денежные переводы по всему миру, но в случае возникновения каких-либо препятствий в системе SWIFT – отсутствует гарантия защищенности денежных активов и прав наших граждан.

Согласно Уставу SWIFT, в каждой стране, представленной в Сообществе, создаются Национальная группа членов и Группа пользователей, объединяющая всех пользователей сети. Отношения пользователей и SWIFT регулируются «Руководством пользователя SWIFT», с правовой точки зрения интерес вызывают «Общие положения и условия», которые определяют взаимные обязательства, основания и пределы ответственности участников. Однако стоит отметить, что общие положения и условия подчинены бельгийскому праву, и в случае возникновения каких-либо спорных ситуаций, гражданину РФ – участнику системы SWIFT придется довольно сложно отстаивать свои права. Конечно, положения достаточно обобщены. К общим обязательствам относятся те, что касаются надлежащего доступа и использования услуг и продуктов SWIFT, включая возникающие в связи с этим риски. К специальным обязательствам пользователя относятся обязательства в случае возникновения

проблем, по обеспечению безопасности данных, по обеспечению соответствия операционным требованиям. Ответственность SWIFT перед пользователями ограничена предельными суммами и случаями грубой небрежности, а также фактами умышленного неисполнения или обманными действиями со стороны SWIFT [4].

Необходимо отметить опыт зарубежных стран, где надзор за SWIFT осуществляется в рамках международных соглашений, заключенных центральными банками 10 наиболее развитых стран. Согласно этим соглашениям, функция наблюдения за деятельностью системы возложена на Национальный банк Бельгии. Главная цель осуществления надзора — подтверждение факта того, что система действительно обеспечивает безопасное и стабильное функционирование финансовых телекоммуникаций [5].

Если существует проблема правового положения системы SWIFT в России, то возможно ли отказаться от использования данной системы в пользу достойных аналогов? На этот счёт существуют различные мнения, важно отметить, что создать полноценную конкурентоспособную альтернативу на международном уровне вряд ли получится. Эксперты по данному вопросу подчеркивают, что разработка отечественного аналога вполне возможна, хотя наличие такой системы позволит не иметь проблем для провода платежей лишь внутри страны. Создать аналог для международных расчетов и не нужно, это будет мертворожденный продукт, так как заставить перейти на эту систему всю планету – нереально[2]. Одним из вариантов альтернативы системы SWIFT для России является переход на так называемые «досвифтовские» технологии. В первую очередь - использование системы Telex, где одним из главных недостатков является медленная передача информации и низкая безопасность. По данным официального сайта Россвифт, можно выявить тенденцию увеличения количества сообщений, отправленных российскими пользователями: в 2012 году было совершено – около 52 млн., в 2017 году – количество сообщений достигло 116 млн. Актуальность применения системы SWIFT в России подтверждается и с каждым годом только увеличивается.

Российская Национальная Ассоциация СВИФТ – негосударственная организация, объединяющая всех пользователей СВИФТ РФ. В своей деятельности Ассоциация руководствуется законами РФ, нормативными документами Центрального Банка РФ, а также нормативными документами СВИФТ. Целями Ассоциации являются координация деятельности российских пользователей, проведение единой политики в вопросах, связанных с использованием и развитием СВИФТ в Российской Федерации; защита прав и законных интересов российских пользователей, оказание им помощи в целях повышения

эффективности их деятельности. Со стороны Министерства Финансов РФ были предприняты попытки создания федерального закона, который регулировал бы услуги системы SWIFT и положение пользователей. Также вносились предложения о принятии поправок уже в существующий федеральный закон «О национальной платежной системе», планировалось ввести в российское законодательство правовое регулирование, т. е. установить права и ответственность организаций, оказывающих информационно-сервисные услуги на финансовых рынках и услуги по обмену финансовой информацией, в том числе информацией о совершении платежей.

Несмотря на то, что в целом заменить систему SWIFT можно, используя межбанковскую систему Банка России, а для проведения платежей с иностранными партнерами - Telex, далеко не все участники рынка уверены, что эта конструкция способна стать адекватной заменой SWIFT. Популярность данной системы в РФ подтверждается отчетами Россвифт. Но из-за отсутствия требований к осуществлению деятельности, а также правил оказания услуг системы SWIFT со стороны России, возникают риски, кроме того, появляется вероятность причинения реального ущерба. Таким образом, закрепление в законе правового положения системы SWIFT, а также установление требований к деятельности, позволят определять ответственность за неоказание или ненадлежащее оказание финансовых и информационно-сервисных услуг. И что немаловажно, на законодательном уровне урегулировать пределы ответственности и оказать официальную защиту прав граждан и организаций России – пользователей SWIFT.

Список использованных источников:

1. Устав Российской Национальной Ассоциации СВИФТ [Электронный ресурс]: Устав от 12.04.2016 // Российская Национальная Ассоциация SWIFT. – URL: <http://rosswift.ru>.
2. Годовой отчет 2017 г. РОССВИФТ [Электронный ресурс]: Годовой отчет Россвифт 2017 г. // Официальный сайт Россвифт. – URL: <http://www.rosswift.ru>.
3. Козадаева, В. В. SWIFT и проблемы минимизации рисков информационной безопасности международного финансового рынка / В. В. Козадаева, С. А. Иванов // Молодой ученый. – 2018. – №50. – С. 142-144.
4. Крахмалев, С. В. Swift — глобальная телекоммуникационная система, обеспечивающая проведение международных финансовых операций / С. В. Крахмалев // Финансы и кредит. – 2007. – № 9. – С. 21–28.

5. Солуянов, А.А. Возможность применения опыта функционирования европейских платежных систем в работе российской платежной системы Банка России / А.А. Солуянов // Финансы, деньги, инвестиции. – 2014. – №1. – С. 23-28.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧАСТНЫХ ДЕТЕКТИВОВ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

© А.Ю. Гаранжа

Научный руководитель: С.В. Староватова

Сибирский федеральный университет

Проблема взаимодействия частных детективов и правоохранительных органов в России связана с взаимодействием двух разных по своей природе субъектов: частных детективов как предпринимателей с представителями государства.

Частная детективная деятельность – это предпринимательская деятельность независимых и равных гражданско-правовых субъектов, то есть осуществляемая на свой риск, направленная на систематическое получение прибыли от оказания услуг (абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ) [1].

А.Н. Сагиндыкова считает, что взаимодействие между этими субъектами развито в России в настоящее время слабо и не имеет под собой нормативно-правовой базы, то есть в правовой системе России отсутствует, в принципе, нормативно-правовое регулирование взаимодействия частных детективов и правоохранительных органов [8]. В связи с этим автор предлагает следующие меры: развитие нормативно-правовой базы в области взаимодействия правоохранительных органов и частных предпринимателей – в Закон РФ о частной детективной и охранной деятельности необходимо ввести положения, определяющие характер такого взаимодействия, права и обязанности сторон, порядок и механизм сотрудничества [8]. Об этом пишет и Е.М. Якимова [9]. Кроме этого, необходимо определить правовой статус частных детективов. Следует выстроить постоянный обмен опытом, обмен информацией, совместное пользование материально-технической базой, развивать принцип согласованности во взаимодействии вышеуказанных субъектов [8].

Следует отметить, что на уровне Министерства внутренних дел уже сделаны определенные шаги, учитывающие рекомендации ученых. Приказом от 30 октября 2012 г. № 983 был образован Координационный совет по взаимодействию с частными охранными организациями и частными детективами

при Министерстве внутренних дел Российской Федерации, основными задачами которого являются разработка предложений по созданию системы эффективного использования потенциала частных детективов для профилактики, предупреждения и пресечения преступлений и других правонарушений, подготовка предложений по совершенствованию нормативной базы, регламентирующей деятельность частных детективов, разработка и реализация мероприятий, направленных на повышение уровня правовой грамотности, совершенствование системы профессиональной подготовки частных детективов, реализация мероприятий, направленных на стимулирование участия частных детективов в предупреждении и пресечении правонарушений, повышении правоохранительной составляющей частной детективной деятельности [3].

Вслед за этим был издан Приказ от 17.04.2013 № 211 «Об утверждении типовых форм соглашений о содействии частных охранных организаций правоохранительным органам в обеспечении правопорядка и о содействии частных детективов правоохранительным органам в предупреждении и раскрытии преступлений, предупреждении и пресечении административных правонарушений». В типовом соглашении в качестве его предмета предусмотрена организация взаимодействия сторон в ходе реализации частным детективом права содействовать правоохранительным органам в предупреждении и раскрытии преступлений, предупреждении и пресечении административных правонарушений. В качестве обязанностей соответствующего ОВД (органа внутренних дел) предусмотрены следующие: закрепить за частным детективом сотрудника полиции для организации взаимодействия, согласовывать с частным детективом совместные действия, при необходимости предоставлять информацию о происшествиях, криминальной обстановке в соответствующем районе, за исключением сведений, которые составляют государственную и иную охраняемую законом тайну. ОВД имеет право привлекать частного детектива к мероприятиям по розыску лиц, подозреваемых в совершении преступления, либо объявленных в розыск по иным основаниям. При этом частный детектив обязуется информировать правоохранительные органы о ставших известными ему фактах о готовящихся, совершаемых и совершенных преступлениях и административных правонарушениях, содействовать органам внутренних дел в розыске лиц, подозреваемых в совершении преступления, либо объявленных в розыск по иным основаниям, и иные обязанности, которые он готов на себя принять в соответствии с письменным обращением, направленным в ОВД. Частный детектив имеет право запрашивать в ОВД информацию о происшествиях, криминальной обстановке в соответствующем районе [4].

В Красноярском крае также был создан собственный Координационный Совет по вопросам взаимодействия с негосударственными (частными) охранно-сыскными структурами при ГУ МВД России по Красноярскому краю 8 февраля 2003 года [7]. Положение о Координационном Совете практически не отличается от положения о Координационном Совете при МВД РФ [5]. Следует отметить, что СМИ довольно скупо передает сообщения о работе Координационного совета, направленной именно на взаимодействие с частными детективами, а также на обеспечение их содействия. В основном, результаты деятельности Совета связаны с организацией контроля за частно-детективной деятельностью, чем с включением их в работу правоохранительных органов [6].

С другой стороны, такая ситуация объясняется тем, что частные детективы сами не всегда идут на контакт с правоохранительными органами. Цели их деятельности в корне различаются. Если правоохранительные органы выполняют предусмотренную законом функцию по охране прав и свобод человека и обеспечению правопорядка и безопасности, то частные детективы исполняют поручения клиентов, согласно заключаемому с ними возмездному договору об оказании услуг (абз. 1 ст. 1 Закона РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации») [2]. С этой позиции следует критически отнестись к положениям типового соглашения о содействии частных детективов правоохранительным органам. Совершенно очевидно, что по такому соглашению ОВД имеет гораздо больше прав, чем частный детектив, который может лишь запрашивать общие данные о криминальной обстановке в соответствующем районе, из чего совершенно неясно, какую конкретно информацию частный детектив имеет право получать. К сведениям из информационных баз МВД, которые и могли бы быть полезны частному детективу, он по-прежнему не имеет доступа.

Постольку, поскольку частным детективам не будет выгодно содействовать правоохранительным органам, подобное сотрудничество не станет обоюдным и продуктивным для обеих сторон.

Таким образом, можно отметить, что проблема взаимодействия частных детективов и правоохранительных органов в России только обозначается и обсуждается в юридической литературе, предлагаются различные меры по решению обозначенной проблемы, принимаются отдельные правовые акты, направленные на реализацию таких мер, однако основная работа, то есть создание нормативно-регулятивной базы в этой сфере, ещё предстоит.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Справочная правовая система «Гарант». – URL: <http://www.garant.ru>

2. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 05.12.2017) // Справочная правовая система «Гарант». – URL: <http://www.garant.ru>

3. О создании координационного органа [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 30.10.2012 № 983 (с изм. от 08.06.2015) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

4. Об утверждении типовых форм соглашений о содействии частных охранных организаций правоохранительным органам в обеспечении правопорядка и о содействии частных детективов правоохранительным органам в предупреждении и раскрытии преступлений, предупреждении и пресечении административных правонарушений [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 17.04.2013 № 211 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

5. Положение о Координационном Совете по взаимодействию с охранно-сыскными структурами при ГУВД по Красноярскому краю [Электронный ресурс]: Официальный сайт Координационного Совета по взаимодействию с охранно-сыскными структурами при ГУВД по Красноярскому краю – URL: <http://www.ks-24.ru/about/position>

6. Информация о проведении расширенного заседания Координационного совета при ГУ МВД России по Красноярскому краю [Электронный ресурс]: Официальный сайт Координационного Совета по взаимодействию с охранно-сыскными структурами при ГУВД по Красноярскому краю – URL: <http://www.ks-24.ru/press-centre/news?id=12>

7. О Координационном Совете по вопросам взаимодействия с негосударственными (частными) охранно-сыскными структурами при ГУ МВД России по Красноярскому краю [Электронный ресурс]: Официальный сайт Координационного Совета по взаимодействию с охранно-сыскными структурами при ГУВД по Красноярскому краю – URL: <http://www.ks-24.ru/about>

8. Сагиндыкова, А.Н. К проблеме взаимодействия полиции с частными охранными организациями в сфере охраны общественного порядка / А.Н. Сагиндыкова // Российский юридический журнал. 2012. № 3 (84). С. 48–60

9. Якимова, Е.М. Правовые проблемы взаимодействия правоохранительных органов и негосударственных структур обеспечения безопасности предпринимательства / Е.М. Якимова // Научный вестник. 2015. № 4 (6). С. 30–38.

РЕГУЛЯРНЫЕ ПЛАТЕЖИ ЗА ПОЛЬЗОВАНИЕ НЕДРАМИ

© Н.Г. Григорьева

Научный руководитель: А.В. Демин

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В юридической доктрине отсутствует единый подход в отношении регулирования природоресурсных платежей, что не дает точно определить их правовую природу. Сложившаяся ситуация дает государству варьировать между публично-правовыми и частноправовыми конструкциями, при невозможности определения точных критериев отделения неналоговых платежей от налогов и сборов, что приводит к тому, что законодательство не в состоянии создать условия для соблюдения принципа юридической определенности финансовых обязательств граждан перед государством [8].

Регулирование природопользования обладает своей спецификой, оказывающей влияние на содержание правовых норм. В большей мере это проявляется в сфере недропользования как наиболее значимой с фискальной точки зрения разновидности природопользования. И хотя Конституция Российской Федерации не содержит прямых положений о взимании платы с пользователей природных ресурсов, это не позволяет ставить вопрос о неконституционности таких платежей, поскольку использование природных ресурсов на возмездной основе закреплено в федеральных законах, устанавливающих порядок использования отдельных видов природных богатств [9].

Из-за отсутствия целевых фондов платежи приняли фискально-рентный и нецелевой характер. Речь идет о том, на какие именно цели должны расходоваться эти платежи. Это снижает стимулирующее воздействие на эффективное рациональное использование и охрану недр, а также на устойчивое воспроизводство минерально-сырьевой базы.

Данные условия придают актуальность вопросам правового регулирования платежей за пользование недрами в РФ, и появляется необходимость в теоретическом исследовании и научной оценке указанных платежей как особой финансово-правовой категории.

Уплата регулярных платежей за пользование недрами предусмотрена статьями 39 и 43 Закона Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» за предоставление пользователям недр исключительных прав на поиск и оценку месторождений полезных ископаемых, разведку полезных ископаемых, геологическое изучение и оценку пригодности участков недр для строительства и эксплуатации сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, строительство и эксплуатацию подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, за исключением инженерных сооружений неглубокого залегания (до 5 метров), используемых по целевому назначению [2].

По своим юридическим признакам и содержанию правовых конструкций регулярные платежи за пользование недрами подобны налогам. Но механизмы и гарантии защиты прав и интересов налогоплательщиков не распространяются на недропользователей. Это касается надлежащего исполнения обязанности по уплате регулярных платежей, включая момент возникновения, изменения и прекращения обязанности, особенности ее исполнения, установления и использования льгот, отсрочки по уплате, зачет и возврат излишне уплаченных денежных средств, меры принудительного изъятия.

Недостатком правового регулирования данного платежа является ряд обязательных элементов, необходимых для их расчета. В законе не раскрыто их содержание, а именно объект и база обложения, в особенности регулярных платежей «за хранение полезных ископаемых», порядок исчисления. Не урегулированы элементы правовых конструкций регулярных платежей, обеспечивающие исполнение обязанности по их уплате.

По этой причине осложняется процесс правоприменения как у плательщиков, так и у налоговых органов. В соответствии с установленными правилами, недропользователь обязан ежеквартально, но не позже последнего числа месяца, следующего за отчетным кварталом, перечислять указанные платежи в бюджет. Но как показывает практика недропользователь не всегда соблюдает установленные сроки. Решением Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы № 6 по Оренбургской области от 17 мая 2013 года, вынесенным по результатам камеральной проверки расчета ОАО «Оренбургнефть» регулярных платежей за пользование недрами за IV квартал 2011 года, обществу со ссылкой на пункт 4 статьи 43 Закона Российской Федерации «О недрах» было предложено уплатить задолженность в сумме 15 691 руб., т.е. из расчета за квартал в целом [4].

Касательно наказания за такого рода правонарушения возникают ряд вопросов, так как отсутствует единый подход в правоприменительной практике

по вопросу характера применяемых мер государственного принуждения за неуплату регулярных платежей за пользование недрами.

Так как регулярные платежи за пользование недрами не являются налогом и сбором, в случае их несвоевременной уплаты положения статьи 75 Налогового кодекса Российской Федерации применению не подлежат [1]. То есть налоговые органы не могут взыскать пени за просрочку платежей, суды обычно становятся на сторону недропользователей. В свое время в Письме от 11.01.2009 № ВЕ-20-3/2 «О регулярных платежах за пользование недрами» ФНС России отметила, что не раз обращалась в Минфин России с просьбой рассмотреть вопрос о передаче полномочий по администрированию регулярных платежей за пользование недрами органам Минприроды России.

Учитывая данное обстоятельство и сложившуюся судебную практику по этому вопросу, Минфин России в своих служебных письмах от 15.06.2007 № 03-06-06-01/27, в том числе и в последнем от 28.06.2016 № СД-4-3/11529с занял позицию, что за неуплату регулярного платежа не предусматриваются пени. Так же она нашла отражение несколько ранее и в постановлении Президиума ВАС РФ от 10.02.2009 № 11295/08 [5][6].

Между получением лицензии на пользование недрами и возникновением обязанности по внесению регулярных платежей установлена тесная связь. Права и обязанности пользователя недр возникают с даты государственной регистрации лицензии на пользование участком недр, а сама лицензия и ее неотъемлемые составные части должны содержать, в частности, условия, связанные с платежами, взимаемыми при пользовании недрами. На момент приостановки действия лицензии согласно позиции ФНС уплата регулярных платежей не приостанавливается. Данная позиция была высказана в Письме ФНС России от 25.03.2014 № ГД-4-3/5368@ «О регулярных платежах за пользование недрами» [7].

При этом не учитывается, что лицензионный участок может быть неоднородным и многообъектным, а часть лицензионного участка по итогам геологического изучения может быть признана бесперспективной. В этом случае данное положение лицензии в конкретной ситуации станет противоречить положениям закона, а именно нормам пункта 2 статьи 43 Закона о недрах, устанавливающим, что для уплаты регулярных платежей по ставкам за разведку необходимо, чтобы на облагаемой площади участка недр были установлены и учтены Государственным балансом запасы соответствующего полезного ископаемого [2].

Такое противоречие может повлечь за собой существенную переплату по регулярным платежам за пользование недрами, из-за существенной разницы

между ставками платежей за поисково-оценочную и разведочную стадии. Данная проблема может привести к обращениям недропользователей за изменением или оспариванием данных положений лицензии.

Таким образом, регулярные платежи за пользование недрами целесообразно включить в систему налогов и сборов РФ, придав правовую форму налога. И законодательно урегулировать все элементы, необходимые для их расчета и соответствующего исполнения обязанности по уплате, в том числе распространив действие мер финансово-правовой и налоговой ответственности на случаи их неуплаты. Это равным образом позволит упорядочить процедуру их взимания и уплаты, сделает процесс уплаты более понятным и доступным как для контролирующих органов, так и для плательщиков. Тем самым законодательно будет обеспечено соблюдение гарантий защиты конституционных прав недропользователей, а государство на праве собственника недр на законных основаниях сможет изъять причитающуюся ему часть рентного дохода.

В свою очередь, это повысит заинтересованность недропользователей в своевременной уплате рассматриваемого платежа, устранил возможность появления судебных дел по правомерности взыскания пеней за несоблюдение сроков его оплаты, позволит убрать необоснованные по своей сути различия в НК РФ в отношении наказаний за подобного рода правонарушения.

Список использованных источников:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля. 1998 года № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3824.

2. О недрах: Закон РФ от 21 фев. 1992 № 2395-1 // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 10. - Ст. 823.

3. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] от 10.02.2009 № 11295/08. : СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Оренбургнефть» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем первым пункта 4 статьи 43 Закона Российской Федерации «О недрах» [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2314-О // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

5. Об определении плательщика регулярных платежей за пользование

недрами, о моменте возникновения обязанности по их уплате и отсутствии оснований для начисления пени при просрочке платежа [Электронный ресурс]: Письмо Минфина России от 15.06.2007 № 03-06-06-01/27 // СПС «Консультант-Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

6. О регулярных платежах за пользование недрами [Электронный ресурс]: Письмо ФНС России от 11.01.2009 № ВЕ-20-3/2 // СПС «Консультант-Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

7. О регулярных платежах за пользование недрами [Электронный ресурс]: Письмо ФНС России от 25.03.2014 № ГД-4-3/5368@ // СПС «Консультант-Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

8. Сергеев, А. А. Разграничение налоговых и неналоговых платежей: конституционно-правовой аспект / А. А. Сергеев // Конституционное и муниципальное право – 2006. – № 1. – С. 40-41.

9. Шевелева, Н.А. Принцип платности природопользования в РФ /Н. А. Шевелева // Петербургский юрист. – 2015. – № 5. – С. 92-111.

ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРИНЦИПА ДЕЛОВОЙ ЦЕЛИ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО МЛ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НЕМЕЦКОГО НАЛОГОВОГО ПРАВА

© В.В. Деркач

Научный руководитель: А.В. Демин

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

На сегодняшний день в немецком законодательстве в качестве основного инструмента против злоупотреблений положениями соглашений об избежании двойного налогообложения (далее- СОИДН) можно выделить § 50d Abs. 3 EStG (Закон о подоходном налоге), однако в литературе и судебной практики достаточно часто возникают споры относительно правомерности данного предписания: может ли национальное законодательство ограничивать нормы международного права, а также какое право следует применять: более раннее или более позднее (treaty override). В российском налоговом праве концепция бенефициарного собственника является аналогом немецкого § 50d Abs. 3 EStG, поскольку данные инструменты выполняют общие цели и направлены на то, чтобы лица, не имеющие фактического права на получение дохода, не имели права на применение налоговых льгот, предусмотренных положениями СОИДН.

Однако в результате внедрения положений MLI (Многосторонняя конвенция по выполнению мер, относящихся к налоговым договорам, в целях борьбы с размыванием налоговой базы и выводом прибыли из-под налогообложения от 24 ноября 2016 года) в национальное законодательство Германии будет введен новый механизм предотвращения злоупотреблениями СОИДН - принцип деловой цели (Principal Purpose Test, сокращено- PPT). Данный принцип характеризуется высокой степенью неопределенности, а также отсутствием ясности с точки зрения сферы применения данного принципа.

На сегодняшний день в некоторых немецких СОИДН уже содержится принцип деловой цели (например, ст. 23 Абз. 2 СОИДН с Австралией, ст.21 Абз. 8 СОИДН с Японией, ст. 22 Абзю 1 СОИДН с Мавританией), или тест на основную цель (Main Purpose Test) (Ст. 29 Абз. 1 СОИДН с Китаем, Ст. 26 Абз. 2 СОИДН с Израилем.). Ожидается, что в течение этого года принцип деловой цели будет внедрен посредством MLI или переговоров, инициированных в целях MLI, в значительное число СОИДН, заключенных с другими государствами. Хотя принцип деловой цели еще не введен во многие СОИДН или введен, но еще не вступил в силу, и скорее всего будет иметь действие только после 2020 года [1], однако данной материи следует уделить внимание уже сейчас.

В тексте MLI принцип деловой цели сформулирован следующим образом: вне зависимости от положений СОИДН налоговые льготы, предусмотренные в СОИДН, не предоставляются в отношении конкретного дохода или актива, если с учетом всех соответствующих обстоятельств и фактов, можно сделать обоснованный вывод о том, что применение налоговой льготы было одной из главных целью осуществления схемы / сделки, которая прямо или косвенно привела к возможности использования данной налоговой льготы, если только не будет доказано, что при таких обстоятельствах применение налоговой льготы согласуется с целями и задачами СОИДН [2, Ст. 7 Абз. 1].

Германия не выбрала вариант, предусмотренный в ст. 7 Абз. 4 MLI- условие об усмотрении (discretionary relief), позволяющее ограничить чересчур масштабное действие принципа деловой цели, однако это все равно не означает, что широкая формулировка не может толковаться ограничительно с точки зрения смысла и цели данного положения.

Принцип деловой цели предполагает, что выгода от применения положений СОИДН в общем существует и следует проверить:

1. Все существенные факты и обстоятельства;

Это означает, что в рамках проверки всех фактов и обстоятельств необходимо выяснить, какие причины являлись решающими при выборе данной схемы. В основе анализа лежат внутренние связи налогоплательщика. Имеет

значение также проверить, в какой степени посредством выбора данной схемы достигается выгода от СОИДН и существовала ли бы такая выгода без наличия такой схемы.

Следует отметить, что не конкретизировано, что именно понимается под «существенными»: могут ли быть существенными факты и обстоятельства, которые реализуются другой компанией/ группой компаний; могут ли быть существенные факты и обстоятельства, не связанные с рассматриваемым доходом.

2. Получение налоговой выгоды;

Под налоговой выгодой следует понимать любое ограничение права на налогообложение государства источника или государства резидентства [3, с. 589] [4, с. 56]. Представляется, что в данном случае сфера действия принципа деловой цели представляется широкой. Кроме того, представляется достаточно широким то, что принцип деловой цели охватывает любые действия, которые прямо или косвенно привели к возникновению налоговой выгоды.

Неясно при этом, что считается достаточным, чтобы сделать вывод о том, что выгода была достигнута посредством прямых или косвенных схем [3, с. 591] [4, с. 58].

3. Одну из основных целей;

Согласно тексту принципа деловой цели, достаточно чтобы одна из основных целей создания такой схемы была направлена на получение налоговой выгоды. Для того, чтобы определить, направлена ли основная цель схемы на получение налоговой выгоды, необходимо провести объективный анализ мотивов, участвующих лиц. ОЭСР не считает что основной целью предприятия является получение налоговой выгоды, если данная схема неразрывно связана с функционированием предприятия [4, с. 59-60]. Однако в Комментариях ОЭСР не указывается должна ли основная цель определяться на основе качественных или количественных критериев, следует также учитывать, что следует отличать основную цель от вторичной, а также достаточно часто налоговая выгода возникает при структурировании трансграничных операций.

Представляется, что рассматривать принцип деловой цели следует с точки зрения качественных показателей, однако размер налоговой экономии может быть важным количественным показателем.

4. Схему или сделку;

С точки зрения ОЭСР данные понятия подлежат широкому толкованию и следует рассматривать в том числе, создание, распределение, приобретение или передачу дохода или источника дохода лицу [3, с. 590] [4, с. 57].

5. Что прямо или косвенно привело к налоговой выгоде и привело ли вообще;

6. Соответствует ли предоставление налоговой льготы в данных обстоятельствах объекту и цели применения положений СОИДН.

Исключение, когда принцип деловой цели не применяется- предоставление налоговой льготы соответствует целям и задачам СОИДН. В качестве цели и задачи СОИДН ОЭСР называет- поощрение трансграничных инвестиций [3, с. 592] [4, с. 60]. Таким образом, осознанное и экономически обоснованное решение об осуществлении инвестиции по той причине, что заключено СОИДН, не может являться единственной причиной отсутствия деловой цели [5]. Например, если юридическое лицо при выборе место для создания постоянного представительства выберет страну, с которой заключено СОИДН. Также по мнению ОЭСР предоставление налоговой льготы соответствует целям и задачам СОИДН, если используемая налогоплательщиком схема выполняет условия статей, предусматривающих применение налоговой льготы (например, условие о минимальной доле участия при выплате дивидендов). Спорным остается вопрос, что если такие условия выполняются только в течении короткого срока.

Кроме того, цели и задачи СОИДН (дальнейшее развитие экономических отношений, избежание двойного налогообложения, избежание двойного не-налогообложения), также могут вытекать из преамбулы, так что в отдельных случаях, представляется возможным, обратиться к этим целям [6].

Если условия принципа деловой цели выполняются, то налоговая льгота в отношении определенного вида дохода не может применяться. Важно отметить, что принцип деловой цели направлен на определенные доходы, а не на налогоплательщика в целом. Неясным остается, в какой мере является достаточным непредоставление налоговой льготы.

При рассмотрении принципа деловой цели возникает много не ответченных вопросов, хотя Комментарии ОЭСР и выступают вспомогательным средством в толковании принципа деловой цели, однако неясность все равно остается. Для избежания таких неясностей необходимо дальнейшее развитие и толкование изложенного принципа со стороны ОЭСР.

Список использованных источников:

1. Michael Kiesewetter Seminar A: Wirksamkeit von Missbrauchsvermeidungsvorschriften / IStR 2018 [Электронный ресурс] - URL: <https://beck-online.beck.de/>

2. Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent BEPS 2016 [Электронный ресурс] - URL: <https://www.oecd.org/tax/treaties/multilateral-convention-to-implement-tax-treaty-related-measures-to-prevent-BEPS.pdf>.

3. OECD Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2017 [Электронный ресурс] - URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/mtc_cond-2017-en.pdf?expires=1554742641&id=id&ac-cname=oid016082&checksum=9460527D15D973FEC25355C2ABDFF102.

4. Preventing the Granting of Treaty Benefits in Inappropriate Circumstances, Action 6 - 2015 Final Report [Электронный ресурс] - URL: https://read.oecd-ilibrary.org/taxation/preventing-the-granting-of-treaty-benefits-in-inappropriate-circumstances-action-6-2015-final-report_9789264241695-en#page59.

5. Lennart Fischer und Michaela Pitzer Das MLI und die neuen allgemeinen Missbrauchsregelungen / IStR 2017 [Электронный ресурс] - URL: <https://beck-online.beck.de/>.

6. Dr. Arne Schnitger, Dr. Ronald Gebhardt und Judy Taing Auslegungsfragen zum „Principal Purpose Test“ (PPT) – DBA-Missbrauchsverhinderung 4.0 / IStR 2018 [Электронный ресурс] - URL: <https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bib-data%2Fzeits%2Fistr%2F2018%2Fcont%2Fistr.2018.893.1.htm&pos=7&hlwords=on#FN25>.

ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 54.1 НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РФ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ РФ

© И.С. Дудникова

Научный руководитель: А.В. Демин

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

После принятия ст. 54.1 Налогового кодекса РФ (с 19.08.2017 года) [1] налогоплательщики подавали надежды на ограничение пределов ответственности только умышленными действиями, направленными на получение необоснованной налоговой выгоды и не связанными с недобросовестными действиями своих контрагентов.

Федеральная налоговая служба дважды прокомментировала изменения в Налоговый кодекс РФ [3][4], выпустив подробные рекомендации по порядку применения новой статьи налоговыми органами.

Ранее, спорные ситуации по вопросу обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды разрешил Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ [5]. Однако, позиция предпринимателей – уход от «судейского усмотрения» к закреплению списка стандартов и правил в законе, – также имела значение.

После появления в Налогового кодекса РФ статьи 54.1, налогоплательщики активно обжаловали решения налоговых инспекций о доначислении НДС, несмотря на то, что решения о начале выездных налоговых проверок были приняты до 19.08.2017, но все их попытки пресекались судом со ссылкой на Федеральный закон 163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» от 18.07.2017 г [2].

Северо-Кавказский арбитражный суд, в своем Постановлении от 12.12.2017 по делу № А53-34784/2016 отказывая налогоплательщикам в признании решений налоговых органов о доначислении НДС недействительными, ссылаются на ст.54.1 Налогового кодекса РФ, несмотря на то, что решения по обжалуемым налоговым проверкам были приняты до 19.08.2017г. Перечислив доказательства невозможности исполнения обязательств спорными контрагентами в виду отсутствия у него необходимых ресурсов, суд кассационной инстанции отмечает следующее: действия налогоплательщика направлены на получение необоснованной налоговой выгоды в виде возмещения из бюджета НДС, поскольку представленные документы не подтверждают реальность хозяйственных операций налогоплательщика с заявленными контрагентами. Согласно ч.1. ст. 54.1. Налогового кодекса РФ, не допускается уменьшение налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога в результате искажения сведений о фактах хозяйственной жизни (совокупности таких фактов), об объектах налогообложения, подлежащих отражению в налоговом и (или) бухгалтерском учете либо налоговой отчетности налогоплательщика.

Интересно Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.02.2018 года по делу А44-4970/17. Поддержав позицию нижестоящих судебных инстанций об отказе признать решение налогового органа о доначислении НДС недействительным, признав обоснованным отклонение Четырнадцатым Арбитражным апелляционным судом ссылки налогоплательщика на ст. 54.1 НК РФ, суд кассационной инстанции между тем отмечает следующее: вопреки доводам жалобы, суды при рассмотрении спора исходили не только из претензий к контрагентам (нарушение законодательства о налогах и сборах, подписание документов неустановленным лицом), а приняли во внимание установленные в ходе судебного разбирательства факты, опровергающие

реальность совершения налогоплательщиком сделок по приобретению товара у спорных контрагентов.

В письме ФНС России от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@ обозначено, что ст. 54.1 НК РФ не является кодификацией правил, сформулированных в Постановление Пленума ВАС № 53, а представляет собой новый подход к проблеме злоупотребления налогоплательщиком своими правами, учитывающий основные аспекты сформированной судебной практики.

Судебная практика пока исходит из того, что ст. 54.1 НК РФ является законодательным закреплением пределов осуществления прав на уменьшение налогов, ранее содержащихся в разъяснениях ВАС РФ, КС РФ, ВС РФ.

Например, Арбитражный суд г. Москвы в Определении от 24.01.2018 года по делу А40-145021/16 об отказе в пересмотре судебного акта по новым обстоятельствам отмечает, что введение ст. 54.1 НК РФ, касающейся пределов осуществления прав на уменьшение налоговой базы или сумм налога, отсутствующих до этого и имеющих только в виде толкований и разъяснений постановлений ВАС РФ, КС РФ, не является новым обстоятельством.

В другом деле (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.02.2018 года по делу А50-10402/2017) суд кассационной инстанции находит ошибочными выводы суда апелляционной инстанции о возможности придания обратной силы ст.54.1 НК РФ как улучшающей положение налогоплательщика, считая, что ст.54.1 НК РФ не содержит норм, каким-либо образом улучшающих или ухудшающих положение налогоплательщика по сравнению с тем, которое было определено на основании правовых позиций, выработанных судебной арбитражной практикой.

Также статья 54.1 НК РФ была применена Пятнадцатым Арбитражным апелляционным судом (город Ростов-на-Дону) по делу №15АП-15825/2018 от 20.10.2018 года при рассмотрении апелляционной жалобы ООО «Сельхозкапитал» на решение Арбитражного суда Краснодарского края от 03.09.2018 по делу № А32-16237/2018 о признании незаконными решения ИФНС № 1 по г. Краснодару от 28.12.2017г. № 19-18/ о привлечении ООО «Сельхозкапитал» к ответственности за совершение налогового правонарушения. Как следует из материалов дела, Инспекцией проведена выездная налоговая проверка по вопросу правильности исчисления и своевременности уплаты (удержания, перечисления) НДС за период с 01.10.2016г. по 30.06.2017г., в ходе которой было установлено, что ООО «Сельхозкапитал» за проверяемый период допущено совершение налогового правонарушения, выразившегося в неуплате (неполной уплате) НДС. В суде первой инстанции ИФНС № 1 по г. Краснодару подтвердила совокупность и взаимосвязь обстоятельств, установленных в ходе

налоговой проверки, а ООО «Сельхозкапитал», в свою очередь не представил доказательств реальности хозяйственных операций, произведенных с цепочкой «спорных» контрагентов. В суде апелляционной инстанции ООО «Сельхозкапитал» указал, что в материалы дела не представлены доказательства, подтверждающие совокупность условий, свидетельствующих о согласованных действиях взаимозависимых лиц в целях получения необоснованной налоговой выгоды, а также обращает внимание на то, что факт отгрузки сельхозпродукции одними и теми же менеджерами от разных компаний не является подтверждением создания схемы по уклонению от уплаты налогов, поскольку менеджеры пояснили, что оказывали услуги по сопровождению отгрузки сторонним организациям в виду особых условий на рынке продажи сельхозпродукции. Кроме того, ООО «Сельхозкапитал» указал, что совпадение IP-адресов налогоплательщика и контрагентов не свидетельствуют о согласованности и подконтрольности действий. Однако, данные доводы суд счел несостоятельными, ввиду наличия исчерпывающей совокупности опровержений, представленных ИФНС. Проверив законность и обоснованность решения Арбитражного суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции постановил решение оставить без изменения, апелляционную жалобу – без удовлетворения.

Таким образом, судебная практика требует от налогоплательщиков должной осмотрительности при выборе контрагентов, так как, для того чтобы доказать реальность выполнения сделки конкретным контрагентом, необходимо запрашивать у него и проверять информацию о наличии необходимых ресурсов, о реальной возможности исполнить сделку, ведь в порядке п.2 ч.2 ст. 54.1 Налогового кодекса РФ у налогоплательщика есть право на уменьшение налоговой базы и (или) сумму подлежащего уплате налога, если обязательство по сделке исполнено лицом, являющимся стороной договора, заключенного с налогоплательщиком, и (или) лицом, которому обязательство по исполнению сделки передано по договору или закону.

Список использованных источников:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3824.

2. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.07.2017 № 163-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 30. – Ст. 4443.

3. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса РФ [Электронный ресурс]: Письмо Федеральной налоговой службы от 16 августа 2017 г. № СА-4-7/16152 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

4. О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Письмо ФНС России от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

5. Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 53 от 12.10.2006 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В РОССИИ

© А.К. Дроган

Научный руководитель: А.В. Демин

д-р. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

На Московском финансовом форуме [11] 2018 был высказан тезис, что Федеральная налоговая служба России все больше напоминает IT-компанию. Налоговая служба отходит от классической модели государственного органа как властного субъекта, навязывающего свою волю путем принуждения. Изменяется философия, ее роль, подходы и используемые инструменты. ФНС из фискального органа превращается в сервисную службу: становится ближе к налогоплательщику, незаметнее и удобнее для него. За последние годы мы наблюдаем цифровую эволюцию в сфере налогового администрирования и этим изменениям посвящено исследование.

Если в прежние времена экономики стран были преимущественно закрытыми, то с возрастающим трансграничным потоком капитала налоговая система каждой отдельной страны перестала быть только ее делом. Компании стали активно использовать налоговую оптимизацию и схемы ухода от налогообложения, пользуясь тем, что налоговые органы не могли отследить формирование налоговой базы для исчисления налога, когда деятельность компании велась в другой юрисдикции.

В то же время открытость предоставила возможность перенимать опыт у других юрисдикций, осуществлять взаимодействие по вопросам

налогообложения. Налоговое администрирование начало формироваться с 20-х годов прошлого столетия в рамках стран-участников Лиги наций. Сегодня главный драйвер налогового администрирования на международном уровне ОЭСР.

Так, для предотвращения размывания налоговой базы и ухода от налогообложения ОЭСР в 2013 году создала проект BEPS [8], в рамках которого государства-участники договорились действовать сообща, применяя единые принципы и предоставляя друг другу информацию о деятельности налогоплательщиков.

Россия также является заинтересованной стороной и включилась в мировой процесс развития налогового администрирования.

В ноябре 2011 года Россия присоединилась к Международной Конвенции ОЭСР об автоматическом обмене налоговой информацией, которая вступила в силу с 01.07.2015, и ратифицировала конвенцию о взаимной административной помощи по налоговым делам [1]. В мае 2016 года ФНС России подписала Многостороннее соглашение компетентных органов (МСАА) об автоматическом обмене информации (CRS) о финансовых счетах [4]. Первый обмен информацией состоялся в 2018 году, Россия передала информацию 14 странам [9], получила информацию от 58 стран [12]. Приказом Федеральной налоговой службы [5] был утвержден расширенный перечень стран и территорий, с которыми у РФ происходит обмен информацией, согласно нему в 2019 году ожидается обмен информацией с 75 странами и 13 территориями.

Включение государства в систему налогового администрирования в рамках международного сотрудничества влечет изменение внутреннего законодательства. Примером изменения правовых норм в сфере налогового администрирования в России служит внесение в Налоговый кодекс раздела VII.1 «Выполнение международных договоров российской федерации по вопросам налогообложения и взаимной административной помощи по налоговым делам» [2].

Для реализации обмена информацией с налоговыми службами других государств, а так же для выполнения внутренних задач России потребовалась соответствующая инфраструктура и организационные изменения в Налоговой службе.

В 2011 году дан старт строительству системы центров обработки данных [3]. В 2015 году были открыты два таких центра, продолжается строительство третьего, резервного. Центры обработки данных помогают ФНС внедрять такие инструменты налогового администрирования, как налоговый мониторинг,

автоматическую систему контроля НДС, автоматическую систему контроля применения ККТ [6], электронные сервисы.

В автоматизированной системе контроля НДС-2 в полной мере реализован риск-ориентированный подход, позволяющий снижать издержки на проведение контрольных мероприятий органами налоговой службы и повышать эффективность проверок. Программа сопоставляет сведения контрагентов, выявляя налоговые разрывы. Система является экстерриториальной, ее использование свидетельствует об изменении принципа работы налоговой службы, ухода от территориальной привязки. Такой подход оптимизирует механизм налогового контроля и снижает коррупционные риски.

В органы ФНС начал внедряться программный комплекс АИС «Налог-3»[7], который представляет собой единую информационную систему ФНС России.

АИС «Налог-3» обеспечит автоматизацию деятельности ФНС России по всем выполняемым функциям, в том числе прием, обработку, предоставление данных и анализ информации, формирование информационных ресурсов налоговых органов, статистических данных, сведений, необходимых для обеспечения поддержки принятия управленческих решений в сфере полномочий ФНС России и предоставления информации внешним потребителям.

В единую систему будет собрана информация органов статистики, АСК таможенной службы, онлайн касс, данные налогового мониторинга, банковские транзакции, информация АСК НДС-2.

В 2018 году выполнено объединение информационных систем налоговой и таможенной служб, это обеспечило прослеживаемость товаров на всех этапах жизненного цикла. В процессе обмена такими данными сформированы электронные досье по истории внешнеторговых операций компаний. Проходят совместные проверки соблюдения налогово-таможенного законодательства [10].

Расширяющееся взаимодействие налоговой и таможенной службы позволяет сделать предположение о возможном объединении этих двух структур в целях оптимизации налогового и таможенного администрирования.

Налоговой службой разработано множество электронных сервисов. На портале ФНС можно зарегистрировать ИП, оплатить налоги и сборы, предоставить налоговую и бухгалтерскую отчетность в электронном виде и т.д.

Внедрение и использование информационных технологий делают ФНС самой современной государственной структурой в России.

Цифровая трансформация налоговых органов это следствие возникающих перед государством вызовов. Из-за отсутствия необходимых

инструментов для фиксации фактов хозяйственной жизни компаний государство не имеет возможности получить весь объем налоговых поступлений.

Внедрение новых технологий в практику налогового администрирования позволяет достичь нескольких целей. Это упрощает сбор и анализ получаемой от налогоплательщиков информации, облегчает обмен информацией между государствами, приводит к повышению прозрачности, и как следствие увеличивает собираемость налогов. Применение информационных технологий позволяет сократить издержки налоговых органов, в том числе повысить эффективность контрольных мероприятий. Развитие электронных сервисов упрощает диалог государства и общества.

Список использованных источников:

1. О ратификации Конвенции о взаимной административной помощи по налоговым делам: Федеральный закон от 04.11.2014 № 325-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 45. – Ст. 6135.

2. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с реализацией международного автоматического обмена информацией и документацией по международным группам компаний: Федеральный закон от 27.11.2017 № 340-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 49. – Ст. 7312.

3. Об осуществлении бюджетных инвестиций в проектирование и строительство объектов капитального строительства – центров обработки данных, подведомственных Федеральной налоговой службе: Постановление Правительства РФ от 05.12.2011 № 995 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7384.

4. О подписании многостороннего Соглашения компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией от 29 октября 2014 г: Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2016 № 834-р // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 19. – Ст. 2762.

5. Об утверждении Перечня государств (территорий), с которыми осуществляется автоматический обмен финансовой информацией [Электронный ресурс]: Приказ Федеральной налоговой службы России от 04.12.2018 № ММВ-7-17/784@ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. – Дата доступа: 04.04.2019.

6. О вводе в промышленную эксплуатацию программного обеспечения автоматизированной системы контроля применения контрольно-кассовой техники [Электронный ресурс]: Приказ Федеральной налоговой службы от 19

октября 2016 г. № ММВ-7-6/573@ // Справочная система “Гарант”. – URL: <http://www.garant.ru>. – Дата доступа: 04.04.2019.

7. Об утверждении Положения об автоматизированной информационной системе Федеральной налоговой службы (АИС «Налог-3») [Электронный ресурс]: Приказ Федеральной налоговой службы от 14 марта 2016 г. № ММВ-7-12/134@ // Справочная система “Гарант”. – URL: <http://www.garant.ru>. – Дата доступа: 04.04.2019.

8. Проект BEPS Организации экономического сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org/tax/beps>. – Дата доступа: 04.04.2019.

9. Information on exchanges that took place in 2018 under the AEOI Standard (as of 31 December 2018) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/commitment-and-monitoring-process>. – Дата доступа: 04.04.2019.

10. Выступление Министра финансов Антона Силуанова на заседании расширенной Коллегии ФНС России [Электронный ресурс]. – URL: https://www.minfin.ru/ru/press-center/?id_4=35040. – Дата доступа: 04.04.2019.

11. Московский финансовый форум [Электронный ресурс]. – URL: <http://mff.minfin.ru>. – Дата доступа: 04.04.2019.

12. Портал ФНС России [Электронный ресурс] : новость «Михаил Мишустин подвел итоги работы налоговых органов за 2018 год». – URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/8434593. – Дата доступа: 04.04.2019.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИНЫХ МЕТОДОВ,
НАПРАВЛЕННЫХ НА КОНТРОЛЬ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ,
ПОДЛЕЖАЩЕЙ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЮ**

© Д.А. Емельяненко

Научный руководитель: С.В. Староватова

Сибирский федеральный университет

В последнее время в России активно обсуждается вопрос о препятствовании осуществлению предпринимательской деятельности органами государственной власти, местного самоуправления и их должностными лицами. Так, Президент России В.В. Путин 19 марта 2019 г. на заседании расширенной

коллегии Генпрокуратуры РФ подчеркнул, что предпринимателям необходимо оказывать эффективную поддержку в вопросах нарушения их прав, но противоправную деятельность предпринимателей без должного внимания оставлять нельзя.

В механизме правового регулирования предпринимательской деятельности важное место занимает лицензирование отдельных видов деятельности. Так, И.Г. Колесник считает, что институт лицензирования - это одна из форм административно-правового регулирования предпринимательских отношений с целью обеспечения баланса частных интересов субъектов предпринимательской деятельности с публичными интересами общества в целом [6]. Лицензирование - эффективный метод воздействия на экономическую сферу, которое по своей сути представляет разрешение, выданное государством на осуществление определенной деятельности. Однако, выдача лицензии предусмотрена только для строго определенных видов деятельности, список которых содержится в ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [2].

Рассмотрим цели лицензирования, роль которых очень важна, при определении значения юридических действий и их направления. По мнению А.В. Кнутова, основной целью лицензирования - залог не причинения, предотвращения, также подавление вреда, который может быть вызван выполнением отдельных видов работы [5].

Согласно ч. 1 ст. 2 ФЗ № 99 цель лицензирования деятельности одна - предотвращение причинения ущерба, возможность нанесения которого связана с осуществлением юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями отдельных видов деятельности. Объектами же охраны являются - права, законные интересы, жизнь или здоровье граждан, окружающая среда, объекты культурного наследия народов РФ, оборона и безопасность государства. Лицензирования отдельных видов деятельности в иных целях, не указанных в законе, не допускается [2].

При проведении сравнительного анализа ч. 1 ст. 2 ФЗ № 99 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ было выявлено, что из указанной статьи закона выпали такие объекты, подлежащие охране как: основы конституционного строя, нравственность и законные интересы других лиц, указанные в Конституции РФ [1]. Можно предположить, что это упущение законодателя и, на наш взгляд, указанные объекты должны быть обязательно указаны в законе о лицензировании.

Для российского общества сегодня остро звучит проблема качества оказываемых юридических услуг. Они не включены в перечень лицензируемых

видов деятельности. Качество их оказания зачастую имеет не столько правовую, сколько нравственную основу. Так, жертвами обмана стали десятки тысяч пенсионеров в разных городах России. Юридические фирмы обещают им добиться положенных надбавок к пенсии. Пенсионный фонд вынужден отказать всем, - разъясняет заместитель управляющего отделением ПФ РФ по Новосибирской области Л.В. Якушенко. Привлечь к ответственности консультантов не просто. Работают такие фирмы в рамках закона: в договорах прописано лишь «оказание юридических услуг», их качество не оценивается, но договор не отражает реального предмета договоренности. И в итоге выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовных дел [7]. Предлагаемые изменения ч. 1 ст. 2 закона позволят учесть все объекты охраны, содержащиеся в Конституции и обеспечат их всестороннюю защиту от недобросовестной предпринимательской деятельности и нарушений закона со стороны органов государственной власти, их должностных лиц.

Интерес представляет и изучение задач лицензирования, которые закреплены в ч. 2 ст. 2 действующего закона: предупреждение, выявление и пресечение нарушений юридическим лицом или его должностными лицами, индивидуальным предпринимателем, его уполномоченными представителями требований, которые установлены нормативно правовыми актами РФ [2]. Законодатель закрепляет необходимость установления соответствия соискателя лицензии, установленным законом требований, и их соблюдение в течение всего срока осуществления предпринимательской деятельности определенного вида. Так, например, при оказании медицинских или образовательных услуг очень важное значение имеет изменение правового статуса работника - судимость, нарушении норм нравственности и др., которые существенно влияют на возможность самого субъекта предпринимательской деятельности ее осуществлять в дальнейшем.

Основными критериями, по которым определяется вид деятельности, подлежащий лицензированию, является возможность нанесения ущерба объектам указанных в ч. 1 ст. 2 ФЗ № 99, а также невозможность осуществления регулирования деятельности иными методами. А.С. Калинина предлагает в качестве дополнительного критерия учитывать фактор повышенной доходности вида деятельности, приводящий к злоупотреблениям со стороны хозяйствующих субъектов [4].

Первый критерий, необходим для предотвращения возможности причинения ущерба от осуществления определенного вида деятельности. Из этого следует, что к лицензируемым видам деятельности относится такая

деятельность, которая обладает потенциальной угрозой причинения ущерба правам и законным интересам человека, общества и государства.

Второго критерий содержит условие об отсутствии дополнительных методов, направленных на контроль и регулирование деятельности, подлежащей лицензированию. С одной стороны это дает возможность органам власти усилить контроль и регулирование деятельности, с другой стороны может привести к излишней проверяемости деятельности предпринимателей, создавая им дополнительные препятствия.

Проблему представляет второй критерий, т.к. законодатель не определяет дополнительные методы, направленные на контроль и регулирование деятельности, представляющей повышенную опасность. К ним можно отнести - аккредитацию, аттестацию специалистов, контроль и надзор за соблюдением требований технических регламентов, обязательную сертификацию, декларирование продукции и прочее.

Проанализировав практику, связанную с причинением ущерба определенными видами лицензируемой деятельности, можно сделать вывод о том, что цели и задачи, установленные в ст. 2 изучаемого закона не могут быть достигнуты в полной мере без осуществления дополнительных – иных методов контроля и регулирования предпринимательской деятельности.

Так, в соответствии с п. 11 ст. 12 ФЗ № 99 деятельность по хранению и уничтожению химического оружия - является потенциально опасной и лицензируется с целью предотвращения ущерба. Однако, судом было установлено, что смерть человека, произошла вследствие несчастного случая при осуществлении трудовых обязанностей по безопасному хранению и уничтожению химического оружия. Причинами несчастного случая стали: неудовлетворительная организация производственных работ в корпусе, а также отсутствия надлежащего контроля со стороны должностных лиц, ответственных за безопасное ведение работ по обслуживанию оборудования.

Еще один пример - решение по делу № 2-1713/2017 о перевозках пассажиров внутренним водным транспортом. ООО «...Речное Пассажирское предприятие», причинило тяжкий вред здоровью пассажиру Х., вследствие обрушения конструкции сходного трапа. Обрушение произошло при разъединения трапа и площадки береговой эстакады, вызванной некачественной сваркой швов и ненадлежащим исполнением обязанностей по обеспечению требований безопасности [3].

На практике цели и задачи лицензирования зачастую не достигаются в полной мере, поскольку, несмотря на наличие лицензии, ущерб правам, законным интересам человека, здоровью или его жизни, нравственности все же

причиняется. Предотвратить подобные ситуации, достичь цель лицензирования все же возможно.

На основании вышеизложенного, можно сделать выводы о необходимости: включения в закон о лицензировании всех объектов охраны, указанных в Конституции РФ; нормативного закрепления единой системы механизма контроля и регулирования деятельности, подлежащей лицензированию, направленных на эффективную реализацию целей и задач лицензирования; введения дополнительных мер морального и материального стимулирования субъектов предпринимательской деятельности, направленных в первую очередь на безопасное осуществление предпринимательской деятельности, и только во вторую – получение прибыли.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

2. О лицензировании отдельных видов деятельности [Электронный ресурс]: федер. закон от 27.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

3. Приговор Самарского районного суда Самарской области от 16 окт. 2017 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru>.

4. Калинина, А. С. Объекты лицензирования / А.С. Калинина // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 3. – С. 79-84.

5. Кнутов, А. В. Лицензирование отдельных видов экономической деятельности [Электронный ресурс] / А.В. Кнутов // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2014. – № 1. – URL: <https://vgmu.hse.ru>.

6. Колесник, Г. И. Правовое регулирование лицензирования отдельных видов предпринимательской деятельности [Электронный ресурс] / Г.И. Колесник // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru>.

7. Паршакова, А. Пенсионеры по всей России оказались обмануты мошенниками; Лямин, Е. Мошенники наживаются на пенсионерах [Электронный ресурс] – URL: https://www.1tv.ru/news/2019-04-10/363360-pensionery_po_vsey_rossii_okazalis_obmanuty_moshennikami.

**НЕЦЕЛЕВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ.
НЕКОТОРЫЕ ИЗЪЯНЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

© Г.Н. Жулакашвили

Научный руководитель: Е.А. Вакулина

Сибирский федеральный университет

Современные Российские реалии таковы, что среди представителей государственной власти существуют лица, которые либо в силу некомпетентности и безответственности либо стремлением достичь корыстных целей посредством своего положения приводят к неэффективному использованию бюджета. Применительно к данным ситуациям законодательство РФ предусматривает ответственность, которая вытекает из положений ст. 306.4. БК РФ, ст. 285.1. УК РФ и ст. 15.14. КоАП.

Объективная сторона, предусмотренная данными нормами, выражается в деянии, обозначаемом как расходование (использование) бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения. Субъективная сторона выражается в негативном психическом отношении лица в форме умысла или неосторожности к охраняемым данными статьями общественным отношениям. Исходя из ст. 285.1. УК РФ, можно определить, что в качестве основного объекта выступают отношения в области образования и расходования денежных средств, предназначенных для обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления. Факультативным объектом являются гарантированные Конституцией права и законные интересы граждан, которым может быть нанесен вред в результате совершения бюджетных правонарушений. Анализ и сравнение указанных выше статей показали наличие некоторых несоответствий и изъянов, создающих трудности для правоприменителя.

Во-первых, разногласия в юридической литературе вызывает употребление в диспозиции статей различных по своему происхождению терминов, в БК РФ и КоАП это «использование», в УК РФ – «расходование». В связи с этим, одни ученые отстаивают точку зрения о том, что норма Бюджетного Кодекса выступает в качестве образующего элемента для нормы Уголовного Кодекса, вследствие этого, для устранения разногласий, следует установить соответствие статьи 285.1. УК РФ статье Бюджетного Кодекса [6]. Другие склоняются к тому, что данные термины равнозначны [7]. Также затруднения в квалификации может вызвать, используемый в уголовном законодательстве, термин «смета доходов и расходов», непредусмотренный статьей 306.4. БК РФ.

Во-вторых, остается неясным вопрос с субъектами данного правонарушения. Так, УК РФ в качестве субъекта определяет должностное лицо получателя бюджетных средств, в число которых, в соответствии со ст. 6. БК РФ, входят: государственные органы, органы местного самоуправления, орган местной администрации, орган управления внебюджетным фондом государства, а также казенное учреждение, имеющие право на принятие и (или) исполнение бюджетных обязательств. Законодатель в ст. 306.4. Бюджетного кодекса косвенно указывает субъектов рассматриваемого деяния, описывая их в ч. 2 и ч. 3 данной статьи, однако, ни в первом, ни во втором случае не берется во внимание тот факт, что ст. 78. БК РФ предусматривает в качестве получателей бюджетных средств, а конкретно субсидий, юридических и физических лиц, а также индивидуальных предпринимателей. Т.е. фактически получая бюджетные средства, указанные категории не охватываются смыслом ст. 6 БК РФ, что может привести к неправильному определению правоприменителем субъекта преступления посредством расширительного толкования, что недопустимо при квалификации рассматриваемого деяния.

В-третьих, по мнению автора, ответственность, предусмотренная уголовным законодательством за совершение рассматриваемого деяния, не соответствует его общественной опасности. В качестве довода можно привести сравнительный анализ статей 285.1. и 158 УК РФ, который показал, что при совершении кражи в особо крупном размере (один миллион рублей), мера ответственности значительно превышает ту, что предусмотрена за особо крупный размер (семь миллионов рублей) нецелевого расходования бюджетных средств.

В части сравнения КоАП и БК наблюдается определенная схожесть диспозиции статей, посвященных нецелевому использованию бюджетных средств, однако, остается неясным решение законодателя о дублировании в ст. 15.14. положения, касающегося нецелевого направления средств бюджета. Возможно, это было сделано для того, чтобы избежать визуальной идентичности диспозиций, возможно, чтобы устранить сухость и придать статье некоторой масштабности. Также проявляется разграничение области правового регулирования и ответственности, в ст. 306.4. БК РФ делается акцент на межбюджетные трансферты и кредит бюджетам бюджетной системы, а в качестве санкции выступает взыскание суммы средств, использованных не по назначению, КоАП, в свою очередь, устанавливает административный штраф. Ко всему этому, при рассмотрении ст. 15.14. было выявлено значительное расхождение со статьями БК РФ и УК РФ в определении субъекта правонарушения, которое выражается в отсутствии у должностного лица статуса получателя

бюджетных средств, предусмотренного уголовным и бюджетным законодательством. В связи с этим, возникает, упомянутая ранее, возможность расширительного толкования при определении субъекта, т.е. к ответственности может быть привлечено должностное лицо, к примеру, главного распорядителя средств бюджета, что недопустимо, т.к. указанный орган фактически не обладает полномочиями по расходованию и использованию бюджетных средств [4]. Также в статье 15.14. упоминаются юридические лица, что противоречит Бюджетному кодексу, который установил перечень лиц, подлежащих ответственности за нецелевое использование бюджета.

Исходя из всего вышеописанного, можно сделать вывод, что ситуация, сложившаяся на данный момент в области правового регулирования нецелевого расходования бюджетных средств, указывает на необходимость совершенствования действующего законодательства. Показывается разумным привести в соответствие нормы и устранить имеющиеся пробелы, определить исчерпывающий и конкретный список лиц, подлежащих ответственности, а также улучшить систему финансового контроля для обнаружения и предотвращения рассматриваемого деяния.

Список использованных источников:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. - № 31. - Ст. 3823.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации - 1996. - № 25. - Ст.2954.
4. Глазкова, Е.И. Субъект нецелевого расходования бюджетных средств / Е.И. Глазкова // Уголовная юстиция. – 2017. – № 10. – С. 139-143.
5. Никифорова, И.А. Расследование нецелевого расходования бюджетных средств: автореф. дис... канд. юр. наук. - Тула. 2016. - 31 с.
6. Фазылов, Р.Р. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: дис... канд. юр. наук. - М., 2004. - 179 с.

7. Шашкова, Е.М. Ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств по Уголовному кодексу Российской Федерации / Е.М. Шашкова // Законность. - 2010. - № 8.

ПРИМЕНЕНИЕ ОНЛАЙН-КАСС

© Л.В. Кухаренко

Научный руководитель: Е.А. Вакулина

Сибирский федеральный университет

Торговля - это постоянно развивающийся сектор экономики, возникший еще в древние времена. Расчеты с покупателями осуществлялись с помощью подсчета палочек, купюр и многих других средств. В последние десятилетия кассовое оборудование (ККТ) стало привычным для расчетов продавцов с покупателями. В каждом продуктовом магазине можно увидеть подобное устройство, оно может функционировать просто путем ввода окончательной суммы покупок и выдачи чека, или, возможно, путем сканирования штрих-кода и выдачи чека - есть много вариантов, и каждая компания выбирает тот, который удобнее и выгоднее купить и использовать.

В соответствии с российским законодательством контрольно-кассовая техника (ККТ) – это электронные вычислительные машины, иные компьютерные устройства и их комплексы, обеспечивающие запись и хранение фискальных данных в фискальных накопителях, формирующие фискальные документы, обеспечивающие передачу фискальных документов в налоговые органы через оператора фискальных данных и печать фискальных документов на бумажных носителях в соответствии с правилами, установленными законодательством Российской Федерации о применении контрольно-кассовой техники. Использовать такие машины предписывает Федеральный закон № 54 «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчётов и (или) расчётов с использованием электронных средств платежа» [1].

Впервые понятие «онлайн-касса» появилось после реформы в сфере применения ККТ в 2016 году. Федеральным законом № 290-ФЗ от 03.07.2016 были определены сроки перехода на новую форму регистрации транзакций в течение ближайших трех лет [2]. Одной из главных особенностей новых касс стала функция по передаче чеков в Федеральную налоговую службу России через Интернет в режиме онлайн.

Летом 2018 года началась активная фаза второй волны кассовой реформы, как этого требует 54-ФЗ. С 1 июля на онлайн-кассы должны были перейти малый бизнес и некоторые индивидуальные предприниматели. Однако организации и ИП в сфере торговли или общепита, которые не имеют работников с трудовым договором, получили отсрочку до 1 июля 2019 года. Но если они заключат договор хотя бы с одним работником, то должны будут приобрести и поставить на учёт в ФНС кассу в течение 30 дней [7, с. 258].

Необходимо выделить некоторые преимущества онлайн-касс для ФНС. Это, во-первых, повышение прозрачности операций — служба теперь знает обо всех операциях по кассам, что также может улучшить контроль над оборотом подакцизной продукции (алкоголя, табака); во-вторых, уменьшение «серого» оборота в розничной торговле — предпринимателю гораздо сложнее уклониться от налогов; в-третьих, увеличение эффективности налогообложения — стало возможным проанализировать все операции по кассам предпринимателя и сопоставить их с уплаченными налогами.

Плюсы онлайн-кассы для ИП и компаний тоже весьма понятны:

- зарегистрировать кассу теперь можно без визита в налоговую службу — все операции можно провести в режиме онлайн на сайте ФНС;
- не нужно постоянно передавать данные о транзакциях в ФНС — вся информация будет отправляться автоматически в режиме онлайн;
- фискальный накопитель, в отличие от ЭКЛЗ, нужно менять реже — новые устройства выпускаются со сроком действия 13, 15 или 36 месяцев [4, с. 64].

Использование онлайн-кассы положительно скажется и на покупателе. Теперь, в случае утери бумажного чека он сможет всегда найти свой электронный чек и с его помощью решить любой спорный вопрос или оформить возврат товара [5, с. 180].

Однако более половины существующих компаний, обязанных установить новые кассы, относятся к данной реформе отрицательно. Больше всего недовольны реформой индивидуальные предприниматели — около 60%. Для многих предпринимателей основной минус — это необходимость дополнительных затрат, особенно критичных для малого бизнеса. Прежде всего, это затраты на покупку новых ККТ или обновление уже имеющихся; на обучение сотрудников, чтобы они могли работать на новом оборудовании; на оплату посреднических услуг ОФД; на покупку фискального накопителя, а также на оформление электронной подписи для онлайн-регистрации кассы и подключение онлайн-кассы к Интернету.

Стоит отметить, что расходы предпринимателей на втором этапе реформы покрываются налоговым вычетом на сумму до 18 тыс. руб. на каждую кассу. Однако о данном налоговом вычете знает только лишь половина предпринимателей. Поэтому следует более ярко освещать данный вопрос, например, через социальные сети. Кроме того, больше половины участников реформы считают эту меру недостаточной. Расходы бизнесмена включают не только покупку самой кассы, но и ее обслуживание: эта техника никогда не работает идеально.

Переход на новые аппараты сопровождается и другой немаловажной проблемой – дефицит фискальных накопителей. По состоянию на декабрь 2018 года в РФ функционирует всего 20 ОФД, каждый из которых располагает дата-хранилищами информации — 3 миллиона новых пользователей остаются просто незамеченными в этой информационной бездне.

Что касается ответственности за уклонение от установки онлайн-касс, то если ФНС в ходе проверки обнаружит, что бизнес работает без кассы, ему грозит штраф:

- для ИП штраф составляет от 25% до 50% выручки, полученной без кассы, но не меньше 10 тысяч рублей.

- для организации — от 75% до 100% неучтённой выручки, но не меньше 30 тысяч рублей.

Есть и смягчающие обстоятельства, которые могут послужить основанием для освобождения от административной ответственности. Для этого должны быть соблюдены некоторые условия: во-первых, у ИФНС до обращения не должно быть данных о нарушении; во-вторых, обязанность по применению ККТ должна быть добровольно исполнена до вынесения постановления по делу об административном правонарушении.

Если нарушитель продолжает работать без кассы и его выручка уже составила как минимум 1 млн. рублей, руководителю запретят занимать эту должность на срок от одного до двух лет, а деятельность организации или ИП приостановят на срок до 90 дней [3, с. 79].

Необходимо подчеркнуть, что оператор фискальных данных, выступая посредником между ФНС и пользователем онлайн-кассы, несет ответственность в виде штрафа за нарушение требований законодательства о применении онлайн-касс. К основным правонарушениям КоАП РФ относит предоставление недостоверных данных при соискании разрешения на обработку фискальных данных, нарушение обязанности по обработке и передаче сведений в ФНС, непредставление информации в налоговый орган о заключении, изменении или расторжении договора с пользователем ККТ.

Ответственность оператора фискальных данных за недобросовестное исполнение возложенных на него обязанностей, выразившееся в нарушении требований законодательства о применении онлайн-касс, установлена пунктами 7-12 ст.14.5 КоАП РФ. При этом приостановление деятельности или предупреждение в качестве мер ответственности для ОФД, не применяется. Единственной санкцией, лишаящей возможности дальнейшего продолжения деятельности, является аннулирование разрешения на обработку фискальных данных [6].

Таким образом, стоит сделать вывод, что данную процедуру перехода на новые правила ведения кассовой дисциплины будет достаточно трудно реализовать. Особенно трудно будет для тех предпринимателей, которые находятся в труднодоступных уголках нашей страны и у которых проблемы с передачей данных через Интернет, с обучением персонала работе на новых кассах. Но в целом видятся и положительные стороны, о чем говорили выше, в том числе это - и борьба с «теневой» экономикой, и упрощение процесса передачи данных в налоговую службу, снижение случаев необоснованных проверок контролирующих органов в места расположения онлайн-касс и увеличение налоговых поступлений в бюджет.

Список использованных источников:

1. О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 22.05.2003 № 54-ФЗ (ред. от 25.12.2018) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Федер. закон от 03.07.2016 № 290-ФЗ (ред. от 03.07.2018) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Бугаян, С. А. Преимущества и недостатки перехода на новый порядок применения контрольно-кассовой техники для малого бизнеса / С. А. Бугаян, П. П. Назаренко // Экономика. Упр. Финансы. — 2017. — № 2 (8). — С. 75—84.
4. Гринкевич, Л. С. Новый порядок применения контрольно-кассовой техники: причины введения и последствия / Л. С. Гринкевич, И. Ю. Жалонкина // Сиб. финанс. шк. — 2017. — № 3 (122). — С. 60—64.

5. Куликова, Е. О. Контрольно-кассовая техника и онлайн-касса / Е. О. Куликова // Экономика. Управление и право: информационное решение проблем. — 2017. — С. 179-181.

6. Пряничникова, М. Очередь за кассой / М. Пряничникова // Рекламно-информационное приложение к газете «Ведомости». — 2017. — № 6.

7. Удовина, Г. А. Учет денежных средств на предприятии / Г. А. Удовина // Учетно-аналитическое обеспечение стратегии устойчивого развития предприятия. Материалы международной научно-практической конференции. — 2017. — С. 257-259.

О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ «BENEFICIAL OWNER»

© К.А. Куцева

Научный руководитель: А.В. Демин

д-р. юрид. наук

Сибирский Федеральный университет

Проблема неправомерного использования Соглашений об избежании двойного налогообложения с целью незаконного приобретения налоговых льгот коснулась не одно государство и носит всеобщий характер. Одним из инструментов противодействия неправомерному использованию Соглашений является концепция «Beneficial owner». Однако единое международное официально закрепленное определение «Beneficial owner» не установлено. Таким образом, как на международном, так и на национальном уровне предпринимаются попытки истолковать данную концепцию, что влечет неизбежный вопрос о соотношении данных толкований.

В российском налоговом законодательстве концепция бенефициарного собственника доходов была закреплена относительно недавно (в ноябре 2014 г.) в ст. 7 и 312 Налогового Кодекса Российской Федерации [2]. В российском варианте концепция бенефициарного собственника доходов звучит как «лицо, обладающее фактическим правом на доход». Думается, что отказ от дословного перевода «Beneficial Owner» связан с особенностями континентальной правовой системы и отсутствием расщепления права собственности. Изначально концепция «Beneficial Owner» возникла на базе англо-саксонской правовой системы. Странам континентальной правовой системы данная концепция неизвестна и является заимствованной, что поднимает вопрос ее релевантности.

При толковании соглашений об избежании двойного налогообложения следует, прежде всего, обратиться к правилам, закрепленным в статьях 31, 32 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Согласно общему правилу толкования договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. Наряду с контекстом учитывается любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений, последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования, любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками. Возможно обращение к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовленным материалам и к обстоятельствам заключения договора, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи 31, или определить значение, когда толкование в соответствии со статьей 31 оставляет значение неясным или приводит к явно неразумным результатам [1].

Однако согласно п. 2 ст. 3 Модельной конвенции ОЭСР (Далее – МК ОЭСР) термин, не определенный в тексте налогового соглашения, имеет значение, придаваемое ему действующим внутригосударственным законодательством договаривающегося государства, «если из контекста налогового соглашения не вытекает иное». При этом значение термина, содержащееся в налоговом законодательстве страны, имеет приоритет перед иными значениями, придаваемыми в других законах этого государства [6].

Например, в Германии «бенефициарную собственность» понимают в гражданско-правовом или экономическом аспекте, а также в рамках противодействия злоупотреблению налоговыми соглашениями. Толкование может быть осуществлено автономно в рамках договорного права, с привлечением национального права применяющего государства или судебной практики относительно понятия «Beneficial Owner», которая не является единой [4, с. 303-309]. Отмечается, что рассматриваемый правовой институт, действительно, ввиду включения в многочисленные Соглашения об избежании двойного налогообложения, является элементом международного договорного права, при этом нормы Соглашений подлежат, главным образом, автономному толкованию. Наряду с этим, само существование данных предписаний, является одновременно указанием на то, что данный правовой институт не должен оставаться без внимания, отображает элементы национального налогового права и отражается на них.[5, с. 24-25].

С одной стороны, как справедливо отмечено российскими авторами, оговорки, согласно которой действие Соглашений обусловлено наличием термина в национальном законодательстве, не имеется, следовательно, отсутствие данного термина в национальном налоговом законодательстве вполне допустимо [6, с. 32-37]. С другой стороны, вспомогательным фактором универсализации, по мнению профессора Д.В. Винницкого, является стремление государств выработать согласованные меры по борьбе с уклонением от налогообложения, определение нормативного предписания, способного наиболее эффективным образом противостоять конкретной форме уклонений [7].

Согласно обновленному параграфу 12.1 Комментария 2014 года к статье 10, термин «Beneficial Owner» «был задуман... не для того чтобы сослаться на какое-либо техническое значение, которое оно могло иметь в соответствии с внутренним законодательством конкретной страны». По мнению профессора А.В. Демина, положения Комментария ОЭСР на основании общих правил толкования договоров, закрепленных в Венской Конвенции, «de facto» имеют обязывающий характер, обусловленный авторитетом разработавших их международных организаций, в том числе и для государств, которые не являются членами ОЭСР [8, с. 6-9].

Отечественная судебная практика подтверждает авторитет вышеуказанных международных правовых источников. В своем Решении от 31.10.2016 по делу № А40-113217/16-107-982 ПАО «Северсталь» суд обратился к доктрине необоснованной налоговой выгоды. Помимо положений Налогового кодекса Российской Федерации суд также анализирует положения МК ОЭСР, включая Комментарии, а также доклад Комитета по бюджетным вопросам, озаглавленном «Конвенции об избежании двойного налогообложения и использование подставных компаний». Отмечается, что «наличие комментариев к Модельной конвенции ОЭСР в совокупности с тем обстоятельством, что Российская Федерация фактически участвует в формировании собственной позиции, изложенной в данных комментариях, свидетельствует о том, что данный документ является документом, определяющим практику применения международного договора, в связи с чем может и должен учитываться при толковании положений Соглашения, в том числе в рамках судебного разбирательства и при принятии решения по налоговой проверке» [3].

Таким образом, во-первых, несмотря на отсутствие на международном уровне единого исчерпывающего определения «Beneficial Owner», нельзя не принимать во внимание общие положения, указанные в Комментариях ОЭСР, учитывать автономное значение, которым должно обладать рассматриваемое понятие в целях международного соглашения. Во-вторых, не отрицая

сущности концепции, закрепленной в рамках международного договорного права, национальные нормы (при наличии) следует рассматривать в качестве дополняющего элемента для реализации на практике вышеуказанных положений относительно «Beneficial Owner», образующих с международным толкованием единый правовой механизм и не расширяющих значение, закрепленное в международных правовых нормах.

Вопрос о преимущественном значении внутригосударственного или международного значения концепции провоцирует возникновение споров и многообразии подходов к решению. Поводом для этого служит как отсутствие единого официального определения, закрепленного на международном уровне, так и положения п. 2 ст. 3 МК ОЭСР, закрепляющего за внутригосударственным законодательством договаривающегося государства приоритет в случае отсутствия определения в тексте налогового соглашения. В поиске золотой середины, думается, что внутригосударственное регулирование, направленное на исполнение задач и целей, заявленных в Соглашениях об избежании двойного налогообложения, не выходящее за рамки международного толкования, способно обеспечить практическую эффективность применения концепции.

Список использованных источников:

1. Венская Конвенция о праве международных договоров: Вена, 23.05.1969 // Ведомости ВС СССР. – 1986. – № 37. – Ст. 772.
2. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)» (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций): Федеральный закон от 24.11.2014 № 376-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 48. – Ст. 6657.
3. Решение АС г. Москвы от 31.10.2016 по делу № А40-113217/16-107-982 [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>
4. Dr. Hans Georg Raber / Beneficial Ownership und das Problem der Basisgesellschaften / Festgabe zum 75. Geburtstag von Prof. Dr. H.C. Franz Wasermeyer. – München. – Beck. – 2015.
5. Fischer, Peter: Kommentar zu § 39 AO. In Hübschmann/ Hepp/ Spitaler: Kommentar zur Abgabenordnung und Finanzgerichtordnung, bearb. von Peter Fischer. – Köln. – Otto Schmidt. – 2013. – § 39 AO, с. 1-80.

6. OECD Model Tax Convention on Income and on Capital. Condensed Version [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oecd.org/tax/treaties/1914475.pdf>

7. Винницкий, Д. В. Международное налоговое право: проблемы теории и практики / Д. В. Винницкий - М.: Статут, 2017. 463 с.

8. Демин, А.В. Относительно-определенные средства в системе налогово-правового регулирования: тенденции и перспективы / А. В. Демин // Финансовое право. - 2012. - № 1. - С. 6-9.

9. Хаванова, И. А. К вопросу о понятии «фактическое право на доход» в налоговом праве / И. А. Хаванова // Финансовое право. - 2014. - № 11. - С. 32-37.

КРИПТОВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЯ

© Р.Р.о. Мамедов

Научный руководитель: Е.А. Вакулина

Сибирский Федеральный Университет

В связи с развитием современных технологий произошло заметное изменение финансовых отношений. В настоящее время криптовалюта все чаще используется в экономических отношениях между частными субъектами. И все чаще высказываются предложения законодательно интегрировать криптовалюту в гражданско-правовой оборот, как средство платежа. И для выполнения данной задачи важным является рассмотреть, что собой представляет криптовалюта как объект правового регулирования.

Криптовалюта - это разновидность цифровой валюты, учет и эмиссия которой основаны на криптографических методах [5, с. 177]. Стоит заметить, что криптовалюта имеет ряд отличительных признаков, которые отражают ее уникальную природу как средства платежа. Во-первых, криптовалюта в отличие от фиатных средств не имеет физического выражения. Во-вторых, их нельзя подделать. Это обеспечивается за счет определенных криптографических шифров. Данный признак, несомненно, является преимуществом. В-третьих, эмиссия производится не централизованными государственными органами, как например Центробанк, а удаленно любыми лицами, у которых есть соответствующее оборудование и ПО(программное обеспечение). В-четвертых, ценность данной валюты определяется сложностью криптографического ключа. В-пятых, сведения о каждой осуществленной транзакцией регистрируются в открытой базе данных, именуемой «Blockchain» (Блокчейн).

Уникальную природу криптовалюты можно увидеть и при разграничении их с электронными деньгами. Несмотря на кажущуюся идентичность, криптовалюта и электронные деньги кардинально различаются. Электронные деньги по своей сути, те же фиатные деньги, но записанные в виде числовой кодировки, которые с помощью транзакций переходят со счета на счет. Как и фиатные деньги, электронные также подвержены эмиссии и инфляции. В свою очередь криптовалюта таким экономическим явлениям не подвержена. Также стоит заметить, что криптовалюта не имеет в своей основе фиатной массы.

Существует несколько точек зрения о правовой природе криптовалюты. К примеру, Законодательный подход реализуется в проекте Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». В этом законопроекте криптовалюта представляет собой вид финансового цифрового актива и не выступает как законное средство платежа[2]. На практике можно увидеть другую картину, в которой криптовалюта выступает, в большинстве случаев, как средство платежа. И. А. Цинделиани, считает, что финансовые цифровые активы и криптовалюта отличаются по своей природе. В частности, автор делает акцент на том, что цифровые финансовые активы размещаются на любой платформе, где угодно и цифровым активом можно назвать любые цифровые данные, в том числе и криптовалюту. Однако, не каждый цифровой актив можно назвать криптовалютой. Такая криптовалютная платформа, как XPR, которую нередко ошибочно приравнивают к криптовалюте, может послужить прекрасным примером. Данная криптовалютная платформа для платежных систем, ориентированная на операции с обменом валют без возвратных платежей может использоваться только в консенсусом реестре, именуемым Ripple Consensus Ledger.

Законопроект дает следующую трактовку финансовым активам, а именно это денежные средства, а также ценные бумаги, производные финансовые инструменты, доли участия в уставном (складочном) капитале юридического лица или доли участия в иностранной структуре без образования юридического лица, права требования из договора страхования, а также любой иной финансовый инструмент, связанный с указанными видами финансовых активов». Как видим, криптовалюта не подходит под данную трактовку.

Благодаря системе открытых и закрытых ключей у владельца криптовалюты есть полный контроль над ними. А цифровые активы, как правило, не имеют подобной защиты[6, с. 7].

Судебная практика формирует свой подход к рассмотрению криптовалюты. Например, решение по делу 9-го арбитражного апелляционного суда Московского округа под номером № А40-124668/2017 приравнивает

криптовалюту к имуществу[3]. До этого суды категорически отказывались отнести криптовалюту к данной категории. Однако апелляционная инстанция, сославшись на статью 6 ГК РФ и на то, что признать криптовалюту имуществом предлагает законопроект «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (№ 424632-7). Этот законопроект, внесенный депутатами Госдумы в конце марта, 22 мая 2018 года был принят Госдумой в первом чтении[1].

Таким образом, криптовалюта и цифровой актив отличаются друг о друга. Во-первых, большинство криптовалют имеют децентрализованную природу и защищаются специальными алгоритмами. Помимо этого криптовалюты имеют свой лимит предложения, в то время как цифровые активы не имеют такого ограничения [6, с. 8].

Существует также и позиция согласно, которой криптовалюту следует отнести к обязательственным правам требования[4, с. 15]. Данную точку зрения высказала профессор Л. Новоселова. Свой тезис она аргументировала тем, что биткойн как один из видов криптовалют можно приравнять к безналичным денежным средствам в той мере, в которой биткойн выполняет функцию денег для целей оплаты товаров, работ и услуг должна рассматриваться как окончательный платеж, прекращающий денежное обязательство исполнением.

Между тем, обязательственное право - это гражданское правоотношение, в силу которого должник обязан совершить в пользу кредитора определенное действие либо воздержаться от определенного действия, а кредитор вправе требовать от должника исполнения его обязанности. Также обязательственное правоотношение является относительным т.е. это отношения, в котором управомоченному лицу(или кругу лиц) противостоит конкретное управомоченное лицо или круг лиц.

В свою очередь, отношения связанные с криптовалютами не являются обязательственными по одной причине. Чтобы стать участником отношений по поводу криптовалют, в первую очередь необходимо завести криптокошелек, который представляет собой программу, содержащие криптографические ключи. И как нетрудно догадаться, создание криптокошелька не влечет появление у субъекта конкретных прав и обязанностей перед другими участниками крипто-системы, поскольку криптокошелек может остаться пустым. И даже после приобретения криптовалюты у лица не возникает прав и обязанностей прав требований к другим участникам системы.

Таким образом, криптовалюта - это цифровая валюта, один из возможных видов цифровых активов(но стоит заметить, что не каждая криптовалюта

является цифровым активом), которая создается и функционирует на криптографических методах, представляющих собой систему математических алгоритмов, а также управляемая децентрализованным способом, то есть без участия внешнего или внутреннего администратора сети. Каждая совершенная транзакция с криптовалютами осуществляется благодаря системе блокчейн, посредством чего обеспечивается подлинность данных транзакций.

В итоге можно сказать, что криптовалюта является абсолютно новым объектом с уникальной природой. И в связи с этим всплывает необходимость специального правового регулирования. Причем, стоит заметить, что данное регулирование стоит сформировать не только на национальном уровне, но также и на международном. И как правильно высказался И. А. Цинделиани, необходимо разработать понятийный аппарат, предусмотреть различное правовое регулирование в зависимости от выполняемой криптовалютой функции, создать условия для конкуренции криптовалют, определить легальные основания и условия для организации деятельности по майнингу криптовалюты и в связи с чем определить субъекта и предусмотреть ответственность в случае возможного сбоя системы, санкционированного или несанкционированного изменения программного кода, а также возникших в связи с этим последствий в системе и порядок их устранения и восстановления правового баланса[6, с. 19].

Список использованных источников:

1. О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.03.2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» [Электронный ресурс] : ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru>.
4. Новоселова, Л. О правовой природе биткойна / Л.О. Новоселова // Хозяйство и право. – 2017. – № 9. – С. 3-15.

5. Хажиахметова, Е.Ш. Криптовалюта – деньги XXI века / Е.Ш. Хажиахметова // Общество с ограниченной ответственностью Агентство международных исследований. – 2016. – № 11-2 – С. 177-179.

6. Цинделиани, И.А., Нигматулина, Л.Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования / И.А. Цинделиани, Л.Б. Нигматулина // Финансовое право. – 2018. – № 7. С. 18-25.

МЕДИАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© А.Д. Мантуровская

Научный руководитель: Л.Ю. Егорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Издавна одним из эффективных способов разрешения различных споров считается судебное производство, так как государственная судебная система надежно зарекомендовала себя и пользуется доверием граждан. Однако серьезным недостатком судебной системы во всем мире является ее перегруженность, когда число рассматриваемых дел значительно больше, чем то количество, что может обработать орган правосудия. Это сказывается на качестве принимаемых решений и значительно увеличивает сроки рассмотрения дел. Неслучайно поэтому мировая практика обратилась к возможности урегулирования споров с помощью альтернативных способов.

Впервые процедура медиации появилась в США в 20 – 30-е годы XX века, но первый законопроект был принят лишь в 1998 году - Закон об альтернативном разрешении споров, в соответствии с которым окружные суды США были обязаны предлагать сторонам хотя бы один из известных способов альтернативного разрешения и урегулирования споров. Как правило, рекомендовались такие способы, как посредничество, независимая экспертиза и арбитраж.

Для Европы периодом активного распространения концепции медиации стали восьмидесятые годы XX века. На сегодняшний день медиация также развивается в странах бывшего СССР: Украине, Молдавии, Армении, Азербайджане, Узбекистане, Таджикистане, Киргизии, Литве, Эстонии и др.

Медиация - это альтернативная процедура разрешения споров с участием третьей нейтральной стороны, не заинтересованной в конфликте, которая помогает выработать соглашение выгодное для обеих сторон конфликта. Максимальный эффект такого урегулирования достигается за счет обретения

понимания спорящими сторонами способности к кооперации и коммуникации посредством действий, которые ориентированы на будущее, что помогает сэкономить участникам спора время, деньги и эмоциональные ресурсы.

В России медиация – относительно новое явление. Необходимость ее внедрения возникла в 1990-е годы XX века наряду с тенденцией развития судебной системы с учетом международного опыта. Немаловажным фактором являлась также загруженность судов. В качестве института российского права медиация закреплена Федеральным законом № 193–ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)» [1].

Медиация применима в различных отраслях гражданских правоотношений, включая корпоративные споры, а также при урегулировании семейных, трудовых и иных споров. Законом определены случаи возможного применения медиации - согласно п.4 ст.1 Закона о медиации процедура медиации применяется после возникновения споров, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства и судопроизводства в арбитражных судах, но стороны могут обратиться к процедуре медиации на любой стадии арбитражного процесса, в том числе и при исполнении судебного акта.

Основными преимуществами медиации являются временные издержки (период медиативной сессии составляет в среднем 2-2,5 часа) и психологический комфорт участников спора в силу отсутствия состязательности сторон [2].

Медиация охватывает практически все сферы повседневного взаимодействия граждан и юридических лиц.

Одной из наиболее актуальных проблем экономических правоотношений можно назвать вопрос разрешения юридических конфликтов между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность [4]. Развитие рыночной экономики сопровождается существенным ростом количества подобных конфликтов и современный бизнес нуждается в более гибких и менее дорогостоящих оперативных формах урегулирования разногласий.

Применение медиации в предпринимательской деятельности создало бы максимальную выгоду для хозяйствующих субъектов.

В настоящий момент процедура медиации в нашей стране применяется достаточно редко, чему имеется ряд причин, среди которых:

- 1) отсутствие государственной поддержки организаций, проводящих процедуры медиации;
- 2) неосведомленность широких слоев населения и бизнеса о наличии данной процедуры и ее возможностях [6].
- 3) отсутствие штата квалифицированных медиаторов;

Проблему доступности медиативных услуг усугубляет неравномерное распределение медиаторов на территории субъектов Российской Федерации. Однако нужно отметить, что с начала введения в действие Закона о медиации отмечается значительное расширение территории размещения организаций медиаторов.

Так, если в 2011 г. медиативные службы работали в 27 субъектах Российской Федерации, то в 2014 г. они функционировали уже в 60. Но, в то же время, с 2015 г. интерес к медиации, как со стороны участников гражданских процессов, так и со стороны судей значительно снизился [5].

В заключении хочется отметить, что, в первую очередь, для развития института медиации в России государство должно проявлять большую заинтересованность в финансировании института и формировании культуры урегулирования споров и альтернативных способов разрешения правовых конфликтов. Кроме этого, инициатива в формировании общего представления общества о преимуществах проведения медиации, добровольного стремления к урегулированию возникшего спора, должна исходить именно от государства, о чем свидетельствует опыт других стран [3]. Необходима также подготовка квалифицированных специалистов в области медиации (медиаторов) способных организовать переговорный процесс с нацеленностью на выработку соглашения.

Список использованных источников:

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Гатауллин, А.Г. Особенности досудебного урегулирования споров с участием посредника / А.Г. Гатауллин, И.В. Жуковская // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. - №1(19). – С. 97-101.
3. Голуб, О. Ю. Перспективы развития медиации в России / О.Ю. Голуб // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2017. – Т. 17. – Вып. 1 – С. 33-37.
4. Калдина, М. А. Медиация как инструмент корпоративного управления [Электронный ресурс] / М.А. Калдина // URL: <http://www.nccg.ru/site>.
5. Новикова, Т. Ю. Правовое регулирование процедуры медиации. Перспективы введения судебной медиации / Т. Ю. Новикова // Рос. правосудие. – 2017. – № 12(140). – С. 25-34.

б. Шамликашвили, Ц. А. Медиация и суд: соотношение судебной защиты прав и реализация их в процедуре медиации [Электронный ресурс] / Ц.А. Шамликашвили // URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/shamlikashvili4/>.

КРИПТОВАЛЮТА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

© М.С. Мурзина

Научный руководитель: Е.А. Вакулина

Сибирский Федеральный Университет

Актуальность темы исследования заключается в том, что мировая экономика приведена в состояние тревоги появлением виртуальных денег, которые превратились в реальное средство платежа, участвующее в гражданском обороте и имеющее свою стоимость, определяющуюся реальными рыночными механизмами через соответствующие биржи.

Криптовалюта представляет собой электронный механизм обмена, цифровой актив, эмиссия и учёт которого зачастую децентрализованы.

До 2015 года в России не было утверждено документов, регулирующих деятельность рынка электронных монет, что повлекло за собой неоднозначные приговоры судов в отношении создателей и пользователей криптовалютных площадок. В связи с подозрением в совершении сделок на черном рынке Невьянским судом была запрещена деятельность семи платформ. В скором времени запрет сняли, но этот прецедент повлиял на решение об оставлении работы криптовалютных бирж без изменений до разработки нормативно-правовой базы, регулирующей их деятельность.

24 октября 2017 г. президент России Владимир Путин поручил Правительству РФ к 1 июля 2018 г. разработать законодательную базу для регулирования оборота цифровых валют. Проект такого закона был представлен весной 2018 года, но был отправлен на доработку, так как эксперты не решили, стоит ли приравнять криптовалюты к ценным бумагам или признать самостоятельным платежным средством, потому что это потребует серьезных изменений в финансовом законодательстве.

1 сентября 2017 года в Костроме было возбуждено первое в России уголовное дело в отношении группы из трех лиц, которые осуществляли продажу и обналичивание биткоинов с помощью 300 банковских и sim-карт. Этим лицам обвиняли в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» [5].

Однако владение криптообменным сервисом не может быть составом преступления по статье 172 УК РФ, т.к. состав данного преступления является специальным составом незаконного предпринимательства и отличается от общего состава специфической сферой осуществления незаконного предпринимательства.

Саму по себе продажу криптовалют за фиатные деньги нельзя классифицировать как банковскую деятельность. Последняя строго отрегулирована федеральным законом «О банках и банковской деятельности». В нем нет ничего связанного с оборотом криптовалют.

Вместе с тем, хотелось бы отметить, что в практике имеются случаи, когда отдельные суды все-таки, пусть хоть и косвенно, но признают криптовалюту неким имуществом.

Например, в Определении Верховного суда Республики Башкортостан от 20.02.2017 г. №33-3487/2017 суд указал, что электронная валюта «E-DINAR», для приобретения которой истцом были перечислены денежные средства, является не средством платежа за товар, а непосредственно товаром [3].

Интересным, на наш взгляд, является дело о банкротстве, находящееся в Арбитражном суде Саратовской области. Одним из участников подана жалоба на бездействия финансового управляющего.

Заявитель обосновал жалобу, указав на то, что финансовым управляющим не были совершены действия по истребованию информации о наличии у должника и членов семьи должника криптовалюты Bitcoin и Ethereum, включению в конкурсную массу криптовалюты, в том числе ответчик: не обратился в суд за санкцией суда получить доступ к электронной переписке должника и членов его семьи для выявления электронных кошельков и сделок с криптовалютой; не произвел анализ банковских операций должника, поскольку конвертация криптовалюты в фиатные деньги, как правило, оставляет соответствующие следы.

В российском Гражданском кодексе не дается общего определения имущества, а лишь перечисляется то, что может быть объектом гражданских прав. Среди них вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права, результаты работ и оказание услуг, нематериальные блага.

По нашему мнению, объекты, которые могут иметь собственника и представлять ценность в глазах третьих лиц, но не подпадают прямо ни под одну из перечисленных в Гражданском кодексе категорий, могут в любом случае считаться иным имуществом.

Одновременно, заявитель жалобы просит суд обязать финансового управляющего совершить все вышеперечисленные действий (Определение Арбитражного суда Саратовской области от 17.04.2018 г. №А57-22584/2015) [2]. В настоящее время дело по существу не рассмотрено.

Однако, хотелось бы обратить внимание, что удовлетворительное разрешение жалобы, будет свидетельствовать о признании судом криптовалюты иным имуществом, так как фактически финансовый управляющий будет признан виновным в несовершении действий по выявлению одного из видов имущества должника.

Как показывают исследования, возможны три модели использования криптовалюты в сфере легализации преступных доходов и финансирования терроризма.

1. Доходы от преступной деятельности обмениваются на биржах, средства поступают в кредитный кооператив, а затем переводятся на офшорные счета.

2. Криптовалюта, полученная в результате незаконной сетевой торговли, обменивается на товарных биржах, переводится на карты с предоплатой и снимается банкоматах.

3. Используется кошелек, в который не знакомые друг с другом люди переводят виртуальные деньги, затем та же сумма чужих биткойнов по частям возвращается отправителю. Связь между злоумышленником и преступными деньгами, таким образом, разрывается [4, с. 94].

Увеличение рыночного оборота виртуальных денег, несомненно, приведет к росту их популярности в криминальной среде, но эта динамика не должна выйти за пределы роста экономических показателей.

Для эффективного противодействия криминальному обороту криптовалюты необходимо разработать единую стратегию, реализуемую в следующих ключевых направлениях:

- определение юридической природы криптовалюты, т.е. следует отождествлять ее с денежными средствами. В качестве криптовалюты не может рассматриваться национальная валюта Российской Федерации или валюта другого государства. Не являются криптовалютой и электронные деньги, т.к. главное отличие электронной криптовалюты от обычных денег в электронном виде заключается в следующем: для того, чтобы обычные деньги появились на счету в электронном виде, они должны быть сначала физически внесены на счет, например, через банк или платежный терминал. То есть для обычной валюты электронный вид – это одна из форм физического воплощения. Криптовалюта выпускается непосредственно в Сети и никак не связана ни с какой-

либо обычной валютой, ни с любой государственной валютной системой. Таким образом, можно сказать, что «криптовалюта – это разновидность электронных денег»;

- расширение спектра информации (данные о владельце, доходы о деятельности), доступной оперативным подразделениям регионов РФ и подразделениям финансовой разведки, предоставлением им упрощенного доступа к информации о совершаемых действиях;

- укрепление сотрудничества в рамках программы отслеживания финансирования терроризма через создание дополнительной системы отслеживания платежей.

Принимая во внимание, что регулирование указанной группы отношений осложнено их анонимностью и далеко не простыми техническими процессами, что отягощает операционный контроль «специальным органом», тем не менее, считаем, что запрет на оборот криптовалюты в эпоху информационного общества не будет способствовать развитию передовых финансовых технологий, а, наоборот, будет тормозить технологическое и, как следствие, экономическое развитие страны. В этом вопросе более эффективными будут выступать меры поощрения за легитимные операции с криптовалютой под контролем специального органа, а меры ответственности следует предусмотреть за осуществление операций вне установленного легитимизированного пространства и процедур.

Только при осознании всеми участниками экономического оборота возможных форм и способов использования криптовалюты, институционарирование криптовалюты начнет совпадать с их осознанием неформального института, что приведет к необходимости закрепления ее в качестве формального института [1, с. 23].

В заключении хотелось бы отметить, что криптовалюта является относительно новой валютой, она получила большую популярность в современном мире. Если криптовалюты будут регулироваться на государственном уровне, то доверие к ним со стороны людей может увеличиться, а электронные деньги смогут быстрее внедриться в финансовую систему, а также будет возможность контролировать осуществление транзакций и незаконный отток капитала из государства.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня. 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Определение Арбитражного суда Саратовской области от 17.04.2018 №А57-22584/2015 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru/>
3. Определение Верховного суда Республики Башкортостан от 20.02.2017 №33-3487/2017 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru/>
4. Агеев, А. И. Криптовалюты, рынки и институты / А.И. Агаев // Экономические стратегии. – 2018. – № 1. – С. 94–107.
5. Александров, Д. Биткоин вне закона / Д. Александров // БОСС: Бизнес. Организация. Стратегия. – 2017. – № 12. – С. 23–25.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© В.В. Осипов

Научный руководитель: Е.А. Вакулина
Сибирский федеральный университет

На протяжении многих лет существует довольно актуальная проблема - правовое положение Центрального банка Российской Федерации. Центральный банк Российской Федерации оказывает большое влияние на финансово-экономическую сферу России. Следует отметить его главное положение среди остальных банков в сфере денежных отношений. Деятельность Центробанка РФ основана на достаточно большом количестве нормативно-правовых актов, таких, как Конституция Российской Федерации [1], которая устанавливает его основополагающие полномочия; Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» [2] и Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»[3]. Вместе с тем, следует отметить, что его правовое положение до настоящего времени не определено в действующем законодательстве. Кроме того, имеется проблема определения его места в системе органов государственной власти. Решение этих вопросов позволит определить статус ЦБ РФ и, как следствие, решить ряд других вопросов, возникающих из-за неоднозначного положения ЦБ РФ в настоящее время.

Центробанк России выступает в качестве основной составляющей банковской системы России. Независимость статуса Центрального банка Российской Федерации как основного элемента правового статуса Банка, закреплена в ст. 75 Конституции РФ, в ст. 1 и 2 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации». Отдельные ученые указывают, что Центробанк РФ, выступая как важный элемент российской банковской системы, оказывает большое влияние на функционирование государства и общества. Развитие финансово-экономических отношений, работа органов и учреждений государства, само существование государства находятся в зависимости от того, насколько результативна работа Центробанка РФ [11, с.45.].

Конституционные положения, закрепляя законодательную, исполнительную и судебную власти, не относят статус Центробанка РФ ни к одной из них. Не имеется и определенной организационно-правовой формы Центробанка РФ, он не относится ни к государственному, ни к муниципальному уровню власти, но при этом Центробанка РФ имеет властные полномочия.

В законе «О Центральном банке Российской Федерации» говорится, что у него имеется печать с изображением государственного герба России и его наименованием. В законе также закреплены его статус, цели деятельности, функции и полномочия. Поэтому можно утверждать, что у Банка России имеется «особый статус», отличающий его от других юридических лиц, о чем свидетельствуют его характерные признаки: он является юридическим лицом, независим от других органов государственной власти, имеет свое наименование, печать, осуществляет денежную эмиссию, защиту и обеспечение устойчивости рубля.

Хотя за Центробанком РФ на законодательном уровне закреплено право проводить все виды банковских операций, его главной функцией является надзор за негосударственными банками и обеспечение стабильности и надежности банковской системы в целом [10, с. 89].

На официальном сайте Центробанка РФ также не указывается его правовой статус, но перечисляются цели, задачи, направления его деятельности[13]. В итоге разные исследователи относят его правовое положение к различным структурам.

Одни ученые говорят о том, что Центробанк РФ следует отнести к государственным органам специальной компетенции. Центробанк РФ, выступая как орган государственного управления, образован специально для реализации финансовой деятельности и контроля [7, с. 145].

Другие ученые полагают, что Центробанк РФ - это орган государственной власти с особым статусом [11, с. 44-49].

Отдельные ученые относят Центробанк РФ к особым образованиям, которые имеют смешанную правовую природу и называемым юридическими лицами публичного права. Так, Е.Н. Пастушенко и А.С. Земцов определяют правовое положение Центробанка РФ, на основе статуса его служащих. Они приходят к выводу, что Центробанк РФ представляет собой единичный субъект индивидуальной группы участников правовых отношений, имеет специфичный правовой статус. Они считают, что правовое положение Центробанка РФ следует определять, отталкиваясь от концепции юридических лиц публичного права как публично-правового субъекта, не являющегося органом государственной власти, но обладающего государственно-властными полномочиями [15, с.35].

Е.В. Касевич и Д.М. Аржановская указывают, что вследствие того, что в законодательстве России не имеется определения правового положения Центробанка РФ, сегодня он фактически содержит признаки, характерные для публичных учреждений и признаки, которые свойственны для организаций, занимающихся частной практикой, поэтому Центробанк РФ представляет собой государственный орган с особым конституционно-правовым статусом, не относящийся ни к одной из ветвей власти [5, с. 117]. Доводы Е.В. Касевич и Д.М. Аржановской также сводятся к тому, что Центробанк РФ осуществляет функции независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления [4].

Относительно государственного характера правового положения Центробанка РФ пишет А.В. Золотухина, считая, что его необходимо отнести к органам государственной власти, поскольку он имеет признаки, характерные для данных органов, в частности: образован в определенном государством порядке; имеет государственно-властные полномочия; решает определенные государством задачи; имеет свою внутреннюю организационную структуру [8, с. 290].

Е.А. Павлодский указывает на то, что факт взаимодействия Центробанка РФ с Правительством РФ дает основание для предположения, что Центробанк РФ выступает как государственный орган [14, с. 25].

Также и О.В. Пименова полагает, что отнесение Центробанка РФ к органам государственной власти отвечает действующему законодательству [13, с. 27-31].

Но есть и иная позиции. Так, Д.А. Клочков считает, что данная двойственность положения Центробанка РФ не заключается в отнесении его к органам государственной власти, к тому же Центробанк РФ именно государственной

властью не обладает, он осуществляет государственную волю, а не сам по себе функционирует хаотично» [9, с. 114].

С точки зрения А.Г. Братко, Центробанк РФ не входит в структуру федеральных органов государственной власти и выступает как особый институт [6, с. 54]. Он выделяет принцип независимости в качестве основополагающего элемента правового положения Центробанка РФ, который проявляется, главным образом, в том, что Центробанк РФ не включен в структуру федеральных органов государственной власти.

Рассмотрев позиции ученых по вопросу о правовом положении Центробанка РФ, следует сделать вывод, что его необходимо отнести к государственным органам, обладающим самостоятельностью, установив это в законодательстве. Данная точка зрения определяется тем, что Центробанк РФ имеет самостоятельность, приближенную к органам государственной власти. Он имеет право применять меры государственного принуждения.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>
2. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 27.12.2018) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>
3. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 27.12.2018) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>
4. По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»: Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2000 № 268-О // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2001. - № 2.
5. Аржановская, Д.М. К вопросу о правовом статусе ЦБ Российской Федерации / Д.М. Аржановская, Е.В. Касевич // Аллея науки. - 2017. - Т. 2. - № 9. - С. 117–121.
6. Братко, А.Г. Центральный банк в банковской системе России / А.Г. Братко. – М. : СПАРК, 2001. - 335 с.
7. Горбунова, О.Н. Избранное / О.Н. Горбунова. - М. : РГУП, 2017. - 546 с.

8. Золотухина, А.В. К вопросу о правовом статусе ЦБ Российской Федерации / А.В. Золотухина // Лучшая студенческая статья 2016: IV Межд. научно-практический конкурс (Пенза, 30 ноября 2016 г.) – Пенза. - 2016. - С. 289–291.

9. Клочков, Д.А. Правовая природа Центрального банка России / Д.А. Клочков // Инновационная наука: межд. науч. журнал. – 2017. – № 02–2. – С. 114.

10. Керамова, С.Н. Особенности правового статуса Центрального банка РФ / С.Н. Керамова, М.Х. Магомедова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. - 2018. - № 3. - С. 89-94.

11. Очаковский, В.А. К вопросу о правовом статусе служащих Центрального банка Российской Федерации / В.А. Очаковский, А.Ю. Клепикова // Научный журнал КубГАУ. Краснодар: КубГАУ. - 2013. - № 10 (094). - С. 44-49.

12. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации (дата обращения: 12.04.2019) [Электронный ресурс] - URL:<https://www.cbr.ru/>

13. Пименова, О.В. К вопросу о статусе Центрального банка как элемента финансовой системы / О.В. Пименова // Аллея науки. – 2017. – Т. 2. - № 10. – С. 27–31.

14. Павлодский, Е.А. Центральный банк: особенности правового статуса / Е.А. Павлодский // Право и экономика. – 2001. – № 6. – С. 25–29.

15. Пастушенко, Е.Н. О правовом статусе Центрального банка Российской Федерации: тенденции законодательного регулирования и судебной практики / Е.Н. Пастушенко, А.С. Земцов // Банковское право. – 2013. – № 6. – С. 35-41.

МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ОТ ДИСКРЕДИТАЦИИ, КАК ФОРМЫ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

© О.П. Петренко

Научный руководитель: О.Е. Деревягина
Сибирский федеральный университет

Дискредитация – это форма недобросовестной конкуренции, заключающаяся в распространении ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту и (или) нанести ущерб его деловой репутации. Среди актов недобросовестной конкуренции доля дискредитации составляет одну треть, что свидетельствует о её широком распространении.

Актуальность исследования заключается в анализе признаков данного нарушения, выявление которых составляет доказательственную базу, способствует определению механизмов защиты, направленных на восстановление положения хозяйствующего субъекта на товарном рынке и возмещение ущерба.

Любой хозяйствующий субъект для защиты своего права на осуществление успешной предпринимательской деятельности, свободной от недобросовестной конкуренции, может выбрать альтернативные с точки зрения первичности способы правовой защиты – обратиться в антимонопольный орган или в суд.

Согласно ч. 1 ст. 39 ФЗ «О защите конкуренции» (далее по тексту ЗоЗК) антимонопольный орган в пределах своих полномочий возбуждает и рассматривает дела о нарушении антимонопольного законодательства, принимает по результатам их рассмотрения решения и выдает предписания [1]. Одним из оснований возбуждения дела является заявление хозяйствующего субъекта, указывающее на признаки нарушения антимонопольного законодательства.

При изучении 30 решений по ст. 14.1 ЗоЗК нами были выделены основные этапы рассмотрения заявлений о недобросовестной конкуренции путем дискредитации.

Первостепенной задачей для антимонопольного органа является установление конкурентных отношений между хозяйствующими субъектами. Без их наличия, действия не могут быть признаны дискредитирующими. Хозяйствующие субъекты признаются конкурентами в случае осуществления предпринимательской деятельности в одном сегменте товарного рынка. В связи с этим, антимонопольный орган проводит детальный анализ деятельности хозяйствующих субъектов.

Так, ООО «СПМ» пыталось оспорить предписание антимонопольного органа по ст. 14. 1 ЗоЗК, ссылаясь на то, что общество и МРО «ВДПО» не являются участниками одного сегмента товарного рынка. В обоснование своей позиции Управление ФАС указало на наличие лицензии у хозяйствующих субъектов на право осуществления деятельности по монтажу, ремонту и обслуживанию средств обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений. Таким образом, оба субъекта являются участниками рынка в сфере технического обслуживания систем противопожарной безопасности, а значит, признаются конкурентами.

Вторым этапом и ключевым по значимости выступает проверка фактов, изложенных в заявлении на наличие признаков, составляющих акт недобросовестной конкуренции. Проверяется информация, распространенная

хозяйствующим субъектом: является ли она дискредитирующей, а именно, выраженной в виде ложных, неточных или искажённых сведений. А также устанавливается факт распространения информации третьим лицам и направленность её на причинение убытков и ущерба деловой репутации хозяйствующего субъекта.

К данной форме недобросовестной конкуренции можно относить только такое распространение не соответствующих действительности сведений, дискредитирующих другого хозяйствующего субъекта, которые напрямую способны оказать влияние на конкуренцию, то есть непосредственно предоставить лицу, распространившему информацию, преимущества над конкурентами. Поэтому распространение информации, подрывающей доверие к хозяйствующему субъекту, умаляющей его деловую репутацию, но являющейся правдивой и полной, не относится к акту недобросовестной конкуренции путем дискредитации[5].

На практике встречаются случаи, когда хозяйствующий субъект пытается оспорить выданное предупреждение о нарушении ст. 14.1 ЗоЗК, ссылаясь на достоверность распространённой информации. Но суд в ходе изучения материалов дела подтверждает обоснованность выводов антимонопольного органа в наличии признаков дискредитации.

Важно учитывать, что в рассматриваемом публично-правовом институте для антимонопольного органа недопустимо применение презумпции статьи 152 ГК РФ, в силу которой сведения, наносящие ущерб деловой репутации, считаются ложными, если лицо, их распространившее, не докажет обратное. В силу презумпции невиновности лица, в отношении которого ведется производство, способное повлечь административную ответственность, обязанность доказать несоответствие действительности распространенных сведений, как основание принятия решения, возложена на антимонопольный орган [6, с.12].

Завершающий этап - принятие решения о наличии или отсутствии признаков состава ст. 14.1 ЗоЗК на основе рассмотренных фактических обстоятельств заявления. Если в действиях обнаружены признаки недобросовестной конкуренции путем дискредитации, то на основании п. 2 ст. 39.1 ЗоЗК хозяйствующему субъекту выдается предупреждение. В соответствии с пунктом 7 статьи 39.1 этого же закона в отношении лица, выполнившего предупреждение, дело о нарушении антимонопольного законодательства не возбуждается, и оно не подлежит административной ответственности. В противном случае, при невыполнении предупреждения, антимонопольный орган принимает решение о возбуждении дела о нарушении ст. 14. 1 ЗоЗК.

Дискредитация подрывает авторитет, деловую репутацию юридического лица. Поэтому содержащиеся в предупреждении действия, предписанные к выполнению нарушителем по устранению таких последствий аналогичны тем, что используются в п. 1 ст. 152 ГК РФ. То есть эти действия направлены на опровержение – отрицание ранее распространённых порочащих сведений. Способами исполнения предписанных действий являются публикация опровержения в СМИ, отзыв писем или направление по тем же адресам рассылок новых писем с опровержением ранее разосланной информации. Однако даже такие действия не могут в полной мере устранить последствия нарушения. Это связано с тем, что дискредитирующая информация имела распространение среди неопределённого круга лица, стала известна не только адресату информации, но и могла быть передана им третьим лицам.

Дискредитация может существенным образом препятствовать хозяйствующему субъекту в осуществлении предпринимательской деятельности и повлечь убытки. Исходя из правовой позиции ВАС РФ, антимонопольный орган не в праве в рамках своей компетенции разрешать гражданско-правовые споры хозяйствующих субъектов в части спора о возмещении убытков [2]. В связи с этим, в статье 37 ЗоЗК законодатель закрепляет право хозяйствующего субъекта, пострадавшего от акта недобросовестной конкуренции, на судебную защиту. В содержании этой же статьи предусматривается право на обращение в суд с исками о возмещении убытков, в том числе упущенной выгоды.

Анализ правоприменительной практики показывает, что практически во всех случаях иски о взыскании убытков инициируются после вынесения антимонопольным органом решения о нарушении антимонопольного законодательства. Однако наличие решения антимонопольного органа, подтверждающего нарушение антимонопольного законодательства, не является обязательным требованием для удовлетворения иска о взыскании убытков. Оно лишь выступает в качестве доказательства, усиливающего позицию истца, так как факт нарушения антимонопольного законодательства подтверждён решением компетентного органа [4]. Тем более, при взыскании убытков именно на истца возложена обязанность, представить доказательства, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб. А также должен доказать факт нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков [3].

Следует также обратить внимание, что вступивший в силу судебный акт, который установил наличие недобросовестной конкуренции путём дискредитации, не является основанием, препятствующим в дальнейшем заявителю

обратиться в антимонопольный орган. В данном случае судебный акт будет рассматриваться как доказательство факта дискредитации.

Таким образом, ЗоЗК предоставляет хозяйствующему субъекту возможность защиты нарушенных прав актом недобросовестной конкуренции в форме дискредитации в административном (посредством обращения в антимонопольный орган) и судебном порядке. В результате рассмотрения обращения хозяйствующего субъекта антимонопольный орган выдаёт предписание, пресекающее действия нарушителя и устраняющие последствия нарушения путем опровержения дискредитирующей информации. При обращении в судебный орган у пострадавшего субъекта появляется возможность защитить свои гражданско-правовые интересы в части возмещения убытков. Рассмотренные механизмы защиты могут дополнять друг друга и облегчать процесс восстановления нарушенных прав в связи с недобросовестной конкуренцией.

Список использованных источников:

1. О защите конкуренции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 26 июля 2006 г. №135 – ФЗ. : СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

2. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2008 г. № 30 // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1687496/>

3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/

4. По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства [Электронный ресурс]: Разъяснение Президиума Федеральной антимонопольной службы от 11 октября 2017 г. № 11// СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

5. О применении статьи 14.1 Федерального закона «О защите конкуренции» (План методической помощи на 2018 год, пункт 8) [Электронный ресурс]: Письмо ФАС России от 28.06.2018 № АД/48621/18 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

б. Городов, О.А. Дискредитация хозяйствующего субъекта как акт недобросовестной конкуренции / О.А. Городов // Конкурентное право. – 2018. – № 2. – С. 10-13.

КРИПТОВАЛЮТА И БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ГЕНЕЗИС

© А.Д. Подлесный

Научный руководитель: Е.А. Вакулина

Сибирский Федеральный Университет

За последние несколько лет при проведении платежей использование мобильных и интернет-технологий возросло существенно. В результате финансового кризиса 2008-2009 г., созданная в то время криптовалюта Биткоин завоевала популярность, а связанная с ней технология – блокчейн – получила широкое применение.

Под криптовалютой понимаются цифровые денежные средства, защищённые от подделывания, хранящиеся на счетах в электронных кошельках граждан. Кардинальное отличие криптовалюты от современных электронных денег – это децентрализованная сеть и отсутствие эмиссионного центра. Рассмотрим самые популярные криптовалюты: Bitcoin, Litecoin, Peercoin, QuarkCoin, Feathercoin, Protoshares.

Биткоин как разновидность криптовалюты является универсальным платёжным средством, основанным на криптографических методах и используется в расчётах при помощи технологии блокчейн. В современных условиях и скорости развития технологий, блокчейн, как единица научно-технического прогресса, постепенно выходит за рамки финансового рынка и сферы криптовалют [8, 66]. Под блокчейном следует понимать распределенный публичный реестр, содержащий базу данных по всем осуществляемым операциям, которые носят децентрализованный характер, и содержат финансовые данные в интернете. В настоящее время правовое регулирование технологии «блокчейн» не осуществляется ни одной правовой системой. Данный факт демонстрирует квазигосударственную функцию блокчейна, хотя намечается тенденция по внедрению блокчейна финансовыми транснациональными корпорациями и крупными банками [7, 33].

Рассматривая генезис развития правового регулирования криптовалют, следует обратить внимание на её этапы развития: 1. С момента возникновения и начала выпуска криптовалют – в 2009-2010 г., биткоин не регулировался и не

упоминался в нормативных актах стран мира. 2. Начиная с 2012-2013 г., крупнейшие экономические державы начали процедуру правового регулирования криптовалют (Германия, Япония, Англия) либо приняли решение об исследовании этого феномена (США, Китай), в РФ же приняли решение оставить биткоин вне правового поля. 3. По состоянию на 2019 г. правовой статус биткоина в большинстве стран мира так и не урегулирован, в результате чего он не может являться универсальным платёжным средством наравне в общемировыми традиционными валютами.

В зарубежном законодательстве отсутствует консенсус относительно правового регулирования криптовалютных рынков. Для некоторых правительств, например, США, Японии, Ю. Кореи и Китая правовое регулирование «биткоина» означает требование к криптовалютным биржам собирать документацию от трейдеров, чтобы их легализовать юридически. В Великобритании биткоин облагается налогами на товары и услуги на основе прибыли от продаж. В планах ввести более строгие правила в отношении биткоинов. Согласно немецкому законодательству, криптовалюта трактуется как финансовый инструмент, а именно как «частные деньги», которые облагаются налогом. Венесуэла, напротив, в 2017 г. запустила собственную цифровую валюту «petro». Эквадор запретил выпуск виртуальных валют, однако Центральный банк планирует выпустить национальную цифровую валюту в качестве законного платёжного средства.

Таким образом, в большинстве стран мира «биткоин» вне правового поля, исключение составляют Англия, Венесуэла, Япония и ряд других государств, т.к. законодательство не имеет норм и механизмов, позволяющих регулировать отношения, связанные с взаиморасчётами посредством криптовалюты. Развитые страны осторожно относятся к данному феномену и не торопятся придавать криптовалюте статус платёжного документа. Отметим, что статус цифровой валюты как у недокументарной ценной бумаги, но не денежного средства. Для других регулирование означает полное закрытие бирж и все, что связано с криптографией в целом. Некоторые страны все еще пытаются определить, как будут выглядеть регулируемые криптовалютные рынки в их юрисдикциях. Благодаря цифровым технологиям и отсутствию становой принадлежности, криптовалюты имеют несколько преимуществ над обычной валютой. Прозрачность – в силу своей технологии, кошельки криптовалют хранят всю историю транзакций. Любой пользователь может посмотреть баланс и все транзакции любого крипто-кошелька, зная его номер. Безопасность – криптовалюту нельзя подделать. Анонимность – нет привязки к имени и адресу. Банки и налоговые органы не контролируют движение криптовалют.

Независимость – оборот криптовалюты неподвластен государственным органам и регуляторам. Удобство – открыть электронный кошелек на порядок проще, чем счет в банке. При этом скорость операций с криптовалютами на порядок выше, а комиссии – меньше. К недостаткам можно отнести: неопределенный правовой статус – в некоторых странах, криптовалюты полностью запрещены (в других, например в РФ, – не рекомендуются к использованию); использование в теневой экономике – злоумышленники используют криптовалюты для расчетов между собой (так они избегают внимания надзорных органов).

Проблематика использования новых финансовых технологий обусловлена отсутствием их международного правового регулирования, а также реализации механизма защиты прав участников финансовых сделок, с последующей компенсацией ущерба. Правовой режим упомянутых финансовых инструментов в настоящее время, как в международной, так и в национальных правовых системах юридически не закреплён, что создаёт коллизию по обороту финансовых инструментов [2].

При выработке нормативных актов на международном уровне по правовому регулированию электронных финансовых инструментов очевиден их солидный потенциал для мировой экономики. Для надлежащего решения проблемы при применении новых финансовых инструментов следует обратить внимание на риски, связанные с использованием криптовалют и платёжных технологий в финансовом обращении. Согласно действующей редакции ст. 140 ГК РФ, рубль является законным платёжным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории РФ [3]. В РФ присутствует интерес банков в развитии рынка криптовалют, однако, для регулирования криптовалют и технологии блокчейн необходимо сначала определить, в каких процессах и для каких целей используются эти технологии. Рассматривая области применения этих инструментов, можно идентифицировать риски, а уже исходя из этого, формировать регуляторные требования. Однако ЦБ РФ в своём информационном письме заявил: «Касательно использования криптовалют, согласно действующему законодательству официальной денежной единицей РФ является рубль. Выпуск на территории РФ денежных суррогатов не допускается. Однако частные криптовалюты существуют вне рамок государства, они являются транснациональными и трансграничными. Инвесторы, так или иначе, участвуют в их обороте и генерировании («майнинге»), ожидая получить доход за счет разницы курсов при покупке и продаже. Частная криптовалюта не эмитируется и не гарантируется ни одной из юрисдикций, основана на математических алгоритмах и функционирует в рамках

децентрализованной сети. Поэтому инвесторы, принимая решение о вложении в той или иной форме в криптовалюты, должны осознавать, что принимают на себя все риски потенциальной потери своих средств и не смогут получить правовую защиту и поддержку государства» [6, 67].

Таким образом, необходимо отметить, что участники гражданских правоотношений по обороту криптовалют и их производных технологий самостоятельно принимают на себя все возможные риски по их финансовому обращению. Для выработки законодательного проекта по регулированию финансовых инструментов необходимо разобраться в смысловом, понятийном аппарате, майнинг криптовалют, блокчейн, смарт-контракты, чтобы при обсуждении и принятии НПА в Госдуме принять работающий закон. Сейчас идёт выработка концепции относительно правового регулирования, необходимо ввести определение виртуальной валюты и урегулировать вопросы оборота криптовалют. По результатам исследования следует принять следующие меры: создать сектор информационной безопасности и правового регулирования киберпространства, разработать Дорожную карту законодательного регулирования криптовалют в РФ, провести социолого-правовой опрос участников финансового рынка о перспективах правового регулирования криптовалют в РФ. Результатом правового урегулирования должно стать стимулирование развития национальной юрисдикции, инновационных технологий, сопутствующих развитию рынка криптовалют при использовании технологии «блокчейн».

Минфин РФ чётко обозначили позицию, касательно криптовалют. «Мы просто пришли к выводу, что нам тяжело будет отслеживать конверсионные операции. Мы хотим, чтобы криптовалюта не перемешивалась с рублями. По сути это незаконная валютная операция» [5]. В ЦБ РФ считают, что внедрение криптовалюты послужит источником проведения сомнительных финансовых операций, которые будет трудно проконтролировать из-за отсутствия надлежащей верификации. Такие операции смогут проводить хакеры и лица, связанные с террористическими организациями и прочие криминальные элементы.

Список использованных источников:

1. О валютном регулировании и валютном контроле: Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ. [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

3. Вестник Банка России – № 83, 2017, стр.67. [Электронный ресурс] - URL: <https://www.cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/48357?fileId=-1&scope=1917>

4. Васильева, Н.М. Правовое регулирование налогообложения электронной коммерции: опыт зарубежных стран и России / Н.М. Васильева // Публично-правовые исследования. 2016.

5. Из выступления заместителя Министра финансов А.Моисеева «О страховании вкладов физических лиц, возможности страхования вкладов юридических лиц, законопроекте о денежных суррогатах» от 07.06.2016. [Электронный ресурс] - URL: https://special.minfin.ru/ru/press-center/?id_4=34471&area_id=4&page_id=2192&popup=Y

6. Степанова, Д.И. Особенности организации и направления развития криптовалютных платёжных систем / Степанова Д.И., Иволгина Н.В., Николаева Т.Е. // Финансы и кредит. 2016. № 10.

7. Сузаков, И.Р. Проблемы международно-правового регулирования биткоина / И.Р. Сузаков // Научные записки молодых исследователей. 2015. № 1.

8. Сайт Центрального банка РФ [Электронный ресурс] - URL: <http://www.cbr.ru/>

АНТИМОНОПОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БОРЬБЫ С КАРТЕЛЯМИ: ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

© А.В. Прокопенко

Научный руководитель: О.Е. Деревягина

Сибирский федеральный университет

Устойчивое развитие государства невозможно без эффективного функционирования конкуренции. Однако до сих пор не выработано универсального механизма формирования конкурентных отношений. При этом экономическая теория определилась с факторами, ограничивающими развитие конкуренции. Одним из них является желание доминировать отдельным крупнейшим компаниям, работающим в одной отрасли. В мировой практике одним из самых опасных видов правонарушений в сфере конкурентных отношений, причиняющих наибольший вред интересам государства в экономической сфере, считаются картели (от итал. carta – документ) – форма

монополистического объединения хозяйствующих субъектов-конкурентов, результатом которого является их взаимовыгодное сотрудничество вместо ожидаемого потребителями соперничества между ними.

Такие соглашения имеют очевидные негативные эффекты для социального благополучия, являются мощным ограничителем рыночной конкуренции, приводят или могут привести к опасным для экономики последствиям: установлению или поддержанию цен (тарифов, скидок, надбавок); повышению, снижению или поддержанию цен на торгах; разделу товарного рынка; сокращению или прекращению производства; отказу от заключения договоров с определёнными продавцами или покупателями [4].

Ущерб, который картели наносят экономике, выражается не только в росте цен на товары. Хозяйствующие субъекты – участники картельного соглашения, получая гиперприбыль, не заинтересованы в повышении эффективности производства, в снижении себестоимости и улучшении качества продукции. Все это ведет к отсутствию новых более качественных товаров, не допускает новых участников на рынок. Тем самым происходит сдерживание эффективности экономики. В результате картели негативно влияют на национальную экономику, социальную стабильность и снижают эффективность формирования доходов и расходов государственного бюджета [1].

Борьба с картелями – одно из важнейших направлений деятельности Федеральной антимонопольной службы (ФАС России). На протяжении последних лет ФАС России ежегодно выявляет около 300 картелей и иных антиконкурентных соглашений хозяйствующих. Из общего числа выявленных картелей более 80% - сговоры на торгах [5]. Согласно методике оценки экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ежегодный ущерб от картелей в сфере государственных закупок в России достигает 2,2% ВВП. В абсолютных цифрах это составляет до 1,5 трлн. руб. [5]. Приведенные цифры позволяют говорить о картелях, как об одной из важнейших угроз национальной безопасности страны в сфере экономики.

Например, Московское управление ФАС выявило признаки картельного сговора между участниками 14 аукционов на выполнение работ по благоустройству для нужд инженерных служб. Общая максимальная цена контрактов составила 128,5 млн. руб. [5].

В сложившихся условиях противодействие картелям возможно исключительно при взаимодействии антимонопольных, правоохранительных, надзорных и контрольных органов. Начиная с 2015 года ФАС России, МВД РФ и Следственный комитет РФ совместными усилиями проводят мероприятия по борьбе с картелями, обмениваются информацией, материалами уголовных

дел и результатами оперативно-розыскных мероприятий. Практически во всех субъектах РФ территориальные органы ФАС России и правоохранительные органы заключили соглашения о взаимодействии и создали рабочие группы.

Основными направлениями антимонопольной политики выступают ужесточение наказаний за картельный сговор; воздействие на факторы, которые способствуют появлению картеля; анализ рынков, т.е. своевременное выявление существующих сговоров, программа освобождения от ответственности [3].

Если проанализировать эти меры, то их условно можно разделить на две большие группы:

1) меры запретительного характера, которые направлены на выявление и пресечение уже совершенных действий хозяйствующих субъектов по картелизации [2];

2) меры стимулирующего характера, которые направлены на создание экономической среды, благоприятно влияющей на хозяйственную деятельность и, как следствие, предотвращающей появление картелей.

Все вышеперечисленные меры представляются эффективными при разумном их применении, отлаженной работе антимонопольных органов, упрощении бюрократических процедур по раскрытию сговоров.

В применении антимонопольного законодательства в Российской Федерации при выявлении картелей акцент ставится на доказывании существования соглашения как такового, вне зависимости от его экономических последствий и предпосылок, то есть – не на доказывании влияния поведения продавцов на цену, выпуск, реализацию товара, рыночную ситуацию в целом и на анализе экономических предпосылок картелизации того или иного рынка. То есть, репрессивные меры не избавят от картельных сговоров. Считаем, что начинать борьбу с ними нужно не с ужесточения ответственности, а с устранения предпосылок этого явления. Требуются изменения в системе госзакупок, необходимо обеспечить допуск новых поставщиков на рынок и жестко контролировать качество их товаров и услуг. Должно произойти изменение финансовой модели взаимодействия с поставщиками и должен быть найден более гибкий подход к закупкам. Также нужно проработать и предложить изменения в законодательство, чтобы упростить документооборот и адаптировать закупки под реальную экономическую ситуацию, но данный способ совершенствования современного законодательства необходимо применять только в отношении картелей на торгах.

Основными направлениями антимонопольной политики выступают ужесточение наказаний за картельный сговор, воздействие на факторы, которые

способствуют появлению картеля, анализ рынков, т.е. своевременное выявление существующих сговоров [3]. С целью увеличения раскрываемости картельных сговоров предусмотрен следующий механизм: участник, добровольно отказавшийся от участия в сговоре и сообщивший антимонопольному органу о его наличии, освобождается от ответственности. В развитие института смягчения ответственности большое значение имеет международная практика в борьбе с картелями. Примером может послужить опыт таких стран как Австрия и Венгрия, где придерживаются более мягких взглядов. Так в Австрии, начиная с 2006 года, в рамках этой программы было подано 86 заявлений об освобождении от ответственности и о смягчении наказания.

Венгерский антимонопольный комитет помимо смягчения наказания, предлагает вознаграждение за донос. Система вознаграждения осведомителей работает с 2010 года и предусматривает награду в размере 1% от суммы штрафа, установленного на основании решения антимонопольного комитета, но не более 160.000 евро. На наш взгляд, данный способ борьбы с картелями наиболее оптимален и может положительно влиять на экономическую ситуацию в стране.

Резюмируя изложенное, полагаем, что защита свободной конкуренции в современной России должна проводиться с учетом определенных факторов и по следующим направлениям:

- 1) при выработке механизмов противодействия картельным сговорам необходимо учитывать форму образования картелей, которых свыше 20 видов. Самым опасным считается ценовой сговор, поэтому ответственность за нарушение законодательства по этому виду должна быть наиболее сильной;
- 2) наиболее «слабым» местом в борьбе с картельными сговорами в нашей стране остается доказательственная база. Разработку признаков для определения картельных сговоров целесообразно проводить совместно с ведущими экономистами, акцентируя внимание на косвенных признаках, которые на практике имеют большое значение.

Список использованных источников:

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2902.
2. Доказывание недопустимых соглашений (в том числе картелей) и согласованных действий на товарных рынках, в том числе на торгах: Разъяснение № 3 Президиума ФАС России // утв. протоколом Президиума ФАС России от

17.02.2016 №3 – URL: <http://fas.gov.ru>

3. Дикая, А.С. Картели и их влияние на экономическую безопасность страны / А.С. Дикая // Молодой ученый. – 2018. – №23. – С. 75-78.

4. Остапенко, А. В. Картельные сговоры в РФ / А.В. Остапенко // Молодой ученый. – 2018. – №21. – С. 386-389.

5. ФАС нашла картельный сговор при благоустройстве Москвы [Электронный ресурс] – URL: <http://moscow.fas.gov.ru/publications/16639>.

ДОГОВОР КАК ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© В.В. Пылаева

Научный руководитель: Л.Ю. Егорова

канд.юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Договор – одна из древнейших правовых конструкций. Понятие договора, как явления многоаспектного, существует со времен римского права. М.М.Агарков отмечал, что «в римском праве договор был только основанием возникновения обязательств, вещные права были лишь результатом осуществления определенного способа исполнения обязательств»[2, с. 131-132].

На сегодняшний день договор как правовая категория представлен как минимум тремя подходами к определению правовой природы указанного феномена.

Одни исследователи рассматривают *договор как один из видов юридических фактов* (С.С. Алексеев, М.И. Брагинский, Ю.Е. Булатецкий, О.С. Иоффе и др.). Обоснование выбранного подхода следующее: юридический факт в теории права понимается как обстоятельство (действие или событие), с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращение субъективных прав и юридических обязанностей. К числу юридических фактов в сфере частного права относят акты применения права, сделки, соглашения, заявления граждан и другие волеизъявления, вызывающие правовые последствия [6, с. 363-367]. Вывод, который следует из изложенной позиции: если договор является юридическим фактом, то все его условия должны определяться законом. Полагаем, данное обстоятельство не согласуется с волеизъявлением сторон.

Другие, например, М.И. Брагинский, рассматривают *договор как правоотношение*. При этом авторы либо рассматривают правоотношение через

призму обязательства, анализируя основания возникновения и прекращения правоотношения, права и обязанности сторон, порядок их исполнения, основания изменения и прекращения правоотношений, либо прямо отождествляют правоотношение с обязательством. По поводу соотношения договора и правоотношения необходимо отметить следующее. Если обратиться к определению правоотношения, трактуемому в теории права как отношение, урегулированное нормой права, то совершенно очевидно, что мы приходим к изложенному выше выводу, о том, что договор не может отождествляться с правоотношением, поскольку условия договора формируются сторонами и лишь в отдельных случаях должны соответствовать императивным установлениям закона.

Наконец, пожалуй, наиболее распространенным в научной среде является обоснование сущности *договора как сделки*.

Однако, только комплексный подход (*договор как правовой институт и как правовое средство регулирования деятельности его участников*) к исследованию правовой природы договора позволит уяснить его действительное предназначение.

Полагаем, можно согласиться с подходом Б.И. Пугинского, позволяющего рассматривать договор в частном праве как два различных объекта: 1) договор как правовой институт, т.е. совокупность правовых норм, регламентирующих заключение, определение содержания, исполнение договорных обязательств и др.; 2) договор как правовое средство регулирования деятельности его участников [4, с. 200]. Подтверждающим указанную правовую позицию будет то обстоятельство, что, во-первых, правовые средства не обязательно должны быть зафиксированы догмой (нормами) права; во-вторых, правовые нормы являются средствами государственного регулирования общественной жизни, их применение является государственной функцией и осуществляется государственными правоприменительными органами и должностными лицами. Действия же адресатов правовых норм (граждан и организаций) по их исполнению не являются применением правовых средств. Таким образом, нормы права, являющиеся правовым средством для законодателя, перестают быть таковыми при обращении к исполнителю. В свою очередь, частные договоры и иные частнопровые средства, выработанные для применения во взаимоотношениях равноправных субъектов уже не имеют отношения к законодательной деятельности государства. Таким образом, законодательные установления о договоре рассчитаны на его конструирование как целостного правового образования. Средством же правового регулирования в руках субъектов служит договор как таковой, а вовсе не отдельные нормы о договоре [4 с. 177-

197].

Действительно, в рыночной экономике договор является одним из основных способов регулирования экономических связей. Их участники по своему усмотрению определяют направления и порядок использования имущества: самостоятельно организуют производство и сбыт своей продукции (товаров, работ, услуг) путем заключения и исполнения договоров, условия которых в большинстве случаев определяют самостоятельно с учетом своих интересов и складывающейся экономической ситуации. Гражданско-правовой договор дает возможность участникам свободно согласовать свои интересы и цели и определять необходимые действия по их достижению. Вместе с тем, договор всегда опирается на силу допустившего его закона, т.е. на силу публичной власти, при необходимости обеспечивающую его принудительную реализацию.

Совершенно очевидно, что недостаточно рассматривать договор только как правовую форму, опосредующую разнообразные хозяйственные связи, не затрагивая при этом его макроэкономическую составляющую. Важно отметить, что понимание договора как самостоятельного (наряду с законом) правового средства регулирования отношений в сфере экономики, не подменяет и не отменяет законодательных установлений о договоре, а позволяет глубже уяснить природу договора как комплексного объекта, не ограничиваясь лишь изучением правовых норм о договоре [7, с. 85]. Объем субъективных прав и юридических обязанностей сторон в договоре не тождественен содержанию договорных институтов, он всегда значительно шире и в решающей степени зависит от усмотрения сторон [4, с. 186]. Ряд присущих договору функций, таких как планирование и организация деятельности субъектов экономического рынка, обеспечение сбалансированности производства и потребления и ряд других, никоим образом не могут быть урегулированы нормами права. Вместе с тем, целый ряд перечисленных выше функций невозможно реализовать без соответствующего нормативного обеспечения.

Именно по этой причине Б.И. Пугинский в числе факторов, создающих регулятивный потенциал договора, наряду с согласованным волеизъявлением сторон, проистекающем из провозглашенного законом принципа свободы договора, называет такие факторы, как обеспечение государством судебной защиты устанавливаемых договором субъективных прав и обязанностей и возможности принуждения к исполнению договорных обязательств [4, с. 47].

Основной проблемой на наш взгляд является не всегда обоснованное ограничение свободы договора, как на уровне законодательных установлений, так и на уровне правоприменительной практики. Говоря о содержании

принципа договорной свободы, последний характеризуется: 1) свободой заключения; 2) свободой выбора контрагента; 3) свободой выбора вида договора; 4) свободой определения условий [8, с. 122]. В развитых правовых порядках принято выделять две основные модели ограничения свободы договорного регулирования – пассивную (*ex ante*) и активную (*ex post*) [5, с. 5]. Первая из них состоит в установлении государством императивных норм, вводящих прямые запреты, или позитивных предписаний, из которых такие запреты недвусмысленно вытекают. В рамках такой модели государство минимизирует роль конкретного суда, разбирающего спор [3]. Суд всего лишь соотносит содержание определенного договора с правовыми нормами, регулирующими данные отношения, и признает весь договор или отдельное его условие недействительными или иным образом не приводит волю сторон в исполнение. Вторая модель ограничения свободы договора предусматривает активную роль суда в контроле за законностью контрактных условий. На уровне закона или прецедентной практики закрепляются общие оценочные стандарты (принципы), (добросовестность, нравственность, справедливость, мораль, публичный порядок и др.), которым сделка и ее условия должны соответствовать и судам фактически делегируется основная доля оценки соответствия конкретных договорных условий этим оценочным стандартам [3].

В российском правовом порядке преимущественно реализуется первая модель ограничения свободы договорного регулирования - контроль законности контрактных соглашений осуществляется путем установления императивных норм. При этом и научная доктрина, и судебная практика демонстрируют глубоко механистический подход к квалификации нормы: если норма не содержит положения о праве сторон предусмотреть в договоре иное, значит она императивная. Такой подход, является доминирующим в отечественной цивилистике.

Лишь с принятием Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» нормы ст. 782 ГК РФ наконец-то обоснованно были истолкованы как диспозитивные и тем самым не исключающие возможности сторон определить иные последствия отказа от договора [1].

Однако, как справедливо отметил А.Г. Карапетов: «До тех пор, пока законодатель или ВАС РФ прямо и недвусмысленно не указали на то, что императивная квалификация нормы не предопределена отсутствием в ней фразы о праве сторон оговорить иное, ситуация в судах нижестоящих будет меняться крайне медленно» [3].

Действительно, как показывает судебная практика, судьи применяют лишь те положения Пленума, где дается разъяснение по конкретным статьям

ГК РФ.

Список использованных источников:

1. О свободе договора и ее пределах от 14.03.2014 № 16: Постановление Высшего арбитражного суда РФ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс». – Режим доступа: [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).

2. Агарков, М.М. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. / М.М. Агарков. – М., 2012. – Т. 2. – 535 с.

3. Карапетов, А.Г. Свобода договора и ее пределы: В 2.т. Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве / А.Г. Карапетов, А.И. Савельев [Электронный ресурс]. – М.: Статут, 2012. – Т.2. // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).

4. Пугинский, Б.И. Теория и практика договорного регулирования / Б.И. Пугинский. – М.: ИКД «Зерцало-М». – 2008. – 224 с.

5. Рогова, Ю.В. К вопросу об ограничении свободы договорного регулирования в гражданском законодательстве / Ю.В. Рогова // Вестник арбитражной практики. – 2013. – № 1. – С.5.

6. Теория государства и права. Учебник для вузов / Под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. – 2-е изд. изм. и доп. – М.: Изд-во НОРМА. – 2001. – 480 с.

7. Филиппова, С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей / С.Ю. Филиппова. – Москва : Статут, – 2011. – 320 с.

8. Яковлев, В.Ф. Новое в договорном праве (Тезисы выступления Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации В.Ф. Яковлева) / В.Ф. Яковлев // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – М., – 1994. – № 7. – С. 121-126.

КОМПЛАЕНС-КОНТРОЛЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

© М.А. Романцова

Научный руководитель: О.Е. Деревягина

Сибирский федеральный университет

Институт комплаенса зародился в США. Предпосылкой его развития стали скандалы 60-70-х гг. прошлого века по фактам коррупции не только в органах государственной власти, но и в частных компаниях (например, Уотергейтский политический скандал между Президентом и Правительством США)

[6, с.12]. Результатом стало принятие в 1977 г. Закона «О борьбе с практикой коррупции за рубежом», установившего жесткие правила борьбы со взяточничеством и требования к финансовой и бухгалтерской документации частных организаций [2, с.38].

Актуальность темы исследования заключается в том, что комплаенс-контроль является сравнительно новой, но очень необходимой тенденцией в правильном развитии компании и ведении бизнеса в целом. Он позволяет компании выйти на новый уровень, посредством внутреннего аудита, выявляющего недочеты в деятельности персонала. Процедура комплаенса положительно влияет на динамику развития бизнеса.

Легального определения комплаенса нет, как нет и единого мнения ученых по этому поводу. Комплаенс (в переводе с английского – compliance) означает согласие, соответствие. Оно происходит от английского глагола to comply, то есть исполнять.

Ряд авторов определяют комплаенс, как комплекс встроенных в бизнес-процессы корпорации видов внутреннего контроля в отношении людей, технических средств и документов [3, с.16]. Другие – как непрерывную и специфическую деятельность по выявлению случаев несоответствия законам и требованиям⁴, с.6. Однако, распространенным является понимание комплаенса, как неотъемлемой части корпоративной культуры компании, при которой выполнение каждым сотрудником своих должностных обязанностей, включая принятие решений на всех уровнях, должно соответствовать стандартам законности и добросовестности, установленным компанией для ведения своей деятельности [1].

Рассматривая историю становления комплаенса в России, необходимо отметить, что впервые он был закреплен в Указании Банка России от 7 июля 1999 г. № 603-У «О порядке осуществления внутреннего контроля за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках в кредитных организациях». Центральный банк РФ стал первым регулятором в России, который определил статус системы комплаенс-контроля. В дальнейшем, из банковской сферы этот институт распространился на иные сферы предпринимательской деятельности. В настоящее время в науке выделяют следующие виды комплаенса: антимонопольный, налоговый, антикоррупционный [5, с.24].

Опыт внедрения антикоррупционной комплаенс-программы в России можно рассмотреть на примере глобальной фармацевтической компании «Ново Нордиск». Наталья Ковалева, являясь управляющая по вопросам деловой этики этой компании в России и странах СНГ, указывает три ключевых

элемента, которые, по ее мнению, отражают всю систему комплаенса. Это 1) аудит, контроль и санкции; 2) процедуры и политика внедрения в организацию 3) тренинги, консультирование и мониторинг [1].

На этапе внедрения комплаенс-контроля в компании был создан специальный штаб сотрудников (комитет по деловой этике), включающий в себя директора юридического и комплаенс - отдела, комплаенс-офицера, комплаенс-координаторов. Комитетом были разработаны электронные системы прохождения тренингов сотрудниками, проводились мероприятия, связанные с повышением уровня деловой этики в компании. Сотрудники этого подразделения проводят ли проверку подарков работникам компании, развлечений, спонсорства, взаимодействия с государственными органами, проверки реальности исполнения договоров. Уже после шести месяцев работы комплаенс-контроля руководители организации отметили, что упорядочилось финансовое поведение сотрудников, юристы компании стали уделять внимание мониторингу авансовых отчетов сотрудников, в результате чего снизился риск совершения нарушений [1].

Однако, указанный пример внедрения комплаенса скорее исключение, нежели распространенное «правило» для юридических лиц. Некоторые представители компаний высказывают позицию против внедрения комплаенса в систему функционирования бизнеса.

По их мнению, «подчинение комплаенс-контролера руководителю юридического лица, может приводить к давлению на контролера. Поскольку окончательное решение принимает руководитель, приоритет в принятии решения может отдаваться не в пользу соответствия закону и этическим правилам. Также может быть конфликт интересов между бизнес-отделениями и комплаенс-контролерами. Тем самым, все указанные обстоятельства могут привести не к улучшению работы фирмы, а, наоборот, внести разлад и повлиять на развитие компании в худшую сторону» [4, с.12].

В настоящее время постепенно происходит внедрение комплаенса в бизнес и государственные структуры. Проводятся форумы, круглые столы, где обсуждаются проблемы внедрения комплаенса, была поддержана инициатива создания Российской антикоррупционной системы комплаенса, создана Национальная ассоциация комплаенса, представлен международный стандарт по комплаенсу, в создании которого участвовала и Российская Федерация. Однако, несмотря на принимаемые меры по «популяризации» этого института, вводить его компании не спешат.

По словам Диаса Асанова, директора Департамента по вопросам соблюдения правовых и этических норм «Сименс», «задача российского

правоприменителя — выстроить систему комплаенса таким образом, чтобы она была эффективной, а не служила очередной формальностью в российском предпринимательстве» [2, с.49].

По нашему мнению, комплаенс нужен любой организации, как механизм внутреннего контроля, который поможет упростить руководителям выполнение его функций, а также будет способствовать ведению бизнеса согласно этическим нормам и правилам добросовестной конкуренции. Отсутствие комплаенса может приводить к неблагоприятным ситуациям, которые выражаются в ответственности, вплоть до уголовной.

Резюмируя изложенное, отметим, что комплаенс-контроль необходим, и его развитие и внедрение в деятельность как крупных корпораций, так и в ведение малого бизнеса безусловно имеет повышенное значение.

Список использованных источников:

1. Апрецова, Н.Г. Риск в предпринимательской деятельности / Н.Г. Апрецова // Приложение к журналу «Предпринимательское право». – 2012. – № 2. – С. 34-35.
2. Все о compliance-управление рисками в современной компании 2013 [Электронный ресурс] // Комплаенс за рубежом. – 2013. – URL:<http://www.complianceblog.ru>
3. Ермакова, Н.А. Комплаенс-контроль в системе внутреннего контроля корпораций / Н. А. Ермакова // Международный бухгалтерский учет. – 2014. – № 3 (297). – С. 19-21.
4. Ершова, И.В. Понятие предпринимательской деятельности в теории и судебной практике / И. В. Ершова // LexRussia. – 2014. – Т.XCVI. №2. – С. 160-163.
5. Малыхин, Д.В. Особенности организации комплаенс-контроля в российских банках [Электронный ресурс] / Д. В. Малыхин // Внутренний контроль в кредитной организации. – 2009. – №2. – URL: <https://www.lawmix.ru/bux/26031>.
6. Осипов, А.В. Некоторые аспекты этимологии термина «комплаенс-контроль» в банковском праве / А.В. Осипов // Банковское право. – 2006. – № 6. – С.112-113.
7. Современное предпринимательское право: монография / отв. ред. И. В. Ершова. – М.: Проспект, 2014. – С.92-93.

**ОБ ОТДЕЛЬНЫХ НОТАРИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ,
СОВЕРШАЕМЫХ НОТАРИУСОМ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

© О.А. Стручалина

Научный руководитель: Л.Ю. Егорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Современный период отличается усилением роли нотариусов корпоративных отношениях. Это обусловлено их сложностью и повышенной конфликтностью. Немаловажным является и склонность участников корпоративных отношениях к разного рода злоупотреблениям в данной сфере – принятию незаконных решений, негативно отражающихся на участниках, обществе, а также наносящих вред публичным интересам; противоправному отчуждению участниками своих долей в уставном капитале общества. В такой ситуации нотариус обеспечивает достоверность сведений и законность регистрационных действий, тем самым способствует стабильности гражданского оборота.

Тенденция расширения полномочий нотариуса в корпоративных отношениях берет свое начало с 1 июля 2009 года, когда вступила в силу новая редакция Федерального закона от 08.02.98 №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2]. Согласно внесенным изменениям, сделки по отчуждению долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью стали подлежать обязательному нотариальному удостоверению. Это вызвало достаточно бурную реакцию в бизнес-сообществах, так как многие посчитали этом новым и достаточно затратным барьером в гражданском обороте. Однако, по истечении сравнительно короткого периода, применение данной нормы дало весьма положительные результаты. Споры в арбитражных судах об оспаривании сделок по отчуждению долей в уставном капитале обществ практически свелись к нулю [3].

Пунктом 11 статьи 21 вышеназванного закона предусмотрено, что сделка, направленная на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, подлежит нотариальному удостоверению. Традиционно в цивилистике отчуждением считается купля-продажа. Однако, это не означает, что доля в уставном капитале общества не может быть отчуждена иным образом. Помимо договора купли-продажи доли в уставном капитале, отчуждение доли или части доли участника общества возможно путем заключения договора дарения, мены, а также путем заключения брачного договора. И все эти

случаи отчуждения доли, согласно новым законодательным установлениям, требуют нотариального удостоверения.

Одновременно законодатель предусмотрел случаи перехода права на долю в уставном капитале общества, когда нотариальное удостоверение не требуется:

- при продаже с публичных торгов;
- в случае приобретения самим обществом доли или части доли в уставном капитале;
- в случае приобретения доли участника, исключенного из общества;
- в случае выхода участника из общества;
- в случае распределения долей, принадлежащих обществу, между участниками.

Анализ данного перечня исключений, показывает, что законодатель сделал особый акцент на те случаи, когда переход доли в уставном капитале ООО может привести к ситуации недружественного поглощения, и оставил массу исключений для случаев, в которых такой риск минимален. Эти правила обусловлены особым характером ООО и доверительными отношениями, которые складываются между его участниками для оптимального функционирования [5]. При этом, несмотря на то, что данные ситуации не требуют обязательного нотариального удостоверения, это не лишает участников права обратиться за нотариальным удостоверением перехода долик другим участникам общества и третьим лицам.

Вместе с тем, нельзя не отметить наличие определенных проблем, возникающих при обращении сторон за нотариальным удостоверением сделки. С недавнего времени участнику – стороне сделки не требуется обращаться в налоговый орган, поскольку заявителем выступает нотариус, он самостоятельно передает сведения в налоговый орган. Своевременная регистрация сведений является важной составляющей, так как данные сведения для третьих лиц становятся действительными с момента государственной регистрации изменений в едином государственном реестре юридических лиц. Например стороны заключили договор купли-продажи доли в уставном капитале. Договор был нотариально удостоверен, соответствующие заявления заполнены нотариусом и направлены в налоговый орган. Однако, последний отказывает в регистрации, ссылаясь на наличие у него акта судебного пристава-исполнителя о запрете на совершение регистрирующему органу совершать определенные регистрационные действия в отношении принадлежащей продавцу доли в уставном капитале общества. В такой ситуации, продавцу необходимо снять запрет, чтобы изменения были зарегистрированы, однако,

иногда это является практически невозможным (например, запрет наложен на 3 года). Поэтому сторонам приходится вновь обращаться к нотариусу и расторгать договор, что влечет существенные временные и денежные затраты для обеих сторон. Подобной ситуации вполне можно было бы избежать, предоставив нотариусу доступ к данным информационной базы налогового органа, что позволило бы нотариусу на этапе проверки сведений предупредить участников сделки об имеющихся запретах.

Как было отмечено выше, обязательное нотариальное удостоверение договоров по отчуждению долей в уставном капитале общества сыграло свою положительную роль в обеспечении прозрачности и законности корпоративных правоотношений.

Достигнутый положительный эффект послужил причиной введения с 1 сентября 2014 г. статьи 67.1 Гражданского кодекса РФ [1, с. 52-53], которая предоставила обществам с ограниченной ответственностью и публичным акционерным обществам право нотариально подтверждать принятие общим собранием участников хозяйственного общества решения и состав участников общества, присутствовавших при его принятии.

Возникает закономерный вопрос - почему данное положение не распространяется на все акционерные общества. На наш взгляд, это обусловлено значительным числом участников акционерного общества, которые часто находятся в разных регионах нашей страны и собрать их в одном месте в одно время, достаточно затруднительно. Данное нотариальное действие может осуществляться как в помещении нотариальной конторы, так и вне её. Обязательно личное присутствие нотариуса, таким образом, исключается возможность подтверждения решений, принимаемых заочно.

Следует отметить, что нотариальное подтверждение принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии, является именно правом, а не обязанностью. В литературе это вызывает противоречивые суждения. Некоторыми авторами подчеркивается, что обязательное нотариальное подтверждение принятия решения и состав участников максимально бы снизило злоупотребления со стороны участников, другими авторами высказывается точка зрения, что обязательное удостоверение послужило бы для большого количества компаний неким бесполезным, но обязательным «сбором» [5].

По нашему мнению, закрепление такой обязанности действительно явилось бы очень затратным для бизнеса. Более того, стороны, в случае назревающего конфликта по принятию решения, всегда могут обратиться за

нотариальным удостоверением, тем самым предотвратить злоупотребления участников и возможно возникающий между ними спор.

Следует отметить, что при совершении данного нотариального действия нотариус проверяет компетенцию органа управления юридического лица (в части полномочий на принятие решения), наличие кворума, а также на основании подсчета голосов, проверяет наличие необходимого количества голосов для принятия решения. Тем не менее, нотариус согласно ч. 5 ст. 103.10 Основ законодательства о нотариате не имеет обязанности проверять соблюдение порядка созыва общего собрания. По окончании данного нотариального действия нотариусом выдается свидетельство об удостоверении принятия общим собранием участников хозяйственного общества решений и состава участников обществ. Нотариальное удостоверение принятия решения и состав участников исключает фальсификацию протокола общего собрания участников, в частности, включения в протокол вопросов, не являющихся предметом голосования на собрании, искажение результатов подсчета голосов, подтасовку состава участников, а также иные недобросовестные действия.

Таким образом, если говорить об обществах с ограниченной ответственностью, на данный момент степень вовлечения нотариуса в корпоративные отношения возрастает. Однако, на наш взгляд, полномочия нотариуса в дальнейшем также можно расширять. Для этого необходимо дальнейшее совершенствование возможностей нотариата. Помимо законодательного регулирования, необходимо предоставление наиболее совершенных технических возможностей, для максимального предотвращения нарушений законодательства в корпоративной сфере. На данном этапе, потенциал нотариата до конца недооценен, хотя уже неоднократно практикой подтверждалось, что нотариат действительно является социально значимым и эффективным правовым институтом.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации : в 4 ч. : по состоянию на 1 марта 2019 г. – Москва: Проспект, 2019. – 638 с.
2. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ и отдельные законодательные акты РФ [Электронный ресурс]: Федер. закон Российской Федерации от 31.12.08 №312-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Кириллова, Е.А., Отчуждение доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: новеллы законодательства и проблемы

нотариальной практики [Электронный ресурс] / Е.А. Кириллова // «Нотариус», 2015. – № 3. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

4. Иванов, Д.А. Нотариальное подтверждение решений хозяйственных обществ: острые проблемы и первые выводы судебной практики. журнал [Электронный ресурс] / Д.А. Иванов // Российский юридический журнал. – 2016. – № 6. – Режим доступа: <https://base.garant.ru>

5. Щербакова, А.Г., Актуальные проблемы участия нотариата в корпоративных отношениях [Электронный ресурс] / А.Г. Щербакова. – Режим доступа: <https://bstudy.net>

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ «МУСОРНОЙ» РЕФОРМЫ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

© А.П. Труднева

Научный руководитель: О.Е. Деревягина
Сибирский федеральный университет

Одной из главных тем Красноярского экономического форума 2019 были вопросы реализации «мусорной» реформы в Красноярском крае. Обсуждались проблемы, с которыми столкнулись органы местного самоуправления и региональные операторы при ее реализации, и были предложены пути решения некоторых из них.

«Мусорная» реформа введена на территории Российской Федерации с 1 января 2019 Федеральным законом от 29.12.2014 № 458-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [3].

Субъектами, реализующими реформу, выступают региональные операторы, потребители и контролирующие органы. Полномочия по контролю распределены между органами власти всех уровней. В Красноярском крае они возложены на Красноярское УФАС России, Министерство тарифной политики Красноярского края и Министерство экологии и рационального природопользования Красноярского края.

Региональный оператор выбирается на основании Федерального закона «О закупках для государственных и муниципальных нужд». В мае 2018 года Министерство экологии и рационального природопользования Красноярского края объявило конкурс о выборе регионального оператора на

территории Красноярского края. И уже на этом этапе реализации реформы были обнаружены проблемы. Они связаны с предоставлением на конкурс подложных банковских гарантий, которые являются существенным условием при выборе регионального оператора.

Арбитражный суд Красноярского края признал недействительными конкурсный отбор региональных операторов по обращению с твердыми коммунальными отходами на территории Назаровской, Абанской, Лесосибирской, Мотыгинской технологических зонах Красноярского края и заключенные по результатам указанных отборов соглашения между Министерством экологии и рационального природопользования Красноярского края и региональными операторами.

В Управлении Федеральной антимонопольной службы по Красноярскому краю находятся в производстве шесть антимонопольных дел в отношении региональных операторов по факту нарушения статьи 16 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения или согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных осуществляющих функции указанных органов или организаций, а также государственных внебюджетных фондов, Центрального банка Российской Федерации) по факту заключения хозяйствующих субъектов соглашений с Министерством экологии и рационального природопользования Красноярского края на вывоз ТКО с нарушением процедуры проведения конкурса.

Итак, вынуждены констатировать, что на начальном организационном этапе реализации «мусорной реформы» в Красноярском крае выявлены нарушения, существенно влияющие на перспективы ее внедрения.

Необходимо остановиться на основных этапах реформы. Первым и самым большим шагом была разработка и утверждение территориальной схемы обращения с отходами (далее - схема).

В соответствии с Федеральным законом от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [1] территориальная схема обращения с отходами (далее - схема) является общедоступным документом, подлежащим размещению в информационно - телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте субъекта Российской Федерации для всеобщего и бесплатного доступа. Схема создается с целью организации и осуществления деятельности по накоплению, сбору, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, захоронению отходов. Схема включает в себя большой перечень требований и обязана им соответствовать, проходит процедуру

публичных слушаний. В настоящее время не во всех регионах страны урегулирован вопрос с утверждением этого документа.

Следующим шагом в реализации «мусорной» реформы стал переход от захоронения отходов к их переработке. Ранее перевозчик либо собирал твердые коммунальные отходы (далее - ТКО) и вывозил на полигон, либо складировал мусор в неотведенных специально для этих целей местах, чтобы не оплачивать услугу собственникам свалок по хранению ТКО. В настоящее время на основании Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [1] собранный мусор подлежит обработке. В обработку отходов входит доставка ТКО на места (площадки) их накопления (если это положение принято в субъекте), сортировка, разборка и очистка.

Сейчас региональным оператором проводятся работы по обеспечению мест (площадок) накопления ТКО сортировочным оборудованием. Государственная политика направлена на стимулирование строительства объектов, предназначенных для обработки, утилизации, обезвреживания, захоронения отходов и их софинансирование.

Таким образом, в местах (площадках) накопления ТКО происходит сортировка, дальнейшая переработка или захоронение. Данный процесс приведет к снижению загрязненности окружающей среды, к предотвращению появления несанкционированных свалок.

Однако, при реализации реформы органы местного самоуправления и региональные операторы столкнулись с такими проблемами как, необеспечение мусорными баками собственников ТКО, транспортирование отходов к месту переработки и их утилизации, неорганизованность процесса сортирования отходов и другие.

При реализации этого этапа реформы стал вопрос о размещении контейнерных площадок. Проблема заключается в несоответствии густозастроенной территории для установки контейнерных площадок существующим санитарным нормам. Решение вопроса кроется во внесении изменений в действующее (уже устаревшее) законодательство. Ранее этот вопрос решался в хаотичном порядке и никем не контролировался, в настоящее время этой проблеме уделено достаточно внимания. Нам известно, что главы некоторых муниципальных образований пытаются решить этот вопрос в частном порядке. Обращаясь к собственникам индивидуальных жилых домов с вопросом удобного установления контейнерных площадок.

На наш взгляд, такой способ решения вопроса может быть допустим для небольших муниципальных образований, но возникают сомнения при реализации такого способа решения в больших городах.

Повсеместно существует проблема с вывозом твердых бытовых отходов (далее - ТБО) юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Речь идет о магазинах розничной торговли, расположенных в многоквартирных домах, и рядом с этими домами. Собственники таких торговых точек отказываются заключать договор по вывозу ТБО, предпочитая складирование отходов вблизи контейнерных площадок, расположенных на территории многоквартирного дома. Решением проблемы, на наш взгляд, является заключение с региональным оператором договоров по оказанию услуг по вывозу ТБО собственниками торговых точек.

Проблемы при реализации «мусорной» реформы возникли и у потребителей. Неизбежным стало удорожание услуги по вывозу ТКО. При этом, тариф устанавливается на долгосрочный период на основании федерального и регионального законодательства, а также с учетом методических рекомендаций. Приказом Министерства тарифной политики Красноярского края установлены предельные тарифы на обработку и захоронение ТКО для потребителей города Красноярска в период с 01.01.2019 по 31.12.2021 [9]. Региональный оператор по собственной инициативе может снизить стоимость своей услуги, так как тариф установлен в максимальном его значении, а не в минимальном.

На данный момент Министерством экологии и рационального природопользования Красноярского края проводится сбор информации по количеству объемов ТКО на одного человека в месяц. Это является одним из ключевых условий для установления тарифа. По результатам мониторинга тариф на вывоз ТКО будет скорректирован, что приведет к его уменьшению или повышению.

Для установления нормативов потребления ТКО существует несколько нормативных актов [4,6,9], но в существующих реалиях они являются несовершенными. Полагаем, в Красноярском крае установлен завышенный норматив потребления ТКО на одного человека в месяц. Установление максимально точных данных позволит снизить тариф на оказание услуги по вывозу ТКО.

Еще одной проблемой, с которой столкнулись потребители услуги по вывозу ТКО Красноярского края, стал несвоевременный вывоз ТКО в январе 2019 года. Данная проблема была вызвана, неготовностью регионального оператора начать оказывать услугу с начала года. В соответствии с СанПин 42-128-4690-88 срок хранения в холодное время года (при температуре -5 град. и ниже) должен быть не более трех суток, в теплое время (при плюсовой температуре - свыше +5 град.) не более одних суток (ежедневный вывоз). В каждом населенном пункте периодичность удаления твердых бытовых отходов

согласовывается с местными учреждениями санитарно-эпидемиологической службы.

Например, график вывоза ТКО по Абанской технологической зоне нарушался четыре раза (январь – март 2019 г.) Региональный оператор на заседании круглого стола в Аппарате Гражданской ассамблеи Красноярского края назвал такие причины нарушения графика вывоза ТКО, как низкие температуры воздуха и поломка транспорта, перевозящего ТКО.

За неисполнение или ненадлежащее исполнение законодательства Российской Федерации в области обращения с отходами предусмотрена не только дисциплинарная, но и административная, уголовная и гражданско-правовая ответственность.

Реализация «мусорной» реформы в масштабах всей страны трудоемкий и длительный процесс. Как и любая реформа у нее имеются сторонники и противники. Претворение реформы привело к социальной напряженности в обществе, этому способствовало техническая и законодательная неподготовленность большинства регионов к новеллам законодательства. В настоящее время органы власти стремятся завершить процесс перехода к новой услуге по вывозу ТКО. На наш взгляд, такая реформа приведет к поддержанию, восстановлению благоприятного состояния окружающей среды и охране здоровья человека.

Список использованных источников:

1. Об отходах производства и потребления [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» – URL: <http://www.consultant.ru>.

2. О защите конкуренции [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» – URL: <http://www.consultant.ru>.

3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29.12.2014 № 458-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» – URL: <http://www.consultant.ru>.

4. Об утверждении правил установления и определения нормативов потребления коммунальных услуг и нормативов потребления коммунальных ресурсов в целях содержания общего имущества в многоквартирном доме

[Электронный ресурс]: Постановление Правительства Российской Федерации от 23.05.2006 № 306 // СПС «КонсультантПлюс» – URL: <http://www.consultant.ru>.

5. О противопожарном режиме [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 25.04.2012 № 390 // СПС «КонсультантПлюс» – URL: <http://www.consultant.ru>.

6. Об определении нормативов потребления твердых коммунальных отходов: [Электронный ресурс] : Постановление Правительства РФ от 04.04.2016 № 269 // СПС «КонсультантПлюс» – URL: <http://www.consultant.ru>.

7. СанПиН 42-128-4690-88 Санитарные правила содержания территорий населенных мест [Электронный ресурс] : утв. главным государственным санитарным врачом СССР 05.08.1988 № 4690-88 // СПС «КонсультантПлюс» – URL: <http://www.consultant.ru>

8. СанПиН 2.1.2.2645-10 Санитарно-эпидемиологические требования к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях [Электронный ресурс] : утв. Постановлением главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 10.06.2010 № 64 // // СПС «КонсультантПлюс» – URL: <http://www.consultant.ru>

9. Об установлении нормативов потребления твердых коммунальных отходов на территории Красноярского края [Электронный ресурс] : Приказ Министерства экологии и рационального природопользования Красноярского края от 19.12.2017 № 1/1934-од // СПС «КонсультантПлюс» – URL: <http://www.consultant.ru>

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ГОСУДАРСТВЕННОГО, МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНТРАКТА

© Д.А. Тур

Научный руководитель: Л.Ю. Егорова

канд. юрид. наук

Сибирский Федеральный Университет

Вопрос о правовой природе государственного, муниципального контракта (далее – контракт) в научной литературе носит дискуссионный характер. Можно выделить несколько научных подходов к определению правовой природы контракта:

1. Административный подход. Первая группа исследователей рассматривает контракт как институт административного права с присущим ему

публично-правовым характером, неравенством сторон, особой публичной целью заключения [4, с. 506].

Обосновывая публично-правовую природу контракта, авторы выделяют следующие основные признаки, присущие административному подходу: особый субъект (обязательное участие со стороны заказчика государственных органов и учреждений), цель (удовлетворение государственных, муниципальных нужд), особая процедура заключения (конкурсная, посредством электронного аукциона, путем проведения запроса котировок и так далее).

По нашему мнению, изложенные обстоятельства не свидетельствуют о публично-правовой природе контракта.

Согласно ч.1 ст. 124 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) [1]: Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и иные публично-правовые образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений - гражданами и юридическими лицами.

Что касается цели заключаемого договора, то здесь необходимо отметить, что цель заключения договора для ГК РФ не важна, поскольку при заключении договора в порядке, установленном ГК РФ, цель вступления в договорные отношения не имеет правового значения.

В отношении особой процедуры заключения так же есть соответствующие нормы в ГК РФ, а именно в ст. 447, 448 и 449.1 ГК РФ. Получается, что и особая процедура заключения договора также предусмотрена ГК РФ.

2. Смешанный подход. Представители данного направления полагают, что контракт занимает межотраслевое положение, регулируется как нормами частного, так и публичного права [3, с. 608].

Полагаем, что данная точка зрения также не имеет под собой правовых оснований.

Контрактная система представляет собой сложный, многоэтапный процесс, включающий определение государственных и муниципальных потребностей, определение источника их финансирования, составление плана закупок и тому подобное и лишь заключительным этапом в этой цепочке является заключение, исполнение, изменение, расторжение контракта. Публично-правовые нормы применяются по отношению к процедуре формирования заказа, тогда как когда заключение, исполнение, изменение и расторжение контракта регулируются нормами ГК РФ и специальными нормами Закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд» от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (Далее Закон о контрактной системе).

Такая же позиция высказана Верховным Судом РФ, отметившим важность правильного соотношения Закона контрактной системе, иных федеральных законов, входящих в систему законодательства о контрактной системе, и положений ГК РФ. Суд указал, что Законом о контрактной системе установлены особенности заключения, изменения, расторжения контрактов, их исполнения и ответственности за ненадлежащее исполнение, но не содержится исчерпывающего регулирования гражданско-правовых отношений, возникающих в связи с контрактом. Поэтому при разрешении споров, вытекающих из контракта, суды руководствуются нормами Закона о контрактной системе, толкуемыми во взаимосвязи с положениями ГК РФ, а при отсутствии специальных норм – непосредственно нормами ГК РФ [2].

Как обоснованно отмечает М.В. Волынкина «главное заблуждение авторов, отрицающих гражданско-правовую природу контракта заключается в том, что определение потребностей, формирование заказа смешиваются с отношениями по заключению и исполнению государственного контракта, в то время как они связаны между собой (одно предшествует другому), но не тождественны: первые имеют публично-правовую природу, вторые частно-правовую» [5, с. 40]. Здесь можно добавить, что по нашему мнению государственные закупки (заказ) и государственный контракт соотносятся как целое и часть.

Подводя итог, следует отметить, что необходимо различать собственно государственные закупки как единый процесс, состоящий из нескольких этапов (начиная от планирования, выделения бюджетных средств, определения государственных нужд, размещения информации о закупках и т.д.) и государственный контракт, как заключительный этап этого процесса.

При таких обстоятельствах, следует согласиться с авторами, обосновывающими гражданско-правовую природу контракта. Представители данного направления обоснованно рассматривают контракт как гражданско-правовой институт, необходимый для обеспечения публичных потребностей [5, с. 198].

Еще одной проблемой в сфере правового регулирования контрактных отношений является то, что на сегодняшний день ГК РФ не содержит легального определения контракта, и лишь упоминает о нем в нескольких случаях: в параграфе 4 главы 30 (поставка для государственных, муниципальных нужд); в ч.2 ст. 535 ГК РФ (контрактация), но нормы контрактации отсылают «в соответствующих случаях» к договору поставки для государственных, муниципальных нужд. Еще одно упоминание содержится в параграфе 5 главы 37 ГК РФ, в котором говорится о контракте на выполнение подрядных работ для государственных или муниципальных нужд.

На наш взгляд отношения, которыми охватывается контракт, являются более широкими, так как контракты заключаются не только по поводу поставки, контрактации или выполнения подрядных работ. Контракты заключаются практически во всех сферах экономических правоотношений (финансовых, банковских, страховых, арендных, перевозки, экспедиции и т.д.). При этом субъекты контрактных отношений используют не только положения о видах договоров, закрепленных Обязательственной частью ГК РФ, но и договоров, которые, в соответствии с пунктом 2 статьи 421 ГК РФ, не предусмотрены законом или иными правовыми актами.

Можно согласиться с мнением М.В. Шмелевой, о том, что «государственному контракту в силу его специфики принадлежит особое место в системе договоров, и в целом он является самостоятельным видом гражданско-правового договора, обладающего только ему присущими признаками» [7, с.252].

Ею же предложено следующее определение государственного контракта: государственный контракт – самостоятельный вид гражданско-правового договора, заключенного органом государственной власти или органом местного самоуправления, учреждением, уполномоченным органом или организацией по результатам проведения юридической процедуры с лицом, выигравшим такую процедуру [7, с. 253].

На наш взгляд, данное определение является не полным, так как контракт, во-первых, заключается на основании не только проведения юридической процедуры с лицом, выигравшим такую процедуру, но и, к примеру, на основании закупки у единственного поставщика; во-вторых, следует добавить, что к контракту применяются нормы об отдельных видах договоров, а так же нормы о договорах, которые не предусмотрены законом или иными правовыми актами, но не противоречат им.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации : в 4 ч. : по состоянию на 1марта 2019 г. – Москва: Проспект, 2019. – 638 с.
2. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд Электронный ресурс: утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 28.06.2017 г. // СПС «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Административное право Российской Федерации: сущность и основные институты административного права / А.П. Алехин, А. А. Кармолицкий, Ю.М. Козлов. – Учебник. – М.: ИКД «Зерцало-М». – 2003.

4. Бахрах, Д. Н. Административное право России : учебник / Д. Н. Бахрах. – 5-е изд., перераб. и доп.. – М. : Эксмо, 2010.

5. Волынкина, М.В. Правовая природа государственного контракта / М.В. Волынкина // Вестник гражданского права. 2014 №4.

6. Горбунова, Л.В. Поставка продовольствия для государственных нужд по российскому гражданскому праву / Л.В. Горбунова: Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003.

7. Шмелева, М.В. Понятие и правовая природа государственного контракта / М.В. Шмелева // Вестник Саратовской юридической академии. – 2015. – № 2(103).

**АНТИКАРТЕЛЬНОЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В РОССИИ,
ТРУДНОСТИ В ПОНИМАНИИ И ПРИМЕНЕНИИ ЗАКОНА,
ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
СИСТЕМЫ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

© А.М. Шведов

Научный руководитель: Е.А. Вакулина

Сибирский федеральный университет

Устойчивое развитие государства невозможно без эффективного функционирования конкуренции [4]. Существуют многочисленные примеры нарушения антимонопольного законодательства не только частными предприятиями, но и чиновниками, государственными служащими, которые должны защищать конкуренцию [9]. Картель – одно из самых опасных нарушений антимонопольного законодательства [15]. В настоящее время статья 11 ФЗ «О защите конкуренции» дает понятие картеля и говорит о том, что запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами [2].

Существует мнение, что поначалу российская судебная система следовала правилу безусловного запрета картелей (*per se*) независимо от результатов [10]. Однако решения последних лет ставят под сомнение запрет картелей именно как соглашений; российские суды предлагают вероятный возможный положительный эффект картеля, предлагают исследовать изменение рынка, изменения цены и другие факторы.

Ситуация с тремя самыми громкими «рыбными» картелями последних лет обозначает проблемы неопределенности. Функционировали они по схожей схеме – российские поставщики рыбы объединялись в ассоциации и воздействовали на поставщиков из других стран и некоторые государственные органы для ограничения поставок членам ассоциации, распределения квоты между участниками и фиксации цен. Решение судов в отношении этих дел разнилось. В деле картеля минтая суды решили, что заключенное участниками соглашение является картелем *per se* и эффект не подлежит доказыванию [6]. Аналогичное решение в деле о картеле пангасиуса было отменено, так как суды посчитали необходимым анализ рынка и установление раздела рынка. Суд постановил отсутствие доказательств того, что картель повлиял на снижение объемов импорта, что препятствия для входа на рынок новым компаниям стали реальными и что установленные участниками картеля цены повлияли на рынок [13]. В деле о картеле на рынке норвежской рыбы необходимыми элементами картельного сговора суды посчитали его влияние на экономические процессы на товарном рынке и состоявшийся раздел территории России между продавцами. Решением по делу о норвежской рыбе суд предпринимает попытку оправдать картельное соглашение определенными благоприятными последствиями для рынка [5]. Существующий закон не устанавливает условий допустимости для соглашений подобного рода. Анализируя приведенные примеры, складывается мнение о том, что в России сложился определенный режим, в котором одновременно существуют и *per se* запрет картелей, и ожидания некоторых судов, доказательств ФАС о негативном эффекте картеля. Высокое число отмен решений правоприменителя означает неясность закона, сигнализирует о необходимости разработать критерии для понятий, закрепленных законом.

Такая неопределенность в толковании картельного запрета затрудняет пресечение существующих картелей, допускает развитие и исполнение незаконных соглашений.

Сам по себе размер бизнеса участников картеля не имеет значения, важно разобраться с масштабом всего нарушения, поэтому мировая практика знает случаи ответственности малого бизнеса за картели, если эти картели включали и гигантов [11]. Кроме того, некоторые юрисдикции (ЕС, например) привлекает к ответственности за картели не только конкретное юридическое лицо, но и аффилированных лиц. За небольшой компанией может стоять политика серьезного концерна. В российском законодательстве существуют инструменты для регулирования этого вопроса. Ст. 2.9 КоАП освобождает нарушителей от ответственности в случае малозначительности нарушения.

Пределы такого рассмотрения должны быть четко регулированы, а на сегодняшний день этого нет в российском законе. Европейское законодательство в ч.3 ст.101 TFEU допускает освобождение от ответственности за картели, если участник картеля доказал, что соглашение способствовало улучшению продукта, его дистрибуции или техническому или экономическому прогрессу [8]. На сегодняшний день ни одному заявителю ни по одному картельному делу не удалось доказать наличия этих обстоятельств. Можно считать ч.3 ст.101 TFEU ориентиром для судов и помощником в понимании природы картелей при вынесении решений.

В части санкций наше правоприменение выглядит вполне гуманным: санкции рассчитываются по ставкам в разы ниже, чем в ЕС; только за один год, а не за весь период действия картелей; и только в отношении конкретного юридического лица, а не всей группы лиц. За противоправные действия в отношении свободной конкуренции предусмотрена (административная ответственность – штраф 15% годового оборота компании; уголовная ответственность – ст. 178 УК РФ, лишение свободы от 3 до 7 лет) [10]. Установление жестких санкций в отношении участников картелей не способствует снижению противоправных деяний, поскольку получаемые участниками картельных сговоров сверхприбыли во много раз превышают штрафные санкции [4].

В рамках указа президента о национальном плане развития конкуренции на 2018 – 2020 гг. [13] ФАС решила бороться с картелями с помощью изменений в законодательстве и взаимодействия с правоохранительными органами. Был разработан ряд поправок в законодательство, где, в частности, предлагается радикальный рецепт борьбы с картелями, в том числе повышение ответственности за повторный картель, штрафы за воспрепятствование проверке, конфискацию имущества виновника и получение антимонопольным органом оперативно-розыскных материалов. Планируется внести изменения в федеральные законы от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», а также в УК РФ и УПК РФ [12].

Предполагается, что картелями должны заниматься не только в ФАС, но и в силовых ведомствах, чтобы при наличии состава возбуждать уголовные дела. Начальник Управления по борьбе с картелями ФАС России Андрей Тенишев в своем выступлении о законопроектах по предупреждению и пресечению картелей в России, сообщил, что в уголовном законодательстве появится четкое определение понятия «картель», полностью соответствующее мировому стандарту [7].

СМИ отмечают, что ФАС предлагает синхронизировать КоАП РФ и Уголовный кодекс в части применения «программы смягчения ответственности», активнее снижать штрафы за то, что компании сознаются в картелях. Это большие риски, но возможность снижения штрафов должна быть. Основная цель - открытость и прозрачность закупочных процедур, содействие развитию конкуренции в экономике. Крайне важно, не выставлять огромные штрафы, а способствовать прекращению картеля с признанием вины и устранения нарушений. Также предусмотрено, что за рецидив участия в картеле штраф будет увеличен в два раза. Кроме этого, ФАС России предлагает создать специальный реестр, в который будут включаться сведения об участниках картелей, увеличить срок исковой давности по антимонопольным делам о картелях до 10 лет и предусмотреть возможность изъятия документов и предметов при проведении проверок [16].

В настоящее время традиционное доказывание наличия картельного соглашения между хозяйствующими субъектами представляет особенную сложность. Такие тенденции как разработка внутрикорпоративной системы предупреждения антимонопольного законодательства (антимонопольный комплаенс), утверждение на уровне Правительства «дорожных карт» по развитию конкуренции, создание действительно эффективных мер воздействия на правонарушителей, должны мотивировать компании к тому, чтобы они предпринимали меры по соблюдению антимонопольного законодательства и избегали ошибок. Современная российская практика движется в направлении поиска новых, более совершенных, а самое главное «гибких» механизмов, способных предотвратить образование картелей. Инициатива Президента РФ и поправки антимонопольного ведомства вполне понятны и оправданны, однако текущие формулировки законопроектов вызывают много вопросов у экспертов и бизнес-сообщества [14].

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня. 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 июля. 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 08.01.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
3. Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции (вместе с «Национальным планом развития конкуренции в

Российской Федерации на 2018 - 2020 годы»): Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285796/.

4. Белик, Е.А. Картельный сговор: новый взгляд на старую проблему / Е.А. Белик, Т.С. Солонинченко // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы III Междунар. науч. конф. – СПб.: Заневская площадь, 2014. – С. 1-3.

5. Верховный Суд открыл лазейку для картелей Верховный Суд открыл лазейку для картелей [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon.ru/verhovnyj_sud_rf.

6. Верховный Суд отказал ФАС в пересмотре решений по делу о картеле на рынке норвежской рыбы [Электронный ресурс]. – URL: <http://rapsinews.ru/arbitration/20160218/275446789.html#ixzz5BPMEeVxS>.

7. Интервью начальника Управления по борьбе с картелями ФАС России Андрея Тенишева членам Общественного совета законопроекты [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/tenishev4/>.

8. Кашкина, С. В. Право Европейского союза. Учебник для вузов / С.В. Кашкина // Изд-во «Юрайт». – М, 2010.

9. Кинев, А.Ю. Противодействие картелям. Итоги, проблемы, перспективы [Электронный ресурс] / А.Ю. Кинев. – URL: / <http://www.garant.ru/>.

10. Мосунова, Н.Н. Картели в России: per se или эффект? / Н.Н. Мосунова // Вестник экономического правосудия. – 2017. – №2. – М. – С. 95-109.

11. Практика ФАС России по делам о картелях // Наше право. – 2017. – С.4-5.

12. Разработанные законопроекты: «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (ID проектов 02/04/03-17/00063540 и 02/04/12-17/00076395); «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ID проекта 02/04/10-17/00074502); «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите конкуренции“» (ID проекта 02/04/10-17/00074495); «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ID проекта 02/04/10-17/00074514); «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите конкуренции“, Федеральный закон „О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд“ и Федеральный закон „О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц“» (ID проекта 02/04/10-17/00074517) [Электронный ресурс]. – URL: www.consultant.ru

13. «Рыбные» вопросы к ФАС остаются без ответа [Электронный ресурс]. – URL: <http://fishnews.ru/news/21474>.

14. Соколовская, Е. Пакетный удар по картелям / Е. Соколовская // Конкуренция и право. – 2018. – № 1.

15. Тенишев, А. П. Картель – одно из самых опасных нарушений антимонопольного законодательства / А.П. Тенишев // Юридический справочник руководителя. – 2014.

16. ФАС России предлагает ужесточить ответственность за повторное участие в картелях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/1159674/>.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА	3
<i>Nikitenko S.V.</i> Copyright Protection in the European Court of Human Rights Case-Law	4
<i>Ramírez B.A.</i> The Influence of Multinational Companies on the State: Legal Aspects.....	8
<i>Адиятулина Л.И.</i> Компенсация морального вреда при воздушной чартерной перевозке	11
<i>Анисимов И.М.</i> Вопросы осуществления непосредственного управления многоквартирным домом в Российской Федерации	14
<i>Ануфриева Е.А.</i> Судьба прав на земельный участок по завершении строительства «нежилого» здания	19
<i>Бабкова А.В.</i> Разумность в гражданском праве РФ: содержание и общая характеристика.....	23
<i>Баландина К.В.</i> Culpa in Contrahendo (ответственность за недобросовестное ведение переговоров).....	27
<i>Бедарева К.А.</i> Проблема компенсации нематериального (репутационного) вреда как способа защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности.....	32
<i>Бурнакина А.В.</i> К вопросу об органах и тканях человека как объектах гражданских прав	36
<i>Бушмина К.С.</i> Разграничение преддоговорной ответственности по ст. 434.1 ГК РФ и ответственности за недостоверные заверения по ст. 431.2 ГК РФ	40
<i>Головин Д.И.</i> О правовой природе соглашения о разделе продукции	43
<i>Горобец К.А.</i> Переписка в социальных сетях как объект наследственного права.....	47
<i>Емельяненко Д.А.</i> Добросовестность как принцип гражданского права	50
<i>Зайцев М.А.</i> К вопросу о создании наследственного фонда в случае существенного изменения гражданского законодательства после открытия наследства.....	55
<i>Иргит Б.О.</i> О заранее оцененных убытках	60
<i>Калинина Е.С.</i> К вопросу об эмбрионе In Vitro как объекте гражданских прав.....	64
<i>Каралюс В.В.</i> Изменение и расторжение предпринимательского договора в связи с существенным изменением обстоятельств: критерии отнесения обстоятельств к существенным.....	68
<i>Квиткевич В.И.</i> К вопросу о правовой связи земельного участка и нежилого помещения: сравнительно-правовой аспект	72

<i>Клепиковская А.А.</i> Некоторые вопросы привлечения к ответственности контролирующих должника лиц	77
<i>Кокухин Н.В.</i> Разумный и неразумный риск в деятельности руководителя хозяйственного общества	81
<i>Колпакова Е.А.</i> Сделки с заинтересованностью: некоторые вопросы теории и практики	85
<i>Крейндель А.Е.</i> К вопросу о понятии миноритарного акционера	90
<i>Лапыцкая А.К.</i> К вопросу о понятии способа прекращения права собственности, предусмотренного абз. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ.....	94
<i>Логинова Я.Е.</i> К вопросу о понятии мнимых и притворных сделок	98
<i>Мамедзаде Р.Р.</i> Актуальные проблемы гражданско-правовой ответственности органов юридического лица	101
<i>Михалев Д.В.</i> Восстановление корпоративного контроля как специальный способ защиты корпоративных прав	104
<i>Михалева А.Р.</i> Корпоративный конфликт как юридический феномен	108
<i>Петроченко О.О.</i> К вопросу о начале исчисления исковой давности при конкурсном оспаривании сделок арбитражным управляющим	112
<i>Поготовко А.Н.</i> К вопросу о защите права собственности детей на квартиру, приобретенную с использованием средств материнского капитала, в случае наложения на нее ареста	116
<i>Попкова И.А.</i> Проблемы применения императивных норм при заключении и исполнении гражданско-правового договора (на примере договора транспортного обслуживания).....	120
<i>Савченко Т.А.</i> Выход за пределы обычной хозяйственной деятельности как признак крупной сделки	125
<i>Селезнева С.Е.</i> К вопросу о существовании неимущественных обязательств в гражданском праве	128
<i>Соловьева Ю.А.</i> К вопросу о деликтной ответственности лиц, определяющих действия юридического лица	131
<i>Солонкина Т.В.</i> Обычай в гражданском праве: понятие и соотношение со смежными юридическими конструкциями	134
<i>Сорокин А.А.</i> О правовой природе договора аренды	138
<i>Сошникова А.Д.</i> Государственная корпорация в сравнении с иными сходными организационно-правовыми формами юридического лица.....	141
<i>Староватова К.А.</i> Механизм исключения участника из общества с ограниченной ответственностью	146
<i>Суровова Ю.С.</i> Существенные условия договора аренды	149
<i>Фомина С.Е.</i> К вопросу об особенностях предъявления иска о признании права или обременения отсутствующим	151
<i>Фунтусова И.А.</i> История возникновения института L'astreinte.....	156

<i>Хачбулагян В.Н.</i> К вопросу о новом способе приобретения права собственности на самовольную постройку	159
<i>Чайка О.В.</i> Общая совместная собственность супругов: некоторые вопросы	163
<i>Шевцова А.В.</i> Некоторые проблемы применения технологии Blockchain в сфере охраны авторских прав	166
<i>Шевцова А.В.</i> Понятие недвижимой вещи: некоторые аспекты	170
<i>Шучева И.А.</i> К вопросу о доктринальном и легальном определении категории «инвалидность»	176
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	180
<i>Асеева В.О.</i> Принцип диспозитивности и теория иска	181
<i>Васильева П.В.</i> Отказ от наследства в нотариальной практике	185
<i>Гарголь К.А.</i> Досудебный порядок оспаривания кадастровой стоимости недвижимости	188
<i>Гришина С.А., Васильева Т.А.</i> Правовая природа срока обращения работника в суд за защитой нарушенного права	192
<i>Евстафьев А.И.</i> Действие доктрины эстоппель в цивилистическом процессе	197
<i>Егорова С.А.</i> К вопросу о классификации процессуального соучастия в цивилистическом процессе	201
<i>Кириллова Д.Д.</i> К вопросу о примирительных процедурах в цивилистическом процессе	204
<i>Комбу А.А.</i> К вопросу о месте аудио- и видеозаписей в системе средств гражданского процессуального доказывания	209
<i>Лановенко Ю.С.</i> Злоупотребление процессуальными правами в арбитражном процессе	213
<i>Лещинский А.С.</i> К вопросу о преюдициальных обстоятельствах	217
<i>Манукян М.Г.</i> К вопросу о порядке восстановления пропущенного процессуального срока на подачу кассационных жалоб в судебную коллегия верховного суда российской федерации	220
<i>Медведева А.М.</i> Особенности приказного производства в арбитражном процессе	223
<i>Мельников Д.В.</i> Особенности участия прокурора в арбитражном процессе	227
<i>Мухлынин А.Е.</i> К вопросу о нотариате как предмете совместного ведения	231
<i>Никифорова Д.А.</i> Особенности доказывания по делам о возмещении вреда, причиненного несчастным случаем на производстве	236
<i>Петряков Н.Д.</i> Предпосылки зарождения принципа гласности судопроизводства в России	240
<i>Пузырева А.Д.</i> Об исполнимости мировых сделок по Уставу гражданского судопроизводства 1864 года	244

<i>Реут И.А.</i> Проблемы судебного оспаривания обстоятельств, установленных нотариусом при совершении нотариального действия	247
<i>Романская В.А.</i> Особенности раскрытия доказательств в арбитражном процессе	252
<i>Рыкованова И.Е.</i> Особенности судебных решений, вынесенных в порядке упрощенных процедур.....	256
<i>Сильванович Ю.Н.</i> Концепция единого гражданского процессуального кодекса: российский и зарубежный опыт	260
<i>Терских Л.А.</i> Постановление европейского суда по правам человека как основание для пересмотра судебного постановления, вступившего в законную силу	264
<i>Устюгова В.С.</i> К вопросу о распределении судебных расходов по делам, связанным с самовольным строительством.....	267
<i>Холявко Д.С.</i> Значение Resiudicata в аспекте действия свойства преюдициальности	271
<i>Русанов Д.Р., Шамич Р.В.</i> Новеллы досудебного порядка урегулирования споров в гражданском процессе.....	275
<i>Тришин Н.А.</i> К вопросу о правовой природе услуг правового и технического характера.....	279
ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОЗНАНИЕ И ПРАВО	284
<i>Akulka A.V., Kozlova E.A.</i> The Category of Values in Law and Their Hierarchy	285
<i>Mkrtychyan F.Zh.</i> Ideals of Politically Organized Society and Law.....	288
<i>Ахтямова А.Н.</i> К вопросу о системном анализе политической жизни	290
<i>Боричевский С.В.</i> Становление российской адвокатуры после судебной реформы 1864 г.	293
<i>Васильева Д.В.</i> Проблема гуманизма в праве на примере «русской правды» П.И. Пестеля	297
<i>Войцехович В.Н.</i> Соотношение понятий «юридическая техника» и «юридическая технология»	301
<i>Выборова В.О.</i> К вопросу о понятии нормативных обобщений	305
<i>Гурьянова Д.Д.</i> Сравнительный аспект легитимности российской государственности и государств западного типа	308
<i>Каргаполова-Рупп В.П.</i> К вопросу о соотношении канонического и естественного права	310
<i>Князев А.А.</i> Формирование добровольчества в области гражданской обороны и защиты от внутренних угроз.....	313
<i>Логинова Д.А.</i> Непризнанные государства: понятие и перспективы трансформации.....	318
<i>Марьясова Д.Р.</i> Правовая совесть как элемент структуры правосознания...	322
<i>Мкртчян Ф.Ж.</i> Валютные операции между резидентами и нерезидентами Российской Федерации.....	327

<i>Муравьева И.А.</i> Многозначность термина «взятка» в научной литературе и законодательстве России XI-XV веков	330
<i>Польшина А.Д.</i> Влияние октябрьской революции 1917 г. на развитие социально-экономических прав в зарубежных странах	334
<i>Смирнова А.Г.</i> Формирование паспортного законодательства в Российской империи	337
<i>Труфанова А.А.</i> Байонский статут 1808 года – первый конституционный акт Испании	343
<i>Федотова А.В.</i> Законодательство об усыновлении в царской России и в РСФСР: историко-правовое исследование	346
<i>Шаркевич Д.В.</i> Универсальность человеческих прав в мире многообразия культур.....	352
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА	358
<i>Васильков Г.А.</i> Учет мнения населения при выборе организационной модели местного самоуправления	359
<i>Данченко А.В.</i> Иерархия конституционных прав и свобод	363
<i>Дегтярев М.А.</i> Ужесточение законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях как препятствие в осуществлении прав граждан на их проведение: основные аспекты	367
<i>Дроган А.К.</i> Об оплате труда членов избирательных комиссий	372
<i>Кириллов Н.А.</i> Конституционно-правовой механизм защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации	376
<i>Кириллова А.И.</i> Роль Конституционного Суда Российской Федерации в защите прав и свобод человека и гражданина	381
<i>Кочетков Н.М.</i> Разделение полномочий в России и США (сравнительно-правовой анализ).....	385
<i>Кузнецов И.Н.</i> Сравнительный анализ института гражданства в СССР и РФ	390
<i>Кухаренко Л.В.</i> Декриминализация побоев в отношении близких лиц как нарушение некоторых положений конституции РФ	393
<i>Суздалева П.А.</i> Правовое регулирование трансплантации в мире и России: сравнительный анализ законодательства.....	397
<i>Уткин А.В.</i> Тенденции и перспективы территориального развития России.....	399
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА	404
<i>Алексеева О.С.</i> Легальный оборот наркотиков как специальный административно-правовой режим	405
<i>Альева К.М.</i> Сравнительный анализ делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти и в органах внутренних дел	409
<i>Бирева Н.А.</i> Судебная практика в механизме правового регулирования административных отношений	413

<i>Зенин В.Д.</i> К вопросу о дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел	416
<i>Инякина Д.Ю.</i> Некоторые проблемы административной ответственности за нарушение правил легального оборота наркотиков.....	420
<i>Курова С.В.</i> Федеральный государственный надзор в области безопасности дорожного движения с использованием технических средств, работающих в автоматическом режиме	423
<i>Лапин Н.Р.</i> Применение огнестрельного оружия в Российской Федерации и США: сравнительный аспект	427
<i>Пустовойт Е.С.</i> Актуальные проблемы применения ст. 20.2 КОАП РФ	431
<i>Разоренова О.В.</i> Отдельные вопросы применения полицией мер непосредственного принуждения.....	435
<i>Томашова Д.В.</i> Некоторые проблемы применения ст. 19.24 КОАП РФ	439
<i>Шевцова К.А.</i> Некоторые вопросы дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дела за нарушение принципа беспристрастности	443
<i>Юрина П.А.</i> Деятельность органов внутренних дел в сфере оборота наркотиков.....	446
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ И ВОПРОСЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	451
<i>Гармаев П.А.</i> К вопросу о государственном управлении арктической зоной Российской Федерации	452
<i>Голобородько А.Ю.</i> Особенности осмотра места происшествия по делам о незаконной рубке лесных насаждений	456
<i>Головин Д.И.</i> О правовой природе соглашения о разделе продукции	461
<i>Григорьева Н.Г.</i> Регулярные платежи за пользование недрами	465
<i>Ибадуллаева Д.Д.</i> Налоговые органы и налогоплательщики – не враги, а партнеры	470
<i>Монгуш А.Д.</i> Государственная политика России по освоению северных территорий: периодизация, главные цели и основы правового регулирования обеспечения трудовыми ресурсами.....	474
<i>Назарчук А.В.</i> Делимитация границы в Баренцевом море между Россией и Норвегией. Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном ледовитом океане 2010 года	482
<i>Петрушко А.С.</i> Международный договор как источник правового регулирования иностранных инвестиций в сфере недропользования.....	486
<i>Старков Д.А.</i> Целесообразность создания специализированных экологических судов в Российской Федерации	490

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА	496
<i>Ануфриева Е.А.</i> Правовые аспекты строительства на садовых и огородных земельных участках	497
<i>Бокишева А.А.</i> Природа ограничений прав на земельные участки	501
<i>Ведюшкина К.Е.</i> Отказ от права собственности на земельные участки	505
<i>Горлачева Ю.Д.</i> Правовой режим байкальской природной территории	508
<i>Кухаренко А.Ю.</i> Некоторые особенности регулирования труда осужденных к лишению свободы	512
<i>Казарова М.А.</i> Изъятие части земельного участка для государственных и муниципальных нужд	516
<i>Колесников А.Э.</i> Проблемы занятости и трудоустройства лиц предпенсионного возраста	520
<i>Скадарова А.О.</i> Ответственность кадастрового инженера	524
<i>Тирских В.В., Качанов В.Н.</i> Разграничение государственной собственности на землю: понятие и актуальные проблемы	529
<i>Ульяненко У.С.</i> Влияние евразийской интеграции на законодательное закрепление прав работников-мигрантов в РФ	533
<i>Цупинина Д.В.</i> Сравнительный анализ новелл законодательства о садоводческих и огороднических некоммерческих товариществах	537
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА	542
<i>Абрамов Р.В.</i> Момент окончания кражи, предусмотренной частью первой статьи 158 УК РФ	543
<i>Атакулова С.Ш.</i> Обратная сила уголовного закона и проблемы правоприменения ст. 128.1 «Клевета» УК РФ	547
<i>Беседина А.М.</i> Понятие превышения служебных полномочий в объективной стороне преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ	552
<i>Биллер М.В.</i> Психическое расстройство как разновидность тяжкого вреда, причиненного здоровью потерпевшего	555
<i>Богущий Э.В.</i> О моменте окончания присвоения и растраты	558
<i>Винокуров М.В.</i> Общественная опасность обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок	561
<i>Воробьев Д.А.</i> Объект преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ	565
<i>Глухов Д.А.</i> Некоторые проблемы привлечения к уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу	569
<i>Гребенюк А.И.</i> Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 110 и 110.1 УК РФ	573
<i>Джусь А.С.</i> Концепция уголовного проступка в законопроекте верховного суда российской федерации	578

<i>Дмитриева Н.С.</i> К вопросу о юридической природе совершения нового преступления после провозглашения приговора	581
<i>Долгополов В.Е.</i> Проблемные вопросы субъективной стороны торговли людьми	585
<i>Ерофеева К.В.</i> Эксплуатация как цель основного состава преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ	587
<i>Звыкова А.А.</i> Квалифицирующий признак «причинение тяжких последствий» (п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ)	591
<i>Иванова О.Ю.</i> Проблемы освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших захват заложника, в соответствии с примечанием к ст. 206 УК РФ	595
<i>Иляскин К.И.</i> Проблемы квалификации террористического акта, совершенного с использованием служебного положения	600
<i>Каримова Е.А.</i> Предмет преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ ..	603
<i>Козорез К.А.</i> К вопросу о проблемах реализации компенсационной функции уголовного наказания	608
<i>Коновалов А.Н.</i> К вопросу о субъекте нецелевого расходования бюджетных средств	612
<i>Копылова Д.М.</i> О соотношении уголовно-правовых и общеправовых последствий судимости	616
<i>Кочетова Е.В.</i> Проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ)	619
<i>Кравцов А.В.</i> Разграничение злоупотребления от превышения должностных полномочий по общественно-опасному деянию	622
<i>Краснова В.А.</i> Проблемы разграничения ст. 186 и ст. 187 УК РФ по предмету преступления	625
<i>Кунстман А.А.</i> К вопросу объективного вменения в уголовном праве	629
<i>Лебедев С.В.</i> Новеллы уголовного законодательства о защите прав обманутых дольщиков: проблемы правоприменения	631
<i>Леков Д.М.</i> Определение сроков исполнения иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа	636
<i>Макарова А.В.</i> К вопросу о смягчающих обстоятельствах при совершении самоуправства	639
<i>Мокин В.Е.</i> Значение конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию для российского уголовного права	642
<i>Мурашов Д.С.</i> Конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ	646
<i>Мурзина М.С.</i> Субъект преступного нарушения требований пожарной безопасности: актуальные проблемы правоприменения и пути их решения	650
<i>Надводнюк А.О.</i> копирование компьютерной информации как признак преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ	654

<i>Наследников Ю.В.</i> Клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера	658
<i>Наумова Н.М.</i> Уголовный проступок и административная преюдиция: гуманизация или репрессия	662
<i>Ольчук Т.В.</i> Отграничение мошенничества от некоторых смежных составов преступлений	666
<i>Пальманова А.А.</i> Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, проблемы квалификации	670
<i>Прокофьева Е.Н.</i> Проблема разграничения действий сексуального характера с развратными действиями	674
<i>Семенова А.В.</i> Угроза применения насилия в составах насильственных половых посягательств	678
<i>Сергеева К.Ю.</i> Уголовно-правовая квалификация предоставления ложных сведений при заключении договора страхования	683
<i>Сидоренко А.С.</i> Признак особой жестокости в составах преступлений против личности	686
<i>Симак О.О.</i> О соотношении понятий «притон» и «систематическое предоставление помещений» в ст. 232 УК РФ	691
<i>Сморжевский Е.А.</i> Разбой: усеченный или формальный состав?	695
<i>Танкович А.Ю.</i> Соотношение похищения человека (ст. 126 УК РФ) и вымогательства (ст. 163 УК РФ)	698
<i>Тихонова Д.А.</i> проблемы приостановления течения давности привлечения к уголовной ответственности по уголовному законодательству РФ	702
<i>Тян Я.А.</i> К вопросу разграничения кражи и находки	705
<i>Утина Л.Н.</i> Уголовная ответственность неуплату средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей: региональный аспект	710
<i>Федина Д.А.</i> Организационно-распорядительные функции должностного лица	712
<i>Федоров М.С.</i> Предоставление иных имущественных прав как предмет взятки	716
<i>Филиппова А.Д.</i> Проблемы применения пожизненного лишения свободы	719
<i>Цупинина Д.В.</i> Некоторые проблемы квалификации склонения к совершению самоубийства	723
<i>Черепанова Д.А.</i> К вопросу о мнимой обороне	727
<i>Шкуратова А.А.</i> Особенности субъекта взяточничества, выполняющего функции в подконтрольных государству акционерных обществах Российской Федерации	730
<i>Якунина Е.М.</i> Жестокое обращение с животными: вопросы теории и практики	733

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ 737

<i>Абрамов И.А.</i> Участие понятых в российском уголовном судопроизводстве.....	738
<i>Авласевич И.А.</i> Проблемы осуществления адвокатского расследования в российском уголовном процессе и способы их решения.....	740
<i>Александрова М.Д.</i> Возможности диагностического исследования влияния стрессовой ситуации на изменения характеристик подписи	745
<i>Александрова М.Д.</i> Структура линии защиты в уголовном процессе.....	747
<i>Амелина В.А.</i> Плюсы и минусы суда с участием присяжных заседателей	749
<i>Асташкова Ю.Г.</i> Запрет определенных действий – новая мера пресечения	751
<i>Базарова А.С.</i> Основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражу: анализ практики Европейского суда по правам человека	756
<i>Барабаш А.А.</i> Тактическая подготовка к допросу несовершеннолетних	760
<i>Башарина Е.В.</i> К вопросу о доказательственной силе получения объяснений	763
<i>Беляев Н.А.</i> Проблемы процессуальной самостоятельности следователя ...	768
<i>Беляева М.Г.</i> Проблемные вопросы предъявления для опознания	771
<i>Богушевич К.Б.</i> Проблемы раскрытия и расследования незаконного оборота допинга в Российской Федерации за период 2014-2018 гг.	775
<i>Бопп А.</i> Меры уголовно-процессуального принуждения в немецком праве на примере кратковременного задержания (§§ 127, 127b УПК ФРГ)	779
<i>Галочкин Д.А.</i> Прокурорский надзор за исполнением законов при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних	782
<i>Гаранжа А.Ю.</i> Подходы к провокации преступления в позициях Конституционного суда и Верховного суда Федеративной Республики Германия	787
<i>Гирба Ю.А.</i> Сравнительный анализ российского законодательства и законодательства прибалтийских стран на постановку наводящих вопросов	791
<i>Горская А.А.</i> К вопросу о разграничении уголовно-процессуального статуса свидетеля и подозреваемого	795
<i>Грицков А.А.</i> Значимость цифровых технологий при проведении оперативно-разыскных мероприятий.....	799
<i>Гришин В.С.</i> К вопросу о реализации информации в виде сообщения о преступлении, полученной священнослужителем из исповеди в качестве законного основания для возбуждения уголовного дела.....	801
<i>Ероцкая И.А.</i> Проблемы в нормативном регулировании процесса фиксации и изъятия следов преступления	805
<i>Зрилин И.В.</i> О некоторых проблемах, связанных с принципом неприкосновенности жилища	808

<i>Кабеева А.Н.</i> Доказывание по уголовным делам экономической направленности	811
<i>Колесник А.О.</i> Понятие, место и роль принципов в деятельности	815
<i>Костенко Д.С.</i> Актуальность введения запрета определенных действий в современный уголовный процесс	819
<i>Кострыкина В.В.</i> Запрет определенных действий в системе мер пресечения: предпосылки, проблемы и ожидания	824
<i>Кочетова П.О.</i> Упрощение форм предварительного расследования	828
<i>Кривец Н.В.</i> О расширении понятия состязательности в российском уголовном процессе под влиянием позиций европейского суда по правам человека ..	832
<i>Лукашеева А.Д.</i> Установление следователем психологического контакта с участниками предварительного расследования	835
<i>Лысенко И.П.</i> Сравнительно-правовой анализ института адвокатуры в законодательстве Российской Федерации и Японии	838
<i>Макогон А.А.</i> К вопросу о длительном содержании лиц под стражей: возможные пути совершенствования закона	841
<i>Мамедова Э.Э.</i> Проблема расторжения соглашения об оказании юридической помощи. Отказ от защиты	846
<i>Межинский Е.А.</i> К вопросу о средствах установления лиц, совершивших грабежи и разбойные нападения в условиях неочевидности (по материалам следственной практики)	850
<i>Меркулов А.А.</i> Проблема сроков содержания под стражей в качестве меры пресечения	854
<i>Мирошниченко К.В.</i> На все ли доводы апелляционной жалобы должен быть дан ответ апелляционной судебной инстанцией? КС РФ vs ЕСПЧ	858
<i>Митрошина К.В.</i> Право обвиняемого на допрос свидетелей как элемент справедливого судебного разбирательства: влияние практики европейского суда по правам человека на уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации	862
<i>Морозова Х.</i> Запрещенные методы допроса в Германии (на основе анализа дела Магнуса Гефгена)	866
<i>Мусина Я.В.</i> О целях мер пресечения в российском уголовном процессе ...	870
<i>Набиева Е.М.</i> Средства проверки сообщения о преступлении: несовершенство правового регулирования и правоприменительной практики	873
<i>Никишина А.А.</i> Возможность использования показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в процессе доказывания по основному уголовному делу в отношении соучастников в стадии предварительного расследования	878
<i>Овчинников И.Л.</i> Наводящий вопрос в законодательстве и правоприменительной практике США и Канады	882
<i>Павлова Г.В.</i> Отграничение показаний от иных видов доказательств	886

<i>Петрова А.А.</i> Типичные следственные ситуации и реализуемые в них комплексы следственных и иных действий первоначального этапа расследования незаконного получения кредита	889
<i>Плоских Н.Д.</i> Проблемы выявления признаков провокации в оперативно-розыскной деятельности	893
<i>Подмарькова Е.Е.</i> Недопустимость доказательств, полученных с применением пыток или путем бесчеловечного, или унижающего достоинство обращения	897
<i>Попов Д.П.</i> Обвинительная деятельность на стадии возбуждения уголовного дела: вопросы теории и практики.....	900
<i>Рамазашвили Е.Ч.</i> Назначение комплексной экспертизы при расследовании уголовных дел, связанных с размещением экстремистско-террористических материалов в сети «Интернет»	905
<i>Рыжова Е.М.</i> Актуальные вопросы комплексной судебной компьютерно-бухгалтерской экспертизы.....	908
<i>Самойлов Г.А.</i> Проблемы расследования уголовных дел коррупционной направленности	913
<i>Самсонова Е.А.</i> Роль судьи в судебном допросе, производимом защитником	916
<i>Себряк Г.В.</i> Перспективы развития дактилоскопической экспертизы	920
<i>Сивов К.Ю.</i> Проведение следственных действий с использованием аудио- и видеofиксации	922
<i>Сладкова А.В.</i> Изъятие предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела	925
<i>Терехова М.С.</i> Оглашение показаний по основанию тяжелой болезни, препятствующей явке в суд	929
<i>Ускова О.Е.</i> Задержание: вопросы теории и практики	933
<i>Шавыркина П.О.</i> Сравнительный анализ законодательства по регулированию постановки наводящих вопросов в правовых системах Англии, России и Франции	937
<i>Шашкова И.А.</i> Использование экспертизы ДНК в уголовном процессе и деятельности уголовно исполнительной системы	940
<i>Шевцова К.А.</i> К вопросу об оценке доказательств по уголовному делу (на примере протокола предъявления для опознания живого лица)	944
<i>Шестаков Д.В., Чернышев Г.П.</i> О некоторых проблемах реализации принципа независимости судей в уголовном процессе	947
<i>Шиманович Е.В.</i> Проблемные вопросы регулирования порядка возбуждения уголовного дела	950
<i>Шмитт Х.М.</i> Проблема цифровых доказательств в Германии	954
<i>Шульга Л.С.</i> Использование результатов психофизиологического исследования с использованием полиграфа в доказывании по уголовным делам	958

<i>Щедрин Д.Н.</i> Значимость использования высоких технологий для предварительного расследования уголовных дел	962
<i>Щелканов С.А.</i> Обеспечение права на тайну, неприкосновенность и уважение к корреспонденции человека в свете конвенции о защите прав человека ..	968
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ	972
<i>Васильева К.А.</i> Меры противодействия преступлений, совершенных против половой неприкосновенности несовершеннолетних посредством социальных сетей	973
<i>Зыкова Е.Д.</i> Особенности личности преступника, не исполняющего обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, соединенное с жестоким обращением.....	977
<i>Иванищева Д.А.</i> Личностные факторы, детерминирующие насильственные половые преступления.....	980
<i>Кочеткова К.П.</i> О коррупции как ключевой криминальной угрозе	983
<i>Лопаткина Ю.Н.</i> Угрозы безопасности несовершеннолетних в интернет-пространстве	987
<i>Мешкова Н.Д.</i> Нравственность как критерий ограничения права несовершеннолетних на доступ к информации в зеркале решений ЕСПЧ: криминологический аспект	993
<i>Немков Д.А.</i> Меры виктимологической профилактики несовершеннолетних.....	998
<i>Поворотная Ю.С.</i> Преступность несовершеннолетних в Сибирском федеральном округе в 2018 году.....	1001
<i>Рахматулин З.Р.</i> Ограничение судебного усмотрения при установлении требований непенитенциарного режима с учетом личностных характеристик осужденных.....	1004
<i>Рощина К.П.</i> Проблемы антикоррупционного воспитания несовершеннолетних.....	1008
<i>Сухоносова В.А.</i> Социально-педагогическое сопровождение в коррекции педагогической запущенности подростков	1012
<i>Усенко А.О.</i> Необходимость и особое значение виктимологической профилактики в системе предупреждения преступности несовершеннолетних	1016
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	1019
<i>Иванова О.О.</i> Ближневосточная игра США: статус Голанских высот.....	1020
<i>Пичугин А.В.</i> Борьба за власть над Тихим океаном: соперничество КНР и США в азиатско-тихоокеанском регионе	1024
<i>Гронская О.С., Пряникова А.А.</i> Брексит: проблема ирландской границы ...	1029
<i>Суздалева П.А.</i> Современный этап российско-японского территориального спора	1033
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИЗНЕСА	1038
<i>Акулка А.В.</i> Денежный суррогат.....	1039

<i>Астальцев А.А.</i> Актуальные вопросы обеспечения безопасности пищевой промышленности с помощью системы ХАССП: опыт Новой Зеландии, Канады и России	1043
<i>Васильева К.А.</i> Регулирование безопасности банковской системы SWIFT .	1048
<i>Гаранжа А.Ю.</i> Актуальные вопросы взаимодействия частных детективов и правоохранительных органов	1052
<i>Григорьева Н.Г.</i> Регулярные платежи за пользование недрами	1056
<i>Деркач В.В.</i> Вопросы толкования принципа деловой цели, предусмотренного МЛІ, с точки зрения немецкого налогового права	1060
<i>Дудникова И.С.</i> Применение статьи 54.1 НК РФ Арбитражными судами РФ	1064
<i>Дроган А.К.</i> Цифровая трансформация налогового администрирования в России.....	1068
<i>Емельяненко Д.А.</i> Актуальные вопросы лицензирования отдельных видов предпринимательской деятельности и иных методов, направленных на контроль и регулирования деятельности, подлежащей лицензированию	1072
<i>Жулакашвили Г.Н.</i> Нецелевое использование бюджетных средств. Некоторые изъяны законодательства	1077
<i>Кухаренко Л.В.</i> Применение онлайн-касс	1080
<i>Куцева К.А.</i> О соотношении международного и национального значения концепции «Beneficial owner»	1084
<i>Мамедов Р.Р.о.</i> Криптовалюта как объект правоотношения.....	1088
<i>Мантуровская А.Д.</i> Медиация и ее роль в урегулировании конфликтов в сфере предпринимательской деятельности	1092
<i>Мурзина М.С.</i> Криптовалюта: проблемы правоприменения	1095
<i>Осипов В.В.</i> Правовое положение Центрального банка Российской Федерации	1099
<i>Петренко О.П.</i> Механизмы защиты от дискредитации, как формы недобросовестной конкуренции	1103
<i>Подлесный А.Д.</i> Криптовалюта и блокчейн-технология в цифровой экономике: генезис.....	1108
<i>Прокопенко А.В.</i> Антимонопольная политика борьбы с картелями: возможные пути совершенствования	1112
<i>Пылаева В.В.</i> Договор как правовое средство регулирования экономических отношений	1116
<i>Романцова М.А.</i> Комплаенс-контроль в деятельности предприятия	1120
<i>Стручалина О.А.</i> Об отдельных нотариальных действиях, совершаемых нотариусов в корпоративных отношениях.....	1124
<i>Труднева А.П.</i> К проблеме реализации «мусорной» реформы в Красноярском крае.....	1128

<i>Тур Д.А.</i> Правовая природа государственного, муниципального контракта.....	1133
<i>Шведов А.М.</i> Антикартельное правоприменение в России, трудности в понимании и применении закона, пути совершенствования системы антимонопольного регулирования	1137

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

